

241
581

**БУДУЩАЯ ВОЙНА,
ЕЯ ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПРИЧИНЫ
и
ПОСЛѢДСТВІЯ.**

И. С. Блюха.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
огр. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.
1893.

Дозволено цѣл. рож. С.-Петербургъ, 8 марта 1893 г.

2014028375

БУДУЩАЯ ВОЙНА,

ея экономическія причины и послѣдствія.

I.

Нѣсколько вступительныхъ словъ.

Естествоиспытатели утверждаютъ, что въ земной атмосферѣ по временамъ обнаруживается присутствіе такъ-называемой космической пыли. Она вліяетъ на измѣненіе цвѣта небеснаго свода, она окрашиваетъ кровавой краской лучи солнца, проникаетъ въ наши жилища и легкія, иногда вредоносно дѣйствуетъ на живые организмы, а попадая на вершины горъ, оставляетъ свои слѣды на ихъ дѣвственныхъ снѣжныхъ покровахъ.

Въ общественной и частной жизни современной Европы чѣмъ-то въ этомъ родѣ представляется — предчувствіе войны. Мысль о ней проникаетъ во всѣ мыслящія сферы каждаго народа. Этой мыслью одинаково заняты всѣ, начиная съ государственныхъ людей до простыхъ тружениковъ, живущихъ заботой о насущномъ кускѣ хлѣба.

Неизбѣжность войны въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ составляетъ обыкновенный въ наше время предметъ разговоровъ—въ залахъ засѣданій и корридорахъ всѣхъ парламентовъ, на биржѣ, въ свѣтскихъ гостинныхъ, въ модныхъ будуарахъ, какъ и въ бѣдныхъ жилищахъ. Страшный призракъ войны отражается болѣзненно не только на состояніи умовъ отдѣльныхъ лицъ: роковое его дыханіе чувствуется въ нѣкоторыхъ средне-европейскихъ государствахъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, проявляясь то судорожными порывами, то неестественнымъ замираніемъ нормальныхъ жизненныхъ от-

*

правлений. Вѣчное опасеніе, что завтрашній день принесеть бурю, смущаетъ одинаково земледѣльца, промышленника и купца; слабѣетъ, порою даже прекращается предприимчивость, и вообще призракъ войны вызываетъ нѣкоторыя экономическія и общественныя осложненія.

Не составляетъ ли однако это безпокойное состояніе умовъ слѣдствіе простаго заблужденія или особаго рода эпидеміи, начало которыхъ слѣдуетъ искать въ болѣзненномъ состояніи нервной системы современнаго человѣка, или же явленіе, о которомъ мы говоримъ, приходится отнести къ возможностямъ вполне реальнымъ?

На этотъ вопросъ едва-ли кто-нибудь рѣшится отвѣтить категорически. Вѣкъ было бы желательнымъ, чтобы призракъ оставался лишь тяжелымъ сновидѣніемъ до минуты нашего пробужденія. Всѣ предпочли бы встрѣтиться съ творческимъ лучемъ надежды на долгій, долгій миръ. Но и самыя сильныя желанія, хотя бы всеобщія, одни не въ силахъ измѣнить хода въ сцѣпленіи всѣхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на вѣроятность столкновенія вооруженныхъ силъ. Будущая война представляетъ угрозу слишкомъ серьезную, чтобы общество могло относиться къ ней легко или, что еще хуже, забывать о ней.

Правда, что въ самое послѣднее время политическій горизонтъ значительно прояснился. На немъ не виднѣется ни малѣйшаго облака, которое бы могло въ ближайшее время произвести бурю. Несмотря на это, освободиться вполне отъ опасеній невозможно, если не забывать указаній прошлаго и принять во вниманіе основныя данныя международныхъ отношеній.

Всматриваясь пристально въ предметъ нашихъ изысканій, нельзя не придти къ заключенію, что вѣсы мира и войны находятся въ постоянномъ колебаніи то на одну сторону, то на другую; достаточно какого-нибудь незначительнаго, непредвидѣннаго обстоятельства, чтобы роковымъ образомъ одна изъ чашекъ вѣсовъ быстро опустилась. Несомнѣнно одно, что будущая война будетъ одинаково пагубна по своимъ послѣдствіямъ какъ для побѣдителей, такъ и для побѣжденных; поэтому, казалось бы, не слѣдуетъ и вѣрить, чтобы она могла возникнуть; но невольно при этомъ приходитъ на память изреченіе великаго мыслителя ¹⁾: „среди мірской суеты для глупости всегда открыто большее поле дѣйствія, чѣмъ для ума,

¹⁾ Бэкона.

и легкомысліе всегда болѣе вліятельно, чѣмъ разсудительность“.

Тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе о войнѣ и ея экономическихъ причинахъ и послѣдствіяхъ представляетъ спеціальныя и столь значительныя трудности, что я, не будучи специалистомъ, могъ взяться за него только въ силу особыхъ побужденій, а именно въ виду тѣхъ обстоятельствъ, въ какія война можетъ поставить ту часть государства, въ которой я родился и живу.

Варшава въ настоящее время представляется первостепенной крѣпостью и, вслѣдствіе соединенія съ укрѣпленіями Ново-георгіевска, Згержа и Ивангорода, пріобрѣтаетъ значеніе одного изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ. Какъ только началась бы война, Варшава, вслѣдствіе своей близости къ границѣ, не можетъ не обратить на себя заботливости правительства, какъ городъ съ полумилліоннымъ населеніемъ, которое можетъ подвергнуться всѣмъ неудобствамъ осады или, по меньшей мѣрѣ, перерыва правильныхъ сообщеній и снабженій.

Для благовременнаго соображенія о мѣрахъ, необходимыхъ въ этомъ случаѣ, была образована въ Варшавѣ особая коммисія. Для выслушанія мнѣній были призваны и представители мѣстнаго купечества, котораго я состою старшиною. Но, по случаю отсутствія въ то время изъ Варшавы, я не могъ принять участія въ устныхъ сужденіяхъ коммисіи. Такъ какъ коммисія должна была представить свое заключеніе, то и явился проектъ объ учрежденіи въ Варшавѣ транзитныхъ складовъ для хлѣба, въ расчетѣ, что такимъ образомъ можно будетъ повліять на обороты хлѣбной торговли, спеціально съ цѣлью обезпеченія Варшавы запасными продовольственными средствами.

Съ этимъ предложеніемъ значительнаго числа лицъ купческаго общества я не призналъ возможнымъ согласиться, такъ какъ, если даже допустить, что въ такихъ складахъ скопились бы случайно значительные запасы хлѣба, то тѣ правительства, которыя бы нуждались въ обезпеченіи своихъ армій провіантомъ, раскупили бы и вывезли эти запасы, которые, такимъ образомъ, не оказали бы никакой пользы для города. Разсчитывать же лишь на то, что гораздо раньше такой вѣроятности уже послѣдовало бы воспрещеніе вывоза хлѣба, было бы слишкомъ рискованнымъ.

Вслѣдствіе того, я счелъ своимъ долгомъ подать особое мнѣніе и изложилъ его въ запискѣ, въ которой весьма подробно разсматривалъ вопросъ о нуждахъ города Варшавы въ случаѣ

войны. Такъ какъ главнымъ предметомъ вопроса было положеніе, какое можетъ создать война, то пришлось прежде всего допустить, что, съ приближеніемъ непріятельскихъ войскъ, затруднились и даже прервались бы сообщенія города съ другими мѣстностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріостановилась бы въ немъ торгово-промышленная дѣятельность. Недостатокъ въ продовольствіи для населенія сказался бы тотчасъ, еслибы не было своевременно приготовлено запасовъ; самые заработки и плата за трудъ во многихъ отрасляхъ дѣятельности прекратились бы, и городъ съ полумилліоннымъ населеніемъ внезапно попалъ бы въ совершенно измѣненныя условія жизни.

Въ виду столь серьезныхъ и весьма возможныхъ случайностей, стоило подумать о средствахъ для отвращенія или хотя бы смягченія бѣдствія. Въ самомъ назначеніи комисіи представлялся поводъ къ тому, чтобы во время мирное, когда ни что еще не мѣшаетъ сужденію хладнокровному и всестороннему, разсмотрѣть вопросъ съ точностью, соображаясь съ нынѣшними условіями войны, и по возможности предусмотрѣть, что можетъ оказаться нужнымъ и что могло бы быть сдѣлано. Франко-германская война 1870—71 г. представляетъ намъ единственный современный примѣръ осады города съ многочисленнымъ населеніемъ, служащаго центромъ торговой, промышленной и умственной жизни цѣлаго края. Поэтому для изслѣдованія возможныхъ послѣдствій осады для Варшавы слѣдовало руководствоваться примѣрами того, что было въ Парижѣ.

Въ этомъ городѣ, какъ извѣстно, во все время приходилось дѣйствовать ощупью; вмѣсто того, чтобы имѣть передъ собою впередъ обдуманнй, основанный на цифрахъ, планъ дѣйствій, надо было довольствоваться догадливостью распорядителей. О нуждахъ населенія освѣдомлялись лишь послѣ того, какъ онѣ становились невыносимыми. Теперь, имѣя возможность опираться на пережитый чужой опытъ, было бы грѣшно не избѣгать многихъ изъ тѣхъ ошибокъ, изъ-за которыхъ пришлось перенести столько лишнихъ мукъ парижанамъ.

Съ этою цѣлью необходимо было изучить не только экономическія явленія въ самомъ осажденномъ городѣ Парижѣ, когда правильныя условія спроса и предложенія перестали въ немъ существовать, но и явленія того же порядка на всемъ театрѣ войны, какъ сухопутной, такъ и морской, такъ какъ самое состояніе Парижа въ моментъ его обложенія зависѣло

именно отъ общихъ экономическихъ послѣдствій и условій, созданныхъ войною.

Занявшись изслѣдованіемъ тѣхъ послѣдствій, какія сопровождали франко-германскую войну, и принявъ въ соображеніе во многомъ возросшія съ тѣхъ поръ средства истребленія, я увлекся и, быть можетъ, слишкомъ расширилъ рамки изслѣдованія, сравнительно съ тѣмъ, что послужило непосредственнымъ къ нему поводомъ. Уже въ прежнихъ трудахъ („Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи“ и „Финансы Россіи XIX столѣтія“) мнѣ приходилось разсматривать экономическія послѣдствія войнъ, въ которыхъ участвовала Россія, а также вліяніе, оказанное на наши финансы и тѣми войнами, въ которыхъ Россія не была прямо заинтересована. При томъ я всегда искалъ опоры въ точныхъ статистическихъ цифрахъ. Въ вопросахъ по преимуществу общественныхъ свѣдѣтельство цифръ имѣетъ первостепенное значеніе, такъ какъ онѣ охраняютъ изслѣдователя отъ субъективныхъ увлеченій и ошибокъ: „Rien d'aussi brutal que les chiffres“—сказалъ Наполеонъ I—„la statistique c'est le budget des choses et sans budget point de salut“.

Въ настоящемъ трудѣ основываться на статистическихъ данныхъ было также необходимо. Но само собой разумѣется, что голыя цифры мало поучительны. Онѣ требуютъ сличеній и поясненій. Притомъ, не все укладывается въ ариметическій разсчетъ. Приходится дѣлать ссылки на факты и документы политической и общественной жизни...

Въ послѣднія десятилѣтія въ военномъ искусствѣ произошли столь важныя измѣненія, что совокупность ихъ можно назвать настоящимъ переворотомъ. Существенно измѣнились самыя элементы арміи въ томъ, что касается ихъ состава.

Итакъ, еще лѣтъ тринадцать тому назадъ отношеніе численности армій въ военное время къ численности войскъ на мирномъ положеніи отличалось существенно отъ нынѣшняго. Войны велись постоянными арміями, состоявшими изъ солдатъ, служившихъ болѣе долгіе сроки.

Въ настоящее время большинство армій будетъ состоять изъ рядовыхъ и отчасти офицеровъ, находившихся передъ самой войной при мирныхъ занятіяхъ. Въ числѣ людей старшихъ возрастовъ будутъ семейные, отрываемые отъ своихъ дѣлъ, оставляющіе дома, семейства и работу. На полѣ брани появятся цѣлыя народы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, за послѣднее время, война стала страшнѣе, благодаря усовершенствованіямъ ружей, орудій и разрушительныхъ средствъ. Въ 1870 г. нѣмецкія ружья стрѣляли на 1.000 метровъ, теперь же, вслѣдствіе уменьшенія калибра и употребленія бездымнаго пороха, они бьютъ на 4.000. Предѣломъ мѣткости выстрѣла считалось тогда разстояніе лишь до 600 метровъ, нынѣ же предѣлъ этотъ доведенъ до 2.500 метровъ. Такимъ образомъ, дальнобойность ружей увеличилась въ четыре раза, а сила удара пули и скорость стрѣльбы въ три раза. Солдаты носятъ теперь при себѣ, вмѣсто 90, 150 патроновъ. Всѣ эти улучшенія, вмѣстѣ взятыя, ясно доказываютъ, что за послѣднія 20 лѣтъ сила ружья возрасла въ нѣсколько десятковъ разъ. Пушки дѣйствуютъ теперь также въ 4—5 разъ разрушительнѣе, чѣмъ въ 1870 г.

Будущія столкновенія народовъ обѣщаютъ быть весьма кровавыми; между тѣмъ, умъ и сердце современнаго человѣка, котораго призвуть подъ знамена, направлены будутъ въ совершенно противоположную сторону.

Облака дыма не будутъ разстилаться по полю битвы и прикрывать всѣ ужасы сраженія. Солдаты не увидятъ врага, не услышатъ даже выстрѣла, могущаго отнять у него жизнь, а между тѣмъ увидятъ пораженнаго возлѣ себя товарища. Поэтому-то въ будущихъ столкновеніяхъ страшному, небывалому до сихъ поръ напряженію подвержены будутъ нервы призванныхъ къ оружію.

Отсюда понятно, что, съ призывомъ значительнаго числа запасныхъ и резервистовъ, измѣнятся существенно психическія условія войны. Въ арміи западныхъ государствъ можетъ проникнуть агитація противъ войны и даже пропаганда социалистическихъ теорій подрывающихъ основы государствъ.

Во многихъ западно-европейскихъ странахъ проявляются во всѣхъ общественныхъ сферахъ отчасти чисто теоретическія, отчасти даже практическія стремленія, имѣющія цѣлью исключеніе войны изъ будущей исторіи человѣчества. Философы и филантропы, государственные люди и революціонные агитаторы, поэты и художники, парламенты и конгрессы все сильнѣе и сильнѣе заявляютъ о необходимости отвратить кровопролитіе и бѣдствія, вызываемыя войнами.

Былъ моментъ, когда протесты противъ войны начинали, казалось, пріобрѣтать практическое значеніе. Но новыя вѣянія, вызванныя политикой желѣзнаго канцлера, повернули обще-

ственное настроеніе. Тѣмъ не менѣе, мысль осталась и продолжаетъ дѣйствовать на умы. Голосъ ученыхъ и усилія филантроповъ, направленные противъ войны, естественно нашли вскорѣ отголосокъ и среди низшихъ слоевъ населенія. Всякая идея иначе представляется уму просвѣщенному и иначе человеку простому, который видитъ послѣдствія, но не можетъ усмотрѣть причинъ, не понимаетъ соціальныхъ соображеній, не вѣдаетъ, что такое историческая необходимость. Въ полусвѣтѣ неточнаго знанія появляются фантастическіе призраки.

Западные государства должны считаться съ этимъ явленіемъ, особенно же Германія, гдѣ социализмъ имѣетъ значеніе и вліяніе и рѣзко порицаетъ войну, употребляя призракъ ея ужасовъ какъ средство для борьбы, съ цѣлью возбужденія ненависти къ существующему порядку. Такое состояніе умовъ можетъ оказать сильное вліяніе на рѣшимость западныхъ правительствъ въ дѣлѣ объявленія войны, и особенно, въ случаѣ долгой или неуспѣшной кампаніи, можетъ вредно отозваться на полѣ брани и отрицательно повліять на исходъ борьбы, даже вызвать рядъ осложненій по окончаніи войны, примѣромъ коихъ служить парижская коммуна.

Всѣ эти соображенія отдаляютъ минуту открытія враждебныхъ дѣйствій.

Но, съ другой стороны, народы стонутъ подъ бременемъ милитаризма. Европа же стоитъ предъ необходимостью извлекать изъ производительной силы народа все новыя и новыя миллиарды для военныхъ цѣлей. Едва успѣли ввести малокалиберное ружье, какъ техника сдѣлала новый шагъ впередъ, и не подлежитъ уже сомнѣнію, что вскорѣ великія державы, слѣдуя примѣру Румыніи и Италіи, передутъ иъ ружью 5-ти миллиметроваго калибра, бьющему почти съ двойною силою противъ нынѣшняго и позволяющему снабдить солдата 250 патронами, вмѣсто 150. Одновременно во Франціи и Германіи приступлено уже къ изготовленію новыхъ пушекъ и мортиръ, позволяющихъ пользоваться всею силою новаго малодымнаго пороха.

Въ виду того, что совершается на нашихъ глазахъ въ Германіи, приходится поставить вопросъ: возможно ли будетъ продолженіе постоянныхъ требованій у парламентовъ новыхъ средствъ на вооруженія, безъ серьезныхъ внутреннихъ потрясеній, и другой вопросъ: не приведетъ ли дальнѣйшее

усовершенствованіе оружія къ невозможности самаго веденія войны, по крайней мѣрѣ, въ странахъ, гдѣ высокая культура увеличила значительно цѣнность жизни каждаго гражданина?

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что тѣ перемѣны, какія произошли въ послѣдніе годы въ численности войскъ и вооруженіяхъ, въ общемъ политическомъ положеніи Европы и въ состояніи общественнаго мнѣнія на Западѣ, не дадутъ возможности сравненія съ прошлымъ безъ подробныхъ изслѣдованій. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія еще на одно явленіе послѣдняго времени, а именно: на искусственныя старанія о возбужденіи общественнаго мнѣнія призракомъ близкой великой войны.

Вслѣдствіе заключенія „тройственнаго союза“, вопросъ о возможности войны Германіи и Австріи съ Россіей сдѣлался постояннымъ предметомъ сужденій и въ разговорахъ, и въ печати. Но, особенно въ послѣднее время, замѣчается въ Германіи и Австріи особаго рода „обработываніе“ общественнаго мнѣнія посредствомъ брошюръ, въ такомъ смыслѣ, что война съ Россіей обѣщаетъ, будто бы, несомнѣнный успѣхъ и должна заключиться отторженіемъ отъ нея обширныхъ территорій.

Не входя въ частности тенденціозныхъ разсужденій этого рода, достаточно сослаться при этомъ на дѣльный и заслуживающій уваженія трудъ, въ которомъ о нихъ упоминается, а именно на сочиненіе, котораго авторъ принялъ псевдонимъ „Anti-Sarmaticus“, носящее заглавіе „Отъ Берлина и Вѣны къ Петербургу и Москвѣ и обратно“.

Постоянное появленіе новыхъ брошюръ съ эффектными заглавіями и все съ тою же тенденціей не можетъ не производить нѣкотораго замѣшательства въ общественномъ мнѣніи. Необходимо имѣть въ виду, что собирательное, такъ сказать, ходячее мнѣніе имѣетъ иную природу, чѣмъ убѣжденіе единичнаго интеллигентнаго человѣка, умѣющаго разбираться въ мотивахъ и фактахъ. Общественное мнѣніе представляетъ собою теченіе часто несознательное и почти всегда лишенное способности критической. Отъ него нельзя ожидать ни серьезнаго знакомства съ фактами, ни умѣнья составлять правильныя умозаключенія.

Оно судитъ подъ вліяніемъ усвоенныхъ предрассудковъ и возбужденныхъ страстей; единственнымъ компасомъ, съ какимъ оно можетъ справляться, служитъ представленіе „о здоровомъ смыслѣ“, представленіе, которое само создается изъ пред-

разсудковъ и чувствъ. Общественное мнѣніе живетъ и руководится только тѣми фактами, какіе случай выдвигаетъ передъ нимъ, и видитъ ихъ въ томъ именно освѣщеніи, какое даетъ скрытый режиссеръ. Оно не изслѣдуетъ и не провѣряетъ самостоятельно, а потому легко поддается иллюзіямъ, всякаго рода увлеченіямъ и заблужденіямъ.

Если въ такія ошибки, чрезмѣрные опасенія или увлеченія общество можетъ впадать въ странахъ, гдѣ печать находится въ условіяхъ полного равновѣсія, то-есть, гдѣ каждое направленіе встрѣчаетъ возраженіе и даже отпоръ со стороны органовъ направленія противоположнаго, то все сказанное выше тѣмъ вѣрнѣе можетъ быть примѣнено къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ, въ силу особыхъ, исключительныхъ условій, не можетъ проявляться въ печати подобнаго равновѣсія.

Въ виду всего этого, въ настоящее время могъ бы оказать обществу дѣйствительную услугу такой трудъ, который далъ бы полное понятіе о войнѣ, въ ея нынѣшнихъ условіяхъ, и вмѣстѣ представлялъ бы обзоръ главнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ отношеній, которыя могутъ повліять на веденіе войны, дополняя это указаніемъ на возможные послѣдствія войны.

Само собою разумѣется, что исполненіе подобнаго труда превышаетъ мои силы, а потому цѣлью предпринятаго мною сочиненія и было только—сдѣлать обзоръ тѣхъ мѣстныхъ экономическихъ условій, которыя застала бы и которыя вызвала бы война въ ближайшей къ границамъ полосѣ, то-есть въ Царствѣ Польскомъ. Далеко было, конечно, отъ моего намѣренія разсматривать тѣ вопросы, которые прежде всего возникаютъ при мысли о войнѣ, то-есть вопросы стратегическіе. Но и самыя экономическія условія и возможные послѣдствія военныхъ дѣйствій до такой степени зависятъ отъ нынѣшнихъ средствъ веденія войны, что по поводу интересовъ пограничныхъ мѣстностей пришлось коснуться цѣлаго ряда вышеуказанныхъ вопросовъ общихъ.

А такъ какъ эта работа занимаетъ меня уже почти два года и въ нѣкоторыхъ частяхъ находится уже въ законченномъ видѣ, для полного же своего исполненія потребуетъ еще нѣкотораго времени, то мнѣ показалось не лишнимъ познакомить съ нею общество раньше, чѣмъ можетъ выйдти въ свѣтъ полный ея текстъ на польскомъ языкѣ. Для этого я избралъ тѣ

части, которыя могутъ представлять интересъ и значеніе для русскаго общества.

Позволю себѣ пояснить въ заключеніе, что вездѣ, гдѣ изложеніе сколько-нибудь прикасается къ вопросамъ специально-военнымъ, приводятся отзывы авторитетовъ военнаго дѣла. Что же касается картины явленій экономическихъ, то она является работою самостоятельной и, быть можетъ, даже независимо отъ прямыхъ интересовъ государства, представить нѣкоторую пищу для любознательности, какъ изложеніе явленій новыхъ, могущихъ вообще интересовать образованныхъ читателей.

II.

Вооруженныя силы Европы.

Важнѣйшею изъ причинъ политической неустойчивости нашего времени нельзя не признать давно уже возникшее и доселѣ возрастающее стремленіе европейскихъ державъ непрерывно увеличивать свои вооруженныя силы. Поэтому, для точнаго опредѣленія степени дѣйствительной опасности данной минуты, необходимо изслѣдовать дѣйствительные размѣры усилій каждаго изъ государствъ, приготовляющихся къ борьбѣ. Судя по ходу этихъ вооруженій, можно до нѣкоторой степени дѣлать заключенія о настоящей ихъ цѣли: состоитъ ли она въ желаніи поддержать миръ, лишь по принципу: „*si vis pacem, para bellum*“, или же задача вооруженій прямо заключается въ достиженіи государствомъ превосходства силъ, въ виду предполагаемой собственной инициативы въ вооруженномъ столкновеніи.

Такимъ образомъ, статистическія данныя, касающіяся численности, состава и развитія арміи и флота, а равно высоты военныхъ издержекъ, въ каковыя вовлекаются первоклассныя державы, могутъ послужить къ выясненію степени основательности тѣхъ опасеній общества, которыя заставляютъ его видѣть въ лихорадочныхъ вооруженіяхъ и чрезмѣрномъ отягощеніи государственнаго и народнаго бюджета угрозу спокойствію Европы.

Но дабы получить разъясненіе вышеозначенныхъ вопросовъ, необходимо разсмотрѣть не только настоящее состояніе вооруженій, но и постепенное ихъ развитіе.

Точкой отправленія для сравнительнаго обзора европейскихъ вооруженій мы избираемъ 1859 годъ, такъ какъ первый толчекъ къ непрерывному возрастанію вооруженныхъ силъ былъ данъ въ 1860 году Пруссіей. Начиная съ этого момента, отношенія европейскихъ государствъ сложились такъ, что всѣ они держатъ ружье на-готовѣ, зорко наблюдая другъ за другомъ.

Громовой ударъ, разразившійся въ 1866 году надъ Австріей, былъ грознымъ предостереженіемъ, смыслъ котораго, казалось, вполне понималъ Наполеонъ III, приступивъ къ реорганизаціи вооруженныхъ силъ Франціи. Согласно выработанному въ 1868 году и принятому палатами проекту маршала Нееля, реформа должна была дать Франціи въ военное время армію въ 800.000 человекъ и подвижную національную гвардію въ 500.000 человекъ. Но этотъ результатъ могъ быть достигнутъ только спустя 9 лѣтъ послѣ примѣненія новаго закона, т. е. въ 1877 году¹⁾. Въ началѣ августа 1870 года французская армія вмѣстѣ съ національною гвардіею составляла немногимъ болѣе полумилліона человекъ, въ томъ числѣ лишь 330—340 тысячъ линейныхъ войскъ.

Между тѣмъ въ Германіи въ іюлѣ и августѣ того же года было призвано къ оружію въ полевые и гарнизонныя войска 1.183.000 человекъ. Въ концѣ же войны, въ февралѣ 1871 г., подъ ружьемъ находилось нѣмецкихъ солдатъ 1.351.000 человекъ, изъ коихъ въ дѣйствующихъ войскахъ состояло 937.000. Поэтому, не отрицая способностей полководцевъ и образцовой администраціи германскихъ войскъ, слѣдуетъ признать однако, что рѣшительная побѣдоносность нѣмецкаго оружія съ самаго начала войны должна быть отнесена прежде всего къ численному перевѣсу германской арміи надъ французской.

Опытъ войны 1870 года послужилъ кромѣ того доказательствомъ того, что армія, составленная въ большинствѣ изъ людей, только-что оторванныхъ отъ мирныхъ занятій, ничуть не уступаетъ по своимъ качествамъ войскамъ, состоящимъ изъ профессиональныхъ солдатъ.

¹⁾ Delaperriere. „Cours de legislation“. I, p. 50; цитировано у Редигера: „Комплектованіе и устройство вооруженной силы“. Ч. I, стр. 66.

Опытъ этотъ былъ настолько краснорѣчивъ, что послѣ него самымъ необходимымъ условіемъ существованія государствъ стало: имѣть возможность выставить милліоны штыковъ. Побѣжденная Франція, мечтающая о возмездіи, стала искать образцовъ у побѣдителя. Результатомъ этого явился новый законъ 1872 года о комплектованіи арміи, при помощи всеобщей личной воинской повинности.

Пытаясь уничтожить въ зародышѣ возможность возрожденія могущества сосѣда, кн. Бисмаркъ сталъ готовить въ 1875 году вторичный разгромъ Франціи, и, только встрѣтивъ рѣшительный совѣтъ со стороны Россіи, онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Тогда онъ сдѣлалъ новый шагъ къ увеличенію вооруженныхъ силъ Германіи. Законъ 1874 года о комплектованіи арміи, дѣйствовавшей въ Пруссіи, былъ цѣликомъ распространенъ на всѣ государства Германскаго союза, причемъ общее число нижнихъ чиновъ по штату мирнаго времени должно было равняться 1% всего населенія имперіи.

Поэтому-то второй точкой сравненія мы и беремъ 1874 годъ. Далѣе мы сопоставляемъ численность арміи десять лѣтъ спустя, т. е. въ 1884 году (эпоха скерневицкаго свиданія) и наконецъ новѣйшія данныя, относящіяся къ 1891 году. Мы принимаемъ въ расчетъ, разумѣется, только тѣ государства, голось которыхъ пользуется значеніемъ въ международныхъ отношеніяхъ.

Уже изъ этого бѣглаго историческаго обзора видно, что ни кто иной, какъ именно Пруссія, дала первый толчекъ усиленному ходу вооруженій, заставивъ слѣдовать своему примѣру всѣ прочія европейскія державы. Заключение это подтверждается цифрами.

Изъ подробнаго исчисленія оказывается, что силы Россіи, Франціи, Германіи, Австріи, Англии и Турціи въ мирное время состояли въ 1859 году изъ 2.590.000 чел., могущихъ быть призванными къ оружію, а въ 1874 году уже изъ 3.266.000. Увеличеніе, слѣдовательно, составило 26%. Собственно численность германскихъ войскъ въ этотъ періодъ возросла на 55%, изъ чего ясно видно, какая изъ европейскихъ странъ идетъ впереди прочихъ въ дѣлѣ обращенія всѣхъ народныхъ силъ на одно военное могущество.

Возрастаніе вооруженій и сравнительная его интенсивность станетъ еще болѣе очевидною, если сопоставить численность армій на военномъ положеніи.

Въ 1859 году во всѣхъ вышеназванныхъ шести государствахъ численность армій, при военномъ положеніи ихъ, состояла изъ 4.426.000 человекъ, то-есть на 71% выше противъ мирнаго состава, между тѣмъ какъ это превышеніе въ 1874 году дошло уже до 90% (6.272.000—3.266.000).

Общее возрастаніе германскихъ войскъ за эти 15 лѣтъ составило 60%; значить, оно шло гораздо быстрѣе, чѣмъ ростъ армій во Франціи, Турціи, Австріи и Россіи.

По степени развитія милитаризма, менѣе другихъ отставала отъ Пруссіи Франція. Военныя силы ея въ періодъ 1859—1874 гг. возросли на 54%.

Въ Россіи цифра увеличенія была не велика (всего 14%). Россія въ этотъ періодъ, какъ извѣстно, переживала годы своего внутренняго развитія, реформъ, постройки желѣзныхъ дорогъ, усиленія промышленности, что заставило ее не гнаться за сосѣдними государствами въ дѣлѣ увеличенія вооруженныхъ силъ.

При предположеніи, напримѣръ, возможности коалиціи противъ Россіи всѣхъ первоклассныхъ державъ, въ 1859 году Россія могла бы выставить 49% цифры непріятельскихъ силъ, тогда какъ въ 1874 году всего 36%.

Переходя къ слѣдующимъ періодамъ вооруженій, при сравненіи численности армій семи главныхъ государствъ (прибавляя Италію), мы примемъ цифры 1874 года за сто. При этомъ получатся слѣдующія процентныя соотношенія:

	Мирный составъ войскъ.	Составъ военнаго времени.
1874 годъ.	100	100
1884 „	107	113
1891 „	114	199

Иными словами: въ теченіе послѣдняго семилѣтія арміи обоихъ видовъ возросли сильнѣе, чѣмъ въ предшествующее десятилѣтіе.

Фактъ этотъ является необходимымъ послѣдствіемъ постояннаго расширенія всеобщей воинской повинности и подтверждаетъ сдѣланное выше замѣчаніе, что грядущая война вовлечетъ въ свой огневоротъ большинство способныхъ къ труду силъ народа.

Во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ вся масса вооруженныхъ силъ, которыя могутъ быть призваны къ оружію

на случай войны, раздѣляется на три категоріи различнаго достоинства.

Къ первой принадлежатъ *войска, содержимая въ строю въ мирное время*. Они составляютъ собственно кадры, доводимые до полной численности только при мобилизаци. Вторая категорія это *резервы*, состоящіе изъ солдатъ, хорошо обученныхъ, которые прослужили уже свой срокъ дѣйствительной службы и числятся въ отпуску или въ запасѣ. На случай войны, они пополняютъ существующіе кадры и вмѣстѣ съ ними образуютъ такъ называемыя обыкновенно наступательныя силы или дѣйствующую армію. Наконецъ, въ каждомъ государствѣ существуетъ третья категорія лицъ, могущихъ быть призванными для защиты государства—милиція, государственное ополченіе (въ Россіи), территориальная армія (Франція), ландштурмъ (Германія), гонведы (Венгрія) и т. п.

Къ этой категоріи принадлежатъ люди, слабо обученные, прослужившіе весьма краткій срокъ на дѣйствительной службѣ (однолѣтки) или совсѣмъ необученные, негодные для первыхъ двухъ категорій или принадлежащіе къ старшимъ возрастамъ.

Къ раздѣленію на „мирное“ и „военное“ положеніе приходится прибѣгать потому, что содержаніе войскъ на дѣйствительной службѣ обходится весьма дорого. Самое содержаніе нынѣшняго мирнаго состава уже поглощаетъ отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ (въ среднемъ 28%) государственныхъ бюджетовъ. Кромѣ того, призывъ къ службѣ значительнаго количества людей отрываетъ ихъ отъ мирнаго производительнаго труда, а слѣдовательно постоянное содержаніе слишкомъ многочисленныхъ армій отзывалось бы тягостно на благосостояніи населенія.

Въ виду этого, нѣкоторыя государства ограничиваютъ до minimum'a составъ, содержимый въ мирное время, при чемъ опираются главнымъ образомъ на милицію.

Какъ на преимущество милиціонныхъ войскъ, указываютъ на то обстоятельство, что при милиціонной системѣ агрессивныя войны станутъ немислимы. Войска будутъ собираться исключительно для защиты домашняго очага, при чемъ они будутъ уже въ высокой степени проникнуты патриотизмомъ, будто бы менѣе свойственнымъ постояннымъ арміямъ¹⁾.

¹⁾ Редигеръ, стр. 7.

Но съ точки зрѣнія чисто военной, со стороны дисциплины, сплоченности, обученія и боевыхъ качествъ, милиція, конечно, всегда будетъ уступать постояннымъ войскамъ. Ее можно формировать въ тылу дѣйствующихъ войскъ, но она не можетъ быть надежнымъ оплотомъ государства противъ натиска непріятельской дѣйствующей арміи.

Поэтому ни одна изъ первостепенныхъ европейскихъ державъ, хотя и не отказывается отъ содѣйствія милиціи, не ограничиваетъ въ то же время и развитія своихъ постоянныхъ армій.

Для согласованія же военныхъ требованій съ экономическими, прибѣгаютъ къ увеличенію числа обученныхъ резервистовъ, посредствомъ увеличенія ежегоднаго контингента новобранцевъ, причемъ сокращается срокъ дѣйствительной службы. Последнимъ выраженіемъ этой системы служить новый германскій военный проектъ.

Такимъ образомъ, численность европейскихъ армій по штатамъ военного времени увеличивается гораздо быстрѣе и въ большей пропорціи, чѣмъ постоянный составъ мирнаго времени.

Сравнивая численность армій въ 1891 г. съ цифрами 1874 г., находимъ, что наибольшее возрастаніе численности дѣйствующей арміи въ мирное время было въ Россіи, именно 30⁰/₀. Это объясняется тѣмъ, что Россія, вслѣдствіе громаднаго своего пространства, представляетъ болѣе естественныхъ затрудненій къ быстрому ходу мобилизаціоннаго процесса. Въ другихъ государствахъ численность арміи, содержимой въ мирное время, постепенно увеличивается весьма незначительно или же даже уменьшается.

Наибольшее увеличеніе численности по штатамъ *военнаго времени* произошло въ Германіи (127⁰/₀), въ которой эта численность превысила бывшую 17 лѣтъ тому назадъ въ 2¹/₄ раза. За Германією слѣдуетъ Франція, въ которой приростъ силъ военного времени достигъ 118⁰/₀. Россія въ этомъ отношеніи занимаетъ третье мѣсто. Вооруженныя силы ея по военному положенію возрасли съ 1874 года на 104⁰/₀.

Если же разсматривать отдѣльно десятилѣтіе съ 1874 по 1884 годъ, то возрастаніе, о которомъ идетъ рѣчь, окажется наибольшимъ въ Россіи. Произошло это вслѣдствіе того, что

князь Бисмаркъ, способствовавшій возникновенію послѣдней восточной войны, влѣдѣ затѣмъ, по окончаніи ея, занялъ положеніе, по отношенію къ Россіи, настолько непріязненное, что у насъ не могло не упрочиться глубокое убѣжденіе въ существованіи въ германской политикѣ тайныхъ враждебныхъ намѣреній.

Вообще, во всѣхъ государствахъ, за исключеніемъ Англіи, быстрота возрастанія военныхъ силъ по военному положенію, начиная съ 1884 года, увеличилась. Это увеличеніе, несмотря на возрастаніе ихъ и въ предшествовавшіе годы, свидѣтельствуесть, съ какой горячностью и съ какимъ напряженіемъ повсюду въ послѣдніе годы идетъ подготовка къ какой-то ожидаемой катастрофѣ.

Чтобы вполнѣ выяснить вопросъ о численномъ составѣ европейскихъ армій, мы еще сопоставимъ ихъ по тремъ упомянутымъ выше категоріямъ, т. е.: 1) постоянная армія въ мирное время, 2) резервы и 3) милиція или ополченіе, причемъ для сопоставленія возьмемъ цифры вооруженныхъ силъ съ одной стороны Россіи и Франціи, а съ другой—тройственного союза (Германіи, Австріи и Италіи).

	Россія и Фран- ція.	Тройствен- ный союзъ: Въ тысячахъ людей.
Постоянная армія въ мирное время . . .	1.350	1.033
Резервъ (запасъ).	3.500	3.950
Милиція (обученная и необученная). . .	9.050	11.320

Исчисленіе это, конечно, только приблизительное ¹⁾. Очевидно, однако, что для наступательной войны силы такъ называемаго тройственного союза только въ самой незначительной степени превышаютъ соединенныя силы Россіи и Франціи.

При оборонительномъ же образѣ дѣйствій со стороны Россіи, силы уже одной ея почти достаточны, чтобы уравновѣсить силы тройственного союза.

Не надо при томъ забывать, что оборонительная война представляетъ для защищающагося значительныя выгоды, могущія уравновѣсить численный перевѣсъ наступающей арміи.

¹⁾ Редигеръ. „Комплектованіе и устройство вооруженной силы“. Т. I, стр. 130, примѣчаніе.

„При оборонѣ, — говоритъ одинъ изъ нѣмецкихъ писателей¹⁾, — все складывается проще, единство высшаго управления сохраняется легче, въ арміи гораздо меньшее число начальниковъ отдѣльныхъ частей получаютъ самостоятельную дѣятельность. Снабженіе войска боевыми припасами и введеніе имѣющихся резервовъ облегчаются, такъ какъ приходится отстаивать только одну опредѣленную линію, и при движеніи впередъ не приходится раздѣляться, разбрасываться, перемѣшиваться, мѣнять направленія, то въ одномъ мѣстѣ усилить натискъ, то въ другомъ его ослабить, какъ это неизбѣжно бываетъ при всякомъ наступленіи. Даже и въ тактическихъ условіяхъ оборона имѣетъ нѣкоторыя преимущества. Продовольствованіе войскъ, пополненіе ихъ людьми и лошадьми, подвозъ потребностей разнаго рода — все это болѣе обезпечено, потому что обороняющійся не удаляется отъ своихъ источниковъ, а часто даже и отступаетъ на нихъ, и коммуникаціонныя линіи не удлиняются, какъ при наступленіи. При оборонѣ является возможность пользоваться болѣе большими силами въ томъ смыслѣ, что можно употребить для военныхъ дѣйствій такія категоріи войскъ, которыхъ наступающій не можетъ даже и вести съ собой. Обороняющемуся приносятъ пользу гарнизоны находящихся на театрѣ войны крѣпостей; они отвлекаютъ часть непріятельскихъ силъ на себя, хотя бы только для наблюденія“.

Лучшимъ доказательствомъ превосходства оборонительнаго положенія можетъ служить Плевна въ войнѣ 1877 года. Въ началѣ кампаніи это былъ пунктъ, укрѣпленный только полевыми окопами; 7 іюля заняла Плевну сотня казаковъ, которыхъ впоследствии вытѣснили черкесы, но этому не придавалось значенія. Два дня спустя въ Плевну прибыло 6 таборовъ (баталіоновъ) турецкой пѣхоты и шесть пушекъ. Командующій этими силами, Османъ-паша, приступилъ немедленно къ возведенію укрѣпленій. Русскія войска напрасно уже пытались немедленно взять обратно эту позицію, которая впоследствии стоила столькихъ усилій и жертвъ. Защитники Плевны состояли изъ войскъ, только-что призванныхъ подъ знамена, не умѣв-

1) Von der Goltz, „Volk im Waffen“.

шихъ стрѣлять, не обученныхъ въ тактическомъ отношеніи ¹⁾. Однако за укрѣпленіями Плевны и Горнаго Дубняка они защищались храбро. Между тѣмъ, въ открытомъ полѣ, особенно въ атакѣ, турецкія войска не могли сравняться съ русскими.

„Оборона,—говоритъ Von der Goltz ²⁾,—требуешь отъ солдата боевыхъ качествъ въ гораздо меньшей степени, нежели наступленіе, особенно въ тактическомъ отношеніи. Солдатъ при оборонѣ становится въ гораздо большей мѣрѣ автоматомъ; онъ имѣетъ указанное себѣ мѣсто и сферу дѣйствія; сильный огонь и выносливость составляютъ здѣсь самое главное требованіе, которому могутъ удовлетворить и молодые, слабо обученные солдаты. Самостоятельность, умѣніе ориентироваться здѣсь нужны въ гораздо меньшей мѣрѣ; достаточно, если этими качествами обладаютъ командующія лица. Дисциплину равнымъ образомъ при оборонѣ поддержать гораздо легче, чѣмъ при атакѣ. Благодаря огню современнаго оружія, защищающійся можетъ сметать все, что находится передъ его линіями, въ то время, какъ наступающій долженъ пройти широкій поясъ смертоноснаго огня. Условія, представляемыя мѣстностью и укрѣпленными пунктами — все это служитъ въ пользу обороняющагося“.

Такимъ образомъ, та сторона, которая приметъ оборонительную систему дѣйствій, можетъ призвать подъ знамена людей даже слабо обученныхъ и увеличить численность своей арміи до огромныхъ размѣровъ.

Конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы одна изъ сторонъ могла ограничиться одною обороною. „Про обороняющагося,—говоритъ генераль Лееръ,—нельзя сказать, что онъ *вель войну*; скорѣе онъ ее только *претерпѣвалъ*. Вести войну значитъ нападать“ ³⁾.

По мнѣнію всѣхъ военныхъ авторовъ, оборонительная система представляетъ много преимуществъ, въ сравненіи съ наступательною. Но основной принципъ оборонительной войны указываетъ—не ограничиваться однимъ выжиданіемъ и пассивною дѣятельностью, а сохранить стремленіе къ движенію и къ

1) Н. Hinze. „Gurko und Suleiman-Pascha“. 1880.

2) „Volk im Waffen“.

3) Генераль Лееръ. „Сложныя операціи“.

бою, дабы, въ данномъ случаѣ, помѣняться ролями съ непріателемъ и перейти отъ обороны къ наступленію.

Вернемся, однако, къ численному составу европейскихъ армій.

Само собой разумѣется, что составы разныхъ категорій войскъ значительно разнятся между собою во многихъ отношеніяхъ. Въ дѣйствующей арміи служитъ молодежь, не достигшая 25 лѣтъ, или едва переступившая этотъ возрастъ. Большею частью это люди, не оставившіе дома лично имъ принадлежащихъ хозяйствъ. Многіе изъ нихъ, имѣя въ виду ожидающее ихъ отбываніе воинской повинности, не сдѣлали окончательнаго выбора относительно рода занятій и не упрочили своего положенія. Иное дѣло въ другихъ категоріяхъ. Въ существующихъ нынѣ резервахъ во Франціи и Германіи еще насчитывалось не мало людей, вышедшихъ изъ рядовъ въ 1875 году, когда имъ было лѣтъ 25 отъ роду. Теперь такимъ 43 года. Такъ какъ резервы доходятъ до 1866 призывнаго года, то старшіе изъ принадлежащихъ къ нимъ солдатъ пережили возрастъ 51 года. Это прежде всего отцы семействъ, отвѣтственные за благосостояніе своихъ близкихъ; нерѣдко они распорядители въ предпріятіяхъ торговыхъ или промышленныхъ, имѣющихъ значеніе для производительности страны. Отсутствіе или смерть такого человѣка чувствительно отзывается на благосостояніи цѣлаго общества.

Въ виду этого, не лишенъ значенія вопросъ, какой процентъ резервистовъ приходится въ каждой арміи на 100 солдатъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ. Въ Россіи на 100 солдатъ подъ знаменами приходится 300 запасныхъ, въ Германіи — 490 резервистовъ, въ Австріи — 318, во Франціи — 192.

Нельзя также не обратить вниманія на отношенія между наступательными силами и количествомъ людей изъ среды мирныхъ гражданъ, которые, въ случаѣ необходимости, могутъ быть призваны къ оружію. Въ Россіи наступательная сила составляетъ 32% общей оборонительной силы, а въ Германіи — 40%. Разница происходитъ оттого, что Россія зачисляетъ ежегодно въ запасъ и ополченіе больше людей, нежели Германія. Хотя ежегодный контингентъ новобранцевъ въ Россіи больше, нежели въ Германіи (230 т. противъ 180), однако, въ первой

является возможность освободить отъ дѣйствительной службы бѣльшій процентъ людей.

Изъ числа призванныхъ принимаются на дѣйствительную службу: во Франціи 76⁰/₀, въ Германіи 45⁰/₀, въ Австріи 34⁰/₀, въ Италіи 31%, въ Россіи 31%.

Изъ числа увольняемыхъ отъ дѣйствительной службы по разнымъ поводамъ въ Россіи увольняются 4% вполне годныхъ— за излишествомъ жеребьевыхъ. Во Франціи же, Германіи и Австріи такого излишка нѣтъ. Притомъ въ Россіи большинство освобождаемыхъ отъ службы (51⁰/₀) увольняются по семейному положенію, а въ Германіи (42⁰/₀)— по физической негодности.

Такимъ образомъ, призвавъ даже не весь составъ, положенный по военному времени, Россія будетъ располагать достаточными средствами для обороны, нисколько не истощивъ производительныхъ силъ народа. Между тѣмъ, въ Германіи останется невключеннымъ въ ряды арміи или ландштурма лишь жалкій контингентъ инвалидовъ и слабосильныхъ. Франція тоже находится въ этомъ отношеніи въ невыгодномъ положеніи вслѣдствіе меньшаго числа населенія. Притомъ Россія вообще, какъ стоящая на болѣе низкой ступени экономическаго развитія, менѣе страдаетъ отъ привлеченія къ оружію рабочихъ силъ.

Обстоятельство это столь важно, что мы посвятили ему ниже особую главу нашего труда.

III.

Экономическая пертурбація въ военное время.

Слова генерала Монтекукули, что „для веденія войны необходимы: во-первыхъ деньги, во-вторыхъ деньги и въ третьихъ... тоже деньги“, несомнѣнно могутъ быть примѣнены и къ будущимъ войнамъ, но только въ нѣсколько иномъ значеніи. „Деньги“—въ смыслѣ расходовъ на приготовленіе къ войнѣ и на са-

мое ея веденіе потребуются несравненно большія, чѣмъ въ прежнія времена.

Лишь только дѣло идетъ о предвидѣніи исхода и результатовъ предполагаемой войны, прежде всего выступаетъ сравненіе денежныхъ средствъ разныхъ государствъ. Но изреченіе Монтекукули, если его разумѣть въ смыслѣ невозможности вести войну безъ огромныхъ запасовъ наличныхъ денегъ, относится къ эпохѣ существованія наемныхъ войскъ и невозможности удовлетворенія государственныхъ потребностей посредствомъ займовъ и кредитныхъ операцій.

Въ настоящее время условія веденія войны измѣнились во всѣхъ отношеніяхъ и на ряду съ финансовыми средствами въ ней будутъ играть роль и другія экономическія и социальныя силы.

Необходимыя для содержанія армій наличныя деньги могутъ быть на-готовѣ, даже у наиболѣе богатыхъ государствъ, лишь въ незначительной части. При громадности расходовъ, какихъ потребуетъ будущая война, ни одно изъ государствъ не будетъ въ состояніи обойтись безъ заключенія внутреннихъ займовъ и даже выпуска, въ такомъ или иномъ видѣ, временныхъ платежныхъ знаковъ, то-есть бумажныхъ денегъ.

Поэтому, допуская небывалое еще напряженіе финансовыхъ силъ, какого потребуетъ будущая война, не слѣдуетъ, однако, думать, что отсутствіе большихъ денежныхъ запасовъ, слабость кредита, или хотя бы даже временное разстройство финансовъ совершенно лишали бы государства возможности вести войну.

Пруссія въ 1866 и въ 1870 гг., а также и Франція вынуждены были дѣлать выпуски государственныхъ билетовъ и краткосрочныхъ облигацій, а Австрія, столько разъ не исполнявшая своихъ финансовыхъ обязательствъ, тѣмъ не менѣе, всегда находила денежные средства на веденіе войны. Наконецъ, Турцію, финансы которой при послѣднихъ войнахъ подвергались полному разстройству, это обстоятельство, само по себѣ, еще не понуждало къ прекращенію военныхъ дѣйствій.

Хотя издержки на веденіе войны въ настоящее время, сравнительно съ прошлымъ, будутъ, какъ мы это ближе пояснимъ въ одной изъ послѣдующихъ статей, въ шесть и даже до восьми разъ больше, но, несмотря на это, онѣ будутъ покрываться легче прежняго.

Война можетъ быть оборонительной, когда войска дѣйству-

ютъ на своей территоріи, или наступательной, если они заняли территорію непріятели.

Въ первомъ случаѣ, все, что въ странѣ находится, можетъ быть приобретаемо путемъ реквизиціи или покупокъ съ уплатою бумажными деньгами. Какъ это ни странно, на первый взглядъ, но слѣдуетъ признать, что для странъ, уже имѣющихъ бумажно-денежное обращеніе, представится въ критическую минуту даже меньше затрудненій, чѣмъ для имѣющихъ обращеніе металлическое. Первыя, по привычкѣ, легче перенесутъ потрясеніе или, лучше сказать, приноруются къ упадку цѣнности привычной имъ уже бумажной валюты.

Во время войнъ 1812, 1857 и 1877 годовъ, въ Россіи хотя и обнаруживались нѣкоторые кризисы въ денежномъ обращеніи ¹⁾ отъ усиленнаго выпуска ассигнацій, но они не были такого рода, чтобы могли вліять на приостановку военныхъ дѣйствій.

Можно принять за вполне вѣроятный фактъ, что при будущей войнѣ, подъ вліяніемъ тревоги, внушаемой самими ея размѣрами, еще скорѣе и несомнѣннѣе, чѣмъ въ прежнія времена, находящаяся въ обращеніи звонкая монета исчезнетъ и скроется въ запасы на черный день. Но и въ тѣхъ странахъ, которыя имѣли металлическое обращеніе, должны будутъ явиться сравнительно менѣе цѣнные бумажныя деньги.

Во время войнъ 1866 и 1870 годовъ прусскіе и другіе германскіе банковые билеты стали падать въ цѣнѣ, а на золото образовался лажъ, который однако исчезъ въ скоромъ времени, влѣдствіе кратковременности войны и блестящихъ успѣховъ прусскаго оружія. Во Франціи правительство сдѣлало выпускъ билетовъ государственнаго казначейства въ одинъ миллиардъ франковъ (bons du Trésor), и французскій банкъ былъ уполномоченъ увеличить выпускъ билетовъ до 2,4 миллиардовъ франковъ; золото и серебро въ это время сразу исчезли, такъ что города и синдикаты подъ обезпеченіе банковыхъ билетовъ стали дѣлать выпуски мѣновыхъ знаковъ цѣною отъ 1 франка до 10. Однако, билеты французскаго банка принимались охотно въ оборотахъ, въ виду того особаго довѣрія, какое внушала публикѣ независимость этого банка, какъ частнаго акціонернаго учрежденія.

¹⁾ И. С. Блюхъ. „Финансы Россіи XIX столѣтія“, томъ I, стр. 134 и слѣдующія; томъ II, стр. 13, 238 и слѣдующія.

Даже на Берлинской биржѣ поставщики германской арміи охотно покупали французскіе банковые билеты.

При такихъ обстоятельствахъ, принудительный курсъ на бумажныя деньги явится необходимостью. Собственно недостатокъ въ размѣнныхъ знакахъ, если можетъ оказаться, то лишь въ началѣ военныхъ дѣйствій, когда частный кредитъ сразу почти приостановится.

Многія причины будутъ способствовать тому, что тотчасъ послѣ объявленія войны почувствуется большой недостатокъ въ деньгахъ. При паникѣ, которая не можетъ не проявиться, торговый и промышленный міръ, да и публика поспѣшатъ на всякій случай запасаться деньгами. Кромѣ того, поступающіе въ армію призывные вынуждены будутъ собирать средства для обезпеченія своихъ хозяйствъ и для своего снабженія. При этомъ явятся еще и спекулянты, которые будутъ нуждаться въ болѣе значительныхъ суммахъ для производства закупокъ съ цѣлью перепродажи по возвышеннымъ цѣнамъ.

Видя повышение цѣнъ, и частныя лица пожелаютъ сдѣлать запасы продуктовъ и предметовъ, служащихъ для пищи, одежды, жилья,—свыше обыкновеннаго размѣра. Въ нормальное время деньги изъ оборота быстро возвращались бы въ банки; но при затрудненіи въ сообщеніяхъ, послѣ объявленія войны, возвратъ будетъ гораздо медленнѣе.

Курсъ процентныхъ бумагъ и фондовъ внезапно сильно повизится; должны будутъ явиться форсированныя продажи заложенныхъ бумагъ; а между тѣмъ сколько-нибудь сносная реализація ихъ или перезалогъ, вслѣдствіе недостатка денегъ, могутъ сдѣлаться почти невозможными.

Впослѣдствіи, когда, въ силу большихъ расходовъ на военныя потребности, денежное обращеніе возрастетъ, и установится, сообразно съ новыми обстоятельствами, равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ денегъ, курсъ фондовъ и процентныхъ бумагъ, быть можетъ, даже значительно повысится, особенно такихъ, которыхъ цѣнность опирается на недвижимо-сти или на доходы, не могущіе значительно пострадать отъ войны. Но въ первое время даже на покупку самыхъ солидныхъ цѣнностей у желающихъ приобрести ихъ можетъ не оказаться средствъ.

Если въ такое время банки, торговыя и промышленныя фирмы не могли бы учитывать имѣющіеся у нихъ векселя и

сбязательства, а также получать ссуды подъ фонды, то могло бы произойти настоящее бѣдствіе.

Если кризисъ передъ войною 1877 года не былъ еще болѣе сильнымъ, то лишь благодаря тому обстоятельству, что шансы войны и мира въ теченіе почти 9 мѣсяцевъ колебались. Въ Пруссіи, Австріи и Франціи съ появленіемъ значительной потребности въ деньгахъ, въ моментъ объявленія войны, мы также встрѣчаемся въ 1860 и 1870 годахъ.

Купцы и промышленники стремятся дисконтировать векселя въ банкахъ, частныя же лица — занимать деньги подъ процентныя бумаги. Въ портфель прусскаго банка 30-го іюня 1870 года было векселей на сумму 97 милліоновъ талеровъ, 23-го же іюля сумма эта повысилась до 121 милліона.

Еще болѣе увеличеніе итоговъ суммъ, выданныхъ за учетныя векселя, встрѣчаемъ въ частныхъ банкахъ, которые охотно дисконтировали векселя и выдавали ссуды подъ фонды, получивъ гарантію, что, въ случаѣ нужды, государственное казначейство, посредствомъ выдачи спеціально для цѣлей войны выпущенныхъ бумажныхъ денегъ, окажетъ имъ помощь. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что количество ссудъ, выданныхъ банками подъ процентныя бумаги, оказалось не великимъ, отчасти потому, что банки увеличили учетный %о, отчасти же вслѣдствіе того, что частныя лица, имѣя иностранныя бумаги, особенно же американскія, которыя менѣе другихъ теряли въ цѣнѣ, могли ихъ, почти безъ убытку, продавать на Лондонской биржѣ.

Впрочемъ, несмотря на эти благопріятныя условія, курсъ процентныхъ бумагъ, по причинѣ чрезмѣрнаго предложенія и недостатка наличныхъ денегъ, постепенно понижался. Такъ напримѣръ: 4½-процентный прусскій заемъ котировался:

	Передъ войной.	Послѣ объявл. войны.	Послѣ оконч. войны.
въ 1866 году.	98 ⁰ / ₀	78 ⁰ / ₀	97 ³ / ₄
„ 1870 „	93 ¹¹ / ₂ ⁰ / ₀	77 ³ / ₄ ⁰ / ₀	94 ¹¹ / ₂

Въ виду еще болѣе ускоренной противъ 1870 года мобилизаціи и чрезвычайно быстрыхъ движеній кавалеріи къ непріятельской территоріи, которыми должна ознаменоваться будущая

война, а затѣмъ и того обстоятельства, что въ предѣлахъ нашего государства иностранныхъ процентныхъ бумагъ очень мало и что, въ случаѣ всеобщей войны, ихъ высылка сдѣлалась бы невозможной, наконецъ, что у насъ вообще въ народѣ мало сбереженій, — необходимо сразу, при первомъ появленіи тревоги, противодѣйствовать всему тому, что можетъ замедлить обороты. Кромѣ того, надлежитъ снабдить всѣ правительственныя кассы и учрежденія достаточными денежными средствами и силами, дабы операціи могли производиться безостановочно въ нестѣсненныхъ размѣрахъ.

Но такое положеніе не будетъ продолжаться долго. Съ самаго начала мобилизаціи правительству придется израсходовать на приобрѣтеніе значительнаго количества лошадей и матеріаловъ весьма крупныя суммы. Вслѣдствіе того, денежное обращеніе вскорѣ увеличится, спросъ особенно на предметы первой потребности для арміи и для составленія запасовъ частными лицами въ видахъ предосторожности, при одновременномъ упадкѣ курса кредитныхъ билетовъ, возвыситъ цѣны продуктовъ, производители и владѣльцы запасовъ будутъ на первое время даже довольны успѣшнымъ и выгоднымъ сбытомъ.

Кромѣ того, вслѣдствіе остановки въ дѣлахъ промышленности и торговли, для оборотовъ потребуются меньше наличныхъ средствъ; отсюда явится переполненіе кассъ.

Конечно, вслѣдствіе непомѣрныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ не преминуть, въ свое время, произойти и крайне неблагоприятныя явленія, но уже только спустя много времени, а стало быть, вліянія на исходъ борьбы они имѣть не будутъ. Напротивъ того, вслѣдствіе переполненія рынка денежными знаками, заключеніе внутреннихъ займовъ облегчится. Однѣ и тѣ же бумажныя деньги, выпущенныя сверхъ нормальныхъ потребностей, будутъ переходить отъ правительства къ поставщикамъ предметовъ и услугъ, необходимыхъ для веденія войны, и обратно, въ виду застоя во всѣхъ иныхъ дѣлахъ — отъ нихъ къ правительству.

Мы указываемъ на неизбѣжность для воюющихъ государствъ выпуска бумажныхъ денегъ и внутреннихъ займовъ, потому что покрытіе военныхъ издержекъ, помощью вѣшнихъ займовъ, окажется при войнѣ невозможнымъ. Война, по всей вѣроятности, разразится внезапно и быстро охватитъ своимъ пламенемъ всю среднюю Европу. При этомъ, какъ междуна-

родныя сношенія, такъ и обычные приемы заключенія займовъ сдѣлаются невозможными.

Во время франко-германской войны нѣмецкій банкиръ Ютербокъ принялъ участіе въ подпискѣ на французскій заемъ. Онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за измѣну и приговоренъ къ тяжкому наказанію. Впослѣдствіи Ютербокъ былъ помилованъ, но этотъ примѣръ доказываетъ, что пользованіе кредитомъ въ непріятельскихъ странахъ окажется въ будущей войнѣ невозможнымъ. Но и помимо этого, если Франція, Германія, Австрія и Италія будутъ вовлечены въ войну, то спросъ на деньги для собственныхъ надобностей этихъ государствъ воспрепятствуетъ участію ихъ капиталовъ въ займахъ постороннихъ государствъ, хотя бы дружественныхъ.

Допустимъ, что въ войнѣ ни Англія, ни Голландія участвовать не будутъ, и что денежные ихъ рынки останутся открытыми. Но во время войны, какъ будетъ указано дальше, сообщеніе моремъ можетъ прекратиться, или, по крайней мѣрѣ, будетъ затруднено до такой степени, что едва-ли окажется возможной и самая пересылка цѣнныхъ бумагъ и денегъ этимъ путемъ. Поэтому англійскій денежный рынокъ придется считать какъ бы временно несуществующимъ.

Трудно сказать, насколько одинъ голландскій рынокъ, въ моментъ всеобщаго потрясенія, при извѣстной крайней осторожности, скажемъ даже—трусливости голландскихъ капиталистовъ, будетъ въ состояніи самостоятельно производить операціи, тѣмъ болѣе, что и съ Амстердамомъ сообщенія не будутъ безопасны.

Такимъ образомъ, даже наиболѣе удовлетворительно организованныя въ финансовомъ отношеніи государства вынуждены будутъ прибѣгать исключительно къ внутреннему кредиту. Но обстоятельство это не повліяетъ рѣшающимъ образомъ на судьбы войны. Внутренній кредитъ, въ различныхъ формахъ его, всегда въ состояніи удовлетворить самыя большія требованія текущихъ расходовъ, которые, въ разгарѣ войны, ограничатся, конечно, производствомъ жалованій и платежей за предметы довольствія и т. п.

Дѣло представится въ болѣе сложномъ видѣ при веденіи войны на территоріи непріятельской. Въ настоящее время стало аксіомой, что во время войны войска довольствуются на мѣстный счетъ и, главнымъ образомъ, посредствомъ реквизицій.

При занятіи богатыхъ странъ, средства для содержанія войскъ отчасти поступаютъ въ видѣ денежныхъ контрибуцій, отчасти же платежъ будетъ производиться знаками того государства, которое будетъ хозяйничать въ непріятельской странѣ, или, наконецъ, въ исключительныхъ случаяхъ, для вызова усиленнаго предложенія въ мѣстностяхъ, уже истощенныхъ — въ звонкой монетѣ, припасенной на этотъ случай.

Послѣ 1812 года, хотя финансы Россіи находились въ самомъ плачевномъ положеніи, тѣмъ не менѣе русскія войска, наступавшія въ Германію, расплачивались ассигнаціями, каковыхъ выпущено было въ то время за границу на 70 милліоновъ руб. Изъ этого количества было обратно переведено въ Россію 20 милліоновъ¹⁾.

Во время франко-прусской войны, во Франціи обращались французскіе билеты казначейства и билеты французскаго банка. Нѣмецкія арміи накладывали контрибуціи и взысканными суммами расплачивались за поставки. Уплаты звонкою монетою изъ запасныхъ войсковыхъ казначействъ обыкновенно производились только за продукты изъ частей территорій, не занятыхъ войсками, и въ тылу армій, для вызова усиленнаго предложенія продуктовъ и услугъ.

Въ занятыхъ же земляхъ населеніе непріятельской страны будетъ предпочитать всякій знакъ, хотя бы и значительно низшей цѣнности, чѣмъ звонкая монета, простой роспискѣ въ полученіи реквизиціи.

Нѣкоторымъ, хотя и недостаточнымъ по самой отдаленности времени, поученіемъ могутъ служить способы удовлетворенія расходовъ во время похода русскихъ войскъ послѣ 1812 года за границу и побѣдоноснаго шествія ихъ до самаго Парижа.

При вступленіи войскъ Наполеона въ Россію, сумма ассигнацій, находившихся въ обращеніи, составляла 572 милліона рублей. 2-го апрѣля 1815 года эта цифра уже возросла до 820 милліоновъ, т. е. увеличилась на 248 милліоновъ.

По росписи опредѣлялись расходы на сухопутныя войска въ слѣдующемъ составѣ:

¹⁾ „Финансы Россіи“, т. I, стр. 133.

	Людей.	Лошадей.
Въ 1812 г.	770.000	256.000
„ 1813 „	979.000	349.000
„ 1815 „	{ внутри государствъ и на линіяхъ 706.465 163.000 внѣ имперіи. 300.000 80.000	

Во время выступленія войскъ за границу, положеніе государственнаго казначейства, послѣ войны 1812 г., было крайне затруднительно. Подати поступали туго, 12 милліоновъ были уже издержаны на пособія для нуждающагося населенія, что оказалось далеко не достаточнымъ.

Необходимо было изыскать новыя средства для немедленной помощи населенію въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ войны.

При такихъ обстоятельствахъ и желая найти возможность обойтись для удовлетворенія нуждъ армии за границей безъ высылки золота и серебра, министръ финансовъ представилъ императору проектъ выпуска ассигнацій на прусскую серебряную валюту, но проектъ этотъ утвержденъ не былъ, и пришлось прибѣгать за границей къ уплатамъ обыкновенными ассигнаціями.

Для исполненія обязательства, истекавшаго изъ введенія русскихъ ассигнацій въ обращеніе за границей, и для облегченія иностранцамъ ихъ обмѣна, устроены были въ Пруссіи и другихъ странахъ Германіи размѣнныя кассы.

Но уже въ февралѣ 1814 года послѣдовало распоряженіе: „пріостановить впредь до разрѣшенія пріемъ въ размѣнныя кассы русскихъ ассигнацій для перевода ихъ въ Россію и выдачу подъ нихъ квитанцій“. Управляющимъ кассами предложено было прискивать какой-нибудь благовидный предлогъ, дабы не вводить публику въ безпокойство.

Затѣмъ, въ августѣ было сдѣлано распоряженіе, чтобы кассы предлагали предъявителямъ ассигнацій 3-ю часть номинальной суммы наличными деньгами, считая по 29 прусскихъ талеровъ за сто рублей ассигнаціями, за остальные же $\frac{2}{3}$ по двѣ облигаціи, приносящія 7% въ годъ, срокомъ одна на 9, другая на 18 мѣсяцевъ, полагая по 30 прусскихъ серебряныхъ талеровъ за 100 ассигнаціонныхъ рублей.

Въ 1814 году (5 іюня) министръ финансовъ Гурьевъ доложилъ государю о необходимости пріостановить производство

денежныхъ платежей арміи за границей, вмѣсто чего предполагалось ввести квитанціи, которыя могли бы служить интендантамъ для расплаты съ мѣстными поставщиками. Квитанціи предполагалось печатать на двухъ языкахъ, съ обозначеніемъ суммы въ мѣстной монетѣ. Оплата этихъ квитанцій обязательно должна была производиться черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ со дня поставки, съ начетомъ по полпроцента въ мѣсяць.

Но армія тогда возвращалась на родину, и не было уже надобности приводить въ исполненіе этотъ проектъ. Экстраординарныя сверхъ-смѣтныя издержки на войну 1812, 1813 и 1814 годовъ составили всего сумму 179,9 милліоновъ рублей, считая по курсу на ассигнаціи; изъ нихъ израсходовано было:

Въ 1812 году	милл. р.	18,8
„ 1813 „	„ „	123,0
„ 1814 „	„ „	38,1

Средства на военныя издержки почерпнуты были изъ слѣдующихъ источниковъ:

	1812 г.	1813 г.	1814 г.	Итого.
	Милліоновъ рублей.			
Фондъ государственнаго казначейства.	1,0	20,8	24,0	45,8
Спеціальныя суммы (новые выпуски ассигнацій и капиталы разныхъ учрежденій)	17,8	55,2	19,0	92,0
Субсидія Англіи	—	—	42,1	42,1
Итого	—	—	—	179,9

Изъ этой суммы золотомъ и серебромъ уплачено только 18,3 милл. рублей, которые приняты, для расчетовъ, за равнодѣльные 73,3 милл. руб. ассигнаціонныхъ.

Не безынтереснымъ будетъ привести указаніе, какъ распредѣлялись эти средства на потребности разныхъ частей арміи.

Части войскъ:	Издержано:			
	1812 г.	1813 г.	1814 г.	Итого
	Милліоновъ рублей.			
Главная дѣйствующая армія	16,7	81,6	11,5	109,8
Польская армія (зачетъ).	—	16,8	1,7	18,5

Русско-нѣмецкій легіонъ	1,1	2,9	—	4,0
Легіонъ, сформированный въ Орлѣ. —	—	0,6	—	0,6
Корпусъ, осаждавшій Данцигъ	—	0,4	—	0,4
Резервная армія.	—	13,3	22,2	35,5
Итого	17,8	115,6	35,4	168,8

	1812 г.	1813 г.	1814 г.	Итого.
Милліоновъ рублей.				
Расходы общіе для всѣхъ армій	1,0	6,9	2,8	10,7
„ для прусскихъ войскъ	—	0,5	—	0,5

Совокупность экстраординарныхъ издержекъ 1812, 1813 и 1814 годовъ распадается на слѣдующія категоріи:

1) Денежн. довольств. войскъ (жалован.).	112,2 м. р.
2) Усиленный паекъ въ дѣйствующей арміи за границей (мясо, вино, хлѣбъ).	5,3 „ „
3) Обмундированіе, обувь, тулупы, бѣлье.	19,2 „ „
4) Лошади	7,9 „ „
5) Перевозка войскъ и обоза	5,2 „ „
6) Госпитали.	1,5 „ „
7) Общіе расходы содержанія.	16,1 „ „
8) Снаряженіе легіоновъ	4,6 „ „
9) Пересылка и курьеры	1,6 „ „
10) Плѣнные	5,4 „ „
11) Разныя (осуды Пруссіи; перевозка войскъ изъ Финляндіи).	0,9 „ „

Военное вѣдомство въ концѣ 1815 г., при сведеніи расчетовъ, оказалось въ долгу, а именно: полкамъ 13,7 милл. и поставщикамъ 11,9 милл. руб. ассигнаціями.

Но, сверхъ того, войска при проходѣ довольствовались на мѣстныхъ средства, вслѣдствіе чего назначены были впослѣдствіи комиссіи для разбора причитающихся суммъ. По именнымъ Высочайшимъ указамъ и на основаніи конвенціи, съ 1817 по 1819 годъ уплачено:

Пруссіи	3.829 тыс. руб. серебр.
„	5.828 „ „ ассигн.
Ганноверу.	643 „ „ серебр.

Даніи	400	тыс. марокъ.
Германіи	1.025	„ руб.
Баваріи	1.722	„ „
Австріи	3.081	„ „

Самый образъ веденія войны и тѣ разнородныя условія, какія будутъ сопровождать ее, окажутся во многомъ совершенно непохожими на то, что представлялось при прежнихъ войнахъ. Размѣры тѣхъ силъ, которыя будутъ пущены въ дѣйствіе, напомнятъ современникамъ сказанія древнихъ грековъ и римлянъ о несмѣтныхъ полчищахъ варваровъ, нѣкогда устремлявшихся на Европу. Но это будутъ уже не хаотическія орды, которыхъ потоки управлялись случаемъ и то сносили все на своемъ пути, то вдругъ, встрѣтивъ неожиданное препятствіе, разсѣивались и исчезали, иногда безслѣдно. Тѣ миллионы людей, которые нынѣ вступятъ въ бой, представятъ стройными, дисциплинированными массами, а всѣ ихъ потребности и большая часть случайностей будутъ предвидѣны впередъ.

Еще важнѣе различіе будущей войны отъ прежнихъ въ смыслѣ общественномъ. Прежде, во время веденія войны за границами государства, а даже и внутри его, жизнь общественная, въ мѣстностяхъ, непріателемъ не занятыхъ, текла обычнымъ порядкомъ. Впредь будетъ иначе: подъ знамена станутъ цѣлыя народы, и въ бой пойдетъ цвѣтъ силъ всего населенія, тѣ именно силы, которыя наиболѣе способны къ производительному труду. А вслѣдствіе того, война отразится на сложномъ механизмѣ современной народной жизни гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ прежнія времена.

Отсюда слѣдуетъ, что государства должны быть приготовлены не только для самаго веденія войны, но и для встрѣчи и перенесенія того переворота въ экономическихъ условіяхъ, какой ею будетъ вызванъ. Чтобы пояснить фактически, какого рода соображенія необходимо имѣть въ виду и какія именно приготовленія могли бы оказаться нужными, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, истекающихъ изъ тѣхъ перемѣнъ и потребностей, которыя были оговорены вкратцѣ въ настоящей главѣ, а ниже будутъ, въ надлежащемъ мѣстѣ, рассмотрѣны болѣе подробно.

1) Прежде всего, какъ уже упомянуто выше, необходимо

имѣть въ виду, что, для составленія себѣ понятія о способности того или другаго государства къ веденію войны и къ выдержанію ея бремени—лишь въ условной и весьма ограниченной степени можно руководствоваться оцѣнкою тѣхъ наличныхъ денежныхъ запасовъ, какими оно располагаетъ. Вскорѣ по объявленіи большой европейской войны, золото и серебро скроются изъ обращенія, и ни одно государство не будетъ въ состояніи обойтись безъ выпусковъ бумажныхъ денегъ.

2) Затѣмъ, въ виду, съ одной стороны—невозможности производства заграничныхъ платежей во время войны, вслѣдствіе перерыва сообщеній, а съ другой—полной возможности веденія войны на непріятельской территоріи безъ слишкомъ значительныхъ суммъ въ звонкой монетѣ, государство можетъ регулировать свои запасы золота и серебра вполне сообразно съ потребностями своего казначейства и съ общими своими нуждами.

3) Хотя, въ виду бѣдственнаго дѣйствія, какое могло бы оказывать въ будущемъ обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ ихъ выпусковъ, несомнѣнно требуется возможное ограниченіе такихъ выпусковъ, но, тѣмъ не менѣе, при самомъ началѣ войны, желательно, чтобы стѣсненное, вслѣдствіе упомянутыхъ нами обстоятельствъ, обращеніе было возможно скорѣе возстановлено въ прежнихъ своихъ размѣрахъ, то-есть, чтобы были приняты мѣры къ устраненію внезапно наступившаго безденежья, а это можетъ быть сдѣлано только широкимъ временнымъ открытіемъ доступа къ пользованію средствами государственнаго кредита. А такъ какъ обращеніе весьма быстро должно будетъ возрасти, вслѣдствіе усиленія оборотовъ, то нетрудно будетъ впоследствии извлечь излишекъ мѣновыхъ знаковъ, еслибы ихъ и было, въ первое время, выпущено свыше потребности.

4) Въ иностранныхъ государствахъ, въ виду существующихъ тамъ оппозиціонныхъ, въ особенности же социалистическихъ теченій, правительства окажутся въ необходимости вызывать, поддерживать въ народѣ военное увлеченіе и даже искусственно раздувать его. Отсюда явятся усилія, направленные къ тому, чтобы непремѣнно обезпечить себѣ, при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, какой-нибудь, хотя бы въ дѣйствительности и мелкій, успѣхъ, который затѣмъ будетъ всѣми мѣрами выставляться, какъ настоящая побѣда. А такой случай-

ный и хотя бы мелкій успѣхъ, очевидно, легче обезпечить за собой той сторонѣ, которая раньше явится во всеоружіи и предприметъ дѣйствія наступательныя.

Это преимущество, въ виду обширности русскаго государства, могутъ имѣть въ войнѣ съ нимъ западные его сосѣди, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы былъ вѣроятенъ хотя бы и временный успѣхъ ихъ, даже при началѣ военныхъ дѣйствій. Опора, какую представляютъ сильныя оборонительныя линіи вблизи западныхъ границъ, можетъ парализовать то преимущество, какое представляется въ сравнительно болѣе быстрой мобилизаціи. Но, какъ бы то ни было, осторожность предписываетъ считаться съ возможнымъ послѣдствіемъ географическаго положенія, и этому условію соотвѣтствуетъ значительность дѣйствующихъ силъ на мѣстахъ въ мирное время.

Зато неудобства, обусловленныя большими разстояніями, представляютъ, въ свою очередь, огромное преимущество для обороны, такъ какъ именно въ силу ихъ нечего опасаться продолжительности военныхъ дѣйствій, при которой въ союзъ съ пространствомъ вступаютъ бездорожье, голодъ и морозы.

Въ виду этого, представлялась бы совершенно неосновательною излишняя тревога въ публикѣ даже при всегда возможной, какой-нибудь единичной неудачѣ на первыхъ шагахъ, и усиленное предложеніе цѣнныхъ бумагъ къ продажѣ было бы прямо невыгодно для ихъ владѣльцевъ.

5) Обезпеченіе этимъ послѣднимъ возможности сохранить свои бумаги—вполнѣ согласно съ интересомъ государственнаго кредита, а средствами для этого являлись бы, на примѣръ, облегченія по залогу бумагъ и по приему ихъ на храненіе.

6) При наступленіи войны всѣ тѣ правительственныя учрежденія, которыя могутъ оказывать, непосредственно или посредственно, вліяніе на расширеніе кредита, должны быть снабжены соотвѣтствующими инструкціями; сверхъ того, чтобы не затруднить крайне важныхъ для торговаго міра переводныхъ платежей, распоряженій о куплѣ и продажѣ и, вообще, всѣхъ взаимныхъ отношеній между главными торговыми центрами посредствомъ почты и телеграфа, могутъ быть предусмотрѣны мѣры удобства и осторожности въ этомъ отношеніи, дабы устранить формализмъ или излишнее усердіе со стороны низшихъ служащихъ, особенно при нѣкоторой пертурбаціи, естественно вызываемой войною.

Въ виду этой цѣли, могли бы оказать большую услугу для хода торговыхъ дѣлъ выработка Государственнымъ банкомъ, совмѣстно съ подлежащимъ вѣдомствомъ, нѣкоторыхъ специальныхъ правилъ о порядкѣ приѣма торговыхъ почтово-телеграфныхъ сношеній во время войны и даже нѣкоторое подчиненіе надзору особыхъ чиновниковъ банка правильности этихъ сношеній, хотя бы только на короткое время, непосредственно слѣдующее за началомъ военныхъ дѣйствій. Кратковременный специальный расходъ по этому предмету представлялся бы ничтожнымъ по сравненію съ огромными интересами безпрепятственныхъ сношеній въ моментъ, во всякомъ случаѣ, нѣсколько критическій. А предпринятое нынѣ преобразование Государственного банка, въ смыслѣ приданія этому учрежденію болѣе совершенной, болѣе интеллигентной организаціи, подавало бы увѣренность, что, при его участіи и при высокой степени нынѣшней телеграфной техники, возможность нестѣсненныхъ быстрыхъ торговыхъ сношеній была бы безусловно обезпечена.

7) Въ виду затруднительности для правительственныхъ учреждений имѣть достаточно точныя свѣдѣнія для оцѣнки кредитоспособности заемщиковъ, во время положенія, быстро измѣняемаго войною, было бы цѣлесообразно привлечь къ участию въ такой оцѣнкѣ солиднѣйшіе частные банки и первостепенныя банкирскія фирмы, открывъ имъ въ Государственномъ банкѣ специальные кредиты для производства переучета, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы такіе кредиты возымѣли дѣйствіе лишь послѣ начала войны. Эта мѣра могла бы отвратить, безъ всякаго риска, то стѣсненіе частнаго кредита, которое иначе явилось бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вызываемыхъ войною сомнѣній о дѣйствительной состоятельности торговцевъ.

8) Полезно было бы также выработать, еще во время мира, проектъ особыхъ мѣстныхъ наблюдательно-хозяйственныхъ комитетовъ, которые могли бы быть открыты, на случай войны, во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ находятся конторы и отдѣленія Государственного банка, и состояли бы изъ заслуживающихъ довѣрія лицъ, занимающихъ выдающееся положеніе въ администраціи, землевладѣніи, въ сословіяхъ торговомъ и промышленномъ. Такіе комитеты, опираясь на инструкціи и общія указанія дѣятельности, выработанныя въ мирное же время, могли бы оказать немалыя услуги въ виду трудностей, съ ка-

кими сопряжено продовольствованіе миллионовъ солдатъ и ратниковъ, а затѣмъ могли бы послужить готовымъ звеномъ для перехода къ новой системѣ продовольствія войскъ даже и въ мирное время, вдобавокъ къ обычнымъ подрядамъ съ торговъ и хозяйственнымъ заготовленіямъ чрезъ интендантскихъ чиновниковъ.

Само собою разумѣется, что предшествующія замѣчанія и предположенія высказываются нами лишь въ видѣ единичныхъ взглядовъ, въ видѣ примѣровъ того, въ какихъ направленіяхъ можетъ производиться изслѣдованіе средствъ для устраненія, во время войны, кризисовъ и для охраненія по возможности нормальнаго дѣйствія экономическихъ силъ въ государствѣ. Мы вовсе не имѣемъ легкомысленнаго притязанія представить что-либо въ родѣ плана цѣлой совокупности мѣръ, какія могли бы оказаться нужными. Способности тѣхъ государственныхъ людей, которые призваны къ попеченію объ экономическихъ интересахъ Россіи, представляютъ поруку въ томъ, что все важнѣйшее будетъ заранѣе предвидѣно и обдумано.

Въ этомъ убѣжденіи, мы и позволимъ себѣ высказать увѣренность, что, какъ, на случай войны, впередъ вырабатываются планы мобилизаціи и сосредоточенія войскъ, удовлетворенія ихъ потребностей и самаго направленія ихъ дѣйствій, такъ нѣчто подобное будетъ благовременно выработано и для обезпеченія правильнаго дѣйствія, несмотря на войну, всѣхъ функцій общественнаго организма.

Вліяніе войны вторгается въ столь многоразличныя условія общественной жизни, въ особенности въ области кредита и торгово-промышленныхъ оборотовъ, что она могла бы въ значительной степени пресѣчь—если позволительно такъ выразиться—самое кровообращеніе въ экономическомъ организмѣ. Для того, чтобы умѣрить возможные потрясенія, необходимо ихъ предвидѣть и приготовиться надлежащимъ образомъ къ ихъ встрѣчѣ. Подробное изслѣдованіе возможныхъ экономическихъ послѣдствій войны, которое было необходимо для предпринятаго нами труда, убѣдило насъ, что даже на основаніи однихъ тѣхъ данныхъ о товарномъ движеніи, о состояніи торговли, промышленности и сельско-хозяйственной производительности, какія доступны частному изслѣдователю, возможно представить себѣ довольно близкій къ дѣйствительности образъ того экономическаго положенія, какое вызоветъ большая война.

Правительственные органы имѣютъ еще несравненно болѣе средствъ для того, чтобы начертать планъ экономическихъ мѣропріятій на случай войны, ранѣе, чѣмъ наступленіе ея возложить на нихъ бремя усиленныхъ трудовъ и заботъ, прежде всего посвященныхъ успѣшному ходу самыхъ военныхъ дѣйствій, а экономическія нужды населенія, въ силу необходимости, должны уже будутъ отодвинуты на второй планъ, тѣмъ болѣе, что именно при началѣ войны событія будутъ быстро слѣдовать одно за другимъ.

Многія изъ этихъ нуждъ возможно было бы удовлетворить отчасти, а можетъ быть и вполне, безъ всякихъ чрезвычайныхъ усилій, имѣя въ виду планъ, выработанный заблаговременно. При неимѣніи же такого плана, пришлось бы вдругъ, въ послѣднюю минуту, придумывать, спѣша и безъ возможности хладнокровнаго разсмотрѣнія, то ту, то другую мѣру, которыя, не находясь въ достаточной связи со всѣмъ остальнымъ, могли бы не достигнуть цѣли, а пожалуй, даже повредить интересамъ не одного только гражданскаго населенія. Враги Россіи и рассчитываютъ на неприготовленность ея въ этомъ отношеніи ¹⁾. Мы же можемъ лишь повторить свое убѣжденіе, что война застанетъ Россію съ планомъ экономическихъ мѣропріятій, столь же подробно и заблаговременно выработаннымъ, какъ и самый планъ военныхъ снабженій и сосредоточенія войскъ.

Но, разумѣется, можно только предполагать, что подобные планы экономическихъ распоряженій уже существуютъ въ иностранныхъ государствахъ и въ самой Россіи.

Прямыхъ доказательствъ ихъ существованія мы, конечно, имѣть не можемъ. Однако, при той систематичности, какою отличаются нѣмцы, трудно допустить, чтобы въ Германіи не была заранѣе приготовлена подробно разработанная для каждой мѣстности программа экономическихъ мѣръ, въ такомъ родѣ, какъ мы это пояснили выше примѣрами. Есть даже признаки, что нѣчто подобное дѣйствительно существуетъ. Такъ, намъ положительно извѣстно, что въ укрѣпленныхъ городахъ восточной Пруссіи: въ Познани, Торнѣ, Кѣнигсбергѣ хранятся готовыя и до мельчайшихъ подробностей выработанныя инструкціи и указанія на всѣ случайности, какія только возможно предвидѣть. Эти программы въ каждомъ почти году

¹⁾ Helm. „Das russische Schreckgespenst“. Hannover. 1892.

пересматривались вновь, пополнялись и измѣнялись согласно съ возникавшими экономическими явленіями и новыми обстоятельствами.

Мало того. Въ Пруссіи нынѣ существуютъ уже формальныя, обязательныя соглашенія съ подрядчиками работъ и поставщиками припасовъ и матеріаловъ и т. д. на случай войны. Въ самый моментъ ея начала, лица, обязанныя этими контрактами, немедленно, безъ всякаго новаго вызова, должны приступить къ своимъ операціямъ.

Само собой разумѣется, что планъ экономическихъ распоряженій, выработанный на случай войны, не можетъ быть введенъ въ дѣйствіе цѣликомъ, какъ только война начнется. Нельзя предвидѣть той постепенности, въ какой произойдутъ тѣ или другія, хотя и предвидѣнныя, явленія. Нельзя также не признать подобающаго мѣста и для „*sa majesté le Hasard*“, по выраженію Фридриха Великаго.

Но слишкомъ очевидно, что легче выбрать изъ готоваго систематическаго плана, чѣмъ придумывать его при ежеасномъ ожиданіи телеграммъ съ театра военныхъ дѣйствій. „На войнѣ“, — сказалъ Наполеонъ, — „все есть результатъ разсчета. Все то, что не было съ точностью обдуманно до подробностей, не даетъ результатовъ вѣрныхъ. Война не есть также и простое примѣненіе механики. Военное искусство заключается въ предварительномъ разсмотрѣніи всѣхъ возможныхъ шансовъ и затѣмъ въ опредѣленіи, почти съ математическою точностью, той доли, какая можетъ принадлежать случаю. При этомъ, вопросъ о тактикѣ имѣетъ значеніе второстепенное, а все зависитъ отъ психическаго момента“.

Не то ли самое слѣдуетъ примѣнить и къ той войнѣ, которая разыграется въ области интересовъ экономическихъ?

И. ВЛЮХЪ.

Морская война.

Судьбы человечества вращаются, повидимому, въ заколдованномъ кругу. До семидесятихъ годовъ въ дѣлѣ облагороженія войны и уменьшенія бѣдствій, отъ нея происходящихъ, замѣчался значительный прогрессъ. Можно было думать, что движеніе въ этомъ направленіи будетъ продолжаться параллельно росту культуры.

Между тѣмъ, со времени франко-германской войны, замѣчается поворотъ къ прошлому, къ вѣкамъ варварства, и при томъ поворотъ этотъ проявляется особенно ярко въ провозглашаемыхъ принципахъ будущей морской войны.

Совершившаяся въ этомъ отношеніи эволюція интересна не только сама по себѣ, но и по тому вліянію, которое она окажетъ на характеръ будущей войны на сушѣ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо сравнить степень возрастанія и усовершенствованія флотовъ и задуманныхъ средствъ ихъ дѣйствія въ разныхъ государствахъ. При этомъ сравненіи встрѣчается особое обстоятельство, значительно его усложняющее. Въ то время, какъ для сравненія силъ сухопутныхъ имѣются количества однородныя: числа солдатъ, орудій, лошадей,—для сравненія силы флотовъ разныхъ государствъ, въ разные эпохи, приходится имѣть дѣло съ неоднородными единицами, такъ какъ видоизмѣняются не только вооруженія

судовъ, но и самыя ихъ типы. Многіе полагаютъ, что одинъ современный броненосецъ съ дальнобойными орудіями и приспособленный для дѣйствія взрывчатыми снарядами, въ состояніи совершить то, для чего прежде потребовалась бы эскадра.

Зато громаднымъ броненосцамъ и ихъ могучимъ орудіямъ будутъ противопоставляемы не только равныя имъ по силѣ гиганты, но еще и малыя, едва примѣтныя въ волнахъ, миноноски. Днемъ онѣ появятся лишь на мгновеніе и исчезнутъ, но ночью онѣ станутъ предательски подкрадываться къ великанамъ со своими торпедами.

Если бы успѣхи морской строительной техники и артиллеріи не имѣли иныхъ экономическихъ послѣдствій, кромѣ огромнаго возвышенія расходовъ на морскія силы, то въ настоящемъ изслѣдованіи не было бы основанія надъ ними останавливаться столь долго, какъ мы намѣрены это сдѣлать. Но благодаря нынѣшнимъ средствамъ и въ силу провозглашаемыхъ нынѣ принциповъ морской войны, является возможность ослабить противниковъ и даже довести до бѣдственнаго состоянія цѣлые народы посредствомъ перерыва морскихъ снабженій и обособленія нѣкоторыхъ государствъ отъ сообщенія съ остальнымъ міромъ. Вотъ та первостепенная опасность, которая будетъ угрожать Европѣ при войнѣ, если до возникновенія таковой не будутъ найдены какія-либо средства для ея устраненія. Для правильной оцѣнки такихъ возможныхъ и весьма серьезныхъ экономическихъ послѣдствій морской войны, надо прежде всего отдать себѣ отчетъ въ тѣхъ средствахъ, какія будутъ находиться въ распоряженіи государствъ для веденія борьбы на морѣ.

I.

Крымская война и преобразование парусныхъ деревянныхъ флотовъ въ паровые.

Великое изобрѣтеніе Фультона, примѣненное къ приведенію судовъ въ движеніе помощью колесъ, нашедшее первое себѣ осуществленіе въ 1807 году въ Америкѣ, получило дальнѣйшее развитіе, когда былъ спущенъ въ 1818 году въ Нью-Йоркѣ пароходъ „Sawannah“, предназначавшійся для Россіи, куда онъ совершилъ свой путь чрезъ Атлантическій океанъ въ 1819 году, съ заходомъ въ Англію. Въ Петербургѣ, однако, паро-

ходъ не остался и возвратился въ Нью-Йоркъ. Пароходъ этотъ своимъ смѣлымъ опытомъ указалъ на практическую возможность быстро и правильнаго пароходнаго сообщенія между Америкой и Европой, и съ той поры пароходство стало быстро развиваться, для удовлетворенія сначала собственно потребностямъ торговли. Но вскорѣ приступили къ постройкѣ паровыхъ судовъ и для военно-морскихъ цѣлей.

Однако, замѣна парусныхъ судовъ паровыми производилась медленно, такъ какъ въ военныхъ флотахъ всѣхъ европейскихъ державъ, парусныя суда достигли въ то время, въ отношеніи силы, быстроты хода и поворотливости, высшей степени совершенства, какую только можно требовать отъ этого рода судовъ. Между тѣмъ, колесные пароходы обнаруживали слишкомъ существенные недостатки, для того чтобы могли служить боевыми судами, а именно: гребныя колеса, валъ и часть паровыхъ котловъ находились на военныхъ пароходахъ выше ватерлиніи и, слѣдовательно, были вполнѣ открыты дѣйствию непріятельскихъ выстрѣловъ, отчего всякое поврежденіе въ названныхъ частяхъ могло привести пароходъ въ состояніе гораздо худшее противъ даже обыкновеннаго паруснаго судна. Кромѣ того, колесные кожухи, при противныхъ вѣтрахъ и на большомъ волненіи, весьма увеличивали сумму преодолеваемыхъ судномъ сопротивленій.

Но положеніе это быстро измѣнилось, какъ только въ Сѣверной Америкѣ, около 1840 года, былъ построенъ первый военный винтовой фрегатъ „Princeton“, скорость хода котораго достигла 14 миль въ часъ. Такъ какъ такая скорость считалась тогда исключительною, то французское и англійское правительства приступили къ предѣлкѣ нѣкоторыхъ парусныхъ кораблей въ винтовые и къ постройкѣ, по новымъ чертежамъ, винтовыхъ кораблей, которые достигали скорости хода отъ 12 до 14 узловъ (отъ 22,1 до 25,8 километровъ въ часъ). Корабли эти оказались не только превосходными паровыми судами, но такими же ходаками и подъ парусами.

Въ Россіи первый колесный пароходъ морскаго вѣдомства былъ „Скорый“, построенный въ 1817 году на ижорскихъ заводахъ, для портовыхъ надобностей.

Быстрое введеніе винтоваго двигателя на судахъ англійскаго и французскаго флотовъ указывало на переворотъ, совершившійся въ дѣлѣ военнаго судостроенія въ Европѣ. Въ Россіи, въ 1846 году, морское министерство приступило также

къ постройкѣ, по чертежамъ пароходнаго комитета, фрегата „Архимедъ“, спущеннаго на воду въ Петербургѣ въ 1848 году. Но этотъ первый опытъ постройки въ Россіи винтоваго военнаго судна окончился катастрофой. 6 октября 1850 года фрегатъ „Архимедъ“ разбился во время пасмурной погоды въ Балтійскомъ морѣ у острова Борнгольма, и такимъ образомъ при началѣ Крымской войны у насъ не было на водѣ ни одного боеваго судна съ винтовымъ двигателемъ ¹⁾.

Но и число, какъ выше было указано нами, мало пригодныхъ для военныхъ дѣйствій колесныхъ пароходовъ было крайне ограничено. Въ черноморскомъ флотѣ считалось всего 7 пароходо-фрегативъ, съ 1.960 паровыми силами, вооруженныхъ 49 пушками. Остальныя же суда были парусныя.

Между тѣмъ союзный англо-французскій флотъ, назначенный для военныхъ дѣйствій въ Черномъ морѣ въ войну 1854 года, состоялъ изъ слѣдующаго числа паровыхъ военныхъ судовъ: англійскій флотъ—изъ 24 судовъ, имѣвшихъ 5.859 паровыхъ силъ ²⁾; французскій флотъ—изъ 12 судовъ, имѣвшихъ 4.960 паровыхъ силъ ³⁾.

Если сосчитать число орудій, имѣвшихся на всѣхъ парусныхъ и паровыхъ судахъ, не считая судовъ турецкаго флота, то окажется, что союзный англо-французскій флотъ обладалъ 2.449 орудіями, русскій же флотъ имѣлъ около 2.000 орудій.

Этому-то обстоятельству и слѣдуетъ въ значительной степени приписать такой результатъ, что черноморскій флотъ долженъ былъ укрыться въ Севастопольской бухтѣ, не вступая въ бой. Такимъ образомъ, оказалось, что флотъ, постройка котораго потребовала столь продолжительнаго времени и столь значительныхъ жертвъ—погибъ, не оказавъ никакой услуги ⁴⁾.

Если такой участи долженъ былъ подвергнуться черноморскій флотъ, состоявшій изъ судовъ, прекрасно построенныхъ, по новѣйшимъ чертежамъ, изъ вполне доброкачественнаго ма-

¹⁾ „Обзоръ дѣятельности морскаго управленія въ Россіи съ 1855 по 1880 годъ“.

²⁾ Изъ числа этихъ 24 паровыхъ судовъ было: 2 винтовыхъ корабля (172 орудія), 2 винтовыхъ фрегата и 20 пароходо-фрегативъ и колесныхъ пароходовъ.

³⁾ Изъ числа 12 паровыхъ судовъ было: одинъ 90 пуш. винтовой корабль, 8 винтовыхъ фрегативъ и корветовъ и 3 колесныхъ парохода.

⁴⁾ Уцѣлѣли только 12 небольшихъ пароходовъ, 22 парусныхъ судна и 37 канонерскихъ лодокъ.

теріала, вооруженный сильной артиллеріей и комплектованный опытнымъ экипажемъ, то еще менѣе могъ быть способенъ къ бою флотъ балтійскій. Его суда, въ качественномъ отношеніи, были просто ни къ чему негодны. Въ обзорѣ дѣятельности морскаго вѣдомства за 25-ти-лѣтіе 1855—1880 гг. прямо указывается, что суда Балтійскаго моря, въ качественномъ отношеніи, были въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, парусные корабли и фрегаты были большею частію сосновые, *изъ сыраго лѣса, слабой постройки и весьма посредственнаго сооруженія*, такъ что, при каждомъ учебномъ плаваніи по портамъ Финскаго залива, весьма многіе изъ нихъ подвергались разнообразнымъ поврежденіямъ. Не было возможности составить изъ нихъ эскадру, для продолжительнаго плаванія въ дальнихъ моряхъ, и съ большимъ трудомъ можно было отыскать даже нѣсколько отдѣльныхъ судовъ, которыя почитались бы способными совершить переходъ изъ Кронштадта къ берегамъ Восточной Сибири.

Эта справка съ прошедшимъ необходима для того, чтобы показать, съ какими трудностями пришлось правительству бороться послѣ Крымской войны и какъ велики достигнутые съ перемѣною направленія результаты.

Для характеристики давнихъ порядковъ, достаточно напомнить, что въ Россіи, въ то время столь богатой лѣсами и имѣвшей цѣлыя толпы искусныхъ плотниковъ, суда строились изъ плохаго лѣснаго матеріала, и самая постройка ихъ была крайне неудовлетворительна. Опыты, вынесенные изъ Крымской войны, показали окончательно, что парусныя суда не могутъ имѣть боеваго значенія на ряду съ судами, обладающими паровыми двигателями, и съ этого времени дни парусныхъ флотовъ во всѣхъ націяхъ были сочтены и началась усиленная дѣятельность по приведенію флота въ современное положеніе, посредствомъ постройки паровыхъ судовъ съ винтовымъ двигателемъ. Эта дѣятельность въ короткій срокъ измѣнила и составъ русскаго флота.

Конечно, первыя, послѣ Крымской войны, въ Россіи постройки не могли быть сразу удачны. Вынужденная торопливость, а равно неопытность въ дѣлѣ постройки винтовыхъ судовъ и механизмовъ имѣли неизбѣжнымъ слѣдствіемъ, что и новыя суда оказались съ большими недостатками и не были въ состояніи выдержать строгой морской критики, тѣмъ болѣе,

что употребленный материалъ—лѣсъ и желѣзо далеко не соотвѣтствовали надлежащимъ качествамъ.

Но недостатки эти уже не скрывались и не составляли государственной тайны, какъ въ прошломъ, а напротивъ, дабы избѣжать подобныхъ неправильностей въ будущемъ, о таковыхъ подробно и откровенно излагалось въ „Морскомъ Сборникѣ“.

Однако, несмотря на всѣ свои недостатки, суда эти оказали огромную услугу, доставивъ возможность отправить на нихъ въ дальнее плаваніе тотчасъ послѣ войны большое число офицеровъ, гардемаринъ и нижнихъ чиновъ, которые такимъ образомъ имѣли много случаевъ къ приобрѣтенію морскихъ познаній и опытности и послѣ возвращенія внесли новыя, освѣжительныя, столь необходимыя вѣянія въ морское министерство.

Но еще не достроились паровыя деревянные суда, какъ наука кораблестроенія сдѣлала новые громадныя шаги впередъ, и корабли эти еще на стапелѣ потеряли свое боевое значеніе. У моряковъ всѣхъ націй явилось убѣжденіе, что необходимо защитить отъ непріятельскихъ выстрѣловъ суда броней.

II.

Борьба успѣховъ артиллеріи съ броненоснымъ судостроеніемъ.

Никогда ни одно открытіе ума человѣческаго въ дѣлѣ морской науки и практики не получало осуществленія съ такою необыкновенною быстротою и въ такихъ разнообразныхъ формахъ, какъ броненосное судостроеніе.

Первое появленіе обшитыхъ броней судовъ относится ко времени Крымской войны. Бомбардированіе Севастополя соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ сразу показало союзникамъ, что деревянные ихъ суда могутъ быть легко сожжены и уничтожены въ борьбѣ противъ береговыхъ укрѣпленій, вооруженныхъ достаточнымъ числомъ бомбическихъ пушекъ.

Это побудило сдѣлать опытъ защиты судовъ желѣзными плитами, и уже въ 1854 году во Франціи приступили къ постройкѣ изъ дерева трехъ броненосныхъ плавучихъ батарей: „Lave“, „Dévastation“ и „Tonnante“, предназначенныхъ для атаки русскихъ береговыхъ укрѣпленій на Черномъ морѣ. Англичане, также имѣя намѣреніе атаковать Крошштадтъ въ 1856 г., построили семь желѣзныхъ плавучихъ батарей.

Оказалось, что снаряды русской артиллеріи, направленные

противъ этихъ батарей, наносили имъ вредъ, только когда случайно попадали въ отверстія амбразуръ. Отсюда выведено было то заключеніе, что если бы удалось построить суда, покрытыя желѣзною броней и могущія при этомъ свободно маневрировать въ открытомъ морѣ, то такія суда были бы непобѣдимы.

По приказанію императора Наполеона III, въ 1853 году было приступлено къ постройкѣ перваго броненоснаго фрегата „Gloire“, по плану знаменитаго инженера Дюпюи де Лома; этотъ фрегатъ предназначался быть между деревянными судами, по выраженію его строителя, *львомъ въ стадѣ овецъ*. Стоимость фрегата достигла 7 милліоновъ франковъ, т. е. превысила втрое стоимость самыхъ большихъ линейныхъ кораблей, но всемо казалось, что въ виду возможныхъ результатовъ и такая издержка не была слишкомъ велика.

Англійскіе моряки недоувѣрчиво смотрѣли на постройку броненосныхъ судовъ, полагая, что они пойдутъ ко дну при первой бурѣ въ открытомъ морѣ. Такія предсказанія, однако, не оправдались.

Первый шагъ Франціи въ новомъ направленіи быстро вызвалъ подражанія и въ Англии, и въ Америкѣ. Рѣшающимъ, однако, моментомъ, вызвавшимъ выходъ деревянныхъ судовъ изъ употребленія, было первое состязаніе броненосца съ деревянными судами.

Послѣ разрыва и открытія военныхъ дѣйствій между сѣверными и южными штатами Сѣверо-Американскаго союза, 8 марта 1862 г., около крѣпости Монроэ, на Гамптонскомъ рейдѣ, находились три 50-ти-пушечные винтовые фрегата и два парусные военные корабли.

Суда эти были столь превосходно вооружены, что во всѣхъ иностранныхъ флотахъ нельзя было бы найти пяти судовъ одинаковаго ранга, сила артиллеріи которыхъ равнялась бы вооруженію названныхъ судовъ. Къ нимъ подошелъ изъ Норфолька броненосецъ „Merrimack“, принадлежавшій южнымъ штатамъ и представлявшій собою корпусъ обыкновеннаго бортоваго фрегата, передѣланнаго въ броненосное судно.

Въ 2 часа пополудни начался бой, несомнѣнно самый замѣчательный въ новѣйшее время по своимъ важнѣйшимъ послѣдствіямъ. Къ 7-ми часамъ вечера бой этотъ прекратился со слѣдующими результатами: два фрегата были уничтожены, причемъ убито и утонуло 250 человекъ; только три фрегата упѣ-

лѣли благодаря ночи, а „Merrimack“ возвратился невредимымъ въ Норфолькъ.

На другой день „Merrimack“ снова вышелъ на Гамптонскій рейдъ, но здѣсь, на этотъ разъ, взору его командира и команды представилось какое-то страннаго вида маленькое суденышко, невиданное нигдѣ до тѣхъ поръ и послужившее имъ предметомъ забавнаго любопытства и смѣха. Суденышко былъ „Monitor“, который только въ 2 часа ночи прибылъ изъ Нью-Йорка. Черезъ нѣсколько минутъ „Merrimack“ открылъ по „Monitor'у“ огонь изъ своихъ огромныхъ орудій, и такимъ образомъ начался знаменитый въ новѣйшихъ морскихъ лѣтописяхъ бой, продолжавшійся болѣе трехъ часовъ на самомъ близкомъ разстояніи, причемъ оба противника прибѣгали нѣсколько разъ къ помощи тараненія другъ друга. Результатомъ такого, нигдѣ неслыханнаго способа боя, къ изумленію всего міра, было то, что „Monitor“ остался невредимымъ, а „Merrimack“ принужденъ былъ удалиться съ рейда въ Норфолькъ со столь значительными поврежденіями, что сами южане должны были вконецъ уничтожить его.

Такъ окончился знаменитый бой, совершившій огромный переворотъ въ способахъ веденія морской войны. Сдѣлалось несомнѣннымъ, что деревянныя паровыя суда не могутъ вступать въ бой съ броненосцами и что, слѣдовательно, винтовыя деревянныя суда потеряли свое боевое значеніе, подобно паруснымъ судамъ при введеніи винтоваго двигателя.

Эволюція эта оказалась для Россіи крайне невыгодною: только-что былъ сооруженъ необходимый для Россіи паровой флотъ, какъ непредвидѣнныя морскія событія Американской войны заставили создавать броненосный флотъ — и именно въ то время, когда финансы государства находились послѣ Крымской войны въ самомъ плачевномъ положеніи.

А медлить было невозможно, такъ какъ другое еще болѣе серьезное обстоятельство выдвинуло необходимость быстро создать броненосный флотъ на первый планъ.

Какъ извѣстно, въ шестидесятыхъ годахъ Россія находилась подъ вліяніемъ угрожающаго разрыва съ западными государствами, желавшими вмѣшаться въ польскій вопросъ. Въ 1863 году, былъ учрежденъ при военномъ министерствѣ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Крыжановскаго, для обсужденія мѣръ, необходимыхъ для безотлагательнаго приведенія Кронштадта въ оборонительное положеніе. Общее

миѣніе комитета было, что при тѣхъ средствахъ, которыми владѣли морскіе противники Россіи въ 1863 году, Кронштадтъ, въ случаѣ нападенія на него съ моря, не можетъ быть спасенъ; что, при настойчивости и умѣни противника, сама столица не можетъ считаться внѣ опасности, и что одними береговыми укрѣпленіями, безъ подвижной броненосной обороны, состоящей изъ 40 броненосныхъ плавучихъ батарей, мониторовъ и канонерскихъ лодокъ, Кронштадтъ защитить невозможно ¹⁾.

Пока суда строились изъ дерева, матеріаль и рабочую силу Россія, — особенно если бы администрація того времени правильно распоряжалась природными богатствами, — могла находить у себя; но въ совершенно иномъ положеніи оказалось государство при необходимости строить желѣзные суда и снабжать ихъ весьма сильными и крайне дорого стоящими машинами и орудіями. Тѣмъ не менѣе принятыми энергическими мѣрами вышеуказанный броненосный флотъ, несмотря на финансовыя трудности, весьма быстро былъ созданъ.

Между тѣмъ и другія морскія державы, считавшія себя могущественными на морѣ, сознавая, что онѣ почти вовсе беззащитны, если не примутъ рѣшительныхъ мѣръ къ увеличенію броненосныхъ флотовъ, начали поспѣшно, съ лихорадочною дѣятельностью стремиться достигнуть при настоящемъ усовершенствованіи техники повидимому недостижимаго: имѣть суда, обшитыя броней, которую не могли бы пробивать удары самой сильной артиллеріи.

Ни одна изъ специальностей морскаго дѣла, не исключая даже и кораблестроенія, не представляетъ такихъ изумительныхъ результатовъ, въ смыслѣ нововведеній и усовершенствованій, какіе достигнуты, начиная съ 60-хъ годовъ, морскою артиллеріею.

Лучшее понятіе можетъ намъ дать сравненіе вооруженій русскаго флота въ прошлое и нынѣшнее время; для этого возьмемъ старый 84-пушечный корабль „Прохоръ“ и нынѣшній корабль „Петръ Великій“, имѣющій только четыре 12-ти-дюймовыя нарѣзные пушки. „Прохоръ“ залпомъ могъ выбросить 84 пуда чугуна, а „Петръ Великій“ выбрасываетъ залпомъ 74 пуда металла.

Хотя этотъ послѣдній вѣсъ и нѣсколько меньше перваго, но механическая его работа, т. е. сила удара, оказывается втрое

¹⁾ „Обзоръ дѣятельности морскаго управленія съ 1855 по 1880 г.“.

болѣе силы удара залпа корабля „Прохоръ“. Такъ, если бы всѣ 84 снаряда могли быть выброшены съ этого корабля въ одну точку, находящуюся на разстояніи 600 сажень, то они произвели бы механическую работу въ 654.128 пудо-фудовъ. Залпъ четырехъ орудій корабля „Петръ Великій“, при тѣхъ же условіяхъ, даетъ 1.918.369 пудо-фудовъ. Для полученія такого удара на корабль „Прохоръ“, нужно было сжечь до 19 пудовъ пороха и имѣть 532 человѣка прислуги у орудій, а на корабль „Петръ Великій“ требуется 16 пудовъ пороха и только 64 человѣка прислуги. Всѣ 84 снаряда корабля „Прохоръ“, если бы даже и можно было выбросить ихъ залпомъ въ одномъ направленіи, попавши въ самое слабое изъ существующихъ броненосныхъ судовъ, не нанесли бы ни малѣйшаго вреда его бронированному корпусу, такъ какъ самыя сильныя изъ имѣвшихся въ началѣ описываемаго періода орудій едва-ли могли бы сдѣлать даже царапину на самой тонкой плитѣ изъ употребляемыхъ нынѣ для бронирования судовъ; между тѣмъ, каждый снарядъ, выстрѣленный изъ 12-ти-дюймовой наръвной пушки, способенъ пробить бортъ наиболѣе сильнаго изъ существующихъ броненосцевъ, толщиной въ 3 фута и покрытый 13-ти-дюймовою плитою, на разстояніи до 1.000 сажень. Притомъ всѣ четыре орудія корабля „Петръ Великій“, какъ судна башеннаго, могутъ быть направлены на небольшое, сравнительно, пространство поражаемаго борта.

Но и эти пушки оказываются безсильными противъ нѣкоторыхъ изъ строящихся нынѣ броненосцевъ, покрываемыхъ 20-ти и даже 24-хъ-дюймовою бронею, а потому, рядомъ съ такими броненосцами, появились и еще болѣе сильныя орудія, какъ это покажемъ ниже.

Такое необычайное увеличеніе калибровъ и вѣса пушекъ, такое стремленіе сосредоточить въ ударѣ одного снаряда разрушительную силу, въ нѣсколько разъ превышающую силу залпа цѣлаго борта прежнихъ линейныхъ кораблей, началось со времени примѣненія желѣзныхъ плитъ къ защитѣ судовъ и приморскихъ крѣпостей. Современные чудовищныя пушки порождены борьбою между бронею и артиллеріею, начавшеюся вмѣстѣ съ появленіемъ первыхъ броненосныхъ батарей и продолжающеюся, съ неослабѣвающимъ упорствомъ, до нынѣ ¹⁾.

1) „Обзоръ дѣятельности морскаго управленія съ 1855 по 1880 г.“.

III.

Измѣненіе морской тактики.

Само собою разумѣется, что съ такими основными измѣненіями въ двигателѣ и матеріалѣ должна была измѣниться радикально и самая морская тактика.

До первой половины настоящаго столѣтія, дѣйствіе береговыхъ батарей на суда и артиллерійскій бой между самыми кораблями не представлялись особенно страшными. Массивныя ядра, выбрасываемыя гладкими орудіями, били недалеко, не часто попадали въ цѣль, а большую часть произведенныхъ ими пробоинъ нетрудно было задѣлать подручными средствами—кускомъ дерева и парусины. Уже гораздо страшнѣе были раскаленные ядра, попадавшія въ обшивку, но имѣлись и средства для прекращенія начинавшагося пожара.

Введеніе нарѣзныхъ орудій, а въ особенности снарядовъ, наполненныхъ взрывчатыми веществами, совершенно измѣнило условія боя. Разрушеніе, какое можетъ произвести одинъ мѣтко попавшій снарядъ, столь опасно, что въ сравненіи съ нимъ и самое дѣйствіе раскаленного ядра представляется нынѣ какъ бы дѣтской игрою. Новые снаряды, наполненные взрывчатыми веществами, не пробиваютъ отверстій, всего немного шире своего діаметра, подобно прежнимъ, но вырываютъ цѣлыя части судна, уничтожая все вокругъ мѣста взрыва. Пришлось не только защищать бока судовъ, но и „имѣть на всѣхъ броненосцахъ блиндированную палубу достаточной толщины, чтобы остановить снарядъ, падающій подъ большимъ угломъ. Всякое прикрытіе, доставляемое броневымъ поясомъ, бесполезно и напрасно, если одинъ лишь снарядъ, пробившій деревянную палубу, достаточенъ, чтобы вывести судно изъ боя, благодаря поврежденію, напр., паровыхъ котловъ. Если не желательно подвергаться подобнымъ случайностямъ, не желательно рисковать милліонами, издержанными на броню, и парализованными и уничтоженными паденіемъ одного лишь снаряда, то положительно необходимо одѣвать палубу броненоснаго судна достаточною броней. Однако, даже и тогда, когда броненосецъ будетъ имѣть это необходимое дополнительное прикрытіе, на немъ все же останутся жизненные части не прикрытыя, и которыя будутъ подвержены дѣйствію снаря-

довъ; слѣдовательно, судно, наиболѣе могучее, одѣтое наиболѣе сплошною и наилучше расположенною броней, все же можетъ съ успѣхомъ быть атаковано артиллеріею относительно слабою; одного сваряда, проникнувшего сквозь отверстія въ бронѣ, будетъ достаточно, чтобы причинить судну очень важныя поврежденія¹⁾.

Нѣтъ необходимости доказывать, что блиндированіе судовъ могло оказаться возможнымъ лишь при двоякомъ примѣненіи пара, т. е. уже не только какъ двигателя самаго судна, но и какъ силы, которой дѣйствуютъ другія спеціальныя машины.

На современномъ боевомъ суднѣ находятся „машины двигательныя, динамо-электрическія, водоотливныя, рулевыя, шпилевыя, вентиляторныя, мусорныя, воздухонагнетательныя. Каждая пушка, каждая паровая шлюпка представляютъ отдѣльные сложные механизмы; дѣйствіе пушки, подъемъ шлюпокъ и проч. производятся также механизмами. Прибавьте десятки верстѣ электрическихъ проводниковъ и массу всякаго рода устройствъ, сосредоточенныхъ въ машинныхъ отдѣленіяхъ, въ которыхъ люди, при искусственномъ свѣтѣ и нагнетаемомъ воздухѣ, разобщенные по группамъ и по одиночкѣ между собою и отъ начальствующихъ лицъ, должны, съ полнымъ знаніемъ своего дѣла, исполнять моментально и хладнокровно приказанія, получаемыя отъ невидимаго начальства по телеграфу... Вотъ, что такое современная боевая единица!²⁾

Чтобы дать понятіе о роли, которую играютъ машины на новѣйшихъ корабляхъ, приведемъ сравненіе, сдѣланное контръ-адмираломъ Макаровымъ³⁾, прежняго деревяннаго фрегата съ нынѣшнимъ крейсеромъ „Рюрикъ“. „Машина и котлы на крейсерѣ „Рюрикъ“ занимаютъ по длинѣ 192 фута самой широкой части корабля. Чтобы ясно представить себѣ, что такое 192 фута такого судна, какъ „Рюрикъ“, можно сказать, что если бы вынуть изъ него всю машину съ котлами и угольными ямами и налить туда воды, то образовался бы бассейнъ, въ которомъ совершенно свободно могъ бы размѣститься на швартовахъ весь фрегатъ прошлаго времени, со всѣмъ его экипажемъ и со всѣми его пушками. Кругомъ фрегата осталось бы даже до-

1) Пойень. „Значеніе морской артиллеріи въ сраженіяхъ послѣдняго времени“. Спб., 1888.

2) „Русское судоходство“. Переписка о флотѣ.

3) Генераль Пестичъ, „Современный флотъ и его вопросы“.

статочно свободнаго мѣста, чтобы объѣхать на шлюпкѣ. Въ этихъ 192 футахъ, занимаемыхъ машиной, все сжато до невозможности, и тѣснота въ помѣщеніяхъ доходитъ иногда до того, что, какъ только посторонись отъ шатуна одной машины, то непременно попадешь въ мотыль другой и, чтобы пощупать какой-нибудь подшипникъ, дабы убѣдиться, что онъ не нагрѣвается, машинистъ долженъ быть акробатомъ, а кочегаръ, который съ его форсированнымъ дутьемъ, долженъ заставить котель дать вдвое больше пару, чѣмъ то соответствуетъ его размѣру, въ выносливости и энергій не долженъ уступать самому сатанѣ⁴.

Со сложностью механизмовъ возросли нынѣ и требованія интеллигенціи, сравнительно съ прошлымъ. Въ прежнія времена, когда единственнымъ двигателемъ судовъ былъ вѣтеръ, результатъ борьбы во многомъ зависѣлъ отъ умѣнья подойти съ той или другой стороны и справляться съ парусами, а въ концѣ концовъ рѣшался абордажемъ, какъ штыковый натискъ рѣшалъ бой на сушѣ. Паровой двигатель совершенно измѣнилъ условія. Ходомъ боя управляетъ нынѣ одинъ паръ, каково бы ни было направленіе вѣтра, а рѣшаютъ его мины, артиллерія или таранъ. Притомъ парусный флотъ не могъ скрывать предполагаемаго маневра, а паръ позволяетъ скрывать его до послѣдняго момента. Такимъ образомъ, значительно возросли нынѣ значеніе вождя и рѣшительность въ дѣйствіяхъ. Благодаря пару, въ боевыхъ дѣйствіяхъ флота сильнѣе прежняго выступилъ національный характеръ и уменьшились какъ потребность составлять прислугу изъ природныхъ моряковъ, такъ и самая численность экипажей (на большихъ судахъ—до 60%)¹). Два послѣднія обстоятельства имѣютъ существенное значеніе, при соразмѣреніи силы флота съ числомъ годнаго для морской службы населенія, и внушаютъ довѣріе матросамъ, недостаточно привыкшимъ къ морю, такъ какъ они убѣждаются, что при доброй волѣ и нѣкоторой сноровкѣ и они могутъ быть полезны.

Нѣмецкій писатель Геннингъ справедливо замѣчаетъ: „Что касается собственно воинской техники экипажей, то она повсюду—въ Англии, Франціи, Германіи, Россіи, Италиі—можетъ дать совершенно одинаковые результаты; здѣсь весь вопросъ—въ развитости и твердости какъ командира, такъ и экипажа, и затѣмъ—въ удачномъ употребленіи факторовъ техническихъ. Разумѣется, тотъ все-таки будетъ имѣть преимущество, кто командуетъ экипажемъ, составленнымъ изъ природныхъ море-

¹) Henning, „Die Küstenvertheidigung“. Berlin, 1892.

ходовъ, но въ сраженіи это преимущество можетъ быть уравновѣшено боевыми качествами команды“.

Конечно, и въ морской войнѣ, какъ въ сухопутной, главнымъ условіемъ успѣха явится превосходство силъ въ рѣшающій моментъ, но и это находится въ зависимости отъ рѣшимости и искуснаго маневрированія.

IV.

Сравненіе расходовъ на морскія силы.

Постройка и испытаніе первыхъ построенныхъ броненосцевъ скоро привели инженеровъ къ заключеніямъ о несомнѣстности всѣхъ требуемыхъ отъ военныхъ судовъ условій въ одномъ суднѣ, о необходимости раздѣленія судовъ на спеціальныя типы, каждый со своимъ особымъ назначеніемъ. Для плаванія въ океанахъ и линейнаго боя было тогда рѣшено оставить бортовые рангоутные броненосцы, покрытые броней умѣренной толщины, а для прибрежной войны (т. е. для атаки и обороны портовъ и гаваней) строить башенные броненосцы, оказавшіеся способными носить броню самой большой толщины и орудія самага большаго калибра. Изложенныя обстоятельства были главной причиной появленія различныхъ проектовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ различныхъ типовъ броненосныхъ судовъ и системъ ихъ постройки.

Конечно, постоянныя нововведенія непрерывно увеличивали издержки на флотъ. Напрасно говорилось о томъ, что учащенность перемѣнъ должна привести народы къ разоренію и что издержки на флотъ растутъ даже въ бѣльшей пропорціи, чѣмъ издержки на армію.

Сравнительное возрастаніе издержекъ на сухопутную армію и флотъ представляется въ слѣдующей таблицѣ:

	Сухопутная армія.		Флотъ.	
	Издержки въ милліон. р.	На 1000 чел. приходилось р.	Издержки въ милліон. р.	На 1000 чел. приходилось р.
1874 г.	633,1	2.289	163,9	592
1888 „	721,6	2.332	224,3	725
1891 „	914,6	2.768	252,9	769

Чтобы выразить ярче сравнительный ростъ расходовъ на тотъ и другой родъ военныхъ силъ, мы обозначаемъ издержки 1874 г. цифрою 100 и получаемъ, по отношенію къ ней, возрастаніе въ процентныхъ цифрахъ:

Флотъ:	Сухопут. силы:
1874 г.—100	100
1888 „—137	114
1891 „—154	144

Особенно быстрымъ оказался ростъ флота въ первый изъ разсматриваемыхъ періодовъ, когда расходы на сухопутныя силы увеличились только на 14%, а расходы на флотъ на 37%.

Если обратимся къ разсмотрѣнію численности судовъ, то окажется, что флоты европейскихъ государствъ представляли слѣдующія цифры:

Б Ы Л О.	Въ 1874 г.	Въ 1888 г.	Принимая за 100 цифру 1874 г., получимъ для 1888 г.
Французскихъ судовъ	405	377	93%
Английскихъ „	378	464	123%
Итальянскихъ „	74	225	304%
Германскихъ „	47	175	372%
Австрийскихъ „	69	103	149%
Русскихъ „	126	114	90%

Табличка эта показываетъ, что наибольшее увеличеніе числа судовъ произошло въ Германіи, потомъ въ Италиі, Австріи и Англии. Уменьшеніе же замѣчается во Франціи и въ Россіи.

Съ 1888 года по 1-е марта 1890 года построено еще въ Англии 58 судовъ, во Франціи 23, въ Австріи 16, въ Италиі 13 и въ Германіи 9.

Если сложить всѣ издержки на флотъ съ 1871 по 1890 годъ, то получится слѣдующія цифры ¹⁾:

	На флотъ въ милліонахъ франковъ.	Общіе бюджетные расходы въ мил. франковъ.	% отношеніе расходовъ на флотъ.
Англія	4,335	47,967	9%
Франція	3,636	66,876	5%
Германія	1,000	15,495	6%
Австрія	470	5,783	8%
Италія	1,101	29,682	4%
Россія	1,979	47,864	4%

¹⁾ По даннымъ, представленнымъ французской палатѣ депутатовъ докладчикомъ бюджетной комиссіи.

Необходимость устройства броненосцевъ различныхъ типовъ имѣла послѣдствіемъ еще то, что началась борьба между усовершенствованіями орудій и усиленіемъ брони. Бомбы, отлитыя изъ чугуна обыкновеннымъ способомъ, хотя и дѣйствуютъ разрушительно на суда, не защищенные броней, но при ударѣ въ броню разбиваются, не нанося почти никакихъ поврежденій. Въ виду этого, для дѣйствія по бронѣ, стали употреблять снаряды стальные и увеличивать все болѣе и болѣе силу удара, что, въ свою очередь, вызвало утолщеніе брони, противъ которой опять приходилось изобрѣтать болѣе сильные снаряды. Какъ только таковыя появились, потребовалось новое утолщеніе брони и необходимость увеличенія размѣра судовъ. Началось соперничество изобрѣтеній. Верхъ брали по-очередно то снаряды, то броня. Никто не слушалъ при этомъ голоса экономистовъ, предсказывавшихъ грустныя послѣдствія такого состязанія.

Безпрерывное соперничество артиллеріи съ броней привело къ тому, что въ настоящее время по морямъ плаваютъ стальные колоссы, нѣчто въ родѣ подвижныхъ крѣпостей, могущіе уничтожать не только суда, но и прибрежныя постройки, даже города.

Нѣсколько цифръ дадутъ возможность судить о достигнутыхъ въ этомъ отношеніи результатахъ.

Стоимость паруснаго первокласснаго линейнаго корабля не превышала 2,3 милліоновъ марокъ. На постройку же перваго англійскаго броненосца „Warrior“ издержано въ 1860 году 7 милліоновъ марокъ. Это было только началомъ возрастанія стоимости военныхъ судовъ. Германскій броненосецъ „Koenig Wilhelm“, построенный въ 1868 г., стоилъ уже 10 милл. марокъ, итальянскій „Duilio“, въ 1876 г.,—14 милл., а „Italia“, 1886 г.,—20 милл. марокъ. Такимъ образомъ въ теченіе 20 лѣтъ стоимость броненосцевъ увеличилась втрое ¹⁾. Большую часть издержекъ поглощаетъ броня. Изъ 21 милл. франковъ, израсходованныхъ на броненосецъ „Magenta“, 15 милл., т. е. 71%, издержаны на броню.

Посмотримъ теперь, каковы средства для разрушенія этихъ морскихъ гигантовъ. Парусный военный корабль 1-го разряда былъ вооруженъ 120 орудіями, вѣсившими 480 тоннъ ²⁾. На

¹⁾ Адмиралъ Вернеръ „Die Kampfmittel zur See“.

²⁾ Тонна равняется 62 пудамъ.

первомъ броненосцѣ было уже только 32 орудія, но они вѣсили 690 тоннъ. На построенномъ въ 1880 году броненосцѣ „Italia“ имѣются только 4 большія и 8 малыхъ орудій, но они вѣсятъ почти вдвое болѣе, чѣмъ 32 орудія перваго броненосца, именно 1.150 тоннъ. Такимъ образомъ, вѣсъ орудій со времени парусныхъ флотовъ увеличился болѣе, чѣмъ въ 150 разъ. Конечно, увеличились соотвѣтственно и размѣры и вѣсъ снарядовъ, а также и разрушительная сила послѣднихъ, особенно вслѣдствіе наполненія ихъ взрывчатыми веществами. Діаметръ снаряда на броненосцѣ „Warrior“ равнялся 16 сант., вѣсъ его—31,5 кило; на броненосцѣ „Italia“ діаметръ снаряда увеличился до 43 сант., а вѣсъ до 907 кило. Въ теченіе 20 лѣтъ сила снаряда, принимая во вниманіе только вѣсъ его, увеличилась въ 30 разъ.

Но на этомъ не остановились. Англія продолжаетъ стоять во главѣ государствъ, стремящихся по пути успѣховъ въ усовершенствованіи средствъ разрушенія на морѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ англійскіе корабли вооружались орудіями калибра 305 миллиметровъ и броней въ 30 сант. толщины. Потомъ на нихъ были орудія въ 406 милим., вѣсившія 80 тоннъ и бросавшія снарядъ вѣсомъ въ 800 кило. Но въ виду того, что Италия вооружила свои броненосцы „Duilio“ и „Dandolo“ сто-тонными орудіями, англичане изучаютъ проектъ введенія двухсотъ-тонныхъ орудій, способныхъ стрѣлять снарядами въ 3.000 кило вѣсомъ и пробивать насквозь броню въ 90 сант. толщины ¹⁾).

Каковы же издержки при стрѣльбѣ изъ такого рода орудій? „Le Progrès militaire“, на основаніи данныхъ французскаго морскаго бюджета, дѣлаетъ слѣдующій расчетъ. Выстрѣлъ изъ орудія въ сто десять тоннъ обходится круглымъ счетомъ въ 4.160 франковъ, что соотвѣтствуетъ капиталу (исчисленному изъ 4^о,0 годовыхъ) 104.000 франковъ. Сумма эта распределена такъ: 1.900 фр. за 450 кило пороху, 2.260 фр. за снарядъ въ 900 кило, итого 4.160 фр.

Но это не все. Сто-десяти-тонное орудіе *выдерживаетъ только 93 выстрѣла* и становится затѣмъ негоднымъ къ дальнѣйшему употребленію.

Такъ какъ стоимость орудія равняется 412.000 франк., то,

¹⁾ Hennebert, „L'Art militaire et la science“.

слѣдовательно, при каждомъ выстрѣлѣ уменьшается цѣнность орудія на 4.340 фр.; значить, каждый выстрѣлъ будетъ стоить 8.500 фр. При каждомъ выстрѣлѣ бросается, такимъ образомъ, на воздухъ годовой процентъ съ капитала 212.500 фр. *Тысяча такихъ выстрѣловъ представляетъ капиталъ 212½ мил. франковъ.*

Переходя къ орудіямъ меньшаго калибра, оказывается, что выстрѣлъ изъ шестидесяти-семи-тоннаго орудія (стоимость котораго 250.000 фр., негодность послѣ 127-го выстрѣла) обходится 4.600 фр.; выстрѣлъ изъ 45-тоннаго орудія (стоимость котораго 157.500 фр., негодность послѣ 150-го выстрѣла) обходится въ 2.450 фр. Только жизнь матросовъ во флотѣ считается безцѣнною. „Горе человѣчеству, идущему по такой наклонной плоскости“, заключаетъ выводы свои „Le Progrès militaire“, прибавляя, что, по мѣрѣ успѣховъ боевой техники, расходы на нее все возрастаютъ.

Генераль Пестичъ дѣлаетъ весьма интересное сравненіе ¹⁾: „шесть русскихъ кораблей, принимавшихъ участіе въ Синопскомъ сраженіи, имѣли на вооруженіи около 600 чугунныхъ орудій, изъ числа которыхъ дѣйствовали тѣ 300 орудій, которыя разгромили все, что было въ Синопѣ; между тѣмъ, стоимость этихъ 300 орудій, по цѣнамъ того времени, не превосходить стоимости одного сто-тоннаго орудія. Какіхъ результатовъ можно ожидать отъ одного орудія, дѣлающаго въ часъ не болѣе пяти выстрѣловъ?“ Дать отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ, кажется намъ, только будущая война. Орудія нынѣшнихъ гигантовъ будутъ въ состояніи бомбардировать порты, крѣпости и города, какъ утверждаютъ многіе спеціалисты, съ разстоянія 15 верстъ.

Очевидно, что послѣдствій такого явленія невозможно измѣрять однимъ лишь матеріальнымъ дѣйствіемъ. Во всякомъ случаѣ, не малое значеніе имѣетъ и другой вопросъ: къ какимъ экономическимъ результатамъ должны привести европейскіе народы эти постоянныя измѣненія въ вооруженіяхъ? Такъ, въ настоящее время мы находимся опять на пути къ новымъ типамъ орудій. Какъ сообщаетъ генераль Пестичъ, Англія уже переходитъ отъ 100-тонныхъ орудій къ 67 и 50-тоннымъ ²⁾.

¹⁾ „Современный флотъ и его вопросы“.

²⁾ По только-что изданному сочиненіямъ Ланглуа („L'Artillerie de campagne“ 1892) и Моха (Capitaine Moch, „Notes sur le canon de campagne de l'avenir“ 1892), минимальное число пуль въ шрапнели русскихъ ба-

Такимъ образомъ можетъ оказаться, что колоссальныя суммы, потраченныя на созданіе орудій большихъ калибровъ, явятся издержкой нецѣлесообразной, а пожалуй и совѣтъ безцѣльной. Это замѣчаніе, быть можетъ, относится не только къ колоссамъ артиллеріи, но и ко всѣмъ орудіямъ вообще.

V.

Первооруженіе артиллеріи.

Первоначальная скорость пули является въ настоящее время основаніемъ для опредѣленія достоинства ручнаго огнестрѣльнаго оружія, такъ какъ отъ нея зависитъ пологость траекторіи и сила удара.

То же слѣдуетъ сказать и о первоначальной скорости артиллерійскихъ снарядовъ, ибо и сила пораженія зависитъ главнымъ образомъ отъ интенсивности удара, т. е. отъ скорости, сохраняемой снарядомъ въ моментъ удара. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что артиллерійская техника не замедлитъ воспользоваться бездымнымъ порохомъ, какъ обладающимъ энергією взрыва, въ 3—4 раза превосходящую ту, какую имѣетъ обыкновенный порохъ. Спорнымъ являлся, однако, вопросъ,

тарейныхъ орудій составляетъ 340, между тѣмъ какъ, по отзыву проф. Величко, число пуль въ шрапнеляхъ, употребляемыхъ въ германской артиллеріи, составляетъ 1.500—для пушки 21 сантиметровой и 1.700 для мортиры. Значитъ, въ германской арміи уже есть такія орудія, которыя могутъ поражать противника снарядами, вмѣщающими въ себѣ въ 5 разъ болѣе ударныхъ частицъ, чѣмъ снаряды, употребляемые въ другихъ арміяхъ, и притомъ, при наименьшей дистанціи въ 2.200 сажень, т. е. почти $4\frac{1}{2}$ версты. Такія же разницы замѣчаются въ бомбахъ-торпедахъ: бомба-торпеда самаго сильнаго типа во Франціи вмѣщаетъ 160 фунтовъ мелинита, въ Германіи же 175 фунтовъ пироксилина, въ Россіи 64 фунта. Впрочемъ, весьма понятно, что проф. Величко не сообщаетъ болѣе подробныхъ данныхъ относительно русскихъ снарядовъ и что только послѣ нѣкотораго времени эти данныя слѣбуются извѣстными одинаково съ данными, относящимися къ Германіи и Франціи. Здѣсь слѣдуетъ повторить замѣчаніе, что степень практичности употребленія такихъ снарядовъ можетъ быть провѣрена только войной. Такъ, напр., для возки 50 огромныхъ бомбъ-торпедъ требуется уже фургоны, напряженный четверкою лошадей, и сверхъ того онѣ представляютъ и другія неудобства, о которыхъ будетъ упомянуто нами въ иномъ мѣстѣ. Здѣсь же мы хотѣли только показать, что уже существуютъ орудія, превосходящія силою тѣ, которыя до послѣдняго времени слыли наиболѣе грозными.

насколько возможно будет приспособить въ этихъ видахъ существующія орудія.

Пренія французской палаты депутатовъ, вызванныя вопросомъ о морскомъ бюджетѣ на 1892 годъ, показали, что Франція приступила уже къ передѣлкѣ орудій образца 1887 года.

Результаты, полученные при испытаніи, оказались весьма удовлетворительными. Снарядъ калибра 14 сантим., вѣсомъ 30 килограммовъ, получаетъ начальную скорость въ 800 метровъ и пробиваетъ насквозь стальную плиту въ 31 сантим. толщины. Снарядъ калибра 16 сантим., вѣсомъ 45 килограммовъ, получаетъ ту же скорость и пробиваетъ стальную плиту въ 35 сантим. толщины. Такимъ образомъ, уже одна передѣлка прежнихъ орудій позволила вооружить французскія суда гораздо болѣе сильною артиллеріею безъ значительныхъ издержекъ. Далѣе изъ тѣхъ же преній видно, что съ цѣлью воспользоваться всей силой бездымнаго пороха заготавливаются новыя скорострѣльные орудія образца 1891 года, предназначенныя для постепенной, по мѣрѣ отливки, замѣны орудій передѣланныхъ, и что нѣкоторыя суда получили уже въ началѣ 1892 года это, совсѣмъ новсе, вооруженіе¹⁾.

И такъ, передъ нами два факта: орудія совершенствуются, причемъ достигается начальная скорость снаряда, вдвое превышающая прежнюю, и наряду съ этимъ, все-таки изготавливаются новыя, еще болѣе совершенныя орудія. Чтобы значеніе этихъ фактовъ стало вполне понятнымъ, необходимо обратиться за разъясненіемъ къ инымъ болѣе научнымъ источникамъ.

Прусскій генералъ Вилле²⁾ говоритъ относительно будущихъ усовершенствованій артиллерійской техники слѣдующее: „Распространено мнѣніе, будто возможность достиженія 800 и 1000 метровъ начальной скорости снарядовъ, вмѣсто нынѣ существующей скорости въ 374 до 455 метровъ³⁾, является чисто теоретическимъ пожеланіемъ. Недавно еще такое мнѣніе могло считаться правильнымъ, но со времени введенія въ употребленіе азотнаго (бездымнаго) пороха возможность дости-

1) Ardouin-Dumaret. „L'armée et la flotte de 1891 à 1892“.

2) „Das Feldgeschütz der Zukunft“. Berlin. 1891.

3) Русскія батарейныя орудія даютъ начальную скорость въ 374 метра, легкія—въ 442 м., коныя—въ 412 м. По даннымъ „Обзора дѣятельности морскаго минист. съ 1855 по 1883 годъ“, 11-ти-дюймовыя морскія орудія даютъ начальную скорость въ 480 метровъ.

женія этой скорости не только вѣроятна, но и несомнѣнна, тѣмъ болѣе, что въ приготовленіе азотнаго пороха вносятся усовершенствованія. Нѣкоторые считаютъ нужнымъ увѣрять, будто они убѣждены въ достиженіи уже совершенства введеннымъ въ употребленіе бездымнымъ порохомъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что этотъ порохъ только пять лѣтъ тому назадъ впервые введенъ во Франціи и что по отношенію къ нему мы находимся въ такомъ же положеніи, какъ 500 лѣтъ назадъ, т. е. въ то время, когда францисканскій монахъ Бертольдъ Шварцъ обжегъ себѣ носъ смѣсью сѣры, селитры и угля. Усовершенствованныя вспомогательныя техническія средства даютъ намъ, конечно, возможность прогрессировать быстрѣе нашихъ предковъ, но все-таки полное усовершенствованіе бездымнаго пороха есть вопросъ будущаго“.

Далѣе генераль Вилле приводитъ фактъ достиженія фирмою Круппа для снарядовъ, вѣсящихъ 108 килограммовъ (т. е. 270 фунтовъ), начальной скорости въ 700 метровъ въ секунду.

Коль скоро существуетъ несомнѣнно возможность достиженія скорости снарядовъ въ 800 и въ 1.000 метровъ, то является вопросъ, какую пользу принесетъ въ дѣйствительности это усовершенствованіе? Генераль Вилле проектируетъ изготовленіе семисантиметровыхъ орудій и доказываетъ, что при скорости снарядовъ въ 800 метровъ дальность и дѣйствительность стрѣльбы будутъ значительно превосходить достигаемые нынѣ результаты. Снаряды такихъ новыхъ орудій будутъ обладать на разстояніяхъ въ 3.400 и 6.000 метровъ такой же скоростью, какая достижима нынѣ на разстояніяхъ не болѣе 1.000 и 3.000 метровъ. При начальной скорости въ 1.000 метровъ получаютъ, конечно, еще болѣе поразительные результаты. Генераль Вилле высчитываетъ, что площадь пораженія увеличится при начальной скорости въ 1.000 метровъ:

На разстояніи 1.000 метровъ.	на 210%
” ” 2.000	”	” 133%
” ” 3.000	”	” 89%

Сочиненіе генерала Вилле, изъ котораго мы почерпнули эти данныя, произвело въ сферахъ заграничныхъ специалистовъ военнаго дѣла глубокое впечатлѣніе. И прошлое генерала, какъ писателя, и настоящее его высокое положеніе даютъ право полагать, что его предположенія имѣютъ вѣсскія основанія, а

въ такомъ случаѣ можно опасаться, что если какая-либо перво-классная держава рѣшится произвести въ широкихъ размѣрахъ измѣненія въ своемъ артиллерійскомъ вооруженіи, то за ней тотчасъ же волей-неволей должны будутъ послѣдовать другія, что приведетъ снова къ громадному росту расходовъ на вооруженія и вызоветъ опять лихорадочную дѣятельность изобрѣтателей для новыхъ усовершенствованій.

Уже нынѣ военные писатели утверждаютъ ¹⁾, что единственной причиной нерѣшительности въ дѣлѣ перевооруженія и замѣны современнаго артиллерійскаго матеріала новымъ является не боязнь единовременныхъ чрезмѣрныхъ затратъ, а опасеніе немедленныхъ подражаній у сосѣдей и даже достиженія ими вполнѣ превосходства. Это опасеніе приводитъ къ тому, что всѣ усовершенствованія хранятся въ строжайшей тайнѣ.

Рано или поздно, однако, завѣсу удастся приподнять, и соперничество не можетъ не возникнуть вновь. Подобно тому, какъ по отдѣльнымъ проявленіямъ можно судить о наступающемъ въ организмѣ переворотѣ, возможно также по отдѣльнымъ признакамъ предсказать приближеніе перелома въ техникѣ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на появляющіеся симптомы въ этомъ смыслѣ. Генераль Вилле построилъ на основаніи опытовъ таблицу, изъ которой видно, что когда бездымный порохъ сообщаетъ снаряду ту же скорость, какъ и порохъ обыкновенный, то проявляется значительно меньшее давленіе на стѣнки канала пушки. Поэтому, казалось бы, что вполнѣ возможно увеличить начальную скорость, не подвергая орудій опасности разрыва. Профессоръ Ланглуа говоритъ также, что бездымный порохъ дѣйствуетъ менѣе разрушительно, чѣмъ обыкновенный, на стѣнки дула: „fait moins travailler le métal“.

Однако, до сихъ поръ, тактика употребленія орудій въ бою остается безъ измѣненій. Но такъ какъ сила давленія, развивающаяся при взрывѣ новаго пороха, втрое болѣе прежней, то ограничиваются уменьшеніемъ вѣса пороховаго заряда.

Во Франціи, напримѣръ, вмѣсто 1.900 грам. прежняго пороха употребляютъ 420 грам. новаго ²⁾. Такимъ образомъ, по-

¹⁾ Capitaine Moch. „Notes sur le canon de campagne de l'avenir“. Paris. 1892.

²⁾ По другимъ источникамъ, вмѣсто 100 вѣсов. единицъ прежняго пороха употребляется 38 единицъ новаго.

видимому, сохранились безъ измѣненія весь артиллерійскій матеріалъ и вся техническая организація, и даже таблицы стрѣльбы, такъ какъ начальная скорость, настильность траекторіи и дальность остались тѣ же.

Есть, однако, указанія и на то, что не вполне можно довѣрять, будто все осталось по-прежнему; по объявленіи войны легко могутъ оказаться сюрпризы. Такое мнѣніе подтверждается слѣдующими данными. По приказанію генерала Варнэ, командира 17-го корпуса французской арміи, полковникъ Марсильонъ читалъ офицерамъ гарнизоновъ Монтобана и Тулузы двѣ лекціи. Лекторъ, очевидно, знакомый со всеми тайнами артиллерійской техники во Франціи, говорилъ: *„Въ моментъ, когда окажется, что наши орудія меньше дальнобойны, чѣмъ чьи-либо другія, мы безъ всякаго затрудненія можемъ увеличить дальность выстрѣловъ, не измѣняя ни орудій, ни снарядовъ“*. Лекторъ не только предвидитъ возможность усовершенствованія, но совершенно въ ней убѣжденъ. Онъ говоритъ прямо: *„on ne serait pas embarrassé“* и т. д. Далѣе, въ печатномъ изложеніи, слѣдуютъ точки, замѣняющія, конечно, устные разъясненія лектора, не подлежавшія, въ качествѣ военной тайны, оглашенію въ печати.

Въ другихъ, касающихся этого вопроса, сочиненіяхъ находятя подобныя же указанія. Въ книгѣ *„Artillerie moderne“* изобрѣтатель, приводя таблицы стрѣльбы для полевыхъ орудій системы Канэ, заявляетъ, что начальная скорость снаряда въ 585 метровъ (наибольшая, достигнутая при употребленіи обыкновеннаго пороха) должна быть разсматриваема, какъ временная, такъ какъ *„г. Канэ получаетъ гораздо большую скорость при употребленіи особаго пороха“*. Профессоръ Потоцкій также соглашается съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ генерала Вилле и утверждаетъ, что начальная скорость снаряда можетъ быть доведена до 1.000 метровъ, т. е. вдвое превысить достигаемую нынѣ.

Въ виду всего этого, можно считать вѣроятными извѣстія о введеніи въ Германіи робуритовыхъ зарядовъ къ новымъ орудіямъ Круппа, о которыхъ намъ придется упомянуть впоследствии.

Профессоръ К. Величко, въ замѣчательномъ трудѣ *„Оборонительныя средства крѣпостей противъ ускоренныхъ атакъ“*, приводитъ данныя, на основаніи которыхъ нельзя не сдѣлать заключенія, что существуютъ мортиры и пушки, выбрасывающія

снаряды, превосходящіе по силѣ почти въ шесть разъ прежніе, какъ въ отношеніи количества разбрасываемыхъ пуль и осколковъ, такъ и по силѣ удара.

Относительно положенія этого вопроса въ Россіи нельзя не думать, что также производятся опыты, а дружескія отношенія къ Франціи позволяютъ предполагать, что французскія изобрѣтенія, на которыя мы указываемъ, не скрываются отъ русскаго правительства.

Русскія орудія принадлежатъ къ новѣйшимъ типамъ, слѣдовательно, при ихъ изготовленіи введены были несомнѣнно всѣ новыя улучшенія. Поэтому не можетъ быть препятствій для введенія въ Россію тѣхъ же усовершенствованій, какія введены, или съ открытіемъ военныхъ дѣйствій могутъ явиться во Франціи вслѣдствіе примѣненія бездымнаго пороха, тѣмъ болѣе, что, какъ свидѣтельствуя произведенные въ окрестностяхъ Ивангорода ¹⁾ маневры, бездымный порохъ употребляется уже для зарядовъ и для взрыва снарядовъ.

Что касается собственно морской артиллеріи, то бездымный порохъ вошелъ въ ней во всеобщее употребленіе раньше, чѣмъ въ полевой, такъ какъ для военныхъ судовъ представляется живненнымъ вопросомъ имѣть передъ собою ясную и чистую атмосферу, позволяющую наблюдать за подкрадывающимися миноносками. Все это даетъ право ожидать отъ дальнѣйшей эксплуатаціи силы бездымнаго пороха, быть можетъ даже въ непродолжительномъ времени, такого результата, что всѣ государства будутъ принуждены замѣнить весь столь дорого стоящій аппаратъ морской и сухопутной артиллеріи новымъ. Даже при удержаніи прежнихъ типовъ орудій и снарядовъ, могутъ съ открытіемъ военныхъ дѣйствій явиться неожиданности, въ ожиданіи которыхъ желательно имѣть напередъ выработанную программу.

VI.

Вѣроятныя дѣйствія броненосцевъ.

Послѣднее слово изобрѣтательности далеко еще не высказано. Увеличилась дальность стрѣльбы, усовершенствованные снаряды наполняются мелниномъ, пироксилиномъ и другими

¹⁾ „Развѣдчикъ“, № 108. 1892 г.

сильно дѣйствующими взрывчатыми веществами, такъ что нынѣ небольшое сравнительно военное судно можетъ, по увѣреніямъ специалистовъ, бомбардировать и сжечь прибрежный городъ, съ разстоянія 4—5 англ. миль (6—7 $\frac{1}{2}$ верстъ); нѣкоторые же писатели утверждаютъ, что снаряды большихъ броненосцевъ въ состояніи производить разрушеніе городовъ даже съ разстоянія 15 верстъ ¹⁾. Понятно, въ какой опасности очутятся прибрежныя селенія, если эти теоретическія предположенія оправдались бы. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что примѣръ бомбардированія Александріи, хотя онъ производился съ близкихъ разстояній и противъ самымъ примитивнымъ способомъ вооруженныхъ батарей, показалъ, что бомбардированіе съ судовъ не всегда успѣшно, и подтвердилъ составившееся мнѣніе о плохой подготовкѣ англійскихъ комендоровъ: при бомбардированіи Александріи 50% снарядовъ перелетѣли черезъ брустверь, 33% попали въ эскарпъ и около 17% попали въ самый брустверь.

Изъ всего числа выпущенныхъ англійскимъ флотомъ бомбъ около 50% заглохло; изъ нихъ ²⁾ $\frac{2}{3}$ приходится на бомбы Паллизера, а $\frac{1}{3}$ на бомбы изъ обыкновеннаго чугуна.

Кромѣ того обращаетъ на себя вниманіе еще то обстоятельство, что расходъ былъ только около 6 выстрѣловъ въ часъ на орудіе ³⁾. Данныя эти какъ бы подтверждаютъ мнѣніе, высказанное Наполеономъ I.

Карно, по приказанію Наполеона, составилъ докладъ съ примѣрами бывшихъ бомбардировокъ многихъ городовъ континента, причемъ оказывалось, что города, подвергшіеся бомбардированію, не были принуждены къ сдачѣ и даже немного потерпѣли отъ непріятельскаго огня ³⁾. Вслѣдствіе этого, Наполеонъ 9 сентября 1809 г. писалъ военному министру: „выводъ—тотъ, что послѣ новыхъ изобрѣтеній въ артиллеріи, какъ и прежде, бомбардировка, въ дѣйствительности, производитъ болѣе шума, чѣмъ наноситъ вреда“.

Но иногда получаютъ и иные результаты. Вотъ какими послѣдствіями сопровождалось бомбардированіе полвѣка спустя: „Бомбардированіе Одессы въ 1855 году, при которомъ имѣлось въ виду щадить городъ и коммерческій портъ, сошло гладко

¹⁾ „Русское судоходство“. „Переписка о флотѣ“ М. К.

²⁾ Пойень „Значеніе морской артиллеріи“.

³⁾ „Traité de la défense des places“.

и оказалось дѣйствительнымъ. Русскія суда, сдѣлавъ круговой поворотъ и выдержавъ огонь непріятеля, стали затѣмъ на 2—3 тысячи метровъ внѣ линіи огня малокалиберныхъ орудій. Тогда англичане высадили на берегъ ракетную батарею; по прошествіи 5-ти часовъ, портъ съ магазинами былъ охваченъ пожаромъ, а 53 парусныхъ судна, 3 парохода и 3 транспорта были потоплены¹⁾.

Между тѣмъ въ войнѣ 1870 г., французскій флотъ не достигъ почти никакихъ результатовъ, несмотря на то, что все германское побережье представлялось открытымъ, а германскій военный флотъ въ то время находился только въ зачаткѣ. Геннингъ приводитъ главныя мѣста изъ французскаго отчета, объясняющаго бездѣйствіе французскаго флота въ этомъ случаѣ. Глубокосящія французскія суда не могли сдѣлаться опасными для берега, хотя вредъ, нанесенный Германіи самой блокадою, исчисляется въ томъ отчетѣ въ 5 милл. франковъ ежедневно. Между тѣмъ, по числу судовъ, французскій флотъ былъ недостаточенъ для дѣйствія на всемъ протяженіи побережья. Такимъ образомъ, онъ не могъ исполнить своей задачи. „Нужно было болѣе мужества, чтобы перенести это положеніе, чѣмъ чтобы рѣшиться на самый неравный бой“.

Французская эскадра, состоявшая изъ 7 броненосцевъ и 2-хъ вѣстовыхъ судовъ (avisos), вышла 24 іюля 1870 г. изъ Шербурга, направляясь къ Нѣмецкому морю; за ней должна была послѣдовать другая эскадра, такъ какъ общій составъ флота, назначеннаго для блокады германскаго побережья, былъ опредѣленъ въ 14 броненосцевъ, съ нѣкоторымъ числомъ вѣстовыхъ судовъ. Въ инструкціи было прописано: „непріятельскій флотъ слѣдуетъ замкнуть въ бухтѣ Ядэ; нашъ флотъ отправляется въ Балтійское море, нанимая лодмановъ изъ датчанъ, при чемъ условлены свѣтовые сигналы съ береговыми станціями Ютландіи; флотъ, затѣмъ, занимаетъ позицію въ бухтѣ Кіогге. Соблюдать осторожность въ отношеніи къ Россіи“. Геннингъ замѣчаетъ отъ себя: „выходъ французскаго флота былъ извѣстенъ Германіи, но французы не знали, гдѣ въ то время находился нашъ флотъ“.

О невѣжествѣ тогдашняго морскаго управленія во Франціи свидѣлствуетъ, по мнѣнію Геннинга, хотя бы то обстоятель-

1) Henning, „Die Küstenvertheidigung“.

ство, что приведенная инструкція, повидимому, не принимала въ расчетъ, что разстояніе между Ядэ и Килемъ составляетъ 300 миль. Шестаго августа флотъ получилъ приказаніе возвратиться, а на другой день—приказаніе оставаться на мѣстахъ стоянки. Командовавшій флотомъ адмиралъ Вилльомэ 12 августа созвалъ военный совѣтъ. Вотъ, что на немъ уяснилось: „нападенію могутъ быть подвергнуты Кольбергъ и Данцигъ, но результатъ предвидится столь слабый, что онъ могъ бы только уменьшить престижъ французскаго флота. Чтобы дѣйствовать успѣшно противъ Кольберга и Данцига, необходимы особыя (вѣроятно мелкосидящія) суда и десантный отрядъ, который могъ бы отвлечь къ берегу нѣкоторыя сухопутныя силы непріятели“.

Между тѣмъ, предполагалось дѣйствовать и противъ Гамбурга, Любека, Бремена, Штеттина; но составленный на основаніи сужденій морскаго военнаго совѣта эскадры рапортъ выражается такъ: „города эти расположены въ устьяхъ рѣкъ, на 12 до 15 миль отъ морскаго берега, т. е. находятся въ такихъ мѣстоположеніяхъ, куда даже съ искусными лоцманами прусскіе фрегаты не входили и войти не могутъ. Требовать бомбардированія этихъ городовъ балтійскою эскадрой все равно, что опасаться бомбардированія англійскими судами такихъ городовъ, какъ Руанъ или Бордо“¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ настоящее время бомбардировать можно со столь значительныхъ разстояній, что и для глубокосидящихъ судовъ найдутся достаточныя приближенія, да и дѣйствія выбрасываемыхъ снарядовъ будутъ значительно сильнѣе, то государства, для защиты своихъ береговъ, приступили къ постройкѣ береговыхъ батарей и вооружили ихъ орудіями сильнѣйшихъ типовъ. Такъ, орудія французскихъ батарей, системы Банжа, бьютъ на десятиверстное разстояніе²⁾. Но стрѣльба изъ береговыхъ батарей, несмотря на остроумныя приспособленія для измѣренія разстояній до двигающихся, едва замѣтныхъ точекъ, каковыми представляются на морѣ особенно новыя башенныя суда и мониторы, была бы только напрасной тратой пороха и снарядовъ, пароходъ, двигающійся со скоростью только 18 верствъ въ часъ, черезъ каждыя 30 секундъ подвигается на 50 метровъ, между тѣмъ для выстрѣла изъ береговаго орудія требуется (при ла-

1) Henning, *ibid.*

2) Hennebert. „L'art militaire et la science“.

фетѣ съ самонакатываніемъ и вполнѣ исправной установкѣ) около 5 минутъ. При хорошо обученной прислугѣ, это время можетъ быть сокращено до 2—3 минутъ на выстрѣлъ ¹⁾).

Для обороны береговъ не остается другаго средства, кромѣ сильнаго флота, способнаго воспрепятствовать приближенію непріятели къ берегамъ. Съ этою цѣлью всѣ государства, имѣющія важный интересъ въ защитѣ своихъ береговъ или въ нападеніи на непріятельскіе, строятъ съ лихорадочной поспѣшностью усовершенствованныя суда. Въ 1895 году, согласно представленнымъ во французскую палату депутатовъ докладчикомъ бюджетной коммисіи Жервиль-Реашемъ свѣдѣніямъ, броненосные флоты разныхъ государствъ будутъ представляться въ слѣдующемъ видѣ:

	Броненосцевъ въ 10 т. тоннъ и болѣе.	Прочихъ броненосцевъ, кромѣ береговыхъ.	Береговыхъ броненосцевъ и канонерокъ.	Итого.
Англія	22	32	15	69
Италія	13	8	3	24
Германія	4	12	23	39
Австрія	—	10	3	13
Франція	13	20	22	55
Россія	4	11	19	34

Изъ этой таблицы видно, что Англія обладаетъ самымъ значительнымъ числомъ самыхъ сильныхъ судовъ.

Всѣ государства могутъ противопоставить 22 англійскимъ броненосцамъ только 34 такого же типа колоссовъ.

Иное отношеніе существуетъ въ рубрикѣ броненосцевъ меньшаго типа и прибрежныхъ судовъ. Англія обладаетъ только 47 судами этихъ типовъ, а прочія государства имѣютъ ихъ въ своемъ распоряженіи 141.

Если цифры броненосцевъ 1870 года примемъ за сто, то окажется, что число ихъ въ 1895 году увеличится:

Въ Англіи	на 64%
„ Франціи	„ 37%
„ Россіи	„ 47%
„ Германіи	„ 680%

Въ Англіи усиленная постройка броненосцевъ сильнѣйшаго типа, обезпечивающая за ней господство на морѣ, легко объ-

¹⁾ Потоцкій, „Курсъ артиллеріи“.

яняется ея географическимъ положеніемъ. Для Англіи, съ постройкою париходовъ, если принять данныя адмирала Гилла, что при близкихъ разстояніяхъ на одну тонну вмѣстимости корабля можно посадить одного солдата—является призракъ возможности (если бы не было приготовлено отпора) увидѣть, въ одинъ тихій, лѣтній день, высаживающійся десантъ въ 200.000 человѣкъ ¹⁾).

Очевидно, что, при такомъ положеніи дѣла, Англія можетъ считать себя въ безопасности только при условіи первенства своего флота. Естественно, поэтому, что она направляетъ всѣ свои силы къ тому, чтобы не лишиться этого первенства, хотя бы на одинъ день, такъ какъ въ Западной Европѣ существуетъ мнѣніе, что современные военные флоты таковы, что одно или два сраженія покончатъ вопросъ о господствѣ на морѣ въ пользу побѣдителя и что уже не будетъ досуга и денегъ для созданія новыхъ эскадръ. Но еслибъ даже это мнѣніе оказалось вѣрнымъ, то тѣмъ не менѣе позволительно поставить вопросъ: при настоящихъ средствахъ борьбы противъ броненосцевъ, были ли раціональны сдѣланныя затраты милліардовъ на флотъ въ другихъ государствахъ? Это покажетъ только будущность. Очень можетъ быть, что часть суммъ, израсходованныхъ на постройку броненосцевъ, будучи употребленной своевременно на усовершенствованіе ружья и орудія, на усиленіе кадровъ офицеровъ и на крейсера, обезпечила бы въ большей степени безопасность государства.

VII.

Борьба миноносковъ съ броненосцами.

Изобрѣтатели, желая извлечь себѣ пользу отъ государствъ, нуждающихся въ защитѣ отъ броненосцевъ, принялись усилно за отысканіе средства для успѣшной борьбы съ ними.

Какъ только постройка судовъ усовершенствовалась настолько, что Англія была въ состояніи спустить въ море значительное число броненосцевъ, вооруженныхъ громадными орудіями и покрытыхъ толстой стальной броней, способной противостоятъ самымъ сильнымъ снарядамъ, родилась мысль о томъ, нельзя ли подводить мины подъ эти громады или раз-

¹⁾ Henning, „Die Küstenvertheidigung“.

рушать ихъ ударами взрывчатыхъ снарядовъ, направленныхъ въ подводную, могущую быть только слабо защищенною, часть судовъ. Извѣстнымъ издавна къ тому средствомъ были торпеды, т. е. ящики, наполненные веществами, взрывающимися при ударѣ въ судно. Но долгое время приложеніе этой мысли на практикѣ казалось весьма труднымъ; встрѣтились многія препятствія, такъ что только въ послѣднее время задача была рѣшена довольно удовлетворительно.

Начали строиться небольшія, но быстроходныя спеціальныя лодки, предназначаемыя для пораженія противника торпедами, или такъ называемыя миноноски¹⁾.

Опыты показали, что судно, пускающее торпеду, находится въ полной безопасности, если, при употребленіи для мины 25—30 кил. пороху, 6—7 кил. динамита или 10—12 кил. пироксилина, оно отстоитъ отъ мѣста взрыва на 6 метровъ, и если мина находится на глубинѣ 2½ метровъ. Такъ какъ при 6-ти метрахъ разстоянія можно легко придвинуть торпеду къ неприятельскому судну помощью шеста, то вопросъ состоялъ въ постройкѣ судовъ, наименѣе замѣтныхъ въ моментъ приближенія къ противнику.

Во время русско-турецкой войны 1877 года, въ ночь съ 22-го на 23-е мая²⁾, четыре русскія паровыя шлюпки, подъ командою лейтенантовъ Дубасова и Шестакова, рѣшились атаковать въ Мачинскомъ каналѣ два турецкихъ броненосца и одинъ пароходъ. При шлюпкахъ было по двѣ динамитныхъ мины, способныхъ взорваться при ударѣ, или же отъ электрическаго тока, пущеннаго со шлюпокъ. Для защиты отъ ружейныхъ пуль шлюпки были снабжены желѣзными щитами. Въ моментъ атаки шлюпки встрѣтились съ учащеннымъ огнемъ турокъ, не задержавшимъ, однако, нападенія на стоявшій посреди ихъ корабль. Первый взрывъ произвелъ только частичное разрушеніе, вторая мина пустила корабль ко дну.

10-го іюня 1877 года, въ два часа ночи, шесть миноносокъ, приведенныхъ пароходомъ „Константинъ“ въ Сулимскій рукавъ, атаковали три турецкіе броненосца и канонерскую лодку, при которыхъ тоже были миноноски.

¹⁾ Длина миноносокъ доходить до 40 метровъ, ширина до 6—7 метровъ. Скорость хода—44 килом. въ часъ. Одна изъ послѣднихъ миноносокъ, построенная для бразильскаго правительства, движется со скоростью 51,8 килом. въ часъ („Betrachtungen über Seetaktik“).

²⁾ Проф. Reuleaux. „Der Weltverkehr.“, Leipzig. 1887.

Наученныя опытомъ турецкія суда обезпечили себя загражденіями. Двѣ миноноски ударились въ нихъ, причемъ мины взорвали. Одна изъ лодокъ потонула, другая оказалась сильно поврежденной. Однако, турецкій броненосецъ „Теть и Булендъ“ былъ настолько поврежденъ, что не могъ преслѣдовать удалявшіяся миноноски и отправился въ Константинополь для починки.

Въ ночь съ 26 на 27 января 1878 г. „Константинъ“ выслалъ опять двѣ миноносныя шлюпки противъ семи турецкихъ судовъ, стоявшихъ въ Батумской гавани. Двѣ направленные противъ сторожеваго судна торпеды разрушили его, обѣ же лодки вернулись безъ поврежденій.

Вообще въ девяти подобныхъ встрѣчахъ турки потеряли одинъ броненосецъ и два парохода, три же броненосца были повреждены. Потеря въ людяхъ неизвѣстна.

Съ русской стороны поврежденными оказались три миноноски и три паровыхъ шлюпки, а одна миноноска потоплена. Два матроса были убиты, раненыхъ было 10.

Такіе же успѣшныя результаты были достигнуты миноносками во время франко-тонкинской войны 1885 года.

Два обыкновенныхъ паровыхъ катера, не болѣе 14 метровъ длины, взявъ съ собою торпеды, атаковали въ ночь съ 14 на 15 февраля 1885 года китайскій фрегатъ въ 3.500 тоннъ и потопили его. Фрегатъ этотъ укрылся въ пристани Шейпъ подъ защиту укрѣпленій, а французскій адмиралъ Курбэ находился съ флотомъ въ разстояніи нѣсколькихъ морскихъ миль отъ этой пристани. Пользуясь ночью темнотой, французскіе катера прошли незамѣтно это разстояніе и, по уничтоженіи фрегата, вернулись спокойно къ адмиральскому кораблю ¹⁾).

Опытъ Чилийской войны 1891 года подтверждаетъ, повидимому, мнѣніе, которое предсказываетъ блестящую будущность миноноскамъ въ борьбѣ съ броненосцами.

„Минная лодка „Almirante Condell“ и въ кильватерѣ у нея „Almirante Lynch“, никѣмъ не замѣченныя, вошли, 23 апрѣля 1891 г., на рейдъ порта Кольбера, имѣя половинный ходъ. Атака была направлена на правый бортъ броненосца „Blanco Encalada“, принадлежавшаго конгрессіоналистамъ, на носовую его часть. Первымъ подошелъ къ „Blanco Encalada“

¹⁾ „Betrachtungen über Seetaktik“, aus fremden Quellen. Berlin. 1892

„Alm. Condell“ и, приблизившись на разстояніе около 100 метр., выпустилъ изъ носоваго аппарата мину, направленную на носъ броненосца, но проскочившую мимо; подойдя еще ближе и повернувшись къ броненосцу лѣвымъ бортомъ, съ разстоянія приблизительно 25 сажень „Alm. Condell“ выпустилъ вторую мину, попавшую въ цѣль (съ броненосца въ это время открыли огонь), и третью мину, также попавшую въ цѣль, послѣ чего онъ отошелъ. „Almirante Lynch“ точно также подошелъ совершенно близко къ „Blanco Encalada“, выпустилъ сначала мину изъ носоваго аппарата (промахъ) и, повернувшись, съ лѣваго бортоваго аппарата, выпустилъ вторую мину, которая попала посрединѣ броненосца, и „Blanco Encalada“ черезъ *девять* минуты затонулъ.

Минная атака продолжалась всего *семь* минутъ; за это время минныя лодки находились на самомъ близкомъ разстояніи подь сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ не болѣе *четыре*хъ минутъ, который имъ причинилъ самый ничтожный вредъ ¹⁾.

Изъ этого видно, до какой степени опаснымъ врагомъ для броненосцевъ являются миноноски, могущія въ настоящее время дѣйствовать минами трехъ родовъ: на носовыхъ шести, длиною отъ 25 до 30 футовъ, бросательными и самодвижущимися Уайтгеда и другихъ подобныхъ системъ. Слѣдуетъ замѣтить, что самодвижущимися минами вооружаются въ настоящее время не только миноноски, но почти все военныя корабли.

Присмотримся нѣсколько ближе къ устройству миноносокъ. Миноноска, длиною около тридцати метровъ, поднимаются весьма незначительно надъ поверхностью воды, надъ которой виднѣется только стальной куполъ и малая, величиною въ два кв. фута, площадка. Эта стальная скорлупа, заключающая 12 человекъ экипажа и капитана, несетъ съ собою смерть тысячѣ другихъ людей. Внутри судна, спереди, находится камера, снабженная приспособленіями для выбрасыванія минъ (*tubes de projection*), а рядомъ самыя мины. Онѣ имѣютъ видъ продолговатыхъ въ 2,4 метра длиною снарядовъ, заостренныхъ конусообразно спереди, а позади оканчивающихся винтомъ. Мины вкладываются въ металлическій станокъ, который выталкиваетъ ихъ подь водой въ направленіи непріятельскаго судна. Торпеда автоматически, посредствомъ сжатого воздуха,

¹⁾ Будиловскій, „Военныя флоты“, 1892 г.

двигается сначала со скоростью 40 километровъ въ часъ. Мина получаетъ при выталкиваніи извѣстное наклоненіе, и если судно противника защищено стальной сѣткой, то она проплываетъ подъ сѣткой, достигаетъ колосса и разрушаетъ его силой своего взрыва ¹⁾).

Наибольшая дальность выбрасыванія торпедъ опредѣляется въ 1.000 метровъ. Принято, что при совершенной конструкціи современныхъ минъ нѣтъ необходимости подходить къ противнику ближе, чѣмъ на 200 метровъ. Принято далѣе специалистами, что, если судно стоитъ на мѣстѣ и море спокойно, то изъ трехъ выпущенныхъ минъ двѣ попадутъ въ цѣль. Если оба судна находятся въ движеніи, то мѣткость значительно уменьшается. Если разстояніе между судами доходитъ до 300 метровъ, а скорость хода равняется 8 километрамъ въ часъ, то изъ трехъ выпущенныхъ минъ только одна будетъ дѣйствительной. Во время борьбы, когда невозможно предвидѣть движеній противника, значеніе минъ уменьшится, конечно, несравненно болѣе, и трудно опредѣлить вѣроятность попаданія ихъ въ цѣль.

Таковы результаты послѣднихъ опытовъ; чего затѣмъ достигнетъ техника, предвидѣть невозможно, тѣмъ болѣе, что производимые во Франціи, Австріи и Италіи опыты окружены непроницаемой тайной. Извѣстно только, что вездѣ производятся испытанія и ученія особыхъ минныхъ отрядовъ, составленныхъ изъ специалистовъ, съ цѣлью усовершенствованія приемовъ торпедной борьбы ²⁾). Одно вполне удостовѣрено, что наполненные громадными количествами взрывчатыхъ веществъ торпеды, при мѣткомъ ударѣ, способны нынѣ разрушить колоссальнѣйшій броненосецъ.

VIII.

Защита отъ миноносокъ.

Рядомъ съ усовершенствованіемъ средствъ нападенія совершенствовались и средства защиты. Важнѣйшія части кораблей, отдѣленіе котловъ и машинъ, отдѣлъ руля и т. п. стали покрываться и подъ водою особою броней, и защищать-

1) Hennebert, „L'art militaire et la science“.

2) „Betrachtungen über Seetaktik“.

ся слоями угля. Кроме того устраиваются целлюлярныя защиты, гарантирующія непотопляемость судна, тѣмъ способомъ, что выше броневой палубы въ видѣ пояса находятся коффердамы, которые оставляются пустыми или наполняются углемъ¹⁾. Далѣе, броненосцы окружаются особой сѣткой, которая должна препятствовать минѣ пробрѣкнуть до самаго судна, а тѣмъ самымъ отдалять мѣсто взрыва; но насколько защиты эти будутъ дѣйствительны, можетъ показать только практика будущей войны. Впрочемъ, опыты, произведенные въ Англіи, показали, что защита сѣтками не достигаетъ цѣли. При повѣркѣ, можетъ ли миноноска пройти сквозь препятствіе, составленное изъ толстыхъ деревянныхъ брусевъ, оказалось, что миноноска, которая съ разгона, со скоростью 20 узловъ (36,8 километровъ въ часъ), ударилась о препятствіе, разбила его, а затѣмъ вернулась къ пристани и оказалась неповрежденною²⁾.

Кромѣ этого броненосцами предпринимается цѣлый рядъ предосторожностей для защиты отъ миноносокъ. Какъ армія передовыми постами, такъ броненосцы окружаются меньшими судами, изслѣдующими вокругъ поверхность моря и его глубину, для чего даже туда отправляются иногда водолазы. За могущимъ приблизиться непріателемъ постоянно наблюдаютъ при помощи сильныхъ подзорныхъ трубъ. Ночью лучи сильныхъ электрическихъ рефлекторовъ позволяютъ замѣтить миноноску на разстояніи до 2.000 метровъ; значитъ, съ этого момента она можетъ сдѣлаться цѣлью для скорострѣльныхъ орудій всѣхъ ближе стоящихъ судовъ. Однако, блескъ электрическаго свѣта указываетъ и миноноскамъ цѣль и путь нападенія. Между лучами бываютъ всегда неосвѣщенные промежутки, которыми могутъ пользоваться другія миноноски, чтобы въ тѣни приблизиться къ броненосцу. Опасность до извѣстной степени проходитъ только съ наступленіемъ дня.

Впрочемъ освѣщаться будетъ не только поверхность моря, но и подъ броненосцами будутъ горѣть электрическія лампы.

Нельзя, однако, рассчитывать особенно на свѣтъ. Во время морскихъ маневровъ во Франціи легкій туманъ затемнилъ блескъ электрическаго свѣта, и миноноски подошли къ броненосцамъ вплотную. Отсюда выведено было заключеніе, которое принято за правило, что въ туманные дни броненосный флотъ

¹⁾ Будилловскій, „Военные флоты“, Спб. 1892 г.

²⁾ Заимствовано „Militär-Zeitung“ изъ изданія: „United Service“.

небезопасенъ отъ нападенія страшныхъ карликовъ-миноносокъ и не долженъ бросать якоря ¹⁾).

Интересный примѣръ того, какъ трудно замѣтить миноноску, мы находимъ въ книгѣ „Science et guerre“ ²⁾).

„Въ Шербургѣ долженъ былъ быть произведенъ опытъ нападенія миноносокъ на находящіяся въ тамошней пристани военныя суда. Суда были на-сторожѣ, и всѣ средства были употреблены для того, чтобы замѣтить непріятели; офицеры-артиллеристы и команда приготовились къ отраженію и держались на-готовѣ. Командиры судовъ, конечно, наблюдали съ постовъ своихъ за всѣмъ, разсылали приказанія и побуждали къ вниманію. Неожиданно передъ однимъ изъ нихъ появляется лейтенантъ и рапортуетъ: „Честь имѣю доложить, что на миноноскѣ все обстоитъ благополучно“.

— На какой миноноскѣ? Да вы кто такой?

— Я команду миноноскою, которой поручено взорвать васъ.

— Какими же судьбами вы здѣсь?

— Я прошелъ сквозь оборонительную линію и, подошедши къ вашему судну и замѣтивъ, что всѣ ищутъ меня вдали, счелъ долгомъ явиться къ вамъ съ докладомъ.

Дѣйствительно, миноноска, незамѣченная никѣмъ, успѣла пробраться къ броненосцу и войти съ нимъ въ непосредственное соприкосновеніе, а ея командиръ взшелъ по веревочной лѣстницѣ на палубу, гдѣ никто не обратилъ на него вниманія“.

Въ настоящее время, вслѣдствіе произведенныхъ во Франціи опытовъ, явилось убѣжденіе въ томъ, что миноноска, приблизившаяся незамѣтно къ броненосцу на разстояніе 400 метровъ, пошлетъ его ко дну, но, будучи замѣчена ранѣе, потерпитъ въ свою очередь такую же судьбу.

На маневрѣ прошлаго 1892 года, въ французской эскадрѣ Средиземнаго моря, при атакѣ на Ниццу и Тулонъ, оказался слѣдующій результатъ: согласно съ условленными правилами, флагманское судно „Formidable“ и крейсеръ „Cosmao“ признаны успѣшно взорванными центральнымъ отрядомъ миноносокъ обороны, а двѣ изъ этихъ послѣднихъ — отрѣзанными отъ берега двумя крейсерами.

Итакъ, можно дѣйствительно ужаснуться, думая о послѣд-

¹⁾ „Militär Zeitung“: „Französische Flotte in nationaler Belenchtung“.

²⁾ „Bibliothèque des actualités industrielles“. Vol. 16, p. 119.

ствіяхъ разрушительной силы минъ. Много предлагалось средствъ для противодѣйствія имъ, но всѣ они оказались неприложимыми или мало полезными. Миноноски, несмотря на всѣ средства защиты отъ нихъ, станутъ властелинами морей, тѣмъ болѣе, что теперь начинаютъ строить подводныя миноноски.

Выпускаемыя мины имѣютъ тотъ недостатокъ, что мѣткость ихъ зависитъ отъ теченія воды и отъ движенія судовъ. Желая взорвать противника, необходимо притомъ водвергать себя опасности быть пущеннымъ также ко дну.

Чтобы избѣжать этой опасности, начали строить миноноски, способныя долгое время держаться подъ водой, и столь малыхъ размѣровъ, что большія суда могутъ легко забирать ихъ съ собою.

Въ Тулонѣ производились опыты съ такой подводной лодкой „Gymnote“. Желательно было убѣдиться, способна ли подводная миноноска выйти изъ блокируемаго порта, несмотря на строгую охрану. Поставлено было рядомъ нѣсколько военныхъ судовъ, обязанныхъ слѣдить за „Gymnote“ и настигнуть его, какъ только онъ будетъ замѣченъ.

Въ опредѣленное заранее время „Gymnote“ былъ поставленъ такъ, чтобы наблюдавшія суда не могли видѣть его изъ-за мола, и „Gymnote“, опустившись въ воду, двинулся по прямой линіи въ море. Онъ оставался подъ водой около 40 минутъ, прошелъ линію блокирующихъ судовъ и показался на поверхности только на разстояніи $2\frac{1}{2}$ миль отъ берега, выдвинувъ изъ воли только свой оптический аппаратъ, чтобы ориентироваться. Затѣмъ онъ погрузился вновь въ воду и вторично прошелъ сторожевую линію. Одна изъ миноносокъ замѣтила его въ моментъ кратковременнаго пребыванія на поверхности, но такъ неопредѣленно, что невозможно ей было его преслѣдовать. Результатъ опыта былъ рѣшительный.

Столь же удачны были испытанія другой подводной лодки „Goubet“. Она прошла незамѣтно подъ шестью рядомъ стоявшими на якорѣ судами. Чтобы выказать свою поворотливость, „Goubet“ прошелъ между носомъ миноноски и цѣпью ея якоря и подвелъ мину подъ стоящій вблизи англійскій пароходъ. Онъ успѣвалъ незамѣтно перерѣзывать шнуры водолазовъ, портить винты пароходовъ и т. п.

Представимъ себѣ, что вмѣсто невинной учебной мины „Goubet“ подвелъ бы мину, наполненную 500 килограммами динамита, снабженную часовымъ механизмомъ для того, чтобы моментъ взрыва наступилъ въ то время, когда миноноска отошла

уже далеко. Если вѣрить сообщеніямъ „*Revue militaire de l'Étranger*“, издаваемой штабомъ французскаго военно-морскаго вѣдомства, Германія обладаетъ нынѣ шестью подводными миноносками, изъ коихъ три уже находятся на службѣ, а три испытываются въ Килѣ.

Эти три первыя подводныя лодки оказались весьма успѣшно дѣйствующими и обѣщаютъ принести въ будущемъ большую пользу. Быстрота ихъ хода достигаетъ 16,5 узловъ (30,4 километровъ въ часъ), значитъ, превышаетъ быстроту всѣхъ французскихъ броненосцевъ и многихъ крейсеровъ. Даже подъ водой миноноски эти двигаются со скоростью 9,5 узловъ (17,5 километровъ въ часъ). Упомянутая „*Revue*“ прибавляетъ, что германское морское вѣдомство не останавливается на этомъ, и что на верфяхъ Данцигской и Кильской строятся новыя лодки того же типа.

Въ „*Année scientifique*“ за 1886 г. помѣщено описаніе подводныхъ миноносокъ, которыя строитель лодокъ „*Gymnote*“ и „*Goubet*“ обязался построить и для русскаго флота.

Слабою стороною миноносныхъ подводныхъ лодокъ являются ихъ малые размѣры, вслѣдствіе которыхъ онѣ не могутъ брать съ собою достаточнаго запаса припасовъ и топлива. Но этотъ недостатокъ восполняется постройкой специальныхъ судовъ для перевозки миноносокъ на дальнее разстояніе. Мы видѣли, что уже въ 1877 году русскія миноноски, взорвашія турецкій броненосецъ, были доставлены на пароходѣ „Константинъ“.

Многіе писатели, впрочемъ, не придають особаго значенія подводнымъ лодкамъ, говоря, что важнѣйшимъ препятствіемъ въ дѣлѣ пользованія подводными лодками является вопросъ—о зрѣніи. Подводная лодка абсолютно слѣпа. Этотъ недостатокъ столь важенъ, что едва-ли даже главное достоинство лодки—ея невидимость—не придется принести въ жертву необходимости для нея самой видѣть направленіе хода ¹⁾.

Но тѣмъ не менѣе, въ виду достигнутыхъ уже результатовъ, можно, пожалуй, согласиться съ изобрѣтателемъ подводныхъ судовъ, высказавшимъ мысль, что „тотъ день, когда подводная лодка окажется способной подвести подъ судно 200 килограммовъ пироксилина, будетъ послѣднимъ днемъ броненосцевъ“. Въ настоящее время задача эта, повидимому, рѣшена, и израсходованные на постройку морскихъ стальныхъ колоссовъ миллиарды окажутся, быть можетъ, издержанными напрасно.

Доказательствомъ тому, что въ будущей морской войнѣ

¹⁾ „*Betrachtungen über Seetaktik*“.

борьба стальныхъ колоссовъ съ маленькими, но вооруженными смертоноснымъ жаломъ карликами, будетъ интенсивною, является фактъ усиленной постройки минныхъ лодокъ во всѣхъ государствахъ.

	Общее число миноносокъ.	На 10 броненосцевъ приходится минныхъ лодокъ.
Франція	200	36,3
Германія	182	46,6
Англія	197	28,5
Италія	167	69,9
Россія	141	41,5
Австрія	62	47,7

Таблица эта показываетъ, что Англія и Франція, владѣющія наибольшимъ числомъ минныхъ лодокъ, имѣютъ ихъ, соотвѣтственно силѣ своего флота, сравнительно менѣ другихъ государствъ, а въ особенности Италіи, обладающей, соотвѣтственно своему флоту, самымъ значительнымъ количествомъ миноносокъ.

Важнѣе всего, однако, то обстоятельство, что достаточно и гораздо менѣ значительнаго количества миноносокъ, находящихся въ распоряженіи европейскихъ державъ, чтобы, при предположеніи вышеописаннаго нами способа дѣйствій, вызвать на моряхъ панику и приостановить торговое движеніе. Помочь этому было бы способно развѣ измѣненіе условій борьбы броненосцевъ съ минными лодками, которое могло бы быть достигнуто, еслибы были изобрѣтены средства защиты броненосцевъ какъ отъ неожиданныхъ нападений миноносокъ, такъ и отъ разрушенія торпедными снарядами.

Вопросъ этотъ составляетъ злобу дня и надъ нимъ работаютъ умы изобрѣтателей. Если онъ не разрѣшенъ еще нынѣ, то, быть можетъ, разрѣшеніе это достигнуто будетъ завтра.

Адмиралъ Вернеръ ¹⁾ утверждаетъ, что какъ только уменьшится цѣна алюминія и можно будетъ употреблять этотъ металлъ для постройки судовъ, то бока корпуса кораблей станутъ дѣлать, вслѣдствіе легкости матеріала, столь толстыми, что ихъ не пробьетъ никакой взрывчатый снарядъ, а борьба съ минными лодками станетъ пустой шуткой. Нынѣ уже алюминій подешевѣлъ до того, что изъ него выдѣлываются предметы для домашняго обихода, напр. ключи.

Еслибы это предсказаніе сбылось, то европейскія государства

¹⁾ Werner. „Die Kampfmittel zur See“.

принялись бы расходовать новые милліоны на алюминіевыя суда. Но и затѣмъ, изобрѣтательность, которая еще стимулируется заводчиками и ихъ покровителями въ административныхъ сферахъ той или другой страны, стала бы изыскивать болѣе сильнодѣйствующіе взрывчатые матеріалы. Кто скажетъ послѣднее слово въ этомъ соревнованіи—предвидѣть нельзя. Вѣрно лишь то, что человѣкъ вообще болѣе силенъ въ дѣлѣ разрушенія, чѣмъ въ дѣлѣ созиданія.

Важнымъ факторомъ въ бою, съ примѣненіемъ пара, является быстрота, подвижность. Дѣйствія флота стали не только независимы отъ капризовъ вѣтра и погоды, но, кромѣ того, теперь флотъ можетъ, смотря по нуждѣ, то разбрасывать, то концентрировать свои силы, увеличивать или уменьшать число пунктовъ атаки, выбирать по произволу боевыя разстоянія и мѣнять ихъ по своему усмотрѣнію въ теченіе одного и того же сраженія ¹⁾.

Слабѣйшему борцу придется искать спасенія въ бѣгствѣ. Если близость гавани не спасетъ его, или ночь не скроетъ его отъ противника, то, не говоря о какой-либо счастливой случайности, его можетъ спасти превосходство быстроты. Въ послѣднее время миноноскамъ даютъ столь сильныя машины, что онѣ будутъ способны догнать и опередить всѣ большія суда.

Согласно представленному французской палатѣ депутатовъ отчету Жервиль-Реаша, броненосцевъ, обладающихъ скоростью 18 узловъ (33,2 километра въ часъ), имѣется на всемъ земномъ шарѣ только 10, остальные двигаются гораздо медленнѣе.

Между тѣмъ, изъ миноносокъ обладаютъ скоростью:

18	узловъ (33,2 километровъ)	въ часъ	11	миноносокъ
19	" 35,0	"	9	"
20	" 36,8	"	20	"
21	" 38,7	"	36	"
22	" 40,5	"	2	"
24	" 44,2	"	3	"
25	" 46,0	"	2	"
26	" 47,9	"	2	"

Такая скорость позволяетъ миноноскамъ гоняться не только за военными судами, но и за торговыми непріятельскими кораблями, и тѣмъ удобнѣе, что на минныхъ лодкахъ имѣются

¹⁾ Пойенъ. „Значеніе морской артиллеріи въ сраженіяхъ послѣдняго времени“.

еще орудія, стрѣляющія разрывными снарядами. Снаряды эти слишкомъ слабы для того, чтобы нанести существенный вредъ броненосцамъ, но достаточно сильны, чтобы уничтожить каждое торговое судно.

Легко можетъ быть, что будущая война вызоветъ появленіе совершенно неизвѣстныхъ нынѣ и не предполагаемыхъ неожиданностей. „L'année militaire“ за 1891 годъ сообщаетъ, что англійское правительство приобрѣло отъ изобрѣтателя Бреннау право на пользованіе его системою торпедъ за 2.750.000 фр. Вознагражденіе слишкомъ почтенное для какихъ-нибудь незначительныхъ усовершенствованій.

Долгое время предполагалось, что преслѣдованію миноносками торговыхъ судовъ мѣшать будутъ малые размѣры первыхъ и ощущаемый ими недостатокъ въ топливѣ. Но эта помѣха устранена постройкой специальныхъ судовъ для перевозки минныхъ лодокъ, такъ называемыхъ минныхъ транспортовъ.

IX.

Значеніе морскихъ сообщеній.

Изъ вышеизложеннаго должно бы, повидимому, слѣдовать прекращеніе постройки громадныхъ броненосцевъ. Однако, всѣ государства увеличиваютъ свои военные флоты и притомъ расходуютъ на нихъ, какъ это уже было указано нами, сравнительно болѣе, чѣмъ на сухопутныя арміи.

Громадный ростъ расходовъ на флотъ заслуживаетъ вниманія въ виду того, что самая значительная побѣда на морѣ не приводитъ къ большой убыли личного военного состава. Если Наполеонъ I, глядя на покрытое трупами побоище, могъ цинически замѣтить, что одна ночь въ Парижѣ вознаграждаетъ народу эти потери, то потеря двухъ-тысячнаго экипажа броненосца представляется незначительною въ смыслѣ ослабленія военного состава противника. Дѣло не въ этомъ.

Подобно тому, какъ семейство, живущее въ цивилизованномъ городѣ, не въ состояніи удовлетворить всѣхъ своихъ потребностей у себя дома, такъ и большая часть европейскихъ государствъ, весь Западъ, не можетъ существовать собственнымъ производствомъ. Чѣмъ болѣе совершенствуется все въ мірѣ, тѣмъ каждая страна работаетъ болѣе на другихъ и болѣе нуждается въ другихъ странахъ. Особенно страны, оставшія за собою періодъ хлѣбопашества и перешедшія въ періодъ промышленности, дошли до совершенства весьма цѣн-

наго и выгоднаго при нормальныхъ условіяхъ въ раздѣленіи труда между народами. Но это же можетъ представиться весьма опаснымъ во время войны. Не только удобства жизни, но и самая возможность жизни требуетъ постояннаго и непрерывнаго сообщенія съ иными странами.

Возьмемъ въ примѣръ ткацкое производство, прокармливающее столько семействъ. Разныя страны взаимно содѣйствуютъ другъ другу. Шерсть и хлопокъ производятся не тамъ, гдѣ фабрикуются ткани, такъ какъ производство сырья и его обработка требуютъ различныхъ условій. Въ одномъ мѣстѣ сырье расчесывается, въ другомъ красится, въ третьемъ передушивается въ ткани и разсылается для сбыта. Прекращеніе сообщеній приостановитъ тотчасъ же обмѣнъ произведеній и лишитъ куска хлѣба сотни тысячъ людей, занятыхъ каждый по своей спеціальности. Кромѣ того, не всякая страна обладаетъ достаточнымъ для своего населенія количествомъ хозяйственныхъ припасовъ. Большой части европейскихъ государствъ доставляютъ хлѣбъ и мясо Америка, Австралія, Индія и Россія. Каменный уголь составляетъ нынѣ предметъ первой необходимости, какъ топливо для фабрикъ и паровозовъ, а онъ находится не во всѣхъ странахъ.

Прекращеніе сообщеній не только приостановитъ теченіе промышленной жизни, подкопаетъ на нѣсколько лѣтъ производство многихъ странъ, но будетъ угрожать нѣкоторымъ государствамъ бѣдствіемъ голода. Легко понять, что такія послѣдствія вызовутъ предвидѣнныя и непредвидѣнныя общественныя катастрофы, которыя отразятся и на самомъ ходѣ войны, которая ихъ вызоветъ. Морскіе пути всегда необходимы и станутъ еще необходимѣе, когда возгорится на материкѣ война. Они останутся тогда единственными артеріями, способными поддержать жизнь, доставить хлѣбъ насущный, тепло и свѣтъ. Перерваніе ихъ равносильно лишенію большинства европейскихъ странъ условій существованія.

Чтобы опредѣлить потери, могущія послѣдовать отъ войны для разныхъ государствъ, мы принимаемъ за единицу сравненія внѣшнюю торговлю Россіи, обозначая ее цифрой 100. Тогда цѣнность оборотовъ внѣшней торговли разныхъ странъ представится въ слѣдующемъ видѣ:

Россія	100
Австрія	117
Италія	125

Германія	162
Соединенные Штаты	245
Франція.	265
Англія	630

Слѣдовательно, опасность для Германіи въ $1\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ для Россіи, для Франціи въ $2\frac{1}{2}$ раза и для Англіи почти въ $6\frac{1}{2}$ разъ.

Эти данныя объясняютъ, почему государства, ведущія значительную морскую торговлю, а во главѣ ихъ Англія, такъ поспѣшно увеличиваютъ свои военные флоты, не останавливаясь передъ расходами. Они лелѣютъ надежду, что пѣлые караваны судовъ, везущихъ товары и прежде всего жизненные припасы, будутъ свободно двигаться подъ защитой стальныхъ броненосныхъ исполиновъ. Доказательствомъ связи военныхъ флотовъ съ морской торговлей является то обстоятельство, что морскія силы европейскихъ государствъ находятся въ такомъ же отношеніи, какое наблюдается въ числахъ, опредѣляющихъ привозъ и вывозъ товаровъ морскимъ путемъ. Чѣмъ значительнѣе торговля, тѣмъ сильнѣе военный флотъ.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Англіи, гдѣ забота о сравнительномъ и абсолютномъ могуществѣ флота не ослабѣваетъ никогда. Наблюдаютъ за этимъ и правительство, и парламентъ, и общественное мнѣніе.

„Повидимому,—говоритъ г. Будиловскій,—морское могущество и первенство Англіи совершенно обезпечены на много лѣтъ, однако, хотя до времени окончательнаго выполненія программы остается еще два года, уже раздаются голоса съ разныхъ сторонъ о слабости флота и требуются новыя сооруженія. Такъ г. Брассей (авторъ хорошо извѣстнаго сочиненія „The Naval Annual“) въ весьма обстоятельной запискѣ „Future Policy of War Ship Building“ полагаетъ, что не безопасно уменьшать расходы на судостроеніе, пока защита торговли не будетъ обезпечена, причемъ предлагаетъ новую пятилѣтнюю программу судостроенія, по которой,—онъ находитъ,—слѣдуетъ построить дополнительно еще 142 судна (10 линейныхъ броненосцевъ, 6 брон. береговой обороны, 6 брон. тарановъ, 40 крейсеровъ перваго класса, 30 развѣдочныхъ судовъ и 50 минно-канонерскихъ лодокъ) и только въ такомъ случаѣ будетъ гарантированъ для Англіи миръ“¹⁾.

Но спрашивается, еслибы даже эти планы были приведены

¹⁾ Будиловскій. „Военные флоты“.

въ исполненіе, то была ли бы Англія поставлена вѣтъ всякой опасности, грозящей отъ морской войны? Съ большей вѣроятностью сказать можно, что нѣтъ. Но тѣмъ не менѣе, въ силу этой завѣтной мечты, приносятся огромныя жертвы. Однако, континентальныя державы не согласятся предоставить Англіи безусловное господство на океанѣ; онѣ будутъ продолжать свои вооруженія, и относительная сила Англіи останется такою же, какою была доселѣ и какою является нынѣ.

Дѣло въ томъ, что то государство, или та группа государствъ, которая достигнетъ господства на моряхъ и отрѣжетъ непріятелей отъ остальнаго міра—разорить и уничтожить противниковъ. Авторъ книги „La marine de guerre et les troupes coloniales“ совершенно справедливо говоритъ: „Мы, моряки, можемъ отнять у непріятеля болѣе чѣмъ жизнь. Мы можемъ уничтожить условія жизни, условія благосостоянія, созданныя усиліями ряда поколѣній, можемъ богатый народъ превратить въ толпу нищихъ; мы держимъ подъ выстрѣлами нашими самое Время“.

Это изреченіе разъясняетъ громадное значеніе морской войны и объясняетъ усилія, дѣлаемые государствами для увеличенія морскихъ силъ. Но естественно является вопросъ: дѣйствительно ли то государство, которое будетъ обладать болѣе значительнымъ количествомъ броненосцевъ, будетъ имѣть и болѣе полный успѣхъ?

Читатель, конечно, не можетъ требовать отъ насъ какихъ-либо указаній по этому вопросу. Въ морской войнѣ, какъ и во всякой другой, въ концѣ концовъ, борется человекъ съ человекомъ; измѣнены лишь оружіе и средства борьбы. Бывшій англійскій министръ, сэръ Чарльзъ Дилкъ, охарактеризовалъ положеніе слѣдующимъ образомъ: „Государство, желающее господствовать на моряхъ, должно, прежде всего, заботиться о силѣ и числѣ броненосцевъ. Но второстепенныя въ этомъ отношеніи страны, флотъ которыхъ имѣетъ преимущественно значеніе оборонительное, должны ограничиться постройкой миноносковъ“.

Х.

Крейсерство—каперство.

Несмотря на превосходство, которое могло бы имѣть какое-либо государство въ числѣ броненосцевъ, возможно нанести

значительный вред ему прекращеніемъ морскихъ сообщеній, путемъ крейсерства.

Кромѣ броненосцевъ и миноносокъ, правительства построили еще значительное число крейсеровъ, снабдивъ ихъ самыми сильными машинами и возможностью забирать съ собою достаточное на 4 до 5 недѣль, и даже, какъ нѣкоторые авторы утверждаютъ, на 80 дней ¹⁾, количество угля. Далѣе не подлежитъ сомнѣнію, что и приватиры, т. е. частныя суда, снаряженные съ цѣлью каперства, будутъ играть значительную роль. И въ прежнія времена особыя, принадлежавшія частнымъ лицамъ, суда нападали на торговые корабли подданныхъ противной стороны, уничтожали корабли или брали ихъ въ плѣнъ. Это дѣлалось съ разрѣшенія правительствъ, выдававшихъ судамъ, предназначеннымъ для такой цѣли, особые патенты, т. е. каперскія свидѣтельства.

Происходили, конечно, большія злоупотребленія, и патентованное каперство становилось нерѣдко прямымъ морскимъ разбоемъ.

Такъ какъ при этомъ потерпѣвшими являлись не только воюющія стороны, но и нейтральныя государства, то появилось стремленіе положить конецъ такой практикѣ.

Въ 1856 году парижскій международный конгрессъ, въ особой, приложенной къ трактату о мирѣ, деклараціи, выразилъ слѣдующіе принципы: 1) пиратство не должно существовать, и государства не должны впредь выдавать каперскихъ патентовъ; 2) суда, плавающія подъ нейтральнымъ флагомъ, неприкосновенны, хотя бы перевозили непріятельскій товаръ, за исключеніемъ военной контрабанды; 3) не служащія для военной надобности товары не должны быть захватываемы даже на торговыхъ судахъ подъ непріятельскимъ флагомъ; 4) законность блокады обусловливается дѣйствительною наличностью средствъ для ея исполненія.

Такъ какъ Соединенные Штаты и Мексика къ этой деклараціи не приступили, то въ инструкціяхъ предусмтрѣна вѣроятность нападений въ открытомъ морѣ. Этими инструкціями вмѣстѣ подтверждается, что за корсарами признаются всѣ права военныхъ судовъ, подъ условіемъ точнаго исполненія предписаній каперскаго свидѣтельства, а также военныхъ законовъ. Но дѣло въ томъ, что законовъ, обязательныхъ для корсаровъ, вовсе не существуетъ. Для сухопутной войны еще

¹⁾ „Русское судоходство“. Переписка о флотѣ.

кое-какія международныя правила опредѣлены; для столкнове- ній на морѣ ничего подобнаго до сихъ поръ не сдѣлано.

Достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ, что деклара- ція 1856 г. объ отмѣнѣ каперства не воспрепятствуетъ выпуску каперовъ въ будущей войнѣ, можетъ служить тотъ фактъ, что уже въ 1870 году прусское правительство пыталось создать нѣчто въ родѣ приватировъ для борьбы съ французскими воен- ными судами. То были частныя суда съ командами, взятыми вѣ германскаго флота, и для этихъ судовъ назначены были особыя преміи, весьма похожія на каперскіе призы, за захватъ судовъ. Не представляло ли это попытки возстановленія корсар- ства, хотя снаряженіе такихъ корсаровъ и имѣло характеръ оффиціальныи? Англійскіе королевскіе юристы, на разсмотрѣ- ніе коихъ былъ предложенъ этотъ вопросъ, не нашли, впро- чемъ, чтобы означенный фактъ составлялъ нарушеніе конвен- ціи 1856 года ¹⁾.

Характеристическимъ примѣромъ неопредѣленности понятій о законахъ морской войны могутъ служить не разъ практико- вавшіеся обычаи бомбардированія городовъ.

Въ руководствѣ для флотскихъ офицеровъ мы, на примѣрѣ, находимъ такое положеніе: „Бомбардированіе городовъ со- ставляетъ операцію, къ которой военныя правила дозволяютъ прибѣгать съ цѣлью понужденія ихъ къ сдачѣ, въ случаѣ, если они добровольно на то не соглашаются. Города не укрѣ- пленные, особенно если они не оказываютъ никакого сопро- тивленія, не должны подвергаться бомбардировкѣ“ ²⁾.

И дѣйствительно, въ 1870 году, въ инструкціи, выданной французской эскадрѣ, значилось: „Предлагаю вамъ уважать безусловно безопасность открытыхъ городовъ, такъ какъ, за исключеніемъ операцій, не могущихъ быть предвидѣнными, дѣйствія эскадры должны, главнымъ образомъ, ограничиваться строгою блокадой германскихъ торговыхъ портовъ“.

Но съ тѣхъ поръ человѣчество, какъ извѣстно, сдѣлало въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣтный шагъ назадъ. Въ будущей войнѣ пощады никто ждать не можетъ.

Доказательствомъ могутъ служить намъ примѣры изъ ма- невровъ англійскаго флота. Командиръ корабля „Collingwood“ адресовалъ къ бургомистру города Петерсида, 24-го августа 1889 года, слѣдующее письмо: „По приказанію вице-адмирала,

¹⁾ *A. Pillet „Le droit de la guerre“.* Paris. 1892.

²⁾ „Aide-mémoire de l'officier de marine“. 1892, p. 18.

командующаго 11-й дивизіей флота, я имѣю взыскать съ вашего города контрибуцію въ 150.000 ф. стерлинговъ. Прошу вручить предъявителю сего гарантію немедленнаго исполненія означеннаго предписанія. Сожалѣя о необходимости взысканія столь значительной суммы съ миролюбиваго и трудолюбиваго населенія города, я не могу, однако, поступить иначе, въ виду огромной контрибуціи, взятой вашими военными судами съ цвѣтущаго порта Бельфаста. Я долженъ къ этому прибавить, что въ случаѣ, если посланные офицеры не возвратятся въ теченіе двухъ часовъ, то городъ будетъ сожженъ, корабли будутъ уничтожены, фабрики разрушены. Готовый къ услугамъ Р. Г. Гаррисъ, капиталъ Е. В. Ф.“

Письмо это въ свое время было напечатано почти во всѣхъ газетахъ и особеннаго протеста не вызвало. На запросъ по этому поводу въ палатѣ общинъ лордъ адмиралтейства отвѣчалъ уклончиво. Очевидно, что Англія и впредь не откажется отъ подобнаго образа дѣйствій, а такъ какъ ея голосъ въ морскихъ дѣлахъ важнѣе всѣхъ прочихъ, то прочимъ державамъ придется лишь вторить ей ¹⁾).

Какъ выше было упомянуто, современное международное право возбраняетъ всякое насильственное отнятіе частной собственности, но это все относится только къ сухопутной войнѣ, а не къ морской.

Противорѣчіе, существующее между неустановившимися международными обычаями въ морскихъ столкновеніяхъ и стремленіями современной цивилизаціи, проявлялось въ послѣднюю турецкую войну, что видно, на примѣръ, изъ слѣдующихъ, приводимыхъ Мартенсомъ, документовъ. Несмотря на то, что по трактатамъ устья Дуная считались нейтральными, военный министръ Турціи объявилъ: „Такъ какъ Дунай имѣетъ служить оборонительной линіей, то всякое плаваніе по этой рѣкѣ воспрещается, а ослушныя суда будутъ конфискованы“. Графъ Андраши, въ депешѣ къ австро-венгерскому послу въ Константинополь, протестовалъ противъ этого: „Свобода судоходства по Дунаю—писалъ онъ—гарантирована трактатами, а притязанія Порты дѣлать на этой рѣкѣ какія ей угодно распоряженія и разсматривать Дунай какъ исключительно ей принадлежащую оборонительную линію, противорѣчатъ упомянутой свободѣ судоходства, находящейся подъ защитой между-

¹⁾ Подробности инцидента съ Петерсидомъ описаны у Ретлиха въ соч. „Prisenrecht und Flusschiffahrt“. Hamburg. 1892.

народнаго права Европы“. Но, какъ извѣстно, этотъ протестъ нисколько не повліялъ на ходъ войны, и судоходство по Дунаю было прервано на нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ случаѣ, если война, какъ этого повсемѣстно ожидаютъ, захватитъ большую часть государствъ, то случайностей въ этомъ родѣ окажется весьма много, и едва-ли какіе-либо протесты въ состояніи будутъ уменьшить ихъ число.

Во всякомъ случаѣ, морское судоходство встрѣтитъ непреодолимые препятствія. Проектъ инструкціи крейсерамъ, для руководства при встрѣчѣ съ судами въ военное время и при блокадѣ, заключаетъ слѣдующія постановленія:

„Правительствомъ будетъ объявлено въ деклараціи, какіе предметы будутъ признаваемы военною контрабандою. До полученія же этой деклараціи, военною контрабандою слѣдуетъ считать: каменный уголь, провизію и вообще продовольственные припасы, которые могутъ послужить для снабженія непріятельскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Относительно предметовъ, поименованныхъ въ этомъ пунктѣ, крейсеру слѣдуетъ быть весьма осторожнымъ, и прежде чѣмъ признать ихъ военною контрабандою, должно зрѣло обсудить, дѣйствительно ли они назначены для непріятели“.

Едва-ли, однако, можно сомнѣваться, что это замѣчаніе, предоставляющее всякую случайность на усмотрѣніе командира судна, поведетъ къ недоразумѣніямъ и злоупотребленіямъ, а это увеличитъ рискъ торговаго мореплаванія и приведетъ, слѣдовательно, къ затрудненію и сокращенію его.

Если еще чисто военныя суда представляютъ нѣкоторыя гарантіи исполненія предписаній, то частныя каперскія суда не будутъ стѣсняться никакими инструкціями въ своихъ поискахъ и набѣгахъ по морямъ цѣлаго свѣта.

Другой параграфъ вышеупомянутаго проекта инструкціи гласитъ: „Если бы правительство непріятельскаго государства выслало въ море приватиновъ, то, при встрѣчѣ съ подобнымъ приватиромъ, крейсеръ долженъ, взявъ его, поступить съ нимъ, какъ съ непріятельскимъ коммерческимъ судномъ. Но если, по разсмотрѣніи его бумагъ, окажется, что у него нѣтъ документовъ, разрѣшающихъ ему дѣйствовать, какъ приватиру, то слѣдуетъ поступить съ его офицерами и командою, какъ съ пиратами“.

Совершенно, однако, очевидно, что правительство cadaго

государства, преслѣдуя „добровольцевъ“ непріятельскихъ, само, тѣмъ не менѣе, не станетъ затрудняться выдачей патентовъ собственнымъ судамъ.

Однимъ словомъ, мы видимъ, что ничего не измѣнилось съ того времени, когда Наполеонъ писалъ: „Законы, управляющіе морскою войною, сохранили въ полной своей дикости варварскій обычай конфискаціи имущества частныхъ лицъ. Законы при сухопутныхъ столкновеніяхъ болѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ цивилизаціи. Надо желать, чтобы пришло время, когда морская война подчинится, по крайней мѣрѣ, тѣмъ правиламъ, какія выработались въ теченіе вѣковъ для сухопутной войны, чтобы прекратились ни съ какими понятіями о справедливости несовмѣстная конфискація частныхъ имущества и разсмотрѣніе пассажировъ, какъ военно-плѣнныхъ“.

Опытъ 1870—1871 гг. представилъ намъ лишь въ незначительныхъ предѣлахъ сущность всей глубины бѣдствій будущей морской войны.

Французскій флотъ, несмотря на то, что онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ сильнѣе германскаго, какъ это было уже указано нами, не воспользовался своимъ преимуществомъ и не оказалъ почти никакого содѣйствія въ борьбѣ, главнымъ образомъ вслѣдствіе общей неспособности правительства второй имперіи.

Всего два военныхъ быстроходныхъ корвета, независимо отъ эскадры, въ качествѣ крейсеровъ, были высланы въ Ламаншъ и Нѣмецкое море для воспрепятствованія торговой навигаціи непріятеля. Случаевъ захвата кораблей было, однако, довольно много послѣ того, какъ въ Англии распространился слухъ, будто правительство республики не намѣрено конфисковать нѣмецкія суда. Много кораблей изъ тѣхъ, которые находились въ англійскихъ портахъ, лишь только вышли въ открытое море, попали въ руки французовъ.

Служба этихъ корветовъ сопровождалась большими опасностями и неимоверными трудами въ Нѣмецкомъ морѣ, среди суровой зимы. Изъ числа экипажа корвета часть постоянно приходилось выдѣлять на захваченныя суда, а непріятельскихъ матросовъ надо было перевозить на корветъ. Операція эта оказалась весьма опасной. Однажды случилось, что на корветѣ „Desaix“, послѣ отправки въ Кале значительнаго числа плѣнныхъ, остался такой немногочисленный экипажъ, что ему угрожала опасность захвата корвета плѣнными, которыхъ скопилось на суднѣ количество, много разъ превышавшее числен-

ность экипажа. Приходилось или отказаться отъ исполненія задачи, или уничтожить встрѣчные непріятельскіе корабли.

Авторъ статьи въ „Nouvelle Revue“—„La marine en 1870—1871“ удостовѣряетъ, что „экипажъ и командиръ „Desaix“ съ большимъ отвращеніемъ рѣшились на подобный образъ дѣйствій, но что какъ ни тяжело было имъ присутствовать при гибели въ пучинѣ морской достоянія человѣческаго и даже самихъ людей, условія войны предъявляютъ подчасъ самыя страшныя требованія къ участникамъ ея“.

Противъ такого образа дѣйствій французскаго флота Германія протестовала нотой 27 января 1871 г.: „Французы, по словамъ этой ноты, не признаютъ на морѣ никакихъ человѣческихъ законовъ. Военное судно „Desaix“ уничтожило огнемъ и снарядами три купеческихъ корабля: „Ludwig“, „Vousvart“ и „Charlott'у“, вмѣсто того, чтобы отвести ихъ въ портъ для рѣшенія, подлежатъ ли они конфискаціи. Жалоба эта, — далѣе говоритъ тотъ же авторъ, — не была принята во вниманіе, ибо неизбежность не знаетъ никакихъ уступокъ. Протоколы захвата судовъ составлялись вполнѣ правильно, согласно съ существующими международными законами и обычаями“.

Результатомъ дѣйствій французскаго флота было прекращеніе нѣмецкаго морскаго судоходства и торговли. На цѣломъ свѣтѣ всѣ нѣмецкія суда скрылись въ порты нейтральныхъ державъ, въ ожиданіи окончанія войны, причемъ большой переполохъ произошелъ въ средѣ обществъ морскаго страхованія. Исключеніе представляли пассажирскіе пароходы, ходившіе въ Нью-Йоркъ и обратно, рассчитывая на свою быстроту хода. Замѣчательный примѣръ того, что можетъ сдѣлать смѣлый противникъ, мы видимъ въ слѣдующемъ подвигѣ германскаго судна „Augusta“. Оно ушло отъ французскихъ крейсеровъ, беспокоило французскія гавани, вошло въ устье Жиронды, захватило тамъ три французскихъ судна и затѣмъ укрылось въ Виго, гдѣ и оставалось до конца войны.

Въ настоящее время дѣло обстоитъ иначе. Адмиралъ Объ (Aube), морской министръ Французской республики въ 1886 году, провозгласилъ впервые новую теорію корсарской войны „à outrance“. Онъ доказывалъ, что, ведя войну съ зажиточнымъ народомъ, слѣдуетъ всячески избѣгать морскихъ сраженій, а всею силою наброситься на его торговлю.

Вслѣдствіе этого убѣжденія, какъ видно, раздѣляемаго французскимъ правительствомъ, предпринято сооруженіе быстро-

ходныхъ крейсеровъ, предназначенныхъ для ловли непріятельскихъ судовъ. Это — угроза, прежде всего направленная противъ Великобританіи, въ которой она и вызвала безпокойство, окончившееся запросомъ, обращеннымъ къ парижскому кабинету. Французское правительство сочло нужнымъ отвѣтить, что мнѣніе, высказанное адмираломъ Объ, составляетъ лишь его личный взглядъ. На этомъ дѣло и покончилось. Но съ тѣхъ поръ въ Англіи принялись строить крейсера съ бѣльшимъ еще рвеніемъ, чѣмъ во Франціи, имѣя въ виду, въ случаѣ войны, не только защиту своего торговаго флота, но и уничтоженіе непріятельскаго.

Но и прочія государства не остались въ этомъ дѣлѣ позади.

По отчету, представленному въ палату, важнѣйшія государства обладаютъ крейсерами броненосными въ слѣдующемъ числѣ:

	Броненосныхъ крейсеровъ свыше 4000 тоннъ.	Тоже отъ 2000 до 4000.	Прочихъ бы- строходныхъ.	ВСЕГО.
Англія.....	31	51	36	118
Франція.....	11	5	13	29
Германія.....	10	1	11	22
Россія.....	9	2	2	13
Австрія.....	3	1	3	7
Италія.....	—	15	4	19

Эти панцырные крейсера предназначены въ помощь броненосцамъ, далеко уступающимъ первымъ въ быстротѣ хода.

Существуетъ много различныхъ типовъ крейсеровъ, смотря по назначенію ихъ, — для береговой ли обороны, для развѣдки, или для преслѣдованія купеческихъ судовъ.

Опыты, произведенные въ обширныхъ размѣрахъ, доказываютъ, что англійскіе крейсера могутъ пробѣгать по 350—400 миль (морскихъ) въ сутки ¹⁾. Самые большіе изъ нихъ, которые теперь строятся, въ состояніи будутъ снова по морю въ теченіе 4—5 недѣль, не заходя въ порты для нагрузки топливомъ или провизіей.

Уже одинъ такой быстроходный крейсеръ въ состояніи остановить всякое торговое судоходство на морѣ и прекратить вообще морское сообщеніе на значительномъ разстояніи.

Крейсера могутъ ходить со скоростью отъ 11 до 22 узловъ (отъ 20,3 до 40,5 километровъ въ часъ). Броненосцы (въ рѣд-

¹⁾ Будилловскій. „Военные флоты“. 1892.

кихъ случаяхъ) въ состояніи довести быстроту до 18 узловъ (33,2 километра). Между тѣмъ лучшія купеческія суда имѣютъ самую большую скорость всего 11 — 14 узловъ (20,3 — 25,8 километровъ), а пассажирскіе пароходы 15 — 16 узловъ (27,6 — 29,5 километровъ въ часъ).

Давать купеческимъ судамъ болѣе одной силы на 4 тонны невыгодно при нынѣшней цѣнѣ на топливо. Между тѣмъ на военныхъ судахъ полагается на каждую тонну 4 силы, т. е. въ 16 разъ больше противъ обыкновенныхъ частныхъ судовъ.

Крейсеры не могли бы на себя принять чудовищныхъ пушекъ нынѣшнихъ броненосцевъ. Взамѣнъ этого они вооружены усовершенствованными динамитными картечницами и пневматическими орудіями. Послѣднія (изобрѣтенія Зелинскаго въ Америкѣ) стрѣляютъ посредствомъ сжатого воздуха снарядами, заключающими въ себѣ 200 фунтовъ взрывчатыхъ веществъ, на разстояніи морской мили.

Мѣткость этихъ новыхъ орудій необыкновенно велика. Вблизи Нью-Йорка въ 1887 г. производились опыты, результаты которыхъ оказались столь блестящими, что изобрѣтатель тотчасъ же получилъ заказы отъ Египта, Турціи, Италіи и Германіи. Надъ двумя 15-ти-дюймовыми орудіями опыты повторены въ январѣ 1889 года, причемъ изъ 100 выстрѣловъ половина попала въ цѣль, отстоявшую на 2 километра. На основаніи этихъ опытовъ, признано, что каждое судно на этомъ разстояніи неизбѣжно подвергается уничтоженію.

Германскимъ правительствомъ заключены съ двумя главными мореходными обществами въ Германіи, а именно: съ „Атлантическимъ обществомъ“ и „Сѣверогерманскимъ лloydомъ“, договоры, въ силу которыхъ морское вѣдомство имѣетъ право уже и въ настоящее время требовать отъ компаній соблюденія при постройкѣ судовъ особыхъ его указаній. Англійское адмиралтейство уплачиваетъ тѣмъ компаніямъ, которыя имѣютъ для атлантическаго мореходства наиболѣе быстроходныя суда, субсидію за тѣ изъ этихъ судовъ, которыя построены согласно требованіямъ адмиралтейства и способны служить крейсерами во время войны. Означенная субсидія составляетъ 15 шиллинговъ на 1 регистровую тонну; въ случаѣ, если судно будетъ обращено на военныя цѣли ранѣе пяти лѣтъ по его постройкѣ, субсидія возвышается до 20 шиллинговъ на тонну.

Французское правительство также платитъ преміи за указанную постройку судовъ, а сверхъ того производитъ имъ еще и

помильную плату. Такъ, съ 1831 по 1838 г. оно выплатило строительных премій и помильной платы 78,9 милліоновъ франковъ. Для того, чтобы еще болѣе поощрить постройку возможно болѣе быстроходныхъ судовъ, правительство предоставляет имъ еще и иныя преимущества, а именно, заключаетъ съ ихъ владѣльцами контракты на перевозку почты. Россія, какъ извѣстно, имѣетъ добровольный флотъ, состоящій изъ быстроходныхъ паровыхъ судовъ, которыя въ мирное время исполняютъ роль транспортовъ, а при первомъ объявленіи войны отправляются подъ русскимъ военнымъ флагомъ въ моря Америки или Китая, чтобы покровительствовать національной торговлѣ, уничтожать торговлю непріятели и сражаться съ его крейсерами.

Каковъ будетъ образъ дѣйствій крейсеровъ на войнѣ, о томъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по тѣмъ предположеніямъ, какія высказываются специалистами. Вотъ, напримеръ, отзывъ, который мы находимъ въ сочиненіи „*Les guerres navales de demain*“¹⁾: „Война промышленная имѣетъ свои правила, точныя, постоянныя и безусловныя: на слабѣйшаго нападать безъ пощады, отъ сильнѣйшаго бѣжать безъ ложнаго стыда. Наши миноноски или крейсера, какъ только издали усмотрятъ англійскую эскадру или хотя бы всего одинъ военный корабль, даже не превосходящій ихъ боевой силою, но способный оказать хоть какое-нибудь сопротивление—обязаны тотчасъ же скрыться“.

Убѣжденіе въ томъ, что „морская война будетъ войной промышленной, безпардонной войной крейсеровъ“ и что не слѣдуетъ обращать вниманія ни на какіе трактаты и обязательства—становится всеобщимъ.

Приведемъ еще нѣсколько отзывовъ.

Въ статьѣ съ подписью „Отставной морской офицеръ“, помѣщенной въ „*Nouvelle Revue*“, высказывалось слѣдующее предположеніе. „Миноноска замѣтила купеческое судно, везущее грузъ богаче того, который нѣкогда перевозили испанскія галеры. Число экипажа и пассажировъ доходитъ до нѣсколькихъ сотъ людей. Должна ли миноноска увѣдомить сигналомъ капитана этого судна, что она здѣсь, что она выжидаетъ момента, чтобы его затопить? Но капитанъ судна отвѣтилъ бы сна-

¹⁾ „*Les guerres navales de demain*“, par le commandant B... et H. Monbéchant. Paris, 1891.

рядами, которые послали бы ко дну миноноску и ея геройскаго командира, и судно поплыло бы далѣе. Миноноска должна преслѣдовать судно издали; ночью она приблизится и затопитъ нагруженный корабль съ его экипажемъ и пассажирами, а затѣмъ командиръ миноноски пойдетъ далѣе преслѣдовать другія суда. Каждое мѣсто океана будетъ свидѣтелемъ совершенія такихъ жестокостей... Есть люди, которые будутъ протестовать противъ этого. Что касается насъ, то мы привѣтствуемъ въ крейсерахъ высшя проявленія закона прогресса, въ который мы вѣримъ и который приведетъ наконецъ къ уничтоженію самой войны“.

Такой образъ дѣйствій ничѣмъ не отличался бы отъ морскаго разбоя, и естественно, что, въ виду такихъ подвиговъ, совершаемыхъ военными крейсерами или миноносками, никого бы уже не удивили жестокости частныхъ каперовъ. Здѣсь представился бы прямо поворотъ къ нравамъ варварскихъ временъ. А между тѣмъ, нельзя полагать, что это только такъ—заstraщиванія.

XI.

Характеръ будущей морской войны.

При упомянутыхъ уже морскихъ маневрахъ 1888 года, англичане держались именно сходныхъ правилъ. Скажемъ нѣсколько словъ о способѣ веденія этой примѣрной войны. Изъ четырехъ участвовавшихъ въ ней эскадръ, двѣ представляли флотъ непріятельскій, а остальные—англійскій. Операціоннымъ базисомъ для первыхъ служила Ирландія, для другихъ—Англія и Шотландія. Отношеніе между ними было какъ 2 къ 3, т. е. такое, какъ французскаго флота къ британскому; Ирландія же, собственно, представляла собой Францію и вообще планъ былъ близокъ къ вѣроятной дѣйствительности. „Непріятельскія“ суда были блокируемы въ портахъ Ирландіи—„англійскими“, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, съ цѣлью, во-первыхъ, подвергнуть опыту „матеріалъ“ и команды, и во-вторыхъ, приблизиться къ реальности. Затѣмъ, начались дѣйствія.

„Непріятельскій“ адмиралъ Фрэйонъ прорвался сквозь блокаду, избѣгъ битвы, то-есть встрѣчи съ англійскими судами, наложилъ контрибуцію на большіе неукрѣпленные города побережья Англіи и Шотландіи, захватилъ попавшіяся ему на

пути торговья и военныя суда и, не будучи нисколько беспокоимъ, проникъ снова въ тѣ самыя заливы Bauty-Bay и Longh-Swilly, изъ которыхъ первоначально вывелъ свой флотъ для совершенія этихъ изумительныхъ операцій. Такимъ образомъ, меньшій флотъ одержалъ полную побѣду надъ сильнѣйшимъ, и Англія узнала, что флотъ, состоящій изъ болѣе быстроходныхъ и искусно управляемыхъ крейсеровъ, можетъ привести ее на край гибели, не подвергнувшись самъ ни одной битвѣ.

Оказалось, что, несмотря на всѣ усовершенствованія въ технику, элементомъ рѣшающимъ остался все-таки—человѣкъ. Въ прошлыя времена, иногда случались нерѣдкіе впрочемъ и тогда примѣры, что корабль или цѣлая эскадра прорывали блокаду или въ открытомъ морѣ проходили вблизи непріятели, не бывъ замѣченными, то это приписывалось случайностямъ, такъ какъ единственнымъ двигателемъ былъ тогда вѣтеръ. Приведемъ нѣсколько такихъ примѣровъ. Въ царствованіе короля испанскаго Филиппа II, испанскій флотъ изъ 200 кораблей, высланный противъ 170 англійскихъ и голландскихъ судовъ, не встрѣтилъ ихъ, и союзныя суда атаквали Кадиксъ. Въ 1744 г. высадились на англійскомъ берегу 22 т. французовъ, не замѣченные англійскимъ флотомъ. Въ 1753 г. эскадры французская и англійская, состоявшія одна изъ 25, другая изъ 17 кораблей, прошли въ туманѣ одна мимо другой, не зная о томъ. Въ 1759 г. французская эскадра прорвала блокаду Дюнкирхена, не примѣтивъ 66 судовъ англійскаго флота. Въ 1796 г. 30 англійскихъ судовъ стояли у Спитгеда, другія 20 крейсировали къ западу отъ него, 13 стояли на высотѣ Бреста, который сверхъ того былъ блокируемъ особою эскадрой, и, несмотря на все это, 44 французскихъ корабля и 25 т. чел. незамѣтно вышли изъ Брестскаго порта и спустя 8 дней пристали къ берегу Ирландіи; на обратномъ ихъ пути, только одно изъ нихъ было захвачено. Въ 1797 г. 4 французскихъ судна прошли мимо большаго англійскаго флота и пристали къ берегамъ Ирландіи и Уэльса, и въ слѣдующемъ году десантная эскадра французскаго генерала Эмбера прошла къ Ирландіи, не бывъ замѣченною.

Въ томъ же 1798 году Наполеонъ отправился съ 40 т. войскомъ на 300 судахъ въ египетскую экспедицію, и Нельсону только спустя 2½ мѣсяца удалось найти этотъ флотъ при Абукирѣ. Въ 1805 году большой французскій флотъ, за которымъ

Нельсонъ наблюдалъ въ теченіе цѣлаго года, вышелъ изъ Тулона и, понеся значительныя аваріи, возвратился въ этотъ портъ; потомъ вышелъ снова, не бывъ ни разу усмотрѣнъ неприятелемъ; затѣмъ, соединясь съ флотомъ испанскимъ, отплылъ съ нимъ вмѣстѣ въ Вестъ-Индію, и только когда онъ возвратился оттуда, Нельсонъ настигъ его при Трафальгарѣ; до того же момента англійскій адмиралъ ничего не зналъ о мѣстахъ нахождения французскаго флота ¹⁾.

И всѣ эти примѣры относили къ случайностямъ: туману, неблагоприятному вѣтру. Но понятно, что съ тѣхъ поръ, какъ паръ далъ возможность избирать любой моментъ и любое направленіе для движенія, еще увеличилось преимущество тѣхъ судовъ, которыя скрываются и, стало быть, свободны въ выборѣ момента, а отчасти и направленія, надъ тѣми, которыя должны преграждать имъ путь или ихъ преслѣдовать.

Опытъ показываетъ, что „во время Сѣверо-Американской междоусобной войны южане создали, при помощи англійской промышленности, цѣлый классъ судовъ, извѣстный подъ выразительнымъ именемъ блокадо-прорывателей, специально предназначенныхъ нарушать блокаду со стороны Флориды и Каролины, чтобы снабжать воюющихъ оружіемъ и военными припасами и вывозить въ Европу ихъ хлопокъ. Всѣмъ извѣстны подвиги этихъ смѣлыхъ прорывателей блокады и неисчислимый вредъ, который они нанесли во всѣхъ моряхъ земнаго шара торговлѣ федератовъ“ ²⁾. Но какъ значителенъ былъ уже и въ то время рискъ, показываетъ то обстоятельство, что шкиперы, прорвавшіе блокаду, получали премію по 60.000 марокъ, а лопмана получали по 15.000 марокъ ³⁾. Мы уже упоминали о знаменитой „Alabama“.

„Къ подобнымъ же судамъ слѣдуетъ отнести судно, носившее имя „Arkadion“ и плававшее подъ греческимъ флагомъ; пароходъ „Arkadion“ продолжалъ прибыльное ремесло, начатое имъ во время войны между Штатами, и во время Критскаго возстанія, и кончилъ свое существованіе такъ же, какъ крейсеръ „Alabama“, въ упорномъ бою съ военнымъ судномъ. Но самымъ замѣчательнымъ изъ подвиговъ этого рода слѣдуетъ, по справедливости, признать подвигъ перуанскаго кор-

1) Henning „Die Küstenvertheidigung“.

2) Пойень. „Значеніе морской артиллеріи“.

3) „Wie man durch die Blockade läuft“. I. Scheibert. Berlin. 1893.

вета „Union“, который 5 (17) марта 1880 г. успѣлъ два раза прорвать блокаду Чилийскаго порта Арика, состоявшую изъ броненосныхъ судовъ; пароходъ „Union“, войдя ночью въ портъ, чтобы выгрузить военные припасы, вышелъ посреди дня, бравирова преслѣдованіемъ цѣлой эскадры“¹⁾).

Сопоставляя всѣ вышеприведенные факты, нельзя не признать, что главное, первое качество судовъ, предназначенныхъ прорывать блокаду, заключается именно въ скорости хода; съ другой стороны очевидно, что для возможности держать порты „въ строгой блокадѣ, необходимо присоединять къ броненосцамъ и другимъ судамъ боевой эскадры легкія суда, специально приспособленныя для быстрого хода, носящія небольшое число легкихъ дальнобойныхъ пушекъ, способныя, однимъ словомъ, преслѣдовать съ успѣхомъ и уничтожать всѣхъ прорывателей блокады“²⁾).

Такимъ образомъ, и нынѣ можно принять за аксіому, что самый многочисленный флотъ не можетъ безусловно прослѣдить за каждымъ движеніемъ обладающаго достаточной рѣшимостью противника и помѣшать ему укрыться отъ встрѣчи. Даже при превосходствѣ морскихъ силъ данной державы, непріятельскій флотъ можетъ предпринимать наступательныя дѣйствія противъ ея; а стало быть флотъ вообще не составляетъ еще безусловной гарантіи для охраненія побережья.

А. Геннингъ, въ сочиненіи „Оборона береговъ“ такъ поясняетъ взглядъ, существующій въ правящихъ сферахъ въ Германіи. „Въ виду того, — говоритъ онъ, — что государство, съ которымъ намъ пришлось бы воевать, обзавелось громадными судами, намъ остается держаться воззрѣнія, высказаннаго еще Альтмейеромъ, а именно, что будущая война на морѣ должна обратиться въ войну между крейсерами; имѣя въ своемъ распоряженіи хотя бы 10 быстроходныхъ крейсеровъ, мы можемъ считать себя достаточно сильными на морѣ и спокойно выжидать случайностей“. Что въ этихъ словахъ высказанъ именно взглядъ, господствующій въ Германіи, доказывается качественнымъ распредѣленіемъ прироста германскаго флота съ 1880 по 1890 гг.

Приведемъ цифры для сравненія. Въ германскомъ флотѣ состояло:

1) Поень. „Значеніе морской артиллеріи“.

2) Ibidem.

	Въ 1870 г.	въ 1880 г.	въ 1890 г.
Корветовъ	5	8	10
Аviso и канонерскихъ лодокъ . .	7	8	11
Морскихъ пароходовъ	3	5	8
Броненосцевъ	4	10	12
Бронен. корветовъ и крейсеровъ .	—	11	18
Броненосныхъ лодокъ	—	8	15
Миноносокъ I класса	—	2	6
„ II „	—	—	9

И такъ, съ 1880 по 1890 г. число большихъ броненосцевъ увеличилось только 2-мя, а броненосныхъ корветовъ и крейсеровъ на 7, число же броненосныхъ лодокъ почти удвоилось; наконецъ, число миноносокъ возросло въ 7 разъ.

Сверхъ того, рѣшено построить къ 1895 году еще 4 броненосца сильнѣйшаго и новѣйшаго типа, 9 броненосцевъ для береговой обороны, 7 броненосныхъ крейсеровъ и 4 крейсера безъ брони, т. е. въ общемъ 11 крейсеровъ, 2 новыхъ авизо (вѣстовыя суда) и значительное число миноносокъ.

Упомянутыя суда строятся преимущественно такъ, чтобы они не сидѣли слишкомъ глубоко въ водѣ и вслѣдствіе того могли быть годны для службы не только въ океанѣ и Нѣмецкомъ морѣ, но и въ морѣ Балтійскомъ. Виды Германіи въ этомъ отношеніи раскрываетъ намъ Геннингъ, въ сочиненіи „Die Küstenvertheidigung“, въ мѣстѣ, которое мы приведемъ (стр. 309): „Въ то время, какъ Франція представляетъ противовѣсъ для Англии на Сѣверномъ морѣ, море Балтійское находится подъ полнымъ господствомъ Россіи, которая тамъ не встрѣчаетъ никакого противовѣса, въ лицѣ возможныхъ союзниковъ Германской имперіи. Безъ сосредоточенія значительной силы на балтійскихъ берегахъ, мы не будемъ имѣть никакой опоры для дѣйствій какъ наступательныхъ, такъ и оборонительныхъ. Пруссія и другія германскія государства должны сдѣлаться могучею державою на Балтикѣ. Необходимость эта очевидна; рѣчь можетъ быть лишь о томъ, гдѣ избрать пунктъ для центра тяжести морскаго могущества Пруссіи и Германіи: на Сѣверномъ ли морѣ, или на Балтикѣ? Въ политикѣ, какъ и въ повседневной жизни, надо стараться прежде всего о томъ, что возможнѣе осуществить“.

И такъ, вниманіе Германіи должно быть главнымъ образомъ обращено на Балтійское море, хотя и о Сѣверномъ морѣ не слѣдуетъ забывать. Чтобы имѣть возможность дѣйствовать,

сообразно съ обстоятельствами, на томъ или другомъ изъ этихъ морей, Германія, какъ извѣстно, сооружаетъ „сѣверный морской каналъ (Nordzeekanal)“, который соединитъ ихъ непосредственно и притомъ между берегами самой имперіи. Авторъ замѣчаетъ далѣе, что Балтійское море всегда было, есть и будетъ полемъ, на которомъ сталкиваются интересы Россіи и Германіи, и что Россія вполне понимаетъ это, какъ о томъ свидѣтельствуется то, что она постоянно выставляетъ далѣе впередъ свои оборонительныя позиціи.

Объясняя, что Россія, сознавая необходимость для себя быть равно сильною на моряхъ Черномъ и Балтійскомъ, вполне изолированныхъ одно отъ другаго, какъ того требуетъ ея значеніе въ Европѣ и условія прогресса, уже облекла свое балтійское побережье сѣтью портовъ, постепенно обрацаемыхъ въ военные, какъ напр. портъ Либавы, который переносится на 10 километровъ въ глубь береговъ и укрѣпляется согласно съ новѣйшими принципами искусства, — Геннингъ продолжаетъ: „правда, вслѣдствіе того, что портъ этотъ 6 мѣсяцевъ въ году будетъ оставаться закрытымъ, особенно, если осуществится проектъ сооруженія мола передъ входомъ въ каналъ, приборъ морскихъ волнъ, который доселѣ охранялъ этотъ портъ отъ замерзанія, кромѣ на время непримѣрно (для порта на Балтики) краткое — будетъ устраненъ, и потому портъ и каналъ станутъ подвергаться болѣе продолжительному замерзанію. Но тѣмъ не менѣе, этотъ военный портъ получитъ важное значеніе, такъ какъ представитъ военный пунктъ, выдвинутый впередъ изъ самаго сердца Курляндіи, весьма удобный для цѣлей обороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ служащій олицетвореніемъ видовъ наступленія. Впрочемъ, и Германія имѣетъ нѣчто вполне могущее противостать этому оборонительно-наступательному пункту, а именно — Данцигъ“.

Затѣмъ авторъ, желая доказать, что всякія средства для дѣйствія приобрѣтаютъ цѣнность, лишь насколько ими сѣумѣютъ въ данномъ случаѣ воспользоваться, бросаетъ взглядъ на дѣйствія русскихъ моряковъ. Онъ не одобряетъ того, что черноморскій флотъ, въ Крымскую войну, не атаковалъ флотовъ союзныхъ, такъ какъ еслибы онъ это сдѣлалъ, „то самъ несомнѣнно погибъ бы, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, высадка уже не могла бы тогда состояться“.

Но, конечно, еслибы Геннингу ближе были извѣстны приведенныя нами въ первой главѣ причины, то мнѣніе его, вѣро-

ятно, было бы другое. Зато объ участи тѣхъ же моряковъ въ сухопутной оборонѣ онъ отзывается такъ: „дѣйствія ихъ въ послѣдующемъ, крѣпостномъ бою останутся въ исторіи незабвенными и увѣнчали ихъ благороднѣйшимъ изъ лавровъ“. Геннингъ усматриваетъ опасность для Германіи въ томъ, что на русскихъ верфяхъ строились и, по его словамъ, должны были быть окончены постройкою въ 1892 году еще 14 судовъ, а именно: 3 броненосца, 2 броненосныхъ крейсера, 2 крейсера не бронированные, 5 крейсеровъ - миноносцевъ и 2 канонерки съ броней. Онъ ссылается еще на свѣдѣніе ¹⁾, по которому въ Кронштадтѣ предпринята постройка еще 20 миноносцевъ, изъ которыхъ иные, типа „Орла“ и сходныхъ съ нимъ, будутъ достигать самыхъ высшихъ скоростей. Авторъ заключаетъ такъ: „мы должны съ полнымъ признаніемъ и удивленіемъ отмѣтить проявляемыя Россіей умѣнье, систематическую послѣдовательность и энергію въ обезпеченіи ея положенія на Балтикѣ и укрѣпленіи ея интересовъ въ этой сферѣ“ ²⁾.

И такъ, изъ всего только-что указаннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что при будущей войнѣ торговля сообщенія и на Балтійскомъ морѣ будутъ прерваны. А выше мы уже ставили вопросъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія это повлечетъ для Германіи, и о томъ — долго ли она будетъ въ состояніи выдержать такое положеніе, не подвергаясь опасенію внутреннихъ, серьезныхъ осложненій. Но болѣе точное понятіе объ этомъ мы постараемся представить въ той главѣ, гдѣ упомянемъ о стремленіяхъ, проявляющихся среди народныхъ массъ въ этомъ государствѣ.

Здѣсь мы должны привести взгляды на положеніе, какое создастъ будущая война для Франціи и средней Европы, высказываемые французскимъ контръ-адмираломъ Ревелльеръ въ предисловіи къ книгѣ командора В..... ³⁾. Ревелльеръ замѣчаетъ, что для Франціи всякая война, включая съ Германіею, будетъ войной морскою и что, при союзѣ Германіи съ Италіею, дѣло рѣшится въ Средиземномъ морѣ, въ то время, какъ сухопутная война на Рейнѣ будетъ колебаться. Упорное сопротивленіе, какое выказала Германіи Франція, уже послѣ

¹⁾ „L'année militaire et maritime“, p. 519.

²⁾ Стр. 334.

³⁾ „Les guerres navales de demain“, par le commandant В... et Н. Monhéchant. Paris. 1891.

паденія правительства второй имперіи, объясняется именно тѣмъ, что Германія не господствовала на морѣ; иначе на Францію была бы накинута сѣть со всѣхъ сторонъ и не осталось бы возможности для сопротивленія.

Одно мѣсто цитируемъ дословно: „Будущая война, какъ утверждаютъ, угрожаетъ истребленіемъ. Но кто знаетъ? Допустимъ (что не представляется невѣроятнымъ), что въ союзѣ съ нами Россія. А что представляетъ собой Россія? Избранный, образованный слой, руководящій невѣжественною народною массой; благодаря своимъ общественнымъ и политическимъ условіямъ, Россія, не имѣя большой силы для наступленія, обладаетъ неисчерпаемымъ могуществомъ въ оборонѣ. Она должна стараться о томъ, чтобы продлить войну, а если ей это удастся, то побѣда будетъ обезпечена. Русскіе генералы, съ своей стороны, высказываютъ убѣжденіе, что если только Франція не подвергнется моментальному разгрому (а это навѣрное не случится), то побѣда останется на сторонѣ нашего союза.

„Успѣхи промышленности произвели въ жизни народовъ такую переменъ, которая, въ случаѣ войны, дастъ Россіи большее преимущество. Для того, чтобы извлечь пользу изъ союза съ нею, необходимо выдержать продолжительную войну. Правда, нужно обладать огромною силой нравственной, чтобы вынести это ужасное положеніе; но вѣдь и всегда побѣда, въ концѣ концовъ, оказывается на сторонѣ силы нравственной, силы воли. Истребительность будущей войны представляется не столько въ томъ, что битвы будутъ кровопролитными, сколько въ томъ, что останутся всѣ отправленія народной жизни. Отъ крестьянина и до денежной аристократіи, всѣ будутъ подъ ружьемъ, всѣ будутъ истреблять, а работать не будутъ; поля останутся необработанными, фабрики и мастерскія прервутъ свою дѣятельность, и съ трудомъ можно будетъ снабжать дневнымъ продовольствіемъ милліоны воиновъ. Это будетъ еще болѣе война экономическая, чѣмъ боевая.

„И вотъ, каждый опасается рѣшиться на что-нибудь крайнее, зная, что потеря будетъ означать паденіе народа. Англія имѣетъ въ своемъ распоряженіи колоссальное богатство и непоколебимый кредитъ. Зато, Россія, при трудности для ея противниковъ проникнуть вглубь этой страны и достигнуть ея столицы, можетъ продолжать войну безъ всякаго опредѣлимаго конца. Мы же и Германія съ нами стоимъ посреди ихъ обѣихъ; мы не обладаемъ ни несмѣтнымъ богатствомъ Англіи,

ни неизмѣримыми пространствами Россіи. Въ войнѣ Франціи съ Германією, съ того момента, когда въ ней приметъ участіе Россія, одержитъ верхъ тотъ народъ, который будетъ располагать наибольшимъ богатствомъ и наибольшей выносливостью, предполагая вмѣстѣ, что онъ будетъ имѣть силу на морѣ, достаточную для обезпеченія ему продовольствія“.

Все это наводитъ на мысль, что для рѣшенія вопроса—когда можетъ прекратиться движеніе торговли, нѣтъ даже необходимости дѣлать точнаго исчисленія тѣхъ военныхъ силъ, которыя были бы необходимы для фактическаго прегражденія торговыхъ путей. Уже одна паника, какую вызываетъ самое начало войны, парализуетъ всякій международный обмѣнъ. Неужели найдется предприниматель, окажется торговое судно, которые рѣшились бы подвергаться подобному риску? Но и въ лучшемъ предположеніи, самыя страховыя преміи такъ возрастутъ, что вздорожаніе продуктовъ сдѣлаетъ ихъ недоступными для классовъ недостаточныхъ и будетъ почти равняться для нихъ полному отсутствію подвоза. Въ концѣ концовъ, и мореходство вообще можетъ совершенно прекратиться, какъ то и произошло въ послѣднее время междуусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на то, что театръ войны былъ болѣе ограниченъ, взгляды на позволительность употребленія всѣхъ приемовъ давняго каперства не успѣли еще установиться, наконецъ, не существовало ни крейсерскихъ эскадръ, ни миноносскъ.

Во время войны первой французской республики и второй имперіи съ Англією, Франція лишилась болѣе части своихъ колоній, потому что не имѣла такого флота, который могла бы съ успѣхомъ противопоставить англійскому въ боевой линіи. „J'ai cent vaisseaux, mais pourtant pas de marine“¹⁾—сказалъ Наполеонъ. Но зато французскія суда оказались вполнѣ способными нанести огромный вредъ британской торговлѣ. Одновременно терпѣла, конечно, и торговля французская, но, по самымъ размѣрамъ мореходства англійскаго, потери его должны были быть несравненно значительнѣе. Судить о томъ можно хотя бы на основаніи цифръ потерь, понесенныхъ обѣими сторонами на морѣ въ краткій періодъ 1793—1795 годовъ, какъ они показаны у Геннинга²⁾. За это время французы захватили 2.099 англійскихъ судовъ, стоимостью въ 400 милл. франковъ,

¹⁾ У меня есть много кораблей, но у меня нѣтъ флота.

²⁾ „Die Küstenvertheidigung“.

а сами потеряли 319 судовъ. Геннингъ признаетъ однако, что и эти результаты „не соотвѣтствовали совокупности огромныхъ усилій и пожертвованій въ людяхъ, материалахъ и деньгахъ“.

Событіямъ этимъ специально посвящено только-что вышедшее въ свѣтъ сочиненіе капитана Мэгена (А. Т. Mahan „The Influence of Sea Power upon The French Revolution and Empire 1793—1812“¹⁾). Отзвываясь съ большой похвалою объ этой книгѣ, „Athenaeum“ признаетъ безспорнымъ главное, высказываемое ея авторомъ, положеніе, что „*господствовавшее, безмолвное, но непрерывное давленіе на всѣ жизненные интересы Франціи, какое производили морскія войны, не замѣчалось среди шума и переворотовъ войны сухопутной*“, но что, прослѣдивъ его дѣйствія, нельзя не усмотрѣть въ немъ самаго яркаго и страшнаго доказательства вліянія морской войны на народную жизнь. Впрочемъ, при этомъ случаѣ „Athenaeum“ пользуется данными той же книги для „обработки“ общественнаго мнѣнія въ Англіи, придавая особое значеніе тому выводу автора, что для совокупности оборотовъ англійской торговли обусловленный въ то время морской войною рискъ все-таки не превышалъ 2 процентовъ.

Сэръ Самуиль Бэкеръ говоритъ: „не подлежитъ сомнѣнію, что какъ только станетъ неизбежною война съ одной изъ большихъ морскихъ державъ, то цѣны на хлѣбъ во всей Англіи тотчасъ удвоятся, а въ цѣлой промышленности произойдетъ паника. И это будетъ вполне естественно, такъ какъ, при нынѣшнемъ состояніи морскихъ силъ, Англія не можетъ обезпечить себѣ подвоза продовольствія“. Но дѣйствительность можетъ еще далеко превзойти это предсказаніе. Будучи отрѣзана отъ континентовъ, съ которыхъ она получаетъ хлѣбъ и на которыхъ сбываетъ свои товары, Англія можетъ прямо лишиться условій, необходимыхъ для жизни, очутиться вдругъ, лицомъ къ лицу, съ призракомъ голода. Въ слѣдующей главѣ будетъ разъяснено, что и Германія, и Италія будутъ въ положеніи немного лучшемъ, что Франція ощутитъ уже меньшія лишенія, Австрія потеряетъ лишь мало, а Россія наименѣе всѣхъ, въ смыслѣ удовлетворенія народныхъ потребностей.

Въ силу такого положенія вещей, представляется весьма вѣроятнымъ, что давленіе общественнаго голоса принудитъ

¹⁾ Вліяніе, оказанное морскими силами на Францію при революціи и имперіи.

тѣ или другія правительства къ заключенію мира, прежде чѣмъ возникшій международный споръ будетъ сколько-нибудь рѣшенъ войною, а это оставитъ поводъ для повторенія войны, если только, послѣ страшнаго перваго опыта, государства, особенно тѣ, которыя имѣютъ высшую культуру, рѣшатся на новыя войны.

Вотъ то, чего можетъ ожидать Европа отъ будущей войны. Но сверхъ немедленныхъ жертвъ и матеріальныхъ потерь—въ кровопролитіи, пожарахъ, голодѣ и эпидеміяхъ, такой войною будетъ причинено европейскому человѣчеству великое зло нравственное, вслѣдствіе тѣхъ пріемовъ, съ какими будетъ вестись борьба на моряхъ, и тѣхъ примѣровъ дикости, какіе она представитъ, въ то самое время, когда культурному порядку угрожаютъ разныя новыя теоріи общественнаго переворота.

Сколько тяжелой и неблагодарной работы потребуется для того, чтобы вознаградить потери, залѣчить раны, нанесенныя войною въ теченіе одного года; сколько цвѣтущихъ мѣстностей превратятся въ пустыни, а богатыхъ городовъ—въ развалины, сколько прольется слезъ, сколько въ Европѣ станетъ нищихъ?! Наконецъ, какое время потребуется для того, чтобы голоса лучшихъ людей, которые, послѣ страшнаго примѣра, станутъ призывать человѣчество къ отреченію отъ дикихъ взглядовъ, по коимъ „сила—выше права“,—какое потребуется время для того, чтобы призывы эти оказали свое дѣйствіе?!

Изъ того, что было нами изложено, читатели не могли не вынести убѣжденія, что война между державами тройнаго союза съ одной стороны, и Франціею и Россіею съ другой, должна будетъ поставить цѣлыя народы въ бѣдственные условія, вслѣдствіе перерыва морскихъ сообщеній и обособленія нѣкоторыхъ государствъ отъ сообщенія съ остальнымъ міромъ. Приметъ ли или нѣтъ Англія активное участіе въ войнѣ, это ничего не измѣнитъ въ положеніи. Точно такъ, если бы война ограничилась болѣе тѣсными размѣрами и въ ней не приняла бы участія даже Франція, то упомянутыя послѣдствія все-таки могутъ быть произведены дѣйствіями русскихъ крейсеровъ настолько, конечно, насколько предначертанный, вѣроятно, уже для нихъ планъ окажется возможнымъ привести въ исполненіе. Прежде всего, необходимо не быть захваченными врасплохъ, а для этого надо держать крейсеровъ въ моряхъ открытыхъ и принять приготовительныя мѣры для того, чтобы, въ случаѣ потребности,

возможно было быстро приобрести нужное число таких судовъ, которыя могли бы быть обращены въ крейсера.

Въ прошедшемъ мы уже находимъ примѣры, которые могутъ служить указаніями для будущаго. Еще въ концѣ Крымской войны построены были въ Архангельскѣ пять крейсеровъ, и флигель адъютантъ (нынѣ генералъ-адъютантъ) А. А. Поповъ уже готовъ былъ выдти съ ними въ океанъ, для нападенія на тылъ непріятелей и ихъ длинную операціонную линію отъ Ла-Манша до Севастополя; но заключеніе мира остановило отправленіе экспедиціи изъ Архангельска ¹⁾. Въ 1878 году приобретены были въ Филадельфіи, для обращенія въ крейсера, слѣдующіе пароходы: „State of California“, переименованный въ „Европу“, „Columbus“ („Азія“) и „Saratogo“ („Африка“), стоившіе въ порядкѣ ихъ исчисления: 400.000, 275.000 и 335.000 долларовъ. Экипажи для этихъ судовъ были организованы слѣдующимъ образомъ. Дѣло было задумано въ началѣ 1878 года, и приказаніе было получено въ Кронштадтѣ 26 марта; черезъ два дня были уже назначены командиры и команды: 66 офицеровъ и 606 нижнихъ чиновъ, а 30 марта вся экспедиція, раздѣленная на три отряда, выступила изъ Кронштадта по льду въ Ораніенбаумъ, затѣмъ по желѣзной дорогѣ—въ Балтійскій портъ. Тамъ офицеры и команды сѣли на зафрахтованный пароходъ „Цимбрія“ и черезъ 16 дней прибыли благополучно въ Соединенные Штаты, а именно въ штатъ Мэнъ ²⁾.

Весьма вѣроятно, что въ будущемъ и не придется прибѣгать къ такимъ чрезвычайнымъ приемамъ для достиженія той же цѣли. Вскорѣ по минованіи второй восточной войны, а именно въ 80-хъ годахъ, морское вѣдомство приняло мѣры къ созданію четырехъ крейсерскихъ эскадръ, такъ, чтобы одинъ отрядъ находился на станціяхъ въ Тихомъ океанѣ, одинъ въ то же время возвращался бы оттуда, одинъ же шелъ бы на станцію изъ Балтійскаго моря и еще одинъ находился бы въ Кронштадтѣ для исправленій, неизбѣжныхъ послѣ трехгодичной службы въ океанѣ, которая, такимъ образомъ, приходилась бы на долю каждаго изъ отрядовъ.

Каковъ въ настоящее время порядокъ распредѣленія морскихъ силъ въ Россіи и какія средства находятся на лицо или могутъ быть предприняты для удовлетворенія нуждъ крейсер-

¹⁾ „Обзоръ дѣятельности морскаго управленія за 1855—1880 гг.“

²⁾ Ibidem.

скаго флота въ пополненіи экипажей, исправленіи механизмовъ, снабженіи топливомъ и другими необходимыми для правильнаго дѣйствія предметами, объ этомъ мы, конечно, свѣдѣній имѣть не можемъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что нынѣ, какъ бы значительны ни были суммы, употребляемыя на усиленіе состава крейсеровъ, издержки эти должно признать производительными. Будущая война представляется столь грозною и потери, какія должны будутъ понести обѣ стороны—побѣжденная и побѣдившая—будутъ такъ громадны, что каждый расходъ, употребленный для предотвращенія войны, можно считать „окупающимся“, пока сохраняется миръ, подобно тому, какъ мы признаемъ, что окупаются издержки на предосторожности противъ пожаровъ, и охотно уплачиваемъ страховыя преміи. Позволительно сказать, что вопросъ тутъ сводится на задачу чисто-арифметическаго свойства: что можетъ обойтись менѣе дорого—вооруженный ли миръ, или война? До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, все-таки представляется менѣе тягостнымъ, и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи—время, налагаемое вооруженнымъ миромъ, чѣмъ то ужасное разореніе, какое принесла бы война. И это тѣмъ справедливѣе, что будущая война—по причинамъ, на которыя намъ придется еще указать впослѣдствіи—должна будетъ создать такое положеніе дѣлъ, при которомъ, послѣ кратковременнаго лишь перерыва, пришлось бы снова браться за оружіе для рѣшенія тѣхъ же вопросовъ, которые ее могутъ вызвать въ ближайшемъ будущемъ.

И вотъ, нельзя не согласиться, что созданіе сильныхъ крейсерскихъ эскадръ, могущихъ прервать морскія сообщенія и тѣмъ произвести экономическія послѣдствія, о которыхъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ, можетъ оказывать дѣйствіе въ смыслѣ предотвращенія рѣшимости на починъ въ войнѣ. Но, продолжая вооруженія при нынѣшней быстротѣ въ усовершенствованіяхъ техники, когда одно изобрѣтеніе слѣдуетъ за другимъ и умаляетъ или даже уничтожаетъ предыдущее, по мнѣнію многихъ специалистовъ, необходимо имѣть крайнюю осторожность: какъ нѣкогда сперва деревянные корабли, а потомъ колесные пароходы распродавались въ видѣ стараго матеріала, такъ можетъ, пожалуй, даже въ неотдаленной будущности, случиться и съ броненосцами, если только дальнѣйшія изобрѣтенія будутъ слѣдовать одно за другимъ также быстро, какъ то было доселѣ.

А между тѣмъ, въ настоящій моментъ, когда всѣ народы Европы стоятъ подъ ружьемъ и какъ будто ждутъ только повода, чтобы броситься другъ на друга и истребить противника— „saigner à blanc“, какъ выразился однажды князь Бисмаркъ— кто же можетъ рѣшиться совѣтовать одному народу, чтобы онъ разоружился или хотя бы отказался отъ дальнѣйшихъ вооруженій?

Разумѣется, вооруженія должны производиться не шаблоннымъ образомъ, а въ соотвѣтствіи съ географическимъ положеніемъ, состояніемъ культуры, степенью богатства и свойствами народнаго характера, то-есть при примѣненіи указаній науки сообразно съ мѣстными въ каждомъ государствѣ условіями.

Но не легко остановиться въ выборѣ того, что необходимѣе въ данную минуту. Усовершенствованія, можно сказать, толпятся одно за другимъ, и каждое можетъ казаться неотложно-необходимымъ. Однако, было бы, конечно, большой ошибкой осуществлять немедленно и одновременно даже и всѣ несомнѣнно значительныя изъ нихъ. Это значило бы дѣлать огромныя жертвованія на усвоеніе такихъ изобрѣтеній, изъ которыхъ многія могутъ быть провѣрены только самой войною. Въ особенноти это должно относиться къ тѣмъ изъ нихъ, которыя слишкомъ сложны и, уже по одному этому, на войнѣ могутъ оказаться непрактичными. Но, впрочемъ, надо признать и то, что возможное усовершенствованіе вооруженій, даже независимо отъ степени дѣйствительной пригодности того или другаго снаряда, механизма или приѣма, какая окажется при войнѣ, вызывается еще и иными соображеніями.

Соображенія эти слѣдующія: необходимость устранить въ своихъ арміи и флотѣ самую возможность какого-либо сомнѣнія въ равенствѣ и даже превосходствѣ своихъ вооруженій, по сравненію съ непріателемъ, а затѣмъ — желаніе внушить возможнымъ противникамъ убѣжденіе въ полной своей боевой готовности. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ даже и нѣкоторое преувеличеніе въ расходѣ на усвоеніе каждаго новѣйшаго изобрѣтенія можетъ быть отвесено именно къ той „страховой преміи“, — какъ мы выразились выше, — которая уплачивается государствами два отвращенія отъ себя войны. Съ этой точки зрѣнія очевидно, что иное, даже и нѣсколько сомнительное еще въ глазахъ наиболѣе компетентныхъ специалистовъ изобрѣтеніе, если только оно стало извѣстно и за границей или среди большинства ему

приписывается очень большое значеніе, не должно быть ни безусловно отвергаемо, ни слишкомъ долго отклоняемо.

Итакъ, нынѣшнія условія войны — совсѣмъ иныя, чѣмъ были въ прежнія времена, и экономическія послѣдствія войны будутъ инаго рода. Какъ въ многихъ другихъ областяхъ дѣятельности, такъ и въ способахъ веденія войны, все клонится къ тому, что ручная сила замѣняется силой машинной, а машина стѣбитъ дорого, иногда даже можетъ стать разорительно дорогою. Въ этомъ проявляется именно взаимодействіе условій техническихъ и экономическихъ. Хотя война въ отношеніи высшаго руководства и нынѣ остается „искусствомъ“, но все-таки нельзя не признать, что, въ отношеніи способовъ дѣйствія, она уже дѣлается наукой, опредѣляется точнымъ знаніемъ и должна подлежать извѣстнымъ законамъ.

Законы эти не вполнѣ еще раскрылись и выяснились, такъ какъ это можетъ быть лишь результатомъ опыта — новой войны. Нашей задачей специально въ этой главѣ было представить фактическое состояніе условій будущей войны на морѣ и познакомить читателя-неспециалиста съ компетентными взглядами на вопросы спорные, такъ чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, въ какомъ положеніи дѣло представляется теперь, пока оно не проверено опытомъ, который надо желать, чтобы явился какъ можно позже.

Отраженіе войны на насущныхъ потребностяхъ населенія.

Ни недостатокъ наличныхъ денежныхъ средствъ, ни слабость кредита, какъ уже замѣчено въ предшествующей статьѣ, не могутъ отворать войну или понудить къ ея прекращенію. Но въ этомъ отношеніи могущественнѣе финансовыхъ могутъ оказаться факторы экономическіе. Стѣсненіе въ удовлетвореніи насущныхъ потребностей массъ, перерывъ или застой въ дѣйствіи производительныхъ силъ народа и призракъ голода — вотъ тѣ силы, которыя угрозами своими способны отклонять рѣшимость къ предпріятію войны, а въ случаѣ пренебреженія ихъ угрозъ, могутъ, въ тотъ или другой моментъ, наложить свое рѣшительное *veto* на продолженіе войны. Сюда слѣ-

дуетъ прибавить—для тѣхъ правительствъ, которыя могутъ опасаться революціонныхъ (не только политическихъ, но и социалистическихъ) движеній—еще одну опасность, новый призракъ, являющійся за призракомъ голода, какъ одинъ фантомъ смѣняетъ другой въ видѣніи Макбета.

Говоря о „будущей войнѣ“, необходимо разсмотрѣть разные виды вѣроятнаго отраженія ея на потребностяхъ народнаго потребленія и народнаго хозяйства. Необходимо это, прежде всего, съ той цѣлью, чтобы бѣдствіе не застало государства врасплохъ, чтобы, отдавъ себѣ ясный отчетъ объ опасности, приготовиться къ ея умѣренію. Но сверхъ того, разсмотрѣніе этого вопроса можетъ быть полезно и въ томъ смыслѣ, что, раскрывая, какимъ глубокимъ потрясеніемъ можетъ отразиться большая война на экономическомъ народномъ бытѣ, при современныхъ его условіяхъ, такой анализъ приноситъ, въ силу самой опасности, и успокоительное впечатлѣніе: не легко въ наше время рѣшиться на войну.

I.

Потребность въ хлѣбѣ.

Въ особенно критическомъ положеніи окажутся при войнѣ тѣ государства, которыя и въ обыкновенное мирное время нуждаются въ значительныхъ количествахъ хлѣба и другихъ привозныхъ продуктовъ.

Доставка по желѣзнымъ дорогамъ сдѣлается крайне затруднительною, да и неоткуда будетъ привозить, такъ какъ рѣдкая страна въ Европѣ не почувствуетъ необходимости искать для себя средствъ продовольствія.

Изъ двухъ странъ, служащихъ главными житницами для Европы, одна—Венгрія будетъ вынуждена свои излишки поставлять въ Австрію, другая—Россія будетъ лишена возможности доставить свой хлѣбъ друзьямъ и не пожелаетъ поставить его врагамъ.

Морскія перевозки изъ Америки, Индіи, Австраліи станутъ невозможными, такъ какъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что съ началомъ войны разовьется каперство, которое прерветъ сообщеніе съ заокеанскими странами, или, по меньшей мѣрѣ, затруднитъ его до того, что цѣны провоза и страхованія кладей возрастутъ до крайнихъ размѣровъ и, такимъ образомъ, пойдутъ дороговизна доставляемыхъ моремъ продовольственныхъ

припасовъ. Достаточно вспомнить, что, во время Крымской войны, хотя затруднена была доставка моремъ только изъ Россіи, цѣна пшеницы въ Англіи возросла въ 1854 году сравнительно съ 1852 годомъ на 80%¹⁾. Во время Американской войны достаточно было одного южанскаго крейсера „Элебема“, чтобы цѣна пшеницы въ Англіи возвысилась замѣтно.

И такъ, необходимо опредѣлить степень опасности, какой при большой войнѣ подвергнутся разныя государства Европы по отношенію къ удовлетворенію продовольственныхъ нуждъ населенія.

Разсчетъ времени, въ теченіе котораго населеніе каждаго государства въ отдѣльности можетъ просуществовать на счетъ мѣстнаго производства пшеницы, ячменя и ржи, даетъ слѣдующіе результаты.

Производительность и привозъ за 1883—1887 годы пшеницы, ячменя и ржи.

	Собственная производительность въ милліонахъ пудовъ.	Привозъ въ милліонахъ пудовъ.		Привозъ въ процентномъ отношеніи къ производительности.
		Изъ Россіи.	Изъ прочихъ странъ.	
Германія	569	68	32	17,5%
Франція	601	18	40	9,6%
Англія	224	44	169	95,0%
Италія	147	22	16	28,5%
Австрія	367	—	—	—

Если на основаніи этихъ цифръ разсчитать, на сколько дней недостаетъ для пропитанія населенія каждаго государства—собственнаго его производства пшеницы, ячменя и ржи, то окажется, что въ Англіи мѣстнаго хлѣба недостаетъ на 178 дней, въ Италіи на 76 дней, въ Германіи на 54 дня и во Франціи на 32 дня.

Наибольшая опасность, въ случаѣ общей войны, грозитъ, слѣдовательно, Англіи, привозящей около половины всего нужнаго для продовольствія населенія хлѣба изъ-за границы, главнымъ образомъ изъ-за океана. Въ лучшемъ, но, во всякомъ случаѣ, весьма стѣсненномъ положеніи, будутъ Германія и

¹⁾ Въ 1852 г. quarter 40 пенсовъ.

„ 1854 „ „ 72 „
 „ 1855 „ „ 74 „

Италія, изъ коихъ первая довольствуется иностраннымъ, большею частью русскимъ хлѣбомъ 2¹/₂ мѣсяца, а вторая—около 2 мѣсяцевъ. Франція же нуждается въ иностранномъ зернѣ только на одинъ мѣсяць, а Австрія можетъ вовсе обойтись безъ него.

Но въ наилучшемъ положеніи, очевидно, будетъ находиться Россія, которая, съ закрытіемъ экспорта, не только не почувствуетъ недостатка, но, напротивъ, будетъ обладать излишкомъ зерна и не ощутитъ затрудненій въ продовольствіи населенія. Вывозъ изъ Россіи пшеницы, ячменя и ржи, въ теченіе разсматриваемаго періода, выражался средней ежегодной цифрой 242 милліона пудовъ, что равняется излишку сверхъ мѣстной потребности въ 21,6%.

Кромѣ пшеницы, ячменя и ржи, окажется еще чувствительный недостатокъ въ кормѣ для скота, такъ какъ всѣ упомянутыя (кромѣ Австріи) среднеевропейскія государства производятъ и овесъ въ количествѣ меньшемъ противъ собственныхъ потребностей.

Производительность и привозъ овса.

	Собственная производи- тельность въ милліонахъ пудовъ.	Привозъ въ милліонахъ пудовъ.		Привозъ со- ставляетъ ‰ производи- тельности.
		Изъ Россіи.	Изъ прочихъ странъ.	
Германія	228	11	1	5,3
Франція	200	8	5	6,5
Англія	187	26	16	22,4
Италія	13	0,8	0,7	11,5

Отсюда видно, что въ Англіи не хватаетъ собственнаго овса на 66 дней, въ Италиі на 38 дней, во Франціи на 21 день, въ Германіи на 19 дней.

Россія же, напротивъ, вывозитъ ежегодно 51 милліонъ пудовъ овса, что составляетъ 16,7‰ излишка противъ суммы ея потребления.

Австрія также не ощутитъ недостатка въ овсѣ.

Конечно, послѣдствія недостатка хлѣба не вездѣ будутъ одинаковы. Въ каждой странѣ найдутся мѣстности, обладающія достаточнымъ количествомъ продовольственныхъ средствъ. Въ другихъ, наоборотъ, необходимость привоза хлѣба явится тотчасъ вслѣдъ за жатвой.

Дѣлая, для примѣра, расчетъ, насколько мѣстная производительность, при среднемъ урожаѣ и нормальныхъ условіяхъ, обезпечиваетъ норму продовольствія для жителей въ различныхъ областяхъ Германіи, мы для упрощенія оставили въ сторонѣ картофель, такъ какъ потребность въ картофелѣ удовлетворяется обыкновенно мѣстнымъ продуктомъ и только въ исключительныхъ случаяхъ вызываетъ привозъ его изъ мѣстностей болѣе отдаленныхъ.

Здѣсь, прежде всего, необходимо опредѣлить норму потребленія на одного жителя въ Германіи.

Съ этой цѣлью, раздѣливъ цифры мѣстнаго сбора и привоза на число жителей, мы получаемъ, что въ среднемъ на 1 жителя приходится ежегодно:

пшеницы	3,64 пуда
ржи	7,58 „
ячменя	3,12 „
Итого	<u>14,34 пуда.</u>

Съ другой стороны, изъ данныхъ оффиціальной статистики, извѣстно, что въ Германіи идетъ на посѣвъ 13% средняго урожая пшеницы, 15% ржи и 10% ячменя.

На основаніи этихъ данныхъ, мы составляемъ нижеслѣдующую таблицу.

Количество пшеницы, ржи и ячменя, приходящееся на одного жителя.

Области и страны.	Излишекъ мѣстнаго производства, сравнительно съ потребностью, на 1 жителя, въ пудахъ	Недостатокъ мѣстнаго производства, сравнительно съ потребностью, на 1 жителя, въ пудахъ.
Прусская Саксонія	5,5	—
Познань	3,4	—
Вост. и Запад. Пруссія	1,4	—
Кор. Баварія	1,4	—
Гессенъ-Кассель	0,8	—
Вестфалія	—	1,3
Силезія	—	1,7
Средняя для всей Пруссіи	—	2,0
Бранденбургъ (и Берлинъ)	—	5,1
Гессенъ-Нассау	—	5,8
Кор. Саксонія	—	7,3
Прирейнскія пров.	—	7,4
В. герц. Баденъ	—	7,8
Кор. Виртембергъ	—	8,2
Остальная часть Германской имперіи	0,7	—

Итакъ, производительность значительно превышаетъ потребность только въ Прусской Саксоніи, въ Познани, Восточной и Западной Пруссіи, т. е. въ восточныхъ, граничащихъ съ Россіей, областяхъ Германіи. Незначительное превышеніе, уже приближающееся къ нулю, встрѣчаемъ еще въ Гессенъ-Касселѣ и въ общей совокупности тѣхъ частей имперіи, которыя, для краткости, не поименованы отдѣльно. Во всѣхъ прочихъ провинціяхъ потребность превышаетъ производительность, и притомъ въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ въ Бранденбургѣ, Баденѣ, Виртембергѣ и кор. Саксоніи, болѣе чѣмъ на половину.

А такъ какъ въ этихъ частяхъ имперіи сельскія сословія составляютъ около 42% населенія, а сельскіе жители, опасаясь голода, будутъ держать свои запасы для прокормленія самихъ себя, то для остальнаго населенія необходимо будетъ, съ перваго же дня послѣ жатвы, уже начать подвозъ хлѣба изъ другихъ мѣстностей.

Въ мирное время области эти могли пользоваться хлѣбнымъ привозомъ изъ Америки и Россіи, даже изъ восточныхъ провинцій самой Пруссіи, но тамъ, влѣдствіе близости къ театру войны, будутъ производиться покупки для арміи.

В. И. Недзвѣцкій, въ весьма замѣчательной статьѣ („Историческій Вѣстникъ“) „Борьба съ голодомъ въ будущую войну“, приходитъ къ заключенію, что въ магазинахъ будущаго базиса германскихъ войскъ вблизи русской границы хранится только мѣсячный или 1½-мѣсячный неприкосновенный запасъ продовольствія на всю армію, а именно на 960.000 чел. и на 220.000 лошадей. Между тѣмъ, генераль Лееръ принимаетъ для каждой воюющей стороны 1 миллионъ чел. боевыхъ силъ и 200.000 человекъ вспомогательныхъ отрядовъ, а стало бытъ придется кормить не 960.000, но 1.200.000 человекъ. Такъ какъ войска на театрѣ войны не въ состояніи будутъ продовольствоваться мѣстными средствами, то очевидно, что упомянутые интендантскіе запасы придется постоянно пополнять, если не для всего означеннаго числа людей, то для значительной его части.

Если бы даже Познань и Восточная Пруссія были въ состояніи, и при войнѣ, удѣлить часть своего излишка сосѣднимъ нуждающимся въ хлѣбѣ провинціямъ, что мало вѣроятно, въ виду запроса интендантства, то все-таки цѣны такъ возвысятся, что для бѣдныхъ классовъ населенія голодъ станетъ неминуемъ.

Вообще для того, чтобы составить себѣ понятіе о потрясеніяхъ, которыя вызоветъ въ Германіи война, необходимо принять въ расчетъ не только среднія цифры производства, привоза и потребленія, но еще и дѣйствіе силъ невѣсомыхъ, которыхъ вліяніе можетъ быть ужасающее. Уже самая боязнь недостатка, при невозможности его пополненія обычнымъ путемъ, можетъ сразу не только значительно повысить цѣны, но вызвать панику. Въ неурожайный 1891 годъ мы видѣли у насъ живой примѣръ того, какъ, несмотря на полную возможность привоза хлѣба въ Россію моремъ и сухимъ путемъ, боязнь недостатка вслѣдствіе неурожая сразу повліяла на повышение цѣны и вызвала много бѣдственныхъ явленій.

Таковы оказываются виды, по среднимъ исчисленіямъ производительности и потребности, но необходимо принять во вниманіе еще одно обстоятельство: между урожаями отдѣльныхъ годовъ случаются значительныя разницы. Если мы возьмемъ средніе годовые урожаи въ періодъ съ 1885 года по 1889 годъ въ разныхъ странахъ, исчисленные въ миллионахъ гектолитровъ— за сто, то по отдѣльнымъ годамъ, въ каждой странѣ, окажутся отклоненія отъ средней цифры въ предѣлахъ слѣдующихъ процентныхъ максимумовъ и минимумовъ:

Максимальные и минимальные урожаи.

	Средній урожай въ 1885—1889 г. въ мил. гекл., принятый за 100.	Урожай 1885—1889 г.			
		Maximum.		Minimum.	
		Годъ.	‰	Годъ.	‰
Россія	627,3	1887	114,7	1889	86,2
Германія	255,1	1886	106,2	1889	91,0
Франція	255,1	1886	102,6	1888	96,6
Австро-Венгрія	251,9	1887	108,4	1889	87,1
Великобританія	113,7	1885	104,5	1887	95,4
Италія	80,4	1887	105,5	1888	91,0
Румынія	51,2	1887	135,5	1887 ⁶ / ₆	77,7
Сербія	9,4	1888	131,9	1885	91,5
				1886	
				1887	
				1889	

Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что отклоненія отъ средняго урожая происходятъ въ Германіи при превышеніяхъ въ предѣлахъ 6‰ противъ средняго урожая и въ предѣлахъ 8‰ при

недорахъ противъ него; значить, если для примѣра возьмемъ 1886 годъ, то окажется, что потребность въ привозѣ хлѣба въ этомъ году была на $\frac{1}{3}$ меньше исчисленной нами по среднимъ даннымъ 1883—1887 годовъ; напротивъ того, въ неурожайномъ 1889 году потребность эта была на $\frac{1}{2}$ больше (46%).

Въ другихъ странахъ разницы незначительны, за исключеніемъ Россіи и Австріи, гдѣ, вслѣдствіе болѣе низкой культуры, выступаютъ болѣе рельефныя разницы (въ Россіи 14% на плюсь и 14% на минусъ, въ Австріи же 8% на плюсь и 13% на минусъ).

Всѣ эти условія: малая въ сравненіи съ потребленіемъ производительность, прекращеніе привоза изъ-за границы, увеличенный спросъ для снабженія милліоновъ солдатъ, потребляющихъ хлѣба гораздо болѣе, чѣмъ въ то время, когда они находились въ своихъ домахъ и кормились на свой счетъ; наконецъ, усилія со стороны зажиточной части населенія обезпечить себя запасами изъ опасенія голода — все это не можетъ не вызвать сильныхъ спекулятивныхъ закупокъ, которыя произведутъ небывалое повышеніе цѣнъ.

Необходимо замѣтить, что всѣ эти явленія будутъ особенно сильно ощущаться въ мѣстностяхъ съ развитою промышленностію, т. е. именно тамъ, гдѣ нѣкоторыя заработки прекратятся вовсе, другіе болѣе или менѣе сократятся.

Съ закрытіемъ обычныхъ путей сообщенія, съ сокращеніемъ спроса и наступленіемъ разныхъ опасеній, заводы, фабрики, рудники, многія ремесленныя мастерскія, за исключеніемъ тѣхъ отраслей производства, которыя нужны для арміи, вынуждены будутъ прекратить свою дѣятельность. Кромѣ того, отцы семействъ, будучи взяты и отправлены къ своимъ частямъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, при той быстротѣ, какою отличается мобилизація германской арміи, оставляютъ семьи въ большинствѣ случаевъ необезпеченными на завтрашній же день. Слѣдовательно, одновременно съ появленіемъ дороговизны, средства къ жизни населенія уменьшатся сразу и будутъ съ каждымъ днемъ падать болѣе и болѣе. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, придется заключить, что въ нѣкоторыхъ государствахъ война лишитъ милліоны людей куска насущнаго хлѣба.

Въ состояніи ли будутъ правительства, особенно въ виду

той пропаганды и тѣхъ настроеній, какія нынѣ дѣйствуютъ въ народныхъ массахъ на Западѣ, оставаться безучастными и предоставить установленіе цѣнъ естественнымъ условіямъ спроса и предложенія? Или правительства примутъ на себя заботы о пропитаніи семействъ людей, призванныхъ подъ знамена? Такихъ вопросовъ нельзя рѣшать впередъ.

Если же правительства вынуждены будутъ принять дѣйствительно участіе въ регулированіи цѣнъ и въ содержаніи населенія, то легко ли будетъ, послѣ войны, отказаться отъ этого и предоставить вновь продовольствованіе—торговцамъ, по свободно назначаемымъ ими цѣнамъ? Этотъ моментъ могъ бы вызвать осложненія характера социальнаго. Впрочемъ, мы возвратимся къ этому далѣе, при разсмотрѣніи вопроса о возможномъ вліяніи социализма на ходъ военныхъ событій.

Но такое тяжелое положеніе можетъ сдѣлаться еще серьезнѣе въ случаѣ, если война затянется, а, по мнѣнію весьма авторитетныхъ военныхъ писателей, это болѣе чѣмъ вѣроятно.

„Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, — говоритъ генераль Лееръ—періодъ подготовительныхъ операцій значительно сократился. Между тѣмъ въ маршахъ, маневрахъ и боѣ, желѣзными дорогами можно будетъ воспользоваться развѣ только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ—операционными линіями онѣ служить не могутъ. Нынѣшнія большія массы не могутъ двигаться по обыкновеннымъ дорогамъ со скоростью наполеоновскихъ армій. Онѣ же должны охватить и большее пространство, какъ вслѣдствіе ихъ величины (для облегченія продовольствія и размѣщенія ихъ), такъ и вслѣдствіе болѣе широкихъ задачъ, которыя имъ будутъ ставиться“.

Затѣмъ авторъ, переходя отъ отдѣльныхъ операцій къ цѣлымъ войнамъ, говоритъ:

„И при меньшихъ массахъ, 1812-й, 13-й и 14-й годы представляютъ въ сущности сплошную трехлѣтнюю войну. Сколько же времени понадобится на то, чтобы побороть (по выраженію фонъ-деръ-Гольца) нынѣшняго Антея и оторвать его отъ земли, высылающей ему армію за арміей? Предстоящая буря не можетъ кончиться быстрыми громовыми ударами, а будетъ продолжаться, быть можетъ, цѣлые годы“.

Также, и по мнѣнію выдающихся нѣмецкихъ и французскихъ военныхъ писателей, война съ Россіей не можетъ быть окончена въ одинъ годъ, она потребуетъ нѣсколькихъ кампаній.

Къ составу германскихъ сухопутныхъ силъ принадлежитъ

все годное къ военной службѣ мужское населеніе страны въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ включительно. Считая, что для сельскихъ работъ пригодны рабочіе отъ 15 до 65 лѣтъ, окажется, что 56% всего рабочаго класса могутъ быть призваны подъ знамена.

Въ случаѣ крайняго напряженія силъ, если даже допустить, что не всеѣ обязанные службою будутъ утилизированы для войны, то все-таки, если Германія думаетъ, какъ то заявлялъ канцлеръ Каприви, вести наступательную войну на два фронта, необходимо будетъ отнять у труда такое количество рабочихъ силъ, что необязанные военной службой, очевидно, не въ состояніи будутъ выполнить количество работы, въ обыкновенное время выполнявшееся полнымъ составомъ рабочаго мужескаго населенія.

Итакъ, уже по одной этой причинѣ, производительность должна будетъ въ военное время значительно сократиться, надобность въ привозномъ хлѣбѣ возрастетъ, и задача продовольствования усложнится до крайности.

Кромѣ недостатка въ рабочихъ рукахъ можетъ оказаться и недостатокъ въ рабочихъ лошадяхъ.

Если вѣрить даннымъ, сообщеннымъ въ „*L'année militaire*“ за 1892 годъ, потребность въ лошадяхъ въ различныхъ государствахъ при мобилизаціи арміи будетъ слѣдующая:

Потребность въ лошадяхъ для мобилизаціи.

	Въ мирное время арміи имѣютъ.	При войнѣ потребуется еще.	Количество лошадей въ государ- ствахъ.	Изъ каждой 1000 лошадей придется взять для войны.
Лошади въ тысячахъ.				
Россия	160	340	25.000	1,36
Франція	142	308	3.000	10,26
Англія	15	14	2.000	0,70
Италія	45	75	750	10,00
Австрія	77	173	4.000	4,32
Германія	116	334	3.000	11,13

Изъ числа потребныхъ для арміи въ Германіи 334 тысячъ лошадей, большинство будутъ, конечно, взяты отъ сельскихъ хозяевъ, что не можетъ не отразиться вредно на земледѣліи.

Не слѣдуетъ забывать, что, при интенсивной системѣ хозяй-

ства въ Германіи, сѣвообороты такъ устроены, что поле все не отдыхаетъ, одинъ посѣвъ или сѣдка слѣдуютъ за другимъ, и запозданіе въ работахъ поэтому немедленно вызываетъ пертурбаціи, не извѣстныя при болѣе примитивныхъ формахъ сельскаго хозяйства.

Далѣе, всѣмъ извѣстно, что въ Германіи заведено празднованіе, до начала полевыхъ работъ, такъ называемаго, „*Busstag*“ (день молитвы и покаянія), и затѣмъ во все лѣто производятся сельскія работы уже безъ перерыва по воскресеньямъ и праздникамъ.

Въ Германіи, и при нормальныхъ условіяхъ, трудъ рабочихъ такъ интенсивно утилизируется, что о возможности замѣны труда призванныхъ подъ знамена рабочихъ работою по праздникамъ и усиленіемъ труда оставшихся рабочихъ невозможно и думать.

Въ германской арміи подъ знаменами будутъ находиться 33%, во французской 42%, а въ австрійской 49% всего числа земледѣльцевъ.

Если мы даже допустимъ, что нѣкоторую часть фабричныхъ рабочихъ можно будетъ обратить на полевые работы, то, тѣмъ не менѣе, смѣло предположить можно, что урожай послѣдующаго года значительно уменьшится.

Совершенно иначе представляется этотъ вопросъ въ Россіи. Въ Россіи отсутствующаго рабочаго земледѣльца замѣститъ легче, чѣмъ гдѣ-либо, ибо значительная часть крестьянской земли находится въ общинномъ владѣніи. Чѣмъ далѣе на востокъ лежитъ губернія, тѣмъ меньшая часть земли ея не вошла въ предѣлы владѣнія общиннаго.

Можно не быть поборникомъ этой формы землевладѣнія и даже считать ее одною изъ главныхъ причинъ плохаго состоянія крестьянскаго земледѣлія, но все-таки нельзя не признать, что при общинномъ строѣ отвлеченіе войною большаго числа рукъ отъ земледѣльческаго промысла можетъ переноситься легче, чѣмъ при владѣніи подворномъ. Въ общинѣ, надѣлъ, покинутый призваннымъ къ военной повинности работникомъ, не останется втунѣ. Онъ несомнѣнно будетъ обрабатываться міромъ и отбывшій воинскую повинность хозяинъ надѣла, по возвращеніи, вступить въ прежнія права.

Притомъ земледѣліе на низкой степени вообще менѣе чувствительно къ небрежности и даже отсутствію самого хозяина,

чѣмъ высокая интенсивная культура. При отсутствіи постепенныхъ улучшеній, земледѣлецъ, возвращаясь къ своему хозяйству, можетъ быть увѣренъ, что найдетъ то же самое, что оставилъ, уходя на войну. Рабочіе на фабрикахъ и заводахъ въ Россіи, въ большинствѣ, не порываютъ своей связи съ общиною. При остановкѣ фабричнаго дѣла войною, они вернутся въ свои деревни и возьмутся за обработку земли.

Кромѣ того, въ Россіи число праздничныхъ дней столь велико, что, если бы высшая духовная власть издала на время войны разрѣшеніе работать въ эти дни, то уже это одно покрыло бы всю убыль въ хозяйствѣ отъ отсутствія рабочихъ рукъ по случаю войны.

Не слѣдуетъ забывать, что изъ числа населенія, въ возрастахъ между 20 и 50 годами, въ рядахъ арміи по военному положенію находятся (считая лишь наступательныя силы) въ Германіи 31% (3 мил. чел.), въ Австріи 28%, во Франціи 47%, между тѣмъ какъ въ Россіи (3½ милліона) всего 15% населенія. Такъ какъ одинъ воскресный день составляетъ уже 15% всего рабочаго времени, то весь недостающій контингентъ рабочихъ силъ въ Россіи можетъ быть вознагражденъ одной воскресной работой.

Бѣдствія, могущія произойти въ государствахъ вслѣдствіе недостатка хлѣба для населенія при войнѣ, не могли не обратиться на себя вниманія правительствъ и экономистовъ. Однако, вопросъ этотъ, несмотря на всю его важность, представляется доселѣ какъ бы отвлеченнымъ, и еще не проникъ въ сознание массъ. При томъ патріотическое увлеченіе отодвигаетъ на второй планъ всякія иныя соображенія.

Въ германскомъ парламентѣ, впрочемъ, вопросъ этотъ возникалъ неоднократно, но не обсуждался публично, а всякій разъ передавался на разсмотрѣніе секретныхъ комиссій. Правительство сообщило имъ свои предположенія снабжать Германію хлѣбомъ, доставляемымъ изъ Египта чрезъ Суэзскій каналъ, чрезъ Италію по линіямъ швейцарскихъ и австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, а отчасти изъ Венгріи и Румыніи. Насколько эти надежды могутъ оказаться призрачными, мы уже указали при разборѣ данныхъ относительно положенія морскихъ путей въ военное время. Во всякомъ случаѣ, если бы даже подъ защитою итальянской и англійской флотилій явилась возможность доставки хлѣбныхъ грузовъ чрезъ Суэзскій

каналъ, то рискъ и дороговизна доставки увеличатъ настолько цѣнность хлѣба, что всѣ указанная выше явленія неминуемо произойдутъ.

Въ виду этого, были предлагаемы иные способы къ рѣшенію вопроса. Такъ, авторъ брошюры „Auf der Schwelle des Krieges“ (1891), полагая, что война можетъ явиться внезапно, по почину Франціи, приходитъ къ выводу, что въ настоящее время только три великія державы могутъ считаться независимыми относительно способовъ продовольствія: Соединенные Штаты, Австро-Венгрія и Россія. Германія же, послѣ воспрещенія вывоза хлѣба изъ Россіи, тотчасъ очутилась бы въ состояніи осажденной крѣпости. Каково же будетъ ея положеніе во время продолжительной войны, когда затруднится и уменьшится внутренняя производительность и въ то же время доставкѣ моремъ хлѣба будутъ угрожать могущественные флоты противниковъ?

Авторъ предлагаетъ поэтому основать въ государствѣ неприкосновенный запасъ хлѣба, не только для надобностей арміи, но и для обезпеченія населенія. Такой запасъ имѣлъ бы еще и то удобство, что могъ бы служить вѣрнымъ средствомъ для противодѣйствія непомерной дороговизнѣ.

Но изъ приведенныхъ выше данныхъ о количествѣ ежегодно потребляемаго привознаго хлѣба можно заключить, насколько осуществить подобный проектъ было бы трудно.

Количества запасовъ, которыя бы пришлось содержать и обновлять, потребовали бы ежегодныхъ расходовъ въ такихъ размѣрахъ, что на подобныя жертвы въ настоящее время не легко бы было добиться согласія парламентовъ.

Въ Англіи вопросъ о продовольствіи народа на случай войны еще сильнѣе интересуется общество. „National Review“ приводитъ рѣчь сэра Самуила Бэкера, въ которой находимъ слѣдующія разсужденія, касающіяся интересующаго насъ предмета. „Мы до такой степени привыкли, чтобы все, необходимое намъ для поддержанія жизни и безостановочнаго труда, аккуратно доставлялось къ нашимъ портамъ, что даже представить себѣ не можемъ инаго положенія. Между тѣмъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что при войнѣ съ морской державой цѣна на хлѣбъ можетъ сильно подняться въ Англіи, что отразится тотчасъ на всей промышленности, и произойдетъ катастрофа, викагда еще невиданная. При нынѣшнемъ состояніи

ея обороны, Англія не въ силахъ обезпечить себя подвозомъ продовольствія“.

Лордъ Чарльзъ Берсфордъ, командиръ одного изъ крейсеровъ англійской эскадры на Средиземномъ морѣ, съ тою же увѣренностью утверждаетъ, что въ военное время Англія не можетъ разсчитывать на морской подвозъ жизненныхъ припасовъ. Адмиралъ Горнби, предсѣдательствовавшій на одномъ изъ митинговъ по поводу подачи правительству адреса о принятіи мѣръ предосторожности противъ остановки подвоза съѣстныхъ припасовъ, высказалъ, что „еслибы Англія одержала нѣсколько побѣдъ на морѣ, но при этомъ остановился бы правильный подвозъ съѣстныхъ припасовъ, то это было бы хуже, чѣмъ нѣсколько поражений“.

II.

Потребность въ мясѣ, соли и другихъ продуктахъ.

Въ отношеніи потребностей въ другихъ продуктахъ, инныя страны окажутся въ положеніи не лучшемъ и отчасти даже худшемъ, чѣмъ Англія.

Прежде всего разсмотримъ мѣстное производство и привозъ въ разныхъ странахъ мяса. Соотвѣтствующія цифры представлены въ слѣдующей таблицѣ:

Торговля мясомъ.

	Привозъ.	Вывозъ.	Излишекъ	Недостача.
	Въ тысячахъ пудовъ.			
Австрія	20	538	518	—
Россія	1,2	99	98	—
Италія	7,5	88	80	—
Германія	1.756	1.020	—	736
Франція	1.236	123	—	1.113

Отсюда видно, что Австрія, Россія и Италія производятъ мяса болѣе, чѣмъ нужно для потребленія, а Германія и Франція пополняютъ мѣстное производство привозомъ. Въ Германіи въ 1890 году привозъ превышалъ вывозъ на 736 тысячъ пудовъ, во Франціи—на 1.113 тысячъ пудовъ.

Итакъ, тѣ страны, которыя обладаютъ достаточнымъ количествомъ хлѣба, оказываются обезпеченными и относительно мяса, Германія же и Франція ощущаютъ, въ случаѣ продолжи-

тельной войны, недостатокъ въ обоихъ главныхъ продуктахъ питанія.

Правда, въ Германіи и во Франціи запасъ скота такъ великъ, что явится возможность увеличеніемъ убоя вознаграждать убыль привоза; но, въ виду цѣнности содержимыхъ тамъ породъ скота, стоимость мяса должна будетъ чрезмѣрно возрастать, чтобы вознаградить производителей.

Въ отношеніи соли, Россія находится въ положеніи нѣсколько менѣе выгодномъ, чѣмъ западныя державы.

Торговля солью.

	Привозъ.	Вывозъ.	Избытокъ.	Недостача.
	Въ тысячахъ пудовъ.			
Австрія	—	616	616	—
Германія	1.279	12.176	10.897	—
Италія	—	11.680	11.680	—
Россія	1.052	456	—	596

Но недостатокъ соли въ $1\frac{1}{2}$ милліона пудовъ, при внутренней добычѣ ея, дающей до 85 милл. пуд., легко можетъ быть устраненъ, даже при незначительномъ повышеніи цѣны, увеличеніемъ мѣстнаго добыванія.

Зато, что касается обезпеченія керосиномъ, который нынѣ сталъ также предметомъ первой необходимости, Россія находится въ завидномъ положеніи.

Торговля керосиномъ.

	Привозъ.	Вывозъ.	Излишекъ.	Недостача.
	Въ тысячахъ пудовъ.			
Россія	—	760	760	—
Австрія	15.400	380	—	15.019
Италія	4.270	—	—	4.270
Франція	7.916	—	—	7.916
Германія	39.485	—	—	39.485

Извѣстные обиліемъ кавказскіе нефтяные источники даютъ возможность вывозить весьма значительное количество керосина. Германія, Италія и Франція весь керосинъ получаютъ

изъ-за границы. Привозъ въ Австрію также весьма значителенъ, хотя мѣстная производительность (въ Галиціи) возрастаетъ безостановочно, и, быть можетъ, въ скоромъ времени Австрія будетъ обходиться керосиномъ внутренняго производства.

Вопросъ о каменномъ углѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Ввозъ, за вычетомъ вывоза, составляетъ во Франціи 491 милліоновъ пудовъ, въ Австріи 99 милліоновъ пудовъ и въ Россіи 93 милліона пудовъ. Вывозъ угля изъ Германіи превышаетъ на 274 милл. пуд. привозъ. Въ самомъ благопріятномъ положеніи относительно топлива, само собою разумѣется, послѣ Англіи, находится, стало быть, Германія, а за ней Австрія, имѣющая возможность покрыть значительный сравнительно съ потребленіемъ привозъ усиленной внутренней добычей, хотя, вѣроятно, вслѣдствіе пріостановки дѣятельности многихъ фабрикъ и заводовъ, и этого не потребуетъ.

Въ Россіи добыча каменнаго угля составляетъ: въ Домбровскомъ бассейнѣ около 151 милл. пуд., въ остальныхъ же бассейнахъ 229 милліоновъ. Во время войны она можетъ прекратиться въ Домбровскомъ бассейнѣ, но зато закрытіе нѣкоторыхъ фабрикъ неминуемо уменьшитъ потребленіе угля. Впрочемъ, значительная часть государства употребляетъ еще топливо древесное, и существуетъ полная возможность довольствоваться имъ въ теченіе продолжительнаго времени, усиливъ рубку лѣса. Но въ районѣ потребленія домбровскаго угля, жителямъ, въ случаѣ войны, необходимо немедленно приняться за разработку довольно часто встрѣчающихся залежей торфа.

Въ отношеніи хлопка, Россія въ настоящее время въ значительной мѣрѣ обезпечена привозомъ изъ Бухары. Недостатка въ шерсти, кожахъ и холстѣ въ Россіи также не будетъ.

Весьма важнымъ является вопросъ: всѣ ли страны будутъ имѣть возможность безостановочно возобновлять оружіе и боевые припасы? Въ этомъ отношеніи почти всѣ государства обезпечены въ достаточной мѣрѣ. За исключеніемъ Италіи, Турціи и Румыніи, вслѣдствіе существованія громадныя заводы для производства оружія и снарядовъ, такъ что во всякомъ случаѣ война не можетъ прекратиться за недостаткомъ оружія.

Благодаря энергическимъ мѣрамъ, принятымъ правительствомъ, добыча чугуна и приготовленіе желѣза и стали постоянно возрастаютъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Производство чугуна, желѣза и стали.

	Чугунъ.	Желѣзо.	Сталь.
	въ милліонахъ пудовъ.		
1881 годъ	28,6	17,8	17,9
1890 „	56,5	26,4	23,1

Этихъ количествъ матеріала, конечно, болѣе чѣмъ достаточно для военныхъ цѣлей. Въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 6 октября 1866 года было выражено: „прекратить на будущее время правительственные заказы за границей, подобно тому, какъ это уже приведено въ исполненіе по морскому вѣдомству, и затѣмъ всѣ заказы, какъ военнаго министерства и министерства путей сообщенія, такъ и другихъ вѣдомствъ, исполнять внутри государства, несмотря ни на какія затрудненія или неудобства, которыя это могло бы представить на первыхъ порахъ“. Вслѣдствіе того, возникъ цѣлый рядъ заводовъ, снабженныхъ новѣйшими механизмами и машинами для выдѣлки необходимыхъ для арміи предметовъ. Достаточно сказать, что еще въ 1880 году изъ числа находящихся во флотѣ 686 орудій 498 отлиты были на одномъ Обуховскомъ заводѣ, причѣмъ орудія эти не уступаютъ, какъ показываютъ данныя о дѣйстви ихъ на броню, орудіямъ крупновескимъ. Такъ, 12-дюймовыя орудія, съ разстоянія 1.000 сажень, пробивали броню толщиной въ 12,6 дюймовъ, 9-дюймовыя, — броню въ 6,59 дюймовъ, а 6-дюймовыя—броню въ 3,1 дюймовъ.

Въ видѣ резюме предшествующихъ страницъ, сопоставимъ здѣсь выводы изъ разсмотрѣнныхъ нами данныхъ:

1) Преимущество находится на сторонѣ тѣхъ государствъ, которыя обладаютъ достаточными средствами продовольствія и которыя, слѣдовательно, въ состояніи будутъ выдержать войну въ теченіе болѣе продолжительнаго времени безъ опасенія внутреннихъ осложненій.

2) Въ виду первенствующаго значенія вопроса объ обезпеченіи продовольствіемъ, тѣ государства, производительность которыхъ недостаточна, должны будутъ заботиться о томъ, чтобы уборка хлѣбовъ передъ войною закончилась, и рѣшится на войну до этой уборки лишь въ крайнемъ случаѣ.

3) Болѣе вѣроятія, что война возникнетъ тогда, когда въ странѣ, которая захочетъ взять на себя инициативу военныхъ

дѣйствій, урожай будетъ выше нормальнаго; при неурожаѣ миръ можно считать вообще болѣе обезпеченнымъ.

4) Важнѣйшимъ предвѣстникомъ войны явится лихорадочное приобрѣтеніе всѣхъ жизненныхъ припасовъ для тѣхъ государствъ, которыя могутъ опасаться недостаточности собственныхъ средствъ продовольствія.

5) Во время войны и особенно послѣ нея могутъ явиться на Западѣ сильныя народныя движенія.

Вотъ тѣ существенныя экономическія соображенія, которыя несомнѣнно будутъ имѣться въ виду при обсужденіи, по тому или другому поводу, вопроса—рѣшиться ли на войну? И въ виду ихъ, каждому государству вообще, а нѣкоторымъ изъ нихъ, по особеннымъ обстоятельствамъ, мѣстнымъ или временнымъ, болѣе или менѣе трудно будетъ принять рѣшеніе о войнѣ.

И. БЛЮХЪ.

БУДУЩАЯ ВОЙНА,

ея экономическія причины и послѣдствія ¹⁾.

Стремленія противъ милитаризма.

Характеръ современной войны допускаетъ возможность рѣшительнаго вліянія настроеній и стремленій общественнаго мнѣнія на ея конечный исходъ. Всѣ европейскія державы должны столько же думать о психическихъ факторахъ, сколько о техническихъ приготовленіяхъ и о заготовкѣ военнаго матеріала. Невозможно и намъ оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ. Картина вышла бы неполной, а выводы опирались бы на недостаточномъ изслѣдованіи данныхъ, если бы мы не затронули вопроса о вліяніяхъ, дѣйствующихъ на направленіе общественнаго мнѣнія.

Издавна уже война встрѣчалась съ осужденіями ученыхъ и фалантроповъ; ихъ неувѣренные нѣкогда голоса приобрѣтаютъ все болѣе силы и твердости. Въ умственной и политической жизни Европы и Америки образовалось сознательное теченіе, дѣйствующее въ томъ же направленіи, въ какомъ дѣйствуетъ и развивается безсознательное еще, но несомнѣнное чувство во всемъ культурномъ обществѣ, что и придаетъ этому теченію большую силу. Оно развѣнчиваетъ въ умахъ идею войны, затрудняетъ рѣшимость на нее, дѣлаетъ войну рѣже случаемъ, а потому и менѣе вѣроятной, въ каждое данное время.

Въ этомъ теченіи къ людямъ знанія присоединяются представители искусства. Благодаря художникамъ, поэтамъ, рома-

¹⁾ См. „Русскій Вѣстникъ“ кн. 2-я и 3-я 1893 г.

нистамъ, дѣйствующимъ на чувство, теченіе это проникаетъ въ толпу, въ мастерскія и на улицу, принимаетъ видъ краткихъ, рѣшительныхъ формулъ, недостаточно, пожалуй, обоснованныхъ, но зато и трудно опровергаемыхъ, а тѣмъ самымъ могущихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, сдѣлаться опасными девизами для оппозиціи въ массахъ. Экономисты, видя громадный ростъ милитаризма, утверждаютъ, что такое положеніе дѣлъ долго продолжаться не можетъ, что есть предѣлы этому росту, ибо если положеніе не измѣнится, то тяжесть налоговъ превзойдетъ границы всякой возможности. Придетъ, слѣдовательно, время, когда оно измѣнится, когда международные споры будутъ рѣшаться безъ войны, но такъ какъ мы не видимъ еще никакого приступа къ измѣненію въ этомъ смыслѣ, а наоборотъ, видимъ постоянное дальнѣйшее возрастаніе вооруженій, то очевидно, что катастрофа,— какъ по справедливости можно назвать войну при нынѣшнихъ средствахъ и условіяхъ,—представляется пока почти неизбѣжною.

Съ другой стороны, творцы и дѣятели нынѣшняго положенія доказываютъ, что война есть продуктъ историческаго фатализма, что она естественно необходима, а ея устраненіе не зависитъ отъ человѣческихъ силъ. Изъ многихъ подобныхъ мнѣній мы приведемъ только слова знаменитаго начальника главнаго штаба германской арміи, фельдмаршала Мольтке.

„Можно сожалѣть о томъ—заявилъ Мольтке въ сеймѣ, защищая предложеніе объ увеличеніи вооруженныхъ силъ—что мы *принуждены* обращать извѣстную часть доходовъ не на внутреннее укрѣпленіе имперіи, а на ея внѣшнюю защиту; это является, однако, результатомъ общаго положенія дѣлъ въ Европѣ, которое мы измѣнить не въ состояніи. Куда ни взглянемъ, направо или налево, вездѣ видимъ спѣшныя вооруженія, вездѣ находимъ такія военныя приготовленія, которыхъ не въ состояніи долго вынести даже богатѣйшія страны. Естественная необходимость направляетъ все къ разрѣшенію, а потому правительство и желаетъ усилить армію до истеченія семилѣтія“.

Германія, однако, сама, какъ мы видѣли, а не кто-либо другой, взвалила на Европу тягость современнаго милитаризма, и, несмотря на это, она же теперь умываетъ руки и сваливаетъ отвѣтственность за напряженное положеніе на сосѣдей, на требованія защиты, на безыменную *естественную* необходимость. Трудно надѣяться, въ виду подобной политики, чтобы

кто-либо предпринялъ сдвинуть ходъ дѣлъ съ той наклонной плоскости, которая прямо ведетъ къ войнѣ.

Если бы, впрочемъ, нынѣшніе расходы на вооруженія и не превышали прежнихъ, если бы тяжесть содержанія въ рядахъ арміи столькихъ человѣческихъ силъ въ наиболѣе производительный періодъ жизни и не возрастала рядомъ съ обостряющимися условіями борьбы за существованіе, если бы даже допущены были при комплектованіи арміи всевозможныя льготы,—то и въ такомъ случаѣ не прекратились бы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ, ни недовольство, вызываемое требованіями милитаризма, ни стремленія къ его отмѣнѣ. Они являются результатомъ того, что въ общественномъ мнѣніи Германіи, Франціи, Италіи и Австріи все сильнѣе даютъ себя чувствовать элементы, борющіеся со всѣмъ политическимъ строемъ этихъ странъ. Въ сочиненіи Вигувёра „L'avenir de l'Europe“ находимъ слѣдующую характеристику современнаго историческаго момента: „Въ послѣднія двадцать лѣтъ элементъ войны сковалъ и поглотилъ все. Каждый народъ посвящаетъ весь запасъ своихъ богатствъ на то, чтобы привести къ разрѣшенію современныя отношенія. Но разрѣшеніе не наступаетъ. Правительства, которыя думаютъ удержать долго населеніе въ такомъ состояніи напряженія, ошибаются“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что обращеніе силъ, находящихся въ рядахъ арміи, къ производительному труду, увеличило бы, говоря вообще, національное богатство и улучшило бы условія общаго быта. Въ первое, однако, за разоруженіемъ, время, произошло бы пониженіе нормъ заработной платы, такъ какъ увеличилось бы предложеніе рабочей силы. Это непреложный экономическій законъ, вліянію котораго нельзя противопоставить никакого средства. Поэтому бѣднѣйшіе классы, живущіе нынѣ заработкомъ вчерашняго дня, для которыхъ одинъ кратковременный кризисъ можетъ рѣшить судьбу всей жизни, не должны бы желать одновременнаго разоруженія государствъ.

Однако, агитаторы успѣли убѣдить множество людей сначала въ томъ, что все содержаніе современнаго, называемаго ими капиталистическимъ, строя жизни исчерпывается эксплуатацией бѣдныхъ богатыми, а затѣмъ въ томъ, что единственной силой, поддерживающей въ мірѣ эту страшную неспра-

ведливость, являются ряды штыковъ. Вслѣдствіе этого, социалистская ненависть обращается, главнымъ образомъ, противъ армій. Нужно лишить капиталъ его защиты, а затѣмъ уничтожить его господство, какъ выражаются социалистскіе вожди, и тогда будто бы вопарятся справедливость и счастье. Масса не въ состояніи понять ни причинъ, ни даже всего содержанія современнаго общественнаго строя и неспособна оцѣнивать по достоинству социалистскіе идеалы будущаго. Въ обстановкѣ тяжелой жизни работника находятъ благодарную почву ловкіе и фанатическіе агитаторы, увлекающіе его мечтами о богатствѣ и вліяніи; онъ не углубляется въ критику и просто вѣритъ тому, чего самъ желаетъ. Поэтому ни фантастичность идей, ни дикость программъ не мѣшаетъ ихъ популярности и распространенію среди рабочихъ массъ, по крайней мѣрѣ, въ городахъ.

Рядомъ съ этимъ бессознательнымъ кипѣніемъ въ верхнихъ и нижнихъ слояхъ общества, на вершинахъ общественнаго строя началась вполне сознательная борьба противъ войны. Намъ придется говорить объ этихъ параллельныхъ теченіяхъ въ двухъ нижеслѣдующихъ главахъ.

I.

Противувоенное движеніе въ высшихъ слояхъ общества.

Война соединилась такъ тѣсно съ исторіей человѣчества, играла столь выдающуюся роль во всѣхъ фазисахъ развитія, съ ней связаны столь многія дорогія и даже святыя для каждаго народа воспоминанія, что невозможно удивляться тому, что до послѣдняго времени громадное большинство обитателей земли не только не чувствовало къ ней отвращенія, но, наоборотъ, окружало ее блескомъ почета.

Историческая и социальная стороны войны отодвинули на задній планъ всѣ ея нравственные и физическіе ужасы. Сохранились воспоминанія о цѣляхъ и задачахъ войны, касавшихся

столь достойныхъ уваженія основаній, какъ честь и безопасность общества; поэты всѣхъ странъ и временъ черпали въ воспоминаніяхъ и отъликахъ давнихъ войнъ свои вдохновенія; художники изображали геройство рыцарей; въ твореніяхъ искусства славилась мужество, самопожертвованіе, братство воиновъ. Оставались какъ бы въ тѣни тѣ стороны, что цѣли войны не всегда были достойны уваженія и не оправдывали пролитія потоковъ крови; не замѣчались мученія тысячей людей, гибнувшихъ подъ знойными лучами солнца или въ снѣгахъ, безъ всякаго утѣшенія и помощи, не слышались стоны, забывались невозвратныя для общества потери людей сильныхъ, мужественныхъ, молодыхъ.

Въ войнѣ видѣли только побѣду генія и славу народа. Военный геній превозносился выше всякихъ талантовъ.

Что война была нѣкогда необходимостью—объ этомъ и спорить нельзя, но вопросъ въ томъ, должно ли такъ быть всегда.

Часто мысль опережаетъ теченіе жизни, предвидитъ нужды и желанія, которыя появятся въ дѣйствительности гораздо позднѣе. Въ такихъ случаяхъ голосъ пророковъ является „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. Немногіе его слышатъ и еще менѣе тѣхъ, кто понимаютъ. Такъ было и въ отношеніи къ войнѣ.

1.

Философы и филантропы издавна уже съ ужасомъ смотрѣли на сцены военныхъ убійствъ и проклинали кровавую борьбу народовъ, но социальныя условія были не таковы, чтобы слова мыслителей могли оказать соотвѣтствующее вліяніе, а ихъ идеи пасть на благодатную почву.

Разрѣшеніе международныхъ споровъ посредствомъ третейскаго суда находило удобное и правильное приложеніе въ государствахъ федеральныхъ, по отношенію къ дѣламъ, возникающимъ между членами союзовъ. Ганзеатическая лига имѣла уже въ средніе вѣка особый третейскій трибуналъ. Золотая булла учредила подобныя юрисдикціи въ старой Германской имперіи. Императоръ Карлъ V мечталъ о созданіи всемірной монархіи, соединяющей человѣчество въ одно мирное цѣлое.

Французскій король Генрихъ IV—какъ свидѣтельствуешь его министръ Сюлли въ запискахъ „Economies rurales“ — ду-

малъ о федераціи государствъ, обезпечивающей миръ и вѣротерпимость. Шестнадцать государствъ тогдашней Европы должны были соединиться въ союзъ, имѣющій общее представительство. Оно бы состояло изъ 32 лицъ, по-двое отъ каждаго государства, и имѣло бы задачей разрѣшеніе всякихъ споровъ, возникшихъ между членами федераціи.

Сюлли присоединился съ восторгомъ къ планамъ своего короля и принялся за ихъ исполненіе. Англія, Голландія, Папская область и нѣсколько другихъ государствъ согласились съ предложеніемъ; была надежда, что и прочія государства послѣдуютъ хорошему примѣру, но рука убійцы прервала жизнь Генриха IV, и великій планъ политическаго преобразования Европы рассыпался безслѣдно.

Въ началѣ прошлаго столѣтія раздается краснорѣчивый голосъ аббата Сенъ-Пьера, призывающій къ тому же. Въ своей книгѣ „*Projet d'une paix éternelle*“ онъ требуетъ созыва общеевропейскаго конгресса, объединяющаго всѣ государства; построенныя на границахъ крѣпости должны защищать Европу отъ нападенія изъ другихъ частей свѣта. Утопическій характеръ мысли того времени создалъ неосуществимый фантастическій проектъ. Однако, самое появленіе его и его инициативу въ возбужденіи вопроса о вѣчномъ мирѣ Руссо считаетъ фактомъ серьезнаго значенія.

Нѣсколько позднѣе на другомъ концѣ Европы появляется сочиненіе подобнаго же содержанія, написанное знаменитымъ мыслителемъ. Это книга Канта „*Philosophischer Entwurf zum ewigen Frieden* 1). Вообще, начиная съ конца прошлаго вѣка и вплоть до нашихъ дней, многіе великіе люди, мыслители и практическіе дѣятели заявляютъ себя противниками разрѣше-

1) Основные выводы Канта были слѣдующіе:

- 1) Не слѣдуетъ считать заключеніемъ мира такихъ трактатовъ, въ коихъ находятся зародыши будущей войны.
- 2) Ни одно государство не должно приобрѣтать части другаго ни путемъ наслѣдованія, ни обмѣна, ни купли, ни дара.
- 3) Постоянныя арміи должны быть упразднены.
- 4) Не должно заключать займовъ на внѣшнія дѣла.
- 5) Государство не должно вмѣшиваться во внутреннее устройство и управленіе другаго.
- 6) Государство не должно во время войны совершать такихъ дѣйствій, которыя могли бы ослабить чувство довѣрія къ нему во время мира.

нія международныхъ споровъ оружіемъ. Вспомнимъ только имена Фихте, Лейбница, Виланда, Шеллинга, Жанъ Поля, Сенъ-Симона, Фурье, Шатобріана, Кобдена, Милля. „Священный союзъ“ можетъ быть разсматриваемъ отчасти, какъ проявленіе мысли о вѣчномъ мирѣ, при охраненіи тогдашняго политическаго устройства Европы.

Трудъ столькихъ могучихъ умовъ не могъ остаться безплоднымъ. Около половины нынѣшняго столѣтія мы замѣчаемъ стремленіе къ разрѣшенію вопроса не въ тиши кабинетовъ, а въ практическомъ приложеніи, помощію ассоціацій и конгрессовъ. Вопросъ сталъ понятенъ не только избраннымъ умамъ, но и широкимъ слоямъ общества. Дѣло уже не въ распространеніи мысли, а въ ея реальномъ воплощеніи. Надѣются склонить націи къ вступленію въ союзъ представителей разныхъ державъ и къ передачѣ спорныхъ вопросовъ на разрѣшеніе третейскихъ судовъ.

Въ 1848 году собрался въ Брюсселѣ первый конгрессъ мира и принялъ единогласно слѣдующія резолюціи:

1) Такъ какъ обращеніе къ оружію для разрѣшенія международныхъ споровъ порицается религіей, разсудкомъ, справедливостью, гуманностью и общимъ интересомъ всѣхъ народовъ, то обязанностью культурнаго міра является отысканіе средствъ, способныхъ повести къ полному упраздненію войны.

2) Избранные *ad hoc* третейскіе судьи должны составлять верховный международный трибуналъ, дѣйствующій, какъ наивысшая судебная инстанція.

„Необходимо, посредствомъ единовременнаго и всеобщаго разоруженія, уменьшить тяжесть повинностей и упразднить постоянную причину безпокойства и раздраженія“.

Мы не намѣрены разбирать вопроса о томъ, возможно ли было, при тогдашнемъ политическомъ состояніи Европы, ввести въ практику резолюціи брюссельскаго конгресса. Все умственное движеніе 1848 года было экскурсіей въ область теоріи, вслѣдствіе чего тогдашніе люди теряли изъ виду реальныя условія быта. Это обстоятельство не уменьшило значенія конгресса и не ослабило вліянія его резолюцій на общественное мнѣніе. Доказательствомъ тому, что въ то время къ вопросу не относились легкомысленно или безразлично, являются состоявшіеся въ 1849 и въ 1850 гг. конгрессы въ Парижѣ и во Франкфуртѣ.

Первые протесты противъ войны вылились изъ сердца лю-

дей, на столько проникнутыхъ гуманностью, что ихъ ужасаль процессъ войны. Даже провозглашавшіе принципъ вѣчнаго мира философы обращались болѣе къ чувствамъ, чѣмъ къ умамъ, предпочитали созданіе утопій точному и доказательному изслѣдованію. Такова обыкновенная судьба идей. Онѣ поражаютъ своей красотой ранѣе, чѣмъ истинностью. Но если идея имѣетъ будущее, то наступаетъ другой фазисъ: является наука, перестраиваетъ и чаще всего уменьшаетъ размѣры зданія, созданнаго фантазіей, но зато устанавливаетъ его на непоколебимомъ основаніи своихъ истинъ. Въ данномъ случаѣ произошло нѣчто подобное. Наука явилась сторонницей мира уже на основаніи изслѣдованія общественной эволюціи. Уже Сень-Симонъ доказывалъ, что эпоха войнъ подходитъ къ концу и что наступаетъ эпоха промышленности. Его ученикъ Контъ развилъ и обосновалъ эту мысль: будущее принадлежитъ не убійственной борьбѣ, а труду. Тотъ же тезисъ поддерживается Т. Боклемъ въ извѣстной, переведенной на всѣ языки „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“.

Войну можно считать явленіемъ естественнымъ, неизбѣжнымъ до извѣстнаго періода и даже въ извѣстномъ отношеніи полезнымъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что она должна быть естественной необходимостью вездѣ и во всѣ времена. Основываясь на точныхъ изслѣдованіяхъ, Бокль считаетъ войну необходимымъ регуляторомъ отношеній только на первыхъ ступеняхъ культурнаго развитія. По мѣрѣ совершенствованія условій быта, потребность вооруженныхъ столкновеній становится рѣже, къ нимъ во многихъ случаяхъ не прибѣгаютъ; война переходитъ изъ категоріи обыденныхъ явленій въ категорію явленій исключительныхъ и случается все рѣже. Соціальныя условія таковы, что съ каждымъ годомъ война становится вреднѣе, и придетъ такое время, когда націи не будутъ въ состояніи переносить ее. Бокль настаиваетъ особенно на томъ, что вредъ прогрессу наносится не столько самою войной, сколько развивающейся въ извѣстные моменты склонностью къ войнѣ. Бокль разъяснилъ и распространилъ мысль о томъ, что исторія міра является прежде всего плодомъ внутренняго развитія народовъ и ихъ умственнаго прогресса, а не воли и талантовъ хотя бы самыхъ сильныхъ отдѣльныхъ лицъ. Поэтому не произволь, а неизмѣнные и твердые, хотя и неизвѣстные намъ еще законы управляютъ судьбами исторіи. Ни честолюбіе, ни произволь, ни безуміе не въ состояніи свести человѣчество съ

пути, по которому оно движется. Если война исчезнетъ, благодаря общественному прогрессу, то никто не можетъ возвратить ей прежняго значенія. Въ варварскомъ прошедшемъ родѣ боролся съ родомъ, городъ съ городомъ, провинція съ провинціей, — нынѣ уже невозможно вернуться къ такимъ отношеніямъ. На низшихъ ступеняхъ культуры воинъ является привилегированнымъ дворяниномъ, обладающимъ почетомъ и властью. Между тѣмъ въ Англіи уже нынѣ офицеры надѣваютъ мундиръ только на службѣ и безусловно никогда не явятся въ немъ ни въ обществѣ, ни даже на гуляньи. Словомъ, наука доказываетъ не только то, что человѣчество можетъ обойтись безъ войнъ, но и то, что война современемъ должна исчезнуть навсегда.

2.

Противувоенное движеніе достигло наибольшаго развитія въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Франція шла впереди его. Въ 1867 году была основана въ Парижѣ Фридрихомъ Пасси католическо-консервативная „Международная лига мира“. Сессія ея въ Парижѣ, въ 1869 году, получила всеобщую извѣстность. Извѣстный экономистъ Мишель Шевалье предложилъ этому собранію резолюцію, принятую единогласно и заключающую слѣдующія положенія: „Оправданіе войны равносильно съ вызовомъ, брошеннымъ общественной совѣсти. Явились новыя силы, которыя больше, чѣмъ въ прошлыя времена, составляютъ противовѣсъ войнѣ, силы эти — промышленность и политическая свобода. Громадное большинство населенія Европы желаетъ мира, и однако, вопреки собственному интересу, вся Европа находится на вооруженномъ положеніи. Единственнымъ средствомъ прекращенія этого является болѣе тѣсное и всестороннее общеніе людей и политическое объединеніе въ родѣ существующаго въ Соединенныхъ Штатахъ“.

Въ томъ же 1867 году французы образовали въ Женевѣ другое общество, отличавшееся болѣе свободомыслящимъ духомъ, подъ названіемъ „Международной лиги мира и свободы“. Успѣхъ новаго общества былъ великъ: черезъ самое короткое время число членовъ увеличилось до 60.000, а между примкнувшими были Викторъ Гюго, Гарибальди, Карно, Фавръ, Литтрэ, Милье и др. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ конгрессовъ

мира: въ Женевѣ (1867), въ Бернѣ (1868, подъ председательствомъ В. Гюго), въ Лозаннѣ (1869) и въ Базелѣ (1870). Совѣщанія конгрессовъ возбудили долго не ослабѣвавшій интересъ во всей Европѣ.

Враги войны нашлись также среди нѣмцевъ. Въ 1868 году собрался въ Прагѣ съѣздъ „философовъ“, состоявшій въ значительной степени изъ нѣмцевъ. Собравшіеся представители науки высказали въ окончательной резолюціи, что „конгрессъ признаетъ всѣ нравственныя и легальныя средства, ведущія къ окончательному упраздненію пошлости, грѣха и позора войны. Главнымъ препятствіемъ къ достиженію этой цѣли является система постоянныхъ армій, способствующая искушеніямъ нарушенія мира и совершенія насильственныхъ дѣйствій“.

Проф. Вирховъ, поддерживаемый депутатами свободомыслящей партіи, попробовалъ перенести дѣло съ почвы теоретическихъ соображеній на почву практическую и внесъ въ прусскій сеймъ слѣдующее предложеніе: „Принимая во вниманіе, что возвышеніе налоговъ въ Сѣверо-германскомъ союзѣ является результатомъ чрезмѣрнаго увеличенія военнаго бюджета, постоянная же готовность къ борьбѣ не проистекаетъ изъ зависти народовъ, а изъ дипломатическихъ отношеній кабинетовъ,—предлагаемъ королевскому правительству способствовать дипломатическимъ путемъ общему разоруженію“. Хотя предложеніе это и было отвергнуто большинствомъ 215 голосовъ противъ 99,—самый фактъ его внесенія заслуживаетъ вниманія.

Теченіе въ пользу вѣчнаго мира въ концѣ шестидесятихъ годовъ стало походить на рѣку, въ которую со всѣхъ сторонъ сливаются ручьи, потоки и меньшія рѣки, и которая становится все шире и течетъ съ возрастающею скоростью. Вслѣдъ за окончаніемъ прусско-австрійской войны, изъ-за Люксембурга, возникъ споръ между Франціей и Пруссіей, грозившій новымъ кровопролитіемъ. Общества мира принялись энергично за дѣло, съ цѣлью не допустить до этого. Ихъ лозунгъ „guerre à la guerre“ вызвалъ откликъ во всѣхъ классахъ обоихъ народовъ, а совѣщавшійся въ Брюсселѣ конгрессъ рабочихъ энергически протестовалъ противъ вооруженной расправы.

Однако, подобное нравственное противодѣйствіе не могло бы измѣнить естественнаго теченія вещей, какъ не измѣнило ихъ два года спустя, если бы тогдашнія политическія условія не придали ему особой силы. Пруссія только-что окончила войну: ей нужно было отложить моментъ столкновенія, а потому и про-

чловѣдъ вѣчнаго мира приходилась для Бисмарка какъ нельзя болѣе кстати. Онъ даже самъ способствовалъ ея распространенію, вхся въ роль рѣшительнаго сторонника вѣчнаго мира и всеобщаго союза народовъ. Во Франціи, послѣ неудачи Мексиканскаго похода, авторитетъ Наполеона III сильно поколебался, а противувоенное движеніе распространялось тѣмъ легче, что съ нимъ естественно соединялась оппозиція противъ намѣреній императора.

Въ то время, когда дѣятельность враговъ войны въ Европѣ носила отпечатокъ теоретическій и касалась болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго,—идея мирнаго улаженія междугосударственныхъ споровъ привилась въ Америкѣ на практической почвѣ. Соединенные Штаты уладили мирно рядъ споровъ, возникавшихъ съ сосѣдними государствами, и, что важнѣе, этимъ же мирнымъ путемъ рѣшенъ былъ извѣстный споръ о крейсерахъ „Элбѣма“, изъ за котораго едва было не возгорѣлась Англо-американская война. Собравшійся въ Женевѣ третейскій судъ призналъ Англію виновной въ несогласномъ съ международнымъ правомъ пособничествѣ крейсерамъ южанъ и предложилъ ей уплатить правительству Соединенныхъ Штатовъ стоимость понесенныхъ имъ и частными лицами убытковъ. Достаточно было инициативы одного чловѣка, г. Дюрана, чтобы въ 1863 году собрать въ Женевѣ конгрессъ 36 представителей разныхъ государствъ. Военный элементъ преобладалъ, и собраніе составило десять резолюцій, касавшихся учрежденія въ каждой странѣ особыхъ комитетовъ, помогающихъ санитарнымъ военнымъ отрядамъ. Женевская конвенція 1864 года обезпечивала „нейтральность“ лазаретовъ, раненыхъ и санитарнаго персонала воюющихъ сторонъ и придала международный характеръ чловѣколюбивому учрежденію Краснаго Креста. Война 1866 года выяснила на опытѣ неполноту конвенціи 1864 года, вслѣдствіе чего въ 1867 году собрался новый конгрессъ для дополненія этой конвенціи. Выработанъ былъ проектъ новыхъ облегченій судьбы раненыхъ участниковъ войны. Проектъ заключалъ пятнадцать статей, изъ коихъ пять дополняли положенія конвенціи 1864 года, а десять касались охраны санитарной службы при морской войнѣ. Этотъ проектъ не былъ никогда ратификованъ. Однако, подъ влияніемъ общественнаго мнѣнія и авторитета серьезныхъ и гуманныхъ положеній, они были признаваемы на практикѣ настолько, что, начиная съ 1868 года, воюющія сто-

роны стремились къ соблюденію добавочныхъ статей такъ же, какъ и къ соблюденію требованій первоначальной конвенціи.

Война 1870 года является историческимъ моментомъ, съ котораго началось обостреніе въ отношеніяхъ народовъ, чувства гуманности ослабѣли и сталъ замѣтенъ поворотъ къ духу той безпощадности въ борьбѣ, которая считалась нѣкогда военной добродѣтелью. Война 1870 года была борьбой двухъ народовъ, изъ-за преобладанія, изъ-за вѣковыхъ ненависти и мести, война безпощадная, съ разстрѣливаніемъ волонтеровъ, сожиганіемъ селеній, съ неслыханною по размѣрамъ контрибуціею, цѣлью которой было прямо—разорить побѣжденнаго противника, сломить его силу на долгое время. Этой борьбѣ между двумя безусловно враждебными національными организмами, болѣе чѣмъ какой-либо иной войнѣ въ новѣйшія времена, былъ присущъ характеръ „борьбы за существованіе“. Заключившее ее оторваніе отъ Франціи двухъ областей сдѣлало то, что миръ не положилъ этой борьбѣ конца: самый миръ обусловилъ вѣроятность, почти неизбѣжность ея возобновленія. А возгорится она съ удвоеннымъ взрывомъ страстей; можно сказать, что даже самыя приготовленія къ ней ведутся съ обѣихъ сторонъ не только съ расчетомъ, но—со страстью, со злобой.

Естественно, что при такомъ настроеніи не было уже мѣста для соображеній о способахъ смягченія ужасовъ войны. Съ небывалымъ еще увлеченіемъ стала работать изобрѣтательность по созданію возможно болѣе смертоносныхъ орудій и снарядовъ. Динамитъ, пироксилинъ, меленитъ нашли широкое примѣненіе въ приготовленіяхъ къ войнѣ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Военные писатели стали говорить, какъ о необходимыхъ условіяхъ будущей войны, о кавалерійскихъ набѣгахъ для опустошенія непріятельской страны, о примѣненіи каперства, о громадныхъ контрибуціяхъ. Франція и Германія наперерывъ перегоняютъ одна другую въ усиленіи своей артиллеріи, умноженіи кадровъ, возведеніи укрѣпленій, постоянно увеличивая народное бремя по вооруженіямъ. Понятно, что другія державы не могли отставать въ дѣлѣ готовности къ оборонѣ.

Что именно начало семидесятыхъ годовъ представило собой тотъ поворотный пунктъ, когда подъ влияніемъ національной ненависти разсѣялись прежнія мысли о человѣческой войнѣ,—это можетъ быть иллюстрировано слѣдующимъ фактомъ. Еще въ 1868 году, состоялась въ Петербургѣ международная декларация противъ употребленія ружейныхъ разрывныхъ пуль на войнѣ. Но

когда, затѣмъ, русское же правительство, прямо указывая на путь, намѣченный женевою конвенціею 1864 года о раненыхъ и петербургскою деклараціею 1868 года, обратилось въ 1874 году къ европейскимъ кабинетамъ съ проектомъ международной конференціи относительно законовъ и обычаевъ войны, то это предложеніе было встрѣчено довольно холодно въ Берлинѣ. Правда, конференція состоялась въ Брюсселѣ и засѣдала съ конца іюля по конецъ августа, подъ предсѣдательствомъ русскаго уполномоченнаго барона Жюмини и при участіи представителей Германіи, Франціи, Англіи, Австріи, Италіи, Испаніи, Швеціи, Бельгіи, Даніи, Нидерландовъ, Швейцаріи и Греціи. Но въ виду слабой поддержки, какую проектъ встрѣтилъ въ конференціи, бар. Жюмини принужденъ былъ отказаться отъ мысли о заключеніи чего-либо въ родѣ конвенціи и придалъ работамъ конференціи характеръ простаго „изслѣдованія“. Только благодаря этому, конференція пришла къ соглашенію, приняла проектъ деклараціи, касающейся законовъ и обычаевъ войны, значительно, впрочемъ, отличный отъ первоначальнаго. Въ заключительномъ протоколѣ мотивировка начинается слѣдующими словами: „было единодушно признано, что успѣхи цивилизаціи должны руководствоваться цѣлью уменьшать, насколько возможно, бѣдствія войны, что единственная законная цѣль государствъ во время войны должна состоять въ ослабленіи непріятеля, не причиняя ему при этомъ бесполезныхъ страданій“. Протоколъ также ссылается на женевою конвенцію и на петербургскую декларацію.

Такимъ образомъ, вопросъ этотъ долженъ былъ служить предметомъ дальнѣйшихъ переговоровъ между кабинетами. Но къ новому приглашенію изъ Петербурга въ 1875 году, о возобновленіи конференціи, въ Берлинѣ отнеслись крайне сдержанно, а изъ Лондона отвѣчали отказомъ, что можно приписать внушенію изъ Берлина, такъ какъ нынѣ извѣстно, что въ 1875 г. князь Бисмаркъ затѣвалъ новый погромъ Франціи, а англійская нота была подписана 20 января. Такъ конференція болѣе и не собиралась.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что Англія и къ первому созыву конференціи отнеслась съ недовѣріемъ, опасаясь, что цѣлью ея могло быть именно ограниченіе способовъ веденія войны на морѣ. Сентджемскій кабинетъ и согласился прислать своего уполномоченнаго въ Брюссель только послѣ формальнаго удостовѣренія, что военныя дѣйствія на морѣ вовсе не будутъ под-

лежать обсужденію конференціи, при чемъ заявилъ, что его уполномоченный не будетъ имѣть права приступать къ какимъ-либо обязательствамъ и что вообще Англія сохраняетъ за собою полную свободу дѣйствій относительно рѣшеній конференціи.

Тѣмъ не менѣе, хотя и не облеченные въ форму трактата, труды конференціи не остались безъ пользы для человѣчества, и есть полная надежда рассчитывать, что въ будущей войнѣ, наряду съ дополнительными постановленіями къ Женевской конвенціи, будутъ соблюдаться и постановленія конференціи 1874 г., тѣмъ болѣе, что они вошли въ изданное въ 1880 г. Институтомъ международнаго права „Руководство по законамъ сухопутной и морской войны“. Съ тѣхъ поръ во Франціи, Германіи (Данъ), въ Италіи (Берти), въ Голландіи (ванъ-деръ-Бееръ-Португель), изданы были для военныхъ особыя сокращенныя „Руководства“.

Эти обстоятельства не лишены значенія. Они доказываютъ, что не вошедшее еще въ законодательство ограниченіе войны соглашениями вошло уже въ наши идеи и нравы. Прогрессъ идей не позволяетъ уже войнамъ вырождаться въ неограниченныя насилія.

Постепенно утверждаются принципы, что на войнѣ дозволено только безусловно необходимое для военныхъ цѣлей, что войны не должны быть направлены къ разрушенію государствъ и истребленію ихъ населенія, что государства могутъ стремиться не къ уничтоженію другъ друга, а лишь къ преобладанію въ извѣстной сферѣ, что воюющая сторона должна признавать, даже въ военное время, законность властей другой и не пользоваться крайними средствами, дѣлающими невозможнымъ возвращеніе къ мирному состоянію¹⁾. Будемъ надѣяться, что слова, высказанныя его высочествомъ княземъ Николаемъ Лейхтенбергскимъ въ письмѣ къ проф. Мартенсу, могутъ быть принимаемы за выраженіе чувствъ всѣхъ вождей въ будущую войну: „Я утверждаю и повторяю, что, по моему глубокому убѣжденію, во всѣхъ современныхъ арміяхъ уважаются принципы международнаго права. Очень мало случаевъ, въ которыхъ отклоненіе отъ принциповъ добра и справедливости могло бы быть оправдываемо²⁾“.

¹⁾ A. Pillet. „Le droit de la guerre“. Paris. 1892 г.

²⁾ „Recueil du droit international“. 1881. P. 308.

3.

Чувство ужаса овладѣло сторонниками вѣчнаго мира при видѣ того, какъ велась война 1870 года. Послѣ счастливаго разрѣшенія спора изъ-за Люксембурга, они имѣли нѣкоторое право предаваться розовымъ надеждамъ. Война, между тѣмъ, торжествовала. Избивались взаимно съ дикимъ увлеченіемъ избранники человѣчества, два народа, стоящіе во главѣ прогресса. Уничтожались съ вандалскимъ варварствомъ богатства, накопившіяся въ теченіе десятилѣтій въ сердцѣ Европы, а прусскія бомбы покушались обратить въ кучу развалинъ столицу культурнаго міра—Парижъ.

Въ первое время эта страшная война усилила мирныя стремленія, привлекла даже безучастныхъ къ этому дѣлу, особенно въ странахъ нейтральныхъ. Кое-гдѣ увлекались обманчивой надеждой скорого прекращенія кровопролитія. Дж. Стюартъ Милль писалъ въ „Times“: „Если бы мы при первомъ взрывѣ этой постыдной войны рѣшительно объявили, что каждый народъ, нападающій на сосѣднюю страну, встрѣтитъ врага въ лицѣ Англіи, то, по всему вѣроятію, мы бы помѣшали войнѣ и открыли бы новую эру въ исторіи разрѣшенія международныхъ споровъ“.

Война 1870—71 годовъ нанесла сильнѣйшій ударъ пропагандѣ мира. Такъ быстро начавшая свою дѣятельность „Лига мира и свободы“ преобразовалась съ этого роковаго времени изъ полноводной рѣки въ высыхающій ручеекъ. Собранный въ 1872 г. въ Лугано конгрессъ не былъ похожъ на предшествующіе и не пробудилъ эха. Собирались затѣмъ только такъ называемыя конференціи при все уменьшающемся числѣ участниковъ. Органъ Лиги „États-Unis de l'Europe“ влачилъ жалкое существованіе. Никто его уже не читалъ, и никто съ нимъ не считался. Если лига не прекратила своего существованія, то это слѣдуетъ приписать только усиліямъ одного человѣка, г. Лемонье, нынѣ умершаго сенъ-симониста, который посвятилъ все свое время, трудъ и имѣніе осуществленію дорогой идеи. Онъ продолжалъ обращаться къ министрамъ всѣхъ государствъ, указывая на пользу всеобщаго мира и требуя учрежденія международного трибунала. Его обращенія проходили безслѣдно, ему не отвѣчали вовсе, или отвѣчали отказами.

Въ 1873 году англійскій парламентъ, принявъ предложеніе горячаго врага войны, Генри Ричарда (98 голосами противъ 88), просилъ въ особомъ адресѣ (8 іюля) королеву, чтобы поручено было министру иностранныхъ дѣлъ войти въ переговоры съ прочими государствами, съ цѣлью выработки лучшей системы международнаго права и учрежденія международнаго третейскаго суда. Отвѣтъ послѣдовалъ 17 іюля. Королева выразила горячее сочувствіе филантропическимъ стремленіямъ, высказаннымъ въ адресѣ, и заявила, что она всегда дѣйствовала въ томъ направленіи, чтобы международные споры рѣшались не оружіемъ, а мнѣніями незаинтересованныхъ государствъ. Въ концѣ дано было обѣщаніе, что королева и впредь не сойдетъ съ этого пути. Такимъ образомъ, вопросъ былъ обойденъ. Въ томъ же году, 24 ноября, Манчини предложилъ итальянской палатѣ вотировать слѣдующую резолюцію: „Палата выражаетъ желаніе, чтобы королевское правительство стремилось въ международныхъ отношеніяхъ къ учрежденію третейскаго суда во всѣхъ случаяхъ, когда это окажется возможнымъ“. Резолюція была принята.

Черезъ годъ, 17 ноября 1874 года, нидерландская палата вотировала весьма близкую къ предложенной Манчини резолюцію большинствомъ 35 голосовъ противъ 30.

21 марта 1874 года шведская палата депутатовъ вотировала 71 голосами противъ 64 адресъ къ королю, заключающій требованіе прибѣгать въ случаѣ международныхъ недоразумѣній къ третейскому суду. Бельгійская палата 10 іюня 1875 г. не только рекомендовала мирныя средства разрѣшенія междугосударственныхъ споровъ, но и предложила своему правительству выработать основныя начала для учрежденія международнаго суда. Сенатъ присоединился единогласно къ этимъ резолюціямъ палаты депутатовъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что за идею вѣчнаго мира высказались только (не считая Соединенныхъ Штатовъ) представительства двухъ великихъ державъ—Италіи и Англій, а примѣру ихъ послѣдовали парламенты нѣкоторыхъ меньшихъ государствъ. Законодательныя палаты прочихъ великихъ державъ—Франціи, Германіи, Австріи хранятъ до сихъ поръ молчаніе. Причиной этому является настоящее политическое положеніе дѣлъ въ Европѣ. Когда оно измѣнится, тогда несомнѣнно всѣ европейскія представительства будутъ требовать учрежденія третейскихъ судовъ.

Движеніе, стремящееся къ упраздненію войны, существуетъ и въ Россіи. Въ 1880 году основано было въ Петербургѣ „Общество международнаго права“. Оно имѣетъ цѣлью способствовать усиліямъ кодификаціи началъ международнаго права, содѣйствовать установленію дружественныхъ отношеній съ иностранными державами и пропагандировать идеи вѣчнаго мира ¹⁾).

Изъ предшествующаго, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы и въ наше время не было политиковъ и даже писателей, считающихъ мысль объ упраздненіи войны химерой и осмѣивающихъ всѣ усилія, направленные къ ея осуществленію. Наоборотъ, очень распространены мнѣнія, признающія, пожалуй, войну несчастіемъ, но считающія природу людей настолько несовершенной, что она никогда не допуститъ искоренить это необходимое зло. Даже болѣе, существуетъ мнѣніе, усматривающее въ войнѣ нѣчто вродѣ спасительнаго катаклизма, бури, очищающей атмосферу, общественной „вентиляціи“, устранивающей накопившіеся во время мира міазмы и вводящей въ общество струю свѣжихъ, благородныхъ чувствъ.

Фельдмаршалъ Мольтке написалъ въ введеніи къ сочиненію Блюнчли слѣдующее изреченіе: „Вѣчный миръ—мечта и не всегда прекрасная мечта. Война это—составная часть Богомъ установленнаго міроваго порядка. Она развиваетъ благороднѣйшія качества человѣка: мужество, преданность общему дѣлу, духъ пожертвованій. Если бы не было войны, міръ разложился бы въ гніеніи и погрязъ бы въ грубомъ матеріализмѣ“. Но знаменитый фельдмаршалъ не всегда былъ такого мнѣнія и, какъ ни странно это можетъ показаться, нѣкогда былъ въ числѣ провозвѣстниковъ вѣчнаго мира. Вотъ что онъ писалъ въ 1841 году: „Мы признаемъ себя открыто сторонниками столь часто осмѣиваемой идеи вѣчнаго европейскаго мира. Не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы должны были прекратиться долгія, кровавыя столкновенія, чтобы арміи были распущены, а пушки расплавлены, нѣтъ. Но не является ли весь ходъ исторіи прогрессомъ, стремящимся къ миру? Возможна ли въ наше время война изъ-за испанскаго наслѣдства ²⁾, или изъ-за „beaux yeux de Madame“. Возможность возжечь

¹⁾ „Le tribunal international“, par le comte L. Kamarowsky. Paris. 1887.

²⁾ По ироніи судьбы, Мольтке, спустя 30 лѣтъ, стяжалъ свои славнѣйшіе лавры въ войнѣ, которая возникла именно—„изъ-за испанскаго наслѣдства (кандидатура Гогенцоллерна на испанскій престолъ)“.

войну зависить нынѣ лишь отъ немногихъ державъ. Войны будутъ случаться все рѣже, ибо онѣ стали слишкомъ дороги, какъ въ смыслѣ денежныхъ издержекъ, такъ и въ смыслѣ интересовъ, которые приходится отодвигать на задній планъ. Не возросло ли населеніе Пруссіи на цѣлую четверть въ теченіе 25 лѣтъ мира при хорошемъ и мудромъ управленіи? Нѣтъ ли въ ней нынѣ 15 милліоновъ жителей, лучше питающихся, лучше одѣтыхъ и болѣе образованныхъ, чѣмъ тѣ 11 милліоновъ, которые были до этого періода? Не стоить ли это успѣшной кампаніи или завоеванія провинціи? Мы должны признать, что вотированные ежегодно на содержаніе европейскихъ армій милліарды денегъ и милліоны людей, отрываемыхъ въ цвѣтѣ лѣтъ отъ своихъ занятій для цѣлей возможной войны—что всѣ эти громадныя ресурсы могли бы быть употреблены гораздо болѣе продуктивно. Увидить ли когда-либо Европа всеобщее разоруженіе? Говорять, что безъ войны человѣкъ потерялъ бы свою нравственную энергію и отучился бы жертвовать жизнью для чести, вѣры, славы, любви къ отечеству и къ религіи. Есть, быть можетъ, въ этомъ доля истины. Чѣмъ рѣже будутъ случаться въ Европѣ войны, тѣмъ необходимѣе будетъ находить новое поле дѣйствія для расцвѣтающей энергіи молодыхъ поколѣній. Англія нашла для этого арену во всѣхъ пяти частяхъ свѣта и на всѣхъ моряхъ. Она находитъ тамъ занятіе для молодыхъ членовъ своей аристократіи, поводы для проявленія военнаго мужества своей молодежи, новые пути для своей торговли и новые рынки для промышленности. Не должна ли Германія пользоваться этимъ примѣромъ и распространять за своими границами нѣмецкую культуру, энергію, трудолюбіе и честность? Но въ позднѣйшіе годы Мольтке измѣнилъ свои взгляды. Оттого ли только, что онъ сталъ фельдмаршаломъ, или оттого, что долгія размышленія развѣяли юный оптимизмъ? Мы не намѣрены утверждать, чтобы въ позднѣйшихъ мнѣніяхъ мыслящаго молчальника, какъ нѣмцы называли своего фельдмаршала, не заключалась доля истины. Возможно и то, что идея о вѣчномъ мирѣ такъ и останется мечтой, что война будетъ всегда потрясать жизнью человѣчества. Но и въ такомъ случаѣ усилія сторонниковъ мира не должны считаться бесплодными. Медицина не нашла лѣкарства, упраздняющаго болѣзнь и смерть, но тѣмъ не менѣе врачебная помощь приноситъ во многихъ случаяхъ несомнѣнную пользу.

Вліяніе Франко-Германской войны на ослабленіе пропаганды

мира является естественнымъ и понятнымъ. Изувѣченная и при-
ниженная Франція стала нечувствительной къ общечеловѣче-
скимъ призывамъ и занялась исключительно мыслию о возмез-
діи. Вѣчный миръ не далъ бы ей возможности смыть позоръ
Седана и возратить, быть можетъ, потерянные области. Охлаж-
деніе французовъ было для дѣла мира неисправимой поте-
рей, ибо всѣ привыкли видѣть ихъ впереди во всемъ, что ка-
салось осуществленія высшихъ соціальныхъ идеаловъ. Безъ
содѣйствія французовъ, идея не могла успѣшно распростра-
няться. Но и другой, участвовавшій въ войнѣ 1870—71 годовъ,
народъ сталъ также относиться къ этой идеѣ безучастно.

Новая Германская имперія, созданная торжествомъ оружія,
сплоченная кровью и желѣзомъ, должна была основать всѣ
свои надежды въ будущемъ на силѣ милитаризма. Она не могла
разсчитывать безъ этого ни на уваженіе, ни на сохраненіе своей
территоріи. Всѣ тѣ, кого она лишила областей, стали бы домо-
гаться отъ международнаго трибунала возстановленія своихъ
правъ. На учрежденіе такого трибунала могутъ согласиться
только народы, у которыхъ совѣсть чиста. Отечество кн. Бис-
марка должно противиться такому учрежденію. Погибла ли,
однако, окончательно идея вѣчнаго мира въ крови сраженій,
подъ Гравелотомъ и Вертомъ? Нѣтъ. Она, правда, не олицетво-
ряется нынѣ однимъ обществомъ, не имѣетъ представителя въ
особой „лигѣ“, но она распространяется по всему міру, приобрь-
таетъ право гражданства въ теоріи и реальную почву въ
практикѣ.

Жизнь вообще чрезвычайно эластична и капризна; она спо-
собна къ преобразованіямъ и видоизмѣненіямъ самаго стран-
наго рода, неожиданнымъ для философовъ и соціальныхъ про-
роковъ. Быть можетъ, она счумѣетъ непредвидѣннымъ образомъ
упразднить войну. Возможно также, что за этимъ упраздне-
ніемъ послѣдуютъ другія, доселѣ неизвѣстныя и совершенно
неожиданныя бѣдствія. Тѣмъ не менѣе, кровавыя междунаро-
дныя столкновенія стали все менѣе популярны и все болѣе избѣ-
гаемы.

Идею мира проповѣдуютъ устно и письменно не только
частные люди; встрѣчаются и оффиціальныя представители дер-
жавъ, не заподозрѣваемые вообще въ мечтательствѣ, которые
признаютъ пользу полюбовнаго рѣшенія международныхъ дѣлъ
и чувствуютъ необходимость правильной его организаціи. Сое-
диненные Штаты, вслѣдъ за разрѣшеніемъ спора объ „Элэбэмъ“

и за Франко-Германской войной, принялись за осуществленіе идеи о международных третейскихъ судахъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ. Американское „Общество мира“ отправило въ 1873 году одного изъ своихъ секретарей, г. Майльза, въ Европу для установленія правильного общенія съ европейскими пропагаторами идеи вѣчнаго мира. Предполагался затѣмъ созывъ общаго конгресса для утвержденія принциповъ, принятыхъ въ рѣшеніи по дѣлу „Элэбэмы“, и для учрежденія особаго сената изъ публицистовъ всѣхъ народовъ, въ числѣ пятидесяти, съ цѣлью выработки руководящихъ началъ для дѣятельности международных третейскихъ судовъ. Выработанныя начала предполагалось представить особому международному собранію, созванному въ одну изъ европейскихъ столицъ. Майльзъ объѣздилъ главные города Европы и, хотя не достигъ своей цѣли, успѣлъ, однако, приобрести симпатію всѣхъ наиболѣе авторитетныхъ въ наукѣ международного права ученыхъ. Сторонниками проекта явились Кальво, считавшій до тѣхъ поръ идею вѣчнаго мира утопіей, Мессо, Манчини, Пьерартони, Гефферъ, Гольцендорфъ и др. Благодаря успіямъ этихъ лицъ, въ 1873 г. возникло общество кодификаціи международного права, бюро котораго имѣетъ мѣстопробываніе въ Лондонѣ, а члены съѣзжаются ежегодно въ разныхъ городахъ Европы.

На съѣздѣ въ Гагѣ въ 1875 году читался докладъ Блюнчли о всеобщемъ разоруженіи. Германскій ученый считаетъ разоруженіе въ настоящее время невозможнымъ, но полагаетъ, что оно осуществимо при условіи соглашенія державъ. На этомъ же съѣздѣ читались посланія Лабулэ и Франка. Первый заявляетъ, что рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ будетъ зависѣть отъ каприза народныхъ убѣжденій и самолюбія правителей до тѣхъ поръ, пока не будутъ признаваемы права отдѣльныхъ государствъ и не будетъ учрежденъ международный трибуналъ. Второй считаетъ реформу и кодификацію международного права благороднѣйшей и полезнѣйшей цѣлью, какую только могутъ поставить себѣ въ наше время публицисты, юристы и философы.

Во время парижской всемірной выставки 1878 года, 15 обществъ мира различныхъ странъ устроили конгрессъ съ цѣлью организаціи „Всеобщей федераціи мира“ и выработки руководящихъ началъ дальнѣйшей дѣятельности. Конгрессъ призналъ, что идея вѣчнаго мира можетъ легче всего осуществиться тогда, когда къ ней примкнутъ законодательныя собранія, могущія склонить правительства разныхъ странъ къ введенію въ меж-

дународныя отношенія юрисдикціи третейскихъ судовъ. Конгрессомъ было предложено учрежденіе постояннаго междуна-роднаго трибунала, состоящаго изъ ежегодно назначаемыхъ представителей государствъ, по два отъ cadaго; назначеніе зависѣло бы отъ правительствъ, участіе же законодательныхъ собраній состояло бы въ избраніи кандидатовъ. Передавая дѣло мира европейскимъ законодательнымъ учреждениямъ, конгрессъ имѣлъ всѣ основанія полагать, что они представляютъ удобную почву для взращенія сѣмянъ этой идеи.

Слѣдуетъ думать, что, съ усовершенствованіемъ жизни и культурнымъ прогрессомъ вообще, все рѣже будутъ встрѣчаться случаи неизлѣчимыхъ иначе, какъ путемъ кровавой операціи, международныхъ осложненій. Нельзя поэтому слишкомъ торопиться и называть идею вѣчнаго мира безусловно утопической. Въ пользѣ полюбовнаго улаженія международныхъ споровъ и потребности установленія и организаціи особаго для этого фактора стали убѣждаться въ послѣднее время законодательныя сферы. Въ концѣ 1888 года родилась мысль устройства ежегодныхъ сѣздовъ представителей законодательныхъ собраній.

Первый такой сѣздъ произошелъ въ Парижѣ въ 1889 году, второй собрался въ 1890 г. въ Лондонѣ, третій, въ прошломъ году, въ Римѣ, четвертый въ Бернѣ. Насколько растетъ вліяніе идеи мира, показываетъ пріемъ, котораго удостоиваются на сѣздахъ ея представители.

Возникаетъ уже мысль о созданіи международной юрисдикціи для рѣшенія споровъ. Понятіе о составѣ, призваніи и пріемахъ международнаго трибунала, какъ его представляютъ себѣ ученые поборники этого учрежденія, мы представимъ на основаніи посвященнаго ему сочиненія профессора графа Л. Кама-ровскаго ¹⁾. Такой международный судъ могъ бы состоять изъ равнаго числа представителей отъ cadaго изъ государствъ, причемъ малыя государства, по желанію, могли бы и не присылать представителей, но не должны имѣть права передавать свой голосъ другимъ; желательно, чтобы отъ cadaго государства было не менѣе двухъ представителей. Государства, составляющія союзы или состоящія въ личной уніи, должны соста-

¹⁾ „Le tribunal international“. Paris, 1887.

влять одну политическую единицу ¹⁾). Такъ какъ въ Европѣ, не считая Турціи, оказывается 18 такихъ единицъ, а въ Америкѣ 12, то трибуналъ состоялъ бы изъ 60 судей. Судьи должны быть несмѣняемы иначе, какъ по рѣшенію полнаго собранія самаго трибунала, не должны занимать никакихъ другихъ должностей, ни принимать пожалованій или подарковъ: орденами, званіями, землями и т. д.

По компетенціи трибуналъ представлялъ бы судъ по добровольному соглашенію, полюбовный; но однажды передавъ ему рѣшеніе какого-либо дѣла, стороны были бы *юридически обязаны* подчиниться этому рѣшенію, при условіи согласія его съ международнымъ правомъ и установленными формами судебного разбирательства. Трибуналъ представлялъ бы учрежденіе постоянное, но собирався бы лишь въ случаѣ надобности. Это учрежденіе не устранило бы на землѣ дѣйствія злой воли, но существованіе его постепенно установило бы правильное разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ для тѣхъ, кто дѣйствительно и добросовѣстно желалъ бы мира. Добровольность обращенія къ трибуналу не исключала бы возможности частныхъ, а затѣмъ и общихъ соглашеній между государствами относительно признанія обязательнымъ для нихъ обращаться въ опредѣленныхъ случаяхъ къ рѣшенію международного трибунала. Этимъ путемъ, сперва на дѣлахъ второстепенныхъ, выработался бы самой практикою кругъ компетенціи международного суда, обнимающій въ теченіе времени большее и большее число дѣлъ.

Компетенція трибунала была бы опредѣлена въ двухъ отношеніяхъ: территоріальномъ и по роду дѣлъ. Въ первомъ смыслѣ она распространилась бы только на государства Европы и Америки, какъ руководствующіяся международнымъ правомъ; во второмъ отношеніи, внѣ компетенціи суда оставались бы все дѣла внутреннія каждаго государства, подлежали бы ей лишь сношенія внѣшнія, причемъ трибуналъ рѣшалъ бы только о юридическомъ содержаніи вопросовъ.

По свойству дѣлъ, трибуналъ дѣлился бы на четыре департамента. 1) *Департаментъ дипломатіи*—для разсмотрѣнія споровъ, возникающихъ вслѣдствіе столкновеній между представителями внѣшнихъ сношеній (дипломатами, консулами, комиссарами) и

¹⁾ Мысль вполне основательная, такъ какъ странно было бы разногласіе между представителями членовъ союза въ международномъ вопросѣ. Однако, при этомъ является такая аномалія, что Баварія не имѣла бы представителей, а Черногорія имѣла бы.

нарушенія ими международнаго права. Онъ же рѣшалъ бы вопросы по истолкованію статей трактатовъ. 2) *Департаментъ дѣлъ сухопутно-военныхъ и военно-морскихъ* наблюдалъ бы за исполненіемъ воюющими сторонами женеvской конвенціи и законовъ о веденіи войны, установленныхъ въ трактатахъ, деклараціяхъ или принятыхъ обычаемъ; рѣшалъ бы споры относительно морскихъ призовъ, нарушенія нейтральности и по частнымъ жалобамъ по этимъ предметамъ. 3) *Департаментъ частнаго международнаго права* рѣшалъ бы споры, возникающіе вслѣдствіе несогласія между существующими въ разныхъ государствахъ законодательствами, гражданскими и уголовными, вопросы о законной силѣ рѣшеній національныхъ судовъ на территоріи иностранной; онъ же рѣшалъ бы вопросы относительно выдачи преступниковъ, а также судилъ бы тѣхъ политическихъ преступниковъ и анархистовъ, которые отвергаютъ всякій общественный порядокъ. 4) *Департаментъ международнаго права социальнаго*. Ему подлежали бы вопросы объ охраненіи почтово-телеграфныхъ международныхъ сообщеній, желѣзныхъ дорогъ, рѣчнаго судоходства и о свободѣ морей, о принятіи общихъ мѣръ противъ эпидемій, по защитѣ литературной и художественной собственности, изобрѣтеній и фабричныхъ марокъ.

Собранія трибуналъ имѣлъ бы двоякія: полныя, въ составѣ всѣхъ членовъ, и обыкновенныя. Первыя, во-первыхъ, имѣли бы дисциплинарную власть надъ членами трибунала, а во-вторыхъ, составляли бы кассаціонную инстанцію. Вторыя, призванныя разсматривать международные споры и вопросы, состояли бы изъ нѣкотораго числа членовъ того департамента, которому должно подлежать дѣло, причемъ такое присутствіе составлялось бы для каждаго случая по выбору заинтересованныхъ государствъ изъ числа членовъ департамента, принадлежащихъ къ государствамъ нейтральнымъ въ данномъ дѣлѣ. Трибуналъ и каждое собраніе сами избирали бы своихъ президентовъ, имѣя мѣстопробываніемъ Брюссель, а языкомъ дѣлопроизводства—языкъ французскій. Рѣшенія, постановляемые по большинству голосовъ, обнародывались бы съ мотивами и не нуждались бы въ ратификаціи державъ, имѣя собственное юридическое значеніе; но государства, въ продолженіе опредѣленнаго срока, имѣли бы право указать на юридическіе же поводы къ кассаціи. Тогда дѣло поступало бы на разсмотрѣніе общаго (полнаго) собранія трибунала, и въ случаѣ отмѣны имъ рѣшенія, передавалось бы для разбора вновь образованному присут-

ствію, которое, на этотъ разъ, состояло бы уже изъ членовъ по выбору президента международнаго трибунала.

Авторъ приводитъ тѣ возраженія, которыя исходятъ изъ невозможности придать рѣшеніямъ международнаго трибунала силу принудительную, и изъ принципа, что сила принудительная составляетъ одно изъ необходимыхъ условій положительнаго права вообще. Но онъ полагаетъ, что авторитетъ международнаго суда и на первыхъ же порахъ имѣлъ бы значеніе, а затѣмъ старанія нейтральныхъ въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ государствъ могли бы постепенно облечь исполненіе его рѣшеній даже и извѣстной долей фактическаго давленія или принужденія. Едва-ли было бы сочтено удобнымъ, однажды предоставивъ дѣло рѣшенію международнаго трибунала, затѣмъ не подчиняться его рѣшенію, а въ случаѣ послѣдовавшей затѣмъ войны, рѣшеніе трибунала придавало бы нравственную силу противникамъ государства, ему не подчинившагося. Наконецъ, могли бы быть употребляемы нейтральными государствами противъ нарушителя международнаго суда и права такія мѣры, какъ: перерывъ дипломатическихъ съ нимъ сношеній, отреченіе отъ заключенныхъ съ нимъ трактатовъ, воспрещеніе его гражданамъ пріѣзжать на территоріи нейтральныхъ странъ, недопущеніе его товаровъ, даже совмѣстная блокада его портовъ. Конечно, такое укрѣпленіе власти трибунала должно было бы совершаться лишь постепенно, а мѣры принужденія, вызываемыя полномочіемъ со стороны трибунала, должны бы быть обсуждены и рѣшены особымъ конгрессомъ или приглашеніемъ нейтральныхъ государствъ.

Возможность того, что государства придутъ къ необходимости международной юрисдикціи, графъ Камаровскій основываетъ на такихъ доводахъ, какъ постепенное усиленіе въ нашъ вѣкъ принципа интернаціонализма вообще, тягость милитаризма, который поглощаетъ въ Европѣ ежегодно 3 миллиарда на войска и флотъ, наконецъ—очевидная нелогичность удержанія такого средства для охраненія своей безопасности, когда самое это средство и составляетъ главную опасность, такъ какъ оно питаетъ въ народахъ взаимное недовѣріе и раздраженіе.

Мы не станемъ вдаваться въ критику этого проекта, тѣмъ болѣе, что авторъ его самъ предвидѣлъ и привелъ нѣкоторыя возраженія. Такъ, Гольцендорфъ замѣчаетъ, что самое возрастаніе солидарности и сплетеніе интересовъ между народами сдѣ-

лаютъ то, что по какому бы то ни было вопросу трудно будетъ найти безусловно нейтральныя стороны.

Но нельзя впередъ отрицать, что необходимость установленія международного суда, въ томъ или другомъ видѣ, не сдѣляется очевидностью, внѣ которой не будетъ выхода, когда будутъ достаточно взвѣшены тѣ жертвы, какихъ требуетъ война.

Извѣстный нѣмецкій статистикъ Энгель приводитъ слѣдующія цифры жертвъ, обусловленныхъ войнами второй половины нашего вѣка.

ВОЙНЫ.	Потеря въ людяхъ (въ тысячахъ).	Издержки (въ миллион. франк.)
Крымская	750	10.000
Итальянская.. . . .	45	1.500
Датская.	3	175
Сѣверо-американская .	280	для сѣверн. штат. 22.500
"	52	" южныхъ " 11.500
Прусско-австрійская .	45	1.650
Мексиканская, Китай- ская и Кохинхин- ская экспедиціи . . .	65	1.000
Франко-германская. .	155	для Франціи 15.000
"	60	" Германіи —
Сербская	25	880
Русско-турецкая . . .	250	5.625
Южно-африканскія. . .	30	44
Авганская.	25	66 ¹ / ₂

По общему выводу Энгеля, войны эти обошлись въ 2¹/₄ милліона людей и 62¹/₂ милліарда франковъ.

Мелкія дѣла все чаще разрѣшаются нынѣ путемъ конференцій, комиссій, третейскаго суда. Такимъ образомъ рѣшено было уже значительное число вопросовъ, въ ряду которыхъ важнѣйшимъ представлялся германско-испанскій споръ изъ-за Каролинскихъ острововъ, предложенный на судъ папы и имъ рѣшенный. Но еще чаще, чѣмъ въ Европѣ, такой способъ рѣшенія практикуется по ту сторону Атлантическаго океана. Панамериканскій конгрессъ, созванный въ 1889 году бывшимъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Гаррисономъ, стремился не только къ установленію теоретическихъ положеній, но и къ

фактическому упраздненію войны во всей Америкѣ. Въ слѣдующемъ году, 14-го февраля, вашингтонскій сенатъ принялъ вопросъ къ свѣдѣнію, а 28-го апрѣля того же года представители Соединенныхъ Штатовъ, Гватемалы, Никарагуа, Санъ-Сальвадора, Гондураса, Боливіи, Эквадора, Гаити и Бразиліи подписали соглашеніе, на основаніи котораго всѣ возникающіе между упомянутыми государствами споры будутъ разрѣшаться третейскимъ судомъ европейскихъ государствъ.

Однимъ словомъ, то, что было въ Европѣ лишь мечтой, почитаемой многими за праздную фантазію, стало въ Америкѣ совершившимся фактомъ. Этотъ примѣръ имѣетъ, конечно, важное значеніе: съ нимъ должны считаться всѣ политическія и общественныя сферы и всѣ мнѣнія. Фактъ убѣдить широкія сферы общества гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ отвлеченныя разсужденія, да и самыя разсужденія о вѣчномъ мирѣ станутъ реальнѣе, опираясь на явленія жизни.

Всякій непредубѣжденный человѣкъ долженъ признать, независимо отъ своихъ личныхъ склонностей, что дѣло мира подвижилось впередъ и продолжаетъ подвигаться непрерывно.

✕

4.

Однимъ изъ доказательствъ вліянія идеи мира въ Европѣ являются единичные голоса противъ шовинизма въ самой Франціи. Лѣтомъ прошлаго года „Figaro“ помѣстилъ большую статью, написанную государственнымъ человѣкомъ, укрывающимся подъ маской псевдонима, и произведшую большое впечатлѣніе. Въ этой статьѣ предполагалось возвращеніе Франціи населенной французами Лотарингіи съ Мецомъ и оставленіе при Германіи Эльзаса съ прибавленіемъ Люксембурга въ замѣнъ Лотарингіи. Слѣдуетъ помнить, что „Figaro“ старается плыть по теченію общественнаго мнѣнія и не рѣшился бы помѣщать статью, могущую повредить его популярности.

Въ прошломъ же году издана была въ Парижѣ книжка Луи Гастина, подъ заглавіемъ „Patria“. Впечатлѣніе, произведенное книгой, является знаменательнымъ указаніемъ и заставляетъ обратить на нее вниманіе. Рѣзкими и обидными словами охарактеризовавъ чувства патріотизма и народныя арміи, авторъ восклицаетъ: „Подъ предлогомъ защиты страны, возмездія, чести отечества и тому подобныхъ глупостей (!), французскій

патриотизмъ содержитъ дорого стоящую армію и разоряетъ населеніе“. Въ концѣ находимъ слѣдующія строки объ отношеніяхъ Франціи къ Германіи, Эльзасу и Лотарингіи:

„Вовсе не позорно соблюденіе трактата, который, такъ или иначе, былъ нами заключенъ и подписанъ; позорно то, что двадцать лѣтъ къ ряду стѣсняется производительная дѣятельность страны съ тою цѣлью, чтобы удалось когда-нибудь не исполнить трактатъ и отобрать утраченныя области. Можно создать цѣлую библиотеку изъ того, что написано и наговорено объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Настало время положить конецъ этому благѣрству и шутовству. Пожертвованіе интересами цѣлаго народа для двухъ областей является шуткой надъ здравымъ смысломъ, продолжается слишкомъ долго, чтобы не возмущать. Истинный интересъ страны требуетъ не усилія и потери силъ для возвращенія отторгнутыхъ областей, а труда, стремящагося къ ослабленію антагонизма между Франціей и Германіей“. Затѣмъ слѣдуетъ обвиненіе французскаго правительства въ поддержаніи ненормальнаго порядка вещей въ странѣ изъ-за личныхъ выгодъ, съ цѣлью объяснить всѣ финансовыя и политическія злоупотребленія исключительными обстоятельствами, предшествующими войнѣ.

Въ этомъ страстномъ голосѣ анархиста звучать, конечно, фальшивыя и непріятныя ноты. Онъ глумится надъ чувствами, которыя всѣми должны быть почитаемы подъ угрозой потери народнаго существованія. Для насъ не важенъ вопросъ о справедливости утвержденій г. Гастина. Важно то, что подобныя идеи проявляются во Франціи, что подобныя книги издаются, газеты пишутъ про нихъ, а общественное мнѣніе переноситъ все это спокойно.

Нѣтъ недостатка въ протестахъ противъ существующаго порядка вещей и въ Германіи, хотя князь Бисмаркъ, бывший нѣкогда сторонникомъ идеи мира, заглушалъ ее потомъ всѣми средствами — силой, ироніей, недоброжелательствомъ своимъ и статьями прессы, получавшей субсидію изъ „Reptilien“-фонда. Послѣ отставки канцлера, независимыя мнѣнія, оживленныя гуманными стремленіями, стали проявляться все чаще. Даже тѣ, которые, при современныхъ политическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ, считаютъ необходимымъ употребленіе грубой силы, не колеблясь, отвергаютъ софизмы, коими прикрываются восхвалители кровавой расправы. Едва-

ли кто-либо рѣшился бы нынѣ объявить себя сторонникомъ бисмарковскаго принципа: „Сила впереди права“. Фонъ-Тюненъ говоритъ въ своемъ политическомъ трудѣ „Der isolirte Staat“: „Нынѣ интересы отечества и интересы человѣчества взаимно исключаются. На высшей ступени культуры они будутъ солидарны“.

И религія была призвана къ общему дѣлу. Сто гиней преміи, назначенной лондонскимъ комитетомъ мира, получила Макнамара за сочиненіе „Вѣчный и всеобщій миръ, его возможность, достоинства и согласіе съ Божественнымъ Откровеніемъ“. Мы читаемъ въ I части: „Война безусловно не можетъ быть соглашаема съ ученіемъ Евангелія и съ духомъ христіанства“.

Въ томъ же духѣ говоритъ Ренанъ: „Война—это рядъ грѣховъ, это неестественное состояніе, при которомъ рекомендуется хорошимъ то, что при другихъ условіяхъ считается ошибкой или преступленіемъ. Ни въ Евангеліи, ни въ христіанской литературѣ нѣтъ словъ, которыя упоминали бы о военныхъ добродѣтеляхъ, ведущихъ къ спасенію“.

Не только нравственныя соображенія являются элементомъ противувоеннаго движенія. Въ послѣднее время обращается особенное вниманіе на чисто экономическіе аргументы. Производительность Европы имѣетъ опаснаго, бодрствующаго и злаго соперника въ лицѣ американцевъ. Когда европейская война закроетъ фабрики и разоритъ предпринимателей, Америка будетъ напрягать всѣ усилія къ тому, чтобы занять всѣ рынки, и никогда болѣе не оставитъ занятыхъ позицій.

Опаснѣйшимъ врагомъ войны является развитіе общественной жизни и даже, что можетъ показаться парадоксальнымъ, самое преувеличеніе милитаризма. Почетное положеніе войны въ литературѣ и вообще въ народныхъ взглядахъ слѣдуетъ приписать тому, что война была дѣломъ національнаго самолюбія. Считалось особо почтеннымъ всякое проявленіе военной силы и стратегическихъ талантовъ. Нынѣ теченіе жизни измѣнилось, соперничество перешло въ область производительнаго труда, всѣ заботятся о побѣдахъ въ области искусства, промышленности и торговли. Бряцанье оружіемъ мѣшаетъ труду и мирному соревнованію.

Во-вторыхъ, измѣнились и бытовья отношенія къ войнѣ. Нѣкогда военное дѣло было привилегіей избранниковъ, потомъ ремесломъ, стоявшимъ выше прочихъ потому, что оно не требовало столь тяжкаго, какъ нынѣ, труда, позволяло не думать о завтрашнемъ днѣ и вести разгульную жизнь. Солдатъ не ропталъ на свой бытъ, любилъ войну и ея приключенія. Притомъ солдатъ не было много. Ужасъ войны, поэтому, въ извѣстномъ смыслѣ отдалялся отъ общества, а такъ какъ война случалась часто, то люди оставались безучастными къ ея виду и послѣдствіямъ. Потому-то и протесты философовъ и филантроповъ не могли производить достаточно сильнаго впечатлѣнія. Въ сердцахъ массъ не было соответствующей струны.

Все это измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ введена была всеобщая воинская повинность. Опасностямъ войны стали подвергаться сотни тысячъ людей, и всякое тревожное извѣстіе наводило ужасъ на ихъ матерей и женъ. Война ближе соприкоснулась съ народомъ, стала угрожать всѣмъ. Личный интересъ разъяснилъ дѣло лучше ученыхъ трактатовъ и конгрессовъ. Развивающійся милитаризмъ становился, такимъ образомъ, все опаснѣе для своей родительницы — войны. Соціалистскіе агитаторы воспользовались этой нелюбовью къ войнѣ для своихъ цѣлей.

Поэтому, хотя во главѣ „Лиги мира и свободы“ и не стояли соціалисты, и хотя сама лига эта не оказывала вовсе расположенія къ распространенію идеаловъ Маркса или Лассаля, однако, международный рабочій союзъ старался оказывать содѣйствіе усиліямъ лиги. Изъ нижеприводимой выдержки изъ резолюціи конгресса „Интернаціоналки“, состоявшагося въ Лозаннѣ въ 1867 году, видно, какое значеніе придавали соціалисты вопросу о войнѣ и мирѣ.

Резолюція та гласитъ: „Признавая: 1) что бремя войны тяжелѣе всего ложится на рабочій классъ, лишая его хлѣба и принуждая проливать кровь; 2) что вооруженный миръ парализуетъ производительныя силы и угрожаетъ военными тревогами правильному развитію производительности; 3) что миръ является условіемъ общаго благосостоянія и долженъ быть

твердо установленъ въ обществѣ, — конгрессъ опредѣляетъ: присоединиться вполне къ имѣющему собраться въ Женевѣ конгрессу мира, энергически поддерживать его и принимать участіе во всемъ, что можетъ способствовать упраздненію постоянныхъ армій и укрѣпленію мира, съ тою цѣлью, чтобы достигнуть скорѣе освобожденія рабочаго класса изъ-подъ власти капитала и чтобы осуществить федерацію свободныхъ государствъ всей Европы“.

По предложенію французскаго делегата Толена (нынѣ сенатора), къ резолюціи добавлена была слѣдующая статья: „Принимая во вниманіе, что послѣдствіемъ войны является пауперизмъ и нарушеніе экономическаго равновѣсія, что для упраздненія войны нужно не только упразднить постоянныя арміи, но преобразовать социальный строй въ духѣ равномѣрнаго распредѣленія производительности, — конгрессъ („Интернаціоналки“) обусловливаетъ свое участіе въ конгрессѣ мира принятіемъ послѣднимъ вышеприведенной резолюціи“. Въ слѣдующемъ 1868 году, Брюссельскій конгрессъ „Интернаціоналки“ примкнулъ въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ къ резолюціямъ обществъ мира по люксембургскому вопросу.

По странному капризу исторіи, или, быть можетъ, подъ вліяніемъ закона о равновѣсіи силы дѣйствія и силы сопротивленія, социальное движеніе распространилось всего болѣе въ отечествѣ современнаго милитаризма — Германіи. Только представители социализма рѣшались открыто противодѣйствовать князю Бисмарку во время его всевластія. Въ общественныхъ собраніяхъ, въ парламентѣ и прессѣ они рѣзко протестовали противъ системы, превращающей страну въ сплошную казарму. Наука далека отъ санкціонированія положеній социализма, а потому социалисты съ особеннымъ рвеніемъ взялись пропагандировать идею, пользующуюся сочувствіемъ серьезныхъ людей и массъ населенія.

Такимъ образомъ, на-ряду съ верхнимъ противувоеннымъ теченіемъ, происходящимъ отъ гуманныхъ чувствъ и опирающимся на научныя основанія, возникло внизу другое, захватывающее массы, вслѣдствіе непосредственнаго ихъ отношенія къ войнѣ.

Такъ какъ социализмъ стремится воспользоваться этимъ вторымъ теченіемъ, чтобы скорѣе достигнуть своихъ цѣлей,

такъ какъ онъ ввелъ нелюбовь къ войнѣ въ свое ученіе и связалъ ее со своей судьбой, — то намъ приходится разсмотрѣть, какова въ настоящее время сила социализма и какую роль онъ можетъ сыграть при войнѣ въ ближайшемъ будущемъ, которая насъ занимаетъ.

II.

Движенія противъ войны среди низшихъ общественныхъ классовъ.

Направленные противъ войны голоса ученыхъ и усилія филантроповъ нашли уже отзывъ и въ средѣ народныхъ массъ. Разумѣется, всякая идея иначе представляется въ умѣ избранномъ, въ которомъ наука и самая привычка къ умственному труду развили способность анализа, умѣнье различать и взвѣшивать всѣ тонкости понятій, наконецъ не упускать изъ вида причинности явленій и исторической необходимости—и въ малоразвитомъ умѣ рабочаго, дѣйствующаго въ тѣсномъ кругѣ нуждъ повседневной жизни, судящаго о всемъ, что происходитъ въ мірѣ, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія личныхъ потребностей. Подобно тому, какъ солнечный свѣтъ, наполовину поглощаемый малопрозрачной средой, производитъ фантастическіе призраки, такъ точно и случайный лучъ научнаго вывода можетъ, при неблагоприятныхъ условіяхъ, производить иллюзіи и ошибки.

Прежде всего, умъ, не развитый научно, не въ состояніи схватывать вещи въ ихъ отвлеченномъ значеніи, а все принимаетъ съ смысломъ конкретномъ. Такъ, война и миръ для ума, умѣющаго мыслить, это—результаты цѣлаго ряда причинъ, которыхъ начало исчезаетъ въ туманѣ доисторическаго быта обществъ. Ученый или филантропъ, при обсужденіи вопроса о войнѣ и мирѣ, имѣетъ въ виду обѣ его стороны и, однажды придя къ собственному выводу, старается убѣдить въ немъ другихъ, опровергнуть такіе аргументы, которымъ онъ и самъ, быть можетъ, въ прежнее время поддавался, но которыхъ ошибочность ему теперь уяснилась. Простой человѣкъ, наоборотъ, останавливается только на послѣднихъ выводахъ и, однажды принявъ ихъ, вѣритъ въ нихъ безусловно, такъ что въ немъ не остается доли сомнѣнія, которая могла бы умѣрить его стремленіе къ непосредственному осуществленію вывода на дѣлѣ. Онъ не понимаетъ возможности существованія несходныхъ

искреннихъ убѣжденій, но прямо подозрѣваетъ въ несогласіи — злую волю.

Масса не понимаетъ, что есть вредныя общественныя явленія, которыхъ происхожденіе такъ же, какъ и средства противъ нихъ, должны быть сперва изслѣдованы. Встрѣчаясь со зломъ, масса тотчасъ ищетъ виновныхъ, готова судить тѣхъ, кого заподозритъ, и непосредственно исполнить приговоръ.

Такого же рода впечатлѣніе должны были произвести среди массъ и проникшія въ ихъ среду разсужденія на тему, что война есть величайшее зло и притомъ зло устранимое. Естественнымъ послѣдствіемъ явилось страстное требованіе возстановленія нарушеннаго общественнаго благополучія. Популяризованію взгляда, что милитаризмъ является главнымъ препятствіемъ къ достиженію массами благосостоянія, содѣйствовали ученія социалистовъ. Два эти умственные теченія слились, подобно тому, какъ соединяются сродные химическіе элементы, такъ что одно дополнилось другимъ. Соціализмъ представилъ цѣльное основаніе, а нерасположеніе къ военнымъ тягостямъ подкрѣпило социализмъ доводомъ для всѣхъ доступнымъ и сильно дѣйствующимъ, которому нельзя отказать и въ томъ, что, именно вслѣдствіе огромнаго усиленія жертвъ на вооруженія, онъ является современнымъ.

Такъ какъ мы говоримъ о движеніи противъ войны, уже проявляющемся среди народныхъ массъ на Западѣ, а самое подготовленіе массъ къ вліянію на ходъ дѣлъ совершается тамъ при участіи социалистическихъ союзовъ и подъ вліяніемъ провозглашаемыхъ въ нихъ ученій, то намъ необходимо бросить краткій взглядъ на самое значеніе этой новѣйшей пропаганды.

Наибольшее распространеніе социализмъ получилъ въ Германіи. Въ другихъ странахъ онъ пока производитъ явленія, опасныя для болѣе отдаленной будущности; въ Германіи же онъ представляетъ готовую организацію. О силѣ социалистической партіи въ Германіи лучше всего свидѣтельствуетъ та готовность, съ какою даже всѣ другія партіи, ученые, самъ кн. Бисмаркъ старались перенимать у социалистовъ хоть нѣкоторые взгляды, приспособляя ихъ, конечно, къ своимъ цѣлямъ.

Причинами особенныхъ успѣховъ пропаганды социализма среди германскихъ рабочихъ служатъ слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, въ Германіи массы болѣе образованы, чѣмъ во Франціи, а между тѣмъ не настолько, чтобы понимать несправедливость нѣкоторыхъ обвиненій, предъявляе-

мыхъ социалистами на общественный строй, и несбыточность ихъ обѣщаній; во-вторыхъ, въ Германіи остатки феодализма хотя устранены изъ законовъ, но далеко еще не исчезли изъ нравовъ; такъ, напримѣръ, неравенство происхожденія въ Германіи и доселѣ играетъ еще не малую роль въ общественныхъ отношеніяхъ; въ третьихъ, наконецъ, милитаризмъ, который во Франціи и Италіи представляетъ собой только фактъ, въ Германіи, подъ господствомъ Пруссіи, является чѣмъ-то въ родѣ принципа, системы.

Въ виду постоянно расширяющейся организаціи социалистическо-рабочихъ союзовъ въ Германіи, мы должны нѣсколько остановиться надъ успѣхами социализма въ этой странѣ, такъ какъ дисциплина, какую германскіе социалисты обнаруживаютъ на выборахъ, можетъ дать имъ нѣкоторое вліяніе и въ политическихъ дѣлахъ, особенно при союзѣ съ ними прогрессистовъ, собственно въ оппозиціи противъ вооруженій и войны. Наконецъ, надо имѣть въ виду и ту опасность, которая представляется предсказаніемъ Лассала, что, при солидарности рабочихъ, самая политическая власть можетъ перейти въ ихъ руки.

Бюргерскій элементъ, игравшій главную роль въ Германіи при событіяхъ 1848 года, наиболѣе былъ недоволенъ тою реакціей, которая наступила послѣ того и сопровождалась преслѣдованіями, которыя повліяли даже на эмиграцію, усиливъ ее. Большинство бюргерства въ Пруссіи принадлежало къ партіи либеральной, и самовольное измѣненіе конституціи раздражило его. Смѣлый полетъ мысли великихъ германскихъ метафизиковъ, которые въ своей жизни оставались, однако, типами зауряднаго бюргерства, прогрессистскія стремленія Nationalverein'a, свободолюбивыя стремленія студентовъ—все это проявлялось давно, не смущая спокойствія жизни повседневной. Но движеніе 1848 г. и послѣдовавшая за нимъ реакція впервые (за исключеніемъ развѣ одного Кургессена) внесли въ германское общество примѣръ борьбы фактической, элементъ злобы въ отношеніяхъ между сословіями. Изъ стоявшаго впереди другихъ сословій во время движеній либеральное бюргерство вдругъ превратилось въ преслѣдуемое или заподозрѣваемое жѣщанство.

А между тѣмъ, фактическое значеніе этого сословія въ ту именно эпоху начало сильно возрастать. Огромное развитіе промышленности подъ вліяніемъ примѣненія пара, открытіе

залежей каменнаго угля въ Прирейнской области, возвышеніе спроса издѣлій въ Америку—усиливали крупную промышленность и вмѣстѣ съ тѣмъ вели къ поглощенію ею многихъ промысловъ ремесленныхъ, создавая недовольныхъ среди самого мѣщанства.

Неудачи или неполный успѣхъ стремленій политическихъ предрасполагали самое бюргерство къ воспринятію такого ученія, которое имѣло цѣлью обезпечить за прогрессомъ содѣйствіе народныхъ массъ. Вотъ почему даже въ глазахъ высшаго бюргерства, первые глашатаи этого ученія являлись окруженными ореоломъ народныхъ трибуновъ, низшіе же слои они привлекали не столько въ этомъ качествѣ, сколько по самой сущности высказываемыхъ ими обѣщаній переустройства общественнаго быта на пользу классовъ недостаточныхъ.

Изъ всѣхъ нѣмецкихъ соціалистовъ-агитаторовъ первый воспользовался научными указаніями Маркса—Фердинандъ Лассаль. Онъ и въ своихъ блестящихъ произведеніяхъ, и въ рѣчахъ, которыя онъ произносилъ, разѣзжая по городамъ, неутомимо проповѣдывалъ новыя идеи. Суть его программы была отлична отъ позднѣйшаго направленія партіи. Онъ стоялъ на почвѣ національной и государственной, требовалъ всенароднаго голосованія, какъ точки опоры для каждой отдѣльной личности и какъ средства образованія громадныхъ взаимныхъ ассоціацій, которымъ должно было помогать государство.

Главнымъ результатомъ дѣятельности Лассалья былъ основанный въ 1863 г. „Allgemeine Arbeiter Verein“, послужившій точкою отправленія для агитаціи позднѣйшихъ проповѣдниковъ соціализма, скоро своротившихъ съ того пути, который имъ указалъ Фердинандъ Лассаль. Насколько былъ далекъ этотъ путь отъ современнаго направленія, ясно доказываетъ дружба Лассалья съ Бисмаркомъ, который косвенно помогать Лассалю въ распространеніи его пропаганды.

Бисмаркъ поддерживалъ это движеніе и совѣщался съ Лассалемъ, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы употребить его какъ орудіе противъ либеральнаго бюргерства. Вотъ почему, онъ и не принималъ мѣръ противъ явной пропаганды Лассалья, который разѣзжалъ по Германіи, произнося возбуждавшія рабочихъ рѣчи. Князь Бисмаркъ, вѣроятно, считалъ излишнею ту тревогу, какую это вызывало въ бюргерствѣ, разчитывая, что она могла скорѣе склонить либераловъ къ принятію военнаго преобразованія, противъ котораго они такъ возставали. Только впослед-

ствіи, гораздо уже позже, слишкомъ быстрые успѣхи пропаганды внушили канцлеру принятіе строгихъ мѣръ. Между тѣмъ, въ организаціи, созданной Лассалемъ, довольно скоро послѣ смерти его, произошла нѣкоторый расколъ. Въ органѣ партіи, газетѣ „Social-Democrat“ появилось пять передовыхъ статей, въ которыхъ выражалось сочувствіе національной политикѣ Бисмарка, а вслѣдствіе того наиболѣе видные сотрудники, въ томъ числѣ Бебель и Либкнехтъ ¹⁾, выступили съ протестомъ и съ той поры стало проявляться, постепенно все сильнѣе, раздвоеніе между социализмомъ, какъ его понималъ Лассаль, и социализмомъ международнымъ или космополитическимъ. Бебель и Либкнехтъ, поддерживаемые Марксомъ, приобрѣтали все болѣе приверженцевъ и, при первыхъ же выборахъ, оба были избраны въ сѣверогерманскій сеймъ.

Въ какомъ положеніи находилась въ это время „Интернационалка“, мы уже видѣли. Среди многочисленныхъ въ Германіи рабочихъ обществъ, цеховъ и клубовъ, началось, еще и передъ смертью Лассалья, нѣкоторое стремленіе къ вступленію въ связь съ „Международнымъ союзомъ“, т. е. „Интернационалкой“, имѣвшей свою резиденцію въ Лондонѣ. Затѣмъ, въ 1868 году конгрессъ въ Нюрнбергѣ уже представилъ собой важную, по численности представленныхъ на немъ обществъ, манифестацію германскихъ рабочихъ и притомъ въ духѣ не Лассалья но Маркса и его учениковъ, переходя къ общенію съ „Международнымъ союзомъ“. Нюрнбергскій конгрессъ принялъ начала, выраженные въ „манифестѣ“ Маркса и Энгельса 1848 года, и „манифестъ“ этотъ сталъ съ тѣхъ поръ программой германской секціи „Международнаго союза“. Согласно съ нимъ, нюрнбергскій конгрессъ принялъ слѣдующія основныя положенія: для того, чтобы стремленія народовъ къ экономическому освобожденію не

¹⁾ *Бебель*, столярный мастеръ въ Лейпцигѣ, родился въ 1840 г., посѣщалъ бюргерское училище (по степени, *Bürgerschule* относится къ реальному училищу высшаго разряда, примѣрно, какъ прогимназія къ гимназіи); съ 1865 г. онъ—предсѣдатель лейпцигскаго рабочаго общества для образованія, съ 1866 г.—членъ германскаго сейма.

²⁾ *Либкнехтъ*, лейпцигскій журналистъ, родился въ 1826 г., прошелъ университетъ, по филологическому факультету; участвовалъ въ баденскомъ возстаніи, просидѣлъ въ тюрьмѣ 8 мѣсяцевъ (1848—49 гг.) и, принявъ участіе въ борьбѣ за конституцію, долженъ былъ бѣжать въ Швейцарію; жилъ въ 1850—62 гг. въ Англіи, въ 1862 г. возвратился въ Германію, т. е. воспользовался льготой, дарованною періодомъ „новой эры“ въ Пруссіи (1860—61 гг.).

оставались бесплодными по отсутствію солидарности, необходимо имѣть центръ для братскаго единенія трудящихся классовъ всѣхъ странъ; освобожденіе труда представляетъ собой вопросъ не національный, но социальный, общій для рабочихъ всѣхъ странъ; освобожденіе это должно совершиться борьбою самихъ трудящихся классовъ не за какія - либо привилегіи, но за уничтоженіе всякаго неравенства; экономическая зависимость рабочихъ отъ собственниковъ орудій труда создаетъ основу рабства, нищеты, нравственнаго приниженія; политическая свобода необходима для освобожденія экономическаго, поэтому оба эти дѣла неразлучны; „Международный союзъ“ уже объявилъ въ Германіи о своемъ существованіи; затѣмъ необходимо склонить „Общій союзъ германскихъ рабочихъ“ (основанный Лассалемъ) къ единенію съ „Союзомъ международнымъ“.

Въ этой программѣ сущность социализма разумѣется въ уничтоженіи пролетаріата и передачѣ всего національнаго богатства и самой власти въ руки организаціи, дѣйствующей на началѣ „коллективизма“. Въ этомъ направленіи и пошло ближайшее развитіе социалистской организаціи въ Германіи.

Правда, лагерь лассальянцевъ пробовалъ оказать сопротивление: идеѣ эманципации рабочаго класса собственными его усилиями, социализму рационалистическому и республиканскому они пытались противопоставить свой социализмъ—диктаторскій, даже правительственный. Но окончательное противъ нихъ недовольство возбудило то, отчасти пассивное, отчасти даже сочувственное государству положеніе, какое лассальянцы заняли при войнѣ 1870 года, въ то время, какъ члены „Международнаго общества“, съ немалою для себя опасностью, открыто протестовали противъ войны. Бебель и Либкнехтъ подали голоса противъ займа на войну, объявляя, что это — „война династическая, преднамѣренно, издавна подготовленная прусскимъ правительствомъ, для возвышенія и во славу гогенцоллернскаго дома“. Они же предсказали затѣмъ, что послѣдствіемъ этой войны явятся со временемъ союзъ Франціи съ Россією и борьба между германствомъ и славянствомъ. Вмѣстѣ съ Марксомъ, они рѣшительно высказались противъ присоединенія къ Германіи Эльзасъ-Лотарингіи, а за открытое возвеличеніе ими парижской коммуны были обвинены въ государственной измѣнѣ и приговорены къ двухгодовому заключенію въ крѣпости. Это направленіе увлекло германскихъ социалистовъ, и лассалевскія общества были оставлены своими членами, которые при-

соединились къ „Международному союзу“. Въ 1876 году было объявлено полное соединеніе германскихъ социалистовъ.

Соціализмъ въ Германіи распространился вообще съ поражающею быстротою. Нынѣ соціально-демократическая партія имѣетъ значеніе уже въ парламентѣ и пріобрѣтаетъ все большее вліяніе среди народа. Этому помогаютъ два условія, именно: она имѣетъ среди своихъ членовъ выдающихся способностями людей и обладаетъ матеріальными средствами. Что эти средства не незначительныя, видно изъ того, что социалисты ведутъ постоянную пропаганду и во время выборовъ не уступаютъ ни въ чемъ остальнымъ партіямъ, располагающимъ значительными собственными фондами. Кромѣ того, партія поддерживаетъ денежными суммами своихъ делегатовъ въ парламентѣ, который какъ извѣстно, не платитъ участвующимъ въ немъ членамъ никакого жалованья.

Средства, которыми располагаютъ социалисты, образовались, надозамѣтить, не изъединовременныхъ пожертвованій какихъ-нибудь милліонеровъ-послѣдователей, а изъ добровольныхъ грошей, давно уже собираемыхъ ежегодно съ каждаго рабочаго, и это одно обстоятельство доказываетъ живучесть и прочность этого явленія.

Въ значеніи и распространеніи агитаціонной пропаганды социалистовъ наглядно можно убѣдиться изъ бѣглаго просмотра находящихся до сихъ поръ на лицо результатовъ. Въ распоряженіи партій находятся 60 ежедневныхъ газетъ, имѣющихъ 254.100 покупателей, и 41 журналъ съ 200.000 постоянныхъ подписчиковъ. Къ этому надо присовокупить множество книгъ и разнообразныхъ изданій, предпринимаемыхъ партіею, а также нѣсколькихъ юмористическихъ листковъ, насчитывающихъ около 170.000 абонентовъ.

Цифры эти взяты изъ данныхъ, указанныхъ на послѣднемъ конгрессѣ социалистовъ, въ Галле.

Вѣроятно, въ нихъ есть нѣкоторое преувеличеніе, такъ какъ всегда вновь возникающія и усиливающіяся партіи стараются, насколько возможно, представить свое положеніе въ выгодномъ свѣтѣ, но даже и при этомъ предположеніи надо признать, что эта партія дѣйствуетъ очень энергично.

И притомъ вѣдь не въ одной только прессѣ выражается эта дѣятельность социалистовъ. Они организуютъ общества, поддерживающія товарищей въ отсутствіе работы, устраиваютъ публичныя лекціи въ своихъ клубахъ, затѣмъ, въ случаѣ надобности, готовятъ манифестаціи и т. п.

Покажемъ на цифрахъ быстроту распространенія социалистическаго движенія въ Германіи.

Во время первыхъ выборовъ въ германскій сеймъ партія социалистовъ выставила 190.000 избирателей. Затѣмъ:

въ 1874 году	352.000	избирателей.
„ 1884 „	350.000	„
„ 1887 „	760.000	„
„ 1890 „	1.427.000	„

Мы видимъ, какъ сильно распространялось социальное движеніе въ Германіи. Въ 1884 году въ парламентѣ засѣдало депутатовъ-социалистовъ 24, теперь ихъ тамъ 35 человѣкъ. И это произошло, несмотря на исключительные законы, проведенные Бисмаркомъ. Отсюда ясно, что въ этой партіи представляется нѣчто такое, что можетъ имѣть положительное значеніе при какихъ-либо потрясеніяхъ, вызванныхъ войною.

Посмотримъ теперь, каковъ характеръ и каковы цѣли и стремленія этой партіи въ Германіи.

Организація социаль-демократической партіи вполнѣ централистическая. Въ 1876 году управленіе дѣлами передано было комитету изъ пяти членовъ, имѣющему неограниченную почти власть. Для надзора за дѣйствіями комитета была учреждена ревизіонная коммисія изъ 7 лицъ; избраніе же и смѣщеніе выборныхъ предоставлено конгрессу, созываемому одинъ разъ въ извѣстное число лѣтъ.

Что же касается образа дѣйствій, социаль-демократы, согласно съ Марксомъ, въ теоріи отвергаютъ путь насильственнаго переворота, предпочитая постепенное дѣйствіе пропагандой, до завладѣнія самой властью посредствомъ большинства, вышедшаго изъ выборовъ. Само собой разумѣется, что парламентаризмъ для нихъ составляетъ не цѣль, а только средство. Они надѣются, что социализмъ приобрѣтетъ себѣ единственную непреодолимую силу—силу общественнаго мнѣнія, безъ которой даже и временная побѣда была бы непрочной. Мысль эту выразилъ между прочимъ Либкнехтъ на одномъ конгрессѣ, возставая противъ требованій слишкомъ горячихъ приверженцевъ, въ такихъ словахъ: „Какимъ образомъ меньшинство могло бы дѣйствовать силою противъ большинства? Къ намъ принадлежатъ только 20 процентовъ населенія; остальные 80 пока не съ нами“. Эта осторожная политика рассчитана на массу такихъ приверженцевъ, которые колеблются и, конечно, от-

пали бы отъ партіи, если бы она приняла характеръ революціонный. Теперь же они вотируютъ за социалистовъ просто потому, что считаютъ ихъ наиболѣе надежными поборниками интересовъ рабочихъ; этихъ-то нерѣшительныхъ социалистовъ имперское правительство и старается отдѣлить отъ партіи.

Въ настоящее время усилія социалистовъ, которые уже укрѣпились въ большихъ городахъ, направляются къ завоеванію сельскихъ округовъ, дѣйствуя на сельскихъ батраковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Безъ соучастія или согласія крестьянства, самый переворотъ не былъ бы проченъ. При пропагандѣ въ селеніяхъ, главная роль, конечно, отводится принципу „націонализаціи“ земельной собственности. Но тѣ крестьяне, которые владѣютъ участками, дорожатъ частной собственностью, хотя отчасти и номинально только, влѣдствіе обремененія земли долгами. Поэтому, социалисты дѣйствуютъ осторожно, но признаютъ необходимымъ „обработать“ сельскіе округа. На конгрессѣ въ Галле рѣшено было основать особую газету для крестьянъ ¹⁾. Если бы германскимъ социалистамъ удалось завербовать крестьянъ въ свой лагерь, тогда они приобрѣли бы большинство въ рейхстагѣ, да и въ арміи могли бы найти опору.

Итакъ, германскіе социалисты стремятся завладѣть мнѣніемъ большинства, которое необходимо не только для проведенія переворота путемъ законодательнымъ, но и для упроченія такой перестройки.

Присматриваясь ближе къ направленію и организациі этой партіи въ настоящее время, мы замѣчаемъ, что въ ней постоянно усиливается характеръ коммунистическій и космополитическій (международный). Въ инструкціяхъ своему представителю на конгрессѣ 1889 г. (принадлежавшему къ лагерю Маркса), мюнхенскіе социалисты поручали ему, въ виду постоянныхъ угрозъ войны, громадныхъ вооруженій и анти-гуманныхъ раздраженій, возбуждаемыхъ въ однихъ народахъ противъ другихъ, выска-

¹⁾ На томъ же конгрессѣ Бебель объявилъ о необходимости для партіи основать газету для польскихъ рабочихъ. Онъ указывалъ, что нѣмецкіе рабочіе въ Рейнской провинціи и въ Вестфаліи встрѣчаютъ при своихъ требованіяхъ отъ фабрикантовъ препятствіе въ наплывѣ многочисленныхъ рабочихъ-поляковъ, которыхъ, къ тому же, центръ принялъ подъ особое покровительство и доставляетъ имъ польскихъ священниковъ. Это—по словамъ Бебеля—и дѣлаетъ необходимымъ издавать польскую газету и брошюры для пропаганды социализма.

затѣ рѣшительное осужденіе политикѣ вызывательной и алармистской, имѣющей будто бы источникомъ только интересы правительствъ и національныя самолюбія.

Бebelъ также, въ одной изъ недавнихъ своихъ рѣчей, противопоставлялъ пріему политики, „которая интересамъ кабинетовъ придаетъ характеръ національныхъ вопросовъ“—стремленія народовъ, желающихъ только мира и братства. Соціализмъ есть борьба массъ противъ классовъ; о борьбѣ между національностями онъ не хочетъ знать. Онъ какъ бы избираетъ себѣ девизъ: *ubi bene, ibi patria*. О соперничествѣ національностей онъ не хочетъ слышать и враговъ видитъ только въ предпринимателяхъ, нанимателяхъ, „эксплоататорахъ“. Въ газетѣ „*Volksblatt*“ Либкнехтъ, подтвердивъ сообщенное о немъ извѣстіе, что на послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ онъ былъ представленъ президенту парижскаго муниципальнаго совѣта словами: „вотъ Германія и Франція, идущія рука объ руку“, поправлялъ эти слова въ такомъ смыслѣ, что они должны оправдаться „въ будущемъ“.

Впрочемъ, германскіе соціалисты единогласно заявляютъ, что въ случаѣ, если не Германія будетъ нападать, но сама подвергнется нападенію, они примутъ энергичное участіе въ оборонѣ. Это—уже противорѣчіе провозглашаемому ими же національному индифферентизму, а можетъ быть—только „политика“ съ ихъ стороны. На заданный ему, на конгрессѣ въ Марсели, вопросъ объ Эльзасѣ-Лотарингіи, Либкнехтъ отвѣчалъ: „какъ только намъ удастся создать соціально-демократическую республику, вопросъ этотъ перестанетъ существовать; война никогда не даетъ рѣшенія, потому что остаются побѣжденные; положимъ, вы бы взяли у насъ эти провинціи, но черезъ десять лѣтъ вамъ пришлось бы опять воевать съ нами и опять все ставить на карту. Нашъ съ Бебелемъ протестъ 1870—71 гг. противъ присоединенія Эльзаса-Лотарингіи друзья наши въ рейхстагѣ вполне раздѣляютъ и всегда готовы подтвердить; повторяю: только побѣда соціализма, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, можетъ окончательно разрѣшить этотъ вопросъ“.

Но массы еще далеко не подготовлены для усвоенія такихъ взглядовъ¹⁾. Если бы даже предположить, что соціалистическая

¹⁾ Поэтому программа, принятая на конгрессѣ въ Галле, составлена въ умѣренныхъ выраженіяхъ. Укажемъ на главные ея пункты: 1) источникъ богатства и цивилизаціи есть трудъ, а такъ какъ трудъ, приносящій пользу всеобщую, возможенъ только въ видѣ ассоціаль-

пропаганда слабо подвигалась бы въ селахъ, то партія все-таки можетъ расти и впредь, такъ какъ ей остается еще сдѣлать нѣкоторыя завоеванія въ городахъ, а здѣсь успѣхи пропаганды несомнѣны.

Въ Германской имперіи нѣтъ большаго города, гдѣ бы, начиная съ 1878 и до 1890 года, социалисты не приобрѣтали все большее и большее число голосовъ.

Такъ, напримѣръ, въ Берлинѣ въ этотъ періодъ времени число ихъ избирателей возрасло съ . . .	57.000	до	126.000
Въ Гамбургѣ	"	"	29.000 " 66.000
" Галле	"	"	1.406 " 12.390
" Дюссельдорфѣ	"	"	489 " 7.502

Кромѣ этого, надо замѣтить, что численное отношеніе народонаселенія постоянно измѣняется и при томъ въ пользу большихъ городовъ. Въ Германіи такое измѣненіе гораздо больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другой странѣ. Въ трудѣ Брюкнера „Die Entwicklung der Grosstädtschen Bevölkerung im Deutschen Reich“ находимъ слѣдующія сравнительныя данныя:

номъ,—поэтому продукты труда должны быть раздѣлены между всѣми на основаніяхъ справедливыхъ, соразмѣрно потребностямъ каждаго. При нынѣшнемъ строѣ, орудія труда находятся въ рукахъ капиталистовъ; проистекающая отсюда зависимость рабочаго класса и служить причиной нищеты и полного порабощенія цѣлой массы трудящихся людей. Надо освободить трудъ отъ такого подневольнаго состоянія, и эта задача должна быть начята и разрѣшена ассоціаціею рабочихъ. А для того, чтобы это сдѣлать, необходимо, чтобы орудія труда (разумѣются: оборотный капиталъ, земля, фабрики, машины) перешли въ общую собственность.

Исходя изъ этихъ началъ, социалисты требуютъ отмѣны системы найма рабочихъ, въ виду экономического закона (поставленнаго Марксомъ), что максимумъ заработка обусловливается minimum'омъ платы, потребной для одного прокормленія рабочихъ. Они требуютъ вообще отмѣны всякаго общественнаго и политическаго неравенства. Кромѣ этого, партія, дѣйствующая теперь исключительно только на національной почвѣ, напряженно слѣдитъ за ходомъ социальнаго движенія рабочихъ въ другихъ государствахъ и готова предоставить свои средства въ ихъ распоряженіе, дабы единеніе рабочихъ было бы дѣйствительнымъ дѣломъ, а не пустымъ словомъ.

Мы укажемъ теперь по пунктамъ суть этихъ требованій социалистовъ.

Соціально-рабочіе союзы домогаются слѣдующихъ основъ государ-

Приростъ населенія произошелъ за періодъ 1867—85 гг.:

въ большихъ	городахъ на	. . .	26,6 ^o / _o
„ среднихъ	„	„ . . .	23,6 ^o / _o
„ малыхъ	„	„ . . .	18,3 ^o / _o
„ мѣстечкахъ	„	„ . . .	9,9 ^o / _o
„ селеніяхъ	„	„ . . .	2,0 ^o / _o
Совокупно въ имперіи	„	. . .	8,6 ^o / _o

И такъ, чѣмъ значительнѣе поселеніе, тѣмъ приростъ въ немъ происходитъ въ большемъ размѣрѣ; за послѣдніе годы населеніе сельчанъ въ Германіи стало уменьшаться, вмѣсто того, чтобы возрастать по-прежнему. Дѣло въ томъ, что такъ какъ въ городахъ рождаемость гораздо ниже, а смертность выше, чѣмъ въ селеніяхъ, то приростъ населенія въ городахъ совершается на счетъ убыли населенія сельскаго. Это обстоятельство благоприятно для социаль-демократической пропаганды, такъ какъ новые переселенцы изъ селъ въ города попадаютъ въ затруднительныя условія и являются впечатлительными къ ученіямъ о передѣлкѣ всего общественнаго строя въ пользу пролетаріата.

Наконецъ, города, по своему экономическому и цивилизационному значенію, и въ качествѣ большихъ центровъ, имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ сельскія поселенія. Поэтому, социализмъ, завоевывая города, дѣлается *eo ipso* господиномъ всей страны.

стеннаго быта: во 1, всеобщаго непосредственнаго для всѣхъ права выбора и голосованія, съ тайной и обязательной подачей голосовъ, причемъ выборы должны производиться въ праздники; во 2, полной передачи законодательства въ руки народа; только онъ одинъ можетъ рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ; въ 3, безусловнаго уничтоженія теперь существующихъ войскъ и замѣны ихъ всенародной арміей; въ 4, уничтоженія всякихъ исключительныхъ законовъ; въ 5, общедоступности суда и бесплатности судебной защиты, общаго и одинаковаго для всѣхъ воспитанія и образованія на счетъ государства. Въ этомъ же параграфѣ религія признается дѣломъ совѣсти каждаго.

Въ дальнѣйшихъ пунктахъ — всѣ существующіе теперь налоги, обременяющіе народъ, замѣняются прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ. Кроме этого, выработаны правила о нормальномъ рабочемъ днѣ, о безусловномъ запретѣ дѣтямъ участвовать въ какой бы то ни было работѣ, а женщинамъ въ той, которая вредно отзывается на ихъ здоровьи и служитъ причиною упадка среди нихъ нравственности. (L. Winlerer „Der Internationale Socialismus von 1885—1890“).

Несмотря, однако, на то, что и все новѣйшіе вожаки социальной партіи, какъ-то: Бебель, Либкнехтъ и самъ Марксъ — вообще противники революціи, а по отношенію къ Германіи всякій социальный переворотъ, сопряженный съ насиліемъ, считаютъ преждевременнымъ, все-таки нельзя сказать, чтобы это движеніе не было проникнуто революціоннымъ духомъ. Печатные органы и рѣчи социалистовъ неустанно вызываютъ неудовольствіе къ настоящему порядку вещей и къ людямъ, его поддерживающимъ.

Они рѣшительно не хотятъ вѣрить въ возможность несочувствія принципу ихъ и дѣлу и видятъ въ такомъ отношеніи къ нимъ сословный или личный эгоизмъ, или лицемеріе, или же просто недобросовѣстность.

Поэтому въ тонѣ ихъ рѣчей и брошюръ обыкновенно слышатся или иронія, или обидныя, оскорбительныя ноты. Такой тонъ постоянно держитъ слушателя или читателя въ нервномъ напряженіи, возбуждаетъ даже у спокойнаго человѣка по меньшей мѣрѣ антипатію къ людямъ, которые какъ бы отказываются понимать истину, и, конечно, особенно сильно дѣйствуетъ на низшій классъ народа.

Стоитъ только прочесть полемику Либкнехта, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ говорятъ и пишутъ социалисты, хотя справедливость требуетъ отмѣтить, что теперешній духъ социалистовъ все-таки спокойнѣе прежняго. Если сравнимъ прежнія выходки Либкнехта на сеймѣ въ 1869 г. или въ 1874 г., когда онъ просто ругалъ всю буржуазію и грозилъ переворотомъ, съ рѣчью съ Галле, имѣвшею характеръ почти успокоительный, то замѣтимъ большую перемѣну, значительный успѣхъ, въ смыслѣ умѣренности. Прежде онъ негодовалъ и бушевалъ, теперь проявляетъ спокойствіе завоевателя, увѣреннаго въ побѣдѣ. Но и въ новѣйшихъ рѣчахъ его, конечно, немало такъ сказать „взрывчатаго“ элемента, что обусловлено самой непримиримостью ученія со всеми сторонами существующаго порядка.

По отношенію къ юной Германской имперіи, социалисты съ самаго начала занимали положеніе отрицательное. „Въ Германіи, — восклицаетъ одна брошюра ¹⁾, — есть только одинъ классъ, довольный настоящимъ; это — бюргерство. Оно получило все, что ему было нужно — получило покровительство

¹⁾ „Die parlamentarische Thätigkeit des deutschen Reichstages und der Landtagen, und die Social-Demokratie“. Leipzig, 1873.

для эксплуатаціи имъ силъ народа во всѣхъ отношеніяхъ и, слѣдовательно, право приобрѣтать и увеличивать свои матеріальныя средства, и теперь, понятно, радуется и благодаритъ правительство за такую заботу о немъ“.

„А народъ, понятно,—продолжаетъ брошюра,—какъ ждалъ, такъ и будетъ еще цѣлую вѣчность ждать исполненія тѣхъ обѣщаній, которыя ему давались во время и послѣ Франко-Прусской войны за труды и лишенія, имъ понесенныя“.

Надо, однако, прибавить, что рядомъ съ большинствомъ, которымъ предводительствуетъ Бебель и Либкнехтъ, существуетъ еще и меньшинство, которое рвется къ болѣе энергичному дѣйствію.

Въ 1880 году на конгрессѣ въ Швейцаріи въ окрестностяхъ Цюриха ¹⁾, было рѣшено вычеркнуть выраженіе „законнымъ путемъ“, какъ не соответствующее положенію дѣлъ, въ виду изданныхъ Бисмаркомъ законовъ.

А затѣмъ, черезъ три года на конгрессѣ въ Копенгагенѣ, въ 1883 году, одинъ изъ вліятельныхъ ораторовъ высказалъ мысль, что социалисты не представляютъ изъ себя ни парламентскихъ политиковъ, ни возбудителей революціи, но составляютъ, однако, открытую революціонную партію, потому что они стремятся къ произведенію переворота въ существующемъ строѣ, а было бы иллюзіей полагать, что это можетъ осуществиться мирнымъ путемъ.

Если вникнуть въ слова этого оратора, то въ нихъ нельзя отыскать прямое возбужденіе къ бунту, но въ массѣ, которая не привыкла останавливаться на точномъ пониманіи словъ, эта рѣчь несомнѣнно вызвала революціонныя желанія и мысли.

Соціально-демократическій органъ „Vorwärts“ выражается такъ: „искусственное вздорожаніе хлѣба продолжается; за прусской границей каравай хлѣба, вѣсящій 6 фунтовъ, продается на 19—20 пфенниговъ дешевле, чѣмъ въ предѣлахъ дѣйствія хлѣбныхъ пошлинъ; эти 19—20 пфенниговъ на 6 фунтовъ хлѣба и представляютъ пошлину, то-есть берутся изъ кошны нуждающагося населенія и поступаютъ въ выгоду богатыхъ землевладѣльцевъ“.

1) Вслѣдствіе введенія исключительныхъ законовъ, социалистическіе конгрессы происходили за предѣлами Германіи. Въ Германіи же впервые конгрессъ въ Галле, послѣ отмены тѣхъ законовъ, былъ совершенно открытымъ.

Приведемъ мѣсто изъ рѣчи Бебеля о томъ же предметѣ, произнесенной въ рейхстагѣ, а стало быть прочитанной на другой же день всею страной. „У меня, мм. гг., собрано нѣсколько данныхъ, выведенныхъ на основаніи оффиціальной статистики за 1882 годъ, а изъ нихъ оказывается, что землевладѣльцы, имѣющіе каждый свыше 50 гектаровъ земли и составляющіе сами всего 1.27 процента общаго числа лицъ, владѣющихъ землею, воздѣляли въ этомъ году подъ хлѣбъ 9.636.000 гектаровъ, между тѣмъ какъ прочіе владѣльцы земли, составляющіе 98,73 процента общаго числа и имѣющіе участки размѣромъ ниже 50 гектаровъ, обработали подъ хлѣбъ въ совокупности только 3.757.000 гектаровъ. Такимъ образомъ, первые, т. е. крупные землевладѣльцы обработали подъ хлѣбъ въ $2\frac{1}{2}$ раза бѣльшую площадь, чѣмъ всѣ 98,73 процента остальныхъ, т. е. среднихъ и мелкихъ. Сверхъ того, изъ моихъ данныхъ видно, что одни 17 крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Германіи — въ ихъ числѣ князь Витгенштейнъ, занимающій первое мѣсто, такъ какъ онъ одинъ владѣетъ 12 милліонами гектаровъ, герцогъ Аренбергъ съ 300 тыс. гект., князь Плессъ съ 130 тыс. гект. и т. д. — одни эти богатѣйшіе помѣщики владѣютъ цѣлой $\frac{1}{5}$ всей пахатной площади въ Германской имперіи (*возмась*: слушайте!) Въ виду всего этого, пусть намъ не говорятъ, что этимъ господамъ нѣтъ выгоды отъ пошлинъ на ввозимый хлѣбъ и что эти пошрины приносятъ пользу только мелкимъ и среднимъ хозяевамъ-крестьянамъ“. Въ другой разъ тотъ же Бебель, говоря о державахъ, представилъ аллегорію трехъ лягушекъ, „которыя надуваются, чтобы превзойти одна другую, пока не лопнутъ“.

Слѣдуетъ еще имѣть въ виду и то, что и внѣ социаль-демократическаго лагеря, въ сферахъ вліятельныхъ и ученыхъ людей въ Германіи, особенно изъ числа раздѣляющихъ идеи либеральныя, нерѣдко высказывается такой взглядъ, что вообще правительства тѣмъ самымъ, что искусственно возвышаютъ цѣны нѣкоторыхъ продуктовъ или товаровъ и тѣмъ даютъ нѣсколькимъ производителямъ возможность собирать лишніе барыши съ массы потребителей, какъ бы исходятъ изъ того же принципа, который составляетъ сущность социализма, а именно изъ ученія объ искусственномъ перенесеніи выгодъ изъ рукъ однихъ гражданъ въ руки другихъ, объ искусственномъ созданіи неравенства, которому соотвѣтствуетъ стремленіе къ произвольному уравненію.

Понятно, что система милитаризма даетъ социалистамъ еще болѣе поводовъ къ возбужденіямъ среди массъ. Какую благопріятную почву, напр., въ народѣ нашла себѣ идея уничтоженія постояннаго войска — можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Въ 1880 году, Бебель прочелъ въ парламентѣ письмо Мольтке къ одному рабочему, въ Капштадтѣ, который умолялъ его упросить императора по крайней мѣрѣ уменьшить наличное количество войска. „Всякій присоединится къ горячему и искреннему желанію, писалъ Мольтке, уменьшить это народное бремя, которое несетъ Германія по необходимости, находясь среди могучихъ сосѣдей. Но эта перемѣна возможна лишь тогда, когда всѣ народы придутъ къ заключенію, что война, даже самая побѣдоносная, есть страшный бичъ для нихъ самихъ и для всего человѣчества“ („Volkszeitung“, 1890, № 251).

Такъ представляется это дѣло Мольтке и другимъ дѣятелямъ и ученымъ людямъ, и въ такомъ духѣ они говорятъ объ этомъ съ народомъ; но народныя массы смотрятъ на это дѣло проще, предполагая, что если люди, власть имѣющіе, не хотятъ ускорить рѣшеніе этого вопроса, то, значитъ, выполнение этой задачи долженъ взять на себя самъ народъ.

Однако, паденіе Бисмарка, отиѣна исключительныхъ законовъ и успѣхи на выборахъ успокоили немного расхоловшіяся страсти и несомнѣнно доказали, что и „легальный путь“ можетъ все-таки къ чему-нибудь пригодиться; это явившееся сознаніе увеличило значеніе Бебеля и Либкнехта и вообще придало болѣе увѣренности въ своихъ силахъ наиболѣе умѣренной части социалистовъ.

Въ то время, какъ значеніе социалистовъ въ народѣ растетъ и крѣпнеть, въ правительственныхъ сферахъ ихъ считаютъ врагами государства.

Не говоря уже о Бисмаркѣ, который былъ постояннымъ и упорнымъ врагомъ социальнаго движенія ¹⁾, мы можемъ для примѣра указать на его преемника графа Каприви, который въ 1891 году прямо сказалъ въ рейхстагѣ: „Требую отъ васъ увеличенія числа унтеръ-офицеровъ; они мнѣ нужны не столько для войны съ врагомъ, сколько для огражденія васъ самихъ отъ случайностей уличной борьбы“.

Въ виду этого противодѣйствія, которое оказываютъ социализму правящіе классы, возникаетъ вопросъ: какимъ обра-

¹⁾ Кокетничанье съ Лассалемъ было только одной изъ уловокъ „откровеннаго“ политика.

зомъ социализмъ успѣлъ такъ сильно привиться на почвѣ Германской имперіи?

Нѣсомнѣнно, развитію социализма въ Германіи благоприятствовали условія политическаго и общественнаго быта. Наряду съ свободой, которою тамъ пользуется печать, наряду со всеобщей подачею голосовъ, уживаются тамъ такія явленія, какъ, на примѣръ, абсолютизмъ князя Бисмарка. Въ ней остались еще яркія противорѣчія стараго съ новымъ, успѣховъ наукъ съ отсталостью въ общественныхъ отношеніяхъ и въ самой арміи, включающей весь народъ; жестокое обращеніе съ солдатами истекаетъ, въ сущности, изъ сословно надменнаго отношенія офицеровъ къ низшимъ классамъ, а унтеръ-офицеры подрываютъ.

Примѣрами такого обращенія съ солдатами социалисты всегда пользовались для возбужденія массы.

Такъ, въ одной брошюрѣ они называютъ армію сборомъ тунейдцевъ ¹⁾, въ другой же—милитаризмъ называется Молохомъ, въ честь котораго приносятся человѣческія жертвы ²⁾.

Несомнѣнно, недоброжелательное отношеніе къ милитаризму проявляется въ Германіи не среди всѣхъ классовъ, но все-таки оно очень значительно. На конгрессѣ въ Галле Бебелью прямо былъ сдѣланъ оффиціальныи запросъ, почему онъ такъ умѣренно дѣйствуетъ противъ милитаризма и иногда даже какъ бы дѣлаетъ уступки, противныя духу партіи?

Онъ отвѣчалъ, что только вслѣдствіе того, что его голосъ былъ бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, онъ не хочетъ теперь настойчиво требовать всеобщаго разоруженія. „Буржуазія — сказалъ онъ—никогда не согласится на это по многимъ причинамъ, а между прочимъ и потому, что ея согласіе уничтожить для ея сыновей возможность получать выгодныя мѣста въ арміи“. Эти слова вызвали бурю аплодисментовъ.

Зная отлично—какъ это высказалъ Бебель—что ихъ голоса будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, социаль-демократы поэтому дѣйствуютъ иначе. Они подрываютъ среди публики престижъ арміи постояннымъ указаніемъ въ брошюрахъ и газетныхъ статьяхъ на тѣ несправедливости, которыя въ ней допускаются, и пропагандой своихъ идей среди солдатъ.

На примѣръ, въ извѣстной уже намъ брошюрѣ „Die parlamentarische Thätigkeit“ etc. упоминается о большихъ наградахъ,

¹⁾ Fluschein, „Auf friedlichem Wege“. Braunschweig. 1884.

²⁾ Gilles, „Demokratie und Bismark“.

данныхъ генераламъ и офицерамъ, въ то время какъ солдаты не получили ничего, а семьи убитыхъ и раненыхъ—только скудныя пенсіи.

Приводя, между прочимъ, новый военный законъ, эта же брошюра сильно нападаетъ на суровость и строгость наказаній при самомъ незначительномъ проступкѣ со стороны солдата и на полную поблажку въ отношеніи начальниковъ.

„Если *случайно*—говоритъ брошюра—унтеръ-офицеръ въ шутку велитъ повѣсить солдата, какъ это случилось въ Ольденбургѣ въ 1872 году, или если офицеръ обожжетъ сигарой носъ своему денщику, какъ это было въ Данцигѣ, или, наконецъ, прикажетъ дать пощечину ни въ чемъ неповинному и смирно сидящему статскому—солдатъ долженъ быть послушнымъ, если не желаетъ познакомиться ближе съ военнымъ кодексомъ о наказаніяхъ. Солдатъ въ Германіи долженъ быть машиной—это цѣль новаго военного закона“.

Понятное дѣло, что обнаруженіе и подчеркиваніе подобныхъ фактовъ производитъ на публику извѣстное впечатлѣніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ, насколько подъ вліяніемъ возбужденія среди массъ возможно имѣть увѣренность въ слѣпомъ послушаніи солдатъ.

Что въ военныхъ сферахъ въ Германіи вовсе не считаютъ безусловно невозможными случаи варушенія дисциплины въ войскахъ въ виду внутренняго непріятеля, видно изъ того, что въ нихъ уже разсматривался даже вопросъ о военныхъ мятежахъ, въ связи съ стратегическими вопросами междуусобной войны вообще, какъ-то о бомбардированіи и штурмѣ возмущившихся городовъ и т. п. Военное министерство образовало два корпуса войскъ, специально для поддержанія порядка внутри имперіи при войнѣ. Но нѣтъ повода предполагать, что въ этихъ новыхъ корпусахъ будетъ менѣе социалистовъ, чѣмъ въ прежнихъ. Бебель высказывалъ въ парламентѣ свое мнѣніе объ ошибочности такого взгляда, который распространяетъ „на всю вѣчность“ увѣренность въ безусловной преданности арміи. По его словамъ, „по мѣрѣ того, какъ социальная демократія завоевываетъ массы, она проникаетъ и въ войска“... „Соціалъ-демократы, исполняя воинскую повинность подъ знаменами, исполняютъ свой долгъ наравнѣ со всѣми. Но вы не должны имѣть увѣренности, что навсегда и безусловно будете имѣть въ этой арміи послушное орудіе, которое обратите противъ кого вамъ угодно. Это еще вопросъ—такой, на который я не

могъ бы отвѣчать разъ навсегда“. Особое отличіе, какое было оказано самимъ императоромъ Вильгельмомъ II тому часовому, который положилъ на мѣстѣ двухъ оскорблявшихъ его людей, выказываетъ, повидимому, сознание, что не каждый часовой поступилъ бы такъ.

Въ той же брошюрѣ, которую мы только-что приводили, ставится между прочимъ вопросъ: „въ виду существующихъ въ арміи порядковъ, можно ли удивляться постоянному возрастанію въ ней числа самоубійствъ?“ Этому же вопросу коснулся и Бебель въ парламентской рѣчи, произнесенной два года тому назадъ (13 марта 1891). „Еслибы—говорилъ онъ—въ какой-либо мѣстности оказалась среди гражданскаго населенія, въ возрастѣ 20—30 лѣтъ, такая пропорція самоубійствъ, то вы, господа, воскликнули бы съ ужасомъ: какая причина этихъ явленій и какое средство для ихъ предотвращенія?

„Въ арміи число самоубійствъ равняется $\frac{1}{4}$ всего числа умирающихъ. Это отношеніе уже давно съ удивительной постоянностью повторяется въ нашей арміи, и до сихъ поръ не принято никакихъ мѣръ для ослабленія этого явленія. Я записалъ для памяти изъ оффиціального рапорта врачей причины и поводы самоубійствъ въ арміи. Большинство этихъ оффиціальныхъ причинъ такъ прозрачны, что за ними можно угадать настоящіе поводы. Напр., лицъ, которымъ „надоѣла жизнь“, показано 23 человекъ. Виданное ли это дѣло, господа, чтобы люди, самое большее 22—23 лѣтняго возраста, давали столь большой сравнительно процентъ самоубійствъ? Далѣе въ графѣ самоубійцъ вслѣдствіе физическихъ страданій находимъ 21, съ умственнымъ разстройствомъ 97 человекъ. Гдѣ причина этихъ мозговыхъ и психическихъ болѣзней? Надо думать, что наборъ захватываетъ людей уже предрасположенныхъ къ психической болѣзни, которая на военной службѣ, вслѣдствіе строгаго обращенія, у нихъ разрастается и доводитъ до умопомѣшательства. Самоубійцъ подъ вліяніемъ аффекта показано 43 человекъ. Окакихъ аффектахъ здѣсь говорится? Отъ пороковъ—15. И тоже нѣтъ указанія—какіе это пороки. А вотъ 35 человекъ кончили жизнь самоубійствомъ по случаю дурныхъ отношеній къ нимъ родителей или переменъ матеріальнаго благосостоянія. Откуда эти дурныя отношенія съ родителями? Что-за причины, наконецъ, этого стыда, этихъ укоровъ совѣсти, подъ рубрикой которыхъ занесено оффиціально 14 человекъ? Далѣе рубрика самоубійцъ вслѣдствіе оскорбленія чести включаетъ 61 ч., вслѣд-

ствіе страха передъ наказаніемъ—314 человекъ. Эта послѣдняя рубрика совершенно понятна и поучительна. Господа, страхъ передъ наказаніемъ доводитъ людей до самоубійства. Отсюда можно видѣть, какъ жестокъ этотъ новый военный законъ“.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этой рѣчи Бебеля, опубликованъ былъ рапортъ герцога Георга Саксонскаго, командующаго 12 армейскимъ корпусомъ, о случаяхъ жестокаго обращенія съ солдатами начальниковъ, преимущественно фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ. Въ числѣ нѣкоторыхъ случаевъ многіе имѣютъ характеръ тѣмъ болѣе возмутительный, что указываютъ на систематическое преслѣдованіе нѣкоторыхъ личностей, а всѣ—на видимую невозможность для солдатъ жаловаться на самыя несправедливыя и жестокия дѣйствія. Болѣе всего такихъ случаевъ указано въ 11 полку пѣшей артиллеріи и въ 6 полку пѣхоты. Унтеръ-офицеръ Цваръ приказалъ вылить на лицо запасному рядовому кипящій кофе. Унтеръ-офицеръ Цэме, въ январскую ночь, въ 1890 г., вызвалъ своихъ людей въ однѣхъ рубашкахъ и произвелъ имъ ученіе; въ другой разъ онъ заставилъ ихъ становиться передъ нимъ на колѣни 1.800 разъ. Ефрейторъ Либингъ билъ солдата ремнями до потери послѣднимъ сознанія. Фельдфебель Лохель приказывалъ схватывать непонравившихся ему новобранцевъ въ охапку и бить ихъ головами объ стѣну, а тѣхъ, у которыхъ находилъ грязные носки, заставлялъ въ теченіе 5 минутъ жевать эти носки. Унтеръ-офицеръ Гейльсдорфъ заставлялъ солдатъ взлѣзать на шкафъ и на немъ становиться на колѣни и вставать 900 разъ, такъ что полъ былъ залитъ катившимся съ нихъ потомъ; кто хотѣлъ избѣгнуть наказанія—платилъ ему деньги. Унтеръ-офицеръ Куянъ внушилъ одному запасному своими жестокостями такой ужасъ, что тотъ, однажды, при видѣ своего мучителя, получилъ внезапное расслабленіе желудка: Куянъ принудилъ его съѣсть калъ, посыпавъ его солью.

Весьма примѣчательно заключеніе г. Гауссмана, при обсужденіи запроса по этому предмету въ рейхстагѣ: „канцлеръ сказалъ вчера, что если нравственность въ арміи съ каждымъ годомъ понижается, то это потому, что она падаетъ въ самомъ населеніи. Между тѣмъ, дѣло происходитъ какъ разъ наоборотъ: грубость и варварство, господствующія въ казармѣ, сквозь которую проходитъ весь народъ, заражаютъ его нравы, и вотъ печальный результатъ прогресса за послѣднія 20 лѣтъ“.

Въ заключеніе преній по запросу, рейхстагъ, большин-

ствомъ 143 голосовъ противъ 100, вопреки желанію правительства, потребовалъ гласности военнаго судопроизводства. Но будетъ ли достаточно этого средства для отвращенія тѣхъ грубыхъ насилій, которыя въ огромномъ большинствѣ не доходятъ до суда, — весьма сомнительно. Между тѣмъ, какъ самыя сцены этого рода, происходящія на глазахъ у солдатъ, такъ и жалобы, и пренія, и всякія свѣдѣнія о нихъ производятъ впечатлѣніе въ казармахъ, куда одновременно проникаетъ и социалистическое поученіе объ общемъ благополучіи, которое, будто-бы, такъ легко устроить. А при товарищескомъ бытѣ командъ, пропагаторы, въ отсутствіи всякихъ капраловъ, могутъ тамъ ловить свою добычу не на удочку, а прямо неводомъ, обрабатывая людей гуртомъ. И можно опасаться, что именно изъ казармъ всего вѣрнѣе пропаганда разнесется по деревнямъ молодыми солдатами, которые возвратятся домой послѣ своего двухгодоваго отсутствія. Съ другой стороны, склоняя на свою сторону солдатъ, социалисты стремятся отнять силу у правительства.

Правительственныя сферы давно уже предвидяютъ возможность борьбы съ социалистами, среди которыхъ за послѣднее время чаще раздаются голоса, болѣе увѣренные въ своей побѣдѣ.

Социалисты наводняютъ казармы брошюрами, книгами и газетами. Офицеры жалуются, что никакія предосторожности не помогаютъ противъ распространенія этой заразы.

Въ мирное время такое положеніе дѣла ничѣмъ особеннымъ не угрожаетъ Германіи; полная деморализація въ этомъ направленіи проявится только во время войны.

Въ средѣ солдатъ безусловно нѣтъ никакой любви къ своимъ обязанностямъ. Всѣ они пошли въ военную службу потому, что ихъ взяли, и при случаѣ каждый съ удовольствіемъ бросилъ бы все и ушелъ опять въ свои родныя мѣста.

Кромѣ этого, имъ извѣстно и изъ книгъ, и по слухамъ о жестокости послѣднихъ битвъ, да еще социалисты разъясняютъ имъ всю безцѣльность и пагубность войны, а значить и войскъ. Все это не можетъ, конечно, дѣйствовать благотворно на духъ арміи, а прямо деморализируетъ ее.

Поэтому, самъ собою появляется вопросъ: можно ли вести кампанію съ войскомъ, зараженнымъ социалистическими теоріями, недоброжелательствомъ, явнымъ и неявнымъ противодействіемъ дисциплинѣ, и даже если можно, то въ крити-

чекіе моменты воодушевится ли такая армія сознаниемъ долга и необходимости?

На такой вопросъ отвѣтить, конечно, трудно, но намъ отвѣтъ представляется все-таки скорѣе въ отрицательномъ смыслѣ. Теперь нѣтъ никакихъ особыхъ стимуловъ для возбужденія общаго одушевленія. Въ 1870 году нѣмцамъ освѣщала путь и возбуждала къ дѣятельности идея единства, въ которой видѣли предвѣстницу многихъ другихъ великихъ дѣлъ. Будущая война такого ореола не имѣетъ и имѣть не будетъ, тѣмъ болѣе, что воспоминанія послѣ окончанія войны 1870 года у народа остались не особенно пріятныя.

Соціалисты такъ-таки прямо говорятъ, пронизируя надъ результатами войны и воспоминаніями, ею вызываемыми, что „повивальной бабкой при рожденіи во-едино соединенной Германіи была сабля и что государство, возникшее такимъ образомъ, только кровью можетъ поддержать свое бытіе“.

Не одни соціалисты говорятъ это. Іоганнъ Шерръ, напр., пишетъ: „война не принесла ожидаемыхъ плодовъ, которые бы человѣку, любящему свое отечество, доставили покой и радость, а скорѣе много такихъ, которые радуютъ враговъ Германіи. Эти враги могутъ указать на много тяжкихъ разочарованій, которыя принесъ съ собою 1870 г. Ожиданія столькихъ людей, основанныя на массѣ пролитой крови и на слезахъ тысячи матерей и женъ, принесены въ жертву исключительно интересамъ династіи. Громадное количество золота, пришедшаго изъ Франціи и употребленнаго Богъ знаетъ на что, съ одной стороны изощряло способы мошенничества, обмана и подлости, а съ другой—вызвало недоброжелательство и недовѣріе“.

Такъ говоритъ знаменитый философъ и историкъ нѣмецкій, что же должны чувствовать люди, состоящіе принципіальными врагами правительства?

На основаніи всего сказаннаго, опять повторимъ вопросъ: что же можетъ одушевить армію и вызвать въ ней стремленіе къ борьбѣ на жизнь и смерть? Есть ли такіе факты и если есть, то каковы они?

Для будущей войны надо нѣсколько больше того, что требовала прошлая. Надо самую строгую дисциплину, надо, чтобы войско повиновалось, какъ одинъ человѣкъ, малѣйшему жесту полководца, такъ какъ минута промедленія можетъ пагубно отозваться на всемъ дѣлѣ.

А между тѣмъ въ германской арміи именно этого нельзя предполагать,—часть ея охвачена социалистическимъ духомъ, готовымъ, при случаѣ, пробиться сквозь внѣшнюю оболочку дисциплины и оказать противодѣйствіе.

Кромѣ этого, въ самой странѣ умы будутъ воспринимать настроеніе, неблагоприятное для существующаго порядка. Отсутствіе заработковъ, недостатокъ въ хлѣбѣ, увеличеніе кражъ и грабежей, наконецъ, всѣ бѣдствія, сопровождающія оскудѣніе, могутъ способствовать къ потрясеніямъ общества. Эти возможныя послѣдствія будущихъ войнъ обыкновенно упускаются изъ виду по той причинѣ, что мы еще все привыкли видѣть въ дѣлѣ — арміи ограниченнаго состава, а не многіе милліоны населенія съ обѣихъ сторонъ.

Да еще спрашивается: въ случаѣ самой побѣды, захотятъ ли войска, подкопанныя социализмомъ, удовольствоваться своими лаврами и перспективою близкаго ропсуска по домамъ?

Нами выше упомянуто, что на выборахъ 1890 года за социалистовъ было подано 1.427.000 голосовъ, а за представителей прочихъ партій 5.800.000. Изъ этихъ цифръ можно бы извлечь выводъ, что избиратели-социалисты составляютъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ всего мужскаго населенія, что было бы согласно съ отзывомъ Либкнехта, считающаго число социалистовъ за 20% народа. Можно предположить, что таково же отношеніе социалистовъ и въ арміи. Они составляютъ въ ней элементъ, одушевленный вѣрою въ свою идею и энергично стремящійся къ своей цѣли. Ихъ товарищи — по большей части крестьяне — хотя, быть можетъ, не будутъ увлечены ими, но представляютъ собой лишь пассивную силу.

Надо имѣть въ виду, что, при возвращеніи своемъ, армія будетъ въ нервномъ возбужденіи и что социалисты, на основаніи оказанныхъ ими отличій, могутъ сдѣлаться командирами частей, займутъ въ ней должности. Нѣтъ сомнѣнія, что при нынѣшнемъ состояніи оружія, далеко превышающемъ во всѣхъ отношеніяхъ прежнее, при употребленіи бездымнаго пороха, офицеры будутъ представлять изъ себя главную цѣль, и число выбывшихъ изъ фронта офицеровъ будетъ велико.

А кромѣ всего этого, большое значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что социалисты распредѣляются по странѣ неравномѣрно, группируются въ извѣстныхъ мѣстахъ и составляютъ тамъ большинство народонаселенія. А такъ какъ цѣлые полки и

даже корпуса набираются въ Германіи изъ жителей одной какой-нибудь провинціи, то само собой очевидно, что въ нѣкоторыхъ частяхъ армія будетъ проникнута сильно духомъ социализма.

Невозможно предвидѣть, конечно, что произошло бы при такомъ явленіи, какъ отказъ какого-либо отряда отъ повиновенія или хотя бы только разладъ между разными военными частями. Весьма вѣроятно, что ничего подобнаго не случится ни въ Германіи, ни во Франціи, но имѣть полную увѣренность, что ничто подобное невозможно въ наше время, нельзя въ виду хотя бы многочисленныхъ военныхъ pronunciamientos, бывавшихъ въ Испаніи. А съ тѣхъ поръ, какъ армія получила народный характеръ, такой фактъ, какъ принадлежность пѣлой пятой части всего народа къ антигосударственной оппозиціи, не можетъ быть упускаемъ изъ вида и пройденъ молчаніемъ при разсмотрѣніи шансовъ и послѣдствій войны. Фактъ этотъ можетъ вызвать затрудненія при самой побѣдѣ и усилить опасность пораженія.

Подобное положеніе дѣлъ не можетъ не имѣться въ виду западно-европейскими правительствами, которыя принуждены соображать съ нимъ до нѣкоторой степени самую рѣшимость на наступательную войну противъ сосѣдей. Понятно, что опасеніе внутреннихъ волненій представляетъ собой дополнительное соображеніе противъ войны. Но, съ другой стороны, нельзя поручиться въ будущемъ и за то, чтобы опасность отъ самаго усиленія противогосударственныхъ стремленій внутри страны не повела когда-нибудь къ употребленію крайняго, хотя и рискованнаго средства для отвлеченія умовъ и поддержанія авторитета власти, то-есть не заставила обратиться къ большой войнѣ.

По отзыву депутата Зингера, число рѣшительныхъ приверженцевъ социально-демократической партіи въ Германіи въ настоящее время можно принять въ 3 милліона на населеніе въ 45 милл., изъ которыхъ 10 милл. имѣютъ право избирательства, при чемъ, однако, девять десятыхъ всего состава избирателей находятся въ положеніи не болѣе обезпеченномъ, чѣмъ тѣ 3 милл., которые уже записались въ ряды социалистической партіи. Вполнѣ ли правительство можетъ рассчитывать на преданность тѣхъ изъ нихъ, которые доселѣ этого не сдѣлалъ? Судя по нѣкоторымъ заявленіямъ имперскаго правительства, можно думать, что оно не совсѣмъ въ этомъ увѣрено; ясно, по меньшей мѣрѣ,

что оно считает нужными особые усилия, для того, чтобы привлечь къ себѣ эту массу надеждою на собственный его починъ въ рѣшеніи разныхъ вопросовъ о бытѣ рабочихъ. Такъ, императоръ однажды принялъ лично посредничество между горнорабочими и заводчиками, причемъ высказалъ рабочимъ, что въ социальныхъ демократіяхъ онъ видитъ враговъ имперіи и отечества. Въ рескриптахъ, изданныхъ въ февралѣ 1890 г., признается основательность нѣкоторыхъ желаній „четвертаго соловія“ и выражается намѣреніе дѣйствовать для урегулированія отношеній между рабочими и хозяевами въ примирительномъ духѣ; стало-быть, по мнѣнію правительства, еще не поздно, чтобы такой починъ могъ произвести удовлетворительные результаты.

Здѣсь необходимо напомнить, что, какъ уже было замѣчено выше, война съ Россіею популярна въ социалистическомъ лагерѣ, несмотря на то, что социалисты по принципу возстаютъ противъ войны вообще. Самъ Либкнехтъ признавалъ войну съ Россіею желательною; зато война противъ Франціи вызвала бы сильную оппозицію въ социалистической средѣ. Стало-быть, если допустить возможность, когда-нибудь, войны съ цѣлью временнаго устраненія внутренней опасности, то это была бы война на восточной границѣ.

Публицисты не-социалистическихъ лагерей, а съ ними, конечно, и политическіе люди въ Германіи отлично понимаютъ опасность, представляемую распространеніемъ и организациею социализма. Рудольфъ Мейеръ ¹⁾ говоритъ: „ежедневно выростаетъ эта армія пролетаріевъ и самая молчаливость ея, выжиданіе, при затаенной рѣшимости, представляютъ нѣчто грозное... Германскій народъ не оказался достойнымъ той великой судьбы, какую ему возвѣщали войны 1866 и 1870 годовъ“. Правительство Германіи подробно изучали этотъ вопросъ и, по почину Пруссіи, пытались предпринять нѣкоторыя мѣры. Но ни въ Германіи, ни въ какомъ-либо другомъ изъ государствъ, зараженныхъ этой общественною болѣзью, не было доселѣ найдено чего-нибудь въ родѣ систематической методы для ея излѣченія. Уже изъ нашего бѣглаго очерка видно, какъ много тѣхъ причинъ, которыя на Западѣ вызываютъ недовольство массъ и создаютъ почву благоприятную для противообщественныхъ ученій.

¹⁾ „Politische Gründer und die Corruption in Deutschland“. Leipzig. 1877.

ній. Положимъ, руководители Германской имперіи предпринимали нѣсколько средствъ, но все это были только палліативы, въ родѣ страхованія рабочихъ, при нѣкоторой помощи государства, отъ несчастныхъ случаевъ и обезпеченія рабочихъ въ случаяхъ неспособности къ труду и въ старости, при той же помощи. Эти средства были похожи на усилія остановить теченіе рѣки посредствомъ нѣсколькихъ досчатыхъ щитовъ, разставленныхъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ. Соціалисты принимаютъ все это, но нисколько не отказываются отъ своей антиправительственной агитаціи.

Правда, князь Бисмаркъ придумалъ еще иное средство обороны: исключительные законы противъ одной изъ всѣхъ партій въ государствѣ — партіи социаль-демократической. Съ точки зрѣнія парламентаризма, представлялись странными такіе законы, которые партію, имѣющую представителей въ парламентѣ, лишали общаго для всѣхъ гражданъ права собранія и публичнаго заявленія мнѣній. Съ практической же точки зрѣнія, можно сказать, что эти законы принесли болѣе вреда, чѣмъ пользы. Во всякомъ случаѣ, они не продержались долѣе самого господства Бисмарка въ имперіи.

Краснорѣчивое свидѣтельство о томъ, какъ далеко зашло уже теперь движеніе къ измѣненіямъ въ условіяхъ экономическихъ, а отчасти и общественныхъ, можно найти въ самой многочисленности видовъ социализма, проявившихся въ современной Германіи. Есть тамъ социализмъ государственный, сторонники котораго разсуждаютъ такъ: „сдѣлаемъ сами то, къ чему они стремятся, и тогда мы будемъ спасены“. Самъ нынѣшній императоръ, судя по многократнымъ его заявленіямъ, сочувствуетъ этому направленію. Затѣмъ есть „социализмъ евангелическій“, называемый такъ потому, что проповѣдниками его являются пасторы. Въ этой партіи видна забота правительственная; цѣль ея — употребить социалистическія стремленія для усиленія монархической идеи, такъ какъ одна монархія, умножая регламентацію въ экономическихъ дѣлахъ, можетъ принять на себя роль социалистическаго, коллективнаго хозяина-распорядителя. Далѣе представляется группа социалистовъ-католиковъ. Католическій социализмъ явился вслѣдствіе изданнаго Майнцскимъ епископомъ, весьма извѣстнымъ монсиньоромъ Кеттелеромъ, сочиненія: „Рабочій вопросъ и христіанство“, которое произвело въ Германіи значительное впечатлѣніе. М-ръ Кеттелеръ, идя глав-

нымъ образомъ по стопамъ Лассалья, предлагаетъ учрежденіе производительныхъ артелей, которыя могутъ перемѣстить самый капиталъ въ руки рабочихъ и такимъ образомъ разрѣшить удовлетворительно вопросъ о заработкахъ.

Наконецъ, есть социализмъ „настоящій“, т. е. тотъ, который представляетъ уже не одну теорію только, но и готовую организацію съ арміею рабочихъ союзовъ.

Прибавимъ социализмъ профессорскій (Katheder-Socialismus). Здѣсь встрѣчаются теоріи, значительно отстоящія одна отъ другой, и крайнею можно признать теорію Вагнера, которая требуетъ ограниченія частной собственности и расширенія собственности общественной. Но профессорскій социализмъ сводится весь, все-таки, на социализмъ государственный, на регулированіе отношеній труда къ капиталу и на многообразное вмѣшательство государства въ экономическія отношенія.

Допустивъ моментъ кризиса, нельзя не принять во вниманіе, что народная масса не дѣлаетъ различія между той или другою теоріей, но, подъ влияніемъ войны или голода, съ остановкой дѣятельности фабрикъ, можетъ перейти отъ словъ къ дѣлу. А тогда нельзя уже будетъ предвидѣть послѣдствій. Самыхъ крайнихъ теоретиковъ мирнаго времени революціонное теченіе можетъ оставить позади. Парламентскіе, нынѣ вліятельные, ораторы тогда могутъ совершенно утратить свою популярность.

Присматриваясь къ характеру эволюціи, происходящей во Франціи, гдѣ она встрѣчаетъ наименѣе препятствій, мы примѣчаемъ, прежде всего, что центръ тяжести правленія понижается, переходя на уровень массъ, одновременно съ распространеніемъ среди нихъ ученія, возбуждающаго къ дѣйствию и усвояемаго съ злобнымъ чувствомъ. Тамъ, гдѣ происходятъ эти два процесса, сила государственная ослабѣваетъ уже потому, что правительство не можетъ принимать сколько-нибудь рѣшительныхъ мѣръ въ политикѣ внутренней и должно чувствовать себя стѣсненнымъ въ дѣйствіяхъ политики внѣшней.

Опредѣляя, въ нѣсколькихъ словахъ, положеніе дѣлъ на Западѣ, скажемъ, что надъ нимъ въ настоящее время какъ бы проходитъ вѣтеръ социализма, причемъ каждый разумѣетъ социализмъ по-своему. Всѣ же эти расходящіеся „социализмы“ въ сущности сводятся къ одному—рѣшенію всѣхъ общественныхъ вопросовъ посредствомъ государственнаго вмѣшатель-

ства, такъ какъ въ государствѣ видятъ полновластнаго хозяина, призваннаго къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ, но, конечно, и отвѣтственнаго по нимъ. При этомъ, мы оставляемъ въ сторонѣ то направленіе партіи, которое выразилось въ Бакунинскомъ принципѣ анархіи и вольныхъ общинъ, такъ какъ эта мысль объ упраздненіи самаго государства и о разрушеніи его, съ предоставленіемъ будущности рѣшенія, что слѣдуетъ создать вмѣсто разрушаемаго, очевидно, годится только для мятежныхъ попытокъ, но не для разрѣшенія вопросовъ.

Въ Германіи положеніе дѣлъ еще пока совсѣмъ иное—власть не только не переходитъ въ руки массъ, но не перешла еще въ руки парламента. Однако, мы видимъ, что нынѣшнее правительство уже болѣе серьезно считается съ парламентомъ, чѣмъ какъ то бывало при кн. Бисмаркѣ, а съ другой стороны видимъ также, что сила социаль-демократической партіи въ представительныхъ собраніяхъ возрастаетъ при каждыхъ новыхъ выборахъ. Соціальная демократія и тамъ высказываетъ полную увѣренность въ своей побѣдѣ. Характеристичны въ этомъ отношеніи слѣдующія разсужденія извѣстнаго социалистическаго писателя Фридриха Энгельса, которыя мы приводимъ, не придавая, конечно, значенія тѣмъ опредѣленнымъ срокамъ, которые въ нихъ назначаются съ такой самоувѣренностью.

„Если миръ сохранится—пишетъ Энгельсъ—то это обезпечитъ за социаль-демократическою партіей побѣду по прошествіи около десяти лѣтъ. Если же будетъ война, то она или доставитъ этой партіи торжество черезъ два-три года, или же нанесетъ ей полное пораженіе, лѣтъ на 15 и до 20-ти. Въ виду такой альтернативы, было бы безуміемъ со стороны германскихъ социалистовъ предпочитать войну, въ которой они всѣмъ рискуютъ—миру, который доставитъ имъ вѣрное торжество. Да сверхъ того, социалистъ вообще, къ какой бы онъ ни принадлежалъ народности, не можетъ желать военныхъ успѣховъ ни нынѣшнему правительству Германіи, ни французской буржуазной республикѣ, ни тѣмъ менѣе—Россіи. Вотъ почему социалисты всѣхъ странъ желаютъ сохраненія мира. Если же, несмотря на то, произойдетъ война, тогда, несомнѣнно, должно произойти одно изъ двухъ: такъ какъ въ этой войнѣ станутъ лицомъ къ лицу до 20 милліоновъ солдатъ, занятыхъ взаимнымъ истребленіемъ, и война эта опустошила бы Европу, какъ

ни одна изъ прежнихъ, то она или приведетъ къ непосредственному торжеству социализма, или же по меньшей мѣрѣ совершенно потрясетъ весь прежній порядокъ и оставитъ за собой такія развалины, что старому капиталистическому строю невозможно будетъ удержаться надолго; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, окончательная побѣда социальной революціи отсрочилась бы на 10—15 лѣтъ, но затѣмъ, самое осуществленіе ея произошло бы уже вѣрнѣе и основательнѣе“.

На это можно замѣтить, что если бы допустить, что при сохраненіи мира побѣда социализма обезпечена черезъ 10 лѣтъ, то противники социализма должны были бы желать войны, такъ какъ ужъ лучше рискъ, чѣмъ безвыходная увѣренность въ пораженіи. Такую же самонадѣянность, какъ Энгельсъ, высказывалъ и Бебель въ рѣчи, произнесенной имъ въ рейхстагѣ 3 февраля текущаго года: „Все обращается на пользу нашего дѣла, говорилъ онъ, и болѣе чего-либо—самое перепроизводство, въ томъ числѣ и перепроизводство интеллигенціи. То обстоятельство, что буржуазія оказывается не въ состояніи утилизировать силы, которыя сама же произвела, ведетъ къ осуществленію нашего государства. А если бы еще прибавилась большая европейская война, съ ея массовыми истребленіями, то произойдетъ нѣчто такое, что приблизитъ насъ къ осуществленію нашихъ плановъ. Мы же по-прежнему будемъ идти впередъ, нравится ли это вамъ, или нѣтъ, все равно. Будущность, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ намъ и, послѣ первыхъ же выборовъ, мы явимся сюда въ гораздо болѣе значительномъ числѣ (одобреніе на скамьяхъ социаль-демократовъ, единичныя шиканья съ правой стороны и въ центрѣ)“.

Но самое то обстоятельство, что можетъ прійти время—поскольку оно уже не наступило—когда западныя правительства не будутъ въ состояніи предпринять противъ завоеваній со стороны социализма мѣръ рѣшительныхъ, въ виду того, что человѣческая личность уже перестала быть для нихъ безпрекословнымъ орудіемъ,—это самое обстоятельство, повторяемъ, можетъ подать имъ мысль въ какой-нибудь критическій моментъ обратиться къ внѣшней войнѣ, такъ сказать, какъ къ хирургическому средству противъ того опаснаго внутренняго нарыва, для котораго они не придумали лѣкарства. Война отвлекаетъ наружу избытокъ внутренняго броженія, излишекъ силъ. Въ исторіи не мало примѣровъ войнъ, начатыхъ прямо съ такой

цѣлью, то-есть въ видѣ открытія клапана для выпуска слишкомъ накопившихся паровъ.

Война разогрѣваетъ патріотическія чувства; наканунѣ войны и по объявленіи ея, національное увлеченіе можетъ соединить сердца и умы всѣхъ гражданъ, тѣмъ самымъ подавляя агитацію социализма. Но что будетъ послѣ, когда этотъ восторгъ смѣнится отчаяніемъ или когда онъ просто пройдетъ, уступивъ мѣсто жалобамъ на страшныя жертвы и на усиленіе бремени налоговъ? Въ пѣснѣ „Силезскихъ ткачей“, Гейне выражаетъ такое настроеніе рабочихъ: „стучите станки, работайте люди днемъ и ночью; на тебя, старая Германія, мы работаемъ, саванъ тебѣ изготовляемъ съ проклятіями“. Не отражаются ли въ этихъ мрачныхъ словахъ то недовольство, та ненависть, на которыя мы выше указывали? Но зато, можно не повѣрить предсказанію Гейне, что въ Германіи произойдетъ такая драма, въ сравненіи съ которой первая французская революція покажется игрою. Чѣмъ долговременнѣе какой-либо переворотъ подготавлился въ умахъ, тѣмъ ограниченнѣе бываеъ въ немъ роль элемента грубой силы. А такъ какъ распространеніе социализма въ Германіи представляетъ именно такой ходъ, такъ какъ полное усвоеніе и выработка мысли предшествуетъ тамъ дѣйствію, то позволительно ожидать, что и самое дѣйствіе будетъ охранено отъ крайностей—зрѣлостью мысли.

И. БЛЮХЪ.

A $\frac{241}{581}$

3)

БУДУЩАЯ ВОЙНА,

ея экономическія причины и послѣдствія ¹⁾.

I.

Неравномѣрный приростъ народонаселенія въ разныхъ государствахъ, какъ поводъ къ войнѣ.

Какъ прежде, такъ и теперь, стремленіе къ сохраненію такъ называемаго политическаго равновѣсія можетъ вызывать между государствами значительныя осложненія и столкновенія, иногда оканчивающіяся войною. Однѣми изъ главныхъ причинъ нарушенія такого равновѣсія являются, конечно, какія-нибудь неожиданныя и при томъ важныя перемѣны въ исторической жизни извѣстнаго народа, какъ, на примѣръ, революціи, увеличеніе территорій путемъ наслѣдствъ и т. п., которыя заставляютъ сосѣдей вступать въ коллизіи между собою, а также—и эту причину необходимо считать значительною—неравномѣрный приростъ народонаселенія въ какомъ-нибудь одномъ государствѣ по сравненію съ другимъ.

Если возьмемъ для примѣра два государства, стояція приблизительно на одномъ уровнѣ цивилизаціи, то ихъ жизненныя силы болѣе или менѣе прямо зависятъ отъ количествъ ихъ народонаселенія или, говоря математически, прямо пропорціональны этимъ количествамъ. Это ясно изъ того обстоятельства, что чѣмъ больше рабочихъ рукъ, тѣмъ выше матеріальное благосостояніе народа, а также и его военная сила—армія, такъ какъ эта послѣдняя уже всецѣло находится въ зависимости отъ числа единицъ, могущихъ быть призванными въ ея ряды.

¹⁾ См. „Русскій Вѣстникъ“ кн. 4-я 1893 г.

Если же между двумя государствами есть существенная разница въ степени ихъ культуры, то, несомнѣнно, могутъ быть случаи, что преимущество во всѣхъ отношеніяхъ будетъ имѣть государство, хотя и меньшее по количеству народонаселенія, но болѣе цивилизованное. Однако, съ теченіемъ времени, эти пробѣлы и недочеты культуры уничтожатся, такъ сказать, скрасятся, между тѣмъ какъ численное превосходство, можно думать, даже возрастетъ, потому что приростъ народонаселенія у менѣе культурныхъ народовъ болѣе значителенъ.

Вслѣдствіе только-что приведенныхъ соображеній, вопросъ о количествѣ народонаселенія интересуетъ умы какъ ученыхъ, такъ и государственныхъ дѣятелей. Сравнительныя данныя о народонаселеніи и его приростѣ въ разныхъ государствахъ мы и разсмотримъ теперь настолько, насколько это можетъ относиться къ вопросу о войнѣ.

Вопросъ о войнѣ съ цѣлью возстановленія равновѣсія, нарушеннаго чрезвычайнымъ приростомъ населенія въ одномъ государствѣ, по сравненію съ сосѣдними странами, съ давнихъ временъ составлялъ предметъ обсужденія для теоретиковъ международного права. Слѣдуя за Гуго Гроціемъ, Кантъ формулировалъ высказанные большинствомъ ихъ взгляды такимъ образомъ, что „народамъ принадлежитъ право всячески охранять свое существованіе и стремиться всѣми мѣрами къ наибольшему развитію, насколько это, впрочемъ, не угрожаетъ развитію сосѣдей“.

Но сущность вопроса представляется въ невозможности согласить право одного государства на усиленіе съ такимъ же правомъ сосѣдей, а сверхъ того въ трудности найти помѣщеніе для прибывающаго населенія; а потому немудрено, что вопросъ этотъ остается спорнымъ по соображеніямъ свойства практическаго.

Люди государственные по необходимости мало обращаютъ вниманія на взгляды ученыхъ, а только взвѣшиваютъ еще во время мира, на сколько усиленіе одного государства, совершающееся естественнымъ и мирнымъ путемъ быстро прироста населенія, представляетъ опасности для другаго государства, а стало быть, можетъ дать послѣднему поводъ для войны съ первымъ. При этомъ принимается въ соображеніе вся совокупность условій, то-есть вѣроятность не только успѣха или неуспѣха возможной войны, но и тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какія могутъ ослабить значеніе успѣха, а тѣмъ болѣе

усилить ужасъ пораженія, причемъ взвѣшиваются и самыя факторы, обусловливающіе разность въ приростѣ. При разсмотрѣніи вопросовъ, включаемыхъ будущей войною или хотя бы бѣльшей или меньшей ея вѣроятностью, мы должны принять въ расчетъ не только объективную ея перспективу, но еще и тотъ субъективный элементъ, который представляется въ заботахъ и сомнѣніяхъ, на какія неизбѣжно наводятъ въ томъ или другомъ государствѣ самыя предвидѣнія войны. Этотъ элементъ также имѣетъ свое особое значеніе, такъ какъ онъ не можетъ не вліять на степень рѣшимости того или другаго государства къ почину въ войнѣ.

1.

Во Франціи приростъ народонаселенія крайне малъ и почти доходитъ до нуля: въ 1890 году, напримѣръ, число смертей на 38.446 превышало число рожденій. Отсюда прямой выводъ, что могущество французскаго народа должно ослабѣвать, въ сравненіи съ силами другихъ странъ, гдѣ процентъ увеличенія народонаселенія болѣе нормаленъ. Не будемъ, однако, упускать изъ вида того обстоятельства, что такое положеніе вещей имѣетъ, хотя бы временно, и нѣкоторыя хорошія стороны. Дѣло въ томъ, что при такомъ слабомъ и незначительномъ приростѣ народонаселенія, въ государствѣ является бѣльшій просторъ для труда, болѣе, такъ сказать, мѣста и менѣе борьбы для развитія производительныхъ силъ. Кромѣ того, народъ тратитъ меньше средствъ на воспитаніе и образованіе подросткающаго поколѣнія, а тѣмъ самымъ болѣе сберегаетъ; далѣе, капиталы не раздробляются, какъ это можно видѣть въ другихъ, болѣе населенныхъ, государствахъ, и вслѣдствіе того матеріальное благосостояніе увеличивается.

Конечно, для человѣка неблизорукаго такіе факты все-таки не устраняютъ того результата, что силы Франціи съ каждымъ годомъ истощаются и слабнутъ въ сравненіи съ силами сосѣдей. Но для массы, живущей настоящимъ, будущее заслуживаетъ обманчивымъ блескомъ временнаго благополучія.

Положеніе этого дѣла въ Австріи также не особенно благоприятно для будущаго. Габсбургская монархія, какъ извѣстно, представляетъ собой соединеніе разнородныхъ, не только по языку, религіи, нравамъ и обычаямъ, но даже по своимъ физическимъ качествамъ народовъ, вслѣдствіе чего степень прироста тамъ очень неодинакова. Въ Венгрии и Чехіи, напримѣръ,

ежегодный приростъ народонаселенія колеблется отъ 0,6‰ до 0,9‰, въ Галиціи приростъ достигаетъ своего максимума (1‰—1,4‰), хотя, строго говоря, онъ все-таки не великъ. Во всей Австріи, кромѣ Галиціи и Чехіи, приростъ народонаселенія равняется 0,7‰—0,8‰, т. е. почти одинаковъ съ соответственнымъ процентомъ, указаннымъ для Чехіи и Венгріи. Но австрійское правительство не обращаетъ доселѣ особеннаго вниманія на это обстоятельство.

Наоборотъ, германское правительство очень заботливо относится къ этому вопросу, хотя цифры показываютъ, что въ Германіи приростъ народонаселенія не особенно малъ. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ, въ Германіи числилось населенія:

		Ежегодный процентъ прироста составлялъ:	
Въ 1835 году	23.635.000	—	
„ 1850 „	29.934.000	1,8%	
„ 1870 „	38.891.000	1,5‰	
„ 1880 „	44.564.000	1,5‰	
„ 1890 „	49.418.000	1,1‰	

И такъ, можно сказать, что вообще приростъ населенія не малъ, но этотъ процентъ систематически понижается. Но, кромѣ этого обстоятельства, германское правительство обезпечено другимъ, не менѣ важнымъ—эмиграціею. Обращаясь къ цифрамъ, мы увидимъ, что въ нѣкоторые годы эмиграція доходила до огромныхъ размѣровъ.

Такъ:

Въ 1871 году эмигрировало	75.912	человѣкъ	
„ 1872 „ „	125.650	„	
„ 1875 „ „	30.773	„	
„ 1879 „ „	33.327	„	
„ 1880 „ „	106.190	„	т. е. 0,3% всего населенія.
„ 1881 „ „	210.547	„	
„ 1882 „ „	193.869	„	
„ 1885 „ „	107.238	„	
„ 1886 „ „	79.875	„	
„ 1889 „ „	90.259	„	
„ 1890 „ „	91.925	„	или 0,2 всего населенія.

Къ этому надо прибавить, что эти цифры не вполне точны, такъ какъ представляютъ только количества эмигрантовъ, от-

правляющихся изъ германскихъ портовъ. Числа же лицъ, эмигрирующихъ черезъ Бельгію, Францію, Англію, Италію и Россію, совершенно не контролируются. Слѣдовательно, мы не ошибемся, если скажемъ, что послѣдніе годы даютъ цифру эмигрирующихъ гораздо большую, нежели она была лѣтъ 20 тому назадъ. Дойдя до максимум'а въ 1881—1882 годахъ, она затѣмъ, правда, падаетъ, но съ 1889 года она снова начинаетъ возрастать.

Причины столь страннаго на первый взглядъ явленія весьма многочисленны и разнообразны. Несомнѣнную роль въ этомъ вопросѣ играютъ, конечно, расовыя особенности германскаго племени, затѣмъ уже болѣе частныя обстоятельства, какъ-то: малая производительность земли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и вообще неудовлетворительное экономическое положеніе, вызванное густотою народонаселенія и слишкомъ отяготительными налогами, а также, какъ многіе доказываютъ, спеціально воинская повинность. Кромѣ этого, надо предположить, что не малое значеніе имѣютъ въ этомъ дѣлѣ политическія и религіозныя отношенія.

Переселенецъ изъ Германіи очень цѣнится за границею своего отечества. Въ нѣкоторыхъ, хотя и не во всѣхъ странахъ, онъ, пробывъ нѣсколько времени на чужбинѣ, ассимилируется съ окружающею средою, и тогда трудъ его обращается вполне на пользу принявшей его страны.

Въ виду всего этого, въ Германіи давно уже горько жалуются на то, что ея силы текутъ на обогащеніе другихъ, иногда даже непріязненныхъ ей народовъ. Давно уже слышатся также требованія мѣръ для регулированія эмиграціи такимъ образомъ, чтобы она не совсѣмъ терялась для Германіи и чтобы самыя ея размѣры уменьшились.

Между тѣмъ славянское племя быстро размножается, оставаясь на родной почвѣ, и передъ нимъ открывается перспектива, которую трудно охватить даже воображеніемъ.

Британская раса, постепенно захватывая въ свои руки цѣлыя континенты, распространилась на такихъ пространствахъ, какъ половина Америки, вся Австралія, цѣлыя полосы на берегахъ Африки, и добирается до самой середины „темнаго континента“. На основаніи этого, многіе въ Германіи стали утверждать, что если правительство не приметъ своевременно мѣръ для устраненія эмиграціи, или направленія, ея съ пользою для германской расы, то она, несмотря на свои блестящія побѣды, должна будетъ современемъ сойдти на степень второстепеннаго племени.

Этимъ вопросомъ занялся энергично въ свое время кн. Бисмаркъ. Онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ правильно организовать эмиграціонное движеніе и для этого рѣшился захватить часть Африки и тамъ создать пункты поселеній для эмигрантовъ и условія, которыя бы ихъ привлекали. Однако, такихъ незанятыхъ мѣстностей, которыя бы могли соперничать со странами, куда доселѣ направлялась эмиграція, не оказалось—все лучшее было уже занято.

Кромѣ того, нѣмцы съ незапамятныхъ временъ привыкли стремиться на востокъ—въ Польшу и въ Россію, чему способствовала близость этихъ государствъ къ Германіи. Такимъ образомъ, когда попытка создать въ Африкѣ большія нѣмецкія добровольныя колоніи не удалась, то лозунгъ „Drang nach Osten“ получилъ еще большее значеніе.

Но почти одновременно съ этимъ Востокъ рѣшилъ воспротивиться новому наплыву иноземцевъ. Россія, прежде дававшая привилегіи стремившимся въ ея предѣлы нѣмцамъ, неожиданно ограничила право для нихъ приобрѣтенія земли, пребыванія, отправленія должностей и т. д.

Это было сильнымъ ударомъ для Германіи, тѣмъ болѣе, что протестъ былъ немислимъ, потому что такая политика вполне согласовалась съ политикою кн. Бисмарка, который своимъ примѣромъ показалъ сосѣдямъ, что онъ не стѣсняется съ наплывомъ иноземцевъ. Изъ Восточной Пруссіи совершенно неожиданно было выселено около 30.000 человекъ, которые занимались тамъ добываніемъ себѣ куска хлѣба и вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они были подданными чужой страны.

Какъ бы въ отвѣтъ на это, въ Россіи появились указанная выше ограниченія для переселенцевъ изъ Германіи. Вслѣдствіе того, усилился потокъ германской эмиграціи въ Америку и въ Австралію;—потокъ, представляющій собой невозвратимую потерю массъ людей, находящихся обыкновенно въ томъ возрастѣ, когда они могли бы быть самыми полезными работниками на родинѣ. Переселеніе нѣмцевъ въ пограничныя области Россіи, съ сохраненіемъ ими германскаго подданства, не отрывало ихъ навсегда отъ родины и могло даже подавать надежду на германизированіе этихъ областей въ будущемъ. Но послѣ ограниченія переселенія въ Россію усилилась та эмиграція, которая направляется за океанъ, т. е. теряется для военной службы и для усиленія Германіи въ будущемъ. Въ виду всего этого, ограничительныя правила, поставленныя Россіей, встрево-

жили общественное мнѣніе; слышались голоса, что Германія можетъ быть доведена до безсилія, несмотря ни на какіе милліоны войска, такъ какъ она будетъ съ каждымъ днемъ ближе и ближе подходить къ грани, которая означаетъ чрезмѣрное переполненіе.

Нельзя отрицать, что въ этихъ голосахъ заключается нѣкоторая доля правды. Однако, зло не лежитъ только въ стѣсненіяхъ, созданныхъ для германской эмиграціи Россією.

Если бы это было такъ, то были бы сдѣланы попытки къ тому, чтобы добиться отмѣны этихъ ограниченій путемъ переговоровъ и дать эмиграціи на востокъ — вмѣсто выселенія за океанъ — поддержку, хотя бы рискуя войною.. Но государственные люди не могутъ не принимать въ соображеніе тѣхъ сравнительныхъ выгодъ, какія поселенцы находятъ въ разныхъ странахъ и которыя, главнымъ образомъ, и обусловливаютъ направленіе эмиграціи.

Что германскую эмиграцію и впредь, даже если бы не было ни малѣйшихъ препятствій на восточныхъ окраинахъ, будетъ привлекать Сѣверная Америка, въ этомъ можно убѣдиться изъ обзора мѣстныхъ условій, какъ они излагаются въ оффиціальной статистикѣ Сѣверо-Американскаго союза. Приводимъ относящуюся сюда выписку изъ доклада о переписи¹⁾. „Слѣдуетъ признать, — говорится въ докладѣ — что весьма благопріятными условіями у насъ представляется свобода отъ военной повинности и содержанія постоянной арміи, что позволяетъ населенію обращать свои денежныя тяготы на цѣли производительныя. Такое положеніе и производитъ богатые плоды, несмотря на плохое хозяйство въ двухъ-трехъ изъ нашихъ большихъ городовъ и въ нѣкоторыхъ изъ южныхъ штатовъ. Войско у насъ такое, что оно служитъ только пограничною полиціей. Мы имѣемъ хорошихъ офицеровъ, но карьеру эту избираютъ лишь весьма немногіе, а малочисленность войска не отрываетъ силъ отъ труда. Въ этомъ отношеніи мы находимся въ положеніи гораздо лучшемъ, чѣмъ народы европейскаго материка.

„Стало быть, намъ нѣчего опасаться германской конкуренціи и для насъ нетрудно изгнать нѣмецкіе продукты съ нейтральныхъ рынковъ, которые для насъ столь же близки и доступны, какъ и для Германіи. Въ міровой торговлѣ самая незначительная разница въ цѣнѣ имѣетъ весьма большое значеніе, а бремя расходовъ по содержанію постоянныхъ армій не можетъ не падать именно на производительность страны.

¹⁾ Tenth Census (Statistics of manufacture).

Впрочемъ, потери, какія мы несемъ отъ германской конкуренціи на нейтральныхъ рынкахъ, не такъ велики, какъ тѣ, которыя мы наносимъ германской промышленности, отвлекая отъ нея рабочія силы. Германскіе рабочіе уже знакомы съ Техасомъ. Мы можемъ оказать имъ гостепріимство на 60 тысячахъ квадратныхъ миль; въ одномъ Техасѣ, который самъ уже превосходитъ пространствомъ всю Германскую имперію, они найдутъ для себя просторъ и здоровыя условія быта. Если рабочіе изъ Германіи переселятся въ достаточномъ для того числѣ, то они на поверхности одного Техаса могутъ собирать столько хлопка, сколько его производитъ весь нашъ югъ, т. е. 5 милл. балленовъ, и такое же количество ячменя, какое производитъ нашъ сѣверъ, т. е. 400 милл. бушелей, считая при этомъ сборъ только на тѣхъ земляхъ, которыя доселѣ еще не обрабатываются“.

Передъ нами еще другой документъ, доказывающій, насколько лучше дѣйствительно живетъ эмигрантамъ въ Америкѣ. Недавно опубликованъ чрезвычайно интересный докладъ особой комиссіи, занимавшейся, по порученію вашингтонскаго департамента труда (Department of Labor), изслѣдованіемъ международныхъ условій производства и труда. Въ докладѣ этомъ сравниваются матеріальныя и нравственныя условія, въ которыхъ находятся рабочіе, занятые въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки, Англіи, Франціи, Германіи и Бельгіи добычей каменнаго угля и обработкой желѣза и стали.

Обратимся къ показаннымъ отношеніямъ, такъ какъ они могутъ служить мѣриломъ и относительно другихъ отраслей народнаго труда, и возьмемъ для сравненія Соединенные Штаты и Германію. Годовой заработокъ рабочей семьи въ упомянутыхъ отрасляхъ промышленности представляется въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	Добыча угля.	Желѣзо.	Сталь.
Соединенные Штаты .	2.751 фр.	3.920 фр.	3.317 фр.
Германія	1.957 „	1.411 „	1.250 „

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ Америкѣ доходъ семьи доставляется главнымъ образомъ работой мужа, тогда какъ въ Германіи жена и дѣти въ болѣе значительной мѣрѣ помогаютъ главѣ семьи въ добываніи средствъ существованія. Нужно также имѣть въ виду, что семья въ Соед. Штатахъ состоитъ изъ 4,8 до 5 человѣкъ, въ Германіи же изъ 6 до 7 человѣкъ.

Подраздѣленіе доходовъ на расходныя статьи въ проц. дохода даетъ еще болѣе поучительные результаты.

Чтобы не усложнять расчетовъ, возьмемъ для примѣра рабочую семью, занятую въ одной изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности — желѣзодѣлательной (приводимъ подлинныя цифры).

Расходы:	Соед. Штаты.	Германія.
на жилище	16 проц.	6,2 проц.
„ пищу	41,9 „	51,2 „
„ одежду	18,4 „	19,8 „
„ газеты	1,2 „	0,8 „
„ спиртные напитки	3,7 „	5,1 „
„ табакъ	2 „	1,4 „
„ остальн. расходы .	15 „	16 „

Нельзя не замѣтить, что между тѣмъ, какъ у американскаго рабочаго остальные расходы, послѣ удовлетворенія первыхъ потребностей, составляютъ 562 фр. и сумма эта можетъ быть употреблена въ его пользу, у германскаго рабочаго остается только 232 фр. и изъ нихъ приходится уплачивать крупные налоги.

Американскій рабочій изъ суммы остающихся у него 562 фр., если вѣрить отчету, можетъ дѣлать сбереженія, между тѣмъ какъ германскій рабочій едва сводитъ концы съ концами.

Еще болѣе поразительные результаты получаются при сравненіи нѣкоторыхъ деталей въ жизненныхъ условіяхъ рабочей семьи въ разныхъ странахъ. Стоитъ напр. отмѣтить то обстоятельство, что меньшая, по числу составляющихъ ее членовъ, американская рабочая семья занимаетъ въ среднемъ 6 комнатъ, нѣмецкая даже не цѣлыя 2 комнаты ¹⁾.

Въ Америкѣ около 20 проц. рабочихъ семей живутъ въ собственныхъ домикахъ, а въ Германіи едва 5 проц. Далѣе, на пищу американскій рабочій (при относительно нѣсколько меньшей цифрѣ расхода по этой статьѣ) абсолютно тратитъ значительно больше, нежели рабочіе всѣхъ другихъ странъ. Къ тому же въ Америкѣ пищевые продукты гораздо дешевле, чѣмъ въ Германіи, такъ что американскій рабочій даже при равныхъ расходахъ можетъ питаться лучше. Такъ, мясо въ Германіи на 23 проц. дороже, чѣмъ въ Сѣверной Америкѣ. Равнымъ образомъ масло, хлопокъ, шерсть, кожа и др. предметы потребленія тамъ очень дешевы.

¹⁾ Французская 4 комн., англійская 4,2 комн., бельгійская 3,5 комн.

Далѣе, изъ данныхъ того же доклада, о житьѣ-бытьѣ рабочихъ эмигрантовъ въ сравненіи съ кореннымъ населеніемъ, видно, что въ Соединенныхъ Штатахъ эмигрантамъ - нѣмцамъ живется лучше самихъ янки: въ среднемъ они зарабатываютъ больше рабочихъ всѣхъ другихъ національностей.

Если оказываются такого рода результаты относительно вознагражденія за трудъ, то они обусловливаются прямо тѣмъ, что въ Германіи слишкомъ много населенія.

Съ увеличеніемъ народонаселенія условія жизненныя становятся все труднѣе и труднѣе. Первымъ симптомомъ переполненія страны населеніемъ является то обстоятельство, что земля уже не въ состояніи бываетъ прокормить своихъ обитателей. Требуется подвозъ запасовъ извнѣ, гдѣ есть еще избытокъ насущнаго хлѣба, но такой подвозъ, во-первыхъ, стоитъ дорого, а во-вторыхъ, никогда нельзя ручаться за его постоянство и своевременность.

Ученый географъ и экономистъ Равенштейнъ вычислилъ, что если на всемъ земномъ шарѣ рационально обработать землю, то она въ состояніи прокормить почти 6 миллиардовъ (5.994 милліона) душъ. Между тѣмъ теперь, по приблизительному расчету, все населеніе на землѣ составляетъ лишь около $1\frac{1}{2}$ миллиарда. Принимая во вниманіе, что приростъ народонаселенія въ теченіе 10 лѣтъ составляетъ 8%, можно заключить, что уже около 2072 года, т. е. черезъ 180 лѣтъ, земля будетъ имѣть на своей поверхности максимально-возможное число обитателей.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ земля еще дешева и гдѣ большая часть ея остается еще невоздѣланной, увеличеніе народонаселенія не грозитъ особенной опасностью, по крайней мѣрѣ на долгое время. Въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ находятся, напр., Россія и Соединенные Штаты, заселенные преимущественно—первая славянами а послѣдніе, британскимъ племенемъ. Въ виду этого, нынѣшнія отношенія между народами, какъ въ цивилизованномъ мірѣ, такъ и въ другихъ частяхъ свѣта, завоевываемыхъ цивилизаціею, долго сохраняться не могутъ. Д-ръ Гибб Шлейденъ вычислилъ ¹⁾, на основаніи данныхъ о приростѣ населенія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ — сколько каждая раса будетъ имѣть представителей въ концѣ будущаго столѣтія:

¹⁾ Dr. Hübbe Schleiden „Deutsche Colonisation“.

Численность населенія европейскихъ національностей (въ тысячахъ душъ):

	1850 г.	1875 г.	1980 г.
Германской	52.930	64.470	146.000
Русской	63.010	83.790	275.000
Англійской	55.817	90.564	927.000
Романскаго племени.	113.142	127.588	212.200
Нидерландской	7.500	9.202	20.500
Скандинавскаго племени.	6.272	8.134	24.000

И такъ, германское племя, составлявшее еще въ 1875 году, по своей численности, 71% русскаго и 77% англійскаго племени—уже черезъ сто лѣтъ сойдеть на 53% въ первомъ отношеніи и на 15% во второмъ.

Въ свою очередь, Чарльзъ Дилькъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Problems of greater Britain“ говоритъ: „Главною силою, которая выдвинула и поддерживаетъ наше могущество, было преобладающее положеніе нашего, тѣсно связаннаго между собою, народа. Въ результатахъ его грандіозной дѣятельности не можетъ быть никакого сомнѣнія. Великіе народы Стараго Свѣта, кромѣ англичанъ, будутъ принуждены оставаться въ нѣкоторыхъ границахъ, обусловленныхъ климатомъ. Франція, Германія и другія государства могутъ надѣяться въ будущемъ столѣтіи только на весьма ограниченную роль, а будущность принадлежитъ какъ нашему племени (Англійи и Соединеннымъ Штатамъ), такъ и русскому племени, которое одно на континентѣ Европы обладаетъ неизмѣримыми вѣв-европейскими пространствами урожайной земли, имѣющей такой климатъ, при которомъ возможна всякая ея обработка“.

Въ только-что вышедшемъ изслѣдованіи о народонаселеніи Франціи, сравнительно съ другими странами, Левассёръ приходитъ къ такому выводу: въ общемъ населеніи принятыхъ въ расчетъ государствъ, французскій элементъ составлялъ при Людовикѣ XIV 38 проц., непосредственно передъ Революціею уже только 25 проц., послѣ Ватерлоо 21 проц., послѣ Седана 15 проц., а въ 1891 году уже всего 12 проц. Другой ученый, профессоръ Рише, выступаетъ съ печальнымъ предсказаніемъ, что упомянутое отношеніе къ 1930 году сведется уже на 7 проц.

Отсюда возникаетъ вопросъ, какая же судьба будетъ предстоять Франціи, если она, раньше всѣхъ сосѣдей, перестанетъ пополнять равносильные военные ряды? На правительствѣ лежитъ обязанность употребить всѣ усилія для отвраще-

нія этой „національной опасности“, по справедливому выраженію г. Фрари. Извѣстный статистикъ Фовилль предполагаетъ съ этой цѣлью нѣкоторыя общественныя реформы, благопріятствующія, до извѣстной степени, подъему годичной рождаемости, напр., на 2 рожденія въ каждой общинѣ, въ среднемъ, и такому же уменьшенію смертности. Тогда была бы восстановлена та прогрессія въ ростѣ населенія, какая существовала 25 лѣтъ тому назадъ.

Пока Германія оставалась раздробленной, въ ней не обращали вниманія на грозящую опасность, предполагая, что осуществленіе единства германскаго народа вполне обезпечитъ ему счастливое будущее. Между тѣмъ, только какія-нибудь неожиданныя обстоятельства могли бы измѣнить естественный ходъ вещей, обусловливающій въ будущемъ сравнительное ослабленіе германскаго племени по отношенію къ англійскому и русскому.

Если бы, напр., были найдены совершенно особые способы приготовленія питательныхъ веществъ, то они, конечно, могли бы на долгое время предотвратить кризисъ. Такое предположеніе нельзя отнести только къ фантазіи въ виду того, что уже теперь изъ воздуха химики съ успѣхомъ пробуютъ добывать азотъ, но разсчитывать на такіе гадательные факты невозможно.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ мы, между прочимъ, указали на то обстоятельство, что Германія нуждается во ввозѣ въ свои границы значительнаго количества хлѣба, мяса и другихъ продуктовъ, стараясь, въ свою очередь, высылать за свои предѣлы какъ можно болѣе издѣлій своихъ рукъ и фабрикъ. Вывозъ издѣлій изъ Германіи, вслѣдствіе ихъ дешевизны, значителенъ—въ Америку и въ европейскія страны, особенно въ Россію. Но это явленіе нельзя считать постояннымъ. Соединенные Штаты сами идутъ исполинскими шагами въ развитіи своей промышленности и уже теперь думаютъ о захватѣ всемірныхъ рынковъ, а спросъ въ Россіи на нѣмецкія издѣлія, за послѣднее время крайне уменьшился.

А между тѣмъ послѣднія данныя представляютъ положеніе вещей въ не совсѣмъ благопріятномъ свѣтѣ. Однодневная перепись 1 декабря 1890 года дала цифру народонаселенія въ Германіи—въ 49.423.000 душъ. Такимъ образомъ, приростъ населенія за послѣднія десять лѣтъ выразился въ почтенной цифрѣ—4 милліоновъ, для которыхъ необходимо соотвѣтственное увеличеніе средствъ для существованія. На основаніи вычисленій,

произведенныхъ ученымъ статистикомъ Фихбаномъ, можно видѣть, что въ продолженіе года на потребленіе одного человѣка необходимо: 362 фун. зерна ¹⁾, 51 фун. мяса, 360 литровъ молока, 60 шт. яицъ, 2½ фунта шерсти, 5 аршинъ льняной ткани и 16 аршинъ шерстяной ткани.

Къ этому, конечно, надо присоединить расходы на помещеніе, отопленіе, освѣщеніе, мебель и т. п.

Для 4.000.000 человѣкъ получимъ соотвѣтственно слѣдующія цифры, показывающія—насколько, вслѣдствіе прироста, увеличились потребности населенія:

14,4	милліоновъ	центнеровъ	зерноваго	хлѣба.
2	"	"	мяса.	
1440	"		литровъ	молока.
240	"		штукъ	яицъ.
около	9	милліоновъ	фунтовъ	шерсти.
"	20	"	аршинъ	льняной
"	64	"	"	шерстяной "

Эти цифры ясно доказываютъ, какъ громадно было увеличеніе потребностей: 14½ милліоновъ центнеровъ зерноваго хлѣба могутъ быть получены при приблизительномъ разсчетѣ съ 700.000 гектаровъ земли, а 1½ милліарда литровъ молока могутъ быть получены только отъ милліона коровъ. Гдѣ же брать эти средства, какъ удовлетворить съ каждымъ годомъ увеличивающіяся потребности?

Отвѣты ученыхъ, занимающихся этими вопросами, сводятся къ слѣдующему: „Государство, которое принуждено пользоваться хлѣбомъ и мясомъ, привозимыми извнѣ, ставить свое существованіе въ полную зависимость отъ весьма переменныхъ условій международной торговли. Нельзя допустить, чтобы такое государство, какъ Германія, мирилось со столь мало обеспеченнымъ существованіемъ. Надо—это есть задача всякаго цивилизованнаго народа—освободить себя отъ этихъ узъ и удовлетворять свои потребности средствами, взятыми изъ собственныхъ источниковъ“ ²⁾.

¹⁾ Послѣднія вычисленія даютъ даже цифру—570 фун., но мы оставимъ цифру, принятую авторомъ, чтобы не вставлять въ столь щекотливомъ вопросѣ собственныхъ разчетовъ.

²⁾ „Die Bevölkerungsfrage in ihrer Beziehung zu den sozialen Nothständen der Gegenwart“. Dr. Zacharias. Jena. 1892.

2.

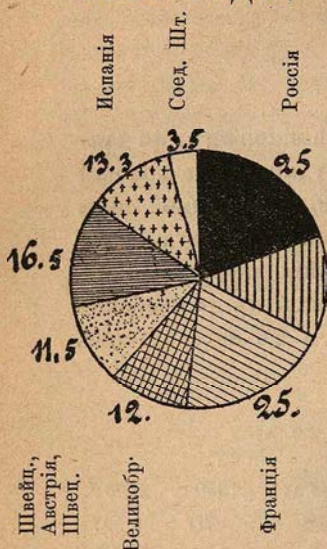
Изъ вычислений, сдѣланныхъ Hübbe Schleiden'омъ, по даннымъ Равенштейна, для отдѣльныхъ государствъ и колоній въ нынѣшнихъ ихъ границахъ, на основаніи нынѣшней силы прироста населенія и возможности добыванія пропитанія въ каждомъ изъ нихъ, получаются слѣдующія цифры, представляющія отношенія между населеніемъ ихъ въ не особенно отдаленномъ прошедшемъ, въ настоящемъ и въ не слишкомъ далекомъ будущемъ.

Населеніе (въ милліонахъ):

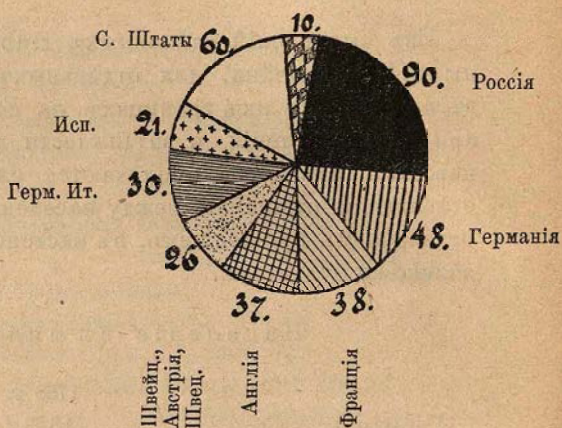
	1788 г.	1888 г.	1950 г.	2000 г.
Германія	15,5	48	70	80
Европ. Россія	25	90	200	300
Швейцарія	11,5	26	33	40
Австрія				
Швеція				
Норвегія				
Голландія	3,5	60	200	400
Соединенные Штаты				
Великобританія	12	37	50	60
Канада	—	10	59	140
Австралія				
Капладія				
Франція	25	38	44	50
Испанія	13,3	21	24	30
Италія	16,5	30	40	50

Отсюда видно, какимъ значительнымъ перемѣнамъ подвергается количественное отношеніе населенія, а значитъ и сила государствъ. Сто лѣтъ тому назадъ населеніе Германіи составляло $\frac{3}{5}$ народонаселенія Россіи, въ настоящее время равняется только $\frac{1}{2}$, черезъ 50 лѣтъ будетъ составлять $\frac{1}{3}$, черезъ сто лѣтъ уже всего $\frac{1}{4}$. Для того чтобы яснѣе представить картину этого столь важнаго явленія, мы позволимъ себѣ привести изъ статьи *Blicke in die Zukunft*, помѣщенной въ „*Deutsche Kolonial Zeitung*“ графическое изображеніе интересующаго насъ вопроса:

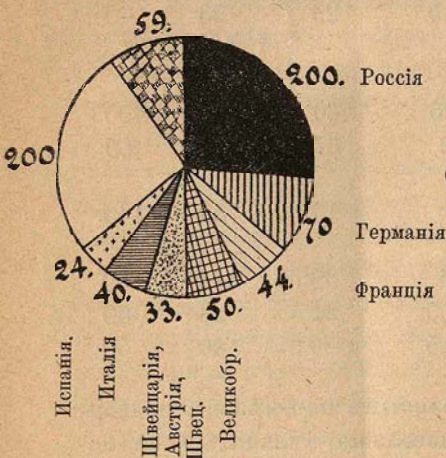
1788 годъ.

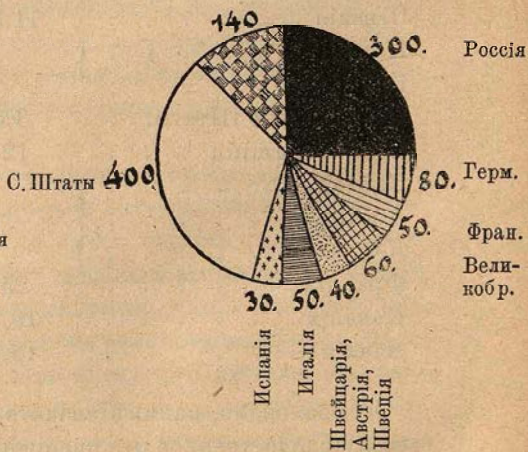
1888 годъ.

1950 годъ.

2000 годъ.

Если же возьмемъ не только Европейскую Россію, но и Азіатскую, то тогда для двухъ-тысячнаго года будемъ имѣть цифру уже не въ 300 милліоновъ, но 340 и даже 350, каковая перемѣна во всякомъ случаѣ не можетъ клониться въ пользу Германіи. Если примемъ приростъ народонаселенія въ Германіи въ 11,7 на 1000 душъ ежегодно, то увидимъ, что черезъ 100 лѣтъ

Германія могла бы имѣть жителей 170.000.000. Но, во-первыхъ, въ такомъ случаѣ не будетъ принята во вниманіе эмиграція, а во-вторыхъ, при такомъ разчетѣ, на каждый квадратный километръ земли во всемъ государствѣ приходилось бы 300 чело-вѣкъ населенія, а такого количества ни одна страна прокормить не могла бы. Существуютъ, правда, оптимисты, которые утверждаютъ, что въ случаѣ необходимости на нѣмецкой почвѣ появится другой Justus von Liebig, который научить свой народъ, какъ увеличить производительность земли, но само-собою разумѣется, подобныхъ фантазій нельзя принимать въ соображеніе при разработкѣ серьезныхъ вопросовъ. Можно вполне логично предположить, что въ странахъ, близкихъ къ переросту народонаселенія, ежегодный процентъ прироста будетъ уменьшаться, по причинамъ или нравственныхъ вѣяній, являющихся въ смыслѣ ослабленія производительныхъ силъ народа, какъ это мы видимъ во Франціи, или же вслѣдствіе возрастанія эмиграціоннаго движенія, какъ это и происходитъ въ Германіи, и, наконецъ, дойдя до какой-нибудь величины остановиться.

Въ такомъ случаѣ число жителей Германской имперіи въ 2000 году будетъ ниже цифры 80.000.000. Между тѣмъ какъ въ Америкѣ и въ Россіи до такого, вообще, положенія дѣло дойти не можетъ, такъ какъ обѣ эти страны находятся еще очень далеко отъ чрезмѣрнаго числа народонаселенія, да кромѣ того, онѣ поставлены въ такія условія, что могутъ съ успѣхомъ расширять, по степени надобности, свою территорію.

Эти виды несомнѣнно беспокоятъ Германію, но не въ одинаковой степени. Быстрое разрастаніе Америки, т. е. англійской національности, можетъ только затрогивать самолюбіе нѣмцевъ, но не представляетъ особенной опасности, во-первыхъ, потому, что это развитіе чисто промышленное, во-вторыхъ, въ виду положенія Соединенныхъ Штатовъ по ту сторону океана и, наконецъ, въ виду отсутствія какой-либо вѣковой вражды между національностями британскою и нѣмецкою.

Другое дѣло — Россія. Здѣсь отсутствіе какой-либо естественной преграды между соприкасающимися на длинной полосѣ государствами — все это вызываетъ опасенія и представляетъ поводы къ войнѣ.

Кромѣ того, Германская имперія заключаетъ въ своихъ предѣлахъ значительную часть земли, нѣкогда принадлежавшей

племенамъ славянскимъ. Да и нынѣ въ восточныхъ ея провинціяхъ насчитывается 7.410.000 жителей, говорящихъ на языкѣ славянскомъ и во всякомъ случаѣ недовольныхъ своимъ теперешнимъ политическимъ положеніемъ. Предположивъ даже, что это недовольство никогда бы не выразилось реально, нѣмцы все-таки всегда должны быть на-сторожѣ по отношенію къ этому, враждебному имъ, элементу.

Такимъ образомъ, усиленіе Россіи является для Германіи вопросомъ, которымъ стоитъ заняться и который вызываетъ у руководителей германской политики естественное желаніе если не сломить, то хотя бы ослабить возрастающее могущество своего сосѣда.

Здѣсь должно обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Въ Германіи число ремесленниковъ постоянно увеличивается, а число земледѣльцевъ падаетъ, а въ этомъ можно видѣть явленіе неблагопріятное для военной обороны.

Земледѣлецъ болѣе выносливъ въ отношеніи климатическихъ перемѣнъ и условій лагерной жизни, скорѣе можетъ ориентироваться въ полѣ, нежели городской житель-ремесленникъ.

На эту тему Горгенъ, авторъ недавно изданной брошюры, расхваленной въ „Militär Zeitung“, рисуетъ мрачными красками вѣроятные результаты такой перемѣны въ составѣ населенія.

Изъ послѣднихъ оффиціальныхъ данныхъ, говоритъ онъ, видно, что на 1.000 мужчинъ-земледѣльцевъ вступаютъ въ военную службу 11 чел., а въ промышленныхъ округахъ—только 3. Эти цифры краснорѣчивы. Въ настоящій моментъ населеніе городовъ въ Германіи составляетъ около 12 милл.; стало быть, отношеніе между контингентами, дѣйствительно вступающими въ военную службу изъ городскихъ центровъ и селеній, составляетъ 1 къ 1¹/₂. Тридцать лѣтъ назадъ отношеніе было 1 къ 2, а стало быть, еще послѣ 30 лѣтъ, если не произойдетъ чего-либо чрезвычайнаго, отношеніе выразится уже какъ 1 къ 1, показывая тѣмъ, что число городского населенія въ имперіи сравнялось съ числомъ населенія сельскаго.

Въ виду такого результата, Горгенъ говоритъ: „все наше населеніе должно сдѣлаться болѣе деревенскимъ (sich verbaucern), то-есть, крестьянинъ долженъ сильнѣе привязаться къ своему земельному участку, а фабричный пусть бы сдѣлался владѣльцемъ хотя малаго куска земли, хоть огорода или сада, работа на которыхъ обезпечитъ ему здоровье тѣла и

духа“ Къ подобному, болѣе или менѣе, результату стремился проектъ опредѣленія неотчуждаемыхъ минимальныхъ участковъ земли (homestead), который поддерживался покойнымъ Мольтке.

Изъ только-что изложенныхъ видовъ на будущее слѣдовало бы, что народы, которымъ грозитъ ослабѣніе вслѣдствіе условій прироста, должны бы быть готовы начать войну хоть сейчасъ съ другими народами, поставленными въ болѣе благопріятныя для будущаго развитія условія. Но дѣло въ томъ, что есть обстоятельства, которыя этого не допускаютъ или этому противодѣйствуютъ.

Самая удачная война для Германіи, вслѣдствіе особыхъ условій, не могла бы измѣнить на благопріятное положенія ея относительно неравномѣрности прироста населенія.

Но дабы причины были понятны, необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое будетъ будущая война; безъ этого, всѣ выводы наши о невозможности для Германіи получить благопріятныя послѣдствія даже въ случаѣ самыхъ блестящихъ побѣдъ, которыя бы сдѣлали возможнымъ для нея пріобрѣтеніе новыхъ значительныхъ территорій на западѣ или востокѣ, страдали бы бездоказательностью.

II.

Необходимость ознакомленія съ техническими условіями будущей войны.

Приступая къ выполненію этой задачи, мы предвидимъ упреки въ томъ, что привялись писать о военномъ дѣлѣ безъ должной подготовки и непосредственнаго знакомства съ предметомъ. Но въ этомъ отношеніи у насъ не было выбора.

Не ознакомившись съ техникой войны, мы не были бы въ состояніи уяснить себѣ, что, именно, будетъ главнымъ, опредѣляющимъ ее условіемъ. Мы не имѣли бы возможности съ точностью обозначить границы, гдѣ кончается дѣйствіе опредѣлимыхъ законовъ и гдѣ начнутся явленія характера случайнаго. Словомъ, не ознакомивъ читателя съ самой войной, съ ея сущностью, мы не могли бы дать ему ключа къ распознаванію причинъ отъ слѣдствій.

Дойти до какого-либо результата возможно лишь при тща-

тельномъ ознакомленіи съ самой сущностью войны, со всѣми ея особенностями.

1.

Цѣль и сфера изслѣдованій.

Двадцать лѣтъ тому назадъ сравнительно легко было охарактеризовать будущую войну, опредѣлить ея возможное теченіе, предвидѣть результаты и слѣдствія. Для этого стоило только обратиться къ изученію двухъ-трехъ послѣднихъ международныхъ столкновеній, ввести въ формулы дѣйствовавшихъ силъ и понесенныхъ потерь, а также пертурбацій, новыя данныя, соотвѣтствующія современности, и затѣмъ получились бы приблизительно вѣрныя заключенія.

Но за послѣдніе десятки лѣтъ въ военномъ искусствѣ произошли во всѣхъ отношеніяхъ большія перемѣны, цѣлыя даже, такъ сказать, перевороты. Прежде всего кореннымъ образомъ измѣнилось отношеніе между самыми элементами, участвующими въ войнѣ, отъ которыхъ зависитъ ея ходъ и теченіе, тѣмъ болѣе, что на полѣ сраженія, вмѣсто солдатъ по призванію, явятся теперь цѣлыя народы со свойственными имъ качествами и недостатками.

Полное уразумѣніе условій войны нынѣ тѣмъ труднѣе, что, съ одной стороны, она будетъ располагать такими средствами нападенія и защиты, которыхъ дѣйствіе еще не было провѣрено на дѣлѣ, а съ другой—въ ней нельзя уже видѣть нѣчто механическое только, какъ смотрѣли на прежнія войны, не придавая особаго значенія факторамъ психическимъ, именно потому, что войска состояли сперва изъ солдатъ завербованныхъ, а впослѣдствіи хотя и взятыхъ по набору, но служившихъ долгіе сроки, словомъ—изъ солдатъ по профессіи.

Знаменитый полководецъ XVIII столѣтія Морицъ Саксонскій (незаконный сынъ польскаго короля Августа II), говорилъ: „Военное искусство покрыто тѣнью, невозможно ставить среди этой тѣни твердые шаги. Основаніемъ военнаго дѣла являются рутиня и повѣрья... дѣти безсознательности“.

Въ настоящее время происходитъ переломъ и поворотъ. Невозможно уже держаться рутины; условія борьбы, не только въ сравненіи съ войнами XVIII и половины XIX вѣка, но и въ сравненіи съ послѣдними кампаніями, подверглись столь рѣ-

шительнымъ и замѣтнымъ измѣненіямъ, что обратили на себя вниманіе даже самыхъ закоренѣлыхъ рутинистовъ. Генераль Леваль говоритъ: „Военное искусство преобразуется все замѣтнѣе въ науку; знаніе, интеллектуальное развитіе и гражданскія добродѣтели пріобрѣтаютъ все большее значеніе, оттѣсня на второй планъ отвагу и физическія достоинства.

Подобно тому, какъ въ прочихъ областяхъ знанія, ориентировка среди явленій, представляющихся началомъ новой эпохи, весьма трудна. Но чѣмъ труднѣе задача, тѣмъ болѣе она интересуется и привлекаетъ умы.

Современный мыслитель цивилизованной и менѣе другихъ увлеченной вѣяніемъ милитаризма Англіи, Багеготъ, говоритъ, что „прогрессъ военнаго искусства является самымъ замѣчательнымъ и величественнымъ явленіемъ въ исторіи человѣчества“.

Война переходила въ своемъ развитіи черезъ всѣ формы, соотвѣтствующія различнымъ фазисамъ социальнаго устройства. Въ далекомъ прошедшемъ она имѣла форму единоборства, потомъ сдѣлалась нападеніемъ одного рода на другой, первобытной орды на родственныя или чуждыя племена, изъ-за желанія овладѣть пастбищами или захватить собранныя богатства. Потомъ является борьба соперничавшихъ между собою князей. Въ настоящее время война приняла форму борьбы цѣлыхъ націй, живущихъ широкой, сложной жизнью, а потому размѣры и задачи современной войны соотвѣтствуютъ этой сложности. Современное оружіе и средства борьбы являются, такъ сказать, послѣднимъ словомъ изобрѣтательности и творческой дѣятельности человѣка по настоящее время.

Элементами борьбы въ будущей войнѣ явятся всѣ нравственныя и умственныя средства націй, все могущество современной цивилизаціи, всѣ техническія усовершенствованія, чувства, характеры, умы и воля. Современныя военныя средства это—плоды всей культуры цивилизованнаго міра, а потому они и заслуживаютъ ознакомленія съ ними всего общества. Въ западныхъ государствахъ, особенно со времени введенія всеобщей воинской повинности, интересъ къ вопросамъ военнаго дѣла сталъ распространяться во всѣхъ слояхъ общества.

Военные писатели выводятъ изъ опыта прошлыхъ войнъ, что главныя основанія военнаго дѣла, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, должны быть извѣстны населенію, которое, въ случаѣ войны, станетъ въ рядахъ арміи и отъ образа дѣйствій кото-

раго зависить исходъ кампаніи. Недостаточно того, чтобы только состоящіе на дѣйствительной службѣ офицеры и рядовые знали, съ чѣмъ имъ придется встрѣтиться въ будущей войнѣ. Въ ряды арміи станутъ призванные въ громадномъ числѣ офицеры и солдаты запаса, въ теченіе многихъ лѣтъ не причастные къ военнымъ упражненіямъ. Поэтому во всѣхъ государствахъ появляются популярныя сочиненія и книжки, имѣющія цѣлью ознакомить публику съ техникой современной войны.

У насъ же отношенія иныя, а потому нѣтъ и соотвѣтствующей литературы. Интересъ къ войнѣ, къ ея вѣроятнымъ теченіямъ и результатамъ нерѣдко пробуждается и у насъ, но не оказывается данныхъ, по которымъ можно было бы создать себѣ хоть кой-какое понятіе о томъ, что будетъ при войнѣ. Послѣдствіемъ этого являются ошибочныя мнѣнія. Такая неприготовленность общества къ явленію, которое можетъ застигнуть насъ неожиданно, представляетъ своего рода опасность.

Поэтому намъ казалось, что, несмотря на возможные оспариванія не-военному автору права говорить о войнѣ, мы окажемъ услугу читателямъ, познакомивъ ихъ съ тѣмъ, чѣмъ будущая война будетъ совершенно отличаться отъ войнъ прежнихъ временъ.

2.

Противорѣчія во взглядахъ специалистовъ на характеръ будущей войны

Во всякой арміи, какъ извѣстно, имѣются особыя наставленія объ упражненіяхъ войскъ въ мирное время и ихъ приготовленіи къ исполненію задачъ на полѣ брани. Мы полагали возможнымъ ограничиться сравненіемъ этихъ наставленій и учебниковъ тактики и стратегіи съ тѣми, которые употреблялись лѣтъ двадцать тому назадъ.

Какъ только, однако, мы пожелали вывести изъ употребляемыхъ въ военныхъ училищахъ книгъ общія заключенія, то сразу попали въ лѣсъ непримиримыхъ противорѣчій, исключаяющихъ одно другое. И да не думаетъ читатель, что это противорѣчія кажущіяся таковыми только неспециалисту. Генераль Люзе, весьма свѣдущій специалистъ, говоря о Франціи, замѣчаетъ ¹⁾: „Кто не изумлялся различіямъ во взглядахъ, встрѣчаемыхъ въ учебникахъ нашихъ школъ, и притомъ по вопро-

¹⁾ „Études de tactique“. Paris. 1890.

самъ, касающимся существенныхъ положеній тактики? Развѣ свѣдѣнія, сообщаемыя пѣхотнымъ офицерамъ въ низшихъ училищахъ, согласны съ тѣмъ, чему они учатся въ высшемъ военномъ учебномъ заведеніи? Развѣ ученіе этой высшей школы соотвѣтствуютъ курсамъ прикладной школы (*École d'application*)? Развѣ не измѣняются часто и рѣшительно идеи, провозглашаемыя на кафедрахъ высшаго военного училища? Это хаосъ понятій и принциповъ, борющихся между собою, и изъ этой борьбы не исходитъ лучъ свѣта. Неудивительно, что офицеры говорятъ: „зачѣмъ учиться? пусть сначала преподаватели согласятся между собою“.

Въ виду невозможности воспользоваться наставленіями учебниками, мы очутились передъ дилеммой: или исключить разсужденія о вліяніи будущихъ потерь на общественныя отношенія, что не только урѣзало бы нашъ трудъ, но и сдѣлало бы его излишнимъ, такъ какъ вопросъ о потеряхъ, въ связи съ современнымъ положеніемъ и устройствомъ западныхъ государствъ, имѣетъ первостепенное значеніе; или же избрать одного автора, держаться его взглядовъ, брать все свѣдѣнія исключительно изъ его сочиненій, и на этомъ основаніи строить все предположенія о будущей войнѣ. Такого сочиненія мы, однако, искали напрасно.

Единственнымъ, можно сказать, классическимъ сочиненіемъ, которое сколько-нибудь отвѣчаетъ нашимъ требованіямъ и заслуживаетъ внимательнаго прочтенія, является книга барона Гольца „*Das Volk im Waffen*“. Но сочиненіе это написано ранѣе, чѣмъ были введены въ употребленіе новое вооруженіе и бездымный порохъ, и, кромѣ того, недостаточно разъясняетъ вліяніе успѣховъ военной техники на экономическую и социальную жизнь. Намъ оставалось затѣмъ приняться за изученіе ряда специальныхъ трудовъ, чтобы уяснить себѣ различіе прошедшихъ и современныхъ войнъ. Мы встрѣтились тутъ съ необыкновеннымъ разнообразіемъ взглядовъ и мнѣній.

Чтобы дать читателю понятія о противорѣчіяхъ, встрѣчаемыхъ здѣсь на каждомъ шагѣ, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Нѣкоторые военные писатели утверждаютъ, что новый порохъ плохо сохраняется въ складахъ и легко подвергается порчѣ; другіе высказываютъ противоположное мнѣніе.

Не менѣе разногласій встрѣчается и по вопросу о преимуществахъ магазинныхъ ружей надъ однозарядными. Нѣкоторые настаиваютъ на томъ, что магазинныя ружья не принесутъ никакой пользы и поведутъ только къ лишней тратѣ зарядовъ.

Такъ же сильно расходятся въ мнѣнiяхъ о калибрѣ ружей. Многiе полагаютъ, что minimum должно составлять оружье, принятое въ русской армiи, въ 7,5 милим., причемъ каждый солдатъ будетъ имѣть возможность носить при себѣ 150 патроновъ; другiе же идутъ дальше, доказывая, что можно довести калибръ до 3-хъ милим., съ тѣмъ, чтобы дать солдату возможность держать при себѣ 575 зарядовъ, образуя, такимъ образомъ, изъ cadaго батальона настоящiй вулканъ, извергающiй постоянный огненный градъ.

Опыты показали, что для пораженiя отдѣльно стоящаго человѣка необходимо послать ружейныхъ пуль:

Для пораженiя:		
На разстоянiи:	пѣхотинца.	кавалериста.
200 метровъ.	4,1	2,5
400 „	14—15	7

Въ теченiе нѣсколькихъ минутъ каждый стрѣлокъ можетъ выпустить изъ новаго ружья около 150 пуль. Сила удара при этомъ такъ велика, что пуля проходитъ послѣдовательно черезъ 5—6 стоящихъ другъ за другомъ человѣкъ въ разстоянiи 100 метровъ отъ стрѣлка. Пройденный путь такъ мало влiяетъ на дѣйствительность пули, что на разстоянiи 2.000 метровъ она въ состоянiи поразить двухъ стоящихъ, другъ за другомъ, людей. Изъ этихъ данныхъ нѣкоторые писатели выводятъ заключенiе, что даже при одномъ ружейномъ огнѣ невозможно будетъ приблизиться къ рядамъ непрiателя.

Что же сказать о дѣйствии артиллерiйскаго огня: батареи будутъ выбрасывать бомбы и шрапнели, содержащiя въ себѣ до 1.500 небольшихъ пуль, и гранаты, начиненныя новымъ взрывчатымъ матеріаломъ, взрывающiя на значительномъ разстоянiи все, что находится въ районѣ мѣста паденiя.

Сраженiя будущей войны до того будутъ кровопролитны, что ни одна изъ сторонъ не будетъ въ состоянiи праздновать своей побѣды. Образуется поясъ въ 1.000 метровъ ширины съ обѣихъ сторонъ, обозначенный пораженными человѣческими тѣлами, надъ которымъ будутъ летать тысячи пуль и снарядовъ, — поясъ, черезъ который ни одно живое существо не будетъ въ состоянiи перешагнуть.

Но высказывается и такой взглядъ: вы были бы вполне правы, еслибъ поля сраженiй помѣщались на площади для ученiй, разстоянiя до цѣли были извѣстны и стрѣляющiе были обезпечены, какъ на ученiи, что не будутъ поражены непрiатель.

ской пулей, а также еслибы поля сраженій представляли собою совершенно ровное пространство; между тѣмъ, въ природѣ такіа мѣстности встрѣчаются довольно рѣдко, а войска воспользуются охраной лѣсовъ и зарослей, возвышенностей и низменностей, и скрываясь за первыми линіями стрѣлковъ, которыя составятъ „den Kugelfang“, послѣдующія линіи будутъ подвигаться съ гораздо меньшими потерями.

Но на это возражаютъ: за приближеніемъ непріятеля не трудно будетъ услѣдить высшимъ начальствующимъ лицамъ съ воздушныхъ шаровъ, а другимъ съ постоянныхъ и подвижныхъ наблюдательныхъ пунктовъ, которые поставлены будутъ каждымъ отрядомъ, намѣревающимся занять позицію. Поэтому, при дальнобойности современнаго оружія, когда уже при разстояніи въ 2.000 метровъ пуля описываетъ дугу въ 75 метровъ высоты, возможно будетъ обстрѣливаться изъ-за лѣсовъ и кустовъ, изъ-за неровностей почвы.

Нѣтъ основанія допустить, что противникъ выберетъ, именно, тѣ мѣстности, которыя не дадутъ ему возможности воспользоваться дальнобойностью ружей и орудій, а на разстояніяхъ болѣе близкихъ—минами. Сверхъ того, противникомъ, кромѣ окоповъ и насыпей, могутъ быть возведены и другія препятствія, для уничтоженія которыхъ потребуется не мало времени, находясь на близкихъ дистанціяхъ, въ болѣе или менѣе сомкнутыхъ массахъ, подъ постояннымъ огнемъ.

На это отвѣчаютъ, что, именно, на близкихъ разстояніяхъ, смертоносность, несмотря на несомнѣнное совершенство баллистическихъ качествъ новаго оружія, будетъ не велика. Когда непріятель находится близко, состояніе солдатъ слишкомъ нервное; они плохо или совсѣмъ не цѣляютъ, а современное совершенное ружье стоитъ тогда столько же, сколько лукъ и вилы какихъ-нибудь варваровъ.

Вслѣдствіе дальнобойности современнаго ружья, артиллерія вынуждена будетъ держаться въ значительномъ отдаленіи, а потому она будетъ менѣе страшна. Снаряды, наполненные взрывчатыми матеріалами, недостаточно еще испробованы, и очень быть можетъ, что окажутся неудобными къ употребленію, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, будутъ опасными и явятся скорѣе обузой и опасностью для везущей ихъ арміи, чѣмъ для непріятельскихъ отрядовъ.

Есть даже спеціалисты, полагающіе, что будущая война будетъ менѣе кровопролитной, чѣмъ были прошлыя войны. Эти

предположенія основываются на слѣдующихъ разсужденіяхъ. Чѣмъ дѣйствительнѣе непріятельскій огонь, тѣмъ далѣе одна отъ другой будутъ держаться обѣ стороны; онѣ, пожалуй, рѣдко увидятъ другъ друга, а часто ихъ будутъ отдѣлять возвышенности, рѣки и лѣса; не будетъ уже непосредственныхъ столкновеній, возбуждающихъ страсти, дѣлающихъ человѣка кровожаднымъ звѣремъ и оканчивающихся смертью одного изъ борцовъ. А такъ какъ сраженія будутъ происходить на большихъ разстояніяхъ, то не трудно будетъ, въ случаѣ нужды, сойти съ поля битвы.

Другіе авторы допускаютъ возможность страшнаго кровопролитія и громадныхъ потерь, но говорятъ, что дѣло не въ этомъ, а въ одержаніи побѣды, каковы бы ни были жертвы побѣды.

Война 1870 года доказала, что и современныя арміи въ состояніи выдержать громадныя потери. Однако, младшіе офицеры въ Германіи относятся къ этому недоувѣрчиво, въ виду того, что нынѣшнія арміи весьма отличны отъ тѣхъ, которыя сражались въ 1870 году. Въ германской арміи не будетъ уже тогдашняго воодушевленія и готовности къ несенію такихъ жертвъ. Новое оружіе не только увеличиваетъ опасность, но и парализуетъ медицинскую помощь, такъ какъ врачи и фельдшера не будутъ въ состояніи устраивать перевязочныхъ пунктовъ близъ мѣстъ, засыпаемыхъ хотя бы даже шальными непріятельскими пулями, и не будетъ возможности даже уносить раненыхъ для поданія помощи. Вѣдь современныя ружья бьютъ на 4 версты, орудія же—болѣе чѣмъ на 7 верстъ. Наконецъ, арміи уже не состоятъ нынѣ изъ солдатъ по ремеслу, но пополняются поколѣніями спокойныхъ гражданъ, не имѣющихъ желанія обрекать себя опасностямъ. Пропаганда противъ войны могла настроить умы въ другую сторону. Невозможно разсчитывать на то, чтобы современныя арміи оказывали намѣреніе подвергать себя жертвамъ и лишеніямъ до такой степени, какъ того желаютъ военные теоретики, не принимающіе во вниманіе вѣяній, господствующихъ въ западно-европейскихъ обществахъ.

Подобныя же противорѣчія во взглядахъ встрѣчаются не только въ вопросахъ общаго характера, но и въ частностяхъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что улучшеніе оружія, примѣненіе и употребленіе въ войнѣ всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній отодвинули на задній планъ грубую мускульную силу; и на первый планъ выступить подготовка военно-техническая.

При огромныхъ арміяхъ и при высокомъ умственномъ развитіи полководцевъ, окружать непріятеля съ фланговъ можно будетъ ужь стратегическимъ сосредоточеніемъ походныхъ колоннъ къ соответственному пункту, тѣмъ болѣе, что вообще защита будетъ труднѣе, вслѣдствіе большей отдаленности резервовъ.

На это возражаютъ, что для такой операціи необходимо знать всѣ движенія непріятеля и его дизлокацію, а между тѣмъ, при бездымномъ порохѣ, при дальнобойности оружія и при практикуемыхъ осторожностяхъ для охраненія центра арміи, опросъ жителей и вообще развѣдка становится гораздо труднѣе; возможность быстрого возведенія легкихъ окоповъ будетъ парализовать попытки обхода фланговъ и задерживать противника, а постоянное прибываніе къ мѣсту боя свѣжихъ силъ, которое будетъ происходить вслѣдствіе разброса арміи на громадныхъ пространствахъ, сдѣлаетъ положеніе предпринявшаго обходъ опаснымъ.

Затѣмъ труды и лишения, и самая опасность войны такъ велики, что еще спрашивается: насколько дѣйствительно солдаты образованный и интеллигентный, но нервный и чувствительный, будетъ лучше неразвитаго, но выносливаго и храбраго по самому незнанію всей опасности.

Мнѣніе, что не инструкторы, но школьные учителя обеспечиваютъ побѣду, довольно устарѣло и имѣетъ только относительное значеніе: въ бою рассчитывать можно скорѣе на солдата-автомата, чѣмъ на сомнительное „я“, являющееся продуктомъ школы.

Одни утверждаютъ, что перевѣсъ въ будущей войнѣ будетъ на сторонѣ арміи, дѣйствующей оборонительно, что атака съ фронта непріятеля, укрывшагося въ окопахъ и укрѣпленіяхъ, будетъ безуміемъ и окончится всегда бесплоднымъ пролитіемъ крови. Другіе же, наоборотъ, полагаютъ, что при помощи вновь введенныхъ мортирокъ, выбрасывающихъ снаряды, наполненные мелинитомъ и пироксилиномъ, побѣда будетъ сопутствовать смѣлому наступленію, и приглашаютъ свои арміи держаться наступательнаго образа дѣйствій.

Одни говорятъ, что сраженія будутъ происходить 3 или 4 дня и то иногда безъ результата, другіе предсказываютъ, что судьбы сраженія будутъ рѣшаться съ быстротою, какъ въ прошломъ. Одни опредѣляютъ продолжительность будущей войны годами, другіе утверждаютъ, что кампаніи будутъ кратковременны.

Мнѣнія объ управленіи войсками въ будущихъ сраженіяхъ чрезвычайно разнообразны. Необыкновенная трудность для начальниковъ отдѣльныхъ частей комбинированія элементовъ, факторовъ и условій всего театра войны приводитъ нѣкоторыхъ авторовъ къ мысли о необходимости—при помощи столь совершенныхъ средствъ, которыя будутъ имѣть штабы въ своемъ распоряженіи для полученія свѣдѣній—сосредоточенія двигательныхъ нервовъ сражающейся арміи въ лицѣ одного энергическаго и способнаго вождя, предоставляя въ его распоряженіе многочисленныя резервы, чтобы въ благопріятныя моменты онъ могъ двигать все новыя и новыя силы къ рѣшающему пункту.

Другіе считаютъ такую мысль неосуществимой и вредной. Сраженія будутъ происходить на огромныхъ пространствахъ и при участіи разбросанныхъ громаднхъ силъ. Самый гениальный умъ не въ состояніи объять и комбинировать всей массы частныхъ, требованій и обстоятельствъ. При этомъ полученіе свѣдѣній и посылка приказовъ будутъ чрезвычайно затруднительны; всѣ современныя средства, какъ телеграфы, телефоны, гелиографы и воздушные шары окажутся довольно сомнительными среди общаго смятенія, распространяющагося во время сраженій. При дальнобойности современнаго оружія, резервы придется держать въ значительномъ отдаленіи, а въ моментъ рѣшительныхъ дѣйствій, когда въ нихъ можетъ встрѣтиться надобность, ихъ подъ руками не окажется. Такимъ образомъ, фактическое командованіе арміей не будетъ сосредоточено исключительно въ рукахъ главнокомандующаго и его генераловъ, но дополнится инициативой полковыхъ, даже баталіонныхъ командировъ, до того времени, пока они будутъ располагать резервами. Поэтому не будетъ полного единства въ дѣйствіяхъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что войска должны привыкать заранѣе не только къ слѣпому исполненію приказаній; слѣдуетъ развить самостоятельность дѣйствій въ офицерахъ и даже унтеръ-офицерахъ, которыя, въ случаѣ предсказываемыхъ огромныхъ потерь офицеровъ, должны будутъ замѣнять лицъ, стоявшихъ выше ихъ.

Другіе же полагаютъ, что лишняя самостоятельность могла бы довести, при наличномъ составѣ арміи, до полного ослабленія дисциплины и до множества другихъ непредвидѣнныхъ ошибокъ и отступленій, влекущихъ за собою пораженіе и бѣдствія. Командиры не будутъ увѣрены въ точномъ исполненіи

ихъ приказаній, а потому не будутъ въ состояніи дѣйствовать съ необходимою рѣшимостью.

Недостаточно выяснена и роль, которую въ будущей войнѣ будутъ играть разные роды оружія. Нѣтъ, напр., недостатка въ предположеніяхъ, что кавалерія останется, какъ была прежде, страшной активной силой. Большинство военныхъ писателей согласны въ томъ, что въ началѣ дѣйствій она, подобно грозѣ, набросится на непріятельскую территорію и будетъ парализовать не только сосредоточеніе войскъ, но и мобилизацію. Но мнѣнія расходятся уже относительно размѣровъ такой пертурбаціи. Что же касается роли кавалеріи уже послѣ начала операцій, то существуетъ совершенная неопредѣленность понятій. Одни говорятъ, что и въ самомъ сраженіи, въ удобный для того моментъ, кавалерія будетъ съ успѣхомъ бросаема противъ непріятели, чтобы сломить его поколебленные ряды. Отсутствие дыма увеличитъ впечатлѣніе ея бурнаго удара и, такимъ образомъ, значеніе кавалеріи въ бою даже возрастетъ. Въ видѣ доказательства правильности этого мнѣнія ссылаются на большіе кавалерійскіе маневры, происходящіе во всѣхъ государствахъ. Можно, однако, встрѣтиться часто и съ отрицаніемъ пользы кавалеріи при современномъ совершенствѣ огнестрѣльнаго оружія, не только для сраженія, но и для другихъ ея функцій. Кавалерія окажется неспособной къ развѣдочной службѣ, вслѣдствіе дальности выстрѣловъ и вслѣдствіе ея замѣтности; вездѣ въ настоящее время упражняются въ развѣдочной службѣ пѣхотинцевъ, а во время войны арміи, кромѣ того, будутъ пользоваться воздушными шарами, переносными обсерваторіями и т. п. Кавалерія не помѣшаетъ сосредоточенію, а тѣмъ болѣе мобилизаціи непріятели, ибо уже на границѣ она встрѣтитъ достаточный отпоръ со стороны расположенныхъ тамъ войскъ и возведенныхъ защитъ. Кавалерійскія атаки принадлежатъ къ давнопрошедшимъ временамъ. Пока кавалерія пройдетъ значительное разстояніе, отдѣляющее ее отъ непріятели, на которомъ придется ее держать, магазинныя ружья перебьютъ ее. Вооруженіе пѣхоты и артиллеріи достигло нынѣ высокой степени совершенства, главный же элементъ кавалеріи — лошадь осталась такой же, какой была въ древности. Одно это обстоятельство доказываетъ, что значеніе кавалеріи должно было уменьшаться.

Что касается пѣхоты—этой царицы поля сраженія—большинство писателей высказываетъ, что она будетъ идти въ бой, какъ въ былое время, и командованіе въ пѣхотныхъ частяхъ

будеть легче, чѣмъ въ другихъ родахъ оружія, не только для офицеровъ опытныхъ, но и для поступившихъ изъ запаса. Между тѣмъ, другіе утверждаютъ, что для командованія пѣхотой на полѣ сраженія потребуется даже больше умѣнія, чѣмъ въ артиллеріи или кавалеріи. Ни въ одной изъ армій не найдутся на 500 офицеровъ, сѣумѣвшихъ въ сравнительно короткое время ознакомиться съ командой батареи или эскадрона, 100 капитановъ, которые бы могли повести пѣхоту въ огонь. Чего же, въ такомъ случаѣ, можно ожидать отъ офицеровъ запаса?

Существенно расходятся мнѣнія и по другимъ вопросамъ. Различно высказываются о значеніи разсыпнаго строя и прикрытій, составленныхъ изъ стрѣлковъ, о соединеніи колоннъ для атаки и огня, о способахъ охраненія летучихъ отрядовъ и резерва и о приемахъ штурма на позицію (съ остановками или безъ остановокъ).

Столь же противорѣчивы взгляды на роль артиллеріи. Одни говорятъ, что артиллерія должна начать нынѣ дѣйствовать съ болѣе значительныхъ разстояній, что орудія начнутъ стрѣлять въ разстояніи 7 верстъ отъ непріятеля. Другіе, столь же свѣдущіе специалисты, говорятъ, что стрѣльба съ такого разстоянія была бы только напрасной тратой снарядовъ, съ трудомъ пополняемыхъ въ моментъ дѣйствительной въ нихъ нужды.

Скорострѣльность новаго оружія возбуждаетъ въ иныхъ опасеніе на счетъ возможнаго недостатка патроновъ въ самую рѣшительную минуту. Другіе авторы напоминаютъ, что новые патроны легче прежнихъ и что солдаты носятъ ихъ при себѣ достаточное количество. Парки также достаточно усилены. Несмотря на это, доннынѣ еще ведется споръ, хватитъ ли въ бою наличныхъ патроновъ, или не хватитъ, и нынѣ возможно ли будетъ подвозить ихъ или нѣтъ? Нѣкоторые авторы замѣчаютъ, что опасаться безтолковаго огня могутъ только арміи, въ которыхъ нѣтъ порядка и дисциплины, давая понять, что въ ихъ арміи будетъ примѣрный порядокъ. Иные видятъ въ этомъ только самохвальство, такъ какъ инстинктъ самосохраненія будетъ заставлятъ войска стрѣлять съ возможно достижимой скоростью.

Тѣ же споры повторяются и по вопросу о возможности безостановочнаго снабженія артиллеріи достаточнымъ количествомъ снарядовъ, особенно тѣхъ, которые служатъ для большихъ калибровъ. Во всѣхъ государствахъ строятся поспѣшно дорогія крѣпости, между тѣмъ многіе военные авторы утверждаютъ, что,

при взрывчатыхъ бомбахъ и гранатахъ (Obus torpilles), крѣпости эти будутъ въ теченіе нѣсколькихъ дней разрушены и заняты непріателемъ. Въ отвѣтъ на это защитники крѣпостей говорятъ, что обложеніе, а тѣмъ болѣе штурмованіе крѣпостей, защищаемыхъ значительной арміей, дѣло нелегкое, и приводятъ слова такого знатока дѣла, какъ покойный ген. Тотлебенъ, говорившаго, что при нынѣшнихъ средствахъ боя лучшею крѣпостью является „Марсово поле“, т. е. площадь, могущая быть легко покрытой рядомъ окоповъ. Но почему же — разсуждаютъ они, — крѣпости могли бы имѣть менѣе значенія, чѣмъ окопы въ открытомъ полѣ?

Не менѣе противорѣчивыхъ мнѣній высказывается по вопросу о значеніи города Варшавы, какъ стратегическаго пункта. Спорятъ о томъ: будетъ ли Варшава осаждена или нѣтъ; возможно ли отрѣзать городъ, пріостановивъ всякое сообщеніе и съ остальной частью края, и съ арміей; что станется тогда съ населеніемъ, достигающимъ до полумилліона; будутъ ли средства удалены изъ города бѣдный классъ населенія и не произойдутъ ли въ краѣ, при удаленіи изъ Варшавы такой массы пролетаріата, серьезные беспорядки? Затѣмъ, спрашиваютъ: какъ удовлетворить потребности остающихся въ городѣ жителей, избѣгая тѣхъ ошибокъ, какія сдѣланы были при осадѣ Парижа и повлекли за собою лишенія и страданія, послѣдствіемъ которыхъ явилась коммуна?

Допуская даже, что въ городѣ окажется достаточно запасовъ для продовольствія населенія, является, однако, вопросъ, какъ поступить по отношенію къ торговлѣ продовольственными продуктами, которая, съ прекращеніемъ всякаго подвоза перестанетъ регулироваться взаимнымъ соотношеніемъ спроса и предложенія; должна ли власть, видя, какъ спекуляторы и случайные запасовладѣльцы становятся въ положеніе монополистовъ, оставаться посторонней зрительницей, или же ей слѣдуетъ принять мѣры и положить конецъ этому производству? Но и тутъ высказываются сомнѣнія, чтобы во время войны, — время горячей дѣятельности, — власть стала заниматься постороннимъ дѣломъ, и выдвигаютъ новый вопросъ о томъ, можетъ ли быть допущена какая-либо въ этомъ отношеніи помощь правительству со стороны населенія?

Въ виду того, что приближеніе къ непріателю, занимающему сильную позицію, станетъ, пожалуй, среди бѣлаго дня невозможнымъ, войска упражняются въ искусствѣ штурмованія позицій и защиты ихъ въ ночное время, подъ прикрытіемъ темноты. Многіе авторы, впрочемъ, употребляютъ всѣ усилія,

чтобы доказать, что атака ночью является крайне рискованной: начальники были бы не увѣрены въ себѣ, солдаты съ возбужденными нервами, на каждомъ шагѣ опасеніе ошибокъ и недоразумѣній.

Не мало споровъ и по вопросу о продовольствіи арміи. Одни говорятъ, что, при современномъ состояніи желѣзныхъ дорогъ и средствахъ быстро создать новые пути изъ имѣющихся на-готовѣ во многихъ государствахъ необходимыхъ для этой цѣли матеріаловъ, возможно дѣйствіе милліонныхъ армій на одномъ театрѣ войны, въ особенности, если онѣ будутъ, по выраженію Мольтке, „*getrennt marschiren, zusammen fechten*“; такимъ образомъ, средства къ удовлетворенію потребностей арміи посредствомъ реквизицій и закупки въ окрестностяхъ театра военныхъ дѣйствій нисколько не измѣнятся.

Другіе же, не менѣе компетентные, писатели утверждаютъ, что будущая война будетъ борьбой за укрѣпленныя позиціи, которыя станутъ выростать изъ земли повсемѣстно, гдѣ только будутъ пригодные для того стратегическіе пункты; а такъ какъ подвижные отряды изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи разсыпятся кругомъ на значительномъ пространствѣ, уничтожая пути сообщенія и запасы, то всякій подвозъ прекратится; кромѣ того, для взятія шанцовъ и окоповъ придется дѣйствовать снарядами, которыхъ подвозъ также будетъ затруднителенъ; голодъ будетъ постояннымъ спутникомъ армій, а такъ какъ, по французскому выраженію, „*ventre affamé n'a point d'oreilles*“, то упадокъ дисциплины вызоветъ дезорганизацію.

Тылъ армій будетъ менѣе обезпеченъ, такъ какъ при бездымномъ порохѣ облегчится дѣйствіе въ тылу—на сообщенія, посредствомъ летучихъ отрядовъ, съ которыми не всегда справятся прикрытія, сопровождающія обозы. Возростетъ страхъ, внушаемый войною населенію, отъ котораго уже нельзя будетъ ожидать поставки подводъ, такъ какъ оно будетъ бѣжать.

Стало бытъ, придется формировать военные продовольственные обозы, что крайне обременитъ управленіе и самое передвиженіе войскъ.

Вообще, снабженіе милліонныхъ армій продуктами, одеждой и другими предметами потребности будетъ невозможно безъ соучастія всего населенія въ государствѣ, а къ такому соучастію вовсе не подготовлены нынѣшнія интендантства.

Такимъ образомъ, способность войскъ переносить всякія лишенія, не выходя изъ дисциплины даже въ самые критиче-

скіе моменты, выдвинется теперъ на первый планъ и получить еще большее значеніе, чѣмъ когда-либо.

И такъ, передъ нами цѣлый рядъ безвыходныхъ противорѣчій; это, однако, неизбежно и вытекаетъ изъ самой сущности дѣла. Только война доставитъ прямыя фактическія указанія, всѣ же предположенія являются логическими умозаключеніями, не опирающимися на непосредственныхъ данныхъ. Сомнѣнія и споры при этомъ неизбежны.

Даже тогда, когда техническія изобрѣтенія не лились потокомъ, а рутина и опытъ являлись главными качествами вождей, бывали противорѣчивыя мнѣнія по той причинѣ, что признавались необходимыми измѣненія въ правилахъ тактики, дабы обезсилить непріятеля, принуждая его къ борьбѣ при новыхъ условіяхъ, и достигнуть такимъ образомъ перевѣса. Наполеонъ совѣтовалъ производить такое измѣненіе черезъ каждыя десять лѣтъ. Германскіе авторы доказываютъ, что вслѣдствіе высокаго уровня военныхъ знаній у нѣмецкихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, германская армія имѣетъ возможность приспособиться скорѣе другихъ къ требованіямъ, которыя будутъ предъявлены практикой будущей войны. Они считаютъ эту легкость измѣненій тактическихъ приемовъ однимъ изъ важнѣйшихъ шансовъ успѣха. Но многимъ серьезнымъ военнымъ писателямъ такія измѣненія представляются рискованной игрой. Чему солдатъ не выучился въ мирное время, что не вошло въ его привычки, тому онъ не научится во время войны. Результатомъ подобнаго измѣненія могутъ явиться замѣшательство и плачевныя послѣдствія.

Если ко всему изложенному присоединить опасенія того, что существующія соціальныя теченія проникнутъ, вслѣдствіе призыва запасныхъ чиновъ, въ армію, то полная неизвѣстность характера будущей войны, а значить и ея экономическихъ и общественныхъ результатовъ, станетъ очевидной.

Въ виду такого различія въ мнѣніяхъ, мы старались ознакомиться съ предметомъ всесторонне, пользуясь разнообразнѣйшими источниками, изучая труды авторовъ разныхъ національностей, разныхъ политическихъ убѣжденій и военныхъ школъ. Кромѣ того, въ сомнительныхъ случаяхъ, мы обращались за помощію къ лицамъ военного сословія, извѣстнымъ теоретическими трудами или практическимъ знаніемъ дѣла. Мы обращались даже къ простымъ рядовымъ, побывавшимъ на войнѣ, чтобы узнать, какъ смотрять на нѣкоторыя явленія и об-

стоятельства эти простые люди, не посвящаемые въ тайны распоряженій, но наиболѣе ощущающіе всѣ невзгоды войны.

3.

Зависимость экономическихъ и социальныхъ послѣдствій войны отъ ея техники.

Прежде всего намъ необходимо опредѣлить численность войскъ, которыя примутъ участіе въ европейской войнѣ.

Но сперва замѣтимъ, что сила войны не въ однѣхъ этихъ шеренгахъ солдатъ, но и въ качествахъ того оружія, какое имъ дано, въ способности вождей и выносливости войска. Совершенство вооруженія, казалось, достигло своего апогея.

Но не успѣли еще всѣ арміи ввести новое вооруженіе, какъ техники изобрѣли ружья, еще болѣе усовершенствованныя. Въ нѣкоторыхъ государствахъ ужь предполагается введеніе новыхъ ружей и орудій и по нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что эти новѣйшія весьма важныя и весьма дорогія усовершенствованія уже вводятся.

Спрашивается, какое вліяніе окажетъ на другія государства введеніе однимъ изъ сосѣдей-соперниковъ новѣйшаго оружія, еще болѣе усовершенствованнаго? Указать, гдѣ предѣлъ стремленій и соперничества въ достиженіи наибольшаго совершенства въ вооруженіи,—невозможно; но ясно, что оно поведетъ къ еще большому обремененію бюджетовъ.

Люди съ живымъ воображеніемъ предсказываютъ даже по этому поводу, что недалеко то время, когда настанетъ новая эра вѣчнаго мира, вслѣдствіе разрушеній, какія будутъ вызваны войною.

Между тѣмъ, спрашивается, насколько бюджеты позволятъ ввести еще новое вооруженіе и насколько основательны ожиданія разрушенія цѣлыхъ городовъ, опустошенія цѣлыхъ странъ?

Окажется ли будущая война, при современномъ усовершенствованномъ оружіи и новомъ взрывчатомъ матеріалѣ, дѣй-

ствительно столь смертоносной и убійственной—это вопросъ, еще далеко нерѣшенный.

Какъ все въ мірѣ, такъ и полетъ снарядовъ, зависитъ отъ точныхъ физическихъ законовъ, ставящихъ предѣлы человѣческимъ желаніямъ и изобрѣтательности. Вслѣдствіе притяженія земли, увеличеніе дальности выстрѣла вліяетъ на его направление, и снарядъ въ своемъ полетѣ находится только на незначительномъ пространствѣ на такой высотѣ, при которой можетъ убивать и ранить. Это обстоятельство не измѣняетъ, конечно, правильности мнѣнія о томъ, что новое оружіе дѣйствительнѣе прежняго, но тѣмъ не менѣе только война дастъ возможность произвести оцѣнку усовершенствованій и вывести правильныя заключенія.

Другой, касающійся вооруженія, вопросъ относится къ различіямъ, замѣчаемымъ въ вооруженіяхъ разныхъ государствъ.

Русская армія снабжена ружьями Бердана, не магазинными, и патронами изъ обыкновеннаго пороха. Необходимо бросить взглядъ на степень превосходства войска, снабженнаго новымъ вооруженіемъ. Безъ ознакомленія съ теоріей стрѣльбы, въ данномъ случаѣ не было бы возможности дойти до правильно обоснованнаго вывода. Необходимо выяснитъ хотя бы то, почему Россія лишь сравнительно поздно рѣшилась ввести магазинныя ружья съ новымъ порохомъ.

Для полноты картины мы не можемъ пройти молчаніемъ нѣкоторыя подробности относительно вспомогательныхъ средствъ, къ которымъ будутъ прибѣгать обѣ стороны въ будущей войнѣ. Техники не перестаютъ стремиться къ тому, чтобы пользоваться для цѣлей войны всеми силами, доступными знанію и власти человѣка.

Развѣдочная служба, т. е. поддерживаніе сообщеній между отдѣльными частями одной арміи и разными арміями одного государства, пересылка приказовъ и полученіе свѣдѣній и т. д., уже не могутъ исполняться тѣми же способами, какъ прежде, а потому и потребовалось найти для каждой надобности нѣчто новое, что повело къ употребленію для военныхъ цѣлей телеграфовъ, телефоновъ, оптическихъ сигналовъ, воздушныхъ шаровъ, голубей, дрессированныхъ собакъ и т. д. Этотъ предметъ особенно интересенъ для жителей города, могущихъ при нѣкоторыхъ случайностяхъ оказаться на нѣкоторое время осажденными, и когда связь съ внѣшнимъ

міромъ можно будетъ поддерживать единственно при помощи голубиной почты или посредствомъ воздушныхъ шаровъ.

Разсмотрѣвъ самые элементы войны, мы перейдемъ къ способамъ ея веденія, т. е. къ военнымъ дѣйствіямъ.

Слѣдовательно, прежде всего необходимо выяснитъ, что такое мобилизація и концентрированіе войскъ, какъ они произойдутъ въ разныхъ государствахъ, а также какое вліяніе они могутъ оказать на составленные въ штабахъ планы военныхъ дѣйствій, на теченіе войны и, наконецъ, на окончательный результатъ. Вопросъ этотъ требуетъ обширной технической разработки. Безъ выясненія роли крѣпостей невозможно было бы понять, какое огромное вліяніе на общественную жизнь будутъ имѣть быстрая мобилизація и концентрированіе войскъ въ продолженіе лишь нѣсколькихъ дней по объявленіи войны, при одновременномъ обоюдномъ вторженіи кавалеріи въ непріятельскую страну.

Всѣ знаютъ, что для уравниванія шансовъ въ отношеніи мобилизаціи и стягиванія войскъ, страна, предвидящая необходимость держаться въ началѣ кампаніи оборонительнаго образа дѣйствій, построить крѣпости и укрѣпленные лагеря, сверхъ того, шанцы и окопы въ удобныхъ мѣстахъ. Но будутъ ли дѣйствительно средства эти достаточны и позволять ли за этими прикрытіями дѣлать необходимыя для военныхъ цѣлей приготовленія — это вопросъ, требующій изслѣдованій.

Такимъ образомъ, мы вынуждены дать нѣкоторыя указанія относительно первоначальныхъ дѣйствій, сейчасъ по открытіи кампаніи — кавалеріи и партизанскихъ отрядовъ въ современномъ значеніи, т. е. отрядовъ войскъ, состоящихъ изъ пѣхоты, чаще всего, какъ предполагается,¹ перевозимой на подводахъ, кавалеріи и конной артиллеріи.

Затѣмъ надо выяснитъ, какую роль будутъ играть крѣпости и укрѣпленные лагеря, а на поляхъ битвъ — шанцы и другія искусственныя и природныя защиты; все это такія условія, отъ которыхъ зависитъ упорность войны, ея теченіе, а слѣдовательно, и вліяніе на жизнь страны.

Но въ виду разнородныхъ мнѣній, высказываемыхъ нынѣ относительно защиты и атаки крѣпостей посредствомъ новыхъ, только-что изобрѣтенныхъ, разрушительныхъ матеріаловъ и снарядовъ, нельзя было не принимать во вниманіе и этихъ новѣйшихъ взглядовъ.

Кромѣ численности армій, огромное значеніе приобрѣтеть

качество войскъ и ихъ внутренняя организація. Пѣхота, артиллерія и кавалерія—это пальцы одной руки, поражающей противника. Для того чтобы представить себѣ будущую войну, необходимо познакомиться, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ тѣмъ, какъ связаны между собою три главные рода оружія, какова ихъ взаимная зависимость. Намъ приходится, такимъ образомъ, посвятить нѣкоторую часть нашего труда разсмотрѣнію условій дѣйствія войскъ трехъ оружій и указать на тѣ измѣненія, которыя произошли въ послѣднее время въ процентныхъ отношеніяхъ численности войскъ разнаго рода, а также измѣненія нѣкоторыхъ тактическихъ и стратегическихъ приемовъ. Вопросы эти соприкасаются непосредственно съ предметомъ нашего труда. Извѣстно, какую память оставили по себѣ во французскихъ селлахъ прусскіе уланы, и какъ часто обсуждается въ нѣмецкой военной литературѣ вопросъ о кавалерійскихъ рейдахъ. Нынѣ такіе рейды ожидаются во всѣхъ странахъ. Кавалерія должна пронестись вихремъ по непріятельской территоріи, предвѣщая военную грозу.

Уже Наполеонъ говорилъ, что важнѣйшимъ факторомъ войны является психическое состояніе арміи. Въ настоящее время, при усовершенствованномъ вооруженіи, рѣшающую роль будетъ играть нравственное состояніе войскъ, *духъ арміи*, и команда отрядами, арміями и цѣлыми полчищами. Сверхъ того, отъ нихъ будетъ зависѣть отношеніе войска къ той странѣ, которая будетъ служить театромъ военныхъ дѣйствій, и къ ея населенію. Чтобы составить себѣ объ этомъ ясное понятіе, мы вынуждены считаться и съ теченіями духовной жизни, а слѣдовательно намъ нужно коснуться и этого предмета. Само собою разумѣется, что прервать на этомъ нашу работу мы не можемъ. Остается еще познакомить читателя съ тѣмъ, что, — по мнѣнію специалистовъ,—будетъ происходить на полѣ сраженія при атакахъ и оборонахъ, во время случайныхъ и разсчитанныхъ битвъ, послѣ одержанной побѣды и понесеннаго пораженія, указать задачи, какія должны преслѣдовать стратегія и тактика при новомъ бездымномъ порохѣ, выяснить настоящую роль главнокомандующаго и командировъ большихъ, среднихъ и малыхъ отрядовъ, какъ во время сраженія, такъ и послѣ него, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать, какъ новѣйшая цивилизація, совершенствуя оружіе и выводы на поле битвы безчисленныя полчища, медленно подходящія къ мѣсту сраженія при пушечномъ грохотѣ, до-нельзя усложнила войну, сдѣлавъ

ее чрезвычайно трудной для дюжинныхъ умовъ, хотя и вполне возможной для искусныхъ вождей.

Только взвѣсивъ все эти вопросы, можно будетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе, до какой степени представляются сложными, какъ самая война, въ ея нынѣшнихъ условіяхъ, такъ и въ особенности тѣ послѣдствія, какія она можетъ повлечь за собою. Ознакомленіе съ ея техникой необходимо именно потому, что современныя средства дѣйствія, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, произведутъ послѣдствія, которымъ еще не было примѣра. Только основательное знакомство съ этими условіями можетъ дать намъ ключъ къ оцѣнкѣ вліянія, какое окажетъ будущая война на общество въ отношеніи матеріальномъ и нравственномъ.

Нашъ очеркъ современной военной техники не будетъ, конечно, имѣть той цѣнности, какую представляло бы изложеніе дѣла специалистомъ. Но зато онъ составленъ популярно, а такъ какъ мы не упустили изъ вида и соображеній свойствъ экономическаго и общественнаго, то, допуская даже возможность нѣкоторыхъ неточностей въ истолкованіи взглядовъ военныхъ писателей или относительнаго ихъ значенія, очеркъ нашъ, именно по его всесторонности, быть можетъ, представитъ сколько-нибудь интереса даже и для специалистовъ.

Впрочемъ, мы были бы весьма довольны, еслибы нашъ трудъ вызвалъ замѣчанія или фактическія поправки.

Ген. Войде въ извѣстномъ своемъ трудѣ цитируетъ мѣткія слова Вильсена, замѣчающаго, что познать сущность войны можно только при условіи серьезнаго изученія войнъ въ тиши кабинета, среди книгъ и плановъ. Даже тотъ, кто принималъ участіе въ сраженіяхъ, „познаетъ войну только тогда, когда одновременно изучаетъ ее теоретически“ ¹⁾. Для оцѣнки изслѣдуемыхъ нами вліаній, намъ, впрочемъ, не приходится доводить изученіе предмета до его подробностей.

Въ настоящее время войны случаются рѣдко. Французская и германская арміи уже 22 года, австрійская армія 26, русская 15 лѣтъ не имѣли практики войны европейской; въ нихъ насчитывается немного и офицеровъ, знакомыхъ практически съ такой войною. Даже людямъ, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе серьезныхъ военныхъ вопросовъ, приходится удовлетво-

¹⁾ „Побѣды и пораженія въ войнѣ 1870 г.“

ряться скорѣе теоретическимъ, чѣмъ практическимъ знакомствомъ съ предметомъ.

Мы, конечно, не намѣрены излагать какихъ бы то ни было особыхъ мнѣній о военномъ дѣлѣ; мы не желаемъ даже разъяснять сами мнѣній специалистовъ широкому кругу читателей, но ограничиваемся, гдѣ это необходимо для нашихъ цѣлей, изложеніемъ различныхъ взглядовъ собственными словами авторовъ. Потому-то именно въ трудѣ нашемъ такъ много цитатъ. Онѣ не вызваны желаніемъ похвалиться начитанностью. Мы хотѣли только, чтобы съ одной стороны читателю было извѣстно, съ чьимъ онъ встрѣчается мнѣніемъ, а съ другой,—чтобы онъ могъ самъ восполнить, при помощи источниковъ и мнѣній компетентныхъ лицъ изъ сферы военной, все то, что покажется ему невѣроятнымъ, неяснымъ или недостаточно обоснованнымъ.

Специалистамъ военнаго дѣла трудъ нашъ, особенно та его часть, которая касается техники войны, вѣроятно, покажется неудовлетворительнымъ, мѣстами слишкомъ распространеннымъ въ подробностяхъ, мѣстами же слишкомъ сжатымъ и неполнымъ или слишкомъ популярнымъ, а вслѣдствіе сего представляющимъ нѣкоторыя данныя лишь съ приблизительною точностію. Нѣкоторые взгляды могутъ показаться имъ слишкомъ теоретическими, построенными, главнымъ образомъ, на почвѣ психической натуры человѣка. Но мы писали не для знатоковъ дѣла, а для большинства, имѣя въ виду, что многимъ изъ этого большинства пришлось бы самимъ стать въ ряды въ случаѣ войны. И если мы гдѣ-либо даже излишне остановились на сторонѣ психической, то и специалисты извинятъ насъ, въ виду того, что сражаться въ будущихъ войнахъ придется въ большинствѣ — людямъ, недавно оставившимъ мирныя занятія, что современныя арміи уже не состоятъ изъ солдатъ по призванію.

III.

Техническія условія будущей войны.

1.

Общія замѣчанія о стрѣльбѣ.

Самыя простыя и ежедневныя наблюденія убѣждаютъ насъ, что всякій предметъ, будучи брошенъ кверху ли, подъ какимъ-либо

угломъ, или горизонтально, постепенно теряя сообщенную ему силу движенія въ данномъ направленіи, въ концѣ концовъ падаетъ на землю. Сверхъ того, научные опыты показываютъ, что въ безвоздушномъ пространствѣ скорость паденія тѣлъ не зависитъ отъ ихъ формы, величины или удѣльнаго вѣса. Падающія тѣла повинуются извѣстному физическому закону, по которому скорость паденія увеличивается пропорціонально квадратамъ пройденнаго времени.

Подъ вліяніемъ той же силы тяготѣнія пуля, выпущенная изъ дула ружья, приближается на своемъ пути къ землѣ ¹⁾. Выстрѣлъ изъ ружья или орудія есть слѣдствіе взрыва вещества, быстро претворяющагося въ газообразное состояніе. Такъ какъ газъ, обладая свойствомъ упругости, стремится занять большее пространство, то въ каналѣ развивается громадное давленіе; большая часть силы этого давленія, встрѣчающаго препятствіе въ неподдающихся стѣнкахъ дула, обращается на удаленіе пули, которая такимъ образомъ выбрасывается изъ ружья Бердана со скоростью 450 метровъ въ секунду, а изъ ружья новой системы, при употребленіи бездымнаго пороха, со скоростью около 600 метровъ въ секунду.

Послѣ выстрѣла, пуля летитъ по направленію линіи дула, но такъ какъ пуля тотчасъ же подлежитъ дѣйствію притяженія земли, то, по мѣрѣ своего удаленія отъ дула и уменьшенія первоначально сообщенной ей скорости, она, подъ вліяніемъ этихъ двухъ силъ, описываетъ кривую, извѣстную въ математикѣ подъ именемъ параболы. Полетъ пули, выпущенной изъ ружья, сверхъ того обусловливается сопротивленіемъ воздуха, дѣйствіе котораго зависитъ отъ формы ея и быстроты ея полета ²⁾.

¹⁾ Само собой разумѣется, что наростаніе скорости паденія, подъ вліяніемъ сопротивленія воздуха, меньше, чѣмъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Разсчитываютъ, что паденіе пули, выпущенной изъ берданки въ пѣль, отстоящую на 1.800 метровъ, на 40% меньше, чѣмъ скорость таковаго же паденія пули въ пустомъ пространствѣ.

²⁾ Изъ опытовъ, произведенныхъ во Франціи, скорость полета пули изъ ружья Лебея въ моментъ выстрѣла опредѣлена въ 610—620 метр. въ секунду, но уже послѣ 200 метровъ она, вслѣдствіе воздушнаго сопротивленія, сохраняетъ скорость, равняющуюся лишь 487 метрамъ въ с.

Послѣ 1.000 метровъ скорость ея равняется 259 метр. въ сек.

”	1.600	”	”	”	”	205	”	”
”	2.000	”	”	”	”	178	”	”

Изъ этого исчисленія можно составить ясное понятіе о силѣ сопротивленія воздуха.

Чтобы уменьшить сопротивление воздуха, прибѣгли къ уменьшенію объема пули и соотвѣтственному измѣненію ея формы. Этимъ достигнута, кромѣ большей быстроты и дальности ея полета, большей мѣткости, и возможность снабженія солдата бѣльшимъ количествомъ патроновъ.

Линія полета пули опредѣляется, между многими способами, при помощи разстанавливаемыхъ на извѣстныхъ разстояніяхъ по пути ея рамъ съ натянутой легкой тканью. Отверстія, оставаемыя въ нихъ пулей, если соединить ихъ между собой, опредѣляютъ кривую, обозначающую путь, пройденный пулею. Естественно, что путь снарядовъ изъ различныхъ орудій не одинаковъ. Вотъ для примѣра нѣсколько цифръ, дающихъ понятіе о характерѣ кривой, по которой слѣдуетъ пуля берданки.

Для того, чтобы пуля могла попасть въ цѣль, требуется, чтобы она на половинѣ своего пути возвышалась надъ линіей цѣли:

При отстояніи цѣли:

на 1.400 англ. фѣт.	на 6 фѣт. 3 д.
" 2.800 " "	" 17 "
" 5.600 " "	" 311 "

Эти цифры показываютъ, что чѣмъ дальше отодвинута цѣль и чѣмъ больше времени требуетъ пуля для своего полета, тѣмъ ея траекторія должна быть болѣе выпуклою, возвышаясь надъ высотой цѣли. Это составляетъ основаніе баллистики, т. е. науки, изслѣдующей законы цѣлесообразнаго метанія смертоносныхъ пуль и снарядовъ.

Разсчитываютъ, что пуля, вылетѣвшая изъ нынѣшняго французскаго ружья, обладаетъ силой смертельнаго пораженія на разстояніи 3.200 метровъ (3.700 шаговъ). Нѣкоторые считаютъ даже до 4.000 метровъ.

Еслибы не существовало силы тяготѣнія, то траекторія пули могла бы идти по прямой горизонтальной линіи и поражала бы на разстояніи этихъ 3.200 метровъ все встрѣченное ею. А такъ какъ трудно допустить, чтобы на протяженіи 4-хъ верстѣ, во время стягиванія войскъ для боя, не встрѣтился ни одинъ солдатъ, то при этомъ почти каждая пуля попадала бы въ какую-нибудь цѣль. Къ счастью, на дѣлѣ происходитъ иное.

Мы уже видѣли, что пуля для того, чтобы достигнуть сколько-нибудь удаленнаго предмета, должна передъ тѣмъ описать въ воздухѣ кривую линію, направленную своимъ изгибомъ кверху. Большую часть своего пути она, такимъ образомъ, пролетаетъ

на такой высотѣ отъ земли, на которой она не встрѣчаетъ сражающихся. Черезъ это уменьшается поражаемое пространство. Чѣмъ разстояніе до цѣли короче, тѣмъ ниже можно выпускать пули и тѣмъ онѣ на большемъ протяженіи своего пути могутъ быть смертоносными.

Если стрѣляютъ не бездымнымъ порохомъ въ цѣль, отстоящую на 800 метровъ, то пуля становится опасною для стоящаго солдата лишь начиная съ разстоянія 772 метровъ и затѣмъ поражаетъ на протяженіи всего 28 метровъ. Кавалериста же она можетъ поразить начиная съ 715-го метра. Все прочее пространство она пролетаетъ на такой высотѣ, на которой никого задѣть не можетъ ¹⁾.

Вліяніе силы тяжести дѣйствуетъ на пулю сильнѣе въ концѣ ея полета, когда она замѣтно утрачиваетъ первоначальную скорость. Естественно поэтому, что чѣмъ большее разстояніе она

¹⁾ „Поражаемое пространство“, то-есть такое, въ предѣлахъ котораго пуля достигаетъ пѣхотинца, быстро уменьшается по мѣрѣ удаленности цѣли стрѣльбы. Такъ, напр., при стрѣльбѣ бездымнымъ порохомъ изъ ружья Лебеля, поражаемое пространство составляетъ для пѣхоты:

При разстояніи отъ цѣли	с т о я щ е й:			
	на 200 метр.	на ногахъ.	на колѣняхъ.	лежащей.
на 200 метр.	200 метр.	200 метр.	200 метр.	200 метр.
„ 400 „	400 „	125 „	55 „	„
„ 600 „	80 „	60 „	30 „	„
„ 800 „	55 „	40 „	18 „	„
„ 1.200 „	24 „	16 „	7 „	„
„ 1.600 „	13 „	9 „	4 „	„
„ 2.000 „	8 „	5 „	2 „	„

Изъ этого расчета видно, какая разница въ степени опасности существуетъ между положеніемъ стоящаго или лежащаго человѣка. Въмѣстѣ съ тѣмъ, отсюда видна малая вѣроятность отдѣльнаго пораженія уже на разстояніи 2.000 метровъ. Очевидно также, что на болѣе значительныхъ разстояніяхъ стрѣльба окажется дѣйствительною только при производствѣ ея залпами и при направленіи ея на непріятеля, двигающагося массами.

пролетитъ до потери ею этой скорости, тѣмъ линія ея полета (траекторія) будетъ прямѣе, или, говоря языкомъ военнымъ, тѣмъ настильность ея будетъ больше и тѣмъ, слѣдовательно, больше будетъ поражаемое пространство. Быстрота же зависитъ, какъ извѣстно, отъ силы, выбрасывающей пулю, и отъ степени сопротивленія воздуха, прорѣзываемаго ею. Слѣдовательно, чтобы отнѣсительно выпрямить траекторію, необходимы два условія: увеличить силу пороха и уменьшить сопротивленіе воздуха, посредствомъ сообщенія пулѣ заостренной формы. Кромѣ того, съ тѣхъ поръ, какъ введены ружья дальнобойныя, на полѣ битвы увеличеніе вѣроятности пораженія путемъ выпуска пулѣ, все поражающихъ въ горизонтѣ стрѣляющаго на протяженіи до 600 метровъ, стало цѣниться болѣе, чѣмъ прицѣливаніе, и эта вѣроятность стала достигаться посредствомъ увеличенія числа выпускаемыхъ пулѣ изъ скорострѣльнаго оружія.

Разрѣшеніе этихъ техническихъ задачъ представляетъ современное усовершенствованное оружіе. Силу метательную увеличило введеніе новаго пороха, сопротивленіе воздуха уменьшено посредствомъ уменьшенія толщины пули и приданія ей конусообразнаго вида, а количество выпускаемыхъ пулѣ увеличилось при средствѣ, такъ называемаго, магазиннаго приспособленія къ ружью.

2.

Бездымный порошокъ и прочія взрывчатыя вещества.

Скорость полета и сила удара пули зависятъ прежде всего отъ силы, выбрасывающей ее изъ дула ружья.

Въ послѣдніе годы, благодаря развитію химіи, техника взрывчатыхъ веществъ вышла на совершенно новые пути. Между прочимъ, изобрѣтенъ новый родъ пороха, по химическому своему составу отличающійся отъ употреблявшагося до селѣ и обладающій свойствомъ давать несравненно менѣе дыма при выстрѣлахъ. Вслѣдствіе этого, онъ получилъ названіе *бездымнаго пороха*. Кромѣ этого свойства, онъ отличается и значительно большею силой.

Нѣкоторые изъ весьма компетентныхъ военныхъ писателей утверждаютъ, что со введеніемъ этого новаго пороха тактика сраженій должна будетъ вполнѣ преобразиться и что онъ вызоветъ даже болѣшій переворотъ въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ первое изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльнаго оружія. Другіе авторитеты, однако, съ этимъ мнѣніемъ не согласны; хотя они и

признають за новымъ изобрѣтеніемъ большое значеніе, но изводятъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ извѣстныя границы относительно роли, какую ему придется играть въ будущемъ.

Во всякомъ случаѣ, бездымный порохъ представляетъ собой въ настоящее время предметъ нерѣшеннаго спора и живаго безпокойства въ вопросѣ о характерѣ и особенностяхъ будущей войны.

Въ послѣднее время найдено много веществъ, обладающихъ все большею и большею силою взрыва. Изъ числа ихъ особенно извѣстны: мелинитъ, экразитъ, робуритъ, пироксилиновый порохъ и проч.

Всѣ арміи прилагаютъ величайшія старанія къ тому, чтобы не отстать отъ прочихъ армій относительно обладанія лучшимъ изъ существующихъ сортовъ пороха. Опыты надъ взрывчатыми веществами и усилія совершенствованія въ ихъ фабрикаціи не останавливаются ни на минуту. Поэтому, намъ придется нѣсколько остановиться на этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе интересномъ, что въ вопросѣ о „бездымномъ порохѣ“ послѣднее слово еще далеко не высказано.

Историческій обзоръ приготовленія новыхъ взрывчатыхъ веществъ. Подобно тому, какъ большая часть всякихъ открытій, бездымный порохъ составляетъ результатъ частью долговременныхъ изысканій, частью случайности. Давно уже явилась мысль о необходимости улучшенія въ производствѣ обыкновеннаго пороха, который, какъ извѣстно, представляетъ собой механическую смѣсь изъ 10% сѣры, 16% угля и 74% селитры. Нѣсколько больше $\frac{2}{3}$, а именно 43% этого пороха послѣ взрыва обращается въ газы ¹⁾. Остальное количество состава пороха образуетъ твердыя порошкообразныя выдѣленія въ видѣ сажи, осѣдающей въ дулѣ, или дыма, улетающаго въ воздухъ. Изъ этого возникаетъ причина загрязненія оружія, которое при томъ же разогрѣвается и иногда въ самые рѣшительные моменты битвы становится негоднымъ къ употребленію. Сверхъ того, воюющіе оказываются окруженными непроницаемымъ облакомъ дыма.

Съ 1846 года появился новый родъ матеріаловъ, изъ которыхъ стали готовить различнымъ образомъ комбинированныя химическія соединенія. Въ эти соединенія вошли азотная кислота и разныя органическія вещества. Получились извѣст-

¹⁾ „15 Vorträge über die Wirkungsfähigkeit der Geschütze“, S. 115.

ные: хлопчатобумажный порохъ, нитроглицеринъ, пикратъ потасія и проч.

Особенно многочисленные опыты были произведены, начиная съ 1856 года, надъ хлопчатобумажнымъ порохомъ, причемъ результаты оказались мало удовлетворительными, вслѣдствіе черезъ чуръ сильнаго дѣйствія новаго взрывчататаго вещества, и лишь въ недавнее время произошла перемѣна въ положеніи этого дѣла.

Главнымъ основаніемъ, вызвавшимъ стремленіе къ такимъ изысканіямъ, было не столько желаніе усилить взрывчатую способность существующаго пороха, сколько необходимость устранения неудобствъ при употребленіи его вслѣдствіе распространенія имъ густаго дыма, заслоняющаго горизонтъ.

Примѣненіе въ послѣднее время картечицъ и скорострѣльныхъ орудій къ оборонѣ судовъ противъ миноносокъ требовало для дѣйствительности защиты употребленія бездымнаго или, по крайней мѣрѣ, малодымнаго пороха, такъ какъ при иныхъ условіяхъ всякая польза скорой стрѣлбы дѣлалась сомнительной; торпедныя лодки, пользуясь клубами дыма, окружающими большое судно, получаютъ возможность приблизиться къ нему, будучи незамѣченными. Поэтому морская артиллерія прежде другихъ занялась примѣненіемъ къ своимъ нуждамъ бездымнаго пороха, и лишь тогда, когда увѣрилась въ баллистическихъ его достоинствахъ, возникъ вопросъ о введеніи его въ сухопутныя арміи.

Раньше другихъ взрывчатыхъ веществъ былъ изобрѣтенъ *нитроглицеринъ*. Онъ получается посредствомъ медленнаго добавленія глицерина къ смѣси сѣрной и азотной кислотъ и затѣмъ промывкой въ водѣ полученнаго химическаго соединенія, съ цѣлью удаленія слѣдовъ кислоты. Это жировидная жидкость, сгущающаяся при 10° R. Она чрезвычайно ядовита и легко подвергается взрыву отъ удара или тренія, причемъ вся безъ остатка превращается въ газы. Поэтому въ чистомъ видѣ нитроглицеринъ не употребляется, а для того, чтобы воспользоваться его свойствами, имъ насыщаютъ какое-либо вещество, обращенное въ порошокъ и легко поглощающее его, какъ наприкладъ уголь, хорошо выжженный кирпичъ, известь и т. п. Въ этомъ состояніи взрывчатый матеріалъ получаетъ названіе *динамита*.

Огнестрѣльный хлопокъ (пироксилинъ) получается посредствомъ пропитыванія отбросовъ и остатковъ хлопка смѣсью азотной кислоты съ сѣрной. Такой хлопокъ заключаетъ въ себѣ 15% воды и весьма опасенъ при обращеніи съ нимъ и въ перевозкѣ.

Послѣ просушки, когда пироксилинъ заключаетъ въ себѣ 3% воды, онъ воспламеняется отъ пламени и сгораетъ постепенно. При воспламененіи же его посредствомъ гремучей ртути, происходитъ взрывъ.

Изъ пироксилина готовятъ вещество, пригодное для стрѣльбы, смѣшивая его на половину съ селитрой, а за тѣмъ подвергая прессованію, послѣ чего его разрѣзаютъ для ружейныхъ патроновъ. Для пушечнаго употребленія пироксилинъ готовится въ видѣ кубическихъ кусковъ, которые раздѣляются на части, смотря по надобности.

Первый бездымный порохъ былъ введенъ во французскую армію въ 1886 году и былъ обозначенъ литерою В, по инициалу фамиліи Буланже, бывшаго въ то время военнымъ министромъ.

Естественно, что нововведеніе это произвело огромное впечатлѣніе въ военныхъ сферахъ всего свѣта. Способъ производства бездымнаго пороха сохранялся въ величайшей тайнѣ, которая тѣмъ не менѣе вскорѣ была выдана, и въ настоящее время уже въ разныхъ странахъ производится нѣсколько десятковъ сортовъ бездымнаго пороха. Всѣ эти сорта составляютъ лишь видоизмѣненія тѣхъ же самыхъ основныхъ веществъ. Всѣ они нитроцеллюлозные, т. е. состоятъ изъ органическаго вещества, обработаннаго азотной кислотой, и отличаются одно отъ другаго способомъ приготовленія и различными добавочными примѣсями.

Французскіе инженеры утверждаютъ, что производимый ими бездымный порохъ гораздо совершеннѣе, чѣмъ имѣющійся въ другихъ странахъ. Однако, нельзя не замѣтить, что прусскій генералъ Вилле сообщаетъ въ „*Militär Zeitung*“¹⁾ объ опытахъ, произведенныхъ надъ картечными системами Кане (Canet), описанными въ „*Revue de l'artillerie*“²⁾. Если основны-

¹⁾ 1891, № 1.

²⁾ При снарядѣ въ 21 килограммъ и зарядѣ въ $4\frac{1}{2}$ килогр. французскимъ бездымнымъ порохомъ, начальная скорость равнялась, по словамъ отчета, 661 метр.; давленіе же газовъ 1.860 килограмм. на кв. сантиметръ разрѣза канала. Между тѣмъ при употребленіи бездымнаго пороха въ другихъ государствахъ соотвѣтственныя цифры показывали 800 метр. скорости и 2.316 килограммовъ давленія. Приводимъ эти данныя, чтобы показать, съ какою осторожностью слѣдуетъ относиться ко всякаго рода частнымъ свѣдѣніямъ и слухамъ.

ваться на этихъ опытахъ, то оказывается, что французскій порохъ не только не имѣетъ преимуществъ надъ прочими, но что онъ хуже ихъ.

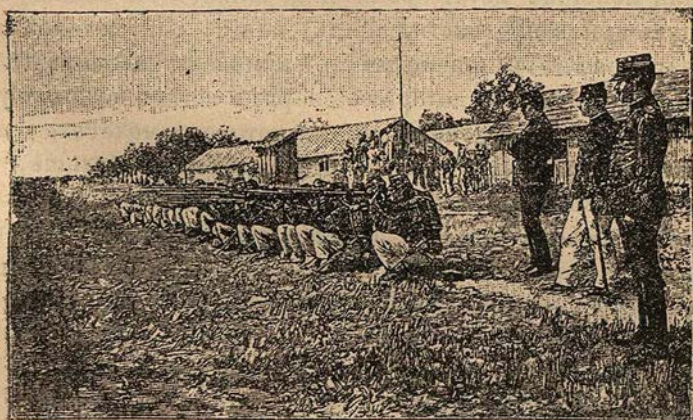
Бездымность и друія свойства новаго пороха. Послѣ вышеприведенныхъ техническихъ объясненій, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію достоинствъ и недостатковъ новаго пороха.

Начнемъ съ бездымности, которую слѣдуетъ понимать въ смыслѣ не безусловномъ.

Для наглядности приводимъ два рисунка, (заимствуемые нами изъ „Année scientifique Figuier“ за 1891), изображающіе залпы обыкновеннымъ и бездымнымъ порохомъ.

Залпъ обыкновеннымъ порохомъ.

Залпъ бездымнымъ порохомъ.

При стрѣльбѣ бездымнымъ порохомъ на разстояніи 300 метровъ дымъ отъ ружейнаго огня вовсе не видимъ; на меньшей дистанціи онъ замѣтенъ надъ линіей стрѣлковъ въ видѣ легкихъ облаковъ, въ родѣ дыма отъ сигары; дымъ, производимый залпами, не препятствуетъ стрѣлкамъ видѣть наиболѣе отдаленные предметы; пушечный дымъ, производимый бездымнымъ порохомъ, для артиллерійской прислуги составляетъ явленіе не болѣе крупное, чѣмъ при залпахъ пѣхоты. Но, чтобы можно было замѣтить дымъ непріятельскаго оружія на обыкновенномъ разстояніи пушечнаго выстрѣла, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Онъ не замѣтенъ даже при самой учащенной стрѣльбѣ. Въмѣсто того, часто является другое обстоятельство, выдающее происхожденіе и направленіе стрѣльбы, а именно движеніе воздуха, возникающее вслѣдствіе чрезвычайной силы взрывовъ и поднимающее пыль. Явленіе это при новомъ порохѣ бываетъ безъ сравненія болѣе сильное, чѣмъ при прежнемъ.

Прочіе достоинства и недостатки бездымнаго пороха. Кромѣ бездымности, новый порохъ обладаетъ въ сравненіи съ прежнимъ гораздо большей метательной силой; поэтому онъ сообщаетъ пулѣ или снаряду гораздо большую начальную скорость при вылетѣ ихъ изъ дула, что въ свою очередь является причиной того, что онѣ могутъ поражать на большемъ разстояніи. Дальнобойность новаго оружія при употребленіи бездымнаго пороха достигаетъ 4.200 метровъ, тогда какъ огонь изъ берданокъ можно считать дѣйствительнымъ только съ 1.775 метровъ (2 500 шаговъ). Что особенно важно, это то, что болѣшая или меньшая метательная сила вліяетъ на болѣшую или меньшую кривизну (настильность) линіи, описываемой пулей или снарядомъ. Отъ степени же этой кривизны зависитъ и длина того пространства, на которомъ снарядъ летитъ не выше роста человѣческаго и, слѣдовательно, на которомъ полетъ его смертоносенъ. Очевидно, что чѣмъ это протяженіе больше, тѣмъ выстрѣлъ дѣйствительнѣе и тѣмъ ошибка при опредѣленіи разстоянія имѣетъ меньшее значеніе, такъ какъ болѣшая величина поражаемаго пространства допускаетъ и болѣшую неточность прицѣла. Опыты въ этомъ отношеніи дали слѣдующіе результаты ¹⁾.

¹⁾ М. Ерогинъ. „Стрѣлковые дальномѣры“. Спб. 1892, стр. 6.

Расстояніе отъ выстрѣла.	Поражаемое пространство.	
	Ружье заряж. бездымн. порохомъ.	Ружье Бердава, заряж. обыкновенн. порохомъ
600 шаговъ.	600	130
1.000 "	99	62
1.500 "	40	20
2.000 "	22	11
2.500 "	13	0
2.800 "	10	0

Изъ этого видно, что на близкихъ разстояніяхъ до 600 шаговъ, при стрѣльбѣ изъ новаго ружья, поражаемое пространство вчетверо больше, чѣмъ при стрѣльбѣ изъ берданокъ; на разстояніи отъ 600 до 1.000 шаговъ—на половину больше, на 1.500—2.000 шаговъ—вдвое больше, а начиная съ 2.500—уже сравненіе невозможно, такъ какъ бердановскія ружья, при употребленіи прежняго пороха, на такое разстояніе не бьютъ.

При употребленіи бездымнаго пороха мѣткость получается бѣльшая, какъ по причинѣ большей начальной скорости пули, такъ и вслѣдствіе возможности употребленія оружія меньшаго калибра.

Опыты, произведенные въ Италіи, показали, что на 400-метровой дистанціи попадало въ цѣль:

	При стрѣльбѣ изъ магазиннаго ружья.	Не примѣняя магазинный аппаратъ
Прежнимъ порохомъ	26%	38%
Бездымнымъ порохомъ	47%	54%

Прочія данныя также благоприятны для бездымнаго пороха. При одиночной стрѣльбѣ изъ одинаковыхъ ружей, новый порохъ даетъ 44% мѣткихъ выстрѣловъ, тогда какъ прежній порохъ даетъ ихъ всего 34%. При стрѣльбѣ же залпами, новый порохъ—42%, прежній—36%. Разница въ пользу бездымнаго пороха представляется въ первомъ случаѣ 29 процентами, во второмъ—семнадцатю.

Бѣльшая сила взрыва новаго пороха даетъ возможность употреблять его въ количествѣ втрое меньшемъ противъ стараго, по вѣсу и объему. При томъ и вѣсъ пули для новыхъ ружей подвергся уменьшенію, вслѣдствіе чего солдатъ получилъ возможность нести на себѣ большее число патроновъ, что особенно важно при вооруженіи магазиннымъ ружьемъ.

Все эти качества бездымнаго пороха объясняются его химическимъ составомъ. Одинъ килограммъ обыкновеннаго пороха при взрывѣ производитъ всего 270 литровъ газообразныхъ продуктовъ, между тѣмъ какъ газы изъ такого же количества новаго пороха занимаютъ объемъ въ 859 литровъ.

Еще замѣтнѣе отличіе новаго пороха отъ стараго опредѣляется временемъ, потребнымъ на его сгораніе. Килограммъ обыкновеннаго чернаго пороха для своего сгоранія требуетъ $\frac{1}{100}$ секунды, а такое же количество бездымнаго сгораетъ въ $\frac{1}{0000}$ секунды ¹⁾. Но бездымный порошокъ развиваетъ болѣшую температуру, тѣмъ подвергаетъ стрѣляющаго болѣе значительной возможности обжоговъ. Превжній порошокъ при взрывѣ развивалъ температуру до 2.500 по Цельсію, между тѣмъ какъ нитроглицеринъ—7.800 ²⁾.

Прежнее предубѣжденіе, еще сохранившееся въ малосвѣдущихъ сферахъ—будто новый порошокъ плохо сохраняется въ складахъ, будто онъ легко подвергается порчѣ—опровергается, между прочимъ, тѣмъ, что превжній порошокъ, однажды подмоченный, дѣлается негоднымъ къ употребленію, тогда какъ бездымный порошокъ, пробывшій нѣсколько дней подъ водой и снова высушенный на солнцѣ и воздухѣ, пріобрѣтаетъ вновь все свои превжня свойства. Такимъ образомъ, единственными отрицательными качествами являются относительная его дороговизна и свойство развивать при взрывѣ высокую температуру.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о взрывчатыхъ матеріалахъ, употребляемыхъ для бомбъ, минъ и иныхъ средствъ, служащихъ къ разрушенію закрытій и стѣнъ. Изъ этихъ матеріаловъ мы можемъ упомянуть о мелинитѣ, робуритѣ, панклагитѣ, кинелитѣ и другихъ силотворахъ, изобрѣтенныхъ въ послѣднее время. Въ химическій составъ всехъ этихъ веществъ входятъ пикриновыя соединенія кали и пикриновая кислота, въ два и три раза увеличивающія ихъ взрывчатую силу, въ сравненіи съ динамитной. Секретъ изобрѣтенія тутъ заключается не въ химическомъ составѣ, а въ техникѣ начинки снарядовъ и способѣ обращенія съ матеріаломъ.

Опасность во время приготовленія и сохраненія этихъ взрывчатыхъ веществъ требуетъ величайшей точности въ соблюденіи принятаго метода, который составляетъ результатъ продолжи-

1) „Das alte und das neue Pulver“. Lepsius. 1891.

2) „Vorträge über die Wirkungsfähigkeit der Geschütze“.

тельныхъ изысканій надъ свойствами пикриновыхъ соединеній. Это подтвердилось, между прочимъ, во время судебныхъ преній по извѣстному сенсаціонному дѣлу объ измѣнническомъ сообщеніи секрета приготовленія мелинита англійскому правительству нѣкимъ Тюрпеномъ.

Несмотря на преувеличенное представленіе о силѣ мелинита, какое вообще распространено о немъ, дѣйствіе его на самомъ дѣлѣ по силѣ всего втрое превосходитъ дѣйствіе стариннаго пороха.

Знаменитый французскій химикъ Бертелло по этому поводу говоритъ ¹⁾:

„Никакая иная сила такъ не поразительна, какъ та, источникомъ которой служатъ взрывчатыя тѣла. Сила эта, которая можетъ быть полезною или пагубною, смотря потому, какъ она направлена человѣческою волей, одинаково послушна всякимъ намѣреніямъ. Но весьма заблуждаются тѣ экзальтированные умы, которые полагаютъ, что посредствомъ динамита можно вести революціонную политику, съ цѣлью пересозданія общества. Конечно, сила взрывчатыхъ веществъ можетъ годиться для преступныхъ предпріятій личной мести, но она совершенно непригодна для общихъ цѣлей въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. Такія цѣли требуютъ дорого стоящихъ приспособленій и снарядовъ, которыми могутъ пользоваться лишь особые организованные отряды, вполнѣ обученные. Такая задача можетъ быть подъ силу только самому государству, которое одно въ состояніи создавать подобные сложные механизмы и ими управлять“.

3.

Артиллерійскія орудія и снаряды.

Въ теченіе послѣднихъ* двадцати лѣтъ ручное огнестрѣльное оружіе, какъ это покажемъ ниже, подверглось трехстороннему усовершенствованію, а именно: заряденіе устроено съ казенной части, ружье снабжено магазинной частью съ патронами и уменьшенъ калибръ его. Кромѣ того пуля покрыта никелевой или стальной оболочкой. Отсюда тѣ повсемѣстныя троекратныя передѣлки въ вооруженіи пѣхоты, которымъ не послѣдовали лишь такія страны, которыя, не боясь неожиданныхъ нападений, воздержались отъ частичныхъ передѣлокъ и избѣ-

¹⁾ „Nouvelle revue“, „Les matières explosives“.

жали расходовъ, съ тѣмъ, чтобы перейти къ введенію нѣсколькихъ усовершенствованій заразъ. Такой системы, между прочимъ, придерживались и въ русской арміи.

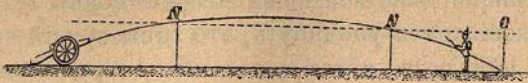
Въ этотъ промежутокъ времени, полевые орудія не подверглись столь значительнымъ измѣненіямъ къ конструкціи.

Сухопутныя артиллерійскія орудія. — Изъ употребляемыхъ нынѣ видовъ орудій насъ интересуютъ преимущественно тѣ, которыя приспособлены къ употребленію въ полевыхъ войскахъ, а именно, полевые пушки и мортиры. Полевые пушки предназначены къ обстрѣливанію войскъ противника, и чѣмъ съ болѣе дальняго разстоянія противникъ подвергается обстрѣливанію, тѣмъ орудія, служащія для этого, должны считаться болѣе цѣлесообразными. Дальнобойность орудій зависитъ отъ силы употребляемаго заряда. Вслѣдствіе такой необходимости, дула стали дѣлать длиннѣе и порохъ употреблять медленно сгорающій, чтобы черезъ-чуръ быстро развивающееся давленіе не повредило самого орудія.

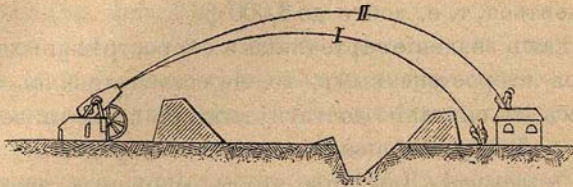
Мортиры употребляются для метанія снарядовъ въ предметы, находящіеся за какой-либо преградой, посредствомъ стрѣльбы подъ значительнымъ угломъ къ верху. Образую такимъ образомъ весьма выпуклую линію полета, такіа мортирные снаряды поражаютъ непріятельскую позицію отвѣсно. Мортиры требуютъ для своего заряда меньшаго количества пороха, такъ какъ обыкновенно каналъ ихъ короче, чѣмъ у обыкновенныхъ пушекъ, и составляетъ всего одну третью длины послѣднихъ.

Пушечный выстрѣлъ долженъ стремиться къ тому, чтобы снарядъ, которому сообщена достаточно большая начальная быстрота, пролетѣвъ по кривой, сохранилъ въ себѣ соотвѣтственную силу для пораженія рядовъ войска и предметовъ, находящихся за закрытіями. Мортирный же снарядъ выбрасывается съ болѣе близкаго разстоянія и поднимается на такую высоту, съ которой падая минуется закрытія и виѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ значительную быстроту и силу пораженія.

Чтобы сдѣлать болѣе очевидною разницу между стрѣльбой пушечной и мортирной, которая будетъ играть столь видную роль, особенно при осадѣ крѣпостей и укрѣпленій, приводимъ слѣдующіе два рисунка, извлеченные нами изъ сочиненія, изданнаго въ Берлинѣ въ 1888 г. подъ заглавіемъ: „Leitfaden für Unterricht in der Waffenlehre an den Königlichlichen Kriegsschulen“.

Выстрѣль изъ обыкновенной пушки.

Выстрѣль изъ мортиры.

На первомъ рисункѣ изображенъ полетъ пушечнаго снаряда, который поражалъ бы двигающуюся пѣхоту на всемъ протяженіи отъ *N* до *O*.

На второмъ рисункѣ показанъ характеръ кривой, по которой пущенъ мортирный снарядъ, предназначенный для пораженія предмета, находящагося за прикрытіемъ.

Исслѣдованіе результатовъ войны 1870 года вызвало во всѣхъ государствахъ стремленіе къ увеличенію поражаемаго пространства. Достигнуть этого можно было посредствомъ увеличенія начальной скорости снарядовъ. Съ этой цѣлью, матеріаломъ для орудій стали употреблять кованную сталь (*acier fretté*) и орудія стали заказывать на заводѣ Круппа ¹⁾, который считался долгое время производителемъ наиболѣе совершенныхъ орудій.

Время введенія современныхъ типовъ артиллерійскихъ орудій въ болѣе значительныхъ арміяхъ слѣдующее: въ Германіи 1873—88 гг., въ Австріи 1875 г., въ Италіи 1874—81 гг., во Франціи 1877 г., въ Россіи 1877—1879 годы.

Эти сроки введенія имѣютъ особенное значеніе.

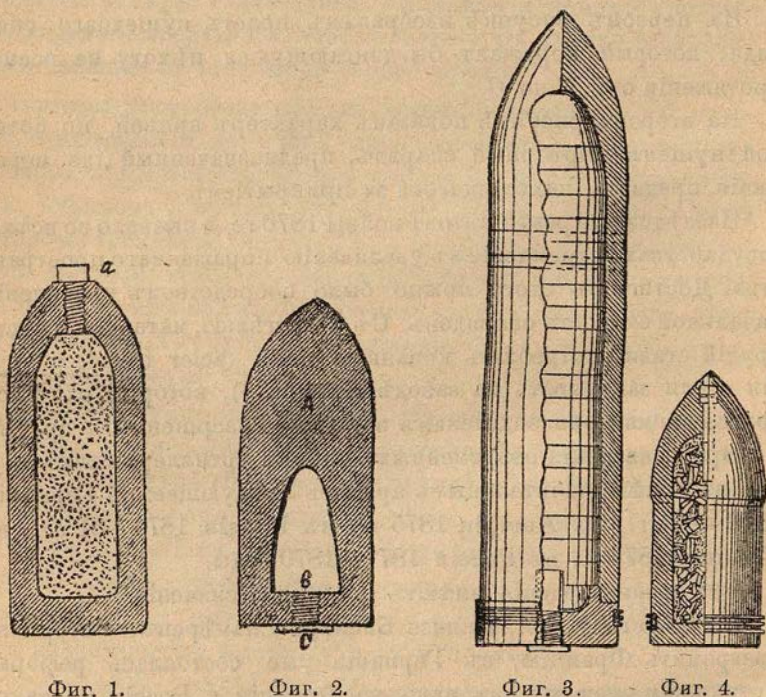
Въ 1875 году, когда князь Бисмаркъ намѣревался вторично разгромить Францію, въ Германіи уже состоялась реформа артиллеріи, между тѣмъ какъ во Франціи и Россіи къ такой реформѣ еще не было приступлено.

¹⁾ Изъ всѣхъ государствъ только Австрія не связана съ заводомъ Круппа; Россія, по словамъ Геннеберта, понекому освобождается отъ этой зависимости, благодаря развитію Обуховскаго завода („*L'art militaire et la science*“, p. 28).

Чтобы судить, какъ много оставалось несовершеннаго въ русской артиллеріи, дѣйствовавшей во время войны 1877—78 гг. съ Турціей, достаточно упомянуть, что типы орудій ея относились еще къ 1866 году, когда начальная скорость снарядовъ принималась за удовлетворительную, если она доходила до 1.000 фтовъ въ секунду. Между тѣмъ, эта скорость въ послѣдствіи доведена до увеличенія вдвое и угрожаетъ въ будущемъ утрониться, т. е. дойти до 3.000 ф.

Такъ какъ значеніе картечницъ и скорострѣльныхъ пушекъ признается второстепеннымъ, то, не останавливаясь на нихъ, переходимъ къ описанію достигнутыхъ со времени веденія послѣднихъ войнъ усовершенствованій въ снарядахъ.

Бомбы и гранаты. Для того, чтобы разрушить земляную насыпь или сжечь деревянное зданіе, прибѣгаютъ къ производ-

ству взрыва внутри того и другаго. Съ этой цѣлью употребляются разрывные снаряды (фугасы), начиненные обыкновеннымъ порохомъ или инымъ взрывчатымъ матеріаломъ.

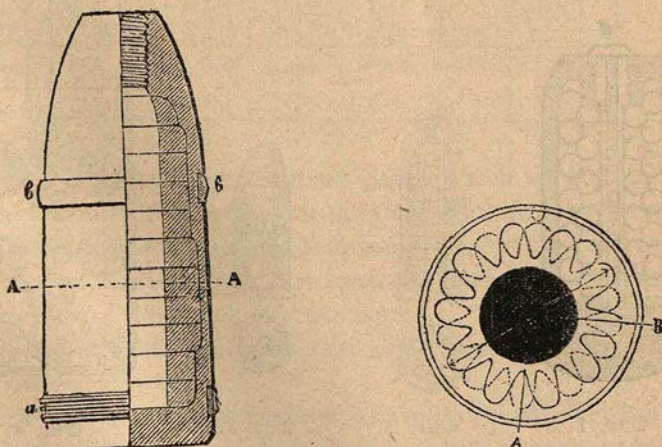
Подобные снаряды снабжены отверстиемъ сверху или внизу съ трубкой, заключающей въ себѣ воспламеняющееся отъ удара

химическое соединеніе, сообщающее взрывъ начинкѣ, разрывающей самый снарядъ (фиг. 1, 3 и 4). Такой снарядъ разрушаетъ укрѣпленія и зданія, а въ случаѣ паденія его на землю, поражаетъ осколками людей.

Для того же, чтобы пробить сильныя преграды, употребляютъ массивные снаряды изъ листаго, подвергнутаго быстрому охлажденію, металла (желѣза или стали), наполняемые взрывчатымъ веществомъ (см. фиг. 2).

Такіе снаряды носятъ названіе *гранатъ*, если они вѣсятъ меньше пуда, и *бомбъ*, если превышаютъ этотъ вѣсъ ¹⁾.

Изъ числа различныхъ, болѣе сложныхъ, употребляемыхъ преимущественно для пораженія живыхъ цѣлей, типовъ гранатъ, приводимъ изображеніе наиболѣе часто употребляющагося. Онъ состоитъ изъ наружнаго корпуса съ отверстіемъ для запала и внутреннихъ колець, уложенныхъ одно въ другое. Остающаяся въ серединѣ снаряда пустота заполняется порохомъ или инымъ взрывчатымъ веществомъ, долженствующимъ разорвать снарядъ.

Усовершенствованія, введенныя въ устройство гранатъ, весьма усилили ихъ дѣйствіе.

Ланглуа (Langlois) ²⁾ приводитъ по этому поводу слѣдующія сопоставленія.

Въ 1870 году, гранаты разрывались, смотря по типу, на 19 и до 30 осколковъ. Въ настоящее время количество осколковъ

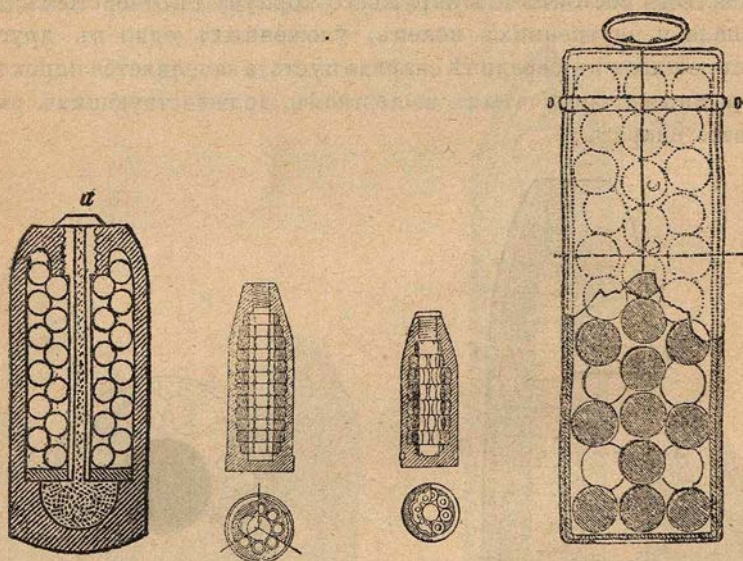
¹⁾ Будаевскій. „Курсъ артиллеріи“, стр. 11.

²⁾ „Artillerie de campagne“. Paris. 1892.

составляетъ minimum 27 штукъ и доходитъ до 240. Сверхъ того, такъ какъ разстояніе, съ котораго теперь возможна стрѣльба гранатами, увеличилось по крайней мѣрѣ на 700 метровъ, то результаты ихъ дѣйствія сравнительно съ 1870 г. чрезвычайно увеличились.

Шрапнель и картечь. Пораженіе непріятельскаго войска вѣрнѣе всего достигается мелкими осколками и пулями, разлетающимися во всѣ стороны послѣ взрыва снаряда, а также посредствомъ картечной стрѣльбы.

Для этой цѣли специально предназначены на большихъ разстояніяхъ *шрапнель*, а для менѣе значительныхъ (750 шаговъ) *картечь*. Для примѣра приводимъ три типа шрапнели (фиг. 1 2 и 3) и изображеніе картечи (фиг. 4).

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

Фиг. 4.

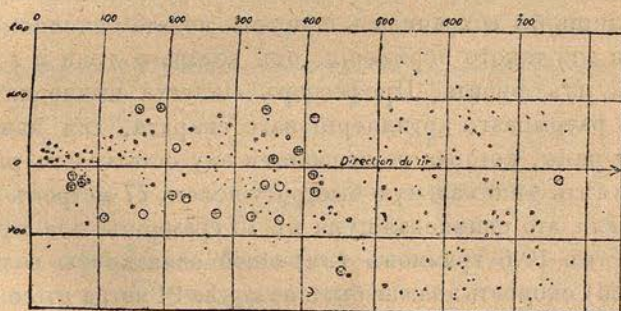
Количество пуль и осколковъ, какое разбрасывается шрапнелью при разрывѣ, не одинаково въ разныхъ арміяхъ Европы. Французскіе снаряды меньшаго калибра (80 мм.) разлетаются на 182 осколка, нѣмецкіе (78 мм.) на 160 — 165, итальянскіе (70 мм.) на 109 осколковъ. Профессоръ Величко, на котораго мы уже ссылались при описаніи морской войны (кн. III, стр. 226); упоминаетъ еще о шрапнеляхъ, наполняемыхъ 1.500 пулями, которыя будутъ выбрасываться изъ 21-сантиметровыхъ орудій. Тамъ же встрѣчается указаніе на мортиры такихъ же раз-

мѣровъ, снаряды коихъ заключаютъ въ себѣ 1.700 пуль. Онѣ были сфабрикованы на заводѣ Круппа.

Такія шрапнели, слѣдовательно, будутъ заключать въ себѣ впятеро и вшестеро больше пуль, чѣмъ доселѣ извѣстныя.

Шрапнель, взрываясь на нѣкоторой высотѣ передъ цѣлью, поражаетъ ее осколками и пулями.

На приводимомъ при семъ рисункѣ изображенъ характеръ разметыванія взрыва шрапнели, наблюдавшагося въ 1879 году въ Кале на морскомъ песчаномъ берегу при стрѣльбѣ изъ 9-сантиметроваго орудія. Взрывъ произошелъ отъ удара снаряда о землю, причемъ каждая клѣтка на рисункѣ представляетъ собой по 100 метровъ въ длину и ширину ¹⁾.

Отсюда слѣдуетъ, что снарядъ разсыпается на 800 метровъ въ длину и на 400 метровъ въ ширину. Сосчитавъ квадраты, на которые пало значительное количество осколковъ, получаемъ цифру 20; значить, шрапнель разсыпалась на пространствѣ 200 тыс. квадр. метровъ, что равняется $\frac{1}{3}$ кв. версты, то-есть пораженное ею пространство заняло до $\frac{2}{3}$ версты длины и болѣе $\frac{1}{3}$ версты въ ширину.

Нынѣ все это представляется иначе, такъ какъ гранаты и шрапнели начинаются не порохомъ, а мелинитомъ или взрывчатымъ хлопкомъ и вслѣдствіе того, какъ то показываютъ опыты, произведенные въ Германіи, разрываются на несравненно большее число осколковъ, такъ что тотъ же снарядъ, который при порохѣ давалъ 37 кусковъ, даетъ ихъ теперь до 800. Чугунная бомба, вѣсомъ въ 37 килограммовъ, начиненная порохомъ, разрывалась на 42 части, а заряжаемая теперь взрывча-

¹⁾ Omega „L'art de combattre“.

тѣмъ хлопкомъ даетъ 1.204 осколка. Производились также сравненія слѣдовъ, оставляемыхъ тысячею ружейныхъ пуль, выпущенныхъ стрѣлками, наступавшими въ развернутомъ батальонномъ фронтѣ—съ дѣйствіемъ шрапнелей, и оказалось, что одна шрапнель поражаетъ пространство двойной длины противъ того, какое было охвачено тысячею ружейныхъ пуль, и не меньшее послѣдняго въ ширину.

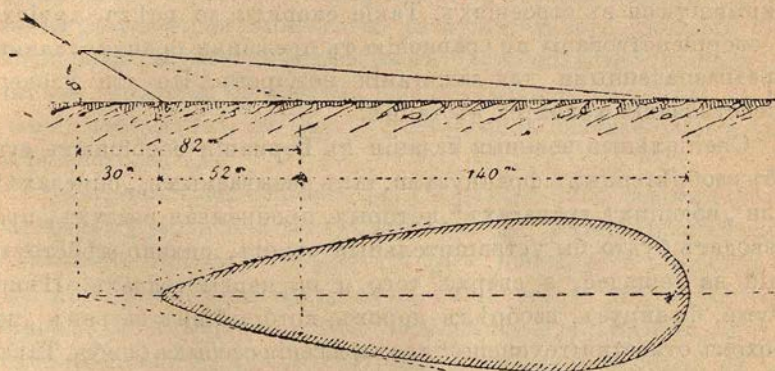
Естественнымъ послѣдствіемъ такого разсѣянія какъ пуль, такъ и осколковъ, является относительно меньшая ударная сила тѣхъ и другихъ, а потому шрапнели и употребляются только противъ войскъ. Разрываясь на известной высотѣ, а стало быть, не завися отъ неровностей почвы, шрапнель одинаково дѣйствительна на большемъ, какъ и на меньшемъ разстояніи, лишь бы сохранилась скорость полета осколковъ, достаточная для такого пораженія, отъ котораго люди и лошади выбудутъ изъ фронта. Профессоръ Ланглуа вычислилъ, что пуля изъ разрывнаго артиллерійскаго снаряда, для нанесенія человѣку раны, которая не позволитъ ему остаться въ рядахъ, должна имѣть минимальную быстроту полета 77 метровъ въ секунду, если это свинцовая пуля въ 15 граммовъ; для пули же стальной въ 10,6 граммовъ (имѣющей одинаковую величину въ первой) скорость должна быть не менѣе 91 метра въ секунду. Соотвѣтственные показатели скорости той и другой пули для выбитія изъ строя лошади составляютъ 166 и 175 метровъ. Понятно, что чѣмъ значительнѣе будетъ метательная сила (дѣйствіе заряда) или, что то же, начальная скорость пули, тѣмъ сильнѣе ударъ.

При стрѣлбѣ даже съ разстоянія 3.000 метровъ нынѣшними снарядами, имѣющими начальную скорость около 540 метровъ, сила удара еще выражается 250 метрами, а пули, разсѣиваемыя бомбами и гранатами съ разстояній даже большихъ, чѣмъ 3 тыс. метровъ, будутъ еще убивать людей и лошадей. Надо замѣтить, что нынѣ начальная скорость снарядовъ, какъ мы упомянули, говоря о перевооруженіи артиллеріи (кн. III, стр. 226—231), доходитъ до 800 метровъ; значитъ, въ будущей войнѣ приходится ожидать еще болѣе поразительныхъ результатовъ. Что же касается полета осколковъ или пуль, разсѣиваемыхъ снарядомъ, послѣ его взрыва, то они летятъ и поражаютъ, при теперешней уже начальной скорости, на разстоянія не меньшія 200 метровъ отъ пункта разрыва.

Уясненіе себѣ величины площади, которая будетъ пора-

жаема артиллерійскими снарядами, имѣеть для насъ особенное значеніе, такъ какъ намъ придется въ послѣдствіи часто ссылаться не только на матеріальныя опустошенія, производимыя снарядами въ предѣлахъ поражаемаго пространства, но и на то нравственное дѣйствіе, которое размѣръ поражаемаго пространства произведетъ въ рядахъ солдатъ. Поэтому, чтобы лучше уяснить предметъ, приведемъ сопоставленіе пуль и осколковъ, а также разбѣянія ихъ изъ шрапнелей, пущенныхъ съ разстоянія 2.000 метровъ.

Вотъ рисунокъ, который заимствуемъ изъ сочиненія полковника Марсильона ¹⁾.

Мы видимъ, что шрапнель начала бить, только пролетѣвъ 30 метровъ отъ мѣста разрыва; на 52 метрахъ количество частей ея еще невелико, но на 140 метрахъ отдѣленіе количества осколковъ таково, что дѣйствіе шрапнели соотвѣтствуетъ ея назначенію.

Нѣкоторое понятіе о сравнительной пригодности для военныхъ цѣлей снарядовъ разнаго рода можно получить изъ процентнаго отношенія тѣхъ количествъ, въ которыхъ они въ дѣйствительности употреблялись въ бывшихъ войнахъ ²⁾.

Количество употребленныхъ снарядовъ раздѣляется въ процентахъ слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ „Modifications à apporter à la tactique de l'artillerie“.

²⁾ Wille. „Das Feldgeschütz der Zukunft“.

		гранаты	шрапнели	картечь.
въ войнѣ 1866 г.	{ въ артиллеріи прусской	96,95	2,77	0,28
	{ " " австрійской	82,70	14,20	3,10
въ войнѣ 1870 г.	{ въ артиллеріи прусской	99,80	—	0,20
	{ " " баварской	95,19 ¹⁾	4,40	0,14
въ войнѣ 1877—78 г.	{ " " саксонской	88,88 ²⁾	11,04	0,08
	{ въ артиллеріи русской	70,50	26,80	0,70

Снаряды новѣйшіе. Мы должны прибавить, что и въ будущей войнѣ будутъ употребляемы и картечь, и другіе сходные снаряды, но дѣйствительны они только на малыхъ разстояніяхъ. Нынѣ обращено еще особое вниманіе на снаряды зажигательные, такъ какъ при помощи ихъ можно выбивать пѣхоту, укрывшуюся въ строеніяхъ. Такіе снаряды во всѣхъ арміяхъ усовершенствованы по сравненію съ прежними брандкугелями, предназначенными для зажиганія пожаровъ. Но эти усовершенствованія хранятся въ тайнѣ.

Спеціальныя военныя изданія въ Германіи сообщаютъ еще объ изобрѣтенныхъ французами, такъ называемыхъ „сиренахъ“, или „воющихъ гранатахъ“, которыя, пронизывая воздухъ, производятъ будто бы устрашительный свистъ, сильно дѣйствующій на лошадей, а сверхъ того и на нервы солдатъ. Нѣкто Ружэ, французъ, изобрѣлъ порохъ, который имъ названъ „порохомъ отместки (revanche)“ для заряженія особыхъ бомбъ. Такая бомба, разрываясь передъ цѣпью непріятельскихъ стрѣлковъ, закрываетъ имъ видъ столбомъ дыма, который имѣетъ ширину въ 20, и высоту въ 10 метровъ, причемъ полкилограмма изъ заключеннаго въ бомбу матеріала горитъ и дымитъ въ продолженіе 10 минутъ. Полковникъ англійской морской артиллеріи Кризь (Creose) изобрѣлъ порохъ, производящій необыкновенно густой дымъ, какъ показали опыты въ присутствіи императора германскаго, при послѣднемъ его посѣщеніи Англіи. Изобрѣтатель придумалъ бумажныя гильзы длиною 18, а толщиною въ 2 дюйма, наполняемыя жидкостью, которая горитъ, издавая густой дымъ. Эти гильзы предполагается имѣть въ рукахъ стрѣлковъ для того, чтобы подъ прикрытіемъ дыма они могли постоянно подвигаться къ намѣченнымъ пунктамъ.

Запалы. Эти краткія свѣдѣнія о снарядахъ для нашей цѣли совершенно достаточны, но мы должны еще перейти къ доволь-

¹⁾ Въ томъ числѣ 6,30/0 зажигательныхъ гранатъ.

²⁾ " " " 0,20/0 " "

но сложнымъ подробностямъ, касающимся устройства аппаратовъ, вызывающихъ взрывъ, т. е. такъ называемыхъ запаловъ, усовершенствованіе которыхъ такъ сильно содѣйствовало могуществу артиллеріи и отъ болѣе или менѣе правильнаго устройства которыхъ зависитъ не только дѣйствительность выстрѣловъ, но даже и безопасность собственныхъ войскъ, какъ это мы укажемъ впослѣдствіи, при представленіи картины предполагаемыхъ дѣйствій артиллеріи на полѣ брани.

Для дѣйствительности запала, онъ долженъ быть устроенъ такимъ образомъ, чтобы вызываемый имъ взрывъ снаряда происходилъ въ предназначенномъ для того мѣстѣ, то-есть тамъ, гдѣ, по расчету стрѣляющихъ, взрывъ можетъ произвести наибольшее количество разрушительнаго дѣйствія. Такого рода результатъ даютъ нынѣ употребляемые спеціальныя запалы, которые, со времени франко-германской войны, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ подверглись значительному усовершенствованію.

Въ прежнія времена изъ орудій палили массивными ядрами, которыя, ударяясь о землю, продолжали летѣть рикошетомъ, убивая на своемъ пути все, что имъ попадалось на встрѣчу. Но дѣйствіе ихъ ограничивалось лишь небольшимъ пространствомъ. Затѣмъ стали стрѣлять бомбами, т. е. снарядами, внутри наполненными порохомъ. Чтобы произвести взрывъ, въ нее вставляли фитиль, который зажигали передъ выстрѣломъ. Бомба вылетала съ горящимъ фитилемъ, который, доводя огонь до пороха, производилъ взрывъ снаряда, разлетавшагося на части. Этотъ первобытный способъ вскорѣ былъ замѣненъ другими, болѣе совершенными, и въ настоящее время для этой цѣли употребляютъ довольно сложные приборы.

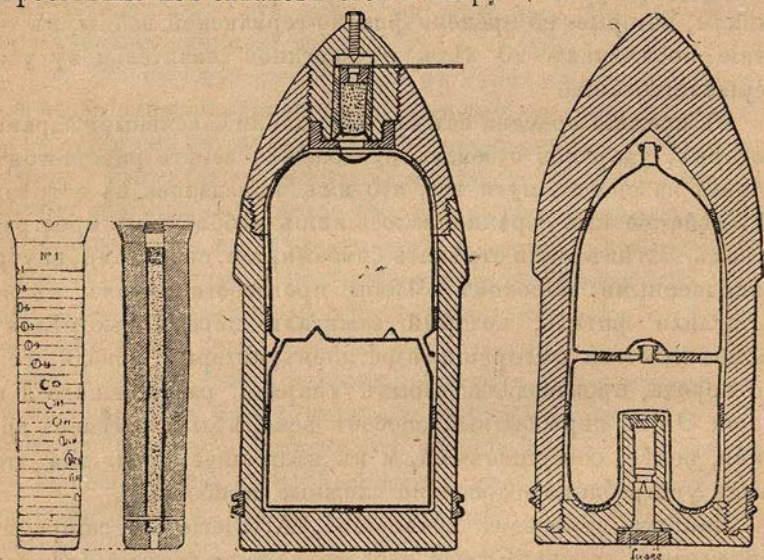
Ланглуа въ своемъ сочиненіи „l'Artillerie de campagne“ описываетъ троякаго рода запалы: а) *перкуSSIONный (ударный) запалъ*, производящій взрывъ при встрѣчѣ съ внѣшнимъ сопротивленіемъ, т. е. ударяясь о землю, орудіе, насыпь и проч.; б) запалъ, дѣйствующій черезъ опредѣленный промежутокъ времени, в) запалъ двойнаго дѣйствія, т. е. производящій взрывъ въ опредѣленное время или раньше, при ударѣ о внѣшній предметъ.

Устройство аппаратовъ для произведенія взрывовъ въ снарядахъ принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ задачъ артиллерійской техники. Описать въ общедоступной формѣ эти сложные механизмы чрезвычайно трудно, но, насколько возможно, устройство ихъ довольно обстоятельно изложено въ курсѣ

артиллеріи, изданномъ, по распоряженію французскаго военнаго министра, для руководства офицеровъ, не принадлежащихъ къ этому роду оружія¹⁾. Но и это описаніе не могло бы дать яснаго понятія о предметѣ безъ соотвѣтственныхъ рисунковъ. Поэтому, считаемъ нужнымъ дополнить объясненія рисунками, заимствуемыми нами изъ другихъ сочиненій.

Аппараты для произведенія взрыва сваряда, *разсчитаннаго на данное разстояніе*, устриваются такимъ образомъ, что въ нихъ въ моментъ взрыва воспламеняется порохъ (pulverin)²⁾ или какой-либо иной горючій матеріалъ, сообщающійся съ взрывчатой массой, заключенной въ оловянной трубкѣ.

Рисунки, извлеченные изъ сочиненія „Réglement sur le service des bouches à feu“ и „Revue encyclopedique“, представляютъ простѣйшіе изъ запаловъ этой конструкціи.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

Проще другихъ устройство запала, изображеннаго на фиг. 1.

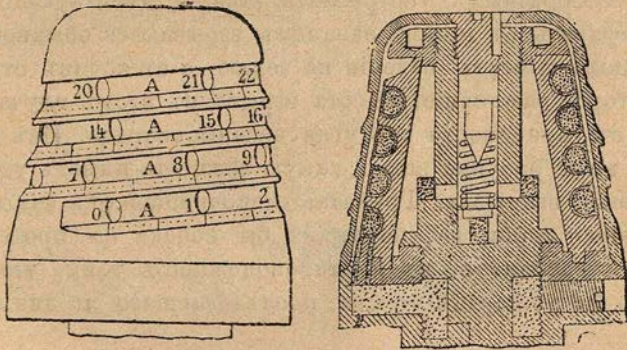
Отверстія, сдѣланныя на различныхъ разстояніяхъ, показываютъ мѣста, куда долженъ проникнуть огонь запала, для того чтобы вызвать взрывъ по прошествіи одной, двухъ, пяти и т. д. секундъ; таблицы же стрѣльбы даютъ длину полета ядра, соотвѣтственно времени, протекшему отъ воспламененія запала до взрыва.

¹⁾ „Conférence sur l'artillerie“. Paris. 1892. Librairie militaire.

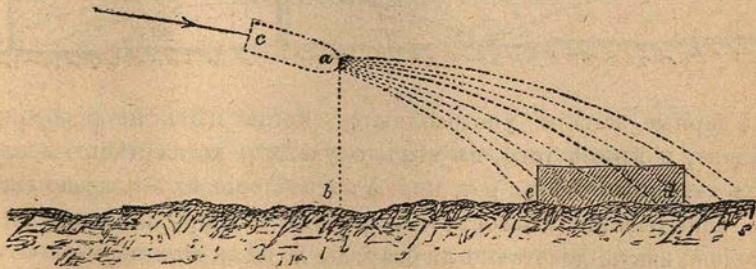
²⁾ Pulverin'омъ называли прежде мелкій порохъ, употреблявшійся на затравку въ курковое ружье.

Во время выстрѣла пороховые газы зажимаютъ фитиль, который проводитъ огонь въ каналъ, ведущій къ взрывчатому составу, составляющему зарядъ снаряда; въ мѣстѣ соединенія фитиля съ зарядомъ происходитъ воспламененіе послѣдняго.

Для того, чтобы пользоваться такого рода запаломъ (*fusée fusante*), надо предварительно произвести операцію пробивки трубки, что называется откупориваніемъ отверстія (*déboucher l'évent*). Всѣ эти манипуляціи вставленія и обрѣзки фитиля, пробивки отверстія, требуютъ времени и большой осторожности. Употребляются также для произведенія взрывовъ аппараты двойнаго дѣйствія: по истеченіи опредѣленнаго времени, соответствующаго времени горѣнія запала въ каналахъ аппарата (которые видны на помѣщаемыхъ ниже рисункахъ, заимствованныхъ изъ соч. Langlois „*L'artillerie de campagne*“) или же и

раньше, при ударѣ о твердый предметъ. Если все исполнено правильно, то снарядъ разрывается въ воздухѣ на опредѣленномъ, разстояніи отъ орудія (называемомъ разстояніемъ разрыва) причемъ пули или осколки образуютъ снопу, составляющій продолженіе траекторіи снаряда.

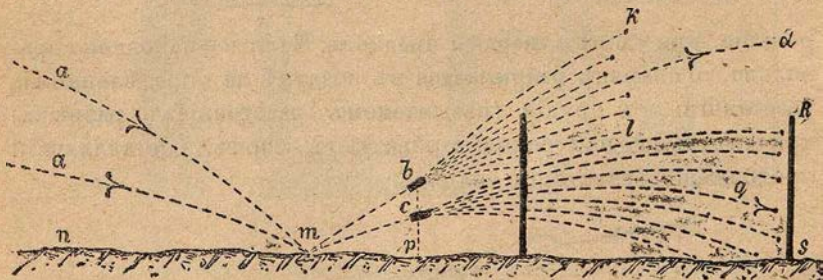

Рисунокъ этотъ наглядно объясняетъ большое значеніе точности расчета такого запала. Каждая ошибка на нѣсколько миллиметровъ въ длинѣ фитиля и, слѣдовательно, въ продол-

жительности его горѣнія можетъ сдѣлать разницу во взрывѣ на разстояніи 30—40 метровъ ближе или дальше цѣли, и выстрѣлъ можетъ потерять все свое значеніе.

Запалы, вызывающіе взрывъ снаряда, при ударѣ его о встрѣчный твердый предметъ, употребляются, когда запалы для взрыва въ опредѣленное время почему-либо не достигаютъ назначенія.

Представимъ себѣ, напримѣръ, что непріятель находится на разстояніи всего 1.200 метровъ. Мѣтко выпущенный снарядъ не долженъ летѣть выше 10 метровъ. Въ концѣ пути онъ летитъ почти возлѣ самой земли. Между тѣмъ, для того чтобы взрывъ далъ значительные результаты, надо, чтобы онъ произошелъ на нѣкоторой высотѣ, ибо, въ противномъ случаѣ, всякія неровности почвы задерживаютъ смертоносное дѣйствіе снапа пуль и осколковъ. При такихъ условіяхъ, считается болѣе цѣлесообразнымъ употреблять запалъ, дѣйствующій отъ удара. Гранаты съ такимъ запаломъ взрываются обыкновенно не въ самый моментъ паденія на землю, а отскочивъ отъ нея на нѣкоторое разстояніе, высота взрыва въ этомъ случаѣ находится въ зависимости отъ угла паденія снаряда. Изъ помѣщаемаго ниже рисунка видно, какую важность имѣетъ удачное направленіе выстрѣла. Граната, отскочившая отъ земли, по направленію линіи *mc*, поражала бы войска на протяженіи полета ея осколковъ, въ противоположность тому, что происходило бы въ случаѣ взрыва, послѣдовавшаго по линіи *mb*.

Ударные запалы употребляются, когда цѣль не особенно удалена, и кромѣ того, въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлью являются каменные стѣны и т. под. Употребленіе ихъ полезно еще при испытываніи мѣткости выстрѣловъ изъ орудій, когда желательно знать, долетаютъ ли снаряды до цѣли или перелетаютъ черезъ нее.

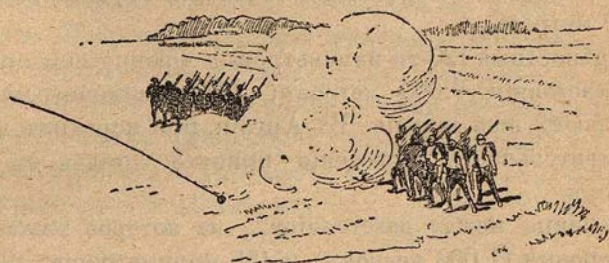
Удостовереніе въ степени мѣткости стрѣльбы лучше всего оказывается въ моментъ паденія снаряда на землю, что сопро-

вождается обыкновенно облакомъ пыли, съ которымъ смѣшивается большее или меньшее количество дыма. Если снарядъ не долетѣлъ до цѣли, то облако заслоняетъ ее; въ противномъ случаѣ цѣль рисуется на бѣломъ фонѣ дыма.

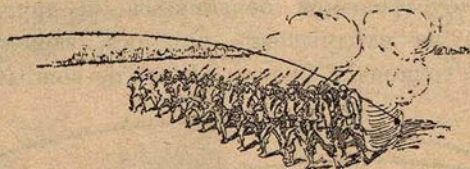
Для наглядности, мы предлагаемъ читателямъ рисунокъ, поясняющій способъ пробныхъ выстрѣловъ.

При всемъ томъ, бываютъ случаи, когда выгоднѣе всего употреблять запалы двойнаго дѣйствія, т. е. рассчитанные на дистанцію и взрывающіе снарядъ при ударѣ.

Снарядъ, не долетѣвшій до цѣли

Снарядъ, перелетѣвшій цѣль.

Снарядъ, выпущенный правильно.

4.

Сравненіе дѣйствія артиллерійскаго огня съ ружейнымъ

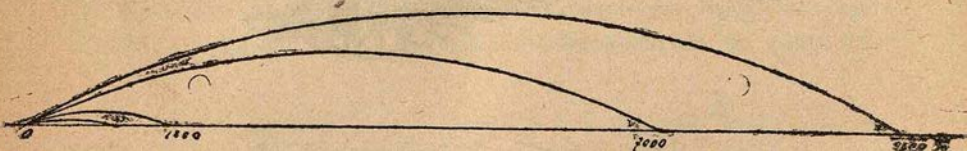
Смертоносность пушечныхъ снарядовъ опредѣляется лучше всего сравненіемъ числа людей, поражаемыхъ артиллерійскимъ огнемъ, сравнительно съ ружейнымъ. Опыты для полученія данныхъ въ этомъ направленіи были производимы во Франціи (въ Шалонѣ) и въ Швейцаріи, причемъ въ послѣдней измѣряли истребительную силу гранаты по отношенію къ сотнѣ выстрѣловъ изъ ружья системы Грасса 1874 г. Цѣлью служилъ фронтъ,

равный одной пѣхотной ротѣ. Опыты привели къ заключенію, что на разстояніяхъ свыше 1.000 метровъ преимущество одного пушечнаго выстрѣла передъ 100 ружейными выстрѣлами несомнѣнно.

Относительно *дальнобойности и мѣткости* орудій извѣстны слѣдующія данныя. Французскія 80 и 90-миллиметровыя полевыя пушки, не принимая во вниманіе ожидаемыхъ улучшеній, при зарядѣ бездымнымъ порохомъ, бьютъ на 7.000 метровъ. Въ прочихъ государствахъ орудія стрѣляютъ не далѣе 4.000 метровъ, исключая Германіи, обладающей орудіями, бьющими на 6.000 метровъ.

Крѣпостныя 120-ти-миллиметровыя французскія орудія бьютъ на разстояніи 9.000 метровъ; 155-ти-миллиметровыя орудія стрѣляютъ еще дальше. Въ Англии, при морскихъ маневрахъ, дѣйствительность пораженія принято считать въ 9,5 километровъ.

Разница между разстояніемъ, на которое хватаютъ 90-миллиметровыя (7.000 метровъ) и 155-миллиметровыя (9.500 метр.) орудія съ одной стороны, и дистанціей, по какую бьютъ ружья Грасса, малоуступающія берданкамъ, съ другой—графически изображена на слѣдующемъ рисункѣ, заимствованномъ изъ извѣстнаго сочиненія Omega: „L'art de combattre“.

Ружье Грасса.

90-миллиметровое орудіе.

155-миллиметровое орудіе.

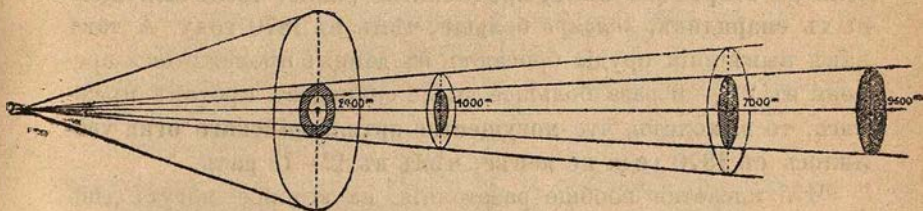
Дальнобойность, впрочемъ, тогда только можетъ имѣть настоящую цѣнность, если рядомъ съ ней не уменьшается и другое достоинство стрѣльбы—мѣткость. Артиллерія, какъ извѣстно, и въ этомъ отношеніи достигла большаго совершенства со времени войны 1870 года.

Лучшимъ указателемъ дѣйствительности какъ артиллерійскаго, такъ и ружейнаго огня, можетъ служить такъ называемая *настильность* снаряда или пули, отъ которой зависитъ величина *поражаемаго пространства*, т. е. такого, по которому пуля или снарядъ летитъ на высотѣ роста человѣка. Протяженіе поражаемаго пространства, занимаемаго траекторіей пушечнаго снаряда, выпущеннаго на разстояніи отъ цѣли 1.800 м., составляетъ 24 метра, между тѣмъ какъ для ружейной пули оно соста-

влететь всего 5 метровъ. Такимъ протяженіемъ поражаемаго пространства артиллерійскій огонь удовлетворяется лишь при стрѣльбѣ съ 4.500-метровой дистанціи.

Отсюда слѣдуетъ, что орудійная стрѣльба заключаетъ въ себѣ гораздо большую вѣроятность пораженія.

Другой рисунокъ изъ того же сочиненія Омега иллюстрируетъ большую мѣткость пупечнаго выстрѣла, сравнительно съ ружейнымъ. Послѣдній, уже на разстояніи 2.400 м., имѣетъ вѣроятность уклониться гораздо дальше, чѣмъ это бываетъ съ снарядами, бросаемыми въ цѣль, отстоящую на 4.000 и даже 7.000 метровъ. Вообще, вѣроятное уклоненіе отъ цѣли при стрѣльбѣ изъ орудій весьма небольшое. Для разстоянія въ 1.000 метровъ, при стрѣльбѣ изъ 90-миллиметровыхъ пушекъ, она не превосходитъ 70 сантиметровъ въ сторону и 9 метровъ по направленію выстрѣла, а для разстоянія въ 7.000 метровъ—9 метровъ 30 сантиметровъ и 24 метровъ.

Ружейный выстрѣлъ.

Пушечные выстрѣлы.

Меньшее уклоненіе отъ цѣли при стрѣльбѣ изъ орудій объясняется очень просто.

Наводчику, отчасти прикрытому орудіемъ, достаточно минутнаго хладнокровія, чтобы хорошо навести; какъ бы ни бился пульсъ его, при желаніи, онъ можетъ вѣрно направить линію прицѣла; глазъ мало колеблется, и наведенное орудіе остается неподвижнымъ до момента выстрѣла. Стрѣлокъ, также какъ и артиллеристъ, сохраняетъ, при желаніи, способность вѣрно прицѣливаться, но волненіе крови, нервной системы, противится неподвижности оружія въ его рукахъ; если бы даже оружіе опиралось обо что-нибудь, то часть его всегда воспринимаетъ волненіе человѣка. Кромѣ того, солдатъ инстинктивно спѣшитъ выпустить больше пуль, чтобы, такъ сказать, задержать пулю, предназначенную ему. И если огонь живой, то это смутное разсужденіе, хотя и не формулированное въ умѣ солдата, господствуетъ со всей силою, со всеѣмъ могуществомъ инстинкта самосохраненія, даже надъ храбрѣйшими и самыми твердыми

солдатами, которые тогда стрѣляютъ зря; и большинство стрѣляетъ не упирая ружье въ плечо ¹⁾).

Ланглуа иллюстрируетъ степень мѣткости нынѣшнихъ французскихъ орудій слѣдующимъ примѣромъ.

Представимъ себѣ, что задача батареи — пробить въ стѣнѣ брешь въ 2 метра вышины и 20 метр. ширины. Такую задачу нынѣшнія орудія (90 мм.) могутъ исполнить въ полчаса, причемъ наибольшее уклоненіе выстрѣловъ кверху или книзу можетъ быть на 1,10 м. Въ прежнихъ орудіяхъ это уклоненіе было на 6 метровъ. Отсюда выводится вѣроятность мѣткости для стрѣльбы изъ новыхъ орудій 0,30, а для прежнихъ она была 0,10.

Если согласиться съ мнѣніемъ, что ни одинъ изъ секретныхъ способовъ увеличенія дальности и мѣткости стрѣльбы не оказался недѣйствительнымъ, то въ такомъ случаѣ, по расчету Ланглуа, на основаніи данныхъ современной практики, въ окончательномъ выводѣ нынѣшнія орудія будутъ поражать непріятеля въ открытомъ полѣ, предполагая равное число выпущенныхъ снарядовъ, *впятеро* больше, чѣмъ въ 1870 году. А такъ какъ нынѣшнія орудія бросаютъ въ данный промежутокъ времени въ 2½—3 раза большее число снарядовъ противъ прежняго, то выходитъ, что могущество артиллерійскаго огня усилилось съ 1870 года не менѣе, чѣмъ въ 12—15 разъ.

Что касается вообще разстоянія, на которое могутъ дѣйствовать нынѣшнія пушки, то еще изъ опыта 1870 г. вынесли убѣжденіе, что стрѣльба нѣмецкихъ полевыхъ орудій дѣйствительна на разстоянія 2.400 метровъ, хотя совершенная точность прицѣла возможна для нихъ лишь на 1.500 м. Въ настоящее же время эта сфера смертоносности артиллерійскаго огня увеличилась по крайней мѣрѣ на 700 метровъ.

Такимъ образомъ, можно положительно сказать, что въ будущей войнѣ артиллеріи, получившей возможность стрѣлять дальше и поражать непріятеля во много разъ вѣрнѣйшими способами, предстоитъ гораздо болѣе рѣшительная роль, чѣмъ въ 1870 году.

Соотвѣтственно увеличенію силы артиллерійскаго огня, увеличился въ настоящее время и обозъ метательныхъ снарядовъ. Теперь каждая батарея снабжена въ Германіи *восемью*, во Франціи *девятью*, а въ Россіи *двенадцатью* зарядными ящиками. По этому расчету, въ отдѣльномъ сраженіи батарея можетъ произвести выстрѣловъ: нѣмецкая 808, французская 852, русская 900. Но

¹⁾ А. К. Пузыревскій. „Исслѣдованіе боя по сочиненію полковника де-Пика“. Варшава. 1893 года.

и это количество выстрѣловъ считается недостаточнымъ, и нѣмецкая армія считаетъ своей задачей довести число зарядовъ батареи до 1,290 ¹⁾!

Но произнесено ли уже послѣднее слово и военное искусство не представить ли на практикѣ войны множество неожиданныхъ? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ оцѣломъ рядѣ новыхъ изобрѣтеній, содержимыхъ правительствами въ секретѣ, имѣются только сбивчивыя свѣдѣнія.

5.

Ручное огнестрѣльное оружіе.

Новѣйшее огнестрѣльное оружіе представляетъ собой одно изъ наиболѣе совершенныхъ техническихъ орудій; согласно своему назначенію, оно соединяетъ достоинства дальнобойности, мѣткости и быстроты огня. Въ отношеніи мѣткости представляется слѣдующее сравненіе: изъ стрѣлъ, выпускавшихся лучникомъ съ разстоянія 100 метровъ, попадала въ человѣка 1 на 100, пуля изъ гладкоствольнаго ружья — 6 разъ на 100, изъ ружья нарѣзнаго — 30, изъ ружья Шасспѣ — 50, а изъ ружей новѣйшихъ типовъ — 70 разъ на 100, при измѣренныхъ, равныхъ разстояніяхъ.

Затѣмъ, что касается быстроты стрѣльбы, а стало быть и количества пущенныхъ снарядовъ, то сравненіе представляется въ такомъ видѣ: на 1 минуту приходилось только 1¹/₂, выстрѣла при нарѣзномъ ружьѣ, заряжавшемся съ дула; а уже при первомъ ружьѣ, заряжавшемся съ казенной части, именно при игольчатомъ ружьѣ Дрейзе, въ 1 минуту производилось отъ 5 до 6 выстрѣловъ; берданка, принятая въ русской арміи, допускаетъ 10—12 выстрѣловъ, а ружья магазинныя — отъ 16 до 20 выстрѣловъ въ минуту ²⁾).

Это — огромные успѣхи, достигнутые не при помощи какого-нибудь случайнаго открытія, но систематической работой мысли въ этомъ направленіи, вслѣдствіе чего нельзя не придти къ тому заключенію, что послѣднее слово въ усовершенствованіи оружія далеко еще не высказано.

Новыя ружья иностранныя. Опытъ послѣднихъ войнъ показалъ громадное значеніе быстроты огня, не только въ смыслѣ потерь, наносимыхъ непріятелю, но и въ смыслѣ того нравственнаго дѣйствія, какое на него оказываетъ непрерывный градъ осыпающихъ его пуль. Первый значительный опытъ

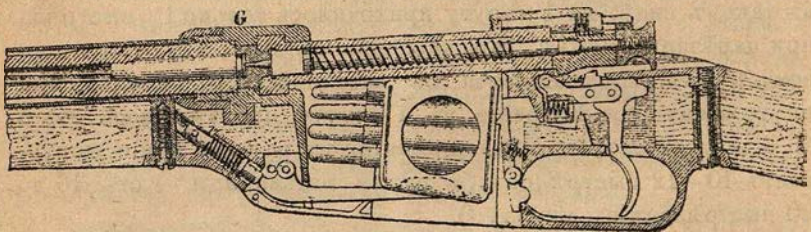
¹⁾ „Militärische Jahresberichte für 1891“, S. 376.

²⁾ Omega. „L'art de combattre“, p. 16.

этого рода представила война 1866 года, въ которой пруссаки были слабѣе по численности войскъ, имѣли также сравнительно слабую артиллерію и игольчатые ружья, уступавшія австрійскимъ какъ въ дальности, такъ и въ мѣткости стрѣльбы, но скорострѣльные, по сравненію съ австрійскими, дававшія двойную противъ тѣхъ быстроту огня. И вотъ, одно это преимущество густоты ружейнаго огня парализовало все иныя достоинства австрійскаго вооруженія и обезпечило пруссакамъ полную побѣду ¹⁾).

Это преимущество нравственнаго дѣйствія скорострѣльнаго оружія было тотчасъ признано, какъ въ Австріи ²⁾, такъ и въ другихъ государствахъ; послѣ 1866 г. стали повсемѣстно вводить ружья скорострѣльные, а затѣмъ и магазинныя, которыя впервые были введены въ арміи французской, вооруженной съ 1886 года ружьями Лебеля. Затѣмъ, магазинныя ружья были введены: въ 1888 г.—въ Германіи и Австріи, въ 1889 г.—въ Италіи, Бельгіи, Швейцаріи и Даніи, въ 1890 г.—въ Турціи, въ 1891 г. вторично въ Италіи. Въ настоящее время вооруженіе магазинными карабинами не введено въ Испаніи, Швеціи, въ христіанскихъ балканскихъ государствахъ.

Здѣсь мы представимъ рисунокъ, показывающій устройство германскаго ружья, типа 1888 года.

6.

Новое ружье въ русской арміи.

Чѣмъ позже какое-либо государство приступаетъ къ введенію новаго оружія, тѣмъ большая получается возможность сдѣ-

¹⁾ Тамъ же, р. 36.

²⁾ Уже во время отступленія разбитой арміи къ Вѣнѣ, состоялось императорское повелѣніе о покупкѣ 10 т. скорострѣльныхъ ружей въ Англии, каковая покупка, сказать мимоходомъ, не удалась, такъ какъ прусское военное министерство, узнавъ объ этомъ заказѣ, перекупило всю партію съ надбавкой цѣны.

лать хорошій выборъ, ибо тѣмъ большее количество чужихъ испытаній и опыта накапливается для критической оцѣнки достигнутыхъ въ немъ улучшеній, хотя дальнѣйшія усовершенствованія въ фабрикаціи пороха и устройствѣ огнестрѣльнаго оружія, разумѣется, еще далеко не исчерпаны. Въ этомъ отношеніи прогрессъ едва-ли чѣмъ-либо будетъ задержанъ.

Изъ числа великихъ державъ, Россія позже другихъ приступила къ замѣнѣ ружья системы Бердана ружьемъ меньшаго калибра, съ магазиннымъ устройствомъ, и къ одновременному съ этимъ введенію бездымнаго пороха.

Каждое государство постоянно имѣетъ въ виду ходъ вооруженій въ сосѣднихъ странахъ. Такъ, напримѣръ, Гольцнеръ въ своемъ сочиненіи, вышедшемъ въ Вѣнѣ („Moderne Kriegsgewehre“ 1890 г.), приводитъ изъ „Allgemeine Militär Zeitung“ отчетъ изъ лекцій профессора артиллерійской академіи, полковника Потоцкаго, о достоинствахъ вводимаго въ русской арміи новаго ружья. По словамъ профессора, ружье это не имѣетъ ни одного изъ недостатковъ магазиннаго ружья французскаго, германскаго ¹⁾ и австрійскаго. Оно, сверхъ того, на 2½ фунта меньше вѣситъ, чѣмъ нынѣшнее русское ружье.

Мѣткость новаго ружья превосходитъ ружье Бердана на 100 проц., сила удара—на 200 проц., дальнострѣльность—на 50 проц., а послѣдовательная скорость стрѣльбы—на 20 проц.

Въ непродолжительное время русская армія будетъ снабжена огнестрѣльнымъ оружіемъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ арміи прочихъ государствъ. Но намъ слѣдуетъ разсмотрѣть тѣ условія, въ какихъ велась бы война, въ случаѣ, еслибъ она вспыхнула раньше, чѣмъ новое оружіе будетъ изготовлено и вручено арміи.

Если бы разница въ достоинствахъ вооруженія между сосѣдними государствами на самомъ дѣлѣ была значительная и могла бы давать очевидный перевѣсъ въ судьбѣ столкновеній, то, конечно, сторона, имѣющая за собой преимущества въ вооруженіи, постаралась бы предупредить противника, не давъ ему времени на введеніе улучшеннаго оружія и приученіе къ нему солдатъ.

Является вопросъ: какое нужно время для того, чтобы послѣ раздачи въ руки арміи новаго оружія она приучилась къ обращенію съ нимъ?

¹⁾ Въ „Tactique de demain“ Coumes утверждаетъ, что дуло нѣмецкаго ружья расширяется отъ дѣйствія выстрѣловъ и вскорѣ дѣлается негоднымъ къ употребленію (стр. 112).

„Внимательно сравнивая новую инструкцію съ прежней, приходится заключить, что солдаты приготавливаются къ употребленію новаго ружья и что предписанія устава составлены такъ, чтобы не потребовались измѣненія при введеніи новаго вооруженія. Обращаю вниманіе на одинъ изъ пунктовъ его, бросающійся въ глаза. До настоящаго времени въ Россіи относились отрицательно къ возможности учащенной стрѣльбы посредствомъ магазиннаго устройства ружей, несмотря на подобныя стремленія въ прочихъ арміяхъ. Теперь уже такой взглядъ измѣнился, и въ новомъ уставѣ обращено особенное вниманіе, кромѣ мѣткости выстрѣловъ, и на быстроту ихъ слѣдованія. Для возбужденія соревнованія въ этомъ направленіи впервые установлены за такого рода отличіе преміи“.

Изъ этого можно заключить, что въ непродолжительномъ времени русская армія, относительно вооруженія, займетъ мѣсто выше прочихъ армій, уже въ 1891 году снабженныхъ магазинными ружьями¹⁾, если не принимать въ расчетъ новаго уменьшенія калибра, недавно лишь проектированнаго въ Германіи. По свѣдѣніямъ той же „*Militär Zeitung*“, въ Россіи новый типъ ружья заказанъ и для кавалеріи.

Сравнивая новое ружье съ берданками, слѣдуетъ прежде всего не забывать, что и бердановское ружье обладаетъ важными достоинствами. Этимъ обстоятельствомъ объясняется неторопливость и разсудительность, какія имѣло возможность проявить военное вѣдомство въ дѣлѣ перевооруженія, несмотря на примѣръ вынужденной поспѣшности прочихъ армій.

Уже въ 1883 году была учреждена специальная коммисія, съ цѣлью изслѣдованія различныхъ системъ магазиннаго оружія и выбора изъ нихъ наиболѣе соотвѣтственнаго. Труды коммисіи продолжались въ теченіе восьми лѣтъ и только въ 1891 г., послѣ тщательнаго обсужденія всѣхъ существующихъ системъ, она избрала модель, по которой теперь производятся заказы въ большихъ размѣрахъ.

Коммисіи была представлена модель пятимиллиметроваго калибра, но въ компетентныхъ сферахъ господствовало убѣжденіе, что далѣе восьми миллиметровъ не можетъ быть допущено уменьшеніе калибра солдатскаго ружья.

По словамъ генерала Драгомірова²⁾, при уменьшеніи калибра на одинъ мм., усложняются всѣ манипуляціи, особенно

¹⁾ General v. Wille „Das kleinste Gewehr-Kaliber“. Berlin, 1893. S. 38—39.

²⁾ Газ. „Развѣдчикъ“.

чистка оружія затрудняется, издержки увеличиваются, а патроны придется дѣлать болѣе длинными.

Но, несмотря на столь серьезный авторитетъ, коммисія въ своемъ выборѣ остановилась на калибрѣ 7,5 миллиметровъ. Съ этого, однако, времени взглядъ на этотъ предметъ настолько измѣнился, что уже 6,5-миллиметровые калибры вошли въ употребленіе, и есть основаніе ожидать дальнѣйшаго уменьшенія ихъ.

Въ виду важности предмета, мы еще разъ возвращаемся къ принципиальному вопросу о томъ, насколько магазинное ружье, принятое въ большинствѣ европейскихъ армій, обладаетъ способностью въ данный промежутокъ времени выпустить большее число выстрѣловъ, въ сравненіи съ обыкновеннымъ скорострѣльнымъ.

У г. Драшковскаго, въ трудѣ его, посвященномъ этому предмету, мы встрѣчаемъ слѣдующія два сравненія:

	Выпущено пуль.	Изъ коихъ попало въ цѣль %.
1) Заряжая послѣ каждого выстрѣла .	1.259	65
Въ то же время изъ магазинокъ .	2.508	61
2) Заряжая послѣ каждого выстрѣла .	1.147	64
Въ то же время изъ магазинокъ .	2.015	56

Перевѣсь, относительно числа выпущенныхъ пуль, очевидный въ пользу магазиннаго ружья. Что же касается до отношенія попавшихъ въ цѣль пуль къ числу выпущенныхъ, то результаты для магазиннаго ружья получены гораздо менѣе благоприятные.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что обстоятельству большей мѣткости выстрѣловъ при одиночномъ способѣ заряжанія не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія.

Вотъ, что говоритъ объ этомъ предметѣ компетентное лицо: „Если противникъ вашъ имѣетъ такое же мѣткое оружіе, какъ и вы, то ваша стрѣльба очутится опять въ условіяхъ стрѣльбы изъ менѣе совершеннаго оружія. Потеряютъ столько же людей, и условія хладнокровія будутъ тѣ же, т. е. ничтожныя“.

„Если будутъ стрѣлять въ три раза быстрѣе, перебьютъ втрое больше людей, — условія хладнокровія будутъ въ три раза труднѣе“¹⁾.

¹⁾ А. К. Пузыревскій, „Исслѣдованіе боя по сочиненію полковника де-Пика“. Варшава, 1893 г.

При сравненіи магазиннаго ружья съ бердановскимъ, результаты были благопріятны для послѣдняго именно при одиночной стрѣльбѣ, когда количество удачныхъ выстрѣловъ превышало такое же магазиннаго ружья на 7%, при стрѣльбѣ же залпами перевѣсъ составлялъ 4%. Если же принять во вниманіе, что изъ берданки солдатъ въ состояніи произвести 148 выстрѣловъ безъ отдыха (количество для каждаго боя болѣе чѣмъ достаточное), то съ полнымъ основаніемъ ружье это считалось настолько удовлетворительнымъ, что получилась возможность выжидать рѣшительнаго слова науки въ вопросѣ объ уменьшеніи калибра.

Но дальнѣйшее ожиданіе оказалось невозможнымъ; пришлось обратить вниманіе на другія условія. Магазинное ружье, въ рукахъ обученнаго солдата, даетъ ему самоувѣренность. Главное же преимущество этого ружья заключается въ томъ, что оно не занимаетъ стрѣлка заряданіемъ въ критическіе моменты, когда необходимо наибольшее число выстрѣловъ, когда нужно полное хладнокровіе для того, чтобы лихорадочная торопливость не вызвала вредныхъ послѣдствій. Запасъ патроновъ въ магазинномъ ружьѣ даетъ возможность спокойно ожидать атаки непріятеля и подпустить его на близкое разстояніе. Точно также и наступающія войска смѣлѣе идутъ въ бой, зная, что въ нужный моментъ у нихъ готовы заряды для пораженія врага. Это нравственное вліяніе магазиннаго ружья составляло главную причину введенія его, несмотря на его отрицательные результаты относительно мѣткости.

Въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ факторомъ чисто нравственнымъ и, однако, имѣющимъ огромное значеніе.

Коллективный человѣкъ, въ дисциплинированной части войскъ, подчиненный тактикой боевому порядку, дѣлается неодолимымъ для недисциплинированныхъ войскъ; но противъ войскъ такъ же дисциплинированныхъ, какъ и онъ, онъ дѣлается опять первобытнымъ человѣкомъ, который уступаетъ большей разрушительной силѣ, особенно если онъ противъ нея предубѣжденъ ¹⁾.

Поэтому, такъ какъ никогда нельзя быть увѣреннымъ, какія чувства овладѣютъ массами войскъ на полѣ битвы, осторожность предписываетъ не подвергаться вреднымъ послѣдствіямъ.

¹⁾ А. К. Пузыревскій. „Исслѣдованіе боя по сочиненію полковника де-Пика“. Варшава, 1893 г.

Сражающійся человѣкъ состоитъ изъ мяса и костей; у него есть тѣло и душа, и какъ ни сильна часто эта душа, она не можетъ подчинить себѣ тѣло до такой степени, чтобы плоть не возставала и не смущался бы духъ передъ разрушеніемъ. Не станемъ довѣрять матеріальной математикѣ и динамикѣ, прилагаемымъ къ дѣлу боя, отгонимъ иллюзіи стрѣльбищъ и маневровъ, гдѣ опытъ производится съ солдатомъ спокойнымъ, равнодушнымъ, бодрымъ, внимательнымъ, послушнымъ, представляющимъ, однимъ словомъ, интеллигентное и покорное орудіе, а не съ тѣмъ нервнымъ существомъ, впечатлительнымъ, взволнованнымъ, смущеннымъ, разсѣяннымъ, возбужденнымъ, подвижнымъ, ускользящимъ отъ самого себя, какимъ, отъ начальника до солдата, бываетъ боецъ (исключеніемъ служатъ сильные, но они рѣдки).

На полѣ битвы смерть витаетъ въ воздухѣ невидимая и слѣпая. Передъ этимъ ужасомъ солдатъ, если онъ новичекъ, скучивается, тѣснится, ища опоры по инстинктивному, но не фомулированному разсужденію. Онъ воображаетъ себѣ, что чѣмъ большее число бѣжитъ къ опасности, тѣмъ больше для каждаго шансовъ избѣгнуть ее. Но онъ вскорѣ замѣчаетъ, что мясо притягиваетъ свинець. Тогда, будучи способенъ чувствовать страхъ лишь до извѣстной степени, онъ, противъ воли, спасается огнемъ или „спасается впередъ“, по живописному и глубокому выраженію генерала Бурбаки ¹⁾.

Наполеонъ говорилъ: „инстинктъ всякаго человѣка заключается въ томъ, чтобы не дать убить себя беззащитно“. И дѣйствительно, человѣкъ въ бою есть существо, въ которомъ инстинктъ самосохраненія преобладаетъ въ извѣстный моментъ надъ всѣми чувствами. Дисциплина имѣетъ цѣлью владычествовать надъ этимъ инстинктомъ при помощи еще большаго страха стыда или наказаній; но она достигъ этого абсолютно не можетъ; она достигаетъ этого только до извѣстныхъ предѣловъ, перейти которыхъ не можетъ. Достигнувъ этой степени, солдатъ долженъ стрѣлять, или онъ бѣжитъ *впередъ* или *назадъ*. Огонь, слѣдовательно, такъ сказать, есть предохранительный клапанъ волненія.

¹⁾ А. К. Пузыревскій. „Исслѣдованіе боя по сочиненію полковника де-Пика“. Варшава, 1893.

При рѣшеніи вопроса о перевооруженіи арміи была принята во вниманіе, какъ упомянуто было выше, необходимость уменьшенія калибра ружья, что оказывается несомнѣнно полезнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

При полномъ снаряженіи, пѣхотинецъ снабженъ:

Въ Австро-Венгріи и Швейцаріи	100 патронами
„ Англіи	115 „
„ Бельгіи и Франціи	120 ¹⁾ „
„ Германіи и Турціи	150 „
„ Италіи	192 „
„ Россіи, при бердановскихъ ружьяхъ, со- храняя тотъ же вѣсъ патроновъ	84 „

Замѣтимъ, что по мѣрѣ уменьшенія размѣровъ ружья, число патроновъ будетъ увеличиваться, безъ увеличенія тяжести снаряженія.

При 6 $\frac{1}{2}$ -миллиметр. калибрѣ солдатъ будетъ нести на себѣ	200 патроновъ.
„ 6 „ „ „ „ „ „ „	210 „
„ 5,5 „ „ „ „ „ „ „	235 „
„ 5 „ „ „ „ „ „ „	270 „
„ 4,5 „ „ „ „ „ „ „	315 „
„ 4 „ „ „ „ „ „ „	380 „
„ 3,5 „ „ „ „ „ „ „	460 „
„ 3 „ „ „ „ „ „ „	575 „

Поражаемое пространство, зависящее отъ большей или меньшей выпуклости линіи полета пули (настильности), послѣ введенія новаго ружья, увеличится. Въ этомъ отношеніи разные сорта оружія сильно различаются между собой.

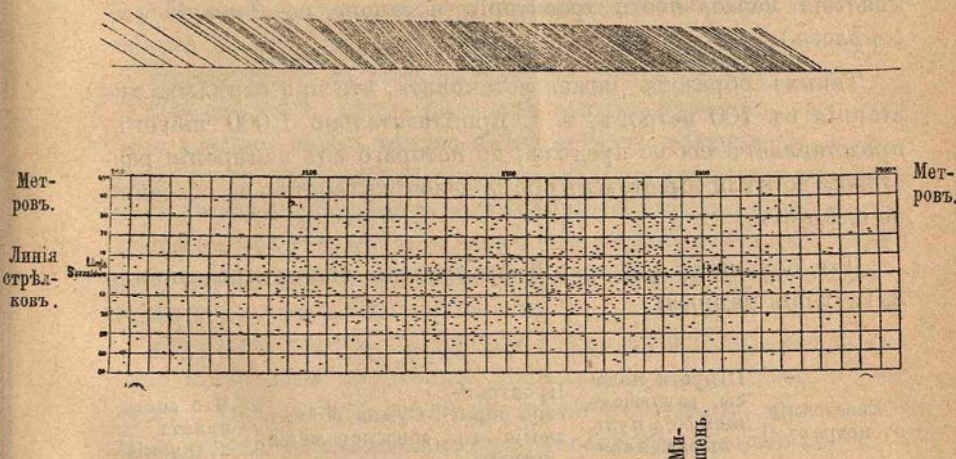
Если стрѣльба производится съ равныхъ разстояній различнаго типа ружьями, то поражаемая пространства весьма различны.

¹⁾ Послѣ 1891 г. во Франціи всего 112.

Если стрѣлять при одной высотѣ прицѣла ¹⁾, то пули летятъ не по одной траекторіи, а образуютъ пукъ. Площадь, покрываемая точками паденія пуль на мѣстности, имѣетъ видъ эллипса, растянутого по направленію стрѣльбы.

Опыты доказываютъ, что длина этого эллипса, т. е. крайніе уклоны прямиаго направленія, отчасти зависятъ отъ степени искусства стрѣлка, но очень мало зависятъ отъ разстоянія.

Для нагляднаго объясненія, помѣщаемъ чертежъ, представляющій въ разрѣзѣ полетъ пуль и сѣтъ мѣтокъ, производимыхъ ими на землѣ, при стрѣльбѣ въ цѣль съ 2.400 метровъ, изъ французскихъ ружей типа 1874 года, баллистическое достоинство которыхъ примѣрно равнялось свойственному берданкамъ.

И такъ, мы видимъ, что хотя стрѣльба производилась по цѣли, которой отдаленіе было извѣстно, а стало быть съ правильной постановкой прицѣловъ, но, тѣмъ не менѣе, пули начинали бить уже на разстояніи 2.100 метровъ, то-есть на цѣлые 300 метровъ ближе мишени, а часть ихъ падала и за мишень на 100 метровъ, и что, сверхъ того, оказывалось разсѣяніе пуль направо и налѣво, доходившее до 50 метровъ въ каждую сторону.

¹⁾ Прицѣлъ служитъ для направленія выстрѣла, соотвѣтственно разстоянію до цѣли.

Если принять во вниманіе лишь сердцевину площади пораженія, т. е. полосу, содержащую около 50 проц. выпущенныхъ пуль, то длина ея заключается въ предѣлахъ 150—250 шаговъ. Для ружей уменьшеннаго калибра, судя по французскимъ даннымъ (калибръ 8 мм., образецъ 1886 года), бѣльшая половина выстрѣловъ, при высотѣ прицѣла на 600 метровъ, покрыла на почвѣ зону, длина которой была 80 метровъ по сю сторону и 80 метровъ по ту сторону прицѣльной точки. А такъ какъ настильность траекторіи этого образца даетъ возможность поражать цѣли въ ростъ человѣка на протяженіи до 770 шаговъ, то, при массовой стрѣльбѣ и высотѣ прицѣла на 600 метровъ, мѣстность обстрѣливалась дѣйствительнымъ огнемъ на пространствѣ 980 шаговъ (это является результатомъ совокупнаго дѣйствія настильности траекторіи и закона разсѣванія выстрѣловъ).

Такимъ образомъ, можно установить, что при стрѣльбѣ дистанція въ 700 метровъ, т. е. приблизительно 1.000 шаговъ, представляетъ собою предѣлъ, до котораго объ измѣреніи разстоянія до цѣли высотой въ ростъ человѣка заботиться особенно не слѣдуетъ.

Для большихъ разстояній французскіе опыты представили слѣдующія данныя:

Разстояніе въ метрахъ ¹⁾ .	Ширина полосы, заключающей 50% пуль, выраженная въ метрахъ.	Пространство пораженія въ метрахъ.	Сумма обѣихъ зонъ пораженія.	Что составляетъ % отдаленія.
800	110	55	165	20
1.000	100	35	135	13
1.200	88	24	112	9
1.400	80	17	97	7
1.600	76	13	89	5 ¹ / ₂
1.800	74	10	84	4 ¹ / ₂
2.000	72	8	80	4

¹⁾ Метръ равенъ примѣрно 1,4 шага, такъ что для перечисленія метровъ на шаги, слѣдуетъ помножить эту цифру на число метровъ; на примѣръ, 1.000 метровъ=1.400 шаговъ.

Отсюда уясняется, что, при употребленіи новыхъ ружей, значительно увеличивается поражаемое пространство, которое можно назвать „полемъ смерти“.

Важность оцѣнки дистанцій. Естественно было бы полагать, что, при столь усовершенствованномъ оружіи, военный успѣхъ уже не будетъ зависѣть отъ личныхъ качествъ солдата, который какъ бы низводится на степень пассивной силы, служащей для приведенія въ дѣйствіе превосходнаго смертоноснаго механизма. Казалось бы, что при дѣйствіи массами, при ежесекундномъ изверженіи цѣлаго града пуль, направленныхъ по линіи, на которой онѣ могутъ находить наибольшее число жертвъ, новѣйшая тактика будто бы сводить почти на нуль личность людей и борьбу ихъ на полѣ дѣйствія обращаетъ почти совершенно въ борьбу силъ механическихъ, производящихъ результаты случайные.

Между тѣмъ, на дѣлѣ бываетъ не совсѣмъ такъ.

Прежде всего, пули, даже при новыхъ ружьяхъ, какъ уже было сказано, бьютъ только на извѣстномъ протяженіи, и предѣлы этого протяженія суживаются по мѣрѣ отдаленности цѣли. Опредѣленіе разстоянія до непріятеля чрезвычайно важно.

Но ничего нѣтъ труднѣе, какъ опредѣленіе дистанцій, ничто такъ не обманчиво, какъ глазъ; привычка и инструменты тоже не могутъ достигъ безошибочности ¹⁾.

Въ Севастополѣ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, невозможно было штуцеромъ опредѣлить дистанціи отъ 1.000 до 1.200 метровъ, такъ какъ паденіе пуль не было видно. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ невозможно было опредѣлить по выстрѣламъ, — хотя *прошли всю школу прицѣла*, — дистанцію батареи, находившейся только въ 500 метрахъ и командовавшей отдѣльной лощиной. Послѣ двухъ мѣсяцевъ уловили два выпущенныхъ выстрѣла при прицѣлѣ въ 500 метровъ. Эта дистанція опредѣлялась всѣми въ 1.000 слишкомъ метровъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она была только въ 500 м.; послѣ взятія города, при перемѣнѣ точки наблюденія, это оказалось очевиднымъ.

Самый простой способъ, это — измѣреніе шагами; при нѣкоторомъ навыкѣ и умѣннхъ исправлять ошибки, этимъ способомъ можно измѣрять разстоянія съ точностью до $\frac{1}{30}$ или до 2% . Если разстояніе не было измѣрено шагами, то въ такомъ случаѣ его

¹⁾ А. К. Пузыревскій „Измѣдованіе боя по сочиненію полковника де-Пика“. Варшава. 1893.

разсчитываютъ по среднимъ цифрамъ меньшихъ разстояній, которыя могутъ быть пройдены въ извѣстное число минутъ ¹⁾). Но опытъ показываетъ, что ошибки при этомъ доходятъ до $\frac{1}{4}$ всего измѣряемаго отдаленія.

Способъ оцѣнки дистанцій, основанный на степени видимости предмета—самый рациональный изъ всѣхъ способовъ глазомѣрнаго опредѣленія разстояній. Онъ принятъ въ арміяхъ французской и итальянской, причемъ порядокъ обученія ихъ почти тождественъ. Явственность, т. е. степень ясности предмета и составныхъ его частей, уменьшается по разстоянію.

Если бы явственность предмета измѣнялась въ строгой пропорціональности разстоянію и не зависѣла отъ вліянія побочныхъ причинъ, то по этому способу легко было бы начертать правила глазомѣрнаго опредѣленія разстояній.

На самомъ же дѣлѣ элементы, изъ которыхъ слагается явственность предмета, весьма измѣнчивы. Степень освѣщенія предмета, фонъ, на которомъ онъ проектируется, атмосферныя условія, положеніе солнца относительно предмета и лица, производящаго опредѣленіе разстоянія, времена года, топографическій характеръ мѣстности, воздѣланность и застроенность ея,— всѣ эти причины оказываютъ на степень явственности предмета значительное вліяніе.

При опредѣленіи степени точности глазомѣрнаго опредѣленія разстояній, приводится обыкновенно, что „вѣроятная ошибка глазомѣрнаго опредѣленія дистанціи составляетъ 15 проц. ея величины“. Наконецъ, по существующимъ въ русской арміи правиламъ для оцѣнки степени обученія войскъ глазомѣрному опредѣленію разстояній, результатъ считается хорошимъ, если дѣлаютъ ошибку въ 10 проц. и менѣе дѣйствительнаго разстоянія.

Отсюда видно, что точность глазомѣрнаго способа опредѣленія разстояній весьма не велика: лишь на среднія разстоянія, не превышающія 1.000 шаговъ, можно установить вѣроятную ошибку, не превышающую 10 проц. Бѣльшей точности опредѣленія глазомѣръ, несмотря ни на какую практику, дать не

¹⁾ Обыкновенно принимаютъ, что человекъ дѣлаетъ въ одну минуту 116 шаговъ, въ 1 часъ—4 версты; лошадь въ 1 минуту—120 шаговъ, въ 1 часъ—5 верстъ, шагомъ; рысью въ 1 минуту—300 шаговъ, въ 1 часъ—10—12 верстъ.

можетъ потому, что ошибка колеблется въ большихъ предѣлахъ —отъ 7 до 66 проц. дистанціи. Нельзя, слѣдовательно, быть никогда увѣреннымъ въ результатѣ полученнаго опредѣленія.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить себѣ, что въ стрѣльбѣ, если не считать разбѣиванія пуль, на разстояніе 1.000 метровъ, поражаемое пространство равняется 135 метрамъ, т. е. $13\frac{1}{2}$ процентамъ разстоянія; при 2.000 метровъ поражаемое пространство составляетъ уже только 4 проц.

Кромѣ глазомѣрной оцѣнки дистанцій, существуетъ еще пріемъ измѣренія ихъ по звуку выстрѣловъ, преимущественно орудейныхъ.

При температурѣ $0^{\circ}R$ и безвѣтріи, звукъ пробѣгаетъ 333,3 метра, т. е., около 1.090 фут. въ 1 секунду, что составляетъ, приблизительно, 155 сажень или немного менѣе трети версты. Скорость же свѣта, сравнительно со скоростью звука, весьма велика (около 290.000 вер. въ 1 секунду), такъ что на небольшихъ разстояніяхъ, въ нѣсколько верстъ, появленіе свѣта замѣчается моментально. Отсюда ясно, что если измѣрить промежутокъ времени между моментомъ появленія дыма отъ выстрѣла и моментомъ, когда онъ услышанъ, то этотъ интервалъ времени, выраженный въ секундахъ и умноженный на скорость звука, дастъ разстояніе до пункта, откуда выстрѣлъ раздался.

Но и при опредѣленіи разстоянія по пробѣгу звука, точность не представляется легкою, такъ какъ скорость пробѣга звуковъ не составляетъ величины постоянной, завися отъ разныхъ условій, которыя должно принять въ расчетъ, что усложняетъ дѣло. Зато, ночью, это — единственный способъ оцѣнки, даже болѣе точный, чѣмъ тѣ, которые примѣнимы днемъ. Бездымность пороха при этомъ вліянія не оказываетъ, а вѣроятность болѣе частыхъ ночныхъ боевъ еще возвышаетъ цѣнность опредѣленія дистанцій по разницѣ въ скорости пробѣга свѣта и звуковъ.

Ударная сила пули. Наконецъ, главное преимущество новыхъ малокалиберныхъ ружей является въ ихъ болѣе метательной силѣ, т. е. въ болѣе способности, какую они сообщаютъ пулямъ къ преодоленію сопротивленія, представляемаго какъ защитами, такъ и тѣлами.

Пули берданки, съ разстоянія 350 шаговъ, пронизываетъ отъ 6 до 8 однодюймовыхъ досокъ. Пули малокалиберныхъ ружей новыхъ системъ имѣютъ еще болѣе большую силу удара, вслѣдствіе какъ болѣе быстрой полета, такъ и болѣе твердости служащаго для нихъ металла.

Для новыхъ ружей употребляются пули также свинцовыя, но составленныя изъ оболочки, сдѣланной изъ стали или никеля и налитой свинцомъ, какъ это представляетъ слѣдующій рисунокъ.

Такимъ образомъ, новыя пули какъ бы одѣты броней; онѣ пробиваютъ на вылетъ дубовыя бревна, толщиною въ 40 сантиметровъ, причемъ пуля вылетаетъ не сплюснившись, если только не встрѣтитъ въ деревѣ сука. Между тѣмъ, простыя свинцовыя пули, при ударѣ въ предметы твердые или сыпучіе, сплюсциваются и дѣлаются похожими на нѣчто въ родѣ грибовъ.

Покажемъ на рисункѣ, какова бываетъ форма пуль послѣ удара:

новыхъ

прежнихъ

Изъ опытовъ видно, что пуля, имѣющая твердую оболочку, проникаетъ въ землю и въ дерево (съ небольшихъ разстояній) вдвое глубже, чѣмъ пуля, не снабженная такой броней.

На этомъ основаніи, казалось бы, что прежде всего нынѣ употребляемая въ Россіи пуля, при стрѣльбѣ изъ берданокъ, слѣдовало бы покрыть оболочкой изъ стали. Но опытъ съ другой стороны показываетъ, что съ такою оболочкой мѣткость оружія уменьшается, если она не специально сдѣлана для такого рода пуль. Это объясняется тѣмъ, что панцирные пули, проходя по нарѣзу канала, какъ болѣе твердыя, не выполняютъ его въ такой степени, какъ свинцовыя. Поэтому онѣ требуютъ большой точности отдѣлки и большей силы заряда. Только послѣ введенія уменьшеннаго калибра и новаго бездымнаго пороха, могутъ устраниться указанныя техническія неудобства. Между тѣмъ, при сравненіи дѣйствія нынѣ употребляемыхъ въ русской арміи свинцовыхъ 4-хъ-линейныхъ пуль съ 3-хъ-линейными въ оболочку, выпущенными изъ малокалибернаго ружья силой бездым-

наго пороха, оказывается, что новая пуля проникает гораздо глубже, чѣмъ нынѣшняя обыкновенная. Это составляетъ выигрышъ безъ потери относительно мѣткости.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что и нынѣшнее ружье въ этомъ отношеніи значительно усовершенствовано.

При испытаніяхъ силы удара пуль, обыкновенно принимается, что пуля, пробивающая основную дюймовку, обладаетъ достаточной силой для того, чтобы вывести изъ строя (убить или ранить) человѣка или лошадь. Опыты, производившіеся съ ружьями Бердана, показали, что пуля пробиваетъ дюймовокъ, поставленныхъ одна за другою съ промежутками въ 1 дюймъ, на разстояніи 200 шаговъ—8, на разстояніи 800 ш.—5, на р. 1.200 ш.—до 5, на р. 2.000 ш.—2. Изъ этого видно, что ружье Бердана уже настолько смертоносно, что большихъ усовершенствованій трудно было ожидать. Настоящее могущество новаго ружья опредѣлить лишь сама война, но нѣкоторыя указанія даютъ право ожидать отъ него большихъ преимуществъ.

Во время чилійскихъ столкновеній въ 1891 году оказалось, что малокалиберныя пули пробивали грудь людей, стоявшихъ въ первыхъ рядахъ, и убивали затѣмъ стоявшихъ въ слѣдующихъ за этими.

Что касается причиняемыхъ ими ранъ, то, по мнѣнію специалистовъ, онѣ положительно менѣе опасны и легче залѣчиваются, чѣмъ прежнія.

По словамъ „*Militär Wochenblatt*“¹⁾, „раны, причиняемыя ружьями Маннлихера, или безусловно смертельны или излѣчиваются безъ всякихъ осложненій и не сопровождаются страданіями. Случалось, что кости прорывались пулями, выпущенными даже съ большихъ разстояній, но выходъ прободенія оказывался гладкимъ, стѣнки отверстія не треснутыя, свинецъ въ нихъ не остался, что обыкновенно увеличиваетъ тяжесть пораненія“.

Впрочемъ, другіе опыты, произведенные въ послѣднее же время, нѣсколько противорѣчатъ этимъ черезъ-чуръ оптимистическимъ заключеніямъ. Въ Бѣльскѣ, въ Силезіи, во время беспорядковъ, нѣсколько человѣкъ было ранено пулями изъ малокалиберныхъ ружей. Раненыхъ тотчасъ отвезли въ госпиталь, гдѣ имъ оказана всевозможная медицинская помощь. Изъ отчета видно, что уходъ за ними и условія, въ которыхъ нахо-

¹⁾ 1892 г. № 5.

дились раненные, были такія, какія едва-ли возможны на полѣ битвы. Между тѣмъ, большею частью раны оказались смертельными.

Объясненіе этого явленія было представлено во французской академіи. „Если выстрѣлъ произошелъ съ разстоянія ближе, чѣмъ 300 метровъ, особенно, если оно было менѣе 200 метровъ, то на ранахъ замѣчались слѣды *взрыва*—разрывъ мягкихъ частей, причѣмъ оказывалось издырявленіе, иногда чрезвычайно сильное, мускуловъ; также и кости оказывались, впрочемъ не всегда, въ поврежденномъ состояніи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда выстрѣлъ поражалъ при наибольшей скорости полета пули, кости оказывались неповрежденными. Но если пуля подвергнется хотя небольшому измѣненію въ формѣ, если покрытіе ея будетъ разрываться, а внутренность ея станетъ крошиться на мелкія части, которыя застрянутъ въ ранѣ, то вредоносность и мучительность новыхъ пуль станетъ иная“¹⁾.

¹⁾ Coumes „Tactique de demain“ 1891, стр. 675 и 676.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ военно-полевой хирургіи принято раздѣлять всю дистанцію полета пуль до крайнихъ предѣловъ раненій на 4 пояса. Къ первому длиннѣйшему поясу относятся раненія, имѣющія разрывной характеръ, съ обширнымъ разрушеніемъ тканей, особенно черепного ящика, костей и органовъ, содержащихъ жидкости. Этотъ поясъ многими авторами называется „поясомъ гидравлическаго давленія“. Особенно разрывной характеръ имѣютъ выходныя части ранъ. Для прежнихъ пуль, безъ оболочекъ, его считаютъ до 400—500 метровъ разстоянія, а для новыхъ, оболочныхъ, пуль нѣкоторые хирурги (Delorm, Chauvel) ограничиваютъ этотъ поясъ до 300 и даже 200 метровъ.

Второй поясъ, хотя и соотвѣтствуетъ еще очень большой живой силѣ пуль, но раненія при немъ имѣютъ чисто прободной характеръ. Даже плотныя кости даютъ дырчатые каналы только съ болѣе или менѣе длинными трещинами безъ рѣзкаго отдѣленія осколковъ. Въ мягкихъ тканяхъ получаютъ особенно чистые каналы. Предѣлъ этого пояса доходитъ для прежнихъ пуль до 1.000 метровъ, а для современныхъ, оболочныхъ, увеличивается до 1.400—1.500 метровъ.

Третій поясъ выражается болѣе серьезными поврежденіями для костей, такъ какъ въ послѣднихъ получаютъ обширныя трещины и разрывы прилегающихъ тканей. Для простыхъ свинцовыхъ пуль крайній предѣлъ этого пояса достигаетъ до 1.500—1.600 метровъ; для оболочныхъ же начинается только съ 1.500 метровъ и доходитъ приблизительно до 2.000 метровъ. Такъ какъ пули въ этомъ районѣ уже не могутъ сохранять правильности полета при ударѣ о болѣе плотныя тѣла, но обладаютъ еще значительнымъ запасомъ живой силы, поэтому и

Тактическая цѣнность новаго ружья составляетъ въ данномъ вопросѣ самую важную его сторону, отъ которой зависитъ его дѣйствительность. Чилийская война и въ этомъ отношеніи доставила много важныхъ и любопытныхъ указаній.

Одна бригада конституціонныхъ войскъ была вооружена ружьями системы Манлихера (8 - ми-миллиметровыми, типа 1888 г.). На 9.925 сражавшихся, — этихъ ружей было 3.446 штукъ. По собраніи и освидѣтельствованіи раненыхъ и убитыхъ, оказалось, что въ арміи диктатора изъ 100 пораженныхъ 56 были настигнуты пулями изъ ружей Манлихера, въ чемъ легко было убѣдиться по виду и свойству ранъ.

Стало быть, хотя въ числѣ дѣйствовавшихъ ружей новыя составляли лишь $\frac{1}{3}$ часть, но на эти послѣднія пришлось половина удачныхъ выстрѣловъ.

„Огонь залпами, а даже и вразсыпную, оказался въ состояніи, съ отдаленія на 600 и даже 1.000 шаговъ, очистить поле и отворотить наступательныя дѣйствія непріятеля. По показаніямъ плѣнниковъ, опрошенныхъ тутъ же, на мѣстѣ битвы, огонь, направленный съ 600 метровъ на застрѣльщиковъ, разсыпанныхъ по берегу рѣки Альконкагвы, производилъ смятеніе среди резервовъ, расположенныхъ на 1.000—1.600 метровъ разстоянія позади цѣпи стрѣлковъ ¹⁾ 4. Отсюда можно заключить, что, при новыхъ ружьяхъ, трудно, а пожалуй и совсѣтъ нель-

раненія въ этомъ поясѣ, по большей части, не имѣютъ правильной каналообразной формы.

Послѣдній поясъ (четвертый) называется контузіоннымъ, хотя и въ его районѣ могутъ встрѣчаться въ мягкихъ тканяхъ желобоватая рана, болѣе или менѣе длинныя пулевые каналы, и даже попадаться нарушеніе цѣлости костей въ формѣ простыхъ переломовъ или трещинъ. Ковечной границей для поврежденій этого рода прежними пулями считается приблизительно 2.000 метровъ; для новыхъ же, оболочныхъ, можно предполагать простираніе этого пояса до 2.400 и даже до 3.000 метровъ. Такимъ образомъ, можно считать, что для новыхъ пуль второй поясъ приблизительно вдвое пространнѣе, чѣмъ для прежнихъ пуль, а третій соотвѣтствуетъ прежнему четвертому (Профессоръ Павловъ).

¹⁾ Это мѣсто взято нами изъ соч. „Tactique de demain“, въ которомъ оно приведено изъ статьи въ «Progrès Militaire», написанной очевидцемъ сраженія.

за будетъ держать резервы даже на 1¹/₂ верстномъ разстояніи отъ цѣпи стрѣлковъ, а это повліяетъ на боевую тактику.

Займствуемъ еще цитату изъ описанія Чилийской войны. „Впечатлѣніе, произведенное быстротою и мѣткостью ружейнаго огня, было ужасное: въ войскахъ диктатора, тотчасъ по первой битвѣ, послышались заявленія, что они не станутъ болѣе драться, что солдатамъ все равно быть разстрѣлянными на мѣстѣ или истребленными непріателемъ, какъ стадо кроликовъ. Изъ 10-ти тысячъ войска, которыя были у Бальмаседы 21 числа, подъ Конкономъ приняли участіе въ битвѣ подъ Пласидо уже всего 2—3 тысячи, да и тѣ тотчасъ разсыпались, какъ только непріатель открылъ огонь съ 1.000—1.200 метровъ. Наоборотъ, войска конституціоналистовъ приобрѣли въ битвѣ подъ Конкономъ такую увѣренность въ своемъ оружіи, что стали видѣть въ немъ какъ бы талисманъ и сжѣло шли на встрѣчу значительно болѣе многочисленнаго непріателя¹⁾“.

Этотъ фактъ подтверждаетъ высказываемое иногда теперь мнѣніе, что мужество солдатъ будетъ зависѣть отъ достоинства оружія, или, иными словами, что въ будущихъ войнахъ машина подчинитъ себѣ человѣческую личность. Вѣроятно, что въ будущихъ войнахъ, въ сравненіи съ прошлыми, возрастетъ значеніе пассивнаго мужества, а роль активной отваги будетъ ослаблена.

А между тѣмъ, случались еще и въ недавнее время примѣры, не совсѣмъ согласные съ этими теоретическими взглядами. Таковъ былъ извѣстный случай въ 1879 г. вблизи Ораніи, англійской провинціи на юго-восточномъ берегу Африки. При Изандулѣ, вооруженный скорострѣльными ружьями отрядъ изъ 727 англичанъ и 850 солдатъ-гуземцевъ былъ атакованъ войсками полунагихъ зулусовъ, имѣвшихъ только копья. Англійскій отрядъ развернулъ фронтъ и, пользуясь неровностями скалистой почвы, облегчающими оборону и затрудняющими атаку, открылъ огонь. Зулусы же напирали густыми толпами и, несмотря на свои потери, окружили англичанъ съ обоихъ фланговъ, такъ что этимъ послѣднимъ пришлось

¹⁾ Тамъ же.

стянутъся и начать отступленіе; но зулусамъ удалось прорвать ихъ ряды, и значительная часть англичанъ, отрѣзанная отъ отряда, были перебиты ¹⁾. Въ этомъ дѣлѣ погибъ сынъ Наполеона III.

Подобные примѣры показываютъ, что въ числѣ многосложныхъ факторовъ, рѣшающихъ побѣду и изъ которыхъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, даже и одинъ можетъ взять верхъ надъ нѣсколькими другими, если онъ проявляется въ преобладающей степени, — что въ числѣ этихъ факторовъ, повторимъ, все-таки останется и впредь — мужество. Зулусы, очевидно, побѣдили не только числомъ, но и безусловнымъ самоотверженіемъ.

Послѣдствія введенія новыхъ малокалиберныхъ ружей. Каковы бы ни были единичные исключительные случаи, совершенно несомнѣнно то превосходство, какое даетъ войскамъ новое ручное огнестрѣльное оружіе. Какъ бы тяжело это ни отзывалось на бюджетахъ, ни одно европейское государство не можетъ оставаться въ этомъ отношеніи позади сосѣдей. Новое малокалиберное ружье стоитъ 84 франка, а патронъ — 10 сантимовъ ²⁾. Между тѣмъ, пока вообще въ какомъ-либо государствѣ заканчивается и усваивается новое вооруженіе, техника обыкновенно успѣваетъ уже сдѣлать новый шагъ впередъ, который вызываетъ новыя перемены и расходы.

Здѣсь представляется слѣдующій вопросъ ³⁾. Чѣмъ значительнѣе взрывная сила пороха, тѣмъ, понятно, сильнѣе начальная скорость пули, тѣмъ больше дальность и настильность выстрѣла. А такъ какъ метательная сила новыхъ ружей выражается скоростью полета пуль въ 620 метровъ въ секунду, которая можетъ быть доведена и до 1.000 метровъ въ секунду, то, при такомъ увеличеніи ударной силы пули, сдѣлалось возможнымъ уменьшить ея объемъ, тѣмъ болѣе, что, по принятому мнѣнію, и меньшей пули, когда она снабжена твердой оболочкою, достаточно для того, чтобы вывести изъ строя даже нѣсколькихъ человѣкъ, стоящихъ другъ за другомъ.

Послѣ того, какъ въ Россіи былъ принятъ калибръ въ 7,5 милиметра, за границей стали изготовлять ружья калибра 6,5 милиметра. Такимъ ружьемъ вооружены нынѣ арміи итальян-

¹⁾ A. v. Boguslawski, „Die Entwicklung der Taktik seit 1870“. Berlin. 1885.

²⁾ Цѣны, которыя платилъ Швейцарскій союзный совѣтъ въ 1889 г.

³⁾ „Progrès Militaire“.

ская и румынская, а отчасти австрійская, французская и нидерландская. Но дѣло на этомъ не остановится. Профессоръ Геблеръ, авторитетъ въ оружейномъ дѣлѣ, вслѣдствіе опытовъ своихъ надъ пулями въ 6,0 5,6 и 5,0 миллиметровъ, рекомендуетъ ружье калибра 5 мил., которое, на основаніи сказаннаго нами выше, дало бы солдату возможность имѣть при себѣ до 270 патроновъ. „Въ общемъ же принципъ — говорить онъ же, — диаметръ дула слѣдуетъ ограничить наименьшимъ размѣромъ, достаточнымъ для того, чтобы пуля дѣлала противника неспособнымъ на значительное время къ бою. Предѣлъ здѣсь лежитъ, во всякомъ случаѣ, еще гораздо ниже 5 миллиметровъ. Правда, изготовленіе дулъ калибровъ въ 4 или 3 мил., хотя возможно и нынѣ, встрѣчаетъ особое затрудненіе. Однако, представляется вполне вѣроятнымъ, что въ позднѣйшіе вѣка диаметръ ружейнаго дула будетъ доведенъ ниже 5 миллиметровъ ¹⁾“.

Однимъ словомъ, это — только вопросъ успѣховъ техники. Но генералъ фонъ-Вилле пронизируетъ надъ отдаленностью только-что приведеннаго срока и высказываетъ убѣжденіе, что техника справится съ трудностями гораздо ранѣе. Напомнивъ, какъ часто уже практика опережала взгляды теоретиковъ, онъ прибавляетъ: „живыми пророками окажутся тѣ, которые нынѣ высказываютъ — *nes plus infra*, и будетъ это потому, что преимущества малыхъ калибровъ слишкомъ велики“.

Проф. Геблеръ представляетъ въ слѣдующей таблицѣ отношеній соответствующее разнымъ калибрамъ достоинство (во всѣхъ отношеніяхъ) ружья:

калибры	8,0	7,5	6,0	5,5	5,0
достоинство	5:	6:	10:	12:	14.

Въ этой таблицѣ онъ хочетъ показать, что, напр., ружье калибра 6,0 мил. вдвое лучше ружья 8,0 мил., а ружье 5,5 мил. вдвое лучше 7,5 мил., наконецъ при калибрѣ въ 5 мил. ружье будетъ почти втрое лучше 8-ми-миллиметроваго.

Взглядъ этотъ, быть можетъ, и преувеличенъ, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію огромное превосходство малокалиберныхъ ружей, какъ въ отношеніи баллистическомъ, такъ и въ особенности въ облегченіи ружья и патроновъ. Батальонъ, имѣя при себѣ, при той же тяжести, гораздо большій

¹⁾ General v. Wille „Das kleinste Gewehrcaliber“. Berlin. 1893.

запасъ патроновъ, чѣмъ его противникъ, не будетъ опасаться, что разстрѣляетъ ихъ; онъ станетъ настоящимъ кратеромъ, извергающимъ цѣлые потоки пуль. Правда, техникѣ предстоятъ еще значительныя трудности для того, чтобы возможно было перейти къ минимальнымъ калибрамъ, но быстрые успѣхи ея въ прошломъ ручаются въ томъ, что ей удастся сдѣлать и это.

Какъ мы замѣтили выше, несмотря на замѣчательное усовершенствованіе техническихъ средствъ войны, несмотря на преобладаніе въ ней качествъ самаго механизма, все-таки не утратитъ вполне своего значенія и нравственная сила—мужество и выносливость людей. Но еще большую роль будутъ играть и впредь искусство и характеръ руководителей боя. Игольчатая ружья были гораздо хуже, чѣмъ Шасспò, и все-таки нѣмцы побѣдили французовъ. Превосходство оружія важно именно тѣмъ, что оно даетъ въ руки высшему искусству—средство побѣждать легче, быстрѣе, съ меньшими потерями.

Приведемъ здѣсь еще то, что высказано профессоромъ Потцкимъ въ журналѣ „Развѣдчикъ“.

„Многіе военные техники предлагаютъ уменьшить калибръ до 2 линій (т. е. до 5 миллиметровъ). Сверленіе такихъ стволовъ теперь уже не представляетъ затрудненій; калибръ, при которомъ пуля перестаетъ выводить на продолжительное время человѣка изъ строя, до сихъ поръ еще не былъ опредѣленъ опытомъ; но во всякомъ случаѣ можно утверждать, что онъ будетъ меньше двухъ линій. Единственное препятствіе, которое можетъ представиться къ дальнѣйшему уменьшенію калибра и соответственному увеличенію начальной скорости пули—это чрезмѣрное давленіе пороховыхъ газовъ на стѣнки канала“.

„Судя по тому, что уже достигнуто въ сортахъ пушечнаго бездымнаго пороха, въ которыхъ наибольшее давленіе превосходитъ среднее давленіе не болѣе какъ въ 1,5—1,7 разъ, можно надѣяться, что подобные результаты скоро будутъ достигнуты и въ ружейномъ порохѣ. А тогда уже возможно будетъ построить пѣхотное ружье, сообщающее пулѣ, вѣсомъ около одного золотника, скорость около 3,000 футовъ въ секунду. Такія скорости уже удалось получить въ скорострѣльныхъ пушкахъ“.

И можно признать, что такое ружье будетъ выше нынѣшняго еще въ большей степени, чѣмъ нынѣшнее выше старыхъ. Уменьшеніе вѣса ружья и пули позволитъ носить большой запасъ патроновъ, и кромѣ того выпрямленіе линіи полета пули

дасть гораздо большую настильность, т. е. ружейная стрѣльба по непріятельскимъ линіямъ, безъ дистанціоннаго прицѣла, будетъ дѣйствительно поражать людей на протяженіи уже не 600 метровъ, какъ нынѣ, но болѣе 1.000 метровъ. Въ виду такихъ преимуществъ, представляется весьма вѣроятнымъ, что въ недалекомъ времени будутъ вводиться ружья, хотя и не сразу 3-миллиметроваго, но 5 или 6-мил. калибра; а если ихъ введетъ хоть одна большая держава, то другія принуждены будутъ послѣдовать за нею, не взирая на послѣдствія для своихъ бюджетовъ.

Но одновременно производятся изысканія и въ противоположномъ направленіи. Въ разныхъ странахъ изобрѣтатели предлагаютъ ткани, защищающія отъ дѣйствія ружейныхъ пуль.

По этому поводу здѣсь кстати обратить вниманіе на то, что въ началѣ своего пути, пуля обладаетъ страшною силою, а именно у ружья Лебеля эта сила выражается 283 килограммометрами и что даже на весьма значительныхъ разстояніяхъ ударъ въ тѣло пули, остановленной панцыремъ, можетъ вызвать самыя важныя послѣдствія. Не надо забывать, что пуля, ударяясь въ какой-либо предметъ, передаетъ ему часть своей силы, что одно уже составляетъ величайшую опасность.

Если за мѣру живой силы пули принять число сосновыхъ досокъ (дюймовокъ), пробиваемыхъ ею, то для удержанія пули во всякомъ случаѣ не можетъ быть примѣнена ткань иная, какъ слишкомъ тяжелая, которою обременять солдата окажется едва-ли возможнымъ.

Усилія современной техники надъ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ и безъ того уже дѣйствительно страшнаго оружія такъ энергичны, что г. Э. де-Вогюэ даетъ такой отзывъ по поводу послѣдней всемірной выставки въ Парижѣ: „смертоносная промышленность составляетъ нынѣ цвѣтущую область торговли; она процвѣтаетъ въ такой степени, что, осматривая галереи на Марсовомъ полѣ, занятія металлургіей, позволительно спросить себѣ: не составляетъ ли зданіе, возведенное на эспланадѣ дома инвалидовъ, просто — отдѣла выставки военной?“ Хорошо было бы, еслибы оправдалось предположеніе, высказываемое по этому поводу капитаномъ Ниготтомъ: „но посреди всѣхъ этихъ орудій смерти, рождается, однако, утѣшительная мысль — быть можетъ, наука изобрѣтетъ, наконецъ, приборы столь убійственные, способные столь сильно потрясать нравственное существо человѣка, что всякая война сдѣлается невоз-

можною и что, такимъ образомъ, самое усовершенствованіе средствъ войны привело бы къ утвержденію общаго мира“.

Невозможно и предвидѣть, что приготовить для человѣчества дальнѣйшія изобрѣтенія. Но несомнѣнно одно, именно, что будущая европейская война произведетъ огромныя послѣдствія и сильно повліяетъ на бытъ нашей части свѣта. На характеръ же самой войны окажутъ первостепенное вліяніе выше указанныя достоинства новаго оружія и новаго пороха: бездымность, дальнобойность, настильность и ударная сила. Нѣкоторые, весьма авторитетные военные писатели высказывали мнѣніе, что введеніе бездымнаго пороха совершенно преобразитъ тактику, произведетъ еще большій переворотъ, чѣмъ сдѣлало самое изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія. Но другіе, не отказывая бездымному пороху въ большомъ значеніи, сводятъ его до размѣровъ гораздо болѣе скромныхъ.

И. БЛЮХЪ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 9 Мая 1893 г.

Типогр. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“ Б. Подъяч., 39.

А 241
581

4

БУДУЩАЯ ВОЙНА,

ея экономическія причины и послѣдствія ¹⁾.

Шанцы и окопы.

Увеличенная смертоносность ружейнаго и артиллерійскаго огня выдвинула на первый планъ необходимость изысканія средствъ защиты отъ него. Во французской арміи были дѣланы опыты съ подвижными заслонами, которыми полагали возможнымъ снабжать атакующія войска. Но, послѣ неудовлетворительныхъ результатовъ, полученныхъ изъ этихъ опытовъ, мысль о защитахъ, которыя бы несли или везли передъ собою наступающіе солдаты, кажется, вовсе оставлена.

Въ печати, впрочемъ, сообщали о подобнаго рода подвижныхъ защитахъ, вводимыхъ въ бельгійской арміи, по слухамъ, оказавшихся соотвѣтственными своему назначенію; въ другихъ же арміяхъ пришли къ заключенію, что всѣ эти заслоны или недостаточны для противодѣйствія силѣ полета пуль, пробивающихъ ихъ, или затрудняютъ движеніе, или же служатъ указаніемъ и мишенью для дѣйствія непріятельской артиллеріи.

Вмѣсто этого, несравненно цѣлесообразнѣе пользоваться неровностями поля битвы, а потому въ настоящее время обращено особенное вниманіе на то, чтобы войска приучены были примѣняться къ естественнымъ прикрытіямъ, какія на практикѣ почти всегда встрѣчаются. Такими средствами прикрытія обыкновенно служатъ, кромѣ неровностей почвы, лѣсъ, заросли, постройки и проч. Въ случаѣ же отсутствія естествен-

¹⁾ См. Р. В. кн. 5-я 1893 г.

ныхъ прикрытій, прибѣгаютъ къ искусственнымъ окопамъ изъ земли, снѣга и т. п.

Военные писатели уже теперь предвидятъ, что система окоповъ будетъ въ такой степени примѣняться, что поля битвъ будутъ представлять изъ себя въ будущемъ въ высшей степени изрытыя мѣстности. Окопы для сухопутныхъ войскъ сдѣлались такою же неизбѣжною необходимостью, какъ панцырь для военныхъ судовъ. Будущая война, по мнѣнiю многихъ компетентныхъ авторовъ, будетъ преимущественно борьбою укрѣпленныхъ позицiй.

Но съ окопами произошла та же самая исторiя, какую пережили морскiе панцыри. Подобно тому, какъ, по мѣрѣ утолщенiя панцырей, изобрѣтались все большiе и большiе размѣровъ снаряды, и окопы видоизмѣняются соотвѣтственно измѣненiю условiй атаки и усовершенствованiю огнестрѣльнаго оружiя.

Вопросу атаки и обороны окоповъ, какъ бы ни было, предстоитъ въ будущихъ войнахъ играть громадную роль, именно вслѣдствiе большаго совершенства новаго оружiя. Поэтому, намъ необходимо дать нѣсколько поясненiй по этому предмету.

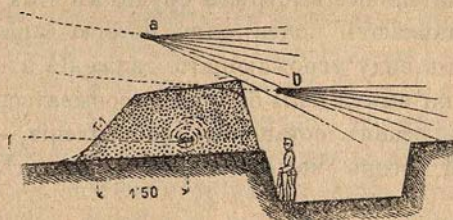
Начнемъ съ шанцевъ. Дѣйствительность этого рода прикрытiй извѣстна изстари. Но особенно пользу земляныхъ прикрытiй оцѣнили въ войну 1866 года, когда австрiйскiя войска съ ружьями, заряжаемыми съ дула, воевали противъ армiи, вооруженной игольчатыми ружьями. Потери въ этой кампанiи послужили доводомъ для частаго употребленiя полевыхъ прикрытiй обоимъ противникамъ въ войнѣ 1870 года. Съ тѣхъ поръ еще болѣе убѣдились въ великой пользѣ, какую приносятъ земляныя прикрытiя противъ выстрѣловъ не только ружейныхъ, но и артиллерiйскихъ ¹⁾

¹⁾ „Наставленiе для окопнаго дѣла“ (составленное, надо замѣтить раньше введенiя бездымнаго пороха и малокалиберныхъ ружей) принимаетъ толщину прикрытiй противъ дѣйствiя пуль достаточною:

изъ песку	1 арш.
• торфа и болотной земли 2	»
• утопаннаго снѣга . . . 2 ¹ / ₂	»
деревянныхъ	1
стѣнъ	3 ¹ / ₄

Несмотря на кажущуюся невѣроятность факта, чтобы какая-нибудь куча песку могла быть помѣхой для смертоносности разрывныхъ снарядовъ, на самомъ дѣлѣ окопы составляютъ самую рѣшительную защиту противъ нихъ. Объясняется это очень просто.

Какъ было упомянуто выше, на болѣе значительныхъ разстояніяхъ артиллерія употребляетъ прежде всего шрапнели. Этотъ родъ снарядовъ, разсыпающихся на множество осколковъ, обладаетъ весьма незначительной силой проникновенія сквозь препятствія. Даже не особенно толстый земляной валъ отлично охраняетъ солдатъ, укрытыхъ за парашетомъ. Стрѣлокъ, находящійся за окопомъ, если не выставляетъ головы надъ профилемъ насыпи, совершенно недоступенъ дѣйствию шрапнели, какъ это показано на рисункѣ ¹⁾.

Поэтому для защиты отъ шрапнели достаточна толщина землянаго вала, какая требуется для прикрытія отъ ружейныхъ пуль. Но противъ гранатъ полевой артиллеріи необходимо болѣе могущественное прикрытіе ²⁾.

Отсюда можно заключить, что хотя артиллерійскій огонь не подвергаетъ непосредственной опасности солдатъ, укрытыхъ за окопами, но принуждаетъ ихъ къ неподвижности; ибо, въ противномъ случаѣ, стрѣлокъ, во время прицѣла, выставляющій голову и часть груди, тотчасъ подвергается опасности. Но надобность прибѣганія къ этому является лишь съ приближеніемъ непріятели къ шанцамъ на разстояніе около 1.000 метр.

До минуты атаки защитники первой линіи шанцевъ остаются неподвижно за валомъ, подъ его вѣрнымъ прикрытіемъ, какъ это дѣлали турки въ 1877 – 78 гг., когда они выжидали,

¹⁾ „L'artillerie de campagne“. Paris. 1891.

²⁾ Песокъ 4 арш.

Торфяная земля 5¹/₂ >

Утопанный снѣгъ 11 >

Стѣна при непродолжительномъ обстрѣливаніи . . 1¹/₂ >

сидя въ траншеяхъ, до тѣхъ поръ, пока приступъ атакующей пѣхоты не заставлялъ ихъ занять редуты.

Резервные отряды при этомъ отодвигаются еще далѣе въ тылъ, подъ прикрытіе естественныхъ неровностей почвы, и прибѣгаютъ, для уменьшенія вѣроятности подвергнуться поражению, къ лежащему положенію.

При подобномъ размѣщеніи оборонительной линіи, ориентироваться атакующей артиллеріи чрезвычайно трудно. Она въ состояніи лишь досмотрѣть самую линію окоповъ, если она недостаточно искусно замаскирована дерномъ, вѣтвями или инымъ способомъ. Она можетъ видѣть какія-нибудь черныя точки, появляющіяся за парашютомъ, какими кажутся издали силуэты офицеровъ, слѣдящихъ за движеніемъ непріятеля. Но все это слишкомъ неопредѣленная цѣль, а потому слишкомъ частые, расточительные выстрѣлы орудій въ этихъ обстоятельствахъ представляютъ почти одну потерю зарядовъ. Только тогда, когда, въ виду угрожающаго движенія атакующей пѣхоты, защитники вынуждены будутъ высовываться изъ-за вала, чтобы частымъ огнемъ остановить наступленіе, — тогда только артиллерійскій огонь можетъ нанести имъ дѣйствительный вредъ.

Относительно *техники окапыванія шанцами* прежде всего слѣдуетъ сказать, что на каждой почвѣ, если она не состоитъ изъ одного камня и если она не промѣрзла, позиція можетъ быть укрѣплена и шанцована заблаговременно или наскоро, смотря по обстоятельствамъ.

Въ первомъ случаѣ болѣе высокія и правильныя земляныя укрѣпленія возводятся опытными въ этомъ дѣлѣ отрядами саперовъ. Предположимъ, на примѣръ, что русская армія вознамѣрилась отойти, на извѣстномъ пространствѣ, съ лѣваго берега Вислы на правый на время, пока не будетъ стянуто достаточнаго числа войскъ для того, чтобы изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное. Устройвъ театръ войны между границей и первой оборонительной линіей, измѣривъ заблаговременно разстоянія всѣхъ предугадываемыхъ полей битвъ, что, какъ извѣстно, даетъ большое преимущество при стрѣльбѣ, и зная всѣ мѣстныя условія, можно воспользоваться шанцами для того, чтобы задержать наступленіе противника на нѣкоторое время и нанести ему значительныя потери при дальнѣйшемъ его наступленіи по дорогѣ, заранѣе подготовленной къ его встрѣчѣ. Миновать же этихъ дорогъ и укрѣпленныхъ

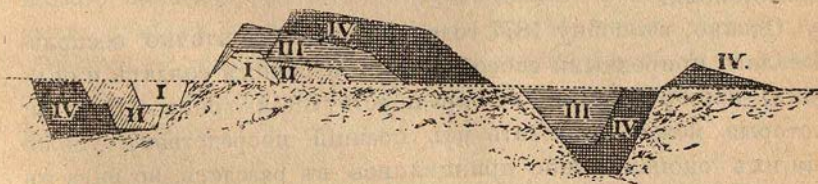
мѣсть непріятель не можетъ изъ опасенія быть атакованнымъ съ фланговъ или отрѣзаннымъ отъ сообщеній.

Если условія мѣстности допускаютъ, то новѣйшая тактика рекомендуетъ возведеніе многихъ, одно за другимъ, земляныхъ загражденій. Первая линія въ уровень съ землею; вторая на 50—100 метровъ за нею, наполовину углубленная; третья тоже въ 50—100 метровъ за второю. Этимъ способомъ достигается возможность производства огня въ нѣсколько ярусовъ ¹⁾. Но это уже родъ серьезнаго фортификаціоннаго сооруженія, обыкновенно возводимаго подъ руководствомъ специалистовъ.

Гораздо любопытнѣе разсмотрѣть способы устройства, защиты и атаки окоповъ болѣе легкихъ, импровизированныхъ наскоро.

Въ настоящее время всѣ безъ исключенія арміи снабжены инструментами для производства земляныхъ работъ. Если для возведенія окоповъ имѣются ³/₄ часа времени, а командующій отрядомъ призналъ необходимость укрѣпленія позиціи, то они могутъ быть возведены на такую высоту, что стрѣляющій можетъ стать на колѣно. Если времени опредѣлить нельзя, то подвергающійся нападенію начинаетъ возводить болѣе легкія укрѣпленія, въ предположеніи довершить работу постепенно.

Нижепомѣщенный рисунокъ показываетъ именно такое постепенное возведеніе окоповъ въ порядкѣ, обозначенномъ римскими цифрами.

Подъ самымъ огнемъ непріятеля можетъ быть выставлено еще болѣе простое прикрытіе. Слѣдующій рисунокъ изображаетъ солдата, роющаго въ лежачемъ положеніи для себя земляное прикрытіе и затѣмъ стрѣляющаго изъ-за него.

¹⁾ „Travaux de champ de bataille“. 1891.

Наружная форма окоповъ бываетъ различна. Чаще всего употребляются люнеты угломъ или полу-редутомъ, прикрывающіе спереди и съ боковъ. На рисунокѣ виденъ и способъ установленія орудій въ промежуткахъ между окопами.

Чтобы читателю дать понятіе о размѣрахъ шанцевыхъ укрѣпленій, достаточно сказать, что линія одного редута, рассчитаннаго на одну роту пѣхоты, достигаетъ обыкновенно 140 метровъ.

Сверхъ всего этого, въ виду часто случающейся необходимости быстрого возведенія окоповъ, чрезвычайно важное значеніе имѣетъ степень усвоеннаго солдатами искусства въ земляныхъ работахъ. Если признать, что кирка, ломъ и лопата могутъ оказать противодѣйствіе самому убійственному огню артиллеріи, то очевидно, что тотъ, кто умѣетъ лучше владѣть этими орудіями, получитъ перевѣсъ надъ противникомъ.

Репутаціей особенно искусныхъ землекоповъ въ Европѣ пользуются итальянцы, которыхъ поэтому охотно берутъ при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ ¹⁾. Русскій солдатъ заявилъ въ этой области блестящія доказательства умѣнія и выдержки при устройствѣ и оборонѣ шанцевъ еще во время осады Севастополя.

Однако, въ войну 1877 года вообще недостаточно воспользовались природными способностями русскихъ солдатъ и опытами, пріобрѣтенными въ предшествующія войны. Выгоды, которыя можно извлекать изъ позицій посредствомъ усиленія ихъ окопами, мало принимались въ расчетъ, но вина въ этомъ падаетъ отнюдь не на отдѣльныхъ исполнителей. Въ отрядѣ Скобелева подъ Плевной было всего 35 саперныхъ солдатъ и ни одного инженернаго офицера. Пѣхота не была снабжена соотвѣтствующими инструментами, а работать ей приходилось большими лопатами и вообще такимъ непрактичнымъ шанцевымъ инструментомъ, что Скобелевъ жаловался, что солдатамъ приходилось его бросать на захваченныхъ позиціяхъ и зачастую замѣнять его какимъ-либо кухоннымъ орудіемъ ²⁾.

¹⁾ „Travaux de champ de bataille“. 1891.

²⁾ Генераль Куропаткинъ. «Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева»

Значительность понесенныхъ русскою арміею потерь слѣдуетъ приписать именно неимѣнію въ арміи шанцеваго инструмента.

„Несмотря, однако, на это, говорить прусскій генералъ Богуславскій, русскіе солдаты выказали необыкновенную способность къ землянымъ работамъ. Быстрое возведеніе окоповъ, тишина и порядокъ, соблюдаемые во время производства ночныхъ фортификаціонныхъ работъ, доказываютъ необыкновенный навыкъ и дисциплину этихъ войскъ“.

Но еще большее значеніе, чѣмъ умѣніе солдатъ, будетъ имѣть руководство работами.

Если земляныя прикрытія для стрѣлковъ, устроенныя правильно и соотвѣтственно характеру мѣстности, имѣютъ огромное значеніе для успѣха обороны, то, наоборотъ, неудачно воздвигнутыя фортификаціи, слишкомъ выдвинутыя за линію естественныхъ загражденій, могутъ оказаться даже вредными, мѣшая дѣйствию прочихъ отрядовъ, помогая скрытымъ подходамъ непріятели или сконцентрированію его выстрѣловъ.

Такимъ образомъ, на отвѣтственности военачальниковъ въ будущей войнѣ будетъ лежать умѣніе пользоваться естественными защитами мѣстности и быстрое ихъ укрѣпленіе. На это, въ виду дальности ружейнаго и артиллерійскаго огня, потребуются еще большій, чѣмъ прежде, талантъ, который тѣмъ чаще будетъ проявляться въ арміи, чѣмъ въ большемъ числѣ въ нее войдутъ силы развитыхъ интеллигентныхъ классовъ общества. Можно полагать, что высшіе руководители во всѣхъ европейскихъ арміяхъ одинаково стоятъ на высотѣ своей задачи, но способности низшихъ дѣятельныхъ единицъ вполнѣ зависятъ отъ общаго уровня распространенной въ томъ или иномъ народѣ культуры.

Вспомогательныя средства.

Улучшенное во всѣхъ отношеніяхъ оружіе и въ высокой степени усовершенствованныя огнестрѣльные снаряды не составляютъ еще всего, что предпріимчивый умъ человѣка изобрѣлъ для истребленія, въ случаѣ надобности, возможно большаго числа людей и вмѣстѣ съ тѣмъ для наиболѣе успѣшнаго уничтоженія ихъ богатствъ. Существуетъ еще цѣлый рядъ

средствъ, правда вспомогательныхъ, но имѣющихъ очень важное, часто рѣшающее значеніе, такъ какъ они обусловливаютъ собою надлежащее пользованіе новымъ вооруженіемъ и многочисленной военной силой. Въ будущей войнѣ, въ отличіе отъ предшествующихъ, эти вспомогательныя средства будутъ имѣть широкое примѣненіе.

I.

Внутреннее сообщеніе въ арміи.

Огромныя вооруженныя массы, которыя будутъ выставлены государствами, должны будутъ раздѣляться на группы, то-есть на отдѣльныя арміи, дѣйствующія на разныхъ театрахъ войны. Каждая изъ такихъ армій, состоящая изъ нѣсколькихъ корпусовъ, должна оперировать на значительномъ пространствѣ. Уже одно это обстоятельство чрезвычайно затруднитъ сношенія отдѣльныхъ частей войскъ какъ между собою, такъ и съ главнокомандующимъ и даже съ начальниками корпусовъ, дивизій и т. д. Наряду съ этимъ, появятся и другія затрудненія. Благодаря отсутствію дыма, поле битвы будетъ открыто, и, такимъ образомъ, офицерамъ и ординарцамъ, проѣзжающимъ верхомъ вдоль боевой линіи, будетъ, правда, легче находить дорогу и пробираться, но зато имъ одновременно станетъ грозить бѣлая опасность, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ арміяхъ подготавливаютъ специальныхъ стрѣлковъ, предназначенныхъ исключительно для уничтоженія посланцевъ этого рода. Вслѣдствіе того, будетъ чрезвычайно трудно, а подчасъ и совершенно невозможно, пользоваться практиковавшимся до сихъ поръ способомъ разсылки приказовъ и сообщеній. Пѣшіе ординарцы, неудобные уже и въ прежнія времена по медленности, при требованіяхъ новой тактики и при современной многочисленности войскъ, еще менѣе будутъ соответствовать своему назначенію.

Пришлось подумать о другихъ средствахъ.

Велосипеды. На удобной дорогѣ даже и хорошему всаднику не удастся обогнать опытнаго велосипедиста ¹⁾, такъ какъ послѣдній въ состояніи проѣхать безъ всякаго утомленія 12 километровъ въ часъ, съ нѣкоторымъ утомленіемъ 18, а съ большимъ утомленіемъ 24 километра. Велосипедистъ имѣетъ передъ кавалеристомъ то, важное въ этомъ случаѣ, преимущество, что онъ менѣе замѣтенъ. Въ виду этого, мысль объ употребленіи

¹⁾ Figuiet „Année scientifique“.

во время будущей войны велосипедовъ появилась во многихъ арміяхъ.

Для ѣзды на такъ называемыхъ „стальныхъ лошадяхъ“ будутъ употребляты почти во всѣхъ арміяхъ соотвѣтственно подобранныхъ и подготовленныхъ унтеръ-офицеровъ. Первый примѣръ въ этомъ отношеніи явился во Франціи при защитѣ Бельфора въ 1870—71 гг., гдѣ, за неимѣніемъ кавалеріи, приказанія разсылались на двухколесныхъ велосипедахъ. Чтобы дать понятіе о томъ, какое назначеніе предполагается дать велосипеднымъ ѣздокамъ, мы приводимъ задачи, возложенныя въ 1889 г. въ Англіи на велосипедныхъ развѣдчиковъ, состоявшихъ подъ командой майора Скоби ¹⁾: 1) исправленіе картъ и развѣдка дорогъ раньше приближенія непріятеля; 2) разрушеніе желѣзнодорожныхъ линій, по приказанію главнокомандующаго, составленными сильными командами; 3) предъ приближеніемъ непріятеля — развѣдка мѣстности, лежащей на его пути, и выслѣживаніе, совмѣстно съ кавалеріей, его движеній; при наступленіи непріятеля, смыканіе въ угрожаемыхъ пунктахъ, задерживаніе наступленія и затѣмъ постепенное отступленіе. По словамъ отчета майора Скоби, велосипедные развѣдчики исполнили всѣ эти задачи удовлетворительно.

Въ 1892 г. французское правительство издало инструкцію, въ которой указывалось на необходимость для арміи въ полѣ имѣть 3.000 велосипедныхъ ѣздоковъ, набираемыхъ изъ нижнихъ чиновъ резерва и территоріальной арміи. Въ исполненіе этого, въ прошломъ же году соискатели были подвергнуты испытанію въ ѣздѣ, а также въ умѣнши читать карты, распознавать штабы частей войскъ по внѣшнимъ отличіямъ, въ знаніи состава нормальной маршевой колонны и т. п. Соискатели должны имѣть собственные велосипеды двоякаго типа: походнаго и полупоходнаго [*bicyclette de route* или *de demi-route* ²⁾].

Чарльзъ Дилкъ отзываясь о велосипедистахъ, которыхъ онъ видѣлъ на бывшихъ французскихъ маневрахъ въ 1891 г., такъ, что унтеръ-офицеры велосипедисты доказали полную свою способность развозить сообщенія и приказанія, а докладъ ихъ по своей ясности и точности не уступалъ языку офицеровъ генеральнаго штаба; поэтому-то на нихъ часто возлагали и возлагаютъ все чаще исполненіе обязанностей ординарцевъ. Для того, чтобы сво-

¹⁾ Stadelmann. „Das Zweirad“. Berlin. 1891.

²⁾ „France militaire“.

бода движеній ихъ была какъ можно менѣе стѣснена, они не берутъ съ собою никакого оружія¹⁾). Въ Австріи въ „Wiener-Neustadt“ сооружается специальная школа для обученія военныхъ велосипедистовъ. Въ Германіи намѣрены пользоваться велосипедами еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Правительство оказываетъ значительное содѣйствіе развитію велосипеднаго спорта, въ особенности въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ нашей страной, разсчитывая на то, что военные развѣдчики на велосипедахъ будутъ въ состояніи вредить кавалерійскимъ наѣздамъ. По словамъ „Revue Militaire“, въ Россіи въ 1891 г. установлено, что каждый пѣхотный полкъ долженъ имѣть 8 велосипедистовъ, а каждый стрѣлковый батальонъ — 4. Сверхъ нихъ, въ каждомъ полку должно быть не менѣе 2 офицеровъ, искусно ѣздящихъ на велосипедахъ.

Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что для всякаго велосипеда необходима ровная и твердая дорога. На болотистой или песчаной почвѣ, въ лѣсахъ и на горныхъ тропинкахъ, велосипедисту не поспѣтъ за пѣшеходомъ, такъ какъ ему придется тащить или нести свою машину; кавалерійскіе же наѣзды будутъ пользоваться именно такими дорогами, обходя шоссе, которыя, по всему вѣроятію, будутъ охраняемы.

Голуби. Способность голубей ориентироваться въ пространствѣ для возвращенія на мѣсто постоянного проживанія принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ и до сихъ поръ неразъясненныхъ явленій природы. Провезенные на разстояніе 1.600 килом. (опыты между Мадридомъ и Люттихомъ) по желѣзной дорогѣ, слѣдовательно въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, голуби потомъ умѣли найти дорогу къ своему прежнему голубятнику. Еще болѣе удивительны слѣдующіе опыты. Изъ 9 голубей, выпущенныхъ въ 1886 г. изъ Лондона, одинъ вернулся въ свой голубятникъ въ Бостонѣ, другой долетѣлъ до Нью-Йорка, третій до Пенсильваніи. Въ этой замѣчательной способности голубей немалую вспомогательную роль играетъ и острота ихъ зрѣнія. Упражненія, сноровка въ значительной степени усиливаютъ въ голубяхъ природенный имъ инстинктъ. Во многихъ странахъ развился и получилъ уже довольно большое значеніе особый видъ спорта — голубинный. Возможности пользоваться особымъ голубиннымъ инстинктомъ содѣйствуетъ

¹⁾ «Les armées françaises».

необычайная быстрота голубей. При благопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ, т. е., если нѣтъ противнаго вѣтра, ни дождя, ни тумана, средняя быстрота голубинаго полета достигаетъ 72—84 верстѣ въ часъ. Въ 1878 году былъ учрежденъ конкурсъ для нѣмецкихъ и бельгійскихъ голубей. Ихъ выпустили изъ Рима; разстояніе, которое они должны были пройти, составляло 1.430 километровъ; атмосферическія условія были чрезвычайно неблагопріятны. Первый нѣмецкій голубь вернулся въ голубятникъ въ Ахенѣ по истеченіи 9, второй по истеченіи 10 дней; первый бельгійскій голубь прилетѣлъ въ Брюссель по истеченіи 11 дней ¹⁾.

При дрессировкѣ голубей соблюдается извѣстная постепенность: прежде всего ихъ заставляютъ пролетать разстояніе въ 7—8 километровъ, когда же они совершаютъ этотъ путь вполне хорошо, т. е. въ совершенно прямомъ направленіи и съ той быстротой, какая только возможна, они должны дѣлать болѣе длинные (до 200 километровъ) концы. Если разстояніе не превышаетъ 140 километровъ, все голуби возвращаются домой; чѣмъ длиннѣе дорога, тѣмъ большее число крылатыхъ почтальоновъ гибнетъ.

Уже при осадѣ Парижа воздушная почта сыграла немаловажную роль, о которой мы упомянемъ ниже. Этого было достаточно, чтобы убѣдиться, что голуби могутъ оказать во время войны важныя услуги и что до тѣхъ поръ, пока не будетъ открытъ способъ управленія воздушными шарами, ничто ихъ не замѣнитъ; поэтому-то во всехъ государствахъ стали заботиться о развитіи военно-голубинаго спорта и, не теряя времени, приступили къ устройству военно-почтовыхъ голубиныхъ станцій.

Во время осады Парижа съ депешами поступали слѣдующимъ образомъ: все депеши печатали, въ видѣ газетныхъ столбцовъ, на одномъ листѣ, затѣмъ ихъ фотографировали, столь значительно уменьшая, что читать ихъ можно было только при помощи сильной лупы. Одинъ голубь переносилъ депешу въ 300.000 буквъ, т. е. почти томъ печати. Такихъ депешъ по-

¹⁾ E. Hennebert, „L'art militaire et la science“.

слано было въ Парижъ *сто тысячъ*; напечатанныя обыкновенными буквами, онѣ составили бы цѣлую библіотечку.

Во Франціи, кромѣ голубей, которыхъ содержитъ само правительство для военныхъ цѣлей, законъ предписываетъ вмѣстѣ съ началомъ кампаніи предоставить въ распоряженіе арміи всѣхъ почтовыхъ голубей, число же послѣднихъ достигаетъ 150.000 штукъ. Германское правительство устроило военные голубятники въ очень многихъ пунктахъ. Кромѣ того, въ Германіи существуетъ 350 обществъ, которыя въ случаѣ надобности, предоставятъ въ распоряженіе правительства 50.000 голубей. Въ Австріи также весьма дѣятельно занимаются приготовленіемъ почтовыхъ голубей для военной цѣли.

Въ Россіи интересъ къ вопросу о голубиной почтѣ проявился впервые въ 1874 году. Образовалось нѣсколько обществъ любителей голубинаго спорта, а военное министерство назначило нѣкоторую сумму на устройство станцій въ Варшавѣ. Но дрессировка голубей встрѣтилась съ препятствіями. Мѣстные голуби были слишкомъ слабы для совершенія большихъ путешествій, а привезенные изъ Бельгіи гибли, не будучи въ состояніи перенести суроваго климата. Только учрежденная въ 1885 г. и составленная изъ инженеровъ и офицеровъ правительственная коммисія устранила эти препятствія. Въ крѣпостяхъ станціи эти подвѣдомственны коменданту, въ другихъ мѣстахъ — начальнику окружнаго штаба. Кромѣ того, въ Брестъ-Литовскѣ существуетъ уже учрежденіе, назначеніе котораго заключается въ усовершенствованіи расы и воспитаніи голубей, годныхъ при данныхъ условіяхъ къ почтовой службѣ ¹⁾.

Изъ вышесказаннаго видно, что существуетъ намѣреніе поддерживать, при помощи голубиной почты, сношенія между отдѣльными частями арміи, а также между крѣпостями и полевой арміей. Соотвѣтственныя станціи должны будутъ обмѣняться голубями (перевозя ихъ въ специально приспособленныхъ къ этому корзинахъ), которые затѣмъ, будучи выпущены, будутъ возвращаться къ мѣсту своего прежняго постояннаго пребыванія.

¹⁾ Свѣдѣнія эти мы почерпнули изъ статьи, помѣщенной въ «Военномъ Сборникѣ»: «Состояніе почтоваго голубинаго дѣла въ Европѣ» Д. Панкевича.

Во французской арміи нѣсколько сомнѣваются въ возможности пользоваться услугами голубей въ горячія и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелыя минуты переходовъ, сраженій и осадъ. Во время послѣднихъ большихъ маневровъ, въ распоряженіи каждой кавалерійской дивизіи находилась специальная корзина съ голубями; однако, офицеры и солдаты придерживались того мнѣнія, что если окажется недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, то голуби пойдутъ въ котель на супъ ¹⁾.

Электрическіе телеграфы и телефоны. На территоріи, гдѣ будутъ происходить военныя дѣйствія, въ особенности вблизи непріятельской линіи, во время движенія обѣихъ армій, а часто и на полѣ битвы, придется наскоро строить временныя телеграфныя линіи. Ужь въ войнѣ 1870 г. телеграфъ имѣлъ широкое примѣненіе въ германской арміи. Для военныхъ цѣлей служили 523 станціи съ 23.330 километрами проволоки. Для постройки телеграфныхъ линій, въ распоряженіи саперныхъ отдѣловъ будутъ находиться фургоны съ необходимыми матеріалами, т. е. проволокой, батареями и аппаратами. Полевыя станціи часто будутъ устраиваться всего на нѣсколько часовъ, затѣмъ все будетъ завернуто и снова уложено въ повозку. Кромѣ того, для сношеній на менѣе значительныхъ разстояніяхъ, въ арміи пользуются запасами проволоки, которые солдаты носятъ въ ранцѣ.

Въ виду многочисленности войскъ и обширности театра войны, телеграфныя линіи и телефоны будутъ имѣть очень важное значеніе. Однако, невозможно рассчитывать на вполне правильное и надежное ихъ функционированіе. Даже во время маневровъ въ Австріи, при рѣкѣ Теѣ, солдаты постоянно рвали проволоки на выстроенныхъ кое-какъ, на скорую руку, телеграфныхъ линіяхъ. Среди шума и горячечной сумятицы дѣйствительной битвы будетъ, конечно, еще хуже.

Оптический телеграфъ. Оптический телеграфъ также сдѣлалъ успѣхи въ послѣднее время. При помощи оптическихъ стеколъ можно сосредоточить лучи, исходящіе изъ какого-нибудь свѣтящагося тѣла, въ пунктѣ, черезъ который должны происходить сношенія, а затѣмъ при помощи цвѣтныхъ стеколъ и экрановъ получить большое количество сигнальныхъ знаковъ, которые черезъ сильныя зрительныя трубы можно будетъ замѣтить съ очень большаго разстоянія.

¹⁾ Hennebert, «L'art militaire et la science».

Во Франціи употребляются аппараты разныхъ размѣровъ, дѣйствующіе одни на разстояніи 50—60 километровъ, другіе—на 90—130 километровъ и даже до 200 километровъ (!) въ ясные дни ¹⁾. А такъ какъ Новогеоргіевскъ отстоитъ отъ Варшавы всего на 27 верстѣ (около 30 кил.), а Ивангородъ—на 84 версты (около 90 кил.), то, въ случаѣ пресѣченія сообщеній между ними непріателемъ, эти крѣпости будутъ въ состояніи сношиться между собою при помощи свѣтовыхъ сигналовъ, которыхъ непріатель предупредить не можетъ. Брестъ отстоитъ отъ Варшавы на 200 верстѣ (около 214 килом.); при устройствѣ только одной промежуточной станціи, гелиографическія сношенія возможны и между этими крѣпостями. Слѣдуетъ, однако, прибавить, что при употребленіи этого рода оптического телеграфа необходимы особыя старательность и аккуратность. Чарльзъ Дилькъ убѣдился на французскихъ маневрахъ, что гелиографъ употреблялся безъ особаго успѣха, несмотря на хорошую погоду, просто вслѣдствіе неумѣлости.

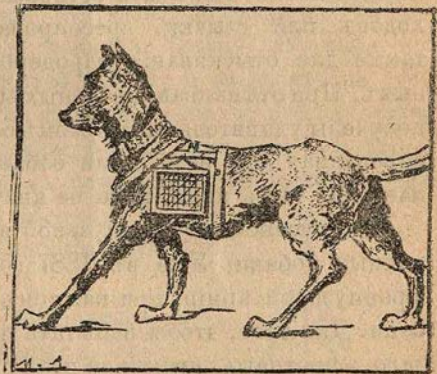
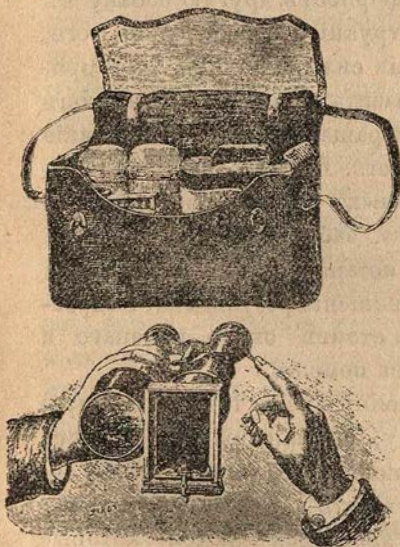
Собаки и фотографическіе аппараты. Уже древніе пользовались во время войнъ услугами собакъ. Ихъ употребляли для сношеній съ наиболѣе близкими къ непріательской линіи пунктами. Пересылаемые въ эти пункты предметы собакамъ давали съѣдать вмѣстѣ съ пищею, а по возвращеніи ихъ добывали изъ внутренностей убитаго животнаго. Въ концѣ XVII вѣка на пограничныхъ сторожевыхъ постахъ въ Далмаціи и Кроаціи собакъ дрессировали для того, чтобы онѣ предупреждали о приближеніи турокъ. Ихъ учили лаять при видѣ мусульманскихъ солдатъ, а также разыскивать засады.

Въ наше время мысль объ употребленіи собакъ для цѣлей войны возникла прежде всего въ Германіи. Затѣмъ, австрійцы убѣдились въ Босніи и Герцеговинѣ на опытѣ, что во время войны можно будетъ пользоваться чуткостью и обоняніемъ собакъ. Другія арміи послѣдовали примѣру этихъ двухъ государствъ.

Собакамъ будутъ употреблять для помощи по развѣдочной части. Въ распоряженіи офицера или унтеръ-офицера, посланныхъ для ознакомленія съ позиціей непріателя, будутъ находиться собака и фотографическій аппаратъ. Не будучи въ состояніи, въ виду вѣроятной бдительности непріательскихъ сто-

¹⁾ *Hennebert*, „L'art militaire et la science“. Передача оптическихъ сигналовъ на такое большое разстояніе, какъ 200 километровъ, возможна, вѣроятно, только при устройствѣ обсерваторій на горахъ и вообще при исключительно благоприятныхъ условіяхъ мѣстности.

рожевыхъ постовъ, оставаться, не подвергая себя большой опасности, долго на одномъ мѣстѣ, посланный долженъ будетъ, пробираясь сквозь кустарниковъ, вдоль изгородей и по неровностямъ почвы, подкрасться къ мѣсту, съ котораго онъ увидитъ небольшую часть непріятельской позиціи. Моментально сниметъ онъ съ нея рядъ фотографій и перешлетъ ее съ собакою къ своимъ. Въ штабѣ нарисованное при помощи солнечнаго свѣта изображеніе перенесутъ, вставивъ его въ солнечный или электрическій микроскопъ, на экранъ, благодаря чему будетъ приобрѣтено знакомство съ такими подробностями, какихъ не удалось бы нарисовать, при наиблагоприятнѣйшихъ условіяхъ, самому искусному топографу. Нижеслѣдующіе рисунки фотографическаго прибора и собаки съ сумкой заимствованы нами изъ сочиненій Hennebert „L'art militaire et la science“ и Jupinn: „Les chiens militaires“.

Приведемъ еще изъ „Militär-Zeitung“ нѣсколько любопытныхъ подробностей, касающихся дрессировки собакъ: „Въ германской арміи собакъ приучаютъ имѣть въ подозрѣніи людей въ русскомъ или французскомъ мундирахъ и давать знать своему господину объ ихъ присутствіи. Каждая стрѣлковая рота дрессируетъ двухъ или трехъ собакъ для развѣдочной службы. При лагерной стражѣ состоитъ много такихъ животныхъ; одно изъ нихъ присоединяютъ къ значительно выдвиг-

нугому впередъ аванпосту. Собака эта носить желѣзный, но очень легкій ошейникъ, къ которому прицѣпленъ кожаный кармашекъ. Когда сторожевой постъ замѣчаетъ по близости что-нибудь подозрительное, онъ выпускаетъ собаку, которая развѣдываетъ, кто приближается: врагъ, или свой. При помощи обонянія собака издалека узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и возвращается обратно; по ея поведенію и по лаю, часовой заключаетъ, грозитъ ли ему какая-либо опасность или нѣтъ. Ночью часовой, по ворчанію собаки, долженъ умѣть различить, подвигается ли непріятель впередъ, или стоитъ на одномъ мѣстѣ и т. д. Тогда часовой или отступаетъ назадъ для того, чтобъ сдать рапортъ начальнику, или, оставаясь на мѣстѣ, пишетъ донесеніе и кладетъ его въ привѣшенный къ шеѣ собаки кармашекъ, а эта послѣдняя относитъ его въ лагерь“.

Если непріятель приближается въ большомъ числѣ, то начальникъ стражи посылаетъ на форпостъ другую собаку съ спеціальнымъ приказаніемъ и инструкціей относительно того, что дѣлать. Если же непріятельскія силы невелики, онъ приказываетъ передовымъ частямъ отразить нападеніе. Во всякомъ случаѣ, предостереженія собаки обращаютъ на себя вниманіе и позволяютъ соблюдать осторожность. Послѣ большихъ переходовъ или стычки, дрессированныхъ собакъ употребляютъ также для отыскиванія мародеровъ, заблудившихся и раненыхъ. При отыскиваніи раненыхъ, потерявшихъ сознаніе, были получены удивительные въ этомъ отношеніи результаты: выдрессированная для этой цѣли собака стоитъ около раненаго и лаетъ до тѣхъ поръ, пока не явится помощь.

Въ русской и французской арміяхъ есть также дрессированныя собаки. Уже въ 1887 году, на маневрахъ 9 корпуса французской арміи, при каждомъ полку находились четыре собаки. Для того, чтобы испытать чуткость и тонкость нюха каждаго животнаго, посылали двухъ, либо трехъ людей, которые старались захватить часоваго, или безъ шума прокрасться сквозь сторожевые посты. Эти попытки тотчасъ обнаруживались: собака, согласно съ внушеніями дрессировки, ворчала, но не лаяла. Собаки эти прекрасно исполняли также разноску приказаній и донесеній.

Если полкъ совершаетъ переходъ, то собакъ слѣдуетъ водить на сворѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онѣ бросались бы на всякаго, кто не носить знакомый имъ мундиръ.

II.

Средства наблюдения за передвиженіемъ войскъ.—Аэростаты.

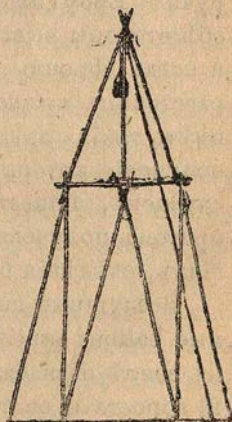
Всѣ вышеописанныя средства не въ состояніи еще обезпечить отдѣльнымъ частямъ армій возможность сношеній и полученія свѣдѣній о непріятелѣ. Усовершенствованное оружіе отдавить сражающихся другъ отъ друга, дымъ не укажетъ уже, гдѣ и какія силы разставилъ противникъ. Цѣпь стрѣлковъ замаскируетъ и заслонитъ собою отряды. Оріентироваться придется по направленію выстрѣловъ, которые представляютъ собою не болѣе, какъ указатель, съ трудомъ поддающійся выраженію въ цифрахъ, и притомъ ненадежный; кромѣ того, чрезвычайно трудно по направленію выстрѣловъ судить о разстояніи, отдѣляющемъ отъ непріятеля, а безъ этого невозможно ни установить прицѣловъ на ружьяхъ, ни цѣлиться изъ пушекъ. Въ виду всего этого, при современныхъ арміяхъ должны находиться переносныя обсерваторіи, съ которыхъ командующіе могли бы обозрѣвать позиціи и движенія непріятеля и одновременно видѣть части собственнаго войска.

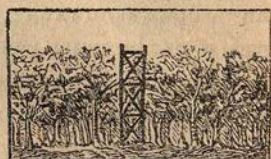
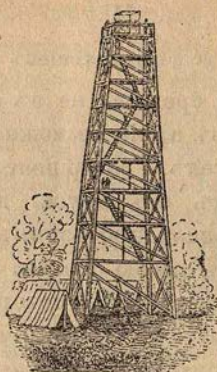
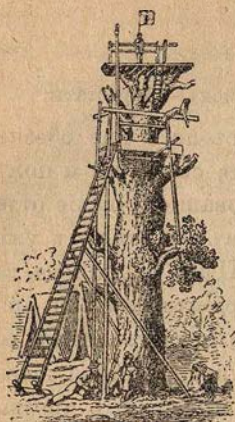
Переносныя обсерваторіи или вышки. Для этой цѣли въ распоряженіи всѣхъ армій находятся лѣстницы, похожія на тѣ, которыя употребляетъ пожарная команда. Такая лѣстница состоитъ изъ трехъ раздвигающихся частей, и ее возятъ на специальной повозкѣ. Наблюдатель входитъ на верхъ, гдѣ находитъ платформу, баллюстраду и люпиръ для аппаратовъ и рисовальныхъ инструментовъ. Затѣмъ служащіе, при помощи движенія рукоятки, раздвигаютъ лѣстницу и, такимъ образомъ, поднимаютъ наблюдателя на требуемую высоту.

Войско, которое должно обороняться, въ извѣстныхъ, заранѣе избранныхъ, мѣстахъ, строить особыя наблюдательныя вышки, высокія и болѣе удобныя.

Рисунки такихъ вышекъ мы заимствовали изъ сочиненій: Hennebert „L'art militaire et la science“, Brunner „Feldbefestigung“ и „Инженернаго журнала“.

Обсерваторіи, въ особенности передвижныя и лѣстничныя, уже въ силу своей конструкции, не могутъ быть слишкомъ вы-

соки; съ ихъ верхушки можно обнимать взглядомъ только незначительное пространство, вслѣдствіе чего пользоваться ими будутъ, главнымъ образомъ, начальники меньшихъ военныхъ частей. Главнымъ начальникамъ необходимо имѣть возможность обозрѣвать съ высоты орлинаго полета большія пространства, а для этого могутъ служить воздушные шары, надъ усовершенствованіемъ которыхъ усердно работаютъ, между прочимъ, и для военныхъ цѣлей.

Воздушные шары для наблюденія. Вспомогательная роль аэростатовъ въ будущей войнѣ будетъ прежде всего основываться — какъ мы это впослѣдствіи пояснимъ — на томъ, что, благодаря имъ, окажется возможнымъ ориентироваться среди чрезвычайно разбросанныхъ собственныхъ и непріятельскихъ позицій. Поручикъ Броу (Brough) говоритъ: „Въ войнахъ будущаго, когда обѣ стороны выступятъ съ огромнымъ количествомъ войскъ и когда фронтъ боевой линіи вытянется на очень большомъ разстояніи, можно будетъ, при помощи воздушныхъ шаровъ, имѣть такія свѣдѣнія о силахъ и положеніи противника, для полученія которыхъ кавалеріи пришлось бы, въ большинствѣ случаевъ, понести чрезвычайно чувствительныя потери, да притомъ полученныя ею, при наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ, свѣдѣнія были бы менѣе точны“.

Воздушные шары бываютъ трехъ родовъ: 1) такъ называемые *ballons captifs*, прикрѣпленные черезъ посредство ворота къ землѣ и снабженные собственнымъ газовымъ генераторомъ, 2) аэростаты свободные и 3) такіе, которыми можно управлять.

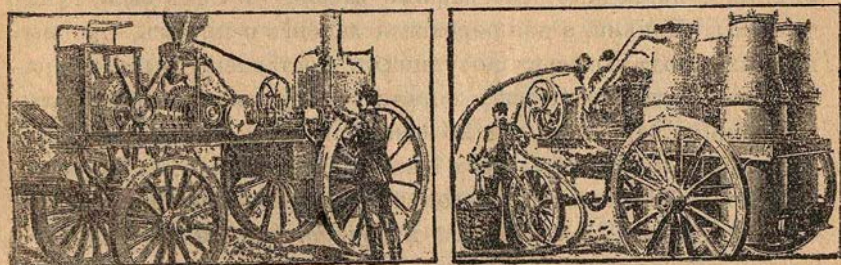
Газъ для наполненія шара или готовится на мѣстѣ,

откуда его пускаютъ, или везется уже готовый въ металлическихъ трубахъ вмѣстѣ съ шаромъ. Въ первомъ случаѣ преимущественно употребляется генераторъ (аппаратъ для выработки газа) системы „Yon“ и „Lachambre“.

Расходъ по наполненію воздушнаго шара доходитъ до 215 р., ежедневные же дополнительные расходы составляютъ отъ 12—15 рублей. Вѣсъ аппарата, вырабатывающаго газъ, равняется 2.900 килограммамъ.

Воздушные шары держатся на привязи при помощи ворота, приводимаго въ движеніе специальной паровой машиной. Когда шаръ поднимется на наибольшую высоту, т. е. когда вся веревка, охватывающая валь ворота, развернется, то требуется 10 минутъ времени для того, чтобы заставить его опуститься на землю ¹⁾.

Представляемъ здѣсь рисунки аппарата (для приготовления газа) и ворота:

Для перевозки цѣлой полевой станціи воздушныхъ шаровъ французской системы, необходимо имѣть отъ 10—15 фургоновъ; если мѣстность лишена воды, то приходится возить запасъ ея. Англійскіе азростаты отличаются отъ системы, принятой во Франціи. Ихъ оболочка дѣлается изъ особо-обработанной кожи. Они гораздо легче, поднимаютъ только одного пассажира. Вмѣсто аппарата для выработки газа, для нихъ употребляется газъ готовый въ желѣзныхъ трубахъ, такъ что не нужна близость воды и наполненіе идетъ всего въ четверть часа. Вотъ почему въ германской арміи, а даже и во Франціи, имъ отдають предпочтеніе.

Гѣрнигъ утверждаетъ, что въ Россіи принять воздушный шаръ, объемомъ въ 640 кубическихъ метровъ, для наполненія котораго, — предполагая, что онъ наполняется готовымъ газомъ, —

¹⁾ Изъ сочиненія Espitalier „Les ballons“.

необходимо имѣть 160 трубъ съ газомъ. Притомъ, какъ слышно, русскій инженеръ Лачиновъ ввелъ значительныя улучшенія какъ въ конструкціи воротовъ, такъ и въ фабрикаціи газа. Гёрнигъ увѣряетъ, что изобрѣтенія Лачинова были встрѣчены съ полнымъ признаніемъ русскими военными и научными сферами, что свидѣтельствуетъ о ихъ высокой цѣнности.

Посмотримъ теперь, какія выгоды полководцы и арміи могутъ извлечь изъ воздушныхъ шаровъ.

Уже въ 1861 г., во время междоусобной войны въ Сѣверной Америкѣ, воздушный шаръ оказалъ услуги подъ Ричмондомъ. Роль воздушныхъ шаровъ во французской арміи въ 1870—71 годахъ извѣстна всѣмъ; особенно много важныхъ услугъ они оказали тогда Парижу.

Когда Парижъ безусловно лишился сообщеній, такъ что пробираться сквозь осаждающія войска стало совершенно невысказано, подводные телеграфныя кабели въ Сенъ были уничтожены нѣмцами, а для перехвата депешъ и писемъ, проплывавшихъ подъ водою въ судахъ, поставлены были нѣмцами сѣти, тогда для Парижа осталось доступнымъ одно средство сношеній — аэростатъ. Съ 23 сентября 1870 года по день капитуляціи, пущены были изъ Парижа 64 аэростата, съ 91 пассажиромъ и 363 почтовыми голубями. Депешъ и писемъ было отправлено вѣсомъ въ 9 тысячъ килогр. Изъ голубей возвратились въ Парижъ 57, съ около 100 тысячами депешъ и писемъ. Обыкновенныя почтовые аэростаты съ лодками вѣсили по 10 центнеровъ, каждый могъ нести грузъ въ 19 центн. и подниматься на 2.300 метровъ. Гамбетта и генераль Кератри вылетѣли изъ Парижа 7 октября, и шаръ ихъ сперва спустился при Крейлѣ, въ виду прусскаго караула, который принялъ этотъ шаръ за прусскій и далъ по немъ залпъ только тогда, когда шаръ увидѣлъ свою ошибку, выбросилъ балластъ и сталъ вновь подниматься. Гамбетта былъ раненъ пулей въ руку. Шаръ опустился затѣмъ въ Мондидѣ.

На одномъ изъ шаровъ 22 декабря высланъ былъ къ генералу Шанзи офицеръ съ увѣдомленіемъ, что Парижу доставить продовольствія только еще на 4 недѣли. Изъ 64 почтовыхъ шаровъ 56 опустились благополучно; 5 были захвачены нѣмцами, 2 пропали безъ вѣсти, вѣроятно, въ морѣ; 1 былъ занесенъ въ Норвегію и сдѣлалъ 1.500 кил. въ 15 часовъ. Крупшъ сдѣлалъ вращавшуюся пушку для стрѣльбы по шарамъ; по

одному извѣстію, она уничтожила 1 шаръ, по другому — орудіе это совсѣмъ не употреблялось.

Нѣмцамъ въ ту войну опыты съ шарами не удались. Въ сентябрѣ 1870 г. были сформированы съ Кёльнѣ воздухоплавательныя команды, для рекогносцировокъ при осадѣ Страсбурга. Послѣ разныхъ неудачъ, наконецъ 24 сентября поднялся шаръ, который, впрочемъ, могъ взять только одного чело-вѣка; сильный вѣтеръ и густой дымъ мѣшали производству имъ наблюденій, хотя онъ поднялся на 115 метровъ. Тѣмъ не менѣе, онъ могъ видѣть урывками самыя отдаленныя укрѣпленія и убѣдиться, что цитадель въ городѣ представляла уже развалины. Затѣмъ, пробовали снова снарядить шаръ и опять неудачно. Въ тотъ же день, когда удалось его наполнить газомъ, Страсбургъ сдался и шары были отправлены къ Парижу, но и тамъ опыты съ аэростатами не удались нѣмцамъ, такъ что команды были вскорѣ распущены ¹⁾.

Во время войны Бразиліи съ Парагваемъ, бразильскій генералъ Саксіасъ ежедневно наблюдалъ и осматривалъ съ воздушнаго шара непріятельскій лагерь.

Удивительнымъ и заслуживающимъ вниманія является то обстоятельство, что въ 1877—78 гг. въ русской арміи совсѣмъ не употребляли воздушныхъ шаровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія—ниже намъ представится случай это доказать,—что, имѣй командовавшіе русскими войсками подъ Плевной въ своемъ распоряженіи воздушные шары, ходъ и результаты атакъ, въ особенности памятнаго всѣмъ штурма 30 августа, были бы совершенно иные.

Съ того времени произошли большія перемѣны, и теперь уже всѣ арміи, по всей вѣроятности, въ достаточной мѣрѣ снабжены воздушными шарами, которые въ тихую погоду могутъ въ теченіе 8—10 минутъ подняться на высоту 600 метровъ. Однако, въ германской арміи такой высотой не удовольствовались и ввели уже аэростаты, поднимающіеся на 800 и даже до 1.000 метровъ. Во время вѣтра, воздушный шаръ долженъ опуститься, и если скорость вѣтра достигнетъ 7—8 метровъ въ секунду, то шаръ можетъ оставаться только на высотѣ 100 метровъ.

Въ ясную погоду, съ высоты 500 метровъ можно, при помощи хорошихъ стеколъ, обнимать съ воздушнаго шара глазомъ пространство въ 15 километровъ радіуса и на этомъ про-

¹⁾ „Die Verwendbarkeit des Luftballons in der Kriegführung“. Lavergne-Poguilhen „Militärisches Wochenblatt“, 1886.

странствѣ видѣть расположеніе войскъ. Передъ наблюдателемъ, какъ на планѣ, лежитъ поле битвы; онъ замѣчаетъ всѣ особенности почвы, видитъ расположеніе и движенія непріятельскихъ колоннъ, можетъ судить о намѣреніяхъ противника.

Много опытовъ съ воздушными шарами было произведено во время французскихъ маневровъ; отчеты о нихъ мы находимъ въ сочиненіи Гернеса „Ueber Fesselballonstationen“ ¹⁾. Приведемъ выписку. „Мѣстонахожденіе непріятельскихъ войскъ было замѣчено съ разстоянія въ 13 километровъ благодаря пыли, поднятой ихъ движеніемъ. Собственный корпусъ, его позицію и переходы можно было постоянно имѣть передъ глазами. Такимъ-то образомъ разрѣшена была трудная задача—управлять изъ одного центрального пункта всей массою войскъ: командующій войсками каждую минуту получаетъ сообщенія отъ штабнаго офицера, съ лодки воздушнаго шара наблюдающаго за всѣмъ происходящимъ“.

„Подъ Aulnoy командующаго корпусомъ предупредили, что атака, которую противникъ ведетъ на его позицію, только маскируетъ собою дѣйствительное нападеніе, направленное совершенно въ другую сторону. Подъ Colombeu генераль маркизъ Галлифѣ 2¼ часа пробылъ въ лодкѣ воздушнаго шара и оттуда руководилъ движеніями всего войска. Фронтъ тянулся на разстояніи 1½ километровъ, а въ глубину армія занимала пространство 3—9 километровъ. И генераль Галлифѣ господствовалъ надъ этимъ значительнымъ пространствомъ, хотя воздушный шаръ поднимался всего на 400 метровъ“.

По мнѣнію Дюбюрô, присутствіе воздушныхъ шаровъ на поляхъ битвъ при Ватерлоо и Сен-Привâ совершенно измѣнило бы результаты сраженій. При Ватерлоо французы достаточно рано узнали бы о приближеніи Блюхера. При Сен-Привâ командующіе французскими войсками легко замѣтили бы, что нѣмцы вводятъ ихъ въ заблужденіе очень малыми силами и затягиваютъ сраженіе, ожидая прибытія значительныхъ подкрѣпленій.

Но помимо большихъ размѣровъ того вида, который открывается глазамъ наблюдателя, находящагося на аэростатѣ, ориентироваться относительно позицій съ одного воздушнаго шара окажется часто невозможнымъ уже потому, что огромныя массы войскъ разбросаются въ длину и ширину на обширныхъ пространствахъ. Нынѣ въ германской арміи въ каждомъ полку

¹⁾ Вѣна, 1892.

долженъ быть офицеръ, умѣющій производить наблюденія съ привязаннаго аэростата, а въ случаѣ нужды даже совершать полеты. Въ Берлинѣ и Мюнхенѣ есть школы воздухоплаванія, въ которыя командируются лѣтомъ по 2 офицера отъ каждаго полка. Несомнѣнно, слѣдовательно, что для обозрѣванія своихъ собственныхъ и непріятельскихъ позицій въ Германіи будутъ употреблять большое количество воздушныхъ шаровъ.

Кромѣ этихъ услугъ тактическаго характера, имѣется въ виду давать съ прикрѣпленныхъ воздушныхъ шаровъ (ballons captifs) указанія относительно правильности выстрѣловъ; съ этой цѣлью производятся опыты въ Германіи, Франціи, Россіи, Англіи и Италіи.

Наконецъ, съ воздушныхъ шаровъ можно будетъ давать оптическіе сигналы. „Engineering“ еще въ 1883 году писалъ: „Недавно въ Парижѣ были произведены опыты освѣщенія воздушныхъ шаровъ изнутри; цѣль этихъ опытовъ — получить свѣтлый предметъ большихъ размѣровъ, что дало бы возможность передавать телеграфные знаки въ ночное время. Оболочка шара, имѣвшаго около двухъ метровъ въ діаметрѣ и по объему почти равнявшагося 100 кубическимъ футамъ, была сдѣлана изъ чрезвычайно прозрачной бумаги. Шаръ пустили по веревкѣ, въ которую вплетены были двѣ мѣдныя проволоки. Внутри шара находилась электрическая лампочка, которая освѣщала его сильнымъ свѣтомъ. Прерывая постоянно токъ, можно было къ этому оптическому телеграфу примѣнить систему телеграфнаго алфавита Морзе: болѣе продолжительное поддерживаніе свѣта соотвѣтствовало черточкѣ, менѣе продолжительное — точкѣ“.

„Въ Англіи въ 1889 г. производились опыты съ шаромъ, предназначеннымъ для оптическихъ сигналовъ. „Elektrotechnischer Anzeiger“ увѣряетъ, что, благодаря этому шару, можно было пересылать телеграфные знаки какъ днемъ, такъ и ночью, и притомъ на очень значительныя разстоянія. Важнымъ является то обстоятельство, что весь шаръ, со всѣми его принадлежностями и находившимся въ немъ телеграфнымъ аппаратомъ, вѣсилъ только 20 килограммовъ, а слѣдовательно его безъ труда могъ носить одинъ человѣкъ“¹⁾.

Эспиталье²⁾ говоритъ, что парижскіе опыты убѣдили всѣхъ

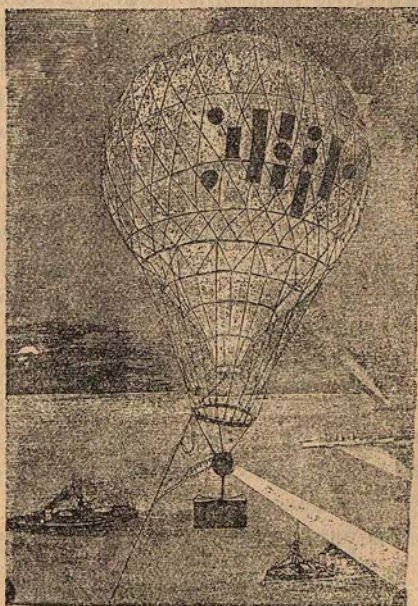
1) Цитата изъ статьи, помѣщенной въ журналѣ «Военный сборникъ» — «Состояніе военнаго воздухоплаванія».

2) Espitalier «Les ballons».

въ невозможности, при практиковавшемся способѣ освѣщенія шара изнутри, понимать и сносятся другъ съ другомъ на разстояніи, превышающемъ 18 километровъ. Источникъ свѣта, можно, однако, помѣщать внѣ воздушнаго шара на открытомъ воздухѣ, въ такомъ случаѣ размѣры наиболѣе свѣтлаго пространства уменьшаются, зато, — что часто болѣе полезно, — увеличивается напряженіе силы свѣта.

„The Journal of the Royal United-Service Institution“, въ мартовскомъ номерѣ текущаго года помѣстилъ рефератъ Эрика Стюарта Бруса со своими замѣчаніями. Тамъ находили, что аэростаты съ объемомъ въ 4.200 куб. футовъ, снабженные накаляющимися лампочками, представляются вполне цѣлесообразными и что при помощи такихъ шаровъ, на опытѣ, произведенномъ въ Антверпенѣ еще въ 1887 году, бельгійскій военный министръ могъ обмѣняться извѣстіями съ генераломъ Вуверминсомъ, находившимся въ 5 километрахъ. Произведенныя съ тѣхъ поръ улучшенія дозволяютъ, при условіяхъ не слишкомъ неблагоприятныхъ, сигнализировать на 18 километровъ.

Приводимый здѣсь рисунокъ былъ помѣщенъ въ „Science illustrée“ и изображаетъ опыты, произведенные въ германскихъ войскахъ на Гельголандѣ.

Сигнализациа съ аэростата.

Гёрнесъ замѣчаетъ, что напрасно думаютъ, будто роль шаровъ на войнѣ ограничится поднятіемъ одного шара въ началѣ битвы для осмотра позицій; при современной растянутости боевой линіи, съ одного шара невозможно осмотрѣть ее на достаточномъ протяженіи. Было бы ошибочно думать, что непріятель будетъ спокойно смотрѣть на усилія противника ознакомиться съ его позиціей и парализовать его предпріятія. Во всѣхъ арміяхъ есть уже орудія, предназначенныя для обстрѣливанія воздушныхъ шаровъ, а слѣдуетъ прибавить, что это вовсе не такъ трудно, какъ могло бы показаться съ перваго взгляда.

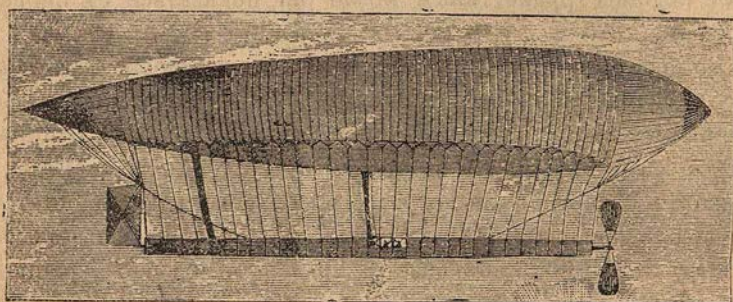
Во время опытовъ, произведенныхъ въ Россіи подъ Ижорою, воздушный шаръ „Ястребъ“, принадлежащій парку военныхъ воздухоплателей, упалъ на землю послѣ одиннадцатаго выстрѣла ¹⁾. Но не только артиллерійскіе снаряды, а также и ружейныя пули могутъ быть опасными для аэростатовъ на высотѣ меньшей 3.500 метровъ. Но опытъ показываетъ, что прострѣленный шаръ опускается медленно, подобно парашюту, безъ опасности для его пассажировъ.

Вслѣдствіе этого, прикрѣпленные воздушные шары (ballons captifs) не будутъ слишкомъ долго держаться на виду у непріятеля, тѣмъ болѣе, что 15 минутъ вполне достаточно для производства рекогносцировки. Зато, можно почти съ увѣренностью утверждать, что въ теченіе этого времени шары будутъ пользоваться полною свободою движеній.

Свободные воздушные шары. Привязанные воздушные шары можно употреблять на войнѣ только за неимѣніемъ чего-нибудь лучшаго. Свободные воздушные шары, которыми умѣли бы управлять, могли бы, очевидно, оказать гораздо большія услуги. Во всѣхъ странахъ неустанно работаютъ надъ разрѣшеніемъ этой задачи. Всѣ попытки управлять свободными воздушными шарами кончались до 1884 г. неудачей; только 9 августа того года капитанъ Ренаръ и его сотрудникъ Кребсъ совершили извѣстное путешествіе на аэростатѣ (ниже помѣщаемъ его изображеніе) „France“; шаръ двигался по заранѣ намѣченному пути, воздухоплатели вернулись къ тому пункту, изъ котораго отправились. Аэростатъ „Франція“ не былъ по своей формѣ похожъ на обыкновенные аэростаты. Длина его равнялась 50,40

¹⁾ Hoernes, «Fesselballons».

метра, діаметръ—8,40 метра, объемъ—1.864 кубическимъ метрамъ. Задняя часть воздушнаго корабля была острѣе его передней части, такъ что въ общемъ онъ напоминалъ форму быстро плавающихъ рыбъ. Шаръ этотъ былъ обтянутъ, какъ чехломъ, шелковой сѣтью. Лодка имѣла 33 метра въ длину; бамбуковый ея корпусъ также былъ одѣтъ въ шелковую рубашку; такимъ образомъ, воздухъ могъ, не встрѣчая сопротивленія, скользить по однородной поверхности.

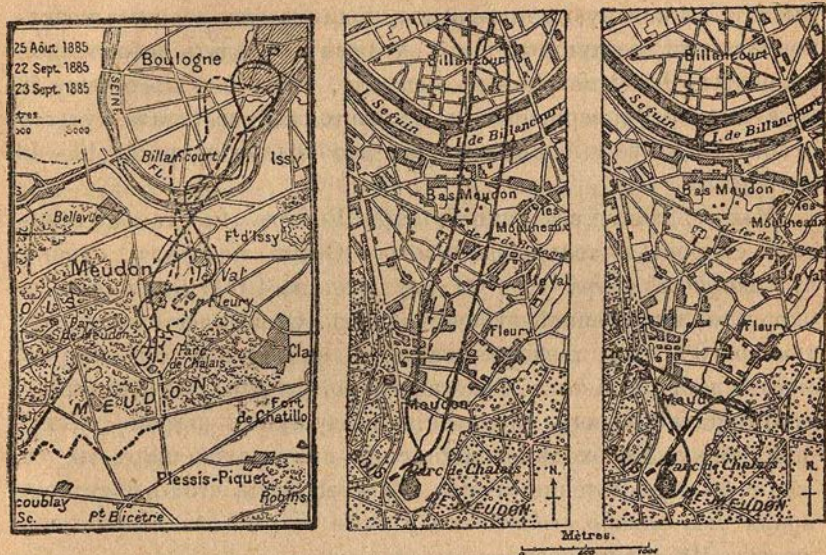
Аэростатъ Ренара и Кребса „France“.

Снарядъ для приведенія шара въ движеніе состоялъ изъ двухкрыльнаго винта, крылья котораго имѣли 7 метровъ въ діаметръ; винтъ вращался передъ лодкой на цилиндрѣ изъ листоваго желѣза, соединенномъ посредствомъ передаточнаго механизма съ динамо-электрическимъ двигателемъ. Въ качествѣ электрическаго генератора употребили батарею изъ очень сильныхъ элементовъ, изобрѣтенныхъ Ренаромъ. Къ задней части воздушнаго корабля былъ прикрѣпленъ руль изъ шелка, который позволялъ удерживать шаръ въ опредѣленномъ постоянномъ направленіи, или измѣнять это направленіе.

Въ 1885 г. были произведены новые опыты съ усовершенствованнымъ воздушнымъ шаромъ, а именно, уменьшили тяжесть его верхнихъ частей, благодаря чему оказалось возможнымъ взять въ лодку третьяго воздухоплователя и точно измѣрять скорость движенія. Безъ этихъ измѣреній, которыя можно получить исключительно экспериментальнымъ путемъ, нельзя было бы точно опредѣлить силы противодѣйствія, оказываемаго воздухомъ движенію такихъ продолговатыхъ воздушныхъ шаровъ.

Маршруты путешествій, предпринятыхъ воздушными шарами изъ Парижа въ 1885 г.

(изъ Stadelmann «Die Luftschiffahrt»).

Посмотримъ, какія условія требуются для того, чтобы можно было управлять свободнымъ шаромъ и чтобы онъ былъ въ состояніи достигнуть намѣченной цѣли. Въ совершенно тихую погоду, воздушный шаръ, снабженный винтомъ, можетъ, очевидно, двигаться въ любомъ направленіи. Но если дуетъ вѣтеръ, то необходимо, чтобы сила, приводящая шаръ въ движеніе, могла преодолѣть напоръ вѣтра. Тутъ происходитъ то же, что и при плаваніи по водѣ противъ теченія: весло или колесо должны сообщить лодкѣ скорость большую, нежели та, которою обладаетъ теченіе рѣки.

Въ воздушныхъ слояхъ задача въ значительной степени усложняется тѣмъ, что теченія на различныхъ высотахъ неоднородны какъ по силѣ, такъ и по направленію. Постройка башни Эйфеля, имѣющей 303 метра высоты, позволила дѣлать любопытные въ этомъ отношеніи опыты и сравнивать полученные результаты съ наблюденіями парижской метеорологической станціи.

И вотъ, убѣдились, что въ теченіе 100 (100 разумѣется среднее число) солнечныхъ дней въ году, средняя скорость вѣтра на высотѣ 303 метровъ равняется 7,5 метра въ секунду. Мини-

мумъ скорости вѣтеръ имѣеть въ 10 часовъ утра (около 5,4 метра), максимумъ—въ часъ ночи (8,75 метра).

Ученые, занимающіеся вопросами воздухоплаванія, пришли къ заключенію, что на высотѣ 600—1.000 метровъ, т. е. на той высотѣ, на которую обыкновенно поднимаются военные воздухоплататели, воздушный шаръ долженъ обладать собственной скоростью 9—11 метровъ въ секунду, иначе онъ въ теченіе $\frac{2}{3}$ года былъ бы совершенно не въ состояніи совершать путешествія. Въ болѣе высокихъ слояхъ необходима скорость 14—16 метровъ.

Между тѣмъ, воздушный шаръ Ренара „La France“ обладалъ скоростью только 6,50 метра. Опытъ показалъ, однако, что скорость вѣтра въ 700 случаяхъ на 1.000 была меньше скорости, выраженной этимъ числомъ. Отсюда вытекаетъ, что только 70% изъ предпринимаемыхъ на „France“ путешествій могли удасться, а такъ, дѣйствительно, и было. Это обстоятельство придадо задачѣ управленія воздушными шарами точную постановку. Необходимо, чтобы сила, приводящая шаръ въ движеніе, была достаточно велика. Утверждаютъ, что въ настоящее время уже можно строить воздушные шары, обладающіе скоростью 10—12 метровъ.

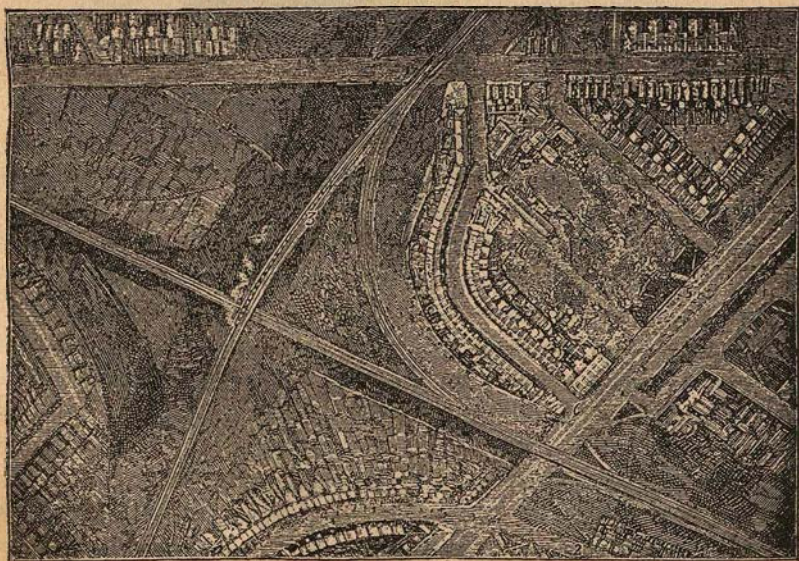
Ренаръ извѣстилъ французскій институтъ, что новый воздушный корабль изобрѣтателя вмѣститъ въ себѣ 3.200 кубич. метровъ водорода и подниметъ двигатель въ 35—40 лошадиныхъ силъ, который дастъ возможность сообщить шару скорость 10 метровъ въ секунду.

Несмотря, однако, на довольно удачные опыты, вопросъ объ управленіи воздушными шарами нельзя еще въ настоящее время считать окончательно разрѣшеннымъ. Такъ какъ нѣтъ средствъ для господства надъ атмосферическими теченіями, то пробуютъ извлекать пользу изъ попутныхъ вѣтровъ и опредѣлять мѣсто и моментъ встрѣчи съ ними. Доказательствомъ, что въ этомъ отношеніи можно, при соответственномъ знакомствѣ съ дѣломъ, достигнуть нѣкоторыхъ результатовъ, служатъ тѣ конкурсные полеты аэронавтовъ, которые часто совершались во Франціи, Бельгіи и Англии. Требовалось, чтобы одновременно пущенные воздушные шары—одновременно же приходили къ пункту, находящемуся въ области направленія вѣтра и предварительно отмѣченному на картѣ. Нельзя относить къ простой случайности того факта, что французскіе воздухоплататели (Godard) неоднократно брали первые призы и, совер-

шивъ путь въ 60—100 километровъ, спускались всего въ 3—5 километрахъ отъ пунктовъ, бывшихъ цѣлью путешествія.

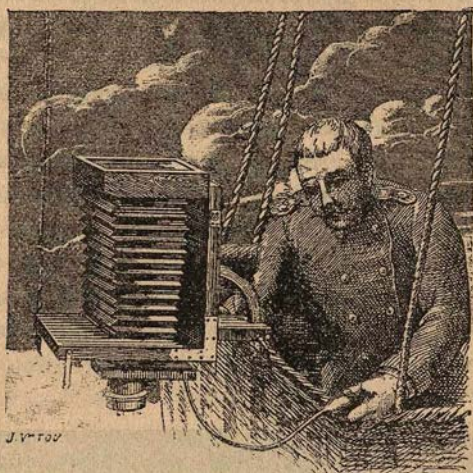
Но примѣры употребленія аэростатовъ собственно для осмотра позицій бывали еще ранѣе. Во время сѣверо-американской междоусобной войны, южанинъ-воздухоплаватель Ла-Моунтенъ обрѣзалъ канатъ, державшій наблюдательный шаръ подъ Уашигтономъ, и, обозрѣвъ расположеніе сѣверянъ, поднялся выше, воспользовался попутнымъ вѣтромъ и возвратился къ своимъ, неся важныя свѣдѣнія. При взятіи Йорктоуна воздухоплаватель сообщалъ начальнику артиллеріи, по телеграфной проволоцѣ съ лодки, извѣстія о расположеніи непріятельскихъ орудій и указанія о поправкѣ наведенія пушекъ ¹⁾.

Слѣдуетъ прибавить, что какъ на привязанныхъ, такъ и на свободныхъ шарахъ можно снимать фотографическіе виды мѣстностей, а это, очевидно, имѣетъ немалое значеніе. Признано, что съ высоты 1.100 метровъ, при быстротѣ вѣтра 6 метровъ въ секунду, отчетливо выходятъ строенія, а улицы, рѣки, желѣзныя дороги представляются полосами. Даемъ фотографическій чертежъ, недавно снятый Тиссандѣе.

¹⁾ Lavergne-Poguilhen. „Militär-Wochenblatt“. 1886.

Чертежъ, полученный съ высоты 605 метровъ надъ Парижемъ и воспроизведенный въ этой гелиографюрѣ ¹⁾, представляетъ всю желательную отчетливость. Онъ былъ снятъ при полетѣ 19 іюня 1885 года. Фотографическій аппаратъ укрѣплялся на бортѣ ладьи, вращаясь на поставленной вертикально оси (см. рисунокъ).

Для постановки требовалось полторы секунды. Во время полета надъ Парижемъ изъ Отёйля къ Менильмонтанскимъ воротамъ (съ 1 часа 40 мин. до 2 час. 12 мин.) снято было 5 вполне ясныхъ фотографическихъ вида.

Въ Англии, въ Чэтэмѣ, въ 1884 г. инженернымъ маіоромъ Эльзледомъ получены были примѣчательные результаты: онъ пускалъ на привязи шары безъ пассажировъ, снабженные самодѣйствующими фотографическими камерами. Какъ только шаръ достигалъ извѣстной высоты, аппаратъ приходилъ въ дѣйствіе и получалось изображеніе на негативѣ; словомъ, опыты были удачны.

Фотографическіе опыты съ свободнаго аэростата, произведенные въ 1886 году на маневрахъ французскаго 5-го корпуса, батальоннымъ командиромъ Фрибуромъ, начальникомъ фото-

¹⁾ Заимствуемъ ее изъ соч. „Sciences appliquées à l'art militaire“.

графическаго отдѣленія при географическомъ депо французской арміи, дали снимки необыкновенной отчетливости, съ которыхъ, при увеличеніи ихъ на половину, получены были превосходные экземпляры. При помощи нѣсколькихъ аппаратовъ на одномъ шарѣ, можно было бы получить цѣлую серію самыхъ точныхъ топографическихъ документовъ для съемки плана.

Вполнѣ естественно, что существованіе воздушныхъ шаровъ издавна наводитъ на мысль о дѣйствіи противъ непріятеля сверху. Уже въ 1848 г. австрійцы бросали на Венецію съ воздушныхъ шаровъ бомбы съ часовыми механизмами. Очевидно однако, что только усовершенствованіе воздушныхъ шаровъ и изобрѣтеніе взрывчатыхъ веществъ, которыя сильнѣе пороха, могутъ обезпечить за подобнымъ предпріятіемъ полный успѣхъ. Въ Америкѣ дѣлаются попытки примѣнить къ бросанію динамитныхъ бомбъ воздушные шары системы генерала Russel Thayer'a (управляемые). Въ изданіи „Sciences appliquées à l'art militaire“ находимъ описаніе слѣдующаго устройства, придуманнаго въ Америкѣ: малый шаръ, поднимающій грузъ 50—250 килогр., имѣетъ подъ собой на крючкѣ пороховой снарядъ, къ которому привѣшена на веревкѣ торпеда. Когда шаръ встанетъ надъ пунктомъ, имѣющимся въ виду, порохъ въ снарядѣ воспламеняется посредствомъ электрическаго тока черезъ платиновую нитку и сжигаетъ веревку; тогда торпеда падаетъ. Авторъ статьи признаетъ этотъ пріемъ непрактичнымъ. Но и онъ можетъ быть усовершенствованъ. Французскій воздухоплаватель Lhoste также бросалъ съ воздушнаго шара пробковыя пули въ корабли, находившіеся въ портѣ города Бордо. Однако, вполнѣ успѣшное исполненіе бросанія съ воздушнаго шара значительныхъ тяжестей покамѣстъ можетъ быть достигнуто только путемъ комбинацій двухъ воздушныхъ шаровъ: одинъ изъ нихъ исполнить роль двигателя и на немъ будутъ находиться люди, заряды же будутъ помѣщаться на другомъ. Но многіе спеціалисты, съ которыми намъ приходилось говорить по этому поводу, и въ этомъ сомнѣваются.

Какъ средство для нападенія, аэростаты имѣютъ пока небольшое значеніе. Къ ихъ помощи прибѣгаютъ только тогда, когда бомбардировка невозможна, или когда желаютъ оказать на осажденныхъ сильное нравственное дѣйствіе. Но и въ этихъ случаяхъ первое условіе успѣха составляютъ личныя качества чиновъ воздухоплавательной команды, основательное ихъ зна-

комство съ началами аэронавтики и съ законами метеорологіи; недостатокъ опытности или умѣнья легко можетъ привести къ тому, что торпеды причинятъ вредъ собственной арміи. Нападеніе сверху должно произвести устрашительное дѣйствіе. Атакующій можетъ только наблюдать за шаромъ и обстрѣливать его при приближеніи. Между тѣмъ, нападающій имѣетъ возможность такъ пускать воздушный шаръ (занять направленіе вѣтра и сообщить шару его скорость), чтобы онъ двигался надъ важнѣйшими крѣпостными строеніями. Пока, однако, не открыты безусловно надежные способы управленія шарами, нельзя рассчитывать на несомнѣнные результаты.

Все заставляетъ предполагать, что моментъ окончательнаго усовершенствованія воздушныхъ шаровъ очень близокъ. Успѣхи, достигнутые въ этомъ отношеніи, такъ велики, что недостааетъ, кажется, всего только одного гениальнаго прикосновенія—и искусство управленія аэростатами сдѣлается вполне совершившимся фактомъ. Самая задача,—какъ мы уже видѣли,—точно опредѣлена и формулирована, что въ этомъ случаѣ имѣетъ, конечно, очень важное значеніе. Впрочемъ, воздушные шары и теперь уже часто могутъ играть очень видную роль: въ тихую погоду, при небольшомъ разстояніи, они дѣйствуютъ вполне исправно.

Императоръ Вильгельмъ, вслѣдствіе ходатайства профессоровъ Берлинскаго университета, съ знаменитымъ Гельмгольцемъ во главѣ, далъ денежное пособіе на постройку шара, который вмѣститъ въ себѣ 5.000 килограммовъ газа, а, слѣдовательно, подниметъ еще тяжесть въ 5.000 килограммовъ. Если допустить, что въ томъ числѣ будетъ только 2.000 килограммовъ динамита, то придется признать за такимъ факторомъ вліяніе на исходъ войны и—а это еще важнѣе—на самую возможность войны въ виду подобныхъ средствъ.

Авторъ одной нѣмецкой брошюры говоритъ: „Кто овладѣетъ воздухомъ, тотъ захватитъ непріятеля въ свои руки, лишитъ его, путемъ уничтоженія мостовъ и дорогъ, средствъ сообщенія, сожжетъ его магазины, потопитъ флотъ, сдѣлается грозой для его столицъ, лишитъ его правительства, внесетъ смятеніе въ ряды его арміи и истребитъ послѣднюю во время битвы и отступленія“. Но самая перспектива подобныхъ ужасовъ могла бы оказать спасительное дѣйствіе въ томъ, что она принудила бы государства отказаться отъ войны.

III.

О с в ѣ щ е н і е.

Характеръ современнаго вооруженія и современной тактики таковъ, что можетъ, какъ мы это вскорѣ докажемъ, явиться необходимость дѣлать нападенія и вообще совершать разныя операція въ ночное время. Въ виду этого, возникла потребность въ усовершенствованіи и приспособленіи къ цѣлямъ войны освѣтительныхъ средствъ. Съ этою цѣлью во всѣхъ арміяхъ введены керосиновые факелы; свѣтъ ихъ, однако, слишкомъ слабъ и можетъ имѣть только очень ограниченное примѣненіе.

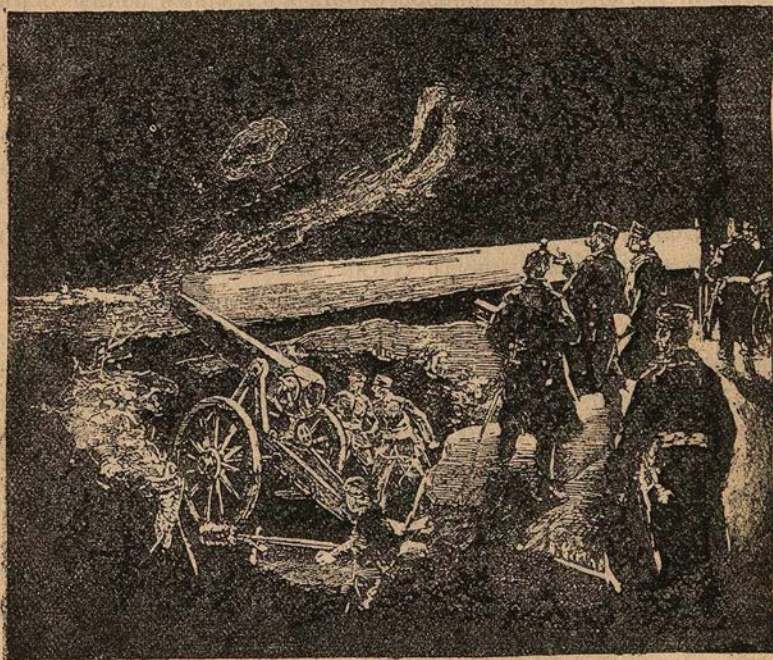
Издавна, наряду съ другими средствами, для военныхъ цѣлей употребляются ракеты съ гильзами изъ листоваго цинка, съ одной стороны закрытыми и наполненными горючими веществами, свѣтящимися во время горѣнія (селитра, сѣра, мелкій порохъ, сѣрнистая сурьма). Когда эти вещества загорятся, цинкъ также будетъ горѣть. Одна такая гильза свѣтитъ въ теченіе 12—15 минутъ на 100 метровъ вокругъ. Ракеты употреблялись издавна, но нынѣшнія ракеты будутъ гораздо сильнѣе.

Кромѣ того, передъ позиціями войскъ будутъ разбрасываемы заряды съ бенгальскими огнями, которые, въ случаѣ, если на нихъ наступятъ, воспламятся, дадутъ сильный свѣтъ и такимъ образомъ обнаружатъ приходъ непріятеля. Однако, въ виду усовершенствованій въ современныхъ средствахъ атаки и обороны, въ виду также потребностей современной тактики, всѣ эти болѣе или менѣе остроумныя и дѣйствительныя средства недостаточны. Задача сводится главнымъ образомъ на примѣненіе къ потребностямъ войны сильнаго электрическаго свѣта. Трудность же заключается въ томъ, что перевозка пароваго двигателя съ соотвѣтственнымъ грузомъ угля и динамо-электрической машинной сопряжена съ хлопотами и требуетъ большой упряжной силы, а между тѣмъ, источникъ свѣта долженъ быть очень подвижнымъ и легко поддающимся быстрой переноскѣ на каждый пунктъ, гдѣ онъ окажется нужнымъ.

И въ этомъ отношеніи сдѣлано довольно много. Въ настоящее время уже строятъ локомобили, вѣсящіе всего 2.000 килограммовъ и расходующіе 40—45 килограммовъ угля въ часъ. Свѣтъ же ихъ обладаетъ силою 4.000 карсельскихъ лампъ или 35.000 свѣчъ ¹⁾. Для освѣщенія ночныхъ работъ, наблюденія за

¹⁾ „Militärische Blätter“.

движеніями осаждающихъ войскъ, наконецъ, и для облегченія стрѣльбы въ темнотѣ, до сихъ поръ чаще всего употребляли динамо-электрическую машину Сименса, которую вмѣстѣ съ двигателемъ устанавливаютъ подъ прочнымъ сводомъ, рефлекторъ же помѣщаютъ на шанцѣ или на какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, предназначенномъ для наблюденія съ извѣстной высоты.

Стрѣльба при электрическомъ свѣтѣ.

Любопытно, что электрическій свѣтъ дѣлаетъ возможнымъ производство ночныхъ работъ около укрѣпленій не потому только, что онъ разсѣиваетъ темноту, но и потому, что при немъ работающіе покрыты еще болѣе густой пеленой мрака, который скрываетъ ихъ отъ глазъ непріятеля. Снопъ электрическаго свѣта будетъ какъ бы ширмою, и непріятелю не видно будетъ, чтó дѣлается за этой ширмою.

Вотъ почему не слѣдуетъ, для защиты позицій отъ ночнаго нападенія, употреблять постоянныхъ огней: это облегчило бы непріятелю возможность пользоваться неровностями почвы въ неосвѣщенныхъ пунктахъ, гдѣ темнота сдѣлается еще болѣе

непроницаемой. Да, наконецъ, постоянный свѣтъ давалъ бы непріятелю указанія, въ какомъ направленіи слѣдуетъ стрѣлять, и облегчалъ бы ему его задачу.

Огни слѣдуетъ зажигать не раньше, чѣмъ непріятель будетъ находиться на разстояніи выстрѣловъ. Тогда атакованный будетъ имѣть всѣ выгоды на своей сторонѣ: ослѣпляя яркимъ свѣтомъ непріятеля, онъ самъ будетъ видѣть цѣль и имѣть полную возможность слѣдить, на разстояніи 1.500 метровъ, за результатами выстрѣловъ ¹⁾. Нѣмцы имѣютъ аппараты подвижные, легкіе, состоящіе изъ телѣжки, на которой помѣщаются паровая машина, машина динамо-электрическая и рефлекторъ. Аппаратъ этотъ употребляютъ для изслѣдованія мѣстности, для облегченія стрѣльбы и для подачи сигналовъ. Французская армія также имѣетъ болѣе 50 такихъ аппаратовъ ²⁾. Электрический свѣтъ облегчитъ и подбораніе раненыхъ.

IV.

Мосты, переправы и желѣзныя дороги.

Рѣки составляютъ для войскъ, дѣйствующихъ наступательно, серьезное препятствіе; войскамъ обороняющимся онѣ оказываютъ важныя услуги. Кромѣ понтоновъ, которые имѣются во всѣхъ арміяхъ, для устройства переправъ въ новѣйшее время придуманы и инныя средства.

Въ „Année scientifique“ помѣщено описаніе подвижнаго моста изъ стали, чрезвычайно легкаго, изобрѣтенія полковника Анри,—моста, обратившаго на себя вниманіе на всемірной выставкѣ въ 1889 году. Такой мостъ высотой въ 7, а длиною въ 92 метра, въ два прясла, шириною въ 47 метровъ, установили въ теченіе 30 часовъ; на перебросъ же потребовалось только 80 минутъ. Всѣ части моста были изготовлены изъ лучшей стали и чрезвычайно старательно отдѣланы, благодаря чему сѣтка треугольниковъ отличалась силою и значительною прочностью, при этомъ ни установка, ни перебросъ не представляли трудности. Въ виду этого, вопросъ о военныхъ стальныхъ мостахъ можно считать разрѣшеннымъ.

Въ той же книжкѣ „Année scientifique“ мы находимъ опи-

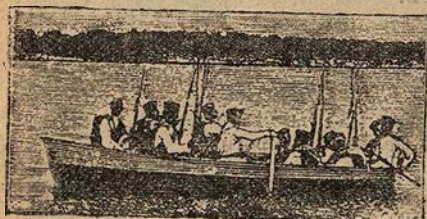
¹⁾ Figuiet „Année scientifique“.

²⁾ Заимствовано изъ „Revue Encyclopedique“.

саніе любопытнаго способа переправы черезъ рѣки; идея его принадлежитъ русскому офицеру Апостолу; опыты производились полкомъ казаковъ въ 1890 году. Изъ парусины, покрытой смолой, и изъ сложенныхъ и особеннымъ образомъ соединенныхъ щикъ устраивается нѣчто вродѣ большой лодки, на которой можно перевозить упряжь и багажъ, лошади же будутъ переходить рѣку вплавъ. Такимъ образомъ удалось перевозить даже полевые пушки со всеми ихъ принадлежностями. Составныя части такой лодки такъ легки, что четыре человѣка могутъ двигать ее безъ всякаго труда.

Необходимо упомянуть еще о лодкѣ для переправъ, придуманной капитаномъ Черновымъ и могущей оказать важныя услуги.

Вотъ представляющіе ее рисунки.

Эта лодка состоитъ изъ складнаго остова, обтягиваемаго парусиной; дополнительныя части къ остову представляются складными же деревянными рамами и нѣкоторымъ числомъ легкихъ, деревянныхъ жердей. Весь вѣсъ такой лодки—4 пуда 35 фунтовъ, длина ея 8 аршинъ, высота 12 вершковъ; помещаются въ ней 14 человѣкъ, а перевозится она на зарядномъ ящикѣ, къ которому прикрѣпляется. Лодка обходится всего около 23 руб.; мастерская ихъ — при 137 армейскомъ пѣхотномъ полку. Лодка собирается въ 5 минутъ, а разбирается и укрѣпляется для возки въ 8—10 мин. На ней переправлялись черезъ Волгу, при ширинѣ рѣки въ 250 саж., 14 человѣкъ (2 на веслахъ, 1 на рулѣ) въ 5 мин.; въ оба конца—въ 10 мин. Количество пробравшейся въ лодку за это время воды составляло полведра.

Переносные мосты французской кавалеріи. Успѣхи кавалеріи зависятъ главнымъ образомъ отъ ея подвижности и неожиданности нападенія. Вотъ почему важно, между прочимъ, пріискать средство, позволяющее ей пробираться черезъ заграждающія ея

движеніе рѣки, безъ особыхъ подготовительныхъ работъ и приспособленій.

Французскій конно-егерскій 11-й полкъ, во время бывшихъ въ минувшей осени маневровъ, сдѣлалъ опытъ примѣненія плавучаго мостика, устроеннаго не на порожнихъ бочкахъ, а на мѣшкахъ изъ непроницаемаго для воды холста, наполненныхъ соломой и легкимъ хворостомъ. Опытъ этотъ, сдѣланный на рѣкѣ Сонѣ близъ Шемидли—шириной въ 75 метр., оказался вполне удачнымъ. Солдаты, взявъ на плечи конскую аммуницію, перешли черезъ мостикъ, ведя за узду плившихъ лошадей, тѣмъ были обезпечены отъ возможной потери животныхъ.

Желѣзныя дороги. Употребленіе желѣзныхъ дорогъ для военныхъ цѣлей повело за собою полное преобразование веденія войны. Война ведется скорѣе и съ большею энергіею.

Въ войну 1806 г. авангардъ русской арміи вступилъ въ Польшу въ то время, когда прусская армія была уже разбита подъ Зоалемъ (Hörpfner—„Krieg 1806—7“). Польское возстаніе началось 29 ноября 1830 г., а русскія войска только въ началѣ февраля 1831 г. собрались вблизи Брестъ-Литовска въ достаточной силѣ для вступленія въ границы Царства Польскаго. (v. Schmidt — „Geschichte des Polnischen Aufstandes und des Krieges 1830—31“). Въ іюнѣ 1815 г., когда армія союзниковъ прибыла къ Рейну, уже послѣдовалъ рѣшительный ударъ въ Нидерландахъ. Между тѣмъ, въ 1870 г. германскія войска перешли французскую границу уже черезъ 20 дней послѣ начала мобилизаціи, въ теченіе же 28 дней послѣ начала военныхъ дѣйствій французская армія была разбита въ 7 большихъ сраженіяхъ и императоръ взятъ въ плѣнъ.

Первая выгода, доставляемая желѣзными дорогами, это значительное ускореніе мобилизаціи и доставки войскъ къ границамъ. Прежде требовались мѣсяцы для концентраціи армій, могущихъ начать военныя дѣйствія, нынѣ лишь недѣли.

Желѣзныя дороги обезпечиваютъ доставку арміямъ резервовъ и обратную перевозку больныхъ и раненыхъ; онѣ составляютъ главныя линіи сообщенія арміи съ отечествомъ; онѣ даютъ возможность помогать отдѣльнымъ арміямъ, такъ какъ большія массы войскъ могутъ быть въ непродолжительное время перевозимы съ одного мѣста на другое, какъ это многократно случалось во время войны 1870 г.

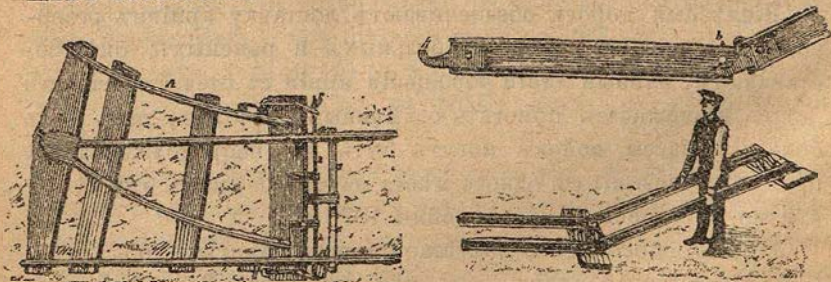
Провозоспособность желѣзной дороги зависитъ отъ того—имѣетъ ли линія одинъ путь или два пути. Въ послѣднемъ

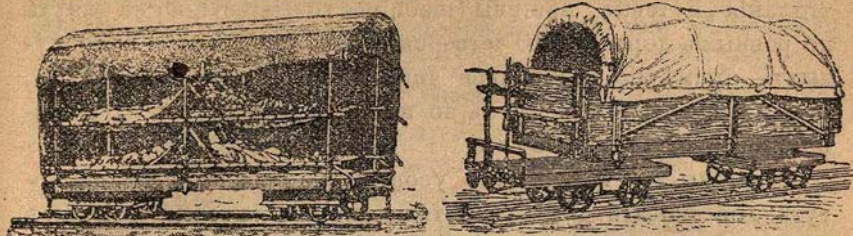
случаѣ дорога представляетъ то большое удобство, что по одному пути можетъ происходить движеніе войскъ, направляемыхъ къ мѣстамъ своего назначенія, въ полной независимости отъ происходящаго по второму пути обратнаго движенія разгруженныхъ вагоновъ. Но желѣзная дорога въ два пути представляетъ дѣйствительную выгоду лишь въ томъ случаѣ, если она такъ устроена во всю свою длину. Вообще дорога можетъ принести пользу лишь тогда, если она вполнѣ самостоятельна и на всемъ протяженіи имѣетъ одинаковую провозоспособность.

Несмотря на столь громадное значеніе желѣзныхъ дорогъ, мы не будемъ долѣе заниматься этимъ предметомъ, такъ какъ эти пути сообщенія хорошо знакомы публикѣ. Достаточно будетъ только добавить, что воинскій поѣздъ, состоящій изъ 100 до 110 осей, поднимаетъ: 1 баталіонъ, или 1½ эскадрона, или 1 батарею.

Переносныя желѣзныя дороги во время войны. Каждая армія, даже въ наиболѣе богатомъ непріятельскомъ краѣ, нуждается въ доставкѣ громаднаго количества предметовъ продовольствія, припасовъ и прочихъ матеріаловъ, для перевозки которыхъ требуется большой обозъ. На первое время послѣ вступленія въ непріятельскій край, пользоваться желѣзными дорогами будетъ невозможно, такъ какъ въ будущей войнѣ побѣжденный непріятель приметъ всѣ зависящія мѣры къ совершенному разрушенію оставляемыхъ желѣзныхъ дорогъ и мостовъ.

Въ послѣднее время былъ сдѣланъ опытъ примѣненія переносныхъ рельсовыхъ путей, употребляемыхъ при эксплуатаціи хозяйствъ, для массовыхъ воинскихъ транспортовъ. Прилагаемые чертежи рельсоваго пути и подвижнаго состава, употребляемаго въ Германіи, настолько ясны, что не требуютъ дальнѣйшихъ объясненій.

Германская армія имѣетъ въ запасѣ большое количество рельсовъ, скрѣпленій, шпальт и подвижнаго состава для такихъ дорогъ. Принятый тамъ переносный рельсовый путь имѣетъ ширину 60 см. и состоитъ изъ звеньевъ длиною отъ 2-хъ до 5-ти метровъ. Вагоны, двойные, имѣютъ длину отъ 3-хъ до 4-хъ метровъ, ширину 1,3 метра, со стѣнками вышиною 50 до 60 сантиметровъ. Каждый вагонъ снабженъ брезентомъ. На одинъ вагонъ можно нагрести 32 мѣшка мяснаго бисквита и 32 мѣшка риса.

Путь укладывается съ подъемами до 4% (1:25), а на короткихъ протяженіяхъ даже 10% (1:10). Предполагается, что при благоприятныхъ условіяхъ можно будетъ уложить 10 километровъ пути въ 16 часовъ. По расчетамъ, движущая сила на такомъ пути составитъ $\frac{1}{15}$ той, которая требуется на грунтовой, и $\frac{1}{5}$ той, которая необходима на шоссе. Ту работу, для которой требовалось бы на шоссе 30.000 — на желѣзномъ пути исполнять 6.000 лошадей; слѣдовательно, будетъ сбережено 24.000 лошадей.

Предполагается также, что при операционной линіи въ 300 километровъ потребуется 1.800 километровъ рельсоваго пути, а съ прибавленіемъ 200 километровъ на разъѣздные и грузочные пути — всего 2.000 километровъ пути и 18.000 вагоновъ, стоимостью 24 милліона марокъ; суммы этой хватаетъ для постройки лишь 120 километровъ дороги обыкновеннаго типа — и, вѣроятно, она оказалась бы недостаточною для восстановленія желѣзной дороги во время войны, впрочемъ, очень часто исполняемаго слишкомъ поздно.

Машины для возки тяжестей. Довольно общія опасенія тѣхъ трудностей, съ какими будетъ сопряжено продовольствованіе во время войны милліонныхъ армій, повели къ изысканіямъ для постройки такихъ сильныхъ паровыхъ машинъ, которыя могли бы облегчить возку тяжестей по обыкновеннымъ (т. е. не желѣзнымъ) дорогамъ. Окончательные результаты доказали,

что такія „путевыя“ машины (*machines routières*) могутъ тянуть по ровнымъ дорогамъ 10 четверокопныхъ фургоновъ, а на худыхъ — примѣрно половинное число, и удобны не только тѣмъ, что тянутъ огромный грузъ, но и потому, что могутъ идти безостановочно, днемъ и ночью.

Машины эти теперь такъ усовершенствованы, что онѣ могутъ дѣйствовать даже на путяхъ самыхъ тяжелыхъ, ходятъ по пескамъ, снѣгу и льду и, при умѣломъ обращеніи, на самой неровной почвѣ. Онѣ могутъ оказать большія услуги въ крѣпостяхъ, при работахъ по вооруженію или разоруженію и при осадахъ, для транспортированія тяжелыхъ орудій, всякаго рода припасовъ и снарядовъ.

Для облегченія нагрузки тяжестей со станцій и складовъ эти машины снабжаются на своей передней части кранами.

Онѣ представляютъ еще и то удобство, что могутъ быть употребляемы въ качествѣ локобилей для разныхъ механическихъ работъ. Теперь нѣкоторыя машины этого рода строятся такъ, что если только съ нихъ снять бандажъ, то онѣ могутъ служить и для перевозки по рельсамъ, какъ локомотивы. Въ Германіи ¹⁾ въ подобную машину былъ передѣланъ локомотивъ системы Боллѣ, и она повезла по обыкновенной дорогѣ пять 15-ти-сантиметровыхъ орудій на платформахъ и собранные лафеты этихъ орудій. Опытъ отлично удался.

Въ Англіи приняты машины системы Эвелинга-Портера. Во Франціи такія машины снабжаются еще электрическими аппаратами для освѣщенія пути.

Въ Россіи также еще въ 1876 году были подвергнуты опытамъ двѣ подобныя машины: одна Эвелинга-Портера, другая — Фоулера. Онѣ были испытаны на обыкновенныхъ дорогахъ, на маневрахъ въ Красномъ Селѣ, а еще болѣе специально въ Усть-Ижорскомъ лагерѣ. Ихъ заставляли подниматься на крутые склоны, идти по самымъ тяжелымъ дорогамъ и производить разныя эволюціи, причемъ каждая изъ нихъ везла артиллерійскую батарею.

Въ зиму 1876—77 гг. русское правительство, по словамъ того же автора, приобрѣло 12 такихъ путевыхъ машинъ, а именно: 6 Эвелинга-Портера, 3 Клейтона, 2 Мальцева, изъ Брянска, и 1 Фоулера. Изъ нихъ былъ составленъ паркъ подъ начальствомъ штабъ-офицера и помощника его, поручика. Къ

¹⁾ «Sciences appliquées à l'art militaire».

парку присоединена небольшая мастерская для починокъ, изъ 2 походныхъ кузницъ, съ 3 слесарями въ каждой, съ нужными инструментами.

Если вѣрить автору въ „Sciences appliquées à l'art militaire“, то машины эти оказываютъ весьма значительныя услуги.

Разсмотрѣніе вспомогательныхъ средствъ, которыя будутъ употреблять арміи на поляхъ будущихъ военныхъ дѣйствій, приводитъ насъ снова къ тѣмъ же заключеніямъ, къ какимъ насъ привели и предыдущіе отдѣлы: война перестала, наконецъ, быть простымъ состязаніемъ двухъ армій въ физической силѣ. Въ настоящее время война—искусство, въ полномъ смыслѣ этого слова, искусство трудное, обширное и не могущее обойтись безъ помощи науки. Армія должна выступить на поле битвы, вооруженная всѣми техническими усовершенствованіями. Человѣческій умъ во всѣхъ странахъ безустанно работаетъ надъ изобрѣтеніями, которыя позволили бы воспользоваться, для увеличенія могущества военной силы, всѣми силами природы, способностями людей и животныхъ, особенностями растений и металловъ. Горе тому, кто не въ состояніи будетъ поспѣвать за успѣхами военнаго искусства.

Значеніе и роль кавалеріи.

Можно признать въ настоящее время за достовѣрное, что, при самомъ началѣ войны, кавалерійскіе отряды одной изъ воюющихъ сторонъ разметутся по непріятельской странѣ для того, чтобы затруднить мобилизацію и концентрацію войскъ, а также уничтожить средства сообщенія, склады и т. д.

Кромѣ того, и у себя дома, и въ странѣ непріятеля кавалерія будетъ заниматься реквизиціей, т. е. сборомъ продовольствія и всего нужнаго для удовлетворенія нуждъ арміи, такъ что на долю ея выпадетъ постоянно и непосредственно сталкиваться съ населеніемъ страны. Само собою разумѣется, что отъ способа дѣйствій этой специальной части арміи будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть какъ самый характеръ отношеній непріятеля къ жителямъ страны, такъ и степень всѣхъ лежащихъ на жителей тягостей войны.

Такимъ образомъ, указанные два рода кавалерійской дѣятельности заслуживаютъ особеннаго вниманія съ точки зрѣнія какъ военной, такъ и экономической.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для уразумѣнія всей сущности войны, ея развитія и хода, не слѣдуетъ оставить безъ выясненія и друга, чисто техническія, задачи кавалеріи, какъ-то: обезпечивать арміи безопасность, окружая ее своими отрядами, какъ предохранительной сѣткой, доставлять возможно точныя и полныя свѣдѣнія о непріятелѣ и, наконецъ, стремиться къ тому, чтобы разбить и разсѣять непріятельскую кавалерію, способствуя такимъ образомъ успѣху своей арміи.

I.

Численность кавалеріи и отношеніе ея къ пѣхотѣ.

Выяснимъ, прежде всего, какими, именно, силами конницы располагаютъ интересующія здѣсь насъ государства.

Для сравненія возьмемъ число эскадроновъ. Цифровыя данныя русскаго „Военнаго Календаря“ за 1891 годъ, составитель котораго имѣлъ подъ руками всѣ послѣднія изданія штабовъ по счисленію военныхъ силъ европейскихъ государствъ, послужатъ намъ источникомъ ¹⁾.

	Число эскадроновъ въ мирное время.
Германія	601
Австрія	431
Италія	145
	<hr/>
Вмѣстѣ	1.177
Франція	573
Россія	1.186
	<hr/>
Вмѣстѣ	1.759
Румынія	69
Турція	195

Отсюда явствуетъ, что одна русская кавалерія имѣетъ большее число эскадроновъ, чѣмъ арміи Германіи, Австріи и Италіи, вмѣстѣ взятыя.

Бартелемъ ²⁾ приводитъ нѣсколько иныя цифры. По его вычисленію, государства имѣютъ эскадроновъ кавалеріи:

	Регулярной въ мирное время.	Резервной, запасной, ландвера и ландштурма.	Регулярной въ мирное время.	Резервной, запасной, ландвера и ландштурма.	
Германія	372	465	Россія. { рег. кав. 348 казаки . 313	174	
Австрія	252	181		582	
Италія	147	24	Румынія.	12	52
Франція	440	250	Турція	196	—

¹⁾ Календарь изданъ полковникомъ *Добржинскимъ*.

²⁾ H. Barthelem, „Armée militaire et maritime“ 1892.

Если числа эскадроновъ регулярныхъ, содержимыхъ въ мирное время, примемъ за 100, то силы кавалеріи въ разныхъ государствахъ въ военное время выразятся въ слѣдующихъ цифрахъ: на 100 постоянныхъ эскадроновъ мирнаго состава придется при военномъ положеніи:

въ Германіи	225	во Франціи	157
„ Австріи	172	„ Россіи { регул. кавалерія	150
„ Италіи	116	„ казаки	286
		Вмѣстѣ	191
Вмѣстѣ	187	„ Румыніи	533
		„ Турціи	100

Въ виду важности возложенныхъ на кавалерію задачъ, выполненіе которыхъ въ настоящее время окажется гораздо труднѣе, чѣмъ прежде, вслѣдствіе какъ новоизобрѣтеннаго пороха, такъ и новѣйшаго оружія,—слѣдовало бы ожидать, что кавалерія возрастетъ въ такой же пропорціи, какъ и другія части войскъ. Между тѣмъ, дѣло обстоитъ совершенно иначе: въ то время, какъ численность пѣхоты возросла быстро и постоянно, составъ кавалеріи выражался въ однѣхъ и тѣхъ же цифрахъ. Вслѣдствіе того, относительное число людей въ кавалеріи, по сравненію съ прочими родами оружія, уменьшалось, какъ то показываютъ слѣдующія цифры:

	Число кавалеристовъ на 1000 чел. пѣхоты.		Число кавалеристовъ на 1000 чел. пѣхоты.	
	Въ 1874 г.	Въ 1891 г.	Въ 1874 г.	Въ 1891 г.
въ Россіи	165	93	въ Англій	75 74
во Франціи	106	71	„ Австріи	73 50
въ Германіи	102	66	„ Италіи	50 31

Итакъ, при сравненіи 1874 г. съ 1891-мъ, оказывается, что въ нѣкоторыхъ государствахъ кавалерія уменьшалась въ бѣльшей степени, въ другихъ же государствахъ—въ меньшей, но нигдѣ, однако, прежнее ея соотношеніе не сохранилось.

Объяснить это легко. „Главное достоинство кавалеріи—говоритъ французскій писатель ¹⁾—быстрота движеній и сила удара.

¹⁾ Général Jung: „Stratégie, tactique et politique“, стр. 7.

Достоинства эти зависятъ не столько отъ ѣздока, сколько отъ лошади. Лошадь — такое же основное боевое оружіе для кавалеріи, какъ ружье для пѣхоты и пушка для артиллеріи. Оружіе послѣднихъ двухъ родовъ войска чрезвычайно усовершенствовано и продолжаетъ еще совершенствоваться, тогда какъ лошадь осталась тѣмъ же животнымъ, какимъ была во времена Александра Македонскаго, Баяра и Наполеона“.

Несмотря на то, что численность кавалеріи, по отношенію къ другимъ родамъ оружія, уменьшилась, роль кавалеріи въ будущей войнѣ можетъ быть грознѣе, чѣмъ была въ предшествующихъ войнахъ, если осуществится такъ часто высказываемое мнѣніе, что кавалеріи слѣдуетъ, прежде всего, начать съ наѣздовъ на непріятельскую страну, подобныхъ прежнимъ татарскимъ набѣгамъ.

— II. Подготовка кавалеріи къ набѣгамъ.

Первой заботой каждой арміи, опередившей своего противника въ мобилизаціи, будетъ стремленіе сколько возможно затруднить ему ея довершеніе. Въ прежнія времена объ этомъ никто не думалъ, потому что составъ войскъ былъ иной, но нынѣ, когда огромное большинство людей призываются подъ знамена уже непосредственно въ виду войны и послѣ того, какъ она началась, весьма важно помѣшать противнику въ довершеніи мобилизаціи. Войнѣ Пруссіи и Австріи въ 1866 г. предшествовалъ періодъ дипломатическаго кризиса, длившійся нѣсколько недѣль; въ это время корпуса мобилизовались постепенно и по мѣрѣ готовности придвигались къ границѣ. Но при войнѣ 1870 г. Германіи съ Франціею, арміи обѣихъ сторонъ были мобилизованы сразу — французская по декрету 15, германская по повелѣнію 16 іюля.

Движеніе французскихъ войскъ къ границѣ началось уже 16 іюля, а именно 2-й корпусъ былъ двинутъ изъ шалонскаго лагеря къ Сентъ-Авольду, западнѣе Саарбрюкена. Французы гораздо скорѣе, чѣмъ нѣмцы, собрали значительныя силы на границѣ. Но французскія войска приходили къ ней въ составѣ мирнаго времени, а развитіе и пополненіе ихъ кадровъ совершалось уже на границѣ. Итакъ, французская кавалерія могла бы попытаться помѣшать довершенію германской мобилизаціи въ ближайшемъ къ границѣ районѣ; но кавалерія эта вовсе

не была подготовлена къ совершенію такихъ набѣговъ, и прусскому главному штабу это было хорошо извѣстно. Мольтке въ самый день приказа о мобилизаціи писалъ начальнику штаба 7-го корпуса, которому повѣрена была защита границы: „французы только въ такомъ случаѣ предупредятъ насъ, если они выступятъ безъ мобилизаціи... въ этомъ случаѣ необходимо стараться замедлить ихъ наступленіе отъ границы на Рейнъ“.

Понятно, что прежде всего стараются обезпечить ту часть границы, на которой ожидаютъ наступленія большихъ силъ, оставляя пока открытыми мѣстности менѣе угрожаемыя.

Такимъ образомъ, нѣмцы при началѣ войны 1870 г. обратили главное вниманіе на защиту южной полосы границы съ Франціею. Главный штабъ рѣшился на сосредоточеніе всѣхъ германскихъ силъ въ баварскомъ Пфальцѣ и къ сѣверо-востоку отъ Саарлуи, хотя была опасность, что французскія войска, собранныя въ верхнемъ Эльзасѣ, могли проникнуть въ южную Германію, въ надеждѣ побудить южно-германскія государства къ неисполненію военныхъ конвенцій, которыя ихъ связывали съ Пруссіею. Но при этомъ Мольтке имѣлъ въ виду, что именно ударомъ изъ Пфальца въ направленіи нижняго Эльзаса и Лотарингіи главными германскими силами всего вѣрнѣе можно было отразить даже хотя бы и успѣшное вторженіе французовъ въ южную Германію. Вотъ почему главный штабъ призналъ возможнымъ оставить безъ обезпеченія все протяженіе границы отъ Роштадта до Базеля, на цѣлыхъ 150 километрахъ ¹⁾.

Охраненіе этой части границы осталось на попеченіи гражданскихъ властей и летучаго отряда подъ начальствомъ полковника, которому предписано было держаться сколько возможно, не подвергаясь уничтоженію.

Ясно, что чѣмъ быстрѣе передвиженіе кавалеріи, тѣмъ вѣрнѣе будетъ ея успѣхъ. Поэтому во всѣхъ арміяхъ не перестаютъ заниматься соотвѣтственной тренировкой лошадей и всадниковъ. Уже въ войнѣ 1870—71 годовъ достигнуты были въ этомъ отношеніи замѣтные результаты. Такъ, на примѣръ, эскадронъ нѣмецкихъ драгунъ, высланный для возстановленія сообщенія между двумя корпусами, сдѣлалъ въ теченіе 36 часовъ 186 верстъ, изъ коихъ 93 версты сдѣланы были въ гористой

¹⁾ Oberst Cardinal von Widdern. «Der Grenzdetachment's Krieg». Berlin. 1892.

мѣстности, не кормя, въ 12^{1/2} часовъ ¹⁾), выдержавъ притомъ небольшую перестрѣлку съ непріателемъ.

Во Франціи, во время прошлогоднихъ большихъ маневровъ, кавалерія дѣлала по 64 километра въ день, почти не теряя бодрости для выполненія дальнѣйшихъ задачъ.

А. Дрыгальскій — извѣстный нѣмецкій военный писатель — говоритъ ²⁾), что въ Россіи обращено серьезное вниманіе на упражненія въ набѣгахъ. То же самое подтверждаютъ и французскіе источники. „Revue militaire“ приводитъ фактъ, что во время большихъ маневровъ, происходившихъ въ Царствѣ Польскомъ, отрядъ изъ 600 приблизительно лошадей сдѣлалъ въ теченіе 44-хъ часовъ 160—200 верстъ.

Болѣе еще поучительными, чѣмъ упражненія въ мирное время, оказываются примѣры дѣятельности русской кавалеріи во время послѣдней турецкой войны 1877 — 78 гг. Приведемъ изъ нихъ наиболѣе выдающіеся, наиболѣе характерные.

Извѣстное движеніе генерала Гурко на Шипку не вполнѣ подходило подъ названіе *набѣга* (raid), по точному смыслу этого слова, введеннаго въ военный языкъ со времени междуусобной сѣверо-американской войны. Набѣгъ—это предпріятіе, которое поручается подвижнымъ, вполнѣ самостоятельнымъ отрядамъ, быстро и неожиданно нападающимъ на непріателя, разрушая все, что разрушить можно, пресѣкая пути сообщенія и т. п. Между тѣмъ, отрядъ генерала Гурко состоялъ первоначально изъ 10^{1/2} баталіоновъ, 44 эскадроновъ, 38 орудій и взвода конно піонеровъ; всего, значить, изъ 8.000 чел. пѣхоты и около 4.000 кавалеріи; вмѣстѣ же съ подошедшимъ резервомъ (1-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи), у генерала Гурко было 16.000 войска. Экспедиція продолжалась три недѣли, считая съ 12-го іюля, когда она двинулась изъ Тырнова, до 6-го августа, когда бѣольшая часть войскъ, перешедшая Балканы, должна была начать отступленіе. Въ сущности, генераль Гурко велъ авангардъ, который въ совершенствѣ выполнилъ свою задачу; но за авангардомъ не шли главныя силы; непредвидѣнныя дѣла подъ Плевной задержали наступательное движеніе войскъ. Не будь неожиданнаго сопротивленія Османа-паши и его арміи, 8-й, 9-й и 12-й корпусы русской арміи, велѣдъ за генера-

¹⁾ „Военный Сборникъ“ „Разборъ сочиненія Cardinal von Widdern“, генерала Сухотина.

²⁾ „Die russischen Sommerübungen“. Berlin, 1884.

ломъ Гурко, вторгнулись бы въ Румелию и въ Адрианополѣ продиктовали бы миръ. Авангардъ, предводительствуемый генераломъ Гурко, неожиданно столкнувшись съ арміей Сулеймана-паши, которая чрезвычайно поспѣшно шла отъ границъ Черногоріи, долженъ былъ, нуждаясь въ поддержкѣ, отступить. Характеръ же набѣга придаетъ экспедиціи генерала Гурко лишь то, что онъ неожиданно прорвался черезъ Балканы, взявъ Шипку, ударилъ въ тылъ непріятеля, преодолевая при томъ трудности чисто географическаго и климатическаго свойства, а затѣмъ, несмотря на встрѣчаемыя на каждомъ шагу препятствія, смѣло шелъ впередъ, уничтожая желѣзныя дороги, телеграфы и т. п. и вселяя страхъ въ самомъ Адрианополѣ, и при томъ же выяснилъ фактъ появленія на театрѣ войны новой непріятельской арміи, остановивъ ея движеніе и не давъ ей сконцентрироваться.

Само собою разумѣется, что достиженіе всего этого требовало особыхъ усилій. Отрядъ, дѣйствовавшій подъ предводительствомъ генерала Гурко, состоялъ, между прочимъ, изъ трехъ полковъ регулярной кавалеріи и двухъ полковъ казацкихъ. При обратномъ вступленіи въ Тырново, лошади были сильно изнурены.

Послушаемъ, что рассказываетъ прусскій генераль фонъ-Келлеръ объ отрядѣ генерала Гурко, а именно о проходѣ черезъ Балканы, и легко постигнемъ, до какой степени выносливости доведена была русская кавалерія.

„То, что войска перенесли въ этотъ день, почти превосходило всякія человѣческія силы. Чтобы все это достаточно оцѣнить, мало тутъ примѣнять представленіе о *длині* пройденнаго *разстоянія*; *лишь масса преодоленныхъ громаднѣхъ трудностей придаетъ дѣйствительное значеніе*. Но и разстояніе, само по себѣ взятое, дѣло далеко не малое: въ этотъ день пройдено было 20 километровъ или приблизительно три мили. Три мили внизъ и вверхъ по склонамъ Балкановъ! Сколько въ этой цифрѣ скрыто труда и мучительныхъ усилій каждаго отдѣльнаго солдата, который, идя въ сильную, невыносимую жару, не переставалъ вмѣстѣ съ тѣмъ тяжело работать, таща за собою и орудія, и аммуницію! Особенно передвиженіе орудій требовало неимоверныхъ, сверхъестественныхъ усилій. Спѣшенная конница непрерывно помогала лошадямъ тащить орудія, готовая каждую минуту опрокинуться и провалиться въ пропасть. И дѣйствительно, два орудія съ людьми и лошадью покатались внизъ

по крутой наклонности. Мѣстами же передвиженіе орудій поручалось исключительно пѣхотѣ. Герцогъ Лейхтенбергскій справедливо говорилъ въ своемъ рапортѣ: „Можно сказать, не преувеличивая, что наши орудія, и въ особенности четырехколесные фургоны съ аммуниціей, были перенесены черезъ Балканы на плечахъ нашихъ солдатъ“.

„Далѣе, — прибавляетъ тотъ же прусскій генераль фонъ-Келлеръ, — лучшимъ доказательствомъ той выносливости, до какой доведенъ русскій солдатъ, служить тотъ краснорѣчивый фактъ, что при такихъ неимоверныхъ усиліяхъ весь отрядъ достигъ долины Чунды на третій день, совершенно готовый къ бою“.

Замѣчательны также результаты, достигнутые зимнею экспедиціей ген. Струкова, если принять во вниманіе малочисленность его отряда. Выступилъ онъ 14-го января 1878 г. во главѣ 9-ти эскадроновъ и, нигдѣ не задерживаясь, остановился только въ Чатальдѣ, почти въ виду Константинополя, по случаю перемирія 1-го февраля. Опережая войска, генераль Струковъ бросался между отступавшими турецкими отрядами, нисколько не заботясь о соединеніи съ остальнымъ войскомъ. Дѣйствія этого малаго отряда достигли того, что русское войско показывалось тамъ, гдѣ менѣе всего ожидали его встрѣтить, и распространяло повсюду тревогу. Такимъ образомъ, генераль Струковъ занялъ Адрианополь — городъ, насчитывающій до 120.000 жителей, оставленный Ахмедомъ-Эюбъ-пашей, хотя послѣдній имѣлъ въ своемъ распоряженіи 8.000 низамовъ, 60 орудій и довольно значительный отрядъ башибузуковъ. Набѣгъ имѣлъ еще то значеніе, что многочисленныя турецкіе отряды (Гассана-паши и Абдуль-Керима-паши), намѣревавшіеся отступить къ Адрианополю, перемѣнили маршрутъ и удалились на востокъ.

Хотя помощь, повсюду оказанная генералу Струкову мѣстнымъ, болгарскимъ населеніемъ (въ особенности, по части доставленія нужныхъ свѣдѣній), во многомъ облегчала ему столь серьезную его задачу, однако, — говоритъ авторъ отчета, — экспедиція его принадлежитъ къ одной изъ самыхъ смѣло задуманныхъ и удачно выполненныхъ, какую только исторія запомнитъ.

Неудивительно поэтому, что русскіе военные авторитеты много разсчитываютъ на свою кавалерію. Кромѣ того, она многочисленнѣе конницы всѣхъ другихъ государствъ. Въ Россіи, на 1.000 пѣхотинцевъ, кавалеристовъ приходится на 27 болѣе, чѣмъ

въ Германіи, на 19 болѣе, чѣмъ въ Австріи, на 22 болѣе, чѣмъ во Франціи, на 43 болѣе, чѣмъ въ Италиі, и на 62 болѣе, чѣмъ въ Англіи.

Кромѣ того, казаки составляютъ для Россіи весьма цѣнный и, особенно, при продолжительной войнѣ, неисчерпаемый кавалерійскій матеріалъ. Численность казачьихъ войскъ по штатамъ военнаго времени къ 1 января 1888 г. составляла ¹⁾:

	офицеровъ.	нижнихъ чиновъ.
Въ Европейской Россіи	3.175	133.493
Въ Азіатской Россіи	438	22.311
Всего	3.613	155.804

Списочный же составъ казачьихъ войскъ къ тому же числу былъ слѣдующій:

	офицеровъ.	нижнихъ чиновъ.
Въ Европейской Россіи	3.795	261.987
Въ Азіатской Россіи	394	39.197
Итого	4.189	301.184

Включая же офицеровъ, общій итогъ по спискамъ—305.373.

Отсюда видно, что даже сверхъ штатовъ военнаго времени, казачье населеніе могло бы, въ случаѣ нужды, выставить еще около 600 офицеровъ и 130.000 казаковъ, возрастовъ 18—33 л.

Несмотря на это, въ Россіи высказываются еще мнѣнія за увеличеніе числа кавалеріи. Генералъ Сухотинъ и его сторонники требуютъ сформированія еще 170.000 всадниковъ. Они полагаютъ, что Россія, имѣя 20 милліоновъ лошадей,—если предназначить изъ нихъ 5 проц. для кавалеріи, — могла бы поставить милліонъ лошадей.

Въ такомъ случаѣ, Россія имѣла бы кавалеріи въ 2¹/₂ раза болѣе, и эта кавалерійская масса, могла бы, какъ вихрь, пронестись по непріятельской землѣ. Какъ Англія считается морскою державой, такъ Россія считалась бы страной конныхъ полчищъ, чему казаки служатъ блестящимъ примѣромъ. Слѣдовательно,

¹⁾ Freih. von Tettau. «Die Kosaken-Heere». Berlin. 1892.

Россия должна извлечь всѣ выгоды, прямо вытекающія изъ естественнаго ея положенія.

Цитированный выше извѣстный нѣмецкій военный писатель, А. Дрыгальскій, объясняетъ важность новаго направленія, слѣдующимъ образомъ:

„Очевидно, что масса кавалеріи, расположенная преимущественно на границахъ, предназначена не столько для цѣлей отраженія, сколько для наступленія и нападенія на непріятеля, тѣмъ болѣе, что это прямо явствуетъ изъ безпрестанныхъ напоминаній всѣхъ русскихъ военныхъ писателей, констатирующихъ фактъ, что геніальные полководцы предпочитали всегда дѣйствовать наступательно“.

III.

Иностранныя мнѣнія о преобразованіи русской кавалеріи и набѣгахъ.

Въ нѣмецкихъ военныхъ сферахъ большое впечатлѣніе произвели преобразованія въ русской кавалеріи, введенныя на основаніи опытовъ войны 1877—78 гг., а именно, обращеніе всей регулярной кавалеріи въ драгунскіе полки и распредѣленіе казачьихъ полковъ по дивизіямъ регулярной кавалеріи. Преобразована была также пограничная стража такимъ образомъ, что и она нынѣ мало чѣмъ отличается отъ настоящей кавалеріи.

Судя по этимъ перемѣнамъ, русской кавалеріи въ будущей войнѣ придется играть выдающуюся роль. Масса русской кавалеріи, вооруженной ружьями, по достоинству не уступающими пѣхотнымъ, награнувъ на непріятельскую землю, въ то время, когда армія ея начинаетъ только мобилизоваться и цѣлыя пространства страны не заняты еще войсками, будетъ имѣть возможность уничтожать пути сообщенія, мосты, туннели и станціи, а также магазины, склады, хлѣбные запасы и т. д., и вообще ввести въ экономическую жизнь страны такія пертурбаціи, послѣдствія которыхъ даже невозможно оцѣнить.

Преобразованія въ русской кавалеріи, само собою разумѣется, не могли не обезпочить сосѣдей, и неудивительно, что по этому предмету высказано было много разныхъ догадокъ и предположеній, мнѣній и опасеній.

Насколько можно судить, въ германской арміи принято за догматъ, что на какомъ фронтѣ война ни вспыхнетъ, инициатива дѣйствій, благодаря скорѣйшей мобилизаціи, будетъ всегда принадлежать Германіи, т. е. германскія войска атакуютъ непріятели на его же собственной территоріи. Въ существованіи такого взгляда убѣждаютъ не только мнѣнія всѣхъ нѣмецкихъ авторовъ, касающихся вопроса будущей войны, но и правительственныя заявленія, дѣлаемые въ парламентѣ. Прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ такого *убѣжденія* является то, что вопросъ о кавалерійскихъ набѣгахъ разсматривается почти исключительно съ указанной точки зрѣнія.

Въ 1883 г. въ № 93 „Allgemeine Militär Zeitung“ появилась статья подъ заглавіемъ: „Ostpreussen und der Tartaren-Ritt“¹⁾, обратившая на себя всеобщее вниманіе. Авторъ весьма серьезно останавливается на вопросѣ о набѣгахъ русской кавалеріи. „Нѣмецкая кавалерія, занятая русской регулярной конницей, не будетъ въ состояніи справиться съ 40—50.000 иррегулярной кавалеріи. Послѣдняя же, разбившись на мелкіе отряды, можетъ въ нѣсколько дней опустошить край, прервать пути сообщенія, скрываясь въ то же время въ близъ лежащихъ лѣсахъ“.

Какъ надежное средство противъ этого, авторъ рекомендуетъ заблаговременно построить на пограничной чертѣ плотины и гати, выкопать рвы и сдѣлать насыпи, далѣе совѣтуетъ обсадить желѣзнодорожныя линіи густымъ терновникомъ, до войны раздать всему населенію оружіе и даже женщины и дѣтей вооружить револьверами.

„Если же эти средства предосторожности не будутъ приняты, то не успѣетъ еще ландштурмъ собраться,—предвѣщаетъ авторъ,—какъ тысячи пожаровъ загорятся со всѣхъ сторонъ, а линіи желѣзныхъ дорогъ во многихъ мѣстахъ будутъ перерѣзаны. Съ разсвѣтомъ грабительскіе отряды скроются въ лѣсахъ, а съ наступленіемъ ночи снова начнутъ свою опустошительную работу, пробираясь все далѣе и далѣе. Если мѣстное населеніе не поставитъ какія-нибудь преграды этимъ набѣгамъ, то русская иррегулярная кавалерія будетъ съ полной свободой хозяйничать на прусской территоріи“.

¹⁾ Не имѣя подъ руками нумера «Allgemeine Militär Zeitung», приводимъ эти выдержки изъ книги Анти-Сарматикуса: «Отъ Берлина и Вѣны къ С.-Петербургу и Москвѣ и обратно».

Далѣ авторъ той же статьи утверждаетъ, что русское правительство одобряетъ этотъ способъ дѣйствій, въ доказательство чего приводитъ высказанное въ свое время покойнымъ генераломъ Скобелевымъ мнѣніе, сводившееся къ тому, что война съ Германіей должна быть ведена не иначе, какъ въ азіатскомъ вкусѣ ¹⁾. Излишне доказывать, что заявленіе это вызвало въ Германіи серьезныя опасенія и что правительство постаралось успокоить вспыхнувшую общую тревогу.

Спустя нѣкоторое время, въ 1884 г., вышла брошюра подъ заглавіемъ: „Was haben wir von der russischen Kavalerie zu erwarten“ ²⁾, представившая дѣло совершенно въ иномъ свѣтѣ. Неизвѣстный авторъ исчисляетъ русскую кавалерію въ 170.000 лошадей, нѣмецкую—въ 57.949 лошадей. Однако, по его словамъ, — „силы русской кавалеріи, вслѣдствіе худшихъ условій мобилизаціи и худшаго состоянія русскихъ дорогъ, никогда не превзойдутъ въ началѣ войны силъ нѣмецкой кавалеріи, а съ другой стороны, организація послѣдней гораздо выше организаціи первой. Набѣги русской кавалеріи не могутъ идти далѣе пограничной черты, самое большее на два марша отъ границы. Дальше же отряды встрѣтятъ рѣшительный отпоръ. Нѣмцы должны примириться съ мыслью о подобномъ набѣгѣ, тѣмъ болѣе, что такое нашествіе могло бы повлечь за собою серьезныя послѣдствія лишь тогда, если бы сейчасъ же за кавалеріей слѣдовали соответствующія силы для занятія территоріи, чего, однако, при недостаточно быстрой русской мобилизаціи, опасаться нельзя. Впрочемъ, лучшее оборонительное средство — это вторженіе германской арміи въ русскія владѣнія“.

Авторъ критикуетъ произведенную реформу русской кавалеріи. По его мнѣнію, оружіе не отвѣчаетъ своему назначенію, способъ выѣздки лошадей сомнительный. Что касается достоинства самыхъ лошадей, то регулярные полки могутъ имѣть вполнѣ хорошихъ лошадей, покупая степныхъ, цѣною: для гвардіи не менѣе 200—300 рублей, а для арміи—по 125 рублей за каждую. За казацкія же лошади рѣдко платятъ болѣе 60—70 руб. за голову.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Ганноверь, 1884 г. Sainte-Chapelle въ своемъ сочиненіи „Les tendances de la cavalerie russe“ называетъ авторомъ этой брошюры капитана прусской службы Деваля.

„Въ службѣ наибольшую выносливостью отличается казачья лошадь, сложеніе которой дѣлаетъ ее образцомъ возможно легкой кавалерійской лошади (рядомъ съ ней можно поставить развѣ только лошадь венгерскую), такъ что нынѣ вся русская кавалерія,—не считая лишь кирасировъ гвардіи,—сформирована исключительно изъ полковъ легкихъ“. Далѣе авторъ добавляетъ: „нельзя не признать за этой породой русской лошади особыхъ, ей лишь одной свойственныхъ, достоинствъ. Киргизская, напримѣръ, лошадь питается одной лишь травой; зимою, въ степи, она сама себѣ добываетъ кормъ и одинаково легко переноситъ какъ 45° (Реомюра) тепла, такъ и 40° мороза. Взятая прямо изъ табуна, она сейчасъ же можетъ быть осѣдлана и употреблена для верховой ѣзды. Подковывать ее никогда не нужно. Она поразительно легко переноситъ и усталость, и наивысшее напряженіе, и притомъ бѣжитъ быстро. Такія, именно, лошади могли бы служить лучшимъ образцомъ боеваго солдатскаго коня, еслибы ихъ съ одинаковымъ же успѣхомъ можно было пустить въ сомкнутый строй, что всегда, несомнѣнно, будетъ стоять на первомъ и главномъ планѣ“.

„Вовсе не нужно быть особымъ сторонникомъ тяжелой кавалеріи, въ особенности кирасировъ, чтобы уразумѣть, что, такъ какъ при ударѣ сила тяжести даетъ всегда перевѣсъ, то русской кавалеріи, при всѣхъ ея достоинствахъ и столь богатомъ подборѣ лошадей, можетъ придтись плохо, не имѣя никакихъ или почти никакихъ шансовъ выдерживать атаку непріятеля, который сидитъ на коняхъ болѣе сильныхъ и, благодаря умѣлой выѣздкѣ, болѣе ровныхъ и послушныхъ. Въ русской же кавалеріи выѣздка лошадей въ настоящее время оставляетъ желать многого“.

„Казачья лошадь, со своей слабой спиной, менѣе всего пригодна для правильной выѣздки. Кавалерія же“,—патетически восклицаетъ нѣмецкій авторъ,—„въ которой искусство ѣзды такъ падаетъ, а духъ кавалерійскій совершенно мельчаетъ, какъ это все болѣе замѣчается въ русской арміи, должна въ концѣ концовъ потерять всякое значеніе, какъ кавалерія“.

Авторъ брошюры не придаетъ также особеннаго значенія и упражненіямъ русской кавалеріи, предпринятымъ съ цѣлью развитія въ ней способности къ быстрымъ и далекимъ передвиженіямъ. „Ничего особеннаго не представляютъ собою и всѣ эти офицерскія скачки, до сихъ поръ носившія харак-

теръ одного лишь поощренія, а за послѣднее время ставшія обязательными,—по распоряженію надлежащей власти,—для всѣхъ почти кавалерійскихъ офицеровъ, настолько, что въ 1884 г. изъ общаго числа 2.121 офицера въ скачкахъ принимали участіе 1.744 офицера.

„Что стоятъ“, спрашиваетъ авторъ, „такъ-называемыя экскурсіи для упражненія въ выносливости? Что стоятъ эти вольтижерскія сальто-мортале, эти акробатическіе кунштуки, которые въ модѣ среди казаковъ и напоминаютъ циркъ?“

„Всѣ чрезвычайности въ кавалерійскихъ упражненіяхъ“, по мнѣнію автора, ни къ чему не приведутъ. Сила германской кавалеріи въ той увѣренности въ себѣ, какую чувствуетъ всадникъ на своемъ конѣ. Только при правильно выученныхъ лошадяхъ мыслима атака сомкнутымъ строемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ такія лошади гибки и послушны, вполне обезпечиваютъ кавалеристу побѣду и въ единичной схваткѣ.

„Наконецъ“,—утверждаетъ тотъ же авторъ,—*„нельзя служить двумъ богамъ*, а желающіе пользоваться кавалеріей двоякимъ образомъ, выходя изъ двухъ разныхъ, взаимно противорѣчащихъ принциповъ, тѣмъ самымъ обрекаютъ ее на полное ничтожество какъ въ первомъ, такъ и во второмъ смыслахъ. Что современемъ конница можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ нуждаться въ огнестрѣльномъ оружіи,—противъ этого никто не споритъ; однако, спѣшенный бой для кавалеріи долженъ быть разсматриваемъ, какъ нѣчто ненормальное и исключительное“.

„Всѣ наши стремленія, вся цѣль нашихъ усилій направлены къ тому, чтобы кавалерія могла производить атаки на театрѣ военныхъ дѣйствій, несмотря на всякія усовершенствованія въ современномъ вооруженіи. И всѣ упражненія, вся работа, непосредственно вытекаютъ единственно лишь изъ того положенія, что атаки кавалеріи составляютъ условіе *sine qua non* прямаго ея назначенія. И въ самомъ дѣлѣ, та кавалерія, которая чувствовала бы себя неспособной ударить на войско инаго рода оружія, не оправдала бы затратъ на ея содержаніе и упала бы въ значеніи, занявъ мѣсто второстепенное“.

Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1888 г., появилась въ Германіи новая брошюра подъ заглавіемъ: „*Das russische Schreckgespenst*“, цѣлью которой было также подѣйствовать на взволнованные умы успокоительно.

„Для чего Россія — страна, столь богатая лошадьми, не подбираетъ для своей кавалеріи болѣе рослыхъ верховыхъ

лошадей?" Авторъ долго не задумывается надъ отвѣтомъ. „Потому—говоритъ онъ—что Россія вовсе не желаетъ имѣть кавалерію, а только—*пѣхоту на коняхъ*. Пѣшія сраженія съ боку и въ тылу непріятели считаются главнымъ и основнымъ дѣломъ нынѣшней русской кавалеріи; лошадь перестаетъ быть оружіемъ, а становится лишь средствомъ для перевозки; кавалеріи предстоитъ сражаться спѣшенной въ первой линіи, потому что времена кавалерійскихъ атакъ, какъ думаютъ въ русскихъ военныхъ сферахъ, уже миновали“... Авторъ не согласенъ съ этой теоріей и находитъ ее ошибочной и ложной. „Именно, *нынѣшній разсыпной боевой строй пѣхоты* представляетъ широкое поле дѣятельности для кавалеріи, обезпечивая ей успѣхъ“.

Авторъ, какъ-будто, нарочно, упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что близко подойти большими массами къ пѣхотѣ, при ея дальнострѣльномъ оружіи, совершенно немыслимо.

Далѣе авторъ доказываетъ, что въ началѣ войны въ распоряженіи Россіи кавалеріи окажется не больше, чѣмъ въ Германіи, и, во всякомъ случаѣ, Германія и Австрія, вмѣстѣ взятыя, еслибъ имъ даже одновременно пришлось выступить и противъ Запада, въ состояніи выдвинуть противъ Россіи *minimum* такое же количество кавалеріи, *если еще не большее*. „Ясно, слѣдовательно, что о наводненіи Германіи какими-то русскими казацкими ордами, о чемъ за послѣднее время такъ часто слышится, даже и рѣчи быть не можетъ. Правда, недалеко отъ нашей границы расположены нѣкоторыя дивизіи русской конницы, но ихъ намъ рѣшительно нечего опасаться“.

„Рѣшившись даже эта конница прорваться черезъ нашу границу, то при помощи нашей образцовой, спеціально для подобныхъ случаевъ устроенной, сѣти желѣзнодорожныхъ линій, сейчасъ же было бы собрано столько войска, сколько нужно для изгнанія этихъ самоувѣренныхъ смѣльчаковъ туда, откуда они дерзнули явиться. Разъ кто-то обратилъ на это вниманіе Мольтке, но получилъ лаконическій отвѣтъ: „Знаю объ этомъ“. Если же Мольтке это зналъ и считалъ принятыя имъ средства вполне достаточными, то, должно быть, ничего худаго тутъ нельзя и ждать“.

Статья подполковника генеральнаго штаба Раушъ-фонъ-Траубенберга въ издаваемомъ въ Петербургѣ „Военномъ Сборникѣ“ ¹⁾ является отвѣтомъ на вышеприведенныя указанія и

¹⁾ Приводимъ по Sainte Chapell'ю изъ „Tendances de la cavalerie russe“, стр. 71.

сдѣланные упреки. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ доказываетъ, что русская кавалерія, вслѣдствіе шести-лѣтней службы на конѣ, можетъ мѣряться своими силами съ любой другой кавалеріей, а сверхъ того, спѣшившись, въ состояніи сдѣлать то, чего другія не сдѣлаютъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны замѣтить, что извѣстный критикъ русской арміи А. Дрыгальскій, о которомъ мы упоминали выше, въ прошлогоднемъ трудѣ о состояніи русской арміи совершенно не раздѣляетъ мнѣній цитированныхъ нами нѣмецкихъ писателей и предлагаетъ относиться къ дѣятельности русской конницы въ будущую войну весьма и весьма серьезно, такъ какъ достигнутые ею успѣхи дѣйствительно велики ¹⁾.

Довольно пессимистично смотритъ на положеніе, въ какомъ окажутся при войнѣ пограничныя области Пруссіи, полковникъ Кардиналь-фонъ-Виддернъ въ только-что изданномъ спеціальному трудѣ его ²⁾. Онъ разсматриваетъ возможность набѣга русской кавалеріи, причемъ оцѣнкою дѣятельности ея служатъ ему маневры, происходившіе въ Царствѣ Польскомъ въ 1876 году, въ которыхъ участвовали 4½ кавалерійскихъ дивизіи, въ составѣ 73 эскадроновъ, при 54 конно-артиллерійскихъ орудіяхъ.

Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на данныя при этомъ кавалеріи командовавшимъ маневрами указанія относительно нападенія на мобилизаціонные пункты и кадры, причемъ дальнѣйшими задачами для кавалеріи указывались: занятіе казенныхъ складовъ всякаго рода и кассъ, а также телеграфныхъ и почтовыхъ станцій, уничтоженіе военныхъ продовольственныхъ припасовъ и артиллерійскихъ снарядовъ непріятели, а въ случаѣ невозможности воспользоваться желѣзными дорогами для наступленія—захватъ подвижнаго состава, разрушеніе рельсовыхъ путей и мостовъ, а также узловыхъ телеграфныхъ станцій. Далѣе въ инструкціяхъ предписывалось кавалерійскимъ частямъ высылать самостоятельно дѣйствующіе небольшіе отряды для уничтоженія всѣхъ депо по формированію войскъ и захвата кавалерійскихъ ремонтовъ и всякихъ транспортовъ.

Такой летучій отрядъ былъ посланъ изъ Петрокова въ направленіи къ пунктамъ перехода черезъ Вислу, въ прямой ли-

¹⁾ „Zur Orientirung über die russische Armee“. Berlin. 1892.

²⁾ „Der Grenzdetachment's Krieg“.

ніи 120—160 километровъ, а оттуда—къ участку варшавско-петербургской желѣзной дороги, на разстояніи дальнѣйшихъ 30—80 километровъ. Перенося эти разстоянія на территорію Пруссіи, авторъ предполагаетъ, что тотъ же отрядъ, перейдя границу, дошелъ бы до лежащихъ на равныхъ разстояніяхъ пунктовъ прусскихъ желѣзныхъ дорогъ, напримѣръ до узловой станціи берлинско-торнской дороги Крейцъ, до Кроссена, вблизи Франкфурта-на-Одерѣ, и до Лигница, въ Силезіи.

Русскій отрядъ прошелъ въ первый день 40 километровъ, а во вторыя сутки шелъ день и ночь и сдѣлалъ 120 килом., отдохнувъ всего 2 — 3 часа. Итого, значить, онъ сдѣлалъ 160 килом. въ двое сутокъ, по мокрымъ лугамъ и болотистымъ лѣсамъ. Лошадямъ давалось только по 3 гарнца, овса (около 12 фунтовъ), и онѣ пришли въ хорошемъ видѣ, кромѣ одной.

Авторъ далѣе указываетъ на то, какъ трудно задержать такой летучій отрядъ (къ чему въ данномъ случаѣ были приняты всѣ мѣры) и даже имѣть вѣрныя свѣдѣнія о его движеніяхъ. Такъ, противная сторона, а именно—восточный отрядъ маневрировавшихъ войскъ, получила отъ своихъ подчиненныхъ органовъ извѣстія о попыткахъ противника къ переходу Вислы—въ пунктахъ, отстоявшихъ на 40 и 50 верстъ отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ летучій отрядъ дѣйствительно переправился, къ тому же на 36 часовъ ранѣе полученія о томъ извѣстія. Ясно, замѣчаетъ авторъ, что легче сваряжать и пускать летучіе отряды, чѣмъ преградить имъ путь, и въ доказательство ссылается также на кавалерійскіе набѣги въ сѣвероамериканскую войну.

По мнѣнію автора, какъ поучителенъ ни былъ опытъ кавалерійскихъ маневровъ, но пробѣлъ въ нихъ составило то обстоятельство, что высланный летучій отрядъ былъ просто отозванъ, когда общее положеніе сторонъ измѣнилось, а потому и не было представлено фактически, въ какомъ положеніи окажутся отряды, брошенные такъ далеко, когда имъ придется отступать на то же разстояніе уже на измученныхъ лошадяхъ. Полковникъ фонъ-Видернъ указываетъ на тѣ трудности, какія летучіе отряды, заходящіе далеко вглубь непріятельской территоріи, должны будутъ встрѣтить, попадая въ сѣть непріятельскихъ войскъ всѣхъ родовъ оружія, которыя стануть нападать на ихъ бивуаки, не дадутъ имъ отдыха, заставятъ ихъ ослабляться высылкою разѣздовъ

во всѣ стороны и будутъ атакуютъ ихъ въ ослабленномъ составѣ, причѣмъ нѣкоторые разъѣзды могутъ лишиться сообщеній и потеряться¹⁾).

Поэтому полковникъ Виддернъ приходитъ къ заключенію, что вообще забрасываніе кавалерійскихъ отрядовъ далеко въглубь непріятельской страны обусловливаетъ неизбѣжное пожертвованіемногимиизъ нихъ, но „въ Россіи—говоритъ авторъ— вслѣдствіе громадности ея пространства, смотрятъ на разстоянія, особенно въ кавалеріи, нѣсколько иначе, чѣмъ у насъ“. „Итакъ—прибавляетъ онъ— въ Россіи много драгунъ и казаковъ, и вѣроятно, что на пожертвованіе отдѣльными отрядами тамъ рѣшатся скорѣе, чѣмъ у насъ“.

Авторъ не указываетъ прямо на средства для обороны противъ набѣговъ непріятельской кавалеріи, но изъ изложенія его видно, что онъ признаетъ нужнымъ немедленный созывъ ландштурма, гдѣ будетъ можно опасаться набѣга, а также рассчитываетъ на содѣйствіе гражданскихъ властей, всѣхъ служащихъ и жандармовъ для полученія свѣдѣній. Онъ напоминаетъ, что, во время польскаго возстанія 1863 года, начальники выставленныхъ на границѣ прусскихъ войсковыхъ частей получали свѣдѣнія отъ агентовъ, находившихся на русской территоріи, причѣмъ въ разные пункты вдоль границы были командированы ловкіе офицеры для собиранія и доставленія такихъ свѣдѣній. „Въ особенности—говоритъ онъ—оказали услуги ловкіе, знавшіе по-польски или по-русски офицеры, умѣвшіе разговаривать съ купцами и путешественниками, не возбуждая подозрѣнія. Насколько можетъ оказаться нужнымъ и въ будущее время высылать такихъ офицеровъ (конечно, снимающихъ мундиръ) черезъ русскую границу—это будетъ зависѣть отъ положенія дѣлъ“.

Наконецъ, для дѣйствія противъ набѣгающихъ отрядовъ авторъ признаетъ цѣлесообразнымъ формирваніе подвижныхъ колоннъ. Перехода границы мелкими отрядами устранить

¹⁾ Авторъ приводитъ одинъ примѣръ изъ войны 1870 года. Во время усиленнаго охраненія границы съ Франціею передъ началомъ военныхъ дѣйствій, одинъ виртембергскій кавалерійскій патруль изъ 4 офицеровъ и 5 драгунъ зашелъ на французскую территорію на 2 сутокъ разстоянія. Но мэръ города Верга далъ о немъ знать полку французскихъ конныхъ егерей, который выслалъ эскадронъ, и патруль былъ разбитъ, такъ что спасся только начальникъ патруля графъ Цеппелинъ, да и то только на лошади застрѣленного имъ французскаго вахмистра.

нельзя, и чѣмъ ближе къ границѣ будутъ разставлены прусскія войска, „тѣмъ легче непріятельскіе летучіе отряды могутъ проникнуть сквозь нихъ, въ особенности до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрѣшено прусскимъ разѣздамъ вступать на русскую территорію“. Поэтому авторъ совѣтуетъ дислокацію пѣхотныхъ силъ въ такомъ разстояніи отъ границы, чтобы прусскіе разѣзды разнаго состава — отъ патрулей до эскадроновъ — находящіеся у самой границы, успѣвали сообщить пѣхотнымъ частямъ свѣдѣнія о переходѣ непріятельскимъ отрядомъ границы и появленіи его на прусской территоріи.

Вопросъ о войнѣ между Россіей и Австріей невчера народился и не со вчерашняго дня служить темой для всякихъ споровъ и разговоровъ. Хотя фактическое положеніе вещей нисколько не оправдывало всѣхъ этихъ опасеній о набѣгѣ со стороны Россіи, такъ какъ вооруженія ея вызваны были лишь военными приготовлениями ея западныхъ сосѣдей, тѣмъ не менѣе въ общественномъ мнѣніи безпрестанно поддерживалось опасеніе столкновенія.

Въ 1866 г. была издана брошюра австрійскаго фельдцейхмейстера фонъ-Куна „О войнѣ въ горахъ“, разбившая средства обороны противъ Россіи. Такого же содержанія и другія двѣ брошюры: венгерца Karpolny „Die strategische Vertheidigung“ (1868 г.) и неизвѣстнаго австрійскаго офицера „Ideen über unser militärisches Verhältniss bei einem Kriege mit Russland“.

Авторъ, разсматривая взаимное отношеніе обѣихъ странъ съ точки зрѣнія ихъ положенія и военныхъ силъ, приходитъ къ тому заключенію, что Россія Австрію атакована быть не можетъ. По мнѣнію автора, Австріи сначала слѣдуетъ держаться системы оборонительной. „Горы (Карпаты) составляютъ для насъ какъ бы валъ, на взятіе котораго потребуется у непріятеля не мало времени и труда; съ каждымъ шагомъ, отдаляющимъ непріятеля отъ его операціоннаго базиса, для него выростутъ все новыя трудности въ содержаніи и ремонтѣ арміи, а при посредствѣ ловкихъ маневровъ мы въ состояніи выждать рѣшительной минуты. Если она выпадетъ въ нашу пользу, тогда настанетъ моментъ наступательныхъ дѣйствій, задержать которыя непріятель будетъ уже не въ силахъ“. Всѣ австрійскіе военные писатели до 1870 года почти единогласно высказывались за то, что война Австріи съ Россіей должна быть войной оборонительной.

Послѣ 1870—71 гг. въ международныхъ отношеніяхъ прои-

зошли перемѣны, долгое время, однако, какъ бы никѣмъ не признанныя и на политическомъ горизонтѣ почти незамѣченныя.

Въ брошюрѣ „*Österreich-Ungarn in einem Kriege gegen Russland*“ (1871) авторъ разбираетъ сочиненіе генерала Гадеева „Сила и военная практика Россіи“, останавливаясь главнымъ образомъ на выводахъ, къ которымъ приходитъ генераль Гадеевъ, при чемъ настаиваетъ на необходимости серьезно подумать о предупрежденіи набѣга со стороны Россіи.

Въ 1872 г. подполковникъ генеральнаго штаба, братъ министра иностранныхъ дѣлъ, Геймерле, выступилъ съ довольно громкимъ въ свое время сочиненіемъ подъ заглавіемъ „О стратегическомъ отношеніи Россіи и Австріи“, гдѣ развилъ мысль о нападеніи на Россію и даже о занятіи Петербурга.

Тутъ мы уже встрѣчаемся съ открыто высказанной надеждой, что Австрія, въ случаѣ надобности, найдетъ поддержку въ молодой Германской имперіи, объединенной при помощи Россіи.

Когда въ Россіи вызваны были неудовольствія Берлинскимъ трактатомъ, то Австрія и Германія поспѣшили этимъ воспользоваться, представляя каждую враждебную русскую журнальную статью, каждую газетную замѣтку, какъ актъ важнаго политическаго значенія.

При такихъ условіяхъ, новыя преобразованія въ русской кавалеріи должны были произвести въ Австріи сильное впечатлѣніе. Сочиненіе австрійскаго полковника Вальтера-фонъ-Вальтгофена служитъ какъ бы проявленіемъ этого настроенія ¹⁾.

„Россія стянула,—говоритъ онъ,—въ мирное время къ западнымъ границамъ значительное количество кавалеріи, организованной и обученной такъ, чтобы дѣйствовать совершенно самостоятельно. Полкамъ этой конницы предназначено прорваться черезъ границу сейчасъ по объявленіи войны, что и сдѣлаютъ они съ успѣхомъ, такъ какъ они въ состояніи не только помѣряться силами съ непріятельской кавалеріей, но готовы, не задумываясь, броситься на первые отряды, какого бы рода оружія они ни были“.

„Не подлежитъ сомнѣнію,—утверждаетъ Вальтеръ-фонъ-Вальтгофенъ,—что вторженіе русской кавалеріи въ границы Галиціи можетъ повлечь за собою роковыя послѣдствія: она разрушитъ желѣзныя дороги и телеграфы, опустошитъ склады

¹⁾ „Die russische Cavallerie in ihrer neusten Entwicklung verglichen mit der österreichischen“.

и магазины, лежащіе вблизи границы, и т. д. Строго говоря, русскіе рассчитываютъ, какъ будто, на бездѣйствіе и индифферентизмъ со стороны хозяевъ страны, тогда какъ австрійской кавалеріи поставлено будетъ задачей противодѣйствовать всякимъ вторженіямъ; количественное же ея меньшинство будетъ вознаграждено своевременнымъ подкрѣпленіемъ пѣхотой. Задача эта окажется, однако, по силамъ австрійской арміи лишь тогда, когда она надлежащимъ образомъ подготовится къ этому въ мирное время“.

По этому же вопросу имѣемъ еще мнѣніе другаго австрійскаго военнаго писателя, маіора генеральнаго штаба Г. Ратценгофера ¹⁾.

„Очень возможно,—говоритъ онъ,—что Россія, преобразовавъ всю конницу въ драгунъ, приблизивъ ее къ типу казаковъ и вооруживъ ее ружьями и штыками, особенно напирая въ кавалерійскихъ упражненіяхъ на пѣшіі бой и на мѣткость стрѣльбы,—этимъ самымъ обусловитъ нѣкоторый упадокъ *кавалерійскаго духа*. Однако, самый вопросъ объ упадкѣ русской кавалеріи останется въ области предположеній до тѣхъ поръ, пока опытъ великой европейской войны не подтвердитъ основательности критики, направленной противъ реформы русской конницы, а мрачныя предсказанія приверженцевъ сабли и пики не получаютъ фактической подкладки. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Австрія будетъ въ состояніи выставить въ первую линію 286 эскадроновъ съ 43.000 лошадей, Германія—460 эскадроновъ съ 69.000 лош., а Россія—552 эскадрона съ 83.000 лошадей. При дальнѣйшемъ же ходѣ войны, во вторую линію Австрія можетъ выдвинуть уже не болѣе 77 эскадроновъ, Германія—только 72 эскадрона, Россія же безъ всякаго труда выставитъ еще 526 эскадроновъ съ 77.000 лошадей. Такимъ образомъ, держава эта въ состояніи будетъ направить противъ непріятеля громадную, подавляющую массу—160.000 всадниковъ“.

„Превосходство русской кавалеріи, благодаря ея численности, превосходящей въ 3 раза численность австрійской кавалеріи, а также расположенію въ мирное время вдоль границы и спеціальному характеру вооруженія, можетъ имѣть для Австріи грозныя послѣдствія, какъ-то: ходъ мобилизаціи мо-

¹⁾ G. Ratzenhofer: „Die Consequenzen der russischen Cavalerie - Reform für uns“ (Organ der Militärwissenschaftlichen Vereine, 1885).

жетъ быть задержанъ; австрійская кавалерія будетъ лишена возможности пользоваться своей развѣдочной и транспортной частью, а вооруженіе русской кавалеріи и масса находящихся въ ея распоряженіи орудій дадутъ ей возможность не только проникнуть съ какой угодно стороны на непріятельскую операціонную территорію, но и крѣпко засѣсть въ нѣкоторыхъ пунктахъ, а, наконецъ, русская кавалерія можетъ занимать самостоятельно позиціи и удерживать ихъ за собою до появленія пѣхоты“.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, маіоръ Ратценгоферъ ставитъ вопросъ: какой успѣхъ можетъ имѣть русская конница при столкновеніи съ австрійской кавалеріей въ схваткѣ на сабляхъ при равномъ числѣ? Этотъ вопросъ онъ рѣшаетъ въ пользу австрійской кавалеріи, такъ какъ главная цѣль, къ которой направлены всѣ упражненія людей и выѣздка лошадей у австрійцевъ, заключается въ атакахъ въ сомкнутомъ строю.

„Преобразователи русской кавалеріи чувствуютъ слабость ея въ этомъ отношеніи и открыто признаются въ намѣреніи прибѣгать къ ружейному бою даже въ открытомъ полѣ. При встрѣчѣ съ непріятельской кавалеріей, русская конница спѣшится и начнетъ стрѣлять, подобно пѣхотѣ. Лошади предназначены тамъ только для облегченія и сокращенія пути, но въ бою русскіе кавалеристы будутъ пользоваться только преимуществами пѣхоты“.

Трудъ свой маіоръ Ратценгоферъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Допустимъ даже, что новыя вѣянія измѣнили военный духъ русской кавалеріи и понизили его до извѣстной степени, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что введенная реформа можетъ причинить Австріи не мало хлопотъ, а потому намъ слѣдуетъ съ ней серьезно считаться“.

Изъ всего цитированнаго выше видно, что и австрійскіе писатели расходятся въ своихъ мнѣніяхъ относительно значенія русской кавалеріи, послѣ ея преобразованія, и высказываютъ взгляды, отчасти очевидно ошибочные, какъ тотъ, напр., что именѣе боевыхъ достоинствъ и способности мѣряться съ регулярнымъ противникомъ они признаютъ за казаками. А между тѣмъ прежніе, западные же, писатели цѣнили качества казаковъ высоко.

IV.

Казакн.

Sainte - Chapelle ¹⁾ энергичеки выступаетъ въ защиту казаковъ, основываясь преимущественно на мнѣнiяхъ авторовъ, имѣвшихъ возможность хорошо ознакомиться съ ихъ достоинствами и тактикой на поляхъ сраженiй. Онъ приводитъ примѣры изъ крымской войны и польскаго возстанiя 1830 г.

„Всѣ офицеры, принимавшіе участіе въ восточной войнѣ при первой имперіи,—читаемъ въ сочиненіи Sainte-Chapelle,—единогласно признаютъ огромныя услуги, оказанныя Россіи казаками. Это согласно и съ отзывами классическихъ военныхъ писателей“.

„Я уже говорилъ о казакахъ—пишетъ де-Бракъ—и призналъ ихъ типомъ превосходнымъ, и я это подтверждаю вторично. Нѣкоторые офицеры, не бывшіе на войнѣ или участвовавшіе въ ней вдали отъ первыхъ линiй, считаютъ своей обязанностью отзываться объ этой конницѣ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, — но не вѣрьте имъ! Несправедливость по отношенію къ непріятелю — приемъ недостойный и ошибочный; средство для побѣды надъ непріятелемъ заключается не въ издѣвательствѣ надъ противникомъ, но въ изученіи его: въ основательномъ ознакомленіи съ нимъ. Посмотрите, какого высокаго мнѣнiя о казакахъ наши лучшіе военные учителя, какъ маршалы: Сульть, Жерардъ, Клозель и Маэзонъ; генералы: Моранъ, Лаллеманъ, Пажоль, Кольберъ, Корбино, Ламаркъ, Преваль, Домениль, Фаринъ и т. д. Спросите, наконецъ, всѣхъ настоящихъ офицеровъ, и они вамъ скажутъ, что легкая кавалерiя выполняетъ свою задачу въ совершенствѣ, окружая, подобно казакамъ, всю армію непроницаемой оборонительной сѣтью и неустанной бдительностью, постоянно держа непріятеля въ тревожномъ состоянiи, нанося ему часто чувствительные удары и подвергаясь имъ лишь изрѣдка“.

Присмотримся ближе къ этой казацкой тактикѣ — предмету столькихъ споровъ и разговоровъ.

Кавалеристы-классики признаютъ за аксіому, что аттака регулярной кавалерiи только тогда можетъ рассчитывать на успѣхъ, когда она произведена *en masse*. Поэтому принято во

¹⁾ „Les nouvelles tendances de la cavalerie russe“.

всѣхъ военныхъ руководствахъ, что могущество кавалерійской атаки основано на *силѣ удара*, а въ такомъ случаѣ оно въ зависимости отъ двухъ факторовъ: отъ *массы* и отъ *быстроты*. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ лошади крупнѣе и быстрѣе, тѣмъ болѣе обладаютъ онѣ *живой силой* для атаки. Между тѣмъ, казаки атакуютъ широкимъ фронтомъ, растянувшись въ одну развернутую линію.

Послушаемъ, что говорится въ пользу этого: „Успѣха, — говоритъ генераль Мартыновъ ¹⁾, — достигаетъ не то войско, которое атакуетъ въ большемъ порядкѣ, но то, которое ударяетъ съ болѣею рѣшительностью. Значитъ, только нравственное убѣжденіе и увѣренность въ своемъ превосходствѣ обеспечиваютъ конницѣ вѣрный успѣхъ при столкновеніи съ противникомъ. Если обѣ стороны окажутся въ этомъ отношеніи одинаково сильными, то побѣду одержитъ та, которая съумѣетъ соединить фланговое нападеніе съ фронтовой атакой, а особенно та, которая постарается ударить на непріятеля съ тыла. Если противники имѣютъ фронтъ одинаковыхъ размѣровъ, то мало вѣроятія, чтобы кому-либо изъ нихъ удалось ударить на крыло другаго. Въ такихъ случаяхъ, атака растянутымъ строемъ по тактикѣ казаккой (*en lave*) представляетъ много шансовъ на успѣхъ“.

На это другіе возражаютъ: „Правда, что атака развернутымъ строемъ имѣетъ свою хорошую сторону, но имѣетъ и свои недостатки: она требуетъ удобнаго поля, войско расфевается и линія ломается. Атака, произведенная при такихъ условіяхъ, безъ порядка и спокойствія, не можетъ дать большой силы удара. Атака разсыпнымъ строемъ явилась первоначально для казаковъ слѣдствіемъ одной лишь необходимости; не будучи обучены, не имѣя ни малѣйшаго представленія о сомкнутомъ строѣ, они должны были ограничиться лишь ролью иррегулярныхъ развѣдчиковъ. Долгая военная практика, особенно въ 1812 и 1815 годахъ, обезпечила имъ затѣмъ успѣхъ и въ сраженіяхъ съ непріятельской легкой кавалеріей. Но, исходя изъ этого пункта, слѣдствіе приняли за причину и на основаніи факта, что казаки постоянно шли въ атаку въ разсыпномъ строю, — гдѣ, въ сущности, не строй, а ихъ индивидуальныя качества одерживали побѣду надъ непріятелемъ, — выведено было ложное представленіе о практикуемомъ ими способѣ атаки“.

¹⁾ Цитируемъ по Sainte-Chapelle.

Сторонники казацкой тактики замѣчаютъ по этому поводу, что ихъ идеаломъ было и до сихъ поръ еще осталось—достиженіе наибольшихъ результатовъ при возможно ничтожныхъ потеряхъ. Только этимъ и объясняются атаки одношереножнымъ строемъ. Войско, идущее въ двѣ шеренги, болѣе подвержено дѣйствию выстрѣловъ, *особенно теперь, при нынѣшней силѣ и дальности выстрѣловъ*. Затѣмъ, въ сомкнутомъ строю можетъ сражаться одна лишь первая шеренга, что равносильно уменьшенію числа солдатъ на половину. Если атака не удастся, то вторая шеренга, отступая и рассыпаясь, только будетъ мѣшать первой избѣгать опасности; если же непріятель будетъ преслѣдовать отступающихъ, то ему удобно будетъ ударить въ безформенную массу другъ-друга сбивающихъ кавалеристовъ.

Само собою разумѣется, что мы не можемъ высказать что-либо по поводу вышеприведенныхъ разногласій; мы считали лишь умѣстнымъ познакомить нашихъ читателей съ разными взглядами.

Что касается рассыпнаго строя казаковъ, то онъ едва-ли теперь не рациональнѣе, чѣмъ прежде; нынѣ, чтобы убить одного всадника, надо выпустить ружейныхъ пуль: на разстояніи 200 метровъ — только 2¹/₂, на 400 метр. — 7 и на 600 метр. — 16 пуль ¹⁾. Достаточно нынѣ пустить въ сомкнутые ряды нѣсколько шрапнелей, поддержанныхъ нѣсколькими залпами даже слабого, прикрывающаго орудія, пѣхотнаго отряда, чтобы задержать сплошную массовую атаку.

По поводу спора о казацкой тактикѣ, обратимъ вниманіе на слѣдующій случай. Сборникъ „Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine“ ²⁾ передаетъ разсказъ полковника Шнакенбурга, что когда 10-я кавалерійская дивизія, при выходѣ изъ лѣса, была встрѣчена огнемъ съ коней двумя казачьими сотнями, то генераль Гурко выразилъ полное порицаніе такому приему и запретилъ на будущее время повтореніе подобной несообразности. Авторъ замѣчаетъ, что этотъ случай какъ бы составляетъ возраженіе противъ взглядовъ, высказанныхъ генераломъ Сухотинимъ въ прошломъ году о цѣлесообразности для кавалеріи стрѣльбы съ коней.

Что же касается вопроса о значеніи казаковъ въ будущей

¹⁾ Tableaux de tir dressés à l'école du champ de Chalons pour le fusil. 1886.

²⁾ Мы цитируемъ его по статьѣ въ „Armeebblatt“ №1 марта текущаго года, „Bemerkungen zu den Manövern im Militärbezirk Warschau.“

войнѣ, то Теттау, въ только-что вышедшемъ сочиненіи ¹⁾, сославшись на множество статей разныхъ авторовъ въ „Военномъ Сборникѣ“, въ особенности на мнѣніе, высказанное генераломъ Хорошинимъ, приходитъ къ заключенію, что о выдающихся боевыхъ качествахъ и даже воинственномъ духѣ у нынѣшнихъ казаковъ уже не можетъ быть рѣчи. Зато они имѣютъ другія важныя достоинства: выносливость въ походахъ и умѣнье довольствоваться малымъ. Правда, казакъ и нынѣ имѣетъ большую привычку къ лошади, но это уже не то, что было прежде. Во-первыхъ, уменьшается число такихъ казаковъ, которые осваиваются съ конемъ съ дѣтства; во-вторыхъ, самыя казачьи лошади ухудшаются, вслѣдствіе дробленія участковъ и паденія коневодства, такъ что нынѣшнія казачьи лошади въ общемъ, уже не соотвѣтствуютъ требованіямъ боевой дѣятельности регулярной кавалеріи. Для полевыхъ работъ казакъ употребляетъ воловъ, а не лошадей; лошадь служитъ ему только для верховой ѣзды. Въ бою казаки, по качествамъ людей и лошадей, могутъ имѣть лишь второстепенное значеніе, но они очень важны для такъ называемой „малой войны“.

Въ обѣихъ послѣднихъ русскихъ кампаніяхъ — продолжаетъ авторъ — казачьи войска выдающейся роли не играли. Во время усмиренія польскаго возстанія 1863 г., донское войско выставило 45 т. всадниковъ, но — по отзыву одной изъ приводимыхъ авторомъ русской статьи — въ нихъ обнаружился упадокъ фронталоваго знанія и ухудшеніе всего снаряженія; оказывались заржавленные ружья и шашки, въ конскомъ уборѣ и въ упряжи встрѣчались вмѣсто ремней веревки, малорослость и слабость лошадей свидѣтельствовали объ упадкѣ въ станицахъ коневодства. Нижніе чины, даже офицеры обнаруживали мало знакомства съ уставомъ, а нѣкоторыя части — и съ дисциплиной.

Во время войны 1877—78 гг. казаки, — по отзыву той же статьи, цитируемой нѣмецкимъ авторомъ, — не могли поддержать своей давней славы, по той причинѣ, что казачьи части употреблялись разбросанно, и въ бой велись въ незначительномъ числѣ. Впрочемъ, по тому же отзыву, можно ожидать, что когда принесутъ свои плоды всѣ принятые за послѣднія 20 лѣтъ мѣры по лучшей организаціи, обученію и подготовкѣ казачьихъ войскъ, то казаки въ будущей войнѣ могутъ имѣть роль болѣе значительную.

¹⁾ „Die Kosaken-Heere“. Berlin. 1892.

Въ числѣ улучшеній, предпринятыхъ въ казачьихъ войскахъ, весьма важное мѣсто занимаютъ старанія о подъемѣ образовательнаго ценза офицеровъ этихъ частей. Уровень этотъ, въ среднемъ, былъ доселѣ значительно ниже въ большинствѣ казачьихъ полковъ, по сравненію съ регулярными войсками. Такъ, по даннымъ проф. Редингера „о комплектованіи арміи въ періодъ 1881 по 1890 г.“, 41% всего числа молодыхъ офицеровъ поступили изъ военныхъ училищъ, а 59% — изъ юнкерскихъ училищъ.

Между тѣмъ, въ казачьихъ частяхъ, отношеніе благопріятно только въ артиллеріи и въ полкахъ, состоящихъ въ гвардіи. Такъ, процентъ офицеровъ изъ военныхъ училищъ въ казачьихъ батареяхъ составляетъ 85, въ л.-гв. казачьемъ полку—70. Но въ остальныхъ казачьихъ частяхъ онъ значительно ниже, чѣмъ въ регулярной арміи, и именно выражается слѣдующими цифрами: въ донскихъ полкахъ, входящихъ въ кавалерійскія дивизіи—30; въ донскихъ полкахъ, составляющихъ казачьи дивизіи—5; въ полкахъ уральскаго войска—22, оренбургскаго войска—29,5, астраханскаго—8,9. Всѣ остальные офицеры получили образованіе въ юнкерскихъ училищахъ, и небольшое число—образованіе домашнее.

Въ виду этого, а также и стремленія самой казачьей молодежи къ солидному военному образованію, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ основанъ въ Новочеркасскѣ донской кадетскій корпусъ, воспитанники котораго, какъ и другихъ кадетскихъ корпусовъ, по окончаніи курса, поступаютъ въ военные училища. А дабы обезпечить имъ пріемъ въ военное училище, приступлено въ 1890 году къ образованію особой, казачьей „сотни“, изъ 120 юнкеровъ, при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ въ Петербургѣ.

Пока мѣстъ же, все главное значеніе казаковъ—въ ихъ численности. Они могутъ выставить 670 сотенъ, а если изъ этого числа отчислить части, которыя могутъ потребоваться на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ, то для европейской войны все еще останется 500 сотенъ. Каковы бы ни были относительныя ихъ боевыя качества, но 500 сотенъ казаковъ составятъ огромное дополненіе къ 340 эскадронамъ русской регулярной кавалеріи.

Тотъ же русскій авторъ высказываетъ мысль, что послѣ причисленія извѣстнаго числа казачьихъ полковъ къ пѣхотнымъ отрядамъ, остальные полки слѣдовало бы соединить въ

особыя казачьи дивизіи такъ, чтобы командующіе могли ихъ употреблять для самостоятельныхъ предпріятій. Только тогда могутъ повториться такіе подвиги казаковъ, какъ смѣлая атака Орлова-Денисова подъ Тарутиномъ въ 1812 г., со взятіемъ 40 французскихъ орудій, и блестящее участіе походнаго атамана Платова въ преслѣдованіи французовъ, когда онъ бралъ въ плѣнъ цѣлыя французскіе отряды. Только такимъ образомъ можетъ возродиться давняя слава казаковъ.

V.

Развѣдочная служба.

Мы уже говорили о предполагаемыхъ кавалерійскихъ набѣгахъ. Покажемъ на примѣрѣ, какъ представляютъ себѣ нынѣ открытіе военныхъ дѣйствій.

Чарльзъ Дилекъ, бывшій англійскій министръ, принимавшій участіе въ прошлогоднихъ французскихъ маневрахъ, полагаетъ, что въ войнѣ между Франціей и Германіей, „первые шаги начнутся въ окрестностяхъ Нанси—схватками между германскими кавалерійскими отрядами и отлично обученной французской пѣхотой, которая будетъ съ остервенѣніемъ защищать каждое зданіе, каждый заборъ, каждый ручеекъ и каждый лѣсокъ. Нѣмецкая же кавалерія не будетъ имѣть успѣха, такъ какъ бездымный порохъ помѣшаетъ ей ориентироваться относительно силъ непріятели“.

А гдѣ будетъ тогда французская кавалерія? По всей вѣроятности, ей будетъ приказано сдѣлать то же самое, что и нѣмецкой, т. е. ворваться въ непріятельную территорію. „Баталіоны французскихъ стрѣлковъ, не присоединенные ни къ какимъ дивизіямъ, будутъ въ то же время поддерживать дѣйствія своей кавалеріи“.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что и французская кавалерія встрѣтитъ въ Германіи такія же затрудненія и точно такое же сопротивленіе, какъ нѣмецкая конница во Франціи.

Между конными отрядами, наскაკивающими другъ на друга, начнутся схватки. Часть кавалеріи отдѣлится отъ общей массы и разсѣется на небольшіе летучіе отряды. Можно ожидать, что въ нѣсколько дней при открытіи военныхъ дѣйствій, партизанскіе отряды проскользнутъ черезъ непріятельское войско и очутятся въ глубинѣ страны за сто или болѣе верстъ отъ своей границы. Само собою разумѣется, что за такую удаль многимъ изъ нихъ

придется поплатиться дорого, невозможно будет вернуться назад къ своимъ частямъ, не понеся значительныхъ утратъ.

Эту часть кавалеріи можно уже считать, если не совершенно погибшей, то во всякомъ случаѣ неспособной къ участію въ дѣлахъ на довольно продолжительное время, даже по ея возвращеніи.

Намъ остается теперь разсмотрѣть дѣйствія остальной части кавалеріи, въ наѣздахъ не участвующей. Начнемъ, по нятно, съ одной изъ наиболѣе важныхъ кавалерійскихъ функцій, а именно съ развѣдочной службы, имѣющей замѣнить какъ бы слухъ и зрѣніе арміи. Клаузевиць говоритъ, что собраніе свѣдѣній о противникѣ—это базисъ, на которомъ построены всѣ военныя дѣйствія. Свѣдѣнія о томъ, что именно непріятель намѣренъ предпринять, являются исходнымъ пунктомъ для принятія какихъ-либо рѣшеній.

Французскій полевой уставъ ¹⁾ такъ опредѣляетъ задачу кавалеріи: осматривать мѣстность, открывать и отбивать непріятельскія кавалерійскія части, доставлять свѣдѣнія,—и высказываетъ предположеніе, что при этомъ произойдутъ и значительныя кавалерійскія дѣла, которыхъ успѣшный исходъ позволитъ кавалеріи проникать до главныхъ силъ непріятели.

Германскіе авторы также неизмѣнно повторяютъ: „всю массу кавалеріи впередъ“. Первоначальные планы кампаніи составляются на основаніи какъ бы теоретическихъ свѣдѣній о состояніи путей сообщенія, о силахъ непріятели, о его запасахъ и т. п. Принимая всѣ эти условія и обстоятельства, какъ достаточно изслѣдованныя, высчитывается вѣроятность движеній и намѣреній противника. Но такія данныя могутъ оказаться ошибочными или неточными; поэтому, пока еще есть возможность, пока сложная машина концентрированія войска на предначертанныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій, не пущена въ ходъ,—надо постараться основательно провѣрить эти предположенія, зорко слѣдя за всѣми движеніями непріятели. Легко можетъ случиться, что первоначальные планы будутъ измѣнены отчасти или даже кореннымъ образомъ, смотря по полученнымъ новымъ, болѣе точнымъ, извѣстіямъ.

Хотя и прежде всегда требовалась скорая и безотлагательная провѣрка доставленныхъ свѣдѣній, однако замедленіе не могло повлечь за собой столь роковыхъ послѣдствій, какъ

¹⁾ „Service des armées en campagne“.

нынѣ, когда только-что мобилизованное войско начинаетъ движеніе сейчасъ по истеченіи какихъ-нибудь нѣсколькихъ дней, а самыя даже ничтожныя измѣненія въ исполняемыхъ уже распоряженіяхъ могутъ вызвать путаницу и замѣшательство. Въ настоящее время, когда государствами затрачены громадныя суммы на постройки и улучшенія путей сообщенія, всё передвиженія въ началѣ кампаніи будутъ, несомнѣнно, стремительны и быстры. Важно и то, что нынѣ, при дальнобойности новаго оружія, самыя битвы начнутся на болѣе отдаленныхъ разстояніяхъ. Затѣмъ, отсутствіе дыма на полѣ сраженія не дастъ возможности хоть сколько-нибудь оріентироваться: командирь, застигнутый врасплохъ, при видѣ падающихъ людей, будетъ знать, что онъ атакованъ, но дымъ ему не укажетъ, съ какой, именно, стороны непріятель и насколько онъ многочисленъ. Положеніе застигнутого такимъ образомъ окажется ужаснымъ по послѣдствіямъ чисто психическаго свойства.

Болѣе, чѣмъ когда-либо, вѣрны слова Наполеона: „Rien ne donne plus de courage et n'eclaircit plus les idées que de bien connaître la position de son ennemi“. Кавалерія именно и должна разъяснить непріятельскія движенія и намѣренія. Для развѣдывательной службы требуется много смѣтки и пониманія дѣла, но современный кавалерійскій офицеръ и воспитывается для нея.

Какимъ образомъ исполняется задача непрерывныхъ наступательныхъ дѣйствій кавалеріи, лучше всего можно понять изъ французскаго устава по этой части ¹⁾. Кавалерійская дивизія назначаетъ для развѣздовъ два эскадрона; они раздѣляются на развѣдочные патрули и ихъ резервы. Цѣль ихъ растягивается вразсыпную на 30—40 километровъ; наблюденіе надъ нею производится офицерскими рекогносцировками.

Патрули слѣдятъ за непріятелемъ съ фронта и фланговъ, а рекогносцировки зондируютъ подозрительные пункты. За ними надвигается въ сомкнутомъ строѣ цѣлый отрядъ кавалеріи, окруженный охраняющими его развѣздами. Таковъ планъ наступательнаго движенія въ теоріи.

Лишь только развѣдчики донесутъ, что они наткнулись на непріятельскую массу, начальникъ отряда тотчасъ *устремляется* и *указанное мѣсто для изслѣдованія позиціи*. Онъ отлучается отъ своего отряда и ѣдетъ одинъ, чтобы не обнаружить присутствія своего отряда.

1) „Service des armées en campagne“.

Двумъ враждебнымъ конницамъ, оперирующимъ одна противъ другой, трудно избѣгнуть столкновения. Та изъ нихъ, которая показала бы тылъ, потерпѣла бы и матерьяльно, и нравственно, кромѣ развѣ случая, когда за нею есть сильный пунктъ, къ которому она намѣрена завлечь непріятеля, устройвъ ему засаду. Обыкновенно же такія положенія разрѣшаются быстрой и стремительной атакой.

Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что такое подобныя массовыя атаки кавалеріи, пользуемся изложеніемъ, которое мы находимъ въ только-что изданномъ сочиненіи генерала Пузыревскаго.

„Кавалерійскій бой болѣе пѣхотнаго есть дѣло нравственнаго духа. Изслѣдуемъ сперва нравственную сторону боя кавалериста одного противъ одного. Два кавалериста бросаются на встрѣчу одинъ другому. Направятъ ли они своихъ лошадей лобъ въ лобъ? Ихъ лошади расшиблись бы, и для чего? для того, чтобы обоимъ спѣшиться, рискуя быть раздавленными при столкновеніи или при паденіи ихъ коней. Каждый въ бою разсчитываетъ на свою силу, свою ловкость, на гибкость своего коня, на личное свое мужество; онъ, слѣдовательно, не желаетъ слѣпаго столкновения, и онъ правъ. Они останавливаются лицомъ къ лицу, бокъ о бокъ, чтобы драться одинъ противъ одного, или они проскакиваютъ, посылая мимоходомъ другъ другу удары саблями или пиками; или, наконецъ, они стараются грудью лошади задѣть колѣно противника и свалить его такимъ образомъ. Но каждый всегда, стараясь поразить другаго, помышляетъ о томъ, какъ бы защитить себя; онъ не желаетъ слѣпаго столкновения, упраздняющаго бой... Древніе кавалерійскіе бои, рѣдкіе кавалерійскіе бои нашихъ дней, ничего другаго намъ не показываютъ“.

„Дисциплина, удерживая кавалеристовъ въ шеренгѣ, не могла измѣнить инстинкта кавалериста. Такъ же, какъ и отдѣльный человѣкъ, кавалеристъ въ шеренгѣ вовсе не хочетъ расшибиться стѣна объ стѣну при ударѣ съ непріателемъ. Отсюда страшное нравственное дѣйствіе сомкнутой приближающейся шеренги. Такъ какъ нѣтъ средства ускользнуть вправо или влѣво, то обѣ стороны, люди и кони, избѣгая столкновения, останавливаются лицомъ къ лицу. Но могутъ сказать на это: если эти войска обладаютъ отличной храбростью, одинаковаго нравственнаго склада, одинаково хорошо ведены, одинаково воодушевлены, то что произойдетъ, если они увидятъ себя такъ

близко, лицомъ къ лицу? Всѣ эти условія никогда почти въ совокупности не встрѣчаются съ той и другой стороны; этого никто никогда не видѣлъ; 49 противъ одного, что одна изъ кавалерій поколеблется, расклеится, разстроится, дастъ тылъ передъ рѣшительностью другой“.

„Открытаго столкновенія никогда не существуетъ. Нравственный импульсъ одного изъ противниковъ опрокидываетъ всегда заранѣе другаго, немного дальше, немного ближе, будь это немножко ближе носъ къ носу; передъ первымъ сабельнымъ ударомъ, одна изъ сторонъ уже разбита и готовится къ бѣгству. Открытымъ столкновениемъ всѣ были бы подброшены на воздухъ“.

„Почему Фридрихъ такъ любилъ, чтобы центръ эскадроновъ былъ сомкнутъ до послѣдней возможности? Потому что онъ въ этомъ видѣлъ гарантію противъ человѣка и противъ лошади“.

„Настоящая атака съ той и другой стороны была бы взаимнымъ истребленіемъ, а на практикѣ побѣдитель не теряетъ почти ни одного человѣка. Говорятъ, что въ Экмюльскомъ бою, на одного сваленнаго французскаго кирасира приходилось четырнадцать австрійскихъ кирасиръ, пораженныхъ въ спину. Потому ли только, что они были безъ латъ? Нѣтъ; вѣрнѣе потому, что они повернули спину для принятія ударовъ“¹⁾.

Общія развѣдки требуютъ еще болѣе энергіи и искусства, чѣмъ розыски непріятельской конницы.

За многочисленными рекогносцировочными патрулями должны слѣдовать цѣлыя эскадроны. При этомъ измѣняется характеръ борьбы, и на сцену выступаетъ магазинное ружье. Чтобы пробиться сквозь охранную цѣпь и достигнуть главныхъ силъ непріятеля, кавалеріи приходится дѣйствовать уже массами и употреблять въ дѣло орудія и ружья. Неожиданный огонь можетъ произвести чрезвычайно сильное впечатлѣніе²⁾. Этимъ средствомъ кавалерія въ состояніи указать главнокомандующему вѣрный путь и оправдать изреченіе Фридриха Великаго: „хорошая кавалерія рѣшаетъ судьбу кампаніи“.

Въ извѣстномъ сочиненіи фонъ-деръ-Гольца „Das Volk in Waffen“ приводятся нѣсколько мыслей по вопросу о развѣ-

¹⁾ А. К. Пузыревскій. „Исслѣдованіе боя по сочиненію полковника де-Пика“. Варшава 1893 г.

²⁾ А. Aubier. „Du rôle stratégique et tactique de la cavalerie“.

дочной службѣ, которыя, хотя и были высказаны до изобрѣтенія бездымнаго пороха, но заслуживаютъ вниманія.

„Въ учебникахъ обыкновенно много говорится о томъ, что хорошіе офицеры съ горстью наѣздниковъ должны проникать сквозь первую сторожевую цѣпь непріятельскихъ войскъ, что они должны окружать его фланги и производить развѣдки со всѣхъ сторонъ его главныхъ силъ, даже съ тыла. Такого рода дѣятельность весьма полезна, но и весьма трудна, ибо и противная сторона старается изъ своей кавалеріи сдѣлать такое же употребленіе. Кромѣ того, подобныя предпріятія требуютъ отъ исполнителей, сверхъ необыкновеннаго мужества, еще необыкновенной распорядительности и особеннаго счастья. Поэтому невозможно основывать своихъ расчетовъ на такихъ предпріятіяхъ, несмотря на то, что каждая кавалерія стремится отличиться именно этого рода направленіемъ своей дѣятельности. Чрезвычайно важно *чувствовать* противника какъ можно въ большемъ числѣ пунктовъ; единичное донесеніе никогда не въ состояніи дать полнаго и точнаго свѣдѣнія“.

„Составить донесеніе такъ же трудно, какъ редижировать приказъ. Очень важны результаты распросовъ жителей. О большихъ движеніяхъ войскъ всегда распространяются вѣсти; иногда даже представляется загадочнымъ, какимъ образомъ такъ быстро расходятся эти вѣсти, несмотря на прегражденіе сообщений. Жители окрестностей Метца имѣли свѣдѣнія о приближеніи Макъ-Магона на помощь Базену въ то время, когда еще не произошло ни одного изъ сраженій, предшествовавшихъ седанской катастрофѣ. Въ этомъ случаѣ надо принимать въ расчетъ народный характеръ населенія. Отъ англичанина или русскаго гораздо труднѣе добыть какое-либо свѣдѣніе, чѣмъ отъ болтливаго француза или итальянца. Нѣтъ надобности рассчитывать на открытыхъ измѣнниковъ, готовыхъ сообщить важныя свѣдѣнія. При каждомъ распросѣ высказывается что-нибудь, что кажется допрашиваемому невиннымъ свѣдѣніемъ, но изъ сотни невинныхъ подробностей удастся извлечь что-нибудь важное“.

Во всякомъ случаѣ, развѣдочная служба требуетъ значительнаго умственнаго развитія со стороны исполнителей.

Генераль Куропаткинъ, описывая боевыя приключенія подъ Плевной, говоритъ, что во время войны 1877—78 гг., несмотря на значительное число кавалеріи, развѣдочная служба была неудовлетворительной или вовсе не исполнялась.

Въ германской арміи, гордящейся своею кавалеріей, бывали случаи полного отсутствія развѣдочной службы. Объ одномъ изъ подобныхъ случаевъ мы находимъ свѣдѣніе въ сочиненіи Войде: „Побѣды и пораженія въ войнѣ 1870 года“. По мнѣнію автора, двѣ значительнѣйшія битвы въ эту кампанію (Марсъ-Латуръ и Гравелотта), несмотря на превосходныя силы нѣмцевъ, могли бы быть ими проиграны, вслѣдствіе несоблюденія развѣдочной кавалерійской службы; этого не случилось только благодаря неумѣлому образу дѣйствій французскихъ генераловъ.

Въ заключеніе приведемъ еще мнѣніе фонъ-деръ-Гольтца о препятствіяхъ къ распознаванію взаимнаго положенія противниковъ. „Нѣтъ ничего труднѣе, какъ сдѣлать мѣткую оцѣнку получаемыхъ извѣстій. Военная исторія останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ донесеніяхъ, которыя впослѣдствіи приобрѣли значеніе. Читая ихъ теперь въ прежнемъ видѣ, не легко себѣ представить, какимъ образомъ можно было извлечь изъ нихъ правду. Поэтому-то большею частью успѣхъ является слѣдствіемъ не какого-нибудь одного, удачно полученнаго, свѣдѣнія, а умѣнія извлечь пользу изъ большаго ихъ числа“.

Фонъ-деръ-Гольтцъ приводитъ такой примѣръ:

„Въ руки арміи, осаждавшей Метцъ, достался воздушный шаръ, упавшій со многими тысячами мельчайшихъ писемъ, писанныхъ на шелковой бумагѣ. Сначала казалось, что изъ нихъ ничего важнаго извлечь не удастся. Не подлежало сомнѣнію, что всѣ эти письма подверглись строгой цензурѣ. Когда, однако, составлены были листки съ обозначеніемъ приложенныхъ къ письмамъ адресовъ, то это дало возможность представить себѣ расположеніе лагерей внутри фортвъ. Можно было, кромѣ того, дѣлать цѣнныя заключенія о состояніи духа осажденныхъ. Критика получаемыхъ донесеній,—поучаетъ далѣе авторъ,—должна умѣть оцѣнить не только фактическую правдивость каждаго изъ нихъ, но и привести ихъ въ систему“.

Очень можетъ быть, что даже нѣмецкая кавалерія въ началѣ войны не окажется на высотѣ своего назначенія. По этому поводу капитанъ генеральнаго штаба Либертъ говоритъ слѣдующее: „Франко-германская война началась весьма краснорѣчивымъ инцидентомъ. Три германскихъ корпуса подъ Виссамбургомъ натыкаются на французскую дивизію и оттѣсняютъ ее послѣ упорнаго сраженія изъ занятой ею позиціи. Несмотря, однако, на то, что сраженіе кончилось въ 2 часа дня, разбитыя

непріятельскія (французскія) войска исчезаютъ безслѣдно. Драгунскій патруль донесъ лишь о томъ, что дивизія не отступила къ большой дорогѣ. Осталось совершенно невыясненнымъ, повернула ли она на Бичъ или на Вёртъ. Явился самъ собою вопросъ: гдѣ же была германская кавалерія? Случилось это въ началѣ кампаніи, когда опытъ еще не научилъ кавалерію бдительности“¹⁾).

Однако, маршалъ Базенъ сказалъ прусскому офицеру, сопровождавшему его изъ Метца въ Вильгельмсгё (по словамъ оффиціального доклада): „Три обстоятельства были причиной побѣды пруссаковъ: дисциплина, артиллерія и рекогносцировка кавалеріи. Всѣ эти три условія были у насъ въ пренебреженіи“.

По словамъ французскаго военнаго писателя, полковника Бони, „отступающія французскія войска въ 1870 году постоянно преслѣдовались по пятамъ непріятельской кавалеріей. Она неустанно слѣдила за всѣми нашими движеніями, за каждымъ нашимъ шагомъ, дѣлая набѣги и избѣгая открытыхъ схватокъ. Не надолго прусскій штабъ потерялъ нашъ слѣдъ на равнинахъ Шампани, благодаря тому, что мы тогда внезапно измѣнили нашъ планъ, но, при помощи своей кавалеріи, онъ снова насъ розыскалъ, и съ этой поры отношенія непріятельской конницы къ намъ не прерывались. Она всегда окружала насъ на флангахъ, заслоняя собою маневры враждебныхъ войскъ. Когда мы прибыли въ Chêne-Populeux, непріятель держался отъ насъ на такомъ разстояніи, что передовые отряды его кавалеріи опережали его на 10 миль впередъ. По мѣрѣ же того, какъ мы подвигаемся, намъ встрѣчаются небольшія группы въ 5—6 наѣздниковъ, отъѣзжающихъ не слѣша, лишь только намѣренія наши сдѣлаются имъ понятными, для донесенія обо всемъ замѣченномъ. Когда мы пробовали ихъ преслѣдовать, то они спасались по направленію къ отряду, способному дать намъ отпоръ, и отпоръ этотъ былъ такого рода, что препятствовалъ намъ пробить ихъ сторожевую цѣпь и приблизиться къ непріятельской арміи. Вообще прусская кавалерія такъ отлично оперировала, что мы двигались какъ бы среди разставленныхъ на насъ сѣтей, которыми насъ опутывали все больше и больше“²⁾).

Поэтому-то Мольтке былъ вполне правъ, утверждая, что

1) „Militar Wochenblatt“. 1883.

2) См. „Militar Wochenblatt“. 1881, „Untersuchungen über den Werth der Cavallerie in dem Kriege der Neuzeit“.

побѣдами нѣмцы обязаны школьному учителю, ибо, для самостоятельнаго дѣйствія отдѣльныхъ разѣздовъ, прежде всего нужны грамотные и развитые люди.

Въ будущей войнѣ, на долю кавалеріи выпадутъ новыя трудности, зависящія отъ введенія новаго оружія и бездымнаго пороха. Для того, чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произойдутъ вслѣдствіе усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, и о томъ, какъ онѣ отразятся на значеніи и роли кавалеріи въ будущей войнѣ, намъ слѣдуетъ начертить общій образъ дѣятельности двухъ непріятельскихъ армій, какъ онъ представляется теоретически, т. е. откидывая всевозможныя непредвидѣнныя случайности.

Первыя кавалерійскія схватки могутъ появиться въ самомъ началѣ кампаніи. Лишь только война объявлена, происходятъ мобилизація и концентрація дѣйствующихъ отрядовъ, которые окружаются охранной цѣпью кавалеріи для того, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ непріателемъ. Наконецъ, корпуса сформированы. Между ними установлена связь и создана *армія*. Та сторона, которой удастся въ этомъ предупредить противника, окажется въ обстоятельствахъ болѣе благоприятныхъ для активнаго веденія войны.

Съ самаго начала концентрированія вооруженныхъ силъ, конница должна заслонять отъ непріятельскихъ взоровъ все, что дѣлается въ арміи, и всѣ ея движенія. Съ окончаніемъ концентрации войскъ, кавалерія переходитъ ко второй своей роли—передоваго отряда арміи. Задача каждаго авангарда—обеспечить для главныхъ силъ время на то, чтобы перемѣнить строй изъ маршеваго въ боевой. Съ этой цѣлью кавалерія, высланная впередъ, обязана предупредить о близости непріятеля настолько заблаговременно, чтобы войска успѣли стянуться къ соотвѣтственнымъ позиціямъ. Отсюда ясно, что весьма важно, чтобы кавалерія была выдвинута какъ можно дальше впередъ. Все это приводитъ къ заключенію, что вся кавалерія, которая не составляетъ крайней необходимости при частяхъ нѣкоторыхъ войскъ, должна быть направлена впередъ, чтобы охрана передовыхъ отрядовъ арміи была по возможности гуще. Въ этомъ согласны между собой всѣ военные писатели, а у нѣмцевъ сложилась даже поговорка: „die Reiter-Massen stets voraus“.

Сообразно численности нынѣшнихъ армій, впереди ихъ можетъ идти кавалерія въ количествѣ 5—7 дивизій ¹⁾

¹⁾ Чичаговъ. „Организація современной конницы“.

Мы уже говорили о томъ, что всё иные способы собиранія свѣдѣній не идутъ въ сравненіе, по степени достовѣрности, съ тѣми, какія добываются непосредственно разъѣздами. Перехватыванія писемъ, газетныя свѣдѣнія, донесенія шпионовъ — все это сомнительно. Надо идти и *оцупать* непріятеля. Но такъ какъ и непріятель ограждаетъ себя подобнымъ же образомъ, то схватки кавалеріи неизбежны, ибо каждая сторона будетъ совершать попытки прорвать передовую цѣпь противника, чтобы, приблизившись къ ядру войскъ его, слѣдить за его намѣреніями. Въ случаѣ успѣха, конница, рассыпавшись вдоль фронта непріятельской арміи, изслѣдуетъ его протяженіе; мелкіе разъѣзды, окружая фланги, стараются опредѣлить съ точностью его силы. Во всякомъ случаѣ кавалерія должна не выпускать изъ глазъ ни одного его движенія.

Сторона, за которой останется поле дѣйствія, очевидно, въ состояніи будетъ добыть больше свѣдѣній, обыскивая убитыхъ и разспрашивая раненыхъ; кромѣ этихъ выгодъ, на сторонѣ побѣдителя будетъ подъемъ духа и извѣстная степень деморализаціи въ арміи противника.

Взглянемъ еще на это дѣло глазами талантливаго писателя г. Чичагова, извлеченія изъ сочиненія котораго намъ уже случалось приводить. По его мнѣнію, столкновеніе арміи, обладающей достаточной кавалеріей, съ противникомъ, лишеннымъ ея, можно сравнить съ борьбой между зрячимъ и слѣпымъ. Послѣдній, хотя бы онъ былъ и силенъ, всегда будетъ побѣжденъ. Поэтому и Улиссъ, желая побѣдить Циклопа, прежде всего лишилъ его зрѣнія. О взглядахъ и убѣжденіяхъ, существующихъ по поводу этого вопроса въ русской арміи, мы можемъ судить по только-что изданному сочиненію капитана Дубровина, у котораго мы находимъ слѣдующія соображенія относительно русской легкой конницы. По мнѣнію г. Дубровина, въ моментъ начала военныхъ дѣйствій она будетъ пущена впередъ какъ съ цѣлью развѣдокъ, такъ и для нападенія на непріятельскую кавалерію. Если она ее отбѣснитъ и достигнетъ рядовъ непріятельской пѣхоты, то уже съ этой минуты фронтъ противника не будетъ оставаться въ неизвѣстности. Кавалерія будетъ въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ авангардомъ непріятеля, будетъ охранять пути сообщенія, защищать фланги своей арміи и угрожать флангамъ непріятеля. Кромѣ того, ей придется исполнять многія иныя стратегическія задачи, но едва ли ей удастся проникнуть въ глубь позиціи непріятельскихъ войскъ. Здѣсь говорится,

разумѣется, только о кавалерійскихъ массахъ, потому что легкіе развѣзды, назначеніе которыхъ заключается въ томъ, чтобы исполнять свою задачу не вызывая перестрѣлки, могутъ и должны пробиваться сквозь линію непріятельскаго фронта, хотя слѣдуетъ прибавить, что и ихъ роль, вслѣдствіе многихъ нововведеній, окажется гораздо труднѣе прежняго.

Оцѣнка этихъ трудностей составила предметъ спора между спеціалистами, на мнѣніяхъ которыхъ мы должны нѣсколько остановиться.

Вліяніе бездымнаго пороха на тактику развѣдки неоспоримо. Въ сочиненіи полковника Б. ¹⁾ относительно сказаннаго вліянія мы встрѣчаемъ слѣдующіе рѣшительные приговоры. „Не подлежитъ сомнѣнію, что со введеніемъ бездымнаго пороха тактика рекогносцировокъ должна будетъ измѣниться существенно и что для спеціальной цѣли развѣдки мѣстности и численности войскъ кавалерія окажется несовсѣмъ пригодной. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ линію авангарда, правильно растянутую, съ цѣпью пикетовъ, разставленныхъ за возвышенностями, за деревьями, заборами и другими предметами, за которыми человекъ можетъ укрыться, но которые не мѣшаютъ ему самому видѣть и стрѣлять. Далѣе представимъ себѣ отрядъ кавалеріи, подвигающійся съ величайшей осторожностью на развѣдки именно этихъ авангардовъ. Какія свѣдѣнія онъ въ состояніи будетъ собрать о немъ? Въ лучшемъ случаѣ ему удастся опредѣлить приблизительно, съ какой стороны непріятель. Онъ не въ состояніи будетъ ни узнать, ни догадаться о разстояніи, съ котораго пули будутъ попадать въ него, ибо пули съ разстоянія въ 200 метровъ, въ 500, 1000 и гораздо болѣе одинаково сбиваютъ съ сѣдла людей. При новомъ оружіи нѣтъ никакого расчета подпускать непріятельскіе развѣзды на близкое разстояніе; напротивъ, полезнѣе всего начинать огонь съ самыхъ далекихъ разстояній. На 400 — 500 метровъ, пикетъ можетъ начинать стрѣльбу по коннымъ развѣздамъ, вовсе не рискуя, чтобы они его увидали.“

„Даже пѣхотный отрядъ лишь съ величайшимъ трудомъ можетъ исполнить задачу рекогносцировки. Во всякомъ случаѣ, онъ по крайней мѣрѣ скорѣе можетъ прикритыся за

¹⁾ Le colonel B. „La poudre sans fumée et ses conséquences“. 1890. Paris.

естественными неровностями почвы или выступающими надъ поверхностью ея предметами. Онъ можетъ проползти по такимъ мѣстамъ и тропинкамъ, куда не проникнетъ не только отрядъ кавалеріи, но и одинокій наѣздникъ“.

Въ виду этого, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ настоящее время успѣхъ рекогносцировокъ будетъ зависѣть не столько отъ многочисленности кавалеріи, сколько отъ ея степени развитія въ интеллектуальномъ отношеніи. Это замѣчаніе тѣмъ серьезнѣе должно быть принято во вниманіе, что уже во всѣхъ арміяхъ имѣется извѣстное число солдатъ, обученныхъ искусной стрѣльбѣ, которые, находясь въ передовой линіи авангарда, препятствуютъ непріятельскимъ рекогносцировкамъ и въ то же время исполняютъ развѣдочную службу.

До какой степени при нынѣшнемъ ружьѣ и бездымномъ порохѣ единичный солдатъ можетъ оказаться опаснымъ, поясняется на одномъ примѣрѣ изъ франко-германской войны, приводимомъ въ „Военномъ Сборникѣ“. „Баталіонъ французской пѣхоты, укрывшись за невысокой стѣной, окружавшей паркъ, велъ живую перестрѣлку съ отрядомъ баварцевъ. Одинъ изъ нихъ влѣзъ на дерево и изъ-за вѣтвей началъ стрѣлять въ французовъ, выбирая изъ нихъ жертву за жертвой по произволу. И только, когда дымъ его выдалъ, онъ былъ сбитъ съ дерева нѣсколькими залпами. Чтò бы могло быть, если бы вмѣсто одного искуснаго стрѣлка на деревѣ усѣлось бы ихъ нѣсколько и если бы они стрѣляли бездымнымъ порохомъ?“

Выводы изъ опытовъ, произведенныхъ на маневрахъ послѣдняго времени, уже послѣ введенія бездымнаго пороха, кажется, подтверждаютъ вышеприведенныя опасенія.

Составитель реферата, помѣщеннаго въ „Reichswehr“¹⁾, замѣчаетъ, что разсылка вѣстовыхъ и явка съ донесеніями должны будутъ прекратиться, какъ только войска будутъ вступать въ линію огня. Тогда для сообщеній останутся только телеграфъ, телефонъ и вѣстовыя собаки. Однако, проведеніе проволоки представляетъ свои неудобства, такъ какъ о нее спотыкаются люди и лошади, рвутъ ее и прерываютъ сообщеніе.

Стало бытъ, для добыванія свѣдѣній главными средствами останутся все-таки патрули и развѣзды. Но, какъ говоритъ профессоръ Ланглуа, патрули будутъ двигаться съ величайшей осторож-

¹⁾ „Kritische Beleuchtung der Schlussmanöve. 1891 bei Weidhofen an der Thaya“.

ностью и не всегда будутъ сообщать свѣдѣнія достаточныя, а иногда дадутъ извѣстія преувеличенныя, какъ то естественно въ виду опасности, которой мы не можемъ обнять. Развѣзды не захотятъ никогда признаться, что они отступали передъ незначительными частями, и все это будетъ вредить развѣдочной службѣ.

„Въ виду же недостаточности свѣдѣній, какія можетъ давать развѣдка, будущая война, вѣроятно, представитъ продолжительный періодъ вступительныхъ дѣйствій (*periode d'engagement*) каждой битвы. Обѣ стороны будутъ сперва дѣйствовать ощупью. А хотя рѣшительность командующаго можетъ ускорять рѣшающій моментъ — приведеніемъ непріятели въ смущеніе, по поговоркѣ *audaces fortuna juvat*, но не всегда, однако, одна смѣлость приводитъ къ успѣху“.

Можно допустить, что правда и здѣсь, какъ обыкновенно, отчасти на сторонѣ однихъ мнѣній, отчасти другихъ. Точнѣе всего представляетъ дѣло инструкція для пѣхоты, выработанная французскимъ техническимъ комитетомъ: „Кавалерія — говорится въ ней — можетъ добыть о расположеніи и силахъ непріятели лишь общія, приблизительныя свѣдѣнія (*sommairement*). Для сообщенія же подробныхъ и точныхъ данныхъ должна служить развѣдка, производимая пѣхотными частями“. На послѣднихъ маневрахъ кавалерію удаляли при достаточномъ приближеніи къ непріятелю, и дальнѣйшая развѣдка предоставлялась пѣхотѣ.

VI.

Участіе кавалеріи въ генеральныхъ сраженіяхъ.

И такъ, нѣкоторые авторы высказываютъ сомнѣніе въ томъ, чтобы впредь было столь же удобно, какъ прежде, пользоваться услугами кавалеріи для рекогносцировокъ. Но есть авторы, которые идутъ еще дальше и отказываютъ кавалеріи въ сколько-нибудь важномъ значеніи въ самыхъ битвахъ.

Для того, чтобы и здѣсь дать читателю возможность разобратъ среди мнѣній, взаимно противорѣчивыхъ, покажемъ сперва, какимъ образомъ роль кавалеріи въ бою опредѣляется въ уставахъ. „Въ то время, когда пѣхота уже развернулась, кавалерія сосредоточивается на одномъ изъ фланговъ пѣхоты, внѣ дѣйствія огня и остается въ сборѣ, такъ какъ при этомъ

главнокомандующему удобно бросить ее въ желаемомъ направленіи, смотря по ходу дѣйствій. При всѣхъ перемѣнахъ въ расположеніи, кавалерія слѣдуетъ за пѣхотой и зорко наблюдаетъ за наступленіемъ момента, чтобы принять участіе въ бою. Рѣшиться на это она должна и по собственному почину, такъ какъ еслибы она только ожидала приказаній, то дѣйствія ея, по бѣльшей части, оказались бы запоздавшими. Вотъ почему моментъ вмѣшательства кавалеріи въ бой, какъ для подкрѣпленія общаго натиска, такъ и для обороны тѣхъ или другихъ частей, долженъ зависѣть отъ быстрого и энергическаго почина самого начальника кавалеріи¹⁾.

Затѣмъ послушаемъ, что говорятъ противники выведенія на поле битвы кавалерійскихъ массъ. Одинъ изъ писателей этого направленія, капитанъ Нигò, пишетъ такъ: „Правда, что всѣ смотрятъ съ восторгомъ на лихія атаки, производимыя кавалеріею во время маневровъ, когда полкъ летитъ за полкомъ, какъ возрастающій потокъ, сносящій преграды. Среди этой несущейся впередъ массы мы различаемъ единичныя силуэты всадниковъ: со свѣщенной пикой, нагнутой головой и вытянутой шеей, они летятъ, какъ бы сросшись съ своими конями. Настоящій всеистребляющій ураганъ! Нѣтъ; при нынѣшнемъ оружій это—только обманчивый призракъ“.

„Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только бросить взглядъ на таблицу, представляющую результатъ батальоннаго огня по кавалеріи, идущей въ два ряда:

На 800 метровъ изъ 100 пухъ бьютъ	21
„ 700 „ „ „ „ „	25
„ 600 „ „ „ „ „	29
„ 500 „ „ „ „ „	35
„ 400 „ „ „ „ „	43
„ 300 „ „ „ „ „	53
„ 200 „ „ „ „ „	62
„ 100 „ „ „ „ „	62

Цифры эти краснорѣчивы. Изъ нихъ видно, что батальонъ изъ 800 людей однимъ залпомъ съ 300 метровъ сниметъ съ коней 424 всадника. А еслибы батальонъ, открывъ огонь съ 800 метровъ, продолжалъ его непрерывно до 100 метровъ, то онъ выбилъ бы изъ строя въ наступающей кавалеріи 2.656 чело-

¹⁾ „Règles générales pour l'emploi des trois armes dans le combat“
Bureau du chef d'Etat-Major général de l'armée italienne. Paris. 1891.

вѣкъ, то-есть былъ бы въ состоянїи уничтожить нѣсколько кавалерійскихъ полковъ, наступающихъ одинъ за другимъ“¹⁾).

Но съ такимъ взглядомъ согласны не всѣ военные писатели. Такъ, напр., одинъ авторъ обращаетъ вниманіе на то, что „кавалерія можетъ идти *строго* скорѣе пѣхоты, а потому второе же мѣнѣе подвержена опасности выстрѣловъ. И хотя кавалеріи угрожаетъ тройная вѣроятность пораженія коня или всадника, но быстрота ея движеній уравниваетъ это обстоятельство, и потому можно признать, что во время атаки кавалерія тратитъ отъ ружейнаго огня не болѣе людей, чѣмъ пѣхота“.

Полковникъ Вальтгоффенъ утверждаетъ даже, что кавалерія пройдетъ маршъ-маршемъ 500 метровъ (полверсты) въ одну минуту, а въ это время въ нее можетъ попасть не болѣе одной пули изъ 100. Можно, однако, предположить, что здѣсь есть нѣкоторое преувеличеніе лихаго наѣздника. Не надо быть военнымъ для уразумѣнія, что кавалерія не можетъ идти по неровной почвѣ, на неравнѣхъ силахъ коняхъ, въ сомкнутомъ строѣ, съ тяжелымъ снаряженіемъ—съ той быстротой, какая проявляется на скаковомъ полѣ. И дѣйствительно, иные специалисты опредѣляютъ всего въ 340 метровъ, а маршъ-маршемъ въ 440 дистанцію, какую можетъ прѣйти въ 1 минуту лошадь, находящаяся въ сомкнутомъ строѣ²⁾).

И такъ, мы стоимъ снова посреди двухъ взаимно-противорѣчащихъ взглядовъ и, конечно, не возьмемъ сами рѣшать спорнаго вопроса. Мы только позволимъ себѣ привести нѣкоторыя указанія опыта. Во Франціи дознано, что, стоя подъ огнемъ, кавалерія несетъ потери въ $2\frac{1}{2}$ —3 раза болѣе, чѣмъ тѣ, какія оказываются въ пѣхотѣ, при равныхъ числѣхъ и построеніи, и что поэтому кавалерія не можетъ оставаться неподвижно подъ огнемъ. Даже разѣзды не выдерживаютъ огня съ дистанціи кратчайшей, чѣмъ 800 метровъ, такъ какъ число раненыхъ тотчасъ оказывается въ 8 отъ залпа 100 ружей, между тѣмъ какъ въ пѣхотѣ при равныхъ условіяхъ выбываютъ изъ строя только 3 человѣка.

Вслѣдствіе того, во Франціи считается доказаннымъ, что

¹⁾ Capitaine L. J. Nigot. „Les grandes questions du jour“.

²⁾ Oméga. „L'art de combattre“.

Въ русской кавалеріи быстрота принимается:

шагомъ	—	въ	8,9	метра	въ	1	минуту.
рысью	—	„	213,3	„	„	„	„
галопомъ	—	„	284,4	„	„	„	„

во время битвы кавалерія должна будетъ держаться на разстояніи отъ непріятели не меньшемъ 3.500 метровъ и только подъ конецъ можетъ приблизиться, но не болѣе, чѣмъ на 1.000 метровъ, иначе она будетъ сметена огнемъ орудій и пѣхоты. И такъ, принявъ даже быстроту ѣзды въ 500 метровъ въ минуту, увидимъ, что кавалеріи потребовались бы 7 минутъ, а на ближайшемъ разстояніи, подъ конецъ битвы — 2 минуты, чтобы врубиться въ пѣхоту. Но въ эти минуты, при скорострѣльномъ оружіи, бездымности пороха и огромной массѣ, какую представляетъ конница для дѣйствія огня, ясно, что значительная часть снарядовъ должна попасть въ нее. А пусть только десятый всадникъ будетъ выбитъ изъ сѣдла, развѣ это не задержать натиска?

Подобные взгляды проявляются и въ германской арміи. Авторъ „Военныхъ очерковъ“ ¹⁾, — по слухамъ, прусскій генералъ, — утверждаетъ, что и по славнымъ преданіямъ семилѣтней войны за кавалерією еще остается обаяніе, которому уже давно не соотвѣтствуютъ реальныя условія, и что „германская армія беретъ на войну тысячъ на 30 — 40 кавалеріи лишней, рассчитанной на большія атаки, что происходитъ въ ущербъ огнестрѣльныхъ родовъ оружія, замедляетъ стратегическій сборъ арміи и затрудняетъ ея продовольствованіе“.

Но и защитники *quand même* кавалеріи не остаются въ долгу. „Дымъ пороха никогда не способствовалъ успѣхамъ кавалеріи; наоборотъ, ясность поля битвы позволить легче замѣчать, въ какомъ пунктѣ пѣхота слабѣетъ и въ который кавалерія должна ударить, чтобы рѣшить сраженіе“ ²⁾.

Другой нѣмецкій авторъ пишетъ: „До сего времени пѣхотные отряды потому только не содрогались и не разсыпались передъ ураганомъ кавалерійской атаки, что дымъ укрывалъ ее до послѣдней минуты. Но когда дыма на полѣ не станетъ, то впечатлѣніе отъ массоваго кавалерійскаго натиска будетъ столь сильно, что пѣхота станетъ стрѣлять гораздо хуже, а можетъ быть и просто не устоятъ“.

Во всѣ времена атаки на пѣхоту сопровождалась для кавалеріи

¹⁾ R. V. Militärische Essay's I Heft 1861. „Ueber den Werth der Cavallerie in den Kriegen der Neuzeit“ и въ недавно вышедшемъ IV Heft „Die Taktik der einzelnen Waffen“.

²⁾ „Wird das rauchschwache Pulver die Verwendbarkeit der Cavallerie beeinträchtigen?“. Berlin. 1890.

леріи большими потерями. Когда знаменитый прусскій кавалерійскій генераль Зейдлицъ при Цорндорфѣ, во время семилѣтней войны, атаковалъ русскую пѣхоту во второй разъ, то—говоритъ Вальтгоффенъ— „онъ потерялъ 21 процентъ своей кавалеріи, а именно изъ 61 эскадрона (7.000 коней) лежали на мѣстѣ, черезъ часъ, 78 офицеровъ и 1.267 нижнихъ чиновъ... Построенныя въ 12 рядовъ массы русской пѣхоты приняли атакующую кавалерію такъ, что первые ряды, ставъ на колѣна, встрѣтили ее штыками, а ружейный и артиллерійскій огонь били въ кавалерію опустошительно и *цѣлыя ряды* лихой конницы ложились при приближеніи, вслѣдствіе чего въ ней началось колебаніе. Но Зейдлицъ, вождь рѣшительный и знавшій своихъ всадниковъ, командовалъ еще разъ— „маршъ-маршъ!“ , и русская пѣхота была раздавлена, изрублена, такъ какъ русскіе слагали оружіе только умирая“.

„Какъ во времена Зейдлица, такъ и въ будущемъ—продолжаетъ тотъ же авторъ—кавалерія, если она собрана въ достаточной силѣ, поведена съ сознаниемъ цѣли и безъ оглядки, въ вѣрно избранный моментъ, пройдетъ истребительнымъ потокомъ по ошеломленному непріятелю, но только подъ однимъ условіемъ: кавалерія *должна* быть глубоко убѣждена, что ея натискъ непреодолимъ... что нынѣ, какъ и въ давнія времена, ничто ему противостоять *не можетъ*, что она рѣшитъ битву, если того *захочетъ*, если готова на всѣ жертвы...“

„Кавалерія никогда не должна слишкомъ долго выжидать, иначе она ударитъ слишкомъ поздно... Она получаетъ приказаніе отъ главнокомандующаго, но затѣмъ отъ нея самой зависитъ выбрать моментъ для атаки“. Это вполне согласно съ приведеннымъ нами выше итальянскимъ уставомъ. Вальтгоффенъ прибавляетъ: „французскій уставъ выражается вполне справедливо, что для начальника кавалеріи, изъ всѣхъ ошибокъ какія онъ можетъ совершить, одна только представляется позорной—бездѣйствіе“ ¹⁾.

Нѣтъ недостатка въ подобныхъ взглядахъ и у авторовъ французскихъ. „Битва—пишетъ одинъ изъ нихъ—это нынѣ болѣе всего—борьба огнестрѣльнымъ оружіемъ. Продолжаясь въ теченіе часовъ на одномъ мѣстѣ, она не можетъ, наконецъ, не разстроить войскъ. Съ обѣихъ сторонъ много офицеровъ

¹⁾ Oberst v. Walthoffen. „Die Cavallerie in dem Zukunftskriege“. Rathenow. 1891.

выбыли изъ строя, многія команды, предоставленныя самымъ себѣ, держатся уже только качествами своихъ солдатъ. Части, выдвинутыя впередъ, продолжаютъ бой до потери силъ, а интервалы, образующіеся среди нихъ подъ огнемъ, заполняются резервами. Подъ конецъ, боевая линія представляетъ смѣсь разныхъ полковъ и разныхъ родовъ оружія, и смѣшеніе это все увеличивается, ведетъ къ разстройству, по мѣрѣ истощенія силъ и убыли въ офицерахъ. Вотъ въ такой-то моментъ слѣдуетъ немедленно бросить на непріятеля массу кавалеріи; моментъ обозначается колебаніемъ, которое обозначилось въ линіи непріятеля. И тогда будетъ все равно, что такое въ рукахъ у дрогнувшей пѣхоты—магазинки ли, или кремневыя ружья, или просто вилы¹⁾.

Мнѣніе свое авторъ подкрѣпляетъ примѣрами изъ войнъ въ Алжиріи и ссылается на отзывъ генерала Драгомирова объ извѣстномъ случаѣ уничтоженія англійскихъ карре зулусами при Таманіе.

Но именно самый ходъ битвы таковъ, что всего труднѣе угадать тотъ моментъ, которымъ кавалерія могла бы воспользоваться съ успѣхомъ. Фонъ-деръ-Гольцъ, котораго сочиненіе „Das Volk in Waffen“²⁾ мы много разъ цитировали и которое только-что вышло 4-мъ изданіемъ, справедливо замѣчаетъ: „правда, что каждая битва представляетъ такіе эпизоды, но ихъ легче замѣтить въ своихъ войскахъ, чѣмъ въ рядахъ непріятеля при нынѣшнихъ отдаленіяхъ. Затѣмъ бываетъ, что истощеніе представляется въ преувеличенномъ видѣ. Въ войну 1870 года французскіе кавалерійскіе отряды не разъ доблестно бросались на разрозненную германскую пѣхоту, но гибли отъ огня даже небольшихъ частей. Дѣйствіе ружейнаго огня или шрапнелей на ту массу, какую представляетъ кавалерія, слишкомъ сильно...“

Авторъ поясняетъ далѣе, что колебаніе въ рядахъ противника можетъ быть примѣчено только съ передовой цѣпи стрѣлковъ, а пока на основаніи того, что въ ней замѣчено, отдано будетъ приказаніе и кавалерія двинется, благоприятный для атаки моментъ можетъ быть упущенъ. Движеніе же кавалерійской массы всегда замѣтно по поднимаемой ею пыли, и всѣ выстрѣлы непріятеля обращаются на эту массу. Артиллерія мо-

¹⁾ „La cavalerie et l'artillerie en face de l'armement actuel de l'infanterie“. Paris. 1892.

²⁾ Berlin. 1891.

жетъ бить въ нее съ самыхъ дальнихъ разстояній, ружейный огонь даже при 600 метрахъ еще не изгибается вверхъ отъ прямой линіи настолько, чтобы въ какомъ-либо пунктѣ всадникъ на конѣ былъ совсѣмъ безопасенъ отъ выстрѣловъ. Нынѣшнія лошади сильнѣе и лучше приспособлены къ быстрой ѣздѣ, чѣмъ тѣ, какія были въ семилѣтнюю войну, но это улучшеніе далеко не сравнится съ тѣми успѣхами, какіе съ тѣхъ поръ достигнуты въ дальнобойности и быстротѣ огня.

„Сверхъ того — продолжаетъ авторъ — въ прежнее время способность пѣхоты къ продолженію боя бывала сломлена, какъ только разрывался сомкнутый строй; теперь же она прямо и начинается битву въ разсыпномъ строѣ. Каждая отдѣльная команда составляетъ годную для боя единицу, а даже и единичный солдатъ не теряется, пока у него остались патроны. Такимъ образомъ, отношеніе между пѣхотою и кавалеріей совершенно измѣнилось. Зейдлицъ, Цитенъ, Дризенъ, Гесслеръ могли держать свои эскадроны въ 800 шаговъ отъ непріятеля, выскакивали сами лично еще на половину этого разстоянія и могли видѣть ясно моментъ колебанія въ ливіяхъ. Тогда оставалось только врубиться въ пѣхоту въ одномъ мѣстѣ и затѣмъ охватить кругомъ всю боевую линію. Теперь успѣхъ безъ всякаго сравненія труднѣе“.

Даже послѣ того, какъ кавалерія ворвется въ пѣхотныя линіи, пѣхота еще не парализована, а только приостановленъ огонь передовыхъ частей; затѣмъ, скрываясь поднятой пылью, кавалерія, повторяя атаки, идетъ дальше. Мѣстность изрѣзанная, холмистая благоприятствуетъ внезапности ея появленія, но все это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ уравновѣситъ то преимущество, какое даетъ пѣхотѣ ея огонь.

Тотъ же авторъ замѣчаетъ еще, что напрасно думаютъ довести кавалерію до того, чтобы она давала себя перестрѣлять, какъ то бываетъ съ пѣхотой; онъ объясняетъ, что и пѣхота при отчаянномъ положеніи ускакала бы, еслибы имѣла лошадей. „Геройское ея упорство въ сопротивленіи — говоритъ онъ — возбуждающее наше удивленіе, происходитъ иногда просто оттого, что ей ничего не остается дѣлать, какъ защищаться; иначе она пропала. Ускакать на конѣ отъ почти вѣрной смерти — это для человѣческаго чувства представляется столь естественнымъ, что мы бѣгство на конѣ считаемъ гораздо менѣе постыднымъ, чѣмъ бѣгство на своихъ ногахъ“.

Опытъ ближайшихъ войнъ, повидному, даетъ больше до-

водовъ тѣмъ авторамъ, которые сомнѣваются, чтобы кавалерія могла имѣть большое значеніе въ битвахъ. Генераль Куропаткинъ ¹⁾, описывая дѣйствія русскихъ войскъ подъ Плевной, находить, что и кавалерія, и артиллерія не оказали пѣхотѣ надлежащей помощи. Кавалеріи было много, но ее разбрасывали и давали ей несоотвѣтственное назначеніе, между тѣмъ какъ даже рекогносцировка и поддержаніе связи между частями исполнялись ею въ недостаточной степени. Тотъ же авторъ признаетъ, однако, что совсѣмъ отказаться отъ кавалерійскихъ атакъ, особенно эскадронныхъ или полковыхъ, нельзя.

Генераль Куропаткинъ, который вообще нѣсколько критически относится къ дѣйствіямъ кавалеріи, приводитъ, однако, подвиги кавалеріи подъ Ловчею, гдѣ она атаковала пѣхоту и взяла шанцы, и въ критическій моментъ, 11 августа, на Шипкѣ, когда двѣ сотни казаковъ спѣшились и отослали лошадей въ Грабово за стрѣлками, а сами, вмѣстѣ съ Орловскимъ полкомъ, задержали прорывъ турокъ, поддержанные горною батареей, пока прибытіе на казачьихъ лошадяхъ стрѣлковъ не позволило русскому отряду перейти въ наступленіе. Но въ общемъ, дѣйствія кавалеріи были слабы, она „какъ бы боялась встрѣчь съ пѣхотой“. Мы не можемъ отнести этого къ недостатку мужества, такъ какъ составъ всѣхъ частей русской арміи почти однороденъ, а пѣхота представила примѣры сопротивленія послѣ выбитія изъ строя 40, даже 75 процентовъ (въ нѣкоторыхъ ротахъ подъ Плевной 30 и 31 августа), т. е. троекъ солдатъ изъ четырехъ. Нѣтъ причины допускать, чтобы и въ кавалеріи былъ духъ иной.

Можно спросить, не сказывалось ли въ данномъ случаѣ въ кавалеріи, въ виду скорострѣльнаго турецкаго оружія, сознаніе въ бесплодности конныхъ атакъ? При этомъ можно привести отзывъ самого генерала Куропаткина, что войска иногда не идутъ не потому, что считаютъ себя недостаточно сильными числомъ и не вслѣдствіе потерь, ими уже понесенныхъ, но— въ виду потерь ожидаемыхъ. Поэтому, представляется естественнымъ, что передъ массою турецкаго огня, кавалерія, которая не могла ни припасть на колѣно, ни прилечь на землю, ни укрыться за мелкими неровностями, а подвергалась открытой

¹⁾ По мѣсту изъ донесенія, приводимому въ книгѣ капитана Сентъ-Шапель: „Les tendances actuelles de la cavalerie russe“. Paris. 1886.

массой выстрѣламъ, выказывала менѣе увѣренности въ себѣ, чѣмъ пѣхота.

Впрочемъ, и германская кавалерія въ войну 1870 года не имѣла большаго боеваго значенія. Потери пѣхоты въ той войнѣ выразились въ 17,6% всего состава, а потери кавалеріи только въ 6,3%. Потери же въ корпусѣ офицеровъ были: въ пѣхотѣ 11,1%, въ кавалеріи 3,7%. Иными словами, въ пѣхотѣ подвергались опасности солдаты *втрое*, а офицеры больше, чѣмъ втрое, нежели въ кавалеріи.

Авторы-спеціалисты не всѣ согласны и въ томъ, слѣдуетъ ли предпочитать массовыя атаки кавалеріи или атаки меньшихъ ея отрядовъ. Высказывается мысль, что, при раздѣленіи кавалеріи на меньшіе отряды, для каждаго изъ нихъ будетъ легче высмотрѣть удобный случай для атаки и прикрываться до нея. Но другіе признаютъ, что если нужна атака, то она должна быть возможно сильная, массовая, и ея не замѣнять единичныя дѣйствія малыхъ отрядовъ, какъ самыя разнообразныя закуски не составляютъ обѣда.

VI.

Реквизиція и общіе выводы.

Важнѣе, чѣмъ когда-либо, представляется нынѣ задача кавалеріи по снабженію арміи продовольствіемъ. Еще Монтекукулли сказалъ, что „голодъ страшнѣе желѣза, а недостатокъ въ припасахъ погубилъ болѣе армій, чѣмъ самыя битвы“. На трудность по продовольствованію армій слышались жалобы и въ давнія времена. Такъ Фридрихъ Великій писалъ: „Сколько требуется трудовъ, чтобы собрать, содержать и двигать нынѣшнія многочисленныя арміи! Это — народныя сонмы, идущіе на завоеваніе... Самые блестящіе планы полководца окажутся призрачными, если онъ заранѣе не обезпечилъ продовольствованія своихъ солдатъ“. Тѣ народныя сонмы, о которыхъ говорилъ Фридрихъ, представляются горстями полковъ въ сравненіи съ несмѣтными массами, какія выступаютъ на войну въ наше время. „Подрядчики будутъ иногда не въ состояніи удовлетворять безусловную, спѣшную потребность, а при быстрыхъ передвиженіяхъ войскъ невозможно приобрѣтать при-

пасы непосредственно покупкой. И такъ, окажется необходимость прибѣгать къ реквизиціямъ“¹⁾).

Задача собирать реквизиціоннымъ путемъ нужные для арміи припасы, повозки, лошадей, сукно, инструменты, лѣкарства, деньги будетъ лежать, главнымъ образомъ, на кавалеріи. Она, сверхъ того, имѣетъ и сама тѣ же нужды.

Въ войну 1870 года, благодаря богатству занятаго края, германская кавалерія не нуждалась въ фуражѣ и продовольствіи. Подъ Парижемъ она продовольствовалась отчасти окрестными сборами, отчасти фуражировкой въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Кавалерія, въ составѣ 136 эскадроновъ, при 18.360 лошадяхъ, двинутая на Луару и къ юго-западу, все время продовольствовалась сама, находя къ тому средства въ богатой провинціи Веаусе. То же самое было и съ 32 эскадронами при 4.320 лошадяхъ, двинутыми въ сѣверные департаменты. Подъ Парижемъ приходилось продовольствовать 10.530 лошадей и 318.000 человѣкъ осаждающей арміи²⁾).

Но то были исключительныя обстоятельства, обусловленные богатствомъ Франціи. Въ иныхъ странахъ, болѣе бѣдныхъ или такихъ, гдѣ населеніе можетъ оказать большее сопротивленіе, задача окажется гораздо труднѣе. Кавалерія, идя впереди арміи, должна будетъ понуждать жителей къ сбору, заготовленію, даже выработкѣ всѣхъ необходимыхъ предметовъ и оставаться въ такихъ пунктахъ до прибытія авангарда пѣхоты. Исполненіе этой задачи требуетъ большой сообразительности и далеко не безопасно, такъ какъ кавалерія должна будетъ высылать мелкіе отряды въ разныя стороны, а организациа особыхъ отрядовъ стрѣлковъ для дѣйствія противъ набѣговъ кавалеріи затруднить ихъ задачу. Гражданское населеніе страны, въ свою очередь, будетъ подвергаться гораздо большимъ потерямъ и опасности, чѣмъ въ былыя войны.

Къ самому вопросу о продовольствованіи мы еще возвратимся; въ этомъ же мѣстѣ для насъ было достаточно только указать на роль кавалеріи въ этомъ отношеніи, — роль, въ которой нѣкоторые писатели видятъ даже едва-ли не главное назначеніе кавалеріи въ войнахъ будущаго.

¹⁾ Général Leval. „Etudes de guerre. Tactique de ravitaillement“.

²⁾ Oberst Köhler Anti R. V. „Untersuchungen über den Werth der Cavallerie in den Kriegen der Neuzeit“.

Несмотря на трудности, какія представляетъ нынѣ употребленіе кавалеріи въ бою, необходимость кавалеріи признается всѣми. Даже тѣ авторы, которые относятся скептически къ боевой роли кавалеріи, не отвергаютъ, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, за нею остаются первостепенныя задачи. Но нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, справедливо правило, высказанное Наполеономъ, что „кавалерія должна имѣть кадры болѣе многочисленныя и лучше обученныя, чѣмъ въ иныхъ родахъ оружія“. Болѣе, чѣмъ прежде, требуется нынѣ отъ кавалеріи быстроты въ починѣ и настойчивости въ исполненіи предпринятаго.

И такъ, при самомъ началѣ войны, когда все зависитъ отъ скорости концентраціи войскъ и безпрепятственности ихъ движеній, кавалерія будетъ служить для этого какъ бы предохранительной сѣткой. Кавалерія откроетъ военныя дѣйствія. Она первая перейдетъ границу и предприметъ набѣги, съ цѣлью затруднять мобилизацію непріятели и мѣшать его концентраціи. Эти набѣги, кромѣ экономическихъ послѣдствій для занимаемой страны, произведутъ еще то, что непріятель будетъ вынужденъ ускорить рѣшительныя дѣйствія, отступивъ отъ первоначальнаго плана, что, въ свою очередь, повліяетъ и на порядокъ дѣйствій наступающаго. Штабы обѣихъ сторонъ не въ состояніи предвидѣть тѣхъ случайностей, какія могутъ при этомъ произойти.

Далѣе, хотя нынѣшнія условія уже затрудняютъ рекогносцировочную дѣятельность кавалеріи, но эта дѣятельность все-таки, въ значительной мѣрѣ, останется при разбѣздахъ.

Наконецъ, забота объ обезпеченіи арміи припасами и удовлетвореніи всякаго рода потребностей арміи въ непріятельской странѣ будетъ лежать хотя не исключительно, но все-таки главнымъ образомъ на обязанности кавалеріи.

Главный факторъ битвы — огонь отдастъ, конечно, главную роль въ битвахъ пѣхотѣ и артиллеріи; но это не исключаетъ случаевъ, что кавалерія будетъ имѣть возможность успѣшно атаковать пѣхоту въ битвѣ. Сверхъ того, она окажетъ услуги неожиданнымъ нападеніемъ на части, находящіяся въ маршевомъ порядкѣ или сопровождающія транспорты и обозъ. Еще Маврикій Саксонскій сказалъ: „атакованные врасплохъ, люди теряются—таковъ общій законъ войны“.

Нѣкоторое значеніе можетъ имѣть кавалерія также въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ понесла чувствительное по-

раженіе. Тогда кавалерія, которая во время битвы держалась въ сторонѣ, окажетъ услуги каждой изъ сторонъ: безъ нея, побѣждающій не могъ бы достаточно воспользоваться своимъ успѣхомъ, а побѣжденный не имѣлъ бы чѣмъ въ первый моментъ прикрыть свою отступающую армію.

Такимъ образомъ, дѣйствія кавалеріи, по отзыву специалистовъ, начинаютъ битвы, а вѣроятно будутъ впредь ихъ и заканчивать. Это обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что нынѣ высказываются сильныя сомнѣнія насчетъ самой рѣшительности будущихъ битвъ. Путь предвидѣннаго отступленія будетъ, вѣроятно, обезпеченъ защитами, да и передъ самымъ отступленіемъ возможно будетъ набросать новые шанцы, гдѣ нужно. Разбитая армія займетъ ближайшія позиціи и будетъ стараться дать снова отпоръ наступающему противнику, тѣмъ болѣе, что при штурмѣ прежнихъ позицій онъ долженъ былъ понести еще большія потери, чѣмъ побѣжденный и сходящій съ поля. Сверхъ того—и это главное—самая обширность поля битвы, при отстояніи позицій на нѣсколько верстъ, соотвѣтственно дальности современныхъ орудій, дастъ отступающему возможность стянуть подкрѣпленія и прикрыться ими.

Изъ всего сказаннаго видно, что роль кавалеріи остается весьма важною; проф. генераль Лееръ высказываетъ въ своей „Прикладной тактикѣ“ такое убѣжденіе, что главнымъ условіемъ успѣха при началѣ войны представляется многочисленность хорошей кавалеріи, вполне мобилизованной еще во время мира.

Но для того, чтобы кавалерія могла вполне удовлетворительно исполнить свое назначеніе, ей необходимо имѣть отборныхъ офицеровъ и искусныхъ вождей. Изъ всего, что нами приводилось, явствуетъ первенствующее значеніе, какое приобрѣтаютъ, при сложномъ составѣ и многоразличныхъ свойствахъ современнаго военнаго механизма, не только искусное предводительство всѣми силами и большими отрядами, но и опытное, умѣлое руководство мелкими частями.

Мы оставляемъ въ сторонѣ второстепенные вопросы о различіяхъ въ кавалерійскомъ вооруженіи, въ достоинствахъ лошадей, въ устройствѣ сѣдла и т. п. Въ общей совокупности, часть матерьяльная окажется, по всему вѣроятію, во всѣхъ арміяхъ на равной высотѣ. Все будетъ зависѣть отъ умѣнья ею воспользоваться на дѣлѣ. Изъ повседневнаго быта мы знаемъ, что плохой работникъ исполнить работу неудовлетворительно,

хотя бы у него въ рукахъ были наилучшіе инструменты, а работникъ умѣлый и развитый можетъ создать превосходную вещь и съ менѣе совершенными приборами.

Такъ и кавалеріи нужны вполне выработанные, умѣлые офицеры; особенно же нуждаются въ такихъ офицерахъ части казачьи, въ которыя отчасти входятъ элементы менѣе развитые (въ восточныхъ войскахъ), причѣмъ самый порядокъ службы казаковъ въ мирное время не вырабатываетъ среди нихъ достаточнаго числа долго и постоянно служившихъ урядниковъ, могущихъ въ будущей войнѣ заступать мѣсто высшихъ, выбывшихъ изъ строя, чиновъ.

И. БЛОХЪ.

241.
581

5

ТОЛКОВАНИЕ

БУДУЩАЯ ВОЙНА,

ея экономическія причины и послѣдствія ¹⁾).

I.

Дѣйствія артиллеріи.

Уже во время войны 1870 года, т. е. до изобрѣтенія бездым-наго пороха и новаго ружья, дѣйствительность и могущество ружейнаго огня неоднократно проявились въ такой мѣрѣ, что коммисія, призванная для пересмотра военныхъ инструкцій во французской арміи, основываясь именно на опытѣ войны 1870 года, пришла къ слѣдующему заключенію: „принимая во вниманіе увеличившееся могущество огня пѣхоты, атака противъ засѣвшей пѣхоты, даже подготовленная предварительнымъ дѣйствіемъ артиллеріи, можетъ оказаться безуспѣшной“.

Если сомнительной могла казаться вѣроятность успѣха атаки съ фронта при оружіи, употреблявшемся въ 1870 году, то эта вѣроятность должна была еще умалиться со времени введенія нынѣшняго оружія, мѣткость, разрушительная сила и скорострѣльность котораго подверглась уже дальнѣйшему усовершенствованію. Авторъ извѣстнаго сочиненія „L'artillerie de l'avenir“ говоритъ, что пѣхоту, вполне владѣющую искусствомъ защищаться, можно было бы считать непобѣдимую, даже въ томъ случаѣ, если бы въ ея распоряженіи находилось лишь половинное число ружей.

Когда, слѣдовательно, выбить пѣхоту изъ укрѣпленной позиціи оказывается невозможнымъ при посредствѣ одного ружейнаго огня, приходится прибѣгнуть къ помощи артиллеріи.

¹⁾ См. „Р. В.“ кн. 6-я 1893 г.

Успѣшное же дѣйствіе послѣдней при дальнобойности нынѣшнихъ орудій будетъ зависѣть оттого, насколько она не встрѣтитъ препятствія со стороны артиллерійскаго огня противника.

Такимъ образомъ съ самаго начала каждаго сраженія артиллерія обѣихъ воюющихъ сторонъ окажется выдвинутою на первый планъ въ силу необходимости абсолютной, почти математической.

Артиллерія наступающей стороны начнетъ свои дѣйствія съ того, что постарается уничтожить или по крайней мѣрѣ ослабить дѣйствіе артиллеріи противника, послѣ чего уже будетъ въ состояніи обратиться и противъ его пѣхоты. Это обстоятельство логически приводитъ къ необходимости имѣть многочисленную артиллерію въ первой линіи, для атаки и обороны. Необходимость эта одинакова для обѣихъ сторонъ.

Вотъ почему количество и качество вывезенныхъ въ поле орудій въ высокой степени повліяетъ на судьбу отдѣльныхъ битвъ и тѣмъ самымъ обусловитъ продолжительность и исходъ всей кампаніи.

1.

Измѣненія въ численности артиллеріи.

Прогрессивное направленіе нашего вѣка, казалось бы, давало право полагать, что съ теченіемъ времени все сильнѣе въ войнѣ проявится стремленіе къ употребленію орудій, какъ механизмовъ, требующихъ (особенно при настоящемъ ихъ совершенствѣ) меньшаго числа людей для управленія ими, и что такимъ образомъ орудія все болѣе и болѣе въ сраженіяхъ станутъ замѣнять пѣхоту, употребленіе которой всегда сопровождается значительнымъ расходомъ наиболѣе цѣннаго изъ военныхъ матеріаловъ—людей ¹⁾).

Между тѣмъ въ послѣднее время мы замѣчаемъ явленіе прямо противоположное. Въ періодъ 1853—1874 гг. число орудій въ общемъ составѣ главныхъ европейскихъ армій увеличилось на 88%⁰, тогда какъ съ 1874 по 1891 г. приростъ этотъ сократился до 38%⁰. Количество же пѣхоты въ тѣ же періоды времени представляетъ отношеніе—прямо обратное, такъ какъ приростъ пѣхоты увеличился съ 24%⁰ до 54%⁰.

¹⁾ Потери нѣмецкой арміи въ 1870 г. составляли въ пѣхотѣ 17,6%, въ артиллеріи всего 6,5%.

Обращаясь въ частности къ измѣненіямъ, послѣдовавшимъ въ этомъ смыслѣ въ различныхъ государствахъ, и введя отдѣльно, для большой рельефности 1884 годъ, мы получимъ (принимая въ нашихъ расчетахъ число орудій 1874 года за 100) слѣдующія цифры для опредѣленія сравнительной численности артиллеріи:

	Число орудій военнаго положенія.			Процентное отношеніе.		
	1874.	1884.	1891.	1874.	1884.	1891.
Россія	3604	3769	3992	100	104	110
Франція.	2328	4410	4576	100	189	195
Въ обоихъ госуд.	5932	8179	8568	100	138	144
Германія	2658	2998	3598	100	113	135
Австрія	1784	1580	2072	100	88	116
Въ обоихъ госуд.	4442	4578	5670	100	103	128
Италія	1120	1532	1624	100	136	145
Всего въ государст. тройственного союза	5562	6110	7294	100	110	131
Турція	804	1152	1176	100	143	146
Во всѣхъ 6-ти госуд.	12293	15441	17038	100	125	138

Отсюда мы видимъ, что общее число орудій шести континентальныхъ державъ въ теченіе 17 лѣтъ увеличилось на 4.740 или, другими словами, средній годичный приростъ ихъ въ этотъ періодъ составлялъ около 2 $\frac{1}{2}$ %. Но изъ этого количества въ теченіе перваго десятилѣтія (1874—1884 гг.) численность орудій возрасла на 3.143, что составляетъ по 2,5 $\frac{1}{2}$ % въ годъ. Поэтому, въ остальные 7 лѣтъ увеличеніе числа пушекъ равнялось 1.597, что составляетъ всего 1,4 $\frac{1}{2}$ % въ годъ.

Въ частности мы находимъ, что Россія въ 1874 г. обладала большимъ числомъ орудій, чѣмъ каждое изъ прочихъ государствъ, но затѣмъ приростъ этого числа шелъ медленнѣе, такъ что въ 10 лѣтъ онъ достигъ всего 4,6%. Это въ 5 $\frac{1}{2}$ разъ меньше, чѣмъ общій приростъ въ тотъ же періодъ времени. Въ слѣдующія затѣмъ 7 лѣтъ число орудій въ Россіи увеличивается сравнительно больше (6%), но не превышая размѣровъ такового же прироста въ сосѣднихъ государствахъ.

Вышеприведенныя цифры получаютъ должное освѣщеніе только при сопоставленіи ихъ съ измѣненіями, происшедшими съ пѣхотой.

Мы уже выше сказали, что вообще увеличеніе числа ружей шло гораздо быстрѣе, чѣмъ увеличеніе числа орудій. Явленіе это одинаково замѣчалось во всѣхъ континентальныхъ арміяхъ. Такимъ образомъ численность орудій при военномъ положеніи на каждыя 100.000 солдатъ составляла:

Число орудій на 100.000 солдатъ.			
	1874 г.	1884 г.	1891 г.
въ Россіи	21	16	12
во Франціи	13	23	12
въ Германіи	20	18	12
„ Австріи	16	15	10
„ Италіи	13	20	10
„ Англіи	8	—	11
„ Турціи	14	19	13

Это показываетъ, что въ настоящее время главное увеличеніе военныхъ силъ приходится на долю—не орудій, но пѣхоты.

Гдѣ скрывается причина такого противорѣчія съ общимъ направленіемъ XIX вѣка? Въ связи ли она съ новѣйшимъ прогрессомъ военного искусства и основами будущей тактики? Или, быть можетъ, причину эту нужно искать въ затруднительности пріисканія нужныхъ для увеличенія артиллеріи денежныхъ средствъ?

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что законодательныя собранія гораздо болѣе склонны разрѣшать, на случай войны, правительствамъ призывъ болѣе многочисленныхъ резервистовъ, чѣмъ ассигновать немедленно кредиты на покупку новыхъ пушекъ, лошадей и иные расходы, сопряженные съ увеличеніемъ артиллеріи, ибо въ первомъ случаѣ предстоятъ жертвы условныя, тогда какъ во второмъ дѣло идетъ о неотложныхъ расходахъ.

Предположеніе наше станетъ еще болѣе доказательнымъ, если обратимся къ дѣйствию артиллеріи на полѣ битвы.

2.

Вліяніе бездымнаго пороха на тактику артиллеріи.

Выше, говоря о бездымномъ порохѣ, мы уже поставили на видъ свойство этого пороха, благодаря которому дымъ отъ него не можетъ быть замѣтенъ на обыкновенныхъ разстояніяхъ пушечнаго выстрѣла.

Прежній порохъ, съ момента открытія огня, ясно обозначалъ мѣсто, откуда шли выстрѣлы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя прикрывалъ отъ глазъ противника самихъ стрѣлявшихъ, но тѣмъ не менѣе на каждомъ полѣ сраженія линія дыма составляла цѣль для направленія непріятельскаго огня. Однимъ словомъ, въ каждый данный моментъ боевыя линіи обрисовывались и опредѣлялись видимымъ дымомъ.

Со введеніемъ новаго пороха, такое опредѣленіе сдѣлалось невозможнымъ. Остаются заключенія о направленіи выстрѣловъ при помощи слуха, но, по мнѣнію специалистовъ, опредѣленія по слуху ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить прежняго ориентированія посредствомъ зрѣнія.

Однако не всѣ писатели придають особенное значеніе разницѣ, какая произойдетъ на полѣ битвы вслѣдствіе отсутствія на немъ дыма.

Находятся и такіе авторы, которые утверждаютъ, что всѣ мнѣнія о вышесказанной разницѣ, какъ исключительно почерпнутыя изъ теоріи и не подтвержденныя практикой, могутъ еще оказаться ошибочными. Хотя въ дѣйствительности дымъ отъ бездымнаго или точнѣе сказать—малодымнаго пороха не виденъ на разстояніи, но его замѣняетъ огненный столбъ сгорающихъ газовъ, послѣ cadaго выстрѣла видимый на большомъ разстояніи еще яснѣе, чѣмъ при прежнемъ порохѣ. По блеску этихъ огней можно съ точностью опредѣлить, почти съ трехверстнаго разстоянія, не только позицію артиллеріи, но и число орудій. Такимъ образомъ, говорятъ они, несмотря на бездымность новаго пороха, каждый пушечный выстрѣлъ дѣлается доступнымъ наблюденію по-прежнему, съ тою лишь разницею, что при прежнемъ порохѣ позицію непріятельской артиллеріи опредѣляли при посредствѣ облака дыма, а теперь ее опредѣляютъ огненные столбы, появляющіеся при каждомъ выстрѣлѣ. Но если батарея будетъ установлена за прикрытіемъ—что не только вполне возможно, но и въ большинствѣ случаевъ дѣлается, то эти признаки огня исчезнутъ.

Во всякомъ случаѣ, со времени введенія бездымнаго пороха, сдѣлалось гораздо затруднительнѣе, даже на маневрахъ, распознавать движенія войскъ и, слѣдовательно, отличать своихъ отъ противника ¹⁾).

Равнымъ образомъ, новый порохъ весьма затруднитъ и при-

¹⁾ Charles Dilke: „Les armées françaises“.

цѣливаніе. Какъ уже мы показали, говоря объ орудіяхъ и снарядахъ, мѣткость выстрѣловъ всегда была въ зависимости отъ того, насколько артиллерія была въ состояніи, по взрыву брошенныхъ снарядовъ, руководствоваться въ дѣлѣ пристрѣливанія, т. е. имѣла возможность опредѣлять правильность наводки орудій. Въ этомъ отношеніи нынѣшній порохъ не даетъ никакихъ указаній. Дѣлались опыты стрѣльбы снарядами, наполненными обыкновеннымъ порохомъ, съ тѣмъ чтобы, послѣ предварительныхъ пробныхъ выстрѣловъ, перейти къ стрѣльбѣ снарядами бездымными. Такого рода опыты были, между прочимъ, произведены и на прошлогоднихъ красносельскихъ маневрахъ. Не возка съ собою различныхъ снарядовъ составить новое осложненіе.

Надо еще замѣтить, что примѣненіе бездымнаго пороха измѣнило къ худшему условія безопасности артиллерійской прислуги. Въ прежнее время, благодаря густому дыму, она оставалась невидимой. Правда, пушечный дымъ препятствовалъ прицѣливанію, но въ то же время онъ мѣшалъ непріятельскимъ стрѣлкамъ и прицѣливаться въ прислугу. Между тѣмъ, въ настоящее время, хотя бездымный порохъ и производитъ при стрѣльбѣ изъ орудій сравнительно больше дыма, чѣмъ ружейный огонь¹⁾, но этотъ дымъ исчезаетъ почти вслѣдъ за выстрѣломъ, и артиллерійская прислуга ничѣмъ не будетъ прикрыта противъ мѣткости непріятельскаго огня.

При стрѣльбѣ бездымнымъ порохомъ, непріятельскіе стрѣлки имѣютъ полную возможность, приблизившись къ батарее противника и укрываясь за неровностями почвы, перебить всю прислугу и всѣхъ лошадей артиллеріи. Поэтому, дѣйствіе артиллеріи съ близкихъ разстояній, а именно до 1.000 метровъ, стало почти невозможнымъ, и артиллерія на разстояніяхъ даже болѣе далекихъ (до 2.400 метровъ) легко можетъ быть парализована пѣхотой. Только при разстояніяхъ свыше 2.400 метровъ артиллерія получаетъ нѣкоторую свободу дѣйствія. Хотя ружейный огонь можетъ поражать и съ болѣшихъ разстояній, чѣмъ 2.400 метровъ, но по мѣрѣ приближенія къ предѣльному разстоянію, на какомъ ружье оказывается смертоноснымъ, огонь этотъ становится малодѣйствительнымъ, по причинѣ весьма выпуклой траекторіи, описываемой долетающею

¹⁾ Въ запаль употребляется порохъ обыкновенный, а это обстоятельство замѣтно увеличиваетъ густоту дыма при пушечной стрѣльбѣ.

до непріятеля пулей. Но какъ бы то ни было, даже и такія рѣдко попадающія пули своимъ свистомъ будутъ производить извѣстное впечатлѣніе, отражающееся на хладнокровіи, необходимомъ при заряданіи и наводкѣ орудій. Въ прежнее время, артиллеристы не знали этого неудобства.

Поэтому возникаетъ вопросъ ¹⁾: сохранится ли за артиллеріей преобладающее значеніе наряду съ нынѣшнимъ усовершенствованнымъ ружьемъ. Вопросъ этотъ рѣшить можетъ только будущая война, тѣмъ болѣе, что дѣйствіе бездымнаго пороха, какъ метательной силы, можетъ, какъ думаютъ, оказаться, вслѣдствіе новыхъ усовершенствованій еще болѣе могущественнымъ, а въ такомъ случаѣ и начальная скорость снарядовъ увеличится.

Начальная скорость снаряда, выпущеннаго изъ орудія, имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что отъ нея зависитъ и сила удара, что, въ свою очередь, опредѣляетъ убійственное дѣйствіе его осколковъ. Чѣмъ больше быстрота снарядовъ, тѣмъ менѣе значительнымъ можетъ быть вѣсъ отдѣльныхъ осколковъ, и, слѣдовательно, при данномъ вѣсѣ, тѣмъ большее можетъ быть ихъ количество и на тѣмъ большемъ пространствѣ они будутъ поражать ²⁾.

Слѣдовало ожидать, что техника, имѣющая средства, чтобы вызвать болѣшую метательную силу, слѣдовательно и болѣшую скорость полета, не замедлитъ воспользоваться этимъ средствомъ. Такъ и случилось.

Нами было уже указано, что, съ цѣлью воспользоваться всею силою новаго пороха, во Франціи приступили къ переѣлкѣ орудій по образцу 1887 года. Кромѣ того, тамъ вводятся орудія типа 1891 года и, по мѣрѣ изготовленія ихъ, ими предполагается замѣнить всѣ орудія, передѣланныя изъ старыхъ. Нѣкоторыя военныя суда уже въ 1892 году были вооружены по новой системѣ.

По расчетамъ генерала Виля ³⁾, поражаемое пространство новыхъ орудій, при достигаемой начальной скорости до 1.000 метровъ, увеличилось бы:

при разстояніи до 1.000 метровъ,	на 210%
" " " 2.000 "	" " 133%
" " " 3.000 "	" " 89%

¹⁾ «Военный Сборникъ». «Значеніе малодымнаго пороха».

²⁾ Потоцкій. Артиллерія. 1892.

³⁾ «Das Feldgeschütz der Zukunft».

Мы упоминали также выше, что число пуль изъ русскихъ батарейныхъ орудій достигаетъ 340, между тѣмъ профессоръ Величко приводитъ данныя, изъ которыхъ видно, что число пуль въ нѣмецкихъ шрапнеляхъ 21 сантиметроваго орудія доходитъ до 1.500, а мортиры до 1.700. Такимъ образомъ, нѣмецкая артиллерія могла бы поражать противника снарядами, внутри которыхъ заключено впятеро больше пуль, чѣмъ ихъ имѣется въ артиллеріи прочихъ государствъ, и это, по тѣмъ же даннымъ, съ разстоянія по меньшей мѣрѣ 2.200 саженой или почти $4\frac{1}{2}$ версты. Такая же разница существуетъ и въ торпедныхъ бомбахъ: французская самага большаго типа бомба заключаетъ въ себѣ 160 фунтовъ мелинита, нѣмецкая — 175 фунт. пироксилина. Мы уже въ свое время обращали вниманіе на весьма естественныя соображенія, которыя могли препятствовать профессору Величко сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о русскихъ снарядахъ и оговорили возможность, что въ русской арміи имѣются столь же могущественныя средства разрушенія, но что свѣдѣнія о нихъ лишь по прошествіи извѣстнаго времени могутъ сдѣлаться общимъ достояніемъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что уже теперь существуютъ орудія гораздо болѣе грозныя, чѣмъ тѣ, какія считались до сихъ поръ наиболѣе страшными. Кромѣ того въ будущихъ столкновеніяхъ и по другимъ еще причинамъ дѣйствіе артиллеріи окажется гораздо убійственнѣе, чѣмъ предполагають.

Во всѣхъ странахъ продолжается непрерывная работа надъ мелкими усовершенствованіями орудій и снарядовъ. Авторъ статьи „L'artillerie de l'avenir“ въ „Revue scientifique“¹⁾ съ полнымъ основаніемъ говоритъ о значеніи этихъ мелкихъ, но многочисленныхъ изобрѣтеній.

„Совокупность мелкихъ частичныхъ усовершенствованій, въ отдѣльности нечувствительныхъ, составляетъ въ общемъ нѣчто весьма внушительное. Орудіе будущаго времени окажется и устойчивѣе, и соразмѣрнѣе, и приложимѣе къ своему назначенію. Оно будетъ походить на знакомую намъ изъ прошлыхъ войнъ пушку не болѣе, чѣмъ хорошо содержимая и тонко дрессированная лошадь на едва обѣзженного коня. Хотя это одно и то же животное, но въ первомъ случаѣ на немъ и ѣхать

¹⁾ 11 fevrier 1893.

удобнѣе, и оно способнѣе перенести утомленіе, благодаря гибкости, приобрѣтенной вслѣдствіе навыка“.

Профессоръ Ланглуа ¹⁾ принимаетъ увеличеніе могущества артиллерійскаго огня со времени 1872 г. по крайней мѣрѣ въ 15 разъ, а расширеніе предѣловъ сферы пораженія приблизительно на 700 метровъ.

3.

Разстояніе, допускающее дѣйствіе артиллеріи.

Какъ сказано выше, сраженія, въ будущемъ должны будутъ начинаться съ смертельнаго поединка между двумя артиллеріями.

Хотя и въ прежнее время бывало то же самое, но, такъ какъ тогда борцы находились на сравнительно близкихъ отъ себя разстояніяхъ, то результаты взаимнаго обстрѣливанія изъ орудій не могли имѣть такого значенія, какого они достигнутъ нынѣ.

Дальнобойность современныхъ орудій, по имѣющимся даннымъ, не принимая въ расчетъ могущихъ явиться измѣненій, вслѣдствіе увеличенія первоначальной скорости снарядовъ, уже дошла до 7.000 метровъ во Франціи, до 6.000 въ Германіи и 4.000 въ прочихъ государствахъ. Итакъ, напримѣръ, судя по инструкціямъ, изданнымъ для русскихъ артиллеристовъ, наиболѣе соотвѣтственное разстояніе для дѣйствія артиллеріи заключается въ предѣлахъ начиная съ 1.491 до 1.917 метровъ. Самою дальнею дистанціей для легкихъ орудій принято считать 3.408 м., а для тяжелыхъ (9 ф.) 3.088 м. Но, по всему вѣроятію, эти указанія русской инструкціи пока еще временныя.

Въ новѣйшемъ сочиненіи профессора Кумеса ²⁾ типическія разстоянія, съ которыхъ будетъ начинаться перестрѣлка, опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

„Современная артиллерія въ состояніи будетъ открывать огонь противъ непріятельскихъ позицій на разстояніи 5.500 и даже 6.000 метровъ. Прежде всего ей придется заняться разрушеніемъ прикрытій и обстрѣливаніемъ занятыхъ непріятелемъ позицій. Приблизившись на 4.000 метровъ, она приступитъ къ дѣйствію противъ артиллеріи противника. Начиная съ

¹⁾ L'artillerie de campagne.

²⁾ Coumès. „Tactique de demain“.

3.000 метровъ, она уже будетъ направлять огонь противъ кавалеріи и пѣхоты. Дѣйствія пѣхоты, по всей вѣроятности, будутъ начинаться съ разстоянія 2.000—1.800 метровъ. Движенію впередъ пѣхоты будутъ предшествовать отборные стрѣлки. Въ предѣлахъ между 1.500 и 1.000 метровъ движеніе это потребуетъ особенной предосторожности въ виду убійственного огня артиллеріи и залповъ атакующей пѣхоты, которая притомъ будетъ въ состояніи рассчитывать на мѣткость прицѣла“.

„Начиная съ 1.000 метровъ, артиллерія обоихъ противниковъ перестаетъ уже быть грозной для пѣхоты. Первой придется уже ограничиваться взаимной бомбардировкой съ артиллеріей противника и остерегаться, какъ бы не задѣть огнемъ собственной пѣхоты. Затѣмъ, когда разстояніе между двумя пѣхотами уменьшится до 500 метровъ, артиллерія вынуждена будетъ прекращать огонь“.

Но въ германской арміи бой предполагаютъ начинать съ еще болѣе значительныхъ разстояній.

Извѣстный командиръ германской артиллеріи, князь Гогенлоэ, утверждаетъ, что изъ нынѣшнихъ орудій можно начинать стрѣльбу съ разстоянія 7.000 метровъ, ибо, говоритъ онъ, и на этой дистанціи половина снарядовъ попадаетъ въ цѣль, шириной 15 шаговъ. „Слѣдовательно, если установить батарею противъ дороги въ 15 шаговъ шириной, то такая батарея могла бы поражать находящіяся на ней ряды пѣхоты на разстояніи цѣлой мили, и огонь ея былъ бы настолько дѣйствителенъ, что никому бы не пришло въ голову пользоваться дорогой“¹⁾. Но въ этомъ отношеніи еще не сказано послѣднее слово. Мы уже говорили, что въ будущей войнѣ явятся новыя усовершенствованія относительно выбрасыванія смертоносныхъ снарядовъ на огромныя разстоянія. Не было бы ничего удивительнаго, еслибъ при очень благопріятныхъ условіяхъ бой артиллеріи начинался уже съ 10 верстнаго разстоянія. Не слѣдуетъ забывать, что уже и теперь предѣльное разстояніе для морскихъ орудій принято считать свыше 10 километровъ²⁾. Кромѣ того, необходимо принять во вниманіе, что такъ какъ шрапнели и гранаты, разрываясь, увеличиваютъ своими осколками поражаемое пространство, то надо полагать, что дѣйствіе артиллеріи противъ наступающихъ массами войскъ, даже и на разстояніяхъ свыше 7.000 метровъ, весьма возможно.

¹⁾ Lettres sur l'artillerie.

²⁾ Englische Flotten-Manöver. «Militär-Wochenblatt».

Обстоятельство это нельзя не принять къ свѣдѣнію, такъ какъ оно несомнѣнно отразится матеріально и нравственно на войскахъ. Быть можетъ, придется совершать движенія болѣе или менѣе разсыпнымъ строемъ. При этомъ возникнетъ уже вопросъ о запасѣ мужества и вообще нервныхъ силъ войска. Достаточны ли они настолько, чтобы, имѣя возможность избѣгать опасности, тѣмъ не менѣе идти впередъ. Въ наше время едва-ли можетъ считаться разрѣшеннымъ споръ о томъ, какая народность въ этомъ отношеніи окажется болѣе устойчивой.

Эта-то именно способность артиллеріи расширять поле дѣятельности до разстояній, недоступныхъ ружейному огню, и придаетъ ей особенное значеніе, ибо только „начиная съ 1.000-метровой дистанціи отношеніе между артиллерійскимъ огнемъ и ружейнымъ уравнивается“¹⁾. Значитъ, если можно предполагать, что дѣйствительность перваго начинается съ семиверстнаго разстоянія, то на пространствѣ шести верстъ онъ всегда будетъ имѣть перевѣсъ надъ ружейнымъ огнемъ.

Возраженіе противъ этого положенія, состоящее въ томъ, что на такихъ огромныхъ разстояніяхъ невозможно никакимъ образомъ опредѣлить цѣль выстрѣловъ, было бы основательно, еслибъ не существовали способы обозрѣнія мѣстности посредствомъ воздушныхъ шаровъ и оптическихъ инструментовъ, которые всегда будутъ имѣться нынѣ въ войскахъ.

Но артиллерія не царитъ на поляхъ битвъ безусловно. Если пѣхотѣ удастся приблизиться къ артиллеріи и примѣнить къ ней систему концентрированныхъ залповъ ружейнаго огня, то дѣйствія артиллеріи сдѣлаются затруднительными и даже невозможными. Уже во время войны 1870 года случилось, что ружейный огонь французской пѣхоты, несмотря на недостатки его въ то время, заставлялъ прусскія батареи отступать.

Во время русско-турецкой войны 1877 года на русскую артиллерію слышны были также жалобы, что она не всегда соотвѣтствовала своему назначенію. Въ сочиненіи генерала Пузыревскаго („Русская армія передъ войной 1877 года“) мы находимъ упреки артиллеріи за то, что въ ней до войны распространено было ошибочное убѣжденіе, будто, относительно основаній для ея совмѣстнаго въ бою дѣйствія съ войсками другаго рода оружія, должны приниматься въ расчетъ лишь баллистическія свойства орудій, а не общія условія, и въ ряду

¹⁾ § 51 германскаго устава.

ихъ прежде всего нравственныя. На этомъ основаніи артиллерія удовлетворялась расположеніемъ на отдаленныхъ позиціяхъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сопутствовала пѣхотѣ на болѣе близкомъ разстояніи отъ непріятеля.

Но спрашивается, не происходило ли это отъ того, что уже тогда, въ виду вооруженія турецкой арміи магазинными ружьями, артиллерія не могла становиться на болѣе близкія разстоянія.

Генераль Куропаткинъ не раздѣляетъ такого взгляда: онъ находитъ весьма ошибочнымъ мнѣніе, распространенное, однако, между многими артиллеристами и командующими лицами, что артиллерія не въ силахъ удержаться на позиціи въ сферѣ ружейнаго огня. Въ виду этого, по его мнѣнію, во время войны 1877 года и возникло стремленіе: допускать приближеніе ея къ непріятелю лишь настолько, чтобъ она не подвергалась дѣйствію ружейнаго огня. Руководствуясь такими принципами, русскія батареи подъ Плевной во время приступовъ пѣхоты оставались, по словамъ генерала Куропаткина, большею частью на своихъ далекихъ и безопасныхъ позиціяхъ. Часто случалось и то, что во время непріятельскихъ атакъ, при уменьшенномъ ружейномъ огнѣ, батареи снимались съ позицій, потерявъ лишь нѣсколько человѣкъ, и оставляли пѣхоту въ самомъ критическомъ положеніи.

По словамъ генерала Куропаткина, — сужденія котораго, впрочемъ, нѣкоторые считаютъ черезъ-чуръ строгими, — передъ штурмомъ Плевны предполагалось обстрѣливаніе ея артиллеріей въ теченіе 4-хъ сутокъ, но недостатокъ снарядовъ и порча многихъ орудій воспрепятствовали привести въ исполненіе это предположеніе даже въ день самаго штурма.

Прусскій генераль Геннекенъ ¹⁾ не вполне раздѣляетъ это мнѣніе. Онъ говоритъ, что хотя дѣйствительно въ началѣ дѣйствій противъ Плевны были допущены при управленіи артиллеріей ошибки, но что затѣмъ послѣдовавшіе штурмы, каждый разъ, подготовлялись по всѣмъ правиламъ артиллерійскимъ огнемъ и что если при этомъ не достигнуто благоприятныхъ результатовъ, то только потому, что 85.000 человѣкъ было недостаточно для того, чтобы заставить отступить 60.000 человѣкъ, сидѣвшихъ за укрѣпленіями. Намъ кажется, что сужденія о дѣйствіяхъ артиллеріи въ ту войну только тогда могутъ быть основательны, если принимать во вниманіе средства, которыми она располагала.

¹⁾ „Militärische Betracht. über den russisch-türkischen Krieg“.

Дѣйствія артиллеристовъ должны были находиться въ зависимости отъ степени довѣрія, которое они питали къ своимъ орудіямъ. Нельзя упускать изъ вида, что въ дѣйствительности русская артиллерія того времени стояла, за исключеніемъ небольшой ея части, ниже турецкой. Только съ 1877 года начались заказы на дальнобойныя орудія: у Круппа было заказано ихъ 1.100, а на Обуховскомъ заводѣ 1.700. Орудія эти были доставлены уже послѣ окончанія войны.

Чтобы составить себѣ понятіе о состояніи русской артиллеріи, дѣйствовавшей въ 1877—78 гг. противъ Турціи, достаточно привести тотъ фактъ, что типы орудій принадлежали къ 1866 году. Въ этихъ орудіяхъ начальная скорость снарядовъ предполагалась для меньшаго калибра 1.000 футь (264 метра) въ секунду, а для большаго калибра 1.050 футь (277 метр.) въ секунду. Впослѣдствіи начальная скорость въ новыхъ орудіяхъ была почти удвоена.

Надо еще обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ то время въ артиллеріи ощущался недостатокъ вполне подготовленныхъ къ службѣ офицеровъ. Въ періодъ времени съ 1863 по 1867 годъ ежегодно убывало ихъ больше, чѣмъ прибывало. Убывало въ годъ отъ 40 до 200 человѣкъ. Только съ 1868 года, вслѣдствіе предпринятыхъ реформъ, прибыль офицеровъ стала превышать убыль, такъ что ежегодно цифра ихъ возрастала на 22 и до 266 человѣкъ ¹⁾. Послѣ турецкой войны окончательно обращено вниманіе на образовательный цензъ артиллерійскихъ офицеровъ и предприняты существенныя реформы въ видахъ увеличенія между ними числа окончившихъ высшее образованіе. Въ настоящее время большинство изъ нихъ люди съ специальнымъ развитіемъ, и имъ-то придется распорядиться матеріаломъ, столь отличнымъ отъ бывшаго во время войны 1877 года.

Мы уже выше упоминали о томъ, что современныя русскія орудія принадлежатъ къ новѣйшимъ типамъ, и при конструкціи ихъ несомнѣнно воспользовались всеми существующими усовершенствованіями и указаніями опыта.

Но тѣмъ не менѣе указанные факты могутъ повториться, хотя уже по совершенно другимъ причинамъ. Со времени русско-турецкой войны ружье подверглось громадному усовершенствованію.

¹⁾ „Очеркъ преобразованій въ артиллеріи съ 1868 по 1877 гг.“.

Сверхъ того слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ арміяхъ въ настоящее время учреждены спеціальныя „охотничьи команды“, составленныя изъ людей искусныхъ въ стрѣльбѣ на далекое разстояніе и въ умѣнны незамѣтно подкрадываться къ цѣли. Нѣмецкіе военные журналы часто приводятъ изъ отчетовъ, печатаемыхъ въ „Военномъ Сборникѣ“, интересныя подробности объ упражненіяхъ этихъ командъ. Такъ, на примѣръ, десять охотниковъ, скрывшихся во рву, неожиданно окружили и обезоружили непріятельскій конный патруль. Другіе двое съумѣли такъ ловко укрыться подъ самымъ непріятельскимъ лагеремъ, что успѣли подслушать условный пароль во время смѣны часовыхъ и осмотрѣли затѣмъ весь лагерь.

Очевидно, что для подобныхъ командъ подкрасться къ батареѣ и перестрѣлять орудійную прислугу не представитъ особенно большихъ затрудненій. Можно сказать навѣрное, что арміи будутъ имѣть впереди себя какъ бы охранную цѣпь изъ подобнаго рода обученныхъ стрѣлковъ. Съ этой цѣлью въ армію французскую включены лѣсные стрѣлки (forestiers). Ихъ достаточно также и въ австрійскихъ и германскихъ войскахъ. Извѣстно, что на развитіе стрѣлковаго спорта въ Германіи, Франціи, Австріи, Швейцаріи отпускаются ежегодно значительныя суммы и среди населенія находится множество искусныхъ стрѣлковъ.

Обстоятельство это заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что условія, въ которыхъ будутъ впредь происходить сраженія, таковы, что дѣйствія артиллеріи должны будутъ направляться не только противъ живой цѣли, но и противъ шанцовъ, набрасываемыхъ въ полѣ, а тѣмъ самымъ необходимо будетъ подходить на болѣе близкія разстоянія а тѣмъ самымъ легче будетъ устраивать засады, могущія при бездымности выстрѣловъ оказаться крайне опасными.

4.

Борьба съ непріателемъ, прикрытымъ окопами.

Вопросъ, какимъ образомъ достигнуть пораженія посредствомъ артиллерійскаго огня войскъ, находящихся за шанцами, въ будущей войнѣ, по изложеннымъ уже въ предшествующихъ главахъ причинамъ, получить огромное значеніе.

Опытъ предшествующихъ войнъ, особенно войны 1877—1878 гг., доказалъ необходимость вооруженія артиллеріи такими снарядами, которые бы могли поражать непріятеля за естественными или искусственными прикрытіями.

Обыкновенныя полевыя орудія, дающія снаряду полеть малаго изгиба, недѣйствительны противъ шанцованныхъ позицій до тѣхъ поръ, пока защитники ихъ не выйдутъ, ради непосредственной обороны, на насыпь, для стрѣльбы. Но это наступить только тогда, когда атакующія войска пойдутъ на приступъ. До этого момента вся масса пѣхоты скрывается за насыпью, подъ защитой которой она выжидаетъ въ полной готовности къ бою. Чтобы нанести вредъ неприятелю въ этомъ положеніи, нуженъ такой уголъ паденія снаряда, какого достигнуть можно лишь на разстояніи 4.000 метровъ. О разрушеніи насыпей не можетъ быть и рѣчи, поэтому употребленіе разрывныхъ гранатъ не имѣетъ здѣсь мѣста. Дѣйствительность шрапнелей начинается съ разстоянія 2.700 метровъ, а на этомъ разстояніи являются значительныя затрудненія для мѣткости стрѣльбы. Генераль Тотлебенъ говоритъ, что подъ Плевной случилось стрѣлять въ теченіе дня для того, чтобы выбить изъ строя одного турка, укрытаго за шанцами.

Еслибы оба противника, съ самаго начала кампаніи, окружили себя шанцами и стали взаимно выжидать наступленія противника, то повторился бы историческій фактъ, совершившійся съ Густавомъ-Адольфомъ и Валленштейномъ, которые подъ Нюрнбергомъ, окопавшись, основали свои надежды на побѣду на терпѣливомъ выжиданіи и на истощеніи противника.

Въ виду возможности подобныхъ расчетовъ, нѣкоторые изъ государствъ въ настоящее время приступили, по почину Россіи, къ введенію новаго рода орудій, а именно—легкихъ мортиръ. Казалось, трудно было соединить свойства, какія требовались отъ такого орудія: достаточную подвижность, чтобы слѣдовать за полевыми войсками, и калибръ, достаточный для бросанія крупныхъ снарядовъ. Между тѣмъ, задача была практически рѣшена введеніемъ въ Россіи мортиры въ 15 сантиметровъ, проектированной генераломъ Энгельгардтомъ ¹⁾.

По отзыву „Revue du Cercle Militaire“ ²⁾, главное препятствіе приэтомъ составляло то, что мортиры вообще стрѣляютъ съ лафетовъ безъ колесъ, а это дѣлаетъ стрѣльбу изъ нихъ слишкомъ медленною для потребности битвы въ полѣ. Но генералу Энгельгардту удалось рѣшить этотъ вопросъ изобрѣтеніемъ такой системы колеснаго лафета, что мортира не сни-

¹⁾ Supplément aux traités d'artillerie et des sciences appliquées à l'art militaire.

²⁾ 10 et 17 janvier 1892.

мается съ него при стрѣльбѣ. Нѣмцы также пошли за этимъ примѣромъ, и произведенные ими опыты доказали, что мортиры новаго рода дѣйствуютъ по укрытымъ войскамъ сильнѣе, чѣмъ обыкновенныя полевые орудія. Съ разстоянія 1.700 метровъ батарея изъ такихъ мортиръ бросала 100 разрывныхъ бомбъ, которыя сдѣлали невозможнымъ для пѣхоты держаться внутри укрѣпленія и разрушили одинъ его бокъ. Во Франціи эти полевые мортиры замѣняются новой, 120-ти миллиметровой пушкой, испытанной на маневрахъ въ 1891 г. и стрѣляющей снарядами, начиненными мелинитомъ.

Нельзя, однако, забывать, что дальнобойныя ружья не дозволяютъ такимъ батареямъ подходить на близкія разстоянія.

Для легкихъ полевыхъ мортиръ во Франціи употребляются снаряды: бомба-фугасъ и шрапнель. Бомба-фугасъ, вѣсомъ въ 24 килограмма, при полномъ зарядѣ—въ 1 килогр. 74 сантимгр. пороха, имѣетъ начальную скорость въ 230 метровъ и бьетъ до 3.200 метровъ. Опыты показали, что одна такая бомба разрушаетъ траншею и пробиваетъ парапеты въ 3,6 метра толщиной. Брошенная подъ угломъ 42° и падая на грунтъ средней твердости, бомба-фугасъ прорываетъ въ ней воронку въ 1½ метра глубины и 3 метра верхняго діаметра. Эта бомба особенно сильно дѣйствуетъ именно на земляныя насыпи, осколки же ея дѣйствуютъ слабо. Шрапнель для мортиръ употребляется вѣсомъ въ 29 килограммъ, а содержитъ въ себѣ 610 пуль. Полный зарядъ—1 килогр. 75 сантимгр. придаетъ ей начальную скорость въ 220 метровъ; разсѣяніе достигаетъ 3.700 метр. разстоянія¹⁾.

Итакъ, въ современныхъ европейскихъ арміяхъ уже введены усовершенствованныя полевые мортиры, которыя до сего времени употреблялись исключительно при правильныхъ осадахъ крѣпостей. Дѣйствіе этихъ мортиръ, по словамъ профессора Кумеса (Coumès), убійственно. „Во время послѣднихъ восточныхъ маневровъ, по описанію его, во Франціи впервые ознакомились съ этими новыми орудіями страннаго вида, снабженными особыми приспособленіями для противодѣйствія отдачи удара. Впрочемъ, продолжаетъ этотъ военный писатель, не мы одни обладаемъ этими страшными механизмами для метанія колоссальныхъ сварядовъ и уничтоженія значенія земляныхъ прикрытій. Они введены уже и въ русской арміи, и въ германской“²⁾.

¹⁾ «Supplément aux traités d'artillerie et des sciences appliquées à l'art militaire»

²⁾ Coumès: „Aperçus sur la tactique de demain“. Paris, 1892, стр. 621.

Значить, земляныя защиты, которыя должны были служить для прикрытія войскъ отъ убійственнаго пѣхотнаго и артиллерійскаго огня, могутъ оказаться безсильными, и всѣ надежды на уменьшеніе потерь — оказаться призрачными. Но существуютъ иныя, до сихъ поръ мало изслѣдованныя, причины, которыя могутъ усилить ужасы будущей войны до неслыханныхъ размѣровъ.

5.

Катастрофы вслѣдствіе употребленія взрывчатыхъ веществъ.

При чтеніи сочиненій, болѣе или менѣе пространно упоминающихъ объ употребленіи взрывчатыхъ веществъ для военныхъ цѣлей, бросается въ глаза, что авторы старательно обходятъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, съ величайшей осторожностью, говорятъ объ опасностяхъ, которыя могутъ произойти на полѣ сраженія для собственныхъ войскъ, при перевозкѣ и употребленіи такихъ снарядовъ.

Причина этого явленія кроется въ томъ, что авторамъ, какъ и людямъ военнымъ, въ настоящее время, когда вопросъ объ опасностяхъ, могущихъ возникнуть при употребленіи взрывчатыхъ веществъ, еще неполнѣ выясненъ, не подобаетъ дѣлать выводовъ, способныхъ поставить прямо въ сомнѣніе самую возможность войны при такихъ средствахъ.

Предметъ этотъ мнѣ, какъ не военному писателю, показался настолько важнымъ, что я счелъ необходимымъ заняться имъ, и хотя сужденіе мое не можетъ претендовать на компетентность, но тѣмъ не менѣе высказать его необходимо въ виду того, что до сихъ поръ не было обращено вниманіе на то впечатлѣніе, которое произвели бы среди народовъ катастрофы, вызванныя въ собственныхъ арміяхъ на полѣ битвы взрывчатыми веществами.

Прежде всего, согласно принятому нами методу, укажемъ на выводы авторовъ, говорящихъ объ опасностяхъ, которыя могутъ возникать при употребленіи на полѣ сраженія взрывчатыхъ веществъ. Въ „Conférence sur l'artillerie de campagne“ ¹⁾ находимъ по этому вопросу слѣдующія интересныя указанія.

¹⁾ Paris. 1892.

Введеніе бездымнаго пороха принято было французскими артиллеристами съ всеобщимъ сочувствіемъ, между тѣмъ какъ введеніе взрывчатыхъ бомбъ (*obus torpilles*) встрѣчаетъ въ средѣ ихъ многихъ противниковъ.

Противники употребленія этого рода снарядовъ ставятъ на видъ то обстоятельство, что сфера ихъ дѣйствія крайне ограничена (15 метровъ), между тѣмъ какъ снапъ, образуемый осколками шрапнели, покрываетъ пространство, равное эллипсису въ 200 метровъ длины и 50 метровъ ширины. Затѣмъ, въ видахъ безопасности, въ этихъ бомбахъ не закладываются аппараты, служащіе для вызова взрыва, и къ нимъ вообще такъ мало питаютъ довѣрія, что при упражненіяхъ взрывающіеся снаряды не употребляются.

Далѣе—говоритъ тотъ же авторъ,—аппаратъ, служащій для возбужденія взрыва въ этихъ снарядахъ, предполагается видоизмѣнить, и до тѣхъ поръ рѣшено не закладывать въ нихъ этихъ аппаратовъ, такъ какъ перемѣна ихъ затѣмъ представлялась бы дѣломъ рискованнымъ. Всѣмъ извѣстно, что отвертываніе аппарата представляетъ опасность, изъ какого бы матерьяла ни состоялъ взрывчатый снарядъ.

Такъ говоритъ о снарядахъ французскій артиллеристъ, читающій лекціи офицерамъ другаго рода оружія. На самомъ же дѣлѣ опасенія по этому поводу могутъ быть еще болѣе серьезныя. Чтобы въ этомъ убѣдиться, присмотримся нѣсколько ближе къ данному предмету.

Во французской арміи разрывные снаряды изъ болѣе легкихъ видовъ перевозятся въ числѣ 75 штукъ на одномъ фургонѣ, специально устроенномъ для этой цѣли ¹⁾.

Снаряды эти выкрашены въ желтый цвѣтъ, а для отличія ихъ въ темнотѣ они еще рознятся отъ прочихъ выдающейся наружной формой. Въ Германіи взрывчатые снаряды тоже ради безопасности перевозятся отдѣльно отъ аппаратовъ для производства взрыва, а самое закладываніе ихъ въ снаряды исполняется во время заряжанія орудія.

Очень естественно, что во время боя, когда напряженное состояніе овладѣваетъ войскомъ и когда хладнокровіе не покидаетъ лишь натуры исключительныя, нельзя поручиться, чтобы всѣ эти манипуляціи, требующія большой точности, могли быть исполнены съ должной правильностью и безопасностью.

¹⁾ Ген. Вилле. «Das Feldgeschütz der Zukunft», стр. 92.

Но предположимъ, что снаряды будутъ всегда снабжаться взрывающими аппаратами безъ приключеній и орудіе заряжено со всею правильностью и должной осторожностью. Останется все-таки произвести выстрѣлъ, и вотъ тутъ-то мы снова встрѣчаемся съ еще болѣею опасностью.

Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о степени риска, надо принять во вниманіе устройство снарядовъ, предназначенныхъ для взрыва. Возьмемъ для образца наиболѣе сильныя изъ нихъ. Эти „адскіе“ снаряды состоятъ изъ длиннаго стального цилиндра, котораго вся полая внутренность начинена мелнитомъ, робуритомъ, экразитомъ или инымъ какимъ-либо взрывчатымъ веществомъ. Всѣ эти матеріалы, какъ уже было сказано, отличаются другъ отъ друга главнымъ образомъ различными примѣсями къ нимъ и способами приготоуленія. Естественно, что войдетъ въ снарядъ тѣмъ большее количество, чѣмъ будутъ тоньше стѣнки самого снаряда.

Если при этомъ перейти извѣстные предѣлы, цилиндръ можетъ не выдержать давленія выстрѣла, онъ лопнетъ, и произойдетъ преждевременный разрывъ снаряда. Но даже при достаточной толщинѣ стальныхъ стѣнокъ, вслѣдствіе ли недостатковъ устройства или иныхъ причинъ, можетъ случиться также, что онъ лопнетъ. Вообще отъ стали, употребляемой для этой цѣли, требуется, чтобы она выдерживала давленіе до 4.000 атмосферъ¹⁾, но въѣмъ по опыту извѣстны случающіяся при испытаніяхъ этого

¹⁾ Въ Германіи и вѣроятно въ другихъ странахъ стали дѣлать снаряды, которые могутъ наполняться такими двумя матеріалами, которые производятъ взрывъ лишь при соединеніи ихъ.

Различныя вещества, употребляемая съ этой цѣлью, состоятъ съ одной стороны, напримѣръ, изъ сѣрной кислоты, съ другой — нитрованныхъ нафталина, фенола, бензина или ксилола.

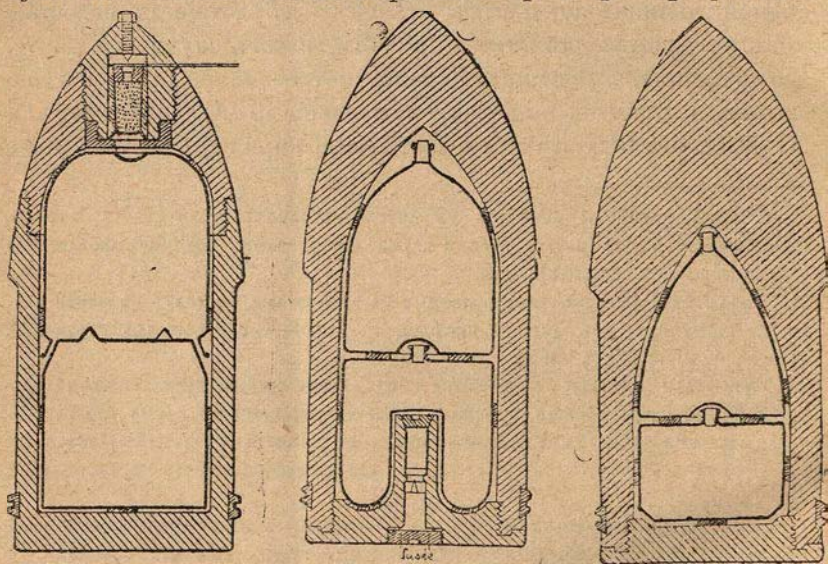
Взрывчатые составы заключаются въ отдѣльные сосуды, стеклянные или фарфоровые, однако достаточно прочныя, чтобы не разбиться во время транспортировки или при дальнѣйшихъ манипуляціяхъ съ ними. Для большей безопасности ихъ обертываютъ въ войлокъ, гуттаперчу, или инымъ способомъ предохраняютъ отъ ударовъ.

Вмѣсто этихъ отдѣльныхъ сосудовъ употребляютъ также подвижныя перегородки, раздѣляющія помѣщенія для различныхъ составовъ. Въ обоихъ случаяхъ, будутъ ли это отдѣльные сосуды или перегородки, тѣ или другія, разбиваясь при ударѣ, вызываютъ смѣшеніе составовъ и производятъ взрывъ. Помѣщаемые при семъ рисунки представляютъ въ разрѣзѣ снарядъ, снабженный перкуссионной трубкой, которая помѣщается въ остріѣ или въ задней его части. Въ шпанеляхъ взрывчатыхъ веществъ помѣщаются въ заряженныхъ трубкахъ, взрывающихся при посредствѣ запала.

рода ошибки, и потому, помимо всевозможныхъ принятыхъ предосторожностей, нельзя не допустить возможности неожиданныхъ несчастныхъ случаевъ. Во всякомъ случаѣ снарядъ получаетъ во время выстрѣла сильный ударъ отъ дѣйствія газовъ, который въ состояннн произвести если не разрывъ, то изгибъ стѣнокъ снаряда и взрывъ заключеннаго въ нихъ вещества, со всѣми послѣдствіями. Въ случаѣ взрыва собственно дѣйствіе газовъ, по заключенію техниковъ, ограничивается не слишкомъ большимъ пространствомъ—15 метровъ, но взрывъ ихъ обладаетъ такою силой, что онъ увлечетъ на извѣстномъ пространствѣ и орудія, и людей, и лошадей, и проч.

Стрѣльба изъ орудій большею частью производится группами изъ нѣсколькихъ батарей. Но допустимъ менѣе ужасный случай, а именно, такой, который произошелъ въ отдѣльно дѣйствующей шестиорудійной батарее. Несмотря на интервалы между орудіями (отъ 10 до 40 шаговъ), всякій подобный взрывъ увлечетъ по меньшей мѣрѣ 3 орудія, со всѣми за-

Послушаемъ, что говорятъ специалисты объ этого рода зарядахъ. «Слѣдуетъ всегда опасаться такихъ сотрясеній во время транспортировки или

при заряданнн орудія, которыя могутъ разбить стѣнки одного изъ сосудовъ, заключающихъ въ себѣ вышесказанные составы. Въ этомъ отношеннн безопасность далеко не доведена до полной обезпеченности отъ преждевременныхъ взрывовъ, могущихъ быть поводомъ самыхъ ужасныхъ катастрофъ». («Encyclopédie théorique et pratique des connaissances civiles et militaires» (publié sous le patronage de la «Réunion des officiers»). Paris.

рядами, заключающимися въ передкахъ. Эти заряды, поднятые въ воздухъ, начнутъ въ свою очередь взрываться, угрожая такими же послѣдствіями оставшимся на мѣстѣ повозкамъ, нагруженнымъ снарядами. Металлическія части разрушенныхъ матеріаловъ разлетятся при этомъ сажень на сто вокругъ, и пространство около квадратной полуверсты будетъ центромъ опустошеній, производимыхъ падающими тяжестями ¹⁾).

Впрочемъ, рождается еще вопросъ, не отразятся ли эти взрывы вслѣдствіе одного уже воздушнаго сотрясенія (детонаціи)—новыми взрывами?

Намъ неизвѣстны опыты съ нитроглицериномъ; что же касается динамита, который, какъ извѣстно, состоитъ изъ нитроглицерина съ примѣсью нейтральныхъ сыпучихъ тѣлъ, то имѣются данныя, по которымъ можно судить о довольно сильной склонности его къ детонаціи. Такъ напр. если динамитный патронъ подвергнуть взрыву на разстояніи $7\frac{1}{2}$ футовъ отъ другаго, то и послѣдній взорвется.

Не слѣдуетъ забывать, что невдалекѣ отъ батареи будутъ находиться патронныя повозки. Если онѣ не взлетятъ, вслѣдствіе вліянія сотрясенія воздуха, то взрывъ можетъ произойти отъ ударовъ падающихъ тяжелыхъ обломковъ. Такимъ образомъ можетъ образоваться цѣлый рядъ послѣдовательныхъ взрывовъ.

Ко всему этому представимъ себѣ, что всѣ эти ужасы происходятъ въ то время, когда многочисленные ряды войскъ стянуты къ одной позиціи.

Рѣшится ли кто-нибудь утверждать, что всѣ подобныя случайности предупреждаются совершенствомъ техническаго устройства и строгимъ подборомъ людей, умѣющихъ обращаться со снарядами?

И съ прежнимъ селитрянымъ порохомъ, сравнительно представляющимъ гораздо меньшую опасность, случались же катастрофы, несмотря на установившіяся обычаи и правилами средства предосторожности.

Такъ во время мобилизаціи въ 1859 году былъ случай, что одинъ изъ передковъ вмѣстѣ съ артиллерійской прислугой

¹⁾ Здѣсь принято нами стосажненное разстояніе на томъ основаніи, что во время извѣстнаго взрыва на Охтѣ оказывались переброшенными на это разстояніе части построекъ и даже фундамента. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ тогда въ „Новомъ Времени“, взрывъ произошелъ въ рабочее время, и куски тѣлъ находили за 100 и болѣе сажень отъ мѣста катастрофы.

взлетѣлъ на воздухъ и, по разслѣдованіи, оказалось, что причиною инцидента была дурная упаковка снарядовъ.

Нынѣшнія взрывчатыя вещества во всякомъ случаѣ опаснѣе прежняго пороха. Отъ удара молотомъ по тонкому слою динамита, положенному на наковальню, всегда получается взрывъ. Сжатый между листами пропускной бумаги динамитъ оставляетъ на нихъ жировыя пятна нитроглицерина. Если эту бумагу положить на наковальню и ударить молотомъ, то равнымъ образомъ произойдетъ взрывъ. Поэтому невоеннымъ людямъ при обращеніи съ этимъ веществомъ не дозволяется никакая манипуляція, сопровождающаяся треніемъ, ударомъ или сильнымъ сотрясеніемъ. Возможно ли соблюсти такую же осторожность при тысячахъ неожиданныхъ случайностей и нуждахъ военнаго времени, при томъ гигантскомъ количествѣ перевозки снарядовъ, какое въ настоящее время потребуется, и при той поспѣшности, которая не можетъ идти въ сравненіе съ прежней?

Представимъ себѣ, что извѣстная батарея получаетъ приказаніе занять позицію подъ непріятельскимъ огнемъ. Хотя ей должны предшествовать командиръ и, положимъ, еще нѣсколько верховыхъ, но такъ какъ узнать заранѣе относительно удобства проѣзда къ позиціи не всегда возможно, то на пути легко можетъ повстрѣчаться, напр., канавка или большой камень. Если считать подобныя препятствія помѣхой для дѣйствія артиллеріи, то ей пришлось бы отказаться отъ всякой поддержки дѣйствій пѣхоты. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ, какъ показываетъ исторія множества битвъ, за невозможностію промедленія, рѣшаются переѣхать препятствіе, рискуя вмѣсто 6-ти пушекъ прійти на мѣсто хотя бы съ тремя, четырьмя, и то составляетъ успѣхъ.

Но спрашивается, возможно ли будетъ рѣшиться на такой шагъ, имѣя въ зарядныхъ ящикахъ снаряды, наполненные взрывчатымъ веществомъ?

Въ новѣйшемъ изъ сочиненій по этой части (E. Coraly. „Les explosifs“. Paris. 1893) мы находимъ слѣдующія указанія относительно опасности, представляемой нѣкоторыми изъ употребляемыхъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ веществъ, а именно:

Пироксилинъ нерастворимъ въ водѣ, сгораетъ на открытомъ воздухѣ, не производя взрыва. Воспламеняясь легко отъ удара и тренія, въ закрытомъ помѣщеніи онъ производитъ взрывъ. Разлагается довольно легко. *Въ виду этого, при перевозкѣ его требуется чрезвычайная осторожность. Онъ перевозится въ жид-*

комъ состояніи, въ деревянныхъ или металлическихъ ящикахъ, причѣмъ избѣгаютъ подвергать ихъ дѣйствию солнца.

Мелинитъ не измѣняется отъ дѣйствія холода и тепла. Отъ дѣйствія пламени въ воздухѣ сгораетъ медленно, какъ смола, выдѣляя густой дымъ. *Взрывъ, произведенный по близости мелинита, вызываетъ и въ немъ взрывъ*, сопровождающійся сильнѣйшимъ трескомъ и дымомъ чернаго цвѣта. Взрывъ мелинита производитъ гигантское сотрясеніе и тягу воздуха, но не слѣдуетъ однако преувеличивать его силу. *Взрывы сообщаются отъ одного къ другому, не требуя непосредственнаго соприкосновенія. Разстоянія, на которыя способны передаваться взрывы, измѣняются отъ вліянія разныхъ условій.* Передача возможна на разстоянія тѣмъ большія, чѣмъ сильнѣе первоначальный взрывъ, чѣмъ плотнѣе и тверже почва, на которой помѣщенъ мелинитъ.

Динамитный взрывъ происходитъ еще внезапно и разрушительнѣе, чѣмъ взрывъ мелинита.

Геллофитъ и робуритъ. Снаряды, заключающіе въ себѣ геллофитъ и робуритъ, устриваются такимъ образомъ, что вещества, производящія, при соединеніи ихъ, взрывъ, заключены въ отдѣльныхъ стеклянныхъ помѣщеніяхъ, которыя въ моментъ выпуска снаряда разбиваются. Оба вещества приходятъ въ соприкосновеніе во время полета снаряда и производятъ взрывъ при достиженіи цѣли. Первоначальные опыты оказались удовлетворительными, но затѣмъ *опыты въ Италіи не оправдали надежды изобрѣтателей.*

Одинъ авторъ приходитъ къ выводу, что *способности подвергаться взрыву, безъ непосредственнаго соприкосновенія вызывающихъ взрывъ веществъ, подлежатъ почти все взрывчатыя вещества.* Волны сотрясеній (*ondes vibratoires*), повидимому, не одинаковы, судя потому, напримѣръ, что нитроглицеринъ имѣетъ склонность къ взрыву подъ вліяніемъ сотрясенія отъ взрыва пироксилина, между тѣмъ какъ на него взрывъ нитроглицерина не дѣйствуетъ этимъ путемъ.

Все это приводитъ насъ къ заключенію, что пока не будутъ извѣстны данныя, основанныя на опытѣ будущей войны, нельзя избѣжать величайшихъ опасеній относительно вошедшихъ въ употребленіе новыхъ взрывчатыхъ составовъ.

Многочисленные примѣры показываютъ, что при перевозкѣ взрывчатыхъ веществъ могутъ случаться несчастія даже при соблюденіи всевозможныхъ предосторожностей. Въ Санъ-Франциско однажды выгрузили съ парохода „*Racifique*“ 2 боченка динамита по 4 куб. фута въ каждомъ. Тотчасъ послѣ выгрузки

отъ неизвѣстныхъ причинъ произошелъ взрывъ, отъ котораго разрушена часть города и убито множество людей ¹⁾.

Если, стало быть, взрывъ всего 8 куб. футовъ динамита могъ имѣть такія страшныя послѣдствія, то что же можетъ произойти въ случаѣ, если начнется канонада нагроможденныхъ въ огромныхъ количествахъ разрывныхъ снарядовъ?

Надо имѣть и то еще въ виду, что въ мирное время при перевозкѣ динамита принимается во вниманіе состояніе температуры. При 6° Реом. динамитъ твердѣетъ, и въ этомъ состояніи чувствительность его ко всякому механическому сотрясенію возрастаетъ; большая часть несчастныхъ случаевъ произошли при такомъ его состояніи. Особенно опасенъ динамитъ въ состояніи „полумерзлаго“. Во время военныхъ дѣйствій едва-ли возможно на это обстоятельство обращать вниманіе, такъ какъ въ срединной Европѣ такая температура чаще всего бываетъ весной и осенью, особенно по ночамъ и раннимъ утромъ.

Но и это еще не все. Динамитъ можетъ произвести взрывъ при всякой температурѣ отъ удара ружейной пули ²⁾. Въ 1868 году произведены были опыты съ цѣлью удостовѣренія, насколько пуля можетъ пробить фургонъ и передокъ со снарядами. Въ то время были введены въ русскую армію разрывныя пули калибромъ въ 6 линій для стрѣльбы въ патронные и пороховые ящики. Оказалось, что каждая такая пуля, попадавшая въ ящикъ, вызывала взрывъ ³⁾.

Въ началѣ на каждого солдата въ стрѣлковыхъ батальонахъ такихъ пуль полагалось по 6 штукъ. Впослѣдствіи число ихъ ограничено вслѣдствіе опасенія, чтобы солдаты не стрѣляли ими въ людей, такъ какъ раны, причиняемыя этими пулями, отличались страшной мучительностію. Вскорѣ однако, по великодушнѣйшей иниціативѣ Императора Александра II, была созвана въ Петербургѣ международная конференція, на которой было постановлено отказаться отъ употребленія, какъ на сушѣ, такъ

¹⁾ Радивановскій Н. «Порохъ, пироксилинъ и динамитъ».

²⁾ Во Франціи по этому поводу дѣлали слѣд. опыты: 1) Динамитъ, заключающій въ себѣ 64% нитроглицерина, клали въ мѣшокъ и, повѣсивъ его, стрѣляли въ него съ дистанціи 20 шаговъ изъ ружья Шассисо. Пуля, прострѣлившая мѣшокъ на-вылетъ, вызывала взрывъ всего количества динамита. 2) При стрѣльбѣ въ мѣшокъ съ разстоянія 100 шаговъ получался тотъ же результатъ 3) То же было и при 40% нитроглицерина и только при содержаніи не свыше 25% нитроглицерина динамитъ выдерживалъ подобный опытъ не взрываясь.

³⁾ «Записка объ исключеніи изъ употребленія взрывчатыхъ пуль».

и на морѣ, пуль и снарядовъ, которые бы при вѣсѣ, меньшемъ 400 граммовъ, заключали въ себѣ взрывчатяя вещества.

Въ настоящее время, вслѣдствіе большой начальной скорости, если не каждая пуля новаго оружія, попадающая въ зарядный ящикъ, то извѣстное число (ружейныхъ или шрапнельныхъ) пуль, выпускаемыхъ залпами или изъ картечицъ, попавшихъ въ эту цѣль, съ неособенно отдаленнаго разстоянія, можетъ быть причиною такихъ же послѣдствій, какія вызывались прежними разрывными пулями образца 1863 года. Мы уже не говоримъ объ возможности удара гранаты. Поэтому, несмотря на то, что ящики устраиваются изъ желѣзныхъ листовъ, какъ въ Россіи, или съ наружнымъ панциремъ, какъ во Франціи, вслѣдствіе чего уже и теперь непроницаемый вѣсъ составляетъ 100 на 100, все-таки не достигается полная неуязвимость ящиковъ отъ дѣйствія метательныхъ снарядовъ. Но и допуская возможность утолщенія стѣнъ ящиковъ, опасность была бы только уменьшена, ибо при добываніи изъ ящика снарядовъ онъ остается открытымъ.

Кромѣ того, такъ какъ пули картечицъ и орудійныхъ снарядовъ вѣсятъ болѣе 400 граммовъ, то онѣ могутъ быть употребляемы и разрывными. Одной такой пули достаточно (а неприятель будетъ стремиться ихъ выпустить тысячами именно въ мѣсто стоянки амуниціи), чтобы произвести вышеописанное разрушеніе.

Легко себѣ представить впечатлѣніе, какое произведетъ на армію и страну первая такая катастрофа. вмѣсто прежняго ободряющаго впечатлѣнія увѣренности, какое придавалъ войскамъ видъ вблизи находящейся артиллеріи, она станетъ поселять лишнее безпокойство, которое отразится на общемъ душевномъ состояніи воюющихъ, а это послѣднее на войнѣ, какъ увѣряютъ спеціалисты, и теперь весьма важно.

Подобныя впечатлѣнія отразятся и за предѣлами поля битвы, особенно если принять во вниманіе характеръ западноевропейскаго общества и составъ арміи. Дошедшія вѣсти о повторяющихся катастрофахъ легко могутъ вызвать замѣшательство. Слѣдуетъ замѣтить, что экономическія замѣшательства и нравственныя потрясенія, какія могутъ возникнуть во время мобилизаціи—во Франціи подвергались своего рода изслѣдованію, но, случайности, могущія повліять на общественное настроеніе, не были при этомъ достаточно приняты во вниманіе.

Всобщее мобилизація въ государствахъ съ сильно развитой промышленностью и стоящихъ на известной степени культуры почти немислима безъ нѣкоторыхъ ступеней. Быстрое изъятіе изъ сложной машины, представляющей современный общественный строй, большаго числа рабочихъ силъ совершенно невозможно. Быстрый призывъ могъ бы вызвать страшныя потрясенія. Поэтому экономисты полагаютъ, что и Германія и Франція могутъ мобилизовать войска только постепенно. Къ этому предмету придется намъ возвратиться тогда, когда мы будемъ разсматривать составъ по занятіямъ войскъ въ разныхъ государствахъ. Здѣсь необходимо замѣтить только, что по мѣрѣ того, какъ продолжался бы призывъ подъ знамена людей, въ странѣ оставались бы контингенты старшаго возраста, въ средѣ семействъ которыхъ, при полученіи извѣстій о катастрофахъ, постигшихъ армию вслѣдствіе нововведеннаго оружія, непременно возникли бы протесты, а можетъ быть и возмущенія, для подавленія коихъ можетъ не хватить достаточной энергіи у правительствъ Франціи и Германіи.

Конечно, есть много лицъ, которыя не раздѣляютъ этихъ опасеній. Нормальныя военныя жертвы предвидятся въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, что случайныя катастрофы составятъ во всякомъ случаѣ въ ихъ числѣ лишь незначительный процентъ. Что касается до впечатлительности публики, то громадное значеніе будетъ имѣть въ этомъ отношеніи пресса, а такъ какъ во время войны ее возьмутъ въ руки, то и обыкновенной полиціи и жандармовъ окажется совершенно достаточно для обузданія замѣшательства.

Мнѣніе наше высказано уже было въ предшествующемъ отдѣлѣ.

Правда, что война разогрѣваетъ патріотическія чувства и можетъ временно подавить агитацію социализма. Но еслибы восторгъ смѣнился отчаяніемъ или когда онъ просто прошелъ бы, уступивъ мѣсто жалобамъ на страшныя жертвы и на усиленіе бремени налоговъ, не явилось ли бы настроеніе рабочихъ, которое Гейне въ пѣснѣ „Силезскихъ ткачей“, выражаетъ: „стучите, станки; работайте, люди днемъ и ночью; на тебя, старая Германія, мы работаемъ, саванъ тебѣ изготовляемъ съ проклятіями“.

6.

Измѣненія въ тактикѣ артиллеріи.

Теперь мы имѣемъ возможность приступить къ ближайшему разсмотрѣнію общаго вліянія вновь введенныхъ улучшеній на будущую дѣятельность артиллеріи.

Такъ какъ въ послѣднее время усовершенствованіе артиллеріи достигло громадныхъ результатовъ и продолжается безъ перерыва, то мы живемъ въ такое время, когда постоянно проявляются опасенія, что преимущество въ этомъ отношеніи, то и дѣло, можетъ оказываться то въ одномъ, то въ другомъ государствѣ. Далѣе, въ виду постоянныхъ улучшеній оружія, рождается вопросъ, не можетъ ли случиться, что и во время самой войны возникнетъ такое обстоятельство, которое дастъ преимущество одной изъ сторонъ?

Прошлое военнаго дѣла доказываетъ необходимость, при подобныхъ крупныхъ перемѣнахъ въ вооруженіи — коренныхъ измѣненій въ способахъ нападенія и защиты и заблаговременнаго приученія войска къ этимъ измѣненіямъ, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, печальныхъ послѣдствій.

Изъ числа примѣровъ, доказывающихъ эту истину, особенно памятенъ и поучителенъ слѣдующій. Во время войны 1870 г. французскій тогдашній карабинъ Шаспо, какъ извѣстно, превосходилъ качествами своими нѣмецкія ружья. Поэтому германскія войска, наученныя опытомъ 1866 года, приняли въ систему производить пѣхотную атаку не иначе, какъ подготовивъ ее предварительнымъ дѣйствіемъ артиллеріи, которая и во время самой атаки продолжала громить менѣе многосленную французскую артиллерію. И только послѣ того, какъ орудія обращались противъ французской пѣхоты, всѣ усилія которой парализовались артиллерійскимъ огнемъ, масса войскъ, оставшаяся вдали отъ боевой линіи, бросалась впередъ и брала позицію, изъ-за которой борьба продолжалась въ теченіе цѣлаго дня ¹⁾).

Надо замѣтить, что въ мирное время, вслѣдствіе недостаточно обширныхъ опытныхъ полей, артиллерія большею частію упражняется въ стрѣльбѣ на гораздо меньшемъ разстоя-

¹⁾ Colonel Oméga. „L'art de combattre“.

нѣи, чѣмъ на какомъ можно будетъ въ военное время начинать огонь.

Естественно, что замѣшательства въ тактикѣ произойдутъ при этомъ во всѣхъ арміяхъ, но ихъ будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ окажутся выше по развитію офицеры, т. е. чѣмъ въ большей степени они будутъ обладать званіями, которыя облегчатъ имъ освоиться самимъ и приучить солдатъ къ каждому новому условію, хотя бы и неизвѣстному имъ изъ опыта и упражненій мирнаго времени. Въ виду того, что артиллерійскіе офицеры всѣхъ армій принадлежатъ по образованію къ высшимъ слоямъ военной интеллигенціи, внезапная перемѣна тактической системы можетъ и не повести ни къ какимъ особеннымъ осложненіямъ. Во всякомъ случаѣ, однако, только настоящее поле битвы можетъ показать на дѣлѣ, какъ скоро и насколько хорошій офицеръ сумѣетъ ориентироваться и доказать свою находчивость въ новыхъ условіяхъ. На это обстоятельство военные писатели всѣхъ странъ уже обратили полное вниманіе. Такъ, между прочимъ, слышались голоса въ пользу измѣненій въ уставѣ, съ цѣлью приученія артиллеріи къ дѣйствіямъ на большихъ разстояніяхъ и предоставленія ей большей самостоятельности. По этому поводу указываютъ на достойный подражанія примѣръ Германіи.

Германская артиллерія, выступая на борьбу съ непріятельской артиллеріей, пользуется независимостью отъ корпуснаго или дивизіоннаго начальства, между тѣмъ какъ во Франціи корпусная артиллерія и дивизіонныя батареи всегда остаются въ непосредственномъ подчиненіи соотвѣтственнаго общаго командира. То же соблюдается и въ русской арміи. Притомъ инструкціи предписываютъ, чтобы всякая перемѣна позиціи батареи, *могушая имѣть вліяніе на общій ходъ сраженія*, происходила не иначе, какъ по предписанію командира отряда. Но позволительно спросить, не будетъ ли та или другая перемѣна позиціи имѣть вліянія на исходъ битвы. Не слишкомъ ли связываетъ и лишаетъ инициативы предписаніе этого рода въ виду новыхъ условій боя?

Казалось бы, что особенно въ русской арміи слѣдовало бы предоставить артиллерійскимъ офицерамъ самостоятельность, такъ какъ бездымный порохъ только съ недавней поры употребляется у насъ какъ для метанія, такъ и для разрыва орудійныхъ снарядовъ, а потому съ могущими проявляться труд-

ностями, происходящими отъ измѣненія въ разстояніяхъ атаки и обороны, скорѣе совладають артиллерійскіе офицеры, чѣмъ линейные.

Если въ иностранныхъ арміяхъ полагается предоставлять командирамъ артиллерійскихъ частей бѣольшую самостоятельность, то, казалось бы, нѣтъ причины отказывать въ ней имъ же и въ русской арміи. Но, съ другой стороны, судя просто по здравому смыслу, нельзя не предположить, что такъ какъ артиллерія составляетъ только одно изъ средствъ, служащихъ для достиженія главной цѣли, то распоряженіе войсками и этого оружія должно оставаться въ рукахъ командующаго отрядомъ. Во всякомъ однако случаѣ избраніе лучшихъ способовъ для исполненія данныхъ указаній должно быть предоставлено командирамъ артиллерійскихъ частей, и это тѣмъ болѣе необходимо, что при мобилизаціи арміи, когда призывъ коснется всѣхъ силъ, способныхъ къ командованію, извѣстная часть запасныхъ офицеровъ окажутся болѣе способными вслѣдствіе болѣе распространеннаго образованія, именно въ артиллеріи. Кромѣ того, увеличеніе численности артиллерійскихъ офицеровъ понадобится лишь для кадровъ, а русскіе артиллеристы такъ же, какъ и въ прочихъ государствахъ, принадлежатъ къ числу офицеровъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Что же касается до боевой опытности, то въ этомъ отношеніи русская артиллерія стоитъ выше другихъ, имѣя въ своихъ рядахъ многихъ офицеровъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ съ турками въ 1877—78 гг. и въ среднеазиатскихъ походахъ, между тѣмъ какъ французская и нѣмецкая арміи не были въ огнѣ съ 1870 года, а австрійская и итальянская въ послѣдній разъ воевали въ 1866 году, если не считать итальянской немногочисленной экспедиціи въ Абиссинію.

Надо замѣтить, что артиллерія въ настоящее время снова оказывается въ переходномъ состояніи. Новѣйшихъ усовершенствованій накопилось столько, что всѣхъ ихъ невозможно уже примѣнить къ имѣющемуся нынѣ матеріалу. Поэтому въ недалекомъ времени предстоитъ перевооруженіе артиллеріи новыми орудіями, которыя въ разныхъ своихъ частяхъ будутъ отступать отъ нынѣшнихъ типовъ. Такъ, съ употребленіемъ малодымнаго пороха, при имѣющихся орудіяхъ, нельзя ожидать достаточнаго увеличенія начальной скорости, потому что ни стволы нынѣшнихъ орудій, ни лафеты къ нимъ не были рассчитаны на эти условія. Новая метательная сила можетъ

найти себѣ дѣйствительно-полное примѣненіе только въ орудіяхъ новой системы. А между тѣмъ, немислимо, чтобы при современномъ, страстномъ соревнованіи въ вооруженіяхъ, всѣ государства не постарались, одно передъ другимъ скорѣе, воспользоваться силою доставляемой молодымъ порохомъ, тѣмъ болѣе, что съ этимъ связано и ускореніе самой стрѣльбы.

Въ свое время, при послѣднемъ перевооруженіи полевыхъ артиллерій, не было дано достаточно значенія скорости огня, а со времени введенія болѣе сильныхъ зарядовъ усилилась также и отдача орудій, что имѣло послѣдствіемъ еще нѣкоторое замедленіе стрѣльбы. Введенные же для ослабленія отката тормазы устраняють это неудобство лишь въ малой степени.

Въ австрійской инструкціи принимается, что при тормазѣ противъ отдачи орудіе должно производить 4 выстрѣла въ минуту, не будучи подаваемо вновь впередъ. Но это возможно только въ предположеніи приблизительной лишь прицѣльности огня; а иначе, даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ, возможно рассчитывать только на 2 выстрѣла въ минуту. Если батарея изъ 6-ти орудій выпускаетъ 8—10 выстрѣловъ въ минуту, то это уже считается быстрымъ огнемъ; такимъ образомъ каждое единичное орудіе теряетъ все-таки 45—36 секундъ времени для произведенія выстрѣла ¹⁾.

Сверхъ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что употребленіе тормазовъ противъ отдачи сильно вредитъ лафетамъ, особенно такимъ, при постройкѣ которыхъ имѣлся въ виду свободный откатъ. А строились они такими въ свое время по той причинѣ, что, пока былъ въ употребленіи обыкновенный порохъ, нельзя было особенно заботиться о примѣненіяхъ необходимыхъ для скорости стрѣльбы, такъ какъ скорая стрѣльба производила такой дымъ, что ее послѣ недолгаго времени приходилось прекращать, исключая, если дулъ благопріятный вѣтеръ.

Въ виду всего этого, усилія почти всѣхъ правительствъ въ настоящее время направлены къ приготовленію скорострѣльныхъ орудій уменьшенныхъ калибровъ, дающихъ около 10 выстрѣловъ въ минуту безъ отката, а затѣмъ не требующихъ каждый разъ новой наводки. Такія орудія будутъ болѣе подвижны, а уменьшенные ихъ калибры облегчатъ доставку къ нимъ снаря-

¹⁾ Oberst v. Scharner.

довъ. Какое вліяніе окажетъ на тактику снабженіе армій значительнымъ количествомъ скорострѣльныхъ пушекъ— можетъ обнаружить только война.

А какъ велики расходы, требующіеся вообще для перевооруженія арміи, объ этомъ можетъ дать понятіе оцѣнка запасовъ арміи, сдѣланная при балансѣ французскаго военнаго министерства за 1889 годъ. Здѣсь приводятся только цифры свыше 1 милліона за исключеніемъ одной, послѣдней. Артиллерійскій матеріаль—1.523.776.761 франкъ (то-есть стоимостью свыше 1½ милліарда); далѣе, въ круглыхъ цифрахъ: обмундированіе и лагерныя потребности—466 милліоновъ; ремонтная часть—117 милл., продовольственные припасы—до 99 милл., госпитальная часть—53 милл.; инженерный матеріаль—55 милл., запасы пороха и селитры—30 милл., запасы фуража—23 милл., обозъ 20 милл., топографическая часть—25 милл., телеграфная—3 милл., болѣе чѣмъ по милліону приходится еще на каждую изъ слѣдующихъ частей: центральное военное управленіе, главный штабъ, квартирмейстерскую часть, специальное военное училище и политехническое училище. На военно-воздухоплавательную часть приходится 954.000 фр.

Изъ всего вышесказаннаго получается выводъ, что относительно прогресса артиллеріи военное искусство еще не высказало послѣдняго слова. Какъ въ прочихъ отрасляхъ военной техники, такъ и въ дѣлѣ усовершенствованія артиллерійскаго оружія, продолжается непрерывное движеніе впередъ. Являются все новыя и новыя системы орудій, оставляющія позади себя прежнія по дальнобойности, быстротѣ полета снарядовъ и мѣткости стрѣльбы.

Всѣ улучшенія по возможности содержатся всѣми государствами въ тайнѣ. Всѣ боятся быть застигнутыми событіями врасплохъ.

Опасенія, конечно, не могли разсѣяться извѣстіями, идущими изъ Берлина, о новыхъ требованіяхъ кредита на вооруженія Германіи. Относительно 110 милліоновъ марокъ, внесенныхъ въ бюджетъ 1892—1893 г. для усиленія артиллеріи, никому въ точности не извѣстно, для чего предназначена эта сумма.

„Berliner Tageblatt“ сообщалъ, что Круппу заказаны новыя стальные пушки съ тѣмъ, чтобы онѣ были готовы ко времени, „когда какая-то смѣсь, нынѣ изслѣдуемая, будетъ признана годною къ употребленію“. Къ этому свѣдѣнію берлинская газета прибавляетъ, что, „съ осуществле-

нѣмъ новыхъ улучшеній, нѣмецкая артиллерія будетъ первою въ мѣрѣ. Всѣ прочія окажутся въ этомъ отношеніи ниже насъ, и никакія старанія ихъ не помогутъ имъ догнать насъ въ преимуществѣ, какое мы приобрѣли надъ ними“.

Быть можетъ, эти слова—обыкновенная газетная похвальба, но во всякомъ случаѣ она не смягчаетъ тревожныхъ ожиданій. А тѣмъ временемъ государства опасаются приступать къ передѣлкамъ частичнымъ, такъ какъ всякая двойственность колеблетъ нравственную увѣренность. „Достоинство моей пѣхоты, говорилъ Фридрихъ Великій, происходитъ отъ довѣрія, которое она питаетъ къ своему ружью. Если одна часть арміи вооружена улучшеннымъ оружіемъ, а другая выходящимъ изъ употребленія, послѣдней будетъ казаться, что она несправедливо принесена въ жертву, и духъ ея никогда не будетъ одинаковъ съ привилегированными частями“.

Но и безъ дальнѣйшихъ нововведеній, оказывается, въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ 1870 году, прогрессъ громадный. Смертоносность снарядовъ, поражающихъ въ настоящее время на разстояніи по крайней мѣрѣ вдвое большемъ противъ прежняго и дѣйствіе коихъ въ 8 разъ могущественнѣе прежняго, будетъ теперь иная, чѣмъ въ 1870 г. Сраженія въ будущемъ будутъ происходить при иныхъ условіяхъ и иначе, чѣмъ доселѣ. Дальнобойность орудій достигаетъ уже 7.000 метровъ. Наступающему, слѣдовательно, придется вступить въ битву съ артиллеріей на огромномъ разстояніи, чтобы сдѣлать возможнымъ движеніе впередъ пѣхоты.

Перевооруженіе пѣхоты и повсемѣстное введеніе малодымнаго пороха такъ измѣнили условія боя, что для артиллеріи, какъ и для другихъ родовъ оружія, оказывается необходимымъ своевременное преобразование организаціи, обученія и тактическихъ приѣмовъ. Эта необходимость, конечно, еще усилится послѣ введенія орудій новыхъ типовъ.

Такъ уже и въ настоящее время въ большинствѣ армій введены подвижныя мортиры, распределенныя по крѣпостной артиллеріи или легкимъ осаднымъ паркамъ, частью и въ отдѣльныя батареи. Между тѣмъ съ дѣйствіемъ этихъ мортиръ еще мало ознакомлены корпусные и дивизионные командиры, призванные руководить боемъ.

Въ виду возможности огромныхъ разстояній, при которыхъ будутъ начинать перестрѣлку, стрѣльба будетъ производиться надъ головами своихъ же солдатъ. Такого рода огонь принадле-

жить къ числу наиболѣе трудныхъ и опасныхъ, особенно если взять во вниманіе разрывные снаряды.

Стрѣльба въ отдаленнаго противника порождаетъ еще одно большое затрудненіе. Часто бываетъ трудно опредѣлить, свои или непріятельскія войска передъ вами.

Весьма поучительный примѣръ такого случая рассказываетъ генераль Куропаткинъ. Пространство, отдѣлявшее турокъ отъ 3-й батареи 9-ой арт. бригады, составляло всего 1.100 сажений, и батарея пришлось обстрѣливать противника съ фланговъ и съ тыла. Когда пришло приказаніе стрѣлять, между офицерами батареи возбудился оживленный споръ, нѣкоторые изъ нихъ увѣряли, что передъ ними не турецкія, а русскія войска. Въ виду такого сомнѣнія, никто не хотѣлъ взять на себя рѣшенія и пришлось ожидать посланнаго для разслѣдованія вопроса. Оказалось, что это турки. Между тѣмъ было потеряно болѣе получаса времени и упущенъ случай нанести противнику, сбитому въ густую массу, значительный урокъ.

Дальнобойность и смертоносность нынѣшнихъ разрывныхъ снарядовъ, какъ только-что сказано, увеличились въ нѣсколько разъ. Еще болѣе усилены шрапнели, количество пуль и осколковъ которыхъ упятилось. Мы уже говорили о томъ, что во всѣхъ арміяхъ введены полевые мортиры. Въ виду всего этого разнообразнаго развитія и усовершенствованія артиллеріи, руководство дѣйствіемъ ея огня и забота о своевременномъ снабженіи ея зарядами на полѣ битвы, особенно въ виду постоянного опасенія взрывовъ отъ сотрясеній или ударовъ снарядовъ, весьма нынѣ усложнились.

Всякій механизмъ требуетъ для управленія имъ тѣмъ болѣе интеллигентныхъ руководителей и рабочихъ рукъ, чѣмъ онъ сложнѣе. Это правило особенно приложимо къ дѣйствію артиллеріи, вопреки мнѣнію тѣхъ специалистовъ, которые увѣряютъ, что дѣйствительность артиллеріи въ прямой зависимости отъ одной ея матеріальной части. Послѣдніе говорятъ, что весь успѣхъ будетъ зависѣть отъ количества и вѣса снарядовъ, которые можно будетъ выпустить въ данное время. Но очень можетъ быть, что правы тѣ, которые полагаютъ, что въ будущемъ артиллерія главнымъ образомъ будетъ имѣть значеніе ободряющаго средства, дѣйствуя на увѣренность пѣхоты, которая, безъ сопутствія пушекъ, никогда не идетъ охотно впередъ.

Итакъ, мы снова стоимъ лицомъ къ лицу передъ поставлен-

нымъ въ началѣ нашей статьи вопросомъ, на который лишь будущая война въ состояніи будетъ отвѣтить.

Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что введеніе въ средства для войны бездымнаго пороха и взрывчатыхъ веществъ, какъ бы означающее конецъ нашего вѣка, чрезвычайно увеличило убійственность пѣхотнаго и артиллерійскаго огня, чему можно противопоставить только то обстоятельство, что сраженія будутъ происходить на большихъ, чѣмъ доселѣ, разстояніяхъ.

II.

Пѣхота.

Говоря о роли, предстоящей въ будущей войнѣ конницѣ и артиллеріи, мы по необходимости касались и вопроса о значеніи и дѣйствіяхъ пѣхоты. Теперь мы должны будемъ относительно специальныхъ свойствъ войскъ этого оружія дополнить и развить сказанное необходимыми поясненіями.

Несмотря на всѣ открытія и усовершенствованія въ области артиллеріи, пѣхота, какъ всегда была, такъ и останется, вѣроятно навсегда, главнымъ дѣятелемъ и рѣшителемъ военныхъ успѣховъ въ будущемъ.

По исчисленію, составленному германскимъ военнымъ министерствомъ для имперскаго сейма, численность пѣхоты въ арміяхъ разныхъ странъ, на основаніи дѣйствующихъ въ нихъ въ настоящее время военныхъ законовъ, составляетъ:

въ Италіи	346	баталіоновъ	1.267.500	чел.
„ Австріи	458	„	2.062.000	¹⁾ „
„ Германіи	540	„	3.600.000	²⁾ „
„ Франціи	616	„	4.150.000	„
„ Россіи	1.010 ¹⁾	„	4.556.000	„

И такъ, пѣхота составляетъ большинство воюющихъ, а изъ всѣхъ родовъ оружія она скорѣе другихъ способна къ самостоятельному дѣйствию. Зато много произошло перемѣнъ въ вооруженіи и самомъ способѣ дѣйствій пѣхоты.

Тактика въ данный моментъ есть прежде всего результатъ опыта ближайшихъ къ нашему времени прошлыхъ войнъ. Въ прежнія времена, когда прогрессъ военной техники шелъ съ та-

¹⁾ Въ томъ числѣ 300 тыс. людей изъ запаса.

²⁾ Исключая 300 тыс. чел. льготныхъ резервистовъ.

кою медленностью, что между условіями слѣдовавшихъ другъ за другомъ вооруженныхъ столкновений нельзя было замѣтить никакой разницы, руководствоваться опытомъ прошлаго не представляло особенной трудности.

Въ настоящее время вопросъ представляется совершенно иначе. По единогласному почти свидѣтельству компетентныхъ людей, всѣ улучшенія въ оружіи, происшедшія въ теченіе пяти вѣковъ, т. е. со времени изобрѣтенія пороха, не могутъ сравниться по своему значенію съ тѣми, какія произошли въ послѣднія 25 лѣтъ, вслѣдствіе введенія бездымнаго пороха и нынѣшняго усовершенствованнаго оружія.

Первое ручное огнестрѣльное оружіе—въ видѣ снабженныхъ фитилями пищалей—было введено не ранѣе, чѣмъ черезъ почти 150 лѣтъ послѣ изобрѣтенія пороха, а для того, чтобы это оружіе превратилось въ нарѣзное ружье потребовались три вѣка! Въ наше время изобрѣтенія идутъ несравненно быстрѣе. На войну 1859 года французы шли съ ружьями образца еще 1777 года, только измѣненнаго придачею трубочки для пистона и нарѣзовъ въ стволѣ. Но всего съ 1867 года у французовъ появились, одно за другимъ, ружья трехъ образцовъ: ружье Шасспо, ружье Легра и магазинное Лебеля, на которое уже теперь смотрятъ, какъ на устарѣлое. Профессоръ Геблеръ, одинъ изъ самыхъ несомнѣнныхъ авторитетовъ въ дѣлѣ пѣхотнаго вооруженія, даетъ слѣдующую таблицу сравнительнаго достоинства ружей различныхъ системъ, введенныхъ въ разныхъ государствахъ—въ процентныхъ цифрахъ, по сравненію съ прежнимъ прусскимъ ружьемъ Маузера образца 1871 года, котораго достоинство принимается при этомъ за 100¹⁾:

1. Геблера (образца 1890 года).	574
2. Швейцарскія Шмидта (обр. 1889 г.).	542
3. Бельгійскія Маузера (обр. 1889 г.)	516
4. Англійскія Ли (обр. 1888 г.)	512
5. Германскія (обр. 1888 г.)	474
6. Австрійскія Маннлихера (обр. 1888—90 г.г.).	469
7. Болгарскія Маннлихера (обр. 1888—90 г.г.).	433
8. Французскія Лебеля (обр. 1886 г.)	433
9. Датскія (обр. 1889 г.)	411
10. Шведскія (обр. 1889 г.)	393
11. Маузера (11-ти милл. обр. 1871 г.)	100

¹⁾ Revue du Cercle Militaire. 1893.

Кромѣ того, на измѣненіе образа военныхъ дѣйствій будутъ вліять и другія условія, способствуя могуществу новаго оружія. Возможность сосредоточиванія громаднаго числа войскъ при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ, участіе послѣднихъ въ доставкѣ къ мѣсту военныхъ дѣйствій всего необходимаго, возможность быстро передавать приказанія на дальнія разстоянія при помощи телеграфовъ, телефоновъ, сигналовъ, новые способы рекогносцировки непріятельскихъ позицій посредствомъ воздушныхъ шаровъ, разнородное примѣненіе электричества, между прочимъ возможность направлять лучи электрическаго свѣта на непріятеля — все это такія средства, которыя даже во время послѣднихъ войнъ едва замѣчались.

Сверхъ всего этого, явился еще одинъ могущественный дѣятель, сразу измѣнившій условія войны, значеніе котораго въ настоящее время пока даже невозможно съ точностью опредѣлить. При употребленіи прежняго пороха, дымъ, получавшійся при стрѣльбѣ, отличавшійся свойствомъ долго не разсѣиваться въ воздухѣ, служилъ для каждой изъ воюющихъ сторонъ указаніемъ мѣстонахожденія и движеній противника. Сверхъ того, этотъ же дымъ составлялъ непроницаемое для глазъ противника прикрытіе для отдѣльно манипулирующихъ людей (напр. артиллерійской прислуги). Всѣ комбинаціи, основанныя на явственномъ движеніи по дымамъ, которыми при этомъ руководились въ прежнее время, въ самомъ началѣ каждой встрѣчи съ непріятелемъ, въ настоящее время исчезли.

Нельзя никакъ поэтому допустить, чтобы въ настоящее время можно было руководствоваться одними лишь тѣми знаніями, какія были пригодны въ прежнее время, а отсюда явилась крайняя необходимость сосредоточить величайшее вниманіе съ одной стороны на области матеріальныхъ усовершенствованій, съ другой — на степени нравственной подготовки арміи къ тому, чтобы она должнымъ образомъ воспользовалась этими усовершенствованіями. Не удовлетворяя этой крайней необходимости, правительство Наполеона III въ значительной мѣрѣ способствовало побѣдѣ Германіи въ 1870 году.

Какъ бы ни было, но теперь побѣда еще болѣе, чѣмъ прежде, будетъ зависѣть отъ выдержки, обученія, храбрости, а главное отъ дисциплины, не наружной, гонящейся за внѣшними формами, а такой, которая бы не убивала личной инициативы пѣхотнаго солдата. Болѣе же всего будутъ имѣть значеніе при этомъ качества офицеровъ, руководящихъ огнемъ. Чтобы

подтвердить это положеніе, мы попробуемъ на основаніи мнѣній специалистовъ разсмотрѣть задачи дѣятельности пѣхоты, подобно тому, какъ это было сдѣлано нами относительно конницы и артиллеріи.

1.

Необходимость соображаться съ новыми требованіями тактики.

Для того, чтобы выказать первостепенную важность правильнаго выбора новыхъ тактическихъ приѣмовъ, соотвѣтственно съ тѣми или другими измѣненіями въ вооруженіи, мы приведемъ нѣсколько фактическихъ примѣровъ.

Извѣстно, что въ крымскую войну союзныя войска имѣли ружья нарѣзныя, а русскія—ружья гладкоствольныя. Когда графъ Киселевъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ, что пули изъ гладкоствольныхъ ружей только взбивали пыль на половинѣ разстоянія отъ непріятельскихъ линій, а нарѣзныя ружья били по самымъ резервамъ, то въ этомъ выражается лишь непосредственный результатъ неравенства вооруженія.

Но этотъ результатъ значительно усиливался тѣмъ, что не были измѣняемы тактическіе приѣмы, рассчитанные на гладкоствольное вооруженіе, между тѣмъ какъ приходилось имѣть дѣло съ непріателемъ, имѣвшимъ ружья нарѣзныя.

Въ соч. „Précis historique de l'infanterie française“ ¹⁾ боевое построеніе, употребительное въ то время въ русской арміи, описывается слѣдующимъ образомъ. Основной строй въ пѣхотѣ былъ въ три шеренги. На баталіонъ приходилось только 96 застрѣльщиковъ, остальные люди не были обучены стрѣльбѣ вразсыпную. Боевой порядокъ для крупныхъ войсковыхъ единицъ былъ предписанъ уставомъ, какъ бы по недовѣрію къ личнымъ способностямъ командующихъ.

Ясно, что построеніе, рассчитанное на основаніи силы русскихъ ружей, необходимо было измѣнить въ виду превосходства ружей непріятельскихъ, чтобы отвратить большія потери въ людяхъ. Но это было несогласно съ уставомъ, и, по отзыву французскаго автора, указанный порядокъ соблюдался до конца войны. Въ результатѣ было то, что самая стойкость, выказываемая пѣхотою, вела къ чрезмѣрнымъ потерямъ. Приведемъ здѣсь одинъ эпизодъ изъ битвы при Альмѣ.

¹⁾ Paris. 1891.

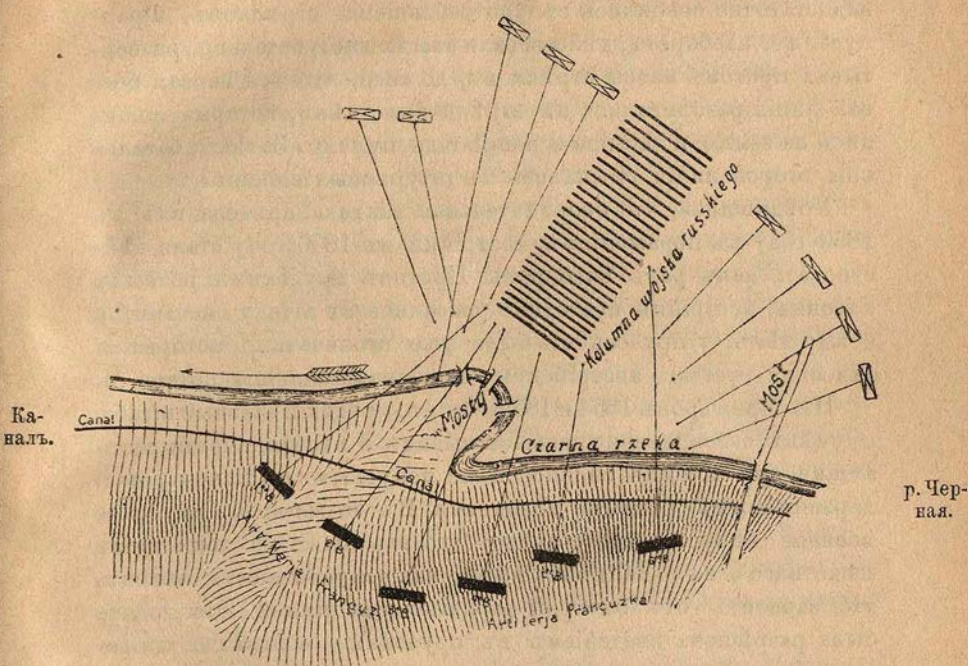
Когда на высотахъ развернулась дивизія Канробера, а дивизія принца Наполеона перешла черезъ рѣку Альму, англичане повели атаку на центръ русскихъ войскъ и были отбиты. Но затѣмъ они, въ свою очередь, отразили штыковый натискъ русскихъ, завладѣвъ даже при этомъ однимъ изъ русскихъ батарейныхъ шанцевъ. Однако новымъ ударомъ въ штыки русская пѣхота не только выбила непріятели изъ шанца, но и отбросила его, въ начинавшемся беспорядкѣ, къ мосту на рѣчкѣ. Между тѣмъ, французы взяли русскую пѣхоту во флангъ огнемъ быстро выставленной батареи изъ 24 орудій, при чемъ особенно пострадалъ мужественный Владимірскій полкъ, который лишился почти всѣхъ старшихъ офицеровъ и пришелъ, наконецъ, въ разстройство. Но, преслѣдуемые сомкнувшимися вновь англичанами, остатки храбраго полка засѣли въ только что передъ тѣмъ отбитомъ ими шанцѣ и упорно держались тамъ подъ сосредоточеннымъ огнемъ французовъ и англичанъ до тѣхъ поръ, когда данъ былъ общій отбой.

При этомъ въ полку выбыли изъ строя: полковой командиръ, 3 баталіонныхъ, 14 ротныхъ командировъ, 30 субалтернъ-офицеровъ и 1.300 нижнихъ чиновъ. Общая же потеря русскихъ войскъ въ этомъ дѣлѣ была исчислена въ 23 штабъ-офицера, 170 оберъ-офицеровъ и свыше 5.500 нижнихъ чиновъ; союзники же показывали свой уронъ въ 3.300 чел., при чемъ наиболѣе потерпѣли англичане.

Спеціальными причинами неудачнаго исхода этого сраженія были численное превосходство непріятели и отсутствіе сколько-нибудь достаточныхъ работъ для укрѣпленія русскихъ позицій. Но, сверхъ того, здѣсь дѣйствовали общія причины, отразившіяся и на другихъ дѣлахъ въ ту войну: неравенство въ вооруженіи и въ самомъ обученіи войскъ. Въ то время, какъ въ западныхъ арміяхъ уже обращено было главное вниманіе на обученіе стрѣльбѣ, въ русской пѣхотѣ преобладали механическая точность въ равненіяхъ и перемѣнахъ фронта, дѣйствіе густыми массами и вѣра въ суворовское преданіе о непобѣдимости штыка, короче—условія, которыя уже не соответствовали новымъ требованіямъ, въ виду улучшеннаго оружія.

Эта несоотвѣтственность тактическихъ приемовъ, употребившихся въ русской арміи, представляется наглядно слѣдующимъ чертежомъ, который мы заимствуемъ изъ соч. Oméga „L'art de combattre“. Чертежъ изображаетъ порядокъ наступленія русскихъ войскъ въ битвѣ на Черной рѣчкѣ.

Русскія войска.

Французская артиллерія.

Въ виду французскихъ и итальянскихъ батарей, расположенныхъ на возвышенностяхъ лѣваго берега, русская пѣхота густыми колоннами наступаетъ къ рѣкѣ съ цѣлью ударить въ правый флангъ непріятеля и отбросить его влѣво, къ морю. Но артиллерійскій огонь съ непріятельскихъ (особенно съ итальянскихъ) позицій, и даже огонь пѣхоты, при сравнительной дальнобойности нарѣзныхъ ружей, производилъ въ упомянутыхъ колоннахъ такое опустошеніе, что, какъ увѣряетъ французскій авторъ, со словъ очевидцевъ, сами французы смотрѣли на это не совсѣмъ равнодушно. Онъ же прибавляетъ, что въ настоящее время русскіе военные люди выражаютъ недоумѣніе, какъ могло прійти въ мысль атаковать въ такомъ боевомъ порядкѣ возвышенности, имѣя передъ собой рѣку.

Подобное же несоотвѣтствіе старой тактики съ успѣхами техники обнаружилось у австрійцевъ въ итальянской войнѣ 1859 года. Имѣя въ то время уже новыя нарѣзныя ружья,

австрійцы слишкомъ полагались на силу ихъ огня и поэтому систематически держались оборонительно. Сверхъ того, они недостаточно освоились съ употребленіемъ стрѣлковъ. Французы же, наоборотъ, дѣйствовали всегда наступательно, развертывая притомъ массы стрѣлковъ, до того, что вся первая боевая линія разсѣивалась въ стрѣлковыя цѣпи, которыя ложились на землю и засыпали непріятеля пулями. Затѣмъ, батальоны второй линіи смыкались въ штурмовыя колонны.

Убѣдившись, что оборонительная тактика привела ихъ въ 1859 году къ пораженіямъ, австрійцы въ 1866 году стали дѣйствовать какъ разъ наоборотъ. Противъ прусскихъ ротныхъ колоннъ, австрійцы постоянно бросались въ атаку массами, а между тѣмъ, у пруссаковъ были уже игольчатки, которыя и наносили густымъ австрійскимъ колоннамъ большія потери ¹⁾.

Изъ примѣровъ 1854 и 1859 годовъ прусскій главный штабъ съумѣлъ своевременно извлечь выводъ о необходимости вести атаки при помощи сильной цѣпи искусныхъ стрѣлковъ, поддерживаемыхъ ротными колоннами. Въ то же время прусское военное министерство сознало, что главнымъ достоинствомъ пѣхотнаго огня должна быть возможная непрерывность залповъ, что зависитъ отъ быстрой заряжаемости ружей. Эта задача была разрѣшена введеніемъ въ прусскихъ войскахъ, въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, игольчатого ружья, заряжавшагося съ казенной части. Превосходство дѣйствія этихъ ружей передъ заряжавшимися съ дула ярко обнаружилось затѣмъ въ датской войнѣ 1864 года, и особенно при штурмѣ дюппельскихъ высотъ, въ которомъ штурмующіе потеряли только 1.180 чел., а бывшіе въ окопахъ датчане 5.000 чел.!

Затѣмъ, передъ войною 1866 г. съ Австріею, прусская пѣхота уже строилась для атаки въ колонны ротныя и полубатальонныя, австрійцы же продолжали вѣрить болѣе всего въ силу удара массою и въ штыковый натискъ. Хотя австрійскіе офицеры были свидѣтелями дѣйствій пруссаковъ въ датской войнѣ, въ которой, какъ извѣстно, участвовали и австрійскія войска, но по предразсудку смотрѣли съ пренебреженіемъ на „ученые“ тактическіе приемы своихъ союзниковъ. Между тѣмъ, эти послѣдніе также видѣли на дѣлѣ австрійскую тактическую рутину и, перейдя вскорѣ изъ союзниковъ Австріи въ ея вра-

¹ Waldor de Heusch. Tactique d'autrefois. Revue de l'armée belge. Mars 1893.

говъ, сѣумѣли воспользоваться своимъ опытомъ въ обоихъ отношеніяхъ.

Дѣйствительно, въ битвахъ 1866 года, сомкнутыя атакующія колонны австрійской пѣхоты были поражаемы непрерывнымъ огнемъ игольчатокъ и при всей стремительности своего напора, хотя бы уже достигнувъ позицій противника, наконецъ не выдерживали, приходили въ разстройство и отступали подъ неисчерпаемымъ градомъ прусскихъ пуль.

Наполеонъ III съ 1866 года, какъ извѣстно, готовился къ войнѣ съ Пруссіею. Но тѣмъ не менѣе, въ французской арміи не сѣумѣли принять къ свѣдѣнію поученій войны 1866 г. Въ инструкціи о дѣйствіяхъ на полѣ битвы, маршалъ Ніэль проводилъ, какъ основную идею—атаку въ штыки сильными колоннами, съ небольшимъ числомъ стрѣлковъ, изъ 2 ротъ отъ каждаго (6 ротнаго) батальона. Эти указанія были напечатаны въ видѣ брошюръ въ Метцѣ, въ 1870 году и розданы офицерамъ. Всего хуже было то, что, въ силу рутины, французскіе офицеры не могли разобрать, что собственно въ этихъ указаніяхъ представлялось важнѣе: высылка ли трети людей въ стрѣлковыя дѣли и начатіе атаки лишь послѣ достаточнаго дѣйствія ихъ огня, или же необходимость главнымъ образомъ ходить въ атаку сильными колоннами.

Наоборотъ, германская армія удивила своего противника новыми приѣмами, и тактика ея артиллеріи имѣла рѣшающее значеніе въ битвахъ, между тѣмъ какъ кавалерія подготавливала успѣхи стратегическіе ¹⁾.

Но, что всего важнѣе, прусско-французская война 1870—71 гг. окончательно выказала первостепенное значеніе въ пѣхотномъ бою силы и непрерывности огня и ненадежности, въ виду его, удара въ штыки, который именно съ тѣхъ поръ сохранилъ уже только второстепенное значеніе. Въ самой прусской арміи, вслѣдствіе того опыта, какой представили въ этой войнѣ огромные уроны при штурмованіи позицій, подверглись еще новымъ измѣненіямъ тактическіе приѣмы. Обнаружилась невозможность подвергать дѣйствію огня, даже на большомъ отдаленіи, пѣхоту, построенную въ колонны или въ шеренги. Что бы иллюстрировать это, приведемъ въ примѣръ эпизодъ изъ битвы при Сен-Прива ²⁾, въ которой уронъ въ германскихъ войскахъ составилъ 13⁰/₀ всего числа бывшихъ въ строю.

¹⁾ Waldor de Heusch. Tactique d'autrefois.

²⁾ Arthur de Launiers. „La tactique de demain“. „Revue Contemporaine“ 1893.

Принцъ Августъ Виртембергскій имѣлъ передъ собой занятое частями французскаго 6-го корпуса селеніе Сен-Прива. Уже въ продолженіе двухъ часовъ французскіе окопы „подготовлялись“ къ штурму огнемъ 200 орудій, и селеніе горѣло. Считая моментъ для штурма наступившимъ, принцъ двинулъ два отряда: 4-ю бригаду прусской гвардіи, наступавшую отъ Сент-Эля, подъ генераломъ фонъ-Кесселемъ, и всю 1-ю гвардейскую же дивизію, которую велъ генераль фонъ-Папе, отъ Сент-Мари-о-Шень. Остатки французскихъ войскъ, державшіеся еще на сѣверозападномъ рубежѣ Сен-Прива, увидѣвъ наступленіе густыхъ массъ прусскихъ колоннъ, открыли огонь уже при приближеніи непріятеля до 1.200 метровъ, просто по чувству самосохраненія и вопреки командѣ офицеровъ, которые сами еще недостаточно сознавали всю дѣйствительность новаго оружія.

Французы стрѣляли страстно, поспѣшно, едва цѣлясь, и настоящій ливень пуль билъ вдоль легкаго гласиса, по которому поднимались штурмовыя колонны, оглашая криками „ура!“ воздухъ, наполненный пылью отъ безчисленныхъ рикошетовъ французскихъ пуль. Но когда, наконецъ, послѣ десятиминутной отчаянной стрѣльбы, французы стали уменьшать свой огонь, по недостатку патроновъ, то непріятельское „ура!“ уже смогло. Они увидѣли, какъ на нѣкоторомъ отдаленіи прусская гвардія стояла безмолвно, неспособная ни идти впередъ, ни отступать; дѣло было въ томъ, что *въ теченіе этихъ десяти минутъ въ ней выбыл изъ строя 6.500 нижнихъ чиновъ и 240 офицеровъ*, т. е. около трети состава.

И это представляло результатъ, главнымъ образомъ, огня ружейнаго, такъ какъ въ то время французская артиллерія оказывалась слабѣе германской, потому что дѣйствовала ошибочно—не массами, а отдѣльными батареями, даже полубатареями. Но ружья Шасспѣ, бившія на 1.500 метровъ, производили сильное дѣйствіе, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда пѣхота открывала огонь уже начиная съ этого разстоянія. Въ такихъ случаяхъ атакующій долженъ былъ проходить послѣдніе 1.500 метровъ подъ соединеннымъ огнемъ артиллеріи и пѣхоты. Понятно, что при такихъ условіяхъ уже не годились прежніе приемы штурма: движеніе впередъ колонной, имѣя впереди ея цѣпь стрѣлковъ, которая расчищала ей путь, а затѣмъ раскрывалась и пропускала колонну, шедшую въ штыки.

Дальнобойность и сравнительная скорострѣльность даже та-

вихъ типовъ ружья, какъ берданка или шасспò, а тѣмъ болѣе новѣйшихъ, магазинныхъ, заставили атакующаго прибѣгать къ инымъ приѣмамъ, для того чтобы перейти сквозь поясъ усиленнаго непріятельскаго огня безъ слишкомъ большихъ потерь и, не позволяя непріятелю стрѣлять безпрепятственно, отвѣчать ему также огнемъ.

Имѣя лучшую, чѣмъ французы, артиллерію и худшія ружья, нѣмцы стали начинать бой съ возможно болѣшихъ дистанцій—дѣйствіемъ артиллеріи и во всѣхъ описаніяхъ битвъ встрѣчается моментъ, обозначаемый словами: „послѣ удачнаго дѣйствія артиллеріи“. Они старались держаться возможно дольше внѣ сферы дѣйствія французскаго ручнаго оружія, болѣе дальнобойнаго, чѣмъ игольчатое ружье. Затѣмъ, когда разстояніе уменьшалось, при наступленіи съ той или другой стороны, такъ что ружья Шасспò уже дѣйствовали, нѣмцы старались поскорѣе еще сократить разстояніе, подпуская къ себѣ французовъ ближе, или сами подавались впередъ, такъ что могли уже бить и игольчатки, что устраняло превосходство французскихъ ружей. Французы не разъ въ теченіе всей войны попадались на этотъ маневръ, упуская изъ вида свое преимущество. Надо прибавить, что принятіе этой тактики тотчасъ замѣчательно уменьшило потери въ германскихъ войскахъ.

Эти указанія предшествующихъ войнъ не были достаточно своевременно приняты во вниманіе въ русской арміи при войнѣ 1877 года. Запоздали какъ перевооруженіе пѣхоты, такъ и усвоеніе новыхъ тактическихъ приѣмовъ. Война застала пѣхоту въ переходномъ положеніи въ обоихъ этихъ отношеніяхъ. На дѣйствіе однимъ натискомъ уже не полагались, но это выражалось пока лишь въ постепенномъ, съ 1869 года, снабженіи пѣхоты берданками и въ началомъ перереформированіи полковъ изъ 3-хъ баталіоннаго (по 5 ротъ въ баталіонѣ) состава—въ 4-хъ баталіонный (по 4 роты въ баталіонѣ). Такимъ образомъ, упразднилися пятая рота въ баталіонахъ, тѣ роты, изъ которыхъ прежде составлялась цѣпь стрѣлковъ, и всѣ люди въ полкахъ стали обучаться дѣйствію въ разсыпномъ строѣ и новымъ боевымъ приѣмамъ вообще. Но и это строевое преобразование передъ началомъ войны было окончено только въ войскахъ гвардіи и въ кавказскихъ дивизіяхъ.

Что касалось перевооруженія, то берданками были къ тому времени снабжены гвардейскій и гренадерскій корпуса, нѣкоторыя армейскія дивизіи, расположенныя въ западной полосѣ,

и стрѣлковыя бригады. Части, вооруженныя берданками, составляли около 34% всего состава арміи даже на европейскомъ театрѣ войны съ Турціею; остальные части имѣли ружья Кринка; войска же, дѣйствовавшія въ Азіи, имѣли ружья Карля; тѣ и другія были передѣланы изъ прежнихъ, заряжавшихся съ дула—въ заряжающіяся съ казенной части ¹⁾.

При такомъ положеніи дѣлъ, тактическіе приемы въ русской арміи оставались еще въ значительной степени прежними. Вотъ какимъ образомъ болѣе подробно описываетъ тогдашнюю тактику атаки генераль Пузыревскій²⁾. Для боя отъ роты высылались въ цѣпь одинъ полувзводъ, а остальная часть располагалась въ видѣ резерва, позади, шагахъ въ 300. Цѣпь состояла изъ звеньевъ по 4 чел. въ каждомъ. При наступленіи, стрѣлки дѣлали перебѣжки въ 25—50 шаговъ, отъ закрытія къ закрытію и, такимъ образомъ, подходили къ непріятелю на 50—100 шаговъ; затѣмъ подавался сигналъ атаки и шаговъ съ 50 бросались въ штыки съ крикомъ „ура!“. При этомъ, когда сомкнутая часть, двигавшаяся безостановочно впередъ, по сигналу „аттака!“, подходила къ цѣпи, то послѣдняя очищала передъ ней фронтъ, примыкала къ ея флангамъ и наступала впередъ съ пальбою, при удачѣ цѣпь подавалась впередъ и открывала учащенный огонь по отступавшему непріятелю⁴⁾.

Вообще, тактика русскихъ войскъ оставалась рассчитанною на силу натиска. Баталіоны, полки, бригады шли въ атаку узкими фронтами, причемъ однѣ линіи близко слѣдовали за другими.

Что касается турецкой пѣхоты, то при обученіи ея имѣлся въ виду образецъ французской. Но при этомъ обращено было слишкомъ мало вниманія на обученіе стрѣльбѣ и пользованіе мѣстностью. Правда, турецкій солдатъ, по особенностямъ своего быта, уже подготовленъ къ тому и другому, дома еще научился и стрѣлять, и быстро ориентироваться среди условій мѣстности, да при прежнихъ ружьяхъ эти недостатки обученія, и сами по себѣ, не были столь важны. Но большинство турецкихъ пѣхотныхъ частей получили передъ войною ружье системы Мартини-Пибоди, которое солдаты въ первый разъ брали въ руки, а потому они и не умѣли достаточно воспользоваться всѣми

¹⁾ Stoecker-Paschl a «Bemerkungen über den russisch-türkischen Krieg 1877 — 1878». «Militär Wochenblatt», 1892.

²⁾ «Русская армія передъ войною 1877 года».

его преимуществами. Главное вниманіе они обратили на возможность скорой стрѣльбы, а такъ какъ наскоро сформированные артиллерійскіе обозы выказали замѣчательную дѣятельность и боевые снаряды доставлялись безостановочно и въ изобиліи, то громадное потребленіе патроновъ турецкими войсками и производило удивительное дѣйствіе. Отсюда послѣ войны произошли толки о „градахъ пуль“, выпускавшихся турецкою пѣхотой. Между тѣмъ, русскія берданки или румынскія ружья Пибоди почти равнялись турецкимъ, но они не производили равнаго дѣйствія по той причинѣ, что употреблялись иначе. Во всякомъ случаѣ, извѣстія о турецкихъ „градахъ пуль“ несомнѣнно повели къ скорѣйшему введенію въ европейскихъ арміяхъ вообще ружей новыхъ, скорострѣльныхъ типовъ ¹⁾.

Какъ упомянуто выше, нѣмцы въ войнѣ 1870 г. сумѣли до нѣкоторой степени уравновѣсить превосходство французскаго оружія посредствомъ новыхъ тактическихъ приемовъ. Но такъ какъ тактика въ русскихъ войскахъ оставалась почти безъ измѣненія прежняя, то превосходство турецкаго оружія должно было проявиться тѣмъ болѣе сильно. Авторъ исторіи тактики пѣхоты, описывая штурмы на Плевну ²⁾, ссылаясь на генерала Куропаткина, представляетъ слѣдующую характеристику: „Надѣялись, что подготовленіе артиллеріи уже достаточно потрясло непріятельскую пѣхоту и достаточно повредило укрѣпленія, чтобы штурмъ могъ увѣнчаться успѣхомъ. А между тѣмъ, дѣло оказалось совсѣмъ иначе: русская пѣхота, подступая къ окопамъ и траншеямъ, находила ихъ вполне защищенными.

„Натискъ русской пѣхоты былъ великолѣпенъ. Повсюду она прорывалась на близкія разстоянія къ турецкимъ линіямъ; но тамъ, послѣ того, какъ ею уже были пройдены безъ колебанія дистанціи въ 1.000—1.200 метровъ, она останавливалась, изнемогая подъ дѣйствіемъ огня. Новые порывы подвигали ее еще нѣсколько впередъ, но она уже оказывалась не въ силахъ для окончательнаго приступа. Стойко выдержавъ еще нѣкоторое время огонь, на который сами отвѣчали, эти храбрыя войска бросались назадъ и возвращались на свои позиціи почти съ такою же быстротой, какъ шли передъ тѣмъ къ позиціи турокъ. Повсюду потери были огромны, доходя даже до

¹⁾ Stoecker-Pascha, тамъ же.

²⁾ „Historique de la tactique de l'infanterie française“.

половины состава, а изъ числа офицеровъ выбывали иногда и двѣ трети. Въ одномъ только пунктѣ, на лѣвомъ флангѣ, русскіе имѣли временный успѣхъ, благодаря прикрывшему ихъ туману и энергіи генерала Скобелева. Они овладѣли двумя редутами и соединявшими послѣдніе траншеями. Но хотя эти позиціи защищались всего 3—4 турецкими баталіонами слабаго, едва 500-го состава, Скобелевъ, чтобы исполнить это, долженъ былъ ангажировать въ дѣло всѣ свои силы съ резервами, а именно 18 баталіоновъ, то-есть 12—13 тысячъ чело-вѣкъ, такъ что послѣ геройской борьбы, длившейся почти 30 часовъ 11—12 сентября (30—31 августа), русскія войска, не получая подкрѣпленій, должны были наконецъ уступить позиціи, послѣ нѣсколькихъ атакъ турокъ, стянувшихъ свои резервы, и такимъ образомъ, понесли непродуманно потерю около 6.000 чело-вѣкъ.

„Примѣръ этотъ—замѣчаетъ французскій авторъ—показываетъ, что для побѣды недостаточно пожертвовать даже половиною своихъ войскъ; надо еще, чтобы такой потерей окупался соотвѣтственный ей по важности дѣйствительный результатъ и чтобы въ распоряженіи командующаго оставались еще такія силы, которыя могли бы удержаться въ однажды взятыхъ позиціяхъ. Вѣдь и Пирръ одержалъ надъ римлянами побѣду, но она обошлась ему такъ дорого, что его войско оказалось не въ состояніи продолжать кампанію и должно было оставить Италію“.

По мнѣнію того же французскаго автора, тактика русскихъ войскъ содѣйствовала значительности понесенныхъ потерь. „Въ большинствѣ случаевъ—говоритъ онъ—русскіе шли въ атаку въ строѣ болѣе глубокомъ, чѣмъ тотъ, въ какомъ греки и римляне рѣшались наступать на непріятелей, вооруженныхъ только луками и пращами. Такъ, атака на Шипку была ведена ротными колоннами въ двѣ линіи, едва прикрытыми горстью застрѣльщиковъ. Хотя обученіе разсыпному строю было въ то время введено въ русской арміи, но еще не установилось вполне понятіе о томъ, до какой степени тактика должна была измѣниться подъ вліяніемъ скорострѣльнаго оружія. Наконецъ, и по настоящее время въ русской арміи находятъ еще приверженцы суворовской традиціи“.

Этотъ отзывъ сходенъ съ свидѣтельствомъ генерала Куропаткина, которое приведемъ теперь. „Большая часть полковъ—говоритъ онъ—сразу выводили въ боевую линію 10 ротъ, оста-

вляя въ резервъ пять ротъ. Строй въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ имѣлъ между ротами слишкомъ малые интервалы. Весь полкъ, построившійся въ боевой порядокъ, представлялъ слишкомъ компактную массу, имѣвшую относительно небольшой фронтъ и еще меньшую глубину. Въмѣсто того, чтобы занять шире фронтъ и вести наступленіе и бой ротами, причемъ *единицею* боя была бы рота, этою единицею въ центрѣ оказался *полкъ*, а роты въ большинствѣ утратили въ пылкомъ, но безпорядочномъ наступленіи и еще болѣе безпорядочномъ отступленіи, свою вполне необходимую самостоятельность ¹⁾.

Изъ приведенныхъ выше примѣровъ ошибокъ въ бою, какія были доступны въ разныхъ арміяхъ, видно, что главное значеніе въ дѣйствіяхъ пѣхоты перешло къ линіи стрѣлковъ, которая уже не только подготавливаетъ своимъ огнемъ атаку, но и сама ее исполняетъ. Прежде стрѣлки служили только прикрытіемъ для атакующихъ колоннъ, теперь же они сами занимаютъ первое мѣсто. Такъ какъ — по удачному выраженію австрійскаго капитана Горсецкаго — „атака пѣхоты сдѣлалась нынѣ наступающимъ огнемъ“, а нераздѣльность наступленія впередъ и огня можетъ быть достигаема только въ первой боевой линіи, то ясно, что главная роль въ атакѣ перешла къ стрѣлкамъ.

Но изъ этого проистекло и усиленіе стрѣлковой линіи. Для того, чтобы она могла подвигаться ближе къ непріятелю, надо, чтобы она или выжидала, когда артиллерія заставитъ смолкнуть его огонь, или, чтобы цѣпи стрѣлковъ пользовались всевозможными естественными закрытіями и старались сами парализовать непріятельскій огонь. Но для того, чтобы сдѣлать это послѣднее, наступающая цѣпь стрѣлковъ должна развить огонь, превосходящій тотъ, какому она сама подвергается. А отсюда и является необходимость увеличивать число ружей въ стрѣлковой линіи, усиливать ее.

Чтобы подвигаться впередъ, стрѣлки пользуются всѣми неровностями почвы и другими закрытіями, такъ какъ совершенно незащищенное движеніе впередъ часто становится невозможнымъ даже для самыхъ мелкихъ боевыхъ единицъ, каковы полубаталіонъ и рота. Это обстоятельство и обуславливаетъ наступленіе стрѣлковъ въ рассыпномъ строѣ.

Изъ опыта войны 1870—1871 годовъ выведены были слѣдующія главныя указанія: 1) главнымъ преимуществомъ пред-

¹⁾ «Дѣйствія отрядовъ ген. Скобелева подъ Плевной».

ставляется превосходство силы огня; 2) перенесеніе боя въ стрѣлковыя цѣпи является регуляторомъ всего механизма битвы; атака представляется двигающимся впередъ огнемъ; 3) необходимо постоянно усиливать цѣпь стрѣлковъ, сперва, чтобы пріобрѣсть превосходство огня, а затѣмъ, чтобы удержать за собой это превосходство; одно только это условіе можетъ, при нынѣшнихъ боевыхъ средствахъ, обезпечить за отрядомъ возможность приближаться къ непріятелю; 4) разсыпной строй при этомъ безусловно необходимъ для того, чтобы стрѣлки могли пользоваться естественными защитами и избѣгли слишкомъ значительныхъ потерь.

Могущество нынѣшняго пѣхотнаго огня дало ему такое значеніе въ ходѣ битвы, что отряды, посланные въ первую линію, должны быть управляемы только своими непосредственными начальниками; по отношенію къ нимъ роль командующаго должна ограничиваться только высылкою постоянно новыхъ подкрѣпленій; какъ только командиръ дивизіи, бригады или полка пустилъ въ первую линію послѣдній свой батальонъ, то и командованіе этого высшаго начальника окончилось: ему остается только идти съ своими людьми, давая имъ примѣръ.

Атака на позиціи, даже при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ стоила каждый разъ дорого, а такія атаки, которыя предпринимались въ открытомъ полѣ противъ занятой непріателемъ укрѣпленной позиціи, оказывались просто невозможными.

Такъ какъ, съ одной стороны, ружейный огонь пріобрѣлъ нынѣ необычайную силу, а съ другой необходимо все-таки, въ концѣ-концовъ, двинуться всѣми силами на непріятеля для того, чтобы окончательно рѣшить битву, то важнѣе всего представляется умѣнье выбрать соотвѣтственный для этого моментъ. А такъ какъ боевая практика еще не дала возможности предвидѣть или опредѣлить впередъ, когда этотъ моментъ долженъ наступить, то въ уставахъ полевой службы, какъ мы уже объ этомъ упоминали, и не содержится еще обязательныхъ указаній въ этомъ отношеніи. Генераль Пузыревскій говоритъ по этому поводу: „менѣе всего поддается точной формулировкѣ бой, и всякія попытки въ этомъ смыслѣ могли бы привести лишь къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ: въ этомъ отношеніи, какъ западно-европейскія арміи (особенно въ XVIII столѣтіи), такъ и наша (напр. въ эпоху Крымской кампаніи) пережили тяжелыя испытанія и дорого заплатились за стремленія установить неподвижныя нормальныя формы для

боеваго порядка и системы веденія боя. Поэтому регламентация боя и не включена у насъ въ уставъ полевой службы¹⁾.

Впрочемъ, относительно боеваго порядка русскій уставъ содержитъ слѣдующія примѣрныя указанія: фронтъ развертывается на разстояніи отъ 2-хъ верстъ до 700 сажень отъ непріятели; огонь открывается на дистанціи 350—250 саж., и послѣднее расположеніе стрѣлковой цѣпи передъ ударомъ въ штыки находится на 100—50 саж. отъ непріятели.

Успѣхи въ вооруженіи постоянно требуютъ измѣненія тактическихъ приѣмовъ, и указанія уставовъ въ этомъ отношеніи должны оставлять просторъ для усмотрѣнія командировъ; иначе—какъ замѣчаетъ Гёнигъ²⁾—пришлось бы возить при полевомъ штабѣ особую типографію для своевременнаго измѣненія правилъ⁴. Тотъ же авторъ замѣчаетъ, что тактика, какъ и фортификація, вмѣсто того, чтобы предвидѣть новыя потребности и законы, идутъ по слѣдамъ опыта. Не разъ случалось, что пока крѣпость успѣла показаться, явились новыя требованія и она оказывается уже устарѣлою и неспособною къ оборонѣ. „Были примѣры, что арміи приступали къ войнѣ съ устарѣвшею тактикой, какъ и съ устарѣвшими крѣпостями и, неудивительно, что при такихъ условіяхъ, арміи подвергались пораженіямъ. Но бывало и такъ, что армія была разбита и несмотря на полное соотвѣтствіе ея полеваго устава требованіямъ даннаго времени⁴“.

Причину такихъ случаевъ Гёнигъ видитъ въ томъ, что военные люди слишкомъ мало изучаютъ стратегію. Но намъ кажется болѣе убѣдительнымъ объясненіе, которое мы находимъ у генерала Пузыревскаго, а именно, что хотя оружіе перемѣняется, но руки, которыя ими дѣйствуютъ, и сердце, которому послушны руки, остаются вѣчно одинаковыми. Никакой трактатъ о военномъ искусствѣ не замѣнитъ личной инициативы, соображающей съ дѣйствительною потребностью момента и—за однимъ исключеніемъ изслѣдованія свойствъ разныхъ родовъ оружія—все, что сообщаетъ тактика, служить не столько для преподаванія точныхъ правилъ дѣйствія, сколько для того, чтобы вызвать размышленіе и ознакомленіе съ предметами.

Въ одномъ только отношеніи принятыя въ разныхъ европейскихкихъ арміяхъ правила довольно сходны, это именно—въ отношеніи дистанцій, съ которыхъ слѣдуетъ открывать огонь.

¹⁾ Полевая служба по новому уставу.

²⁾ Hoenig. «Taktik der Zukunft».

Моранвилль ¹⁾ раздѣляетъ на три зоны пространство успѣшнаго огня, и обозначаетъ ихъ предѣлы, какъ показано въ слѣдующей таблицѣ.

Зоны. Протяженіе въ метрахъ.	Дѣйствительность огня.	Примѣчаніе.
До 500	<i>Большая.</i>	} Въ предѣлахъ этихъ двухъ зонъ могутъ быть приводимы въ дѣйствіе всѣ ружья.
Отъ 500 до 800	<i>Средняя.</i> Огонь еще весьма успѣшенъ.	
Отъ 800 до 1.600	<i>Ограниченная.</i> Огонь успѣшенъ здѣсь только при нѣкоторыхъ благоприятныхъ условіяхъ.	Въ виду слабости ожидаемыхъ результатовъ, огонь здѣсь долженъ быть производимъ только отборными частями, въ ограниченной численности.

Опытъ послѣдней Чилийской войны служить, до извѣстной степени, подтвержденіемъ принятыхъ въ европейскихъ арміяхъ дистанціонныхъ нормъ для огня. Этотъ опытъ свидѣтельствуетъ противъ открытія огня со слишкомъ большихъ разстояній. Въ войскахъ конгресса (дѣйствовавшихъ противъ арміи президента Бальмаседы), въ битвахъ при Конконѣ и Пласилльѣ, линія стрѣлковъ подходила на 500—300 метровъ къ непріятелю, не давъ ни одного выстрѣла.

Съ этихъ дистанцій они извлекали огромную пользу изъ выпрямленности траекторіи и вѣрности карабиновъ Маннлихера. Зато тѣ баталіоны, которые открывали огонь съ большихъ разстояній, растрачивали свои запасы патроновъ прежде, чѣмъ приходили на рѣшающія дистанціи. Потребленіе патроновъ вообще было чрезвычайно велико; солдатъ имѣлъ на себѣ 150—200 зарядовъ, но послѣ 2—3-хъ часоваго боя, обѣ стороны оказывались уже безъ патроновъ.

Впрочемъ, опытъ этотъ потому не вполне примѣнимъ къ европейской пѣхотѣ, что она лучше обучена стрѣльбѣ, чѣмъ пѣхота Бальмаседы, состоявшая изъ милиціи, едва умѣвшей владѣть ружьемъ ²⁾.

Все это позволяетъ думать, что правъ англійскій полковникъ Кэмпбелль, когда говоритъ, что „въ будущей войнѣ каждый

¹⁾ Études de tactique défensive-offensive. 1893.

²⁾ Revue de l'armée belge. Mars. 1893 и «Militär Wochenblatt». 1892. стр. 203.

полкъ будетъ производить атаку по собственному своему образцу (pattern)¹⁾. Но это, конечно, зависитъ отъ степени склонности къ личной инициативѣ въ разныхъ арміяхъ. Поэтому можно думать, что въ русской арміи болѣе, чѣмъ въ другихъ, сохранять вліянія на ходъ боя личныя способности и характеръ вышнихъ начальствующихъ лицъ, мысль которыхъ не только обыкновенно будутъ исполнять, но даже стараться угадывать подчиненные командиры.

Во всякомъ случаѣ, какую ни разсматривать сторону вопроса о ходѣ пѣхотнаго боя, приходишь къ заключенію, что какъ прежде, такъ и впредь, преобладающую въ немъ роль будетъ играть элементъ психологическій.

Если несоотвѣтствіе между тактическими приѣмами и свойствами новаго оружія влекло за собой гибельныя послѣдствія уже и въ то время, когда оружіе это далеко уступало нынѣшнему и употреблялось не всегда съ достаточною подготовкой къ нему людей, то нынѣ тѣмъ болѣе необходимо будетъ принимать всѣ возможные средства предосторожности.

При этомъ, однако, трудность представляется въ томъ, что взгляды специалистовъ даже на самыя существенныя изъ новыхъ условій веденія войны значительно между собою расходятся.

2.

Неустановленность современной тактики.

Въ одной изъ предшествовавшихъ статей²⁾ мы уже указывали на противорѣчія, какія встрѣчаются въ уставахъ полевой службы разныхъ странъ въ отношеніи тактики. Мы вышли бы изъ границъ настоящаго нашего труда, еслибы удостовѣрили такія противорѣчія сопоставленіемъ разныхъ уставовъ. Да это едва-ли бы и могло способствовать къ уясненію вопроса. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ на то, въ какомъ положеніи онъ представляется въ той арміи, въ которой раньше, чѣмъ гдѣ-либо, были введены и малокалиберныя ружья, и бездымный порохъ. Затѣмъ уже только при выводахъ, мы сошлемся на указанія уставовъ, принятыхъ въ другихъ арміяхъ.

Въ французской арміи, несмотря на то, что бездымный по-

¹⁾ Journal of the United Service Institution. Infantry. Attack Formation. March. 1893.

²⁾ № 5, стр. 234.

рохъ введенъ въ ней въ употребленіе ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, доселѣ нѣтъ въ полевомъ уставѣ положительныхъ правилъ относительно веденія боя, но есть „временная“ инструкція, о которой будетъ упомянуто ниже. Весьма существенныя стороны вопроса остаются еще спорными, да вѣроятно и останутся неразрѣшенными до дня „окончательнаго опыта“, т. е., до самой войны. Высказываются разные взгляды, которые можно подвести къ тремъ школамъ ¹⁾). Старые служаки совсѣмъ не допускаютъ мысли, что новое вооруженіе требуетъ значительныхъ измѣненій приемовъ на полѣ битвы. Они думаютъ, что хотя, при усовершенствованномъ оружіи, бой и будетъ начинаться съ большихъ, чѣмъ прежде, дистанцій, но что затѣмъ все-таки обѣ стороны увидятъ противника и встрѣтятся съ нимъ вблизи, такъ что существеннаго измѣненія въ правилахъ сдѣлать нельзя, а все, какъ доселѣ, будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ взгляда способнаго и энергическаго начальника. Для того, чтобы отвратить слишкомъ большія потери, достаточно будетъ возможно быстрѣе пробѣгать „опасный“ поясъ, но нынѣшній боевой порядокъ годится и впередъ.

Другая школа настаиваетъ на расширеніи фронта, то-есть, на наиболѣе развернутомъ строѣ. Она рекомендуетъ частое употребленіе полевыхъ работъ и передовыхъ линій, формированіе къ бою съ большихъ дистанцій, открытіе огня залпами съ значительнаго разстоянія, построеніе къ атакѣ, при штурмѣ позицій, также издали—съ 500 или даже 600 метровъ отъ нихъ.

Наконецъ третья, „молодая“ школа обращаетъ особое вниманіе на новыя средства для развѣдки и обзора расположенія непріятеля, но, относительно боеваго порядка, дѣлаетъ какъ бы шагъ назадъ, заботясь о силѣ дѣйствія огня и потому совѣтуетъ нѣкоторую сомкнутость. Въ видахъ уменьшенія потерь, рекомендуется вовсе не дѣлать остановокъ на мѣстности открытой, но пробѣгать гимнастическимъ шагомъ отъ одного естественнаго закрытія къ другому, старательно пользуясь каждымъ изъ нихъ. Какъ многое другое, такъ и это представляется вполне убѣдительнымъ въ теоріи — не дѣлать остановокъ въ открытой мѣстности, но пробѣгать отъ закрытія къ закрытію. Между тѣмъ послѣднія двѣ большія войны представляютъ рядъ примѣровъ, что наступающіе подъ огнемъ ряды неудер-

¹⁾ „Nouvelle tactique de combat“. Paris, 1892.

жимой силой бросались разъ или два на землю, а потомъ шли опять, какъ бы успокоивъ нервы.

Какъ бы то ни было, въ французской „временной инструкціи“ 3 августа 1890 г. отразились уже взгляды „прогрессивные“. Въ ней указываются слѣдующія нововведенія: отмѣна специальныхъ застрѣльщиковъ, боевое построение всей пѣхоты въ одну линію, начатіе огня съ дальнихъ разстояній, сигналъ „аттака!“—на 600 метрахъ отъ штурмуемыхъ позицій, со знаменами и барабаничками впереди.

Приведемъ еще нѣсколько указаній изъ той же инструкціи. Въ авангардѣ пѣхота прикрываетъ артиллерію и, приближаясь по возможности до 1.500 метровъ, старается не только противодѣйствовать пѣхотѣ противника, но сосредоточивать свои залпы—на его батареи. Въ данный моментъ, командующій отрядомъ принимаетъ рѣшеніе—отказаться отъ атаки, или вестъ ее всѣми силами. Въ первомъ случаѣ, онъ даетъ отбой пѣхотѣ, между тѣмъ какъ артиллерія сдерживаетъ своимъ огнемъ непріятельскую пѣхоту; во второмъ, онъ стягиваетъ резервы въ помощь ангажированнымъ въ бой частямъ. Требуется усиленіе атаки, по возможности, свѣжими частями, а начинается она съ 600 метровъ, если можно предположить, что стойкость противника уже нѣсколько сломлена. Части, участвовавшія въ перестрѣлкѣ, примыкаютъ по флангамъ къ свѣжимъ, наступающимъ для рѣшительной атаки силамъ.

Въ числѣ этихъ нововведеній важнѣйшимъ представляется боевое построение въ одну линію. Наряду съ теоріею, въ французской арміи, какъ и въ другихъ, постоянно производились ея повѣрки—опытомъ, насколько опытъ мирныхъ маневровъ можетъ быть признанъ достаточнымъ. Въ 1890 г. въ Шалонскомъ лагерѣ, въ распоряженіе особой комисіи дана была пѣхотная бригада. Затѣмъ, докладъ комисіи былъ сообщенъ всѣмъ корпуснымъ командирамъ, а ихъ отзывы поступили въ высшій военный совѣтъ.

Какъ сообщаетъ изданіе „Sciences Militaires“, общія наблюденія, сдѣланныя затѣмъ при маневрахъ 1-го и 2-го корпусовъ, могутъ быть резюмированы въ выводахъ, которые мы передадимъ, замѣтивъ при томъ, что они не представляютъ ничего новаго. Было удостовѣрено, что средства обороны усилились и, вслѣдствіе того, нужна старательная предварительная развѣдка о силахъ и расположеніи противника. Признано, что пользованіе естественными прикрытіями весьма важно и что каждый солдатъ долженъ

быть приученъ къ этому, а начальникъ каждой части долженъ знать, какъ дѣйствовать при разнородныхъ условіяхъ мѣстности. Селенія, вообще жилища строенія представляютъ малонадежныя защиты, такъ какъ артиллерія очень скоро сдѣлаетъ невозможнымъ держаться въ нихъ. То же слѣдуетъ признать о садахъ и рощахъ. Но значительные лѣса составляютъ важное прикрытіе даже подъ сильнымъ огнемъ артиллеріи.

Шанцевыя работы болѣе и болѣе становятся необходимы, и къ быстрому ихъ производству долженъ быть подготовленъ каждый солдатъ. Пѣхота открываетъ огонь съ большихъ дистанцій, допускающихъ его дѣйствительность, и производитъ его залпами, что позволяетъ провѣрку прицѣловъ и регулирование въ употребленіи патроновъ. Для пѣхоты, какъ и для артиллеріи, слѣдуетъ избѣгать почвы обнаженной, вспаханной, такъ какъ пальба производитъ на ней пыль, которая можетъ замѣнить собой долго не разсѣявавшійся дымъ прежняго пороха. Производство огня на большихъ разстояніяхъ требуетъ искусныхъ стрѣлковъ и соответственнаго подъема прицѣливанія. Весьма важно безостановочное снабженіе снарядами, такъ какъ потребленіе ихъ будетъ обильно.

3.

Атака и защита шанцеванныхъ позицій.

Намъ уже нѣсколько разъ приходилось указывать на то, что съ тѣхъ поръ какъ дѣйствительность ручнаго огнестрѣльнаго оружія доведена до высокой степени, необходимость прикрытія войска за естественными неровностями почвы или искусственными земляными укрѣпленіями стала очевидною.

Въ прежнее время всякая неровность мѣстности считалась лишь препятствіемъ для военныхъ дѣйствій, между тѣмъ, въ настоящее время, наоборотъ, умѣніе воспользоваться этими неровностями является могущественнѣйшимъ союзникомъ успѣха; въ современныхъ войнахъ успѣхъ можетъ быть достигнутъ лишь тѣмъ, кто сумѣетъ лучше воспользоваться условіями мѣстоположенія, въ общемъ ли веденіи военныхъ операцій или въ отдѣльномъ сраженіи¹⁾. По словамъ компетентнѣйшихъ военныхъ писателей, будущая война главнымъ образомъ выразится рядомъ стычекъ изъ-за укрѣпленныхъ позицій. По-

¹⁾ „Trois conférences sur la tactique“.

этому мы должны рассмотреть техническую атаку и оборону обыкновенной искусственно укреплённой позиции (шанца).

Чтобы показать, до какой степени при этомъ условія обороняющейся стороны будутъ благоприятны, чѣмъ стороны наступающей, обратимъ вниманіе на самый моментъ, когда, по мановенію командующаго, пѣхота бросается на непріятеля, съ цѣлью опрокинуть его огнемъ или штыкомъ.

Естественно, что каждый приступъ требуетъ тѣмъ большаго нравственнаго напряженія, чѣмъ чувствительнѣе потери, коими онъ угрожаетъ. А они могутъ быть громадны. Въ „L'art de combattre“ Омега приводитъ цифры произведенныхъ въ Шалонскомъ лагерѣ опытовъ, показывающія вѣроятныя потери линіи стрѣлковъ, разставленныхъ на разстояніи 2-хъ метровъ другъ отъ друга:

Съ разстоянія	при ружьѣ 1874 г.	при ружьѣ 1886 г.
200 метровъ	24%	32%
400 „	12%	16%
600 „	6%	8%
800 „	3%	6%

Перейдемъ поочередно всѣ фазисы атаки, по указанному въ сочиненіи генерала Феррона порядку, принимая, что находящіяся за шанцами части вооружены даже старыми ружьями типа 1874 года, которыя уступали берданкамъ.

По данному сигналу атакующіе баталіоны идутъ ускореннымъ шагомъ, не останавливаясь безъ команды и избирая направленіе, согласно указанной каждому отряду цѣли атаки. Цѣль стрѣлковъ, имѣя за собой резервы, пробѣгаетъ, начиная съ разстоянія 800 метровъ, 200 метровъ.

Дѣлая расчетъ согласно вышеприведеннымъ цифрамъ и предполагая, что непріятель будетъ защищаться только ружейнымъ огнемъ, безъ содѣйствія артиллеріи, получимъ, что потеря въ рядахъ атакующихъ во время этого пробѣга должна составить 3 проц.

„Послѣ первыхъ 200 метровъ—продолжаетъ авторъ—слѣдуетъ дать солдату нѣсколько минутъ отдыха, послѣ чего цѣль снова трогается по данному знаку и пробѣгаетъ слѣдующіе 200 метровъ“.

Въ этотъ второй пробѣгъ потеря составитъ уже не 3, а 6 проц.

Продолжая такимъ образомъ движеніе впередъ — говорить

Ферронъ ¹⁾—можно поддержать нравственное настроеніе войска, ибо солдаты сохраняютъ между собой связь, при помощи которой отвага можно довести до настоящаго пароксизма.

Такого рода отвага и въ самомъ дѣлѣ окажется необходимой, ибо въ третій пробѣгъ потеря дойдетъ уже до 12 проц.

„Послѣ краткаго отдыха, продолжаетъ авторъ, бой барабановъ и звуки рожковъ даютъ сигналъ къ приступу, и войска пробѣгаютъ быстро послѣдніе 200 метровъ“. Но генераль Ферронъ долженъ былъ бы прибавить, что при этомъ атакующіе вновь могутъ потерять 24 проц.

Суммируя эти потери, окажется, что въ итогѣ ихъ будетъ 45 проц., а если за шанцами будетъ находиться противникъ, вооруженный малокалибернымъ ружьемъ, то и 60 проц.

Мы уже приводили доказательства того, что новое оружіе въ состояніи выбить изъ строя двойное число солдатъ противъ прежняго, а именно даже въ чилійской войнѣ новыми ружьями была снабжена всего $\frac{1}{3}$ солдатъ, но половина изъ попавшихъ въ цѣль снарядовъ принадлежала этимъ ружьямъ.

Итакъ, къ окопамъ добѣгаютъ остальные 55 человекъ изъ 100, измученныхъ пробѣгомъ во всю мочь 800-метроваго разстоянія и въ беспорядочномъ строѣ.

За окопами же ихъ ожидаютъ войска не утомленные и сравнительно въ спокойномъ состояніи, не испытавшія чувствительныхъ потерь. Огонь атакующихъ, на ходу и съ прицѣливаніемъ въ людей, по временамъ лишь показывающихся изъ-за шанцевъ или вѣрнѣе въ выставляемые этими людьми головы и руки, не могъ, конечно, нанести имъ особенно чувствительнаго вреда, между тѣмъ какъ сами наступающіе цѣликомъ представляли собой мишень для пальбы скрывающихся за шанцами.

Если допустить, что уронъ защитниковъ шанцевъ достигнетъ даже до 25 проц., то все-таки, желая соблюсти равенство силъ въ минуту рѣшительной схватки, слѣдовало бы посылать въ атаку количество войскъ, по крайней мѣрѣ вдвое превышающее численность противника. Но, съ другой стороны, такъ какъ при этомъ штурмующіе отряды вынуждены были бы наступать болѣе тѣсно, то и потери ихъ оказались бы болѣе значительными.

Кромѣ того, въ моментъ приближенія къ окопамъ, наступающія войска могутъ наткнуться на заложенные мины и встрѣ-

¹⁾ General Ferron. „Quelques indications pour le combat“. Paris. 1891.

тяться съ иными препятствіями, въ видѣ искусственныхъ преградъ, что заставитъ ихъ остаться подъ убійственнымъ огнемъ болѣе продолжительное время, причѣмъ случалось попадаться имъ и подъ дѣйствіе огня заднихъ рядовъ собственнаго войска.

Между тѣмъ, читая уставъ, можно придти къ заключенію, что какъ только раздастся „ура!“ и, воодушевленные порывомъ отваги, войска дойдутъ до шанцевъ противника, то уже ничто не препятствуетъ имъ броситься на него въ штыки. Сочиненія, трактующія о защитѣ, говорятъ, однако, еще о другихъ способахъ удержанія наступающихъ.

Къ такимъ способамъ принадлежатъ приспособленія къ взрывамъ, *волчьи ямы* (въ формѣ опрокинутаго конуса съ остроконечнымъ коломъ на днѣ) и *проволочная стѣнка*. Крѣпко вбитые въ землю кольца соединяются между собой въ различныхъ направленіяхъ протянутой между ними проволокой: Она расположена такимъ образомъ, что черезъ верхнюю проволоку затруднительно перешагнуть, а подъ нижней нельзя пролѣзть. Проволока натягивается не настолько сильно, чтобы ее можно было перерубить саблей. Въ послѣднее время вошли въ употребленіе желѣзная проволока съ колючками и остроконечные желѣзные столбики ¹⁾. Въ случаѣ неимѣнія проволоки и столбиковъ таковыя замѣняются жердями и веревками.

Предположимъ, что все эти преграды задержатъ противника всего на пять минутъ. Въ продолженіе этихъ пяти минутъ каждый изъ защитниковъ выпуститъ не менѣе 50 пуль. Этого совершенно достаточно для того, чтобы уничтожить, при равныхъ силахъ, наступающіе отряды. Результатъ этотъ тѣмъ легче достигается, что нынѣшняя ружейная пуля на разстояніи 200 метровъ пронизываетъ насквозь 4-6 человѣкъ и еще на 3.200 сохраняетъ въ себѣ настолько силы, что можетъ выбить изъ строя солдата ²⁾.

И это цифры, къ сожалѣнію, не только теоретическія. Исслѣдованія труповъ убитыхъ не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній. Полковникъ Венцель Портъ ³⁾ въ числѣ доказательствъ этого положенія приводитъ слѣдующій фактъ:

„Недавно застрѣлился солдатъ моего полка. Пуля, пройдя сквозь его тѣло, сквозь балку и досчатый полъ, пробилъ въ

¹⁾ „Progrès militaire“. 1891.

²⁾ Colonel Ponchalon. „Nouvelle tactique de combat“. Paris. 1892.

³⁾ Wentzel Porth. „Betrachtungen über den Einfluss des rauchwachen Pulvers“.

слѣдующемъ этажѣ доску кровати, два матраца, и ранила спавшаго на нихъ кадета, затѣмъ пролетѣла въ слѣдующій еще этажъ и пробила крышу, покрытую черепицей. Привожу этотъ примѣръ—говоритъ полковникъ Портъ—какъ очевидное доказательство страшной силы ружейныхъ снарядовъ, въ предостереженіе, чтобы подъ дѣйствующимъ огнемъ не прибѣгать къ сомкнутому и глубокому строю⁴.

Но это еще не все. Должно имѣть въ виду, что атакующій будетъ подвергаться не только огню прямому, перпендикулярно къ линіи наступающаго, но еще огню фланговому и перекрестному. Это усилить трудность наступленія, тѣмъ болѣе, что слѣдуетъ предположить и совмѣстное дѣйствіе неприятельской артиллеріи.

Представимъ себѣ при этомъ участіе хотя бы только одного скорострѣльнаго орудія или даже обыкновеннаго, выбрасывающаго снаряды въ деревянныхъ, описанныхъ нами, или въ иныхъ приспособленіяхъ для дѣйствія на самыхъ близкихъ разстояніяхъ. Кромѣ того, каждая армія будетъ вѣроятно снабжена и ручными взрывчатыми снарядами.

Если допустить даже, что, при недостаткѣ хладнокровія въ атакуемомъ войскѣ, потери окажутся несравненно менѣе значительны, чѣмъ какъ то разсчитано выше, то и въ такомъ случаѣ наступающій противникъ можетъ быть уничтоженъ до тла.

Многіе изъ военныхъ авторитетовъ заявляютъ себя противниками вышеописаннаго способа штурмованія окоповъ. По мнѣнію ихъ, примѣненіе способа послѣдовательныхъ пробѣговъ съ отдыхомъ, чтобы перевести духъ, ослабляетъ первоначальный порывъ воодушевленія солдатъ и уменьшаетъ шансы успѣха.

Остановки бесполезны. Нынѣшнее ружье, дающее весьма плоскую траекторію, дѣлаетъ то, что въ лежачемъ положеніи опасность человѣка почти одинакова съ положеніемъ стоящаго на ногахъ. Единственный способъ уменьшенія потерь—пробѣгать сразу сильно поражаемое пространство вплоть до удара въ штыки¹).

Посмотримъ теперь мнѣнія нѣмецкихъ писателей.

Таковые прежде всего не признаютъ рациональную атаку, предпринимаемую съ разстоянія свыше 600 метровъ. Только

¹) Général Clément. „Lettres sur la poudre sans fumée et les méthodes de guerre“. Paris. 1891, p. 26.

съ этой дистанціи, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ начинать огонь. Дальнѣйшее движеніе пѣни должно происходить частями, быстрымъ пробѣгомъ, подъ прикрытіемъ оставшихся на мѣстѣ войскъ, и продолжать это движеніе должно до разстоянія въ 300 метровъ, съ котораго слѣдуетъ начать сильную стрѣльбу. Но и это разстояніе считается за слишкомъ еще большое для того, чтобы съ него бросаться въ штыки. Поэтому здѣсь пѣни стрѣлковъ, какъ и близко слѣдующимъ за ними войскамъ, придется еще разъ занять позицію для обстрѣливанія противника и затѣмъ уже броситься въ рукопашную ¹⁾.

Вопросъ этотъ, впрочемъ, въ настоящую минуту принадлежитъ къ наиболѣе спорнымъ.

Лѣббель ²⁾, выводя общее заключеніе изъ собранныхъ имъ разнородныхъ мнѣній, говоритъ:

„Невозможное остается невозможнымъ... На ровной поверхности земли, разумѣется, атакующій будетъ уничтоженъ, если только атакуемый имѣетъ возможность стрѣлять въ прямомъ направленіи и хотя какъ-нибудь прицѣлываться. Результатъ получится одинаковый: пробѣжитъ ли штурмующій сразу, безъ остановки, все разстояніе, или будетъ останавливаться и производить стрѣльбу, пока постепенно не добѣжитъ до послѣдней, „главной остановки“ у самаго окопа. Въ обоихъ случаяхъ потери его будутъ громадны, ибо противникъ, стрѣляющій изъ-за шанцевъ, выставляетъ подъ выстрѣлы лишь полголовы, между тѣмъ какъ атакующій, идя ли, лежа ли, всею массою своего тѣла представляетъ цѣль для огня атакуемаго. Кромѣ того, укрѣпившейся за окопами сторонѣ обыкновенно лучше извѣстны разстоянія. Вообще, виды на успѣхъ атакуемой стороны возрастаютъ въ той же степени, въ какой надежды на побѣду атакующаго ничтожны“.

Въ виду этого, является вопросъ, какая участь ожидаетъ не только отряды, идущіе на штурмъ, но и резервы, слѣдующіе за ними въ то время, когда отбитыя отъ приступа войска отступаютъ.

Генераль Драгоміровъ, извѣстный не только по своему выдающемуся положенію и какъ знатокъ вообще военнаго искусства, но и въ частности, какъ изслѣдователь военной психологіи, предусмотрѣлъ такого рода случайности. Лѣббель, при-

¹⁾ General Bronsart von Schellendorf. „Zeitgemässe Fechtweise der Infanterie. Berlin. 1891.

²⁾ „Militärische Jahresberichte für 1891“.

водя въ журналѣ „Jahresberichte“ отчетъ о маневрахъ, произведенныхъ подъ начальствомъ генерала Драгомірова, говорить, что однажды генераль послалъ приказъ войскамъ, шедшимъ впереди, отступить, между тѣмъ какъ слѣдовавшія за ними войска двигались впередъ. Разумѣется, что при этомъ произошло величайшее замѣшательство, и что надо было много времени, чтобы возстановить въ войскахъ боевой порядокъ. Неумѣлость при водвореніи строя, нарушеннаго встрѣчей съ отступавшими, вызвала строгій выговоръ, но впоследствии, при однородномъ случаѣ, уже два баталіона, сбившіеся въ кучу, съумѣли быстро возстановить свой стройный видъ. Этотъ примѣръ, между прочимъ, показываетъ, какъ важно руководство обученія въ мирное время зоркимъ и опытнымъ начальникомъ.

Казалось бы, что, въ виду выше сказаннаго, по вопросу о необходимости употребленія шанцевъ во время войны, разнорѣчія не могло бы быть. Въ дѣйствительности же не всѣ специалисты въ одинаковой мѣрѣ признаютъ то первостепенное значеніе земляныхъ укрѣпленій, какое выходитъ изъ вышеприведенныхъ поясненій. Нѣкоторые видятъ въ этомъ преувеличеніе и находятъ, что полевая фортификаціи имѣютъ много вредныхъ сторонъ. Такъ, напримѣръ, всякія земляныя насыпи видны издали, и противникъ, судя по линіи шанцевъ, получаетъ возможность освѣдомиться о боевой позиціи войска и съ увѣренностью направить орудія для стрѣльбы, причемъ, благодаря легкимъ полевымъ мортирамъ, онъ быстро уничтожитъ, посредствомъ разрывныхъ снарядовъ, эти шанцы вмѣстѣ съ ихъ защитниками.

Признаемся, что послѣднее замѣчаніе намъ не вполне понятно. Во-первыхъ, мортиръ, вслѣдствіе указанныхъ выше затрудненій, не можетъ быть много. Во-вторыхъ, при обстрѣливаніи шанцевъ съ большихъ разстояній гарнизонъ можетъ оставаться вдалекѣ отъ нихъ.

Но если даже самые окопы дѣйствительно будутъ заброшены разрывными гранатами, то и это все-таки принесетъ пользу обороняющимся, такъ какъ приэтомъ образуются неровности почвы, которыя доставятъ возможность нѣкотораго прикрытія.

Впрочемъ, что касается отрицательныхъ сторонъ, возникающихъ изъ того, что шанцы видны на значительномъ разстояніи, то поборники ихъ говорятъ, что этотъ недостатокъ ихъ легко устраняется простымъ прикрываніемъ шанцевъ дерномъ или вѣтвями.

Генераль Куропаткинъ говоритъ, что при штурмѣ Плевны

встрѣтились два шанца, о существованіи которыхъ не имѣли понятія.

Съ другой стороны весьма вѣроятно, что если бы въ то время употреблялись аэростаты,—такая неожиданность не могла бы повстрѣчаться. Однако, надо замѣтить, что и въ будущихъ битвахъ, на сотняхъ квадратныхъ верстѣ не на каждомъ мѣстѣ будетъ обсерваторія или воздушный шаръ.

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что неоднократно цитированный нами авторъ ¹⁾ правъ, когда онъ говоритъ, что въ случаяхъ занятія противникомъ сильной позиціи, естественно или искусственно укрѣпленной, борьба можетъ быть разрѣшена и на другой день, но можетъ затянуться и надолго. Не совсѣмъ невѣроятно, что мы возвратимся къ эпохѣ осадъ. Бѣлградъ, Мантуа, Плевна могутъ повториться. Весьма возможно, что атакующій, не одержавшій рѣшительной побѣды, запретъ непріятеля въ томъ мѣстѣ, гдѣ его найдетъ, возведя шанцы, послѣ чего начнетъ дѣлать вылазки для воспрепятствованія снабженіямъ, до времени, пока осажденные не будутъ заморены голодомъ ²⁾. Другіе писатели говорятъ, что будущія сраженія будутъ продолжаться по 3, 4 и даже 8 дней ³⁾ и происходить на огромныхъ пространствахъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, казалось бы, что духъ обороняющихся войскъ не будетъ играть важной роли.

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, при настоящемъ составѣ армій средней Европы могутъ возникать обстоятельства, могущія имѣть существенное вліяніе на исходъ борьбы.

Пока солдатъ находится за прикрытіемъ, опасность, которой онъ подвергается, относительно весьма мала, но лишь только онъ высунется изъ-за окопа, тотчасъ является возможность сдѣлаться цѣлью стрѣлковъ или артиллерійскаго снаряда. Теперь это будетъ обычнымъ явленіемъ вслѣдствіе большой настильности пуль и снарядовъ.

Авторъ описанія войны въ Чили говоритъ: „многочисленность констатированныхъ у солдатъ правительственныхъ войскъ, пользовавшихся хорошимъ прикрытіемъ, головныхъ ранъ свидѣтельствуешь не столько въ пользу обученія стрѣлковъ противника—обученія весьма недостаточнаго,—сколько

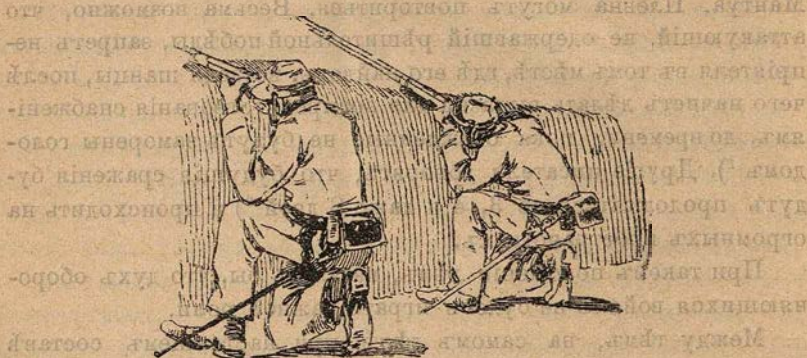
¹⁾ Hoenig. «Die Tactik der Zukunft».

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Progrès militaire 1891. «Reflexions à propos des grands manoeuvres».

о замѣчательной настильности огня малокалиберныхъ ружей¹⁾.

Между тѣмъ для правильной стрѣльбы изъ-за окоповъ слѣдовательно для обороны ихъ необходимо выставляться наружу. Все теоретическое знакомство съ баллистикой, столь обязательное для правильнаго употребленія нынѣшняго оружія, не принесетъ никакой пользы, если стрѣлокъ не будетъ наклонять дула ружья подъ соответственнымъ угломъ. Можетъ это случиться тамъ, гдѣ современный солдатъ, лишенный военнаго темперамента, предпочтетъ промахнуться, чѣмъ подвергнуться личной опасности. Авторъ книги „L'art de combattre“ сопровождаетъ это замѣчаніе соответственнымъ рисункомъ, изображающимъ солдатъ, стрѣляющихъ изъ-за прикрытія наугадъ.

Очевидно, что такимъ образомъ направленные выстрѣлы пропадутъ даромъ. Бывшія войны представляютъ примѣры подобнаго поведенія солдатъ. Одинъ изъ нихъ мы приведемъ со словъ генерала Куропаткина изъ эпизода атаки подъ Ловчей („Дѣйствіе отрядовъ генерала Скобелева“).

„До линіи непріятельскихъ траншей оставалось около 1.200 шаговъ. По наступавшимъ сыпался свинцовый градъ, но наступленіе все продолжалось. Озadı подходили товарищи по полку и Либавскій полкъ, правѣ бѣжали реведьцы и стрѣлки 3-й бригады съ двумя офицерами, лѣвѣ двинулись извивающею лентою двѣ стрѣлковыя роты казанцевъ, еще лѣвѣ были видны густыя массы строившихся для боя войскъ. Каждый изъ наступавшихъ, оглядываясь назадъ, видѣлъ эту массу своихъ, видѣлъ близость поддержки—и вѣра въ успѣхъ росла въ сердцѣ каждаго.

¹⁾ «Militär. Wochenblatt». 1892. Heft 5.

„Уже притерпѣвши къ выстрѣламъ непріятели, отдѣльные люди лѣзли впередъ, даже мало пользуясь мѣстными укрытіями. Нѣсколько всадниковъ-офицеровъ скакало между наступавшими. Молодецъ-командиръ полка, полковникъ Эльжановскій, ободрялъ солдатъ. Вотъ одинъ всадникъ пошатнулся и упалъ съ лошади мертвымъ: это адъютантъ Либавскаго полка, опередившій съ нѣсколькими храбрецами свой полкъ и скакавшій среди калужцевъ. Другой всадникъ, командиръ баталіона, покатился на землю вмѣстѣ съ своею лошадыю. Тамъ и сямъ падаютъ солдаты, падаютъ офицеры, но это уже не можетъ остановить наступающихъ.

„Передовые, отбѣжавъ шаговъ на 500, неожиданно наткнулись на глубокій, съ обрывистыми берегами, оврагъ. Первые пріостановились, къ нимъ подбѣжали свяди слѣдовавшіе; произошло столпленіе, которое сейчасъ же стоило жертвъ. Нѣсколько раненыхъ упали въ воду и утонули. Но болѣе хладнокровные уже отыскиали относительно возможный спускъ и частью сползали, частью скатывались внизъ. Вода, при довольно сильномъ теченіи, оказалась по поясъ. Рѣчку перешли, и затѣмъ началась еще труднѣйшая операція подъема. Были пущены въ ходъ плечи товарищей, воткнутыя ружья, нѣсколько толстыхъ жердей, и скоро нѣсколько сотъ человѣкъ уже перебрались на другую сторону оврага. Пробѣжавъ еще около 150 шаговъ, можно было передохнуть за довольно крутымъ спускомъ къ рѣчкѣ высотъ, защищаемыхъ турками.

„Къ общему удивленію, огонь турокъ, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, не становился смертоноснѣе. Было очевидно, что непріятель самъ поколебленъ. Вотъ турки, не выждавъ нашихъ, бросили свои первые ложементы и бѣжали. Видъ отступающаго врага придалъ нашимъ новыя силы. „Ура!“ становилось громче и громче. Добѣжавъ до линіи первыхъ ложементовъ, наши пріостановились и заняли ихъ.

„Впереди высился сильной профили редутъ— послѣднее убѣжище турокъ, а передъ нимъ еще одна линія ложементовъ. Непріятель не прекращалъ усиленной, но, казалось, мало дѣйствительной стрѣльбы. *Очень многие турки стрѣляли, положивъ ружья на скатъ бруствера и не высовывая изъ-за него головы, т. е. не цѣлясь.*

„Собравшись у первой траншеи въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, наши снова крикнули „ура!“ и бросились впередъ. Десятки упали, но остальные бѣжали впередъ. Вторая линія

траншей уже близка! Вотъ сейчасъ начнется рукопашная схватка, но... и на этотъ разъ нѣтъ. Турки оставили элементы и частію бѣжали въ редутъ, частію къ дорогѣ въ Микре. Въ редутѣ происходила суета. Вотъ показалось изъ него нѣсколько группъ всадниковъ, конвоировавшихъ какой-то поѣздъ. „Орудія увозятъ!“ раздались крики, и люди, увѣренные въ побѣдѣ, сдѣлали послѣднее усиліе. Въ одиночку, со всѣхъ сторонъ, карабкались наши солдаты и офицеры на брустверъ редута. Одна толпа обѣжала редутъ съ выхода и загородила дорогу туркамъ, имѣвшимъ намѣреніе отступить. Внутри шло избіеніе сопротивлявшагося непріятеля. Уголъ редута между брустверомъ и траверсомъ у выхода былъ заваленъ горою труповъ и живыхъ людей, лежавшихъ другъ на другѣ рядами. Одинъ изъ офицеровъ стрѣлковаго баталіона, ворвавшійся изъ первыхъ, скромно стоялъ въ углу редута. Едва битва окончилась, многіе солдаты уже разбирали кучу своихъ и непріятелей, отдѣляя живыхъ отъ мертвыхъ.

„Изъ кучи въ углу редута было вытащено легко раненыхъ и совсѣмъ здоровыхъ турокъ 103 человѣка, которые обратились въ военно-плѣнныхъ“.

Возникаетъ такимъ образомъ весьма щекотливый, для сужденія о будущихъ столкновеніяхъ, вопросъ: могутъ ли при настоящемъ составѣ европейскихъ армій быть допускаемы атаки съ такими страшными послѣдствіями и, съ другой стороны, сохранится ли въ солдатахъ дисциплина и послушаніе настолько, чтобы они безпрекословно, какъ одинъ человѣкъ, по командѣ начальника, пустились къ окопамъ, добѣжать до которыхъ можетъ лишь небольшая ихъ часть?

Подобное же сомнѣніе возникаетъ и относительно шанцевыхъ защитниковъ. Захотятъ ли они высовывать головы, слыша, какъ надъ валомъ свистятъ пули и разрываются снаряды?

Въ виду этого, естественно, что снова возвращаются къ системѣ ночныхъ нападеній, столь часто практиковавшихся еще въ средніе вѣка.

Нѣкоторые желаютъ пользоваться ночной темнотой единственно съ цѣлью возможности приближенія къ непріятелю. Другіе идутъ далѣе и находятъ выгоднымъ производить самый штурмъ подъ защитой темноты. Оба эти мнѣнія изъ одного источника: надежды и опасенія, что противъ новаго оружія не въ силахъ будутъ бороться ни мужество солдатъ, ни искусственныя укрѣпленія.

Принимая во вниманіе ту пользу, какую можно будетъ извлечь изъ ночной темноты для успѣха нападенія, мы къ этому вопросу вернемся еще при описаніи совокупныхъ дѣйствій всѣхъ родовъ оружія на полѣ сраженія. Пока же мы вынуждены повторить уже высказанное нами мнѣніе, что всѣ расчеты и предсказанія, касающіеся будущей войны, еще весьма гадательны и могутъ быть приняты окончательно лишь послѣ провѣрки ихъ на самой войнѣ.

4.

Атака въ штыки.

Изъ описаннаго выше дѣйствія нынѣшнихъ ружей, а также артиллерійскихъ снарядовъ, читатель могъ уже вынести убѣжденіе, что выраженіе Наполеона: „огнестрѣльное оружіе значитъ все, остальное— весьма мало“ наиболѣе оправдывается именно въ наше время, когда могущество этого оружія, въ сравненіи съ началомъ столѣтія, возросло во много разъ.

Итакъ, казалось бы, что нынѣ нечего и говорить объ атакахъ въ штыки. А между тѣмъ, у нѣкоторыхъ военныхъ писателей встрѣчается такой взглядъ, что именно вслѣдствіе страшнаго дѣйствія огня, къ штыку стануть прибѣгать даже чаще прежняго. Такъ, сторона, дѣйствующая наступательно, дабы избѣгнуть обстрѣливанія, будетъ стараться захватить непріятели врасплохъ, подкрадываясь къ его позиціямъ невидимо, причѣмъ чаще, тѣмъ въ прежнее время, стануть случаться столкновенія въ ночную пору.

Прежде всего, постараемся уяснить, что представляетъ собой въ дѣйствительности то, что обыкновенно называется ударомъ въ штыки.

Если подь этимъ выраженіемъ разумѣть собственно рукопашный бой, работу штыкомъ, то понятно, что подобныя схватки на линіи въ штыки могутъ представляться лишь въ нѣсколькихъ пунктахъ и могутъ продолжаться лишь весьма краткое время, происходя преимущественно при выбитіи противника изъ укрѣпленныхъ позицій.

Если же ударъ въ штыки разумѣть въ смыслѣ рѣшающей атаки, какъ быстраго общаго натиска впередъ, то понятно, что такое движеніе неизбѣжно въ каждомъ почти дѣлѣ. Бой не можетъ заключаться въ одномъ обмѣнѣ залповъ. Непремѣнно

наступить такой моментъ, когда одна сторона, полагая, что противникъ болѣе пострадалъ отъ ея огня, чѣмъ она сама, и не выдержитъ стремительнаго ея напора, двинется впередъ, чтобы сломить линіи непріятели и овладѣть его позиціями. Поэтому, когда говорится, что могущество нынѣшняго огня дѣлаетъ атаку почти невозможною, то это надо разумѣть лишь въ такомъ смыслѣ, что никакой доблестный натискъ грудью не можетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока противникъ не ослабленъ достаточно предварительнымъ дѣйствіемъ артиллерійскаго и ружейнаго огня; что нынѣ невозможно уже оказывать предпочтеніе дѣйствію штыкомъ передъ дѣйствіемъ пулей, потому что, какимъ бы „молодцомъ“ ни былъ штыкъ, но современная пуля уже положительно перестала быть „дурой“.

Итакъ, ударомъ въ штыки нельзя уже замѣнять необходимое дѣйствіе огнемъ, ни сокращать этого дѣйствія, полагаясь на одну лишь энергію натиска. Но въ рѣшающей моментъ атака все-таки неизбѣжна, причемъ она рассчитана не на то, что наступающій будетъ ловче дѣйствовать штыкомъ и переколетъ большее число людей въ рядахъ противника, чѣмъ потеряетъ самъ, но прямо на то, что непріятель не выдержитъ самаго натиска.

Рѣшающійся на атаку, даже и при предполагаемомъ ослабленіи противника, конечно, подвергается все-таки болѣе немедленной опасности, чѣмъ остающійся на позиціяхъ и продолжающій непрерывный огонь. Но при этомъ люди идутъ на рискъ, сознавая, что хотя наступающій несетъ большія потери, но зато еще несравненно большія потери понесетъ тотъ, кто будетъ принужденъ отступать. Приведемъ здѣсь слова одного изъ знатоковъ военнаго дѣла ¹⁾.

„Вотъ инстинктивное разсужденіе солдата, офицера: если эти люди ожидаютъ меня или если они подойдутъ ко мнѣ неожиданно, я погибъ. Я убиваю, но и меня навѣрно убьютъ. Но если я ихъ напугаю, то тогда они станутъ спасаться, и они-то получаютъ въ спину пули и удары штыковъ. Попробуемъ. И пробуютъ, и всегда одна изъ двухъ частей войскъ, на любомъ разстояніи, въ двухъ шагахъ если угодно, дѣлаетъ поворотъ передъ столкновеніемъ“. Ударъ это лишь слово. Теорія маршала Саксонскаго, теорія Бюжо: „Идите въ штыки и стрѣляйте въ упоръ, такъ убиваютъ, а убиваетъ побѣдитель“,—не основана вовсе на

¹⁾ Ген. Пузыревскій. „Исслѣдованіе боя“.

наблюдени. Ни одинъ непріятель не станетъ ждать васъ, если вы рѣшительны, а никогда, рѣшительно никогда, не бываетъ одинаковой рѣшительности съ обѣихъ сторонъ.“

Итакъ, успѣхъ натиска зависитъ не столько отъ дѣйствительности самой работы штыкомъ, сколько отъ того, что противникъ не будетъ въ состояніи выдержать натиска.

Вотъ почему вѣра въ преимущество штыка передъ огнестрѣльнымъ оружіемъ совершенно поколебалась, хотя можно замѣтить, что среди русскихъ военныхъ людей еще высказывается нѣкоторая слабость къ штыку или, что то же, къ молодецкому личному порыву, могущему будто бы побѣдить механическое, но страшное дѣйствіе нынѣшняго огня. Въ такомъ пристрастіи просто отзываются славныя преданія. Наполеонъ сказалъ, что „русскаго солдата мало пробить штыкомъ, а еще надо его свалить съ ногъ“.

Во всѣхъ арміяхъ стараются возбудить въ людяхъ безусловное довѣріе къ силѣ огнестрѣльнаго оружія и въ инструкціяхъ говорится, что, при оборонѣ правильно производимымъ огнемъ, никакая атака успѣха имѣть не можетъ. И это, конечно, вѣрно до тѣхъ поръ, пока еще болѣе дѣйствительный огонь непріятели не разстроитъ обороняющагося и не повліяетъ на самую правильность его ружейной защиты. Въ обученіи людей главное вниманіе обращено нынѣ на стрѣльбу, а дѣйствіе штыкомъ хотя и входитъ въ обученіе, но отошло уже на задній планъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ русской арміи штыковому фехтованію обучается и кавалерія, даже кирасирская дивизія и гвардія, которая, впрочемъ, въ походѣ и лагерѣ имѣетъ общее драгунское вооруженіе.

Въ французской арміи, наоборотъ, штыкъ окончательно потерялъ въ глазахъ людей свое прежнее значеніе, если судить по отзыву Кумеса ¹⁾. „Однажды, предсѣдательствуя на экзаменѣ въ унтеръ-офицеры—говоритъ онъ,—я слышалъ, какъ на вопросъ: „для чего служить штыкъ?“—экзаменующійся, вмѣсто того, чтобы дать обычный отвѣтъ—„чтобы пронзить непріятеля, ставшаго передо мной“, отвѣтилъ съ полнымъ убѣжденіемъ: „для того, чтобы ставить ружья въ козлы“.

Чтобы показать взглядъ собственно на самое дѣйствіе штыка, проявляющійся въ арміи германской, мы приведемъ одно изъ предостереженій, съ какими обращается къ обороняющимся въ

¹⁾ Coumès. „Tactique de demain“.

шанцахъ извѣстный военный писатель, полковникъ Кардиналь фонъ-Вильдернъ. Онъ замѣчаетъ, что такъ какъ сторона, подвергающаяся атакѣ, въ томъ случаѣ, когда она предварительно потерпѣла уже значительное ослабленіе, бросается въ отступленіе почти всегда еще раньше, чѣмъ услышитъ „ура!“ атакующаго, т. е. не рѣшается уже выждать натиска и боя въ рукопашную, — то ловкій противникъ можетъ вызвать то же самое дѣйствіе уже и однимъ только показываніемъ вида, будто онъ сейчасъ бросится въ штыки. „И такъ—говоритъ фонъ-Вильдернъ, не слѣдуетъ разсѣиваться и отступать и въ этомъ положеніи, до того момента, когда видимое расположеніе непріятеля и его движенія не оставятъ уже никакого сомнѣнія въ его намѣреніи закончить бой ударомъ въ штыки“.

Другой нѣмецкій военный писатель, Бронсартъ фонъ-Шеллендорфъ, разсматривая въ сочиненіи о дѣятельности пѣхоты на полѣ битвы, значеніе пули и штыка, говоритъ слѣдующее: „настильность, дальнобойность и ударная сила пули, выпущенной изъ малокалибернаго ружья, чрезвычайно велики, но изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы штыкъ лишился своего давнишняго, рѣшающаго значенія. Та пѣхота, которая прониклась бы такимъ взглядомъ, погубила бы себя“. Авторъ замѣчаетъ далѣе, что вредно было бы внушать солдатамъ въ мирное время мысль о томъ, что вслѣдствіе силы современнаго огнестрѣльнаго оружія ударъ въ штыки будетъ случаться лишь рѣдко. Напротивъ, было бы полезно, чтобы при маневрахъ каждая атака, исполненная правильно, считалась удачною.

Эти взгляды кажутся убѣдительными, но только представляется вопросъ: ударъ въ штыки требуетъ фформировки въ сомкнутый строй, а между тѣмъ веденіе колонны оказывается крайне труднымъ при нынѣшней силѣ огня. Вотъ что говоритъ по этому поводу фонъ-деръ-Гольцъ¹⁾. „Только человекъ, уже нисколько не дорожащій жизнью, способенъ подъ нынѣшнимъ огнемъ долго выдерживать верхомъ или хотя бы пѣшкомъ, но безъ прикрытія. Ближе къ современной дѣйствительности представлялась бы такая картина, что густыя стрѣлковыя цѣпи, лежа на землѣ, шлютъ одна другой тучи пуль, пока одна изъ сторонъ не отступитъ, такъ что людей можно бы въ воображеніи замѣнить машинами, выбрасывающими пули, подобно сѣялкамъ, разбрасывающимъ зерно. Въ русской арміи доселѣ держатся ученія о

¹⁾ Von der Goltz. „Das Volk in Waffen“.

необыкновенной силѣ удара въ штыки. Но если писатели, высказывающіе этотъ взглядъ, выводятъ изъ него принципъ атаки сомкнутыми строями, то они идутъ слишкомъ далеко. Сомкнутые строи могутъ быть употребляемы нынѣ только въ виду наступившаго уже ослабленія огня противника, подъ вліяніемъ начавшагося разстройства, или въ случаяхъ невозможности для обороняющагося обозрѣвать поражаемое пространство“.

Защитники преимуществъ штыка ссылаются на разные примѣры успѣшныхъ штыковыхъ атакъ и въ новѣйшія войны. Но эти примѣры подтверждаютъ только то, что успѣшная атака возможна или по ослабленіи непріятельскаго огня превосходнымъ огнемъ атакующаго, или, какъ замѣчаетъ Гольцъ, при невозможности для обороняющагося обозрѣвать поражаемое пространство.

Къ послѣднему случаю относится примѣръ успѣшнаго штурма 64-го русскаго полка на турецкіе шанцы подъ Плевной 30 августа 1877 года. Полкъ наступалъ черезъ поле, покрытое кукурузой въ ростъ человѣка; это не предохраняло отъ пуль, но мѣшало туркамъ видѣть густоту колоннъ, тѣмъ болѣе, что день былъ сырой и дымъ держался упорно, мѣшая и наступающимъ видѣть позиціи непріятеля. На разстояніи 900—1000 шаговъ отъ нихъ, въ одной изъ ротъ полка раздалось „ура!“, подхваченное прочими ротами. Построеніе уже было спутано, люди бросились бѣгомъ впередъ и, по отдаленности позицій, падали, задыхаясь отъ усилія. Но около 500 шаговъ передъ турецкими позиціями, въ грунтѣ оказалась впадина, которая и составила прикрытіе для сильно уже пострадавшаго полка. Минуты черезъ три отдыха, раздалось вновь „ура!“, люди бросились на турецкія позиціи и, несмотря на частый огонь, овладѣли ими. Въ полку при этомъ выбыло изъ строя 40 процентовъ состава.

Ясно однако, что, независимо отъ геройскаго мужества, выказаннаго штурмовавшими, успѣху штурма содѣйствовала именно обоюдная невозможность обозрѣвать пространство между обоими войсками. Русскіе солдаты полагали турецкія позиціи ближе, чѣмъ они были, и шли на-проломъ, а турки, послѣ трехминутнаго исчезновенія противника, вдругъ увидѣли его почти передъ дулами своихъ ружей и, захваченные врасплохъ, не выдержали натиска.

Подобные примѣры сохраняютъ значеніе и для будущаго, но уже настолько меньше, насколько нынѣшнее ручное оружіе дѣйствуетъ смертоноснѣе, чѣмъ тогдашнія турецкія ружья, и

насколько европейскій солдатъ лучше обученъ, чѣмъ былъ обученъ низамъ Османа-паши.

Введеніе бездымнаго пороха произвело, между прочимъ, и то, что такія неожиданности стануть болѣе рѣдкими. Опытный боевой генералъ, къ тому же самостоятельно мыслящій, говорилъ намъ, что, стараясь, послѣ перваго употребленія бездымнаго пороха на маневрахъ, прослѣдить впечатлѣніе солдатъ, онъ пришелъ къ заключенію, что въ большинствѣ бездымнымъ порохомъ поднято довѣріе къ своимъ силамъ. Возможность постоянно видѣть противника и выбирать себѣ въ его рядахъ цѣль для выстрѣла, при имѣннн на себѣ большаго количества патроновъ, давала солдату увѣренность, что если не первымъ прицѣломъ, то во второй, въ третій разъ, онъ навѣрное выбьетъ того, кого себѣ намѣтилъ. Въ этомъ мы находимъ новое подтвержденіе того, довольно общаго взгляда, что введеніе малодымнаго пороха усилило именно оборону.

5.

Общіе выводы.

Нелишне будетъ здѣсь сопоставленіе отдѣльныхъ выводовъ, которые вытекаютъ изъ приведенныхъ выше фактовъ. Условія боя въ будущемъ подверглись значительнымъ измѣненіямъ вслѣдствіе бездымнаго пороха, скорострѣльныхъ, дальнобойныхъ ружей и орудій; болшихъ, чѣмъ прежде, разстояній, съ которыхъ битва будетъ начинаться и, наконецъ, вѣроятности ночныхъ нападений. Крайняя трудность вести нынѣ атаку днемъ, безъ насыпки защитныхъ шанцевъ, обусловливаетъ болшую отвѣтственность командованія въ пѣхотѣ, чѣмъ въ другихъ частяхъ ¹⁾. Затѣмъ, при трудности обзоренія позицій противника, вслѣдствіе огромнаго ихъ протяженія, свѣдѣнія о расположеніи непріятеля могутъ быть только частичныя, а это ведетъ къ преобладанію начальниковъ отрядовъ въ опредѣленіи и особенно въ детальныхъ измѣненіяхъ самаго плана дѣйствій.

Это очень ясно выразилось во время послѣднихъ бывшихъ маневровъ 7-го и 10-го корпусовъ германской арміи, подъ предводительствомъ Вильгельма II. Во время схватки возлѣ

¹⁾ „La tactique de demain“.

Остервальда на окраинѣ лѣса слышался частый огонь, между тѣмъ какъ ни малѣйшій слѣдъ дыма не выдалъ присутствія стрѣлковъ, которые находились на разстояніи всего 400 метровъ. Отряды, которымъ приказано было вытѣснить непріателя, стрѣляли на-удачу. Отсюда приходится заключать о пользѣ, какую можно получить изъ свѣдѣній, добытыхъ отъ мѣстныхъ жителей, особенно принимая при этомъ въ соображеніе то или иное настроеніе ихъ въ отношеніи непріателя.

Такимъ образомъ, бездымный порохъ представляетъ огромный перевѣсъ въ пользу обороняющихся позиціи, ибо атакующій не можетъ подвигаться впередъ, не будучи замѣченнымъ и не подвергаясь огню гораздо болѣе убійственному, чѣмъ какой былъ извѣстенъ въ прежнихъ кровавыхъ битвахъ. Сверхъ того, вспомогательныя войска, слѣдующія за передовыми въ небольшомъ разстояніи, будутъ все время находиться на виду и подвергаться тѣмъ болѣе тяжелымъ потерямъ, что по необходимости имъ придется наступать болѣе сомкнутымъ строемъ. Задача довести отрядъ до атаки будетъ требовать особаго умѣнія, иначе все люди могутъ быть перебиты. Слѣдуетъ замѣтить, что различныя обстоятельства могутъ вліять на расчеты способовъ атаки каждой стороны, смотря по тому, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Полковникъ Арданъ-де-Пикъ¹⁾ замѣчаетъ, на основаніи свидѣтельств очевидцевъ, что французскіе солдаты при атакѣ чувствуютъ непреодолимую, неуступающую даже командѣ потребность разброситься цѣпью, между тѣмъ какъ русскіе солдаты, наоборотъ, при опасности инстинктивно смыкаются. Съ этими различіями характера приходится считаться при веденіи людей въ огонь.

Надо полагать, что имѣющіе команды русскіе офицеры стараются противодѣйствовать опасной въ данномъ случаѣ сомкнутости, прямо вызываемой народнымъ инстинктомъ.

Замѣчу здѣсь, что, по слышанному мною отзыву одного изъ боевыхъ русскихъ генераловъ, солдатъ подходитъ къ непріательскимъ позиціямъ на 1.000 шаговъ совершенно хладнокровно. А для того, чтобы подойти къ позиціямъ непріателя на 400 шаговъ, безусловно надо было подкрѣплять войско свѣжими резервами.

¹⁾ К. А. Пузыревскій „Издѣдованіе боя“.

Впечатлѣніе, производимое непріятельскими снарядами, производитъ то, что войска считаютъ вообще позиціи противника болѣе близкими къ себѣ, чѣмъ онѣ есть въ дѣйствительности, напримѣръ, вмѣсто 600 шаговъ принимается всего 200, что естественно, какъ впечатлѣніе продолжительности часа времени при сильныхъ непріятныхъ ощущеніяхъ.

Въ будущей войнѣ впечатлительность солдата будетъ возбуждена въ небывалой степени уже тѣми непредвидѣнностями, какія только въ самомъ бою окажутся при употребленіи новыхъ средствъ разрушенія, какъ напр. при дѣйствіи орудій большаго калибра, стрѣляющихъ бомбами, заряженными мелинитомъ, робуритомъ и проч. Никакія упражненія въ мирное время не могутъ обнаружить ни нравственнаго дѣйствія ихъ, ни того вліянія, какое они могутъ оказать на тактику.

Съ другой стороны, на сцену выступаютъ два фактора, которыхъ соединеніе можетъ довести увеличеніе потерь до безпримѣрныхъ доселѣ размѣровъ. Сколько бы ни говорили о необходимости дѣйствовать возможно болѣе развернутымъ строемъ, но изъ призыва на поле битвы громадныхъ массъ людей, вдобавокъ мало служившихъ, изъ самой заботливости объ увеличеніи числа ружей въ наступающей стрѣлковой цѣпи, изъ необходимости постоянно усиливать ее резервами, а стало быть, держать ихъ не слишкомъ далеко,—слѣдуетъ, что подъ огнемъ обороняющагося будутъ все-таки находиться массы людей. И что въ то время, когда артиллерія будетъ посылать въ нихъ снаряды, заряженные взрывчатыми веществами, пѣхота будетъ дѣйствовать противъ нихъ съ позицій малокалибернымъ, почти игрушечнымъ ружьемъ, которое, однако, имѣетъ то свойство, что выбиваетъ изъ строя 5—6 человекъ въ глубь.

Пока, это ружье было испробовано въ дѣлѣ только въ Чилийской войнѣ. Чилийскія войска разсыпались въ строи, развернутые до смѣшнаго, а тѣмъ не менѣе понесли въ одномъ дѣлѣ потери отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{4}$ всего состава. Каковы же должны быть потери, когда ружьемъ этимъ будутъ дѣйствовать не милиционеры, но вполне обученные люди, командуемые не случайными кондотьерами, но офицерами, изучившими технику боя.

Далѣе, замѣтимъ, что, при громадной разбросанности войскъ, значеніе главнокомандующаго въ бою выразится впредь, главнымъ образомъ, не въ руководствѣ всѣми, даже детальными операціями, но въ начертаніи общаго плана и въ настойчивости

къ исполненію его, а также и возможныхъ общихъ перемѣнъ. Детали боя — которыя однако нерѣдко рѣшаютъ о его судьбѣ — будутъ зависѣть отъ оцѣнки и усмотрѣнія командующихъ отдѣльными частями. Въ общемъ, судьба боя будетъ рѣшаться скорѣе отдѣльными успѣхами, чѣмъ какимъ-нибудь общимъ молодцоватымъ натискомъ.

Вообще, представляется вѣроятнымъ, что битвы будутъ весьма продолжительными, съ постепеннымъ введеніемъ свѣжихъ войскъ, приходящихъ на грохотъ орудій съ разстояній возможно болѣе отдаленныхъ. Нѣкоторые писатели допускаютъ даже, что влѣдствіе этого и другихъ указанныхъ причинъ такой продолжительности боя, окажетъ свое дѣйствіе — голодъ, подъ вліяніемъ котораго сторона обороняющаяся иногда будетъ принуждена перейти къ наступленію. Между тѣмъ, еще Наполеонъ сказалъ, что „переходъ отъ оборонительнаго положенія къ наступленію представляется однимъ изъ самыхъ трудныхъ дѣйствій на войнѣ“¹⁾.

Такъ какъ при нынѣшнемъ оружіи, въ дневномъ бою между двумя сторонами будетъ образовываться поясъ въ 1.000 шаговъ, наполненный пулями обоихъ противниковъ, такой поясъ, въ которомъ не будетъ мѣста и для одного живаго человѣка, то бой будетъ происходить чаще, чѣмъ въ прошломъ, не днемъ, а ночью.

Огромная разсѣянность войсковыхъ частей, при бездымности пороха, позволитъ имъ легче укрываться отъ взоровъ непріятеля, а это можетъ повести къ частому употребленію отрядовъ партизанскихъ, т. е. дѣйствующихъ самостоятельно подъ начальствомъ надежныхъ командировъ, иногда даже на разстояніи дневнаго перехода отъ главныхъ силъ, съ цѣлью угрожать тылу непріятеля. То же самое условіе — растянутость отрядовъ — потребуетъ усиленной, энергической дѣятельности со стороны интендантства: дѣятельность его по снабженію частей припасами сдѣлается какъ бы основной осью военныхъ операцій. Такимъ образомъ, отъ командующихъ будетъ требоваться искусство уже не только стратегическое, но и хозяйственно-административное, въ гораздо высшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ прошломъ.

Изъ свѣдѣній, какія мы старались собрать въ этомъ отношеніи, оказывается, что даже одно только снабженіе войска водой, для людей и лошадей, какъ то удостовѣряется на большихъ маневрахъ, сопряжено съ большими затрудненіями и что,

¹⁾ Mém. de Montholon. III. p. 179.

по всей вѣроятности, отрядамъ придется имѣть при себѣ помпы и фильтры, какъ они, впрочемъ, и доселѣ имѣлись въ войскахъ при походахъ въ мѣстностяхъ мало населенныхъ.

Далѣе, позволительно предполагать, что, по началу боя, руководство имъ уже только до извѣстной степени останется въ рукахъ командующаго. Начальники отдѣльныхъ тактическихъ единицъ, даже мелкихъ, должны будутъ обладать большимъ, чѣмъ прежде, знаніемъ военного искусства, имѣть высшее развитіе и большую способность къ личной инициативѣ. Можно сказать, что будущія войны представляютъ уже битвы не столько между генералами, сколько между ротными командирами, офицерами и унтеръ-офицерами, которые управляютъ пѣшью стрѣлковъ. Стратегія или, какъ говорилось во время Наполеона, „высшая тактика“ должна будетъ уступить значительное мѣсто тактикѣ мелкихъ единицъ, именно вслѣдствіе того огромнаго значенія, какое приобрѣло ближайшее руководство ружейнымъ огнемъ.

Дѣло въ томъ, что выпрямленность траекторіи новѣйшихъ ружей, составляя ихъ достоинство, представляетъ также и свои неудобства. Если стрѣлокъ не сохранитъ хладнокровія—что случается нерѣдко, особенно при атакѣ—и дастъ углу, подъ которымъ стрѣляетъ, лишнее возвышеніе, хотя бы всего на нѣсколько секундъ въ градусѣ, то пуля уже ударитъ на 100 или 200 метровъ дальше цѣли. При незначительной разницѣ въ углѣ—огромная разниа въ степени настильности, вотъ что отличаетъ нынѣшнія ружья отъ прежнихъ, дававшихъ большую кривизну траекторіи.

Офицеры низшихъ степеней уже не останутся, какъ было прежде, пассивными орудіями, но должны быть сознательными сотрудниками командующаго, а въ случаѣ, если ходъ дѣла приметъ иной оборотъ, чѣмъ предполагалось, они не должны будутъ слѣпо держаться первоначальныхъ указаній или оставаться въ бездѣйствіи, но обязаны примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ. Вотъ почему недостаточно даже и того, чтобы они были развиты и имѣли теоретическія знанія, необходимо, чтобы они были вышколены практическими упражненіями, а еще лучше—чтобы они имѣли боевую опытность, знали войну и разныя ея случайности.

Такая практическая подготовка, а особенно боевой опытъ придають офицеру и солдату нѣкоторую, если можно такъ выразиться, автоматическую сознательность, нѣчто въ родѣ ин-

стинкта, который, какъ извѣстно, есть также результатъ цѣлаго ряда опытовъ. Подъ огнемъ нельзя полагаться на одни воспоминанія изъ книжки и на правильное построеніе силлогизмовъ. Надо еще, чтобы умъ безъ долгаго разсужденія и безъ колебаній, но именно дѣйствуя какъ бы автоматически, быстро и вѣрно схватывалъ смыслъ положенія и находилъ то, что въ данный моментъ слѣдуетъ сдѣлать.

Когда снаряды бьютъ, вылетая неизвѣстно откуда, то это производитъ сильное нравственное впечатлѣніе, можетъ вызвать въ людяхъ неувѣренность, а затѣмъ и деморализацію. Но опытные офицеры и унтеръ-офицеры не допустятъ послѣдней; они съумѣютъ овладѣть настроеніемъ своихъ солдатъ и займутъ ихъ рѣшительнымъ и увѣреннымъ дѣйствіемъ. Само собой разумѣется, однако, что въ опытныхъ офицерахъ при войнѣ окажется недостатокъ. По призывѣ запаса, половина офицеровъ будетъ состоять изъ людей, хотя и образованныхъ, но только-что оторванныхъ отъ мирныхъ занятій и имѣющихъ опытъ всего двухъ-трехъ лагерныхъ сборовъ. Уже самая война должна будетъ выработывать въ нихъ опытность боевую.

Въ германской арміи существуетъ убѣжденіе, что высшее развитіе и лучшее военное образованіе ея офицеровъ много содѣйствовали блестящимъ ея успѣхамъ на войнѣ. Мы имѣли уже нѣсколько разъ случай подтвердить это указаніемъ, что, именно благодаря такому развитію офицеровъ, въ германской арміи было возможно болѣе искусное пользованіе какъ новымъ вооруженіемъ, такъ и соответственными тактическими приемами. Наполеонъ сказалъ о себѣ, что особыя умственные его способности заключались только въ болѣе подвижности мозговыхъ фибръ. И вотъ, нельзя не признать, что въ германской арміи оказалось именно болѣе количество „подвижныхъ мозговыхъ фибръ“.

Позволимъ себѣ обратить при этомъ вниманіе на одно еще обстоятельство. Авторъ сочиненія „Le combat et les feux de l'infanterie“ ¹⁾ весьма рельефно указываетъ на такія ошибки, сдѣланныя въ французской арміи, которыя, по злораднымъ отзывамъ нѣмецкихъ военныхъ писателей, не чужды и русскимъ войскамъ ²⁾.

Такъ, при маневрахъ, атака обыкновенно начинается со слишкомъ большой дистанціи и преспокойно производится на

¹⁾ Paris, 1892.

²⁾ Löbell. Jahresbericht.

открытой мѣстности, подъ самымъ интенсивнымъ огнемъ противника. И въ результатѣ достиженія позицій атакующимъ, защитники ихъ признаются побѣжденными, несмотря на то, что по свойству позиціи, по продолжительности атаки, по количеству выпущенныхъ противъ нея пуль, слѣдовало бы признать, что если атакующіе и дошли до позиціи, то въ такомъ числѣ и въ такомъ состояніи, что взятіе ими позицій немислимо.

Такая мнимая удача производитъ эффектъ, но въ то же время и вредное дѣйствіе, такъ какъ маневры должны быть не театральнымъ представленіемъ, но строгой школой для войны, по возможности — со всею реальностью ея условій. Надо помнить, что войска примѣняютъ въ бою тѣ приемы, какимъ научились въ лагерныхъ сборахъ мирнаго времени. Пусть маневры не могутъ въ дѣйствительности замѣнить боеваго опыта, но надо избѣгать, чтобы они прививали войскамъ вредныя заблужденія.

Въ концѣ, не мѣшаетъ напомнить здѣсь еще и о томъ, что нами было сказано по поводу движеній противъ милитаризма.

Характеръ современной войны допускаетъ болѣе чѣмъ когда-либо возможность рѣшительнаго вліянія настроеній и стремленій войскъ при даже нѣсколько только продолжительной кампаніи на ея конечный исходъ.

Въ настоящее время, послѣ изложенныхъ нами техническихъ свѣдѣній относительно приемовъ атаки и обороны, читателю, какъ мы думаемъ, стало тѣмъ легче отвѣтить на поставленный нами въ другой части труда вопросъ: можно ли въ настоящее время, при описанныхъ нами условіяхъ, вести продолжительную кампанію съ войскомъ, въ извѣстной части зараженнымъ социалистическими теоріями, противодѣйствіемъ дисциплинѣ, хотя бы въ извѣстной только части, а если даже и можно, то въ критическіе моменты воодушевится ли такая армія сознаніемъ долга и необходимости, особенно тогда, если не явится никакихъ особыхъ стимуловъ для возбужденія общаго одушевленія? Въ 1870 году нѣмцамъ — какъ мы замѣтили въ той статьѣ — освѣщала путь и возбуждала ихъ къ дѣятельности идея единства, въ которой они видѣли предвѣстницу многихъ другихъ великихъ дѣлъ. Будущая война такого ореола для нѣмцевъ уже имѣть не будетъ, тѣмъ болѣе, что воспоминанія послѣ окончанія войны 1870 года у народа остались не особенно пріятныя.

Возраженіе, что въ нынѣшнемъ составѣ германской арміи,

состоящей подъ знаменами, ничѣмъ не проявляется духъ социализма, не опровергало бы ничего. Во-первыхъ, социалистическими ученіями заражаются не столько люди 20 — 23-лѣтняго возраста, сколько старшіе возрасты, которые придутъ на войну въ ландверѣ. Во-вторыхъ, проявленію социалистическихъ взглядовъ среди солдатъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, препятствуетъ страшная германская дисциплина: люди могутъ думать свое, но не подвергаться возможнымъ въ казармахъ истязаніямъ, а при войнѣ настроеніе ихъ все-таки скажется.

Но что всего важнѣе, не могутъ не отразиться на арміи внутреннія замѣшательства, уже указанная нами въ предшествующихъ отдѣлахъ, а именно, что особенно въ мѣстностяхъ съ развитою промышленностью заработки прекратятся въ то именно время, когда проявится страшная дороговизна жизненныхъ потребностей. Въ Германіи недостаетъ въ среднемъ выводѣ для пропитанія населенія хлѣба на 54 дня, а въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ въ Бранденбургѣ, Баденѣ, Виртембергѣ и королевствѣ Саксоніи,—болѣе чѣмъ на половину. Въ только что изданномъ новомъ сочиненіи о морской войнѣ адмиралъ фонъ-Вернеръ высказываетъ еще болѣе пессимистическій взглядъ относительно пертурбацій, которыя произойдутъ въ Германіи, въ случаѣ, если подвозъ моремъ сдѣлается невозможнымъ. По его словамъ, Германія, при полнѣйшихъ успѣхахъ ея арміи на сушѣ, уже послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ—за недостаткомъ хлѣба и иныхъ жизненныхъ потребностей для пропитанія населенія, вынуждена была бы à tout prix просить мира.

И. БЛОХЪ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 5 Юля 1893 г.

Типогр. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

А 241
581

6

УЧЕБНИЙ М. П. 1901

БУДУЩАЯ ВОЙНА,

ея экономическія причины и послѣдствія ¹⁾.

Управление арміей.

Чѣмъ сложнѣе аппаратъ, тѣмъ интеллигентнѣе для управленія имъ требуются руководители и исполнители. Это положеніе вполнѣ примѣнимо и къ дѣлу веденія войны. На войнѣ все должно быть предусмотрено и разсчитано. *Затѣмъ все дѣло заключается въ психическомъ моментѣ.*

Гёнигъ доказываетъ, что съ этимъ именно факторомъ, то есть съ психическимъ моментомъ, нынѣ слѣдуетъ считаться болѣе, чѣмъ когда-либо, и не столько потому, что нервы современнаго человѣчества слабѣе, чѣмъ у давнишнихъ поколѣній, сколько по причинѣ возросшей силы средствъ истребленія. Въ будущей войнѣ успѣшное управленіе частями въ бою еще болѣе, чѣмъ въ прошломъ, будетъ зависѣть отъ большаго знанія, болѣе инициативы, энергіи офицеровъ, личнаго примѣра, подаваемого ими людямъ, наконецъ, болѣе развитости самихъ солдатъ. Наврядъ-ли, поэтому нынѣ справедливы слова Клаузевица:

„Принципы военнаго искусства — говоритъ Клаузевицъ — сами по себѣ чрезвычайно просты и вполнѣ доступны простому здравому смыслу; если въ тактикѣ они основаны нѣсколько болѣе, чѣмъ въ стратегіи, на спеціальномъ знаніи, то и оно столь не обширно, что не можетъ выдержать сравненія ни съ какою другою наукою, съ точки зрѣнія разносторонности и глубокой внутренней связи. Слѣдовательно, не только эрудиція и глубина зна-

¹⁾ См. „Р. В.“ кн. 7-я 1893 г.

нія, но даже высокія качества разума здѣсь совѣмъ не требуются. Если, сверхъ навыка въ сужденіи, и желательно какое-либо особое свойство разума, то очевидно, что это должна бы быть хитрость или лукавство. Долго утверждали прямо противоположное, но только отъ ложнаго благоговѣнія передъ нашимъ предметомъ и отъ тщеславія авторовъ, писавшихъ о немъ. Размышляя безъ предразсудковъ, нельзя не придти къ этому убѣжденію, а опытъ еще болѣе укрѣпляетъ насъ въ немъ. Еще въ революціонныя войны масса людей, не получившихъ военнаго образованія, показали себя искусными, часто даже первостепенными полководцами. Что касается Конде, Валленштейна, Суворова и многихъ другихъ, то ихъ военное образованіе, по меньшей мѣрѣ, сомнительно⁴.

Авторъ многихъ, пользующихся громкой извѣстностью, сочиненій, генераль Драгоміровъ, переведившій трудъ Клаузевица на русскій языкъ, дополняетъ приведенное мнѣніе автора примѣчаніемъ, въ которомъ указываетъ на то, что, несмотря на многія вѣрныя замѣчанія нѣмецкаго автора, въ цѣломъ его мнѣніе уже устарѣло. Въ путаницѣ взглядовъ и условій, потребностей и опасностей, какія будутъ возникать почти на каждомъ пунктѣ борьбы, по мнѣнію генерала Драгомірова, лишь только сильно развитая интеллигенція въ состояніи будетъ осмотрѣться. Но и интеллигенція окажется безсильною, если въ помощь ей не явится знаніе.

Нѣ всѣ, однако, имѣютъ одинаковый съ ген. Драгоміровымъ взглядъ; между прочимъ, слышатся и такія мнѣнія: наука и умственно развитые люди нужны только внѣ огня. Въ моментъ боя прежде всего необходимы характеръ, храбрость, готовность къ самопожертвованію. Притомъ все-равно, изъ какого бы источника ни шли эти свойства: изъ высшаго патріотизма и чувства чести или изъ дикаго фанатизма или даже животной индифферентности. Что касается той степени умственнаго развитія, какая требуется для самосохраненія и нанесенія вреда врагу, то ею обладаетъ каждый даже дикарь. Отсюда тотъ выводъ, что часто менѣе интеллигентный солдатъ, но вооруженный усовершенствованнымъ ружьемъ, можетъ оказаться самымъ лучшимъ.

Маршалъ Бюжо, однако, признавалъ, что „хотя личный характеръ въ солдатѣ и несомнѣнно имѣетъ преобладающее значеніе, но вся его энергія не привела бы ни къ чему, если бы имъ не управляло обстоятельное знаніе средствъ и цѣли“.

Въ только-что изданномъ сочиненіи французскаго генерала Пьеррона ¹⁾, высказывается взглядъ, съ справедливостью котораго нельзя не согласиться. Объяснивъ, что имъ были осмотрѣны всѣ поля тѣхъ битвъ, которыми руководилъ Наполеонъ, прочтено все, что о немъ было написано, а также изучена напечатанная и неизданная корреспонденція императора, его секретарей и адъютантовъ, авторъ говоритъ, что для него цѣлью этого изученія было уяснить вопросъ: какъ созданъ военный геній Наполеона?

„Въ молодые годы, продолжаетъ онъ,—я думалъ, что его геній былъ *врожденный*. Это объясненіе, даваемое за неимѣніемъ инаго, относитъ возникновеніе генія къ случайности и такимъ образомъ дѣлаетъ какъ бы напраснымъ изученіе. Такой взглядъ весьма распространенъ во французской арміи и нанесъ ей большій вредъ, чѣмъ потери сотни сраженій, такъ какъ онъ именно произвелъ пренебреженіе къ научному изслѣдованію. Какъ будто не нужно познавать опытъ прежнихъ войнъ, усваивать себѣ приемы великихъ полководцевъ! Но такое убѣжденіе, что геній есть нѣчто *врожденное*, слишкомъ удобно, чтобы отъ него отказались: оно благопріятствуетъ умственной лѣни и самоиѣвную честолюбивыхъ невѣждъ, которые тѣшатъ себя надеждой, что и ихъ, когда будетъ необходимо, можетъ осѣнить вдохновеніе, будто бы достаточное для того, чтобы управлять въ бою сложными движеніями миллионной массы“.

Между тѣмъ, еще маршалъ Сульта сказалъ: „то, что называютъ вдохновеніемъ, есть не что иное, какъ лишь быстро сдѣланный расчетъ“. Впрочемъ, самъ Наполеонъ открылъ намъ, что слѣдуетъ думать о врожденности его генія, когда въ бесѣдѣ съ сенаторомъ Рёдереромъ въ 1809 году говорилъ ему: „я работаю постоянно и много думаю. Если кажется, что у меня на все готовый отвѣтъ, что я нахожу выходъ при каждой случайности, такъ это зависитъ отъ того, что, прежде всякаго предпріятія, я долго обдумывалъ его и предусмотрѣлъ, что можетъ произойти. Не духъ подсказываетъ мнѣ тайно, что мнѣ слѣдуетъ сказать или сдѣлать въ виду обстоятельства, для другихъ неожиданнаго, но—работа, произведенная моею мыслью. Работаю же я всегда: за обѣдомъ, въ театрѣ; просыпаюсь ночью, чтобы работать“.

Затѣмъ, сдѣлавъ обзоръ всѣхъ гениальныхъ предпріятій и

¹⁾ Pierron. „Méthodes de guerre“. 1893.

удачь Наполеона, генераль Пьерронъ приходитъ къ слѣдующему вопросу: „Какое поученіе должно извлечь изъ этого изслѣдованія? Умаляется ли имъ слава Наполеона I-го? Это далеко отъ моей мысли. Я хотѣлъ показать только, что нѣтъ генія врожденнаго, что геній развивается постепенно, какъ всякое дѣло созданія, что расцвѣсть онъ можетъ только вслѣдствіе упорнаго изученія и что, при первыхъ шагахъ своихъ, онъ принужденъ, какъ ребенокъ, опираться на руководителя. Наполеонъ писалъ 27-го марта 1815 года маршалу Даву, тогдашнему военному министру: „составьте мнѣ записку о томъ, что дѣлалось въ прежнихъ кампаніяхъ (для защиты восточной границы). Изложите мнѣ, каковъ былъ результатъ соединенныхъ дѣйствій мозельской и рейнской армій и какія расположенія онѣ должны были занять, чтобы дѣйствовать въ согласіи“. И такъ, заключаетъ авторъ, Наполеонъ даже въ концѣ своей карьеры, когда онъ имѣлъ болѣе опытности, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ, еще искалъ разъясненій, считалъ нужнымъ приготовляться къ защитѣ страны посредствомъ изученія послѣднихъ вторженій. Такое его призваніе въ необходимости учиться даже послѣ 20-ти лѣтнихъ походовъ само составляетъ не наименьшее доказательство превосходства его генія“.

Такъ въ чемъ же отличается геній отъ способностей обыкновенныхъ? Генераль Пьерронъ даетъ на это такой отвѣтъ: „геніальный человекъ тѣмъ отличается отъ людей обыкновенныхъ, что вскорѣ онъ получаетъ возможность уже обходиться безъ руководителя, самъ становится творцомъ, самъ начертываетъ свой путь, какъ орелъ, который, будучи увѣренъ въ своихъ крыльяхъ, смѣло взвивается подъ облака“.

Въ предшествующихъ отдѣлахъ мы старались показать читателю, что военное искусство и нынѣ стоитъ лицомъ къ лицу съ великой неизвѣстностью и что, несмотря на непрерывный трудъ и напряженное воображеніе, быть можетъ, обнаружатся такія менѣе всего ожидаемыя случайности, съ которыми тѣмъ не менѣе придется считаться командующимъ и арміямъ въ моменты, когда уже некогда будетъ долго размышлять.

Обратимся къ разсмотрѣнію вопроса объ управленіи арміей, причемъ разсмотримъ сначала высшее командованіе, а затѣмъ начальствованіе второстепенное. Къ высшимъ командирамъ причисляются всѣ стоящіе во главѣ самостоятельно дѣйствующихъ отрядовъ. Всѣ прочіе чины арміи должны считаться второстепенными дѣятелями.

I.

Военачальникъ.

Въ будущихъ войнахъ задачи главнокомандующаго будутъ вѣсколько отличны отъ задачъ предшествовавшихъ войнъ. Всѣ военные писатели согласны въ томъ, что для командованія во время войны, прежде всего, требуются высокія черты характера. Какъ ни велико разнообразіе, представляемое намъ исторіей въ этомъ отношеніи, усложненное еще индивидуальными впечатлѣніями, но мы—говоритъ Мекель ¹⁾—„находимъ въ великихъ полководцахъ слѣдующія, общія имъ всѣмъ, три черты характера: быстрый („орлиный“) взглядъ, вѣрность сужденія и проистекающая изъ него скорость рѣшенія, величайшая, ничѣмъ не подавляемая энергія въ выполненіи и величіе души, дающее силу сохранять спокойствіе даже въ минуты самыхъ тяжелыхъ испытаній. Сверхъ того, военачальникъ долженъ быть истымъ солдатомъ и обладать способностью привлекать къ себѣ сердца всѣхъ подчиненныхъ; надо, чтобы простые солдаты считали его за одного изъ „своихъ“ („Старый Фрицъ“, „маршалъ Впередъ“ ²⁾), „маленькій капралъ“, „Суворовъ“ и т. п.). Чѣмъ выше положеніе его, тѣмъ бѣльшею духовною силою долженъ онъ обладать для того, чтобы въ каждый рѣшительный моментъ обнять положеніе и овладѣть имъ“. Военачальника, слѣдовательно, прежде всего, создаетъ характеръ. Но сильные характеры обыкновенно проявляютъ себя тѣми сторонами, которыя въ мирное время чаще всего служатъ препятствіемъ къ повышеніямъ. Еслибы не революція, то, конечно, ни Карно, ни Бонапартъ не вышли бы изъ сферъ подчиненныхъ. Точно также и Фридриху Великому, родился онъ не отъ королевской четы, вѣроятно, пришлось бы покинуть службу въ чинѣ поручика.

Великіе полководцы появлялись чаще всего тамъ, гдѣ стремленія и организація массъ проникнуты были чѣмъ-то вродѣ первобытнаго натурализма. Въ этихъ условіяхъ личное вліяніе и энергія развивались на полномъ просторѣ. Такое развитіе личности умалется, лишь только цивилизація начинаетъ ее связывать и координировать по-своему.

Вообще, хорошая армія и хорошіе предводители—это два,

¹⁾ Meckel. „Truppenführung im Kriege“.

²⁾ Блюхеръ.

неразрывно связанна между собой, понятія. Все дѣло въ томъ, чтобы опредѣлить, не только какими достоинствами долженъ обладать человекъ для того, чтобы въ качествѣ военачальника онъ былъ способенъ разрѣшать великія задачи, но и какими данными должна отличаться армія для того, чтобы въ средѣ ея могли вырабатываться и выдѣляться великіе полководцы.

Авторъ весьма извѣстнаго сочиненія: „Das Volk in Waffen“¹⁾ роль главнокомандующаго опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

„Полководецъ долженъ умѣть вдохновить своею волей массу и направлять ее. Онъ долженъ быть созданъ для повелѣванія. Потому-то величайшихъ полководцевъ чаще всего можно найти на тронахъ.

„Главнымъ условіемъ управленія другими людьми является сила воли. Это можно наблюдать въ играхъ дѣтей, между которыми всегда играетъ роль полководца тотъ, кто сильнѣе проявляетъ свою волю. Одни оказываютъ ему послушаніе изъ лѣнности, другіе—вслѣдствіе недовѣрія къ самому себѣ. То же происходитъ и въ общественной дѣятельности.

„Ясно выраженная воля очень рѣдко встрѣчаетъ противодѣйствія. Масса людей сама желаетъ, чтобъ отъ нея требовали послушанія. Это импонированіе придаетъ ей самой увѣренность, которая возбуждаетъ ея отвагу и склоняетъ ее къ готовности совершить все, что отъ нея потребуетъ тотъ, кто надъ ней властвуетъ.

„Сильная воля не бываетъ безъ увѣренности въ самомъ себѣ, а послѣдняя особенность предполагаетъ въ характерѣ нѣкоторую независимость, которая необходима военному человеку. Люди высокаго развитія обыкновенно отличаются универсальностью, которая въ военномъ дѣлѣ, строго ограниченномъ, вредитъ. Универсальные люди слишкомъ углубляются въ сущность вещей, лучше другихъ понимаютъ опасности, предвидятъ возраженія. Отсюда рождается сомнѣніе, которое мѣшаетъ самоувѣренности, но само по себѣ оно враждебно всякому успѣху. Великіе умы обыкновенно слишкомъ долго изыскиваютъ *лучшіе* способы дѣйствія, забывая, что прежде всего надо рѣшить, что въ данномъ случаѣ *современно слѣдуетъ сдѣлать*“.

Здѣсь мѣсто вспомнить о томъ, какъ превосходно начертаны трудности въ положеніи главнокомандующаго великимъ

¹⁾ Фонъ-деръ-Гольцъ, „Вооруженный народъ“.

художникомъ слова, графомъ Л. Толстымъ, когда онъ изображаетъ вождя, передъ которымъ событіе, оставаясь незримымъ въ своей совокупности, раскрывается постепенно только въ частностяхъ, между тѣмъ какъ онъ самъ окруженъ цѣлой сѣтью интригъ, опасеній, совѣтовъ и проектовъ разнаго рода, взаимно противорѣчивыхъ ¹⁾).

До какой степени высшая интеллигентная сила, столь уважаемая въ мирное время, мельчаетъ въ минуту борьбы, сравнительно съ значеніемъ сильной воли, показываютъ намъ результаты всѣхъ историческихъ „военныхъ совѣтовъ“.

Несомнѣнно, что на этихъ совѣтахъ, состоявшихъ изъ людей опытныхъ и знающихъ, засѣдала вся сумма интеллигенціи арміи. И, однако, Фридрихъ II имѣлъ полное основаніе воспретить эти военные совѣты. Великій знатокъ людей отлично зналъ, что боязливыя мнѣнія будутъ всегда поддержаны большинствомъ голосовъ. Обыкновенно вся эта собранная интеллигенція не приходитъ къ другому результату, какъ только къ выраженію боязни, что „что бы ни предпринимать — все угрожаетъ опасностью. Воля полководца теряетъ значеніе, лишь только является слово „совѣтъ“, вѣчно предсказывающее капитуляцію или иное бѣдствіе. Совѣтъ собирается тогда, когда военачальникъ желаетъ сложить съ себя отвѣтственность за предвидѣнную катастрофу ²⁾).

„Смѣлость брать на себя отвѣтственность и стойкость убѣжденій въ войнахъ нашего времени еще болѣе нужны полководцу, чѣмъ прежде. Причина этого лежитъ въ томъ, что современные поля сраженій все болѣе увеличиваются въ своихъ размѣрахъ, и арміи, занимающія ихъ, раздѣляются на весьма значительное число отдѣльныхъ группъ.

„Неувѣренность начальниковъ этихъ отдѣльныхъ группъ неминуемо должна возрастать, потому что съ ихъ точки стоянія становится все труднѣе и труднѣе вѣрно оцѣнивать общее положеніе на полѣ сраженія.

„Съ другой стороны, въ настоящее время въ такой же

¹⁾ Physiologie de la guerre. „Napoléon et la campagne de Russie“.

²⁾ Генералъ Юнгъ съ своимъ сочиненіемъ: „La guerre et la société“ говоритъ: Принцъ Евгений Савойскій увѣрялъ, что онъ собиралъ военный совѣтъ только тогда, когда ему не хотѣлось ничего дѣлать. Князь де-Линь къ этому прибавляетъ: „мнѣ это понятно, потому что изъ дюжины составляющихъ такой совѣтъ членовъ по крайней мѣрѣ восемь не желаютъ ничего дѣлать“.

„Совѣты“, говоритъ Ришелье, „придумываются для того, чтобы скрыть неѣмкость полководца, или чтобы облегчить ихъ отвѣтственность“.

степени уменьшилась возможность руководить свыше всеми этими отдѣльными отрядами, и главнокомандующій теперь чаще становится въ положеніе брать на себя отвѣтственность за такія предпріятія, на ходъ которыхъ онъ положительно не можетъ повліять. Ему приходится часто, на основаніи ненадежныхъ свѣдѣній или короткихъ телеграфическихъ донесеній, не имѣя возможности лично познакомиться съ обстановкой дѣла на мѣстѣ, предписывать такія предпріятія, которыя могутъ послѣ кровавыхъ жертвъ не удался; причемъ неуспѣхъ будетъ всегда приписанъ ему.

„До введенія дальнобойнаго оружія поля сраженій были не болѣе современнаго учебнаго плаца одной бригады. Даже при посѣщеніи полей сраженій кампаніи 1864 года удивляешься, какъ незначительны все разстоянія и близки другъ отъ друга тѣ отдѣльные предметы, о которыхъ говорится въ описаніяхъ; напримѣръ, какъ покажется страннымъ, что при Миссундѣ, Оберъ-Зелкѣ и Оверзе разстояніе между противниками было не болѣе того, на которое можно перекинуть камень.

„Посѣтившій же поля сраженій при Ватерлоо или при Гохкирхенѣ еще болѣе испытываетъ это впечатлѣніе. Ходъ назрѣванія и разрѣшенія современныхъ сраженій былъ въ то время неизвѣстенъ, и возможность неожиданнаго, скреживающагося вліянія частныхъ начальниковъ была незначительна. Передъ сраженіемъ сходились съ непріателемъ на такое разстояніе, которое было гораздо короче, чемъ траектортія нынѣшняго ружейнаго выстрѣла.

Полководецъ, прежде чѣмъ придти къ опредѣленному рѣшенію и сдѣлать все распоряженія, могъ лично познакомиться съ обстановкой. Фридрихъ Великій дѣлалъ себѣ тяжелый упрекъ за то, что при Коллинѣ онъ не осмотрѣлъ лично всей мѣстности, по которой онъ долженъ былъ атаковать. Кто захотѣлъ бы это сдѣлать въ настоящее время, навѣрно принесъ бы болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Приведемъ здѣсь кстаті изъ сочиненія полковника Градіева примѣръ составленія плановъ Суворовымъ. По словамъ автора, Суворовъ за нѣсколько дней до битвы назначалъ время и мѣсто позицій для свиданія своего съ начальниками. Здѣсь онъ имъ сообщалъ, что намѣренъ бить непріятеля, и выбираетъ для атаки такіе-то пункты, а армія будетъ расположена такъ и такъ. Обыкновенно во время осмотра непріятельскихъ позицій Суворовъ самъ избиралъ мѣста для атаки, записывалъ

ихъ у себя и требовалъ того же отъ командировъ отдѣльныхъ частей. Весьма характеристично то обстоятельство, говоритъ авторъ, что такихъ пунктовъ натиска никогда не бывало болѣе трехъ. На каждомъ изъ нихъ назначался командовать одинъ изъ тѣхъ начальниковъ частей, которые изучали непріятельскія позиціи вмѣстѣ съ главнокомандующимъ. Если армія была многочисленная, то ими были чаще всего корпусные командиры. Суворовъ строго наказывалъ имъ—время, остающееся до наступленія сраженія, исключительно посвятить изслѣдованію мѣстности, раздѣляющей войска отъ непріятельскихъ позицій. Особенно онъ требовалъ, чтобы они прилежно, никому не довѣряя, осмотрѣли пункты, на которыхъ предполагалось помѣстить артиллерію. Все это они должны были произвести безъ шума, безъ всего того, что могло бы обратить на себя вниманіе непріятели. Отпуская своихъ помощниковъ, Суворовъ обыкновенно напоминалъ имъ о необходимости соблюденія величайшей тайны.

Уже Наполеонъ предоставлялъ большее участіе усмотрѣнію начальниковъ корпусовъ. „Вполнѣ точнаго боеваго распоряженія императоръ не дѣлалъ. Осмотрѣвъ мѣстность и установивъ общій планъ дѣйствій, онъ соотвѣтственно располагалъ корпуса, въ зависимости отъ предназначенныхъ имъ задачъ; затѣмъ, онъ сообщалъ ихъ командирамъ общій планъ и задачу, какую поручалъ каждому изъ нихъ исполнить. Гвардія, имѣвшая значительную артиллерію или вообще какой-нибудь отборный отрядъ, остававшійся въ прикрытіи, двигались имъ впередъ въ благопріятную минуту и рѣшали дѣло ¹⁾“. Надо еще замѣтить, что въ тактикѣ Наполеонъ являлся оппортунистомъ. Даже корпуса его не имѣли опредѣленнаго состава, какъ нынѣ; они были разной численности и представляли разныя комбинаціи частей по оружію—смотря по назначенной имъ роли и по степени довѣрія Наполеона къ командирамъ.

Но возвратимся къ изложенію этого предмета словами фонъ-деръ-Гольца, изъ котораго, между прочимъ, можно было бы вывести то, что полководецъ, который, въ наше время, сталъ бы подражать только-что приведенному примѣру, навѣрное опоздалъ бы съ своими распоряженіями.

„Жесточайшія испытанія выпадаютъ на долю полководца въ несчастные дни кампаніи; онъ долженъ имѣть особый даръ

¹⁾ Waldor de Heusche. „La tactique d'autrefois“, Revue de l'armée belge. 1893.

переносить всякаго рода разочарованія и удары судьбы. Многіе, даже самыя твердые характеры, при встрѣчѣ съ неудачами, теряютъ спокойствіе, благоразуміе и терпѣніе. Качество, которое лучше всего противодѣйствуетъ вредному вліянію несчастій, мы называемъ величіемъ души и включаемъ его въ число качествъ, необходимыхъ нашему идеалу полководца.

„Такимъ образомъ выясняется, что цѣлый рядъ высокихъ общечеловѣческихъ качествъ въ то же время составляютъ и необходимыя качества военнаго человѣка.

„Между качествами, необходимыми полководцу, кромѣ осмотрительности, мужества, смѣлости, предприимчивости, осторожности, проницательности, упорства, надежды и т. д., нужныхъ не только полководцу, но и каждому солдату, мы должны еще сказать о способности основательнаго пониманія тайнъ человѣческой души. Армія представляетъ изъ себя крайне чувствительную живую массу, а не какое-нибудь мертвое орудіе или конгломератъ шахматныхъ фигуръ, которыми можно двигать взадъ и впередъ, по заранѣ составленному и опредѣленному плану, до постановки противнику мата. Она подвержена различнымъ психологическимъ вліяніямъ, и качество ея, смотря по настроенію, будетъ различно. Несчастіе подавляетъ мужество и увѣренность въ себѣ, и, напротивъ, самыя незначительныя удачи поднимаютъ надежду и поддерживаютъ бодрость. Одни и тѣ же войска въ различные періоды могутъ быть неузнаваемы. Очень часто такія впечатлѣнія, которыя въ одномъ случаѣ оказываютъ чувствительное вліяніе, при другой обстановкѣ проходятъ незамѣченными.

„На войнѣ не такъ важенъ вопросъ—каковы требованія, болѣе важно: какъ и кѣмъ они поставлены. Всякія общія правила въ этомъ случаѣ излишни и бесполезны. Полководецъ долженъ умѣть заглядывать въ сердца своихъ солдатъ и въ каждый данный моментъ безъ ошибки видѣть, чего онъ именно теперь можетъ отъ нихъ требовать. Онъ долженъ быть сердце-вѣдомъ (*Menschenkenner*). Уже Шарнгорстъ въ свое время жаловался, что психологическая часть теоріи военнаго искусства такъ мало разработана, что „главная польза изученія исторіи“, т. е. познаніе человѣческаго сердца, почти совсѣмъ теряется. Между тѣмъ именно это познаніе, хотя и весьма трудное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень полезное, пріобрѣтается легче всего изслѣдованіемъ такихъ событій, которыя являются результатомъ великихъ и широко-задуманныхъ плановъ“.

„Къ качествамъ, обращающимъ на себя мало вниманія, но тѣмъ не менѣе необходимымъ полководцу, принадлежитъ и *фантазія*—падчерица современнаго метода образованія. Она рисуетъ юношѣ картины славы и величія и побуждаетъ его добиваться ихъ. Впрочемъ, не въ этомъ заключается ея главная польза, потому что слишкомъ живое воображеніе можетъ имѣть слѣдствіемъ преувеличенное мнѣніе о своихъ собственныхъ силахъ и повести къ ложнымъ поступкамъ; но правильно дѣйствующая сила воображенія совершенно необходима полководцу.

„Онъ долженъ въ каждый моментъ, часто при самыхъ запутанныхъ движеніяхъ и предпріятіяхъ, представлять себѣ совершенно ясно какъ дѣйствительное положеніе своихъ, такъ и предполагаемое непріятельскихъ войскъ; да и не только въ данный моментъ, но онъ долженъ даже предвидѣть, какова будетъ обстановка черезъ два, три и болѣе дней. Жюмини восхваляетъ эту особенность въ Наполеонѣ и объясняетъ этимъ быстроту и легкость всѣхъ его распоряженій. Ему всегда было ясно расположеніе его корпусовъ, дивизій и бригадъ въ данную минуту. Поэтому онъ ничего не забывалъ, не упускалъ изъ вида ни одного средства, которое гдѣ-либо представлялось ему для достиженія его цѣлей, думалъ о такихъ вещахъ, которыя всякій другой позабылъ бы, и былъ чрезвычайно изобрѣтателенъ. Все это, по большей части, дѣло фантазіи. Она помогаетъ также при изученіи военной исторіи, которая своимъ увлекательнымъ изложеніемъ могла бы, въ свою очередь, способствовать развитію первой; она дорисовываетъ тѣ мелкія подробности и даетъ возможность дѣлать выводы, которые, можетъ быть, только поверхностно указаны въ историческомъ изложеніи.

„Однако, неограниченная фантазія, неуравновѣшенная тщательнымъ изученіемъ военной исторіи, кроетъ въ себѣ тотъ недостатокъ, что она видитъ опасность тамъ, гдѣ ея на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Но въ боязливыхъ характерахъ эта же самая работа часто происходитъ, именно, отъ недостатка фантазіи, и результатомъ этого бывають тысячи сомнѣній съ массою безцѣльныхъ приказаній. Нерѣдко также умаляютъ значеніе, которое имѣетъ для полководца *хорошая память*. Наполеонъ сравнивалъ умнаго человѣка, но безъ хорошей памяти, съ красивымъ жилищемъ безъ мебели или крѣпостью безъ гарнизона.

„Какъ одно изъ главнѣйшихъ дарованій полководца, мы хотѣли бы еще назвать *духъ творчества*, потому что находчивости, намъ кажется, для него недостаточно. Если сила творчества соединяется съ силою воли, съ честолюбіемъ и съ любовью къ славѣ, то получается *жажда подвиговъ*, а справедливо утверждаютъ, что, при всѣхъ другихъ одинаковыхъ качествахъ двухъ полководцевъ, болѣе дѣятельный изъ нихъ долженъ одержать верхъ.

„Упомянувъ о жадѣ подвиговъ, мы должны добавить, что она ставитъ большія требованія не только умственнымъ, но также и физическимъ силамъ. *Крѣпкое здоровье* и выносливость организма суть драгоцѣннѣйшія условія для полководца.

„Хотя само собою понятно, что *храбрость* необходима каждому солдату, однако полководцу нужна храбрость особаго рода. Ему нужно то хладнокровіе, благодаря которому онъ въ минуты величайшей опасности, когда все остальное работаетъ съ нѣскольکو отуманеннымъ сознаниемъ, напротивъ, становится какъ бы ясновидящимъ и еще болѣе находчивымъ.

„Изъ вышеприведеннаго большаго числа трудно исполнимыхъ условій уже вытекаетъ, что совершенныя полководческія натуры суть большая рѣдкость. Это, впрочемъ, никогда не отрицалось.

„Казалось бы, что великіе полководцы, соединяющіе въ себѣ столько превосходныхъ качествъ, должны были бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть и прекрасными людьми, привлекающими немедленно и сердца. Но ни про Фридриха, ни про Наполеона этого не могутъ сказать люди, которые имѣли съ ними личныя сношенія.

„Простое объясненіе того, что гдѣ сильный свѣтъ, тамъ должны быть и сильныя тѣни, недостаточно разъясняетъ намъ этотъ фактъ. При болѣе точномъ изслѣдованіи его мы увидимъ, что полководцу въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, необходимы нѣкоторыя качества, которыя непривлекательны съ человѣческой точки зрѣнія и которыя не могутъ быть прощены обыкновеннымъ смертнымъ, не могущимъ насъ вознаградить великими чертами своего характера.

„Сила воли рѣдко въ состояніи сдѣлать что-нибудь безъ помощи нѣкоторой *жестокости*. Въ войнахъ настоящаго времени непосредственно до и послѣ рѣшительныхъ дѣйствій собирается такая огромная масса людей, что она одна уже должна вызвать массу нуждъ и бѣдствій. Прибавимъ къ этому поля сраженій,

на которыхъ дрались сотни тысячъ людей! Это мѣста всевозможныхъ человѣческихъ страданій, и никакое теоретическое убѣжденіе, что эти жертвы необходимы и неизбѣжны, не облегчить удручающаго впечатлѣнія, которое производитъ на насъ видъ этихъ страданій. Часто при этомъ наиболѣе растрогиваются именно тѣ люди, которые передъ этимъ, въ тайномъ предчувствіи нѣкоторой слабости, выказывали наибольшую суровость и которые на словахъ наиболѣе рѣшительно бродятъ въ крови. Отъ подобной слабости предохраняютъ только особенныя качества. Одно изъ нихъ — суровость, которая въ близкомъ родствѣ съ необходимымъ полководцу сознаніемъ собственнаго величія. Мы часто говоримъ о презрѣніи великихъ полководцевъ къ человѣчеству. Подъ этимъ мы подразумѣваемъ чувство нѣкотораго пренебреженія къ участи отдѣльнаго человѣка, которое только тогда проявляется, когда дѣло идетъ о достиженіи великихъ цѣлей. Въ частной жизни даже у Фридриха и у Наполеона были моменты сердечной мягкости. Но великія цѣли не всегда ясно представляются большинству людей; онѣ исчезаютъ изъ ихъ сознанія, какъ только послѣднее сильно занято окружающей его ближайшей обстановкой. Тогда необходимая суровость полководца кажется только жестокосердіемъ и отталкиваетъ насъ. Полководецъ, который изъ состраданія выкажетъ къ раненымъ свое участіе или который позволитъ своему сочувствію приковать себя къ мѣстамъ бѣдствій, рискуетъ бесполезно упустить драгоцѣннѣйшія минуты для дѣйствія. И, все-таки, мы ужасаемся такого человѣка, который окидываетъ взоромъ истощенные боемъ баталіоны только для того, чтобы хладнокровно разсчитать, чего онъ еще можетъ отъ нихъ потребовать.

„Неумолимость — по виду столь отвратительное безчувствіе — принадлежитъ къ необходимымъ атрибутамъ того, кто хочетъ на войнѣ достигнуть чего-нибудь великаго. Для полководца существуетъ только одно преступленіе, котораго исторія ему никогда не проститъ, а именно — потерпѣть пораженіе, и сильный характеръ будетъ это всегда имѣть передъ глазами“¹⁾.

Итакъ, мы видимъ, какъ много заявлялось требованій къ полководцу уже двадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь эта задача стала еще труднѣе.

Полямя будущихъ битвъ, какъ это уже объяснено въ предшествующей главѣ, предстоитъ сдѣлаться весьма обширными.

1) Фонъ-деръ-Гольцъ, „Вооруженный народъ“.

Вслѣдствіе этого и разнобразіе мѣстности должно будетъ увеличиться. Какъ бы ни былъ искусно составленъ планъ, маневрированію нерѣдко воспрепятствуетъ трудность избрать выгодную позицію и роковая необходимость раньше попасть подъ огонь врага. Самому лучшему военачальнику нелегко будетъ избѣгнуть такихъ случайностей.

Главнымъ рѣшающимъ условіемъ побѣды все-таки будетъ (быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ она была въ прежнее время) *численность*, понимая это слово не только въ томъ смыслѣ, чтобы вывести въ поле возможно большее количество солдатъ, а чтобы численный перевѣсъ являлся въ каждый моментъ кампаніи и при каждомъ столкновеніи враждующихъ силъ. А это зависитъ въ значительной степени отъ таланта полководца, отъ умѣлаго расположенія всѣхъ силъ и отъ искуснаго ихъ употребленія.

Когда Бонапартъ и извѣстный генераль Моро встрѣтились другъ съ другомъ въ первый разъ, то послѣдній сказалъ: „Вы возвращаетесь изъ Египта побѣдителемъ, а я изъ Италіи, послѣ пораженія. Если бы Жуберъ не замѣшклся въ Парижѣ, мы могли бы разбить непріятеля, но русскіе и австрійцы въ теченіе этого мѣсяца ожиданія сосредоточили свои силы, и мы были разбиты. Большая численность всегда побѣждаетъ малую“.

„Вы правы“, отвѣчалъ ему Бонапартъ. „Когда я находился съ малыми силами противъ большой арміи, я сосредоточивалъ свои войска и съ быстротою молніи кидался на одинъ изъ непріятельскихъ фланговъ. Вслѣдъ за этимъ, пользуясь замѣшательствомъ непріятеля, которое является обычнымъ слѣдствіемъ моего маневра, я напалъ на другую часть непріятельскихъ войскъ, опять-таки всѣми моими силами. Такимъ образомъ я разбивалъ ихъ по частямъ, и побѣда, которую я одерживалъ, какъ вы видите, была именно слѣдствіемъ того, что всегда большее число одерживаетъ верхъ надъ малымъ“¹⁾.

Въ настоящее время численность будетъ имѣть еще большее значеніе, чѣмъ прежде, потому что усовершенствованное оружіе допускаетъ стрѣльбу съ большаго разстоянія и слѣдовательно концентрированіе огня окажется гораздо дѣйствительнѣе по своимъ послѣдствіямъ. Сверхъ того, и это еще важнѣе, скорострѣльность новаго оружія значительно увеличиваетъ разницу числа выстрѣловъ въ пользу, разумѣется, болѣе силь-

¹⁾ Oméga, «L'art de combattre».

ной стороны. Обстоятельство это поясняется простымъ расчетомъ.

Положимъ, ради поясненія нашей мысли, что въ полѣ битвы находитея одна только пѣхота и войска обѣихъ сторонъ разнятся лишь численностью, положимъ, съ одной стороны, имѣется 200, съ другой 100 человекъ, и разстояніе, раздѣляющее ихъ, равно 100 метрамъ.

По даннымъ, какія мы находимъ въ „L'art de combattre“, изъ ружья Шасспо, употреблявшагося въ 1870—1871 гг., на этомъ разстояніи попадаетъ въ неподвижнаго человѣка изъ 100 выстрѣловъ 50, изъ нынѣшняго ружья 70. При этомъ ружье Шасспо выпускало въ минуту 6 выстрѣловъ, магазинное же ружье 16. Изъ этого слѣдуетъ, что 20 лѣтъ тому назадъ болѣе численный изъ данныхъ отрядовъ выпустилъ бы въ противника въ теченіе минуты 1.200 пуль, второй слабѣйшій 600. Разница была бы въ 600 пуль.

Въ настоящее время большой отрядъ успѣлъ бы сдѣлать 3.200 выстрѣловъ въ то время, пока меньшій выстрѣлитъ всего 1.600 разъ. Разница уже будетъ на 600, а 1.600 въ минуту, причемъ, конечно, слабѣйшій противникъ потерпитъ болѣе уронъ, чѣмъ сильнѣйшій, и значеніе численности обнаружится быстрѣе и чувствительнѣе.

Къ этому надо прибавить, что болѣе многочисленныя выстрѣлы сверхъ того еще окажутся болѣе дѣйствительными и потому еще, что снарядъ, вылетающій съ большею первоначальной скоростью, менѣе отклоняется отъ своего направленія и ударная сила его могущественнѣе. Все это производитъ большую сумму пораженій и въ общемъ, слѣдовательно, численный перевѣсъ воюющихъ отразится еще съ большей очевидностью.

То же самое относится и къ артиллеріи. Въ настоящее время если бы одна сторона имѣла на какомъ-нибудь пунктѣ перевѣсъ надъ противникомъ въ количествѣ одной батареи, то такой перевѣсъ имѣетъ значеніе, равное дѣйствию лишнихъ шести батарей въ 1870 году.

Все это крайне затруднитъ составленіе плана, выборъ мѣста и момента для натиска и потребуетъ большихъ способностей, какъ и самое выполненіе плана.

Въ каждый моментъ, благодаря значительности резервовъ, противникъ въ состояніи развить на каждомъ данномъ пунктѣ противодѣйствіе, хотя бы нападеніе на него было произведено неожиданно. Резервы и въ прежнее время играли большую

роль, современная же тактика, увеличивъ ихъ численность, довела значеніе ихъ до высокой степени. Безъ многочисленныхъ резервовъ каждый полководецъ можетъ оказаться безсильнымъ въ рѣшающій моментъ битвы.

Но, съ другой стороны, для него является та трудность, что, вслѣдствіе дальнобойности и настильности современныхъ орудій и ружей, онъ не будетъ имѣть возможности держать резервовъ подъ рукой и, какъ это пояснено было нами многократно, не будетъ въ состояніи съ такою же легкостію, какъ въ прежнее время, ориентироваться относительно наступившаго момента для введенія въ дѣло резервовъ.

Общіе резервы будутъ состоять изъ цѣлыхъ корпусовъ. Они составятъ четвертую или даже третью часть всей арміи и должны находиться въ непосредственномъ распоряженіи главнокомандующаго. Въ случаѣ побѣды, громадная сила резерва употребляется для увеличенія пораженія непріятеля, въ случаѣ же неуспѣха—для прикрытія отступленія. Если вѣсы побѣды колеблются, резервы выступаютъ для того, чтобы перетянуть ихъ на свою сторону. Легко понять, какъ важно для военачальника сохранить ихъ. Съ потерей ихъ, не останется опоры, на которую можно рассчитывать, какъ на спасеніе въ случаѣ какой-нибудь неудачи.

Между тѣмъ характеръ нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій будетъ именно таковъ, что съ перваго момента начавшагося сраженія къ главнокомандующему будутъ поступать заявленія о присылкѣ подкрѣпленій. Еслибы онъ сталъ удовлетворять всѣмъ этимъ требованіямъ, то резервовъ не хватило бы до окончанія сраженія. Но, съ другой стороны, неудовлетвореніе дѣйствительной надобности можетъ привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Частные резервы специально предназначаются для усиленія отдѣльныхъ частей, вступившихъ въ бой, безъ ослабленія главныхъ резервныхъ силъ. Въ высшей степени важная задача умѣть воспользоваться моментомъ для употребленія въ дѣло резервовъ. Величайшимъ мастеромъ этого дѣла былъ Наполеонъ. Наоборотъ, французскіе генералы 1870 года имѣли несчастье зачастую вводить въ дѣло резервы или преждевременно или слишкомъ поздно, какъ напр. подъ Гравелоттомъ, гдѣ во-время подоспѣвшія подкрѣпленія могли бы привести къ побѣдѣ.

Обнять все положеніе и взвѣсить все подробности, различныя на разныхъ мѣстахъ боя, будетъ тѣмъ труднѣе, что, не-

смотря на помощь воздушных шаровъ и телефоновъ, военачальникъ не въ состояніи будетъ получать въ каждый моментъ свѣдѣнія о всѣхъ фазисахъ происходящей на громадномъ пространствѣ борьбы между сотнями тысячъ людей.

Рутинные методы веденія войны потеряли навсегда свое значеніе и едва-ли уже найдутъ примѣненіе въ будущихъ колоссальныхъ столкновеніяхъ миллионныхъ армій.

Является вопросъ: найдутся ли люди, которые бы удовлетворили всѣмъ этимъ новымъ условіямъ и требованіямъ веденія войны?

Нельзя не замѣтить, что при современныхъ условіяхъ личность начальника штаба будетъ играть не менѣе важную роль, какъ это имѣло мѣсто въ войну 1870 года. Но еще не рѣшенный вопросъ: не въ личныхъ ли качествахъ Вильгельма I, въ его преклонномъ возрастѣ и извѣстномъ спокойномъ темпераментѣ надо искать исключительныя условія успѣха, давшія возможность дѣйствовать и развернуться таланту начальника штаба Мольтке? Послѣдній, по увѣренію, напримѣръ, французскаго бывшаго военнаго министра Фрейсине, никакъ не можетъ почитаться геніемъ военнаго дѣла въ родѣ Наполеона или Александра, потому что все его искусство сводилось къ усидчивымъ вычисленіямъ хорошаго счетовода и настойчиваго труженика, обязаннаго успѣхамъ благодаря лишь тщательной и точной обработкѣ подробностей каждаго предмета.

Проф. Лееръ говоритъ объ этомъ:

„Какъ показываетъ самая выдающаяся изъ нѣмецкихъ войнъ (1870—71) г., въ ихъ *стратегіи*, принятой наконецъ арміею, мы видимъ строгую систематизацію проблесковъ Наполеоновскаго генія. Вспышки его генія пруссаки выработали въ строго-логически послѣдовательную систему, внеся въ эту работу большой трудъ, большое умѣнье, методу и порядокъ, и еще большее терпѣніе. Надъ этою скромною, невидною, но крайне важною работою неустанно трудились, въ теченіе 50-ти лѣтъ, два преемственныхъ поколѣнія.

„Говорятъ, „геній—это терпѣніе“. Прусская стратегія не представляетъ собою новой эры въ развитіи стратегическаго искусства, а это—*тотъ же геній Наполеоновской стратегіи, только выраженный въ нѣмецкой системѣ и въ нѣмецкомъ терпѣніи*, съ дополненіемъ всѣмъ тѣмъ, что вызывается новѣйшими техническими усовершенствованіями (желѣзными дорогами...).

„Въ томъ, что они не творцы новой стратегіи, а только

„ученики Наполеона въ области стратегіи“, и что настоящій періодъ не является новою эрой въ развитіи стратегическаго искусства, начали наконецъ сознаваться и сами нѣмцы, ихъ новѣйшіе, наиболѣе объективные, военные писатели, какъ-только чадъ отъ побѣдъ 1870—71 гг. нѣсколько поулегся“.

Но если и согласиться съ этимъ, то во всякомъ случаѣ заслуги и труды Мольтке надъ организаціей главнаго штаба, который сдѣлался превосходнымъ орудіемъ веденія войны, не остались безъ послѣдствій и вліянія даже тогда, когда этотъ стратегъ окончилъ свое личное служеніе въ штабѣ. Примѣръ его, опытность, указанный имъ и проторенный путь могутъ служить руководствомъ для каждаго главнокомандующаго. Генералъ Пузыревскій справедливо утверждаетъ, что и геніальный полководецъ безъ такого штаба, какимъ обладалъ Мольтке, не въ состояніи былъ бы совершить того, что удалось совершить нѣмцамъ въ 1870—71 году.

Хорошій полководецъ и хорошо организованный штабъ—это два неизбѣжныя условія военнаго успѣха. Достоинства штаба указаны образцовой организаціей, оставленной Мольтке. Что касается главнокомандующаго, то, говоря словами фонъ-деръ-Гольца, онъ долженъ представлять своею личностью счастливое совмѣщеніе характера съ выдающимися способностями. Безъ долговременнаго жизненнаго опыта, безъ установившагося глубокаго взгляда на свои обязанности и безъ такого рѣдко встрѣчающагося хладнокровнаго темперамента, какимъ отличался Вильгельмъ I, такого совмѣщенія ожидать трудно.

Итакъ, по причинамъ, о которыхъ сказано выше, а именно вслѣдствіе увеличенія численности войскъ и усовершенствованія военныхъ средствъ, роль главнокомандующаго въ наше время стала несравненно труднѣе, чѣмъ она была даже не въ очень отдаленномъ прошломъ. Всѣ военные писатели согласны въ томъ, что главнокомандующій, начертавшій общій планъ сраженія, принять которое онъ поставленъ въ необходимость вслѣдствіе неудачъ или удачъ подчиненныхъ, во время предварительныхъ дѣйствій не имѣетъ инаго способа вліять на ходъ сраженія, какъ усиливая въ разныхъ пунктахъ атаку или оборону. Поэтому успѣхъ битвы зависитъ болѣе всего отъ младшихъ командировъ и сѣнцеровъ, а часто только отъ достоинствъ личнаго состава войскъ. Слѣдовательно, на каждой ступени существуютъ обязанности, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ оружія.

Распоряжаться всегда было гораздо труднѣе, чѣмъ слу-

шать распоряженій. Распоряжаться быстро, ясно и цѣлесообразно — это уже дѣло способности и привычки. Исполненіе всегда окажется отраженіемъ приказанія, т. е. если приказаніе будетъ дурно издано, то будетъ и плохо понято. Колебаніе въ приказѣ отзовется на выполненіи недостаткомъ увѣренности и повредитъ значенію приказывающаго. Приказъ, который приходится отмѣнять, обыкновенно былъ изданъ преждевременно или ошибочно. Часто перемѣны распоряженій вызываютъ не только недоразумѣнія, но и недобѣріе и недовольство. „Ordre, contre-ordre, désordre“.

Наполеонъ въ запискахъ своихъ говоритъ, что армія ни отъ какихъ недостатковъ столько не страдаетъ, сколько отъ плохихъ офицеровъ, составляющихъ немалую часть кадровъ.

Отъ развитія способностей и качествъ офицеровъ болѣе всего зависитъ успѣхъ каждой кампаніи. Такъ было всегда и тѣмъ болѣе такъ останется въ будущемъ, ибо усовершенствованная и усложнившаяся машина требуетъ въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо точнаго ознакомленія съ нею, находчивости и вообще интеллектуальныхъ силъ. Поэтому весьма важно опредѣлить сферы обязанностей каждаго военнаго чина, опредѣлить то, что французы называютъ „ligne de conduite“.

Изъ всего изложеннаго можно, кажется, сдѣлать тотъ выводъ, что руководство въ арміяхъ должно быть въ однѣхъ рукахъ. Этому началу наиболѣе соотвѣтствуютъ условія въ русской арміи, уже потому, что въ ней, въ мирное время, какъ и вообще на государственной службѣ, личная инициатива проявляется лишь слабо. Отъ командующаго будетъ зависѣть внушеніе арміи того образа дѣйствій, который нѣмцы опредѣляютъ выраженіемъ „Schneid“ и который означаетъ дѣятельное, смѣлое наступленіе, несмотря на грозу усовершенствованнаго оружія, или указаніе поступать съ оглядкой. Понятно, что способъ веденія войскъ въ бой будетъ зависѣть отъ того, чего командиры отдѣльныхъ частей будутъ ожидать отъ высшаго командованія: осужденія ли и отвѣтственности за каждый рискованный шагъ или свисходительнаго отношенія къ неудачѣ смѣлаго поступка въ бою, въ томъ вниманіи, что часто *audaces fortuna juvat* или, по-русски, „смѣлость города беретъ“ и что этотъ элементъ, несмотря на всѣ усовершенствованія въ оружіи, будетъ играть на войнѣ весьма важную роль, если только, конечно, смѣлость не доведется до полнаго отрицанія новыхъ тактическихъ условій.

II.

Самостоятельные командиры отрядовъ.

Въ изданіи германскаго генеральнаго штаба, посвященномъ войнѣ 1870—71 гг., между прочимъ сказано: „Нравственныя и матеріальныя послѣдствія каждаго важнаго событія на войнѣ такъ велики, что они обыкновенно создаютъ совершенно новое положеніе, дающее почву для совершенно новыхъ соображеній. Невозможно опредѣлить со всею точностію плана кампаніи до перваго столкновенія съ значительными силами непріятеля. Только тотъ, кто о военномъ дѣлѣ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, можетъ воображать, что ходъ кампаніи представляетъ собою вѣрное выполненіе предварительнаго плана со всеми подробностями. Главнокомандующій указываетъ лишь на главную часть задачи: искать главную силу непріятеля и атаковать ее всюду, гдѣ бы она ни оказалась“. Направленіе дальнѣйшихъ дѣйствій находится, стало быть, въ рукахъ самостоятельныхъ командировъ отрядовъ.

И въ настоящее время считаютъ за аксіому, что главная общая обязанность всѣхъ подчиненныхъ заключается, на всѣхъ ступеняхъ воинской подчиненности, въ точномъ исполненіи предначертаній стоящаго во главѣ арміи полководца. Если же какое-нибудь указаніе было опущено, каждый командиръ отдѣльной боевой части, вмѣсто того, чтобы бездѣйствовать подъ этимъ предлогомъ, обязанъ поставить передъ собой цѣль, соотвѣтственную положенію, опредѣленному главнокомандующимъ, и стремиться къ ней съ упорствомъ. Избраніе средствъ для достиженія такой цѣли и развитіе силъ для ея осуществленія называется *иниціативой*.

Инициатива одинаково важна, какъ при оборонительномъ, такъ и при наступательномъ образѣ дѣйствія, и, въ соединеніи съ настойчивостію въ выполненіи, служитъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ достиженія успѣха.

Относительно значенія инициативы всѣ военные авторитеты согласны между собою, и взгляды рознятся лишь въ подробностяхъ, въ зависимости отъ того, насколько каждый изъ нихъ сторонникъ централизаціи или децентрализаціи.

Въ настоящую минуту споры объ этомъ вопросѣ находятся въ положеніи, которое мы постараемся выяснитъ читателямъ.

Въ прежнія времена, по крайней мѣрѣ начиная съ эпохи образованія постоянныхъ армій, вся инициатива дѣйствій и,

вслѣдствіе сего, вся отвѣтственность за военный успѣхъ дѣла лежала всецѣло на одномъ лицѣ—главнокомандующемъ. Подчиненные ему офицеры были лишь исполнителями его приказаній, посредниками между мыслью начальника и дѣятельностью рядовыхъ войска. Они не смѣли ни въ чемъ отступать отъ намѣченныхъ свыше распоряженій, не смѣли руководствоваться собственнымъ соображеніемъ, измѣнить что-либо, принимать на свою отвѣтственность.

Когда геній Наполеона достигъ того, что Франція сдѣлалась владычицей Европы, когда онъ разгромилъ поочередно все государства континента и не было надежды противопоставить ему полководца равной ему силы, надо было искать иного способа спасенія въ иномъ способѣ организаціи арміи и веденія войны.

За эту мысль прежде всего ухватилась Пруссія. Неизмѣняемость плана полководцевъ была тамъ похерена. Шарнгорстъ высказалъ мнѣніе, которое стало исходной точкой и основаніемъ переустройства прусской, а затѣмъ и всей нѣмецкой арміи: „большое число талантливыхъ людей можетъ замѣнить и уравновѣсить одного генія“. Прежде всего съ низшихъ офицеровъ были сняты путы, связывавшія ихъ дѣятельность. Изъ нихъ начали готовить настоящихъ полководцевъ, на какой бы ступени они ни стояли и какой бы малой единицей они ни командовали, и эта реформа была введена именно черезъ то, что они получили право *иниціативы*, что весьма естественно увеличивало тяжесть ихъ обязанностей и отвѣтственности.

Въ чемъ выражается независимость нѣмецкихъ офицеровъ начиная съ низшихъ чиновъ, укажетъ намъ лучше всего слѣдующая выдержка изъ сочиненія генерала русскаго генеральнаго штаба Каульбарса ¹⁾.

„Ротный командиръ германской арміи вполне отвѣчаетъ за образованіе и обученіе своихъ людей и ведетъ ученіе такъ, какъ самъ считаетъ за лучшее. Инициатива его ничѣмъ не ограничивается, кромѣ предъявленія въ извѣстные сроки своихъ солдатъ на судъ инспекціи. Даже баталіонный командиръ не имѣетъ права вмѣшиваться въ занятія его обученіемъ солдатъ. Баталіонный командиръ, въ свою очередь, отвѣчаетъ за выучку баталіона, какъ единицы тактической, и его дѣло лишь въ томъ, чтобы ротное обученіе къ этому времени было окончено. Прусскіе офицеры, отъ поручика до генерала, въ этомъ отношеніи вполне солидарны между собой. Они полагаютъ, что

¹⁾ «Германская армія и принципы ея быта и обученія». 1890 г.

расширеніе права инициативы есть единственный вѣрный залогъ успѣха, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ обученіи, но и во всѣхъ военныхъ дѣлахъ.

„Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для развитія въ мирное время разумной инициативы въ частныхъ начальникахъ, по мнѣнію профессора генерала Леера, служатъ: 1) *возможно простая организациія управленія, — поменне регламентации и централизации* и 2) *правильная организациія маневровъ*, этой высшей школы, въ мирное время, для старшихъ начальниковъ, подобно тому, какъ то уже давно дѣлается въ Пруссіи. Въ какой мѣрѣ въ Пруссіи правильно смотрятъ на этотъ предметъ, въ какой мѣрѣ тамъ стремятся развить духъ инициативы въ арміи, духъ мгновенныхъ рѣшеній на свой страхъ, ближе всего видно изъ того разсужденія, которымъ сочиненіе прусскаго генеральнаго штаба о войнѣ 1870—71 гг. сопровождается описаніе одного изъ самыхъ тяжелыхъ эпизодовъ, *одного изъ зарываній*, — именно неудачной атаки гвардіи въ Гравелотскомъ сраженіи. Вотъ что въ немъ, по этому поводу, говорится: „къ подобнаго рода частнымъ зарываніямъ, пока къ нимъ прибѣгаютъ въ видахъ облегченія работы главнокомандующаго, слѣдуетъ относиться *одобрительно*, такъ какъ было бы ошибочно изгнать изъ области веденія военныхъ дѣйствій тотъ элементъ отваги, который хотя самъ по себѣ, непосредственно, и не приводитъ къ великимъ результатамъ, но зато ихъ подготавливаетъ“. Примѣръ, достойный подражанія, прибавляетъ къ этому профессоръ Лееръ ¹⁾.

И французскіе военные писатели рекомендуютъ тотъ же методъ. Да, это логично, это справедливо, говоритъ Амаде Лафоре²⁾. Эти простые принципы доставили нѣмцамъ побѣду 1870 г. Какимъ образомъ возможно главнокомандующему арміей въ 150 или 200 тыс. человекъ, занимающей громадное пространство, предвидѣть всѣ случайности? Какимъ образомъ можно извѣстить во время обо всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ? Это прямо невозможно, и нѣтъ такого генія, который бы это исполнилъ“.

Итакъ, прусская система, рекомендуемая всѣми писателями, формулируется слѣдующимъ образомъ: главнокомандующій долженъ быть единственнымъ и абсолютнымъ распорядителемъ въ области приготовленій къ войнѣ. Онъ составляетъ планъ кампаніи, въ его рукахъ первый импульсъ ея; онъ собираетъ

¹⁾ „Сложныя операціи“.

²⁾ Amadée la Faure. „L'initiative militaire“. „Revue nouvelle“.

всѣ свѣдѣнія, пользуется каждымъ освѣщеніемъ предмета, послѣднее слово и заключеніе изъ этого всего принадлежитъ ему.

„Но лишь только дѣло доходитъ до исполненія, власть главнокомандующаго какъ бы исчезаетъ. Онъ впередъ знаетъ, что ему невозможно быть вездѣ и что нельзя найти такого мѣста, гдѣ бы онъ могъ получить извѣщенія обо всемъ происходящемъ на различныхъ пунктахъ сраженія. Онъ собираетъ корпусныхъ командировъ, излагаетъ имъ свою мысль, развиваетъ подробности, какія считаетъ необходимымъ пояснить, сообщаетъ цѣль, имѣющуюся въ виду, словомъ, поясняетъ то, что называютъ *директивой*, остерегаясь передачи диспозицій, Съ этого момента начинается задача командировъ низшихъ степеней.

III.

Сила инициативы въ разныхъ арміяхъ.

Если сравниваются нѣмецкія реляціи битвъ съ французскими въ войнѣ 1870 г., то прежде всего поражаетъ та особенность, что съ одной стороны стычки начинались постепенно мелкими единицами — ротами, тогда какъ французы пускали въ бой сразу большіе отряды.

Весьма обстоятельно рассматриваетъ этотъ вопросъ генераль Войде ¹⁾ и приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„Львиная доля въ изумительныхъ успѣхахъ нѣмцевъ въ кампанію 1870 года принадлежитъ самостоятельному почину частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ. Самостоятельность частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ въ самыхъ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ помогала нѣмецкому начальству успѣшно, почти безъ запинки, справляться со сложнымъ механизмомъ современной громадной арміи. Частные нѣмецкіе начальники, исполняя приказанія, свыше полученныя, превосходили иногда не только ожиданія, но и самыя смѣлыя надежды своихъ старшихъ начальниковъ. Они нерѣдко исправляли болѣе или менѣе неизбежные промахи старшихъ и дарили ихъ далеко не всегда заслуженною побѣдою. Нѣмецкіе корпуса, нѣмецкія дивизіи, бригады и даже болѣе мелкіе отряды, въ общей связи и совокупности между собою, одерживали иной разъ побѣды не только безъ всякихъ на то предварительныхъ распоряженій свыше, но даже и безъ всякаго общаго въ бою управленія. Энергією и распорядительностью частныхъ своихъ начальниковъ

¹⁾ «Самостоятельность частныхъ начальниковъ войскъ».

нѣмцы одерживали побѣды и тамъ, гдѣ французы противостояли имъ въ силахъ, значительно превосходныхъ.

„Изъ всѣхъ сраженій начала кампаніи 1870 года, рѣшившихъ участь двухъ французскихъ армій полнымъ ихъ плѣненіемъ, дѣйствительное (а не номинальное) общее командованіе у нѣмцевъ было только у Гравелотта и въ день Седана. Да и тамъ частные нѣмецкіе начальники заявили о себѣ дѣйствіями очень вѣскими и, можно сказать, просто рѣшающими.

„Сраженіе при Гравелоттѣ рѣшено было въ пользу нѣмцевъ атаками корпусовъ: прусскаго гвардейскаго и саксонскаго. А между тѣмъ оба эти корпуса, шедшіе по первоначальной общей диспозиціи на сѣверъ, взяли должное по обстановкѣ направленіе на сѣверо-востокъ совершенно самостоятельно, предупредая этимъ приказанія своего командира, принца Фридриха-Карла, впослѣдствіи только ими полученныя. При этомъ саксонскій корпусъ на свой страхъ предпринялъ и исполнилъ охватъ праваго фланга позиціи французовъ у Сенъ-Прива. Собственно охватомъ этимъ и рѣшена была судьба кроваваго боя 18-го августа.

„Сраженіе при Седанѣ 1-го сентября, кончившееся полнымъ погромомъ французской арміи маршала Макъ-Магона, подготовлено командирами 3-й и 4-й нѣмецкихъ армій, кронпринцевъ прусскаго и саксонскаго, безъ всякаго формальнаго общаго на тотъ день предварительнаго распоряженія короля Вильгельма“.

Если вѣрить военнымъ писателямъ, духъ инициативы отсутствуетъ во французской арміи.

Когда генераль Каульбарсъ опубликовалъ факты, касающіеся способовъ обученія въ нѣмецкой арміи и самостоятельности командующихъ, то французскіе офицеры были весьма смущены. И въ самомъ дѣлѣ духъ централизаціи во Франціи, какъ въ войскѣ, такъ и въ другихъ сферахъ, нисколько не ослабъ. Какъ было во время прежней монархіи и затѣмъ въ эпоху революціи и Наполеона, такъ и нынѣ каждый офицеръ не болѣе какъ строгій исполнитель приказаній своего начальника. Эта система организаціи арміи доставила нѣкогда Франціи блестящія побѣды на поляхъ битвъ всѣхъ странъ. Неудивительно, что разстаться съ этой системой весьма трудно, да и до послѣдней войны необходимость въ этомъ не была выяснена.

Въ настоящее время условія измѣнились.

Amadée la Faure ¹⁾ описываетъ, основываясь на нѣмецкихъ

¹⁾ «L'initiative militaire».

источникахъ, очень интересный примѣръ хода сраженія подъ Вертомъ, который, по его мнѣнью, можетъ служить поясненіемъ того, что значить и какія влечетъ за собой послѣдствія инициатива на полѣ битвы.

По словамъ оффиціальнаго историка, маіора (нынѣ генерала) фонъ-Ганке, дѣло произошло такимъ образомъ.

Генераль Кирхбахъ получилъ приказъ наслѣднаго прусскаго принца избѣгать сраженія и всякаго движенія, которое бы привело къ необходимости его принять. Кирхбахъ не видѣлъ возможности исполнить приказъ, рѣшилъ продолжать наступленіе и просилъ корпусныхъ командировъ 11-го и 2-го баварскаго поддержать его атаками на флангъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, генералы Гартманъ и Бозе, получившіе отъ главнокомандующаго такой же приказъ, какъ и Кирхбахъ, рѣшились принять на свою отвѣтственность участіе въ битвѣ. Около полудня наслѣдный принцъ, слыша усиливавшуюся канонаду подъ Вертомъ, поспѣшилъ туда со своимъ штабомъ и принялъ на себя руководство сраженіемъ.

Результатомъ этого сраженія и слѣдовательно инициативы прусскаго генерала было выигранное сраженіе, потеря французами позиціи, величайшій беспорядокъ при отступленіи ихъ къ Шалону, переходъ Савернскаго туннеля въ руки нѣмцевъ, углубленіе ихъ внутрь страны и кромѣ того извѣстіе о побѣдѣ придадо бодрости нѣмцамъ и привело въ замѣшательство и уныніе французскій народъ и его армію.

„Теперь посмотримъ — говоритъ la Fauche — на образъ дѣйствій при этомъ французовъ. Маршалъ Макъ-Магонъ, не предполагавшій, что наступленіе произойдетъ такъ быстро, послалъ изъ Верта, гдѣ у него былъ одинъ только корпусъ, генералу де-Фальи, стоявшему въ Бичѣ, депешу: „пришлите немедленно одну дивизію, прочія держите на-готовѣ къ выступленію“. Между тѣмъ сраженіе завязалось раньше, чѣмъ предвидѣлось. Движеніе на поле битвы 5-го корпуса было очевидной необходимостью. Служащіе при желѣзной дорогѣ предлагали де-Фальи услуги дороги для быстрой доставки войска почти до самаго мѣста дѣйствія. Между тѣмъ генераль де-Фальи отвѣчалъ: „не имѣю права уйти отсюда безъ приказанія маршала, котораго я не получилъ“.

И другіе примѣры, приводимые авторомъ, не менѣе поразительны и убѣдительны. Такъ, на примѣръ, существовала возможность, быть можетъ, послѣдняя, спасенія французской арміи и самой Франціи. Для этого надо было воспрепятствовать

соединенію арміи Штейнмеца съ арміей наслѣднаго принца. Армія, предводительствуемая Штейнмецомъ, уже перешла Мозель. Жители Новеана, понимая, что отъ успѣха переправы черезъ рѣку, которая въ этомъ мѣстѣ очень широка, многое будетъ зависѣть, посылали депешу за депешей въ главный штабъ, но офицеры этого штаба, не отвѣтственные въ этомъ дѣлѣ, ни одной изъ нихъ не распечатали. Между тѣмъ, все дѣло шло о томъ, чтобы разрѣзать желѣзную цѣпь, на которой висѣлъ мостъ, соединявшій оба берега. По увѣренію Ла-Фора, это заняло бы нѣсколько минутъ времени.

Послѣ войны, по обыкновенію, начались взаимныя обвиненія. Объясняли причину неудачъ, возлагая отвѣтственность за нихъ то на одного, то на другаго военачальника. Вотъ одинъ изъ подобныхъ инцидентовъ, происшедшихъ передъ лицомъ слѣдственной коммисіи.

Капитанъ Баянваль заявляетъ: „я обратился къ командиру саперовъ, чтобы онъ позволилъ мнѣ взорвать мостъ на Арсѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что на свою отвѣтственность онъ этого взять не можетъ, и отослалъ меня къ директору, который послалъ меня къ генералу Коффи́неру, коменданту въ Мецѣ. Я доложилъ генералу, въ чемъ дѣло, и просилъ его приказанія, но онъ мнѣ отказалъ“...

Генералъ Коффи́неръ возразилъ: „Очень можетъ быть, что капитанъ извѣстилъ насъ объ этомъ, но его реляція для насъ не составляла новости, потому что мы сами видѣли изъ Меца движеніе прусскихъ войскъ. Повторяю, однако, что моста взорвать невозможно было безъ приказа главнокомандующаго“.

Приводя эти факты, Ла-Форъ восклицаетъ: „Инициатива доставила одной сторонѣ побѣду, а отсутствіе инициативы привело другую сторону къ катастрофѣ, сдѣлало возможнымъ занятіе территоріи и обусловило пораженіе“.

Изъ всего этого видно, до какой степени „у французовъ въ теоріи господствовала полная, все давящая централизація. Главнокомандующіе желали сами распорядиться всѣмъ, всегда и вездѣ, но зачастую нигдѣ не послѣвали, оставляя подчиненныхъ, съ одной стороны, безъ приказаній, а съ другой—и безъ права почина“.

Генералъ Войде справедливо по этому поводу говорить, что, „отказавъ подчиненнымъ во всякомъ правѣ на малѣйшій рациональный починъ (во имя общаго дѣла и блага), все-таки невозможно было лишить ихъ правъ общечеловѣческихъ, то-

есть просто „права дѣлать промахи и ошибки на свою руку“. Вотъ этимъ-то правомъ французскіе частные начальники, надо признать, широко пользовались всегда почти, когда они, по самому естественному ходу дѣлъ, оставались безъ прямыхъ, на всякій данный случай, приказаній“.

Въ окончательномъ результатѣ вышло, что „у нѣмцевъ дѣятельность частныхъ ихъ начальниковъ является въ видѣ „множителя“, увеличивающаго двигательную, такъ сказать, силу старшихъ, между тѣмъ какъ дѣйствія или бездѣятельность французскихъ начальниковъ служили, наоборотъ, „дѣлителемъ“, уменьшающимъ и безъ того неважныя напряженія старшаго ихъ начальства“.

Все это весьма естественно. Между начальникомъ и подчиненнымъ должна быть общность мыслей и убѣжденій. Общность эта, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, вовсе не случайна, такъ какъ она только плодъ одинаково понимаемыхъ цѣлей и стремленій и возникаетъ изъ одинаковаго знакомства съ предметомъ.

Охарактеризовавъ двѣ различныя системы дѣйствія, генераль Войде спрашиваетъ: „какимъ путемъ германская армія пришла къ новой военной системѣ и какимъ образомъ воспрянула она вдругъ передъ изумленнымъ міромъ, возвѣщая о себѣ громовыми ударами австрійской и французской кампаній? Конечно, не непосредственно изъ ближайшаго, боеваго опыта Пруссіи. Пруссія — единственная изъ державъ Европы, которая въ теченіе полувѣка, со временъ великой наполеоновской эпохи, не вела никакой войны, если не считать мелкихъ дѣйствій противъ инсurreкцій 1848—49 годовъ“.

„И такъ, спрашивается въ концѣ концовъ: чѣмъ именно современная намъ Пруссія восполнила недостатокъ собственнаго военнаго опыта и гдѣ нашла она умѣніе, давшее ей возможность опередить своихъ „бывалыхъ“ соперниковъ, какъ, напримѣръ, Францію, которая могла воспользоваться на дѣлѣ опытомъ недавнихъ войнъ 1854 и 1859 годовъ?“

„Источникъ, изъ котораго черпала Пруссія, а вмѣстѣ съ нею и вся Германія,—это не что иное, какъ наука. Опираясь на великіе наполеоновскіе уроки, освѣщая ихъ размышленіями и пополняя зоркимъ наблюденіемъ за всѣми позднѣйшими военными событіями, нѣмцы, съ легкой руки геніальнаго Клаузевица, создали и развили цѣлую новую военную науку и примѣняли ее къ дѣлу въ предѣлахъ мирной практики.“

„Въ то время, когда другія государства, воюя, умѣли выдѣ-

лять только эмпириковъ „Базеновъ и Макъ-Магоновъ“, или созидать эфемерныя Бенедековскія репутаціи, Германія своею наукою воспитала цѣлый сонмъ просвѣщенныхъ военныхъ специалистовъ; она не побоялась развязать имъ рукъ „правомъ самостоятельнаго почина“. На этой же наукѣ Германія или, вѣрнѣе, Пруссія основала и всю свою военную систему. Никого не можетъ поэтому удивить, что французы, какъ говоритъ генераль Лееръ, во всю кампанію играли роль не молота, а наковальни. А потому едва-ли найдутся охотники, желающіе испытать подобныя же уроки. Но, спрашивается, какъ избѣжать подобной же участи? Отвѣтъ будетъ очень простой: необходимо будетъ обратиться къ тому же самому источнику, изъ котораго черпали нѣмцы, то-есть къ наукѣ, не требуя и не ожидая отъ нея, однако, болѣе, нежели она дать въ состояніи.

„Военная наука, утверждаетъ Клаузевицъ, не представляетъ положительныхъ правилъ, но она даетъ воспитаніе уму, дѣлая его способнымъ самостоятельно рѣшать извѣстнаго рода задачи и вопросы“.

Французы съумѣли воспользоваться урокомъ претерпѣнныхъ ими бѣдствій; это доказывается тѣмъ огромнымъ прогрессомъ, который мы видимъ въ ихъ военныхъ силахъ и организаціи. Можно рассчитывать, что если имъ придется выступить противъ Германіи, то они явятся также во всеоружіи нѣмецкой военной науки. Но, конечно, окончательно судить объ этомъ можно будетъ только тогда, когда все созданное во французской арміи будетъ испробовано на дѣлѣ, то-есть въ войнѣ. Извѣстно, что самыя лучшія намѣренія и усилія зачастую разбиваются о застарѣлыя, освященныя преданіями, привычки.

Вотъ, что говоритъ по поводу вопроса о способности французскихъ офицеровъ и объ организаціи арміи компетентный и безпристрастный судья, генераль Пузыревскій, въ отчетѣ о маневрахъ 12-го корпуса, въ которыхъ онъ принималъ участіе.

„Французы, уничтожая свой генеральный штабъ и замѣняя его „патентованными“ строевыми офицерами, вѣроятно, полагали, что подражаютъ въ этомъ случаѣ германцамъ, гдѣ столь широко практикуется система „перебрасыванія“ изъ строя въ штабъ и обратно. Но, во-первыхъ, нѣмцы все-таки сохраняютъ спеціальныя корпусы офицеровъ генеральнаго штаба, имѣющій свои прочныя традиціи, блистательную боевую репутацію и корпоративный духъ; во-вторыхъ, слишкомъ частое „перебрасываніе“ въ строй, отчасти само по себѣ, конечно, полезное, со-

вершено необходимо въ германской арміи, гдѣ, по самому духу и складу національнаго ума, возможно частое отрезвленіе жизнью является необходимымъ средствомъ для усвоенія практическаго направленія склоннымъ къ умозрѣнію и отвлеченнымъ теоріямъ нѣмцемъ; это, вдобавокъ, и не опасно, такъ какъ, съ одной стороны, высшее образованіе и любовь къ научнымъ познаніямъ достаточно распространены въ арміи, а съ другой—офицеръ, призванный въ штабъ, находитъ тамъ прочную организацію службы генеральнаго штаба, соотвѣтственный составъ офицеровъ, специалистовъ своего дѣла и авторитетныхъ старшихъ начальниковъ, бѣльшею частью опытныхъ и просвѣщенныхъ старшихъ служащихъ. Во Франціи же всѣ эти условія представляются въ нѣсколько иномъ видѣ⁴.

„Въ общемъ, однако, французская армія, по своей необыкновенной многочисленности, дисциплинѣ, прекрасному составу нижнихъ чиновъ, хорошему элементарному обученію людей, обильному снабженію превосходною матеріальной частью, представляется весьма внушительной силой, несмотря на ложную систему боевой подготовки, неустройство высшаго управленія и отсутствіе истиннаго главы арміи. Подъ начальствомъ даровитаго вождя—это грозный врагъ, что, повидимому, уже сознаютъ сосѣди, не рассчитывающіе вовсе на такіе же легкіе успѣхи, какъ въ минувшую войну¹⁾“.

Что касается вопроса объ инициативѣ въ русскій арміи, то мы приводимъ мнѣніе генерала Войде²⁾. Авторъ, ссылаясь на извѣстный трудъ „Польско-Русская война 1831 года“ ген. Пузыревскаго, говоритъ: „Въ этомъ превосходномъ сочиненіи мы встрѣчаемъ описаніе многихъ отличныхъ дѣйствій русскихъ начальниковъ, дѣйствовавшихъ въ отдѣлѣ, но какъ-то не встрѣчается примѣровъ исполненія приказаній въ смыслѣ современной самостоятельности, а между тѣмъ авторъ сочиненія едва-ли могъ пропустить подобныя проявленія, еслибы они случались на дѣлѣ, такъ какъ изъ неоднократныхъ замѣчаній его видно, что онъ по данному вопросу стоитъ на точкѣ зрѣнія, намъ современной“.

Наконецъ, свидѣтель и участникъ послѣдней восточной войны, весьма извѣстный также военный писатель, генералъ Куропаткинъ³⁾, въ заключеніяхъ своихъ о причинахъ

1) „Военный Сборникъ“.

2) «Самостоятельность частныхъ начальниковъ войскъ».

3) «Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева».

неудачнаго штурма 30 августа 1877 года подъ Плевной, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Многими частными начальниками всѣхъ родовъ оружія проявлено слишкомъ мало инициативы. Многіе начальники дожидались не только приказанія, что и когда дѣлать, но и какъ дѣлать. Справедливые упреки въ бездѣйствіи и неоказаніи помощи отражались фразою: „я не получилъ приказанія“.

„Болѣе выгодно отличались всегда, въ отношеніи инициативы, войска кавказскія. Рѣзкое различіе, замѣчавшееся въ особенности въ первое время между коренными кавказскими частями и вновь прибывавшими на Кавказъ изъ мирныхъ стоянокъ (къ невыгодѣ послѣднихъ), едва-ли не обуславливалось, главнымъ образомъ, привычкою кавказцевъ къ самостоятельности, начиная съ младшихъ чиновъ, выработанной дѣйствіями мелкихъ отрядовъ въ борьбѣ съ воинственными горами“.

Надо, однако, не забывать, что въ 15 лѣтъ произошли въ русской арміи большія измѣненія, проникшія вглубь самой сущности дѣла. Весьма компетентныя лица утверждаютъ, что въ отношеніи достоинствъ офицеровъ русская армія одѣлала большой шагъ впередъ со времени послѣдней войны¹⁾. Война 1877 г. не можетъ служить мѣриломъ этой стороны уже и потому, что реформа прежнихъ, давно отжившихъ свой вѣкъ, Николаевскихъ порядковъ была введена лишь въ 1874 г., т. е. всего за три года перелъ войной 1877 г. Очевидно, что это слишкомъ недостаточный срокъ для того, чтобы успѣшныя результаты были ощутительны.

Нельзя не замѣтить также, что соотвѣтственныя инструкціи для привитія въ арміи столь необходимой инициативы изданы въ послѣднее время. Такъ напр. „Инструкція командованія войсками въ военное время“ была издана въ 1890 году. Въ ней главнокомандующему предоставлены самыя обширныя права. Корпусные командиры непосредственно подчиняются командующему арміей. „Во всемъ касающемся веденія военныхъ дѣйствій они руководствуются общими указаніями (директивами) командующаго арміей относительно цѣли дѣйствій, его приказаніями, диспозиціями и другими распоряженіями, отдаваемыми командующимъ арміей непосредственно или чрезъ начальника штаба арміи“.

„Для достиженія указанной имъ цѣли и исполненія означен-

¹⁾ «Revue des cercles militaires» (1893) и Von Drygalski, «Militärtouristische Eindrücke aus Russland» (1893)

ныхъ распоряженій, командиры корпуса избираютъ способъ дѣйствія по своему усмотрѣнiю и подѣ личною отвѣтственностью. При измѣнившихся или непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ командиру корпуса предоставляется отступать отъ точнаго исполненiя данныхъ ему указанiй, донося о томъ немедленно командиру армiи“.

Права начальника дивизiи въ этомъ отношенiи опредѣляются такъ:

„Во всемъ, касающемся веденiя военныхъ дѣйствiй, онъ руководствуется общими указанiями командира корпуса. Для достиженiя указанной ему цѣли и при исполненiи означенныхъ приказанiй, начальникъ дивизiи избираетъ способъ дѣйствiй по своему усмотрѣнiю и подѣ личною отвѣтственностью. При измѣнившихся или непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ начальнику дивизiи предоставляется отступать отъ точнаго исполненiя данныхъ ему указанiй, донося о томъ немедленно командиру корпуса“.

„Точный смыслъ нашего „Положенiя“ — говоритъ ген. Войде — во всякомъ случаѣ развязываетъ начальнику руки, „разрѣшая“ ему отступать отъ приказанiй, и если бы статья эта обязательна была для французскихъ начальниковъ, то ничто бы не мѣшало имъ, на основанiи подобныхъ приведенныхъ разрѣшенiй, распорядиться сообразно обстановкѣ“.

„Однако, подобная система „разрѣшенiй“ въ случаяхъ, требующихъ безусловно дѣйствiя на практикѣ, недостаточна. Тутъ какъ будто предполагается чуть-ли не горячая жажда дѣятельности, которой достаточно дать только поводъ и чуть-ли не предлогъ для полнаго развитiя самостоятельнаго почина. Но такъ ли это на дѣлѣ? Давно ли свершились событiя, вызвавшiя замѣчанiе генерала Куропаткина, что многiе начальники не только спрашивали, „что“ дѣлать, но даже „какъ“ дѣлать? И много ли измѣнилось съ тѣхъ поръ на дѣлѣ? Повторяю „на дѣлѣ“, а не на словахъ“.

Авторъ говоритъ въ заключенiе, что ему „приходится во всякомъ случаѣ констатировать обязательное у насъ законоположенiе, положительно „требующее“ частной самостоятельности при исполненiи приказанiй и „допускающее“ измѣненiе ихъ въ исполненiи въ мѣрѣ обстановки. Такимъ образомъ, смѣло можно сказать, что законъ у насъ и въ этомъ случаѣ идетъ впереди жизненной практики, указывая ей путь къ усовершенствованiю“. Остается только пожелать вмѣстѣ съ цитируемымъ авто-

ромъ, чтобы жизненная практика распространила право на самостоятельность и обязанность думать и распоряжаться въ своей сферѣ отвѣтственности и на начальниковъ, ниже командировъ дивизіи.

Всѣ вышеприведенные факты и выводы могутъ насъ убѣдить, какъ велика въ настоящее время, по сравненію съ прежнимъ, отвѣтственность, лежащая на высшихъ командующихъ чинахъ. Сообразно съ этимъ, должны возрасти и требованія.

Если бы вообще образованіе могло быть пропорціонально высотѣ занимаемаго поста, то генералъ, какъ стоящій во главѣ іерархіи, долженъ бы былъ, кромѣ свѣдѣній, требуемыхъ отъ каждаго офицера, обладать глубокими познаніями по части сложныхъ военныхъ операцій въ виду непріятели.

Въ прежнее время, когда международные споры разрѣшались по одиночкѣ, войны были менѣ массовыя, но болѣе частыя. Опытность военную приобрести было легче. Въ послѣднее 50-лѣтіе войны раздѣляются большими промежутками времени, но онѣ стали для офицеровъ болѣе истребительными, такъ что немногіе изъ будущихъ генераловъ выходятъ невредимо изъ огненнаго крещенія. Такихъ опытныхъ офицеровъ, которые изучили практически военное дѣло не на учебныхъ плацахъ, а на поляхъ битвъ, какихъ прежде бывало много во всѣхъ арміяхъ, теперь можно рѣдко встрѣтить. Приходится вознаграждать этотъ недостатокъ долговременной и прилежною научной подготовкой, какъ это сдѣлано было въ Пруссіи.

Вотъ почему роль генераловъ, предводительствующихъ значительными отрядами войскъ, теперь стала гораздо труднѣе, чѣмъ когда бы ни было. Военные авторы особенно подчеркиваютъ правило, по которому для одержанія верха надъ противникомъ надо имѣть надъ нимъ преимущество на данномъ, опредѣленномъ пунктѣ борьбы. Для достиженія этого не всегда достаточною оказывается бѣльшая численность солдатъ: надо еще умѣть такъ маневрировать, чтобы завять выгодную позицію. Нападеніе непріятели на флангъ всегда считалось опаснымъ; въ настоящее же время, вслѣдствіе большей силы артиллерійскаго огня, оно можетъ оказаться прямо пагубнымъ. Объяснимъ это небольшимъ примѣромъ.

Направленіе выстрѣловъ можетъ быть подъ прямымъ угломъ къ боевой линіи непріятели, наискось или параллельно съ ней. Дѣйствіе огня въ этихъ случаяхъ будетъ весьма различное. Огонь косвенный захватываетъ бѣльшее число людей, чѣмъ

направленный прямо противъ фронта. Опытомъ дознано, что смертоносность его увеличивается въ пропорціи 3:7 или слишкомъ удваивается. Еще очевидноѣе, что выстрѣлы боковые, параллельные направленію непріятельскаго фронта, т. е. направленные съ фланговъ, поражаютъ еще большее число людей и дѣйствительны на большомъ разстояніи ¹⁾).

Разумѣется, все старанія полководца должны быть направлены къ тому, чтобы не дать врагу обойти фланги и, наоборотъ, чтобы самому подойти во флангъ непріятеля. Легко понять, что задачу эту исполнить весьма трудно, особенно въ виду препятствій, встрѣчаемыхъ рекогносцировками при нынѣшней растянутости позицій, бездымномъ порохѣ и дальнобойности современнаго оружія.

Умѣніе заходить во флангъ было одной изъ причинъ быстрыхъ и рѣшительныхъ преимуществъ германской арміи въ 1870—71 гг. По единогласнымъ отзывамъ нѣмецкихъ реляцій, французамъ, несмотря на преимущество ихъ позицій, только тогда и удавалось брать верхъ надъ наступавшимъ врагомъ, когда они начинали угрожать его флангамъ. Между тѣмъ, французскіе полководцы предпочитали оставаться на занятыхъ позиціяхъ въ ожиданіи нападеній непріятеля. Отсутствие энергической предприимчивости, инициативы привело ихъ къ величайшимъ бѣдствіямъ.

Нынѣшніе французскіе офицеры отлично это сознаютъ. Полковникъ Мальяръ, напримѣръ, говоритъ, что „нѣмцы хорошо маневрировали въ 1870 году и побѣдили, и намъ придется когда-нибудь поманеврировать!“

Случаевъ для этого въ будущихъ битвахъ окажется не мало.

По изложеннымъ нами причинамъ, рѣдко будетъ достигаться возможность полнаго сосредоточенія войскъ до сраженія; чаще всего придется подходить во время его. Отсюда произойдетъ то, что самостоятельность начальниковъ дивизій поневолѣ будетъ играть большую роль. Войны 18-го вѣка требовали одного полководца, между тѣмъ какъ нынѣшняя, болѣе подвижная тактика потребуетъ ихъ столько, сколько имѣется въ вѣличности самостоятельныхъ частей войскъ.

Но точно такъ же, какъ главнокомандующему нужны способные корпусные и дивизионные начальники, и послѣдніе не могутъ обойтись безъ способныхъ и хорошо подготовленныхъ помощниковъ на низшихъ степеняхъ командованія.

¹⁾ Omega, „L'art de combattre“.

IV.

Начальники низшихъ степеней.

Одновременно съ усложненіемъ задачъ высшаго военнаго начальствованія, и роль исполнителей на низшихъ степеняхъ сдѣлалась несравненно труднѣе. Примѣромъ можетъ служить, прежде всего, управленіе стрѣльбой. Въ Jahresbericht Лебеля ¹⁾, напримѣръ, приводится фактъ, что на учебномъ полѣ нельзя было слышать сигналовъ изъ-за треска ружейныхъ выстрѣловъ. Легко себѣ представить, какой шумъ произойдетъ во время сраженія и какъ напрасны будутъ усилія офицера, управляющаго стрѣльбой, чтобы подчиненные его слышали. Между тѣмъ ему необходимо распоряжаться огнемъ отряда въ разсыпномъ строѣ. Затѣмъ задача его — необходимость быстрого обученія и умѣнія управлять людьми крайне усложняется тѣмъ, что въ ихъ числѣ окажутся резервисты, только-что поступившіе. Поэтому-то Лебель говоритъ, что хотя нѣмецкіе резервисты составляютъ хорошій матеріалъ, но, какъ *conditio sine qua non* успѣха, должно соблюдаться правило, чтобы кадры были не только усилены, но чтобы умственное развитіе ихъ было поднято какъ среди офицеровъ, такъ и унтеръ-офицеровъ. Это говоритъ прусскій генералъ относительно германской арміи, въ которой боевой умственный матеріалъ и такъ уже стоитъ на сравнительно высокой степени.

И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Громадныя массы по необходимости раздробятся на отдѣльныя боевыя части, а такъ какъ почти каждая изъ этихъ частей будетъ дѣйствовать въ разсыпномъ строѣ, то по необходимости часть управленія должна выйти изъ рукъ старшихъ командующихъ, не говоря уже о генералахъ, но изъ рукъ полковыхъ и даже баталіонныхъ командировъ и перейти къ низшимъ чинамъ.

Опытъ послѣднихъ войнъ показываетъ, до какой степени возможно быстрое уменьшеніе численности офицеровъ на полѣ битвы. „Въ концѣ франко-прусской войны во главѣ баталіоновъ и полубаталіоновъ стояли меньшихъ чиновъ резервные офицеры и даже фельдфебели. Съ декабря 1870 года въ пѣлой баварской дивизіи остался всего одинъ линейный капитанъ“ ²⁾.

¹⁾ „Militärische Jahresbericht“

²⁾ Von der Goltz, „Das Volk in Waffen“.

Что же будетъ въ будущей войнѣ? Во всѣхъ европейскихъ арміяхъ непрерывно заняты придумываніемъ способовъ къ тому, чтобы вѣрнѣе перебить офицеровъ противника. Во Франціи для этого зачислены въ ряды войска искусные лѣсные стрѣлки (*gardes forestiers*), въ Россіи организованы особыя охотничьи команды. Не будетъ недостатка въ искусныхъ стрѣлкахъ и въ Германіи и Австріи, такъ какъ въ этихъ странахъ весьма развитъ спортъ стрѣлбы и стрѣлковыя общества существуютъ почти въ каждомъ городѣ.

Такимъ образомъ поговорку „*tel chef telle armée*“ придется измѣнить въ „*tels cadres telle armée*“.

Наполеонъ, который всегда былъ того мнѣнія, что успѣхъ сраженій болѣе всего зависитъ отъ офицеровъ, находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что „ни одно государство не можетъ имѣть способныхъ офицеровъ инымъ путемъ, какъ покровительствуя распространенію научныхъ знаній, примѣненіе коихъ приносить полезные плоды одинаково какъ флоту, такъ и арміи, какъ развитію сельскаго хозяйства, такъ и народному здравію и удовлетворенію всякихъ потребностей“.

Въ настоящее время это мнѣніе тѣмъ болѣе справедливо, что послѣ мобилизаціи придется не только употребить въ дѣло весь контингентъ офицеровъ, но и готовить новыхъ, а найти ихъ негдѣ, кромѣ рядовъ арміи.

Дѣйствующая армія въ настоящемъ значеніи этого слова никогда не можетъ доставить необходимаго числа офицеровъ, ибо формированіе новыхъ частей влечетъ за собой образованіе новыхъ штабовъ, что до того исчерпываетъ запасъ линейныхъ офицеровъ, что во фронтѣ останется въ баталіонѣ не болѣе 8 человекъ¹⁾.

Несмотря на существованіе нѣкотораго различія въ степени образованности офицеровъ армій разныхъ государствъ, можно принять за несомнѣнный фактъ, что въ современныхъ арміяхъ по крайней мѣрѣ тѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ державъ, въ которыхъ вооруженныя силы составляютъ предметъ первѣйшихъ заботъ и попеченій правительствъ, личный составъ офицеровъ, въ отношеніи умственнаго развитія, доведенъ до соответствія съ потребностью.

Что же касается численности офицеровъ, то она не одина-

¹⁾ „Allgemeine Schweizerische Militärzeitung“. 1893. „Das Französische Cadresgesetz“.

ково обезпечена. Судя по статистическимъ указаніямъ, можно предполагать, что послѣ мобилизаціи огромныхъ частей, уже готовыхъ занять мѣсто въ дѣйствующей арміи, ощутится немедленно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ государствъ, ихъ недостаточность.

По даннымъ 1891 года, въ Германіи было офицеровъ ¹⁾:

Въ дѣйствующей арміи	17.621
„ резервѣ	9.225
„ ландверѣ	10.899
	<u>37.745</u>

Общее число офицеровъ, необходимыхъ для исполнѣ мобилизованной германской арміи, много превышаетъ то количество, которымъ она въ настоящее время можетъ располагать.

Недостатокъ этотъ будетъ восполненъ лишь отчасти призывомъ отставныхъ офицеровъ, а затѣмъ остальные вакансіи предположено замѣстить фельдфебелями и унтеръ-офицерами изъ находящихся въ дѣйствительной службѣ.

Въ концѣ 1890 года въ Австро-Венгріи состояло офицеровъ и военныхъ чиновниковъ:

	На дѣйств. службѣ:		Въ запасѣ:	
	Офиц.	Чинов.	Офиц.	Чинов.
Въ дѣйствующей арміи	14.051	4.482	7.598	3.446
„ ландверѣ		1.610		1.540
„ гонведахъ		1.679		1.761
„ боснійск. войскахъ		181		—
Итого		<u>22.003</u>		<u>14.845</u>

На дѣйствительной службѣ было, слѣдовательно, около 16.000, а въ запасѣ около 9.000 офицеровъ, всего же до 25.000 офицеровъ. Существующій запасъ офицеровъ будто бы удовлетворяетъ мобилизаціонной потребности.

Въ Италіи общая численность офицеровъ и чиновниковъ (отдѣльныхъ свѣдѣній объ офицерахъ у насъ нѣтъ) въ 1890 г. равнялась:

На дѣйствительной службѣ	14.500
Въ резервѣ	7.500
Офицеры, получающ. пенсію, обяз службою	6.500
Въ подвижной милиціи	400
Въ территоріальной милиціи	5.800
Всего	<u>34.700</u>

¹⁾ Проф. Редигеръ. „Комплектованіе арміи“. Спб. 1892.

Число это вполне удовлетворяет мобилизационной потребности.

Во Франці въ 1889 г. было слѣдующее число офицеровъ:

Въ дѣйствующей арміи.	20.449
Офицеровъ резерва	9.461
Офицеровъ террит. арміи.	17.129
	47.039

Число офицеровъ резерва превышало потребность на 2.500 человекъ, въ территориальной же арміи недоставало 1.500 человекъ.

Чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе о числѣ потребныхъ офицеровъ, приводимъ мнѣнія объ этомъ предметѣ маршала Мармона и генерала Морана: первый полагалъ, что на 40 рядовыхъ долженъ находиться въ строѣ одинъ офицеръ, второй же выражалъ желаніе имѣть 32 офицера на баталіонъ изъ 1.052 человекъ.

До настоящаго времени военные авторитеты считаютъ это отношеніе цифръ нормальнымъ ¹⁾. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ допускаютъ, что въ минуты чрезвычайной опасности и нервнаго потрясенія солдата и вообще при разсыпномъ строѣ пропорція офицеровъ должна быть больше.

Если принять норму одного офицера на 40 солдатъ и примѣнить ее къ числу войскъ, какое приведено въ русскомъ „Военномъ Календарѣ“ на 1892 годъ, то получимъ слѣдующій расчетъ:

	Тысяч солдатъ:	Потребность офицеровъ:	Число имѣющихся офицеровъ:
Германія	2.264	90.560	37.745
Австро-Венгрія	1.157	46.280	25.000
Италія	1.170	46.800	34.700
Франція	1.974	78.960	47.000
Россія	2.152	86.080	?

Относительно русской арміи намъ неизвѣстны въ точности ни число офицеровъ ея, ни размѣръ ея потребности въ мобилизационное время. Но въ „Военномъ Сборникѣ“ встрѣчаются указанія на то, что и въ русской арміи можетъ оказаться недостатокъ въ офицерахъ. Такъ напр. генералъ Зайцевъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что, начиная съ 1889 года, число офицеровъ запаса перестало возрастать, ибо „числу вновь поступающихъ, въ теченіе года, въ запасъ офицеровъ стало по-

¹⁾ См. „La question des cadres“, статью въ „Revue Nouvelle“ и „Военномъ Сборникѣ“.

чти совершенно соотвѣтствовать число увольняемыхъ изъ запаса“.

„Для выясненія причинъ такого, относительно недостаточнаго числа запасныхъ офицеровъ, несмотря на то, что ежегодно отбываетъ воинскую повинность весьма значительное число образованныхъ молодыхъ людей,—главный штабъ, какъ говорить тотъ же авторъ, подвергъ внимательному разсмотрѣнiю фактическія данныя, касающіяся прохожденія службы сими молодыми людьми. Изъ этихъ данныхъ видно, между прочимъ, что почти всѣ лица съ *высшимъ* образованіемъ—именно вольноопредѣляющіеся, обязанные трехмѣсячною, и жеребьевые, обязанные шестимѣсячною дѣйствительною службою—и на дѣлѣ служили въ войскахъ вообще въ теченіе лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, послѣ чего и уходили въ запасъ“.

Но слѣдуетъ замѣтить, что это обстоятельство, какъ извѣстно, устранено опредѣленіемъ годоваго срока службы для вольноопредѣляющихся съ высшимъ образованіемъ.

Изъ вольноопредѣляющихся, не получившихъ офицерскаго чина, $\frac{1}{3}$ переходила въ запасъ съ чиномъ унтеръ-офицера, прочіе $\frac{2}{3}$ въ званіи рядовыхъ.

Если вникнуть глубже въ причины этого неблагопріятнаго для арміи явленія, то окажется, что одною изъ нихъ надо признать несомнѣнно низкій уровень образованія вообще и вслѣдствіе этого большое требованіе его въ каждой сферѣ дѣятельности, несмотря на то, что уже часто слышатся нареканія на перепроизводство интеллигенціи. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнiю тотъ фактъ, что на всякомъ поприщѣ общественной дѣятельности оказывается недостатокъ людей съ соотвѣтственнымъ образованіемъ, напр. слишкомъ мало врачей, недостаточно техниковъ, учителей и по той же причинѣ мало запасныхъ офицеровъ изъ молодежи, обучавшейся не въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Еслибъ контингентъ лицъ, окончившихъ среднія и высшія учебныя заведенія, былъ больше, то число запасныхъ офицеровъ возрасло бы не только вслѣдствіе безотносительно большей цифры вольноопредѣляющихся и рекрутовъ этой категоріи, но и потому, что молодые люди чаще выполняли бы не особенно трудную формальность офицерскаго экзамена.

Вышеприведенныя данныя могли бы ввести читателя въ заблужденіе относительно степени общаго образованія офицеровъ. Степень эта нисколько не ниже, чѣмъ во многихъ изъ прочихъ государствъ, благодаря тому, что ни въ одной странѣ нѣтъ

такого количества военно-учебныхъ заведеній, сколько въ Россіи, гдѣ считается 8 военныхъ училищъ, 23 кадетскихъ корпуса и 2 военныя школы. Профессоръ Редигеръ ¹⁾ говоритъ, что „кадетскіе корпуса теперь настолько расширены въ своихъ размѣрахъ, что они *вполнѣ* обезпечиваютъ пополненіе военныхъ училищъ, изъ которыхъ поэтому выходятъ офицеры, не только съ хорошимъ общимъ и военнымъ образованіемъ, но и получившіе военное *воспитаніе*. Кромѣ того въ Россіи существуютъ 14 юнкерскихъ училищъ“.

„За послѣднія 10 лѣтъ (1881—90), въ среднемъ, изъ военныхъ училищъ (съ военно-училищными курсами) армія получала 41% молодыхъ офицеровъ, а изъ юнкерскихъ училищъ 59%. Число первыхъ все болѣе и болѣе увеличивается“.

Авторъ сочиненія „Die Russische Armee in Krieg und Frieden“ сообщаетъ, что въ 1890 году изъ высшихъ военныхъ училищъ выпущено 975 ч., изъ юнкерскихъ школъ 1.100, но послѣдняя цифра доходитъ уже теперь до 1.300, а въ академіяхъ получаютъ образованіе 445 офицеровъ.

Изъ всего вышеизложеннаго очевидно, что образованіе офицеровъ въ массѣ, послѣ призыва всѣхъ военно-обязанныхъ, будетъ зависѣть отъ степени культуры той среды, изъ которой они вышли.

V.

Основы развитія образованности въ арміи.

Военное устройство дошло до необыкновеннаго совершенства и поставлено въ полную связь съ прогрессомъ техники. Отличительной чертой современнаго милитаризма можетъ служить то, что онъ призвалъ подъ знамена цѣлыя народы. Но для того, чтобы народы могли исполнить свои задачи на полѣ брани, они должны заключать въ себѣ начала, удовлетворяющія извѣстнымъ условіямъ. Школы и корпуса могутъ поставлять офицеровъ для армій, а не для массъ, возрастающихъ беспредѣльно изъ года въ годъ. Вслѣдствіе этого, какъ мы видѣли, въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ особенно развитъ милитаризмъ и гдѣ на это не жалѣютъ ни усилій, ни средствъ, какъ во Франціи и Германіи, число подготовленныхъ офицеровъ оказалось, несмотря на то, весьма недостаточнымъ. Происходитъ это отъ того, что нынѣшнимъ арміямъ, кромѣ дѣйстви-

¹⁾ „Комплектованіе арміи“.

тельныхъ офицеровъ, приходится рассчитывать на офицеровъ запаса, т. е. лицъ, могущихъ въ случаѣ надобности, по степени своихъ знаній, замѣнить собой первыхъ. Этого запаса ни одно правительство не можетъ увеличить по произволу, такъ какъ онъ зависитъ отъ того, насколько въ данную минуту страна обладаетъ годнымъ матеріаломъ.

Резервисты должны заключать въ средѣ своей достаточное число единицъ, способныхъ управлять ими или по крайней мѣрѣ умѣющихъ помогать управленію; иначе во время войны, когда часть прежнихъ офицеровъ покинетъ ряды арміи, замѣнить ихъ будетъ некъмъ. Вслѣдствіе этого, націи въ неодинаковой степени подготовлены къ веденію войны новѣйшими способами.

Къ такому же выводу приводитъ насъ и другая черта современнаго милитаризма. Когда мы входили въ подробности военныхъ дѣйствій, то почти на каждомъ шагѣ оказывалось, что среди замѣшательствъ въ понятіяхъ, возникающихъ отъ вліянія на тактику новыхъ техническихъ усовершенствованій, главнымъ дѣятелемъ долженъ быть человѣческій разумъ. Поэтому успѣхъ будущихъ военныхъ операцій въ высокой степени будетъ зависѣть отъ степени развитія этой человѣческой способности посредствомъ народнаго образованія.

Даже и въ прежнія времена, когда веденіе войны составляло болѣе простую задачу, интеллигенція играла большую роль. Наполеонъ, котораго мнѣніе о зависимости побѣды отъ офицеровъ, мы привели выше, говорилъ: „ни одно государство не въ состояніи имѣть хорошихъ офицеровъ, если не будетъ идти путемъ покровительства и распространенія научныхъ знаній“.

До сихъ поръ весьма памятно признаніе всей Европой, не исключая и Франціи, потерпѣвшей отъ войны 1870—71 г., вѣрности утвержденія Мольтке, что „успѣхомъ своимъ Германія обязана школьному учителю“.

Вопросъ объ образованіи касается нашего предмета еще и съ другой стороны. Мы увидимъ далѣе, до какой степени во время кровавыхъ столкновеній матеріальныя средства и настроеніе духа населенія вліяютъ на силу физическаго сопротивленія войскъ. Между тѣмъ и то и другое находится въ прямой зависимости отъ степени умственнаго развитія. Буше-Карде ¹⁾ весьма

¹⁾ Général Jung, „La guerre et la société“.

справедливо утверждаетъ, что „самый богатый, а вслѣдствіе этого и самый могущественный народъ окажется вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ знающимъ. Даже и въ отношеніи экономическаго процвѣтанія, накопленіе умственныхъ богатствъ болѣе всякихъ иныхъ создаетъ превосходство одного народа надъ другимъ“.

Слѣдующая таблица даетъ нѣкоторое понятіе о движеніи грамотности среди солдатъ разныхъ государствъ.

	Число неграмотныхъ на 1.000 человѣкъ населенія.		
	1874.	1887.	Увеличеніе въ %.
Германія	23	13	43
Австрія	492	238	52
Франція	179	124	31
Италія	526	443	16
Россія	779	687	12
Отдѣльно Ц. Польское	832	822 ¹⁾	1,2

Эти цифры краснорѣчиво показываютъ, какъ далеко Германія опередила въ области народнаго образованія всѣ прочія государства Европы.

О числѣ получившихъ высшее образованіе въ арміяхъ можно судить изъ слѣдующаго сопоставленія. Германія занимаетъ первенствующее мѣсто. Число вольноопредѣляющихся, т. е. солдатъ, имѣющихъ право на прерогативы по своему образованію, въ 1891 году составляло 3,25% всей арміи. Такого отношенія мы не встрѣчаемъ ни въ одной изъ прочихъ европейскихъ армій, гдѣ на 1.000 новобранцевъ приходилось лицъ, имѣвшихъ право на сокращенный срокъ службы:

	1-го разряда (университетъ и друг. высш. заведенія):	2-го разряда (гимназія и друг. средн. заведенія):	3-го разряда (прогимназіи и проч. разн. заведенія):	4 го разряда (начальныя училища и проч.):
Во Франціи	10	16	624	
Въ Австріи	21	5	37	737
„ Венгріи	18	5	35	643
„ Россіи	1,4	2,1	8,9	43
„ Ц. Польскомъ	0,7	0,5	2,8	1,6

¹⁾ Неграмотными признаются неумѣющіе читать и писать по-русски. Это обстоятельство особенно выказывается при сравненіи двухъ изъ цифръ послѣдующей таблицы: на 1000 новобранцевъ начальныя школы даютъ льготу въ Россіи 43, а въ Ц. Польскомъ—всего 1, 6.

Цифры эти, впрочемъ, можно сравнивать не иначе, какъ лишь принимая во вниманіе различіе, существующее между значеніемъ разрядовъ (категорій) въ различныхъ государствахъ, а также и различіе въ порядкѣ призыва къ отбыванію воинской повинности. Наименьшая разниа существуетъ въ 1-мъ и 2-мъ разрядахъ, какъ стоящихъ по программѣ повсюду почти на одномъ уровнѣ. Напротивъ, въ 3-мъ и 4-мъ разрядахъ различіе значительное, зависящее отъ общаго состоянія культуры страны.

Во всякомъ случаѣ общее число вольноопредѣляющихся и новобранцевъ всѣхъ категорій можетъ дать понятіе о наплывѣ въ ряды арміи интеллигентнаго слоя населенія. Въ этомъ отношеніи, какъ показываютъ цифры, Австрія и Венгрія, по образованію вообще, стоятъ выше Франціи, которая лишь по высшему и среднему образованію находится съ ними почти наравнѣ.

Изъ официальныхъ данныхъ оказываются поразительно малыми цифры окончившихъ учебныя заведенія въ Царствѣ Польскомъ, даже по сравненію съ общими цифрами для всей Россіи.

Въ періодъ 1886—1887 гг. на сто новобранцевъ приходилось ежегодно слѣдующее число окончившихъ учебныя заведенія:

	Р а з р я д ы .				Всего
	1	2	3	4	
Во всей Россійской Имперіи .	1,5	2,2	8,9	42,7	55,3
Отдѣльно въ Царствѣ Польскомъ	0,7	0,5	2,8	1,6	5,6

Эти цифры не требуютъ никакихъ комментарій. По всѣмъ разрядамъ числа окончившихъ учебныя заведенія оказываются въ Царствѣ Польскомъ гораздо ниже, чѣмъ вообще въ Россіи, а именно въ 1-мъ вдвое, во 2-мъ вчетверо, въ 3-мъ втрое, а въ 4-мъ въ двадцать семь разъ.

Послѣдняя цифра потому столь чрезвычайна, что въ Царствѣ Польскомъ почти не существуетъ училищъ, соответствующихъ 4-й категоріи. Но насъ интересуютъ не причины того или другаго явленія, а результаты ихъ, которые, отъ чего бы они ни происходили, отражаются на всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни, въ томъ числѣ и на успѣхѣ военной службы.

Впрочемъ, цифры, приведенныя выше, недостаточно ярко обрисовываютъ всей аномаліи этого явленія, если не обратитъ вниманія на ихъ абсолютное значеніе, которое выясняется въ слѣдующемъ сопоставленіи:

Среднія годичныя цифры:

	Общаго числа учащихся въ школахъ маль- чиковъ.	Новобранцевъ, пользующихся льготой одного изъ четырехъ разрядовъ.
Въ цѣломъ государствѣ	959.897	11.103
Въ Царствѣ Польскомъ	91.235	133

То-есть число учащихся въ Царствѣ Польскомъ въ десять разъ меньше числа учащихся во всей Имперіи, между тѣмъ какъ число могущихъ воспользоваться дипломами и свидѣтельствами окончившихъ ученіе въ 100 разъ меньше.

Эти цифры 133 и 91.000 заключаютъ въ себѣ много и карикатурнаго, и трагическаго. Постороннему онѣ показались бы мало вѣроятными, но мы, зная, какъ изъ года въ годъ посѣщеніе школъ рѣдѣетъ, довѣряемъ имъ вполне.

Нечего и говорить, что всѣ эти цифры вліяютъ на контингентъ людей годныхъ къ производству въ унтеръ-офицеры, образовательный цензъ которыхъ въ послѣднее время долженъ былъ значительно возрасти.

Во всѣхъ арміяхъ рядовые, не посѣщавшіе никакихъ школъ, учатся въ полку и только тѣ изъ нихъ могутъ сдѣлаться унтеръ-офицерами, которые, кромѣ знанія фронтовой службы и находчивости, окажутся способными и къ нѣкоторому умственному образованію. Очевидно однако, что интеллектуальное развитіе большинства солдатъ, какъ и унтеръ-офицеровъ, болѣе всего зависитъ отъ общаго уровня культуры данной страны. Поэтому въ отношеніи умственнаго развитія унтеръ-офицеры выше всего стоятъ въ Германіи, затѣмъ во Франціи, за которою уже слѣдуютъ Австрія и Италія. Мы должны прибавить къ этому, что хотя, конечно, умственное развитіе народа въ Россіи еще не стоитъ на уровнѣ съ прочими образованными странами, но это обстоятельство въ значительной степени вознаграждается врожденною смысленостью великорусскаго крестьянина, столь извѣстной всѣмъ, кому случалось имѣть съ нимъ дѣло ¹⁾).

VI.

Выводы.

Нынѣ еще въ бѣльшей степени, чѣмъ въ прошломъ, оправдывается изреченіе Наполеона, что „величайшая мудрость полководца заключается въ силѣ и быстротѣ рѣшенія“. Въ этихъ словахъ сила характера ставится выше самаго знанія.

¹⁾ Von Drygalski, „Militärtouristische Eindrücke aus Russland“.

Одна наука, лицомъ къ лицу съ опасностью, потеряла бы почву подъ ногами и мелькала бы блуждающимъ огонькомъ въ сознаніи полководца, если бы у него не хватило характера, увѣренности и энергіи, если бы на ряду съ мужествомъ, презирающимъ личную опасность, у него не достало бы храбрости личной отвѣтственности.

Надо только замѣтить, что въ указанныхъ нами стремленіяхъ противъ милитаризма, особенно въ западныхъ государствахъ, рѣшительность полководцевъ будетъ обусловливаться не одной силой характера, но иногда и соображеніями, могущими стѣснить ее.

Однако и одной быстротой рѣшенія не всего можно достигнуть. Съ одной стороны, должны быть приняты надлежащія мѣры, которыя могли бы гарантировать возможно простое и вѣрное исполненіе намѣченныхъ въ рѣшеніи предположеній. Съ другой стороны, самое рѣшеніе должно быть ясно и отчетливо передано къ свѣдѣнію исполнителей. Между тѣмъ какъ дѣятельность, предшествующая принятію рѣшенія, составляетъ плодъ личной работы ума, слѣдующая за принятіемъ рѣшенія дѣятельность составляетъ не болѣе какъ примѣненіе техники къ данному рѣшенію и захватываетъ цѣлую область распоряженій. Самыя лучшія рѣшенія не приносятъ пользы, если необходимыя для осуществленія его распоряженія не отличаются точностью. На войнѣ часто случается, что высшія соображенія сталкиваются между собою, и лучшимъ въ этихъ случаяхъ исходомъ всегда оказывается вмѣшательство *воли*. На выборъ между этими соображеніями вліяютъ непрерывно измѣняющіяся обстоятельства, и у наиболѣе свѣдущихъ полководцевъ, если они не одарены исключительными способностями, эти обстоятельства вызываютъ, къ сожалѣнію, колебанія, доходящія затѣмъ до непослѣдовательности и контръ-приказаній („*Ordre, contre-ordre, désordre*“). Такимъ теоретикамъ всегда можно предпочесть простаго практика. Онъ постановляетъ свое рѣшеніе подчасъ инстинктивно, но рѣшимость его уже служитъ залогомъ успѣха. Никакой новый рядъ представленій не явится помѣхой его главной идеѣ, къ осуществленію которой онъ непремѣнно приложитъ всю свою энергію ¹⁾.

До извѣстной степени тѣ же требованія и трудности будутъ представляться и командирамъ второстепеннымъ. Но въ отно-

¹⁾ Major Hubl. „Die Kritik in ihrer Anwendung auf das Studium der Kriegsgeschichte“. 1893.

шеніи къ нимъ выступаетъ съ еще большимъ значеніемъ инаго рода факторъ.

Всѣ до сего приведенныя данныя и соображенія служатъ доказательствомъ, что въ настоящее время для людей, посвятившихъ себя военному поприщу, наука сдѣлалась болѣе чѣмъ когда-либо настоятельной необходимостью, и что въ будущей войнѣ особенно такъ называемые ученые спеціалисты, артиллеристы, инженеры, пионеры, саперы, пиротехники, аэроавтаны и телеграфисты будутъ играть большую роль.

Довольно взглянуть на мотивы новаго германскаго закона о введеніи двухлѣтняго срока службы, чтобы убѣдиться, что штаты арміи главнымъ образомъ потребовалось увеличить въ вышепоименованныхъ частяхъ. Въ прежнее время такихъ нуждъ не видѣли, не признавали и не понимали. То, что въ этомъ отношеніи происходитъ въ настоящее время, противорѣчитъ всѣмъ преданіямъ старыхъ военныхъ; поэтому неудивительно, что еще и теперь встрѣчаются офицеры, утверждающіе, что довольно имѣть хорошо обученныхъ солдатъ, чтобы побѣда была обеспечена.

Само собою разумѣется, что всѣ нововведенія окончательную оцѣнку получаютъ лишь на войнѣ, которой притомъ все-таки не суждено лишить престола *sa majesté le hasard*.

Какъ ни рациональны всѣ новыя усовершенствованія и нововведенія въ военномъ дѣлѣ, нельзя однако отрицать нѣкоторой основательности и въ сужденіяхъ поборниковъ старины. Можно считать вполне вѣрнымъ соображеніе, по которому въ прежнее время всячески старались превратить война въ автомата-Автоматъ, посредствомъ упражненій приученный къ тому, чтобы въ немъ вызывались различныя настроенія лишь вслѣдствіе команды, невольно ей подчиняется, зная притомъ, что онъ дѣлаетъ то же, что его сосѣди, цѣлая колонна его товарищей по оружію. Такимъ образомъ, на маневрахъ, затѣмъ и на войнѣ двигались массы людей, могущественныя своимъ инертнымъ послушаніемъ. Масса эта нравственно поглощала въ себя единицы и становилась настоящимъ автоматическимъ механизмомъ, приобретающимъ способность пассивно слушать голоса команды, точно такъ, какъ къ этому привыкали и лошади. Кавалеристъ, который бы вздумалъ выѣхать изъ шеренги, принужденъ бы былъ выдержать борьбу съ своимъ конемъ. Кромѣ моральнаго воздѣйствія, сомкнутые ряды облегчали и командованіе.

Поэтому всё усилія направлялись къ тому, чтобы сдѣлать изъ солдата лишь часть собирательнаго механизма. Дошло наконецъ, какъ это бываетъ часто, до вредныхъ преувеличеній. При императорѣ Николаѣ маршировка, умѣніе равняться, стойка и т. д. заслонили собой необходимость болѣе важныхъ, военныхъ упражненій.

Впрочемъ, повсюду этотъ ригоризмъ доходилъ въ то время до смѣшнаго. Генераль Драгоміровъ рассказываетъ по этому поводу характерный анекдотъ о томъ, какъ одинъ нѣмецкій полковникъ желая похвалиться передъ другимъ военной выправкой своихъ солдатъ, обратилъ его вниманіе на неподвижность ихъ подъ ружьемъ. Хотя полкъ стоялъ, какъ стѣна, но одинъ изъ этихъ полковниковъ указалъ другому на чуть замѣтное колебаніе штыковъ, причемъ, однако, желая показать свою проницательность, шепнулъ ему на ухо: — это отъ дыханія!

— Ахъ, кому ты говоришь это! — воскликнулъ фронтвикъ — чего я только не дѣлалъ, чтобы заставить ихъ не дышать! Такъ и бросилъ, наконецъ...

Въ нѣкоторыхъ европейскихъ арміяхъ и до настоящаго времени сохранились остатки прежнихъ взглядовъ; еще попадаются командиры, которые, въ родѣ этого образцоваго полковника, усиливаются сдѣлать изъ солдата то, чего изъ него сдѣлать невозможно. Случается и то, что разнузданная фантазія и припадки вспыльчивости гнѣва доводятъ ихъ до прибѣганія къ средствамъ, не дозволяемымъ ни чувствомъ гуманности, ни понятіями вѣка, ни, наконецъ, военнымъ уставомъ. Насколько это можетъ отразиться на войнѣ, покажетъ только опытъ. Еще недавно, принцъ Саксонскій изобличилъ и запятналъ рядъ возмутительныхъ злоупотребленій военной дисциплиной, въ которыхъ человѣческое достоинство солдатъ и здоровье ихъ приносились въ жертву самодурству и грубости низшихъ начальниковъ, до унтеръ-офицера включительно. Такой же протестъ противъ самоволія и жестокости въ австрійской арміи выразилъ эрцгерцогъ Іоаннъ. Онъ даже издалъ брошюру подъ заглавіемъ „Drill oder Erziehung“, по прочтеніи которой императоръ Вильгельмъ I передалъ ее генералу Бронзару фонъ-Шеллендорфу съ надписью „Drill und Erziehung“.

Превращеніе солдата въ механизмъ, движущійся лишь по командѣ, общей для цѣлой шеренги или колонны, и прибѣганіе съ этой цѣлью къ употребленію оскорбительныхъ и жестокихъ средствъ, въ настоящее время тѣмъ большаго заслуживаютъ пори-

панія, что самое достиженіе подобной цѣли теперь считается бесполезнымъ и даже вреднымъ. Совокупныя движенія въ настоящее время производятся лишь вдали отъ непріятеля и отъ поля битвы, въ походѣ. Въ виду непріятеля сомкнутый строй не мыслимъ, ибо потери, происшедшія отъ этого, не могли бы вознаградиться нравственнымъ подъемомъ, о которомъ говорятъ ригористы. Это подтверждаютъ всѣ военные авторитеты. Солдатамъ почти всегда придется дѣйствовать въ разсыпномъ строѣ. Сила вліянія массы на отдѣльную единицу исчезнетъ. Привычка, приобрѣтенная на ученьяхъ, часто не найдетъ никакого примѣненія, и вмѣсто нея на первый планъ должны будутъ выступить индивидуальныя и расовыя качества солдата, включительно до свойства его міровоззрѣнія и настроенія—словомъ, свойства, зависящія отъ его природы психической. Вотъ почему нынѣшніе военные писатели много занимаются этимъ предметомъ, о которомъ прежде никто не помышлялъ. Вопросъ о достоинствахъ и качествахъ солдата теперь уже не разсматривается исключительно съ точки зрѣнія дисциплины и фронтальной выправки. Лишь только сойти съ почвы рутинны, нельзя миновать требованій науки. Профессоръ Кумесъ, въ сочиненіи „*La tactique de demain*“, на которое намъ уже приходилось ссылаться, дѣлаетъ окончательный выводъ, который, какъ не лишенный интереса, приводимъ здѣсь, хотя кажется намъ нѣсколько сомнительнымъ, что затрудненія для кого бы то ни было уменьшились.

„Если во всѣ времена при равномъ оружіи, геній полководца рѣшалъ вопросъ о побѣдѣ, то, наоборотъ, при равной геніальности полководцевъ, степень совершенства оружія и умѣние управлять имъ будутъ рѣшать этотъ же вопросъ“.

„Цивилизація, совершенствуя оружіе, одновременно усложнила войну и упростила задачу таланта военачальника; другими словами, для умовъ посредственныхъ, незнающихъ главныхъ основаній войны, затрудненія возрасли, для великихъ же полководцевъ уменьшились“.

Всѣ приведенные нами факты и цифры доказываютъ, что ару нынѣшнихъ громадныхъ вооруженій водворила въ Европѣ Пруссія, понудившая прочія государства къ роковому подражанію ей. До настоящей минуты, въ области милитаризма, Пруссія продолжаетъ играть роль главнаго подстрекателя къ дальнѣйшему росту европейскихъ армій. Всѣ взгляды въ настоящее время обращены къ Берлину въ ожиданіи оттуда перваго сигнала къ разоруженію или къ дальнѣйшему усиленію вооруженій.

Соціальныя явленія, какъ и физическія, имѣютъ свои причины и послѣдствія. Ходъ событій не зависитъ отъ слѣпаго каприза случайности, а составляетъ цѣль логическихъ выводовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ по законамъ, которыхъ обойти нельзя. Современность составляетъ зерно и почву для будущаго. Хотя соціальныя законы еще далеко не опредѣлены, но кто углублялся мысленно въ мірскія дѣла, кто наблюдалъ современное состояніе общественныхъ стремленій, кто изслѣдовалъ силы, дѣйствующія въ данный моментъ, тотъ можетъ до нѣкоторой степени предвидѣть, чего можно ожидать въ будущемъ.

Поэтому, желая угадать характеръ и послѣдствія ожидаемаго катаклизма, мы обязаны старательно и точно ознакомиться съ обстоятельствами, которыя, сами вызывая его сегодня, завтра будутъ вліять на его ходъ.

Но задача эта не изъ легкихъ. Одно изученіе фактовъ не можетъ въ этомъ случаѣ оказаться достаточнымъ.

Свѣтомъ, вопреки Огюсту Конту, управляетъ, какъ замѣчаетъ Гербертъ Спенсеръ, не чувство, а умъ.

И изученіе милитаризма, самое точное его изслѣдованіе еще не все выясняютъ. Надо объять настроеніе и вліяніе самой общественной среды, которая породила этотъ милитаризмъ и довела его до нынѣшняго могущества и гигантскаго значенія. Это только можетъ дать намъ основы для выводовъ и способовъ предусмотрѣть будущее.

Конечно, и въ этихъ случаяхъ мы не можемъ прійти къ математическимъ предсказаніямъ, а лишь къ гипотезамъ, ибо все-таки за случаемъ остается немалый коэффиціентъ въ опредѣленіи будущихъ событій, несмотря на тончайшій анализъ, которому подвергаетъ ихъ философія.

Ходъ нашего изслѣдованія, противъ ожиданія, нѣсколько затянулся и разросся, но тотъ, кто захочетъ объять всѣ стороны поставленнаго нами вопроса, кто остановится надъ значеніемъ безпримѣрной катастрофы, угрожающей міру, тотъ пойметъ необходимость болѣе обширныхъ разъясненій и согласится, что для точной обрисовки, хотя бы въ общихъ контурахъ, сущности положенія, — съ цѣлью предупредить иллюзіи и заблужденія, въ какія можетъ впасть общественное мнѣніе, судящее лишь по единичнымъ фактамъ, случайно обнаруживающимся, — въ данномъ случаѣ нельзя было ограничиться меньшими размѣрами.

Движеніе войска по направленію къ театру войны.

Главная задача войны представляется въ томъ, чтобы возможно быстро сосредоточить массы своихъ силъ противъ отдѣльныхъ отрядовъ противника. Концентрація войскъ при войнѣ по направленію къ границамъ представляетъ три періода. Первый является въ мобилизаціи, то-есть при приведеніи войскъ въ военный составъ, призывѣ запаса и ополченія, соотвѣтственномъ снабженіи войскъ лошадьми и обозами; второй періодъ представляется въ передвиженіи войскъ, въ распредѣленіи ихъ на арміи, въ направленіи самыхъ армій по опредѣленнымъ маршрутамъ, согласно съ установленнымъ въ общихъ чертахъ предварительнымъ планамъ дѣйствій; наконецъ, третій—когда Войска приходятъ въ соприкосновеніе съ непріателемъ и начинается разыгрываться драма, которую мы будемъ описывать въ отдѣлѣ: „На полѣ битвы“.

По объявленіи мобилизаціи, происходитъ пріемка запасныхъ чиновъ въ опредѣленныхъ пунктахъ и препровожденіе ихъ партіями къ ихъ частямъ. Все это сопряжено и съ экономическими затрудненіями, даже пертурбаціями, смотря по тому, въ какихъ размѣрахъ происходятъ призывы и перевозка войскъ, что зависитъ отъ предполагаемыхъ силъ противника и отъ отдаленности театра войны, а эти послѣднія условія опредѣляются, въ свою очередь, политическимъ положеніемъ въ данный моментъ.

О первомъ періодѣ, въ виду упомянутаго взаимодѣйствія разныхъ факторовъ, намъ придется говорить особо. Въ настоящемъ же отдѣлѣ мы должны—для того, чтобы представить картину войны—заняться лишь технической стороной концентраціи войскъ къ границамъ до серьезныхъ встрѣчъ съ непріателемъ.

I.

Роль желѣзныхъ дорогъ при концентраціи войскъ.

Постоянное расширеніе желѣзнодорожной сѣти въ образованныхъ странахъ дало рельсовымъ путямъ постепенно все возрастающее значеніе въ передвиженіи войскъ.

Чтобы оцѣнить это значеніе, достаточно сообразить, что напр. баталіонъ можетъ быть доставленъ въ теченіе сутокъ за 600 верстъ, то-есть пробѣжать въ 20 разъ большее разстояніе, чѣмъ маршевымъ порядкомъ, сохраняя притомъ полную

способность немедленно идти въ бой. Естественно поэтому, что нынѣ желѣзныя дороги сдѣлались однимъ изъ могущественныхъ средствъ для веденія войны и что, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, то государство, которое будетъ имѣть наиболѣе желѣзныхъ путей къ угрожаемой границѣ, получить возможность предупредить своего противника и такъ сказать застать его на половинѣ совершенія имъ концентраціи. Мольтке высказалъ однажды въ германскомъ рейхстагѣ, что лишняя желѣзнодорожная линія, проходящая сквозь всю страну, представляетъ средство ускорить на два дня сборъ арміи, а стало быть настолько же и самый приступъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Нашъ главный штабъ—прибавилъ знаменитый стратегъ — до такой степени убѣжденъ въ важности инициативы при началѣ войны, что предпочитаетъ постройку желѣзныхъ дорогъ возведенію крѣпостей¹⁾.

Въ періодѣ мобилизаціи, который предшествуетъ стратегическому передвиженію войскъ, слѣдуетъ возможно менѣе обременять желѣзныя дороги перевозкою войсковыхъ частей, такъ какъ дороги должны сдѣлать приспособленія и держать готовымъ весь подвижной составъ именно для массовыхъ, стратегическихъ передвиженій войскъ. Впрочемъ, переходъ всегда предпочтителенъ перевозкѣ войскъ по желѣзной дорогѣ, если только не требуетъ болѣе времени, такъ какъ на переходѣ войска сохраняютъ свой правильный составъ, между тѣмъ какъ при перевозкѣ они дробятся.

Вопросъ этотъ долженъ рѣшаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на основаніи соотношенія между численностью высылаемой войсковой части и провозоспособностью дороги. Конечно, выгоднѣе выслать баталіонъ на разстояніе напр. 180 верстъ—по желѣзной дорогѣ, чтобы избѣгнуть 5-ти приваловъ, при чемъ баталіонъ будетъ на мѣстѣ назначенія въ 9 часовъ, вмѣсто 5 или хотя бы 4 дней. Но если передвигается пѣлый корпусъ, на то же разстояніе, то выгоднѣе выслать его обыкновеннымъ путемъ, такъ какъ и перевозка его по желѣзной дорогѣ потребуетъ 5 дней, а между тѣмъ, во время ея онъ будетъ раздробленъ и неспособенъ къ дѣйствию²⁾.

И такъ, при концентраціи войскъ къ границѣ слѣдуетъ двинуть маршевымъ порядкомъ войска, ближе къ ней расположенныя, дабы не обременять станцій и предоставить весь по-

¹⁾ Pierron, „Méthodes de guerre“. 1893.

²⁾ Général prince de Hohenlohe-Ingelfingen.

движной составъ для перевозки войскъ изъ мѣстностей наиболѣе отдаленныхъ ¹⁾).

Затѣмъ, представляется вопросъ: какой системы рѣшено держаться—наступательной или оборонительной? Первая даетъ преимущество инициативы, но она предполагаетъ, что возможно концентрироваться на границѣ не позже противника, или что имѣется надъ нимъ превосходство численное или хотя бы нравственное и умственное.

Если обстоятельства не позволяютъ рѣшиться на образъ дѣйствій стратегическо-наступательный, то есть на занятіе непріятельской территоріи, и приходится дѣйствовать оборонительно, то стратегическое расположеніе силъ должно имѣть цѣлью—прикрыть центры тяжести государства. Прикрытіе это можетъ быть достигнуто или дислокаціею войскъ впереди ихъ, отъ границы, или расположеніемъ войскъ въ удобной мѣстности на флангѣ отъ операціонной линіи наступающаго непріятели.

Особенно важныя услуги доставляютъ желѣзныя дороги при оборонѣ. Если линіи сходятся къ границѣ въ формѣ вогнутого сегмента и если нѣкоторыя изъ нихъ параллельны, то обороняющемуся представляется возможность быстро и неожиданно сосредоточить превосходныя силы на одномъ изъ фланговъ противника и одержать рѣшительный успѣхъ. Наступающій въ этомъ отношеніи всегда будетъ имѣть уже ту невыгоду, что, по мѣрѣ проникновенія его въ непріятельскую страну, операціонная линія его становится все болѣе хрупкою и труднѣе можетъ быть защищаема ²⁾).

Но именно вслѣдствіе гораздо большей скорости, съ какою нынѣ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, производится концентрація массы войскъ, получаетъ большее, чѣмъ когда-либо, значеніе афоризмъ, высказанный фельдмаршаломъ Мольтке, а именно: „ошибка, сдѣланная въ первоначальномъ сборѣ войскъ, почти непоправима въ теченіе всей кампаніи“.

Для избѣжанія такихъ крупныхъ ошибокъ, генераль Шьеронъ совѣтуетъ массивовать войска нѣсколькими группами, пока не обозначилось истинное направленіе главныхъ силъ непріятели или, тотчасъ же по окончаніи концентраціи, расположить позади cadaго своего фланга перевозочныя средства, достаточныя для того, чтобы перекинуть корпусъ или нѣ-

¹⁾ Pierron, „Méthodes de guerre“.

²⁾ Ibid.

сколько корпусовъ съ одного фланга въ центръ или на другой флангъ—съ большей скоростью, чѣмъ обычныя передвиженія пѣхоты. Эти обозы должны имѣть прикрытія изъ особнхъ частей, а расположеніе ихъ должно оставаться тайной, что достигается распусканіемъ ложныхъ слуховъ или демонстративными движеніями другихъ частей въ обратномъ направленіи.

По замѣчанію того же автора, какъ въ 1870 г. мобилизаціонныя перевозки на желѣзныхъ дорогахъ начались черезъ три дня по объявленіи мобилизаціи, такъ вѣроятно будетъ и впредь, такъ какъ дорогамъ надо дать этотъ срокъ для сосредоточенія ихъ подвижнаго состава къ нужнымъ пунктамъ. Служба перевозки окажется особенно трудною въ теченіе первыхъ дней, такъ какъ въ эти дни будетъ необходимо перевозить людей и лошадей въ разныхъ направленіяхъ.

Для того, чтобы оцѣнить значеніе данной желѣзнодорожной сѣти для перевозки большого числа войскъ, необходимо указать на нѣсколько основныхъ принциповъ дѣйствія желѣзныхъ дорогъ относительно перевозки войскъ.

Составъ военныхъ поѣздовъ—говоритъ тотъ же авторъ—опредѣляется во всѣхъ странахъ такимъ образомъ, чтобы соблюдались слѣдующія условія:

1) Одинъ поѣздъ долженъ перевозить цѣльную тактическую единицу: баталіонъ, эскадронъ или батарею.

2) Составленный такъ, въ пунктѣ отправленія, поѣздъ долженъ доставлять часть къ мѣсту назначенія безъ расчлененія поѣзда на пути и безъ употребленія двухъ паровозовъ; эти два послѣдніе приѣма могутъ еще иногда быть допущены на путяхъ вѣроепенныхъ, но ни въ какомъ случаѣ—на главныхъ.

3) Движеніе должно производиться со скоростью приблизительно 24 километровъ въ часъ, даже при обратномъ слѣдованіи порожнихъ вагоновъ.

4) На каждый день полагается остановка на 3 или 4 часа, чтобы запоздавшіе поѣзды успѣли подойти, а служащіе имѣли отдыхъ.

Высадка войскъ производится не всегда на особыя военныя платформы, которыя позволяютъ высаживать войска одновременно изъ всѣхъ вагоновъ. Пѣхота можетъ высаживаться прямо на станціяхъ и главныхъ путяхъ, причѣмъ выгружаетъ свои принадлежности при помощи подмостковъ, которыя могутъ находиться на поѣздѣ.

На основаніи вышесказанныхъ принциповъ, французскій же

генераль Люзе (Luzenx) слѣлалъ слѣдующій расчетъ: предпо- ложивъ, что вся германскія армія будетъ сосредоточена на эль- засско-лотарингской границѣ съ Франціею, можно предполагать, что въ вечеръ на 4-й день половина кавалеріи будетъ доставлена, а вечеромъ 6 дня — вся кавалерія. Дѣйствующая пѣхота прибу- деть въ полномъ составѣ вечеромъ 6 дня, а артиллерія, кромѣ наиболѣе тяжелой начнетъ прибывать только на 8-й день.

Слѣдующіе ко всемъ родамъ войскъ контингенты запаса придутъ къ своимъ частямъ вѣроятно на 13-й день, такъ что на 14-й день германская армія будетъ въ состояніи начать воен- ныя дѣйствія.

Теперь, если принять въ основаніе приведенныя выше пра- вила относительно состава военныхъ поѣздовъ, то нетрудно опредѣлить, какое именно число поѣздовъ потребуется для пе- ревозенія полного армейскаго корпуса. Оно выразится прибли- зительно цифрою 106 и распределится по родамъ войскъ слѣ- дующимъ образомъ:

Корпусный штабъ	3 поѣзда.
Дивизионные штабы	2 "
8 пѣхотныхъ полковъ и 1 стрѣлк. баталіонъ	25 "
2 полка кавалеріи	8 "
8 батарей дивизионныхъ ¹⁾	8 "
8 батарей корпусныхъ и 1 конная	9 "
Артиллерійскій паркъ и обозъ	17 "
Понтонный паркъ	3 "
Инженерныя части съ паркомъ	2 "
Полевая амбулаторія корпуса	2 "
Дивизионныя амбулаторіи	2 "
Штабный обозъ	8 "
Дивизионный обозъ	10 "
Подвижное ремонтное депо	1 "
Полевая пекарня	3 "
Походные лазареты	3 "
	<hr/>
	106 поѣздовъ.

Поѣзда эти будутъ составлены изъ:

вагоновъ 1 класса	109
" 3 " или приспособленныхъ	1.176
" приспособленныхъ для лошадей	1.403

¹⁾ Ихъ число съ тѣхъ поръ увеличилось, а стало-быть соотвѣственно увеличилось и число поѣздовъ.

Платформъ для повозокъ	1.628
Вагоновъ служебныхъ	216

4.532 вагон. и платф.

Само собой разумѣется, что при стратегическомъ передвиженіи войскъ желѣзныя дороги поступаютъ въ полное распоряженіе этой потребности, которой все прочія подчиняются, хотя и тѣ должны быть удовлетворяемы по мѣрѣ возможности. Такъ, генераль Пьерронъ, въ томъ же сочиненіи ¹⁾, оговаривается, что при полномъ удовлетвореніи потребностей мобилизаціи и военныхъ перевозокъ вообще, даже при войнѣ нельзя не обращать, въ возможной мѣрѣ, вниманія на интересы торговли, на примѣръ на движеніе хлѣбныхъ грузовъ. Въ снабженіяхъ при помощи желѣзныхъ дорогъ будутъ нуждаться флотъ, города, пограничныя крѣпости, и невозможно не удовлетворять этихъ потребностей. Стало быть, надо имѣть и ихъ въ виду при составленіи плановъ перевозки: нельзя игнорировать всего остального потому только, что война, но слѣдуетъ все подчинять ея потребностямъ, не переставая заботиться и объ остальномъ. Поэтому, по отзыву генерала Пьеррона, благоразумно будетъ своевременно истребовать мнѣнія торговыхъ палатъ.

Если вѣрить нѣмецкимъ писателямъ, на которыхъ ссылается генераль Пьерронъ, то и въ Берлинѣ не упускаютъ изъ вида и въ военное время, органическихъ потребностей жизни гражданской. Такъ, онъ, между прочимъ, приводитъ слова капитана Крейтмана: „при организаціи стратегическихъ перевозокъ имѣется въ виду оставлять значительный резервъ поѣздовъ, предназначенный для удовлетворенія какъ потребностей самой желѣзнодорожной службы, такъ и нуждъ гражданского населенія, которыми никакъ нельзя пренебрегать, особенно же интересами сообщеній столицы со всѣмъ государствомъ“.

Извѣстно, впрочемъ, что въ Германіи въ желѣзнодорожныхъ графикахъ оставляются нѣкоторыя „интервалы“ для того, чтобы опоздавшіе поѣзда могли войти вновь въ правильную систему движенія, а не нарушали ее своимъ накопленіемъ. Совокупность правильныхъ поѣздовъ, отправляемыхъ между двумя такими интервалами (Tages-Intervall), называется Tages-Echelon²⁾.

¹⁾ Полное заглавіе его: „Les méthodes de guerre actuelles et vers la fin du XIX siècle“. Tome premier, 3 partie. 1893. p. 1.475.

²⁾ Capitaine du génie Marmier.

Тѣмъ не менѣе, въ Германіи, вслѣдствіе предпринятыхъ мѣръ къ снабженію станцій громадными, постоянными и подвижными приспособленіями для высадки войскъ и къ снабженію солдатъ пищею безъ выхода изъ вагоновъ, устройство переходовъ надъ путями, а также объѣздныхъ дорогъ въ большихъ городахъ, заблаговременнаго приготовленія въ пограничныхъ крѣпостяхъ военнаго матеріала, наиболѣе громоздкаго—сдѣлано все, что своевременная сообразительность и упорное стараніе объ ускореніи готовности къ первому столкновенію могли сдѣлать.

II.

Размѣры дѣйствующихъ армій и пространства.

Въ настоящую эпоху, въ случаѣ большой европейской войны, можно ожидать, что въ бой пойдутъ цѣлые вооруженные народы: специалисты полагаютъ, что нормой для отдѣльнаго театра войны можно принять по миллиону солдатъ съ каждой стороны; считая же и тѣхъ, которые не примутъ прямого участія въ борьбѣ—по миллиону двѣсти тысячъ, т. е. на одномъ театрѣ войны будетъ находиться всего 2.200.000 людей ¹⁾.

Все это войско для удобства управленія придется раздѣлить на арміи, по 3—5 корпусовъ въ каждой. Каждая изъ этихъ армій должна быть настолько самостоятельна и сильна, чтобы имѣть возможность противодѣйствовать болѣе сильному непріятелю. Боевой фронтъ каждой арміи можетъ быть растянутъ верстъ на 15 во время сраженія, а маршевой — займетъ пространство двухъ-дневныхъ переходовъ и только при приближеніи къ вѣроятному мѣсту сраженія части стянутся на разстояніи однодневнаго перехода.

Первоначальную операціонную линію, въ моментъ *стратегическаго развитія*, предполагаютъ авторитетные военные писатели въ 100—200 верстъ.

Когда войска дойдутъ до непосредственнаго театра столкновений, то происходитъ распредѣленіе силъ, соответственно положенію и обстоятельствамъ, но каждая изъ дѣйствующихъ частей армій должна быть сосредоточена на протяженіи одного перехода (20 верстъ), въ глубину же не болѣе, чѣмъ на разстояніе половины дневнаго перехода. При такихъ условіяхъ

¹⁾ Генераль Лееръ, „Сложныя операціи“.

весь фронтъ дѣйствующихъ на одномъ театрѣ войны трехъ армій можетъ быть растянутъ на 50—60 верстъ.

Большими массами людей, точно такъ же, какъ и большими тяжестями, не легко распорядиться. При каждомъ ихъ передвиженіи значительныя силы должны поглощаться физической силой сопротивленія громаднаго матеріала и, что еще важнѣе, чѣмъ многочисленнѣе арміи, тѣмъ условія ихъ продовольствія труднѣе. Уже по этому одному необходимо раздѣленіе армій на части. Это превосходно изображено въ наставленіи Наполеона, который ясно постигалъ какъ невыгоды излишняго скопленія людей въ одномъ пунктѣ, такъ и пользу возможности быстрога сосредоточиванія войска въ случаѣ необходимости.

„Раздѣляться на походѣ для того, чтобы продовольствоваться, и соединяться, чтобы побѣждать“, было всегдашнимъ правиломъ даровитыхъ полководцевъ¹⁾. Умѣніе слѣдовать этому принципу всегда имѣло значеніе, въ будущемъ же ему предстоитъ роль еще болѣе значительная. Но въ виду увеличенія численности современныхъ армій, самая задача сосредоточиванія и раздѣленія войскъ потребуетъ еще болѣе сообразительности со стороны командующихъ лицъ, тѣмъ болѣе, что походныя движенія громадныхъ армій нашего времени будутъ медленнѣе. Онѣ не въ состояніи будутъ совершать переходы съ быстротой наполеоновскихъ маршей уже вслѣдствіе того одного, что многочисленность растянетъ ихъ на пространства и абсолютно, и относительно гораздо болѣе обширномъ.

Побѣдить при этомъ всѣ трудности на самомъ началѣ могутъ лишь талантъ военачальника, точная исполнительность подчиненныхъ ему офицеровъ, хорошее обученіе солдатъ и правильно организованная администрація тыла арміи.

III.

Формированіе и расчеты передвиженій войскъ.

Морицъ Саксонскій говаривалъ не разъ, что „вся тайна военныхъ успѣховъ заключается въ солдатскихъ ногахъ“. Наполеонъ на дѣлѣ доказалъ, что успѣху кампаніи ничто такъ не содѣйствуетъ, какъ подвижность войска. Впрочемъ, совершенно очевидно, что изъ двухъ, равныхъ по численности, армій та, которая въ состояніи будетъ легче побѣждать разстоянія,

¹⁾ „Getrennt marschieren und zusammen schlagen“ — былъ также афоризмъ Мольтке.

окажется обладательницей бóльшей силы. Современный численный состав огромныхъ армій потребуетъ инаго способа дѣйствій, а именно: оперированія вокругъ непріятельскихъ фланговъ, что достигается не тактикой, а по указаніямъ стратегіи, направленными колоннами войска къ соотвѣтственнымъ пунктамъ. Точно такъ же и защита противъ обходныхъ движеній противника затруднится вслѣдствіе отдаленности резервовъ отъ обоихъ фланговъ ¹⁾. На значеніе въ этомъ отношеніи желѣзныхъ дорогъ было уже указано нами; остается только опредѣлить вліяніе другаго, не менѣе важнаго, фактора, а именно передвиженія войскъ посредствомъ маршей.

Если принять во вниманіе только стягиваніе движущихся колоннъ передъ сраженіемъ, то и тогда бóльшая или меньшая способность къ маршамъ станетъ очевидной, такъ какъ растяженіе маршевой колонны одного корпуса вмѣстѣ съ обозомъ простирается на 53 версты.

Принимаютъ, что армія въ непрерывномъ движеніи съ обозомъ не въ состояніи дѣлать переходовъ, превышающихъ 20 километровъ въ день. Генераль Леваль въ своемъ трудѣ, „Conférence sur la marche d'un corps d'armée“ высказываетъ лишь желаніе, чтобы довести эту цифру до 24 километровъ. По изслѣдованіямъ Мораша, средняя быстрота дневныхъ переходовъ во время кампаній 1796—1815 годовъ, въ итальянскомъ походѣ 1859 года и въ австро-прусской войнѣ 1866 года составляла 21,89 километровъ. Генераль Лееръ полагаетъ даже, что, принимая во вниманіе многочисленность нынѣшнихъ дѣйствующихъ армій, за средній дневной переходъ слѣдуетъ принять не болѣе 15 верстъ.

Однако, особенно быстрые переходы достигаютъ отъ 25 до 35 километровъ въ теченіе 9—14 часовъ, чрезвычайные превосходятъ и эту быстроту. Въ Германіи принимаютъ, что форсированные марши (Gewaltmärsche) могутъ быть доводимы до 45 километровъ въ день.

Нельзя не замѣтить, что Суворовъ въ 1799 г. прошелъ изъ окрестностей Александріи до рѣки Тидоне, т. е. 77 вер. въ 36 час.

Нѣтъ необходимости доказывать, что тѣмъ выносливѣе армія въ походахъ и способнѣе къ перенесенію тягостей войны вообще, тѣмъ болѣе у нея, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, шансовъ на успѣхъ. Но слѣдуетъ различать два період

¹⁾ См. у проф. Леера „Сложныя операціи“.

во всякой кампаніи: начало ея и дальнѣйшій ея ходъ, когда люди втягиваются въ привычки лагерной жизни и приспособляются къ ея требованіямъ.

Въ ряды арміи сразу входитъ большое число резервистовъ, которые въ началѣ бывають неспособны совершать значительныхъ переходовъ въ соотвѣтственное время. Между тѣмъ, ихъ силы должны приниматься за норму, ибо, въ противномъ случаѣ, оказался бы значительный процентъ отсталыхъ, и лазареты переполнились бы больными вслѣдствіе изнуренія.

Клаузевиць утверждаетъ, что пагубное вліяніе походовъ слѣдуетъ считать вполне самостоятельнымъ факторомъ въ отношеніи къ разрушительному дѣйствию на армію, наравнѣ съ сраженіями. Не взирая на всевозможныя предосторожности, отъ нихъ люди гибнуть тысячами. Наполеонъ, въ 1812 году, въ теченіе 52-хъ-дневнаго похода въ предѣлахъ Россіи потерялъ, пройдя всего 490 верстъ, около 100.000 людей. Въ данномъ случаѣ огромное значеніе имѣла плохая дисциплина, но и помимо ея, потери, какъ прямое слѣдствіе похода, были бы несомнѣнно велики. Не надо забывать, что не одни убитые, но и вообще вышедшіе изъ строя, большею частью потеряны для арміи и что даже всѣ отстающіе составляютъ для нея лишь одинъ отягощающій ее баластъ, заполняющій госпитали ¹⁾.

По словамъ военныхъ писателей, тотъ, кто непосредственно не участвовалъ въ походахъ, хотя бы даже занимая высокое положеніе въ военной іерархіи, не можетъ составить себѣ точнаго понятія, что такое представляютъ переходы военнаго времени. Воображенію спокойнаго обывателя невольно представляется картина въ видѣ блестящихъ рядовъ, дефилирующихъ подъ музыку, встрѣчаемыхъ и сопровождаемыхъ пожеланіями и возгласами восторженной толпы. На самомъ дѣлѣ трудности и медленность движенія представляютъ самыя характеристическія черты всѣхъ движеній большими массами на войнѣ. Въ этомъ убѣждается каждый, кто присматривался въ такое время къ солдату вблизи.

Пройдя сотни верстъ съ тяжелымъ ранцемъ и ружьемъ на плечахъ, не одинъ изъ нихъ идетъ, прихрамывая и призывая всю свою силу воли на помощь, чтобы не свалиться съ ногъ отъ истощенія физическихъ силъ. Страданія отъ обуви, протирающей кожу до крови, отражаются лишь въ мученическомъ

¹⁾ Von der Goltz. «Das Volk in Waffen».

выраженіи лица и, несмотря на потъ, каплями выступающей на лбу, онъ доводитъ усилія свои до крайняго изнуренія, чтобы не попасть въ число оставшихъ. Однако, то тутъ, то тамъ изъ рядовъ отводятъ ослабѣвшихъ и укладываютъ по краямъ дороги. Чѣмъ дальше, тѣмъ медленнѣе движется колонна. На людяхъ, на лошадяхъ, на повозкахъ осѣдаетъ густой слой пыли, разѣдающей глаза и ротъ и мучительность которой такъ художественно описана гр. Л. Толстымъ въ „Войнѣ и мирѣ“. Равнодушное ко всевозможнымъ мукамъ человѣческимъ солнце продолжаетъ обдавать всехъ горячими лучами, а когда жара становится совершенно невыносимой, то только голова колонны идетъ какъ бы бодро, но въ глубинѣ ея утомленіе уже царитъ вполне. Забыты пѣсни, не слышно даже разговоровъ. Все идетъ молча, откровенно понуривъ голову.

Всякое вымоганіе быстроты отъ пѣхоты она исполняетъ апатично, лишь изрѣдка, время отъ времени подчиняясь порывамъ желанія исполнить физически невозможное и снова впадая въ апатію. Изъ опыта кампаніи ей дѣлается извѣстнымъ, что если на каждое требованіе она будетъ отвѣчать одинаковымъ усиліемъ, то въ концѣ концовъ силы ея окончательно будутъ исчерпаны. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ заставить такую массу перейти отъ черепашняго шага къ тому оживленному движенію, какое, напримѣръ, является въ испытанныхъ войскахъ, лишь только слышать они пушечные выстрѣлы.

Въ высшей степени заслуживаетъ вниманія значительная разница, наблюдаемая въ способности перенесенія трудностей походовъ, разница, которую не всегда можно объяснить ни различіемъ въ особенностяхъ этнографическихъ чертъ, ни чисто специальной выработкой типической природы выносливаго солдата. Часто случается на практикѣ, что переходъ, кажущійся на картѣ самымъ незначительнымъ передвиженіемъ на 15—20 верстъ, представляетъ собою на дѣлѣ непосильный трудъ, между тѣмъ какъ иное, вдвое дальнѣйшее разстояніе не вызываетъ даже большой усталости. Случайныя обстоятельства, какъ напр. состояніе погоды, температура, вѣтеръ, дождь, буря, предшествовавшія впечатлѣнія, наконецъ и упражненія мирнаго времени—все это отзывается на благополучіи переходовъ въ военное время.

Нравственное состояніе войскъ значитъ при этомъ очень много и, по справедливому замѣчанію графа Л. Толстаго, человѣкъ проходитъ тысячу верстъ, только если воображаетъ

себѣ, что послѣ этого перехода онъ найдетъ нѣчто хорошее, нѣчто вродѣ обѣтованной земли. Но въ будущей войнѣ между Германією и Францією нѣмецевъ уже не одушевляла бы мысль о той „обѣтованной землѣ“, какую въ 1870 г. они видѣли въ національномъ единствѣ. А французы хотя и могутъ увлекаться мыслью о воссоединеніи Эльзаса и Лотарингіи, а еще болѣе — о возвращеніи ихъ отечеству ореола военной славы, но окажется ли это увлеченіе достаточнымъ, чтобы побѣдить возросшіе труды и опасности войны, это еще представляется вопросомъ.

IV.

Вліяніе состава арміи на ея выносливость.

Естественно, что выносливость бываетъ различна не только у cadaго отдѣльнаго человѣка, но и у различныхъ классовъ общественныхъ. Земледѣлецъ, привыкшій къ жесткой постели, плохой одеждѣ и грубой пищѣ, несравненно легче переноситъ лишенія лагерной жизни въ военное время, скорѣе приспособляется къ новымъ условіямъ, чѣмъ приученный къ нѣкоторымъ удобствамъ городской житель, ремесленникъ, даже фабричный рабочій, не говоря уже о болѣе достаточныхъ классахъ. Надо не забывать, что пѣхотинцу приходится нести на себѣ тяжесть, достигающую до 28—35 килограммовъ или 70—87 фунтовъ. Безъ привычки и безъ должной сноровки съ этимъ справиться чрезвычайно трудно.

Такимъ образомъ, очевидно, что степень выносливости арміи особенно въ началѣ кампаніи, должна зависѣть отъ преобладанія въ ней того или инаго общественнаго слоя.

Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы приведемъ цифровыя указанія, по которымъ выходитъ, что въ то время, какъ въ Россіи земледѣльческое сословіе составляетъ на каждые 100 человѣкъ 91, въ Италіи та же цифра опускается до 70, въ Австріи до 55, во Франціи до 51, а въ Германіи даже до 43. Другими словами, на одного городского жителя въ русской арміи приходится 4—6 земледѣльцевъ, между тѣмъ какъ эти классы въ Германіи распредѣляются въ арміи почти поровну.

На этотъ вопросъ уже обращено вниманіе военныхъ сферъ. Авторъ недавно изданной брошюры, весьма одобренной въ официальномъ нѣмецкомъ военномъ журналѣ „Militär Zeitung“, Горгенъ приходитъ по этому поводу къ весьма пе-

чальнымъ для Германіи предсказаніямъ. На основаніи данныхъ о воинской повинности, авторъ удостовѣряетъ, что земледѣльческіе округи, при одинаковомъ числѣ жителей, даютъ гораздо большую численность солдатъ и резервистовъ, чѣмъ округи городскіе. Въ первыхъ изъ 1.000 мужчинъ, годныхъ къ военной службѣ, оказывается 11, въ промышленныхъ же городахъ всего 3,1. Цифры эти чрезвычайно краснорѣчивы. Въ данную минуту населеніе городовъ составляетъ около 12 милліоновъ жителей, деревень - 18 милліоновъ. Слѣдовательно, отношеніе 1:1½. Лѣтъ тридцать тому назадъ это отношеніе было 1:2; слѣдовательно, судя по такому ходу дѣлъ, можно предполагать, что черезъ тридцать лѣтъ оно дойдетъ до 1:1, то есть, что контингентъ жителей городскихъ сравняется численностью съ сельскимъ населеніемъ. Въ виду этого, Горгенъ выражаетъ желаніе, чтобы были приняты самыя рѣшительныя мѣры противъ угрожающей Германіи опасности.

„Весь народъ нашъ, говоритъ авторъ, обязанъ сдѣлаться деревенскимъ людомъ, ему слѣдуетъ омужичиться (verbaucern). Сельскій людъ долженъ больше прежняго привязаться къ своей усадьбѣ, фабричный же рабочій желательно, чтобы сталъ, насколько это возможно, хотя бы мелкимъ земельнымъ собственникомъ. Пусть онъ съ дѣтьми обрабатываетъ хоть садикъ. Это обезпечитъ ему здоровье души и тѣла. Для достиженія этого имѣлся въ виду проектъ закона „объ учрежденіи надѣловъ, не подлежащихъ отчужденію“ (homestead). Проектъ этотъ, какъ извѣстно, поддерживалъ графъ Мольтке. Но къ этому мы еще вернемся.

По прошествіи извѣстнаго времени, впрочемъ, и горожане пріобрѣтаютъ необходимую солдату выносливость. Доказательствомъ этого можетъ служить война 1870—71 года. Намъ уже случалось цитировать изъ нея примѣры выносливости нѣмецкаго солдата вообще. Подобные же примѣры являли собой и нѣкоторые французскіе полки, совершавшіе движенія, напоминавшія по своимъ чрезвычайнымъ условіямъ чудеса наполеоновскихъ походовъ.

Въ послѣднее время обращено особое вниманіе на упражненія и пріученіе солдатъ къ совершенію далекихъ походовъ. Все чаще и чаще производятся большіе маневры, которымъ стараются придавать характеръ, по возможности, приближающійся къ дѣйствительной войнѣ.

По отчету Чарльза Дилька ¹⁾ о маневрахъ, происходившихъ

¹⁾ „Les armées françaises.“ Paris. 1892.

въ 1891 году, современная французская армія, относительно подготовленности ея къ передвиженіямъ, отличается тѣми качествами, которыя ее ставятъ въ уровень съ лучшими изъ европейскихъ пѣхотъ. Приводимъ слова автора „отчета“, касающіяся этого предмета.

„Французская пѣхота просто поражаетъ способностью оставаться цѣлый день въ сомкнутыхъ рядахъ съ момента сосредоточенія войскъ. Французская кавалерія при случаѣ можетъ пройти 64 километра въ день, хотя, правду сказать, это отнимаетъ у нея до извѣстной степени силы для исправнаго исполненія важнѣйшихъ задачъ своей службы“.

„Въ теченіе восьми дней шесть разъ всѣ эти войска были разбужены въ 3¹/₄ часа утра звуками рожковъ (замѣняющихъ теперь во Франціи прежнюю трубу). Нѣкоторымъ частямъ войска приходилось быть на ногахъ съ 4 часовъ утра до 5 вечера безъ перерыва, за исключеніемъ приваловъ, которые совершались въ величайшемъ порядкѣ по сторонамъ дороги, подъ палящими лучами солнца, причемъ людямъ не давали времени для приготовленія себѣ пищи. Имъ не дозволялось выходить изъ рядовъ и предоставлялось лишь расположиться на землѣ для отдыха. Въ слѣдующій же день армія шла почти безъ отдыха съ двухъ часовъ ночи до 10 часовъ утра. Два корпуса были отправлены въ путь въ половинѣ перваго часа ночи. Случалось, что пѣхота совершала по 52 километра сразу, и въ дѣйствительности за все время маневровъ она имѣла всего одинъ день отдыха“.

Однако, какъ уже было замѣчено нами выше, къ движеніямъ войскъ при началѣ кампаніи необходимо прилагать иной масштабъ. Въ прошломъ году во Франціи сдѣланъ былъ созывъ резервистовъ и на маневрахъ оказалось уже нѣчто совсѣмъ иное. Маршевая способность полковъ смѣшаннаго состава оказалась гораздо меньшею, чѣмъ полковъ линейныхъ. При большихъ маневрахъ 8-го и 12-го корпусовъ людямъ въ смѣшанныхъ полкахъ разрѣшено было идти въ принесенныхъ ими на себѣ башмакахъ, и все-таки число отсталыхъ и попортившихъ себѣ ноги было очень велико. Растягивались же смѣшанныя бригады на пути на ¹/₄ и до ¹/₃ длиннѣе, чѣмъ линейныя бригады. Въ иные дни въ смѣшанныхъ полкахъ оказывались до 30 процентовъ отсталыхъ и въ томъ числѣ даже офицеры, такъ что боевой составъ значительно ослабѣвалъ; приходилось мена-

жировать силы людей, а это еще уменьшало тактическое значеніе смѣшанныхъ полковъ ¹⁾).

Впрочемъ, и примѣры предшествовавшихъ войнъ показываютъ, какое важное значеніе имѣетъ приобрѣтенная сноровка. Такъ при походѣ германскихъ войскъ отъ Меца къ Луарѣ, хотя вначалѣ они двигались умѣренными переходами, при хорошей погодѣ и по хорошимъ дорогамъ, но при всемъ томъ отсталыхъ было много, что объясняется вліяніемъ истощенія силъ солдата до взятія Меца. Несмотря на то, что въ дальнѣйшемъ пути переходы увеличились, число отсталыхъ уменьшилось. Этотъ примѣръ приводится военными писателями въ доказательство, что войска, мало-по-малу втягиваясь въ походную жизнь и примѣняясь къ ея условіямъ, становятся въ общемъ гораздо выносливѣе, чѣмъ въ началѣ военныхъ дѣйствій.

Такъ какъ для будущей войны весьма важенъ вопросъ, что можно ожидать отъ резервистовъ, то здѣсь слѣдуетъ прибавить, что на тѣхъ же французскихъ маневрахъ признаны были еще: недостаточная благонадежность запасныхъ офицеровъ, между тѣмъ какъ унтеръ-офицеры, наоборотъ, были хороши, и весьма неудовлетворительное исполненіе резервистами боевыхъ задачъ. При всякомъ препятствіи они обращались въ нестройныя толпы, стрѣляли плохо, такъ что признано было, что въ случаѣ войны ихъ придется еще обучать въ теченіе 3—4 недѣль, прежде чѣмъ ихъ возможно будетъ выпустить, особенно для дѣйствій наступательныхъ.

Относительно русской арміи слѣдуетъ указать на нѣкоторыя ея особенности въ этомъ отношеніи. Извѣстно, что почти каждый русскій рекрутъ или возвращенный подъ знамена резервистъ въ настоящее время находитъ въ полку хорошую пищу, въ большинствѣ случаевъ гораздо лучшую, чѣмъ та, какою онъ пользовался дома; поэтому послѣ извѣстнаго времени, проведеннаго на службѣ, силы новобранца вмѣстѣ съ выносливостью лишь увеличиваются. Вслѣдствіе же извѣстной закаленности въ отношеніи привычки переносить лишения сельскаго населенія, изъ котораго состоитъ въ значительнѣйшей части русская армія, она сразу можетъ оказаться способной переносить величайшія трудности боевой жизни, а какое значеніе можетъ имѣть это обстоятельство, показываютъ слова Наполеона, что „одного мужества на полѣ битвы недостаточно,

¹⁾ „Militärische Jahresberichte für 1892“.

если оно не соединяется съ искусствомъ переносить изнуреніе и лишения“.

Военные писатели обращаютъ вниманіе еще на другую особенность въ русской арміи, а именно: на способность выносить холодъ. Въ „Militär Zeitung“¹⁾ находимъ разсказъ о дѣйствіяхъ двухъ русскихъ дивизій при двухнедѣльномъ маневрѣ въ варшавскомъ военномъ округѣ въ январѣ нынѣшняго года. Западный отрядъ перешелъ р. Наревъ при Остроленкѣ, отбросивъ противника, который, получивъ подкрѣпленіе, сосредоточился при Знайдовѣ, съ цѣлью атаковать 2-й наступавшій отрядъ и оттѣснить его за Наревъ. Всего находилось въ полѣ 26½ баталіоновъ, 10 эскадроновъ, 10 пѣшихъ и 1 конная батарея съ 86 орудіями.

При выступленіи изъ бивуаковъ утромъ термометръ Реомюра показывалъ 8 градусовъ ниже нуля, къ вечеру 14 градусовъ, въ теченіе ночи температура еще понизилась, и на слѣдующее утро было 20 градусовъ, а въ болѣе открытыхъ пунктахъ даже 22 градуса. Пѣхота размѣстилась въ шатрахъ разной величины: наиболѣе пригодными оказались шатры изъ 11 составныхъ частей, рассчитанные на 15—18 человекъ, а также шатры изъ 24 частей съ 8 устоями, служившіе для 36—40 чел. Температуру въ этихъ шатрахъ, при 14—20 град. снаружи удавалось доводить до 4 градусовъ и даже до 0. Войска были обильно снабжены дровами и соломой, такъ что люди могли постоянно грѣться у огня. Люди находились въ вполне бодромъ расположеніи, и все обошлось благополучно, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ отмороженія ушей, носовъ и пальцевъ.

Въ офицерскихъ палаткахъ было гораздо холоднѣе, чѣмъ въ шатрахъ, но при помощи хорошихъ лампъ, согрѣвались и палатки; въ одной изъ нихъ, благодаря яркой лампѣ, температура была доведена даже до +9°. На второй день холодъ, начавшійся съ 20 градусовъ, уменьшился затѣмъ до 15°. Но дѣйствія происходили безпрепятственно, какъ будто не было мороза. Артиллерія занимала позиціи и открывала огонь, кавалерія производила атаки, пѣхота двигалась и стрѣляла совершенно правильно. Маневръ доказалъ полную способность войскъ всѣхъ родовъ оружія дѣйствовать и въ жестокую стужу, съ тѣмъ лишь, чтобы были теплая одежда, дрова и солома.

¹⁾ № 9, März, 1893.

Въ настоящее время, при развивающемся повсемѣстно стремленіи къ увеличенію удобствъ жизни, искусство это можетъ сильно повліять на вѣсы военныхъ успѣховъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что многочисленность нынѣшнихъ армій значительно увеличитъ необходимость выносливости солдатъ. Размѣстить громадное число солдатъ на квартирахъ будетъ невозможно. Часть ихъ во всякомъ случаѣ должна будетъ оставаться на бивуакахъ. Обеспечить такое количество людей продовольствіемъ будетъ тоже дѣломъ нелегкимъ, мѣстная реквизиція окажется недостаточною и на полное удовлетвореніе всѣхъ нуждъ рассчитывать будетъ невозможно.

На полѣ битвы.

Послѣ частнаго разъясненія разныхъ сторонъ дѣла, какъ-то разсмотрѣнія составныхъ частей арміи, средствъ войны и разныхъ, входящихъ въ нее, элементовъ, мы можемъ приступить теперь къ болѣе общему обозрѣнію того, въ какомъ видѣ, по взглядамъ специалистовъ, представится въ будущемъ самый ходъ военныхъ дѣйствій.

Каждое значительное сраженіе представляетъ собой совмѣстное дѣйствіе пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, которыя—какъ бы пальцы одной руки—силятся сломить противника. Отсутствие котораго-либо изъ этихъ пальцевъ равнялось бы съ увѣчемъ, дѣлало бы невозможнымъ для арміи тѣ или другія операціи. Предшествующія главы даютъ понятіе о значеніи въ бою пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; теперь мы должны связать изложенныя тамъ частности, соединивъ ихъ въ общую картину самаго боя.

Но при нынѣшнемъ состояніи науки о войнѣ, то-есть при такомъ положеніи, что прежніе примѣры уже лишились въ значительной части значенія, въ виду того переворота, какой произошелъ въ военной техникѣ, а самое влияніе этой усовершенствованной техники не было еще провѣрено опытомъ большой войны, естественно, что еще нельзя представить точной и законченной картины, а возможно дать лишь

эскизъ, въ которомъ многое по необходимости явится лишь гипотетическимъ.

Полагая, что каждаго развитаго человѣка долженъ интересовать этотъ вопросъ, мы рѣшаемся—основываясь, какъ всегда, на мнѣнiяхъ военныхъ писателей — дать приблизительный набросокъ той картины, какую можетъ представить современное значительное сраженiе.

I.

Общiя правила.

Наиболѣе общiя правила при веденiи войскъ въ бой и направленiи ихъ во время битвы останутся, конечно, и впредь тѣ же, какiя употреблялись доселѣ. Главное правило заключается въ томъ, чтобы получить превосходство силъ. Понятно, что первой заботой командующаго будетъ, какъ это изложено нами въ предшествующемъ отдѣлѣ, сосредоточить на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствiй возможно большiя силы, такъ чтобы обезпечить за собой численное превосходство надъ непрителемъ, пустить въ дѣйствiе лучшiя войска и размѣстить ихъ въ виду битвы наиболѣе рациональнымъ образомъ.

Прежде всего явится, поэтому, необходимость возможно точныхъ свѣдѣнiй о составѣ, расположенiи и движенiяхъ войскъ противника. Необходимость такихъ свѣдѣнiй нынѣ еще возросла противъ прежняго и потому въ европейскихъ армiяхъ принимаются мѣры къ тому, чтобы возможно было пополнять то, что разъѣзды могутъ увидѣть сами, различными вспомогательными средствами и разспросами мѣстнаго населенiя. Съ этой цѣлью въ армiяхъ введено обученiе языкамъ сосѣднихъ народовъ. Такъ, германскiе офицеры не только учатся по-русски у себя дома, но въ нѣкоторомъ числѣ ежегодно отправляются для этого въ Россiю. Въ австрiйскихъ войскахъ много славянъ, изъ числа которыхъ поляки и русины знаютъ или легко могутъ понять народный языкъ вѣроятнаго театра будущей войны, и военное управленiе старается размѣщать нѣкоторое ихъ число по всѣмъ частямъ войскъ. Среди русскихъ офицеровъ довольно распространено знанiе нѣмецкаго языка, а мадьярскому языку они, по отзыву петербургскихъ газетъ, также обучаются.

Подготовить сильный ударъ въ существенномъ пунктѣ въ то время, какъ пункты второстепенные только обороняются, причѣмъ стремиться занять силы противника, не позволяя ему сосредоточить ихъ къ мѣсту, которое будетъ имѣть рѣшающее значеніе — такова вторая забота, вторая задача полководца на полѣ битвы.

Въ видѣ примѣра, приводимъ нѣкоторыя черты битвы подъ Аустерлицомъ, на которую одинъ извѣстный авторъ ¹⁾ осылается, какъ на одинъ изъ образцовъ такого рода комбинаціи.

Посредствомъ разныхъ хитростей Наполеонъ завлекалъ русскія войска на опасную мѣстность между Лейтою и Гольдбахомъ, приказавъ Сульту сильно ударить въ центръ противника, расположившійся на возвышенной плоскости Протцена; свой лѣвый флангъ онъ усиливалъ вовсе не съ цѣлью дѣйствовать имъ, но для того только, чтобы наступающій противникъ считалъ правый флангъ ослабленнымъ; корпусъ Даву отъ поставилъ временно позади праваго фланга, съ тѣмъ, чтобы этотъ сильный резервъ выдвинулся въ передовую линію, какъ только дѣло серьезно завяжется. Итакъ, Наполеонъ притворялся слабымъ для того, чтобы побудить русскія войска къ наступленію въ желаемомъ имъ направленіи и тогда энергично воспользоваться преимуществами мѣстности, введя въ дѣйствіе всѣ силы.

Въ настоящее время умножились средства, къ которымъ можетъ прибѣгать военная хитрость, чтобы обмануть непріятеля. Въ современныхъ арміяхъ стараются заблаговременно изучить сигналы, употребляемые сосѣдями, чтобы производить замѣшательство въ ихъ войскахъ, нѣкоторыя части могутъ даже переодѣваться въ мундиры непріятеля ²⁾, изучаются способы перехватывать пробѣгающія по телеграфнымъ проволокамъ депеши ³⁾. Кромѣ того, такъ какъ найдутъ широкое примѣненіе такія средства, какъ наблюденіе съ вышекъ и аэростатовъ, употребленіе сильнаго электрическаго и керосинового освѣщенія, чтобы распознавать положеніе противника, то къ этимъ средствамъ будутъ прибѣгать и нарочно, съ цѣлію ввести непріятеля въ заблужденіе.

Наполеонъ говорилъ: „Не слѣдуетъ рѣшаться на битву — таково это правило — иначе, какъ если можно разсчитывать

1) Waldor de Heusche. Tactique d'autrefois. „Revue Militaire Belge“. 1893.

2) Oméga. „L'art de combattre“.

3) Pierron, „Méthodes de guerre“.

на 70 шансовъ успѣха изъ 100; да и тогда слѣдуетъ начинать битву лишь въ случаѣ, если прибыли еще новые, сверхъ расчета, виды на побѣду. Когда же битва уже начата, должно побѣдить, или погибнуть“. Правило это и въ будущихъ войнахъ должно будетъ примѣняться, но, при нынѣшнихъ, крайне усложненныхъ условіяхъ боя, сомнительно, чтобы можно было считать успѣхъ.

II.

Наступленіе и оборона.

При дѣйствіи противъ арміи, расположившейся на сильныхъ позиціяхъ, ею выбранныхъ, нынѣ, въ виду крайней трудности атакъ на таковыя, часто придется обходить ихъ съ фланговъ. Но такъ какъ и противникъ въ такомъ случаѣ предприметъ необходимыя контръ-движенія нѣкоторыми своими частями, то при этомъ должны будутъ произойти столкновенія на самыхъ переходахъ, и тогда почти невозможны никакіе расчеты, такъ какъ все будетъ зависѣть отъ неизвѣстныхъ впередъ условій встрѣчи и начального момента боя. Эти замѣчанія относятся собственно къ сторонѣ наступающей. Но и для обороняющейся стороны, сверхъ указаній о самомъ расположеніи на позиціяхъ, далеко не всегда окажется возможнымъ на самомъ дѣлѣ исполнить предварительный планъ, такъ какъ многое будетъ зависѣть отъ самага способа веденія атаки и степени ея успѣшности на тѣхъ или другихъ пунктахъ.

Въ отношеніи стратегическомъ, возможно, что обѣ стороны будутъ намѣрены дѣйствовать наступательно, какъ то было при началѣ войны 1870 года, когда имѣли въ виду наступленіе не только нѣмцы, но и французы, шедшіе на войну съ кликомъ „à Berlin“ и имѣвшіе въ рукахъ карты одной лишь Германіи. Въ такомъ случаѣ успѣшное вступленіе большими силами въ непріятельскую страну окажется возможнымъ для той стороны, которая скорѣе успѣетъ вполне мобилизовать свою армію или будетъ имѣть еще въ мирное время достаточное число войскъ вблизи непріятельской границы.

Но едва-ли не чаще будетъ происходить такъ, что одна сторона предпочтетъ выжидать въ своей странѣ наступленія противника, рассчитывая на то, чтобы встрѣтить его на удобномъ для себя театрѣ войны, въ избранныхъ условіяхъ мѣстности, съ намѣченными впередъ и укрѣпленными позиціями,

словомъ, займетъ первоначально положеніе оборонительное; другая же сторона, вторгаясь въ предѣлы своего противника, бросится на важнѣйшіе пункты, чтобы захватить ихъ и опереться на нихъ, предоставляя противнику перейти въ наступленіе, и постараться выбить изъ нихъ вторгнувшіяся силы. При этомъ эти послѣднія рассчитывали бы одновременно на двѣ выгоды: во-первыхъ, на ту, что военныя дѣйствія происходили бы на территоріи непріятеля, а во-вторыхъ, на то преимущество, какое скорострѣльное оружіе и бездымный порохъ даютъ защищающему позиціи передъ атакующимъ ихъ.

Но въ такомъ случаѣ представляется еще сомнительнымъ, захочетъ ли противникъ исполнить предназначаемую роль и не предпочтетъ ли выжидать дальнѣйшихъ шаговъ непріятеля, который не можетъ оставаться неопредѣленное время неподвижнымъ, но, опираясь на занятые имъ пункты, долженъ будетъ двинуться впередъ, то-есть принять рѣшительную битву все-таки въ тѣхъ условіяхъ мѣстности, какія въ самомъ началѣ имѣлись въ виду обороняющимся.

Этотъ основной, стратегическій вопросъ, который представится, можетъ быть, при самомъ началѣ войны, и тѣ послѣдствія, какія можетъ вызвать то или другое его разрѣшеніе, усложняется еще вопросами свойства экономического и всецѣло находится въ зависимости отъ военно-политическихъ плановъ.

Теперь же мы должны возвратиться къ атакѣ и оборонѣ въ смыслѣ тактическомъ. Опытъ послѣднихъ войнъ выработалъ убѣжденіе, что атака фронта въ открытой мѣстности, при всемъ стараніи пользоваться мелкими неровностями почвы, бываетъ сопряжена съ громадными потерями и далеко не всегда сопровождается успѣхомъ. Одною дѣйствія рѣдкой стрѣлковой цѣпью не можетъ быть достаточно для окончательнаго рѣшенія; какъ было упомянуто выше, по надлежащемъ подготовленіи артиллерійскимъ огнемъ линіи противника, рѣшительный натискъ начинается съ постепеннаго сгущенія цѣпи стрѣлковъ, постоянно питаемой изъ приближенныхъ резервовъ.

Но и при самомъ старательномъ подготовленіи атаки артиллерію, при наиболѣе осторожномъ избраніи для нея лишь такого момента, когда противникъ долженъ уже считаться ослабленнымъ и даже отчасти разстроеннымъ, потери атакующаго, если ряды его густы, все-таки могутъ быть еще весьма велики. Въ виду этого, при нынѣшнемъ составѣ армій весьма вѣроятно,

что командующіе, особенно въ нѣкоторыхъ изъ европейскихъ армій, готовы будутъ предпочитать какія-либо иныя средства дѣйствія—прямой атакѣ на укрѣпленныя позиціи, какъ бы даже значительно ни представлялась имъ, въ томъ или другомъ случаѣ, вѣроятность успѣха.

Съ тѣхъ поръ, какъ арміи состоятъ уже не изъ профессиональныхъ солдатъ, а изъ всего населенія извѣстныхъ возрастовъ, большія потери отзовутся не только горемъ, но и разореніемъ для множества семей, то-есть, произведутъ неудовольствіе среди избирателей, къ которому и правительства не могутъ быть равнодушны. Нѣкоторое указаніе даетъ въ этомъ случаѣ примѣръ смѣны генерала Штейнмеца ¹⁾, полководца дѣйствительно блестящаго. Онъ приобрѣлъ славу еще въ войнѣ 1866 года съ Австріею. Въ франко-германскую войну ему ввѣрили было начальство надъ передовой арміею. Отличаясь смѣлою отвагой, бросавшійся всегда въ самый пылъ сраженій и постоянно счастливый, Штейнмецъ могъ сдѣлаться кумиромъ общественнаго мнѣнія. При самомъ началѣ войны съ французами, онъ одержалъ побѣду при Спихернѣ, что при тогдашней неувѣренности, на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ войны, должно было сильно воодушевить армію. Но у Штейнмеца былъ одинъ недостатокъ—онъ не жалѣлъ солдатъ. Побѣда его стоила огромныхъ жертвъ, и вслѣдствіе того онъ былъ уволенъ отъ командованія. Къ этому мы добавимъ только свое замѣчаніе, что главный штабъ обвинялъ Штейнмеца въ отступленіи отъ данныхъ ему инструкцій съ цѣлью отличиться побѣдой, которой послѣдствія не соотвѣтствовали великости потерь. Но кромѣ недовольства начальствующихъ сферъ, въ данномъ случаѣ была, очевидно, сдѣлана уступка въ виду впечатлѣнія, произведеннаго этимъ кровопролитнымъ дѣломъ въ многочисленныхъ семьяхъ, понесшихъ неознаградимыя потери.

Командующій не легко рѣшится на атаку противъ укрѣпленныхъ позицій еще и потому, что краткосрочность службы (отнынѣ двухгодичный срокъ въ германской пѣхотѣ) не даетъ людямъ, при всей старательности обученія, достаточнаго навыка къ пользованію естественными закрытіями. Такъ, Чарльзъ Дилькъ ²⁾ говоритъ: „французы (на маневрахъ) недостаточно

¹⁾ Sydney Whitman. „Psychologie der deutschen Armée“.

²⁾ „L'armée française“, pp. 49, 50.

заботятся о пользованіи закрытіями, а офицеры считаютъ это неважнымъ, полагая, что подь огнемъ люди принуждены будутъ дѣлать то, чѣмъ пренебрегаютъ во время маневровъ⁴. Въ такомъ же родѣ отзывается Рейнакъ¹⁾: „иные командиры ведутъ свои части такъ, что подь дѣйствительнымъ огнемъ въ нихъ выбыли бы двѣ трети изъ строя“.

Впрочемъ о данныхъ за и противъ наступательной и оборонительной системы веденія войны мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ²⁾.

Изъ данныхъ о времени, необходимомъ для сосредоточенія войскъ, приведенныхъ въ главѣ о движеніи войскъ къ полю битвы, читатели могли убѣдиться, что, при имѣннн въ войскахъ шанцеваго инструмента, всегда будетъ достаточно времени для производства легкихъ земляныхъ оборонительныхъ работъ, исключая, конечно, случаевъ, когда почва окажется промерзлой, болотистой или каменистой. Напомнимъ, что рота, при помощи собственнаго инструмента, можетъ въ теченіе $2\frac{1}{4}$ часовъ выкопать закрытіе, достаточно для стрѣлковой цѣпи, длиною въ 250 шаговъ. Небольшіе окопы, длиною въ 100 шаговъ, для прикрытія цѣлой роты требуютъ также не болѣе $2\frac{1}{4}$ часовъ, а окопы значительные и прикрытія для орудій отъ $2\frac{1}{2}$ до 8 часовъ времени. Батарея также снабжена шанцевымъ инструментомъ, такъ что въ теченіе $2\frac{1}{2}$ до 8 часовъ (смотря по величинѣ работы) можетъ насыпать прикрытіе для своихъ орудій³⁾.

Аттакъа во всякомъ случаѣ будетъ соединена съ болѣшими усиліями и потерями, чѣмъ оборона, но она представляетъ и нѣкоторыя преимущества. При равенствѣ силъ обѣихъ сторонъ, за атакующимъ то преимущество, что онъ дѣйствуетъ болѣе сознательно, что починъ на его сторонѣ, что онъ создаетъ тѣ условія, съ которыми должна считаться оборона, и, наконецъ, что воодушевленіе людей въ его рядахъ болѣе, но, что всего важнѣе, какъ говоритъ одинъ писатель⁴⁾: „Аттакъа можетъ утомить оборону. Возможно ли предположить, что отрядъ, постоянно угрожаемый въ теченіе хотябы полутора сутокъ, безпокойный день и ночь легкими батареями и стрѣлками, выдвигаемыми впередъ,

1) „Les grandes manoeuvres de l'Est“.

2) „Руск. Вѣст.“ февраль, стр. 18—21.

3) Kirgie. „Handbuch für ausarbeitung taktischer Aufgaben“. Gratz. 1892 г.

4) Commandant Radoux. „Combats futurs“.

со всѣми признаками немедленнаго начала атаки—выдержать на своихъ линіяхъ? Скажутъ, что онъ будетъ смѣненъ другими частями. Но осуждать дѣлыя массы на такую пассивность, дозволяющую противнику разныя стратегическія комбинаціи, не рѣшится ни одинъ командующій. Этой угнетательной, въ смыслѣ нравственномъ, оборонѣ можетъ быть положенъ конецъ только—ударомъ на противника, хотя бы въ рукопашную“.

Изъ всего предшествующаго слѣдуетъ, что точныхъ правилъ дѣйствія на полѣ битвы наука въ настоящее время не даетъ. Ихъ можетъ выработать только практика будущей войны—для войнъ послѣдующихъ, если онѣ, въ виду страшнаго опыта, еще окажутся возможными. Князь Бисмаркъ, котораго миѣніе заслуживаетъ вниманія, хотя бы уже потому, что онъ въ продолженіе 25-ти лѣтъ былъ посвященъ въ тайны и предположенія главнаго штаба, высказалъ слѣдующій взглядъ. „По началіи войны произойдутъ, быть можетъ, одновременно 3—4 битвы въ разныхъ пунктахъ. Исходъ ихъ можетъ рѣшить судьбу всей войны. Каждая изъ нихъ можетъ произойти при участіи съ той и другой стороны по 200 и наиболѣе—по 250 тыс. человекъ. И такъ, для начала дѣйствій, самаго опаснаго, если не рѣшающаго всю войну, потребуется всего миллионъ солдатъ; больше силъ нельзя будетъ пустить въ дѣло, и таковыя потребуются развѣ для резервовъ или въ предвидѣніи дальнѣйшихъ битвъ, которыя могутъ уже и не состояться“¹⁾.

Итакъ, и кн. Бисмаркъ предвидитъ возможность столь сильныхъ потерь при первомъ же массовомъ столкновеніи, что продолженіе войны можетъ, несмотря на миллионы штыковъ въ резервѣ, оказаться невозможнымъ. Это согласно съ высказаннымъ нами выше взглядомъ, въ отдѣлѣ артиллеріи, по поводу впечатлѣнія, какое могутъ производить извѣстія съ театра войны о случившихся катастрофахъ—на тѣ миллионы запасныхъ, которые будутъ призваны на войну послѣ первыхъ миллионѣвъ, состоявшихъ изъ людей младшаго возраста. Намъ нѣтъ необходимости повторять, что впечатлѣніе это можетъ на Западѣ имѣть и политическое значеніе.

¹⁾ Fortnightly Review. Отчетъ G. W. Smalley. 1893 г. июнь.

III.

Картина битвы при порохѣ обыкновенномъ.

Изъ числа многихъ афоризмовъ Наполеона, дошедшихъ до насъ вслѣдствіе своей мѣткости, мы уже разъ привели одно, касающееся способа возбуждать битву: „надо, говорилъ онъ, задѣть непріятеля, а потомъ подумать, что дѣлать дальше“. Это правило можно было наблюдать въ началѣ нынѣшняго вѣка, когда арміи хотя и были многочисленны, но, соображаясь съ тогдашней тактикой и, главное, съ сомкнутымъ строемъ, бывшимъ въ ходу въ то время, занимали небольшія пространства въ сравненіи съ нынѣшними. Теперь же правиломъ этимъ руководствоваться не представляется никакой возможности. Арміи будутъ занимать такія обширныя пространства, что полководецъ, который рѣшится въ такихъ условіяхъ дать рискованное сраженіе, безъ предварительнаго плана, не могъ бы ни повести его, ни объять его хода, ни даже ориентироваться въ положеніи.

Изъ сочиненія фонъ-дербъ-Гольца ¹⁾, которое можно признать классическимъ, приводится здѣсь въ сокращеніи картина примѣрнаго сраженія. Позволяемъ себѣ эту, хотя и сокращенную, выписку для того, чтобы нѣсколько сухія теоретическія разсужденія оживить примѣромъ того, что дѣйствительно происходитъ во время битвы. Правда, эта картина не есть описаніе какой-либо данной, реальной битвы, а только типъ битвы; но тѣмъ не менѣе картина эта составлена на основаніи подробныхъ описаній и разсказовъ лицъ, участвовавшихъ въ сраженіяхъ.

Гольцъ описываетъ сперва битву „случайную“, затѣмъ упоминаетъ о тѣхъ различіяхъ, какія представляетъ, сравнительно, битва, входившая въ планъ главнокомандующаго. Описаніе это составлено на основаніи данныхъ о битвахъ, происходившихъ при обыкновенномъ порохѣ. Но такъ какъ бездымный порохъ въ большихъ битвахъ еще не употреблялся, то пока можно только прибавить затѣмъ нѣсколько замѣчаній о тѣхъ измѣненіяхъ въ ходѣ дѣла, какія можетъ произвестъ введеніе этого новаго пороха, что мы и сдѣлаемъ.

¹⁾ „Das Volk in Waffen“.

„Непріятель наканунѣ, покинувъ позиціи, произвелъ движенія, цѣль которыхъ мы не поняли. Предполагая, что онъ намѣренъ отступить на одну изъ ближайшихъ оборонительныхъ линій, мы надѣялись предупредить его въ этомъ. Основываясь на такихъ соображеніяхъ, главнокомандующій приказываетъ: быстрое наступленіе. Приказъ выражаетъ собой лишь общее намѣреніе добраться до врага и атаковать его, но для нашихъ командировъ этого вполне достаточно.

„Предпринятіе усиленныхъ рекогносцировокъ и распорядокъ относительно взаимной поддержки, въ случаѣ столкновенія, вызываютъ безпокойство нѣсколько большее, чѣмъ съ какимъ обыкновенно на войнѣ ожидается наступающій день. Кавалерія трогается съ восходомъ солнца. Маршевыя колонны тоже выступаютъ. Довольно долго это движеніе продолжается безпрепятственно. Въ войскахъ начинаетъ возникать подозрѣніе, что непріятель успѣшилъ воспользоваться ночнымъ временемъ для своихъ движеній и отступилъ.

„Вдругъ получаютъ первыя донесенія. Одновременно раздаются первые выстрѣлы. Оказывается, что мы столкнулись съ слабымъ авангардомъ непріятеля, исчезнувшимъ подъ прикрытіемъ кустарника, домовъ и деревьевъ. Все смолкло, но не долго. Снова начинается перестрѣлка. Донесенія приходятъ все чаще и чаще. Изъ нихъ оказывается, что не только встрѣчались непріятельскіе разъѣзды и авангардные отряды, но уже усмотрѣны движущіяся колонны противника и даже его обозъ. Представляется вѣроятность нанести чувствительный уронъ, разбить его, отрѣзать часть его силъ. Начальникъ авангарда полетѣлъ къ кавалеріи, собравшейся на опушкѣ лѣса. Говорятъ, что съ сосѣдняго холма виденъ непріятель и что начальникъ авангарда поѣхалъ туда съ нѣсколькими изъ начальствующихъ кавалеріи, чтобы сообща установить шансы момента. Войска построены къ наступленію; извѣстно, что непріятеля предполагаютъ атаковать. Такой моментъ нельзя пропустить. Адъютантъ скачетъ назадъ съ приказомъ выѣхать батареѣ авангарда на позицію, но она уже подѣзжаетъ къ мосту. Командиръ батареи, съ какой-то высоты разсмотрѣвъ мѣстность, взялъ на свою отвѣтственность обогнать пѣхоту. Съ другой стороны подѣехала другая конная батарея. Обѣ принялись за частую пальбу. Противникъ, очевидно, застигнутъ врасплохъ, намѣреніе удалось. Въ атакующихъ возбуждается пылъ нетерпѣнія. Войска получаютъ приказъ ускорить шагъ. Первый баталіонъ

уже подходит, покрытый пылью, во главѣ съ своимъ командиромъ. Онъ подоспѣлъ во-время, потому что противъ батареи, дѣйствовавшей доселѣ удачно и бывшей подъ прикрытіемъ одной лишь конницы, начинаютъ дѣйствовать стрѣлки. Генералъ даетъ приказъ прикрыть лѣвую сторону батареи и отгѣснить приблизившагося непріятели. Командиръ баталіона, хотя смутно понимающій происшедшее до его прихода, не допрашиваетъ о подробностяхъ, замѣчая, что начальникъ находится въ состояніи раздраженія, какъ бы недовольный происшедшимъ.

„Указавъ баталіону направленіе, откуда свистятъ пули, онъ измѣняетъ фронтъ баталіона. Тотчасъ возникаетъ излишество командъ; обыкновенно является какое-нибудь недоразумѣніе, которое вліяетъ на соображеніе и даже на силу командующаго голоса. Баталіонъ приближается къ непріятелю, огонь котораго мгновенно оживляется. Видно, что мѣстность, къ которой направился баталіонъ, только-что получила новое подкрѣпленіе. Потери становятся чувствительными. Тѣмъ не менѣе колебаться нельзя. Ничего не остается, какъ идти впередъ разсыпнымъ строемъ и изъ порѣдѣвшихъ рядовъ образовать стрѣлковую цѣпь. Мужественно надвигаясь на непріятели, она уже выбила его изъ разныхъ пунктовъ, но онъ появляется въ другихъ, и даже какая-то батарея его начинаетъ отвѣчать. Явился второй баталіонъ и тотчасъ получилъ приказъ прикрыть артиллерію съ другаго фланга. Участъ втораго баталіона — повтореніе участи перваго. Полковой командиръ, обезпокоенный раздѣленіемъ его полка, является во главѣ другой половины его. Въ концѣ концовъ вся пѣхота авангарда входитъ въ сферу огня. Между тѣмъ оказывается, что непріятели сильнѣе, чѣмъ предполагали. Уже нѣсколько его батарей начали дѣйствовать.

„На холмѣ замѣчается движеніе — пріѣхалъ корпусный командиръ. Сначала на лицѣ его отразилось неудовольствіе на то, что произошло, но, послѣ выслушанія объясненій, онъ одобрилъ распоряженія, тѣмъ болѣе, что измѣнить ихъ уже не представлялось возможности. Прежде всего для поддержанія равновѣсія онъ приказываетъ усилить артиллерійскій огонь. Главныя силы артиллеріи выѣхали впередъ. Но вдругъ въ сторонѣ непріятели замѣчается новое явленіе, какое-то блѣдно-сѣрое пятно. Однимъ показалось, что это облако, другіе утверждаютъ, что пыль. Скоро однако всякое сомнѣніе исчезаетъ: это пыль, поднявшаяся отъ подходящаго къ мѣсту битвы какого-то значительнаго отряда. Является вопросъ, какъ великъ этотъ отрядъ?

Корпусный командиръ находитъ нужнымъ освѣдомить сосѣднiе корпуса о происшедшемъ. Летятъ во всѣ стороны ординарцы съ приказами устными или написанными карандашемъ.

„Теперь перенесемъ читателя къ особѣ главнокомандующаго.

„Съ утра онъ оставилъ главную квартиру на прежнемъ мѣстѣ, чтобы дать возможность штабу поработать до обѣда, предполагая послѣ полудня подвинуть ее вслѣдъ за войсками. Безпокоясь о сегодняшнемъ движенiи войскъ, онъ однако никакъ не ожидаетъ донесенiй о происшедшей стычкѣ. Но вотъ распространяется слухъ о слышанной вдаль канонадѣ. Начинаются догадки и споры. Часто случается, что нельзя разобрать, кто стрѣляетъ, свои или чужие. Нѣсколько свободныхъ отъ занятiй офицеровъ отправились на возвышенные пункты, окружающiе селенiе, и возвратились съ извѣстiемъ, что можно распознать даже ружейную стрѣльбу и что вообще сраженiе принимаетъ серьезный оборотъ. Въ то же время прибываетъ донесенiе отъ авангарда корпуса, высланное имъ еще въ тотъ моментъ, когда ему казалось, что передъ нимъ одна передовая цѣпь непрiятельскаго авангарда. Донесенiе понимается въ томъ смыслѣ, что произошла мелкая стычка, не вызывающая надобности предпринимать что-либо существенное. Все успокаивается и на время интересъ къ событiю дня умалется. Черезъ часъ приходитъ рапортъ корпуснаго командира. Не упоминая о силѣ непрiятеля, онъ увѣдомляетъ, что рѣшилъ атаковать его всѣми имѣющимися у него силами. Дѣло представляется въ болѣе серьезномъ видѣ, и канонада слышна явственнѣе.

„Находящiйся здѣсь случайно офицеръ сосѣдняго корпуса получаетъ порученiе отъ главнокомандующаго отвезти приказанiе корпусному командиру принять участiе въ боѣ. Одинъ изъ офицеровъ главной квартиры отправляется на мѣсто битвы. Между тѣмъ шумъ сраженiя усиливается, и не замѣтно, чтобы онъ отдалялся. Сѣдлаютъ коней, и предполагавшееся на сегодня перемѣщенiе главной квартиры отмѣняется. Донесенiя не приходятъ, что заставляетъ предполагать, что произошло нѣчто неожиданное. Приѣзжаетъ, наконецъ, ординарецъ, но не съ мѣста боя, а изъ того корпуса, который еще не принималъ участiя въ бою. Ординарецъ приѣхалъ съ извѣстiемъ, что корпусъ свернулъ съ указаннаго ему пути, чтобы всѣми силами торопиться на поле сраженiя, и что ближайшимъ отрядамъ дано знать о настоятельности помощи. Слово „поле сраженiя“ производитъ сильное впечатлѣнiе.

„Главкомандующій скачетъ въ сторону, откуда слышны выстрѣлы, и догоняетъ войска, торопливо идущія въ бой, среди торжественнаго молчанія.

„Вскорѣ подвозятъ раненныхъ, а затѣмъ появляются и плѣнные. Чѣмъ дальше, тѣмъ число тѣхъ и другихъ увеличивается. Съ ближайшихъ возвышенностей спускаются новыя войска и тянутся къ мѣсту дѣйствія. Признаки близости большаго сраженія растутъ очевидно. По обѣ стороны дороги устраиваются перевязочные пункты, полевые лазареты и санитары развиваютъ большую дѣятельность, раненые прибываютъ массаами. Явились посланные съ поспѣшнымъ требованіемъ подвоза снарядовъ. Громъ изъ орудій и трескъ ружейной пальбы сливается въ одинъ непрерывный грохотъ. Въ сторонѣ надъ лѣсомъ уже кое-гдѣ лопаются непріятельскія гранаты и шрапнели. Бѣлый дымокъ явственно рисуется на ясномъ фонѣ неба. Общіе громкіе крики „ура!“ встрѣчаютъ со всѣхъ сторонъ главнокомандующаго. Изъ нѣсколькихъ словъ привезеннаго раненаго офицера нельзя ничего узнать.

„Главкомандующій и его свита останавливаются на холмѣ, съ котораго нѣсколько часовъ передъ тѣмъ стрѣляла первая батарея. Большое число убитыхъ и раненыхъ показываетъ, что здѣсь происходила серьезная борьба. Войска подвинулись впередъ, но немного. Передъ глазами военачальника теперь уже рисуется картина сраженія. Длинныя линіи батарей стоятъ однѣ противъ другихъ. Ряды дымковъ у холмовъ означаютъ разорванную стрѣлковую цѣпь, въ одномъ мѣстѣ уходящую впередъ, въ другомъ—отступившую назадъ. Тамъ и сямъ виднѣются укрытые за неровностями грунта отряды въ сомкнутомъ строѣ. Позади непріятельскаго фронта виднѣются движенія частей войска. Пыль, пороховой дымъ и дымъ отъ загорѣвшихся строеній застилаютъ все поле битвы и не даютъ возможности точно опредѣлить цѣль этихъ движеній. Въ болѣе отдаленной мѣстности чернѣютъ неподвижныя колонны войскъ. Всего разстоянія, на которое растянулся фронтъ, нельзя опредѣлить, но громъ отдаленныхъ орудій ясно указываетъ, что оба крыла его исчезли за горизонтомъ. Генераль явился къ главнокомандующему съ доносеніемъ о ходѣ битвы.

„Не остается сомнѣнія: передъ нашими глазами разыгралась не простая стычка, а настоящая, рѣшающая битва.

„Въ такомъ положеніи вещей перетянуть на свою сторону вѣсы успѣха можетъ тотъ изъ полководцевъ, кто раньше дру-

гаго остановится на опредѣленномъ рѣшеніи, кто лучше осудить дальнѣйшій ходъ битвы.

„Но это не такъ легко, какъ можетъ показаться кому-нибудь, незнающему, что такое сраженіе. Полководцу придется моментально сообразить и рѣшить цѣлую массу деталей, изъ которыхъ возникаютъ отдѣльные вопросы. Онъ замѣчаетъ, что одна часть войскъ зарывається, ее надо остановить; другая часть уступаетъ позицію, ее надо поддержать, третья присылаетъ сама за помощью, четвертая извѣщаетъ объ истощеніи патроновъ, пятая доводитъ до свѣдѣнія, что ея флангу угрожаетъ обходъ. Начальники кавалеріи, артиллеріи ожидаютъ приказаній. Множество вопросовъ со всѣхъ сторонъ ждетъ разрѣшенія — вопросовъ, которые не терпятъ ни минуты отлагательства, угрожая въ противномъ случаѣ опасностями, между которыми, среди навалившейся на полководца массы подробностей, самая страшная для него опасность — упустить главную задачу, главное направленіе хода битвы.

„Избѣжать ея онъ можетъ только однимъ какимъ-нибудь рѣшительнымъ приѣмомъ, который сразу возобладать бы надъ всѣми деталями выполненія задачи, изъ котораго бы возникли всѣ прочія отдѣльныя распоряженія и привели бы къ одной цѣли. Только такимъ способомъ многочисленныя отдѣльныя части получаютъ общее направленіе, и всѣ движенія достигнутъ координаціи. Такой оборотъ можетъ рѣшить участь битвы, особенно если въ непріятельскихъ отрядахъ не окажется согласныхъ дѣйствій и если полководецъ ихъ колеблется и подолгу останавливаетъ свое вниманіе на подробностяхъ. Въ такія именно минуты и опредѣляются высшія способности полководца, который всегда одерживаетъ верхъ надъ военачальникомъ, хотя бы знающимъ и опытнымъ, но не одареннымъ искрой таланта. Первый можетъ ошибиться въ мелочахъ, можетъ невѣрно направить какой-нибудь отдѣльный отрядъ, но быстро сообразить общее положеніе и приметъ рѣшеніе. Другой же изъ тѣхъ, какихъ французы называютъ *le bon général ordinaire*—каждую батарею, каждый полкъ направить самымъ правильнымъ образомъ и, можетъ быть, самымъ соответственнымъ образомъ, но все это не будетъ заключать въ себѣ никакой внутренней связи. Безъ строгой дисциплины ума и сосредоточенія всѣхъ соображеній въ одномъ лицѣ, единство дѣйствій арміи прекращается и все идетъ въ разбродъ.

„Если вся кампанія хорошо задумана и сразу вѣрно направлена, то планъ битвы, какъ бы она ни началась, возникнетъ самъ собою изъ общей идеи, создавшей весь ходъ задуманнаго дѣла.

„Въ каждой битвѣ оправдывается старинная аксіома, по которой въ бою всегда обѣ стороны боятся другъ друга; кому первому удастся побороть это ощущеніе, тотъ становится хозяиномъ положенія, тотъ выйдетъ изъ него побѣдителемъ, ибо изъ всѣхъ существующихъ силъ наиболѣе могущественны тѣ, которыя овладѣваютъ душой человѣка, наполняя ее то озабоченностью и страхомъ, то самоувѣренностью. Нѣтъ никакой необходимости, чтобы мысль полководца была лучшей изъ всѣхъ, какія могутъ въ данномъ случаѣ зародиться въ головѣ. Еслибы онъ имѣлъ время обсудить всѣ условія и обстоятельства въ тишинѣ кабинета, то, конечно, былъ бы найденъ самый подходящий планъ. Въ сущности же на войнѣ достаточно, если военачальникъ остановится просто на удачной мысли. Но, разъ остановившись на ней, надо держаться ея крѣпко и въ самыхъ мелкихъ распоряженіяхъ не упускать заботы объ ея осуществленіи. Затѣмъ уже остается лишь не забывать общихъ основъ, которыя обязательны вездѣ и всегда.

„Въ *предназначенномъ* сраженіи условія нѣсколько иные, говоритъ фонъ-деръ-Гольцъ. Войска обѣихъ сторонъ стоятъ другъ противъ друга иногда очень долго. Каждый изъ противниковъ исподволь готовится всѣ средства, необходимыя, по его мнѣнію, для обезпеченія себѣ успѣха. Несмотря на величайшія предосторожности, противникамъ большею частью, однако, довольно точно извѣстны обоюдныя силы и расположеніе войскъ. Планъ сраженія можетъ быть составленъ послѣ хладнокровной оцѣнки данныхъ, добытыхъ тщательными рекогноспировками. Большихъ усилій стоитъ, чтобы удержать отъ столкновеній уже натыкающіеся другъ на друга передовые отряды, чтобы общая битва не началась преждевременно. Ночные огни бивуаковъ откровенно напоминаютъ о близости непріятеля. Командующіе приближаютъ свои главныя квартиры къ фронту. Каждый чувствуетъ, что близокъ моментъ, требующій отъ всѣхъ участниковъ полной готовности. Обоюдныя силы и всѣ разстоянія исчислены воюющими сторонами, хотя обѣ стороны держатъ въ тылу резервы и даже главныя силы, стараясь свѣдѣнія о нихъ сохранить въ тайнѣ. Наконецъ, выходитъ приказъ: начинать битву. Руководящая мысль при этомъ прояви-

лась съ первыхъ ея шаговъ; мысль возникла и обнаружилась, какъ выводъ предшествующихъ развѣдокъ, соображеній, совѣтовъ и продолжительнаго усиленнаго труда. Само собою разумѣется, она должна оставаться въ логической связи со взглядами и намѣреніями, относящимися къ общему ходу войны. Равнымъ образомъ необходима увѣренность въ томъ, что всѣ нужныя приготовленія исполнены. Если при этомъ непріятельскія силы хорошо опредѣлены, если солдаты храбры, то казалось бы, что успѣхъ обезпеченъ. Между тѣмъ центръ тяжести вѣроятія побѣды находится въ иномъ мѣстѣ.

„Ни одно сраженіе не разыгрывается въ точности такъ, какъ предполагается его вести заранѣе. Каждое приноситъ съ собою случайности и неожиданности, заставляющія отступать отъ первоначальнаго плана, отъ спокойно обдуманыхъ способовъ устраненія вѣрно предусмотрѣнныхъ случайностей. Дѣло полководца уловить моментъ, когда потребуется перейти отъ точнаго исполненія плана къ импровизаціямъ, другими словами, перейти отъ теоретически-правильнаго къ практически, въ данный моментъ, выгодному. Это тѣмъ труднѣе, что фантазія неохотно уступаетъ разсудку созданное ею представленіе о ходѣ сраженія“. Поэтому авторъ высказываетъ мнѣніе, что *случайная* и *преднамеренная* битвы ставятъ полководцу столь разнородныя требованія, что мастеръ руководить однимъ изъ типовъ сраженій можетъ совершенно сплеховать въ другомъ.

IV.

Сравненіе между битвами прошедшаго и будущаго.

Теперь обратимся къ тѣмъ измѣненіямъ, какія должно вызвать въ битвѣ употребленіе такъ называемаго бездымнаго пороха, при чемъ, однако, мы должны напомнить то, что было сказано въ соотвѣтствующей главѣ, а именно, что мнѣнія спеціалистовъ о вліяніи, какое окажетъ введеніе бездымнаго пороха, весьма несходны.

Но всѣ согласны въ томъ, что при бездымномъ порохѣ станетъ гораздо труднѣе ориентироваться относительно движеній противника. На самомъ полѣ битвы доселѣ цѣлыя облака дыму и ряды небольшихъ дымковъ позволяли распознавать распо-

ложение неприятельскихъ позицій. Это изображается на помѣщаемомъ здѣсь рисункѣ ¹⁾).

Очевидно, что начальникъ, находясь на какомъ-либо возвышенномъ пунктѣ за линіей огня, могъ судить о расположеніи какъ своихъ, такъ и неприятельскихъ войскъ по дымнымъ линіямъ: положеніе ихъ указывало на положеніе обѣихъ сторонъ; всѣ колебанія въ ходѣ боя, введеніе въ дѣло свѣжихъ частей, успѣхъ или неудача своей или неприятельской атаки, словомъ, малѣйшая перемѣна въ боевыхъ линіяхъ для начальника были ясны; по густотѣ дыма онъ могъ въ общихъ чертахъ судить о силѣ противника и о силѣ его огня.

Правда, что этотъ же дымъ скрывалъ точное расположеніе неприятеля, но развѣ нужно высшему начальнику знать, находится ли противникъ въ нѣсколькихъ метрахъ ближе или дальше отъ него? Единственное неудобство заключалось въ томъ, что дымъ скрывалъ движенія резервовъ; но въ будущихъ войнахъ на укрытіе резервовъ за складками мѣстности должно быть обращено самое строгое вниманіе, вслѣдствіе чего ихъ не такъ-то легко будетъ замѣтить ²⁾. При бездымномъ порохѣ высшій начальникъ будетъ въ состояніи разсмотрѣть самое большее нѣсколько неприятельскихъ батарей, опредѣлить же позицію противника, хотя бы и съ меньшей точностью, чѣмъ

¹⁾ „Revue Encyclopédique“. Paris 1892.

²⁾ „Военный Сборникъ“. Бездымный порохъ и его вліяніе на тактику.

прежде, если только будутъ умѣло пользоваться мѣстностью, сдѣлается фактически невозможнымъ.

Чтобы убѣдить въ этомъ, съ предшествующимъ рисункомъ сопоставимъ теперь такой, который изображаетъ поле битвы при употребленіи пороха бездымнаго.

Надо имѣть въ виду, что сверхъ невозможности распознавать движенія и позиціи по дыму, трудность ориентироваться насчетъ расположенія непріятели и относительно хода битвы вообще усилится еще тѣмъ обстоятельствомъ, что битвы станутъ занимать гораздо большее пространство, вслѣдствіе новой тактики, обусловленной усовершенствованнымъ оружіемъ; боевая линія вытянется, а сверхъ того расположеніе углубится позади отъ передовой цѣпи. Самое построеніе войскъ, какъ при атакѣ, такъ и при оборонѣ, въ настоящее время принято гораздо болѣе растянутое, чѣмъ при бывшихъ войнахъ. Германскій уставъ не даетъ подробныхъ указаній въ этомъ отношеніи, ограничиваясь общимъ опредѣленіемъ, что рота не должна развертываться на линіи длиннѣе 100 метровъ, что предполагаетъ примѣрно 3 чел. на метръ фронта, а бригада изъ 6 баталіоновъ—не болѣе, чѣмъ на 1.000—1.200 метровъ, что составляетъ уже 5 чел. на 1 метръ линіи фронта. При оборонѣ же или при дѣйствіи задержательномъ, на 1 метръ должны приходиться 1, много 2 чел. дѣйствующихъ; остальные должны служить для пополненія, хотя и въ бездѣйствіи ожиданія могутъ все-таки подвергаться огню [Kugelfang sein] ¹⁾.

¹⁾ К. v. R. Wie sollen wir im nächsten Kriege angreifen.

Послѣ этихъ необходимыхъ объясненій, обратимся къ сравненію вида битвы въ прошломъ, при обыкновенномъ порохѣ, и въ будущемъ, при порохѣ бездымномъ. „Пользуясь трудомъ французскаго автора, полковника В., сочиненіе котораго обратило на себя вниманіе компетентныхъ военныхъ сферъ, — предположимъ, что противникъ занимаетъ линію Туль-Вердёнъ, длиной въ 20 километровъ, въ мѣстности лѣсистой, неровной, благоприятной для обороны. Допустимъ, что силы наши состоятъ изъ 8 полныхъ корпусовъ, т. е. доходятъ до 280 тыс. чел. Для наступательнаго дѣйствія противъ нихъ, противникомъ, очевидно, стянуты силы превосходныя, положимъ, 360 тыс. чел.“

„Въ чемъ же будетъ разница при употребленіи бездымнаго пороха, сравнительно съ прежнимъ?“

„При прежнемъ порохѣ, какъ только обозначились бы головы нѣмецкихъ колоннъ — уже наступающихъ или еще только строящихся въ боевой порядокъ — наша артиллерія, укрытая отъ непріятеля, тотчасъ открыла бы огонь, рассчитанный на хорошо извѣстныя ей разстоянія, согласно дымамъ противника, съ точнымъ опредѣленіемъ прицѣловъ. Это вызвало бы въ его рядахъ моментъ колебанія для ориентировки въ нашихъ позиціяхъ и соотвѣтственнаго дѣйствія артиллеріей противъ насъ. И вотъ, дымъ, который поднялся бы надъ рошами, холмами, деревнями, служащими для насъ закрытіями, тотчасъ указалъ бы, гдѣ соединены наши батареи, гдѣ линія расположенія нашей пѣхоты, а это позволило бы нѣмцамъ направить свой огонь — залпъ за залпомъ — согласно съ нашимъ.“

„Но при нынѣшнихъ условіяхъ дѣло представится иначе. Не имѣя возможности точно распознать нашего расположенія, непріятель будетъ принужденъ приближаться къ намъ маршевыми колоннами, съ тѣмъ, чтобы развернуться тотчасъ по распознаніи нашей линіи. Но откуда же онъ получитъ разъясненія? Его поражаетъ изъ орудій огонь съ далекихъ дистанцій; мѣсто нахождения этихъ орудій очень трудно отнести къ точно опредѣленному пункту. Ни увидѣть, ни услышать, съ пригодной для себя точностью, онъ не можетъ, и здѣсь, въ особомъ смыслѣ, примѣнимы слова писанія: „очи имѣютъ и не видятъ, уши имѣютъ и не слышатъ“. Допустимъ, что рекогносцировка и иныя средства вразумятъ противника, но въ это время произошли перемѣны въ нашемъ расположеніи и, основываясь на добытыхъ свѣдѣніяхъ, онъ можетъ открывать огонь по пунктамъ,

никѣмъ не занятымъ, понапрасну тратить заряды, стрѣляя, какъ говорится, „по воробьямъ“.

Такимъ образомъ, бездымный порохъ обусловливаетъ продолжительныя безвѣстность и изысканія, а стало быть и потери, до тѣхъ поръ, когда командующій пойметъ истинное положеніе дѣла. Предполагая, что наступающій имѣетъ передъ собой способнаго и дѣятельнаго противника, періодъ колебаній можетъ отозваться для атаки огромными потерями“.

Полковникъ Б. заканчиваетъ замѣчаніемъ, которое обнимаетъ нѣсколько сторонъ дѣла. „Изъ моихъ соображеній слѣдуетъ, что бездымный порохъ обозначаетъ собой важный моментъ въ исторіи тактики. Роль кавалеріи въ битвѣ съузилась, а роль артиллеріи и пѣхоты приобрѣла гораздо большее значеніе; битвы будутъ начинаться съ большихъ дистанцій; новыми средствами оборона поставлена благопріятнѣе, чѣмъ атака, причемъ однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что оборона должна стремиться въ первый удобный моментъ перейти въ наступленіе, въ особенности же — къ концу дѣла, въ которомъ она отстояла свои позиціи“.

Эти предположенія французскаго военнаго писателя были замѣчены въ германской военной печати. „Neue Militär Blätter“ (октябрь, 1890) такъ отзывались по ихъ поводу: „мы принимаемъ къ свѣдѣнію положенія французскаго писателя-тактика. Многіе признаки указываютъ, что въ будущемъ французы намѣрены держаться такого образа дѣйствія: оборонительное положеніе, завлеченіе противника на позиціи и ослабленіе его, а затѣмъ—переходъ къ энергическому наступленію“.

V.

Побѣда и пораженіе.

Побѣда, являясь тактическимъ результатомъ боя, заключается въ одолѣніи противника. Одна изъ сторонъ въ извѣстный моментъ убѣждается въ превосходной силѣ непріятели и отказывается отъ продолженія борьбы. Послѣдствіемъ одержанной побѣды и какъ бы символомъ ея представлялись въ бывшихъ доселѣ войнахъ занятіе побѣдителемъ поля битвы и преслѣдованіе побѣжденнаго.

Но въ, виду новыхъ условій боя, а также безпримѣрной многочисленности войскъ, которыя стануть другъ противъ друга въ

будущихъ битвахъ, является еще вопросомъ, часто ли удастся одной изъ сторонъ достигнуть такого положительнаго результата, чтобы даже важный успѣхъ, обезпеченный въ одномъ пунктѣ, не терялъ рѣшительнаго значенія вслѣдствіе неудачъ на другихъ пунктахъ. Вопросъ этотъ въ сущности сводится на то, допускать ли, или не допускать вѣроятность общаго стремительнаго натиска одной стороны въ рѣшающій моментъ, такъ какъ побѣда, въ смыслѣ занятія поля и преслѣдованія непріятеля, являлась именно результатомъ натиска (за исключеніемъ, конечно, взятія крѣпостей голодомъ).

Въ предшествующемъ изложеніи читатель встрѣчалъ весьма разнородныя взгляды на этотъ вопросъ, высказанные военными теоретиками и практиками.

Въ видѣ дополненія къ различнымъ предположеніямъ о будущихъ бояхъ, для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса, приведемъ здѣсь еще описаніе битвы талантливымъ специалистомъ, который не вѣрится въ возможность рѣшающихъ натисковъ, полагая, что не только господствующее, но даже исключительное значеніе будетъ имѣть въ битвахъ—сила огня.

Эта картина, набросанная капитаномъ Ниготтомъ въ сочиненіи „Les grandes questions du jour“, составляетъ, конечно, плодъ воображенія, такъ какъ вся совокупность новыхъ средствъ истребленія не была еще доселѣ употреблена въ дѣло. Но воображеніе работало при этомъ основываясь на знаніи предмета, и картина Ниготта имѣетъ столько же права на вниманіе, какъ и другія, менѣе наглядно высказанныя теоретическія предположенія.

„Дистанція—6.000 метровъ (около 6 верстъ) отъ непріятеля. Орудія въѣхали на позиціи и по батареямъ пронеслась команда „пали!“ Непріятельская артиллерія отвѣчаетъ. Бомбы роютъ почву и разрываются; въ скоромъ времени, прислуга каждаго орудія провѣрила стрѣльбу и опредѣлила дистанцію ея дѣйствительности. Затѣмъ уже, каждый брошенный снарядъ разорвется въ воздухѣ, надъ головами противника, и обсыплетъ сотнями осколковъ и пуль пространство, покрытое войсками. Люди и лошади подавляются этимъ дождемъ свинца и желѣза. Врѣхъ возьметъ наводчикъ болѣе способный и расторопный.

„Орудія взаимно бьютъ по себѣ, батареи уничтожаютъ одна другую, зарядные ящики истощаются. Успѣхъ будетъ на той сторонѣ, которой огонь не мѣшкаетъ.

„Среди этой грозы орудій пойдутъ въ огневую схватку баталіоны.

„Теперь всего двѣ тысячи метровъ! Уже ружейныя пули, тонкія, изящныя, сребровидныя, заостренныя свистятъ и бьютъ, не только убиваютъ каждая одну жертву, но пронизываютъ ряды, скачутъ рикошетами и поражаютъ далѣе. Учащаются залпы, пули огромными горстями, частыя, какъ градины, а быстрыя, какъ молнія, наводняютъ поле сраженія.

„Та артиллерія, которая умертвила артиллерію противника, приобрѣла досугъ; она имъ воспользуется, чтобы поработать надъ баталіонами.

„На эту пѣхоту, какъ бы она ни разсыпалась, орудія направятъ грубый, ни въ кого лично не мѣтящій, огульно рассчитанный желѣзный дождь, и скоро на позиціяхъ противника видимо покраснѣетъ земля.

„Стрѣлковыя линіи идутъ одна по пятамъ другой, за баталіонами слѣдуютъ другіе баталіоны, наконецъ втягиваются уже и резервы. А при всемъ томъ—между двумя арміями, которыя пронизываютъ и косятъ пули—остается еще поясъ, примѣрно въ тысячу шаговъ, раздѣляющій ихъ, какъ бы нейтральный, потому что онъ наполненъ огнемъ съ двухъ сторонъ, и никто живой не можетъ пробить въ немъ одного мгновенія, не только переступить его.

„Заряды, наконецъ, истощаются, миллионы патроновъ, многія тысячи ядеръ и бомбъ покрыли почву, которую разсѣкли и усѣяли гильзами отъ снарядовъ. А между тѣмъ, огонь продолжается и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока на смѣну зарядныхъ ящиковъ истощенныхъ могутъ прибывать новые.

„Мелинитовыя бомбы обращаютъ въ прахъ фермы, поселки, деревни, уничтожая все, что можетъ служить закрытіемъ, убѣжищемъ, помѣхою.

„Наступаетъ такой моментъ, когда уже половина сражающихся издаютъ предсмертное хрипѣніе, раненые и убитые лежатъ параллельно расположенными валами, густыми, но раздѣленными на обѣихъ сторонахъ—той дистанціею въ тысячу шаговъ, которую перекрещиваютъ снаряды, которую обращаетъ въ пыль картечь и которой никто живымъ перейти не можетъ.

„Битва продолжается съ ожесточеніемъ. Но та тысяча шаговъ неизмѣнно отдѣляетъ обѣ арміи.

„Кто же при этомъ побѣдилъ? Никто“.

Въ этой красивой страницѣ только отражается та мысль,

которая, со времени полного преобразованія оружія, занимаетъ всѣхъ людей мыслящихъ, задающихся серьезно вопросомъ—что будетъ на войнѣ, и принужденныхъ допустить, что между борющимися сторонами окажется нѣкоторая, положительно неприступная зона, двусторонняго, съ близкой дистанціи, густаго огня.

Примѣры битвъ безъ рѣшительнаго результата бывали и въ войну 1870 г.. Такъ, подъ Мецомъ произошли собственно три сраженія, составлявшія только части одной великой битвы. Но кто побѣдилъ подъ Мецомъ, въ смыслѣ рѣшающаго натиска? Дѣйствительно — никто. Оказалось превосходство германской артиллеріи, но и французской пѣхоты съ ружьями Шасспò. Несмотря на геройскія усилія съ обѣихъ сторонъ, ни та, ни другая армія не могли разбить противника, въ прежнемъ—ясномъ, очевидномъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что уже въ то время сила огня была доведена до того, что дѣйствіе холоднымъ оружіемъ, то-есть рѣшающій натискъ, оказывался почти невозможнымъ.

Замкнутіе французскихъ войскъ въ крѣпости, и затѣмъ сдача Меца, вслѣдствіе пресѣченія продовольствованія, явились только результатомъ численнаго превосходства германскихъ войскъ. Это не была побѣда доблести, боевой инициативы, это была побѣда цифры.

Неприступный для обѣихъ сторонъ поясъ усиленнаго огня въ будущихъ битвахъ представить какъ бы реваншъ для обороны противъ наступленія, снабженнаго усиленными средствами. За этимъ поясомъ, атакуемый будетъ сравнительно столь же безопасенъ, какъ если бы онъ засѣлъ въ укрѣпленіи.

При такихъ условіяхъ, представляется уже только весьма условнымъ въ примѣненіи къ будущимъ битвамъ, отзывъ Наполеона, что „участъ сраженія есть результатъ одной минуты, одной мысли: противники сближаются съ различными планами; завязывается дѣло; битва кипитъ; настаётъ рѣшительный моментъ, — и удачная мысль, внезапная, какъ молнія, рѣшаетъ сраженіе; самый незначительный резервъ доставляетъ иногда блистательныя побѣды“¹⁾.

Едва-ли въ будущемъ, глазъ главнокомандующаго, вооруженный наилучшей зрительной трубкой и хотя бы обнимающій пространство съ высоты наблюдательнаго аэростата, будетъ въ

1) Las Cases. „Mémorial de St. Hélène“. 11. 5.

состояніи навѣрное опредѣлять такой моментъ. А впрочемъ, и въ прежнихъ битвахъ, при несравненно бѣльшей возможности для главнокомандующихъ обзрѣвать поле и руководить, бѣлье или менѣе непосредственно, всѣми отрядами, далеко не исполнялось такъ, какъ было задумано, и далеко не все зависѣло отъ расположенія войскъ въ данной мѣстности. Недаромъ графъ Л. Толстой, самъ видавшій войну и геніально излагающій самую природу битвы, указываетъ на преобладающее въ нихъ значеніе того X, который представляется духомъ войскъ, ихъ дѣйствительной охотой драться. И самъ Наполеонъ, побѣдитель въ столькихъ битвахъ, образецъ полководца, признавалъ огромное значеніе нравственнаго состоянія войскъ. „Когда битва проиграна — сказалъ онъ—то побѣжденный, въ дѣйствительности, не много болѣеослабленъ, чѣмъ побѣдитель; но громадную разницу составляетъ результатъ нравственный, коль скоро достаточно тогда появленія двухъ-трехъ эскадроновъ, чтобы произвести большое дѣйствіе“.

Въ будущихъ же битвахъ, при меньшей вѣроятности несомнѣннаго торжества посредствомъ стремительнаго общаго натиска и, затѣмъ, преслѣдованія, чаще можетъ случиться, что обѣ стороны будутъ приписывать себѣ побѣду. Что касается преслѣдованія, то оно, какъ мы уже замѣтили, сдѣлается затруднительнѣе, чѣмъ было прежде. Приведемъ здѣсь для доказательства нѣсколько строкъ изъ специальной статьи объ этомъ предметѣ прусскаго капитана Либерта ¹⁾.

„Въ давнее время было такъ—говоритъ онъ: поле за нами, непріятель обратился въ бѣгство; руби его! —неслось отъ фланга до фланга, и этотъ моментъ оживлялъ усталые члены, инстинктивно давались шпоры, окрылялась мысль вождя объ извлеченіи возможно бѣльшей пользы изъ побѣды, о нанесеніи непріятелю бѣльшаго урона. Теперь дѣло представится нѣсколько иначе“. Какъ на обстоятельство, долженствующее въ будущемъ затруднить преслѣдованіе, авторъ указываетъ, во-первыхъ, нато, что въ послѣднихъ войнахъ большинство битвъ давались на ходу, то-есть были случайными (Rencontregefechte). Часть арміи втягивалась въ бой, остальные отряды направлялись затѣмъ къ мѣсту сраженія и приходили туда усиленнымъ маршемъ, иногда съ бѣльшаго разстоянія. Уставшіе еще на пути, они выдерживали затѣмъ психическое напряженіе, которое ихъ под-

¹⁾ „Ueber Verfolgung“. Vortrag in der Militär-Gesellschaft zu Berlin. 1882.

держивало во время боя, но потомъ уступало мѣсто полному утомленію. Истребительное дѣйствіе новаго огня на пѣхоту производитъ то, что послѣ битвы, длившейся полдня, а тѣмъ болѣе цѣлый день, пѣхота приходитъ въ состояніе безсилія, такъ что на нее нельзя рассчитывать для дальнѣйшихъ операцій, за полемъ сраженія: для нея необходимы отдыхъ, возстановленіе частей, снабженіе патронами. А огромное пространство поля въ будущей битвѣ сдѣлаетъ то, что и постепенно прибывающіе резервы не будутъ настолько свѣжими, чтобы ихъ тотчасъ можно было обратить къ дѣятельному преслѣдованію. Дальность разстояній дѣйствуетъ и на кавалерію.

„Уже въ послѣднихъ войнахъ, если кавалерія, по условіямъ почвы, въ дѣлѣ не участвовала, то она находилась на такихъ разстояніяхъ отъ огня, что ея не было подъ рукою въ наиболѣе благоприятный моментъ. А если она ходила въ атаку во время самой битвы, то затѣмъ она была уже въ такомъ состояніи, что на нее нельзя было рассчитывать для преслѣдованія. Зависитъ это отъ того, что при нынѣшнемъ огнѣ поднимать на галопъ для атаки надо съ тысячи шаговъ отъ непріятеля и идти по возможности маршъ-маршемъ. Цейдлицъ могъ подвести свои эскадроны, при Цорндорфѣ, рысью на 200 шаговъ къ русскимъ линіямъ и только тогда придержать поводъ и дать шпору. Наполеоновскіе кирасиры и драгуны постоянно шли въ атаку на рысяхъ. Но отнынѣ, при страшномъ ружейномъ огнѣ, требуется отъ кавалеріи напряженіе всѣхъ силъ, чтобы проскакать сквозь полосу, зіяющую истребленіемъ. А послѣ такого напряженія, кавалерію слѣдуетъ на весь тотъ день вычеркнуть изъ наличныхъ для дѣйствія средствъ“.

Такъ отзывался офицеръ прусскаго генеральнаго штаба въ 1882 году, а съ тѣхъ поръ трудности для преслѣдованія усугубились: сила огня еще значительно возросла, войска получили шанцевый инструментъ и выучились набрасывать легкія защиты; поля битвъ будутъ перекопаны, да и на случай отступленія, вѣроятно, будутъ заранѣе приготовляемы защиты того пути, который необходимо себѣ обезпечить. Уже и при Наполеонѣ бывали случаи, когда послѣ упорной битвы преслѣдованіе могло быть лишь слабое. Такъ, послѣ Лigny, разбитый Блюхеръ могъ спасти свою армію и черезъ 2 дня появиться на правомъ флангѣ французовъ при Ватерлоо. Послѣ Эйлау, послѣ Фридланда войска были слишкомъ утомлены для преслѣдованія. Наполеонъ оправдывалъ это, однажды выразившись такъ, что

„обѣимъ сторонамъ досталось“¹⁾). Есть полное основаніе опасаться, что въ будущей войнѣ обѣ стороны чаще всего будутъ находиться именно въ такомъ положеніи.

VI.

Битвы ночью.

Въ виду затруднительности атаки съ фронта при нынѣшней силѣ огня, возникла мысль о возвращеніи къ нападеніямъ на противника ночью, часто производившимся въ войнахъ средневѣковыхъ.

Одни военные писатели полагаютъ, что ночью возможно будетъ съ гораздо меньшими потерями приблизиться къ противнику, такъ чтобы на слѣдующее утро онъ увидѣлъ передъ собой армію, успѣвшую окопаться на новыхъ позиціяхъ. Другіе же полагаютъ возможнымъ самыя атаки производить ночью, или на самомъ разсвѣтѣ, по крайней мѣрѣ на отдѣльные укрѣпленные пункты непріятельской линіи.

Въ обоихъ предположеніяхъ мысль—одна и та же: избѣгнуть полной силы огня, которою противникъ будетъ располагать при дневномъ свѣтѣ.

Весьма поучителенъ отзывъ объ движеніи ночью генерала Пузыревскаго, каковой отзывъ считаемъ необходимымъ привести. „Ночныя движенія сопряжены съ весьма значительными неудобствами, а именно: а) люди, привыкнувши отдыхать ночью, утомляются чрезмѣрно; б) темнота препятствуетъ начальникамъ видѣть войска и поддерживать должнымъ образомъ дисциплину; в) люди, находясь въ полусонномъ состояніи, медленно двигаются; г) лошади менѣе дѣятельны и бдительны, часто спотыкаются и падаютъ; д) младшимъ начальникамъ трудно слѣдить за тѣмъ, чтобы люди не перемѣшивались и не разсѣивались, почему является много отсталыхъ; е) придя на мѣсто (квартиры или бивуакъ), усталые солдаты кое-какъ устраиваются для отдыха и въ недостаточной мѣрѣ заботливо относятся къ своей матеріальной части и лошадямъ. По всемъ этимъ причинамъ, надо стараться избѣгать ночныхъ маршей или, по крайней мѣрѣ, если можно, выступать предпочтительно ночью съ раз-

¹⁾ Waldor de Heusche. „La tactique d'autrefois“. „Revue de l'armée belge“. 1893.

счетомъ прибыть къ утру, а не начинать движеніе съ вечера, чтобы окончить его ночью“.

„Несмотря на все сказанное,—прибавляетъ авторъ—ночныя движенія иногда на войнѣ необходимы и могутъ дать важныя выгоды, а потому приходится къ нимъ обращаться“¹⁾.

Пока арміи не были слишкомъ многочисленны, ночныя атаки случались часто, но по мѣрѣ того, какъ арміи возрастали въ числѣ, дѣйствіе ночью стало выходить изъ употребленія. „Что касается меня—писалъ Фридрихъ Великій—то я пріянялъ рѣшеніе никогда не атаковать ночью по причинѣ того замѣшательства, которое возникаетъ среди мрака; сверхъ того, большинство солдатъ нуждаются въ постоянномъ надзорѣ со стороны офицеровъ, такъ какъ исполняютъ свой долгъ единственно изъ опасенія кары“. Веллингтономъ же высказано было такое мнѣніе: „я убѣдился, что выжидающаго и укрѣпившагося противника не слѣдуетъ атаковать ночью, если его расположеніе не было вполне изучено днемъ. Впрочемъ, ночныя нападенія на опытыя войска удаются рѣдко“.

Въ будущности, однако, уже самая ясность поля сраженія, при отсутствіи дыма, заставитъ обращаться къ дѣйствіямъ ночью. Поэтому нѣмецкіе писатели весьма старательно разрабатываютъ всѣ вѣроятности, какія могутъ представиться при ночномъ боѣ, напоминая и о примѣрахъ изъ прежнихъ войнъ, когда ночныя нападенія производились въ большихъ размѣрахъ и съ успѣхомъ²⁾.

Можно предположить, что этотъ взглядъ не чуждъ и русскимъ военнымъ сферамъ. Въ русской военной исторіи есть примѣры блестящаго успѣха ночныхъ нападеній, а успѣхъ всегда внушаетъ склонность къ повторенію того, что удалось. Однимъ изъ такихъ примѣровъ служитъ побѣда генерала Гурко при Горнеи Дубнякѣ 12-го октября 1877 г. Послѣ большихъ потерь, атакующія русскія войска остались вечеромъ на позиціяхъ вблизи непріятельскихъ окоповъ, но не имѣли силы продолжать наступленіе. Но при наступленіи темноты они быстро бросились на редутъ и взяли его безъ значительнаго новаго урона.

Генераль Драгоміровъ указываетъ на слѣдующія преимущества атаки ночью: нѣкоторое время атакующій можетъ быть

¹⁾ „Полевая служба“. 1864 г.

²⁾ „Das Nachtgefecht im Feld“ etc. Berlin. 1890.

незамѣчнымъ, неожиданность поражаетъ непріятеля, огонь его ничтоженъ. Сверхъ того, именно при ночной атакѣ можетъ работать и штыкъ.

Иностранные писатели полагаютъ, что русскія войска часто будутъ прибѣгать къ атакамъ въ ночное время. Такъ, полковникъ Лангаларье ¹⁾ ссылается на слѣдующій отзывъ генерала Драгомірова: „Такія предпріятія, какъ штурмъ Карса и дѣло подъ Карагачемъ, при которыхъ на сторонѣ турокъ былъ огромный перевѣсъ силъ, возможны только ночью. Необходимо приучать войска къ операціямъ ночью, необходимо въ виду силы, пріобрѣтенной огнемъ“.

Въ „Progrès Militaire“ мы находимъ описаніе любопытныхъ ночныхъ маневровъ, произведенныхъ на Вислѣ войсками подъ начальствомъ генерала Гурко. Такъ какъ описаніе это можетъ дать понятіе о будущихъ ночныхъ бояхъ, то мы приведемъ его вкратцѣ.

Восточный отрядъ, подъ начальствомъ генерала Крживоблоцкаго, состоялъ изъ 36 баталіоновъ и 13 казачьихъ сотенъ, при 72 орудіяхъ; западный же, подъ начальствомъ генерала Мирковича—изъ 48 баталіоновъ, 48 эскадроновъ и сотенъ, при 152 орудіяхъ. Оба отряда имѣли телеграфные парки и саперъ, а западный имѣлъ еще и понтонный паркъ. Западный отрядъ имѣлъ задачей форсировать переправу черезъ Вислу въ виду восточнаго отряда, расположеннаго для воспрепятствованія переправѣ на извѣстномъ протяженіи рѣки.

Послѣ развѣдокъ, западный отрядъ выслалъ впередъ 5 кавалерійскихъ полковъ, съ конной артиллеріей; этотъ отрядъ захватилъ всѣ барки и лодки, какія нашлись, переправился черезъ рѣку и утвердился на противоположномъ берегу, гдѣ и удерживался противъ кавалеріи противника, болѣе слабой числомъ. Послѣ дневки, наступавшій отрядъ предпринялъ ночью дѣйствительное устройство переправы. Третья гвардейская пѣхотная дивизія должна была переправиться на понтонахъ и прикрыть на томъ берегу постройку моста. Три батареи были выставлены на случай, еслибы противникъ своевременно обнаружилъ мѣсто переправы.

Понтоны были спущены съ соблюденіемъ полной тишины; но команды, посланныя для ихъ наведенія, успѣли отплыть не въ 11 часовъ вечера, какъ было назначено, а только

¹⁾ „Exercices et manoeuvres de nuit“. Paris. 1891 .

въ 2 часа ночи. А между тѣмъ, противникъ выслѣдилъ пунктъ переправы, и высланный имъ развѣдочный отрядъ изъ 2 баталіоновъ при 2 орудіяхъ тотчасъ открылъ огонь, подавъ въ то же время сигналъ тревоги. Несмотря на слабость этого огня, признано было, что пристать къ противоположному берегу невозможно. Къ развѣту восточный отрядъ выставилъ въ этомъ мѣстѣ уже болѣе значительныя силы, но и западный, наступавшій отрядъ стянулъ къ лѣвому берегу болѣе большую часть своей артиллеріи—болѣе 100 орудій, а кавалерійскія его части, переправившіяся черезъ рѣку, стали угрожать тылу передовыхъ частей противника.

Тогда посредниками было рѣшено, что эти части обороняющаго рѣку отряда не могутъ долѣе держаться на берегу и мѣшать постройкѣ моста, которая и была окончена къ 11 часамъ утра. Двѣ дивизіи пѣхоты прошли по немъ, а третья переправилась въ другомъ мѣстѣ.

Въ послѣдующую ночь наступавшій отрядъ повелъ атаку всѣми силами на противника, который держался сколько могъ, но къ 2 часамъ утра было признано, что цѣль наступавшимъ отрядомъ достигнута, и данъ былъ отбой.

Въ замѣчаніяхъ своихъ на ходъ маневра, генераль Гурко указалъ на необходимость поддерживать связь между отдѣльными колоннами, на важность контръ-атаки со стороны обороны передъ сосредоточеніемъ противникомъ всѣхъ его силъ, на необходимость не отдалять слишкомъ далеко резервы; причемъ высказалъ, какъ правило, что ихъ слѣдуетъ держать не далѣе въ тылу боевой линіи, чѣмъ она сама отстоитъ отъ противника; кавалерію генераль Гурко похвалилъ за быстроту и энергію, признавъ, что ею не былъ упущенъ ни одинъ благоприятный случай для участія въ дѣйствіяхъ.

Генераль Куропаткинъ также склоняется въ пользу атакъ, производимыхъ ночью, хотя и дѣлаетъ важныя оговорки, какъ напр., что дѣйствія въ ночное время могутъ удаваться особенно малымъ отрядамъ, что для ночныхъ операцій слѣдуетъ употреблять лишь избранныя войска и т. д.

Что касается писателей иностранныхъ, то большинство ихъ осуждаютъ атаки, предпринимаемыя ночью. „Neue Militärische Blätter“¹⁾ выражается такъ: „тѣмъ, кто ожидаетъ важныхъ результатовъ отъ ночныхъ атакъ, мы напомнимъ о примѣрѣ 101

¹⁾ Годъ 1890, стр. 286.

полка французскихъ мобилей, который наскочивъ въ темнотѣ на наши превосходныя силы, былъ разбитъ, а затѣмъ былъ взятъ подъ выстрѣлы французскими же войсками, принявшими его за непріателя, и совершенно уничтоженъ — примѣръ не ободряющій“.

Цитированный нами уже французскій писатель, полковникъ Б. ¹⁾ замѣчаетъ, что при бездымномъ порохѣ, который даетъ выстрѣлъ малозвучный, нападенія врасплохъ стануть легче, а вызываемая ими паника — сильнѣе. При далекихъ разстояніяхъ, которыя нынѣ отдѣляютъ часовыхъ, можетъ случиться, что они выстрѣлятъ нѣсколько разъ, не вызвавъ тревоги въ своихъ войскахъ. То же самое можно сказать и о разбросанныхъ позади ихъ малыхъ пикетахъ, а затѣмъ и о болѣе сильныхъ караулахъ; такъ что дѣятельному и смѣлому противнику можетъ удаваться проникнуть до самыхъ позицій, не встрѣтивъ препятствія. Неожиданныя нападенія, особенно ночью, сдѣлаются кровопролитны, такъ какъ при слабости звука выстрѣловъ будетъ еще труднѣе опредѣлить, откуда они направлены, и атакующій будетъ имѣть большее время, чтобы воспользоваться смущеніемъ непріателя.

Надо замѣтить, что въ этомъ отзывѣ полковника Б. есть нѣкоторое преувеличеніе: звукъ выстрѣла при бездымномъ порохѣ не слабѣе, чѣмъ при обыкновенномъ, но отрывочнѣе, короче. Однако, можетъ быть справедливо, что паники могутъ случаться чаще и что впечатлительность людей будетъ нынѣ подвергаться большимъ испытаніямъ.

Гёнигъ ²⁾ въ своихъ взглядахъ на ночные бои отчасти противорѣчить самъ себѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ высказываетъ мысль, что рѣшительный натискъ, который, при нынѣшнемъ оружьи, не удался бы днемъ, можетъ удаваться ночью, и приводитъ въ примѣръ битву при Ле-Мансѣ въ 1871 г., „когда нѣмцы овладѣли въ темнотѣ всѣми пунктами, причемъ поддерживали связь между своими частями посредствомъ барабаннаго боя и ура“, и еще прибавляетъ, что въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ идти сомкнутымъ строемъ. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что какъ единичный человекъ теряетъ въ темнотѣ равновѣсіе чувствъ, такъ и въ войскахъ дѣйствія ночью могутъ вызывать панику, а потому они оставлены всѣми полко-

¹⁾ „La poudre sans fumée.“

²⁾ „Die Taktik der Zukunft“ стр. 270 и 286.

водцами, и при этомъ выражаетъ недоумѣніе, какимъ образомъ тактики, которые отрицаютъ атаку сомкнутымъ строемъ, рекомендуютъ производство атаки ночью.

Но какъ бы то ни было, судя по разнымъ признакамъ, во всѣхъ арміяхъ готовятся къ ночнымъ атакамъ. Какъ въ цѣляхъ обороны, такъ и для нападенія, заготавливаются электрическія солія и бенгальскіе огни. На опытахъ стрѣльбы ночью при электрическомъ освѣщеніи, произведенныхъ въ Испаніи въ 1891 г., три батареи и двѣ роты стрѣляли по освѣщеннымъ щитамъ, изображавшимъ колонны, съ дистанціи 3.000 метровъ, а по отдѣльнымъ фигурамъ и съ 1.500 метровъ. По отзыву офицеровъ, быстрота и удачность огня оказались одинаковыми, какъ днемъ, особенно въ артиллеріи; пѣхота же стрѣляла вполне удовлетворительно только на малыхъ разстояніяхъ ¹⁾).

Во всѣхъ арміяхъ нынѣ введены приспособленія, при помощи которыхъ можно успѣшно производить огонь ночью, пристрѣлявъ примѣрно ружье къ опредѣленной цѣли—днемъ. По мнѣнію Джонсона ²⁾, усиленіе пикетовъ ночью и освѣщеніе окрестности лагеря увеличитъ опасность ночныхъ нападеній для предпринимающихъ ихъ, но иногда утомленіе или безпечность вызываютъ недостатокъ мѣръ предосторожности.

И, такъ, и въ предположеніяхъ относительно ночныхъ атакъ мы встрѣчаемъ разнорѣчія между писателями, какъ во многомъ, что относится къ той великой неизвѣстной, которая называется „будущей войной“. Можно только призвать, что ночныя атаки, во всякомъ случаѣ, въ сильной степени подвержены разнымъ случайностямъ и потому не подходятъ подъ правило, высказанное Наполеономъ, что „на войнѣ ничего нельзя достигнуть иначе, какъ расчетомъ; все, что не было глубоко и до частныхъ обдуманно, не дастъ результатовъ“.

Одинъ генералъ, часто принимавшій участіе въ ночныхъ нападеніяхъ въ войну 1877 года, отзывался такъ, что достаточно иногда пустить ночью нѣсколько ракетъ въ непріятеля, чтобы произвести среди него панику; лошади срываются съ привязи и несутся, наступаетъ неописанный переполохъ.

Врачи нервныхъ болѣзней въ бесѣдѣ о предметѣ, занимающемъ насъ въ этой главѣ, высказывали, что настоящее поко-

¹⁾ Генигъ. Тамъ же.

²⁾ Приведено изъ „Revue du cercle militaire“ въ брошюрѣ Ф. Дитмара: „Порядокъ и приспособленія для ночной стрѣльбы“.

лѣніе невозможно и сравнивать съ прежними въ отношеніи устойчивости нервной системы. Особенно при внезапномъ пробужденіи въ виду опасности, нервное возбужденіе будетъ сильное; воля какъ бы исчезнетъ, и въ человѣкѣ проявятся вдругъ все отрицательныя послѣдствія современнаго образа воспитанія и жизни.

Несомнѣнно, что самая мысль о возможности ночныхъ нападений будетъ вызывать въ войскахъ безпокойство. Военные писатели упоминаютъ о такихъ случаяхъ и въ прошломъ, что солдаты, пробужденные незнакомымъ шумомъ или случайнымъ выстрѣломъ, хватались за оружіе и распространяли тревогу въ цѣломъ лагерѣ¹⁾. Это будетъ навѣрное случаться чаще при будущихъ войнахъ, такъ какъ нервы у современныхъ людей слабѣе, достаточнаго закаленія нельзя ожидать при краткосрочной службѣ, а между тѣмъ опасность на войнѣ сильно возрасла.

Въ отношеніи меньшей изнѣженности русская армія, конечно, будетъ имѣть преимущества надъ другими, не исключая и германской; убѣжденіе въ выносливости солдатъ, вообще увѣренность въ себѣ и дисциплина представляютъ такія качества русской арміи, которыя и специально при ночныхъ атакахъ имѣютъ огромное значеніе.

Нельзя не опасаться, что ночные бои, если будутъ случаться, ознаменуются беспощаднымъ кровопролитіемъ. Подъ покровомъ ночи, люди дадутъ волю просто страстямъ, расовой ненависти, національнымъ счетамъ, инстинкту истребленія, и солнце освѣтитъ такую картину поля битвы, которая будетъ свидѣтельствомъ объ ужасахъ, совершенныхъ безъ всякой необходимости.

Но есть, однако, еще одно обстоятельство, говорящее въ пользу ночныхъ атакъ, а именно, что при атакѣ днемъ будетъ происходить такая трата зарядовъ, что ихъ не хватитъ для продолженія дѣйствія.

VI.

Вопросъ о боевыхъ припасахъ.

„Съ того дня—говоритъ А. К. Пузыревскій²⁾, когда кавалеристъ будетъ не въ состояніи проскакать подъ огнемъ, для пѣхотинца будетъ невозможнымъ идти подъ огнемъ, истребленія

¹⁾ Верещагинъ, „Дома и на войнѣ“.

²⁾ „Исслѣдованіе боя“.

будутъ обмѣномъ съ дальняго разстоянія ружейныхъ выстрѣловъ между людьми, находящимися за закрытіями. Бой прекратится только по истощеніи патроновъ“.

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ нѣкоторые писатели видятъ серьезную опасность, такъ какъ, при усиленномъ разстрѣливаніи патроновъ и вообще снарядовъ, не всегда представится возможность своевременнаго снабженія ими войскъ. Такъ, при одномъ изъ штурмовъ Плевны оказался недостатокъ патроновъ: „отступленіе Костромскаго полка было вызвано, между прочимъ, и тѣмъ, что полкъ выпустилъ всѣ свои патроны, а новыхъ ему не подвезли“¹⁾.

Полковникъ Арданъ де-Пикъ говоритъ о французской арміи: „наши солдаты не обладаютъ достаточнымъ хладнокровіемъ; при опасности, они стрѣляютъ, чтобы забыться, занять время, и остановить ихъ невозможно“.

Послушаемъ, что говоритъ относительно германской арміи кн. Гогенлоэ, бывшій начальникъ артиллеріи. „Тотъ фактъ, что въ 1866 г. пѣхота наша такъ мало израсходовала боевыхъ припасовъ, зависѣлъ отъ превосходства нашего ружья, которое скорѣе рѣшало дѣло. Въ войнѣ 1870—71 гг. наше ружье било только на половину дистанціи противъ французскаго, вслѣдствіе чего артиллерія должна была выручать нашу пѣхоту во многихъ дѣйствіяхъ, которыя у французовъ пѣхота исполняла одна. Но при будущихъ войнахъ, предполагая равную дальнбойность нашего ружья съ ружьемъ противника, мы должны будемъ израсходовать вдвое болѣе зарядовъ, чѣмъ въ каждую изъ упомянутыхъ войнъ, допуская одинаковость всѣхъ прочихъ условій, и часто побѣда будетъ на той сторонѣ, которая не истощила своихъ зарядовъ“²⁾.

Нѣмцы въ этомъ отношеніи рассчитываютъ на интеллигенцію своего солдата, но князь Гогенлоэ не раздѣляетъ этого оптимизма, замѣчая, что „большинство людей чувствуютъ потребность заглушить въ себѣ страхъ какимъ-нибудь внѣшнимъ средствомъ, напримѣръ шумомъ“. Сверхъ того, онъ замѣчаетъ, что въ борьбѣ люди свирѣпѣютъ, и тогда они разстрѣляютъ всѣ свои патроны, никто не будетъ въ состояніи удержать ихъ, а въ подобный моментъ боя, особенно на сторонѣ атакующей, въ открытомъ полѣ, окажется невозможнымъ достаточное снабженіе снарядами.

¹⁾ Генералъ Куропаткинъ. „Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева“.

²⁾ Le prince de Hohenlohe-Ingelfingen, „Lettres sur l'infanterie,“ p. 154.

VIII.

Партизанскіе отряды.

Военные писатели партизанскимъ отрядомъ называютъ небольшія части войскъ, дѣйствующія самостоятельно. Они могутъ состоять изъ части одного рода оружія или изъ частей всѣхъ трехъ оружій и могутъ дѣйствовать на разстояніи даже нѣсколькихъ дневныхъ переходовъ отъ главныхъ силъ, причемъ пѣхота ихъ перевозится на телѣгахъ или на спеціально къ тому приспособленныхъ повозкахъ. Шесть лошадей легко везуть 30 чел.; значитъ, на баталіонъ мирнаго состава достаточно 20-ти повозокъ и 100 лошадей.

Сильный партизанскій отрядъ, предполагаютъ, будетъ состоять изъ двухъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, конной батареи съ картечницами и двухъ эскадроновъ. Такой отрядъ, соединяя въ себѣ всѣ главные боевыя средства и обладая легкостью передвиженія, представитъ значительную силу. Поддерживая между собою связь, при помощи кавалеріи, такіе отряды могутъ оказать огромныя услуги, составляя самый лучшій авангардъ, препятствуя всякимъ развѣдкамъ противника и, въ случаяхъ нужды оканываясь, могутъ давать настоящія сраженія.

Въ статьѣ генерала Сухотина ¹⁾ высказаны такія мысли, что „противъ непріятеля, не отличающагося порядкомъ, можно было бы успѣшно дѣйствовать именно методичностью въ построеніяхъ и дѣйствіи, тогда какъ противъ войскъ, привыкшихъ къ порядку и систематичности или носящихъ въ себѣ элементъ внутреннихъ распрей и слабость военной связи, слѣдовало бы дѣйствовать, такъ сказать, „безпорядочнымъ“ веденіемъ войны: высылкою партизанскихъ отрядовъ, нападеніями ночью, частымъ вызываніемъ тревоги“.

Громадное большинство военныхъ писателей согласны въ томъ, что въ партизанскихъ отрядахъ пѣхота должна быть перевозима, чтобы не задерживать кавалеріи. Французскій генералъ Леваль ²⁾, много писавшій объ этомъ предметѣ, говоритъ, что сила пѣхотнаго огня и введеніе бездымнаго пороха сдѣлали весьма сомнительнымъ дѣйствіе кавалерійскихъ частей, выста-

¹⁾ „Военный сборникъ“. „По поводу дѣйствій русской кавалеріи на Балканскомъ полуостровѣ“.

²⁾ „Journal des sciences militaires“.

вляемыхъ, какъ охранная сѣть арміи; но то обстоятельство, что кавалерія будетъ, конечно, имѣть то же ружье и тотъ же порохъ, какъ и пѣхота, измѣняетъ положеніе. Между тѣмъ и вопросъ о посаженной на лошадей пѣхотѣ имѣетъ свое значеніе: при оборонѣ Шипки, стрѣлки прибыли впору, благодаря лишь казачьимъ лошадямъ. Генераль Леваль допускаетъ, что и велосипеды годились бы для скорыхъ движеній небольшихъ пѣхотныхъ отрядовъ, но все-таки отдаетъ преимущество посадкѣ пѣхоты на реквизируемыхъ на мѣстѣ животныхъ: рабочихъ лошадей, муловъ, даже ословъ, съ тѣмъ, чтобы вмѣсто сѣделъ, которыя трудно добывать, были только попонки и чтобы такая временно-конная пѣхота ѣхала шагомъ, причемъ выгода представится въ томъ, что на мѣсто дѣйствія она прибудетъ не утомленная самымъ маршемъ.

Русская армія имѣетъ славныя традиціи партизанскаго дѣйствія: преслѣдованіе французовъ въ 1812 году казаками Платова и Денисова, подвиги Давыдова и Фигнера. Самостоятельное же дѣйствіе кавалеріи проявилось въ весьма выдающемся примѣрѣ: взятіи въ послѣднюю турецкую войну конно-гренадерскимъ полкомъ города Врацы.

Въ заключеніе стдѣла, посвященнаго нами битвѣ, то-есть тому акту, къ которому направлены какъ военное устройство, такъ и всѣ военныя средства, съ непрерывными ихъ усовершенствованіями, умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о происходящемъ измѣненіи въ самомъ характерѣ военнаго дѣла, о нашемъ способѣ изложенія новыхъ приѣмовъ и ихъ значенія, а наконецъ, и о той неутѣшительной перспективѣ, какую открыло для Европы крайнее соревнованіе въ приготовленіяхъ къ войнѣ, — соревнованіе, обратившее и самый миръ какъ бы въ войну, пока безкровную, но тѣмъ не менѣе разорительную.

Характеръ военнаго дѣла въ наше время измѣняется въ томъ смыслѣ, что въ этомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе начинаетъ преобладать наука. Научное знаніе одаряетъ человѣка постепенно возрастающею властью надъ силами природы. Но оно же, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняетъ волю, инициативу, разнообразіе личныхъ способностей человѣка — тѣмъ могущественнымъ средствамъ дѣйствія, какими оно снабжаетъ человѣчество. Производительность уже завоевана машиною. Должно ли произойти то же самое и съ той силою, которая направлена не къ производству богатствъ и къ улучшенію условій жизни, но, наобо-

ротъ, къ разрушенію благосостоянія, къ истребленію жизни?

Можно только сказать, что эволюція въ военномъ дѣлѣ происходитъ именно въ этомъ смыслѣ, какъ будто войско, снабженное могуществомъ техникой и вмѣстѣ подчиненное ея дѣйствию, должно сдѣлаться машиной; какъ будто военному дѣлу, въ приспособленіяхъ котораго уже теперь преобладаетъ научное знаніе, предстоитъ, въ зависимости отъ того, обратиться самому, со временемъ, въ точную науку.

Правда, война въ высшихъ своихъ концепціяхъ остается доселѣ, а можетъ быть и навсегда останется, все-таки искусствомъ. Но не только техническія средства, а также и самыя приемы, ими обусловливаемые, принципы и правила дѣйствія постепенно вырабатываются наукою и могутъ современемъ пріобрѣсти значеніе настоящихъ законовъ.

Этому не противорѣчитъ тотъ фактъ, что такіе точные и неизмѣнно дѣйствующіе законы доселѣ еще не установлены твердо и не опредѣлены съ вполне научной точностью. Характерно, что дѣло идетъ именно къ этому. Очень многое уже намѣчено. Но безспорность и опредѣленность выводовъ устанавливаются только опытомъ. А опыта съ совокупностью нынѣшнихъ, новыхъ, громаднхъ средствъ дѣйствія еще не было. Война сама провѣритъ теорію и многое, быть можетъ сразу, установитъ уже съ достаточной опредѣленностью.

Покаместъ же теоретическіе взгляды, какъ читатель могъ убѣдиться изъ предшествующаго, во многомъ еще значительно расходятся, иногда представляются даже взаимно противорѣчивыми. Мы, съ своей стороны, не могли сдѣлать ничего инаго, какъ познакомить читателя съ фактическимъ положеніемъ вещей, и старались помочь ему въ составленіи себѣ нѣкотораго представленія о характерѣ будущей войны, изложить ему, какъ то, что безспорно, такъ и то, что остается спорнымъ, что является пока лишь въ видѣ расходящихся предположеній, — представляя ихъ ему съ разныхъ сторонъ, такъ чтобы онъ получилъ возможность сколько-нибудь ориентироваться среди несогласныхъ мнѣній, высказываемыхъ разными знатоками военного дѣла.

Какъ бы то ни было, при отсутствіи страшнаго, но многозначительнаго опыта, какой даетъ война, мы можемъ только повторить, что она остается еще пока великой неизвѣстной. Дѣйствіе каждаго средства, въ отдѣльности, опредѣлено, но отъ совокупности ихъ, примѣненной въ бою, могутъ присвойти совер-

шенно неожиданныя комбинаціи, могущія подвергнуть непредвидѣнному испытанію и самую выносливость людей.

Не только самая битва можетъ оказаться еще болѣе истребительной, чѣмъ предвидѣлось, но и цѣлая война, быть можетъ, окажется тягостнѣе, чѣмъ предполагали. Такъ, весьма вѣроятно, что будущія войны представляются болѣе продолжительными, чѣмъ то обыкновенно думаютъ на основаніи примѣровъ 1866, 1870 и 1877 годовъ, когда военное устройство въ разныхъ государствахъ не было еще вполне уравнено съ прусскимъ. Сравненіе съ войнами, еще болѣе отдаленными, уже совершенно невозможно. При нихъ, когда разбита была дѣйствующая армія, то страна являлась беззащитною. Нынѣ же въ огонь пойдутъ цѣлыя народы, а мыслимо ли цѣлый народъ раздавить въ нѣсколькихъ сраженіяхъ? Позволительно думать, что степень продолжительности войны явится, въ известной мѣрѣ, пропорціоною количеству тѣхъ силъ, которыя примутъ въ ней участіе съ обѣихъ сторонъ.

„Допустимъ,—говорить Мольтке въ своихъ запискахъ,— что не повторятся ни 100-лѣтняя, ни 30-ти-лѣтняя, ни даже 7-ми-лѣтняя войны. Но, тѣмъ не менѣе, когда цѣлыя милліоны людей станутъ другъ противъ друга, въ ожесточенной борьбѣ за свое національное существованіе, едва-ли можно полагать, что дѣло рѣшится нѣсколькими побѣдами“.

Утѣшительно думать, что самый ужасъ будущей войны внушаетъ нѣкоторую осторожность относительно тѣхъ рѣшительныхъ шаговъ, которые могли бы повести къ ней. Правительства и народы стараются отсрочить тотъ моментъ, когда она станетъ неизбежною; никто не рѣшается взять на себя отвѣтственность въ вызовѣ катастрофы, которая унесетъ многія тысячи жизней, разоритъ цѣлую часть свѣта, а, быть можетъ, поколеблетъ и самый общественный порядокъ.

И вотъ, держится покажѣтъ миръ. Но чего онъ стоить? Милліарды уже поглощены замѣной ударныхъ ружей — заряжаемыми сзади, прежняго пороха—бездымнымъ и мелинитомъ, а вслѣдствіе того и передѣлкою системы укрѣпленій. Милліардовъ стоила ужь одна „мирная“ борьба орудійныхъ снарядовъ со стальными бронями и миноносокъ съ броненосцами. А между тѣмъ, на этомъ не останутся. Уже теперь ясно очерчивается для всей Европы необходимость замѣнить нынѣшнія ружья, орудія и суда—вооруженіемъ и судами иной системы, такой, которая сдѣлала бы возможнымъ примѣнить всю силу и всю дѣй-

ствительность новаго пороха и противопоставить ему болѣе надежное сопротивленіе.

Все это требуетъ милліардовъ за милліардами. А между тѣмъ, не надо забывать, что милліарды эти слагаются изъ труда крестьянина, идущаго за сохой, изъ многочасоваго ежедневнаго напряженія рабочаго при машинѣ или надъ станкомъ, изъ стараній промышленника о примѣненіи новыхъ техническихъ средствъ, даже изъ лишеній, какимъ подвергаетъ себя ученый и художникъ, чтобы работать для благородныхъ потребностей общества. Милліарды эти священны, потому что представляютъ собой продуктъ все болѣе и болѣе тяжелаго, вслѣдствіе усиленной конкуренціи, народнаго труда.

И какъ не назвать разорительнымъ употребленіе милліардовъ на такое дѣло, которое постоянно уничтожается и требуетъ обновленія? Ружья, орудія, какъ только образецъ ихъ превзойденъ, годны только въ ломъ; куда же тогда дѣваются тѣ милліоны, которые на нихъ были издержаны? Быстрота обновленія составляетъ такое истребленіе богатствъ, котораго, наконецъ, не въ состояніи будетъ выдержать ни одно государство Европы. И дѣйствительно, военные расходы Германіи, Франціи, Англіи, Италіи, Австріи постепенно возрастаютъ и ведутъ Европу къ разоренію и къ такому результату, что ея земледѣліе и промышленность сдѣлаются добычею Америки, которая, не зная ни военныхъ долговъ, ни военнаго бюджета, притягиваетъ къ себѣ рабочія силы и при ихъ посредствѣ въ состояніи производить все дешевле. Несомнѣнно, что и войною въ Европѣ Америка съумѣетъ воспользоваться, чтобы отнять у европейской промышленности рынки всего свѣта, такъ что потомъ и продолжительный миръ не легко позволитъ разоренной Европѣ возстановить прежнее ея благосостояніе.

Дѣло, повидимому, сводится къ вопросу свойства арифметическаго: что Европѣ можетъ обойдтись дороже—война или вооруженный миръ? Пусть доселѣ выжиданіе подъ ружьемъ обходится, въ смыслѣ матерьяльномъ и нравственномъ, все-таки дешевле, чѣмъ сколько стоили бы войны. Но чѣмъ дольше, тѣмъ болѣе накопится пожертвованій, тѣмъ тягостнѣе стануть требованія милитаризма, такъ что, наконецъ, война можетъ представиться единственно-возможнымъ и даже желательнымъ исходомъ изъ невозможнаго положенія.

Но и самый этотъ исходъ можетъ оказаться не столь простымъ, какъ то кажется. Борьба международная можетъ ослож-

ниться тѣмъ социальнымъ броженіемъ, въ которомъ на Западѣ нѣтъ недостатка и которое, особенно въ Германіи, проявляетъ уже значительную силу. Тамъ, агитація противъ общественнаго строя пользуется, какъ главнымъ орудіемъ, нареканіями на непомѣрныя тягости милитаризма, — нареканіями для всѣхъ понятными, для каждаго убѣдительными. Продолжительность вооруженнаго мира можетъ, наконецъ, придать этому броженію столь острый характеръ, что и отсюда останется одинъ исходъ — въ войнѣ. А къ чему можетъ привести война — нельзя и предвидѣть.

И. БЛЮХЪ.

Дозволено цензурою С.-Петербургу, 5 Августа 1896 г.

Типогр. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

A $\frac{241}{581}$

БУДУЩАЯ ВОЙНА,

ея экономическія причины и послѣдствія ¹⁾.

Крѣпости ²⁾.

Вопросъ о роли крѣпостей въ будущей войнѣ въ настоящее время обсуждается въ военной литературѣ съ особеннымъ вниманіемъ, и это естественно при измѣненіи характера войны вслѣдствіе огромнаго состава армій. Время, необходимое для концентраціи войскъ къ границѣ, очевидно, будетъ зависѣть отъ различныхъ, въ разныхъ государствахъ, условій мобилизаціи, степени густоты населенія и развитія желѣзнодорожныхъ сѣтей. То государство, которое въ состояніи опередить своего противника въ концентраціи войскъ, можетъ разсчитывать застать его еще неготовымъ къ отраженію нападенія и повести военныя дѣйствія, со всѣми ихъ гибельными послѣдствіями, на его территоріи.

Нѣмцы убѣждены, что въ этомъ отношеніи преимущество будетъ положительно на ихъ сторонѣ. Мы уже приводили, въ одной изъ предшествующихъ статей, отзывъ Мольтке, что лишняя желѣзнодорожная линія, проходящая чрезъ страну, представляетъ средство ускорить на два дня сборъ арміи, а, стало быть, настолько же и самый приступъ къ военнымъ дѣйствіямъ; что, поэтому, главный штабъ предпочитаетъ постройку желѣзныхъ дорогъ возведенію крѣпостей ³⁾.

¹⁾ См. „Р. В.“ кн. 8-я 1893 г.

²⁾ Продолженіе главы „Народныя настроенія и духъ арміи“, которая потребовала дополненій по новымъ матеріаламъ, мы вынуждены отложить.

Пр. автора.

³⁾ Pierron, „Méthodes de guerre“. 1890.

Но противъ скорого занятія территорія быстро мобилизующимися арміями одно изъ существенныхъ средствъ представляетъ созданіе въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ операціонныхъ линій противника или на самыхъ этихъ линіяхъ — сильныхъ крѣпостей. До недавняго времени считалось аксіомой изреченіе Наполеона, что „крѣпости полезны въ оборонительной и въ наступальной войнѣ, и хотя не могутъ замѣнять арміи, однако, служатъ единственнымъ средствомъ къ задержанію, замедленію и стѣсненію побѣдоносно наступающаго непріятели“¹⁾.

Въ виду этого, всѣ государства Европы озабочиваются постройкою и усовершенствованіемъ крѣпостей для обороны границъ, и стратегики признаютъ вѣроятнымъ, что первыя серьезныя столкновенія произойдутъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ крѣпостей, что крѣпости окажутъ несомнѣнное вліяніе на общій ходъ военныхъ операцій, а многія изъ нихъ сами явятся обширными полями сраженій. Полковникъ Величко²⁾ прибавляетъ къ этому слѣдующее замѣчаніе: „Побѣда останется за той стороною, которая окажется наилучше подготовленною, въ тактическомъ и техническомъ отношеніяхъ, къ бою въ новой обстановкѣ, новымъ оружіемъ и новыми средствами, при новыхъ фортификаціонныхъ формахъ, какія принимаютъ и могутъ еще принять крѣпости“.

На громадныхъ пространствахъ Россіи, не представляющихъ собою густо населенныхъ мѣстностей, не обильно перерѣзанныхъ желѣзными дорогами, конечно, мобилизація и концентрація военныхъ силъ не можетъ произойти съ тою же быстротою, какъ въ Германіи. Поэтому русскія войска при наступленіи, въ случаѣ еслибы нѣмцы вздумали держаться на восточныхъ своихъ границахъ оборонительной тактики, несомнѣнно встрѣтятся за западною границею съ грозными крѣпостями современнаго характера; въ оборонительной же войнѣ русская армія будетъ дѣйствовать въ сферѣ своихъ крѣпостей и другихъ временныхъ опорныхъ пунктовъ, которые вѣроятно придется создавать передъ войною или во время нея, возмѣщая такимъ образомъ недостатокъ своихъ силъ въ началѣ кампаніи.

Изъ сказаннаго читатель можетъ убѣдиться, до какой сте-

¹⁾ „Mémoires de Montholon“. II, 145, 149.

²⁾ „Оборонительныя средства крѣпостей противъ ускоренныхъ атакъ“ 1892.

пени важны изслѣдованія относительно вопроса о значеніи крѣпостей. Но является сверхъ того интересною и другая сторона этого вопроса.

Въ предисловіи къ этому труду было уже сказано, что одною изъ причинъ, по которой я принялся за него, было именно то обстоятельство, что Варшава — моя родина и мѣстожительство — въ настоящее время превращена въ первоклассную крѣпость и приобрѣла значеніе одного изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ. Въ случаѣ войны, Варшава, по своей близости къ границѣ, можетъ подвергнуться всеѣмъ послѣдствіямъ осады или, по меньшей мѣрѣ, перерыву сообщеній и доставки жизненныхъ припасовъ. Потрясенія, коимъ подвергнется этотъ полумилліонный городъ, могутъ, однако, не ограничиться одними бѣдствіями ея жителей, но отразиться на значительной части всего государства и даже на судьбѣ самой кампаніи.

Размѣры и характеръ могущихъ произойти замѣшательствъ непосредственно будутъ зависѣть отъ техническихъ условій, къ которымъ прибѣгнетъ по необходимости борьба подъ варшавскими стѣнами.

Здѣсь является вопросъ: существуетъ ли непремѣнная необходимость или вѣроятность сосредоточенія операцій войны вокругъ этого города? Прежде всего, спрашивается именно, необходимо ли, чтобы борьба происходила вокругъ Варшавы, какъ центра края и его укрѣпленій, или же — при громадности современныхъ армій — лишь часть непріятельскихъ силъ употреблена будетъ на осаду Варшавы или хотя бы только для наблюденія за нею?

Разсмотрѣніе этого вопроса невозможно безъ того, чтобы не войти во многія его детали.

Прогрессъ въ усовершенствованіи артиллеріи, возможность метанія снарядовъ, наполненныхъ взрывчатыми веществами ужа-сающей силы, настоящихъ летающихъ торпедъ — все это выдвинуло на первый планъ вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ нынѣшнія фортификаціи обладаютъ средствами противодѣйствія изобрѣтеннымъ способамъ осады или этимъ средствамъ предстоитъ та же участь, какой подверглись рыцарскія латы послѣ изобрѣтенія пороха?

Когда убѣдились въ безпримѣрной силѣ новѣйшихъ орудій и снарядовъ, стали изыскивать способы противодѣйствія имъ.

Для охраны города отъ бомбардировки, стали строить форты на значительныхъ разстояніяхъ. Своды казематовъ перестраивали, примѣняя бетонъ и броню. Но, лишь только успѣли перестроить заново, согласно новымъ требованіямъ, значительное число фортовъ, какъ уже изобрѣтены были еще болѣе могущественные орудія и снаряды, и между специалистами возобновляется старый споръ о томъ, за кѣмъ вѣроятнѣе перевѣсъ въ настоящее время въ крѣпостной войнѣ—за атакой или обороной?

Принимая во вниманіе, что крѣпостной бой, какъ операція, состоитъ изъ ряда одиночныхъ дѣйствій самаго разнообразнаго свойства, которыя зависятъ, съ одной стороны, отъ открытій въ области химіи и механики, съ другой—отъ свойствъ гарнизона, какъ живой силы, входящей коэффиціентомъ въ расчеты атаки и обороны,—постараемся уяснить себѣ, въ чемъ заключается взаимодѣйствіе этихъ двухъ факторовъ крѣпостной борьбы.

1.

Историческій обзоръ быстрыхъ измѣненій въ условіяхъ осадной войны.

Всякое сложное явленіе представляетъ значительныя трудности для его выясненія.

Одною изъ замѣчательныхъ особенностей нашей эпохи слѣдуетъ признать необыкновенную быстроту, съ какою происходятъ измѣненія въ сферахъ какъ матеріальной, такъ и умственной. Теперь въ нѣсколько лѣтъ происходитъ болѣе перемѣнъ, чѣмъ нѣкогда въ цѣлое столѣтіе. Такъ какъ, сравнительно, войны уже давно не было, то крайнія мнѣнія о ней отличаются особенной подвижностью. Въ этихъ крайнихъ мнѣніяхъ заключается между прочимъ и причина чрезвычайной трудности установить какое-либо опредѣленное мнѣніе о вліяніи, какое будутъ имѣть въ будущихъ войнахъ крѣпости. Въ этой трудности лучше всего можно убѣдиться, сравнивъ прошлое съ настоящимъ относительно постройки крѣпостей и способовъ ихъ защиты.

Во времена, предшествовавшія изобрѣтенію пороха, лучшимъ средствомъ противъ непріятельскихъ нападеній считали возведеніе стѣнъ. Города укрѣплялись стѣнами огромнаго протяженія и изумительной толщины. Такъ, Нинивія была окру-

жена стѣнами въ 300 километровъ длины, 30 метровъ высоты и 15 метровъ толщины, съ 1.500 башнями высотой въ 64,3 метра. По Діодору, стѣны Вавилона имѣли высоту въ 97,4 метра, толщину въ 31,2 метра, а окружность ихъ была еще больше, чѣмъ въ Нинивіи, высота же башенъ и цитадели внутри города составляла 136,5 метра. Отсюда происходило, что и осадныя постройки возводились громаднхъ размѣровъ.

Въ такомъ же родѣ, хотя при меньшихъ размѣрахъ, были укрѣпленія средневѣковыя, съ массивными стѣнами, башнями, прикрытіями мостовъ и т. п. Число укрѣпленій и замковъ стало возрастать въ Европѣ съ безпримѣрной быстротой, начиная съ VIII столѣтія, причемъ они имѣли одинъ характеръ до самаго изобрѣтенія пороха ¹⁾).

Съ изобрѣтеніемъ пороха, положеніе дѣла измѣняется, но затѣмъ долго не было рѣчи о какой-либо неожиданности, которая бы совершенно измѣнила общій характеръ постройки укрѣпленій.

Введеніе орудій застало крѣпости меньшаго размѣра, рассчитанныя только для пассивной обороны, а не для наступательныхъ дѣйствій, построенныя на возвышенностяхъ или окруженныя очень высокими стѣнами для затрудненія штурма и въ видахъ дѣйствія противъ непріятели только на самомъ близкомъ разстояніи. Располагались онѣ въ формѣ полигона, для отпора главнымъ образомъ атаки съ фронта.

Опытъ долговременнаго употребленія огнестрѣльнаго оружія привелъ къ убѣжденію въ излишество слишкомъ высокихъ крѣпостныхъ стѣнъ, но это случилось не скоро. Въ теченіе болѣе столѣтія были въ употребленіи примитивныя снаряды, силою удара мало отличавшіеся отъ прежнихъ катапультъ и баллистъ. Кромѣ того, стрѣльба производилась настолько не частая, что, какъ говорилось, возможно было между двумя выстрѣлами возвести новую стѣну.

Прошло болѣе столѣтія, пока были изобрѣтены болѣе совершенныя чугунныя снаряды и наступило время необходимости существенныхъ измѣненій какъ въ профили, такъ и въ планахъ фортификаціонныхъ сооруженій.

Преобразованіе началось съ усиленія фланговой обороны на близкомъ разстояніи. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ вырабатывалось бастионное начертаніе, стало имѣться въ виду оборони-

¹⁾ Von Hönning. „Unsere Festungen“. Berlin. 1890.

тельное дѣйствіе на болѣе значительныя дистанціи—посредствомъ артиллеріи, причемъ уже измѣнился и полигонный характеръ плана. Линіи, прежде рассчитанныя на фронтальную оборону и потому вытянутыя въ длину, стали отступать, а впередъ выдвинулись внѣшніе верки; бастіоны постепенно дѣлались центрами артиллерійскаго боя, потому что они были способны къ оборонительному дѣйствію какъ вблизи, такъ и на дистанціяхъ ¹⁾).

Переворотъ этотъ совершался исподоволь до конца 17-го вѣка, когда на сцену выступилъ творецъ нынѣшней тактики крѣпостной войны, Вобанъ, который въ 1688 году изобрѣлъ аяфиладно-рикошетный выстрѣлъ. Благодаря этому открытію, артиллерія атаки получила впервые перевѣсъ надъ обороною. Любопытно, что уже въ то время Вобанъ развилъ такую же послѣдовательность улучшеній крѣпостныхъ сооружений, обусловливаемыхъ усовершенствованіемъ средствъ нападенія, какая продолжается и донныѣ. Свое же собственное изобрѣтеніе улучшенной стрѣльбы онъ старался парализовать необыкновенно искуснымъ примѣненіемъ къ мѣстности воздвигнутыхъ имъ многочисленныхъ крѣпостныхъ сооружений.

Слѣдующій періодъ, продолжавшійся тоже около ста лѣтъ, прошелъ безъ существенныхъ измѣненій по части искусства постройки крѣпостей, и только съ 1776 года являются нововведенія подъ вліяніемъ идей знаменитаго Монталамбера. Этажные казематы даютъ защитникамъ крѣпости громадный перевѣсъ надъ атакующими. Отдѣльныя укрѣпленія за предѣлами сомкнутой ограды главнаго ядра крѣпости обезпечиваютъ ее отъ бомбардированія. Монталамберъ предугадываетъ дальнѣйшіе успѣхи артиллеріи и переноситъ центръ тяжести крѣпостной войны въ сферу борьбы артиллерійскихъ массъ на окраинахъ крѣпости. Продолжительность этого періода, въ теченіе котораго борьба за обладаніе крѣпостями случалась весьма часто, сдѣлала то, что фортификаціонное искусство стало чуть не обыденнымъ ремесломъ.

Фридрихъ Великій, который въ извѣстные годы очень много занимался фортификаціею, обозначалъ это состояніе слѣдующимъ образомъ: „осадное искусство сдѣлалось ремесломъ,

¹⁾ General Müller. „Geschichte des Festungskrieges“. Berlin. 1892.
P. V. 1893. X.

какъ столярное или часовое; установлены нѣкоторыя безошибочныя правила, и все ведется по опредѣленному шаблону“¹⁾.

Характеръ наполеоновскихъ войнъ отразился на дальнѣйшемъ развитіи фортификаціи. Она начинаетъ идти рука объ руку съ тактикой и артиллеріей. Выработалась аксіома активной обороны, а именно, что наиболѣе дѣйствительными средствами обороны служатъ: навѣсный огонь артиллеріи и неутомимая дѣятельность гарнизона, направленная къ постоянному предупрежденію намѣреній противника и уничтоженію произведенныхъ имъ работъ. Этотъ періодъ продолжается всего полвѣка, и затѣмъ новые принципы талантливыхъ инженеровъ и военныхъ дѣятелей характеризуютъ послѣдній періодъ.

Со введеніемъ наръзной артиллеріи, этажные каменные казематы стали анахронизмомъ. Во время обороны Севастополя, особенно на Малаховомъ курганѣ, артиллерійская прислуга неслала такія потери отъ падавшихъ каменныхъ осколковъ, что ее приходилось выводить²⁾.

Вслѣдствіе того, необходимость земляныхъ прикрытій сдѣлалась очевидною. Съ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ наръзныхъ орудій, новая система постройки крѣпостей съ пониженными и окутанными землею каменными сооруженіями, отчасти скрытыми отъ взоровъ противника, и съ обезпечивающими вновь сооруженныя крѣпости, вынесенными впередъ, отдѣльными, возводимыми изъ земли и кирпича, укрѣпленіями, — оказалась во многихъ отношеніяхъ несостоятельною.

Новый періодъ наръзныхъ орудій продолжался всего лѣтъ двадцать и, несмотря на то, что онъ въ дѣйствительности не подвергся ни одному боевому испытанію, считается поконченнымъ.

Въ виду огромныхъ армій, развитія желѣзныхъ дорогъ, введенія наръзныхъ мортиръ и гаубицъ, нынѣшнихъ картечицъ, скорострѣльныхъ ружей и употребленія артиллеріею взрывчатыхъ составовъ, — возрѣнія на укрѣпленія совершенно измѣнились. Крѣпости прежняго устройства приходится или уничтожать или, какъ это практикуется чаще всего, превращать въ тюрьмы.

¹⁾ Leitner. «Die Anforderungen des Festungskrieges an die technischen Waffen».

²⁾ Ed. Todleben. „Die Belagerung Sebastopols“.

Необходимость этого самымъ рѣшительнымъ образомъ доказана опытами, произведенными въ 1886 году во Франціи. Послѣ разрушенія форта Мальмезона посредствомъ бомбъ-торпедъ, начиненныхъ мелинитомъ, пришли къ заключенію, что существующія крѣпости не въ силахъ устоять противъ новѣйшихъ средствъ нападенія.

Съ этого времени наступилъ тотъ фазисъ во взглядахъ на фортификаціонныя сооруженія, который породилъ чуть не панику, доходящую до отрицанія вообще фортификацій.

Мы находимся теперь именно въ этомъ періодѣ. Неудивительно поэтому, что, относительно характера крѣпостной войны въ будущихъ кампаніяхъ, вопросъ далеко еще не можетъ считаться разработаннымъ, вслѣдствіе трудности производства близко подходящихъ къ боевой обстановкѣ крѣпостныхъ маневровъ, недостаточной еще распространенности ихъ и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостаточности боеваго опыта, такъ какъ опытъ войны 1870 года нельзя признать полнымъ, не говоря о томъ, что со времени ея прошло уже 23 года, въ теченіе которыхъ военная техника успѣла далеко уйти впередъ.

2.

Состояніе фортификаціи въ различныхъ государствахъ.

Какъ мы уже сказали, фортификація измѣняется сообразно успѣхамъ артиллеріи. Отъ прежнихъ основъ фортификаціи, можно сказать, и слѣдовъ не осталось. Въ этомъ можно убѣдиться, сравнивъ типъ крѣпости до 1870 года съ новымъ.

Схема прежней крѣпости представляется приблизительно въ видѣ крѣпостнаго ядра, замкнутаго непрерывною оградой и окруженнаго линіей фортовъ, расположенныхъ отъ нея и другъ отъ друга на разстояніи около версты ¹⁾).

Но значеніе подобныхъ крѣпостей оказалось недостаточнымъ. Безъ сильнаго гарнизона, онѣ не могли угрожать сообщеніямъ непріятели, и ихъ легко было обойти или окружить. Въ случаѣ же если въ нихъ вынуждена была искать убѣжища болѣе многочисленная армія, то, говоря словами маршала Сентъ-

¹⁾ Мейснеръ, „Опытъ боевой одѣжки крѣпостей“.

Арно, „хотя укрѣпленія служатъ кирасой для арміи, но такой кирасой, изъ которой она не можетъ выйти въ числѣ достаточномъ для борьбы съ осаждающимъ непріателемъ. Каждый выходъ изъ осажденнаго города, каждый перерывъ линій крѣпостной ограды составляетъ опасный пунктъ, въ которомъ войска, производящія вылазку, обыкновенно подавляются превосходнымъ по численности противникомъ. Обыкновенно борьба кончается пассивной обороной, т. е. сдачей крѣпости въ извѣстный срокъ времени“ ¹⁾.

Нынѣ, за исключеніемъ временныхъ фортовъ, предназначенныхъ для обороны желѣзныхъ дорогъ и узловыхъ пунктовъ иныхъ сообщений, крѣпость разсматривается, какъ долженствующая служить только пунктомъ опоры и центромъ снабженій для арміи. А если въ будущихъ войнахъ большія крѣпости могутъ быть иногда полезны и въ смыслѣ убѣжища для разбитой арміи, дающаго ей возможность оправиться, то это будетъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, что армія не засидится въ крѣпости и будетъ имѣть возможность свободно изъ нея выступить.

Въ соотвѣтствіи съ величиною современныхъ армій, и крѣпости строятся съ выдвинутыми фортами, которые обнимаютъ пространство въ 20—50 километровъ, такъ что въ крѣпости есть мѣсто для цѣлой арміи. Въ ней армія найдетъ отдыхъ, а когда захочетъ вступить въ бой—впередъ подготовленное наилучшимъ образомъ поле битвы, со всѣми условіями, чтобы удобно развернуться, свободно и безопасно двигаться, собираться, наступать на противника или начать отступленіе.

Представляя собой могучее прикрытіе въ случаѣ неуспѣха, нынѣшняя крѣпость тѣмъ самымъ поощряетъ армію, дѣйствующую наступательно, къ наиболѣе отважнымъ предпріятіямъ. Сверхъ того, современная крѣпость представляетъ для веденія вблизи ея боя громадныя дополнительныя средства, какихъ не можетъ быть вдали отъ нея: крѣпостныя большаго калибра орудія, массу мортиръ, скорострѣльныхъ пушекъ и картечицъ, иногда подвижныя броневыя башни, склады припасовъ и т. п. При помощи переносныхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя должны находиться въ крѣпости, всѣ эти средства могутъ быть доставляемы на боевую линію.

Чѣмъ значительнѣе крѣпость, тѣмъ труднѣе для противника обойти ее, такъ какъ если въ ней находятся силы, которыми

¹⁾ Эта цитата заимствована изъ сочиненія Омега „L'art de combattre“.

можно располагать для наступления, то онѣ угрожали бы сообщеніямъ наступающаго. Такъ, Бриальмонъ замѣчаетъ, что для французской или германской арміи, вступившей въ Бельгію, крѣпость Антверпенъ не имѣетъ значенія, если въ ней находится лишь небольшой гарнизонъ; но если въ связи съ ней состоятъ два корпуса войскъ, то ея уже нельзя пренебречь, и она оттянетъ къ себѣ изъ наступающей арміи 250 тысячъ чел.

Понятно, что войска, обороняющія крѣпость, не должны допускать, чтобы осаждающіе могли постепенно такъ укрѣпить свои линіи вокругъ крѣпости, чтобы для защиты ихъ противъ вылазокъ сдѣлались достаточными меньшія силы, а остальные оказались бы свободными для дѣйствія въ иномъ мѣстѣ. Обезопасить себя отъ крѣпости, выставивъ противъ нея только обсервационные отряды, нельзя, такъ какъ если въ крѣпости дѣльный комендантъ, то онъ атакуетъ и разобьетъ эти отряды. Донатъ замѣчаетъ, что „минуло то время, когда проходили мимо крѣпостей, даже хорошо снабженныхъ и командующихъ способными людьми: нынѣ и самому Наполеону не удалось бы это сдѣлать безнаказанно“.

Обложеніе большихъ крѣпостей, изъ которыхъ могутъ быть предприняты сильныя вылазки, требуетъ многочисленныхъ войскъ. Если окружность фортовъ составляетъ 40 километровъ, то линія обложенія будетъ имѣть протяженіе около 60 килом. А при этомъ, если считать по 2 человѣка на 1 метръ, потребуется около 120 тысячъ чел. Чтобы обложить напр. Бухарестъ, нужна линія обложенія въ 91 килом., а для осады Парижа—линія въ 140 килом., между тѣмъ какъ еще въ 1870 г. достаточно было занять линію въ 84 кил.

Пользуясь полумракомъ утренней зари или туманомъ, осажденные должны производить энергическія нападенія на занимаемыя облегающими войсками позиціи, и это особенно при самомъ началѣ осады. По Донату, армія отступающая за такую крѣпость, которая можетъ служить опорой для дальнѣйшихъ операцій, должна бросить въ эту крѣпость столько войска, сколько позволяютъ запасы въ ней продовольствія и санитарныя условія, а отъ коменданта въ крѣпости можно требовать, чтобы онъ, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ, удерживалъ и связывалъ массу войскъ, по меньшей мѣрѣ втрое превосходящую численность гарнизона. Такъ, Османъ-паша сумѣлъ удерживать и связывать подъ своей импровизированною крѣпостью, въ теченіе долгаго времени, большія силы.

Неудивительно поэтому, что тотчас послѣ Восточной войны и прежде, чѣмъ были изобрѣтены новые снаряды—изобрѣтеніе коихъ и произвело тотъ переворотъ, о которомъ мы говорили—все правительство усиленно занялось постройкою крѣпостей. Сильныя крѣпости сооружены даже и въ малыхъ государствахъ, которыя видятъ для себя въ крѣпостяхъ опоры, чтобы выждать внѣшней помощи или рѣшенія борьбы между силами великихъ державъ. Такъ, Бельгія имѣетъ грозный Антверпенъ, сооруженный геніальнымъ Бріальмономъ, представляющій собой вооруженный лагерь, да еще крѣпости въ Намюрѣ и Литтихѣ. Назначеніе этихъ трехъ твердынь—господствовать на большихъ военныхъ путяхъ долины Мааса и Самбры, защищать для арміи 15 желѣзнодорожныхъ линій и 18 мостовъ на рѣкѣ Маасѣ.

Остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ относительно постройки этихъ крѣпостей, такъ какъ онѣ послужили образцомъ для современнаго искусства фортификаціи. Генералъ Бріальмонъ еще въ 1882 году проектировалъ укрѣпленія Литтиха и Намюра, но правительство отвергло его представленіе. Прошли 4 года, и только воинственное настроеніе, проявленное французскимъ военнымъ министромъ, генераломъ Буланже, въ 1886—87 гг., поставило передъ глазами бельгійскаго правительства опасность занятія Бельгіи. При приѣмѣ 1-го января 1887 года, король высказалъ Бріальмону, что проектъ его долженъ быть осуществленъ въ скорѣйшемъ времени. Отсюда видно, что въ тотъ моментъ дѣйствительно были поводы опасаться войны. Бельгійскія палаты утвердили представленное имъ предположеніе и назначили на работы 24 милліона франковъ.

Но между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ и вызвало кризисъ въ фортификаціонномъ дѣлѣ изобрѣтеніе бомбъ-торпедъ, которыхъ разрушительное дѣйствіе обнаружилось на опытахъ французской артиллеріи въ 1886 году при обстрѣливаніи форта Мальмезона. Тогда Бріальмону пришлось передѣлать его проекты по соображенію съ дѣйствіемъ новыхъ снарядовъ. При этомъ увеличилась уже и самая смѣта на работы. А именно ассигновано было на

земляныя работы	4.352.000	франковъ
бетонныя работы	26.850.000	„
кирпичную кладку	346.048	„
цементную заливку	668.206	„

цементные работы	237.072	франковъ.
разныя работы	735.000	"
<hr/>		
Итого	33.188.326	франковъ.
На расходы по отчужденію земель	900.000	"
<hr/>		
Всего	34.088.326	франковъ.

Составъ бетона первоначально былъ опредѣленъ по образцу фортификаціонныхъ работъ за границею; но послѣ опытовъ, уже въ мартѣ 1889 г. рѣшено было усилить въ бетонѣ пропорцію цемента, что еще значительно увеличило стоимость работъ. Оказались и другія еще необходимыя перемѣны, такъ что весь расходъ возвысился съ 34 до 45,6 милл. франковъ. Далѣе, на сооруженіе 171 желѣзныхъ куполовъ потребовалось еще 24 милл. фр. и наконецъ на панцырные прикрытія для орудій и пунктовъ, служащихъ для наблюденія и освѣщенія, назначено было еще 1.900.000 фр., что, вмѣстѣ съ общимъ расходомъ на панцырную броню въ 21 фортахъ, составило 26 милл. фр., сверхъ упомянутаго расхода въ 45,6 милл. фр. на всѣ прочія работы.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ того, въ какихъ размѣрахъ возросла стоимость работъ въ частностяхъ. Вслѣдствіе изобрѣтенія новыхъ снарядовъ, возросли расходы по постройкѣ: контр-эскарпа на 60—80 проц. противъ прежняго, казематовъ—на 100 проц. Расходы возросли въ частности еще болѣе по нѣкоторымъ другимъ постройкамъ, особенно по тѣмъ, которыя въ прежнихъ крѣпостяхъ не производились.

Постройка малаго форта для 22 крѣпостныхъ орудій обходилась:

до введенія бомбъ-торпедъ въ	1,9	милл. фр.
по введеніи " " "	2,9	" "

Постройка форта болѣе значительнаго, на 32 крѣпостныхъ орудія, обходилась:

до введенія упомянутыхъ снарядовъ въ	2,6	милл. фр.
по введеніи ихъ	4,0	" "

Это составляетъ по постройкѣ форта, какъ перваго, такъ и втораго типа, возвышеніе расхода на 53 процента.

Но зато при новой системѣ постройки фортовъ, снабженныхъ броневыми башнями, получается то преимущество, что защита такого форта можетъ быть поручаема болѣе слабой числомъ войсковой части.

Такъ, для обороны фортвъ требовалось:

на 11 большихъ прежнихъ фортвъ	9.000 чел.
„ 11 меньшихъ „ „ „	7.700 „
Итого	16.700 „

Для обороны же нынѣшнихъ панцырныхъ фортвъ достаточно:

на 10 большихъ фортвъ	6.000 чел.
„ 11 меньшихъ „ „ „	4.950 „
Итого	10.950 „

Итакъ, введеніе брони дало возможность уменьшить численность гарнизоновъ почти на 6.000 изъ 16.700 чел. Въ смыслѣ финансовомъ это имѣетъ такое значеніе: 6.000 чел. военного состава предполагаютъ постоянное содержаніе 2—3.000 чел. мирнаго состава, что, считая по 1.000 фр. на солдата, со всѣми принадлежностями, составляло бы ежегодное бюджетное сбереженіе отъ 2 до 3 милл. франковъ ¹⁾.

Итакъ, можно признать, что въ финансовомъ отношеніи выгодно строить форты новой системы, если дѣйствительно уменьшить соотвѣтственно мирный составъ войскъ. Но въ военномъ отношеніи представляется еще вопросъ, много ли пользы можно ожидать и отъ новыхъ фортвъ? Къ этому мы еще возвратимся, но прежде бросимъ взглядъ на расположеніе крѣпостей въ разныхъ государствахъ.

Начнемъ съ Румыніи, которая первая занялась самымъ широкимъ примѣненіемъ современной панцырной системы при сооруженіи, по системамъ Бріальмона и прусскаго инженера Шумана, многочисленныхъ фортвъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ Бухареста, Галаца и Немолозы. Протяженіе двойнаго пояса 36 фортвъ вокругъ Бухареста составляетъ 80 километр. На укрѣпленія въ Румыніи было издержано 135 милл. франк. ²⁾.

Оборона Германіи опирается на 17 большихъ укрѣпленныхъ лагерей, обильно снабженныхъ личнымъ составомъ и матеріаломъ для веденія активной обороны. Кромѣ того, Германія имѣетъ 9 малыхъ, мостовыхъ укрѣпленій (têtes de pont) и 10 укрѣпленныхъ приморскихъ пунктовъ. Передовая линія крѣпостей

¹⁾ „Die Panzerbefestigung in ökonomischer Hinsicht, beleuchtet durch das Beispiel von Lüttich und Namur“. Von Reinhold Wagner, Oberstlieutenant a. D.

²⁾ „Militärische Jahresberichte für 1892“.

на востокъ и западъ представляются: Кенигсбергомъ, Познанью (городомъ), Нейссе, Везелемъ, Кельномъ, Майнцомъ и имѣющими наибольшее значеніе—Мецомъ и Страсбургомъ. Вторую линію на востокъ составляютъ Данцигъ и Глогау. Наконецъ, специально предназначенныя для защиты главныхъ городовъ крѣпости: Ульмъ, Магдебургъ, Шпандау, Кюстринъ и Бреславль. Въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ Германіи издержано было на сооруженіе крѣпостей 700 милл. франковъ ¹⁾.

Впрочемъ, за послѣдніе годы въ Германіи стали придавать меньше, чѣмъ прежде, значенія крѣпостямъ, такъ что въ сооруженіи новыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ Франція и Россія опережаютъ Германію, которая зато обращаетъ особую заботливость на развитіе своей стратегической желѣзнодорожной сѣти, какъ бы разсчитывая болѣе для обороны на быстроту передвиженій, чѣмъ на опоры, представляемыя крѣпостями. Въ этомъ виденъ поворотъ, котораго послѣдствія обнаружатся лишь постепенно, такъ что дѣло находится пока въ переходномъ періодѣ ²⁾.

Въ Австро-Венгріи проходы въ долины Тироля замыкаются укрѣпленіями новѣйшей системы, которыя имѣютъ панцирные купола и покрыты броней казематы. Сильныя крѣпости подъ Краковомъ, въ Пржемыслѣ и Полѣ также снабжены панцирными башнями и панцирными казематами. На вторыхъ линіяхъ стоятъ: съ востока Коморнъ, а въ Тиролѣ—Триентъ.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что австрійскія крѣпости не могутъ находиться въ соответственномъ новѣйшимъ требованіямъ положеніи по причинѣ финансовыхъ затрудненій. Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ (съ 1880 по 1889 г. включительно), общая сумма государственныхъ расходовъ Австро-Венгріи на сооруженіе и вооруженіе укрѣпленныхъ пунктовъ составляетъ всего около 25 милл. *гульденовъ* (15½ милл. металл. рублей) ³⁾.

Главное вниманіе австро-венгерскаго правительства было обращено на усиленіе крѣпостей въ Галиціи (на что затра-

¹⁾ «Revue Nouvelle». «La fortification et l'artillerie».

²⁾ «Progrès militaire» 1892.

³⁾ «Beilagen zum Voranschlage über die gemeinsamen Ausgaben und Einnahmen der oesterreichisch-ungarischen Monarchie». 2 Heft, 2 Theil. Kriegsministerium; a) stehendes Heer, ausserordentliches Erforderniss (1880—1889 r.r.).

чено болѣе 43% общей суммы крѣпостныхъ расходовъ), а также на укрѣпленіе военнаго порта Пола и на оборону Ти-роля. Затѣмъ расходы на все прочія крѣпости были весьма незначительны.

Турція имѣетъ укрѣпленія на Босфорѣ и Дарданеллахъ, затѣмъ укрѣпленные лагеря вокругъ Адрианополя и по линіи Чатальджи, передъ Константинополемъ.

Что касается Россіи, то мы приведемъ перечисленіе, сдѣланное однимъ нѣмецкимъ авторомъ ¹⁾: „Главной, естественной защитой Россіи—говоритъ онъ—представляются ея пространство и малая производительность нѣкоторыхъ полосъ территоріи. Большіе укрѣпленные лагеря и крѣпости Россіи расположены на узлахъ сообщений, преимущественно при рѣкахъ. Какъ базисъ для наступленія служатъ: Новогоріевскъ—Варшава Ивангородъ—Луцкъ—Дубно. При отступленіи, армія заняла бы вторую оборонительную линію: Осовецъ—Гродно и сильный Брестъ-Литовскъ, который командуетъ надъ сообщениями среди болотъ Рокитны. Третью линію составляютъ: Ковно—Вильно—Бобруйскъ—Кіевъ; четвертую: Рига—Динабургъ—Витебскъ. Наконецъ, пути въ Петербургъ съ моря защищаются Кронштадтомъ и Свеаборгомъ“.

Италія имѣетъ противъ Австріи старинный четвероугольникъ: Верона—Мантуа—Пескiera—Леньяго; ближе къ Франціи группу: Александрія—Пьяченца—Казале. Въ средней Италіи находятся укрѣпленные лагеря вокругъ Рима (съ 16 фортами) и Капуи. Для значительнаго флота, на который Италія возлагаетъ большія надежды, имѣются укрѣпленные порты: Венеція, Мессины, Гаэты, Ливорно, Спеція (съ сильными панцирными башнями) и Генуи.

Франція имѣетъ противъ Германіи два ряда весьма сильныхъ крѣпостей: Монбельяръ—Бельфоръ, Эпиналь, Туль—Фруаръ, Верденъ, Лонгви—Монмеди—Седанъ; затѣмъ: Безансонъ, Дижонъ, Лангръ и Реймсъ. Впереди этихъ крѣпостей и между ними настроено множество малыхъ, самостоятельныхъ фортовъ, вполне безопасныхъ отъ штурма, которые замыкаютъ все желѣзные дороги и другіе пути. На сѣверѣ и на югѣ Франціи также много укрѣпленій, есть и нѣсколько приморскихъ крѣпостей. Парижъ представляетъ колоссальную крѣпость, въ ко-

¹⁾ Minerva. 1893. „Die Panzerbefestigungen“.

торой соединяются три укрѣпленныхъ лагеря. Укрѣпленія Парижа имѣютъ нынѣ 35 километровъ въ диаметрѣ и состоятъ изъ фортовъ, выдвинутыхъ на такія разстоянія, чтобы обезпечить самый городъ отъ бомбардированія и даже полного обложенія. Вооруженіе фортовъ произведено было не жалѣя денегъ. На работы по укрѣпленіямъ вообще во Франціи израсходовано съ 1874 по 1886 гг. 753 милл. фр., а на вооруженіе ихъ издержано, также по 1886 г., 1.089 милл. фр. ¹⁾.

Изъ предшествующаго видно, что возникающая по временамъ мысль, будто крѣпости скорѣе вредны, чѣмъ полезны, не была признана доселѣ ни однимъ изъ европейскихъ государствъ. Но постоянно и повсемѣстно производившіеся опыты привели къ нѣкоторымъ общимъ взглядамъ на самый видъ, какой слѣдуетъ давать крѣпостямъ.

Генераль Пьерронъ такъ опредѣлялъ въ 1892 г. общіе выводы. „Послѣ десятилѣтнихъ опытовъ и споровъ, фортификаціонные методы опредѣлились на основаніи того дѣйствія, какое производятъ бомбы-торпеды (т. е. снаряды, начиненные сильно-взрывчатымъ веществомъ—*substance brisante*), и установились на заключеніи, которое, конечно, можетъ имѣть лишь кратковременное значеніе.

„Необходимость обезпеченія артиллеріи броневыми куполами признана единогласно для фортовъ отдѣльныхъ или стоящихъ на первой линіи. Необходимость защиты снарядовъ и людей отъ бомбъ-торпедъ—бетонными сводами толщиной въ 3 метра также вообще признается. Опытъ показалъ, что пробить такой сводъ могутъ только 10 бомбъ-торпедъ, упавшихъ на одно и то же мѣсто, каковой точности въ стрѣльбѣ трудно достигнуть на войнѣ. Поэтому, допускается иногда и меньшая толщина сводовъ.

„Такъ какъ кирпичные эскарпы могутъ быть разрушаемы издали артиллеріею противника, то ихъ стараются замѣнить, предохраняя себя отъ штурма сѣтями изъ желѣзной проволоки и желѣзными рѣшетками, которыя скрываются отъ взора противника гласисами.

„Таковы нынѣшнія средства инженернаго искусства для защиты пунктовъ изолированныхъ, то-есть, лишенныхъ поддержки со стороны другихъ верковъ, стоящихъ въ одной съ ними линіи или позади ихъ, если притомъ требуется постоянное занятіе такихъ пунктовъ“.

¹⁾ „Militär. Zeitung“. 1892. № 4.

Но для того, чтобы извлечь пользу изъ крѣпостей, построенныхъ хотя бы и по этой системѣ, требуется немалое искусство отъ высшихъ начальниковъ. Профессоръ фортификаціи Дегизъ, въ выводахъ своего разсужденія „Étude sur les batailles modernes et les fortifications“, говоритъ слѣдующее: „Армія можетъ выказать тѣмъ большую предприимчивость на полѣ битвы, чѣмъ крѣпче занимаемая ею позиція и чѣмъ болѣе надежную опору ей можно найти въ случаѣ неудачи. Прежде всего, армія должна умѣть пользоваться пассивными свойствами возведенныхъ ею укрѣпленій для исполненія роли активной. Таковы же тѣ услуги, которыя оперирующей арміи можетъ оказать большая крѣпость“.

Въ этомъ отношеніи согласны между собой всѣ авторы. Генераль Бріальмонъ, указывая на стратегическія и тактическія свойства укрѣпленій, говоритъ: „умѣнье обращать пассивную силу укрѣпленныхъ позицій на пользу активной роли арміи всегда останется характерною чертою великихъ полководцевъ“. „Пассивному образу дѣйствій Базена въ 1870 г., когда французская армія медленно и бессильно отступала къ стѣнамъ Меца“—говоритъ полковникъ фонъ-Шерфъ—„слѣдуетъ противопоставить правило прямо противоположное: *армія должна становиться тѣмъ предприимчивѣе, чѣмъ она ближе къ своей крѣпости*. Крѣпость сама по себѣ не можетъ служить обороною для страны, но можетъ оказать временную услугу, предоставивъ поддержку для арміи, если послѣдняя, при приближеніи къ крѣпости, разовьетъ всю энергію и инициативу въ дѣйствіи“.

Далѣе, онъ же прибавляетъ: „какъ армія предназначена не для того, чтобы закрывать крѣпость, такъ и крѣпость не для того, чтобы укрывать армію. Армія представляетъ собою силу дѣятельную, живую, которой дѣйствія крайне стѣсняются, когда она укрывается за пассивную защиту крѣпости, но которой значеніе много возрастаетъ въ такомъ случаѣ, если предводитель умѣетъ употребить пассивную силу укрѣпленій въ пользу активной роли арміи“.

Исторія осадныхъ войнъ рельефно показываетъ также всю важность активной роли для гарнизона при оборонѣ крѣпости. Самая сильная крѣпость будетъ подавлена огнемъ противника, если защита не сумѣетъ воспользоваться укрѣпленіями для активной ихъ обороны.

И, наоборотъ, нужны геройскія усилія и огромныя потери, чтобы овладѣть той крѣпостью, въ которой свободная, подвиж-

ная часть гарнизона дѣйствуетъ смѣло наружу, сильная той опорой, какую она имѣетъ за собой, и наступательными предпріятіями противъ осаждающихъ войскъ энергически борется съ ними за каждую пядь земли.

Позволительно даже предположить, что для арміи, одушевленной надлежащей энергіею и предводимой людьми, вполне соответствующими своему назначенію, крѣпости получаютъ, при будущихъ войнахъ, еще большее значеніе, чѣмъ то, какое онѣ имѣли доселѣ. Но, какъ мы уже упоминали, не всѣ военные писатели раздѣляютъ это мнѣніе, и есть цѣлая школа, высказывающая убѣжденіе въ полной невозможности устроить оборонительную позицію, фортификаціонныя сооруженія которой представили бы надежную опору и защиту противъ артиллерійскаго огня.

3.

Вліяніе усовершенствованій въ способахъ атаки и обороны крѣпостныхъ позицій.

Въ дополненіе къ поясненіямъ, сдѣланнымъ нами при описаніи новѣйшей артиллеріи, считаемъ достаточнымъ указать на главнѣйшія особенности будущихъ основаній атаки и обороны крѣпостей.

Превосходный трудъ профессора К. Величко „Оборонительныя средства крѣпостей противъ ускоренныхъ атакъ“, между прочимъ, какъ уже мы объ этомъ говорили, останавливается на значеніи доселѣ еще не употреблявшихся снарядовъ, превосходящихъ силою разрушительнаго дѣйствія въ шесть разъ прежніе снаряды (см. „Р. В.“ кн. III, стр. 226).

По даннымъ, приводимымъ профессоромъ Величко, число пуль въ нынѣшнихъ шрапнеляхъ, употребляемыхъ въ германской артиллеріи, составляетъ 1.500—для пушки 21-сантиметровой и 1.700 для мортиры. Значитъ, въ германской арміи существуютъ уже орудія, которыя могутъ поражать противника снарядами, вмѣщающими въ себѣ въ 5 разъ болѣе ударныхъ частицъ, чѣмъ снаряды, употребляемые въ другихъ арміяхъ; и это на дистанціи въ 2.200 сажень, т. е. почти 4¹/₂ версты. Такая же разница замѣчается въ бомбахъ-торпедахъ: бомба-торпеда самаго сильнаго типа во Франціи вмѣщаетъ 160 фунтовъ мелинита, въ Германіи же—175 фунтовъ пирокси-

лина, въ Россіи—64 фунта. Впрочемъ, весьма понятно, что проф. Величко не сообщаетъ болѣе подробныхъ данныхъ относительно русскихъ снарядовъ и что только послѣ нѣкотораго времени эти данныя сдѣлаются извѣстными одинаково съ данными, относящимися къ Германіи и Франціи.

Понятіе о томъ, насколько увеличилась сила дѣйствія новыхъ снарядовъ, можно составить изъ отчета капитана Гребенщикова о результатахъ, полученныхъ особой комиссіей по производству опытовъ этого рода.

Изъ этого отчета мы узнаемъ, что „100 батарейныхъ шрапнелей вывели изъ строя около $\frac{4}{10}$ всего числа защитниковъ окоповъ; 50 шрапнелей полевой мортиры вывели изъ строя тоже болѣе половины“¹⁾.

„Съ дистанціи около 1.000 саж. въ направленіи, перпендикулярномъ къ лѣвому напольному фасу, было выпущено изъ шестидюймовой полевой мортиры 12 шрапнелей ударнаго дѣйствія и 50 — дистанціоннаго. Времени на это потребовалось одинъ часъ и изъ 366 болванокъ поражено 98 (т. е. 27%) 322 пулями и 14-ю осколками“²⁾.

Такимъ образомъ, если вмѣсто прежнихъ, обыкновенныхъ шрапнелей, дающихъ 340 осколковъ, войдутъ въ употребленіе новыя, дающія, по утверженію профессора Величко, отъ 1.500 до 1.700 осколковъ, то разрушительное ихъ дѣйствіе было бы вчетверо больше, причемъ защитники были бы истреблены до послѣдняго человѣка.

Далѣе та же комиссія, при опредѣленіи относительной удобовосходимости для штурма обстрѣливаемого укрѣпленія, пришла къ заключенію, что обстрѣливаніе фугасными бомбами сдѣлало лѣвый напольный фасъ вполне удобовосходимымъ. Страшная же разрушительная сила, въ случаѣ дѣйствительнаго обстрѣливанія, произвела бы крайне тяжелое впечатлѣніе на гарнизонъ и, вѣроятно, заставила бы его очистить укрѣпленіе, не дожидаясь штурма.

Но теперь, кромѣ снарядовъ, бросаемыхъ изъ пушекъ и мортиръ, въ арміяхъ заведены отвѣсныя пневматическія орудія изобрѣтенія Зелинскаго. Эти орудія посредствомъ дѣйствія сжатого воздуха стрѣляютъ снарядами, заключающими въ себѣ

¹⁾ Для производства опытовъ, въ укрѣпленіи были расположены манекены по мѣстамъ, обыкновенно занимаемымъ защитниками.

²⁾ „Саперно-артиллерійскіе опыты“. См. „Военный Сборникъ“.

около 17 пудовъ взрывнаго вещества (во Франціи мелинита). Пневматическая пушка Зелинскаго, установленная на разстояніи 1.000 сажень отъ укрѣпленія, можетъ дать 75⁰/₀ попаданій въ площадь, занимаемую послѣднимъ, обезпечивая такимъ образомъ дѣйствительность снарядовъ на двухверстномъ разстояніи.

На случай же необходимости дѣйствія съ болѣе отдаленныхъ дистанцій, арміи снабжены мортирами, точность прицѣла коихъ поразительна.

Понятіе объ этомъ можно составить по слѣдующимъ цифрамъ, приводимымъ извѣстнымъ генераломъ Бриальмономъ.

Снаряды радіусомъ въ 21 сантиметръ, по его словамъ, дали слѣдующіе результаты на учебныхъ полигонахъ въ Германіи: на 1.000 метровъ разстоянія 50 изъ 100 выстрѣловъ попадали въ цѣль шириной въ 0,90 метровъ, длиной въ 6 метровъ; на 2.000 метровъ 50 изъ 100 выстрѣловъ попадали въ цѣль въ 2,60 метровъ шириной и 12 метровъ длиной; на 3.000 метровъ 50 изъ 100 выстрѣловъ попадали въ цѣль 4,80 метровъ шириной и 20 метровъ длиной; на 4.000 метровъ 50 изъ 100 выстрѣловъ попадали въ цѣль 6,20 метровъ шириной и 25 метровъ длиной ¹⁾.

Тамъ, гдѣ дѣло заключается въ одномъ разрушеніи, безъ необходимости точнаго прицѣла, бомбардировка изъ этихъ мортиръ дѣйствительна на разстояніи 11—12 километровъ.

Генераль Пьерронъ указываетъ на опыты, произведенные однимъ командиромъ австрійскаго инженернаго батальона надъ дѣйствіемъ пушекъ самаго большаго калибра, которыя будутъ перевозиться по системѣ Дековила. При помощи этихъ орудій, мины-снаряды могутъ попадать въ самое ядро крѣпостей съ разстоянія 10—12 километровъ, пролетая поверхъ отдѣльныхъ фортовъ, и производить опустошительные пожары и взрывы.

Но намъ приходилось уже нѣсколько разъ указывать, что нѣтъ предѣла человѣческой изобрѣтательности. На выставкѣ въ Чикаго находится орудіе Круппа, изъ котораго, если вѣрить брошюрѣ, изданной Круппомъ, снаряды могутъ поражать предметы, находящіеся на разстояніи 20 километровъ. Орудіе это вѣситъ 1.922 пуда, имѣя 9³/₄ дюймовъ діаметра. Для заря-

¹⁾ Général Pierron. „Strategie et grande tactique“.

женія ядромъ, вѣсящимъ 474 фунта, употребляется 253 фунта пороху ¹⁾.

Рядомъ съ развитіемъ техническихъ средствъ нападенія, увеличились и средства защиты. Генералъ Вильямуази говоритъ ²⁾: „Искусство стрѣльбы по невидимой цѣли, о которой лишь имѣются свѣдѣнія, въ послѣднее время настолько усовершенствовано, что теперь получилась возможность пользоваться этой стрѣльбой съ такой же точностью, какъ и по видимой цѣли. Нѣтъ препятствій и къ тому, чтобъ артиллерію обороны расположить, вмѣсто возвышенностей, въ мѣстахъ за естественными или искусственными закрытіями, и можно строить форты такимъ образомъ, чтобы все было скрыто отъ глазъ непріятели и чтобы помѣщеніе для гарнизона было прикрыто земляной насыпью въ нѣсколько метровъ толщины“.

Но возникаетъ вопросъ: найдутся ли достаточно крѣпкія прикрытія противъ дѣйствія нынѣшнихъ снарядовъ?

4.

Измѣненія въ системѣ постройки крѣпостей.

Уже въ 1887 году Монженъ писалъ ³⁾:

„Изобрѣтеніе снарядовъ съ мелинитомъ и пироксилиномъ произведетъ, конечно, существенное видоизмѣненіе въ устройствѣ укрѣпленій. Быть можетъ, мы близки къ тому времени, когда пограничныя крѣпости будутъ также мало походить на нынѣшнія, какъ нынѣшнія не похожи на укрѣпленные замки среднихъ вѣковъ“.

Усовершенствованіе артиллеріи привело къ слѣдующимъ послѣдствіямъ. Дальнобойность новыхъ орудій и введеніе разрывныхъ снарядовъ вызвали необходимость выдающихся верковъ и фортвовъ для воспрепятствованія непріятелю утвердиться на такомъ разстояніи отъ крѣпости, съ котораго выстрѣлы могли бы ее достигать. Такимъ образомъ, первымъ послѣдствіемъ возрастанія дальнобойности явилось значительное удаленіе отъ ядра крѣпости верковъ и фортвовъ, что, въ свою очередь, повлекло за собою то неудобство, что поясъ, требующійся для защиты, уве-

¹⁾ «Revue Encyclopédique». 1893.

²⁾ „Journal des sciences militaires“.

³⁾ „Les nouveaux explosifs et la fortification“.

личивался по мѣрѣ усовершенствованія орудій. Обстоятельство это, само собою разумѣется, крайне усложняетъ оборону и увеличиваетъ опасность вторженія непріятели чрезъ одинъ изъ пунктовъ, входящихъ въ составъ этого пояса. При прежней системѣ крѣпостей, форты отстояли отъ центра и другъ друга на какую-нибудь одну версту.

„Атакующій,—говоритъ полковникъ Мейснеръ,—рѣшившійся форсировать интервалы, попадалъ подъ картечный огонь фланговъ двухъ сосѣднихъ фортовъ, а затѣмъ и подъ огонь съ главной ограды, на которую натыкался съ фронта; не располагая средствами потушить этотъ огонь и тактически парализовать войска, занимающія почти неприступные верки, онъ поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ постепенной или инженерной атакѣ мѣшавшихъ ему фортовъ, овладѣвъ которыми, онъ подготовлялъ артиллерійскимъ огнемъ дальнѣйшую атаку на ограду ядра“.

„Организація обороны этихъ крѣпостей была крайне проста, вслѣдствіе отсутствія необходимости передвигать большія массы артиллеріи изъ крѣпостнаго ядра для вооруженія интерваловъ между фортами, а орудія, потребныя для вооруженія фортовъ, стояли на своихъ мѣстахъ уже въ мирное время. Благодаря этому, не встрѣчалось надобности въ обширной сѣти путей сообщенія. Движеніе по внутреннимъ дорогамъ могло считаться обезпеченнымъ, вслѣдствіе ничтожной дальности, малой вѣроятности попаданія и слабого разрушительнаго дѣйствія сферическихъ снарядовъ“.

„Этимъ, однако, не исчерпываются выгодныя условія, въ которыхъ находились прежнія крѣпости. Малые интервалы между фортами и близость главной ограды позволяли снабжать подобныя крѣпости небольшимъ гарнизономъ, не болѣе одной бригады, т. е. около 15.000 человѣкъ. Гарнизонъ занималъ форты и главную ограду, оставляя открытыми интервалы, обстрѣливаемые перекрестнымъ огнемъ. Такимъ образомъ, борьба между противниками происходила все время въ обстановкѣ значительно болѣе выгодной для обороняющагося, чѣмъ для осаждающаго строившаго свои надежды, главнымъ образомъ, на союзникѣ внутри крѣпости—крайнемъ недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, вслѣдствіе полного отсутствія хорошихъ консервовъ, которые въ то время ограничивались солониной и сухарями“.

„Какъ только для обезпеченія крѣпостнаго ядра отъ огня на-рѣзной артиллеріи пришлось окружить его поясомъ фортовъ,

расположенныхъ не на версту отъ него, а верстъ до семи и даже до восьми, увеличился поперечникъ всей крѣпости до 18-ти верстъ, а протяженіе линіи фортвъ до 55-ти, и при томъ же числѣ фортвъ интервалы между ними увеличились почти въ пять разъ. Оборона интерваловъ подобной длины уже не можетъ быть основана ни на огнѣ фланговъ двухъ сосѣднихъ фортвъ, съ трудомъ различающихъ другъ друга въ подзорную трубу, ни на огнѣ главной ограды, расположенной въ разстояніи до 7—8 верстъ сзади. Сближеніе фортвъ повлекло бы за собою увеличеніе числа ихъ, что значительно увеличило бы стоимость крѣпости. По обѣ стороны фортвъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ располагаются смежныя батареи, а въ интервалахъ между фортами—промежуточные. Тѣ и другія предназначаются для орудій крѣпостной артиллеріи⁴.

„Расположеніе на значительномъ разстояніи другъ отъ друга фортвъ вызывается не только экономическими соображеніями, но и господствующимъ мнѣніемъ, что большія маневренныя крѣпости должны способствовать наступательнымъ операціямъ армій, временно въ нихъ пребывающихъ. Съ другой стороны, оборона въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не занятыхъ интерваловъ не представляла особенныхъ затрудненій, разъ атакующій осаждалъ крѣпость по всеѣмъ правиламъ постепенной атаки. Расположеніе осадныхъ парковъ и батарей съ достаточною опредѣленностью обозначало фронтъ, на который намѣревались вести постепенную атаку, и тѣмъ давало гарнизону нѣсколько мѣсяцевъ времени на то, чтобы укрѣпиться, выставить на угрожаемомъ фронтѣ весь запасъ своей крѣпостной и легкой артиллеріи, сдѣлать все для увеличенія недоступности атакованнаго фронта и встрѣтить противника во всеоружіи, когда послѣдній, наконецъ, преодолѣвъ все трудности, доходилъ до рва атакуемыхъ фортвъ“.

„Очевидно, что крѣпость, рассчитанная на подобный, заранѣе опредѣленный образъ дѣйствій противника, можетъ оказать надлежащее сопротивленіе только въ томъ случаѣ, если атакующій будетъ дѣйствовать по извѣстному шаблону, игнорируя тактику, а равно баллистическія и разрушительныя свойства современной артиллеріи, и тѣмъ дастъ гарнизону полную возможность держаться, пока хватить громаднхъ запасовъ консервовъ и рогатаго скота, которые современная крѣпость-лагерь можетъ вмѣстить“¹⁾.

1) Мейснеръ. „Опытъ боевой оцѣнки крѣпостей“. „Военный Сборникъ“.

Но есть полное основаніе предполагать, что въ войнахъ ближайшаго будущаго атакующій не дастъ подобнымъ крѣпостямъ времени на укрѣпленіе промежуточныхъ позицій, не укажетъ фронтовъ, на которые направляется рѣшительная атака, и явится передъ крѣпостью болѣе подготовленнымъ въ техническомъ и боевомъ отношеніяхъ, чѣмъ это случалось въ прежнихъ кампаніяхъ.

Опасеніе это навело военныхъ инженеровъ на мысль о совершенно отличномъ отъ прежняго направленіи въ фортификаціонномъ дѣлѣ. Явилась цѣлая новая школа („du plein air“) строителей, полагающихъ, что слѣдуетъ вывести артиллерію изъ фортовъ и размѣстить ее въ промежуткахъ между ними или даже мобилизовать ее на желѣзныхъ путяхъ, устроенныхъ позади фортовъ. Такимъ способомъ, при помощи шанцевъ, возводимыхъ по мѣрѣ надобности, весь оборонительный составъ фортовъ расчленивается съ цѣлью растянуть его на большую площадь. Батареи отдаляются одна отъ другой, и боевая линія ихъ отделяется отъ мѣста прикрытія гарнизона. Все это поведетъ къ тому, что артиллерія получитъ возможность дѣйствовать въ-открытую, но при равныхъ, если не при лучшихъ, шансахъ, чѣмъ атакующій.

Другая школа (консервативная), въ главѣ которой стоитъ авторитетный Бриальмонъ, говоритъ, что „форты сохранили бы за собой все свойства, какими они обладали доселѣ, еслибъ усилить ихъ своды, прикрыть надлежащимъ образомъ стѣны, помѣстить стрѣлковъ подъ куполы и батареи обезпечить броней. Нѣтъ надобности поэтому ни разрушать существующихъ фортовъ, ни упразднять ихъ, въ ожиданіи изобрѣтенія новаго ихъ устройства. Слѣдуетъ не измѣнять планъ и размѣщеніе составныхъ частей укрѣпленій, а примѣнять новые матеріалы для ихъ сооруженія, слѣдуетъ измѣнить размѣры стѣнъ и конструкцію прикрытій“¹⁾.

Послѣ долгихъ опытовъ, для этихъ цѣлей въ настоящее время употребляютъ бетонъ — смѣсь извести, мелкаго песку и гравія или твердаго щебня—который, представляя однородный матеріалъ, не подвергается при сотрясеніи отъ взрывовъ разрушенію, по причинѣ его большей упругости. Послѣ многихъ испытаній, въ Германіи нашли, что усиленіе существующихъ кирпичныхъ сводовъ лучше всего достигается покрытіемъ ихъ слесемъ

¹⁾ Brialmont. «Les régions fortifiées». 1891.

песку въ 0,80 метровъ толщины, затѣмъ слоемъ бетона не тоньше полутора метра и, наконецъ, слоемъ земли около 0,30 метровъ толщиною, для предохраненія отъ атмосферическихъ вліяній. Во Франціи полутора-метровую толщину бетоннаго слоя признаютъ недостаточною и доводятъ ее до 3 метровъ ¹⁾.

Что касается броневыхъ башенъ, то прежде ихъ дѣлали изъ чугуна, но нынѣшніе стальные снаряды легко ихъ пробиваютъ, поэтому теперь ихъ выдѣлываютъ изъ кованаго желѣза или литой стали.

Уже эта разнородность средствъ достаточно указываетъ на важный кризисъ, переживаемый системой нынѣшнихъ долговременныхъ укрѣпленій.

Наиболѣе радикальное рѣшеніе вопроса — упраздненіе долговременныхъ укрѣпленій и замѣну ихъ временными предлагаетъ майоръ Шейбертъ. Онъ не вѣритъ, подобно Бриальмону, въ дѣйствительность опредѣленныхъ стратегическихъ пунктовъ. Крѣпость, постройка которой и содержаніе стоили милліоны, которая притомъ дѣлаетъ неподвижными значительныя военныя силы въ видѣ гарнизона, можетъ оказаться, при неожиданномъ поворотѣ военныхъ операцій, совершенно невужною. Не лучше ли укрѣплять позиціи по мѣрѣ надобности, вызванной движеніями непріятельской арміи? Примѣромъ дѣйствительности результатовъ подобныхъ соображеній можетъ служить удачная защита Плевны.

Противники этой школы ²⁾ говорятъ, однако, что Плевна не можетъ въ этомъ случаѣ идти въ примѣръ. Для оцѣнки обороны плевненскихъ укрѣпленій весьма важно рѣшить вопросъ: какое могли бы они оказать сопротивленіе въ томъ случаѣ, если бы у русскихъ былъ соотвѣтственный артиллерійскій осадный паркъ? Безъ колебаній, говорятъ, можно отвѣтить, что сопротивленіе было бы ничтожнымъ, потому что турецкіе редуты вовсе не имѣли брустверовъ, способныхъ выдерживать огонь осадныхъ орудій; никакіе блиндажи не выдержали бы пораженія бомбами изъ новѣйшихъ орудій и наръзныхъ мортиръ.

Если русская артиллерія, какъ сообщалъ генераль Тотлебенъ, играла при обложеніи Плевны довольно второстепенную роль, то только потому, что въ минуту необходимости располагала недостаточнымъ количествомъ осадныхъ орудій.

¹⁾ Général Pierron. «Grande stratégie et tactique».

²⁾ Brialmont. „Régions fortifiées“.

Генераль Зауеръ ¹⁾ объясняетъ продолжительность сопротивленія Плевны точно также тѣмъ обстоятельствомъ, что нападающіе не были въ состояніи достаточно поколебать противника орудійнымъ огнемъ до штурма, который всякій разъ отражался однимъ дѣйствіемъ скорострѣльныхъ ружей защитниковъ Плевны. Они держались на банкетѣ своего бруствера, пока атака дѣйствовала артиллеріею. Но когда ея штурмовыя колонны приближались на нѣсколько сотъ метровъ къ верхамъ обороняющагося и атакующій уже долженъ былъ прекратить артиллерійскій огонь, тогда защитники укрѣпленій выскакивали на верхъ бруствера и открывали ружейный огонь по штурмовавшимъ. Но при нынѣшнемъ мортирномъ огнѣ, будьте убѣждены, — говоритъ генераль Зауеръ, — что защитники не станутъ держаться на банкетѣ, а будутъ оставаться въ самомъ безопасномъ мѣстѣ какъ можно дольше и едва-ли успѣютъ на верхъ бруствера въ пору для отраженія штурма.

Это сознаніе правильности подобныхъ взглядовъ дало поводъ къ тому, чтобы уменьшить вѣсъ осадныхъ орудій и мортиръ, и образовать изъ нихъ подвижные полевые парки, которыхъ назначеніе обезпечивать путь своей арміи черезъ фортификаціонныя препятствія, представляемыя натуральными позиціями и укрѣпленіями.

Во время осады Парижа, бомбардированіе началось лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала осады по невозможности доставить ранѣе по желѣзной дорогѣ осадный паркъ. Теперь Круппъ строитъ осадныя машины, которыя четверка лошадей легко везетъ по полямъ, и въ пограничныхъ крѣпостяхъ имѣются готовые парки такихъ орудій, которые будутъ сопровождать арміи.

Неудивительно поэтому, что новѣйшая и самая совершенная изъ крѣпостей, еще недостроенная, уже оказывается не на высотѣ современныхъ требованій, благодаря изобрѣтенію бомбъ - торпедъ. Вся фортификаціонная оборона Франціи, стоившая ей милліарды франковъ, уже внушаетъ недовѣріе къ себѣ среди компетентныхъ лицъ страны.

Прежде чѣмъ разобрать основательность этихъ утверженій, познакоимся съ отдѣльными фазисами борьбы при атакѣ и оборонѣ крѣпостей.

¹⁾ Sauer. „Ueber den abgekürzten Angriff auf feste Plätze“.

Б.

Методическая атака крѣпостей.

Для того, чтобы объяснить различія, какія, по мнѣнію военныхъ писателей, наблюдаются въ способахъ осады крѣпостей, въ весьма цѣнномъ изслѣдованіи К. Случевского ¹⁾ приведены выдержки изъ новѣйшихъ постановленій и учебниковъ. Мы воспользуемся этими выдержками.

Началомъ cadaго дѣйствія противъ крѣпости является такъ называемый *охватъ* ея (Beregnung).

„Отрядъ, состоящій изъ большей части кавалеріи облегающей арміи, конной артиллеріи и нѣсколькихъ частей ѣздящей пѣхоты и инженерныхъ войскъ, предшествуетъ корпусу обложенія, съ цѣлью быстро окружить крѣпость и отрѣзать вѣшнія сообщенія ея. Охватъ долженъ имѣть характеръ внезапности; въ то время, какъ корпусъ обложенія будетъ пытаться быстро и незамѣтно приблизиться къ крѣпости, охватывающій отрядъ долженъ стараться появиться передъ крѣпостью, послѣ усиленнаго ночнаго марша, на разсвѣтѣ, со всѣхъ сторонъ одновременно“.

„Охватывающій отрядъ разрушаетъ и преграждаетъ тотчасъ всѣ ведущіе къ крѣпости телеграфы, желѣзныя дороги и водяныя сообщенія. Онъ отбрасываетъ находящагося на впереди лежащей мѣстности непріятеля и пытается захватить плѣнныхъ, ловить или убиваетъ пасущійся вѣ крѣпости скотъ, овладѣваетъ предназначенными для крѣпости транспортами, препятствуетъ выходу изъ крѣпости жителей, которые, вмѣстѣ съ гарнизономъ, должны поглощать жизненные припасы ея, причѣмъ распространяетъ возможно больше страха и смятенія“.

Что касается самаго обложенія крѣпости, то оно можетъ быть исполнено двумя способами:

„Въ одномъ случаѣ, при слабой оборонѣ, облегающій отрядъ подходитъ къ крѣпости на разстояніе двухъ-трехъ переходовъ и выдвигаетъ здѣсь два сильныхъ фланговыхъ отряда, съ цѣлью произвести, такимъ образомъ, обложеніе крѣпости. Затѣмъ производится со всѣхъ сторонъ одновременно охватъ, подъ охраною котораго три главные группы продолжаютъ свое наступленіе. При этомъ выдѣляются изъ этихъ трехъ группъ одиночные отряды, которые направляются, по разнымъ имѣю-

¹⁾ „О крѣпостной войнѣ“.

щимъ значеніе дорогамъ, поддерживая взаимную связь. Подобнымъ образомъ произошло это въ 1870 году подъ Парижемъ“.

„Во второмъ случаѣ, при энергичной оборонѣ, сосредоточенный отрядъ обложенія двигается до того пункта пояса обложенія, который представляетъ наиболѣе благопріятные шансы для дѣйствія противъ вылазокъ гарнизона; здѣсь, прежде всего, занимаетъ сильную позицію и, только послѣ созданія достаточнаго сопротивленія наступательнымъ дѣйствіямъ обороняющагося, распространяетъ средства борьбы постепенно въ обѣ стороны для того, чтобы сомкнуть кольцо обложенія. Плевна 1877 г. представляетъ примѣръ такого рода“.

Что же касается атаки и обороны крѣпостей, то онѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Послѣ производства обложенія крѣпости, облегающій отрядъ обезпечиваетъ себя сторожевымъ охраненіемъ и усиливаетъ линію обложенія полевыми укрѣпленіями. Въ это время крѣпость рекогносцируютъ, опредѣляютъ фронтъ атаки, составляютъ проектъ атаки ея и доставляютъ нужный для веденія осады инженерный и артиллерійскій матеріалъ. Затѣмъ для открытія дѣйствій атаки, а если возможно, то и для дальняго обстрѣливанія внутренности крѣпости, строятъ батареи въ 2.000—3.000 метр. отъ верковъ и вооружаютъ ихъ тяжелыми орудіями ¹⁾. Для охраны такихъ строящихся батарей, прежде всего, необходимо придвинуть линію обложенія до разстоянія около 1.500 метр. къ крѣпостнымъ веркамъ ²⁾. Ослабивъ крѣпостные верки дѣйствіемъ батарей первой позиціи, которыя могутъ быть расположены уступами впередъ, и заставивъ обороняющагося отступить изъ занимаемыхъ имъ на впереди лежащей мѣстности пунктовъ, — осаждающій подъ прикрытіемъ выдвинутыхъ впередъ отрядовъ пѣхоты, устраиваетъ — какъ исходный пунктъ ведущихся противъ крѣпостныхъ верковъ подступовъ, — возможно ближе къ крѣпости (600—800 метр.) ³⁾ обезпеченную пѣхотную позицію или *первую параллель съ ходами сообщенія* назадъ, къ паркамъ. По возможности одновременно съ постройкою этой параллели атакующій придвигаетъ ближе (800—1.500 метр.) къ крѣпости орудія для того, чтобы уничто-

¹⁾ Первая артиллерійская позиція.

²⁾ Тѣсное обложеніе.

³⁾ Ближняя атака.

жить боевыя ея средства и брешировать валъ ¹⁾). Для обезпеченія продолжающихся работъ атакующаго—*подступовъ*, устраиваютъ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, все ближе и ближе къ крѣпости другія *пѣхотныя позиціи*. Послѣ того, какъ осаждающій уничтожить, путемъ минной войны, оборонительныя мины, если таковыя существуютъ, устраиваютъ, какъ послѣднюю позицію на ближайшей впереди лежащей мѣстности, *спичаніе мисса*. Въ то же время (посредствомъ орудій или минъ) разрушаютъ фланкирующія постройки, дѣлаютъ бреши въ эскарпахъ, а также, въ случаѣ надобности, спуски и переходы черезъ ровъ, чтобы затѣмъ проізвести штурмъ верковъ.

„Обороняющійся же долженъ возможно долѣ оспаривать у атакующаго впереди лежащую мѣстность и, посредствомъ вылазокъ и наблюденія за непріятельскими приготовленіями, стараться отгадать избранное направленіе атаки. Если фронтъ атаки опредѣленъ съ достовѣрностью, то тотчасъ приступаютъ къ вооруженію послѣдняго и вступаютъ въ бой орудіями, какъ фортовыми, такъ и смежныхъ батарей“.

„Если сторожевыя посты отброшены назадъ на крѣпостныя верки, то обороняющійся долженъ наблюдать ночью впереди лежащую мѣстность (патрули, освѣщеніе) и, посредствомъ вылазокъ, препятствовать заложенію 1-й пѣхотной и 2-й артиллерійской позицій. Если это не удастся, то орудійный бой изъ верковъ, а также смежныхъ и промежуточныхъ батарей, возобновляется, веденіе же *подступовъ* задерживаютъ орудійнымъ огнемъ, вылазками и контръ-апрошами. Штурму противодѣйствуютъ всѣми силами. Послѣ паденія фортовъ, занимаютъ своевременно устроенную промежуточную позицію (между фортами и городомъ) и, послѣ паденія ея, продолжаютъ защиту главной ограды подобнымъ же образомъ“.

Наконецъ, относительно опредѣленія численности гарнизона и необходимыхъ силъ для осады, по настоящее время положительныхъ основаній еще не установлено. Всѣ согласны только въ томъ, что „сила гарнизоновъ должна быть въ зависимости отъ болѣе или менѣе важнаго значенія крѣпости и силы сопротивленія ея верковъ. Ген. Бріальмонъ дѣлаетъ слѣдующіе примѣрные разсчеты какъ гарнизона, такъ и силъ осаждающаго такой большой крѣпости, которая можетъ служить операцион-

¹⁾ Вторая артиллерійская позиція.

ною базю и маневренною осью арміи и которая, въ отсутствіе послѣдней, способна выдержать продолжительную осаду“.

„Для этихъ расчетовъ г. Бриальмонъ предполагаетъ слѣдующее: Крѣпость, съ 12-ю фронтами, длиною каждый въ 1 километръ и съ поясомъ фортовъ, расположенныхъ въ разстояніи 7 килом. отъ главной ограды, причѣмъ число фортовъ равно 13-ти, а разстояніе между ними—4-мъ километрамъ. Между фортами имѣются промежуточные долговременныя батареи, на шесть мортиръ или гаубицъ каждая“.

„По расчетамъ, принятымъ во Франціи (въ *École d'application d'artillerie et du génie*, въ Fontainebleau) для подобной крѣпости потребовалось бы 856 оруд., а по расчетамъ, принятымъ въ Германіи,—1.000 орудій. Весь гарнизонъ такой крѣпости, по расчету г. Бриальмона, будетъ заключать въ себѣ: пѣхоты—39.600 ч., кавалеріи—1.920 ч., полевой артиллеріи—900 чел., инженерныхъ войскъ—2.800 чел., крѣпостной артиллеріи — 12.660 чел.; итого 57.880 чел. Для пассивной обороны такой крѣпости требуется, по расчету г. Бриальмона, 42.000 челов. Если же такая крѣпость будетъ поддерживаема арміею, то потребуется, безъ 13-ти баталіоновъ, составляющихъ частныя резервы,—29.000 чел. По расчетамъ, принятымъ во Франціи (въ *École d'application*), потребовалось бы для такой крѣпости 32.000 чел. При вышеупомянутой примѣрной крѣпости линія передовыхъ постовъ (*ligne de sentinelles*) осаждающаго, находясь въ 2.500 метровъ отъ линіи фортовъ, будетъ имѣть 71.800 метровъ длины, а находящаяся въ 2.500 метровъ отъ линіи передовыхъ постовъ и, слѣдовательно, въ 5.000 метр. отъ линіи фортовъ, такъ называемая боевая линія (*ligne de combat*) будетъ имѣть въ этомъ случаѣ 88.000 метр. (88 километровъ). Полагая по 1,7 человекъ на 1 метръ линіи передовыхъ постовъ, облегающая армія будетъ = 122.000 человекъ. Прибавляя же къ ней осадный корпусъ въ 50.000 человекъ, окажется, что вся осаждающая армія для осады вышеупомянутой примѣрной крѣпости будетъ $(122\ 000 + 50\ 000) = 172\ 000$ человекъ. Линія обложенія подл Парижемъ занята была 2,8 человекъ на 1 метръ боевой линіи. Для обложенія вышеупомянутой Бриальмоновской примѣрной крѣпости потребовалась бы по этому расчету облегающая армія въ 246.400 челов., а вмѣстѣ со спеціально осаднымъ корпусомъ—армія въ 296.400 человекъ“.

„Чтобы дать нѣкоторое понятіе о времени, какое можетъ понадобиться для осады крѣпости современнаго характера, при-

водимъ приблизительный расчетъ, помѣщенный въ французскомъ сочиненіи объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей ¹⁾.

Периодъ обложенія и прибытія осад- ныхъ средствъ.	Отраженіе непріятельскихъ передовыхъ войскъ 8 Занятіе позицій для тѣснаго обложенія крѣпости 10 Расположеніе и устройство парковъ 12	} 30 дней.			
			Атака фортонъ первой линіи.	Постройка и вооруженіе батарей первой артил. позиціи . 12 Артиллерійская борьба и бомбардированіе. 8 Занятіе позицій для батарей второй артил. позиціи и веденіе подступовъ до овладѣнія фортами 25	} 45 дней.
Атака и взятіе ядра крѣпости 25 —					
		Итого . . . 120 дней.			

„Хотя въ это число дней не включено время, которое можетъ потребоваться для мивной войны и пр., тѣмъ не менѣе, вышеприведенныя приблизительныя числа показываютъ, что осада большой крѣпости, усиленной фортами, составляетъ одно изъ самыхъ продолжительныхъ и трудныхъ дѣйствій, какія могутъ представиться въ теченіе кампаніи“ ²⁾.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ „Encyclopédie militaire“, издаваемой обществомъ французскихъ офицеровъ, въ статьѣ „Attaque et défense des places fortes“ продолжительность времени для предполагаемой въ будущемъ осады Страсбурга исчисляють вмѣсто 120-ти въ 160 дней. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе и заключеніе статьи. „Осада Страсбурга или иной равной ему крѣпости можетъ представить продолжительную и весьма

¹⁾ „Attaque et défense des places ou guerre de siège“. Publié avec le concours d'officiers de toutes armes et sous le patronage de la Réunion des Officiers. Bruxelles. 1886.

²⁾ Мы заимствуемъ все это изъ вышеозначеннаго сочиненія: „О крѣпостной войнѣ“.

трудную операцію, которая потребуетъ большаго расхода силъ и средствъ; но не слѣдуетъ забывать, что взятіе этого рода позиціи даетъ результаты весьма существенные, если не рѣшающіе“.

6.

Ускоренная атака крѣпостей.

Представивъ взгляды, такъ сказать, консервативной школы, обратимся къ разсмотрѣнію возраженій ея противниковъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время между военными инженерами и артиллеристами весьма распространено убѣжденіе, что, въ виду усовершенствованія нынѣшней артиллеріи, крѣпости не будутъ подвергаться осадѣ, а будутъ атакуемы открытою силой. Навѣшенный выстрѣлъ шрапнелью изъ короткой пушки и мортиры лишаетъ укрѣпленія защиты, такъ какъ онъ попадаетъ даже въ плотно стоящую за ними цѣль; прямой же выстрѣлъ изъ большихъ пушекъ пробиваетъ стѣны и открываетъ свободный путь для штурма крѣпости; введеніе гранатъ, начиненныхъ сильно дѣйствующими взрывчатыми веществами, настолько увеличиваетъ разрушительное дѣйствіе даже отдѣльныхъ выстрѣловъ противъ верховъ, что все прежнія конструкціи становятся негодными. Даже сравнительно недолгое обстрѣливаніе такими гранатами оказывалось достаточнымъ, чтобы сдѣлать вполне неспособными къ оборонѣ укрѣпленія, въ родѣ бывшихъ до сихъ поръ фортвовъ.

Подъ давленіемъ этихъ фактовъ возникъ крѣпостной кризисъ, не вполне устраненный до сихъ поръ не только на практикѣ, но и въ теоріи.

Главнымъ представителемъ этого убѣжденія считается генералъ фонъ-Зауеръ, который полагаетъ, что осада по вышеизложеннымъ правиламъ прямо невозможна, и предлагаетъ иной — сокращенный способъ атаки ¹⁾).

Разница между этими двумя способами, по объясненію генерала Зауера, заключается въ слѣдующемъ. „Систематическая или фформальная атака направляется въ сущности на одинъ фронтъ крѣпости, между тѣмъ какъ атака ускоренная угрожаетъ по возможности всемъ доступнымъ фронтамъ. А такъ какъ при первомъ методѣ, осаждаемый можетъ направ-

¹⁾ „Ueber den abgekürzten Angriff gegen feste Plätze und seine Abwehr“.

вить всё свои средства на одинъ фронтъ и даже на одинъ какой-либо пунктъ, то ускоренная атака и рассчитана на то, чтобы отвратить такое сосредоточеніе, дабы тѣмъ легче одолѣть разьединенныя силы обороны“.

„Противъ атаки систематической мѣры защиты заключаются прежде всего въ томъ, что тотъ фронтъ или тѣ фронты, которые, по расположенію дорогъ, близости къ матерьяламъ, могущимъ служить для возведенія батарей, и по конфигураціи почвы, наиболѣе могутъ быть угрожаемы, усиленно укрѣпляются уже заранѣе. Противъ ускоренной же атаки, которая направляется по соображеніямъ скорѣе тактическимъ, чѣмъ техническимъ, приходилось бы усиленно укрѣплять всё фронты, къ чему не всегда есть средства. Но вотъ именно на этомъ-то обстоятельствѣ, а также на подвижности нынѣшнихъ мортиръ и трудности повсемѣстнаго прикрытія отъ бросаемыхъ ими снарядовъ, и основывается осуществимость атаки „тактической“, которая, какъ то понятно, всегда направляется не на сильныя, но на слабыя части защиты“.

Генераль Зауеръ подтверждаетъ свою мысль слѣдующимъ сравненіемъ ¹⁾: „попробуйте паука, сидящаго въ центрѣ своей сѣти, побеспокоить вдругъ съ четырехъ ея угловъ, и вы увидите, съ какой отчаянной беспомощностью онъ забѣгаетъ. Но если вы станете беспокоить его только съ одного пункта паутины, то онъ проявитъ всю свою энергію. Цѣлью нападающаго и должно быть то, чтобы защитникъ, сидя въ своей хорошо скомбинированной сѣти укрѣпленій, уподобился безпокойствомъ и нерѣшительностью тому пауку, а не оказался энергическимъ и опаснымъ противникомъ“.

„Исходя изъ этого принципа, дѣйствія атакующаго должны быть направлены, главнымъ образомъ, противъ живыхъ средствъ обороны, т. е. противъ войскъ и орудій, причемъ дѣйствія эти должны отличаться возможно большею быстротою и неожиданностью для обороняющагося. Послѣдній же, какъ обыкновенно слабѣйшій, долженъ имѣть цѣлью оказать возможно болѣе продолжительное сопротивление, въ виду того, что выигрышь времени есть для него побѣда“.

Проектируемый г. Зауеромъ способъ атаки состоитъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ:

¹⁾ Стр. 36.

„По изученіи свойствъ крѣпости помощью рекогносцировокъ, атакующій долженъ повсемѣстно и рѣшительно отгѣснить обороняющагося къ главной оградѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ линіи фортовъ. Штурмъ передовыхъ позицій можетъ и должна подготовить съ успѣхомъ усиленная мортирами полевая артиллерія, причемъ слѣдуетъ сильно обстрѣливать, главнымъ образомъ шрапнелью, позиціи войскъ обороняющагося, начиная съ дистанціи около 4.000 метровъ (изъ длинныхъ орудій), и притомъ со всѣхъ сторонъ, чтобы ввести обороняющагося въ заблужденіе относительно направленія главнаго удара“.

„Овладевъ передовыми позиціями, слѣдуетъ, по мнѣнію г. Зауера, начать немедленно преслѣдованіе отступающихъ войскъ обороняющагося. Препятствовать этому могутъ форты, но съ ними полевой артиллеріи, усиленной дальнею шрапнелью и мортирами, справиться будетъ не невозможно, такъ какъ для этого достаточно будетъ привести орудія защиты въ боевую негодность, т. е. уничтожить прислугу, а также поражать гарнизонъ фортовъ“.

„Авангардомъ осадной артиллеріи, состоящимъ изъ 24—30 (12-ти и 15-ти-сант.) мортиръ, г. Зауеръ предлагаетъ воспользоваться такъ, чтобы, по овладѣніи впереди лежащею мѣстностью и по производствѣ надлежащихъ рекогносцировокъ, поставить его ночью въ разстояніи около 2.000 метровъ отъ атакуемаго форта и на слѣдующее же утро открыть изъ этихъ мортиръ огонь. Это тѣмъ болѣе возможно, что мортиры не требуютъ, по его мнѣнію, постройки батарей, а только прикрытія прислуги и зарядовъ ихъ“.

„Лишь только огонь фортовъ будетъ потушенъ, можно будетъ, по мнѣнію г. Зауера, довести преслѣдованіе до линіи фортовъ, быть можетъ, прорвать эту линію и даже, при случаѣ, взять штурмомъ который-либо изъ фортовъ. Главная же подготовка для овладѣнія линіею фортовъ, по приведеніи ихъ къ молчанію, должна заключаться, по его мнѣнію, не столько въ пробитіи брешей,—что можетъ быть замѣняемо штурмовыми лѣстницами,—сколько въ уничтоженіи фланговой обороны ихъ“.

„По овладѣніи линіею фортовъ, слѣдуетъ,—по словамъ г. Зауера,—преслѣдовать обороняющагося возможно энергичнѣе для того, чтобы воспрепятствовать удержанію его на позиціяхъ, внѣ главной ограды находящихся; самая же атака главной ограды будетъ гораздо труднѣе атаки фортовъ. Одновременно

съ атакою главной ограды слѣдуетъ, по его мнѣнію, начать и бомбардированіе крѣпости, производя его изъ всѣхъ орудій и захватывая имъ возможно большее пространство“.

„Вообще, основная идея атаки г. Зауера заключается въ томъ, чтобы, не прибѣгая въ сапной атакѣ, нынѣ, по его мнѣнію, невозможной, быстро, не давая опомниться врагу, овладѣвать крѣпостными верками, дѣлая ихъ, т. е., лучше сказать, защищающую ихъ живую силу, какъ онъ выражается, *sturmgeif*, т. е. *созрѣвшею для штурма*, посредствомъ сильнаго, непрерывающагося, главнымъ образомъ, навѣснаго и прапнельнаго огня легкихъ мортиръ и полевыхъ орудій, открываемаго даже не ожидая прибытія осаднаго парка. Онъ считаетъ, что слѣдуетъ, до овладѣнія укрѣпленіями, ихъ, какъ онъ выражается, *aufweichen*, т. е., такъ сказать, *размячить* вышеупомянутымъ огнемъ. О томъ, какъ именно производить самый штурмъ, онъ нигдѣ опредѣленно не говоритъ, и можно только догадываться, что, по его мнѣнію, обороняющійся будетъ или бросать укрѣпленія, засыпаемые дождемъ бомбъ, шрапнели, а также ружейныхъ пуль, и тогда можно будетъ занимать ихъ немедленно, безъ штыковаго боя, или же будетъ оборонять ихъ не энергично, доведенный этимъ огнемъ атакующаго до зрѣлости для штурма. Скрывансь отъ этого огня въ закрытіяхъ, обороняющійся, по мнѣнію г. Зауера, невѣ состояніи будетъ своевременно занимать банкеты, а оставаясь на нихъ открытымъ, будетъ скоро уничтоженъ этимъ огнемъ“¹⁾.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что кромѣ средствъ атаки, на которыя было указано, въ германской арміи, весьма вѣроятно, имѣются еще средства, содржимыя въ тайнѣ. Генераль Зауеръ, говоря о средствахъ, имѣющихся въ распоряженіи для атаки, прибавляетъ: „замѣчу при этомъ случаѣ разъ навсегда, что я не буду вамъ рассказывать о такихъ вещахъ, которыя составляютъ служебную тайну, тѣмъ болѣе, что, какъ я надѣюсь, для дѣли моихъ лекцій будетъ вполне достаточно, если я буду разумѣть ихъ лишь въ общихъ опредѣленіяхъ, подъ которыя онѣ подходятъ“²⁾.

Нельзя не указать еще и на то, что методъ атаки генерала Зауера авторъ „Крѣпостной войны“ считаетъ примѣнимымъ и въ томъ случаѣ, если для обороны имѣются защищенные брошею форты.

1) «О крѣпостной войнѣ» («Военный Сборникъ»).

2) „Ueber den abgekürzten Angriff auf feste Plätze und seine Abwehr“.

Зауеръ предвидитъ самъ существованіе самыхъ усовершенствованныхъ защитъ системы прусскаго инженера Шумана, исполненныхъ на заводѣ Грузона и раздѣляющихся на два рода: перевозныя и подъемныя. Первыя вставляются въ большомъ числѣ въ брустверъ и вооружены легкимъ скорострѣльнымъ орудіемъ, котораго дуло смотритъ изъ купола и поворачивается, вмѣстѣ съ нимъ, наводчикомъ. Купола такихъ защитъ выдерживаютъ обыкновенно только ударъ полевой гранаты, но за то они представляютъ собой столь малую и неудобопримѣтную для противника цѣль, что попасть въ нихъ весьма трудно.

Но подъ броневую защиту подъемную можно, какъ предполагаетъ Зауеръ, уставить даже и 12-сантиметровое орудіе. Эти защиты также поворотныя, но куполь ихъ выдерживаетъ огонь самыхъ тяжелыхъ орудій. Когда нужно произвести выстрѣлъ, то куполь, а съ нимъ и дуло приподнимаются, а послѣ выстрѣла снова опускаются. Боковыя стѣны такой защиты менѣе устойчивы, чѣмъ куполь, но онѣ приподнимаются для выстрѣла, вмѣстѣ съ дуломъ, только на 20—30 сантиметровъ и всего на 2—3 секунды, такъ что ихъ трудно поразить.

Затѣмъ, Зауеръ говоритъ, что есть еще поворотныя, но не подъемныя броневыя защиты, служащія для артиллерійскаго боя и для прикрытія тяжелыхъ орудій, гаубиць и мортирѣ. Понятно, что защиты для прикрытія мортирѣ могутъ быть вставляемы въ брустверъ такъ глубоко, что онѣ совершенно охранены. Но для орудій, служащихъ для прицѣльной стрѣльбы, такая полная вставка защиты въ брустверъ дѣлаетъ невозможной стрѣльбу горизонтальную, то-есть стрѣльбу на близкія разстоянія, такъ какъ если дуло будетъ поставлено горизонтально, то уже не вся его длина останется покрытой куполомъ, но жерломъ своимъ высунется изъ-подъ него. Тогда, съ дистанціи малой, напр. съ 1.000 метровъ, можно повредить его, не прибѣгая къ дѣйствію наиболѣе тяжелыхъ орудій.

Но здѣсь появляется иная опасность для укрытыхъ подъ броней. Газы, образующіеся при детонаціи пироксилиновыхъ зарядовъ, кромѣ мѣстнаго разрушенія, дѣлаютъ надолго необитаемыми сосѣднія постройки. Такъ, одной 9-ти-дюймовой бомбы, разорвавшейся на поверхности бетона, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа въ колѣнчатый блиндированный проходъ, было достаточно, чтобы разрушить деревянную переборку, стоявшую

въ этомъ проходѣ, и, вслѣдствіе удушливости газовъ, сдѣлать этотъ проходъ, въ теченіе часа, недоступнымъ для людей ¹⁾.

7.

Мнѣнія русскихъ специалистовъ относительно системы ускоренной атаки.

Теорія, представителемъ которой считаютъ профессора Зауера, подверглась старательному ученому разсмотрѣнію. И въ этомъ случаѣ военные писатели раздѣлились на два противоположныхъ лагеря. Оптимисты утверждаютъ, что оборона и теперь не утратила своей силы, а потому и предложеніе ускоренной атаки является какъ бы увлеченіемъ.

Къ числу такихъ крайнихъ приверженцевъ обороны прежней системы принадлежатъ профессоръ Энгманъ ²⁾ и Кюи.

Профессоръ Йохеръ ³⁾, не вдаваясь въ крайнія мнѣнія, высказываетъ, относительно атаки открытою силою вообще, что она можетъ быть предпринята съ успѣхомъ лишь противъ укрѣпленныхъ пунктовъ, имѣющихъ малочисленный гарнизонъ и слабое расположеніе (слабая фланговая оборона рвовъ, отсутствіе каменныхъ эскарповъ и контръ-эскарповъ, отсутствіе опорныхъ пунктовъ и пр.).

Относительно же ускоренной атаки Зауера, онъ замѣчаетъ, что „въ военномъ дѣлѣ, конечно, нѣтъ ничего невозможнаго при извѣстной обстановкѣ; поэтому нельзя оспаривать возможности такой атаки въ извѣстныхъ случаяхъ противъ современныхъ крѣпостей. Тѣмъ не менѣе, при одновременномъ нападеніи съ нѣсколькихъ сторонъ, едва-ли можно ожидать однообразія въ дѣйствіяхъ штурмовыхъ колоннъ. Случайности неизбежны, а потому и успѣхъ весьма сомнительный. Если же допустить возможность прорыва фортоваго пояса, то дальнѣйшія затѣмъ дѣйствія кажутся слишкомъ смѣлыми, въ виду фортовъ, хотя и сильно потрясенныхъ, но еще занятыхъ обороняющимся, и при возможности появленія на сцену резервовъ гарнизона, значеніемъ которыхъ атакующій не долженъ пренебрегать. Объ овладѣніи, въ случаѣ надобности, нѣкоторыми укрѣпленіями фортоваго пояса, г. Зауеръ говоритъ лишь вскользь,

¹⁾ Потоцкій. „Артиллерія“. 1892, стр. 49.

²⁾ См. «Ускоренная атака крѣпостей».

³⁾ „Осадная война“. С.-Петербургъ, 1891.

какъ будто такое дѣйствіе не можетъ представить никакихъ затрудненій, — съ чѣмъ согласиться трудно, имѣя въ виду форты, снабженные каменными одеждами и имѣющіе фланговую оборону рвовъ, надлежащимъ образомъ устроенную“.

Капитанъ Энгманъ, говоря объ ускоренной атакѣ крѣпостей, приходитъ къ тому выводу, что она имѣетъ очень мало шансовъ на успѣхъ противъ крѣпостей, вполне подготовленныхъ къ оборонѣ въ фортификаціонномъ отношеніи, снабженныхъ достаточнымъ гарнизономъ, главное же, имѣющихъ во главѣ энергичнаго и знающаго свое дѣло коменданта. Значить, въ этомъ отношеніи авторъ вполне сходится съ мнѣніемъ генерала Лохера.

Профессоръ же Кюи, въ брошюрѣ „Нѣсколько словъ по поводу современнаго фортификаціоннаго броженія“, послѣ тщательнаго разбора всѣхъ доводовъ за и противъ ускоренныхъ атакъ, приходитъ къ заключенію, что „паника передъ атакой, о которой говоритъ Зауеръ, не имѣетъ основанія“, что „недовѣріе къ крѣпостямъ и ихъ способности сопротивляться несправедливо“, что „формы существующихъ крѣпостей не нуждаются ни въ какихъ общихъ, радикальныхъ преобразованіяхъ“, что, „вызванная современными могучими средствами атаки, подготовка мѣстности къ бою и частныя перестройки въ фортахъ (усиленіе каменныхъ построекъ) не сложны и не потребуютъ сильныхъ, чрезмѣрныхъ издержекъ“.

Профессоръ К. Величко ¹⁾ держится середины между крайними мнѣніями, признавая, однако, что современные крѣпости съ ихъ артиллеріею нуждаются въ серьезныхъ улучшеніяхъ, причемъ предлагаетъ новое начертаніе форта, заблаговременное устройство оборонительной линіи между фортами, съ долговременными пушечными и мортирными батареями, для того, чтобы не попасть въ положеніе, отъ котораго предостерегаетъ генералъ Зауеръ.

Профессоръ Величко отвергаетъ не только купола, но и вообще всякое одѣваніе броней, и предпочитаетъ покрытіе изъ бетона. Онъ видитъ въ фортахъ только позиціи для пѣхоты, а мѣсто артиллеріи указываетъ въ интервалахъ, гдѣ она можетъ быть маскируема посредствомъ гласисовъ. Въ постоянныхъ же

¹⁾ «Оборонительныя средства крѣпостей противъ ускоренныхъ атакъ».

промежуточныхъ веркахъ онъ предлагаетъ ставить орудія на подвижныхъ лафетахъ. Но и это, кажется, не всегда принесетъ пользу, судя по результатамъ произведенной въ Лиддѣ въ 1888 г. стрѣльбы по установленной батарее съ подвижными лафетами. Оказалось, что гранаты съ врывчатымъ составомъ наносятъ сильный вредъ такимъ установкамъ. Съ дистанціи 1.100 метровъ 12 гранатъ, выпущенныхъ 152-миллиметровымъ орудіемъ, произвели такое дѣйствіе, при которомъ прислуга должна была бы выбыть изъ строя и лафеты были бы демонтированы ¹⁾.

Замѣчательнъ выводъ профессора Величко относительно снабженія броневыми закрытіями фортовъ.

„Можно приводить, — говоритъ проф. Величко, — сколько угодно доводовъ за необходимость мощныхъ и несокрушимыхъ закрытій для бездѣйствующихъ элементовъ обороны, каковы всевозможные боевые и продовольственные припасы, или временно бездѣйствующихъ: люди на отдыхѣ, канонирныя и противостурмовыя пушки и т. п.; но для элементовъ, вызванныхъ къ дѣйствію, къ борьбѣ, особенно въ минуты рѣшительнаго боя, во время штурмовъ и атакъ, закрытіе можетъ принести только больше вреда, чѣмъ пользы. Сколько угодно бетона и земли надъ пороховыми складами, казармами, фланкирующими батареями, но лишь открытое небо надъ боевою позиціей; какія угодно мѣры облегченія своевременнаго появленія на позиціи войскъ и артиллеріи, до боя укрытыхъ отъ всяческихъ пораженій, но во время боя необходимо дать имъ возможно полную свободу обзора и обстрѣла. Только съумѣвъ удовлетворить этимъ, основнымъ, по нашему мнѣнію, требованіямъ борьбы, инженеръ не станетъ могильщикомъ, а его фортъ — бронированною гробницей“.

Идеи г. Величко встрѣтили сильный отголосокъ въ иностранной литературѣ и вызвали отзывы въ большинствѣ одобрительные. Между прочимъ, австрійскій капитанъ баронъ фонъ-Лейтнеръ, отдавая справедливость взглядамъ русскаго автора, пытается провести компромиссъ между этимъ взглядомъ и убѣжденіемъ защитниковъ брони ²⁾.

Талантливымъ, просвѣщеннымъ и энергичнымъ представи-

¹⁾ «Militärische Jahresberichte für 1892».

²⁾ «Mittheilungen über Gegenstände des Artillerie-und Geniewesens», 1890. «Pro und contra Welitschko».

телемъ пессимистическаго направленія въ этомъ вопросѣ явился уже прежде цитированный нами писатель, полк. Э. Мейснеръ ¹⁾. Онъ признаетъ полную возможность брать крѣпости ускоренною атакой, считая современныя крѣпости совершенно непригодными для упорнаго сопротивленія.

Онъ обращаетъ вниманіе на недостаточную оцѣнку измѣненій, какія будутъ вызваны введеніемъ въ употребленіе пневматическихъ орудій Залинскаго, о которыхъ мы уже упомянули. „Опыты, произведенныя въ Килѣ надъ этими орудіями, дали весьма неутѣшительные результаты съ точки зрѣнія обороны крѣпостей. Атакующій имѣетъ возможность еще въ мирное время держать въ полной готовности на своей территоріи нѣсколько подобныхъ орудій, съ потребнымъ комплектомъ снарядовъ, и подвести ихъ въ кратчайшій промежутокъ времени къ атакуемой пограничной крѣпости. Орудія, стрѣляющія безъ огня и дыма и почти безъ звука, не могутъ быть открыты ночью, даже при помощи самыхъ совершенныхъ электро-освѣтительныхъ аппаратовъ и подзорныхъ трубъ. Трудно себѣ представить, каковы будутъ эффекты одновременнаго разрыва двухъ или нѣсколькихъ, выбрасываемыхъ изъ орудій Залинскаго, снарядовъ, наполненныхъ 17-ю пудами взрывчататаго вещества“.

„Если атакующій поставитъ себѣ цѣлью *безпокоить* гарнизонъ форта подобными посылками въ теченіе нѣсколькихъ ночей сряду, а днемъ будетъ обстрѣливать форты изъ орудій меньшихъ калибровъ, но болѣе пригодныхъ для маневровъ чисто боеваго характера, то гарнизонъ форта едва-ли окажется способнымъ къ сопротивленію и въ томъ едва-ли возможномъ случаѣ, если даже верки, послѣ подобнаго разстрѣла ихъ, окажутся еще годными къ оборонѣ“.

Полковникъ Мейснеръ предлагаетъ оное начертаніе идеальной крѣпости, съ двумя непрерывными оградами, и указываетъ на необходимость имѣть въ крѣпостяхъ постоянные гарнизоны, обученные по особымъ программамъ, и проч.

Авторъ замѣтки „Нѣсколько мыслей объ основныхъ началахъ крѣпостной войны“ говоритъ, что „современныя крѣпости брать можно и даже легче, чѣмъ это было прежде“, и что „благоустроенныхъ крѣпостей онъ не видалъ“. Подобный же взглядъ высказывается и въ другой статьѣ „Военнаго Сборника“: „Въ какой степени опасна для крѣпостей ускоренная атака?“.

¹⁾ «Опытъ боевой оцѣнки крѣпостей».

Что же касается вопроса объ укрѣпленіи столицъ, то генералъ Кюи, по поводу новыхъ фортификацій Парижа, приходитъ къ выводу, что „если бы современный Парижъ подвергся еще когда-нибудь атакѣ, то вѣроятно атакующій вновь рѣшился бы на блокаду, такъ какъ другіе способы атаки были бы или безцѣльны (бомбардированіе) или до невозможности затруднительны (постепенная атака). Но *тѣсная блокада* едва-ли осуществима, она потребовала бы по крайней мѣрѣ 500.000 человѣкъ. Поэтому пришлось бы довольствоваться блокадой съ интервалами, съ цѣлью воспрепятствованія ввоза значительныхъ обозовъ съ запасами, пренебрегая небольшими отдѣльными транспортами, за которыми услѣдить невозможно и которые для миллионнаго населенія не могутъ имѣть значенія“.

„Но и въ такомъ случаѣ, допуская, что въ Парижѣ имѣется только 5 подвижныхъ корпусовъ, составляющихъ общій резервъ 150.000 (цифра небольшая сравнительно съ общею численностью гарнизона въ 300.000), положеніе блокирующаго будетъ опаснымъ. Но даже если бы этотъ способъ блокады удался, то, вѣроятно, Парижъ продержался бы значительно дольше, чѣмъ въ 1870—1871 гг., вслѣдствіе возможности пользоваться запасами, добываемыми изъ громадной площади мѣстности, охваченной линіею внѣшнихъ фортовъ. Можно съ полнымъ вѣроятіемъ предположить, что если въ Парижѣ окажется хорошій гарнизонъ, съ талантливымъ комендантомъ, и если въ дѣло обороны не вмѣшается политика, то Парижъ послужитъ непреодолимымъ оплотомъ, спасителемъ Франціи, даже среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ“.

Суммируя затѣмъ все высказанное русскими военными писателями относительно ускоренныхъ атакъ крѣпостей открытою силою, прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе, что большинство изъ нихъ находятъ, что генералъ Зауеръ объектомъ своей атаки ставитъ крѣпости въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ были въ 1888 году, къ которому относится время его сообщеній. Но съ этого времени многое измѣнилось; крѣпости, частью усиленныя бетонными работами, частью прикрытыя броней, представляютъ уже то, что предвидѣлъ самъ генералъ Зауеръ, когда говорилъ, что „та область, которую вы прошли со мною нѣсколько слѣшными шагами, допускаетъ слишкомъ мало опредѣленныхъ рѣшеній и, вѣроятно, останется таковою, потому что крѣпости, несомнѣнно, подвергнутся вкорѣ, а частью уже подвергаются, преобразованіямъ, способнымъ если

не совѣмъ исключить возможность ускоренной атаки, то, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно затруднить производство атаки этого рода“.

8.

Общіе выводы.

Бросивъ взглядъ на все, что приведено выше о крѣпостяхъ, нельзя не прійти къ заключенію, что чрезвычайно быстро, а именно въ теченіе всего нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, происшедшія перемѣны въ техникахъ должны вызвать и измѣненіе тактическихъ приемовъ въ крѣпостной войнѣ.

Покажѣсть высказываются самые крайніе взгляды: съ одной стороны, приверженцевъ прежняго, а съ другой — охотниковъ теперь же вывести наиболѣе далеко идущія послѣдствія изъ всего новаго. Такъ, одни утверждаютъ, что созданіе такихъ искусственно-укрѣпленныхъ позицій, которыя бы могли противустать нынѣшнимъ средствамъ артиллеріи, немислимо, другіе же отвергаютъ это по такому соображенію, что успѣхи, достигнутые въ артиллеріи и въ ручномъ огнестрѣльномъ оружій, могутъ быть обращены настолько же на пользу обороны, какъ и нападенія. Такъ и относительно системы укрѣпленій, одна школа продолжаетъ держаться мнѣнія, что будутъ или нѣтъ употребляемы броневыя защиты для орудій, но крѣпостная оборона должна основываться на поясѣ безопасныхъ отъ штурма, занятыхъ пѣхотою, фортговъ, въ пространствѣ между которыми артиллерія найдетъ рационально подготовленное, благопріятствующее дѣйствию съ разныхъ, перемѣняемыхъ позицій, поле для успѣшнаго боя. Иное мнѣніе высказывается „новой школой“, которая полагается только на панцирное укрѣпленіе.

Само собою разумѣется, что подобныя споры могутъ быть рѣшены только боевымъ опытомъ и что до того времени благоразумнѣе удерживаться такъ, какъ будто истина и въ данномъ случаѣ находится въ срединѣ между крайними взглядами. И, дѣйствительно, изъ того, что нами изложено выше, оказывается, что почти всѣ государства слѣдуютъ этому повседневному правилу. Военныя управленія сознаютъ, что почти всѣ нынѣшнія крѣпости, даже усиленныя бетонами, броней и броневыми сооружениями, могутъ оказаться ненадежными и что, основывая ус-

пѣхъ сосредоточенія своей арміи на оборонительной силѣ крѣпостныхъ районовъ, можно сильно ошибиться въ расчетѣ, если противникъ успѣетъ подвезти осадные паркы къ крѣпостямъ до окончанія сосредоточенія тѣхъ войскъ, которыя имѣютъ на нихъ опираться. Сознаютъ военныя управленія во всѣхъ странахъ и то, что если и признать цѣлесообразными предлагаемыя нынѣ новыя средства къ усиленію укрѣпленій, то все-таки и эти средства останутся цѣлесообразными лишь на короткое время, такъ какъ придуманы будутъ новыя же способы, чтобы придать еще большую дѣйствительность силѣ истребленія.

Движеніе техники впередъ не можетъ остановиться, но будетъ продолжаться съ прежнею быстротой. Надъ развитіемъ ея работаютъ слишкомъ много ученыхъ и даровитыхъ специалистовъ, чтобы въ какихъ либо ея успѣхахъ можно было видѣть „последнее слово“.

А между тѣмъ, государства расходуютъ все большія и большія суммы на возведеніе новыхъ и усиленіе прежнихъ крѣпостей, и такъ будетъ, конечно, до тѣхъ поръ, пока право сильного останется какъ *ultima ratio* во всѣхъ международныхъ столкновеніяхъ. Упраздненіе крѣпостей возможно только съ упраздненіемъ войны и армій. Отдѣльно же, оно было бы мыслимо для государства лишь въ такомъ случаѣ, еслибы послѣднее было способно выставить на взѣхъ театрахъ войны и противъ всѣхъ своихъ враговъ одновременно подавляющія боевыя силы. А такъ какъ это невозможно, то безъ крѣпостей не обойдись, ибо еще не доказано опытомъ, чтобы крѣпости не представляли возможности упорно и долго удерживать за собою важнѣйшіе пункты государства съ наименьшими силами.

Такъ, мы говорили, что именно Германія стала обращать болѣе вниманія на постройку желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ на сооруженіе крѣпостей, имѣя главной цѣлью—выставленіе на границахъ при самомъ началѣ войны подавляющихъ силъ. А между тѣмъ, и тамъ снова уже проявилось стремленіе къ усиленію крѣпостей.

„Срытіе крѣпости Грауденць было уже начато, когда взглядъ на ея значеніе существенно измѣнился: крѣпость была признана необходимой для обезпеченія обороны прусской части Вислы и для прикрытія важнаго стратегическаго желѣзнодорожнаго пути, пересѣкающаго рѣку подъ выстрѣлами орудій

старинной прусской цитадели. Поэтому срытіе укрѣпленій Грауденца было пріостановлено, а затѣмъ срытія части были возобновлены. Теперь вокругъ города воздвигаются наружныя фортификаціонныя сооруженія и, повидимому, существуетъ проектъ превращенія Грауденца въ обширный укрѣпленный лагерь. Далѣе, послѣдовательное упраздненіе всѣхъ укрѣпленій Силезіи казалось рѣшннымъ въ принципѣ, но вмѣсто того приступлено къ постройкѣ вокругъ Бреславля укрѣпленнаго лагера“.

Между тѣмъ, нельзя не видѣть въ расходованіи колоссальныхъ суммъ на крѣпости нѣкоторой опасности для тѣхъ государствъ, гдѣ получилъ значительное распространеніе социализмъ или гдѣ массы вообще доступны для пропаганды анти-государственныхъ теорій. На постройку крѣпостей за послѣднее десятилѣтіе издержаны уже цѣлыя миллиарды. Въ одной Франціи, какъ мы уже упоминали, на сооруженіе и вооруженіе крѣпостей пошли за 10 лѣтъ болѣе 1.700 мил. франковъ. И вотъ теперь, когда всѣ построенныя крѣпости стали признаваться ненадежными, раздались голоса, что Франціи, въ случаѣ войны, придется дѣйствовать такъ, какъ бы у нея вовсе не было крѣпостей, или же затратить новые миллиарды на такія перестройки и улучшенія, которыя *на нѣкоторое время* обезпечивали бы надежную оборону.

Спрашивается: если такое бесплодное и разорительное соперничество между государствами въ расходахъ будетъ продолжаться еще неопредѣленное время, то не можетъ ли это вызвать для Европы опасности еще большей, чѣмъ самая война? Подъ возрастающей тягостью налоговъ начинаетъ распространяться убѣжденіе, что такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться безъ всякихъ видовъ на выходъ изъ него. Понятно, что при этомъ дѣлаетъ успѣхъ такая пропаганда, которая сама создать ничего не можетъ, но стремится расшатать строй существующій.

Огромные непроизводительные расходы на военныя цѣли и возрастаніе налоговъ являются излюбленными аргументами агитаторовъ. Они, между прочимъ, проводятъ и такую мысль, что тысячи средне-вѣковыхъ замковъ, изъ которыхъ рыцари совершали набѣги на проѣзжихъ купцовъ, были, пожалуй, менѣе тягостны для страны, чѣмъ нынѣшнія колоссальныя крѣпости, требующія миллиардовъ за миллиардами, которые взимаются посредствомъ обложенія предметовъ первой потребности. Эти

люди твердятъ рабочимъ классамъ, что для той же ненасытной и безграничной военной конкуренціи между государствами стоятъ: на границѣ — таможенный стражъ, на солеварнѣ, винокуренномъ и сахароваренномъ заводахъ — акцизный надзиратель, надъ хлѣбопашцемъ — сборщикъ земельного налога, а въ хату, гдѣ едва хватаетъ пищи, приходитъ судебный приставъ или полицейскій для описи инвентаря.

И, воплиъ признавая несбыточность тѣхъ затѣй, во имя которыхъ это пропагандируется агитаторами, нельзя, однако, не согласиться, что указанія на возможность болѣе производительнаго употребленія огромныхъ капиталовъ, поглощенныхъ, напримѣръ, крѣпостями, не лишены доли справедливости. Такъ, во Франціи пропагандисты не безъ основанія говорятъ, что еслибы упомянутые выше 1.700 милліоновъ франковъ, въ теченіе 10 лѣтъ, были употреблены на постройку не крѣпостей, которыя, вслѣдъ затѣмъ, нѣкоторыми военными же специалистами объявлены ненужными, но — жилищъ для рабочихъ, то въ настоящее время имѣли бы здоровое и просторное помѣщеніе милліонъ семей, которыя, между тѣмъ, живутъ въ тѣснотѣ и грязи, благопріятствующихъ болѣзнямъ, въ недовольствѣ своимъ бытомъ и безъ надежды на его улучшеніе.

Между тѣмъ соперничеству государствъ въ усиленіи оборонительныхъ работъ покамѣстъ не видно конца. Французскій генераль Клеманъ говоритъ такъ: „какъ только отказались бы отъ дальнѣйшаго шага впередъ въ дѣлѣ приготовленій къ войнѣ, то это было бы уже — шагъ назадъ. И какъ это ни тяжело, но приходится уживаться съ мыслью, что вооруженный миръ уже есть борьба, борьба въ формахъ сложныхъ и важныхъ послѣдствіями. И во всѣхъ тѣхъ направленіяхъ, куда она клонится, она обязана, подъ опасеніемъ остаться назади, напрягать усилія въ соотвѣтствіи съ цѣлью“.

Что касается самаго значенія крѣпостей, то въ серединѣ между двумя крайними взглядами держится такое мнѣніе, что крѣпость можетъ быть полезна болѣе какъ опора для наступательныхъ дѣйствій, чѣмъ какъ пассивная сила сопротивленія. Подъ вліяніемъ этого мнѣнія, болѣе или менѣе утратили значеніе такого рода приспособленія, которыми прежде стремились обезпечить безусловную несокрушимость укрѣпленія. Приведемъ здѣсь слова генерала Пьеррона: „Пассивная сила сопротивленія крѣпости, несмотря на громадныя денежныя жертвы, становится все болѣе и болѣе сомнительною. Открытія въ об-

ласти химіи и механики влекутъ за собою постоянныя усовершенствованія метательнаго оружія, а крѣпости по-прежнему продолжаютъ оставаться громадными неподвижными мишенями⁴.

Значеніе каждой единичной крѣпости нынѣ опредѣляется тѣмъ, насколько опирающіяся на нее войска могутъ найти въ ней надежное временное прикрытіе и достаточное пространство для обороны активной и насколько огонь ея можетъ дѣйствовать, не будучи парализованъ осадною артиллеріей. Можно замѣтить, что фортификаціонная оборона въ наше время какъ бы мобилизуется. Съ одной стороны, въ самыхъ большихъ крѣпостяхъ видятъ только опоры для дѣйствій наступательныхъ на пространства цѣлаго округа, надъ которыми господствуетъ крѣпость, и вмѣстѣ признается, что самая оборона крѣпости должна быть активной, то-есть соединяться съ безпрестанными наступательными движеніями противъ осадныхъ работъ и осаждающихъ войскъ. Съ другой стороны, легкое укрѣпленіе, наскоро набрасываемое лопатой, перешло на открытое поле битвы, гдѣ многочисленныя мелкія закрытія стали возникать даже во время самаго боя.

И можетъ быть, что современемъ сильныя, постоянныя оборонительныя пункты, такъ сказать, размѣняются на мелкія опоры, возникающія на самой боевой линіи, въ такихъ ея частяхъ, которымъ, по условіямъ мѣстности, можетъ наиболѣе угрожать наступленіе. Въ такихъ пунктахъ усиленный огонь обороны будетъ обезпеченъ искусственными препятствіями и вблизи ихъ будутъ массировать резервы. Лёбелль замѣчаетъ, что „прежнія укрѣпленія уже отжили свой славный вѣкъ“, и говоритъ, что система полевыхъ защитъ направляется къ дробленію ихъ для большей безопасности отъ непріятельскаго огня. Будутъ насыпаться въ полѣ многочисленныя, но мелкія земляныя прикрытія, въ родѣ норъ, которыхъ противнику нельзя будетъ примѣчать издалека и которымъ дѣйствіе артиллеріи не будетъ опасно, между тѣмъ какъ изъ этихъ ровиковъ искусныя стрѣлки будутъ дѣлать свое дѣло.

Въ совокупности же, фортификаціонная система принимаетъ преимущественно наступательный характеръ, чѣмъ самымъ дѣйствію войскъ, пользующихся укрѣпленіями, предоставляется болѣе свободы; но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаютъ—какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи—требованія отъ тактическихъ способностей командировъ.

Какія бы ни были укрѣпленія, но они „мертвы безъ живой, энергичной и умѣлой обороны ихъ, причемъ, въ особенности въ виду сложности нынѣшней военной техники, *живая сила эти должны дѣйствовать не только храбро и энергично, но и умло*“.

„Въ настоящее время,—говоритъ генераль Лееръ,—какъ нельзя лучше сознается, что не стоитъ затрачивать милліоны на сооруженіе и поддержаніе крѣпостей, если судьбу ихъ ввѣрять дряблымъ комендантамъ или плохимъ войскамъ“¹⁾.

Что касается храбрости, то въ русской арміи въ ней недостатка не будетъ и при крѣпостной войнѣ; славныя обороны Севастополя, Шипки и проч. въ этомъ вполнѣ убѣждаютъ. Относительно же „умѣнья“—нельзя, кажется намъ, не согласиться со слѣдующимъ взглядомъ, высказаннымъ авторомъ статьи „О крѣпостной войнѣ“²⁾.

„Наши арміи пріобрѣтутъ много шансовъ для успѣха, если всѣ роды оружія будутъ чувствовать себя такими же сильными знаніями и хотя бы мирнымъ опытомъ въ вопросахъ крѣпостной войны, какими чувствуютъ себя въ полевой. Для насъ изученіе крѣпостной войны является вопросомъ особенно важнымъ и даже болѣе — такъ сказать, животрепещущимъ, жгучимъ, въ виду нашего географическаго, военнаго и политическаго положенія, заставляющаго насъ, въ началѣ кампаніи, опереться на наши крѣпости для того, чтобы, собравши, подъ охраною ихъ, хотя и могучія, но разбросанныя силы наши, мы въ состояніи были бы перейти въ наступленіе всею массою. Время, въ виду неминуемой относительной медленности мобилизаціи и сосредоточенія нашей арміи, будетъ нашимъ главнымъ врагомъ въ началѣ кампаніи, но, за то, то же время, въ виду несомнѣнной способности нашей къ болѣе продолжительному, чѣмъ наши противники, сопротивленію, будетъ, конечно, нашимъ лучшимъ союзникомъ во второмъ, будемъ надѣяться, наступательномъ періодѣ ея“.

Теперь, послѣ разъясненія достаточнаго, какъ намъ кажется, всѣхъ болѣе существенныхъ вопросовъ, связанныхъ съ атакою и обороною крѣпостныхъ позицій, мы можемъ уже приступить къ разсмотрѣнію частныхъ вопросовъ, относящихся собственно къ Варшавѣ, какъ крѣпости, на которую обращено въ настоящее время вниманіе стратеговъ и экономистовъ.

¹⁾ „Стратегія“, изд. 1887 г.

²⁾ К. Случевскій, „Военный Сборникъ“.

Предполагаемый театр войны и послѣдствія укрѣпленія Варшавы.

Но прежде чѣмъ обратиться къ выясненію положенія, въ какомъ будетъ находиться Варшава и окружающая ее мѣстность въ случаѣ возникновенія войны, слѣдуетъ рѣшить вопросъ: предстоитъ ли въ дѣйствительности этому городу осада или же военныя операціи оставятъ его въ сторонѣ?

Варшава въ настоящее время—первоклассная крѣпость, входящая въ составъ цѣлой сѣти укрѣпленій (Новогеоргіевскъ, Зегржъ, Ивангородъ), взаимно поддерживающихъ другъ друга укрѣпленныхъ лагерей, составляющихъ ту стратегическую ось, вокругъ которой суждено вращаться будущимъ военнымъ дѣйствіямъ. До настоящаго времени всѣ писавшіе о возможныхъ конфликтахъ Россіи съ Германіей согласны въ томъ, что Царству Польскому придется быть главнымъ театромъ войны, или по крайней мѣрѣ однимъ изъ главныхъ. То предположеніе, что указанія нѣмецкихъ военныхъ писателей имѣютъ цѣлью отвлечь вниманіе противниковъ отъ иныхъ плановъ, хотя и слѣдуетъ имѣть въ виду, но, соображаясь съ единогласными мнѣніями по этому предмету въ военныхъ литературахъ прочихъ странъ, нельзя не придти къ тому заключенію, что наиболѣе вѣроятнымъ театромъ будущихъ русско-германскихъ столкновеній слѣдуетъ считать Царство Польское. Вѣроятность эта особенно усиливается, если принять въ соображеніе направленіе желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ съ стратегическою цѣлью въ Пруссіи, въ Австріи и на западныхъ границахъ Россіи. Направленіе всѣхъ прусскихъ и австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, особенно построенныхъ въ послѣднее время, прямо указываетъ на имѣющееся въ виду нападеніе на востокъ.

Въ предшествующей главѣ, посвященной крѣпостямъ вообще, мы привели доводы того, что въ Пруссіи и Австріи новыхъ крѣпостей, укрѣпленныхъ лагерей и тому подобныхъ средствъ оборонительной войны возведено весьма немного. Очевидно изъ этого, что въ Германіи возобладало мнѣніе о возможности перенесенія театра войны на непріятельскую территорію, да и заявленія въ парламентахъ указывали на такого рода мнѣнія въ этомъ вопросѣ. Съ другой стороны, однимъ указаніемъ на карту жел. дорогъ легко доказывается нелѣпость басенъ, которыми Бис-

маркъ желалъ напугать нѣмецкихъ депутатовъ во время періодическихъ его требованій увеличенія военной смѣты, подъ предлогомъ приготовленій Россіи къ нападенію на сосѣда: Россія приступила къ постройкѣ дорогъ въ прямомъ направленіи къ Германіи лишь послѣ 1884 года и только въ послѣднее время принялась за дѣйствительныя укрѣпленія на западной границѣ. До того времени западная граница ея оставалась почти беззащитною отъ вторженія сосѣдей, такъ какъ существовавшія ранѣе крѣпости: Новогеоргіевскъ, Брестъ, Ивангородъ не были еще приспособлены къ защитѣ въ такой мѣрѣ, какъ это сдѣлано позже. Не было и значительнаго сосредоточенія войскъ вблизи западныхъ границъ, оказавшагося необходимымъ для своевременнаго занятія стратегическихъ позицій. Въ то время не составляло тайны предположеніе о такъ называемой „скинской“ тактикѣ, состоящей въ отступленіи въ глубь страны и уничтоженіи въ помянутыхъ мѣстностяхъ всего, чѣмъ могъ бы воспользоваться непріятель. Трудно рѣшить, которая изъ системъ веденія войны была бы болѣе опустошительною для губерній, расположенныхъ вблизи границъ.

Мы уже упоминали о существующемъ мнѣніи, что, въ случаѣ войны на два фронта, Германія можетъ рѣшиться въ началѣ всѣми силами броситься на одного изъ противниковъ и затѣмъ, въ случаѣ перевѣса шансовъ и съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій на одномъ фронтѣ, перетянуть, при помощи желѣзныхъ дорогъ, свои арміи на противоположный театръ войны.

Обозрѣніе сѣти германскихъ желѣзныхъ дорогъ приводитъ къ заключенію, что такой планъ весьма вѣроятенъ. Достаточно указать на то, что 14 совершенно независимыхъ одна отъ другой и непрерывныхъ линій ведутъ отъ центральной Германіи черезъ Рейнъ къ западной ея границѣ, къ любой полосѣ сосредоточенія. При настоящей дислокаціи германскихъ войскъ,—говоритъ авторъ „Исслѣдованія нѣмецкой желѣзнодорожной сѣти съ точки зрѣнія боевой концентраціи“¹⁾, *черезъ три дня послѣ окончанія мобилизаціи нѣмцы, сверхъ 80.000 человекъ войскъ, специально назначенныхъ для прикрытія сосредоточенія, выставятъ на Лотарингской границѣ 155 т. и на Эльзасской 37 т. чел., а шесть дней спустя послѣ приступа къ передвиженію, у нихъ будутъ: въ Лотарингіи 290 т., въ Эльзасѣ 90 т. чел.; черезъ восемь же дней отъ начала передвиженія,*

¹⁾ „Étude sur le réseau ferré allemand au point de vue de la concentration“. Paris. 1890.

уже 480 т. въ Лотарингіи и 150 т. чел. въ Эльзасѣ, готовыхъ вступить во Францію. Затѣмъ, будутъ перевозимы еще 2 корпуса, 18 резервныхъ дивизій и 12 добавочныхъ пѣхотныхъ бригадъ, такъ что первая армія достигнетъ численности 1.280.000 чел. Анти-Сарматикусъ ¹⁾, дѣлая разборъ этого предположенія, находитъ, что, во-первыхъ, достиженіе подобной цифры невѣроятно при условіи необходимости оставить болѣе или менѣе значительныя силы на восточномъ фронтѣ, а во-вторыхъ, что французскіе авторы вообще относятся слишкомъ довѣрчиво къ вѣроятію быстроты германской мобилизаціи, примѣромъ чего можетъ служить Бриальмонъ, полагающій, что мобилизація германскихъ корпусовъ оканчивается въ пять дней, а на шестой начинается сосредоточеніе. Еслибы Германіи и удалось сосредоточить, въ теченіе 8 дней, на западной границѣ армію въ составѣ упомянутыхъ выше 630 т. чел., то этого состава было бы все-таки недостаточно противъ равнаго числа французскихъ войскъ, а потому нѣмцы, вѣроятно, будутъ выжидать сосредоточенія всѣхъ своихъ силъ.

Для занимающаго насъ при этомъ вопроса не составляетъ важности, которое изъ предположеній представляетъ собой болѣе вѣроятія. Намъ необходимо лишь констатировать возможность сосредоточенія германской арміи на границѣ Франціи быстрѣе французской. Еще въ 1886 году генераль Пьерронъ принималъ, что въ случаѣ, если германскія войска не встрѣтятъ къ тому препятствій со стороны Россіи, они будутъ въ состояніи открыть массовыя военныя операціи (Kampffähig) на 13-й день отъ приступа къ мобилизаціи.

Въ виду этого, ген. Пьерронъ ²⁾ приходитъ къ выводу, что при войнѣ Россіи и Франціи противъ Германіи и ея союзниковъ, французская армія должна избѣгать рѣшительныхъ дѣлъ до того, когда начнетъ свои дѣйствія Россія. Прусскій главный штабъ, зная, что Россіи нуженъ по меньшей мѣрѣ мѣсяць времени на мобилизацію и сосредоточеніе силъ ³⁾, постарается сосредоточить массы своихъ войскъ, чтобы покончить съ Франціей раньше, чѣмъ начнутся движенія русской арміи. Чтобы дать время Россіи приготовиться, французская армія должна будетъ маневри-

¹⁾ Псевдонимъ полковника генеральнаго штаба П. А. Гейсмана. „Германская желѣзнодорожная сѣть съ точки зрѣнія стратегическаго развертыванія арміи“. СПб. 1892.

²⁾ «Méthodes de guerre». Paris.

³⁾ Ген. Пьерронъ принимаетъ слишкомъ продолжительный срокъ, о чемъ уже было упомянуто выше.

ровать передъ лицомъ нѣмецкой, прикрываясь послѣдовательно рѣками Марной, Сеной и проч., пока не дойдетъ до базиса, опредѣляемаго линіей Орлеанъ—Неверъ—Шаньи. Въ этомъ положеніи французская армія будетъ въ состояніи выждать начала дѣйствій русскихъ войскъ.

Излишне было бы доказывать, что, въ случаѣ направленія главныхъ нѣмецкихъ силъ противъ Франціи, Германіи угрожала бы опасность на востокъ, и въ послѣдніе годы поэтому на усиленіе восточныхъ крѣпостей обращалась болѣшая часть ассигнованныхъ средствъ.

Авторъ сочиненія, озаглавленнаго „Наши сосѣди“, говоритъ, что Пруссія поняла, что Россіи придется раньше или позже наперечъ всѣ свои силы къ тому, чтобы принудить своего сосѣда возвратиться въ сферу прежней политической зависимости. Предусматривая это, уже тотчасъ послѣ войны 1870—71 гг., въ Пруссіи обращено вниманіе на усиленіе сѣверо-восточной линіи крѣпостей. Съ тѣхъ поръ, по словамъ автора, работы не прерывались до послѣдняго времени, причемъ имѣлось въ виду усовершенствованіе трехъ существующихъ главныхъ системъ государственной обороны, и въ настоящее время укрѣпленія находятся въ такомъ положеніи, что не только обезпечиваютъ защиту страны, но и допускаютъ, въ случаѣ угрозы, перенесеніе военныхъ дѣйствій на непріятельскую территорію.

Но это лестное для пруссаковъ мнѣніе авторъ не распространяетъ на границу Силезіи, утверждая, что природныя особенности этого края не благопріятствуютъ достаточно сильной оборонительной системѣ.

Силезскія крѣпости имѣютъ характеръ фортификацій въ открытомъ полѣ, и только на срединѣ Одера встрѣчаются природныя элементы оборонительной системы, въ которой Бреславль составляетъ главный редутъ.

Цѣлью всякихъ военныхъ дѣйствій должно быть пораженіе противника въ самое сердце. Совершить это возможно двоякимъ способомъ: или уничтоженіемъ его арміи, какъ главнаго выразителя и носителя его воли и силы¹⁾, или занятіемъ важнѣйшихъ жизненныхъ центровъ, какъ напр. столицы и т. п. Въ обоихъ случаяхъ Россіи легче и скорѣе можно этого достигнуть со стороны Восточной Пруссіи и Познани, опираясь тыломъ и флангами на Вислу и Нѣманъ, чѣмъ атакуя Силезію, болѣе далекую и географически невыгодно-расположенную.

¹⁾ Проф. Лееръ. „Сложныя операціи“.

Есть нѣкоторые свидѣтельства съ германской стороны, что еслибы война произошла въ 1887 году, то она была бы поведена именно указанными способами, съ напряженіемъ всѣхъ силъ.

1.

Въ послѣднее время, по поводу удаленія кн. Бисмарка, появилось не мало брошюръ, раскрывшихъ завѣсу дипломатіи. Утверждаютъ, что въ 1887 году Мольтке совѣтовалъ войну. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ смыслѣ прилагали старанія для воздѣйствія на общественное мнѣніе. Напомнимъ главнѣйшія его проявленія.

Въ декабрѣ 1884 г. (черезъ 4 мѣсяца послѣ скерневицкаго свиданія) въ „Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine“ явилась статья, доказывавшая, что Россіи недостаетъ портовъ, дорогъ и даже естественныхъ условій для веденія удачной войны противъ Германіи. Въ 1885 г. въ брошюрѣ „Das Russische Eisenbahn—Netz zur deutschen Grenze“ доказывалась ничтожность русскихъ желѣзныхъ дорогъ, откуда слѣдовало, что о наступательномъ дѣйствіи русскихъ войскъ и даже о томъ, чтобы они могли держаться на лѣвомъ берегу Вислы, не можетъ быть рѣчи. Сверхъ того, въ этой, какъ и во многихъ другихъ брошюрахъ, указывалось на превосходство германскаго военнаго устройства, какъ на главное условіе побѣды. Въ 1886 г. въ „Berliner Tagblatt“, въ статьѣ: „Можетъ ли Россія выиграть войну противъ Германіи“, вопросъ этотъ, разумѣется, рѣшался отрицательно; авторъ совѣтовалъ нѣмцамъ занять Москву; для этого, по его отзыву, потребовались бы два года, но самая задача не представлялась ему трудною и успѣхъ онъ считалъ вѣрнымъ.

Мы, конечно, не можемъ перечислить всѣхъ статей и брошюръ, выходившихъ въ Германіи и обсуждавшихъ неизбѣжность войны, а также вѣроятности ея исхода. Онѣ появлялись безпрестанно и продолжаютъ появляться, отражая въ себѣ тѣ впечатлѣнія, какія германская политика желала вызвать въ публикѣ, въ тотъ или другой моментъ. Воинственными настроеніями по отношенію къ Россіи отличалась „Kreutz-Zeitung“, такъ что одному изъ выдающихся политическихъ лицъ въ Берлинѣ приписываютъ слова: „если скоро или не скоро намъ придется воевать съ Россіей, то „Kreutz-Zeitung“ будетъ имѣть право повторить извѣстные слова: „c'est ma guerre“¹⁾.

¹⁾ „Aus des militärischen Gesellschaft“. Berlin, 1893.

Въ парламентскихъ кружкахъ и въ публикѣ внушителемъ тогдашнихъ статей въ этой газетѣ считался графъ Вальдерзе, въ то время помощникъ начальника главнаго штаба, а самыя статьи приписывались состоявшимъ при немъ сѣицерамъ.

Держались мнѣнія, что самъ Бисмаркъ сперва былъ не прочь отъ войны съ Россіей, и это подтверждается многими его недружелюбными для Россіи дѣйствіями, которыя завершились изгнаніемъ русскихъ цѣнныхъ бумагъ изъ германскаго банка; но положительно убѣдившись, что императоръ Вильгельмъ I намѣренъ самъ предводительствовать войскомъ, Бисмаркъ измѣнилъ свой взглядъ и началъ снова искать сближенія съ Россіей, прикрывъ это свое отступленіе произнесенною незадолго передъ смертью Вильгельма I громкою фразой: „мы, нѣмцы, боимся только Бога и никого больше на свѣтѣ“¹⁾.

Но партія, во главѣ которой стоялъ графъ Вальдерзе, продолжала агитировать въ пользу войны. То обстоятельство, что война не состоялась въ 1887 году, было поводомъ къ выходу брошюры „*Saveant consules*“, внушителемъ которой общественное мнѣніе, и не безъ основаній — какъ мы сейчасъ покажемъ, — считало графа Вальдерзе. Теперь замѣтимъ только мимоходомъ, что Бисмаркъ въ одной изъ тогдашнихъ своихъ рѣчей, опровергая воинственныя намѣренія имперскаго правительства, прямо приписалъ ихъ нѣкоторымъ молодымъ генераламъ, которые желали бы испробовать свои таланты.

Упомянутая брошюра, при всей произвольности, съ какой она усиливалась представить самую дислокацію русскихъ войскъ, какъ доказательство намѣренія Россіи приступить къ войнѣ въ скоромъ времени, все-таки, хотя и односторонне, освѣщаетъ тотъ предметъ, которымъ мы теперь заняты, а потому мы не можемъ оставить ея безъ вниманія и прослѣдимъ излагавшіеся въ ней взгляды.

Авторъ старался выказать ошибочность политики Бисмарка. Приведа положеніе, которое не разъ высказывалось канцлеромъ, что „у насъ (т.е. въ Германіи) нѣтъ интересовъ, противорѣчащихъ интересамъ Россіи“, онъ доказывалъ, что оно совершенно неосновательно²⁾, въ виду возрастающаго вліянія Россіи на Балканскомъ востокѣ и ея стремленій къ осуществленію „панславизма“. Удаленіе князя Баттенберга изъ Болгаріи, по словамъ

¹⁾ Рѣчь князя Бисмарка на сеймѣ въ февралѣ 1888 года.

²⁾ Стр. 35.

автора, возбудило германскій національный инстинктъ, а фраза Бисмарка, что „вся болгарщина не стоить костей одного померанскаго гренадера“, хотя и сдѣлалась какъ бы девизомъ германской политики по восточнымъ дѣламъ, но была лишена смысла, такъ какъ вопросъ для Германіи представлялся вовсе не въ князѣ Баттенбергѣ, но именно въ опасности, грозящей ей со стороны Россіи.

„Постоянное возрастаніе французско-русскаго могущества угрожаетъ нашему государственному существованію, точно такъ, какъ неудержимый натискъ панславизма самымъ сильнымъ образомъ угрожаетъ въ самомъ основаніи великому культурному призванію германства. При такихъ условіяхъ, война является нравственнымъ долгомъ, повелѣвается благоразуміемъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ годомъ шансы успѣха для насъ уменьшаются, а отношенія къ славянству такъ обострились, что честь, долгъ и прямыя выгоды не дозволяютъ намъ дольше держаться пассивно“¹⁾.

Авторъ утверждаетъ, что если Германія не предупредитъ Россію, то Россія сама нападетъ на Германію. Далѣе слѣдуютъ довольно обычныя въ заграничныхъ изданіяхъ разсужденія, свидѣтельствующія о нѣкоторомъ смѣшеніи понятій и невѣрномъ взглядѣ на внутреннее положеніе Россіи. По увѣренію автора, всё внутреннія силы будто бы толкаютъ Россію къ войнѣ: „дворянство, разоренное освобожденіемъ крестьянъ (!), бюрократія, полуобразованный интеллигентный пролетаріатъ“, а правительство будто бы стоитъ „посреди этихъ силъ, а не надъ ними“... „Спрашивается лишь: долго ли правительству будетъ возможно удерживаться въ равновѣсіи между этими побуждающими силами?“ Понятно, что затѣмъ этотъ авторъ, какъ и многіе другіе публицисты въ Германіи, смѣшиваетъ по отношенію къ ней и „панславизмъ“ и „нигилизмъ“, приписывая и тому, и другому стремленіе къ „фанатической наступательной войнѣ противъ Германіи“.

Обращаясь къ размѣщенію русскихъ войскъ, какъ доказательству близкаго нападенія со стороны Россіи, авторъ говоритъ: „главныя силы арміи выдвинуты вплотъ къ западнымъ границамъ, а именно: 7 корпусовъ — противъ границы прусско-австрійской, 3 корпуса — противъ линіи Лембергъ-Коломыя и 1 корпусъ — противъ Румыніи. Во второй линіи стоятъ: позади

¹⁾ Стр. 41.

первой группы— $5\frac{1}{2}$ корпусовъ, позади второй и третьей линій— 2 корпуса“. Авторъ признаетъ, что такое расположеніе ускорило стратегическое сосредоточеніе русскихъ войскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсчитано на то, чтобы помѣшать мобилизаціи войскъ въ Германіи и Австріи, что доказывается находженіемъ вблизи, отчасти въ разстояніи всего нѣсколькихъ километровъ отъ границъ—большихъ массъ кавалеріи, поддерживаемыхъ „легкою пѣхотой“, т. е., вѣроятно, стрѣлковыми частями.

По словамъ брошюры, лишь велѣдствіе такой русской дислокаціи, какъ Пруссія, такъ и Австрія нашлись вынужденными также придвинуть свои войска къ восточнымъ границамъ. Но для того, чтобы облегчить массовую концентрацію и находженіе у границы многочисленной кавалеріи, обѣимъ тѣмъ державамъ пришлось размѣстить свои войска въ мѣстностяхъ, которыя совершенно неудобны для содержанія въ нихъ войскъ въ мирное время, такъ что люди находятся на постоѣ у жителей, причѣмъ самое ученье крайне затрудняется. Въ такомъ положеніи войска тѣ представляютъ собой просто боевой авангардъ, ожидающій тревоги. „Такое состояніе, еслибы оно продолжилось, было бы невыносимо и лишено смысла“.

Разсматривая ближе расположеніе русскихъ силъ вблизи западныхъ границъ и сопоставляя съ нимъ построенныя и строившіяся въ то время стратегическія дороги, авторъ приходитъ къ такому заключенію, что при началѣ военныхъ дѣйствій главная русская армія—независимо отъ обсерваціоннаго корпуса, который можетъ быть поставленъ между Вильномъ и Ковномъ—будетъ стянута въ мѣстности, простирающейся отъ Варшавы—Ивангорода до Брестъ-Литовска; другая армія расположится между Жмеринкой, Казатиномъ и Староконстантиновомъ, а сверхъ того, въ случаѣ нужды, поставленъ будетъ отдѣльный корпусъ между Кишиневомъ и Бендерами.

Это расположеніе признается въ брошюрѣ неудобнымъ въ смыслѣ оборонительномъ, но превосходнымъ для цѣлей наступленія. Въ первомъ отношеніи неблагоприятны слѣдующія обстоятельства: возможность обхода нѣмцами изъ восточной Пруссіи праваго флангарусской арміи и пресѣченія ей сообщеній съ Петербургомъ; затѣмъ, разъединеніе главной арміи отъ кievской болотами Польшы, такъ что связь между этими арміями представлялась бы только существовавшимъ въ то время желѣзнодорожнымъ соединеніемъ Кіева съ Брестъ-Литовскомъ и Ивангородомъ, а австрійская армія, наступающая отъ Львова на Ковель и Ровно, могла

бы порвать эту связь. Дѣйствительная оборонительная линія Россіи, въ особенности сѣвера ея, находится не въ треугольникѣ Варшава—Ивангородъ—Брестъ-Литовскъ, но позади его, такъ что крѣпости прикрываютъ одинъ флангъ арміи, а противника заставляютъ отдѣлить на нихъ значительныя силы.

Между тѣмъ для цѣлей наступленія театръ войны представляеть русскимъ войскамъ большія удобства. Главнымъ изъ нихъ является то, что Царство Польское глубоко врѣзывается клиномъ между территоріями Германіи и Австріи, что обусловливаетъ для русской арміи возможность предупредить соединеніе австрійскихъ войскъ съ германскими и нанести поражение сперва однимъ, потомъ другимъ. И самый районъ концентраціи русскихъ войскъ показываетъ, что Россія намѣрена воспользоваться этими преимуществами. Изъ упомянутаго „клина“ русская армія можетъ дѣйствовать противъ линіи Опельнъ—Краковъ, пользуясь желѣзными дорогами варшавско-ченстоховскою и ивангородско-домбровскою, или — противъ линіи Торнъ—Дейчъ—Эйлау, пользуясь дорогами отъ Скерневицъ на Влоцлавекъ и отъ Варшавы на Млаву; или, наконецъ, дѣйствовать по дорогамъ отъ Варшавы—на Лодзь и Сѣрадзь, противъ Бреславля.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ сообщенія для русской арміи обезпечены, а система крѣпостей прикрываетъ тылъ арміи — при дѣйствіи противъ одного изъ противниковъ, а при дѣйствіи противъ другаго—тылъ и флангъ. При энергическомъ наступленіи къ югу, являлась бы и возможность связи съ кievскою арміей, что, при дѣйствіи исключительно-оборонительномъ, представляется автору подлежащимъ сомнѣнію. На основаніи самого плана концентраціи, онъ приписываетъ Россіи явно наступательныя намѣренія.

Далѣе, бросивъ взглядъ на тогдашнее положеніе дѣлъ во Франціи, нѣмецкій авторъ дѣлаетъ изъ него такой выводъ, что Франція готовится къ тому, чтобы въ близкомъ будущемъ далеко опередить Германію въ военномъ отношеніи, и затѣмъ говорить: „а если это такъ—что не подлежитъ сомнѣнію,—то основной идеей нашей политики должна быть слѣдующая—свести счеты съ Франціею и примириться съ ней, для того чтобы всѣ живыя силы нашего народа бросить на вѣсы противъ Россіи, за культурное призваніе Германіи. Слѣдуетъ воспользоваться всякимъ благоприятнымъ случаемъ для того, чтобы

остановить ту лавину, которая катится на насъ, а такой случай представлялся въ 1887 г.“

Дѣло въ томъ, что тогда у французовъ еще были старыя ружья системы Гра (Gras), а въ германской арміи только-что было введено магазинное ружье М. ⁷¹/₈₄, французская артиллерія еще не усвоила себѣ нѣкоторыхъ улучшеній, которыя затѣмъ поставили ее на высокую степень совершенства, наконецъ, новыя изобрѣтенія, усилившія безопасность крѣпостей, въ Германіи уже были осуществлены, а во Франціи еще примѣнены не были.

Политику Бисмарка по отношенію къ Россіи авторъ обвиняетъ въ колебаніяхъ. Политика эта старалась о сближеніи съ Россіею, а когда это не удалось, то „предприняла войну противъ русскихъ финансовъ, стремясь изгнать изъ Германіи русскія бумаги и уронить курсъ русскаго рубля; когда же сочла миръ обеспеченнымъ, то ударилась въ другую крайность — поддерживала русскія финансовыя операціи германскимъ капиталомъ, который Россія употребляла на вооруженія.“ Этотъ невѣроятный фактъ въ свое время былъ опровергнутъ, но, тѣмъ не менѣе, авторъ брошюры увѣряетъ, что онъ имѣлъ мѣсто.

По отношенію къ наступательной войнѣ Германіи противъ Россіи, авторъ ставитъ на первомъ мѣстѣ завоеваніе балтійскихъ провинцій. Онъ полагаетъ, что всякое наступленіе, имѣющее цѣлью Петербургъ и даже Москву, весьма трудно безъ предварительнаго овладѣнія морскимъ берегомъ. Одно наступленіе черезъ Польшу можетъ оказаться такъ же безсплннн, какъ походъ Наполеона въ 1812 году. Огромныя силы надо отдѣлнть для осады крѣпостей въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ; фланги длинной операціонной линіи останутся открытыми, а чтобы обезопаснть ихъ, пришлось бы ослабнть главныя наступающія силы. Затѣмъ, Россія можетъ затянуть войну, постепенно отодвнгать свои войска внуть страны и рачсчнтывать на истощеніе противника. Наконецъ, ничѣмъ, даже возстановленіемъ Польши, по мнѣнію брошюры, нельзя такъ ослабнть Россію и вмѣстѣ вынуднть ее къ веденію дальнѣйшихъ войнъ, какъ именно совершенно отрѣзавъ ее отъ Балтійскаго прибрежья и лншнвъ ее ввоза морскимъ путемъ.

Необходимость безотлагательной войны авторъ выводитъ еще и изъ соображенія о быстромъ ростѣ социализма въ Германіи. „Мы стоимъ надъ миной и смотрнмъ, какъ постепенно далѣе и далѣе идетъ тлѣніе того фнтнля, который ее взо-

рветь... Необходимое намъ географическое расширеніе не закончено, государственное устройство наше остается еще переходнымъ, а не окончательнымъ, утвержденнымъ на основаніи естественномъ.“

Переходя къ общему плану войны „на оба фронта“, авторъ говоритъ: „хотя естественная и искусственная оборона нашей границы на западѣ—съ одной стороны, и медленность русской мобилизаціи—съ другой, внушаютъ мысль, что прежде всего мы должны возможно большія силы обратить противъ Россіи, но самыя преимущества, на которыхъ эта мысль основывается, отчасти только кажущіяся. Дѣло, по его мнѣнію, въ томъ, что для Германіи французская армія опаснѣе русской, а Россія, благодаря своимъ крѣпостямъ и своему пространству, можетъ замедлять войну; для того, чтобы одержать рѣшительную побѣду надъ Россіею, потребуется гораздо болѣе того времени, какое могла бы продержаться слабая германская армія, выставленная противъ Франціи“.

Затѣмъ, если Германія въ самомъ началѣ направить свои главныя силы на востокъ, то она при этомъ не извлечетъ всей пользы изъ помощи, какую ей можетъ оказать Австрія, парализируя наступленіе русской арміи и позволяя тѣмъ Германіи употребить главныя силы—на западѣ. При союзѣ съ Австріею, Германія достаточно выставитъ на восточной границѣ относительно меньшія силы, обратя главныя—на Францію.

„Рѣшеніе — продолжаетъ авторъ — должно послѣдовать на границѣ Германіи съ Франціею. Франція въ состояніи двинуть къ ней почти всѣ свои силы, такъ какъ противъ Италіи, при началѣ войны, достаточно будетъ выставить лишь небольшія силы въ виду естественныхъ и большаго числа превосходныхъ искусственныхъ укрѣпленій на альпійской границѣ и на Ривьерѣ, а вдобавокъ въ виду еще и того обстоятельства, что еслибы итальянцы и вступили въ южную Францію, то это все-таки не угрожало бы центральному расположенію французской арміи. Между тѣмъ Германія можетъ вывести въ поле противъ французовъ только часть своей арміи, которая и въ общей совокупности уступаетъ французской въ отношеніи численности“. Далѣе авторъ объясняетъ, что Германіи, однако, придется выставить противъ Россіи, для совмѣстнаго дѣйствія съ австрійцами, силы болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя Франція достаточны въ началѣ войны для обороны противъ Италіи.

Не лишены значенія и тѣ выводы, къ которымъ въ заключеніе приходитъ авторъ брошюры „Videant consules“.

Во-первыхъ, онъ находитъ, что при сравненіи достоинствъ личнаго состава французской и германской армій отнюдь нельзя придти къ заключеніямъ, доселѣ распространеннымъ въ германской арміи и напрасно представляющимъ, будто во французской арміи существуетъ политическая рознь. Авторъ утверждаетъ, напротивъ, что она отличается бодрымъ усердіемъ къ службѣ, превосходнымъ духомъ; что, въ противность нѣмецкому излишнему поклоненію оффиціальнымъ авторитетамъ, во Франціи современная военная литература стоитъ выше, чѣмъ въ Германіи. Далѣе онъ утверждаетъ, что французская пѣхота и артиллерія превосходно обучены, и обученіе это болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ новѣйшей тактики, чѣмъ таковое же германскихъ войскъ. Рядомъ съ такими данными, авторъ съ полнымъ убѣжденіемъ указываетъ на цѣлый рядъ французскихъ генераловъ, въ даровитости коихъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ она доказана на дѣлѣ. Соглашаясь съ тѣмъ, что во французской арміи существуютъ недостатки, авторъ увѣряетъ, что если принять во вниманіе и ея высокія достоинства, то въ общемъ преимущества передъ нею германской арміи довольно призрачны.

Собственно цѣлью этой брошюры является желаніе автора убѣдить своихъ соотечественниковъ въ томъ, что исконный врагъ Германіи—Россія. Онъ доказываетъ пользу примиренія съ Франціей и, ради преслѣдованія культурныхъ задачъ, совѣтуетъ Германіи обратить всѣ свои вооруженныя силы противъ восточнаго сосѣда. По его словамъ, Германіи необходимъ русскій рынокъ, господство на Балтійскомъ морѣ и проч. Подвергнувъ критикѣ Бисмарка за то, что онъ не воспользовался благопріятнымъ моментомъ, представлявшимся ему въ 1887 году, авторъ проповѣдуетъ необходимость заручиться отъ рейхстага соотвѣтственными средствами на военныя надобности для обезпеченія себя отъ замысловъ Франціи и затѣмъ для войны съ Россіей, въ чаяніи побѣды надъ обѣими.

По поводу отставки князя Бисмарка,—событія, о которомъ авторъ говоритъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ,—онъ, однако, позволяетъ себѣ удивляться смѣлости генерала Каприви, рѣшившагося принять на себя огромную отвѣтственность, которая могла быть по силамъ лишь такой крупной исторической личности, какую онъ признаетъ въ сошедшемъ со сцены великомъ государственномъ человѣкѣ.

Въ концѣ концовъ, въ брошюрѣ развивается, однако, и та мысль, что главная опасность, угрожающая Германіи, заключается не во внѣшнихъ угрозахъ ея могуществу, а въ германскомъ бюргерствѣ, одержимомъ низменными духомъ и взглядами. Этотъ духъ, выразителемъ котораго авторъ считаетъ газету Рихтера, по мнѣнію его, гораздо болѣе опасенъ, чѣмъ усиливающіяся движенія социалистовъ и нѣмецкихъ ультрамонтанъ, ибо онъ лишаетъ Германію тѣхъ нравственныхъ силъ, безъ которыхъ она не въ состояніи будетъ выполнить предъявляемыхъ ей исторіей политическихъ и социальныхъ задачъ.

И вотъ, возгласъ римскаго оратора: *Videant consules, ne quid respublica detrimenti capiat* авторъ обращаетъ къ нынѣшнему германскому канцлеру, убѣждая его побѣдить сначала внутренняго врага, чтобы затѣмъ разгромить врага внѣшняго...

Появленіе этой брошюры и высказанные въ ней планы вызвали упреки автору съ разныхъ сторонъ и даже обвиненія противъ него въ государственной измѣнѣ. Но особое освѣщеніе брошюра эта получила въ 1891 г., когда графъ Вальдерзе былъ уволенъ отъ должности начальника главнаго штаба и получилъ корпусъ, а на его мѣсто былъ назначенъ графъ Шлиффенъ. Въ томъ же номерѣ „*Militär-Wochenblatt*“, въ которомъ напечатано было о назначеніи графа Шлиффена, сохранилось и отчисленіе отъ главнаго штаба маіоровъ Цана, бывшаго старшимъ адъютантомъ графа Вальдерзе, и состоявшаго при немъ же Либерта, съ переводомъ ихъ въ штабы армейскихъ корпусовъ. Органъ Бисмарка газета „*Hamburger Nachrichten*“ не преминула заявить, что напечатанныя въ военной газетѣ перемѣщенія составляютъ для людей знающихъ окончательное удостовѣреніе въ томъ, что уже раньше сообщалось о существованіи „военныхъ нижнихъ теченій“.

Изъ факта упомянутыхъ перемѣщеній и изъ комментарія „*Hamb. Nachr.*“ не могли не вывести такого заключенія, что „нижнія теченія“ и представлялись Цаномъ и Либертомъ, такъ близко стоявшими къ прежнему начальнику главнаго штаба. А такъ какъ „*Hamb. Nachr.*“ утверждала, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ „нѣкоторое лицо“ было душою военнаго бюро по дѣламъ печати, то въ публикѣ приписали Цану, какъ старшему адъютанту, главную роль въ тѣхъ „науськиваніяхъ къ войнѣ“, которыя происходили въ 1887 г., въ то самое время, какъ Буланжэ строилъ свои пограничные бараки. Въ это время „*Kreuz-Zeitung*“ доказывала, что Германія не можетъ предо-

ставить своимъ сосѣдямъ выборъ наиболѣе благопріятнаго для нихъ момента для объявленія ей войны, и та же „Kreuz-Zeitung“ послѣ увольненія Бисмарка безусловно усвоила себѣ взгляды брошюры „Videant consules“.

Для насъ, конечно, все равно, кому принадлежала главная роль — Цану или Либерту. Но нельзя не замѣтить, что тотъ же Либертъ въ 1888 г. издалъ изслѣдованіе съ цѣлью воспользоваться опытами прошлаго для будущаго: „Die Rüstungen Napoleons für den Feldzug 1812“ V. Liebert Major in Grossen Generalstabe. Berlin, 1888; ему же приписываютъ изданную впоследствии „Studie über die Ausrüstung so wie über das Verpflegs- und Nachschub-Wesen im Feldzuge Napoleons I gegen Russland in Jahre 1812“ (Organ des militärwissenschaftlichen Vereins).

Въ связи съ заявленіемъ „Hamb. Nachr.“, въ другихъ газетахъ оглашенъ былъ фактъ, что военнымъ сотрудникомъ „Kreuz-Zeitung“ состоялъ майоръ Шейбертъ, извѣстный военный писатель, преимущественно по вопросамъ фортификаціи. Это побудило Шейберта заявить печатно въ той же газетѣ, что онъ дѣйствительно былъ авторомъ разныхъ военныхъ статей, въ ней помѣщенныхъ, но что онъ всегда съ величайшей осторожностью избѣгалъ сообщать что-либо, могущее повредить интересамъ германской арміи. Но когда майоръ Шейбертъ такимъ образомъ признался въ своемъ сотрудничествѣ въ „Kreuz-Zeitung“, проводившей воинственные взгляды брошюры „Videant consules“, то уже трудно было сомнѣваться въ томъ, что на графа Вальдерзе пала отвѣтственность если не въ руководствѣ воинственной пропагандой „военныхъ нижнихъ теченій“, то въ томъ, что онъ позволялъ своимъ офицерамъ участвовать въ этихъ подбужденіяхъ къ войнѣ, наперекоръ и прямо въ осужденіе тогдашней внѣшней политики.

2.

Отвѣтъ на обвиненія, заключающіяся въ брошюрѣ подъ заглавіемъ „Videant consules“, появился также въ брошюрѣ, но совершенно противоположнаго направленія, подъ названіемъ „Cedant arma togae?“ Авторъ осуждаетъ безусловно неумѣстную откровенность брошюры „Videant consules“ относительно большихъ сторонъ германской военной системы, находитъ голо-

словнымъ и недоказаннымъ предполагаемое превосходство Франціи, а къ желанію изгнать Россію изъ Европы относится съ ироніей и приходитъ къ заключенію, что вооруженное столкновение тройственнаго союза съ Россіею и Франціею можетъ принести выгоды только Англій; что польза, получаемая Германіею отъ этого союза, сомнительна, и что было бы цѣлесообразно установить дружественныя отношенія къ Россіи и даже заключить съ нею союзъ.

Въ 1886 г., когда никто не ожидалъ войны, вышла книжка „Von der Weichsel zum Dnierg“ автора, скрывшагося подъ псевдонимомъ Sarmaticus, которымъ еще въ 1878 г. были высказаны тѣ же взгляды въ трудѣ, носившемъ названіе „Der polnische Kriegsschauplatz“. Но такъ какъ книжка „Von der Weichsel zum Dnierg“ была сильно рекламирована „пресмыкавшейся“ печатью, то она произвела впечатлѣніе выстрѣла изъ орудія большаго калибра. Возможность вооруженнаго столкновения между Россіею, Германіею и Австріею, Sarmaticus обсуждалъ, какъ нѣчто примѣнимое къ ближайшему времени; а такъ какъ въ сочиненіи его были планы укрѣпленій, которые могли быть получены только отъ германскаго военнаго управленія, то публика приписывала этотъ трудъ лицу, состоящему въ этомъ управленіи ¹⁾.

„Сарматикусъ“ старается опровергнуть мнѣніе, будто веденіе войны на русской территоріи было бы для Германіи крайне затруднительно и почти невозможно. Онъ говоритъ, что западная полоса Русской имперіи имѣетъ, конечно, свои особенности, въ сравненіи съ другими театрами войны въ Европѣ, но что поэтому-то особенности эти и слѣдуетъ уяснить себѣ вовремя, а затѣмъ онѣ не представляютъ ничего непреодолимаго.

Сдѣлавъ обзоръ предполагаемаго театра войны въ отношеніяхъ топографическомъ, климатическомъ, статистическомъ, средствъ сообщенія, а также происходившихъ на немъ войнъ 1792—1794 гг., 1806—1807 гг., 1812 г. и 1830—1831 гг., авторъ даетъ указанія относительно снабженій наступающихъ на Россію армій и управленія ими. Онъ заявляетъ, что на содержаніе этихъ армій посредствомъ мѣстныхъ реквизицій разсчитывать нельзя, что продовольствіе должно доставляться изъ заграничныхъ запасовъ, постоянно пополняемыхъ. Для доставки его долж-

¹⁾ Установилось вообще мнѣніе, что подъ псевдонимомъ Sarmaticus писалъ германскій подданный, генералъ Э., когда-то состоявшій въ русской службѣ.

ны служить, сверхъ постоянныхъ желѣзныхъ дорогъ, еще переходныя, переносныя дороги, пролагаемыя соотвѣтственно движению арміи внутри Россіи. На безостановочное и достаточное снабженіе въ этой войнѣ, болѣе чѣмъ во всякой другой, должно быть обращено самое заботливое вниманіе.

Затѣмъ, обращаясь къ дѣлу войны и къ плану ея веденія, авторъ ставитъ такую гипотезу, что Россія и Франція производятъ нападеніе на Германію, состоящую въ союзѣ съ Австро-Венгеріею. Признавая, что Франція будетъ раньше Россіи готова къ бою, авторъ думаетъ, что главная масса германскихъ войскъ будетъ сосредоточена на западѣ и что первыя рѣшительныя дѣла произойдутъ на французской границѣ.

„Въ это время, говоритъ Сарматикусъ, русская армія будетъ приведена въ боевую готовность и окончитъ свое сосредоточеніе къ восточной границѣ Германіи, хотя мобилизація ея, по мнѣнію Сарматикуса, потребуетъ значительно больше времени, чѣмъ это предполагаютъ въ Германіи ¹⁾. Впрочемъ, весьма возможно, что части войскъ, расположенныя вблизи границы, получатъ приказаніе перейти ее тотчасъ по окончаніи мобилизаціи, не ожидая прибытія корпусовъ изъ внутреннихъ губерній, или даже въ день объявленія войны, не ожидая прибытія укомплектованій. Расположеніе шести кавалерійскихъ дивизій у самой границы, повидимому, указываетъ на возможность подобнаго образа дѣйствій; по крайней мѣрѣ ихъ дислокація такова, что способствуетъ набѣгу на Германію во всѣхъ направленіяхъ. Во всякомъ случаѣ, подобное изолированное наступленіе кавалеріи есть не болѣе, какъ фантастическое пугало для захваченнаго врасплохъ мирнаго сельскаго населенія; оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть рѣшительнаго значенія“.

Главное значеніе Сарматикусъ придаетъ тому, какіе пункты будутъ избраны русскими военачальниками для сосредоточенія войскъ. Пункты эти онъ пытается опредѣлить самъ на основаніи направленія нашихъ желѣзныхъ дорогъ, при чемъ приходитъ къ заключенію, что наиболѣе удобнымъ пунктомъ для сбора войскъ можно предположить Варшаву. Сверхъ того онъ допу-

¹⁾ Для изложенія взглядовъ Сарматикуса пользуемся трудомъ Анти-Сарматикуса „Отъ Берлина и Вѣны къ Петербургу и Москвѣ и обратно“, такъ какъ военный специалистъ, само собою разумѣется, съ болѣшимъ знаніемъ, чѣмъ мы могли бы это сдѣлать, излагаетъ взгляды Сарматикуса, высказанныя въ изданіяхъ 1878 и 1886 годовъ.

скаеть, что сборъ нашихъ войскъ будетъ произведенъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, а именно, кромѣ Варшавы, у Ковна на правомъ и у Ивангорода на лѣвомъ флангѣ русскаго стратегическаго фронта.

„Арміямъ этимъ, по Сарматикусу, представляются слѣдующія цѣли дѣйствій: а) арміи праваго крыла—занятіе Восточной Пруссіи, обложеніе и осада Кенигсберга, б) центральной арміи—наступленіе отъ Варшавы на Познань и Берлинъ и осада Познани при условіи обращенія должнаго вниманія на Торнъ и в) наконецъ, арміи лѣваго крыла—наступленіе на Калишъ или Ченстоховъ, занятіе Силезіи или дѣйствія на флангѣ центральной арміи въ томъ случаѣ, если послѣдняя остановится у Познани“.

„Признавая, что подобное положеніе дѣлъ поставило бы восточныя пограничныя провинціи Германіи въ весьма затруднительное положеніе, Сарматикусъ тѣмъ не менѣе нисколько этимъ не смущается и полагаетъ, что противъ трехъ русскаихъ армій достаточно выставить лишь нѣсколько германскихъ корпусовъ съ соотвѣтствующими кавалерійскими дивизіями. Недостатокъ дѣйствующихъ войскъ онъ совѣтуетъ вознаграждать ландверными частями и ландштурмомъ. Пользуясь благоприятными мѣстными условіями, упомянутыя германскія войска, по соображеніямъ Сарматикуса, задержать противника на всѣхъ пунктахъ, и только въ Силезіи, куда будетъ наступать русская 3-я армія, положеніе дѣлъ для германцевъ можетъ быть весьма затруднительнымъ, если бы нельзя было надѣяться на поддержку съ другой стороны; но на это можно смѣло разсчитывать, такъ какъ верхне-силезскій театръ соприкасается уже съ государствомъ, которое должно явиться третьимъ дѣйствующимъ лицомъ при затрудненіяхъ на востокѣ Европы. Яснѣе говоря, рѣчь идетъ объ Австро-Венгріи, которая въ то же время, по разсчетамъ Сарматикуса, могла бы сосредоточить 4 корпуса (по 3 пѣхотныхъ дивизіи въ каждомъ) къ Кракову (I армія) и 4 такихъ же корпуса къ Лембергу (II армія), и затѣмъ направить первую армію противъ фланга русскои третьей арміи, наступающей въ Силезію, или же къ Вислѣ, если бы русскія войска еще не успѣли перейти въ наступленіе; во второмъ, болѣе вѣроятномъ, случаѣ, армія эта должна дѣйствовать совместно съ германскою или даже соединиться возможно скорѣе съ германскими корпусами, дѣйствующими въ районѣ Познанской области. Второю австро-венгерскои арміи предоставляется на выборъ: насту-

пать на Люблинъ и далѣе къ Ивангороду съ цѣлью дѣйствовать противъ лѣваго фланга и тыла русскихъ войскъ, оперирующихъ на Вислѣ, или же произвести вторженіе въ юго-западный край съ цѣлью идти на встрѣчу южной русской арміи (которую Сарматикусъ между тѣмъ успѣлъ уже сосредоточить не у Ивангорода, а у Кіева), или же, наконецъ, ожидать нападенія съ русской стороны на заранѣе избранной и укрѣпленной позиціи. При подобныхъ обстоятельствахъ, въ предѣлахъ Галиціи, Волыни или Подоліи должно произойти столкновение, исходъ котораго будетъ имѣть обще-европейское значеніе“.

„Въ первомъ, менѣе вѣроятномъ, случаѣ, — т. е. если бы габсбургская имперія выступила на сцену лишь послѣ сосредоточенія русской арміи на Вислѣ или даже послѣ открытія Россіей наступательныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Германіи, — первымъ дѣломъ Австро-Венгрии будетъ энергическое наступленіе по правому берегу Вислы на русскую базу, т. е. прежде всего на Ивангородъ; это наступленіе совершенно измѣнитъ образъ дѣйствій русскихъ войскъ и создастъ совершенно новое положеніе дѣлъ. „Жаль, замѣчаетъ Анти-Сарматикусъ, что на этотъ разъ Сарматикусъ проявляетъ слишкомъ большую осторожность и сдержанность въ выраженіяхъ и не высказывается до конца, и жаль потому, что между строками такъ и можно прочесть завѣтныя его мысли слѣдующаго рода: совершенно новое положеніе дѣлъ означаетъ пораженіе нашихъ войскъ и побѣду австро-венгеро-германцевъ; въ то же время на западномъ фронтѣ дѣло также уже будетъ окончено, т. е. разбитые на голову французы будутъ уже просить мира, а если бы этого, паче чаянія, еще не произошло ко времени окончательнаго пораженія Россіи, то освободившіяся послѣ этого германскія войска будутъ переброшены за Рейнъ и вѣстѣ съ прежде сражавшимися тамъ своими товарищами довершатъ пораженіе Франціи“. Анти-Сарматикусъ, кажется, совершенно справедливо называетъ такой планъ дѣйствій „думами“. Русскія войска Сарматикусъ видимо впередъ приговорилъ къ пораженію и ставитъ ихъ въ положеніе какого-то „обозначеннаго противника“, совершающаго только такіе маневры, которые необходимы для того, чтобы такъ или иначе подставить себя подъ удары другой, „обрѣтающейся въ милостяхъ“ у Сарматикуса, стороны, исполняющей какъ бы „одностороннее стратегическое ученіе“, для окончанія коего отбой имѣетъ быть данъ „гдѣ-вибудь въ предѣлахъ Западнаго края“.

При комбинаціи касательно единоборства Россіи и Германіи,

Сарматикусъ приходитъ къ заключенію, что даже въ случаѣ нейтралитета Франціи западная граница Германіи не можетъ быть оставлена безъ вниманія, но эта граница весьма сильна въ оборонительномъ отношеніи, и поэтому охраненіе ея можетъ быть достигнуто выдѣленіемъ сравнительно незначительныхъ силъ. На этомъ основаніи онъ полагаетъ, что обѣ враждебныя стороны выступятъ на привислянскомъ театрѣ съ силами приблизительно равными. Главныя выгоды стратегическаго положенія Германіи, по мнѣнію Сарматикуса, заключаются въ готовности арміи къ быстрому сосредоточенію на любомъ пунктѣ границы, гдѣ присутствіе ея окажется болѣе необходимымъ.

Затѣмъ Сарматикусъ ставитъ еще третью комбинацію, которая отвѣчаетъ войнѣ Австро-Венгріи и Германіи, находящихся между собою въ союзѣ, противъ Россіи, не имѣющей вовсе союзниковъ. Въ этомъ случаѣ мобилизація и сосредоточеніе союзныхъ австро-венгро-нѣмецкихъ армій, по мнѣнію Сарматикуса, были бы окончены значительно ранѣе, чѣмъ соотвѣтствующія операціи русскихъ войскъ. Набѣги русскихъ войскъ Сарматикусъ считаетъ неопасными.

Русская армія, вынужденная вначалѣ придерживаться оборонительнаго образа дѣйствій, сосредоточивалась бы въ треугольникѣ крѣпостей Новогеоргіевскъ—Ивангородъ—Брестъ-Литовскъ.

Будутъ ли русскія войска сосредоточены также на Нѣманѣ, трудно опредѣлить заранѣе; образованіе же самостоятельной арміи на волинско-галиційской границѣ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ въ противномъ случаѣ юго-западные и южные губерніи были бы совершенно беззащитны на случай вторженія австро-венгровъ со стороны Галиціи.

Союзныя арміи развернутся почти такъ же, какъ уже было сказано выше, при изложеніи взглядовъ Сарматикуса относительно двухъ предъидущихъ комбинацій.

Допуская, что обстоятельства сложатся благопріятно для союзниковъ, Сарматикусъ рѣшительно совѣтуетъ имъ идти на Москву, а не на Петербургъ, такъ какъ только взятіе Москвы можетъ подѣйствовать на „истыхъ русскихъ націоналовъ“ (die echten National-Russen), занятіе же Петербурга все-таки потребовало бы потомъ похода на Москву чрезъ бѣдныя губерніи, Новгородскую и Тверскую.

Сарматикусъ старается разсѣять тѣ опасенія для союзниковъ, какія основываются на пораженіи Наполеона въ 1812 г. Онъ

утверждаетъ, что сравненіе съ 1812 г. не имѣетъ значенія, такъ какъ теперь есть желѣзныя дороги, а наступающія арміи не будутъ сбродомъ народовъ, какой велъ съ собой Наполеонъ, да и самое веденіе войны нынѣ иное. Наступленіе ведется по нѣсколькимъ операціоннымъ линіямъ и широкимъ фронтомъ. Сверхъ того, и населеніе Польши и Россіи нынѣ гуще, а опобѣгѣ жителей изъ деревень и сжиганіи жилищъ уже не могло бы быть рѣчи. Авторъ указываетъ только на необходимость обезпечивать съ фланговъ каждую новую линію и перемѣщать магазины вслѣдъ за поступательнымъ движеніемъ арміи. Сарматикусъ высказываетъ мнѣніе, что для того, чтобы союзники дошли до Москвы, потребовались бы два года.

Сарматикусъ говоритъ во второмъ изданіи ¹⁾, что „Россія, сознавая свое неблагопріятное положеніе по отношенію къ Германіи, создаетъ себѣ обезпеченную базу на западѣ, повидимому, какъ бы угрожающую Германіи, но въ дѣйствительности имѣющую обратное значеніе. Варшава, центральный пунктъ русской позиціи на Вислѣ, лежащая, приблизительно, въ центрѣ полукруга, по окружности котораго расположены крѣпости Кенигсбергъ, Торнъ, Познань, Бреславль, Краковъ и Пржемысль, будетъ превращена въ укрѣпленный лагерь, равно какъ и Ивангородъ и Новогеоргіевскъ. Гоніондзъ и Ковно также превращаются въ крѣпости. Изъ этого видно, что линія Вислы признается русскими важною лишь въ смыслѣ первой линіи обороны, подъ прикрытіемъ которой предполагается возможнымъ безопасно окончить сосредоточеніе арміи, что, при значительности разстояній, отсутствіи дорогъ и недостаткѣ въ желѣзнодорожныхъ линіяхъ, можетъ быть выполнено не ранѣе, какъ черезъ 3—4 недѣли по окончаніи сосредоточенія германскихъ армій къ любой линіи на восточной границѣ“.

Авторъ обращаетъ при этомъ особое вниманіе на опасность, которая грозитъ Россіи, даже и по окончаніи фортификаціонныхъ работъ на Вислѣ, при энергическомъ наступленіи достаточными силами на ея сообщенія съ сѣвера, и категорически замѣчаетъ, что если только нѣмецкіе полководцы будутъ на высотѣ своего назначенія, то Россіи никогда не удастся сосредоточить свои войска къ Вислѣ, и разрозненныя арміи ея будутъ раздѣлены и разбиты по частямъ“.

„Россія сознаетъ эту опасность, но мѣры, принимаемыя ею

¹⁾ Далѣе цитируемъ снова по изложенію Анти-Сарматикуса.

для противодѣйствія этой опасности, еще болѣе ухудшаютъ ея положеніе. Какъ нѣкогда Шалонскій лагерь долженъ былъ служить угрозой для Пруссіи со стороны Франціи, такъ и расквартированіе значительнаго числа русскихъ войскъ въ мирное время въ Царствѣ Польскомъ служить какъ бы угрозой Германіи со стороны Россіи (?). Но угрозы сами по себѣ не достигаютъ цѣли! Сарматикусъ въ заключеніи своего труда высказываетъ, что нынѣ Россія уже не такъ изолирована отъ Европы, какъ была прежде, и что германская армія одержитъ и здѣсь побѣду, если будетъ одушевлена сознаниемъ, что въ той войнѣ будетъ рѣшаться споръ между германствомъ и славянствомъ.

Анти-Сарматикусъ замѣчаетъ, что русскимъ читателямъ не слѣдуетъ принимать близко съ сердцу грозныхъ фантазій Сарматикуса, тѣмъ болѣе, что и онъ самъ признаетъ тенденціозность своей брошюры, имѣвшей цѣлью „доказать возможность довести до конца войну съ Россією“.

Весьма цѣнны тѣ стратегическіе доводы, которыми русскій авторъ опровергаетъ предположенія Сарматикуса. Мы приведемъ ихъ, когда будемъ говорить о расположеніи войскъ (*ordres de bataille*) при будущихъ войнахъ. Но здѣсь замѣтимъ, что въ сущности всѣ предположенія Сарматикуса падаютъ сами собой вслѣдствіе невѣрности основной его мысли, будто Россія нынѣ ужь далеко не такъ изолирована отъ Европы, какъ прежде. Если — какъ онъ признаетъ самъ — союзныя войска, при всевозможномъ успѣхѣ, все-таки могли бы достигнуть Москвы лишь черезъ *два года*, то развѣ это не представляетъ самаго несомнѣннаго, едва-ли одолимаго *изолированія*? Въ экономической части нашего труда доказывалось, что по причинамъ, какъ экономическимъ, такъ и политическимъ, ни Германія, ни Австро-Венгрія не въ состояніи были бы выдержать долговременной войны.

Существенное, что видно изъ сочиненій Сарматикуса, это то, что еслибы въ 1887 г. произошла война, то она была бы начата Германією сперва на французской границѣ, съ тѣмъ чтобы уже затѣмъ наступательно обратиться противъ Россіи. Въ неминувости войны въ то время въ Пруссіи были убѣждены. Такъ изъ Силезіи пріѣзжала въ Берлинъ депутація отъ землевладѣльцевъ для представленія опасности, какая имъ угрожала вслѣдствіе малочисленности находившихся тамъ войскъ, а военнымъ дарили на день Новаго года шерстяныя фуфайки, тулупы и сапоги, въ полномъ убѣжденіи, что такіе подарки были имъ всего нужнѣе.

Подверглись ли съ тѣхъ поръ какому-нибудь существенному измѣненію взгляды берлинскихъ военныхъ сферъ на порядокъ дѣйствій въ случаѣ войны съ Франціей и Россіей? При сеймовыхъ дебатахъ по какимъ-либо требованіямъ дополнительныхъ средствъ на армію, и нынѣ, какъ прежде, представители правительства указываютъ на возможную необходимость для Германіи вести одновременно войну „на оба фронта“ и притомъ наступательно, т. е. на территоріи противниковъ. Но Франція въ послѣдніе годы такъ усилила свои крѣпости, что въ Германіи начинаютъ уже высказываться нѣкоторыя сомнѣнія относительно возможности быстро покончить съ нею. Г. Случевскій ¹⁾ говоритъ: „французы внесли въ разработку крѣпостныхъ вопросовъ присущую имъ тонкость пониманія вещей и богатство фантазіи, выражающейся, главнымъ образомъ, въ значеніи, придаваемомъ ими какъ мѣстности, подвижности, маскированію и дробленію средствъ обороны, съ возможностью быстрого ихъ сосредоточенія, такъ и связи тактики и стратегіи съ одной, и фортификаціи съ другой стороны, на что, впрочемъ, германцамъ обращено не меньше вниманіе. Вообще, повидимому, вопросы обороны развиты во Франціи полнѣе и лучше, нежели вопросы атаки, тогда какъ въ Германіи — наоборотъ, что, впрочемъ, объясняется, быть можетъ, и самою виѣшнею политикою этихъ государствъ, а также наступательнымъ духомъ, господствующимъ въ германской арміи“.

Въ виду этого, и слышатся уже въ Германіи нѣкоторыя недоумѣнія — благоразумно ли было бы броситься сперва на Францію, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что германская мобилизація совершится быстрѣе французской. Нынѣшній германскій канцлеръ графъ Каприви считается авторитетомъ въ военныхъ вопросахъ. И вотъ, что онъ, между прочимъ, сказалъ при недавнемъ обсужденіи новаго военнаго закона: „Если французская армія будетъ разбита и отступитъ на крѣпости, то намъ придется по меньшей мѣрѣ 2 или 3 крѣпости обложить, каждую корпусомъ войскъ; сверхъ того, чтобы проникнуть внутрь французской территоріи, придется овладѣть нѣсколькими фортами на сообщеніяхъ, а форты эти, хотя не велики, но устройство и вооруженія ихъ стоятъ на высотѣ современныхъ техническихъ требованій; затѣмъ, овладѣвъ этими фортами, мы

¹⁾ „О крѣпостной войнѣ“. „Военный Сборникъ“.

должны будемъ переправляться чрезъ р. Маасъ—въ виду непріятельской арміи. А для того, чтобы осуществить обложеніе нынѣшнихъ укрѣпленій Парижа, принимая размѣры 1870—1871 годовъ, мы должны бы располагать 18-ю корпусами, не считая соответственныхъ резервовъ. Весьма вѣроятно даже, что осаду Парижа теперь пришлось бы вести съ одного только фронта, а примѣръ Севастополя показываетъ, что для этого можетъ потребоваться и цѣлый годъ¹⁾. Мы уже привели выше мнѣніе генерала Кюп, что взятіе Парижа еще труднѣе, чѣмъ его представлялъ графъ Каприви.

Прибавимъ, что Франція въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ жила въ постоянномъ опасеніи, какъ бы нѣмцы не опередили ее въ чемъ-нибудь въ военномъ отношеніи. Безпрестанныя повторенія въ Германіи той тезы, что германская армія можетъ сконцентрироваться скорѣе, чѣмъ французская, что только наступательный образъ дѣйствій соответствуетъ духу германскихъ войскъ, содѣйствовали этому. Немудрено, что французы здѣланы всевозможныя усилія, чтобы обезопасить страну отъ нападенія. Мы уже говорили, что за послѣднія 10 лѣтъ во Франціи издержано почти два миллиарда франковъ на укрѣпленія.

Пути для прохода германскихъ войскъ во Францію узки, почва на нихъ покрыта возвышенностями, долинами, перерѣзана рѣками, въ деревняхъ жилища каменные, поля обнесены изгородями, иногда также изъ камней, бездымный порохъ не выдастъ стрѣлковъ, укрывшихся въ засадахъ, а при объявленіи войны, на путяхъ наступленія будетъ заложено множество минъ и торпедъ¹⁾.

Несмотря на всѣ усовершенствованія въ артиллеріи, рѣшающимъ оружіемъ въ будущихъ войнахъ будетъ все-таки ружье. Когда войска стоятъ отъ непріятеля на разстояніи 800 шаговъ, все раздѣляющее пространство будетъ находиться подъ дѣйствіемъ пули, которая какъ ножомъ снимутъ все, что встрѣтятся на поверхности земли. Но шансы обѣихъ сторонъ будутъ одинаковы. Такъ какъ и на 4.200 метровъ пули нынѣшнихъ ружей поражаютъ, то все дѣло заключается въ томъ, что преимущество будетъ лишь на той сторонѣ, которая будетъ болѣе точно освѣдомлена о разстояніи между враждующими. Въ моментъ

¹⁾ Oméga. „La défense du territoire française“.

приближенія непріятели къ какому-либо пункту (домъ, дерево, кустарникъ и т. д.) тотчасъ устанавливаются стрѣлки.

Въ своей странѣ всё разстоянія могутъ быть измѣрены за-благовременно и кромѣ того заготовлены планы и средства для быстрого возведенія полевыхъ укрѣпленій.

Поэтому мы думаемъ, что наступленіе на французскую территорию представляетъ величайшія трудности и парламентскія увѣренія, что образъ дѣйствій германскихъ войскъ мыслимъ только наступательный на обоихъ фронтахъ, вызываютъ къ себѣ недоувѣріе. Серьезныя пренія объ этихъ предметахъ ведутся только въ специальныхъ комиссіяхъ, а въ публичныхъ дебатахъ обыкновенно раскрывается лишь край завѣсы.

Вотъ напр. что говоритъ Рихтеръ ¹⁾: „въ запискѣ Мольтке, изъ которой извлеченія были сообщены военной комиссіи рейхстага въ январѣ 1893 г., было прямо сказано, что на западной границѣ Германія имѣетъ такую оборонительную линію, равной которой нѣтъ въ мірѣ. Но въ 1870 г. Мецъ и Страсбургъ находились еще въ рукахъ французовъ, а въ 1871 г. кн. Бисмаркъ объяснялъ въ рейхстагѣ, что обладаніе однимъ Мецомъ стоить цѣлой арміи“.

Приэтомъ надо прибавить, что Мольтке высоко ставилъ значеніе французскихъ крѣпостей, особенно Вельфора.

Беннигсенъ ²⁾, указавъ на двойной поясъ фортовъ, какими защитила себя Франція и за которыми находится цѣпь большихъ крѣпостей и колоссальныя укрѣпленія Парижа, признаетъ, что всё эти укрѣпленія послужатъ опорой для войскъ, превосходящихъ численностью германскія. Сверхъ того, и нравственные факторы представляютъ нынѣ совсѣмъ иное отношеніе, чѣмъ въ 1870 г. Соединеніе желѣзной невозмутимости короля, генія Мольтке, искусства Бисмарка и одушевленія народа, боровшагося за осуществленіе единства—такая комбинація не повторится. А между тѣмъ, нравственный импульсъ нынѣ будетъ особенно силенъ именно у французовъ.

Еслибы германская армія вступила на французскую территорию, то, конечно, это повліяло бы на духъ французской арміи, и, быть можетъ, справедливы слова, высказанныя по поводу полемики между „Kreuz-Zeitung“ и Фоссовой газетой въ

¹⁾ Eugen Richter. „Die Militärvorlage“. 1893, стр. 19.

²⁾ „Die Militärvorlage und der Antrag Bennigsen“. Leipzig. 1893, стр. 15.

сочиненіи „Aus den militärischen Gezellschaft. Berlin's“¹⁾), — авторъ, который, какъ потомъ оказалось, былъ майоръ генеральнаго штаба, Шейбертъ: „Такъ же несомнѣнно, какъ оцѣнка Бельфора, — заявленіе Мольтке Бисмарку, при обсужденіи войны на оба фронта, что, въ такомъ случаѣ, мы будемъ дѣйствовать на западѣ оборонительно до тѣхъ поръ, пока произойдутъ рѣшительныя битвы на востокѣ, ибо Рейнъ съ его крѣпостями представляетъ собой самую сильную оборонительную линію, какою имѣетъ какая-либо держава“.

Весьма естественно, что Шейбертъ опровергалъ Мольтке. Шейбертъ предлагаетъ преобразование германской крѣпостной системы, потому что, въ случаѣ войны Германіи на два фронта, придется, по его мнѣнію, удвоить военныя силы имперіи. „Выраженіе военной силы является, говоритъ онъ, въ столкновеніи массъ. Всякій же ударъ есть продуктъ умноженія массы на скорость. Если желаютъ, при данной массѣ, увеличить силу удара, то достигнуть этого можно увеличеніемъ скорости. Но скорость, говоритъ онъ, не увеличиваютъ тѣмъ, что заковываютъ сотни тысячъ солдатъ и осуждаютъ ихъ на бездѣятельность за стѣнами, т. е. запираютъ въ крѣпости“²⁾).

Вдумываясь въ вѣроятный характеръ войны на два фронта, Шейбертъ заключаетъ, что на западѣ, вѣроятно, будутъ искать рѣшенія въ величественной борьбѣ и въ сильныхъ упорныхъ бояхъ, между тѣмъ какъ восточный сосѣдь, побуждаемый извѣстною, преждевременною (vorschnelle) самостоятельною инициативою единичныхъ военачальниковъ, попытается достигнуть успѣховъ посредствомъ смѣлыхъ, не поддающихся разсчетахъ, предпріятій.

Далѣе Шейбертъ предполагаетъ, что война эта начнется какъ противъ Франціи, такъ и противъ Россіи, со стратегическаго наступленія, но что приэтомъ на одномъ изъ театровъ войны окажется нужнымъ сдѣлать остановку, чтобы въ это время рѣшительно ударить сконцентрированными силами на одного изъ сосѣдей. Съ этой цѣлью необходимо обезопасить такую остановку обширными укрѣпленіями. Предполагая, что остановка сдѣлана въ западныхъ провинціяхъ Россіи, онъ думаетъ, что безъ большаго затрудненія можно укрѣпить узлы обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогъ посредствомъ броневыхъ

¹⁾ Берлинъ, 1893 г.

²⁾ Случевскій, „О крѣпостной войнѣ“. „Военный Сборникъ“.

лафетовъ, которые могли бы быть доставлены быстро изъ нѣмецкихъ депо. Онъ предлагаетъ еще въ укрѣпленныхъ русскихъ провинціяхъ наполнить рѣки маленькими пароходиками (die Flussnetze mit kleinen Dampfern zu bevölkern) для охраненія занятыхъ германцами областей, изслѣдованія ихъ и облегченія маневрированія войскъ. Онъ совѣтуетъ при этомъ организовать сообщенія между укрѣпленіями—железными дорогами и пароходными линіями.

Другими словами, Шейбертъ совѣтуетъ занять Царство Польское и укрѣпиться въ немъ. Онъ забываетъ при этомъ, что сокращеніе времени веденія войны и этимъ самымъ уменьшеніе экономическихъ замѣшательствъ, какія будутъ вызваны войною въ Германіи, будутъ играть гораздо болѣе важную роль, чѣмъ это представляютъ себѣ всѣ военные люди.

Мы, такимъ образомъ, становимся передъ взаимно противоположными мнѣніями, что заставляетъ насъ обратиться къ посредству простаго здраваго смысла.

Смыслъ сказаннаго Мольтке: защищаться на границѣ, допуская притомъ возможность занятія по Рейнѣ. Шейбертъ же говоритъ, что это будетъ не по-мольтковски (unmoltkisch) и что предоставленіе на разореніе извѣстной части страны не должно быть допущено.

Между тѣмъ въ 1866 году Бисмаркъ пошелъ далѣе. Когда вслѣдствіе передачи въ распоряженіе Франціи,—Венеціи, Италія стала колебаться, а Австрія отвлекала заключеніе мира, выжидая, что Франція объявитъ войну Пруссіи,—на военномъ совѣтѣ Мольтке заявилъ, что силы Пруссіи достаточны для сильной обороны въ окрестностяхъ Праги; противъ Франціи же возможно будетъ выставить въ началѣ сентября болѣе 200 т. чел. войскъ сѣверогерманскихъ и 80 т. чел. южногерманскихъ. Войну и тамъ—прибавилъ онъ,—можно вести по преимуществу оборонительную, но нечего ея опасаться; между тѣмъ, малѣйшая добровольная земельная уступка въ пользу Франціи сдѣлала бы немислимымъ будущее предводительство Пруссіи въ Германіи. Вопросъ былъ рѣшенъ Бисмаркомъ. „И такъ“,—сказалъ онъ,—„Мольтке думаетъ объ оборонительномъ дѣйствіи, какъ въ Богеміи, такъ и на Рейнѣ; но это затянеть дѣло, и мы подвергнемся еще чѣму-нибудь вмѣшательству. Вотъ, еслибы Мольтке полагалъ возможнымъ сперва отдѣлать Австрію, а потомъ прогнать французовъ, пришедшихъ хотя бы въ Бер-

линъ, то я бы понялъ это. Но игра по оборонительной системѣ для меня слишкомъ рискованная: мы постараемся устроить миръ“¹⁾).

Изъ этого видно, что даже мысль о занятіи Берлина французами не устрашала Бисмарка, когда онъ намѣревался раздавить одного изъ противниковъ.

Тѣ же трудности, которыя встрѣтили бы французы на германской землѣ, встрѣтятъ и нѣмцы, если вступятъ въ предѣлы Россіи. Несомнѣнно, что все въ предѣлахъ возможнаго сдѣлано, чтобы приготовить почву къ принятію непріятеля. Но въ Россіи это представляетъ значительно болѣе затрудненій благодаря громаднѣмъ пространствамъ. Гораздо труднѣе приготовить позиціи тамъ, гдѣ ихъ обходить безопаснѣе. Кромѣ того мѣстность въ пограничной полосѣ не гориста, безъ овраговъ, берега рѣкъ не высоки и поля не обнесены изгородью, всюду есть проходъ, а дома въ селахъ большею частью деревянные, мало пригодные къ защитѣ.

Затрудненіе явится въ томъ, что колеи русскихъ желѣзныхъ дорогъ отличаются отъ германскихъ разбѣромъ ширины, хотя нѣмцы полагаютъ, что съ этимъ имъ удастся справиться.

Англійскій полковникъ Ротуель говоритъ, что „германская или австрійская армія, которая вздумаетъ занять Россію по другой сторонѣ Вислы, должна будетъ передѣлать ширину колеи изъ пятифутовой на 4 ф. 8¹/₂ д. Сравнительно эта операція окажется нетрудной. Между тѣмъ расширеніе колеи, которое пришлось бы предпринять русскимъ войскамъ, вошедшимъ въ Австрію или Пруссію, едва-ли достижимо. Подвижной русскій составъ не входитъ въ тоннели и на мосты, рассчитанные на меньшіе разбѣры“²⁾.

Англійскій генералъ Бошанъ-Уокеръ говоритъ, что „графъ Мольтке считалъ различную ширину желѣзнодорожныхъ путей весьма существеннымъ обстоятельствомъ въ войнѣ Германіи съ Россіей. Я не знаю, какъ онъ рѣшалъ этотъ вопросъ, но онъ однажды мнѣ сказалъ: „Славу Богу, я уже постигъ, что надо сдѣлать“. Очевидно, онъ нашелъ разрѣшеніе, удовлетворявшее его“.

Явятся приэтомъ и соображенія политическаго свойства, по

¹⁾ Sybel. „Die Begründung des deutschen Reichs“.

²⁾ Цитата ген. Пьеррона.

которымъ Германія не будетъ торопиться перейти французскую границу. Для ориентированія въ этомъ вопросѣ обратимся къ закулисной сферѣ. Въ этомъ отношеніи могутъ служить указаніемъ нѣкоторыя изъ безыменныхъ брошюръ. Разумѣется, при этомъ надо брать въ расчетъ намѣренія укрывающихся за ними закулисныхъ режиссеровъ издательства.

Такъ, въ брошюрѣ, изданной въ 1891 г. подъ заглавіемъ „Der deutsche Krieg mit Russland“ говорится слѣдующее:

„Такъ какъ германско-русская война неизбежна, то слѣдуетъ предупредить Россію, устранивъ однимъ ударомъ угрозу нѣмецкимъ интересамъ. Германія вполне готова къ войнѣ, и результатъ ея обезпеченъ. У Россіи надо отнять Финляндію, Польшу и Балтійскія провинціи“.

Авторъ другой брошюры „Auf der Schwelle des Krieges“ еще „дальновиднѣе“. Онъ разсматриваетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и говоритъ, что часъ страшный когда-нибудь долженъ пробить. Этотъ часъ выберутъ Франція и Россія. Но къ какимъ результатамъ приведетъ эта война, которая распространится отъ Камчатки до Португаліи и отъ Ютландіи до Индіи,—предсказать невозможно. Одно лишь вѣрно, что разрѣшенія слѣдуетъ ожидать не отъ перевѣса военныхъ силъ.

„Земля теперь во многихъ странахъ не въ состояніи прокормить населенія. Необходима помощь промышленности. Кому удастся во всемірной войнѣ подкопаться подъ эту помощь, тотъ обезсилитъ противника. Всего три государства, которыя независимы въ этомъ отношеніи: Россія, Англія и Америка. Германія во время воспрещенія вывоза хлѣба изъ Россіи, очутилась въ положеніи осажденнаго. Что же будетъ, когда продолжительная война лишитъ нѣмецкаго земледѣльца возможности обрабатывать землю, а крейсера и непріятельскій флотъ будутъ конфисковать хлѣбъ, подвозимый къ ней моремъ?“ Поэтому авторъ совѣтуетъ какъ можно поскорѣй собрать запасъ зерна.

„Въ Россіи вмѣсто этого можетъ случиться недостатокъ каменнаго угля (?) ¹⁾. Во Франціи его уже мало. Во время войны надо о немъ очень заботиться“.

¹⁾ Единственно въ Царствѣ Польскомъ, снабжаемомъ Домбровскимъ бассейномъ.

Затѣмъ, авторъ переходитъ къ самой сущности вопроса. „Нѣмцы—говоритъ онъ,—не могутъ оставаться въ вѣчной зависимости отъ сосѣдей; они должны создать для себя условія быта независимыя, они должны обезпечить своему народу удовлетвореніе необходимѣйшихъ потребностей и ввести въ предѣлахъ собственнаго эконоическаго теченія. Нѣмцы не должны дозволить русскую монополію цѣлой части свѣта—Азіи. Побѣда надъ Россіей вознаградится для насъ въ Срединной Азіи“.

Мы привели въ главныхъ чертахъ мысль этой брошюры, чтобы показать, какъ старательно въ Германіи обрабатываютъ общественное мнѣніе. Но послѣдняя брошюра на этомъ не кончается. „Если нѣмцы не сдѣлаютъ величайшаго напряженія, то лѣтъ черезъ пятьдесятъ весь міръ будетъ раздѣленъ между двумя расами—англо-саксонской и славянской. Франція же, которая теперь исключительно предалась мысли объ отомщеніи, въ сущности для своего народнаго развитія, для всей своей будущности, *нуждается въ соседствѣ сильной Германіи*“.

„Цѣль войны съ Россіей и ея неизбѣжность очевидны. Съ Франціей намъ драться не изъ-за чего“.

Авторъ въ обширномъ выводѣ развиваетъ одну и ту же мысль, что ни изъ-за провинцій, ни изъ-за денегъ не стоитъ бросаться въ войну, что союзъ съ Россіей для Франціи весьма обманчивъ. Россія не станетъ воевать ради возвращенія Франціи Эльзаса, ибо въ крайнемъ случаѣ Германія, угрожаемая съ двухъ сторонъ, предоставитъ сѣверному колоссу распространяться и распорядиться въ Азіи. Наоборотъ, Германія могла бы вознаграждать Францію. Она, напримѣръ, могла отдать ей Египетъ, которымъ Англія владѣетъ только вслѣдствіе того, что противъ этого не протестуетъ тройственный союзъ.

Надо замѣтить, что этотъ родъ франкофильства въ нѣмецкой политической литературѣ проявился вслѣдъ за появленіемъ французской брошюры полковника Стоффеля „De la possibilité d'une future alliance franco-allemande“, 1890. Стоффель исходитъ изъ того же положенія, что истинный врагъ Европы, а слѣдовательно и Франціи, не нѣмцы, а Россія, что отъ союза съ Россіей Франція ничего не можетъ выиграть. Между тѣмъ, такъ какъ Франціи необходимо возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи по причинамъ, которыя объясняются географическимъ очертаніемъ границъ, то Германія должна вернуть завоеванныя провинціи цѣною приобрѣтенія союзника противъ Россіи.

Германія очень было ухватила за мысль союза съ Франціей, что весьма естественно, ибо у Франціи нельзя ничего больше отнять, но, разумѣется, при этомъ старается выторговать себѣ союзника какъ можно дешевле.

Авторъ брошюры „West Europa Kosakisch oder geeint“ (1890 г.) убѣждаетъ французозъ не принимать слишкомъ близко къ сердцу Седана, потому что это было только воздаяніе за Іену, за грабежи Людовика XIV и т. д. Вопросъ чести не требуетъ новой войны. Эльзасъ въ 6 разъ болѣе нѣмецкій, чѣмъ французскій, и въ настоящее время всѣ интересы, экономическіе и общественные, связываютъ его съ новой имперіей. Впрочемъ, добровольная уступка этихъ провинцій Франціи была бы для нея оскорбительна.

Нѣмцы, какъ видно, въ состояніи заблуждаться, что въ данный моментъ они найдутъ средства для того, чтобы войти въ соглашеніе съ Франціей, или же побѣда, одержанная на первыхъ порахъ кампаніи, охладить пылъ французозъ. Впрочемъ, въ запискахъ Мольтке сказано:

„Въ 1866 году Австрія думала воевать сразу противъ Пруссіи и Италіи, и это ее погубило. Если бы армія эрцгерцога Альбрехта находилась возлѣ арміи Бенедика въ битвѣ при Садовой, трудно себѣ представить, какіе могли бы получиться результаты. Къ чему послужила Австріи ея побѣда подъ Кустоцкой? Не вынуждена ли она была вслѣдъ затѣмъ отдать Венецію? Она была расчленена вслѣдъ за битвой, въ которой кровь ея солдатъ проливалась бесполезно“¹⁾.

Разрѣшать вопросъ о театрѣ войны было бы весьма праздною задачей, въ данномъ случаѣ много будутъ значить ходячія мнѣнія и такъ называемыя *imponderabilia*, т. е. невѣсомыя вліянія. Одно изъ такихъ мнѣній настойчиво утверждаетъ, что объявленіе войны будетъ возможно въ Германіи, когда будетъ рѣчь объ одной Россіи. Канцлеръ Каприви, защищая новый военный законъ, сказалъ въ парламентѣ: „Для готовности къ войнѣ народа необходимъ его энтузіазмъ, но весьма трудно найти общее основаніе для энтузіазма трехъ разныхъ народовъ, какъ нелегко и обезпечить ихъ согласнымъ высшимъ командованіемъ и подчинить общему плану дѣйствій. Еще труднѣе согласить желанія. У Италіи и Австріи неболь-

¹⁾ „M. de Moltke, ses mémoires et la guerre future“. Стр. 237.

шія желанія, за то онѣ не рискуютъ много потерять, у Германіи вѣтъ никакихъ желаній, а рискуетъ она всѣмъ, а именно „государствомъ“.

Изъ двухъ союзниковъ Германіи Австрія во всякомъ случаѣ болѣе склонна къ войнѣ, въ томъ случаѣ, если бы Германія всѣми своими силами сразу могла обрушиться на Россію.

По этому поводу въ 1889 году Виттолебенъ-Ведельштейнъ ¹⁾ говорилъ, что, по его мнѣнію, „если въ будущую войну Германія выставитъ большую часть своихъ силъ противъ Франціи, а для защиты береговъ и восточной границы оставить лишь необходимое число войскъ, то окажется, что Австро-Венгрія еще недостаточно подготовлена къ противодѣйствию русскому вторженію“.

Что преимущество находится на сторонѣ Россіи, въ этомъ убѣжденъ и авторъ статьи подъ заглавіемъ: „Сарматскій театръ военныхъ дѣйствій“,—который полагаетъ, что главнымъ театромъ войны для обѣихъ армій будетъ южно-сарматскій театръ, причемъ русскіе перейдутъ въ наступленіе, по всему вѣроятію, въ направленіи Кіевъ—Буда-Пештъ, черезъ восточную Галицію ²⁾.

Чарльзъ Дилкъ полагаетъ, что Австрія будетъ находиться въ безопасности только въ случаѣ сильной поддержки со стороны Германіи.

„Чтобы помочь Австріи противъ Россіи, Германія должна была бы оставить на восточныхъ границахъ болѣе чѣмъ тѣ два корпуса, которыхъ, въ соединеніи съ территоріальными войсками, по мнѣнію французовъ, хватило бы для защиты итальянской границы. А тогда могло бы случиться, что французовъ оказалось бы на границѣ Эльзаса или Бельгіи больше, чѣмъ нѣмцевъ.“

Въ Австріи оказался бы весьма пониженнымъ военный пылъ, еслибы главныя силы Германіи направились противъ Франціи.

3.

Мы остановились на взглядахъ, высказанныхъ въ брошюрѣ „Videant consules“, затѣмъ еще въ нѣсколькихъ

¹⁾ „Oesterreich-Ungarns Lage der neusten Organisations und Dislocations-Veränderungen der russischen Armee gegenüber“.

²⁾ „Armee-Blatt“, 1891, Januar, № 4.

позднѣйшихъ брошюраxъ. Дѣло въ томъ, что прежде, чѣмъ говорить о продовольствованіи Варшавы въ случаѣ осады, намъ необходимо было заняться вопросомъ о самой вѣроятности обложенія этого города, вслѣдствіе обращенія его въ перво-классную крѣпость. Но, отказываясь ставить какія-либо собственные предположенія о возможномъ направленіи и театрѣ войны, мы сочли необходимымъ ознакомить читателей съ тѣми взглядами на этотъ предметъ, какіе были высказаны съ германской стороны. Теперь мы обратимся къ специально занимающему насъ вопросу о снабженіяхъ Варшавы на случай ея осады.

Роль Варшавы при войнѣ представится значительною, такъ какъ городъ этотъ составляетъ важнѣйшее звено въ цѣлой цѣпи укрѣпленій, расположенныхъ вдоль р. Вислы. Ни для кого не составляетъ секрета, что для обороны линіи этихъ укрѣпленій стянуты большія силы и что здѣсь предстоитъ борьба не мелкихъ отрядовъ или резервовъ, а головъ армій. Нельзя не вывести отсюда заключенія, что въ планъ военныхъ дѣйствій вошла серьезная защита Варшавы. Да иначе и быть не можетъ. Авторъ сочиненія „Ideen über Befestigungen“ ¹⁾, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Для примѣра, представимъ себѣ стотысячную армію, по ту сторону рѣки, между двумя большими крѣпостями, построенными по двумъ сторонамъ рѣки на разстояніи 90—100 километровъ (отъ Варшавы до Новогеоргіевска по прямой линіи 26—27 верстъ). Такая армія въ состояніи успѣшно защищать все пространство между крѣпостями, обезпечивающими оба ея фланга. Непритель перейти рѣку не можетъ, ибо для того чтобы переправить значительныя силы на противоположный берегъ, одного или двухъ дней недостаточно, а между тѣмъ наступающая армія подвергаетъ опасности свои отдѣльные перебрасываемые черезъ рѣку отряды, такъ какъ обороняющія войска, пользуясь тѣмъ, что позиціи ихъ неизвѣстны непріятелю, могутъ уничтожить эти отряды по частямъ. Осада одной изъ крѣпостей вызвала бы тотчасъ вылазки изъ нея. Притомъ осадить крѣпость дѣло не легкое и сомнительное. Оно и невозможно до перехода арміи черезъ рѣку. Болѣе значительная оборонительная армія (напр. въ 200 или 150 тысячъ) могла бы

¹⁾ Berlin. 1888.

успѣшно вести защиту по ту сторону рѣки пространства между двумя крѣпостями на разстояніи 150 километровъ⁴.

Разстояніе между Варшавой и Новогеоргиевскомъ, какъ выше сказано, 26—27 верстъ, до Ивангорода 84 версты; слѣдовательно, вся длина фортификаціонной линіи равняется приблизительно 110 верстамъ, что составляетъ, по выше приведенному мнѣнію нѣмецкаго авторитета, пространство, доступное для успѣшной обороны.

Поэтому существуетъ основаніе предполагать, что оборона будетъ продолжительная и упорная и что на минованіе Варшавы непріятельскимъ вторженіемъ, какъ и на быстрое ея занятіе, рассчитывать невозможно.

Выше приведенъ расчетъ времени, необходимаго для осады современной крѣпости, по которому требуется отъ 120 до 160 дней.

Допуская даже, что при этомъ не произойдетъ никакихъ спеціальныхъ осложненій, во всякомъ случаѣ осада Варшавы протянется 4 мѣсяца, въ теченіе которыхъ ея сообщеніе съ остальнымъ міромъ прекратится и вся производительная, торговая и умственная жизнь замретъ въ ней.

Средствъ продовольствія жителей не хватитъ; еще въ мирное время она къ этому не подготовлена. Притомъ все населеніе, существующее дневнымъ заработкомъ или жалованьемъ, будетъ лишено возможности себя прокормить.

Надъ этимъ стоитъ остановиться и подумать, какъ предупредить и смягчить катастрофу.

До тѣхъ поръ пока миръ не нарушаетъ трезвости мысли, пока близость опасности не парализуетъ здравой воли и поступковъ, слѣдуетъ непремѣнно изслѣдовать самымъ точнымъ образомъ все, что нужно, дабы въ свое время быть во всеоружіи знанія, предвидѣнія и пониманія, какъ поступать.

Продовольствованіе Варшавы въ виду осады.

Франко-прусская война 1870—1871 гг. доставила намъ единственный примѣръ осады города многолюднаго, — города, считающагося средоточіемъ умственной, промышленной и торговой жизни цѣлой страны. Этотъ опытъ мы должны имѣть въ виду при разсмотрѣніи возможныхъ послѣдствій отъ ожидаемой осады Варшавы.

Парижъ въ 1870 году находился въ условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ современныя условія Варшавы. Во-первыхъ, географическое положеніе Парижа благопріятнѣе въ томъ отношеніи, что онъ не былъ включенъ въ первую оборонительную линію, и непріятелю, ранѣе чѣмъ обложить его, необходимо было справиться съ территоріальной арміей. Во-вторыхъ, лишь только возможность осады Парижа сдѣлалась вѣроятной, законодательное собраніе тотчасъ открыло министру торговли неограниченный кредитъ, уполномочивъ его принять все средства для сосредоточенія въ городѣ продовольствія въ чрезвычайныхъ размѣрахъ. Съ неизмѣрною быстротой и энергіей собранъ былъ провіантъ; контракты заключались безъ соблюденія обычныхъ формальностей; уплачивалось поставщикамъ по дорогой цѣнѣ и безъ проволочекъ. Независимо отъ этого, интендантство накопляло столь громадныя запасы для войны, что населеніе и съ этой стороны могло разсчитывать на помощь, что въ послѣдствіи и оправдалось.

Впрочемъ, положеніе Парижа и въ другихъ отношеніяхъ исключительное: онъ находится среди богатой страны, въ мѣстности, изобилующей всею необходимыми. Онъ обладаетъ средствами для легкой доставки, которая притомъ кромѣ того, что прекрасно организована, пользуется всеми удобствами центрального пункта, въ которомъ происходятъ гигантскіе торговые обороты. Поэтому въ немъ всегда сосредоточены огромныя запасы всего необходимаго. Скромная и бѣдная Варшава не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ Парижемъ. Несмотря на все благопріятныя условія Парижа, многомѣсячная его осада истощила до такой степени этотъ могучій городъ, что населеніе терпѣло голодъ и умирало въ тройномъ количествѣ противъ нормального.

Варшава находится, очевидно, въ условіяхъ несравненно худшихъ. Не будучи столицей государства, она не можетъ обольщаться надеждой, что оно понесетъ ради нея жертвы, равномѣрныя съ тѣми, какихъ Франція не щадила для обезпеченія продовольствіемъ Парижа. Запасы самого населенія Варшавы составляютъ ничтожество въ сравненіи съ постановкой этого дѣла въ Парижѣ. Варшавскій рынокъ въ настоящее время пополняется продуктами ежедневнаго потребленія почти исключительно отдаленными мѣстностями при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ: хлѣбъ, соль и мясо доставляется въ Вар-

шаву восточными и южными провинціями имперіи; топливо— изъ Домбровы. Вслѣдъ за объявленіемъ войны, подвозъ этихъ продуктовъ встрѣтитъ естественныя въ военное время затрудненія. Желѣзныя дороги, ведущія изъ имперіи, будутъ заняты военными транспортами. Каменноугольный Домбровскій округъ, даже если бы Варшавско-Вѣнская желѣзная дорога осталась незанятою непріателемъ, будетъ отрѣзанъ. Даже на гужевой подвозъ рассчитывать нельзя, такъ какъ военная администрація потребуеъ для своихъ надобностей громадное количество конскихъ подводъ.

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ прибавляется еще то неудобство, что Варшава лишена такого самостоятельнаго органа мѣстной власти, который былъ бы способенъ въ затруднительные моменты, какъ, напримѣръ, въ случаѣ замѣшательства въ минуту объявленія войны, прійти на помощь администраціи. Парижъ вполне воспользовался мѣстнымъ управленіемъ, правильно организованнымъ на основаніяхъ вѣковыхъ традицій и, несмотря на это, во время осады, случались минуты, когда никто не зналъ, какъ быть и что дѣлать. Не надо упускать изъ виду, что полумилліонный городъ внезапно попадетъ въ совершенно измѣненныя условія жизни, и что при этомъ значительная часть населенія будетъ лишена всякихъ средствъ содержать себя собственными силами.

1.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что правительство, превращая Варшаву въ первоклассную крѣпость, обдумало средства, на случай осады, какія необходимо будетъ принять для смятенія участи жителей, которые окажутся отрѣзанными непріятельской арміею отъ остальнаго свѣта.

Въ одномъ только отношеніи Варшава находится въ положеніи лучшемъ, сравнительно съ Парижемъ, въ случаѣ осады: какъ правительство, такъ и сами жители имѣютъ передъ собой бывшій примѣръ, которымъ они могутъ пользоваться.

Трудъ ознакомленія съ этими обстоятельствами весьма облегченъ французами, которые не только показали міру на себѣ самихъ живой примѣръ перенесенія осады громаднымъ населеніемъ города, со всѣхъ сторонъ окруженнаго непріате-

лемъ, но и успѣли освѣтить значеніе опыта для будущихъ поколѣній и извлечь изъ него поучительные выводы. Наученное горькимъ опытомъ, французское правительство въ настоящее время заблаговременно учредило комисію, которая, совмѣстно съ парижскими властями, выработала, на основаніи испытанныхъ фактовъ, мѣры, къ которымъ слѣдуетъ обратиться, въ случаѣ осады города.

Не слѣдуетъ забывать, что лишь только начнется война, уже произойдетъ величайшее замѣшательство во всемъ процессѣ передвиженія и доставки грузовъ, а затѣмъ доставка и вовсе прекратится. Предусмотрительные или случайные обладатели продовольственныхъ продуктовъ становятся черезъ это въ положеніе монополистовъ. Цѣны вырастаютъ при этомъ до безумныхъ цифръ: необходимѣйшіе предметы дѣлаются доступными лишь для богатыхъ людей. Безъ помощи особенныхъ мѣръ большинство жителей окажется приговореннымъ къ голодной смерти, ибо дороговизна жизненныхъ припасовъ встрѣтится съ полнымъ прекращеніемъ заработковъ. Очевидно, что жестокость монополии должна быть ослаблена другими вліяніями. Тамъ, гдѣ прекращается свобода конкуренціи, должно войти въ свои права посредничество власти. Но дѣло въ томъ, что такое посредничество несравненно труднѣе, чѣмъ это кажется мало знакомымъ съ экономической стороною задачи. Въ этой области буквальная исполнимость предписаній, какая примѣняется въ военной службѣ, оказалась бы несостоятельною.

Предположимъ, что, съ цѣлью продовольствованія жителей Варшавы, правительство устроить извѣстный запасъ зернового хлѣба, такъ какъ въ этомъ видѣ онъ легче сохраняется и возобновляется. Тотчасъ возникаетъ вопросъ: какіе способы будутъ употребляться для раздаванія этого зерна? Въ этомъ отношеніи существуютъ лишь правила для войскъ, которыя совершенно непримѣнимы къ населенію.

Далѣе является другое затрудненіе. Зерно требуетъ перемола. Вѣтряныя мельницы будутъ, конечно, уничтожены, останется лишь ограниченное число паровыхъ мельницъ. Нельзя будетъ оставить населеніе на произволъ мукомоловъ. Придется, слѣдовательно, предполагая, что сила мельницъ соотвѣтствуетъ потребности, учредить обязательный перемолъ зерна. Но такъ какъ паровыя мельницы окажутся необеспеченными относительно топлива для движущей силы, то придется

снабдить ихъ горючимъ матеріаломъ. Затѣмъ, въ виду вздорожанія топлива, окажется необходимымъ распространить надзоръ и контроль и въ этомъ направленіи.

Лишь только отстранится это затрудненіе, выступаетъ на сцену новая потребность: обезпечить хлѣбопекарни необходимымъ количествомъ топлива. Надо принять мѣры къ сохраненію отъ порчи муки, и затѣмъ является вопросъ объ условіяхъ отпуска ея пекарямъ. Относительно печенаго хлѣба является настоятельная потребность опредѣленія, какой категоріи жителей слѣдуетъ его продавать и какой раздавать бесплатно. Въ этомъ дѣлѣ не легкимъ окажется даже самый выборъ мѣстъ раздачи хлѣба. Ошибка въ этомъ отношеніи можетъ подвергнуть населеніе множеству ненужныхъ хлопотъ и тягостей, можетъ сдѣлаться причиной излишнихъ его скопищъ, безпокойства и даже уличныхъ беспорядковъ.

Во всякомъ случаѣ, ни продажа муки, ни хлѣбопекарни, ни торговля топливомъ не могутъ быть предоставлены свободной конкуренціи въ виду необходимости ограничить потребленіе предметовъ первой необходимости. Слѣдовательно, окажется нужнымъ организовать и урегулировать цѣлую систему доставки зерна и топлива мукомоламъ, муки и топлива пекарямъ, а затѣмъ, контроля надъ потребленіемъ всѣхъ этихъ матеріаловъ и продажей хлѣба. Допустивъ неограниченную продажу изъ магазиновъ хлѣбныхъ продуктовъ, можно съ увѣренностью ожидать, что спекуляція быстро истощила бы всѣ запасы, а затѣмъ, какъ показываетъ опытъ, никакія усилія не могли бы вырвать эти запасы изъ рукъ спекуляторовъ.

Въ концѣ ноября въ Парижѣ было приступлено къ реквизиціи картофеля, при чемъ было объявлено скупщикамъ, чтобы они сообщили въ пятидневный срокъ о количествѣ имѣющагося у нихъ запаса этого матеріала. По всѣмъ декларациямъ оказалось, что въ наличности у нихъ оставалось всего 12 гарнцевъ этого продукта. Съ этого момента продажа на рынкахъ картофеля прекратилась, а въ тайной продажѣ цѣна его возвысилась съ 6 — 8 франковъ за boisseau (около 3-хъ гарнцевъ) до 15 франковъ и дороже. Продавцы, такимъ образомъ, вынуждали съ покупателейъ плату за рискъ ответственности, кромѣ цѣнности самого продукта.

Какъ только торговля необходимѣйшими жизненными припасами перестаетъ слѣдовать законамъ взаимнаго уравновѣшенія спроса и предложенія, его мѣсто должны занять предписа-

нія власти, въ рамки которыхъ включаются всея жизненныя отправления общества съ тѣмъ, чтобы они происходили согласно указаніямъ и съ точностью часоваго механизма. Безъ этого невозможно удовлетворить нужды населенія, хотя бы ограниченныхъ до минимума. Счетоводство и контроль должны быть самыя совершенныя, чтобы злоупотребленія были вовсе невозможны и чтобы при этомъ не было потери времени. Въ такихъ случаяхъ не только злоупотребленія, но самая ихъ возможность вызываетъ въ умахъ населенія отчаяніе и ропотъ. Голодъ вообще плохой совѣтчикъ; онъ легко приводитъ къ борьбѣ сословной и расовой и даже къ болѣе обширнымъ замѣшательствамъ, какія въ Варшавѣ представляются болѣе чѣмъ гдѣ-либо нежелательными.

2.

Занимающій насъ вопросъ возникъ изъ того начала, по которому значительныя населенныя центры превращены въ крѣпости. Пока имѣли дѣло съ крѣпостями, въ которыхъ число жителей было небольшое, обезпеченіе ихъ продовольствіемъ не представляло особеннаго затрудненія.

Въ Германіи, въ случаѣ приближенія опасности осады, военная власть обращается къ городскому управленію съ предупрежденіемъ о необходимости заготовить соответственно предполагаемой продолжительности осады. Муниципалитетъ распоряжается, чтобы каждый житель города обезпечилъ себя на собственный счетъ провіантомъ. Тѣхъ изъ жителей, которые объявляютъ, что они не въ состояніи этого сдѣлать, обязываютъ удалиться изъ города до осады, за исключеніемъ случаевъ, когда присутствіе кого-либо изъ нихъ для города или войска признается необходимымъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ заготовляетъ провизію лишь по мѣрѣ возможности, а за истощеніемъ ея получаетъ содержаніе изъ городскихъ запасовъ или военныхъ магазиновъ, заведенныхъ съ этой цѣлью. Во всякомъ случаѣ особая коммисія завѣдуетъ точнымъ распредѣленіемъ жителей на категоріи, изъ коихъ оставляютъ въ городѣ на время осады или полезныя или же такія, которыя не составятъ для него ни тяжести, ни хлопотъ. Городскіе нищіе и вообще живущіе на счетъ общественной благотворительности перемѣщаются на счетъ города въ другія мѣста.

Нѣтъ надобности доказывать, что возможное въ небольшихъ

крѣпостцахъ съ небольшимъ населеніемъ, не представляющихъ торговыхъ центровъ, къ такому крупному населенію, какъ варшавское, могло бы быть примѣнено лишь цѣною неисчислимыхъ бѣдетвій.

Въ Парижѣ въ 1870 г. не признавали возможнымъ прибѣгать къ какимъ-либо ограниченіямъ относительно права каждаго передъ осадой города остаться въ немъ. Въмѣсто этого, принята была на себя обязанность прокормленія всего населенія. Изъ числа 2.050.000 жителей 600.000 человекъ или 31% содержалось на общественный счетъ. Муниципалитетъ вынужденъ былъ выплачивать рабочимъ по 1 фр. 50 сант. и работницамъ по 75 сант. въ день. Сверхъ того, въ общественныхъ кухняхъ кормили 471.000 человекъ. Предполагая равныя условія, въ Варшавѣ пришлось бы кормить 150.000 человекъ. Если же принять во вниманіе, что рабочій въ Варшавѣ гораздо меньше зарабатываетъ и несравненно меньше сберегаетъ, чѣмъ парижскій, то и 200.000 человекъ, которые безъ общественной помощи не будутъ въ состояніи прожить время осады, не покажутся числомъ преувеличеннымъ.

Принятіе мѣръ противъ голода и его послѣдствій совершенно согласуется съ интересами военными. Не говоря уже о неудобствѣ и трудности поддержанія порядка въ полумилліонномъ населеніи, постигнутомъ бѣдствіями голода, недостатокъ питанія можетъ вызвать эпидемическія болѣзни, одинаково грозныя какъ для населенія, такъ и для гарнизона. Эпидеміи тѣмъ легче могутъ развиваться въ Варшавѣ, что въ этомъ городѣ, даже и въ обыкновенное время, онѣ находятъ благоприятную почву для своего распространенія. Населеніе ея большею частью живетъ въ дурныхъ жилищахъ и питается плохо, а истощенные организмы вообще представляютъ слабое сопротивленіе болѣзнетворнымъ вліяніямъ. Самая незначительная степень ухудшенія въ условіяхъ жизни ввергнетъ большую часть жителей въ нужду и прямо отдастъ его въ жертву всякаго рода болѣзней.

Удаленіе изъ Варшавы всѣхъ бѣдняковъ почти невозможно уже вслѣдствіе самой ихъ многочисленности. Впрочемъ, голодь и болѣзни настигли бы ихъ всюду еще съ большей вѣроятностью, чѣмъ въ Варшавѣ, гдѣ у нихъ могла бы быть хоть крыша надъ головой и какая-нибудь помощь отъ города, родственниковъ или сравнительно менѣе бѣдствующихъ товарищей недоли. Принудительное выселеніе оказалось бы при-

томъ вреднымъ для всей страны, ибо изгнанники, въ борьбѣ за существованіе легко могутъ броситься на путь преступленій, что во время замѣшательства и опасностей войны оказалось бы величайшимъ несчастіемъ для края, а для администраціи менѣе всего желательной лишней заботой и безпокойствомъ.

Но важнѣе всего то, что выселеніе изъ Варшавы значительнаго числа жителей прямо невозможно по ея географическому положенію относительно военныхъ операцій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства.

По всей вѣроятности, при настоящихъ условіяхъ войны, она вспыхнетъ внезапно и неожиданно. Непрiятельское вторженіе начнется съ того, что кавалерійскіе полки, расквартированные вблизи границъ, выплутъ свои части мелкими командами для перехода въ непрiятельскую землю. Они и будутъ первыми вѣстниками начала войны. Всѣ авторы въ этомъ согласны. Задачей этихъ первыхъ вѣстниковъ взаимнаго истребленія будутъ прекращеніе сообщеній, распространеніе смятенія, затрудненіе мобилизаціи. Обѣ воюющія стороны выплутъ такія команды до окончанія мобилизаціи и даже передъ ея началомъ.

Во всѣхъ арміяхъ кавалерія упражняется въ такого рода наѣздахъ. Опытъ показалъ, что кавалерійскіе отряды въ состояніи совершить въ одинъ день 150 верстъ. Говорятъ также, что вмѣстѣ съ конницей будутъ высылаться на повозкахъ мелкія команды пѣхоты и даже орудія. Поэтому можно опасаться, что въ первые же два дня окажется занятою полоса земли шириной въ 200 верстъ отъ границъ. Всякое движеніе и разѣзды въ предѣлахъ этой полосы сдѣлаются невозможными или по меньшей мѣрѣ крайне затруднительными и опасными.

Впрочемъ, не одна бѣднѣйшая часть населенія окажется въ тревожномъ состояніи и не будетъ знать, что дѣлать. Болѣе богатые люди точно также попадутъ въ неизвѣстность, какъ поступить. Разсчитывать на отъѣздъ за границу съ паспортомъ невозможно. Если бы даже воюющія стороны не оказывали этому препятствій и разрѣшали бы уѣзжать въ нейтральныя страны, то все-таки проѣздъ по территоріи, охваченной огнемъ непріязненныхъ дѣйствій, только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ разсчитывать на успѣхъ.

Остается для нихъ бѣгство въ глубь страны. Но едва-ли это окажется удобнымъ по многимъ причинамъ. Въ деревняхъ для

неожиданно прибывших не найдется лишняго мѣста въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Не можетъ быть тамъ и увѣренности, что во время войны хватить продовольствія. Кромѣ всего этого, деревня далеко не представляетъ безопаснаго пріюта во время войны, особенно если взять въ расчетъ нынѣшніе ея приемы. Вслѣдствіе усовершенствованія оружія и постройки шанцевыхъ укрѣпленій на правомъ берегу Вислы, площадь военныхъ дѣйствій раздвинется на огромномъ пространствѣ. Летучіе отряды, тысячи по двѣ человѣкъ въ каждомъ, составленные изъ трехъ родовъ войскъ (кавалерія, пѣхота на повозкахъ и орудія), будутъ появляться повсюду и, подобно саранчѣ, пройдя по всемъ проселкамъ и угламъ, оставляютъ послѣ себя одни пустыя закромы. Такіе отряды не могутъ продовольствоваться иначе, какъ насчетъ страны, въ которую они вступаютъ, а извѣстно, что нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ реквизиція мелкихъ партизанскихъ командъ. Кромѣ того, надо прямо опасаться разбоевъ и грабежа, такъ какъ при современномъ составѣ европейскихъ армій, особенно германской, переполненной анархистами, нельзя рассчитывать на строгую дисциплину, порядокъ и соблюденіе обычаевъ цивилизованнаго міра.

Очень возможно, что мы преувеличиваемъ эти опасенія, но несомнѣнно, что предположенія въ такомъ родѣ придутъ на умъ каждому, кто будетъ оставаться въ нерѣшительности, куда дѣваться и кого, поэтому, деревня не привлечетъ къ себѣ.

Города и мѣстечки представляютъ болѣе обезпеченныя убѣжища въ томъ отношеніи, что жители ихъ хоть сколько-нибудь сохраняютъ увѣренность въ безопасности отъ мародеровъ и самыхъ мелкихъ непріятельскихъ отрядовъ. Но и въ мѣстечкахъ существуетъ немалая тѣснота, а такъ какъ въ нихъ накопится множество людей, опасующихся деревенской глуши, то сомнительно, чтобы для варшавскихъ выходцевъ оказалось въ нихъ лишнее свободное мѣсто.

Наиболѣе легкимъ и вѣрнымъ средствомъ избѣжать опасности могъ бы быть отъѣздъ въ предѣлы Россіи. Но при этомъ могутъ явиться сомнѣнія: какъ бы случайности войны не вызвали въ ней какихъ-либо, конечно, мелкихъ, проявленій фанатизма, который весьма естественно прежде всего могъ бы обратиться противъ пришлыхъ инородцевъ. По всей вѣроятности, состоятельные жители въ большемъ числѣ уѣдутъ въ Балтійскія провинціи и въ сосѣднія мѣстности около Динабурга вплоть до Петербурга. По близости центральныхъ вла-

стей, въ сумятицѣ столичной жизни, скорѣе всего можно избѣжать какъ насилія, такъ и недостатка въ средствахъ жизни.

Вышесказанныя замѣчанія не слѣдуетъ, впрочемъ, принимать за совѣтъ жителямъ Варшавы не переѣзжать въ города и мѣстечки внутри края или не уѣзжать за границу передъ объявленіемъ осады. Напротивъ, мы полагаемъ, что и здѣсь и тамъ можно было бы найти уѣжище. Мы имѣли въ виду только представить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ и обратить вниманіе на всевозможныя его стороны, съ которыми надо считаться. Самое худшее—неизвѣстность истиннаго положенія. Покинуть городъ безъ обдуманной цѣли—это такой шагъ, который во время войны способенъ привести многихъ къ роковымъ послѣдствіямъ.

3.

Какъ бы ни было, но интересы правительства и населенія страны сходятся въ желаніи, чтобы, въ случаѣ осады Варшавы, облегчить выѣздъ изъ нея возможно большому числу жителей; поэтому мы остановимся на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ мѣръ, направленныхъ къ такому облегченію. Главнѣйшимъ препятствіемъ для выѣзда и переселенія изъ города, конечно, окажется недостатокъ необходимыхъ для этого средствъ. Вообще недостатокъ денегъ сдѣлается крайне ощутительнымъ въ моментъ, когда вспыхнетъ война. Курсъ бумагъ и всякихъ цѣнностей сильно понизится, и можетъ случиться полная невозможность размѣна ихъ на наличныя деньги даже съ большой потерей. Затѣмъ съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе громадныхъ расходовъ на армію и вообще на военныя потребности, денежное обращеніе будетъ усиливаться, вѣроятно, курсъ рубля возвысится, и даже, быть можетъ, окажется избытокъ денегъ, но вначалѣ неимѣніе наличности будетъ бѣдствіемъ для частныхъ лицъ, а страхъ дальнѣйшаго пониженія цѣнныхъ бумагъ произведетъ панику и стѣснитъ торговую дѣятельность.

Торговля и промышленныя фирмы и обладатели государственныхъ фондовъ и частныхъ облигацій (вексельныхъ, ипотечныхъ и проч.) или, наконецъ, прямо цѣнныхъ предметовъ, въ случаѣ, если все будетъ предоставлено естественному ходу вещей и не будутъ приняты мѣры помощи, не найдутъ возможности помѣщенія своихъ движимостей и полученія подъ нихъ

ссуды, безъ чего немислимо будетъ для многихъ удовлетворить всѣ расходы временнаго переселенія.

Военное движеніе, перевозка солдатъ и вооруженій будетъ происходить по направленію къ Варшавѣ. Обратныя поѣзда, поэтому, легко могутъ быть употреблены на предметъ передвиженія какъ самихъ выселяющихся жителей, такъ и ихъ имущества. Надо только, чтобы по этому предмету заранѣе послѣдовали соотвѣтственныя распоряженія.

Мы имѣемъ основательные поводы утверждать, что тарифъ на провозъ такого рода пассажировъ будетъ пониженъ до таксы, существующей на воинскую перевозку, т. е. до $\frac{1}{4}$ цѣны обыкновеннаго тарифа, и даже съ правомъ уплаты за проѣздъ впоследствии, на чтó требовалось бы лишь свидѣтельство городской думы. Не думаемъ, чтобы встрѣтилось какое-нибудь препятствіе къ вывозу товаровъ (разумѣется, кромѣ предметовъ питанія и топлива). При этомъ, конечно, установятся иныя формальности, какъ и иныя цѣны, измѣнятся классификація и постановленія, касающіяся перевозки. Желѣзнодорожное начальство, которое въ это время будетъ завалено работой, можно было бы облегчить въ этомъ отношеніи предоставленіемъ городскому управленію экспедицію всѣхъ частныхъ товарныхъ грузовъ по одной средней нормѣ тарифа.

Необходимо было бы создать кредитное учрежденіе, которое выдавало бы ссуды подъ всякія цѣнности, если не наличными деньгами, то, по крайней мѣрѣ, въ видѣ переводовъ, оплачиваемыхъ въ Россіи.

Вѣроятно, многіе не рѣшатся оставить Варшаву изъ опасенія покинуть имущество на произволь судьбы, безъ присмотра. Слѣдовало бы и это затрудненіе отстранить посредствомъ соотвѣтственныхъ постановленій, въ силу которыхъ каждый выѣзжающій житель могъ бы передать свое имущество подъ присмотръ и управленіе охранительныхъ властей, учрежденныхъ *ad hoc*.

Можно ли, однако, рассчитывать, что населенность Варшавы на время осады уменьшится хотя сколько-нибудь? Мы полагаемъ, что не уменьшится. Даже величайшія облегченія въ этомъ направленіи могутъ содѣйствовать выселенію лишь незначительнаго числа изъ полумилліона жителей Варшавы, въ замѣнъ котораго изъ ближайшихъ окрестностей большія партіи людей будутъ искать убѣжища въ стѣнахъ города. Поэтому скорѣе можно ожидать, что ряды голодныхъ увеличатся, чѣмъ

уменьшатся, и на содержаніе ихъ придется понести жертвы въ видѣ запасовъ хлѣба, соли и топлива. Такъ какъ извѣстное число рабочихъ понадобится для работъ по дополненію укрѣпленій, что обыкновенно происходитъ во время уже наступившей осады, то бѣднѣйшее населеніе или, по крайней мѣрѣ, часть его, найдетъ случай хотя на время получить извѣстный заработокъ.

Помощь правительства неизбежна при устройствѣ запасовъ какъ городскимъ управленіемъ, такъ и частными лицами, такъ какъ ни это управленіе, ни огромное большинство жителей Варшавы не обладаютъ необходимыми средствами для обезпеченія себя провіантомъ на сколько-нибудь продолжительное время. Правительство окажется вынужденнымъ отпустить на этотъ предметъ или наличныя деньги, или кредитъ. Обязанность попеченія о населеніи Варшавы на время осады правительство приняло на себя самымъ фактомъ постройки въ ней крѣпости.

4.

Здѣсь мы не будемъ всесторонне излагать нашихъ предположеній объ удовлетвореніи выше поясненныхъ нуждъ, ибо теперь мы представляемъ читателю лишь программу дѣйствій. въ соответственномъ мѣстѣ нашего труда они найдутъ болѣе полный проектъ. Мы нѣсколько лишь развили нашу программу, съ тѣмъ чтобы она могла послужить достаточно яснымъ указаніемъ при дальнѣйшемъ изложеніи нашей задачи.

Какъ уже сказано, при снабженіи города запасами провіанта и топлива, нельзя много рассчитывать ни на желѣзныя дороги, ни на гужевою подвозъ. Остаются водяныя сообщенія: Висла и ея притоки Вепржъ, Бугъ, Наревъ. Число существующихъ на нихъ судовъ совершенно достаточно для значительнаго подвоза, лишь бы было гдѣ найти самый предметъ запаса и лишь бы изданы были на этотъ счетъ необходимыя распоряженія.

Все это требуетъ величайшей поспѣшности, ибо водные пути останутся свободными лишь на непродолжительное время; летучіе непріятельскіе отряды, разумѣется, начнутъ всячески препятствовать доставленію транспортовъ къ мѣсту назначенія. Поэтому не слѣдуетъ терять ни одного дня, а можетъ быть и ни часа, и съ самаго момента, когда придетъ вѣсть о войнѣ,

надо приступить къ свозкѣ въ городъ зерна, муки и всякихъ иныхъ продовольственныхъ продуктовъ.

По рѣкамъ можетъ быть доставлено значительное количество древеснаго топлива. Относительно доставки мяса надо полагать, что пригонъ рогатаго скота, овецъ и свиней будетъ менѣе затруднителенъ съ восточной стороны города, насколько, впрочемъ, и здѣсь непріятельская конница не въ силахъ будетъ воспрепятствовать. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, крайняя поспѣшность будетъ необходима. Но и быстрота тогда только увѣнчается успѣхомъ, если она будетъ сопровождаться порядкомъ, зависящимъ отъ точнаго исполненія заранѣе составленнаго плана, проведеніе коего должно быть провѣрено въ мирное время. Въ отношеніи мясныхъ продуктовъ, заботы окажется съ ними, уже по пригонѣ скота въ городъ, больше, чѣмъ съ другими жизненными припасами. Для скота не найдется ни помѣщенія, ни корма. Придется, однако, его размѣстить до времени убоя и приготовленія консервовъ.

Хотя на доставку по желѣзнымъ дорогамъ нельзя много рассчитывать, однако, нѣкоторые изъ крайне необходимыхъ предметовъ, какъ на примѣръ, керосинъ, иначе не могутъ быть привезены, какъ по желѣзнымъ путямъ, и это, конечно, окажется возможнымъ.

Лишь только будетъ приступлено къ мобилизаціи, всѣ находящіеся въ пути вагоны должны будутъ собраться къ указаннымъ пунктамъ. По заблаговременному соглашенію, каковое одинаково необходимо какъ въ интересахъ правительства, такъ и производителей, всѣ вагоны-цистерны должны быть направлены на Варшаву. Такимъ только образомъ можетъ быть предотвращенъ недостатокъ освѣщенія. Каждому должно быть понятно, что если въ осажденномъ городѣ будетъ царствовать еще и мракъ на улицахъ и въ домахъ, то это составило бы немалое бѣдствіе.

Мы имѣемъ вѣсскіе поводы полагать, что исходатайствованіе для грузовъ, идущихъ на Варшаву, на случай осады ея, преимуществу первой очереди не встрѣтило бы со стороны правящихъ препятствія, подобно тому, какъ этимъ правомъ воспользовались мѣстности, пораженныя голодомъ въ 1891 году.

Такимъ образомъ можно было бы бѣдствія, какія явятся слѣдствіемъ осады Варшавы, облегчить быстрымъ и энергичскимъ примѣненіемъ существующихъ для этого способовъ. Но для этого необходимо, чтобы эти способы были обещаны до

войны и чтобы весь механизмъ организаціи готовъ былъ къ безостановочному и правильному дѣйствию съ первой же минуты открытія военныхъ дѣйствій. Само собой разумѣется, что организація эта должна состоять преимущественно изъ людей, хорошо ознакомленныхъ съ потребностями и дѣловой стороною торговли. Равнымъ образомъ, въ ней обязательно должны принять участіе представители военной власти, которые, согласно существующимъ постановленіямъ, становятся хозяевами осажденнаго города.

Заводить организацію въ то время, когда уже начнется мобилизація, когда въ городѣ каждый будетъ занятъ личными дѣлами, когда на администрацію нагрянетъ цѣлая груда разныхъ обязанностей, окажется или чрезвычайно труднымъ, или прямо невозможнымъ. Объ этомъ надо подумать въ мирное время, пока существуетъ возможность выработки правилъ, которыя, обезпечивая городъ отъ множества бѣдствій, въ то же время не противорѣчили бы ни въ чемъ намѣреніямъ и потребностямъ военныхъ властей.

Уже въ 1888 году, въ качествѣ предсѣдателя выборныхъ отъ купечества города Варшавы, мы обращались съ просьбой объ исходатайствованіи разрѣшенія собрать извѣстное число городскихъ обывателей съ цѣлью совѣщанія и выработки: 1) проекта постановленій о городскомъ попечительствѣ на случай осады; 2) опредѣленія свѣдѣній относительно количества необходимыхъ запасовъ, а равно наиболѣе успѣшныхъ способовъ ихъ устройства и распредѣленія, при содѣйствіи правительства и городского управленія и, наконецъ, 3) проекта правилъ, постановленій и уставовъ, какіе при семъ окажутся необходимыми ¹⁾.

¹⁾ Чтобы показать всю сложность подобной работы, приводимъ списокъ постановленій, какія, по нашему мнѣнію, должны быть выработаны.

1. Относительно количества и способа раздачи муки, соли, топлива и прочихъ предметовъ; равнымъ образомъ, опредѣленія цѣнъ и способовъ уплаты за полученные продукты. Доставка пищи на мѣста потребленія.

2. Правила контроля продажи запасовъ съ цѣлью прогиводѣйствія спекуляціи.

3. Правила контроля надъ убоемъ скота.

4. Относительно добыванія жиру изъ костей. Обезпеченіе молока для дѣтей.

5. Устройство общественныхъ кухонь и распредѣленіе ихъ въ различныхъ частяхъ города, для избѣжанія толкотни.

Чтобы сдѣлать яснымъ, до какой степени подобныя изслѣдованія и выработка необходимы, приведемъ такой примѣръ.

Одна изъ труднѣйшихъ заботъ города во время осады будетъ заключаться въ снабженіи жителей топливомъ, такъ какъ доставка домбровскаго угля, въ случаѣ войны, будетъ вѣроятно прервана. Если даже допустить, что по первому извѣстію о мобилизаціи успѣютъ направить всѣ угольные вагоны къ Варшавѣ, то это еще не составитъ достаточнаго запаса въ виду потребностей мукомольнаго дѣла и прочихъ, не могущихъ прекратиться производствъ, и кромѣ того въ виду военныхъ потребностей. Недостатокъ топлива во время осады Парижа оказался даже чувствительнѣе, чѣмъ когда не хватало провизіи. Между тѣмъ, на правомъ берегу Вислы, въ предѣлахъ фортовъ, находится торфяное болото, разработка котораго пока, т. е. отъ начала осады до обстрѣливанія фортовъ, могла бы принести двойную пользу: доставила бы топливо и дала бы заработокъ немущимъ.

5.

Но недостаточно обладать постановленіями и организаціей. Послѣдняя вынуждена будетъ идти ошупью, если у нея во всякое время не будетъ подъ рукой самыхъ вѣрныхъ и удовлетворительныхъ данныхъ о состояніи запасовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ края, изъ которыхъ рассчитываютъ снабжать Варшаву жизненными продуктами.

6. Устройство почлежныхъ пріютовъ для иногородныхъ пришельцевъ и для тѣхъ лицъ, которыхъ, вслѣдствіе близости ихъ жилищъ къ окрестностямъ города, будутъ принуждены переселить въ городъ.

7. Относительно помощи бѣднымъ.

8. Относительно устройства госпиталей для солдатъ, офицеровъ и чиновниковъ и попеченія о раненыхъ.

9. Относительно опустѣвшихъ жилищъ.

10. Относительно складовъ для храненія имущества, оставленнаго выбывшими изъ города жителями.

11. Устройство ломбардовъ для ссуды подъ движимости на время осады.

12. Относительно мѣръ противъ расточительности топлива, освѣтительныхъ матеріаловъ и воды.

13. Устройство въ домахъ общихъ для всѣхъ жильцовъ кухонь.

14. Ревизіиція и вознагражденія.

15. По вопросу о снабженіи билетами на свободный пропускъ медиковъ и другихъ лицъ, коимъ онъ необходимъ.

16. Мѣры предосторожности противъ бомбардировки.

Прежде всего надо замѣтить, что такъ какъ водный путь представляетъ самый вѣрный способъ доставки грузовъ, то успѣшность заготовки запасовъ въ значительной степени будетъ зависѣть отъ времени года, въ какое вспыхнетъ война.

Изъ стратегическихъ плановъ и проектовъ, до настоящаго времени опубликованныхъ специалистами этого предмета, можно заключить, что кампанія начнется или зимой или съ окончаніемъ жатвы. Послѣднее предположеніе, однако, гораздо болѣе правдоподобно. Сторона наступательная рассчитываетъ на вторженіе въ непріятельскій край въ то время, когда житницы и закромы наполнены зерномъ и когда заготовлено достаточно корма для лошадей, что всегда представляетъ главную заботу военного времени. Такъ какъ въ эту пору зерновой хлѣбъ еще не вымолоченъ, то организаціи, о которой была рѣчь, придется не только заняться закупкой и доставкой хлѣба, но и постараться ускорить молотьбу его.

Нѣкоторымъ, быть можетъ, покажется, что ускореніе вымолота хлѣба входитъ въ область невозможнаго. Это не вѣрно потому, что въ этомъ случаѣ выгода продавца совпадаетъ съ интересомъ покупателя. Война вноситъ съ собой много опасностей, а для земледѣльца какъ нельзя болѣе желательно во-время собрать, вымолотить и продать свой урожай. Деньги всегда легче спрятать отъ розысковъ мародеровъ, чѣмъ зерно.

Весь вопросъ къ томъ: откуда получить средства на закупку жизненныхъ продуктовъ и для поддержанія механизма организаціи въ постоянномъ и правильномъ движеніи? Безъ постоянного годичнаго расхода достигнуть этого нельзя. Рассчитывать на пособіе казны въ такой мѣрѣ, т. е. на пособіе изъ году въ годъ, тоже нельзя.

Мы думаемъ, что городъ обязанъ самъ выполнить эту задачу и съ этой цѣлью внести въ свой бюджетъ извѣстную сумму. Если же и это окажется неисполнимымъ, то слѣдуетъ искать спасенія въ частной инициативѣ.

Быть можетъ, исполнимою оказалась бы слѣдующая мѣра. Такъ какъ каждому жителю Варшавы, несомнѣнно, желательно было бы на случай войны и осады города обладать какимъ-нибудь запасомъ жизненныхъ продуктовъ и такъ какъ послѣ объявленія войны закупка такого запаса сдѣлается въ городѣ невозможной (однихъ предметовъ потребленія не хватитъ, другіе вдорожаютъ), то при городскомъ управленіи или при учрежденіи выборныхъ купеческаго общества возможно создать соотвѣтствен-

ный органъ, которому уже теперь, т. е. въ мирное время, жители могли бы поручать заказы на будущее время, внося при этомъ весьма небольшую часть стоимости заказа. На проценты отъ внесенныхъ за счетъ заказовъ суммъ можно было бы содержать контору и агентовъ, обязанныхъ, въ случаѣ надобности, заняться закупками, доставкой и вообще исполненіемъ сдѣланныхъ заказовъ.

Извѣстную часть закупокъ можно было бы отдать на руки заказчикамъ, а остальная пошла бы за счетъ общихъ потребностей города. Само собой разумѣется, что ни контора (бюро), ни учрежденіе, при которомъ она возникла, не могли бы давать ручательства на исполненіе заказовъ въ полной мѣрѣ, но за то и риску не было бы. Единственная возможная при этомъ потеря, т. е. проценты отъ мелкихъ взносовъ, во всякомъ случаѣ вознаградилась бы сторичей.

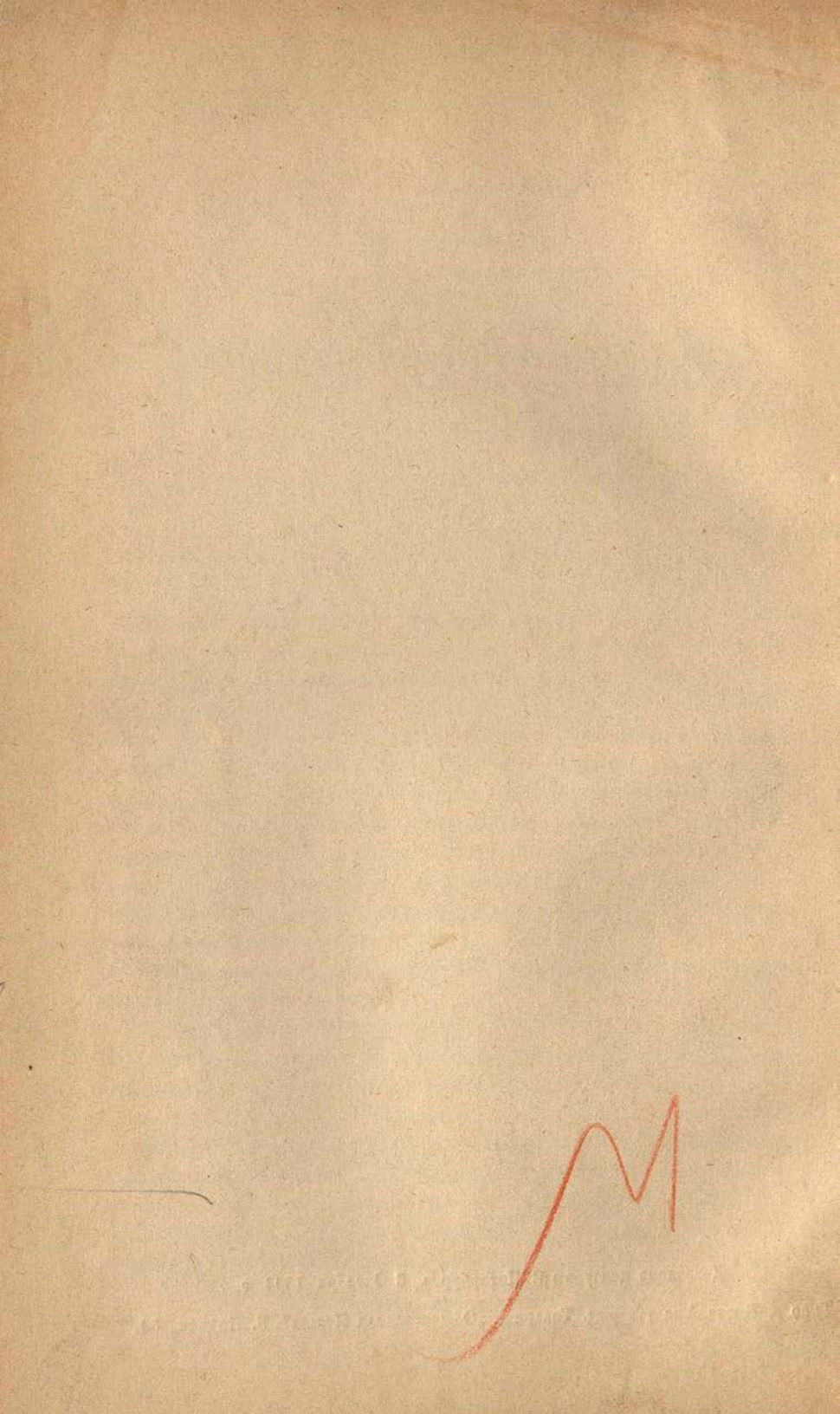
Средства, необходимыя для совершенія закупокъ, возникли бы изъ взносовъ въ зачетъ сдѣланныхъ заказовъ. Усилить ихъ можно бы было при посредствѣ кредита и выпускомъ облигацій въ установленной формѣ.

Не скрываемъ, что осуществленіе этой, лишь поверхностно набросанной здѣсь, мысли можетъ встрѣтить серьезныя препятствія и вызвать большія осложненія. Но это — послѣднее средство спасенія. Если всѣ надежды на помощь исчезнутъ, надо будетъ разсчитывать, въ отношеніи продовольствія, только на свои собственныя силы, помня извѣстную пословицу: „*aide-toi, le ciel t'aidera*“ („на Бога надѣйся, а самъ не плошай!“).

И. БЛЮХЪ.

Дозволено цензурою С.-Петербургу, 6 Октября 1893, г.

Типогр. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, В. Подъяч., 39,

271
381

БУДУЩАЯ ВОЙНА,

ея экономическія причины и послѣдствія ¹⁾).

Число убитыхъ и раненыхъ въ будущей войнѣ.

Намъ приходилось уже нѣсколько касаться значенія, какое несомнѣнно долженъ имѣть для характеристики будущей войны вопросъ о количествѣ человѣческихъ жертвъ, какихъ она потребуетъ. Прямого отвѣта на этотъ вопросъ мы не могли вывести изъ трудовъ специалистовъ по той простой причинѣ, что въ отвѣтахъ ихъ царить не только разногласіе, но и полное противорѣчіе.

Одни изъ нихъ допускаютъ чрезвычайныя потери, но утверждаютъ при этомъ, что на такія неизбѣжныя послѣдствія войны не слѣдуетъ обращать слишкомъ большаго вниманія. Цѣлью войны должна быть побѣда, ради которой надо сдѣлать все, пожертвовать всѣмъ. Количество потерь считается ими дѣломъ второстепеннымъ и число убитыхъ и раненыхъ не должно вліять на тактику ²⁾).

Такія крайнія мнѣнія встрѣчаютъ серьезныхъ оппонентовъ, которые доказываютъ, что для того чтобы вести бой, сопряженный съ черезъ-чуръ большими потерями, у современныхъ европейскихъ армій попросту не хватило бы солдатъ.

Современныя общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и арміи болѣе и

¹⁾ См. Р. В. кн. 8-я. 1893 г.

²⁾ Colonel Crouzet. «Du nouvel armement et de la poudre sans fumée». Paris. 1891.

болѣе проникаются идеями и чувствами гуманности, а подобная война потребовала бы, съ одной стороны, сверхчеловѣческаго самопожертвованія, а съ другой—страстнаго стремленія къ кровопролитію.

При этомъ оппоненты присовокупляютъ, что не надо забывать, что нынѣшнія арміи состоятъ не изъ профессиональныхъ солдатъ, но изъ мирныхъ гражданъ, временно оторванныхъ отъ житейскаго труда и домашняго очага.

Такимъ образомъ, въ военной литературѣ возникли два различныхъ направленія. Сторонники перваго изъ нихъ, какъ бы консервативнаго, стараются представить будущую войну весьма мало отличною отъ прежнихъ войнъ, предполагая, что ни новое оружіе, ни новыя средства, ни новое направленіе тактики существенно не измѣнятъ ея характера, причемъ считаютъ ее естественнымъ наслѣдіемъ прежнихъ вѣковъ и логическимъ выводомъ изъ доселѣ существующихъ международныхъ отношеній.

Замѣчательно, что большинство писателей этого направленія, — насколько мы успѣли ихъ изучить по большому числу сочиненій, брошюръ и статей, появляющихся непрерывно, — состоитъ изъ лицъ военныхъ, принадлежалцихъ къ высшей іерархіи, начиная съ чина полковника. Съ точки зрѣнія психологической, скорѣе можно было бы ожидать, что положеніе это займутъ младшіе офицеры. Между тѣмъ, оказывается, что въ сочиненіяхъ этихъ послѣднихъ чаще всего проглядываетъ желаніе обратить вниманіе на противорѣчіе между подготовленіемъ все болѣе и болѣе могущественныхъ средствъ истребленія и почти поголовнымъ призывомъ подъ знамена всего взрослога населенія.

Быть можетъ, причина этого заключается въ томъ, что молодые офицеры, стоя ближе къ солдату, лучше знаютъ, чего можно ожидать отъ нынѣшнихъ рядовъ арміи. Но возможно также, что впечатлительность молодости заставляетъ ихъ преувеличивать слѣдствія прогресса военной техники, и потому имъ кажется, что у солдата не достанетъ рѣшимости подставлять себя подъ пули врага, несущія неизбѣжно почти вѣрную смерть.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о размѣрахъ будущихъ потерь поднимается въ настоящее время съ небывалою прежде силою.

1.

Нѣмецкій военный писатель Генингъ говоритъ ¹⁾: „Если вѣрить исторіи, въ битвахъ Наполеона и Фридриха Великаго потери доходили до 30, 40 и 50%. Ни въ одномъ изъ сраженій новѣйшаго времени не произошло ничего подобнаго, кромѣ развѣ единичныхъ примѣровъ съ отдѣльными бригадами и дивизіями (38 бригада, 5, 6, 1 и 2 гвардейскія дивизіи), которыя понесли потери, приближающіяся къ вышеприведеннымъ цифрамъ (Mars la Tour, Vionville, St.-Privat). Несмотря на это, въ прежнее время вопросъ о мѣрахъ къ избѣжанію потерь отъ войны по крайней мѣрѣ въ военныхъ сферахъ вовсе не возбуждался, между тѣмъ въ современныхъ сочиненіяхъ забота объ этомъ всегда ясно проглядываетъ. Едва-ли это дѣйствуетъ ободряющимъ образомъ на военныхъ людей. Привидѣнія, безпрестанно вызываемыя, наконецъ начинаютъ дѣйствовать на воображеніе. Соображенія о будущихъ потеряхъ постоянно обсуждаются, и отсюда возникаетъ прямая опасность непосредственнаго дѣйствія на психическое состояніе массъ“.

„Я не разъ останавливался надъ мыслью, — говоритъ тотъ же писатель, — на чемъ основывается это вниманіе къ будущему потерямъ: на томъ ли, что мы не видимъ вещей въ настоящемъ свѣтѣ, или, что мы черезъ-чуръ изнѣжились сравнительно съ нашими предками. Не искать ли причины этого явленія въ томъ, что въ наше время человѣческая жизнь имѣетъ большую цѣнность и что поэтому она является послѣ каждой битвы поводомъ для восклицаній ужаса, или, наконецъ, это доказываетъ нравственное развитіе вѣка?“

При разсмотрѣніи этихъ вопросовъ, можно было бы поставить слишкомъ большое число гипотезъ. Несомнѣннымъ признается лишь то, что цивилизація, дойдя до извѣстнаго состоянія, порождаетъ изнѣженность и сибаритизмъ, уменьшающіе мужество и способность къ самопожертвованію или дѣлающіе ихъ рѣдкими явленіями въ обществѣ.

Намъ кажется, что только данныя изъ прежнихъ войнъ могутъ дать матеріалъ для критической оцѣнки преувеличенныхъ требованій однихъ и излишняго скептицизма другихъ авторовъ.

„Въ 1812 году французская армія отъ перехода черезъ Нѣманъ, 22-го іюля, до прибытія въ Витебскъ, мѣсяць спустя, уже

1) Hönning. „Taktik der Zukunft“.

потеряла одну пятую часть своего состава; съ 13-го августа и до 6-го сентября, т. е. въ 24 дня, произошла новая убыль въ 60.000 человекъ, причемъ ежедневная потеря составляла 2.500 человекъ и около одной четверти всего состава меньше чѣмъ въ мѣсяцъ. Считая отъ переправы черезъ Нѣманъ и до оставленія Москвы, 23-го октября, то-есть въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, общая потеря арміи простиралась до трехъ четвертей состава. Нужно однакоже замѣтить, что за это время пополненія убыли вовсе не происходило“.

„Мецкая армія французовъ въ 1870 г. потеряла въ 95 дней, съ 26-го іюня по 29-е октября, три седьмыхъ своего состава. Въ германской арміи въ эту войну баталіоны, выступившіе въ іюнь въ составѣ 900 человекъ, считали подъ ружьемъ въ декабрь не болѣе 550 человекъ, то-есть въ теченіе пяти мѣсяцевъ убыль составляла около 40%. Впрочемъ, эти цифры представляются ниже дѣйствительности, ибо общее число эвакуированныхъ по желѣзнымъ дорогамъ внутрь страны, согласно оффиціальнымъ документамъ, простиралось до 241.000 человекъ; прибавляя сюда убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и безъ вѣсти пропавшихъ, число конхъ опредѣлено всего въ 41.000 человекъ, получимъ общую убыль въ 282.000 человекъ. Съ другой стороны, согласно показаніямъ нѣмцевъ, во Францію армія вступила въ составѣ 1.113.000 человекъ, а къ концу войны, 1-го марта 1871 года, въ ней оставалось 823.000 человек.; разница, показывающая убыль, составляетъ 289.000 человек., — цифра, очень близко подходящая къ вышеопредѣленной. Такимъ образомъ, общее уменьшеніе состава арміи было около $\frac{1}{3}$ въ теченіе семи съ половиною мѣсяцевъ¹⁾. Къ этому нужно добавить, что невозможно опредѣлить число людей германской арміи, поступавшихъ въ госпитали и лазареты, учрежденные на театрѣ войны, и затѣмъ вновь возвратившихся въ ряды. Число такихъ людей было весьма значительно и, не вліяя на уменьшеніе состава арміи, крайне сокращало строевую наличность и боевую силу; по нѣкоторымъ даннымъ, этого рода убыль можетъ быть опредѣлена въ $\frac{1}{3}$ состава арміи“.

„Во время Русско-Турецкой войн 1877—1878 гг. русская

¹⁾ Позволяемъ себѣ отмѣтить любопытный фактъ, что, какъ видно изъ свѣдѣній германско-статистическаго бюро, баварцы и саксонцы понесли вообще болѣе большой % убитыми и ранеными, чѣмъ прусски, а именно:

Пруссаки.	14,1 ⁰ / ₀ .
Саксонцы.	16,4 ⁰ / ₀ .
Баварцы	19,1 ⁰ / ₀ .

дѣйствующая армія имѣла 592.000 человѣкъ, причѣмъ въ теченіе 1877 года въ ней было 106.000 больныхъ; эвакуаціи подверглись 118.000 чел.; присоединяя же сюда убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и безъ вѣсти пропавшихъ— 36.000 чел., общая потеря составитъ 154.000 или болѣе $\frac{1}{4}$ въ восемь мѣсяцевъ“¹⁾.

На основаніи вышеизложеннаго, можно придти къ тому общему выводу, что въ будущихъ войнахъ, которыя, по мнѣнію только-что приведенной статьи, по всей вѣроятности, окажутся болѣе короткими (нѣкоторые военные писатели полагаютъ, наоборотъ, что войны сдѣлаются болѣе продолжительными), но зато болѣе богатыми числомъ сраженій, необходимо разсчитывать на убыль въ 50% въ теченіе не болѣе пяти мѣсяцевъ, причѣмъ потребуется ежедневно пополнять $\frac{1}{300}$ состава арміи. Допустивъ, что война продлилась бы два года, по такому разсчету потребовались бы полныя двѣ смѣны всего состава войска.

Если данныя о потеряхъ въ войны 1870 и 1877 гг. сравнимъ съ предшествующими, то получимъ слѣдующіе результаты: по даннымъ военной статистики, на 100 солдатъ, участвовавшихъ въ войнѣ:

	Убито.	Ранено.
Крымской ²⁾	3	14
Итальянской	2	12

Изъ этого можно заключить, что, несмотря на значительныя разстоянія времени, большую разницу условій и громадное различіе вооруженія и тактики, крымская кампанія сопровождалась одинаковыми потерями съ франкс-германской войной 1870—1871 гг. Итальянская война дала цифры лишь немногимъ меньшія. Такимъ образомъ, приведенныя цифры какъ бы подтверждаютъ мнѣніе писателей, не признающихъ увеличенія смертности въ войнѣ, какъ слѣдствія прогресса техники. Повидимому, выносливость человѣческой природы не способна переходить извѣстныхъ предѣловъ.

Перейдемъ теперь къ цифрамъ, рисующимъ количество жертвъ въ отдѣльныхъ битвахъ нашего вѣка. По изслѣдованію проф. Рихтера, онѣ таковы:

¹⁾ „Военный Сборникъ“.

²⁾ Въ разсчетъ приняты лишь потери союзныхъ войскъ.

Сраженія.	Потеря въ %.
Подъ Аустерлицомъ	36
„ Прейсшъ-Эйлау	33
„ Бородиномъ	33
„ Лейпцигомъ (въ одномъ корпусѣ Йорка въ теченіе двухъ часовъ).	25
„ Тамъ же (корпусъ Клейста въ те- ченіе двухъ дней).	33
„ Ватерлоо (англичане)	25
„ Сольферино	8
„ Садовой (пруссаки)	4
„ „ (австрійцы).	11
„ Вертомъ (нѣмцы).	12
„ Спихерномъ (нѣмцы)	18
„ Марсъ-ля-Туромъ (нѣмцы)	22
„ Гравелоттомъ (нѣмцы)	10
„ Седаномъ (нѣмцы)	4 ¹ / ₂
„ „ (французы)	15—19
„ Сень-Прива (нѣмцы)	13
„ „ (французы)	8
„ Вюнвиллемъ (нѣмцы)	20
„ „ (французы)	7

Эти сопоставленія поражаютъ насъ однако тѣмъ, что ни одна изъ битвъ позднѣйшаго времени не была такъ кровопролитна, какъ бывали наполеоновскія сраженія. Цифры послѣднихъ войнъ колеблются между 4% и 22%, но до ужасающаго числа 33%, какое мы видимъ тамъ почти постояннымъ, онѣ не доходятъ. Несмотря на то, что въ это время кремневая ружья замѣнились пистонными, затѣмъ вошли въ употребленіе винтовки, а затѣмъ скорострѣльное, заряжающееся съ казенной части, оружіе, пролитіе крови на поляхъ битвъ уменьшается.

Отдѣльные полки и баталіоны понесли въ 1870 году такія потери, какія во времена Фридриха II и Наполеона I не случались. Такъ, напримѣръ, гвардейскіе стрѣлки подъ Сень-Прива потеряли 46% всего состава, 16-й пѣхотный полкъ подъ Марсъ-ля-Туромъ потерялъ 37,60%, кромѣ 12% плѣнныхъ, и тамъ же 52-й полкъ потерялъ 38%.

„Мы должны быть приготовлены къ тому — говорить Меркль,—что въ новой войнѣ, даже если намъ придется имѣть дѣло опять съ противникомъ, не хорошо подготовленнымъ,

потери наши будутъ тѣ же, несмотря на цѣлый рядъ искусно придуманныхъ способовъ наступленія и обороны⁴.

Данныя о потеряхъ въ Турецкую войну 1877 года собраны въ трудѣ Пирогова ¹⁾. Изъ него видно, что въ битвахъ подъ Плевной, принадлежащихъ вообще къ числу наиболѣе кровопролитныхъ столкновеній XIX столѣтія, потери русскихъ войскъ убитыми и ранеными составляли:

8-го іюля	36%
18-го „	21%
30-го „	20%.

Эти ужасныя потери объясняются особенными условіями плевненскихъ сраженій, которыя состояли изъ однихъ сплошныхъ приступовъ русскихъ войскъ къ хорошо укрѣпленнымъ позиціямъ турокъ, вооруженныхъ скорострѣльнымъ и дальнобойнымъ оружіемъ.

По словамъ генерала Куропаткина, полки, принимавшіе участіе въ штурмѣ 30 августа, потеряли 34%. Личный составъ офицеровъ потерялъ среднимъ числомъ до 50%, доходя въ иныхъ полкахъ до 65%.

Большой интересъ представляетъ, въ виду неодинаковой степени усовершенствованія ружей и орудій, вопросъ о количествѣ потерь отъ артиллерійскаго огня и отъ ружейныхъ пуль. Изъ общаго числа потерь, понесенныхъ въ войнѣ 1866 г., на долю происшедшихъ отъ артиллерійскаго огня приходится 5% (по отдѣльному счету у австрійцевъ 3%), отъ ружейнаго огня 90% и до 7% отъ холоднаго оружія. Пруссаки въ той же войнѣ потеряли 16% отъ дѣйствія артиллеріи, 79% отъ ружейныхъ пуль и 5% отъ холоднаго оружія.

Въ 1870 году въ Гравелотскомъ сраженіи нѣмцевъ погубило: отъ артиллерійскаго огня 2,7%, отъ ружейнаго (шасспо) 96,5%; французовъ—отъ артиллерійскаго огня 25%, отъ ружейнаго (пгольчататаго) 70%. Значить, нѣмецкая артиллерія была въ 1870 г. безусловно лучше, чѣмъ въ 1866 г., и лучше дѣйствовала ²⁾.

Это даетъ поводъ заключить, что и слѣдующія войны выкажутъ послѣдствія дальнѣйшихъ улучшеній въ артиллеріи.

¹⁾ См. „Военный Сборникъ“, 1885.

²⁾ Hönning. „Ueber Küstenverteidigung“.

Достойно вниманія отношеніе, наблюдавшееся въ русскихъ войскахъ въ 1877 г., подъ Плевною, между потерями отъ артиллерійскаго огня и потерями отъ ружейныхъ пуль. Несмотря на то, что дѣло состояло въ атакѣ позицій, снабженныхъ многочисленной артиллеріей, снаряды ея причинили отъ 3 до 5% всего урона осаждавшихъ, между тѣмъ какъ ружейными пулями выбито изъ строя 96%, а на холодное оружіе приходится всего 1%. Если сравнить эти цифры съ цифрами потерь французовъ къ Крыму, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать въ условіяхъ сходныхъ съ тѣми, въ какихъ была русская армія подъ Балканами, то становится очевидною та преимущественная роль, которую играетъ на войнѣ усовершенствованное оружіе (въ данномъ случаѣ турецкая магазинка). Французская экспедиціонная армія потеряла въ то время отъ пуль (изъ гладкоствольныхъ ружей) 73%, отъ орудійныхъ снарядовъ 25% и отъ холоднаго оружія 2%. Въ итальянской кампаніи 1859 г., веденной въ открытомъ полѣ, но уже съ усовершенствованными ружьями, уронъ отъ ружейныхъ пуль сразу доходитъ до 92%, не достигая однако размѣровъ плевенскихъ.

Любопытны еще цифры по предѣльному отношенію убитыхъ къ раненымъ. Доселѣ обыкновенно это отношеніе составляло 1:5 и даже 1:6. Въ дѣлахъ подъ Плевной оно уже составляетъ 1:1. Пироговъ объясняетъ это обстоятельство случаями повторительнаго пораненія и добиванія турками раненыхъ, но гораздо болѣе правдоподобнымъ кажется объясненіе этого явленія усовершенствованнымъ оружіемъ.

Естественно послѣ этого является предположеніе, что въ будущихъ войнахъ, когда оружіе достигнетъ еще большаго совершенства, отношеніе цифры убитыхъ къ цифрѣ раненыхъ станетъ еще значительнѣе.

Приведенныя въ предшествующихъ отдѣлахъ данныя о дѣйствіи новаго малокалибернаго ружья въ Чилийской войнѣ и при усмиреніи бунта въ Вьялой въ Австр. Силезіи подтверждаютъ эти предположенія. Но эти опыты происходили при столь исключительныхъ условіяхъ, что выводы изъ нихъ нельзя сопоставлять съ результатами, какіе представитъ со временемъ большая война.

Точно также и относительно предположенія, что пораненія новыми малокалиберными пулями въ общемъ окажутся болѣе излѣчимыми, только опытъ будущей войны можетъ дать указанія. Слѣдуетъ замѣтить, что въ 1870 году, изъ пяти ран

происшедшихъ отъ игольчатыхъ пуль, четыре оказались смертельными по извлеченіи пули.

Теперь посмотримъ на различную степень опасности, какой подвергались солдаты разнаго рода оружія. Въ 1870 — 71 г. германскія войска потеряли:

<i>пѣхота</i>	17,6	проц.	личн.	состава
<i>кавалерія</i>	6,3	"	"	"
<i>артиллерія.</i>	6,5	"	"	"
саперы и пионеры	2,8	"	"	"
въ паркахъ потеряно	0,3	"	"	"

Другими словами, опасность потери жизни или пораненія въ этой войнѣ для пѣхоты превышала такую же опасность для прочихъ родовъ оружія въ 3 до 9 разъ.

Что же касается войны 1877 г., то генералъ Куропаткинъ говоритъ слѣдующее ¹⁾: „Тамъ, гдѣ все роды оружія дружно поддерживаютъ одинъ другой и одинаково самоотверженно дѣйствуютъ, тамъ и потери относительно будутъ у всехъ родовъ оружія одинаковыя. Въ дѣйствіяхъ подъ Плевною потери пѣхоты были всегда несоразмѣрно велики сравнительно съ потерями артиллеріи и кавалеріи. Во многихъ случаяхъ отдѣльныя роты, баталіоны и даже значительные отряды пѣхоты дрались, потерявъ половину своего состава. При штурмѣ Плевны 30-го августа наша артиллерія и кавалерія потеряли отъ 2 до 4% своего состава въ то время, когда пѣхота потеряла отъ 20 до 40 и даже во многихъ частяхъ до 50% своего состава, т. е. въ среднемъ пѣхота понесла потери сравнительно въ десять разъ большія. Сдѣлаемъ, можетъ быть, слишкомъ смѣлый, но наглядный выводъ: по нашему мнѣнію, и помощь пѣхоты подъ Плевною отъ артиллеріи и кавалеріи была, примѣрно, въ десять разъ меньшая, чѣмъ то желательна и необходимо“.

Если сдѣлать сравненіе этихъ цифръ съ приведенными нами выше данными, то осужденіе артиллеріи и кавалеріи со стороны генерала Куропаткина покажется нѣсколько преувеличеннымъ.

„Что же касается числа пораненій, приходящихся на различныя части тѣла, то оказывается слѣдующее. Изъ 100 ранъ приходилось на долю:

рукъ	34
ногъ	31

¹⁾ „Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева“.

головы.	12
груды	10
нижней части туловища . .	7
крестца.	5
шеи.	1

Въ настоящее время чаще всего должны будутъ случаться пораненія въ голову, частью вслѣдствіе увеличившейся мѣткости ружейнаго огня, но главнымъ образомъ вслѣдствіе усиленнаго употребленія шанцевыхъ защитъ“.

2.

Каждое пораженіе начинается съ психическаго момента — способности подвергаться увеличивающейся опасности. Ее можно обозначить цифрой отношенія потерь къ обладаемой силѣ. Моральное напряженіе войска, его мужество находятся въ прямой зависимости отъ времени наступленія этого критическаго момента. Въ арміи наступающей и побѣдоносной подобный моментъ появляется также, но лишь позднѣе, и потому изъ ея рядовъ исчезаетъ большее число людей.

Степень опасности, до которой можно довести отрядъ или цѣлую армію, можно выразить цифрой. Такъ, напримѣръ, отвагу отряда, обращающагося вспять, не потерявъ никакого урона, можно обозначить цифрой 0, отряда же, погибающаго цѣликомъ, не выказавъ колебанія, цифрой 1. Отрядъ, который можетъ быть принужденъ къ отступленію потерю $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ силъ, обладаетъ отвагой четверо, втрое и двое меньшей противъ отряда, погибающаго цѣликомъ. Само собою разумѣется, что ни полководецъ, ни солдатъ не занимаются счетомъ потерь на полѣ битвы, но происходитъ процессъ инстинктивный, и когда число убитыхъ и раненыхъ доходитъ до извѣстныхъ предѣловъ, оставшіеся теряютъ психическую способность къ продолженію боя.

Мы находимъ у генерала Куропаткина слѣдующее мастерское сообщеніе объ этомъ законѣ человѣческаго духа.

„Размѣръ потерь несомнѣнно вліяетъ на моральное состояніе войскъ, вѣдущихъ бой. Степень этого вліянія зависитъ во мно-

гомъ отъ того, при какихъ условіяхъ и въ какой періодъ времени эти потери понесены. Мы вполне допускаемъ такой случай, что одна и та же часть на одномъ и томъ же пунктѣ будетъ держаться съ потерюю 50 проц., а при другихъ условіяхъ боя очиститъ этотъ пунктъ съ потерюю 10 проц. своего состава. Войска отступаютъ не потому, что они по числу своему не могутъ держаться (можно держаться, потерявъ и болѣе 75 проц.), и не столько по тѣмъ потерямъ, которыя они понесли, сколько отъ страха предъ тѣми потерями, которыя ихъ ожидаютъ, если они останутся на позиціи (или будутъ продолжать атаку). По внутреннему разсчету въ сердцахъ дерущихся войскъ, въ той или другой части является убѣжденіе въ невозможности долѣе держаться. Этотъ внутренній разсчетъ ожидающихъ войска потерь тѣмъ преувеличеннѣе и опаснѣе, чѣмъ время, въ которое нанесены потери, послужившія основаніемъ для этого разсчета, менѣе. Такъ, баталіонъ, потерявшій въ теченіе 10-ти-часоваго боя 200 человекъ, во многихъ случаяхъ представитъ больше шансовъ, что онъ удержится на позиціи при ея атакѣ, чѣмъ баталіонъ, потерявшій 50 человекъ, но въ теченіе пяти минутъ. Сумма физическихъ силъ во второмъ баталіонѣ останется большею, чѣмъ въ первомъ, но сумма нравственныхъ силъ временно во второмъ можетъ оказаться меньшею, чѣмъ въ первомъ. Воспользуйтесь немедленно этимъ періодомъ временнаго ослабленія моральнаго состоянія части и атакуйте ее—и вы побѣдите. Пропустите время — равновѣсіе восстановится, и приобрѣтенная моральная подготовка атаки не принесетъ пользы⁴.

„Лучшій примѣръ, что могутъ вынести войска, представляютъ наши артиллеристы въ Севастополѣ. Потери среди нихъ были такъ велики, что составъ прислуги нѣсколько разъ мѣнялся при нѣкоторыхъ орудіяхъ въ теченіе одного дня“¹⁾.

Какъ уже сказано выше, нѣкоторые изъ военныхъ писателей держатся того мнѣнія, что въ будущихъ войнахъ, если даже онѣ и будутъ менѣе продолжительны, потери составятъ около 50 проц. въ теченіе 5 мѣсяцевъ.

Въ военныхъ сферахъ Франціи, какъ кажется, принята мысль,

1) «Дѣйствія отряда ген. Скобелева».

по которой предполагается, что передовыя наступающія войска подвергнутся потерямъ, превышающимъ 25 проц.

Авторъ „Précis historique de la tactique de l'infanterie“ говоритъ, что при опредѣленіи полевымъ уставомъ ширины фронта принято 25 проц. считать за вѣроятную потерю въ ротѣ пѣхоты на разстояніи 200 метровъ отъ противника.

Что касается офицеровъ, то тотъ же уставъ велитъ, чтобы „капитаны резервныхъ ротъ шли вмѣстѣ съ отрядомъ, вступающимъ въ боевую линію, и принимали команду половины ротной цѣпи, находящейся передъ ними“.

„Гдѣ будутъ въ это время находиться эти капитаны?“ вопрошаетъ авторъ. „Большая часть ихъ окажется уже выбитыми изъ строя, равно какъ офицеры, находящіеся у нихъ подъ командой“.

Замѣтимъ, что цифра 25% составляетъ приблизительную потерю въ то время, когда атакующія войска находятся отъ непріятеля еще на разстояніи 200 метровъ; слѣдовательно, если имъ нужно напримѣръ хоть 2 минуты, чтобы пройти эти 200 метровъ разстоянія, то въ теченіе этихъ 2-хъ минутъ они должны будутъ выдержать еще около 20 залповъ.

Цитированная на стр. 261 статья, основываясь на статистическихъ цифрахъ прежнихъ войнъ, предсказываетъ, что въ будущемъ данный отрядъ, въ зависимости отъ роли, какую ему придется играть, можетъ рассчитывать на потерю отъ 10 до 30%. Вѣроятнѣе всего, что въ менѣе кровопролитныхъ стычкахъ она составитъ 15%, въ болѣе кровопролитныхъ 30%, такъ что напримѣръ корпусъ въ первомъ случаѣ потеряетъ 5.700 человекъ, во второмъ 11.400.

Намъ кажется, что имѣется еще способъ рациональнаго опредѣленія вѣроятныхъ потерь въ будущихъ военныхъ столкновеніяхъ. Предположимъ, что теперешнее скорострѣльное и дальнобойное оружіе, дающее настильный выстрѣлъ почти на 700-метровомъ разстояніи, не будетъ смертоноснѣе. Въ такомъ случаѣ есть основаніе предполагать, что одинаковое количество выпущенныхъ пуль во всякомъ случаѣ выбьетъ изъ строя одинаковое число людей, какъ и прежде. Поэтому, если мы число патроновъ, имѣющихся въ запасѣ у солдатъ, раздѣлимъ на число выстрѣловъ, потребныхъ для того, чтобы выбить одного солдата изъ строя, то получимъ цифру вѣроятныхъ потерь въ будущихъ сраженіяхъ. Число же ружейныхъ

выстрѣловъ на каждаго выбитаго изъ строя солдата приходилось приблизительно слѣдующее:

Въ войнахъ нашего столѣтїа до 1859 года	143
„ войнѣ 1864 г. противъ Дави (прусская армія).	66
„ той же войнѣ въ сраженіи подъ Люндби.	8 ¹ / ₂
„ войнѣ 1866 г. въ прусской арміи	66—38
„ „ 1870 „ „ германской арміи	164
„ „ „ „ во французской арміи:	
по Ривьеру	49
по Монлюзану	102

Несмотря на большое различіе между этими данными, ни одно изъ нихъ не опровергаетъ того, что нынѣшній запасъ патроновъ, имѣющійся у солдата (150 штукъ), совершенно достаточенъ для того, чтобы выбить изъ строя по крайней мѣрѣ одного противника. Еще и при употребленіи прежнихъ ружей, военные писатели признавали, что если, по какимъ-либо причинамъ, потеря противника отъ огня по немъ можетъ составить менѣе 7 человекъ на 1.000 выстрѣловъ, то не слѣдуетъ стрѣлять ¹⁾).

Другими словами, изъ расчета этого выходитъ прямое заключеніе, что существуетъ возможность, при извѣстныхъ условїяхъ, взаимнаго истребленія двухъ непріятельскихъ силъ посредствомъ одного ружейнаго огня, ибо въ распоряженіи солдата можно считать и запасные патроны на 220 выстрѣловъ. Понятно, что нынѣ, когда солдатъ лучше обученъ, а новый порохъ не закрываетъ дымомъ поле битвы, потери должны быть безъ всякаго сравненія больше, чѣмъ въ прежнее время.

Насколько увеличитъ смертоносность ружейнаго огня отсутствіе дыма, лучше всего можетъ иллюстрировать слѣдующій примѣръ. „Кому не случалось наблюдать,—пишетъ генералъ Дюгемъ,— что передъ линіей стрѣляющаго отряда поднимается облако дыма, образующаго заслону, которая прикрываетъ людей до такой степени, что производимые по нимъ выстрѣлы невѣрны и безцѣльны. Я лично испыталъ это въ битвѣ подъ Кальдьеро. Когда я замѣтилъ, что на лѣвомъ крылѣ нѣсколько баталіоновъ, получившихъ приказъ построиться, остановились и начали огонь рядами, то, понимая, что они долго его поддерживать не могли бы, я подбѣжалъ къ нимъ. Непріятельская

¹⁾ «Militärisches Wochenblatt». 1881, стр. 453.

линія была невидима. Сквозь дымъ едва можно было рассмотреть блескъ штыковъ и верхушки гренадерскихъ касокъ, и это несмотря на близость разстоянія до противника. Между воюющими сторонами, раздѣленными углубленіемъ почвы, было не больше 60 шаговъ, но они другъ друга видѣть не могли. Ни я, ни мои 12 конныхъ ординарцевъ не были ранены, и я не видѣлъ пострадавшихъ отъ огня между солдатами“.

Если принять, что въ конечномъ результатѣ изъ 1.000 пуль попадутъ только 7 и что ни одна изъ этихъ 7-ми не выбьетъ нѣсколькихъ разомъ человекъ, то это значило бы предположить, что убійственность нынѣшняго огня какъ бы себя компенсируетъ тѣмъ, что лишаетъ людей хладнокровія, а стало быть и способности вполне утилизировать качества нынѣшняго ружья.

Но практика предположенія этого не подтверждаетъ. Какъ мы уже упоминали, при Чилийской войнѣ одна бригада войскъ конгресса имѣла ружья Манлихера (8-ми-миллиметровыя, типа 1888 г.) На 9.925 чел., участвовавшихъ въ бою, такими ружьями были вооружены 3.446 чел. И вотъ, послѣ битвы оказалось, что въ войскахъ диктатора изъ 100 убитыхъ—56 были поражены пулями изъ ружей Манлихера, что легко было узнать по свойству ранъ. И такъ, хотя ружья этого рода составляли лишь $\frac{1}{3}$ всего числа ружей, но дѣйствіе, произведенное первыми, вслѣдствіе болѣе сильнаго ихъ огня и болѣе большого числа выпущенныхъ изъ нихъ, въ равное время, пуль, равнялось не одной трети, но болѣе, чѣмъ половинѣ результата, произведеннаго всѣми ружьями, взятыми вмѣстѣ. Оказалось сверхъ того, что огонь ружей Манлихера, направленный противъ стрѣлковъ, съ разстоянія 600 метровъ, производилъ такое истребленіе, которое вызывало панику въ резервахъ, стоявшихъ на разстояніяхъ 1.000 и 1.600 метровъ позади стрѣлковой цѣпи.

Этотъ примѣръ показалъ, что дѣйствіе новаго ружья вдвое сильнѣе, чѣмъ прежнее, и что пули изъ него, выпускаемая съ дистанціи 600 метровъ, если только дать незначительный подъемъ ружью, могутъ бить и на разстояніе до 1.600 метровъ.

Въ прошлыхъ войнахъ, вслѣдствіе болѣе близкихъ разстояній, на которыхъ могла дѣйствовать артиллерія, количество выстрѣловъ изъ орудій было не велико. Такъ, напримѣръ, въ сраженіяхъ 1859 года:

подъ Монтебелло	56	пуш.	произвели	въ ср.	числѣ	по	9	выстр.
„ Палестро	24	„	„	„	„	„	32	„
„ Мадженто	88	„	„	„	„	„	14	„

подъ Меленьяно 16 пуш. произвели въ ср. числѣ по 12 выстр.
 „ Сольферино 368 „ „ „ „ „ „ 29 „

Наибольшее число выстрѣловъ произведено шестифунтовой батареей подъ Сольферино, а именно среднимъ числомъ по 87 выстрѣловъ изъ каждаго орудія.

Въ войнѣ 1870 года, въ отдѣльныхъ сраженіяхъ орудія произвели слѣдующее число выстрѣловъ:
 подъ Виссамбургомъ . . . 90 орудій ср. числ. по 16,5 выстр.

„ Вертомъ	234	„	„	„	„	40	„
„ Коломбе-Нульи .	156	„	„	„	„	18,3	„
„ Вюввиллемъ. . .	222	„	„	„	„	88,5	„
	132	легк. ор.	„	„	„	99	„
	9	тяж. ор.	„	„	„	73,5	„
„ Гравелоттомъ. . .	654	орудій	„	„	„	53	„
„ Бюзанси (27 авг.)	6	„	„	„	„	9,3	„
„ Нуаръ (28 авг.)	2	„	„	„	„	3,5	„
„ Нуаръ (29 авг.)	42	„	„	„	„	16,8	„
„ Бомономъ.	216	„	„	„	„	29,1	„
„ Ремильи Базе- лемъ (3 авг.) . .	72	„	„	„	„	31,5	„
„ Седаномъ.	582	„	„	„	„	57	„
„ Нуазевиллемъ (31 авг.)	108	„	„	„	„	48,2	„
(1 сент.)	168	„	„	„	„	26,4	„

Между тѣмъ современные наиболѣе компетентные военные писатели, какъ напр. Ланглуа ¹⁾, полагаютъ, что расходъ боевыхъ припасовъ во время сраженій достигнетъ въ будущемъ невѣроятныхъ размѣровъ. Авторъ одной статьи въ нѣмецкомъ военномъ журналѣ ²⁾ даетъ показанія, которыя подтверждаютъ мнѣніе Ланглуа. „Въ періодъ главнѣйшихъ битвъ 1870—71 годовъ, — говоритъ нѣмецкій авторъ, — расходъ припасовъ въ батареяхъ германской артиллеріи въ среднемъ достигалъ цифры 70—92 выстрѣловъ въ часъ. Придется разсчитывать не менѣе какъ на 100 выстрѣловъ въ часъ. Предполагая на продолжительность битвы 8 часовъ, а на большія рѣшительныя сраженія по два дня, приходится остановиться на

¹⁾ „L'artillerie de campagne“.

²⁾ „Militärische Jahresbericht für 1892“.

слѣдующихъ данныхъ расхода боевыхъ припасовъ: 1.600 выстрѣловъ для одной батареи или 267 выстрѣловъ для одного орудія. Вооруженіе корпуса (снабженіе его боевыми припасами) приблизительно соответствуетъ этой нормѣ (225 выстрѣловъ на орудіе)⁴.

Нынѣшнія орудія, согласно мнѣнію новѣйшихъ авторитетовъ, будутъ поражать непріятеля въ открытомъ полѣ, предполагая равное число выпущенныхъ снарядовъ, впятеро больше, чѣмъ въ 1870 году. А такъ какъ нынѣшнія орудія бросаютъ въ данный промежутокъ времени въ 2¹/₂—3 раза большее число снарядовъ противъ прежняго, то выходитъ, что могущество артиллерійскаго огня усилилось съ 1870 года не менѣе, чѣмъ въ 12—15 разъ. Не забудемъ, кромѣ того, что въ послѣднее время всѣ арміи снабжены скорострѣльными орудіями.

Изобрѣтенное Грюзономъ новое скорострѣльное орудіе производитъ въ минуту 8 выстрѣловъ снарядами въ 7 килограммовъ, что замѣняетъ скорострѣльное прежнее орудіе, дающее въ минуту до 50 выстрѣловъ снарядами въ 1 килограммъ вѣсомъ (по отзыву Ланглау).

Облегченіе боевыхъ снарядовъ въ ружьяхъ малаго калибра даетъ преимущество этимъ ружьямъ надъ ружьями большихъ калибровъ. Съ однимъ килограммомъ патроновъ М/18, при равенствѣ прочихъ условій, достигаются вдвое большіе результаты, чѣмъ при 1 килограммѣ патроновъ М/71.

Правда, какъ разъ наоборотъ дѣло представляется для орудій: чѣмъ меньше вѣсъ снаряда, тѣмъ слабѣе и результатъ огня¹). Но здѣсь выступаетъ еще другое обстоятельство, имѣющее очень большое значеніе. Даже на близкомъ разстояніи, въ дѣлѣ, пушка можетъ стрѣлять хорошо. Наводчику, отчасти прикрытому орудіемъ, достаточно минутнаго хладнокровія, чтобы хорошо навести; какъ бы ни бился его пульсъ, онъ можетъ вѣрно направить линію прицѣла; глазъ мало колеблется и наведенное орудіе остается неподвижнымъ до момента выстрѣла. А для того, чтобы наводчикъ могъ сохранить полное хладнокровіе, въ новѣйшее время дѣлаютъ скорострѣльныя орудія, снабженныя щитами²).

„Стрѣлокъ, также какъ и артиллеристъ, сохраняетъ при желаніи способность вѣрно прицѣливаться, но волненіе крови и нервы противятся неподвижности оружія въ его рукахъ; еслибы даже

¹) Loebell. „Militär. Jahresberichte für 1882“.

²) „Dictionnaire militaire“. Paris. 1892.

оружіе опиралось обо что-нибудь, то часть его всегда воспринимает волненіе человѣка. Кромѣ того, послѣдній инстинктивно спѣшитъ выпустить выстрѣлъ, *который можетъ задержать пулю, предназначенную ему*“¹⁾.

Такимъ образомъ, можно положительно сказать, что въ будущей войнѣ артиллерія, получившая возможность стрѣлять дальше и поражать непріятеля во много разъ вѣрнѣйшими способами, выведетъ изъ строя несравненно большее число людей въ одинаковую единицу времени, чѣмъ то было прежде. Соответственно увеличенію силы артиллерійскаго огня, въ настоящее время увеличился и обозъ метательныхъ снарядовъ.

Не только вслѣдствіе новыхъ условій войны, какъ они теперь представляются, но и вслѣдствіе инаго состава войскъ, послѣднія окажутся менѣ выносливыми въ нравственномъ отношеніи въ виду ожидаемаго кровопролитія. Приведемъ здѣсь слова Гольца: „Легко разстается юность съ жизнью. Она еще не прикована къ земному существованію тѣми тысячами нитей, которыя создаетъ вокругъ насъ общественная жизнь. Она еще не привыкла скупиться расходованіемъ жизненныхъ силъ. Загадка, что предпринять, лежитъ передъ нею еще неразрѣшенной. Она еще только всходитъ на гору, не замѣчая, какъ коротокъ противоположный спускъ. Жажда новыхъ впечатлѣній дѣлаетъ ее предприимчивой. Еще далеко ей до вождѣлннй зрѣлаго возраста—покоя и наслажденія пріобрѣтенымъ. Въ бой она вступаетъ съ радостью и беззаботностью—двумя качествами, столь необходимыми для предстоящей ей кровавой работы. Сила народа—въ его молодомъ поколѣніи. Военные писатели всегда считали возрастъ отъ 18 до 24 лѣтъ лучшимъ для военной службы. Организмъ уже достаточно сложился для перенесенія всѣхъ тягостей военного ремесла, а солдатъ въ это время еще свободенъ и ничѣмъ не связанъ. Небольшая доза легкомыслія, столь свойственнаго свѣжей юности, составляетъ отличную приправу для требованій военной службы.“

„Молодая полевая армія, и притомъ равномернo молодая, представляетъ громадныя преимущества передъ всякою другою. Развѣ могла представлять одинаковую спайку армія, подобна ястарой прусской, въ рядахъ которой бокъ-о-бокъ стояли: 14-лѣтній дворянинъ, 20—30-лѣтніе прусскіе граждане и посѣдѣлые иностранцы на шестомъ, седьмомъ десяткѣ лѣтъ? Толь-

¹⁾ А. К. Пузыревскій. «Исслѣдованіе боя».

ко въ исключительныхъ случаяхъ, напр. когда наступила неотложная опасность для жилищъ, личной собственности и страхъ за близкихъ лицъ и родныхъ, хорошіе плоды можетъ принести выведеніе въ открытое поле и болѣе старыхъ людей. Вообще же говоря, послѣдніе, вернувшись къ своимъ частнымъ занятіямъ, уже успѣваютъ отвыкнуть отъ военной службы, когда мобилизація снова призываетъ ихъ подъ знамена. Они уже во многихъ случаяхъ успѣли освоиться съ подавляющими заботами жизни и часто покидаютъ свои семьи со страхомъ, что отсутствіе ихъ неминуемо поведетъ къ разстройству всей домашней ихъ обстановки¹⁾.

Къ этому не лишне прибавить, что, по опыту Чилийской войны, хотя тамошнія войска состояли не изъ столь цивилизованныхъ элементовъ, какъ жители Западной Европы, впечатлѣніе, произведенное тамъ быстротою и мѣткостью ружейнаго огня, было ужасное. Повторимъ здѣсь нѣсколько словъ изъ описанія, которое было помѣщено въ одной изъ предшествующихъ нашихъ статей. „Въ войскахъ диктатора, тотчасъ по первой битвѣ, слышались заявленія, что они не станутъ болѣе драться, что солдатамъ все равно быть разстрѣлянными на мѣстѣ или истребленными непріателемъ, какъ стадо кроликовъ. Наоборотъ, войска конституціоналистовъ приобрѣли такую увѣренность въ своемъ оружій, что стали видѣть въ немъ какъ бы талисманъ и смѣло шли навстрѣчу значительно болѣе многочисленнаго непріателя“.

Всѣ эти данныя приводятъ нѣкоторыхъ военныхъ писателей къ предположенію, что, при разбросанности войскъ на большихъ пространствахъ, обусловленной нынѣшней тактикой, а также разсѣянности строя, единичнымъ частямъ или людямъ легче будетъ уходить съ поля сраженія, и что такіе примѣры дѣйствительно могутъ случаться. Отсюда выводятъ такое заключеніе, что нынѣшнее военное устройство, то-есть призывъ подъ знамена цѣлыхъ народовъ, придется оставить и возвратиться къ арміямъ, составленнымъ изъ профессиональныхъ солдатъ.

¹⁾ Von der Goltz. «Das Volk in Waffen».

Народныя настроенія и духъ армій.

Обсуждая новыя средства и новыя приемы войны, мы остались бы въ сферѣ общей и какъ бы отвлеченной, еслибы не бросили взгляда на дѣйствительное, наличное военное могущество главныхъ европейскихъ государствъ.

Сравнительныя ихъ силы въ смыслѣ численности войскъ всѣхъ категорій общеизвѣстны. Гораздо менѣе распространены свѣдѣнія о томъ, въ какой системѣ разныя государства располагали свои оборонительныя, укрѣпленные пункты, каково то предположенное ими сосредоточеніе армій, на которое указываютъ существующіе штабы, и какова стратегическая система ихъ желѣзныхъ дорогъ.

Объ этихъ, весьма важныхъ условіяхъ веденія будущей войны, мы должны будемъ упомянуть въ позднѣйшей главѣ, посвященной мнѣніямъ военныхъ писателей относительно вѣроятныхъ театровъ войны, союзовъ государствъ и разныхъ плановъ веденія войны, соотвѣтственно съ различіемъ самыхъ условій мобилизаціи.

Но такъ какъ во всѣхъ предшествующихъ отдѣлахъ мы постоянно указывали на огромное, возрастающее впредь значеніе на войнѣ—условіи нравственныхъ, то намъ кажется умѣстнымъ, въ ряду средствъ къ войнѣ, самой готовности къ ней и условій выдержанности при ея продолжительности, посвятить часть нашего труда разсмотрѣнію духа армій, т. е. общихъ нравственныхъ требованій отъ армій и вмѣстѣ нѣкоторыхъ различій по національному темпераменту, какія представляются вѣроятными въ этомъ отношеніи.

Заняться этой стороной войны будущаго мы должны тѣмъ болѣе, что въ предшествующемъ придали огромное значеніе новой военной техники, т. е. сторонѣ матеріальной. Успѣхи ея дѣйствительно велики. Но затѣмъ представляется вопросъ: все ли имѣетъ армія для обезпеченія ея успѣха, если у нея есть на-лицо самое усовершенствованное оружіе и все новѣйшія вспомогательныя средства для веденія войны?

Конечно, нѣтъ. Чтобы съ успѣхомъ, увѣренно и побѣдоносно распорядиться всѣми этими средствами, необходимъ еще извѣстный подъемъ духа въ арміи, увѣренность ея въ превосходствѣ надъ противникомъ, готовность ея ко всякимъ жертвамъ, въ

томъ убѣжденіи, что онѣ несомнѣнно оплатятся побѣдою національнаго дѣла.

Еслибы убѣжденія въ такомъ превосходствѣ и такой готовности въ арміи не оказалось, то самый механизмъ, приготовленный для веденія войны, сдѣлался бы безсильнымъ, такъ какъ самое совершенное оружіе можетъ оказаться несостоятельнымъ при безпомощности той руки, которая имъ владѣетъ. Для исполненія долга на боевомъ полѣ нужно то, что называется „сердцемъ“, пренебреженіе къ личной опасности, чувство, возвышающееся подъ уровень личнаго разчета, словомъ, нѣчто иное, чѣмъ ожиданіе отличія или страхъ предъ наказаніемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что чувства увѣренности въ своей силѣ и мужества, въ виду опасности, могутъ проявляться въ арміяхъ всѣхъ народовъ. Но несомнѣнно и то, что нравственное превосходство будетъ на сторонѣ той арміи, которой составъ „вѣрно представляетъ собой живыя силы самой націи“¹⁾ и единство духа въ которой не нарушаютъ какія-либо ненормальныя внутреннія отношенія въ самомъ обществѣ. Затѣмъ, не малое значеніе по отношенію къ выносливости, къ строгой дисциплинѣ и слѣпой отвагѣ въ бою могутъ имѣть привычка къ лишеніямъ и къ повиновенію, самая ступень культуры, на какой находится данный народъ.

Будущая война, съ какой стороны ни смотрѣть на нее, представитъ большую, чѣмъ когда-либо, опасность и потребуетъ отъ солдатъ большаго напряженія силъ какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ. А между тѣмъ, въ нынѣшнихъ арміяхъ, состоящихъ изъ людей разныхъ классовъ народа, разныхъ привычекъ и общественныхъ взглядовъ, поддержаніе дисциплины и готовности къ пожертвованію собой представляется дѣломъ болѣе труднымъ и сложнымъ, чѣмъ въ прежнія времена, а при извѣстныхъ условіяхъ—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ арміяхъ—затруднительнымъ въ высшей степени. Самые успѣхи культуры и благосостоянія не только смягчаютъ нравы, но и усиливаютъ нерасположеніе къ опасностямъ и лишеніямъ. Правда, что въ умственномъ развитіи, въ сознательномъ отношеніи къ долгу, люди могутъ почерпнуть новую силу взаимнѣй той, которая заключалась въ слѣпомъ повиновеніи и въ отсутствіи воображенія. Но все-таки то мужество, которое подкрѣпляется рефлексією, уже менѣе способно толкать людей на самыя риско-

1) Р. Фадеевъ. „Вооруженныя силы Россіи“.

важныя дѣйствія. Вотъ почему нѣкоторые военные писатели высказываютъ мнѣніе, что въ моменты, когда наиболѣе необходима неустрашимость, лучше имѣть солдатъ менѣе развитыхъ, лишь бы ими умѣли командовать.

Изъ этого однако еще не слѣдуетъ, что степень нравственной силы въ арміи опредѣляется прямо уровнемъ культурнаго развитія народа. Если мы сравнимъ духъ войскъ Германіи и Франціи во времена первой и второй имперій, то должны будемъ признать, что, сверхъ всѣхъ тѣхъ измѣненій, какія были внесены въ сравнительныя достоинства этихъ войскъ новымъ вооруженіемъ, лучшимъ обученіемъ, болѣе совершенной администраціею, на духъ этихъ армій повліяли въ сильной степени еще и такіе элементы, которые можно назвать невѣсомыми. Чрезъ полвѣка духъ въ одной арміи, по сравненію съ другой, измѣнился такъ, что онѣ помѣнялись ролями. Тѣ, кого прежде почти постоянно били, стали одерживать цѣлый рядъ побѣдъ. Нѣкогда диктовавшія законы всей Европѣ, французскія войска нынѣ сдавались массами въ нѣсколько сотъ тысячъ и затѣмъ покорно шли въ мѣста своего водворенія въ плѣну.

Примѣчательной чертой нашей эпохи является быстрота, съ какой происходятъ измѣненія какъ въ сферѣ матеріальной, такъ и въ умственной. Въ теченіе всего нѣсколькихъ лѣтъ нынѣ въ общественной жизни можетъ произойти болѣе перемѣнъ, чѣмъ нѣкогда въ цѣлые десятки лѣтъ, и эта болѣе подвижность жизни обусловливается распространеніемъ образованія, дѣятельностью парламентовъ, ассоціацій, печати и дѣйствіемъ новыхъ средствъ сообщенія. Подъ влияніемъ этихъ условій, умы на Западѣ находятся въ постоянномъ движеніи.

На другую выдающуюся черту нашего времени указываетъ Гервинусъ въ строкахъ, которыя приведемъ по русскому переводу ¹⁾.

„Движенія нашего вѣка вытекаютъ изъ инстинкта массъ, и это очень характеристическая черта исторіи нашего времени, что въ ней только изрѣдка встрѣчаются примѣры сильнаго вліянія отдѣльныхъ личностей, правителей или частныхъ лицъ. Въ наше время, какъ и въ 16 столѣтіи, сами народы движутся массами во всѣхъ своихъ частяхъ и слояхъ. И вотъ это-то собственно и составляетъ величіе нашей эпохи. Выдающійся рядъ великихъ дарованій уменьшился, но число дарова-

¹⁾ «Введеніе въ исторію девятнадцатаго вѣка».

ній среднихъ—тѣмъ болѣе возросло; слава нашего вѣка не въ качествѣ и высотѣ образованія нѣкоторыхъ личностей, а въ количествѣ, въ обширности и распространеніи образованія между многими. Ничего не произведено великаго и возвышеннаго отдѣльными личностями, но въ цѣломъ произошелъ дѣйствительно великій и высокій переворотъ въ общественной жизни“.

А какое вліяніе могутъ имѣть на самое отношеніе народовъ къ войнѣ эти нравственныя движенія въ массахъ—это прекрасно выражено покойнымъ генераломъ Гадеевымъ¹⁾ въ слѣдующихъ строкахъ: „Мнѣніе народа о своемъ могуществѣ имѣетъ великое вліяніе на ходъ его политическихъ дѣлъ; мнѣніе это нерѣдко бываетъ чрезвычайно легкомысленнымъ и неосновательнымъ, а послѣдствія заблужденія тяжко ложатся на судьбу государства. Между тѣмъ вообще принимается, что даже основные военные вопросы составляютъ специальность, что они могутъ оставаться чуждыми обществу. А когда приходитъ минута выразить свое мнѣніе о войнѣ и мирѣ, взвѣсить средства для успѣха, будьте увѣрены, что изъ десяти военныхъ, считаемыхъ лучшими судьями въ этомъ дѣлѣ, девять повторяютъ мнѣніе общественной среды, въ которой живутъ. Такимъ образомъ, общество, обыкновенно чуждое военныхъ вопросовъ, не знающее основательно ни состоянія вооруженныхъ государственныхъ силъ, ни отношенія ихъ къ задуманной борьбѣ, въ важныхъ случаяхъ становится въ значительной степени судьей и рѣшителемъ этихъ самыхъ вопросовъ. Освободиться отъ вліянія общественнаго мнѣнія въ подобныхъ вещахъ—дѣло невозможное“.

Вотъ почему изслѣдованіе условій будущей войны не должно ограничиваться сравненіемъ степени матеріальной готовности къ ней разныхъ народовъ. Повторимъ здѣсь слова Гадеева, что „вооруженныя силы націи должны быть воспроизведеніемъ ея самой“. А народы, по замѣчанію Тэна, „судятъ не головой, но сердцемъ“.

Стало быть, въ чувствахъ народовъ слѣдуетъ искать указанія и на тѣ настроенія, съ какими арміи выступаютъ на войну и какія могутъ въ нихъ развиваться при первыхъ успѣхахъ или неуспѣхахъ. Народнымъ чувствамъ подвластны и тѣ арміи, которыя находятся подъ знаменами во время мира. Но при войнѣ, въ арміи сразу нахлынетъ еще и непосредственная волна об-

¹⁾ Р. Гадеевъ. „Вооруженныя силы Россіи“.

щественнаго настроенія—въ лицѣ тѣхъ милліоновъ людей изъ запаса и ополченія, которыми онѣ будутъ комплектоваться.

Но принимая во вниманіе тѣ чувства, какія должны проявиться среди того или другаго народа при войнѣ, мы должны обращаться къ поученію прошлаго, чтобы составить себѣ понятіе, какое можетъ быть дѣйствительное вліяніе общественнаго настроенія на ходъ войны.

I.

О французской арміи.

О состояніи и достоинствахъ нынѣшней французской арміи высказываются мнѣнія весьма различныя.

Одни утверждаютъ, что она нынѣ представляется совершенно возрожденною, что современная Франція выставитъ на войну армію, вполне достойную славныхъ преданій начала нашего столѣтія. Иные же высказываютъ такой взглядъ, что факты, обнаружившіеся при войнѣ 1870 года, не могли бы имѣть мѣста безъ глубокихъ причинъ въ нравственномъ состояніи самой націи, что сводится на опредѣленіе фонъ-деръ-Декена, приводимое фонъ-Гольцомъ, въ его, часто цитированномъ нами, сочиненіи: „Судьба государствъ похожа на человѣческую жизнь: они возникаютъ, растутъ, процвѣтаютъ, приходятъ въ упадокъ и перестаютъ существовать“.

При томъ значеніи, какое имѣетъ Франція уже по самой численности своей арміи, вопросъ о боевыхъ качествахъ этой арміи и вѣроятномъ ея настроеніи представляется однимъ изъ первостепенныхъ—для Россіи никакъ не менѣе, чѣмъ для прочихъ державъ. Слѣдуя усвоенному нами приему, мы попытаемся и въ этой части труда не только привести разносторонніе отзывы, но и дать невоеннымъ читателямъ матеріалъ, на основаніи котораго они получили бы возможность придти съ собственному выводу.

I.

Какъ уже не разъ было нами замѣчено, современные арміи отличаются отъ давнишнихъ въ самомъ своемъ основаніи, такъ какъ состоятъ не изъ вербованныхъ или взятыхъ на значительную часть жизни, а стало быть въ обоихъ случаяхъ, профес-

сіональныхъ солдатъ, но изъ значительной части всего мужскаго населенія государства, призываемаго подъ знамена на краткіе сроки.

Система эта была выработана и установлена въ Пруссіи. Но первая инициатива въ ея введеніи—какъ и въ измѣненіи многихъ общественныхъ условій и въ завоеваніяхъ человѣческой мысли за послѣднія столѣтія—принадлежала, въ дѣйствительности, Франціи. Первый примѣръ какъ новаго, всенароднаго состава армій, такъ—въ зависимости отъ него—и новѣйшей тактики дали намъ французы.

Здѣсь мы снова должны сослаться на фонъ-Гольца. Пренія арміи, составленныя изъ вербованныхъ или рекрутированныхъ на долгое время солдатъ, онъ характеризуетъ въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ. „Въ то время чувство національности не было еще общимъ связывающимъ средствомъ и только отчасти замѣнялось оно привязанностью къ царствующей династіи. Вслѣдствіе этого, держали войска всегда сосредоточенными; цѣлыя арміи передвигались нераздѣльно въ сомкнутыхъ колоннахъ и располагались на отдыхъ и ночлегъ съ соблюденіемъ самаго мелочнаго порядка. Только такимъ образомъ и можно было строго охранять войска и предупреждать дезертирство. Линейная тактика, заботившаяся о томъ, чтобы въ ея длинныхъ, развернутыхъ, наступавшихъ параднымъ шагомъ, линіяхъ обезпечить себѣ дѣятельность каждаго человѣка, огонь каждаго ружья, находилась въ тѣсной связи съ указанными обстоятельствами. Только при такой тактикѣ и было возможно держать вербованныхъ, даже въ сраженіи, подъ строгимъ надзоромъ офицера. Законы веденія войнъ того времени представляли изъ себя такую цѣпь своеобразныхъ отношеній, что было почти невозможно измѣнить что-либо въ отдѣльности, не разрушая цѣлаго“.

„Только такое событіе, которое поколебало все существующее, какъ явленіе природы—землю, могло уничтожить мелочность, предрасудки, привычки и ученый педантизмъ прошлаго столѣтія и вызвать совершенный переворотъ. Такимъ событіемъ была французская революція. Она положила начало настоящей эпохѣ военнаго искусства, которая будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока новыя, всеобщія соціальныя преобразованія не дадутъ новыхъ основъ для государственной жизни и военнаго устройства“.

„Французская революція однимъ ударомъ научила, что

война должна кормить войну, что гражданское право должно посторониться, когда гремятъ пушки, и что нужно жить на счетъ той страны, въ которой воюють“.

„Конскрипція выставляла необходимыя массы людей для арміи, чтобы, въ случаѣ надобности, расточительно расходовать ихъ. Новѣйшіе способы денежныхъ и дѣловыхъ сношеній работали подписные займы и дали возможность, вмѣсто прежней небольшой государственной казны, располагать всѣмъ государственнымъ кредитомъ для цѣлей войны“.

„Исчезла вербовочная система, а съ нею вмѣстѣ и заботы о дезертирствѣ. Раздѣленіе и разобщеніе войсковыхъ массъ сдѣлались неизбежными, но для обезпеченія ихъ соединенія въ рѣшительную минуту начали высылать авангарды или кавалерійскія массы отъ каждой колонны“.

„Далѣе, для линейной тактики были нужны отлично вышколенные солдаты. При огромной потребности въ людяхъ въ эпоху французской революціи, эти солдаты быстро исчезли, а конскрипція, взамѣнъ ихъ, давала людей мало обученныхъ. Линейная форма сошла со сцены, и на ея мѣстѣ появилась колонна—простая боевая куча. Но эта колонна, при своей компактной формѣ, была бы быстро истреблена огнемъ, еслибы не удалось до нѣкоторой степени прикрыть ее стрѣлковыми цѣпями. Колонны и стрѣлки сражались съ тѣхъ поръ въ тѣсной связи“.

Такимъ образомъ, творцами первой народной арміи, а съ нею и новой тактики были французы. Эта армія не состояла изъ крѣпостныхъ, обучаемыхъ при помощи фухтелей, въ ней новобранцы не водились въ оковахъ, въ ней проявлялся энтузіазмъ народа, защищавшаго свое освобожденіе отъ послѣднихъ узъ феодализма.

Во главѣ такой арміи стоялъ гениальный полководецъ и администраторъ—Наполеонъ, который рядомъ побѣдоносныхъ войнъ подчинилъ своей власти половину Европы, отъ Ганновера до Ионическихъ острововъ, а своему влиянію—весь материкъ Европы, за исключеніемъ Скандинавскаго полуострова. Наполеоновская эпопея привила Франціи привычку и потребность военной славы, убѣжденіе въ безусловномъ ея военномъ превосходствѣ.

Наполеонъ палъ въ 1814 году, среди проклятій страны, истощенной конскрипціями, лишившейся цвѣта своего населенія въ непрерывныхъ войнахъ. Но какъ велико осталось,

несмотря на это, обаяніе его имени, обнаружилось въ слѣдующемъ же году, торжественнымъ шествіемъ къ Парижу императора, возвратившагося съ Эльбы, когда высланныя противъ него войска переходили на его сторону. Катастрофа, закончившая періодъ „Ста дней“, вызвала въ народѣ новый взрывъ негодованія противъ того „бича Божія“, который вновь погубилъ сотни тысячъ солдатъ, въ числѣ которыхъ былъ значительный контингентъ юношей, начиная съ 15-ти-лѣтняго возраста.

Но неудовольствія, возбужденныя Бурбонами, вскорѣ заслонили собой въ подвижномъ умѣ французской націи страданія, причиненныя ей тѣмъ, кого легитимисты называли узурпаторомъ. Оппозиція противъ Бурбоновъ стала дѣйствовать посредствомъ противопоставленія ихъ слабости, зависимости отъ иностранныхъ державъ—славы первой имперіи. Поль-Луи Курье своими памфлетами, Беранже своими сатирическими пѣснями возбуждали ненависть къ реставраціи и хотя оба были въ душѣ республиканцами, но произведенія ихъ такъ же, какъ и вся дѣятельность оппозиціонной печати, благопріятствовали возникновенію наполеоновской легенды, направленной противъ Бурбоновъ.

Легенда постепенно росла и усваивалась народомъ. Оппозиція противъ іюльской монархіи продолжала дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ. Какъ Луи Бланъ въ своей исторіи „Десяти лѣтъ“ страстно обличалъ робость внѣшней политики Людовика Филиппа и униженіе ею Франціи, такъ Тьеръ въ своей исторіи „Консульства и имперіи“ представилъ великолѣпную, хотя и пристрастную апологію дѣлъ Наполеона, можно сказать, создалъ въ литературѣ настоящій монументъ его величія, своего рода вандомскую колонну.

Непосредственно пострадавшія поколѣнія сошли въ могилу, уступивъ мѣсто новымъ, которыя воспитались уже въ воспоминаніяхъ объ утраченной національной славѣ. Пораженіе при Лейпцигѣ, взятіе Парижа, Ватерлоо, двукратное низложеніе Наполеона французы стали объяснять себѣ измѣною и очевидною невозможностью прочнаго господства Франціи надъ всей Европой. Императору измѣнили пруссаки, австрійцы, саксонцы, собственные его маршалы, въ несчастіи на Францію вдругъ ополчились все народы, въ союзѣ съ Бурбонами и эмигрантами, а „коварный Альбіонъ“ (выраженіе, которое и создано по

этому случаю) измѣнически же плѣнилъ великаго вождя и замучилъ его въ неволѣ.

Съ такимъ заключеніемъ сложилась наполеоновская легенда и осталась въ умахъ народа. Сила этой легенды была столь велика, что Людовикъ-Филиппъ думалъ упрочить свою власть торжественнымъ перевезеніемъ праха Наполеона въ Парижъ, но всего черезъ нѣсколько лѣтъ, кромѣ Наполеона, почившаго въ „Домѣ инвалидов“, явился Наполеонъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, на престолѣ.

Нельзя не признать доли справедливости въ слѣдующемъ отзывѣ, хотя и исходящемъ изъ враждебнаго Франціи лагеря. „У другихъ народовъ національная гордость, славолюбіе составляютъ одну изъ страстей, во Франціи они составляютъ главную господствующую страсть, удовлетвореніе которой успокоиваетъ до извѣстной степени всѣ другія.

„Понятно, что стремленіе это должно было быть принято во вниманіе Наполеономъ III, которому обаяніе имени его великаго дяди проложило путь къ престолу.

„Императоръ счумѣлъ очень искусно войти съ соглашеніе съ Англіей, когда та искала поддержки на материкѣ и не нашла ея въ разьединенной Германіи. Въ союзѣ съ Англіей, онъ предпринялъ свою первую войну противъ Россіи, которую на этотъ разъ погубила обширность ея территоріи, нѣкогда спасшая ее“¹⁾.

2.

Но при этомъ тотчасъ и сказалось различіе между первымъ Наполеономъ, какъ полководцемъ и администраторомъ, и наслѣдникомъ его имени. Наполеонъ III не только не былъ полководцемъ и не могъ создать цѣлой школы способныхъ помощниковъ въ военномъ дѣлѣ, но не умѣлъ и выбирать людей, не былъ способенъ къ высшему руководству и надзору въ приготовленіяхъ къ войнѣ и въ военномъ управленіи вообще.

Въ доказательство сошлемся на письма маршала Сентъ-Арно, командовавшаго французскими войсками въ Крыму. Въ концѣ

¹⁾ «Прусскій генеральный штабъ. Франко-нѣмецкая война 1870 года». Изданіе И. Маслова.

апрѣля 1854 г., то-есть при самомъ открытіи военныхъ дѣйствій и до высадки, онъ писалъ военному министру: „У насъ нѣтъ угля и Дюко велитъ топить патриотизмомъ моряковъ... Нельзя же обходиться съ главнокомандующимъ, съ маршаломъ Франціи, какъ со старой маркитанткой“. Самому императору онъ писалъ черезъ мѣсяць: „Государь, мы не въ полномъ составѣ и не въ состояніи приступить къ дѣйствіямъ. У насъ всего 24 запряженныхъ орудій и только 500 лошадей. Еще хуже положеніе наше въ отношеніи продовольствованія. Невозможно вестъ войну, когда нѣтъ ни хлѣба, ни башмаковъ, ни котловъ, ни манерокъ“¹⁾.

Спустя нѣсколько дней, Сентъ-Арно снова писалъ императору: „О, еслибы я былъ приготовленъ къ бою! Но я не имѣю права рисковать честью знамени, выводя въ бой армію неустроенную, неукомплектованную, неимѣющую пока ни артиллеріи, ни кавалеріи, ни лазаретовъ, ни обоза, ни провіанта“.

Авторъ сочиненія, изъ котораго мы приводимъ эти выписки, замѣчаетъ по поводу ихъ: „могутъ возразить, что мы все-таки побѣдили. Да, у насъ были союзники и мы имѣли противъ себя армію, еще хуже устроенную, чѣмъ наша. Но кто измѣритъ, цѣною сколькихъ жертвъ и какихъ страданій была нами куплена побѣда?“

Авторъ основывается на отчетѣ врача Шеню (Chenu) о результатахъ пользованія больныхъ и раненыхъ въ лазаретахъ, по которому англійская организація этого дѣла оказалась еще хуже, чѣмъ у французовъ. Потери англичанъ на 50% больше, чѣмъ у французовъ. Но англичане сдѣлали все возможное, чтобы исправить зло, и въ слѣдующемъ году потери составляли у нихъ всего 2,21%, тогда какъ французы продолжали терять 19%.

„Опытъ, полученный въ этихъ жестокихъ испытаніяхъ,—говоритъ Шеню,—не долженъ пропасть даромъ. Не воспользоваться имъ было бы величайшимъ преступленіемъ“.

Но придя къ дальнѣйшимъ войнамъ того же царствованія, увидимъ, что опытъ пропалъ безслѣдно.

Наполеонъ III обязанъ былъ своей короной народной легендѣ о Наполеонѣ Первомъ и воспоминаніямъ о національной славѣ. Эти условія дѣлали его рабомъ обязательствъ, принятыхъ на себя относительно прошлаго. Второй Бонапартъ,

¹⁾ E. de Girardin. „Le dossier de la guerre de 1870“.

сидящій на тронѣ и преслѣдующій мирныя, мѣщанскія цѣли, представлялъ бы аномалію, въ которой подданные не преминули бы усмотрѣть въ что комическое и во всякомъ случаѣ несоотвѣтствующее ожиданіямъ. Отдавая въ руки его судьбы отечества, французы плебисцитомъ выражали эти ожиданія и надежды на возстановленіе прежняго величія страны. Наполеонъ III хорошо зналъ, что царствованіе его составляетъ прямой поводъ для сравненій его съ царствованіемъ его великаго дяди, и что, съ другой стороны, взявъ на себя продолжать эру осуществленія великихъ намѣреній основателя династіи, онъ принялъ на себя обязанность выясненія этихъ намѣреній, въ сторону либерализма, идеи котораго въ то время были весьма популярны въ Европѣ. По объясненію гамскаго узника, либеральныя намѣренія Наполеона I были бы приведены имъ въ исполненіе, если бы не сопротивленіе правительствъ и народовъ ¹⁾.

Этотъ, туманно выраженный, лозунгъ долженъ былъ служить тою осью, вокругъ которой вертѣлись народныя упованія Франціи въ теченіе всего времени режима второй имперіи. Всѣмъ однако было ясно, что, вслѣдствіе такой связи между традиціями прошлой имперіи и настоящимъ правительствомъ, ему придется искать популярности посредствомъ политики приключеній.

Поэтому весьма естественно, что хорошее состояніе арміи составляло для правительства Наполеона предметъ самыхъ серьезныхъ заботъ.

Но Наполеонъ оказался неспособнымъ поддержать военное могущество Франціи, не говоря уже о томъ, что онъ ни въ какой степени не умѣлъ лично вліять на настроеніе арміи. Между тѣмъ, онъ явно стремился льстить самолюбію націи посредствомъ военныхъ предпріятій и этимъ путемъ поддержать престижъ своей династіи. Еще въ 1860 году русскій посолъ въ Парижѣ, графъ Киселевъ, охарактеризовалъ Наполеона такими словами: „этотъ сфинксъ едва-ли не просто фокусникъ“ ²⁾. Будущее доказало основательность такого опредѣленія личности автора переворота 2-го декабря.

Съ самаго начала своего управленія, онъ предпочиталъ наиболѣе пзвилистые пути дипломатіи. Стараніе удержаться на

¹⁾ „Oeuvres de Louis Napoléon Bonaparte“.

²⁾ См. „Графъ Киселевъ и его время“, 1882, т. III, стр. 89.

тронѣ побудило его къ принятію всевозможныхъ репрессивныхъ мѣръ для подавленія всякаго рода оппозиціи, и съ тою же цѣлью онъ вынужденъ былъ прибѣгать къ отвращенію общественнаго мнѣнія отъ внутреннихъ вопросовъ посредствомъ придумыванія эффе́ктовъ въ политикѣ внѣшней.

Тѣмъ не менѣе Наполеону III удалось удержаться въ своей роли довольно долго и, не взирая ни на что, успѣхъ не покидалъ его. Въ войнахъ, которыя онъ велъ безъ должной подготовки, ему благопріятствовалъ ореолъ побѣдъ первой имперіи.

Но оппозиція противъ него не дремала. Въ литературѣ гремѣлъ Викторъ Гюго, впослѣдствіи Рошфоръ. На трибунѣ раздавались голоса Тьера, Оливье, Жюля Фавра, а въ послѣдніе годы и Гамбетты. До Седана, однако, большинство въ Европѣ вѣрило въ геній Бонапарта. Зато послѣ разгрома Франціи вся ничтожность его средствъ обнаружилась внезапно. Изъ геніевъ Наполеонъ III вдругъ попалъ въ число самыхъ обыкновенныхъ авантюристовъ. Особенно рѣзко ставили ему въ вину его заигрыванія со всесвѣтною революціей, которой онъ пользовался при всякомъ случаѣ.

Дорого заплатили тѣ, кто увѣровали въ искренность его показныхъ цѣлей, въ его увѣренія и теоріи.

Въ концѣ концовъ расплатилась за него и сама Франція, которая, кромѣ непосредственныхъ бѣдствій несчастной войны, испытала всевозможныя нравственныя униженія, потеряла двѣ провинціи и уплатила пятимиллиардную контрибуцію.

Для насъ было необходимо напомнить объ этихъ условіяхъ положенія и характерѣ Наполеона III, такъ какъ факты, на которые мы сейчасъ укажемъ, наводили бы на мысль объ уназдкѣ самаго французскаго народа, еслибы не имѣть постоянно въ виду, что въ продолженіе почти 20-ти лѣтъ имъ управлялъ человекъ, поставленный въ исключительное положеніе своимъ именемъ и лишенный характера и способностей, которыя бы такому положенію соотвѣтствовали.

Въ 1859 году, когда началась война съ Австріей, можно было думать, что организація арміи будетъ лучше, такъ какъ сила правительства Наполеона III, главнымъ образомъ, опиралась на армію. Между тѣмъ, 29 мая 1859 г. императоръ Наполеонъ писалъ своему военному министру: „меня приводитъ въ отчаяніе, что, при сравненіи съ другими арміями, даже при сравненіи съ сардинской арміей, мы вѣчно имѣемъ видъ какихъ-то ребятъ, никогда не воевавшихъ. Все до такой степени

не устроено и точно не опредѣлено, что постоянно или требованіе превышаетъ вдвое необходимость, или администрація отпускаетъ половину того, что нужно. Вы поймете, что я упрекаю не васъ, а ту систему, которая сдѣлала то, что *во Франціи мы никогда не готовы къ войнѣ*“.

Справедливость этого мнѣнія подтвердилась впоследствии многими свидѣтельствами. Вотъ, напримѣръ, что говорилъ главный интендантъ передъ слѣдственной комиссіей парламента послѣ войны 1870 года:

„Въ итальянской арміи, въ которой я состоялъ помощникомъ главнаго интенданта, вслѣдствіе дурной организаціи складовъ, послѣдніе обозы не успѣли перейти Альпы въ то время, когда уже армія возвращалась назадъ“.

Главный интендантъ Вольфъ прямо сказалъ: „Примѣръ итальянской войны оказался роковымъ. Въ эту кампанію ничего не было предусмотрѣно, сосредоточеніе войскъ происходило въ величайшемъ безпорядкѣ; несмотря на это, успѣхъ нашего оружія былъ полнѣйшій. Успѣхъ этотъ явился слѣдствіемъ стеченія исключительныхъ обстоятельствъ и нерѣшительности австрійцевъ. Франціи, выступившей противъ Австріи въ союзъ съ Италіей, пришлось развернуть только часть своихъ военныхъ силъ, и война велась съ государствомъ не пограничнымъ. Даже неблагоприятный исходъ едва-ли могъ грозить опасностью положенію Наполеона“.

Совершенно иначе представлялось дѣло въ 1870 году. Послѣ войны 1866 года Наполеонъ хорошо зналъ, что приходится ставить на карту судьбу Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ судьбу своей династіи.

Если всмотрѣться внимательно въ то, что происходило съ военной организаціей страны, то надо признать, что уроки предшествовавшихъ войнъ прошли для французской арміи даромъ.

Мы будемъ руководиться указаніями, какія находимъ въ опубликованномъ трудѣ прусскаго генеральнаго штаба ¹⁾, но дополнимъ ихъ свѣдѣніями изъ французскихъ источниковъ.

Война 1870 года была, какъ извѣстно, послѣдствіемъ многихъ весьма важныхъ и глубокихъ условій и не могла не возникнуть, но ускорилъ ея возникновеніе самъ Наполеонъ III. Это поражаетъ тѣмъ болѣе, что у него въ рукахъ были дѣль-

¹⁾ „Франко-нѣмецкая война 1870—71 гг.“

ныя и обстоятельныя донесенія французскаго военнаго агента въ Берлинѣ, полковника Стоффеля, изъ которыхъ ясно было, что Пруссія вполне приготовилась къ войнѣ.

Между тѣмъ, въ половинѣ іюля 1870 года, сила французской арміи доходила всего до 567.000 ч., считая въ томъ числѣ и контингентъ 1869 года, которымъ можно было располагать только съ 1-го августа 1870 года. Въ это число включенъ былъ даже и элементъ не боевой, а именно дисциплинарныя роты, нестроевыя и проч. (50.000), жандармы (24.000 ч.), депо (28.000 ч.), гарнизоны (78.000), алжирскія войска (50.000 ч.), всего 230.000 ч.

„Вычитая эту цифру изъ вышеприведенной, — сказано въ цитируемомъ нами изданіи, — получимъ дѣйствительную численность боевыхъ силъ Франціи въ 336.000 человекъ, съ которыми ей пришлось вступить въ единоборство съ Германіей. Цифра эта согласуется съ расчетами, произведенными прусскимъ генеральнымъ штабомъ передъ войной. По этимъ расчетамъ, французская армія опредѣлялась въ 343.000 человекъ, способныхъ выйти въ поле. Но, вслѣдствіе принятой во Франціи системы мобилизаціи на границѣ и обмундированія резервовъ въ депо, отдаленныхъ отъ полковъ, а также вслѣдствіе многочисленныхъ беспорядковъ, сила арміи не могла достигнуть и сказанной цифры“.

Рядомъ съ этимъ, по донесеніямъ Стоффеля и изъ опубликованныхъ парламентскихъ актовъ, всѣмъ было извѣстно, что въ случаѣ войны Германія, несомнѣнно, обладала слѣдующей вооруженной силой:

	Людей.	Лошадей.
1) Сѣверо-германскій союзъ	982.064	209.403
2) Баварія	128.964	24.056
3) Виртембергъ	37.180	8.876
4) Баденъ	35.181	8.038
Общій итогъ	1.183.389	250.373

Еще относительно южно-германскихъ войскъ, правительство Наполеона III могло бы заблуждаться надеждой, что они останутся нейтральными, но при такомъ расчетѣ все-таки противъ 343.000 французской арміи имѣлось тройное число нѣмецкихъ солдатъ. Надо удивляться бесилию общественнаго мнѣнія того времени. До нѣкоторой степени это объясняется тѣмъ, что оно было введено въ обманъ, но не менѣе удивительны и тѣ грубые

способы, къ которымъ прибѣгло французское правительство, посредствомъ которыхъ обманъ совершался. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ рапортовъ генерала Дежана дословно заявлялось, что Франція въ состояніи снарядить два милліона защитниковъ; оружіе для нихъ готово, и его еще останется милліонъ для резерва.

Несмотря на то, что было весьма легко провѣрить, были ли ассигнованы суммы на 2 милліона новыхъ ружей, и еще легче было сдѣлать расчетъ, могла ли Франція выставить въ полѣ 2 милліона вооруженныхъ людей, всю вину предпочли свалить на режимъ Наполеона III. Вотъ, что говорилъ по этому поводу депутатъ Дреолль въ слѣдственной комисіи:

„Ранѣе чѣмъ послѣдовало рѣшеніе объявить войну, мы обратились съ одинаковымъ вопросомъ, *готовы ли мы къ войнѣ?* къ тремъ министрамъ, отъ которыхъ получился отвѣтъ, что „мы готовы къ веденію войны“. Министры Оливье и Лебёфъ утверждали, что „намъ нечего бояться, что мы имѣемъ восемь или десять дней преимущества передъ непріателемъ и что вообще съ военной точки зрѣнія мы абсолютно готовы“. И на этотъ разъ провѣрка для парламентской комисіи была слишкомъ легка, чтобы и на нее не падала отвѣтственность за неслыханное легкомысліе.

Но посмотримъ, что было въ дѣйствительности. Въ историческомъ изслѣдованіи прусскаго главнаго штаба, мы находимъ слѣдующія данныя:

Необходимые для снаряженія французской арміи матеріалы имѣлись въ изобиліи и частью превосходнаго качества. Такъ, напр., пѣхота имѣла весьма совершенное ружье (шасспо), дальнобойное и съ настильнымъ выстрѣломъ.

1 іюля французы располагали 1.037.555 ружьями шасспо, что составляло болѣе тройнаго количества численности дѣйствующей арміи. Кромѣ того, оружейные заводы могли ежемесячно изготовлять по 30.000 штукъ.

Не менѣе обильно была снабжена и полевая артиллерія. Въ ней числилось 3.987 орудій; кромѣ того, въ складахъ находилось еще 5.379 гладкоствольныхъ орудій. Это количество орудій давало возможность сформировать 860 батарей. Но при этомъ людей и лошадей на лицо состояло лишь для комплекта 164 батарей.

Затѣмъ, по расчету Ниеля, при призывѣ людей по телеграфу, войска могли на 12-й день выступить изъ гарнизоновъ.

Такъ какъ призывъ состоялся 15-го, то передвиженіе должно было начаться съ 28 іюля. Но на это едва-ли можно было рассчитывать даже при самомъ точномъ выполненіи принятаго плана мобилизаціи, такъ какъ въ этотъ моментъ изъ 100 пѣхотныхъ полковъ только 35 находились вблизи своихъ депо. Такимъ образомъ, каждый солдатъ, не состоявшій въ строю, хотя бы проживалъ въ мѣстѣ расположенія своего полка, долженъ былъ отправляться въ депо для обмундированія и затѣмъ снова возвращаться къ своему полку.

Чтобы показать, до какой степени безпорядокъ царствовалъ въ арміи, достаточно привести нѣкоторые невѣроятныя депеши, найденныя въ Тюльери и опубликованныя слѣдственной комиссіей ¹⁾.

„Генераль Фалъи, командиръ 5-го корпуса. Бичъ, 18 іюля 1870 года. Нахожусь въ Бичѣ съ 17 баталіонами пѣхоты. Пришлите денегъ для продовольствія людей. Въ общественныхъ кассахъ кругомъ нѣтъ денегъ. Нѣтъ денегъ и въ кассахъ военныхъ“.

„Гл. интендантъ въ Парижѣ, директору военной администраціи Блондо. Мецъ, 28 іюля 1870 г., 9 ч. утра. Въ Мецѣ нѣтъ ни сахара, ни кофе, ни риса, ни водки, ни соли, мало овощей и сухарей. Вышлите непременно по крайней мѣрѣ миллионъ порцій на Тіонвиль“.

„Генераль Дюкро военному министерству въ Парижѣ. Страсбургъ, 20 іюля 1870 г. Завтра всего 50 чел. будутъ оберегать Нёфъ-Бризонъ, а фортъ Мортъе, Шлештадтъ, Петитъ-Пьеръ и Лихтенбергъ беззащитны. Это послѣдствія приказаній, которыя мы исполняемъ“.

„Командиръ 2-го корпуса военному министерству въ Парижѣ. Сентъ-Авольдь, 12 іюля 1870 г. Депо присылаетъ громадныя тюки картъ, бесполезныхъ теперь. У насъ нѣтъ ни одной карты границъ Франціи. Лучше было бы снабдить насъ тѣмъ, что намъ необходимо“.

Генераль Мишель изъ Бельфора телеграфировалъ министерству 21 іюля: „Прибыль въ Бельфоръ, бригады своей не нашелъ, командира дивизіи тоже. Что мнѣ дѣлать? Я не знаю, гдѣ мои полки“.

Отовсюду получались увѣдомленія, что нѣтъ ни припасовъ, ни медицинскихъ принадлежностей, ни повозокъ, ни мастеровъ

¹⁾ Claretie, „Révolution de 1870—1871“.

выхъ. Неудивительно поэтому, что и Базену пришлось давать объясненіе въ этомъ же смыслѣ. „Если я кинулся въ Мецъ, то причина этого заключалась въ томъ, что у меня провіанта было всего на одинъ день и *не было патроновъ*“, говорилъ онъ въ свое оправданіе. „Созванъ былъ военный совѣтъ, но подобно тому какъ недостатокъ провіанта заставилъ армію укрыться въ Мецѣ, она не могла выйти изъ него по невозможности снабженія себя всѣмъ необходимымъ. Въ Мецѣ оставалось всего 800.000 патроновъ“.

Удивительнѣе всего, что когда войска были уже сконцентрированы, начальникъ штаба пишетъ корпуснымъ командирамъ:

„Упражняйте войска старательно въ умѣніи производить развѣдки. Скоро они будутъ имѣть передъ собой непріятеля, который употребилъ много времени во время мира на то, чтобы напрактиковаться въ дѣлѣ сторожевой службы и расквартированія. Слѣдуетъ *теоретически* обучать этому во всѣхъ корпусахъ и практически упражнять какъ можно больше“.

Невѣроятное легкомысліе со стороны высшихъ военныхъ чиновъ соотвѣтствовало отсутствію всякой самостоятельности общественнаго мнѣнія. Въ цѣломъ народѣ не нашлось въ то время достаточно силъ для того, чтобы воспользоваться опытомъ предшествовавшихъ войнъ и, оглянувшись на себя, сравнить свои естественныя и пріобрѣтенныя средства съ средствами сосѣднихъ государствъ.

3.

Во время войны 1870 г. обнаружилия такія несомнѣнныя доказательства распушенности (*d'indiscipline*) и отвращенія къ войнѣ, что весьма трудно не придти къ ошибочнымъ заключеніямъ относительно степени напряженія, которое въ состояніи былъ вынести французскій народъ. Дабы избѣжать ошибочныхъ выводовъ, посмотримся ближе къ явленіямъ того времени.

Весьма многія причины въ то время содѣйствовали приведенію арміи къ полному растройству. Нельзя не обратить вниманія на то, что, на примѣръ, социалистическія ученія и вызываемыя ими движенія хотя и значительно привились въ Германіи, какъ уже было нами указано выше, но распростра-

неніе ихъ въ Германіи не сопровождалось столь многочисленными попытками осуществить социалистскіе идеалы, какъ это мы видѣли во Франціи, гдѣ не разъ доходило до вооруженнаго столкновенія социалистовъ съ государствомъ. Послѣ Руссо, проповѣдывавшаго возвращеніе человѣка къ природѣ, къ равенству, къ государству, основанному на договорѣ, проповѣдывавшаго право законодателя передѣлывать общество для достиженія всего этого мирнымъ путемъ, явились поборники того же ученія, признававшіе цѣлесообразнымъ обращеніе къ кровавымъ способамъ достиженія тѣхъ же цѣлей. Маратъ, Робеспьеръ, Сень-Жюсть прославляли идеи всесилія государства и раздѣла имущества. Подъ вліяніемъ тѣхъ же идей Бабёфъ провозгласилъ безусловное начало коммунизма, стремившагося къ полному отрицанію собственности во имя равенства; но послѣ него явилось новое, болѣе сложное ученіе, присвоившее себѣ значеніе науки о лучшемъ строѣ социального быта. Ранѣе другихъ на этомъ поприщѣ выступили французы (графъ Сен-Симонъ, Фурье, Луи-Бланъ и Прудонъ), а за ними уже названіе „социалистовъ“ присвоили и нѣмецкіе послѣдователи разныхъ оттѣнковъ того же ученія.

Теоріи и мечты французскихъ социалистовъ имѣли замѣтное вліяніе на политическое настроеніе Франціи въ періодъ 1830—1850 годовъ и нерѣдко разжигали страсти, такъ что, несмотря на взаимныя несогласія, вызвали во время республики возстаніе парижскихъ рабочихъ. Государственный же переворотъ и вторая имперія ознаменовали себя сильной репрессіей въ отношеніи дѣятельности и пропаганды французскихъ социалистовъ, что, однако, не прекратило движенія, и глухое недовольство общественнымъ строемъ проникло даже въ армію.

Когда, въ маѣ 1870 года, Наполеонъ возбуждалъ вопросъ о всеобщемъ одобреніи посредствомъ голосованія существующей системы управленія во Франціи, то всеобщая подача мнѣній раздѣлилась слѣдующимъ образомъ:

	Да:	Нѣтъ:
Голосованіе въ 89 департаментахъ	7.016.227	1.495.144
„ арміи	249.492	40.181
„ флота	23.759	5.874
„ алжирскихъ войскъ .	36.165	6.029

Судя по этому, въ арміи и флотѣ въ оппозиціи оказалось болѣе $\frac{1}{10}$ части. Эта оппозиція особенно замѣтною оказалась

въ Парижѣ. По сообщенію Кляреси, въ фортѣ Иври результатъ голосованія далъ 616 *да* и 476 *нѣтъ*. Даже въ сотнѣ дворцовой гвардіи (*cent-gardes*) оказались голоса за *нѣтъ*. Въ этомъ заключалась угрожающая сторона знаменитаго плебисцита ¹⁾.

Настроеніе не замедлило выразиться при мобилизаціи. По словамъ Лагерра ²⁾, „многіе изъ солдатъ казались весьма недовольными войной. Проникнутые политическими и социальными понятіями, несогласными съ видами правительства, какъ это показало голосованіе 8-го мая, они гораздо менѣе думали о величіи Франціи, чѣмъ о предстоящихъ лишеніяхъ кампаніи, предпринятой, по ихъ словамъ, „ради тщеславія одного человѣка“.

Политика и социалистскія теоріи проникли въ ряды арміи и ослабили, если не убили, дисциплину. Являясь на станціи, измученные походомъ въ невыносимую жару, солдаты громко выражали чувства радости или недовольства. Одни только офицеры низшихъ степеней выказывали нѣкоторый патриотическій порывъ. Кляреси говоритъ, что уже въ началѣ войны, когда прусскій авангардъ слѣдовалъ за французской арміей къ Мецу, высшими офицерами овладѣлъ родъ простраціи и паники. Въ числѣ доказательствъ этого нравственнаго упадка авторъ приводитъ интимное письмо одного французскаго генерала отъ 6 августа, въ которомъ говорится:

„Я не знаю, что мы творимъ. Мы находимся въ положеніи идущихъ впередъ, а на самомъ дѣлѣ мы только и дѣлаемъ, что перемѣщаемъ фланги, идя то вправо то, влево. Я, по правдѣ сказать, не знаю, командуетъ ли нами кто-нибудь. Послѣ того, что я испыталъ въ эту ночь, я могу даже утвердительно сказать, что никто нами не командуетъ. Я прочиталъ восемь телеграммъ отъ императора и его штаба, адресованныхъ нашему корпусному командиру, изъ которыхъ каждая послѣдовательно была опроверженіемъ предыдущей и доказательствомъ лишь страшной нерѣшительности. Наши солдаты, отличавшіеся храбростью въ другія времена, безпрестанно даютъ доказательства нравственнаго упадка и полнѣйшей неувѣренности въ себѣ“.

Неудивительно, что гражданское населеніе выказывало еще менѣе энтузіазма. Такъ, на примѣръ, префектъ Мёрты, Поде-

¹⁾ Claretie. „Histoire de la révolution 1870—1871“.

²⁾ „Les Allemands à Bar.—le-Duc et dans la Meuse“.

венъ, прославился тѣмъ, что, не оставивъ въ Нанси „ни солдата, ни ружья, ни патрона“, расклеивалъ афиши, которыми убѣждалъ население „хорошо принять непріятеля“. Вскорѣ затѣмъ Періе, шалонскій мэръ, объявляя о скоромъ приходѣ пруссаковъ, совѣтовалъ „согражданамъ воздержаться отъ патриотическихъ и скорбныхъ чувствъ и избѣгать всякаго рода враждебныхъ дѣйствій“.

Были и другія печальныя проявленія рабскихъ чувствъ французовъ, и Кляреси, справедливо находятъ, что въ этомъ отношеніи „Франція 1870 года весьма мало походила на Францію 1814 года, когда ее отличали геній Наполеона I и храбрость ея защитниковъ“.

„Подавленное централизаціей, лишенное въ теченіе двадцати дѣтъ всякой инициативы, привыкшее слушать приказанія свыше и подчиняться имъ безпрекословно, наше отечество,— продолжаетъ авторъ,—мало-по-малу потеряло все свое величіе души, которое одно составляетъ силу націй. Въ состояніи нервного возбужденія французская нація, вмѣсто того, чтобы грозно выпрямляться передъ нападающимъ врагомъ, склонилась передъ внѣшнимъ завоевателемъ такъ же, какъ она склонилась передъ внутреннимъ въ декабрьскую ночь переворота“.

Все это должно было оказывать на армію тѣмъ большее вліяніе, что внутренній составъ французской арміи страдалъ многими важными недостатками. Прусскій генеральный штабъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику французскаго солдата:

„На немъ особенно вредно отозвался законъ о вторичномъ поступленіи на службу, о замѣстителяхъ и дотаціи. Законъ этотъ допускалъ замѣщеніе въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что, напр., въ 1869 году на контингентъ въ 75.000 чел. приходилось 42.000 замѣстителей; достоинство ихъ, какъ было замѣчено по опыту, только ухудшалось по мѣрѣ пребыванія ихъ на службѣ. Къ тому же и корпусъ унтеръ-офицеровъ стоялъ уже не на прежней высотѣ. Во многихъ полкахъ должностные по 11 лѣтъ и болѣе служили въ одномъ чинѣ, посвятивъ странѣ свою жизнь, проведенную почти въ непрерывныхъ войнахъ, не имѣя права надѣяться на какое-либо повышеніе или облегченіе службы. Многіе изъ лучшихъ людей этого корпуса искали въ гражданской службѣ занятій, которыя болѣе ихъ вознаграждали. Корпусъ офицеровъ состоялъ изъ элементовъ далеко не однородныхъ. Почти $\frac{1}{3}$ были выслужившіеся унтеръ-офицеры“.

„Въ то время какъ молодые офицеры часто очень легко от-

носились къ своему дѣлу, старые субалтернъ-офицеры рѣзко отъ нихъ отличались. Они составляли положительно лучшій элементъ арміи. Они были представителями опытности и драгоцѣнныхъ качествъ характера, созрѣвшихъ въ различныхъ кампаніяхъ имперіи. Но господствовавшая система протекціи, простиравшаяся часто на завѣдомо подозрительныя личности, справедливо ожесточала ихъ и подрывала ихъ надежды на будущее. Однако, послѣ 1866 года въ нихъ пробудилась особая нравственная энергія, и именно эти офицеры пытались искупить своею кровью на поляхъ сраженій ошибки, за которыя не они были отвѣтственны. Та же протекція возводила и на болѣе высокія мѣста множество личностей, которымъ ноша ихъ была не по плечу, и здѣсь, какъ и вездѣ, высказывалось зловерное вліяніе этой системы⁴.

Эти длинныя цитаты были намъ необходимы, чтобы читатель могъ вѣрнѣе судить и сдѣлать оцѣнку дѣйствій французской арміи, къ которымъ намъ придется еще вернуться.

Изъ одного романа Золя можно было бы извлечь множество подробностей, собранныхъ этимъ натуралистомъ, чтобы показать царствовавшій въ войну 1870—71 годовъ безпорядокъ. Мы, однако, обратимся къ иному источнику, не украшенному художественной фантазіей, въ которомъ все сообщаемое вполнѣ достовѣрно и дышетъ полной искренностью. Мы говоримъ объ анонимномъ сочиненіи, чрезвычайно точно, безъ всякихъ прикрасъ и безъ предвзятаго намѣренія рисуящемъ французскую бѣдственную войну 1870—71 годовъ¹).

Авторъ этого труда прежде всего рассказываетъ, изъ какихъ элементовъ состояло большинство французскихъ маршевыхъ полковъ.

„Это были, говорить онъ, не *линейныя* полки, а настоящіе *маршевыя* полки, сформированные наскоро, такіе, какіе во время войны формируютъ для пополненія убыли убитыми и больными. Они состоятъ большею частью изъ запаса отъ ушедшихъ полковъ, изъ безсрочно отпускныхъ, изъ служившихъ по нестроевой части въ полкахъ или военныхъ мастерскихъ, никогда не бывшихъ въ строю и, наконецъ, изъ волонтеровъ, тоже лишенныхъ всякой военной выправки. Ко всему этому нестрою составу въ 1870—71 гг. присоединились еще призванные августовскимъ

¹) „Campagne de France 1870--71. Impressions et souvenirs d'un officier du régiment des Deux Sèvres“.

декретомъ подъ знамена старые солдаты и новобранцы послѣдняго призыва. Подобный составъ полковъ считался до такой степени неудовлетворительнымъ, что во многихъ корпусахъ предпочитали образовать резервы изъ *мобилей*, вмѣсто маршевыхъ полковъ“.

Составъ маршевыхъ полковъ отразился на полученныхъ результатахъ. Послѣ потерь на Луарѣ, 50.000 человѣкъ этого войска произвели манифестацію, требуя прекращенія войны.

Авторъ утверждаетъ, что при этомъ самое вредное вліяніе на молодыхъ новобранцевъ производили старые солдаты, неожиданно для нихъ призванные на службу и, въ своемъ крайнемъ недовольствѣ, не жалѣвшіе дурныхъ совѣтовъ молодымъ. Онъ противопоставляетъ составу маршевыхъ полковъ духъ мобилей, поведеніе которыхъ на войнѣ, по его мнѣнію, несмотря на поголовную неопытность, оказалось гораздо выше репутаціи, присвоенной имъ въ началѣ военныхъ дѣйствій. Всѣ неудачи, всѣ бѣдствія 1870 года авторъ рѣшительно ставитъ на счетъ недостатка патріотизма и полного упадка нравственныхъ силъ, къ которымъ Франція пришла, благодаря системѣ всеобщаго взаимнаго недоверія, воцарившейся въ этой странѣ со времени захвата власти имперіей 2-го декабря.

Прочитавшему эти строки не будетъ уже казаться страннымъ, что парижскій гарнизонъ изъ 40.000 линейныхъ войскъ сдалъ этотъ городъ 18-го марта коммунарамъ. Обстоятельство это такъ любопытно, что мы не можемъ его обойти безъ вниманія.

Послѣ капитуляціи Парижа, національная гвардія рабочихъ кварталовъ захватила 250 пушекъ и отдала ихъ подъ охрану наиболѣе буйныхъ изъ своихъ сподвижниковъ. Для отобранія у нихъ этихъ пушекъ снаряжены были *четыре экспедиціи* изъ регулярныхъ войскъ въ 10.000 солдатъ каждая.

„Съ разсвѣтомъ 18 марта, — говоритъ Кляреси, — генераль Леконтъ, пройдя къ Монмартру со стороны Сѣвернаго кладбища, наступалъ съ войсками вдоль улицы Меркаде, между тѣмъ какъ генераль Патюрель шелъ путемъ бульваровъ. Обѣ колонны соединились вокругъ пушекъ. Національные гвардейцы смуглились, увидавъ себя окруженными. Только рѣдкими выстрѣлами они обмѣнялись съ жандармами и гражданской стражей, находившимися во главѣ колонны. Національные гвардейцы, взятые въ плѣнъ, были отведены въ улицу Розье, въ домъ, въ которомъ помѣщался комитетъ, а генераль Леконтъ занялся осмотромъ орудій и уничтоженіемъ загородокъ. Онъ ожидалъ лоша-

дей для перевозки орудій, и въ этомъ ожиданіи онъ оставался вмѣстѣ со своими войсками 4 часа, въ теченіе которыхъ солдаты оставались подъ ружьемъ. Въ это время проснувшійся Монмартръ брался за оружіе. На улицахъ били сборъ. Сбѣгались женщины и, приближаясь къ солдатамъ, ругали ихъ или увѣщевали не стрѣлять въ народъ. Это были солдаты маршевыхъ полковъ, пришедшихъ изъ провинціи, деморализованные испытаннымъ пораженіемъ, весьма склонные поколебаться передъ парижанами. Видя себя окруженными толпой и чувствуя опасность своего положенія, генераль Леконтъ хотѣлъ было приказать своимъ стрѣлкамъ очистить штыками дорогу сквозь толпу, обступившую его штабъ, но это оказалось невозможнымъ. Солдаты уже большею частью составили ружья. Обезоруженные, они оставили свои шасспо и допустили бунтовщиковъ схватить генерала и отвести въ домъ улицы Розье, въ которомъ были арестованы національные гвардейцы. Послѣднихъ выпустили, а генераль Леконтъ, послѣ отказа его подписать приказъ объ отступленіи войскъ, былъ отведенъ и заключенъ съ нѣкоторыми изъ его офицеровъ въ Шато-Ружъ. Послѣ этого національные гвардейцы пошли по направленію къ солдатамъ колонны, часть коихъ, встрѣчаясь съ ними на дорогѣ, присоединялась къ возмущившимся. Былъ одинъ моментъ, когда они были остановлены генераломъ Сюбіеллемъ, стоявшимъ на площади Пигаль съ жандармами, стрѣлками и линейными войсками. Въ это время выстрѣлъ изъ-за угла улицы Гудонъ убиваетъ на мостѣ стоявшаго возлѣ генерала офицера. Солдаты послѣ этого частью уходятъ въ толпу, частью очищаютъ площадь. Генераль Сюбіелль вынужденъ ретироваться, преслѣдуемый выстрѣлами. Почти въ то же время отступилъ и генераль Патюрель, расположившійся возлѣ Клиньянкура. Вся эта часть Парижа очутилась во власти комитетовъ коммуны, и солдаты въ безпорядкѣ разсыпались по Парижу, какъ бы послѣ пораженія“.

Со стороны Белльвиля генераль Фаронъ взялъ позиціи и завладѣлъ пушками, но вслѣдствіе монмартрскихъ событій положеніе его оказалось тоже опаснымъ, и онъ вынужденъ былъ отступить въ центральную часть столицы, „то умиротворяя толпу, то угрожая ей и баррикадамъ, возводимымъ ею“.

Изъ Версаля, въ которомъ въ то время находилось правительство, помощи ожидать нельзя было.

„19-го марта, — пишетъ Кляреси, — и въ Версали по всему городу бродили солдаты, внимая уличнымъ ораторамъ и крича:

„la crosse en l'air!“ Это была сила, которую Версаль могъ противопоставить центральному комитету съ его 85.000 человекъ“.

Чтобы побороть коммуну, правительство вынуждено было издать прокламацію и вызвать охотниковъ изъ арміи. Въ числѣ охотниковъ оказалось большинство вандейцевъ и бретонцевъ. Правительство утилизировало ихъ традиціонную антипатію къ парижанамъ, которыхъ эти люди считаютъ прирожденными атеистами, царубійцами и развратниками.

Въ нынѣ установленномъ порядкѣ во Франціи, спустя 23 года, достаточные для смѣны поколѣнія, отношенія во многомъ измѣнились. Духъ арміи тоже измѣнился, и теперь уже движеніямъ противъ милитаризма нельзя придавать особеннаго значенія.

Однако, и игнорировать ихъ непозволительно. Идея уничтоженія воинской повинности и постоянныхъ армій, между прочимъ, изложена въ проектѣ Огюста Бланки, вышедшемъ въ 1880 году ¹⁾.

Этотъ проектъ разработываетъ идею, въ немъ выраженную, съ достаточной опредѣленностью. Основной его пунктъ заключается въ первомъ параграфѣ, по которому „воинская повинность уничтожается и ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть восстановлена. Пѣхота, флотъ и колониальныя войска пополняются изъ охотниковъ, вступающихъ на трехлѣтнюю службу. Офицеры приглашаются изъ состава распускаемой арміи; унтеръ-офицерамъ и солдатамъ прежней арміи дается право поступать на службу на двухлѣтній срокъ“. На ряду съ этимъ, проектъ захватываетъ и вопросъ о военномъ воспитаніи молодежи и удѣляетъ мѣсто программѣ „неподвижной всенародной арміи“, идея которой истекаетъ изъ уничтоженія постоянныхъ войскъ. Для подготовленія къ военной службѣ вся молодежь, обучающаяся въ школахъ, должна упражняться въ гимнастическихъ и чисто военныхъ предметахъ, построеніяхъ, артиллеріи и саперномъ искусствѣ. Проектомъ опредѣляется устройство народнаго ополченія (*armée sédentaire*), къ которому призываются всѣ здоровыя лица съ 18 до 43-лѣтняго возраста. Эта территоріальная армія мобилизуется лишь въ случаѣ, если война, рѣшенная всенароднымъ голосованіемъ, того потребуетъ или же въ случаѣ непріятельскаго вторженія. Въ случаѣ внутренняго возстанія, правительство имѣетъ право употреблять

¹⁾ «L'armée esclave et opprimée», par Auguste Blanqui. 1880.

войска только изъ сосѣднихъ съ мѣстомъ революціи департаментовъ.

Мы уже указывали на то, что время отъ времени во Франціи и теперь раздаются голоса, направленные противъ шовинизма, степень котораго признается весьма различно, смотря по настроенію и взглядамъ общества. Между прочимъ, мы обратили вниманіе читателя на появившуюся въ „Figaro“ большую статью, принадлежащую перу государственнаго человѣка, скрывающагося подъ псевдонимомъ. Статья эта произвела большое впечатлѣніе въ странѣ, ибо въ ней откровенно признавалась возможность компромисса со стороны Франціи для мирнаго рѣшенія эльзасъ-лотарингскаго вопроса. Предложеніе состояло въ возвращеніи Франціи лишь Лотарингіи съ Мецомъ и вознагражденіи Германіи присоединеніемъ къ ней Люксембурга. Мы обратили особенное вниманіе на то, что „Figaro“, какъ газета, старающаяся плыть по теченію общественнаго мнѣнія, не помѣстила бы статьи, еслибы не была увѣрена, что она не повредитъ ея популярности.

Еще далѣе въ этомъ направленіи зашла книга Луи Гастина „Patria“. Авторъ ея прямо порицаетъ идею „реванша“, которою, по словамъ этого анархиста, пользуются правители современной Франціи для проведенія личныхъ цѣлей ¹⁾). Все это показываетъ симптомы полной неизвѣстности, куда въ будущемъ можетъ направиться общественное мнѣніе Франціи.

4.

„Причина страшной судьбы, постигшей Францію въ 1870 году, заключается въ системѣ управленія, выработанной Наполеономъ III. Помощники его въ совершенномъ имъ переворотѣ 2 декабря 1852 г. стали стражами императорскаго трона и въ короткое время успѣли нажить богатя состоянія по милости императора, который былъ имъ обязанъ трономъ. Взамѣнъ этого, эти лица стали вѣрными исполнителями тѣхъ мѣръ, которыми Наполеонъ надѣялся не только укрѣпить, но „увѣнчать зданіе“ декабрьской имперіи. Мѣры эти главнымъ образомъ заключались въ томъ, чтобы общество и печать поставить въ такія отношенія, чтобы они взаимно деморализировали другъ

¹⁾ См. «Р. В.» кн. IV, стр. 286.

друга, чтобы газеты перестали обсуждать серьезные политические вопросы; общество довольствовалось бы сплетнями дня; чтобы свобода слова была стѣснена, народныя школы были отданы въ руки духовенства; скамьи законодательнаго корпуса наполнились бы официальными депутатами, избираемыми однако „свободною“ подачею голосовъ, а въ арміи царствовала бы система протекцій. Такое положеніе длилось 18 лѣтъ; поэтому не слѣдуетъ удивляться его результатамъ“.

Но съ того времени произошли громадныя перемѣны. Въ настоящее время нѣтъ рѣчи во Франціи ни о протекціи въ арміи, ни о недостаткѣ народнаго контроля надъ расходами. Борьба партій способствуетъ раскрытію каждаго злоупотребленія. Но униженіе Франціи, испытанное ею въ 1870 г., отражается на стремленіяхъ новаго поколѣнія, выросшаго подъ вліяніемъ непрерывно провозглашавшейся надежды на возстановленіе прежняго престижа отечества. Въ этомъ отношеніи Чарльсъ Дилькъ весьма мѣтко охарактеризовалъ составъ нынѣшней французской арміи: „Франція, говоритъ онъ, въ рядахъ своей арміи заключаетъ поколѣніе, появившееся на свѣтъ послѣ окончанія войны 1870 года. Можно утверждать, что военный духъ и рѣшимость французскихъ новобранцевъ подобны тѣмъ, съ какими шли войска Наполеона I въ его походѣ между Сеной и Марной. Поэтому, Франція сама въ настоящее время удивляется полному подъему духа, замѣчаемому въ ея арміи.“

Дѣло въ томъ, что утрата двухъ провинцій не играетъ въ этомъ первенствующей роли. Матеріальное процвѣтаніе Франціи не уменьшилось съ потерей Эльзаса и Лотарингіи. Подъ манифестаціями въ формѣ возбужденія вопроса о возвращеніи потерянныхъ земель скрывается чувство досады за обиду. Многіе того мнѣнія, что было бы ошибкой полагать возможность искренняго примиренія между двумя націями посредствомъ одного возвращенія сказанныхъ провинцій.

Въ арміи нарождаются чувства чрезвычайно сложныя. Армія стремится къ побѣдѣ и ею только можетъ удовлетвориться.

Вполнѣ вѣрны разсужденія Ростислава Шадеева по этому поводу, когда онъ говоритъ о чувствѣ пруссаковъ послѣ Тенскаго пораженія.

„Наученный несчастіемъ, великій народъ, исправляя свои недостатки, не разстается съ мыслию подняться опять во весь свой ростъ, съ обновленными силами. Иначе и быть не можетъ потому что человѣкъ прежде всего нравственное существо, не

довольствующееся однимъ матеріальнымъ благосостояніемъ и привольною жизнію, существо, требующее нравственнаго удовлетворенія; а какое нравственное удовлетвореніе можетъ согласоваться съ низкимъ мнѣніемъ о себѣ, какъ о народѣ? Иначе быть не можетъ и потому, что всякая личность въ свѣтѣ, и одиночная и сборная, не можетъ чувствовать себя спокойною, отклонившись отъ своего природнаго назначенія. А развѣ великіе народы не имѣютъ своего природнаго назначенія, врученнаго имъ безъ ихъ спроса, проходящаго черезъ всю ихъ исторію, проникшаго массу извѣстнымъ отбѣнкомъ чувствъ и взглядовъ, отъ которыхъ она не можетъ оторваться, не отрывая въ то же время части своей дѣши? Если изъ племенъ, одинаково мелкихъ въ своемъ источникѣ, одни остаются ничтожными или второстепенными навсегда, другія разрастаются въ великіе народы, то развѣ не очевидно, что эти послѣднія племена одарены большею энергіей, устойчивостію, большею способностію притяженія и превращенія въ себя; что въ нихъ вложенъ зародышъ, изъ котораго развиваются отборныя силы человѣчества, что именно они, а не другія, призваны *оплатить* исторію нашего рода? Воспитанный въ теченіе вѣковъ такимъ призваніемъ, отзывающимся хоть бы смутно, но все-таки отзывающимся въ душѣ каждаго отдѣльнаго лица, великій народъ всецѣло проникается характеромъ всемірнаго дѣятеля и не можетъ уже возвратиться къ частной жизни маленькихъ народовъ. Мѣщанское счастье не удовлетворитъ его; какъ Самсонъ, онъ почувствуетъ возвращеніе силы вмѣстѣ съ отросшими волосами и не успокоится, пока не возвратитъ снова своего величія, не станетъ на свой историческій путь. Чѣмъ больше времени народъ отстраняется отъ этого пути, тѣмъ сильнѣе бываетъ увлеченіе къ возврату. Приходитъ день, когда сознаніе своей мощи и неудовлетворяющаго ей международнаго значенія, голосъ недовершенныхъ историческихъ стремленій, чувство затронутой національной гордости сливаются въ одно общее настроеніе, во всенародное чувство, заслоняющее собой, на нѣкоторый срокъ, всѣ текущіе внутренніе интересы“.

Единственнымъ расхолаживающимъ средствомъ для того, чтобы народъ не увлекался своимъ политическимъ назначеніемъ, всегда было недовѣріе къ своимъ полководцамъ.

Вышеприведенные факты, какъ во время войны, такъ и во время борьбы съ коммунарами на Монмартрѣ, превосходно обрисовываютъ малоспособность французскихъ военачальниковъ

временъ конца второй имперіи. Ни въ одной арміи не могли бы повториться эти факты.

Между тѣмъ, въ будущей войнѣ придется командовать войсками офицерамъ арміи 1870 года.

Чарльзъ Дилькъ, въ своемъ отчетѣ о французскихъ маневрахъ 1891 года, говоритъ, что у генерала Соссье, военного губернатора Парижа, имѣется въ рукахъ распоряженіе правительства о назначеніи его, въ случаѣ войны, главнокомандующимъ французской арміи. Генераль де-Мирибель, нынѣшній начальникъ генеральнаго штаба, останется въ этомъ званіи въ арміи и въ военное время.

Генералу Соссье—63 года. Во время маневровъ онъ, оставаясь верховъ по нѣскольку часовъ, не выказывалъ ни малѣйшаго утомленія, ни физическаго, ни умственнаго.

„Генераль Соссье совершилъ молодымъ офицеромъ крымскую кампанію, затѣмъ воевалъ въ Алжирѣ и Мексикѣ, а въ 1870 г. блистательно командовалъ однимъ изъ линейныхъ полковъ. Въ 1881 г. его назначили главнокомандующимъ экспедиціей въ Тунисъ. Въ 1884 г. онъ былъ назначенъ губернаторомъ Парижа, должность, въ которой онъ былъ утвержденъ на новый періодъ съ 1890 года“.

„Генераль Мирибель—артиллеристъ. Онъ участвовалъ въ военныхъ дѣлахъ въ Крыму, Италіи и Мексикѣ. Затѣмъ состоялъ военнымъ агентомъ въ Россіи. Во время коммуны онъ командовалъ частью полевой артиллеріи. Въ 1877 г. онъ былъ представителемъ Франціи на большихъ маневрахъ, происходившихъ въ Германіи. Гамбетта поставилъ его во главѣ главнаго штаба. Послѣ паденія Гамбетты онъ засѣдалъ въ коммисіяхъ и комитетахъ и наконецъ былъ сдѣланъ командиромъ 6-го корпуса, которымъ раньше командовалъ Соссье. Фрейсинэ вновь назначилъ Мирибеля начальникомъ штаба“.

Послѣ Соссье и Мирибеля, по словамъ Дилька, наиболѣе видную роль въ случаѣ войны играли бы Даву, маркизъ де-Галлифе и Бильо.

Эта оцѣнка, сдѣланная Ч. Дилькомъ, вызвала возраженіе Фонъ-дерь-Гольца, на которое, въ свою очередь, бывший англійскій министръ отвѣчаетъ военному нѣмецкому писателю (въ настоящее время состоящему на турецкой службѣ), что онъ признаетъ за нѣмецкой арміей нѣкоторыя преимущества, о которыхъ онъ не упоминалъ ранѣе.

Вотъ, что между прочимъ говоритъ онъ:

„По моему мнѣнію, германскія войска имѣютъ значительныя преимущества передъ французскими, если говорить о возрастѣ генераловъ, которые, по всей вѣроятности, будутъ призваны въ случаѣ войны къ командованію, въ качествѣ ли главнокомандующихъ, или начальниковъ отдѣльныхъ армій или корпусовъ. Было бы, конечно, заблужденіемъ предполагать, что, въ случаѣ войны, главное командованіе, какъ и командованіе арміями и корпусами, будетъ непремѣнно исполняться тѣми же лицами, которыя занимаютъ эти посты теперь. Но они будутъ во всякомъ случаѣ изъ числа тѣхъ двадцати пяти генераловъ, которые въ настоящее время занимаютъ высшее положеніе въ арміи. Еслибъ какой-нибудь авторитетный изслѣдователь вздумалъ представить военному міру, согласно точнымъ даннымъ, таблицу возрастовъ старшихъ 25 генераловъ въ обѣихъ арміяхъ, то увидѣли бы, что средній возрастъ у французовъ окажется выше нѣмецкаго. И, говоря правду, этотъ фактъ уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ о недостаткѣ французской арміи въ сравненіи съ нѣмецкой. Въ будущихъ войнахъ, въ которыхъ примутъ участіе громадныя полчища войскъ, въ которыхъ затрудненія по снабженію армій провіантомъ и всѣмъ необходимымъ явятся гораздо болѣе существенными, чѣмъ они были въ прошлыхъ войнахъ, и притомъ, благодаря бездымному пороху, полковыхъ офицеровъ будутъ перестрѣливать въ началѣ каждой стычки, а войска будутъ неохотно идти впередъ, — намъ придется быть свидѣтелями продолжительныхъ битвъ, длящихся нѣсколько дней кряду“.

„Напряженіе физическое и умственное командующихъ съ обѣихъ сторонъ потребуетъ ужасное. Бываютъ, конечно, и шестидесяти-трехлѣтніе люди, способные переносить такое напряженіе и которые, чѣмъ тяжелѣе падающая на нихъ отвѣтственность, тѣмъ окажутся болѣе молодыми. Но это исключеніе. Въ среднемъ же выводѣ, 63-лѣтній генералъ обыкновенно мѣнѣе способенъ къ такому напряженію, чѣмъ, напримѣръ, пятидесяти-пяти-лѣтній. Двѣ громадныя арміи, одинаково сильныя, снабженныя обѣ превосходною артиллеріей, не могутъ быть побѣждены и не могутъ побѣдить быстро. Вѣроятность говорить за то, что сраженія будутъ происходить изо дня въ день на одной и той же мѣстности. Разбитыя войска будутъ отступать и будутъ преслѣдуемы арміей противника, желающаго воспользоваться выгодами побѣдителя. Соображая страшныя затрудненія, какія предстоятъ для поддержанія порядка и обез-

печенія продовольствія войскъ, признаюсь, я предвижу, что нѣкоторые изъ генераловъ не въ состояннн будутъ вынести всей тяжести заботъ, и послѣдствія этого будутъ весьма пагубны. Трудность замѣнить тотчасъ обезсилѣвшаго воина передъ лицомъ непріятели окажется непреодолимою“.

Сомнѣнне этого рода съ особой силой высказываетъ сочиненне, обратившее на себя вниманне въ военныхъ сферахъ—„L'armée sans chef“¹⁾. Авторъ его настаиваетъ на безусловной необходимости во французскомъ военномъ устройствѣ того высшаго органа, который въ Германнн называется *der grosse General-Stab* (главный штабъ). Напоминая о маршалѣ Бертъе, который былъ начальникомъ главнаго штаба (*major général*) Наполеона, авторъ говоритъ: „Бертъе въ продолженне 15 лѣтъ пользовался самостоятельностью, и Францнн имѣла 15 побѣдоносныхъ лѣтъ. Германнн у насъ же переняла это устройство, и въ результатѣ его явилась побѣда при Садовой и побѣды 1870 года“.

Своего рода агитацнн въ смыслѣ необходимости для французской армнн главнаго штаба авторъ велъ въ двухъ провинцнальныхъ газетахъ. Въ своей книгѣ онъ приводитъ письмо въ редакцнн отъ бывшаго министра де-Май (*Maïu*) по поводу одной изъ его статей. Приведемъ нѣсколько строкъ изъ этого письма. „Готовы мы къ войнѣ? Нѣтъ, отвѣчаю не колеблясь — мы не готовы. Намъ недостаетъ устройства высшаго командованнн армнн. Армнн мы имѣемъ превосходную, многочисленную (3 милл. чел.), дисциплинированную, обученную; у насъ отличные офицеры, надежные, преданные, и генералы, заслуживающне довѣрнн... Но вся эта сила неспособна прнйтн въ движенне сама собой. Необходимъ двигатель, который бы далъ ей направленне, необходимъ вождь (*chef*). У армнн есть глава (президентъ республики), есть высшнй начальникъ. Но между главою, какъ государства, такъ и армнн—и между армнн необходимъ посредникъ, нужно орудне, которое давало бы армнн импульсъ. Этого-то оруднн у насъ и нѣтъ. Мы не имѣемъ главнаго штаба“.

По соображеннямъ, вѣроятно политическимъ, г. де-Май не разъясняетъ точно, кого онъ считаетъ „главою“ французской армнн и чымъ „орудннмъ“ долженъ быть главный штабъ? Разумѣетъ ли онъ президента республики или военнаго министра?

¹⁾ Paris. 1891.

Но за то, самъ авторъ книги ставить этотъ вопросъ прямо и даетъ такой отвѣтъ, что вопросъ пока не рѣшенъ.

„Кому принадлежитъ въ настоящее время—говорить авторъ книги—высшее командованіе французской арміею? Военному министру? Президенту республики? Военному совѣту, въ которомъ тотъ же президентъ предсѣдательствуетъ по праву? Генералиссимусу? Или начальнику главнаго штаба (major général)? Никто не рѣшитъ этого вопроса. Правда въ томъ, что распоряжаются всѣ, а одинаго направленія, перваго условія успѣха, арміи нашей безусловно недостаетъ... Маршалъ Мармонъ недаромъ говорилъ, что „тѣло съ нѣсколькими главами есть чудище“. Да и ближе, всего за два года до 1870 г., полковникъ Стоффель ¹⁾ писалъ, что этотъ вопросъ, о высшемъ командованіи или главномъ штабѣ, есть „самый важный изъ всѣхъ“.

Въ письмѣ де-Май есть еще слѣдующее мѣсто: „незадолго до своей смерти, самый великій и знаменитый изъ числа нѣмецкихъ генераловъ, г. фонъ-Мольтке, въ собраніи своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, выражалъ особое удовольствіе по поводу нашей безопасности, нашей спячки“.

Авторъ цитируемаго сочиненія говоритъ еще, что въ разговорѣ съ однимъ вліятельнымъ депутатомъ, такимъ, который „ловко сдѣлалъ себѣ состояніе, дающее доходъ въ 200 тысячъ франковъ—посредствомъ рациональной и методической эксплуатаціи политическаго положенія“ (это, повидямому, похвала), онъ спросилъ: „Кто въ случаѣ войны будетъ держать въ рукахъ Францію? Гдѣ теперь человѣкъ съ достаточно крѣпкой головой и могучей рукой, чтобы управлять ею? Въ 1793 г., при сходномъ положеніи, у насъ былъ Дантонъ; а кто же будетъ теперь?“ — „Ну,—отвѣчалъ депутатъ, —кого-нибудь да найдемъ“.

И воть, авторъ возмущается противъ такого фальшиваго представленія. „Въ то время,—говоритъ онъ,—когда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, возможно было организовать арміи уже подъ огнемъ непріятели. Нынѣ это безусловно невозможно. Событія повалятъ одно за другимъ такъ быстро, наносимые удары будутъ столь чувствительны, что для импровизаціи не останется мѣста. Тогда уже организовать будетъ поздно, а надо будетъ драться и больше ничего“.

¹⁾ Военный агентъ въ Берлинѣ въ послѣдніе годы старой Имперіи. Цѣлыя кипы его донесеній оказались потомъ нераспечатанными.

Вотъ заключительныя слова того же автора: „Чтобы остаться живой, Франція должна побѣдить; чтобы побѣдить, армія должна имѣть вождя; у нея его нѣтъ; значитъ, надо дать ей его“.

Мы глубоко убѣждены въ общемъ прогрессѣ французской арміи. Тѣмъ не менѣе, слѣды прежнихъ недостатковъ еще остаются. Мы не сомнѣваемся, что, случись война, французы будутъ драться храбро, потому что это лежитъ въ ихъ народномъ характерѣ, но они всегда будутъ склонны критиковать начальство, особенно, если оно не принадлежитъ къ „ихъ парти“.

Впрочемъ, много правды заключается въ словахъ отчета прусскаго генеральнаго штаба:

„Постоянныя перемѣны въ образѣ правленія убили въ войскѣ, какъ и въ народѣ, чувство вѣрности и преданности господствующему дому, чувство, которое въ другихъ странахъ спасаетъ государственный строй отъ пагубныхъ потрясеній. Французскій офицеръ и даже простой солдатъ служитъ своему отечеству и служитъ ему преданно и самоотверженно, но онъ не питаетъ къ представителю постоянно преобразовываемой высшей власти того чистаго чувства долга, которое побуждаетъ человѣка жертвовать собою съ полнымъ признаніемъ безусловнаго авторитета власти“.

Хотя съ 1870 во Франціи нѣтъ болѣе династій, но до нѣкоторой степени вопросъ о ней замѣняется частыми смѣнами президентовъ, министерствъ и особенно лицъ, стоящихъ во главѣ военнаго управленія.

Критика глубоко проникаетъ въ ряды арміи и, доходя до простыхъ солдатъ, ферментуется искаженіями и подъ вліяніемъ настроенія минуты, особенно, если она сопровождается безпорядками по снабженію арміи пищей, одеждой и оружіемъ—видоизмѣняетъ духъ войскъ до неузнаваемости.

Во Франціи постоянно жалуются на усиливающееся проявленіе того отношенія солдатъ къ службѣ, которое выражается характернымъ „je m'en fiche“ людей, которымъ *все ничего*. Эти скептики и пересмѣшники, въ случаѣ, напримѣръ, непомятаго зноя въ походѣ, или когда ихъ посылаютъ на явную опасность, не особенно склонны къ послушанію. Не надо забывать, что при тѣхъ впечатлительности и нервности, какими отличаются современныя поколѣнія и которыя въ военное время обыкновенно еще усиливаются, всякій дурной примѣръ хотя бы небольшой части нижнихъ чиновъ дѣйствуетъ весьма пагубно на успѣхъ военнаго дѣла.

Это составляет тѣмъ болѣе важный вопросъ, что, по словамъ компетентнѣйшихъ военныхъ писателей, Франціи выгоднѣе всего въ началѣ войны держаться тактики оборонительной, причемъ часть французской территоріи, вѣроятно, будетъ занята непріателемъ.

Разсмотрѣвъ данныя относительно мобилизаціи различныхъ армій, генераль Пьерронъ ¹⁾ приходитъ къ заключенію, что въ случаѣ, если Россіи и Франціи доведется одновременно защищаться противъ Германіи и ея союзниковъ, французской арміи слѣдуетъ избѣгать рѣшительныхъ сраженій до момента, когда Россія разовьетъ свои дѣйствія. Прусскій главный штабъ, зная, что Россіи нуженъ по меньшей мѣрѣ мѣсяць времени на мобилизацію и сосредоточеніе силъ ²⁾, постарается сосредоточить массы своихъ войскъ, чтобы покончить съ Франціей раньше, чѣмъ начнутся движенія русской арміи. Пруссія постарается разбить французскія военныя силы, предоставивъ своимъ союзникамъ угрожать Тунису, Корсикѣ и альпійскимъ проходамъ. Побѣда надъ Германіей была бы въ то же время побѣдой и надъ ея союзниками. Не теряя изъ виду этого обстоятельства, французскому штабу придется направить всѣ силы противъ нѣмцевъ, заградивъ альпійскіе проходы и предоставивъ участь Туниса исходу борьбы противъ Германіи. Чтобы дать время Россіи приготовиться, французская армія должна будетъ маневрировать передъ лицомъ нѣмецкой, прикрываясь послѣдовательно рѣками Марной, Сеной и проч., пока не дойдетъ до базиса, опредѣляемаго линіей Орлеанъ-Неверъ-Шаньи. Въ этомъ положеніи французская армія будетъ въ состояніи выждать начала дѣйствій русскихъ войскъ.

„Многіе полагають, что, оставляя непріятелю цѣлыя провинціи и слѣдовательно избирая изъ двухъ золъ меньшее, мы, однако, подвергаемъ эти провинціи страшной участи. Но они забываютъ, что за разграбленіе жителей непріятелемъ будетъ возмездіе въ случаѣ нашей побѣды. Все дѣло въ томъ, чтобы окончательная побѣда осталась за нами“.

Является вопросъ о возможности отсрочки осуществленія надеждъ на расплату. Быть можетъ, прежніе недостатки армій будутъ способствовать черезъ-чуръ сильной агитаціи и нетер

¹⁾ „Méthodes de guerres.“ Paris. 1893.

²⁾ Далѣе мы покажемъ, что ген. Пьерронъ принимаетъ слишкомъ долгій срокъ.

пѣнью. Съ одной стороны, исторически воспитанное самоувѣнне французовъ будетъ предъявлять требованіе удовлетворить ихъ чувства немедленной побѣдой, съ другой стороны—можетъ выработаться и убѣжденіе въ необходимости удовлетвориться меньшими результатами безъ столь тяжкихъ жертвъ, какихъ требуетъ большая рискованная война.

Въ концѣ концовъ все будетъ зависѣть отъ самыхъ разнообразныхъ условий. До будущаго страшнаго опыта войны при новыхъ условіяхъ—передъ нами великая неизвѣстность.

Пока извѣстно только, что матеріальная часть французской арміи всеміи признается въ превосходномъ состояніи и что сама войска французскія, въ отношеніи подготовки, какъ технической, такъ и нравственной, не уступаютъ нѣмецкимъ. Многіе утверждаютъ, что они горятъ желаніемъ сразиться, а это обстоятельство въ настоящее время имѣетъ значеніе большее, чѣмъ когда либо. Еще Прудонъ сказалъ: „Солдатъ, идущій въ бой за отечество, долженъ возвыситься надъ самимъ собой не только энергіей и храбростію, но и добродѣтелью до святости“¹⁾.

Въ виду усовершенствованнаго оружія и новыхъ средствъ истребленія, рядомъ съ возрастающими удобствами жизни большинства людей, эти слова получаютъ еще болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ прежде.

И. БЛЮХЪ.

¹⁾ Цитату эту мы заимствуемъ изъ сочиненія генерала Юнга «La guerre et la société».

248
581

91

БУДУЩАЯ ВОЙНА,

ея экономическія причины и послѣдствія ¹⁾.

Объединеніе Германіи; возникшіе изъ него опасности и союзы.

Во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ введена общеобязательность военной службы, арміи сдѣлались народными, и въ духѣ ихъ на войнѣ будетъ отражаться настроеніе народа, а стало быть наибольшее единство духа должно предполагать въ арміяхъ государствъ, пьющихъ наиболѣе односоставное въ смыслѣ этнографическомъ населеніе.

Поэтому, казалось бы, одною изъ такихъ армій, въ которыхъ, по нѣмецкому выраженію, должна сильно проявиться „душа народа (die Volksseele), будетъ и армія германская, такъ какъ элементы не-нѣмецкіе составляютъ въ ней лишь слабую примѣсь. И дѣйствительно, такъ можетъ быть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ нѣмцы будутъ проникнуты однимъ чувствомъ, когда пруссакъ окажется только нѣмцемъ, а нѣмецъ будетъ чувствовать себя пруссакомъ.

Въ германской арміи, дѣйствительно, будетъ сильно отражаться народное настроеніе, но дѣло въ томъ, что, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, самое настроеніе народа можетъ проявиться различно въ разныхъ частяхъ Германіи. Правительствамъ другихъ большихъ военныхъ державъ будетъ легче возбудить народныя чувства и даже предразсудки въ требующемся направленіи, чѣмъ это представится для правительства въ Германіи.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что единство Германіи было осуществлено все-таки силою, завоеваніемъ, хотя и произведеннымъ во имя народныхъ стремленій къ объединенію. Стремленія эти вовсе не включали въ себѣ желанія, чтобы употреблено было насиліе, чтобы нѣсколько государствъ союза были просто обращены въ прусскія провинціи. Только

¹⁾ См. „Русск. Вѣстн.“ кн. 10-я 1893 г.

война противъ „наслѣдственнаго врага“ въ 1870 г., увѣнчанная побѣдою, высоко поднявшая нѣмецкое самолюбіе, такъ сказать, прикрыла лаврами тѣ расщелины, которыя оказывались послѣ 1866 года. Но онѣ остались и до сихъ поръ. Настроеніе въ странахъ южной и средней Германіи можетъ оказаться далеко несходнымъ съ настроеніемъ нѣмцевъ въ Пруссіи, и даже возможно предположить случаи, когда интересы нѣмца, какъ нѣмца, будутъ противоположны интересамъ подданнаго Гогенцоллерновъ.

Въ памятной рѣчи, съ которою Бисмаркъ впервые выступилъ осенью 1862 года, какъ прусскій министръ-президентъ, упоминалось, что Пруссія носитъ вооруженіе слишкомъ тяжелое для ея узкаго тѣла и что отсюда-то и истекала необходимость исправить неудовлетворительныя границы Пруссіи. Но хотя присоединеніе Ганновера, Кургессена, Нассау и проч. расширило тѣло прусской монархіи, однакоже оно усилило и тяжесть вооруженія, такъ что и для самого населенія Пруссіи военная тягость вовсе не сдѣлалась менѣе чувствительной. А между тѣмъ, для всей остальной Германіи, которая прежде была свободна отъ прусской военной системы, тягость ея, вдобавокъ возросшая, представилась просто непомѣрною.

Въ результатѣ побѣды Германіи въ будущей войнѣ могло бы представиться лишь расширеніе прусской территоріи на востокъ, но для внѣ-прусской Германіи это означало бы только созданіе на востокѣ такого же повода къ реваншу, какой въ 1871 году былъ созданъ на западѣ, и перспективу дальнѣйшихъ усиленныхъ вооруженій въ теченіе, быть можетъ, десятковъ лѣтъ.

Съ другой стороны, въ прусскихъ правительственныхъ сферахъ, какъ извѣстно, наряду съ теченіемъ „германскимъ“, берущимъ свое начало изъ самаго факта объединенія Германіи, постоянно проявляется и другое теченіе, специфически-прусское, исходящее изъ того историческаго факта, что для прусской политики народныя объединительныя стремленія служили, въ дѣйствительности, средствомъ къ увеличенію территоріи и къ созданію первостепеннаго могущества Пруссіи. Въ этомъ направленіи правительственной мысли сказывается и такой взглядъ, что „игра въ германство (Deutschthuererei)“ для Пруссіи—только средство, а не цѣль. Между тѣмъ, и послѣ новой, успѣшной войны, населеніе разныхъ частей Германіи, разныя германскія племена (Volkstämme) вовсе не были бы расположены къ быстрой пруссификаціи ихъ, посредствомъ внѣшнихъ мѣръ.

Немаловажное значеніе имѣеть и различіе вѣроисповѣданій. Католическое населеніе Германіи не вполне мирится съ протестантскимъ характеромъ имперской власти, который, при усиленіи ея, долженъ былъ бы проявиться рельефнѣе ¹⁾).

Затѣмъ, надо признать, что масса въ Германіи стоитъ на болѣе высокомъ уровнѣ образованія, чѣмъ въ другихъ странахъ, и уже поэтому не такъ легко поддается искусственной „обработкѣ“ общественнаго мнѣнія въ желательномъ направленіи, тѣмъ болѣе, что темпераментъ ея болѣе спокойный и уступающій разсудительности. Только горсть такъ называемыхъ „юнkerовъ“, наследственно принадлежащая къ военной профессіи, можетъ быть расположена къ войнѣ. Весь же народъ, даже независимо отъ пропаганды прогрессистовъ и социалистовъ, по самому своему темпераменту и вслѣдствіе относительной образованности, смотритъ на войну, какъ на бѣдствіе, котораго не слѣдовало бы допускать въ наше время.

Все это позволяетъ думать, что если бы имперское правительство рѣшилось на войну наступательную, когда не оказывалось бы никакого покушенія на Германію, то въ ней проявилось бы неудовольствіе противъ такого неоправданнаго опасностью почина, въ которомъ усмотрѣли бы только прусское самолюбіе и желаніе окончательно „пруссифицировать“ Германію.

Наконецъ, и въ самой Пруссіи новые военные успѣхи могли бы принесть пользу только тому реакціонерному дворянскому классу, который называется Junkerpartei и не пользуется популярностью какъ въ Пруссіи, такъ и въ остальной Германіи.

Итакъ, еслибы рѣчь шла только о вѣроятности наступательной войны со стороны Германіи противъ Франціи, то было бы уже достаточно и сказаннаго нами доселѣ, чтобы признать стремленіе германскаго общества къ войнѣ невѣроятнымъ. Но вопросъ представляется нѣсколько иначе по отношенію къ Россіи.

Мы уже говорили, что для германскаго имперскаго правительства болѣе, чѣмъ для какого-либо инаго, можетъ, въ какой-нибудь критической моментъ, вызванный противогосударственными стремленіями внутри страны, представиться искушеніе—отвлечь умы войною, подготовивъ сперва общественное мнѣніе къ ея неизбѣжности. Но для этого могла бы пригодиться именно война на востокѣ, такъ какъ социалисты, которые проти-

¹⁾ Constantin Frantz. „Deutschlands Weltpolitik“.

вились бы войнѣ съ Франціею, гораздо легче приняли бы войну съ Россіею. Да и не одни они, а и все германское общество, послѣ того какъ Франція была побѣждена, скорѣе было бы склонно къ наступательной войнѣ съ Россіей, чѣмъ съ Франціей.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что со времени Берлинскаго конгресса и русское общество относится съ недовѣріемъ къ прусской дипломатіи и даже съ нѣкоторымъ недружелюбіемъ къ германскому народу, который долгое время не выказывалъ порицанія вѣроломной политикѣ князя Бисмарка относительно Россіи, какъ бы забывъ совершенно услуги, которыя она оказала Германіи, при ея объединеніи.

Причина такого настроенія глубоко коренится какъ въ жизни Германіи, а особенно Пруссіи, такъ и въ жизни Россіи. Оно не есть дѣло случая. Какъ для cadaго человѣка—то, что онъ переживаетъ въ настоящемъ, является послѣдствіемъ того, что онъ пережилъ въ прошломъ, такъ и нынѣшнее настроеніе Германіи по отношенію къ Россіи и сей послѣдней по отношенію къ Германіи имѣетъ причины историческія.

Къ сожалѣнію, изслѣдователи и практическіе дѣятели, особенно у насъ, при рѣшеніи вопросовъ государственнаго и международнаго характера, часто пренебрегаютъ историческимъ методомъ. Между тѣмъ, только этотъ методъ въ состояніи охранить изслѣдователя отъ односторонности взглядовъ. Совершенно правъ полковникъ Гейсманъ, говоря въ оправданіе широкаго развитія историческаго отдѣла въ своемъ почтенномъ трудѣ ¹⁾, что раньше перенесенія военныхъ вопросовъ на спеціально-военную почву необходимо параллельное изученіе вопросовъ общеисторическихъ и спеціальныхъ военно-историческихъ, равно какъ и исторіи военнаго искусства и исторіи развитія народовъ и обществъ, въ видахъ достиженія наиболѣе полныхъ и всестороннихъ выводовъ.

Для того, чтобы выяснитъ упомянутыя историческія причины современныхъ взаимныхъ отношеній Германіи и Россіи, намъ необходимо броситъ взглядъ на самое объединеніе Германіи подъ имперскимъ скипетромъ въ рукахъ Гогенцоллерновъ и на тѣ отношенія, въ какія становилась русская политика къ Германіи въ нѣкоторые моменты истекшаго полустолѣтія: во-первыхъ, тогда, когда Германія имѣла до извѣстной степени причины быть недовольною отношеніями къ ней Россіи, а затѣмъ—въ тѣ моменты уже

¹⁾ «Параллель между вторженіемъ пруссаковъ въ Богемію въ 1757 и 1866 гг. Причины неуспѣховъ австрійцевъ въ 1866 г.». С.-Петербургъ. 1892.

послѣ объединенія Германіи, когда въ свою очередь интересы Россіи были самымъ существеннымъ образомъ нарушены. И за симъ только мы будемъ въ состояніи представить картину особенностей германской арміи, могущихъ имѣть значеніе въ будущей войнѣ.

I.

Безсиліе Германіи и борьба за ея объединеніе.

Германскій союзъ, созданный Вѣнскимъ конгрессомъ, не представлялъ уже политическаго тѣла, какое, несмотря на свое фѣдеративное устройство, представляла прежняя имперія, разрушенная Наполеономъ. Столь могущественная нѣкогда имперія превратилась въ конгломератъ совершенно независимыхъ политическихъ единицъ, крупныхъ и мелкихъ, подъ главенствомъ Австріи. Въ него входили 39 владѣній, въ томъ числѣ и тѣ германскія земли, которыя принадлежали государямъ иностраннымъ, вслѣдствіе чего членами германскаго союза являлись короли датскій, нидерландскій и даже англійскій.

Такимъ образомъ, сколько-нибудь цѣльнымъ политическимъ организмомъ германскій союзъ не былъ, не представлялъ и единства германскаго народа даже настолько, какъ прежняя, могущественная нѣкогда, хотя и дѣлившаяся на сотни свѣтскихъ и духовныхъ владѣній, имперія. Единственнымъ принципомъ, которымъ соединялись государства союза, былъ принципъ реакціи ¹⁾.

Уже и прежняя Германская имперія, вслѣдствіе войнъ тридцатилѣтней, а особенно семилѣтней, утратила свое могущество. Но германскій союзъ, въ которомъ всякая внѣшняя инициатива парализовалась соперничествомъ Пруссіи съ Австріею, былъ еще болѣе безсиленъ, въ смыслѣ европейской державы, а отъ прежней имперіи унаслѣдовалъ только всѣ невыгоды дробленія націи на многочисленныя государственныя единицы. Каждое владѣніе имѣло свое войско, проявлявшее при такомъ порядкѣ вещей значеніе прежде всего полицейское; каждое имѣло свою монету и свои таможи, такъ что въ нѣкоторыхъ пунктахъ теченія Рейна дозволенъ былъ перевозъ товаровъ только съ праваго берега на лѣвый, въ другихъ— наоборотъ; въ третьихъ позволялось перевозить только пассажировъ. При отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, таможенныя

¹⁾ Dr. Otto Henner Rhyhn „Die Einigung Deutschlands“.

заставы и паспортныя стѣсненія на водяныхъ и сухопутныхъ сообщеніяхъ представлялись крайне тяжкими для экономическаго развитія. То же самое слѣдуетъ сказать о бумажныхъ деньгахъ, которыя въ каждомъ владѣніи были другія, основанныя на такой или иной системѣ обезпеченія.

Такое положеніе было крайне тягостнымъ для германской націи какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Въ первомъ оно представляло полное безсиліе, во второмъ — эксплуатацію народа въ пользу множества правительствъ.

Пруссія счумѣла извлечь для себя пользу изъ такого положенія, съ весьма вѣрнымъ расчетомъ начавъ свои виды объединенія съ отношеній экономическихъ, наиболѣе осязательныхъ для народной массы. Первымъ и весьма важнымъ шагомъ къ объединенію Германіи подъ прусскимъ владычествомъ было осуществленіе германскаго, таможеннаго союза ("Zollverein". Австрія осталась внѣ этого союза, и уже это обстоятельство предсказывало будущность. Нація не могла не дѣлать сравненій между Пруссіею, ведущею къ улучшеніямъ, и Австріею, упирающеюся въ застоѣ.

По отношенію къ составу войскъ, положеніе Пруссіи также было болѣе благопріятно. Съ небольшою примѣсью поляковъ и литовцевъ, вездѣ, во всѣхъ гарнизонахъ, преобладалъ элементъ германскій, нѣмецкій языкъ; въ австрійской арміи наоборотъ: хотя венгерскіе полки посылались въ Тироль, итальянскіе въ Чехію, галицко-польскіе въ Вѣну, Триестъ и т. д., но въ общемъ все-таки представлялось настоящее „смѣшеніе языковъ“.

Въ помощь видамъ Пруссіи на преобразование и объединеніе союза подъ ея господствомъ, явился и тотъ экономическій переворотъ съ начала сороковыхъ годовъ, который положительно не благопріятствовалъ партикуляристскому дробленію власти политической и разнообразію финансовыхъ условій, потому что онъ совершался въ смыслѣ противоположномъ дробленію промышленности и торговли. Промышленность ремесленная переходила въ фабричную, мелкая мѣстная торговля — подъ власть капиталистовъ, оперирующихъ на большомъ пространствѣ.

Примѣненіе царовой силы къ сообщеніямъ водянымъ и сухопутнымъ дало быстрое и огромное развитіе торговымъ оборотамъ и международнымъ сношеніямъ. Въ виду этого, существованіе мелкихъ владѣній, съ различными пошлинами,

разной монетой, множеством своеобразныхъ ограниченій и запрещеній, становилось аномаліей. вмѣстѣ съ тѣмъ, введеніе силы пара въ промышленность вызвало изобрѣтеніе безчисленныхъ механизмовъ, которые дали фабрикамъ огромное преимущество надъ ручной ремесленной работой. Желѣзныя дороги, срочное пароходство, возникновеніе огромныхъ фабрикъ, дающихъ работу значительному числу мѣстнаго населенія и даже рабочимъ, приходящимъ изъ другихъ странъ, совершенно измѣнили характеръ торговли и промышленности и произвели то, что самыя реальныя и очевидныя потребности указывали на невозможность удерживать долѣе систему безпрестанно встрѣчавшихся заставъ и разнообразныхъ стѣсненій. Общественная жизнь уже не могла по-прежнему замыкаться въ тѣсныхъ границахъ крайняго политическаго дробленія, существовавшаго къ тому же именно въ Германіи, то-есть въ самомъ центрѣ Европы, и кромѣ того въ странѣ, гдѣ уже въ то время народное образованіе стояло выше, чѣмъ гдѣ-либо.

Первая французская революція и нашествія Наполеона вызвали въ правившихъ классахъ европейскаго континента крайнюю реакцію, подозрительность ко всякимъ общественнымъ союзамъ и даже къ школѣ, упорство въ охраненіи стараго строя, несклонность къ уступкамъ духу времени. Между тѣмъ толчекъ умамъ уже былъ данъ, потребности жизни измѣнились, образованіе распространилось въ классахъ среднихъ, проникло и въ народныя массы. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ наверху короче стягивали бразды, доводя реакцію почти до фанатизма, внизу стали проявляться увлеченіе и фанатизмъ въ смыслѣ необходимости и возможности внезапнаго и полного переворота въ политическомъ устройствѣ.

Первая половина столѣтія протекла въ скрытой, а затѣмъ и явной борьбѣ между фанатизмами реакціоннымъ и революціоннымъ. Революціонное стремленіе въ Германіи и Австріи, наконецъ, заглохло у того вулкана, который продолжалъ дымиться во Франціи. Новый взрывъ его въ 1848 году и провозглашеніе во Франціи республики были сигналомъ для движенія въ Германіи, которое повело къ возстаніямъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Баденѣ и Шлезвигъ-Гольштейнѣ. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV далъ своему народу конституцію и хотѣлъ поддержать національное возстаніе въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, но былъ удержанъ отъ этго некоторыми кабинетами.

Национально-объединительныя стремленія въ Германіи, ре-

ально проявившіяся въ лицѣ National-Verein'a, а затѣмъ собранія представителей разныхъ населеній союза, во Франкфуртѣ на Майнѣ, объявившаго себя парламентомъ, возлагали надежды на прусскаго короля, которому упомянутый „парламентъ“ и предложилъ имперскую корону. Въ нашу задачу не входитъ сколько-нибудь систематическій очеркъ событій той эпохи, тѣмъ болѣе, что они общеизвѣстны, но мы лишь мимоходомъ упоминаемъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя послужили главными этапами къ объединенію Германіи подъ прусскимъ господствомъ.

Германскіе патріоты должны были возлагать надежды на Пруссію уже потому, что безусловно не могли возлагать ихъ на Австрію, которой правительственныя сферы были главнымъ очагомъ европейской реакціи. Можно сказать, что Меттернихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ подготовилъ путь для Бисмарка.

Тогдашнюю Австрію ненавидѣли не только за ея предѣлами, но и сами ея разноплеменные подданные. Полный застой, финансовая неурядица, доведшая до банкротства, „Riombi“ въ Венеціи и крѣпость Шпильбергъ для итальянскихъ патріотовъ и внушенная агентами правительства галиційскимъ крестьянамъ рѣзня помѣщиковъ, которые даже и не были виновны въ возстаніи — таковы были средства внутренней системы, основанной прямо на одномъ мертвомъ застоѣ и слѣпомъ отрицаніи какихъ-либо новыхъ потребностей, системы, положительно несостоятельной какъ въ финансовомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ.

Нелишне будетъ сослаться здѣсь на современный отзывъ о тогдашнемъ внутреннемъ положеніи Австріи. „Дряхлость людей, держащихъ въ рукахъ бразды правленія, обнаруживается, быть можетъ, въ преувеличенномъ свѣтѣ, дряхлость вещей... Должно согласиться, что кризисъ, въ которомъ находится Австрійская монархія—одинъ изъ самыхъ серьезныхъ. Нельзя ручаться за будущность этой монархіи, если ея союзники не придутъ къ ней на помощь и поддержкою нравственной, а въ случаѣ нужды и матеріальной, не доставятъ ей правительству необходимую силу и энергію. Князь Меттернихъ не разъ жаловался, что союзники покинули Австрію. Ждутъ слова русскаго Императора, какъ якоря спасенія: якорь спасенія заключался въ деньгахъ, которыхъ австрійское правительство просило у русскаго ¹⁾“.

Помощь была оказана, и не только деньгами. Когда, среди возстаній венгровъ противъ правительства, кроатовъ противъ

¹⁾ С. М. Соловьевъ. „Россія, Австрія и Англія во время движенія 1848—49 гг.“

венгровъ, Вѣны противъ Меттерниха—тронъ Габсбурговъ совершенно поколебался и, быть можетъ, палъ бы навсегда—явилась могущественная военная поддержка Австріи со стороны Россіи. Эта интервенція Императора Николая всѣми признается нынѣ за одну изъ крупныхъ политическихъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ виду не реального русскаго интереса, но отвлеченнаго принципа—консерватизма.

Въ Германіи вмѣшательство это было въ высшей степени непопулярно, тѣмъ болѣе, что оно, поддержавъ Австрію, привело къ крайнему униженію Пруссію.

Съ другой стороны, въ самой Пруссіи поддерживалось мнѣніе о постоянномъ тяготѣнн русскаго вліянія надъ дѣйствіями прусскаго правительства. Такое вліяніе несомнѣнно проявилось въ тѣ моменты, когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV намѣревался поддержать шлезвигъ-гольштейнское возстаніе и когда ему была предложена корона германскаго императора. Но общественное мнѣніе въ Германіи заходило далѣе, и каждое реакціонерное дѣйствіе берлинскаго правительства объяснялось вліяніемъ Россіи. Такъ было понято и самовольное измѣненіе прусскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ пунктовъ имъ же самимъ октропированной конституціи.

Естественно, что насколько прусское правительство колебалось стать во главѣ національнаго движенія, а затѣмъ уже прямо отъ него отставало, ослабѣвали и симпатіи къ Пруссіи германскихъ патриотовъ. Однажды во время дѣятельности франкфуртскаго парламента толпа выбила окна въ домѣ прусскаго уполномоченнаго въ союзномъ сеймѣ, графа Денгоффа. „При такомъ ходѣ дѣлъ—сказалъ онъ извинявшимся представителямъ города—Пруссія возьметъ все, что будетъ въ состояніи взять“¹⁾ И она въ послѣдствіи, дѣйствительно, взяла себѣ болѣе, чѣмъ предвидѣлъ ея посланникъ.

Но въ то время у короля недоставало рѣшительности. Онъ постоянно колебался между видами честолюбія и кокетничаньемъ съ „германскою идеей“—съ одной стороны, собственными реакціонерными убѣжденіями и давленіемъ кабинетовъ петербургскаго и вѣнскаго, съ другой. Когда въ 1848 году къ нему явилась депутація отъ франкфуртскаго парламента съ предложеніемъ императорской короны, то австрійскій посланникъ сказалъ Фридриху-Вильгельму IV: „я никогда не повѣрю, чтобы ваше

¹⁾ „Das neue Preussen und seine Zukunft“. 1891.

величество возложили на свою голову корону, вынутую изъ революціонной грязи, свинскую корону¹⁾. Король находился подъ впечатлѣніемъ этого представленія барона Прокеша, когда писалъ Бунзену: „корона, которую вы, къ несчастью, такъ интересуетесь, опозорена“.

II.

Противодѣйствіе Императора Николая народнымъ движеніямъ.

Вполнѣ согласно съ австрійскимъ правительствомъ относился къ „германскимъ“ начинаніямъ Фридриха Вильгельма IV Императоръ Николай I, который имѣлъ на короля большое вліяніе. На этомъ вліяніи необходимо остановиться для того, чтобы выяснить тѣ чувства недовѣрія и нерасположенія къ Россіи, какія общество въ Пруссіи, а за ней и въ Германіи, вообще усвоило себѣ именно въ то время, чувства, которыя не исчезли и впоследствии, несмотря на долговременныя дружественныя отношенія между правительствами русскимъ и прусскимъ.

Императоръ Николай, какъ извѣстно, считалъ себя призваннымъ къ охраненію во всей Европѣ тѣхъ началъ, которыя легли въ основаніе священнаго союза. Въ 1830 году, онъ намѣревался двинуть свои войска во Францію для усмиренія революціи и изгнанія похитителя власти у законнаго короля²⁾. Въ силу того же принципа, онъ подавилъ и возстаніе венгровъ противъ императора австрійскаго. Строгая опредѣленность взглядовъ Императора Николая, твердость его характера и всеобщее сознаніе, что онъ способенъ былъ не только рѣшительно выражать свою волю, но и приступать тотчасъ къ дѣйствіямъ, давали голосу Государя могущественной страны весьма большое значеніе во всей Европѣ.

Къ полной ясности возрѣнія и къ силѣ характера слѣдуетъ прибавить то личное обаяніе Императора, о которомъ свидѣлствуютъ современники. Даже Гизо, недоброжелательно относившійся къ нему, увидавъ его въ Лондонѣ, долженъ былъ признать именно его личное обаяніе, величіе и любезность, какими онъ умѣлъ плѣнить королеву Викторію, ея ми-

¹⁾ „La Prusse et son roi“.

²⁾ С. С. Татищевъ. „Николай I и іюльская монархія“.

нистровъ, лордовъ, дамъ и все смотрѣвшее на него населеніе ¹⁾. Королева Викторія, въ письмахъ къ королю бельгійскому Леопольду, нѣсколько разъ возвращалась къ описанію наружности русскаго Императора и впечатлѣнію ²⁾, которое онъ на нее произвелъ. „Суровость его взгляда — пишетъ она, между прочимъ — исчезаетъ въ значительной степени, по мѣрѣ того, какъ знакомишься съ нимъ, и измѣняется сообразно тому, владѣетъ ли онъ собою или нѣтъ... Видъ его, безъ сомнѣнія, поражаетъ; онъ все еще очень хорошъ собою, профіль его прекрасенъ, а манеры полны достоинства и граціи. Онъ очень вѣжливъ, его внимательность и любезность даже внушаютъ опасеніе. Но выраженіе очей его строго и не походитъ ни на что, прежде видѣнное мною. Онъ производитъ на Альберта и на меня впечатлѣніе человѣка несчастливаго, котораго давить и мучить тяжесть его безмѣрнаго могущества и положеніе... Въ немъ есть мнѣгое, съ чѣмъ я не могу помириться, и я думаю, что надо разсматривать и понимать его характеръ такимъ, каковъ онъ есть. Онъ суровъ и строгъ, вѣренъ точнымъ началамъ долга, измѣнить которымъ не заставитъ его ничто на свѣтѣ“.

„Я не считаю его очень умнымъ, умъ его не обработанъ. Его воспитаніе было небрежно. Политика и военное дѣло — единственные предметы, внушающіе ему большой интересъ; онъ не обращаетъ вниманія на искусства и на все болѣе нѣжныя занятія, но онъ искрененъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь, искрененъ даже въ наиболѣе деспотическихъ своихъ поступкахъ, будучи убѣжденъ, что таковъ единственно возможный способъ управлять. Я увѣрена, что онъ не подозреваетъ ужасныхъ случаевъ личнаго несчастія, столь часто имъ причиняемыхъ, ибо я усмотрѣла, изъ различныхъ примѣровъ, что его содержать въ невѣдѣніи о многихъ дѣлахъ, совершаемыхъ его подданными въ высшей степени продажными путями, тогда какъ онъ считаетъ себя чрезвычайно справедливымъ. Онъ помышляетъ объ общихъ мѣрахъ и не входитъ въ подробности; и я увѣрена, что многое не достигаетъ до его слуха, да и не можетъ достигнуть, если пристально взглядѣться въ дѣло“.

„Вѣсть о быстромъ и плачевномъ концѣ іюльской монархіи произвела потрясающее впечатлѣніе на Императора Николая, —

¹⁾ Guizot. „Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps“. VI p., 208—209.

²⁾ С. С. Татищевъ. „Императоръ Николай въ Лондонѣ“.

говорить С. С. Татищевъ ¹⁾ со словъ непосредственнаго свидѣтеля.—Если вѣрить показанію современника и очевидца, то всеобщая война представилась Государю, какъ неизбежное ея послѣдствіе. „Сбѣдайте валихъ коней, господа: во Франціи республика“,—таковы были слова, съ которыми Его Величество обратился къ офицерамъ на праздникъ въ Зимнемъ дворцѣ, держа въ рукахъ депешу о парижскихъ событіяхъ. Младшимъ сыновьямъ своимъ, великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, онъ замѣтилъ, что, быть можетъ, имъ придется будущимъ лѣтомъ продолжать свое образованіе на поляхъ сраженій“.

Положеніе Европы между 1830 и 1848 годами было такое: Австрія, германскіе и итальянскіе владѣтели думали только о реакціи противъ революціонныхъ началъ, Англія была ненавидима во Франціи и вновь оправдала эту ненависть, составивъ „четверной союзъ“ противъ Франціи изъ-за египетскихъ дѣлъ, союзъ, въ которомъ любопытно было то, что Россія защищала Турцію, какъ нѣсколько лѣтъ спустя Россія же спасла Австрію. Франція оставалась совершенно изолированной и держала себя несмѣло, въ виду постоянно готовой составиться противъ нея коалиціи.

Между тѣмъ, Россія пріобрѣла преобладающее значеніе еще при Александрѣ I, который признавался освободителемъ Европы отъ Наполеона и сталъ во главѣ священнаго союза.

Было вполне естественно, что при упомянутомъ положеніи дѣлъ и при своемъ энергическомъ характерѣ, Императоръ Николай пріобрѣлъ въ Европѣ авторитетъ еще большій. Ошибка его заключалась лишь въ томъ, что высокій этотъ авторитетъ, который всѣми признавался, онъ приписывалъ только могуществу своего государства и своей твердости, упуская изъ виду то политическое положеніе Европы, которое не мало способствовало силѣ его вліянія. И дѣйствительно, какъ только, увлекшись сознаниемъ своего огромнаго значенія въ Европѣ, онъ коснулся такого вопроса, въ которомъ все положеніе измѣнялось и онъ уже не могъ стоять во главѣ коалиціи, то произошло нѣчто совсѣмъ для него неожиданное: по восточному вопросу составила коалиція—противъ него.

Но до того момента, воля Императора Николая имѣла въ самомъ дѣлѣ огромное, часто даже рѣшающее, значеніе въ

¹⁾ „Николай I и юлская монархія“.

международныхъ дѣлахъ. Зная это, онъ не считалъ даже нужнымъ особенно щадить самолюбій. Только къ монархамъ Австріи и Англіи онъ относился какъ къ равнымъ; „королю французовъ“ онъ неоднократно давалъ чувствовать незаконность его власти; къ владѣтелямъ второстепеннымъ и мелкимъ въ Италіи и Германіи онъ относился благосклонно, постольку, поскольку они держались началъ священнаго союза и тѣмъ самымъ были непопулярны. Къ королю же прусскому, близкому своему собственнику, Николай I относился снисходительно, но держалъ себя съ нимъ, какъ старшій братъ, не стѣсняющійся давать частые совѣты и дѣлать замѣчанія даже по домашнимъ дѣламъ брата.

Онъ не особенно церемонился и съ Людовикомъ - Филиппомъ. Когда въ Парижѣ хотѣли поставить пьесу „L'impératrice Catherine“, оскорбительную для памяти монархини, то русскій посланникъ въ Парижѣ графъ Паленъ, по личному повелѣнію Императора, полученному во время обѣда у короля, настоятельно попросилъ Людовика - Филиппа встать изъ-за стола и дать ему немедленную аудіенцію, на которой сообщилъ ему требованіе Императора, чтобы пьеса была запрещена и всѣ экземпляры ея конфискованы, прибавивъ, что Императоръ беретъ на себя всѣ послѣдствія этого требованія. На вопросъ короля, означаетъ ли это угрозу войной, посланникъ допустилъ возможность этого и только по настояніямъ Людовика - Филиппа, что онъ — король конституціонный и не можетъ ничего обѣщать, безъ совѣщанія съ министрами, посланникъ далъ королю 24-часовой срокъ, предваривъ, что по истеченіи срока тотчасъ выѣдетъ, если требованіе не будетъ исполнено. И оно было исполнено. Былъ и еще подобный же случай, когда въ Парижѣ ставилась пьеса „L'empereur Paul“: Императоръ самъ написалъ Людовику - Филиппу, что если эта пьеса пойдетъ на сценѣ, то онъ пришлетъ въ Парижъ миліонъ зрителей для надлежащей ея оцѣнки. Понятно, что такіе случаи оставляли раздраженіе.

Что касалось короля прусскаго, то Императоръ не пропускалъ ни одного случая, чтобы не указать ему на все, въ чемъ самъ видѣлъ неудобство или промахи. Когда Императоръ прибылъ въ Берлинъ въ 1852 году, то въ тамошнихъ придворныхъ кругахъ радовались, что парламентская сессія была уже заключена. Много характеристическихъ указаній на такое виѣшательство и на то, какъ къ нему относились въ Берлинѣ, нахо-

дится въ извѣстныхъ „Запискахъ“ Фарнгагена - фонъ - Энзе. Извлеченія изъ нихъ, касающіяся отношеній къ Россіи, были переведены въ „Русской Старинѣ“, откуда мы позволимъ себѣ заимствовать нѣсколько мѣстъ, бросающихъ яркій свѣтъ на тогдашнія отношенія.

„Во время народныхъ демонстрацій въ Кёльнѣ, въ 1846 г., войска и полиція были вынуждены отступить. Такъ какъ кёльнскія событія сильно возмутили принца прусскаго ¹⁾, то и русскій Императоръ счелъ себя въ правѣ возвысить свой голосъ. По поводу этихъ событій, онъ надѣлалъ нашему правительству столько упрековъ, будто они произошли въ его собственномъ государствѣ“. Въ другомъ мѣстѣ упоминается, что Императоръ не согласился въ 1851 г. на предположеніе объ основаніи университета въ Познани, которое и было оставлено.

Въ 1847 г. Фарнгагенъ писалъ: „Разсказывали, что русскій Императоръ будто бы сказалъ, что если вслѣдствіе созванія прусскихъ представителей сословіи возникнутъ безпокойства, то его вмѣшательство въ дѣло сдѣлается необходимымъ, ибо пожаръ въ сосѣднемъ домѣ угрожаетъ его собственному дому“. Къ 1848 г. относится слѣдующее замѣчаніе: „Послѣдняя надежда нашихъ реакціонеровъ — на Россію“. И надежда эта, вѣроятно, оправдалась бы, еслибы того пожелало прусское правительство. Въ самомъ дѣлѣ, когда прусскій генераль Донъ, сопровождая Императора на маневрахъ, хвалилъ молодцоватость войскъ, то Императоръ сказалъ ему: „Нравятся вамъ мои войска—такъ они вполнѣ къ вашимъ услугамъ: возьмите ихъ и ведите на мятежный Берлинъ“. На это Донъ могъ только отвѣтить, что прусскій генераль идетъ на войну лишь по повелѣнію своего государя.

Какъ видимъ изъ дальнѣйшихъ отмѣтокъ Фарнгагена, движеніе русскихъ войскъ къ западной границѣ вызывало въ берлинскомъ обществѣ опасеніе войны Россіи съ Пруссіей. „Положеніе Россіи относительно насъ становится все болѣе угрожающимъ, а положеніе Германіи сомнительнымъ... Наконецъ, начинаютъ опасаться намѣреній русскихъ. Крѣпости Познань и Торнъ приводятся на военное положеніе... Россія прибѣгаетъ къ угрозамъ за нашу датскую политику; угрозы адресуются не непосредственно къ нашему кабинету, а произносятся въ

¹⁾ Вслѣдствіи императоръ Вильгельмъ I.

Копенгагенъ и Лондонъ. Война, повидимому, неизбежна... Но можетъ все измѣниться“...

Въ 1849 году Фарнгагенъ писалъ: „Важныя сообщенія о соглашеніяхъ прусскаго двора съ русскимъ. Еще лѣтомъ было готово русское реакціонное войско для помощи Австріи и Пруссіи. Еслибы въ Берлинѣ не было войска и Врангеля, мы бы непременно узрѣли здѣсь русскихъ; точно то же случилось бы и съ Вѣною... Русскія войска прослѣдовали по желѣзной дорогѣ прусскими владѣніями (Силезіей). Сначала министры отрицали этотъ фактъ... Генераль Раухъ въ Варшавѣ долженъ былъ рассказывать Императору всѣ подробности революціи (въ Берлинѣ), начиная съ мартовскихъ дней. Императоръ необыкновенно ухаживаетъ за генераломъ, но о королѣ судить строго и жестко и даже его настоящее положеніе находитъ фальшивымъ... Недавно русскій Императоръ передъ генераломъ Линдгеймомъ выражался о королѣ въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ: „Я, вы и Раухъ,—сказалъ онъ,—единственные (друзья Пруссіи), всѣ другіе—сумасброды и эгоисты“...

„Генераль-адъютантъ Нейманъ привезъ изъ Варшавы королю не совсѣмъ пріятныя наставленія. Русскій Императоръ, говорилъ: „Тѣмъ не уничтожаешь революціи, если ее подавляешь только у другихъ, а у себя дома, посредствомъ конституціонныхъ фарсовъ, готовишь ей свѣжую почву“. Ему не нравятся обнаруживающіяся стремленія къ объединенію Германіи... Писалъ объ отношеніяхъ Пруссіи къ Россіи. Императоръ Николай чувствуетъ состраданіе къ Пруссіи и падить государство, надѣясь, что въ немъ опять воцарится абсолютизмъ; но объ особѣ короля выражается всегда (крайне неодобрительно)“...

Изъ всего этого видно, что отношенія были въ самомъ дѣлѣ неблагоприятныя. Но прусское правительство старалось выставить ихъ въ своей странѣ еще въ гораздо худшемъ свѣтѣ. Фарнгагенъ говоритъ: „Съ намѣреніемъ напугать насъ, правительство (прусское) распространяетъ слухи о русскихъ угрозахъ (Пруссіи)... Угрозы Россіи относительно войны (Пруссіи) съ Даніей принимаютъ все болѣе и болѣе строгій и повелительный тонъ. Лучшіе изъ нашихъ высшихъ военныхъ чиновъ начинаютъ обижаться и говорить, что честь Пруссіи требуетъ дать энергическій отпоръ. Но реакція, гвардейскіе офицеры и всѣ придворные... настроены совершенно на русскій ладъ; только въ союзѣ съ Россіей видятъ возможность сохранить честь

Пруссіи; полагають, что нужно уступить и, ни въ какомъ случаѣ, не доводить дѣла до разрыва съ Россіей“.

Къ 1850 г. относятся слѣдующія замѣтки: „Русскій Императоръ вторично выразился гнѣвно объ Арадскихъ экзекуціяхъ, совершаемыхъ австрійцами въ Венгріи. Наслѣдному прусскому принцу также пришлось выслушать нѣсколько жесткихъ словъ; порицали въ сильныхъ выраженіяхъ поведеніе короля и министровъ за изданные законы о печати. Императоръ, между прочимъ, сказалъ про короля, что онъ надавалъ слишкомъ много обѣщаній, но, разъ обѣщавъ, необходимо было держать слово“...

„Императоръ повелительно требуетъ, чтобы наблюдательный корпусъ былъ удаленъ съ границъ Гольштиніи; въ противномъ случаѣ угрожаетъ занять восточную Пруссію. Прусскій принцъ Карлъ долженъ былъ ожидать въ Силезіи разрѣшенія прибыть въ Варшаву. Австрійскій императоръ ожидалъ на границѣ встрѣчи русскаго Императора; но прождавъ тщетно цѣлый часъ, продолжалъ свой путь въ Варшаву. Говорятъ о позорѣ, нанесенномъ (Россіей) королю тѣмъ, что (Россія) не признаетъ власти перваго министра Радовица и поручила своему повѣренному въ дѣлахъ передавать депеши непосредственно въ руки самого короля. Конечно, все это мелочи, но досаждемся и большаго. Войско съ Гольштинской провинціи прибыло, и тѣмъ отступленіе, по приказанію Императора (русскаго), начато. Въ Варшавѣ первый министръ, графъ Бранденбургъ, пытался объяснить Императору прусскій образъ мыслей относительно неправильности дѣйствій курфюрста Гессенскаго и его министра Гассенфлюга, но только возбудилъ сильный гнѣвъ“

Въ мартѣ 1851 г. записано: „король искренне ненавидитъ французовъ, но не менѣе того и русскихъ. Первое объясняется легче, чѣмъ послѣднее. Говорятъ, что причины совершенно личныя. Должно удивляться, съ какимъ равнодушіемъ смотрятъ здѣсь на варшавское свиданіе. Никто не заботится о немъ, никто не постарается проникнуть тайны. Будто всѣ впередъ уже знаютъ, что дѣло не обойдется безъ новыхъ униженій (для Пруссіи)“.

Зато 30 лѣтъ спустя (въ 1880 г.), когда прусской политикѣ потребовалось возбуждать общественное мнѣніе противъ Россіи, издана была книжка, воспроизводившая такіе документы, которые могли быть сообщены только изъ архива

иностранных дѣлъ. Въ этомъ сочиненіи ¹⁾ авторъ опредѣлилъ свою задачу такъ: „доказать, что прежняя дружба между Пруссіею и Россіею была обусловлена безсиліемъ раздробленной Германіи и антагонизмомъ Австріи съ Пруссіею; что продолженіе этой дружбы до самаго послѣдняго времени зависѣло ужь только отъ случайнаго совпаденія интересовъ; наконецъ, что дружба эта непременно должна была рушиться, какъ только выступили на сцену истинные и постоянные интересы обоихъ государствъ“.

И вотъ, этотъ же авторъ, говоря о только-что упомянутомъ сѣздѣ въ Варшавѣ, старается убѣдить своихъ читателей въ довольно невѣроятномъ фактѣ, будто прусскій уполномоченный, графъ Бранденбургъ, умеръ черезъ шесть дней по возвращеніи изъ Варшавы не отъ чего инаго, какъ отъ испытанныхъ имъ тамъ огорченій. А черезъ нѣсколько дней былъ уволенъ (неудобный Россіи) генераль Радовицъ. „Германская миссія Германіи—говоритъ авторъ—казалась похороненной навсегда, подчиненіе Пруссіи австрійскому преобладанію представлялось упроченнымъ. Въ инстанціи, на рѣшенія которой апеллировать было некуда, рѣшено было, что имперія, одна треть населенія которой—мадьяро-славянская, другая же треть итальянская, естественно должна быть главою германскаго народа и что *вовсе нѣтъ ни тѣсныхъ связей, ни какого-либо общаго интереса между Пруссіею и остальной Германіею* ²⁾. И это было признано во имя истинныхъ традицій монархіи преимущественно военной, со ссылкой на *воинственный духъ государей этой страны и ея славное прошлое*, было признано вѣнценоснымъ полюбившимъ судьбою, который руководился при этомъ желаніемъ охранить насъ отъ паденія на *степень государствъ пространныхъ, но слабыхъ, и отъ превращенія Пруссіи въ государство ничтожное, безъ сильное и лишенное будущности (sans durée)*!“.

Еще одна отмѣтка Фарнгагена: „Большая роскошь и пышность въ русскомъ посольствѣ по случаю пріѣзда князя Варшавскаго, явившагося съ благодарностью за пожалованный ему титулъ прусскаго фельдмаршала; весь берлинскій генералитетъ и все офицерство спѣшать къ нему съ поздравленіемъ;

¹⁾ «Berlin und Petersburg. Preussische Beiträge zur Geschichte der Russisch-Deutschen Beziehungen».

²⁾ Набранныя курсивомъ слова приведены въ оригиналъ по-французски также курсивомъ.

видѣлъ не одну ихъ сотню: на всѣхъ лицахъ замѣтно чувство (неудовольствія)“.

По поводу всего приведеннаго, можно сдѣлать одно замѣчаніе: если тогдашняя Пруссія сознавала себя слабою, то напрасно было ей удивляться повелительному отношенію могущественнаго сосѣда. Если же она сознавала свою силу, но не рѣшалась заявить свою самостоятельность, то, очевидно, и не заслуживала инаго отношенія къ себѣ.

Отношеніе же въ то время всей вообще западной Европы къ Россіи слѣдующимъ образомъ характеризовалъ Погодинъ¹⁾:

„Одни ненавидятъ Россію, потому что не имѣютъ о ней ни малѣйшаго понятія, руководствуясь сочиненіемъ какого-нибудь Кюстина и двухъ, трехъ нашихъ выходцевъ, которые знаютъ свое отечество еще хуже его. Церковь наша, во имя которой мы обнажили теперь мечъ, называется ересью; всѣ учрежденія считаются дикими, личность—беззащитною, литература—безгласною и вся исторія—вчерашнюю. На мѣстѣ закона они видятъ вездѣ произволъ. Наше молчаніе, глубокое, могильное, утверждаетъ ихъ въ нелѣпныхъ мнѣніяхъ. Они не могутъ понять, чтобъ можно было такія капитальныя обвиненія оставлять безъ возраженія, и потому считаютъ ихъ положительными и истинными. Чему можетъ она сочувствовать? Вотъ вредъ, происшедшій отъ нашего пренебреженія общимъ мнѣніемъ. Мы имѣли бы многихъ на своей сторонѣ, если бы старались не только быть, но и казаться правыми.

„Другіе ненавидятъ Россію, считая ее главнымъ препятствіемъ общему прогрессу, бывъ увѣрены, что безъ Россіи конституціонныя попытки въ Германіи и повсюду удались бы гораздо полнѣе; они думаютъ, что и впредь на этомъ пути прежде всего встрѣтятся имъ Россія. Слѣдовательно, всякое увеличеніе русской силы, которая считается темною, опасно и вредно для свободы, для развитія, для просвѣщенія, и потому непременно, во что бы ни стало, должно быть останавливаемо и уничтожаемо. Это взглядъ такъ-называемой лѣвой стороны, которую слѣдуетъ вразумлять, что намъ до нея дѣла нѣтъ, хоть на головахъ ходи, лишь только насъ не тронь, пока сама не проситъ нашего участія.

„Къ третьей категоріи принадлежатъ различные выходцы, изгнанники, политическіе бобыли и пролетаріи, которымъ те-

¹⁾ „О политикѣ Россіи 1853—1855 гг.“.

рять нечего, радикалы, которые имѣютъ цѣлью только въ мутной водѣ рыбу ловить.

„Кто же наши союзники въ Европѣ?

„Союзники наши въ Европѣ и единственные, и надежные, и могущественные—славяне, родные намъ по крови, по языку, по сердцу, по исторіи, по вѣрѣ, а ихъ десять милліоновъ въ Турціи и двадцать милліоновъ въ Австріи. Это количество, значительное само по себѣ, еще значительнѣе по своему качеству, въ сравненіи съ извѣженными сынами Западной Европы“.

Характеръ, какой имѣли международныя отношенія въ теченіе тридцатилѣтняго періода 1825—1855 годовъ, не остался безъ послѣдствій и для ближайшихъ къ намъ уже минувшихъ лѣтъ, для настоящаго и, быть можетъ, не останется безъ нѣкотораго вліянія и на ближайшее будущее. Почитая въ особѣ Императора Николая I вѣрность началамъ священнаго союза, европейскія правительства постоянно старались внушать своимъ народамъ терпѣливость, спокойствіе, послушаніе.

Но между тѣмъ, европейскія общества, при новыхъ, неоспоримыхъ потребностяхъ экономическихъ и нравственныхъ и въ виду державшагося застоя, не поддавались внушаемой дисциплинѣ, а наоборотъ волновались, раздѣляясь на меньшинство, солидарное съ реакціею, и на большинство, которое готово было привѣтствовать въ каждой странѣ революцію, какъ привѣтствовали венгерскую революцію въ самомъ Берлинѣ, гдѣ ходили по рукамъ портреты Кошута, Дембинскаго, Бема и проч. При такомъ настроеніи, Императору Николаю приписывали даже гораздо больше того, что онъ дѣйствительно дѣлалъ для отстраненія политическихъ новшествъ. Даже въ высшихъ сферахъ въ Пруссіи пробивалось рѣшительное недружелюбіе къ Россіи.

О либералахъ нечего и говорить. Но даже и „старопрусскіе“ консерваторы видѣли поставленную со стороны Россіи преграду для расширенія прусскаго могущества. Фарнгагенъ упоминаетъ о враждебныхъ Россіи листахъ, которые въ 1848 г. наклеивались на улицахъ Берлина.

Понятно, что при такомъ настроеніи какъ въ Пруссіи, такъ и на всемъ Западѣ стали охотно вѣрить любой небывлицѣ, неблагопріятной для Россіи. Даже въ правительственныхъ сферахъ подчиненность и униженіе не оставались безъ слѣдовъ. Ихъ переносили, по невозможности освободиться отъ нихъ, во въ серд-

цахъ тлѣло недоброе чувство. Фарнгагенъ пишетъ между прочимъ: „Недавно король сказалъ: „я покажу Россіи, что можетъ сдѣлать прусскій король“. Авторъ „записокъ“ замѣчаетъ при этомъ случаѣ: „это—пустыя угрозы; въ дѣйствительности, онъ совершенно подчиняется Россіи. И въ самомъ дѣлѣ, король прусскій отрекся отъ своихъ „германскихъ“ начинаній, унивился передъ Австрією, подъ вліяніемъ русской политики, но глубоко чувствовалъ свое униженіе. Онъ отозвалъ свои войска изъ Ютландіи и отказался отъ военной реформы въ Германіи, но, лишенный силы характера, тѣмъ не менѣе глубоко чувствовалъ свое униженіе“.

При аудіенціи, данной ольденбургскому полковнику Мозле (6 февраля 1851 г.)¹⁾, король говорилъ съ нимъ откровенно, и слова его переданы въ запискахъ этого офицера. „Страшныя опасности для Германіи — говорилъ король — представляются въ нынѣшнемъ вѣкѣ — анархією и разложеніемъ всего божественнаго и человѣческаго порядка, идущими изъ Франціи; въ будущемъ вѣкѣ — преобладаніемъ русскаго кнута“. Сказавъ это, король оглядѣлся кругомъ и прибавилъ: „надѣюсь, что насъ не слышатъ; такихъ вещей нельзя говорить громко, потому что ихъ объяснили бы въ смыслѣ манифестаціи противъ свояка моего, котораго я уважаю и почитаю, который—превосходный государь, признаю это вполнѣ, хотя и имѣю причины на него жаловаться. Какъ бы то ни было, онъ—русскій Императоръ и долженъ оставаться въ своей роли“.

Такъ говорилъ не ученикъ, боящійся учителя, но повелитель могущественнаго уже въ то время государства.

Этимъ мы заключимъ характеристику эпохи, въ которой со старыми принципами уже весьма серьезно стали бороться принципы новые, тѣ, которые должны были оказать вліяніе на новое распредѣленіе самой политической силы въ Европѣ и на внутреннюю жизнь западныхъ народовъ.

Затѣмъ, намъ придется говорить о событіяхъ совершенно иного уже характера, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли не общечеловѣческія стремленія къ улучшеніямъ быта, но злоба борьбы международной и рядомъ съ ней — эгоизмъ вліятельныхъ личностей.

Пока достаточно будетъ замѣтить, что высокомѣрное отношеніе къ Германіи—Россіи, въ то время стоявшей на невысо-

¹⁾ «Revue Nouvelle». «La guerre de Crimée»..

кой степени культуры, сравнительно съ тою, какой гордились нѣмцы, казалось имъ тѣмъ оскорбительнѣе, что въ заграничной печати беспощадно глумились надъ политикой „непрактическихъ идеалистовъ“, намѣреющихся осуществить воздушные замки. Всѣ эти мечтатели о всемірномъ гражданствѣ, лишенные національнаго самосознанія, вызывали строгую критику. Лишь послѣ войнъ 1866 и 1870 годовъ было признано, что нѣмецкій народъ способенъ дѣйствовать согласно, когда для достиженія истинно народныхъ задачъ требуется пустить въ ходъ все его могущество. Престижъ Германіи съ этого времени возросъ до чрезвычайности.

III.

Подготовленіе почвы для гегемоніи Пруссіи войнами крымской, австрійской, французской и мексиканской.

Повелительное отношеніе Императора Николая къ правительствамъ европейскаго континента создавало въ Россіи—какъ говоритъ проф. Трачевскій ¹⁾—„убѣжденіе, что вся Европа гибнетъ отъ революціи и что государямъ и народамъ придется умолять бѣлаго царя защитить ихъ жизнь и достояніе своею мощною рукою; это самообольщеніе повторялось всюду съ величайшею наивностью... Обаяніе величія поддерживалось при дворахъ безпокойною дипломатіей, которая усердствовала, чтобы въ мірѣ только и было рѣчи, что о Россіи и ея могуществѣ“. Авторъ ссылается при этомъ на отзывъ Ротана, что „русская дипломатія отличалась надменностью и мстительностью; она сразу переходила отъ ласки къ угрозамъ; въ ея тактику входило поражать воображеніе и озадачивать правительства театральностью“.

Какъ только представился случай, по поводу затрудненій, возникшихъ на Востокѣ, отплатить Россіи за ея гордость, то этимъ случаемъ успѣшили воспользоваться.

Вмѣшательство Императора Николая въ дѣла другихъ государствъ логически истекало изъ его убѣжденія, что онъ былъ призванъ стоять на стражѣ легитимнаго порядка и консервативныхъ началъ. Онъ могъ полагать, что задачу эту ему уда-

¹⁾ А. С. Трачевскій, «Пруссія въ крымскую войну». („Историческій Вѣстникъ“).

лось выполнить успѣшно. Правда, 1848 годъ во многомъ нарушилъ прежній порядокъ: явились республика во Франціи, конституція въ Пруссіи, возстаніе въ Италіи противъ австрійцевъ и война Сардиніи съ Австрією. Но къ 1852 году, т. е., такъ сказать, наканунѣ крымской войны, восторжествовала полная реакція противъ бывшихъ движеній. Италія была подавлена Радецкимъ, котораго Императоръ Николай тотчасъ произвелъ въ русскіе фельдмаршалы, конституція въ Пруссіи была „подправлена“ правительствомъ безъ согласія палаты, венгерское возстаніе было усмирено русскими войсками, во Франціи былъ совершенъ военною силою государственный переворотъ—республика замѣнена была второю имперією и отъ парламентаризма оставлена была одна лишь тѣнь.

Политическое положеніе Европы могло снова казаться Императору Николаю удовлетворительнымъ, и онъ былъ убѣжденъ, что всѣ представители поддерживаемаго имъ порядка были ему благодарны и преданы. Отъ него далека была мысль, что Австрія или Пруссія могли хранить недружелюбное къ нему чувство, а что касалось Наполеона III, то этотъ рагвенц на престолѣ долженъ былъ, по тому же взгляду, заискивать у законныхъ государей другихъ великихъ державъ. Одна Англія не была заинтересована въ устойчивости порядка на континентѣ и оставалась внѣ русскаго вліянія, но и не противодѣйствовала Россіи.

Но—здѣсь мы повторимъ замѣчаніе, сдѣланное нами выше—какъ ни былъ несомнѣненъ и высокъ авторитетъ Императора Николая въ Европѣ, ошибка его заключалась въ томъ, что этотъ авторитетъ онъ приписывалъ только могуществу Россіи и своему личному значенію, упустивъ изъ вида, что авторитетъ тотъ созданъ, если не въ наибольшей, то въ весьма значительной долѣ, самымъ положеніемъ Европы между 1830 и 1848 годами. Оно уже существенно измѣнилось съ 1848 г. по 1852 годъ. Народныя движенія въ Италіи и въ Германіи не могли уже не возобновиться, а конституціонная Пруссія не могла не возвратиться современемъ къ своей германской задачѣ; наконецъ, Франція не была уже совершенно изолирована, какъ прежде, потому что Наполеонъ III сблизился съ Англією. Сверхъ этого, избранный народомъ благодаря своему имени и возложивъ на себя корону въ силу наполеоновской традиціи, этотъ человекъ, какъ мы уже замѣтили выше, не могъ продолжать заискивающую и робкую политику Людовика-Филиппа.

Между тѣмъ, Императоръ Николай до такой степени полагался на свой личный авторитетъ, что предпринялъ склонить Англію къ участию въ раздѣлѣ Турціи. Онъ не предвидѣлъ, что для успѣха въ этомъ дѣлѣ не могло быть достаточно и его личнаго авторитета, тѣмъ болѣе, что какъ только Россія возбудила бы восточный вопросъ, то все то политическое положеніе Европы, которое способствовало приобрѣтенію имъ рѣшающаго въ Европѣ голоса, должно было внезапно и рѣшительно измѣниться. Система реакціи противъ народныхъ движеній должна была отодвинуться на задній планъ, а на первый не могли не выступить интересы международные, въ столкновеніи которыхъ сразу исчезли и остатки священнаго союза, и командующее положеніе русской политики въ Европѣ.

Еще при своемъ посѣщеніи сентъ-джемекаго двора въ 1844 г. Императоръ Николай предлагалъ руководителямъ британской политики заключеніе между Англіею и Россіею соглашенія относительно общей поддержки цѣлости Оттоманской имперіи, а въ случаѣ паденія ея, вслѣдствіе непредвидѣннаго обстоятельства—относительно того новаго политическаго устройства, какое было бы желательно установить на Балканскомъ полуостровѣ. Предложеніе это въ то время не вызвало никакого отрицательнаго отвѣта со стороны британскихъ государственныхъ людей ¹⁾.

Но, какъ извѣстно, Императоръ возобновилъ впослѣдствіи бесѣды на эту тему съ англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, незадолго до крымской войны, и получалъ только уклончивые отвѣты, что посланникъ не уполномоченъ входить въ обсужденіе такихъ вѣроятностей. А между тѣмъ, англійское правительство, конечно, приняло къ свѣдѣнію, что Россія замышляла вмѣшательство въ дѣла Турціи, и отнеслось весьма серьезно къ первому же практическому приступу въ этомъ смѣслѣ.

Съ другой стороны, Наполеонъ III, котораго Императоръ Николай, конечно, не могъ уважать, не только не оказался заискивающимъ, но послѣ извѣстнаго отвѣта русскаго Императора, въ которомъ вмѣсто обычнаго выраженія „frère“ были употреблены слова „bon ami“, воспользовался первымъ случаемъ, чтобы проявить въ восточныхъ дѣлахъ инициативу, которая не могла понравиться въ Россіи.

¹⁾ Татищевъ. „Императоръ Николай I въ Лондонѣ“.

Что при этомъ Наполеонъ III дѣйствовалъ подъ вліяніемъ раздраженнаго самолюбія, это положительно утверждено разсказомъ графа Киселева, бывшаго русскимъ посломъ въ Парижѣ¹⁾).

Разсказъ этотъ относится къ 1857 году, то-есть къ моменту, когда истекъ уже годъ послѣ заключенія парижскаго трактата. Приведемъ нѣсколько строкъ изъ этого разсказа: „За завтракомъ императрица Евгенія, имѣя по правую сторону великаго князя, а по лѣвую меня, коснулась вопроса о союзѣ Франціи, Англіи и Россіи и о причинахъ разрыва съ послѣднею. По поводу словъ, сказанныхъ императрицею великому князю, я ей сказалъ: мнѣ пріятно видѣть, что предубѣжденія ваши начинаютъ сглаживаться и что вы становитесь менѣе враждебны къ русскимъ. — Въ отношеніи политическихъ союзовъ“, отвѣчала она, — „это не совсѣмъ такъ; я думаю, что для спокойствія Франціи, для *statu quo*, какъ вы выражаетесь въ дипломатіи, союзъ съ Англіею необходимъ; другое дѣло, когда хотять дѣйствовать наступательно, когда думаютъ исправить карту Европы, тогда, и только тогда, союзъ съ Россіею нуженъ. До тѣхъ же поръ мы должны оставаться добрыми друзьями и не идти далѣе, всего же лучше жить въ согласіи со всѣми и въ особенности съ Англіею“.

„Императоръ спросилъ, шутя, императрицу, какою политикою мы занимаемся; потомъ онъ повторилъ этотъ вопросъ и, наконецъ, кивнувъ головой, далъ ей замѣтить, что завтракъ конченъ и что всѣ ждуть. Она встала“.

„На другой день, 13-го мая, послѣ продолжительнаго разговора императрицы съ великимъ княземъ, она, обратившись ко мнѣ, съ ея милою улыбкою, сказала: „но мы не кончили нашъ вчерашній политическій разговоръ—императоръ намъ помѣшалъ. Я хотѣла вамъ сказать о письмѣ, которое императоръ получилъ отъ Императора Николая и громко читалъ у меня. Онъ сунулъ письмо въ карманъ и сказалъ: *оно холодно*. Онъ вышелъ, а я осталась подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ, которое оно во мнѣ оставило. Когда императоръ вернулся, я ему сказала: письмо Императора Николая *болѣе чѣмъ холодно, оно сурово (sévère)*“. При этомъ императрица наклонилась ко мнѣ и сказала мнѣ на ухо: „я употребила другое выраженіе, это письмо *грубо (grossière)*, сказала я“. — „Въ чемъ?“

¹⁾ „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“.

спросилъ меня императоръ.—„Перечтите еще разъ, и увидите сами“. Онъ прочиталъ письмо и былъ пораженъ справедливостью моего замѣчанія. „*Это правда*“, сказалъ онъ, *и я этимъ займусь*“.—Война была рѣшена“.

Возможно было преградить путь Россіи за Балканы. Но это означало лишь оборону *status quo ante bellum*. Для наступательныхъ дѣйствій, для пораженія противника въ какомъ-либо чувствительномъ для него пунктѣ, двумъ западнымъ державамъ необходимо было склонить къ активному дѣйствию Австрію и Пруссію. „Вокругъ Фридриха-Вильгельма IV—говоритъ проф. Трачевскій—кипѣла ожесточенная борьба между старою и юною Пруссіею. Либералы, опиравшіеся на общественное мнѣніе и рвавшіеся въ бой, чтобы раздѣлить съ Западомъ честь защиты прогресса, были такъ многочисленны, что самъ Мантейфель склонялся на ихъ сторону, изъ опасенія, какъ бы реакціонеры не оттерли его отъ престола и не лишили портфеля. Вождемъ ихъ былъ братъ короля, наслѣдный принцъ (впослѣдствіи императоръ) Вильгельмъ.... Онъ сочувствовалъ англичанамъ и не любилъ русскихъ: въ Лондонѣ у него былъ важный, по дружбѣ, союзникъ—Бунзенъ“.

Замѣтимъ, мимоходомъ, что „вождемъ либераловъ, рвавшихся въ бой (съ Россіей)“, является въ ту минуту—принцъ, который незадолго передъ тѣмъ весьма строго умирилъ возстанія въ Саксоніи и Баденѣ, а впослѣдствіи дружественному нейтралитету Россіи былъ отчасти обязанъ своею императорскою короною и умирая совѣтовалъ своему преемнику жить въ согласіи съ Россіею. „Зато, чиновники и генералы—говоритъ далѣе г. Трачевскій—вообще стояли за Россію, а принцъ Карлъ, въ пику своему брату, кронпринцу, открыто желалъ торжества дѣлу Николая I“.

Естественнымъ было, однако, что прусское правительство не спѣшило стать на сторону Франціи, съ которою Пруссія имѣла давніе счеты, а сверхъ того не могла въ случаѣ успѣха разсчитывать на достаточное вознагражденіе. Бисмаркъ такъ опредѣлилъ это положеніе: „Я не изъ тѣхъ, которые отождествляютъ русскіе интересы съ нашими. Россія можетъ упрекнуть себя во многомъ по отношенію къ намъ. Какъ ни серьезна была бы для насъ война съ русскими, я не буду противиться ей, если она обезпечитъ намъ серьезныя выгоды. Меня страшитъ только мысль о жертвахъ въ пользу Австріи... И что дадутъ Пруссіи въ награду? Конечно, кусокъ Польши, въ которой она

не нуждается. Эстляндія и Курляндія не улучшили бы ея географическаго положенія: онѣ только навѣки разсорили бы ее съ Россіей. И кто поручится, что, послѣ войны, Франція и Россія не сговорятся на ея счетъ, сдружившись между собой?¹⁾

Мнѣнія, высказанныя въ ту эпоху съ такой откровенностью, необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ шансовъ въ будущемъ.

Между тѣмъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV не могъ стать рѣшительно на сторону Россіи не только потому, что самъ тяготился русскою опекой, но и потому именно, что общественное мнѣніе было положительно противъ Россіи. При обсужденіи въ прусской палатѣ политики иностранной по поводу займа, докладчикъ комисіи, графъ Гольцъ, выступилъ съ отзывомъ, который мы также приведемъ, какъ сохранившій еще и нынѣ нѣкоторое значеніе: „Союзъ съ Россією невозможенъ: Германія и Пруссія имѣютъ важный интересъ въ томъ, чтобы колоссальный и страшный ихъ сосѣдь не усилился еще болѣе. Предостереженіе противъ русскаго союза даетъ намъ исторія: уже дважды Россія ставила Пруссію въ свою зависимость. Въ Тильзитѣ Россія расширила свою территорію на нашъ счетъ. Кромѣ того, русская таможенная система и затрудненія, какими обставляется торговля на Вислѣ, составляютъ настоящее бѣдствіе для нашей торговли. Мы не должны забывать и о той враждѣ, съ какой Россія боролась съ прусскою политикой въ 1850 году, и о той непрязни, съ какой она относилась къ національному движенію въ Приэльбскихъ герцогствахъ. Сверхъ того, то-есть независимо отъ фактовъ историческихъ, нельзя не считаться и съ тѣмъ несочувствіемъ, какое возбуждаютъ существующія въ Россіи религиозная нетерпимость и система управленія“²⁾. Впервые въ прусскихъ палатахъ такъ открыто высказывалось нерасположеніе къ союзу съ Россіей.

Подобное настроеніе проявлялось и въ другихъ германскихъ странахъ. Бисмаркъ въ своемъ донесеніи отъ 21 декабря 1855 г. писалъ, что баварскій министръ Пффордтенъ, возвратясь изъ Парижа, гдѣ онъ имѣлъ аудіенцію у Наполеона III, говорилъ ему, что если Австрія будетъ втянута въ войну, то Баварія соединится съ ней. „При этомъ — замѣчаетъ Бисмаркъ — самъ Пффордтенъ вовсе не сторонникъ такой политики, но люди всѣхъ партій: ультрамонтанцы, конституціоналисты, демократы схо-

1) Трачевскій. „Пруссія въ Крымскую войну“.

2) „Nouvelle Revue“. La guerre de Crimée.

дятся въ непріязни къ Россіи, и министръ, который рѣшился бы дѣйствовать наперекоръ этому настроенію, палъ бы подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія⁴.

Австрія находилась въ положеніи еще болѣе затруднительномъ. Съ одной стороны, для нея представлялось неудобнымъ пойти противъ Россіи, которая только-что оказала ей дѣйствительное благодѣяніе, а сверхъ того въ войнѣ Россія могла выказать вліяніе на нѣкоторые славянскія населенія Австріи, но съ другой стороны ей угрожалъ Наполеонъ III, который могъ возбудить противъ нея новыя революціонныя движенія. Выѣзжая для осмотра войскъ, предназначенныхъ къ дѣйствию противъ Россіи, онъ нашель умѣстнымъ дать австрійскому послу, барону Гюбнеру, такое предостереженіе: „Австрія я вполнѣ довѣряю—сказалъ онъ, закуривая сигару—но вамъ извѣстно, что зажечь Европу для меня такъ же легко, какъ сигару“.

Австрія и старалась лавировать, пока могла, чтò генералъ Летанъ такъ выразилъ въ донесеніи Наполеону III: „она поспѣшитъ на помощь побѣдителю“. Самое вступленіе въ коалицію противъ Россіи—Сардиніи составляло прямую угрозу для Австріи, и справедливо было замѣчаніе того австрійскаго министра, который сказалъ по этому поводу: „это — пистолетный выстрѣлъ для нашихъ ушей¹⁾“.

Но такъ какъ у Австріи есть свои интересы на Балканскомъ полуостровѣ и успѣха Россіи въ восточной войнѣ она желать не могла, то Австрія, во-первыхъ, согласилась дать обязательство, что она не вступитъ въ союзъ съ Россіею, а затѣмъ, уже передъ концомъ войны, обязалась, при извѣстныхъ условіяхъ, въ случаѣ продолженія войны, присоединиться къ союзу противъ Россіи. Императоръ Николай I имѣлъ основаніе сѣтовать на коварство Австріи еще въ 1854 году, такъ какъ не могъ бы предпринять самой осады Силистріи, еслибы не разчитывалъ на преданность себѣ Австріи и на полную безопасность съ ея стороны. Между тѣмъ, Австрія приняла такое положеніе, что князь Паскевичъ, главнокомандующій на Дунаѣ, счелъ нужнымъ настаивать на невозможности продолжать дѣйствія, имѣя въ тылу Австрію. „Настало время—писалъ ему Императоръ въ началѣ іюня 1854 г.—готовиться бороться уже не съ турками и ихъ союзниками, но обратить все наши усилія противъ вѣроломной Австріи и горько наказать ее за безстыдную неблагодар-

¹⁾ «Nouvelle Revue». «La guerre de Crimée».

ность“; и еще въ другомъ письмѣ: „меня всякій можетъ обмануть *разъ*, но зато послѣ обмана я уже никогда не возвращаю утеряннаго довѣрія“. Наконецъ, въ письмѣ къ главнокомандующему южною арміею, князю Горчакову, Императоръ пророчески восклицалъ: „Богъ накажетъ ихъ (австрійцевъ) рано или поздно!“

И извѣстно, какія послѣдствія имѣло для Австріи въ 1859 и 1866 годахъ полное безучастіе къ ней Россіи. Антагонизмъ, начавшійся въ 1854 году, остается фактомъ и для будущаго, хотя быть можетъ не лишено для него значенія и замѣчаніе, высказанное генераломъ Летаномъ.

Хотя средне-европейскія государства не принимали участія въ Крымской войнѣ, но и въ ихъ судьбѣ она послужила поворотнымъ пунктомъ, какъ для самой Россіи она составила эру обновленія. Исчезли остатки „священнаго союза“. Правда, уже и въ концѣ первой половины вѣка союзъ этотъ давно утратилъ характеръ договорнаго. Но фактически продолжало существовать главное его условіе. Солидарность въ дѣйствіяхъ для подавленія народныхъ движеній предполагала чье-либо руководство, а такое руководство, безспорно, принадлежало русскому Императору какъ при Александрѣ I, такъ и при Николаѣ Павловичѣ.

Побѣжденная первымъ Наполеономъ, Европа видѣла, какъ могущество его разбилось о громадность пространства Россіи, выносливость ея народа, при доблести ея войскъ и безпримѣрной способности ея ратей пополняться и возникать вновь, благодаря огромности ея населенія. Только опершись на эту, по-видимому, несокрушимую силу, средняя и южная Европа освободилась отъ Наполеонова ига, и потому на цѣлый сорокалѣтній періодъ Европа сохранила не только согласное съ дѣйствительностью, но даже и преувеличенное представленіе о могуществѣ тогдашней Россіи.

Исторія учитъ насъ, что авторитетъ государства во внѣшнихъ сношеніяхъ зависитъ отъ того представленія, какое имѣетъ о силѣ его само его правительство, а особенно другія правительства — еще болѣе, чѣмъ отъ дѣйствительной силы, какую государство можетъ располагать. Такъ именно было въ тридцатилѣтній періодъ гегемоніи Императора Николая на европейскомъ континентѣ. Само русское правительство вѣрило въ огромную свою военную силу, не отдавая себѣ отчета, что

и обученіе, и вооруженіе, и система снабженія войскъ далеко отстали отъ успѣховъ, осуществленныхъ на Западѣ. И средне-европейскія правительства вѣрили въ несокрушимое военное могущество Россіи, которой все они — прусское (благодаря Тильзиту), австрійское (благодаря венгерской кампаніи), германскія и итальянскія династіи, представлявшія собою нѣчто похожее на муміи, сохранившіяся отъ порядка феодальнаго, который самъ уже окончательно разрушился — были прямо обязаны своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, представленіе о преобладавшемъ военномъ могуществѣ Россіи основывалось только на томъ фактѣ, что Императоръ Николай держалъ вблизи границъ двѣ постоянныя большія арміи. Но изъ нихъ одна парализировалась необходимостью сдерживать и защищать Польшу, а другая, которую можно было располагать по усмотрѣнію, была все-таки положительно слаба противъ коалиціи, слаба даже своей численностью, не говоря уже о неравенствѣ техническихъ условій и обученія.

И вотъ, исходъ Крымской войны разрушилъ представленія о несокрушимомъ могуществѣ Россіи. На Западѣ заговорили о желѣзномъ великанѣ „на глиняныхъ ногахъ“. Въѣсть съ тѣмъ, не стало могучей личности Императора Николая, не было болѣе его опеки и руководительства. Россія занялась своими внутренними дѣлами, испытывъ сама сходное съ Европой разочарованіе въ своей прежней системѣ. Она отдыхала и собиралась съ силами (*La Russie se recueille*). Новый ея монархъ, и по личнымъ своимъ качествамъ, смѣнилъ роль гегемона въ консервативной Европѣ на призваніе обновителя условій русской жизни, освободителя своего народа.

Относительно военной силы Россіи, въ Германіи мнѣніе, можно сказать, перешло изъ одной крайности въ другую, и это было началомъ рѣшительной эмансипаціи берлинской политики отъ русскаго вліянія. Въѣсть съ тѣмъ, и о французскомъ военномъ устройствѣ, о силѣ, какую Франція могла выказать въ какой-либо дальнѣйшей войнѣ, германскіе военные люди начали думать безъ всякаго опасенія. Французскимъ военнымъ управленіемъ было совершено во время Крымской войны столько ошибокъ, проявлена была такая безпечность, что прусскій ученый штабъ не могъ не принять того къ свѣдѣнію.

Война 1859 года въ Италіи могла только утвердить тотъ же

штабъ въ созваніи неудовлетворительности какъ австрійскаго, такъ и французскаго военнаго устройства, сравнительно съ прусскимъ. Побѣды при Маджентѣ и Сольферино доказывали только, что австрійскія войска были организованы еще хуже, чѣмъ французскія, и что Австрія могла быть еще менѣе страшна для Пруссіи, чѣмъ Франція. Въ самомъ дѣлѣ, медленность движеній и множество ошибокъ, проявленныя съ французской стороны въ 1859 году, показывали, что опытъ Крымской войны ничему не научилъ Наполеона III. Это былъ человѣкъ, не желавшій слышать правду; во всякихъ заявленіяхъ о недостаткахъ и несовершенствахъ онъ тотчасъ усматривалъ „оппозицію“ противъ самаго его правленія. А между тѣмъ, относительные успѣхи французскихъ войскъ и въ Крымскую, и въ Итальянскую войну давали ему поводъ думать, что все въ обученіи и снабженіи арміи обстояло благополучно.

Что прусскому штабу, наоборотъ, были извѣстны недостатки и ошибки французовъ, тому мы представимъ здѣсь примѣръ въ слѣдующемъ отзывѣ объ Итальянской кампаніи 1859 г., который находится въ составленномъ этимъ штабомъ описаніи войны Франко-германской ¹⁾:

„Опытъ послѣдней Итальянской кампаніи вполнѣ доказалъ, какъ мало способны французскія войска къ быстрымъ движеніямъ въ большихъ массахъ. По крайней мѣрѣ въ Пруссіи очень хорошо понимали, что императорская армія, силою всего въ 100.000 человѣкъ, послѣ побѣды при Маджентѣ до Сольфериноской битвы, проходила среднимъ числомъ только по одной милѣ въ день (семь верстъ)“.

Война 1859 г. выказала, что Наполеонъ III былъ непрочь, для достиженія своихъ цѣлей, разсчитывать и на содѣйствіе элементовъ революціонныхъ. Изъ „Записокъ“ Кошута оказывается, что онъ вступалъ въ переговоры съ вождями венгерской эмиграціи, чтобы вызвать возстаніе въ Венгріи, но мадьяры выказали благоразумную осторожность, потребовавъ какихъ-нибудь гарантій вознагражденія за содѣйствіе въ борьбѣ съ Австрією. Легковѣрнѣе оказались вполнѣдствіи поляки. Извѣстно, что наслѣдникъ имени великаго завоевателя помышлялъ о присоединеніи лѣваго берега Рейна, и ослабленіе Австріи, конечно, было въ его разчетѣ подготовительнымъ шагомъ къ этому. Ослабляя Австрію, онъ полагалъ, вмѣстѣ съ

¹⁾ „Франко-нѣмецкая война 1870—1871 гг.“, стр. 19.

тѣмъ, что въ расширенной Сардиніи онъ будетъ имѣть вѣрную союзницу.

Между тѣмъ, дѣла приняли совершенно иной оборотъ. Холодность отношеній между Австріей и Россіей, ослабленіе Австріи войною 1859 г., военное неустройство Франціи, обнаруженное войнами Крымской и Итальянской, несмотря на ихъ успѣшность, и наконецъ—Мексиканская война, которую предпринялъ Наполеонъ въ 1862 году, все это благопріятствовало осуществленію честолюбивыхъ видовъ Пруссіи. Предпріятіе въ Мексикѣ въ то время, когда Наполеонъ III имѣлъ въ виду приготовить пріобрѣтеніе лѣваго берега Рейна, служило новымъ доказательствомъ туманности, запутанности въ политическихъ воззрѣніяхъ этого человѣка. Вдаваясь въ это дѣло, онъ считалъ его мелкимъ, какимъ оно и было въ началѣ. Это была вооруженная экспедиція для полученія денежнаго удовлетворенія для нѣкоторыхъ негодяевъ—англійскихъ подданныхъ.

Наполеонъ III присоединился къ этому, во-первыхъ, велѣдствіе желанія оказать услугу Англій, упрочивъ за собой ея союзъ, который, на европейскомъ континентѣ, не могъ принести ему никакой пользы; во-вторыхъ, онъ при этомъ продолжалъ свою систему отвлеченія вниманія французскаго общества отъ дѣлъ внутреннихъ—къ дѣламъ внѣшнимъ, вознагражденія блескомъ французскаго оружія за похищенную у Франціи свободу. Но предпріятіе это оказалось серьезнѣе, чѣмъ онъ думалъ; а сверхъ того, побуждаемый свойственной ему нелогичной мечтательностью, Наполеонъ III впоследствии превратилъ мелкое дѣло о взысканіи коммерческаго удовлетворенія съ Мексики въ грандіозное предпріятіе—созданія въ Мексикѣ монархіи, поставленія на самой границѣ великой сѣверо-американской республики—преграды къ дальнѣйшему ея росту.

И вотъ, финансовыя и военныя силы Франціи, испытавъ напряженія 1853—1856 и 1859 годовъ, съ 1862 года на нѣсколько лѣтъ поглотились предпріятіемъ фантастическимъ, никакой связи съ завѣтною мыслью втораго императора о Рейнѣ не имѣвшимъ.

Прусская политика могла свободно приступить къ осуществленію своего плана объединенія Германіи подъ владычествомъ Пруссіи. Непосредственнымъ къ этому препятствіемъ служила Австрія, но Австрія ослабленная и изолированная. Затѣмъ, сильное препятствіе могла составить Россія, еслибы она продолжала держаться традицій своей политики. Въ сочиненіи

„Berlin und Petersburg“ помѣщенъ, сомнительной, впрочемъ, достовѣрности циркуляръ петербургскаго кабинета къ русскимъ посланникамъ, изъ котораго мы приведемъ мѣсто, въ которомъ однако выражался очевидный интересъ Россіи по отношенію къ германскимъ дѣламъ. „Наши колебанія между Пруссією и Австрією—говорилось въ немъ—неизбѣжны при данномъ политическомъ положеніи. Самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это—поддерживать равновѣсіе между обоими государствами, наклоняя вѣсы, сообразно нашимъ временнымъ видамъ, то на ту, то на другую сторону. Такова была система дѣйствій Императрицы Екатерины II. Правда, это уменьшаетъ довѣріе къ намъ, но въ новѣйшей политикѣ это чувство не играетъ роли, и не мы его изгнали (очевидный намекъ на Австрію)“. Если этотъ циркуляръ и подложенъ, то можно только сказать *se non è vero è ben trovato*. Но Пруссіи тѣмъ не менѣе удалось, благодаря усиліямъ Бисмарка, бывшаго ея посланникомъ въ Петербургѣ, благодаря строго-монархической программѣ, высказанной въ Кенигсбергѣ новымъ правителемъ Пруссіи Вильгельмомъ, наконецъ, благодаря военной конвенціи, заключенной въ 1863 году съ Россією, для содѣйствія подавленію польскаго возстанія,—расположить Россію, быть можетъ, вопреки ея очевиднымъ интересамъ, къ дружественному нейтралитету при насильственномъ объединеніи Пруссією Германіи, а затѣмъ и при разгромѣ Франціи.

IV.

Военная конвенція 1863 г. съ Россією, какъ первая ступень для достиженія цѣлей Пруссіи.

Съ 1863 года (Бисмаркъ назначенъ былъ прусскимъ министромъ-президентомъ 8 октября 1862 г.) началась сильная распря Пруссіи съ Австрією на франкфуртскомъ сеймѣ, причемъ дѣло доходило до созыва съѣздовъ германскихъ уполномоченныхъ отдѣльно Австрією и отдѣльно Пруссією. Пока дѣйствія сохраняли характеръ дипломатическій, Австрія постоянно побѣждала Пруссію. „Австрія имѣла надъ нами постоянно преобладаніе при второстепенныхъ германскихъ дворахъ,—писалъ Бисмаркъ прусскому либеральному министру иностранныхъ дѣлъ Шлейницу;—мелкія владѣнія, послѣ cadaго колебанія, съ быстротой магнитной иглы, поворачиваютъ къ своему всегдашнему пункту

притяженія — Австріи⁴. Къ этому авторъ сочиненія, которое мы цитируемъ ¹⁾, прибавляетъ, что то было вполне естественно, такъ какъ мелкія государства предчувствовали опасность для себя со стороны Пруссіи и потому готовы были усесть себя австрійское стремленіе, которое такъ было опредѣлено княземъ Шварценбергомъ: „il faut démolir la Prusse“ ²⁾.

Зная это и чувствуя, что приближается время дѣйствій, регентъ Вильгельмъ, тотчасъ послѣ вступленія своего въ правленіе въ 1861 г., приступилъ къ преобразованію прусскаго военнаго устройства, а въ 1862 году, будучи уже королемъ, озаботился пріисканіемъ руководителя, способнаго выбрать удобный моментъ, чтобы пустить въ дѣло ultima ratio политики — военную силу. Выборъ его палъ на Бисмарка, котораго онъ и назначилъ своимъ первымъ министромъ. Любопытенъ отзывъ о Бисмаркѣ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Рехберга. Этотъ отзывъ былъ высказанъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Грамону, въ началѣ 1862 г., вскорѣ по перемѣщеніи Бисмарка на должность прусскаго посла въ Парижѣ, за чѣмъ вскорѣ и послѣдовало назначеніе его прусскимъ министромъ-президентомъ.

„Еслибы г. фонъ-Бисмаркъ — говорилъ графъ Рехбергъ герцогу Грамону — получилъ болѣе основательное дипломатическое образованіе, онъ былъ бы однимъ изъ первыхъ, быть можетъ, даже первымъ изъ государственныхъ людей въ Германіи. Онъ смѣлъ, твердъ, исполненъ почина и жара, но онъ неспособенъ пожертвовать какимъ-нибудь предубѣжденіемъ, какимъ-либо партійнымъ предразсудкомъ — самой первостепенной политической идеѣ. *Ему недостаетъ практическаго смысла въ политикѣ.* Онъ въ полномъ значеніи слова — человекъ партіи. Но такъ какъ онъ обладаетъ личнымъ обаяніемъ и способенъ пріобрѣсть влияніе, а при этомъ враждебно настроенъ по отношенію къ намъ, то назначеніе его (прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ) мы приняли не безъ недовольства и даже безпокойства“.

Въ этомъ опредѣленіи была доля правды, хотя теперь странно читать упрекъ бисмарковской политикѣ въ непрактичности. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, одинаково съ гр. Рехбергомъ, ошибся и Наполеонъ III. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Извѣстный юристъ и историкъ Блунчли гово-

¹⁾ „Berlin und Petersburg“, стр. 43.

²⁾ Надо подавить Пруссію.

рить о Бисмаркѣ: „поражаетъ въ этомъ человѣкѣ смѣсь откровенности съ обманомъ, несомнѣнной правды съ намѣренной ложью. Это должно было сбивать съ толку дипломатовъ“.

Не менѣе любопытно свидѣтельство изъ совершенно иной среды—отзывъ польскаго публициста Юліана Клячко, постоянно пребывавшаго въ Парижѣ: „его откровенность побуждала насъ преклоняться передъ нимъ и выслушивать съ благоговѣніемъ ложь, съ какою онъ выступалъ потомъ; его любезность дѣлала то, что безцеремонность, какую онъ проявлялъ вслѣдъ за тѣмъ, представлялась доброжелательной“.

Въ сущности Бисмаркъ преслѣдовалъ цѣли, вполне ясно сознавныя, при чемъ проявлялъ страстность, которая могла увлекать людей, приверженныхъ къ его идеѣ, но при своихъ дѣйствіяхъ онъ не церемонился ни съ законами положительными, ни съ законами нравственными. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что система эта практиковалась и раньше. Приведемъ примѣры. Еще въ 1860 году прусское правительство внесло въ палаты проектъ военнаго закона о содержаніи въ мирное время 240 баталіоновъ и 224 эскадроновъ. Но палата представителей не была расположена къ такому увеличенію состава. Она ограничила его въ 1860 г. численностью 175 т., а въ 1863 г. всего 155 т. человѣкъ, что представляло разницу въ расходахъ отъ 10 до 20 милл. талеровъ ежегодно ¹⁾). Однако, на протесты палаты не было обращено никакого вниманія.

До какой степени доходило въ то время возбужденіе противъ самовольныхъ мѣръ министерства, доказывается дебатами въ палатѣ, при которыхъ были употреблены такія выраженія, какъ „Erschleichung“ и „Prellerei“ ²⁾). Столь рѣшительный и, въ парламентскомъ смыслѣ, безцеремонный образъ дѣйствій прусскаго правительства, очевидно, основывался на сознаніи, что наступила въ то время пора для Пруссіи собрать плоды всѣхъ прежнихъ внутреннихъ усилій и вѣдшихъ, благоприятныхъ для ея честолюбія комбинацій.

И дѣйствительно, въ это время въ политикѣ континентальныхъ правительствъ солидарность исчезла, были уже оставлены совершенно въ сторонѣ прежнія заботы о совмѣстномъ сдерживаніи народныхъ движеній: на первый планъ положительно выступали интересы международные, государственные, явились

¹⁾ „Militärdebatten im Preussischen Landtag“. 1860.

²⁾ Похищеніе и надувательство. (Тамъ же).

счета государства съ государствомъ изъ-за территориальныхъ вожделѣній. Национальный принципъ (*principe des nationalités*), высказанный Наполеономъ III, обратился, подъ вліяніемъ этихъ взаимно-противорѣчившихъ стремленій, въ средство для оправданія захватовъ и притѣсненія слабѣйшихъ.

Первый удобный случай для начала осуществленія плановъ Пруссіи представился въ возникшихъ въ Царствѣ Польскомъ смутахъ и затѣмъ возстаніи.

Прусская дипломатія, пользуясь польскимъ возстаніемъ, прибѣгла къ двумъ мѣрамъ, въ которыхъ весьма характерно отразился ея излюбленный приемъ: протягивая руку одной е сторонѣ, въ то же время перемигиваться съ другой, какъ бы пытаясь передъ послѣднею оправдать свои дѣйствія въ настоящемъ, при помощи обѣщаній на будущее.

Бросимъ взглядъ на тогдашнее положеніе дѣлъ. Наполеонъ III всегда держался двойственной политики и потому не хотѣлъ выпускать изъ рукъ какого-либо оружія, которое могло ему понадобится современемъ. Еще во время переговоровъ о парижскомъ трактатѣ, онъ сказалъ князю Чарторискому: „въ первый разъ чувствую себя неловко, пожимая вамъ руку; но ничего нельзя было сдѣлать“. И онъ же, когда впослѣдствіи поляки добивались отъ него поддержки, отозвался такъ: „что жъ дѣлать: вы упустили тотъ благоприятный случай, какой для васъ представляла Крымская война; впрочемъ, вѣрьте моему участию и надѣйтесь на будущность“¹⁾.

Въ то время Наполеону было не до Польши, такъ какъ онъ затѣвалъ изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи, а потому старался сблизиться съ Россіей. Тѣмъ не менѣе, при свиданіи въ Штутгартѣ, въ 1857 г., съ Императоромъ Александромъ, Наполеонъ рѣшился сказать ему, что, при согласіи всѣхъ интересовъ Франціи и Россіи, одно только обстоятельство слѣдовало бы устранить для того, чтобы обезпечить за этимъ согласіемъ общественное мнѣніе во Франціи, а именно—положеніе дѣлъ въ Царствѣ. По словамъ Зибеля, Наполеонъ совѣтовалъ сдѣлать такія уступки полякамъ, которыя не были бы несогласны съ интересами Россіи, а Императоръ Александръ отвѣтилъ, что онъ самъ давно желаетъ этого, послѣ чего оба императора разстались вполнѣ дружественно, и нѣкоторыя послѣдствія этого разговора вскорѣ стали ощутительными въ дѣйстви-

1) Sybel. „Die Begründung des Deutschen Reiches“.

яхъ мѣстнаго управленія. Мы должны однако замѣтить, что графъ Киселевъ ¹⁾ передавалъ совѣмъ иначе впечатлѣніе этого разговора, а именно, что онъ вызвалъ нѣкоторое охлажденіе: „огласилось только одно слово Императора Александра, сказанное будто бы вслѣдъ за разговоромъ съ Наполеономъ, своимъ приближеннымъ: „Мнѣ осмѣлились говорить о Польшѣ“.

Война Франціи съ Австріею въ 1859 г., сопровождавшаяся революціонными стремленіями въ Италіи, по отъѣзду Зибеля, ослабила сочувствія русскаго Монарха къ Франціи, а въ 1860 году, вслѣдствіе свиданія его съ императоромъ Францемъ-Иосифомъ въ Варшавѣ, нѣсколько улучшились отношенія между Россіею и Австріею. Тогда Наполеонъ III, взбѣшенный сверхъ того неудачей предложенія своего о европейскомъ конгрессѣ, позволилъ принцу Жерому выступить съ грозными статьями противъ Россіи во французскихъ газетахъ, съ заявленіями, что Франція можетъ быть въ согласіи съ Россіею, лишь поскольку то было бы полезно для польскаго дѣла.

Подобныя заявленія французскихъ газетъ производили въ Польшѣ тѣмъ большее впечатлѣніе, что ожидалась новая война Италіи съ Австріею изъ-за Венеціи. Съ этого, именно, момента и началась собственно дѣятельность по подготовленію польскаго возстанія: 12 молодыхъ людей, никѣмъ не уполномоченныхъ, образовали изъ себя тайный комитетъ и, по обычаю революціонеровъ, рѣшились дѣйствовать отъ имени польскаго народа ²⁾.

Не вдаваясь въ ходъ внутреннихъ событій въ Царствѣ передъ управленіемъ маркиза Велепольскаго и во время этого управленія, отмѣтимъ только, что частыя перемѣны въ характерѣ дѣйствій вызывали среди польской молодежи догадку, будто уступки дѣлались подъ вліяніемъ Франціи. У русскихъ историковъ можно найдти подтвержденіе, что таково, именно, было заблужденіе, въ которое впали поляки. Тѣ же историки удостовѣряютъ, что въ послѣдовавшемъ повстаніи участвовала лишь небольшая часть населенія, преимущественно молодежь.

Французское правительство сочло долгомъ выступить съ предостереженіемъ движенію. Въ „Монитѣрѣ“ 23 апрѣля 1861 г. появилось заявленіе, что „правительство не поощряетъ такихъ надеждъ, которыя оно не могло бы оправдать, и что велико-

¹⁾ „Графъ И. Д. Киселевъ и его время“. Т. III, стр. 38.

²⁾ Sybel. „Die Begründung des Deutschen Reiches“.

душный образъ мыслей русскаго Императора ручается за его желаніе осуществить въ Польшѣ улучшенія, возможныя при ея положеніи, а потому слѣдуетъ желать, чтобы ему не мѣшали въ этомъ раздражающими манифестаціями“.

Лордъ Пальмерстонъ также далъ предостереженіе увлекавшимся, въ рѣчи, произнесенной имъ 4-го апрѣля 1862 года. Въ ней онъ сравнивалъ Польшу съ путникомъ, а національное ея чувство—съ плащемъ, который его грѣетъ: „чѣмъ сильнѣе дуетъ вѣтеръ, тѣмъ крѣпче путникъ придерживаетъ свой плащъ“. Затѣмъ, напомнивъ, что при Наполеонѣ I французской политикѣ не удалось возстановить Польшу, Пальмерстонъ заявлялъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ, что „Англія не будетъ бороться съ вѣтромъ“¹⁾.

Что касалось Австріи, то хотя консервативныя традиціи должны были побуждать ее къ принятію мѣръ противъ притока изъ Галиціи силъ для революціоннаго движенія въ Царствѣ, но она опасалась результатовъ послѣдовавшаго передъ тѣмъ сближенія между Россією и Францією, а потому была не прочь благопріятствовать движенію, которое могло затруднить для Россіи какой-либо починъ въ дѣлахъ вышнихъ.

Еслибы однако возстаніе въ Польшѣ не получило поддержки въ видѣ формальной иностранной интервенціи, то оно несомнѣнно вскорѣ было бы прекращено, такъ какъ съ ничтожными силами, какія въ нему примкнули, нелѣпо было ожидать успѣха въ борьбѣ съ Россіей. Будь оно предоставлено само себѣ, возстаніе весьма скоро оказалось бы совершенно безнадежнымъ и должно было бы прекратиться, а въ такомъ случаѣ реформы, введенныя въ Царствѣ, могли упрочиться.

Но совсѣмъ иначе представилось дѣло, когда въ него вмѣшались иностранныя государства, когда, по почину Франціи, всѣ главныя кабинеты стали дѣлать дипломатическія представленія въ Петербургѣ. Тогда молодежь стала продолжать возстаніе, напрягая всѣ силы, несмотря на полное разочарованіе въ ожиданіяхъ, что къ нему пристанетъ народъ, что оно могло одержать успѣхъ безсильнымъ оружіемъ повстанцевъ. Возстаніе продолжалось тогда, уже несмотря на очевидную невозможность его побѣды, но единственно для того, чтобы не дать исчезнуть предлогу для иностраннаго вмѣшательства. Даже нѣсколько сотенъ повстанцевъ, укрывавшіяся въ лѣсахъ, были доста-

¹⁾ I. Klaczko. „Études de diplomatie“. 1863—1864.

точны въ смыслѣ такого предлога, и вотъ почему возстаніе, вмѣсто того, чтобы оказаться окончательно несостоятельнымъ въ первые же мѣсяцы, продолжалось или, сказать лучше—тлелось слишкомъ два года, съ безчисленными жертвами, какъ огонекъ, ничтожный самъ по себѣ, но все-таки замѣтный для тѣхъ, кто хотѣлъ на него сослаться.

Между тѣмъ, безпристрастное сопоставленіе событій показываетъ, что иностранное вмѣшательство за польскія стремленія фактически было вызвано иностраннымъ вмѣшательствомъ—противъ польскаго движенія, т.е. навязанною Бисмаркомъ Россіи военною конвенціею 1863 года, которая прямо вызвала вмѣшательство въ это дѣло—Франціи.

Дѣло въ томъ, что въ польскомъ возстаніи прусская политика усмотрѣла поводъ, которымъ можно было воспользоваться, чтобы заручиться нейтралитетомъ и даже сочувствіемъ Россіи при осуществленіи честолюбивыхъ прусскихъ видовъ въ Германіи. Военная конвенція 1863 года послужила, такимъ образомъ, для прусской политики первой ступеню къ достиженію ея завѣтныхъ цѣлей.

Въ 1863 году, на первомъ же году назначенія Отто фонъ-Бисмарка-Шенгаузена министромъ-президентомъ, была опубликована корреспонденція его за предшествующіе годы, когда онъ былъ прусскимъ уполномоченнымъ на сеймѣ во Франкфуртѣ и затѣмъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Корреспонденція эта свидѣтельствовала о глубокомъ убѣжденіи автора ея въ возможности для Пруссіи исторгнуть изъ рукъ Австріи первенство въ Германскомъ союзѣ, причемъ онъ рекомендовалъ для этой цѣли сближеніе съ Россіей и „обработку“ общественнаго мнѣнія въ Германіи посредствомъ печати. Возстаніе въ русской части Польши дало ему удобный поводъ воспользоваться Россіей для своихъ видовъ, направленныхъ противъ Австріи.

Зибель такъ излагаетъ смыслъ бесѣды, въ которой Бисмаркъ австрійскому посланнику, графу Карольи, „съ невозмутимымъ тономъ историка древнихъ временъ, излагалъ будущность Германіи“. Бисмаркъ говорилъ, что отношенія Австріи къ Пруссіи могутъ улучшиться или ухудшиться; что Пруссія желаетъ перваго, но приготовлена и къ послѣднему.—Однако, еслибы Франція напала на Австрію, то Пруссія все-таки будетъ дѣйствовать въ союзѣ съ Австріею,—замѣтилъ Карольи. Въ отвѣтъ на это Бисмаркъ настоятельно просилъ его всячески стараться раз-

сбѣять въ Вѣнѣ подобную иллюзію, завѣривъ его, что исключительно только отъ образа дѣйствій Австріи въ Германіи будетъ зависѣть то—возстанетъ ли прежняя дружба, или Пруссія вступитъ въ союзъ съ противниками Австріи. Пруссія желала бы идти объ руку съ Австріей, но для этого надо, чтобы Австрія отказалась отъ враждебнаго для Пруссіи воздѣйствія на германскіе дворы. „Это невозможно,—возразилъ Карольи,—это было бы равнозначуще съ вытѣсненіемъ насъ изъ Германіи“. — „Ну, такъ перенесите вашъ центръ тяжести на востокъ“—воскликнулъ Бисмаркъ.

Этотъ разговоръ произвелъ столь сильное впечатлѣніе на всѣ кабинеты, что Бисмаркъ счелъ нужнымъ, въ циркулярѣ 24 января 1863 года, разослать представителямъ Пруссіи за границую разъясненія. Но та рѣшительность, съ какой онъ заявилъ свою программу графу Карольи, показываетъ, что онъ намѣренъ былъ вскорѣ приступить къ ея исполненію. А тутъ, какъ нарочно, представлялся такой поводъ для приступа къ дѣйствіямъ, какъ польское возстаніе.

Англійскій уполномоченный при ффранкфуртскомъ сеймѣ писалъ графу Росселлю 20 февраля, что „Бисмарка обвиняютъ въ предложеніи русскому правительству содѣйствія, о которомъ оно не просило и къ которому даже относилось неблагопріятно“.

Генераль фонъ-Альвенслебенъ былъ посланъ въ Петербургъ, а оттуда въ Варшаву съ собственноручнымъ письмомъ прусскаго короля и съ предложеніемъ Пруссіи содѣйствовать военными мѣрами, согласованными съ дѣйствіями русскихъ войскъ, къ скорѣйшему подавленію возстанія. Этотъ шагъ могъ принести прусской политикѣ только выгоды, не вызывая никакой для нея опасности, такъ какъ Бисмаркъ зналъ, что воевать съ Россіей и Пруссіей изъ-за Польши Наполеонъ III все-таки не сталъ бы. Зибель говоритъ, что, „несмотря на сочувствіе во Франціи, Наполеонъ рѣшительно осуждалъ революціонное движеніе въ Польшѣ, которое вступало въ сношенія съ всемірными революціонными стремленіями и явилось какъ разъ въ то время, когда Императоръ Александръ осыпалъ Царство Польское благодѣянiami“.

Что вмѣшательство Пруссіи и предложенная ею военная конвенція были вызваны особой цѣлью, а вовсе не опасеніемъ, чтобы возстаніе не охватило Познани, это доказывается простымъ соображеніемъ, что со стороны мятежниковъ было бы уже совершеннымъ безуміемъ навлекать на себя военныя силы

не только Россіи, но еще и Пруссіи, а пожалуй и Австріи. Австрійскій министръ графъ Рехбергъ, какъ доносилъ британскій посолъ лордъ Блумфильдъ (въ депешѣ 12 февраля), говорилъ послу, что „не видитъ никакой серьезной причины опасаться за Галицію“, а англійскій посолъ въ Берлинѣ, сэръ Андру Бокавенъ, писалъ лорду Росселлю (14 февраля), что „никакого, сколько-нибудь важнаго движенія въ Познанскомъ великомъ герцогствѣ не обнаружилось, и полагаютъ, что вожди возстанія не хотятъ, чтобы какія-либо мятежныя попытки произошли въ Познани и Галиціи“.

Впрочемъ, мы сейчасъ приведемъ собственныя слова Бисмарка, въ которыхъ вмѣшательство Франціи и другихъ державъ представляется именно какъ послѣдствіе прусско-русской военной конвенціи. Но прежде отмѣтимъ, что ужь никакъ не Россія подала мысль о необходимости заключенія этой конвенціи. Директоръ дипломатической канцеляріи намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, великаго князя Константина Николаевича, — Тенгоборскій извѣщалъ г. Убри, русскаго посланника въ Берлинѣ, по поводу присылки генераловъ, что для Россіи не представляется ни опасности, ни надобности въ иностранномъ содѣйствіи и что достаточно было бы, чтобы Пруссія наблюдала за своей границей съ Россіей¹⁾. Образъ дѣйствій Бисмарка въ эту эпоху напоминаетъ собой пріемъ того человѣка, который толкалъ бы ближняго въ омутъ, чтобы затѣмъ имѣть случай считаться спасителемъ.

Какъ бы то ни было, но конвенція однако состоялась, и Пруссія при этомъ тотчасъ мобилизовала 4 военныхъ корпуса, на всякій случай, хотя, конечно, не требовалось такихъ силъ для охраненія границы отъ перехода повстанскихъ бандъ.

Теперь послушаемъ самого кн. Бисмарка. Вотъ, что онъ говорилъ въ прусской палатѣ представителей въ январѣ 1866 г.: „какъ только была заключена февральская (1863 г.) конвенція между Пруссіею и Россіею, то Франція предприняла, въ соединеніи съ Англіею и Австріею, а по возможности со всей Европой, энергически выступить за Польшу, при чемъ въ дѣйствительности имѣлось въ виду отъ Россіи не требовать многого,

¹⁾ J. Klaczko. «Études de diplomatie». Письмо это, помѣченное 1 февраля, было перехвачено повстанцами, вмѣстѣ съ другою корреспонденціею. Г-нъ Клячко утверждаетъ, что имѣеть его въ подлинникѣ.

но наказать Пруссію за ея гордыню, а въ случаѣ возможности, захватить Рейнскую провинцію и Силезію. Въ французскомъ сенатѣ принцъ Наполеонъ открыто выступилъ 17 марта съ заявленіемъ, что Франція должна поддержать поляковъ дѣйствіями (*werkthätig*)¹⁾.

Итакъ, пожаръ, и въ данномъ случаѣ, былъ зажженъ княземъ Бисмаркомъ. „Пожаръ“ мы разумѣемъ здѣсь въ томъ смыслѣ, что именно вмѣшательство Пруссіи, въ видѣ заключенія конвенціи для подавленія польскаго возстанія, для приобрѣтенія русскаго союза, вызвало дипломатическую интервенцію другихъ державъ въ пользу польскихъ стремленій, а тѣмъ самымъ продолжило повстаніе, несмотря на очевидную для всѣхъ невозможность какихъ-либо успѣховъ его, которые были бы достигнуты собственными его силами.

Между тѣмъ, въ Россіи вмѣшательство Франціи, Австріи и другихъ державъ въ защиту польскихъ стремленій вызвало такой взрывъ національнаго чувства, что, какъ говоритъ Зибель²⁾, располагая вполнѣ снаряженною для войны арміею свыше 400 т. чел., Императоръ Александръ въ собственноручномъ письмѣ предложилъ королю Вильгельму объявить съ нимъ вмѣстѣ войну Франціи и Австріи». Съ одной стороны, такое предложеніе представлялось для Пруссіи соблазнительнымъ: Австрія ни малѣйше не была приготовлена къ войнѣ и могла быть занята раньше, чѣмъ хотя бы одинъ французскій полкъ явился къ ней на выручку. Тогда Пруссія могла бы распорядиться въ Германіи по желанію. Но, съ другой стороны, дѣло представлялось такъ: Франція обратила бы всѣ свои силы на Пруссію, на долю которой и пришлась бы наиболѣе трудная и рискованная задача, между тѣмъ какъ Франція и Россія могли помириться между собою на ея счетъ, согласно съ прежними французскими симпатіями кн. Горчакова. „Въ этомъ случаѣ—сказалъ Бисмаркъ,—большой конецъ рычага оказался бы въ рукахъ Россіи (*Russland würde am längeren Hebelarme sitzen*)³⁾. Король Вильгельмъ и такъ неохотно относился къ войнѣ съ союзной и родственной Австріей и тотчасъ принялъ рѣшеніе противъ войны. Онъ и отвѣтилъ Императору Александру II въ этомъ смыслѣ, съ полной откровенностью изло-

¹⁾ Radbolsky, „Ein vierzigjähriges Tableau. Rede d. F. Bismarck“, стр. 28.

²⁾ Sybel, „Begründung des Deutschen Reiches“. II, стр. 517.

живъ поводы своего рѣшенія, по собственноручно написанному Бисмаркомъ конспекту ¹⁾).

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что хотя конвенція 1863 г. и представляла собой „услугу“, оказанную Пруссіей Россіи, но услугу мелкую, а вовсе не первостепенную, не такую, изъ которой непремѣнно должны были бы истечь серьезныя обязательства въ будущемъ.

Впрочемъ, мы можемъ привести фактъ, который бросаетъ еще болѣе яркій свѣтъ на характеръ тогдашней прусской политики. Въ сочиненіи „Berlin und Petersburg“ ²⁾, несмотря на то, что оно написано именно съ цѣлью выставить мнимую огромность услуги, оказанной въ 1863 г. Россіи Пруссіей, такой услуги, которая должна была обезпечить Пруссіи всегдѣшнюю благодарность Россіи, мы находимъ взятое изъ исторіи возстанія, написанной г. Бергомъ, указаніе, что въ 1864 году, когда польское возстаніе еще продолжалось, Бисмаркъ сдѣлалъ попытку склонить его вождей къ тому, чтобы они обратились къ покровительству Пруссіи, при чемъ—какъ можно судить изъ его бесѣдъ съ нѣкимъ Клобуковскимъ—имѣлъ въ виду расширеніе прусскихъ владѣній по Вислу.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ нѣчто прибавить къ опубликованнымъ доселѣ свѣдѣніямъ, такъ какъ имѣемъ въ рукахъ въ точныхъ копіяхъ корреспонденцію, изъ которой видно, что Бисмаркъ старался чрезъ посредство Клобуковскаго вступить въ соглашеніе съ княземъ Владиславомъ Чарторискимъ, который въ Парижѣ служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ польской революціонной организаціи съ Наполеономъ III.

Быть можетъ, мы когда-нибудь и возвратимся къ этому любопытному въ исторіи дипломатическихъ интригъ эпизоду. Теперь же можемъ только, на основаніи упомянутой переписки, вполне подтвердить показаніе исторіографа польскаго возстанія г. Берга, замѣтивъ, что единственная его ошибка заключалась въ томъ, что сношенія Бисмарка съ приверженцами польскаго возстанія происходили не въ 1864, но въ 1865 году.

Бисмаркъ былъ убѣжденъ, что Пруссія сама была достаточно сильна, чтобы изгнать Австрію изъ германскаго союза и безъ внѣшней помощи, и въ этой оцѣнкѣ ея силы—главная его заслуга; какъ политика; вторая же его заслуга—въ томъ, что

¹⁾ Бисмаркъ и самъ сообщилъ объ этихъ фактахъ и о мотивахъ рѣшенія въ рѣчи, произнесенной въ рейхстагѣ 8 февраля 1888 г.

²⁾ Стр. 99.

онъ съумѣлъ убѣдить къ политикѣ переворотовъ короля, преданнаго консервативнымъ принципамъ. Все остальное пришло, если не само-собою, то все-таки какъ неизбежный результатъ столкновѣнія силъ, правильно Бисмаркомъ оцѣненныхъ.

Въ 1863 году 5 ноября французское правительство разослало циркулярную ноту, приглашавшую державы на конгрессъ въ Парижъ для урегулированія всѣхъ дѣлъ спорныхъ, въ виду того, что трактаты 1815 года фактически уже никѣмъ не считались обязательными. Было извѣстно, что при этомъ случаѣ Наполеонъ хотѣлъ провести утвержденіе Европою Итальянскаго королевства, рассчитывая главнымъ образомъ на согласіе Пруссіи. Вслѣдствіе того, Австрія встревожилась этимъ предложеніемъ, опасаясь, что отъ нея потребуются дальнѣйшія территориальныя уступки.

И Пруссія въ самомъ дѣлѣ отозвалась благопріятно. Въ письмѣ къ императору Наполеону, отъ 18 ноября 1863 года, король Вильгельмъ предлагалъ „свое безпристрастное и безкорыстное содѣйствіе къ соглашенію относительно основаній будущаго конгресса“, и не отказывался самъ пріѣхать въ Парижъ, „будучи увѣренъ, что встрѣтитъ тамъ тотъ же сердечный пріемъ, который сдѣлалъ ему столь дорогимъ воспоминаніе о его пребываніи въ Компьенѣ“.

Поводы при этомъ прусской политики легко понять. О нарушеніи ею трактатовъ на конгрессѣ не могло быть рѣчи (напомнимъ, что это происходило еще до Датской войны). А между тѣмъ, французскій циркуляръ пришелъ вскорѣ послѣ кончины датскаго короля Фридриха VII, когда, по собственному признанію Бисмарка, онъ тотчасъ сталъ думать о разрѣшеніи шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, — разрѣшеніи, изъ котораго могло истечь объединеніе Германіи Пруссіею.

Для Бисмарка рѣшительно наступала пора пустить въ дѣйствіе Eisen und Blut. Послѣ конвенціи 1863 г. съ Россіей, онъ оказалъ ей еще „громадную“, по оффиціальному представленію, услугу, побудивъ Австрію провозгласить въ Галиціи осадное положеніе; но въ это время новая эта услуга была уже мало замѣтною, такъ какъ дни польскаго возстанія были сочтены, и представлялось неважнымъ, — прошли ли бы еще изъ Галиціи въ Царство Польское нѣсколько сотенъ добровольцевъ повстанія или нѣтъ. Но, во всякомъ случаѣ, услугами этими Бисмаркъ устранилъ всякое слово со стороны Россіи по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу въ защиту Даніи, что представляло пол-

ное отступленіе русской политики отъ ея образа дѣйствій при Императорѣ Николаѣ, не допустившемъ прусскаго нападенія на Данію.

Ничто такъ не охарактеризуетъ прусскую политику, какъ ловкое привлеченіе къ совмѣстному дѣйствію Австріи въ этомъ вопросѣ. Вотъ какъ самъ Бисмаркъ объясняетъ этотъ шахматный ходъ: „Это—то дипломатическое дѣяніе, которымъ я наиболѣе горжусь. О завоеваніи Шлезвигъ-Гольштейна я сталъ думать тотчасъ вслѣдъ за смертью датскаго короля. Но осуществить это было трудно—все было противъ меня... Самъ король долго не хотѣлъ объ этомъ слышать. У насъ состоялось въ то время совѣщаніе министровъ, на которомъ я изложилъ моимъ слушателямъ относительно Австріи такія вещи, которыя имъ казались преувеличенными и невозможными; судя по ихъ минамъ, они положительно думали, что я выпилъ лишнее за завтракомъ“. Бисмаркъ именно доказывалъ, что въ этотъ союзъ противъ Даніи онъ завлечетъ Австрію, въ полномъ убѣжденіи, что изъ него произойдетъ раздоръ. Утверждаютъ, будто въ совѣтѣ министровъ онъ ручался, что изъ совмѣстнаго дѣйствія съ Австріею онъ извлечетъ средства къ тому, чтобы вытѣснить Австрію изъ Германскаго союза ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, не знаешь, чему болѣе дивиться: тому ли, что авторъ этого признанія рѣшился въ свое время выступить съ подобными заявленіями въ совѣтѣ министровъ, или что онъ считалъ возможнымъ похваляться впоследствии такимъ, вперёдъ разсчитаннымъ, вѣроломствомъ.

Бисмаркъ не стѣнялся давать и генераламъ инструкціи въ такомъ духѣ. Въ доказательство можно привести двѣ телеграммы, заимствованныя изъ сочиненія извѣстнаго итальянскаго генерала маркиза ди-Ла-Мармора ²⁾. Дѣло въ томъ, что на основаніи гастейнской конвенціи, заключенной между Пруссіею и Австріею 14-го августа 1865 года (черезъ годъ по окончаніи войны съ Даніею), прусскія войска занимали Шлезвигъ, а австрійскія—Гольштейнъ. Командующіе войсками управляли и занятыми ими областями: генераль баронъ Мантейфель — Шлезвигомъ, а генераль Габленцъ — Гольштейномъ. Пруссія и Австрія въ это время уже находились въ полномъ антагонизмѣ.

¹⁾ Rathlef. „Bismarck und Oesterreich bis 1866“. 1893, стр. 48.

²⁾ „Un po' più di luce sugli eventi politici e militari dell' anno 1866“. Firenze. 1873.

И вотъ, Бисмаркъ, заручившись союзомъ съ Италіей (въ апрѣлѣ 1866 года), предписалъ генералу Мантейфелю въ іюнѣ вступить съ прусскими войсками въ Гольштейнъ, занятый австрійцами, само собою разумѣется — чтобы вызвать тѣмъ Австрію къ объявленію Пруссіи войны. Но Австрія, избѣгая войны, соблюдала строго конвенцію, и генераль Габленцъ, чтобы избѣгнуть военнаго столкновенія, отступилъ въ южную часть Гольштейна. Генераль Ла-Мармора въ это время былъ президентомъ совѣта и министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Италіи; графъ Барраль — итальянскимъ посланникомъ въ Берлинѣ.

Теперь приведемъ текстъ упомянутыхъ телеграммъ. „*Берлинъ* 10 іюня 1866. Бисмаркъ сильно негодуетъ на барона Мантейфеля за то, что тотъ, вмѣсто того, чтобы энергически дѣйствовать противъ австрійцевъ при своемъ вступленіи въ Гольштейнъ, далъ генералу Габленцу убаюкать себя и упустилъ этотъ случай къ столкновенію. Можете вы себѣ представить это? сказалъ онъ мнѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, созывъ представителей, вѣроятно, еще можетъ вызвать столкновеніе. Итакъ, намъ надо еще ждать. *Барраль*“.

Другая телеграмма — самого министра. „*Флоренція*, 11 іюня 1866. Барраль сообщилъ мнѣ, что Бисмаркъ взбѣшенъ на Мантейфеля, который не сумѣлъ вызвать конфликта при занятіи Гольштейна. Но мнѣ непонятно, какъ могъ бы Мантейфель стрѣлять по австрійцамъ, когда тѣ отступили безъ сопротивленія. Какъ бы то ни было, Барраль указываетъ на новое замедленіе и говоритъ, что положеніе болѣе запутано, чѣмъ когда-либо. *Ла-Мармора*“.

О порученіяхъ, которыя были даны тому же генералу Мантейфелю къ русскому правительству, въ біографіи его ¹⁾ сказано лишь кратко, что онъ былъ посылаемъ къ Императору Александру II въ 1866 г., исполнилъ данное ему порученіе уснѣшно и оставался при русскомъ дворѣ до конца августа.

Даже на основаніи оффиціальныхъ прусскихъ документовъ было бы не трудно доказать ложность утвержденія, будто тѣ услуги, которыя Пруссія принесла въ 1863 году Россіи, такъ велики, что послѣдовавшія затѣмъ пріязненныя дѣйствія Россіи были естественнымъ проявленіемъ благодарности, а не какихъ-либо формальныхъ обязательствъ.

¹⁾ „General-Feldmarschal Edwin Freih. v. Manteuffel“. Von Keck.

V.

Значеніе содѣйствія Россіи при объединеніи Германіи.

Въ Петербургѣ весьма ясно сознавали опасность, какая возникала для Россіи вслѣдствіе прусской гегемоніи въ Германіи. Когда неизбежность столкновенія Пруссіи съ Австріею стала дѣломъ очевиднымъ, вопросъ этотъ былъ обсуждаемъ всесторонне, и результатомъ его явился меморіаль князя Горчакова 1864 года, разъяснявшій дипломатическимъ агентамъ тогдашнее политическое положеніе, подъ заглавіемъ „La politique du présent“ ¹⁾. Въ немъ сказано:

„... Прусская монархія образовалась путемъ завоеваній и стремленія къ расширенію границъ. *Государства удерживаются въ силѣ тѣми же средствами, какими вызвано ихъ основаніе.* Политика Пруссіи честолюбива и безпокойна. Если не имѣть въ виду поощренія Пруссіи на этомъ пути, то мы не имѣемъ иныхъ поводовъ для противодѣйствія ея росту, пока онъ не нарушаетъ нашихъ прямыхъ интересовъ“.

Относительно нѣмецкаго единства, въ немъ было сказано:

„Въ 1854 году Германія не въ силахъ была противостать давленію нашихъ враговъ и покинула насъ. Намъ, слѣдовательно, нѣтъ расчета сохранять такое положеніе. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что, съ осуществленіемъ единства, Германія потеряетъ свой безобидный характеръ. Въ 1848 году она заявляла притязанія не только на нѣмецкія провинціи Даніи, но и на Лотарингію, Эльзасъ, нѣмецкую Швейцарію, Лифляндію, Эстляндію и Курляндію. Въ настоящую минуту, мы видимъ, съ какою жадностью она стремится къ присоединенію Шлезвигъ-Гольштейна. При подобныхъ обстоятельствахъ, еслибы славянскій вопросъ сталъ на очередь, она (Германія) могла бы перетянуть вѣсы европейской политики въ сторону, враждебную намъ“.

Далѣе, изъ свѣдѣній о покойномъ фельдмаршалѣ кн. Барятинскомъ, которыя были опубликованы въ „Русскомъ Архивѣ“ ²⁾, видно, что фельдмаршалъ, въ бытность свою въ Петербургѣ по случаю празднованія серебряной свадьбы покойныхъ Государя и Государыни, счелъ долгомъ доложить свое мнѣніе, что Россіи слѣдовало бы принять участіе въ предстоявшей войнѣ

¹⁾ Меморіаль этотъ напечатанъ въ сочиненіи „Berlin et Petersbourg“, изданномъ при пособіи прусскаго „Бюро печати“.

²⁾ Цитируемъ по соч. Radbolsky „Ein vierzigjähriges Tableau. Rolle des Fürsten Bismarck“, стр. 53.

Пруссіи съ Австрією. Взглядъ кн. Барятинскаго заключался въ томъ, что въ той войнѣ превосходная прусская армія непременно должна была побѣдить и что побѣда увеличитъ значеніе Пруссіи, въ ущербъ Россіи; между тѣмъ какъ еслибы Австрію побѣдили соединенныя силы Пруссіи и Россіи, тогда можно было бы создать самостоятельную Венгрію, нѣмецкія области Австріи присоединить къ Пруссіи, области же славянскія—взять подъ покровительство Россіи. Такимъ образомъ, былъ бы пріобрѣтенъ ключъ къ восточному вопросу, „находящійся въ Вѣнѣ“. Еслибы же упущенъ былъ столь удобный случай, то Россіи пришлось бы впоследствии, лѣтъ черезъ пять или десять, дорого поплатиться за это. Фельдмаршалъ передавалъ впоследствии близкимъ лицамъ, что предложенная имъ мысль была подвергнута обсужденію въ особомъ засѣданіи, на которомъ находились, въ присутствіи Императора, министры: графъ Милютинъ и кн. Горчаковъ, а также самъ кн. Барятинскій; но фельдмаршалъ не разрѣшилъ опубликовать свѣдѣнія о результатѣ того засѣданія.

Этотъ инцидентъ весьма характеренъ для существовавшихъ въ то время отношеній и согласуется съ тѣмъ историческимъ фактомъ, что тотчасъ послѣ прусской побѣды подъ Садовой русская дипломатія протестовала противъ всякой передѣлки карты безъ согласія Россіи. „Баронъ Убри,—говоритъ Зибель¹⁾—формально объявилъ г. фонъ-Вертеру, что русское правительство сочтетъ всякія политическія и территориальныя измѣненія, какія бы предприняла Пруссія—несостоявшимися (non avenue), до тѣхъ поръ, пока Пруссія не предложитъ ихъ на свободное рѣшеніе европейской конференціи“.

Къ какимъ бы рѣшеніямъ ни пришелъ предполагавшійся конгрессъ, Пруссіи пришлось бы покориться. Правда, Австрія уже потерпѣла неудачу, армія ея была разбита, но она еще не заключила мира и, при иностранномъ содѣйствіи, могла бы еще продолжать борьбу.

Франція предъявила ультиматумъ, по которому за свой нейтралитетъ она потребовала уступки всего лѣваго берега Рейна и отреченія Пруссіи отъ правъ на Люксембургъ.

На Италію Пруссія разсчитывать не могла, потому что она уже получила Венецію, уступленную Австрією Наполеону III, для передачи Итальянскому королевству.

¹⁾ Sybel, „Begründung des Deutschen Reiches“, а также „Berlin und Petersburg“ стр. 159.

Даже послѣ того какъ пруссаки, побѣдивъ австрійцевъ и союзныя нѣмецкія войска въ 1866 г., написали на своемъ знамени общегерманскій девизъ, они еще не приобрѣли себѣ нѣмецкихъ симпатій. Положеніе того времени лучше всего охарактеризовалъ Бейстъ, когда сказалъ, что „союзные договоры, навязанные второстепеннымъ дворамъ, представляютъ собой клочки бумаги, а военные договоры, заключенные съ ними—обоюдоострое оружіе, которое можетъ обратиться противъ Пруссіи, подъ давленіемъ Франціи и Австріи“.

Еслибы представились какіе-нибудь шансы для успѣха, то и Данія стала бы стремиться отплатить за 1864 г. Къ тому же и Англія неблагосклонно смотрѣла на нарушеніе трактатовъ 1852 года Пруссіей, не обратившей вниманія на ея протесты противъ занятія Шлезвигъ-Гольштейна. Неудовольствіе Англіи доходило до такой напряженности, что министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Россель обращался съ нотою къ французскому кабинету, предлагая ему войти по поводу этого занятія въ соглашеніе съ Россією и Швеціей ¹⁾.

Общественное мнѣніе Германіи не сочувствовало намѣреніямъ Пруссіи. Этому содѣйствовало отчасти вліяніе Ватикана на нѣмецкихъ католиковъ, но, главнымъ образомъ, непопулярность прусскаго правительства среди либераловъ, вслѣдствіе памятнаго „конфликта“ съ прусскою палатою представителей. Самая эта палата прямо протестовала противъ войны и была распущена. Только вслѣдствіе блестящей побѣды надъ Австрією, въ Пруссіи произошелъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи, и самая палата пошла на примиреніе съ правительствомъ.

Но наканунѣ войны вся Германія относилась несочувственно къ предпріятію Пруссіи, видя въ немъ вызываемую честолюбіемъ Гогенцоллерновъ „братоубійственную борьбу“. Въ то время еще не существовала готская историческая школа, которая, послѣ побѣдъ Пруссіи, теоретически оправдывала ихъ необходимость на томъ основаніи, что Пруссія, якобы, „чисто германская“ страна, а потому все, что ни дѣлала Пруссія, оказывалось всегда въ пользу Германіи.

„Германская миссія“ Пруссіи до войны 1866 г. разумѣлась въ Германіи совсѣмъ не въ смыслѣ Blut und Eisen, но въ объ-

¹⁾ „Auswahl wichtiger Actenstücke zur Geschichte des XIX Jahrhunderts“, стр. 403.

единеніи Германіи Пруссіею, которая бы шествовала во главѣ народныхъ стремленій. Германія вовсе не желала ни быть присоединенной къ Пруссіи, ни сдѣлаться прусскою, сохраняя только имя „Германіи“. Къ такимъ воззрѣніямъ на конфликтъ 1866 года, на югѣ Германіи присоединилось врожденное чувство антипатіи къ пруссакамъ. Дѣйствительно, этнографическія различія въ данномъ случаѣ весьма рельефны, и ихъ не упразднятъ ни желѣзнодорожныя сообщенія, ни военная выправка на прусскій образецъ, ни представительство въ общемъ сеймѣ. Замѣчательно, что антипатіи эти не изгладились и нынѣ, несмотря на общее участіе въ славныхъ военныхъ дѣлахъ и на гордость всѣхъ нѣмцевъ могуществомъ Германіи, фактически вышедшимъ, все-таки, какъ бы о томъ ни думать, изъ прусской казармы.

Еслибы Россія не устранилась въ то время отъ цѣлой массы нагромоздившихся противъ Пруссіи недоброжелательствъ, не отказалась бы отъ предлагавшагося тогда конгресса и не помогла этимъ Пруссіи, то критическое положеніе послѣдней могло бы сдѣлаться отчаяннымъ.

Согласиться на предложеніе Наполеона III значило бы потерять больше, чѣмъ было приобрѣтено при помощи игольчатыхъ ружей, и дискредитировать себя передъ лицомъ новыхъ нѣмецкихъ союзниковъ. Рискнуть новой войной съ коалиціей было крайне опасно, а между тѣмъ эта опасность казалась неизбежною. Во Франціи рѣшено было созвать палаты, сдѣлать заемъ въ миллиардъ франковъ, выставить армію въ 100 т. чел. на восточной границѣ и предостеречь короля Вильгельма, что если Пруссія предприметъ такія территоріальныя расширенія, которыя могли бы угрожать европейскому равновѣсію, то Франція займетъ весь лѣвый берегъ Рейна.

Неудивительно поэтому, что когда, 6-го августа, посоль французскій Бенедетти обратился съ рѣшительнымъ заявленіемъ къ Бисмарку, то на послѣдняго угроза Франціи подѣйствовала настолько, что былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ Мольтке заявилъ, что силы Пруссіи достаточны для сильной обороны въ окрестностяхъ Праги; противъ Франціи же возможно будетъ выставить въ началѣ сентября болѣе 200 т. чел. войскъ сѣверогерманскихъ и 80 т. чел. южногерманскихъ. Войну и тамъ—прибавилъ онъ,—можно вести только оборонительную, но нечего ея опасаться; между тѣмъ, малѣйшая добровольная земельная уступка въ пользу Франціи сдѣ-

лала бы невысказаннымъ будущее предводительство Пруссіи въ Германіи. Вопросъ былъ рѣшенъ Бисмаркомъ. „И такъ“, — сказалъ онъ, — „Мольтке думаетъ объ оборонительномъ дѣйствіи какъ въ Богеміи, такъ и на Рейнѣ; но это затянеть дѣло, и мы подвергнемся еще чьему-нибудь вмѣшательству. Вотъ, еслибы Мольтке полагалъ возможнымъ сперва отдѣлать Австрію, а потомъ прогнать французовъ, пришедшихъ хотя бы въ Берлинъ, то я бы понялъ это. Но игра по оборонительной системѣ для меня слишкомъ рискованная: мы постараемся устроить миръ“.

Но Зибель, конечно, какъ оффиціальныи историкъ возникновенія Германской имперіи, представляетъ положеніе дѣла въ менѣе мрачномъ свѣтѣ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Правда, потери въ сраженіяхъ, включая и кениггрецкій бой, доходили у австрійцевъ до 72.874 человекъ, между тѣмъ какъ у пруссаковъ онѣ составляли всего 16.313 человекъ; но, тѣмъ не менѣе, австрійская армія, послѣ перемирія, готова была еще съ большимъ ожесточеніемъ возобновить бой. Къ этому поощряла ее дислокація, занятая прусскою арміею. Въ 1866 году пруссаки имѣли въ виду, главнымъ образомъ, безостановочность въ веденіи главныхъ операцій, чему подчиняли все остальное. Это не могло не отразиться и на устройствѣ ихъ тыла.

„Послѣ кениггрецкаго погрома и занятія Праги, приходилось устраивать вспомогательный базисъ вдоль желѣзнодорожной линіи Прага — Пардубиць — Бемишъ — Трюбау; но этотъ базисъ, едва удовлетворяя условіямъ хозяйственнымъ, не удовлетворялъ условіямъ боевымъ: въ тылу его находились три второстепенныхъ австрійскихъ крѣпости: Терезіенштадтъ, Іозефштадтъ и Кениггрець, а въ 60 верстахъ отъ лѣваго фланга — сильная австрійская крѣпость Ольмюць, гдѣ, по отступленіи австрійской арміи, оставался все-таки сильный гарнизонъ. Въ тылу пруссаковъ начинали формироваться и дѣйствовать партизанскіе отряды, съ кадрами изъ состава гарнизоновъ крѣпостей, начавшіе нападенія на прусскіе транспорты“.

„При такихъ условіяхъ довольствіе войскъ было сопряжено съ большими затрудненіями, а потому для пруссаковъ приобрѣтала въ высшей степени важное значеніе возможность пользоваться желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ съ Силезіею и Саксоніею; но вышеупомянутыя крѣпости тому препятствовали. Пруссакамъ пришлось пользоваться рѣчными линіями и дорогами шоссейными и даже обыкновенными“.

„При подобной обстановкѣ, для сколько-нибудь удовлетво-

рительнаго обезпеченія операціонной линіи, въ смыслѣ линіи коммуникаціонной и пути отступленія, пруссаки должны были назначить весьма значительныя силы. Всего, ко времени заключенія перемирія, 22-го іюня, въ тылу трехъ прусскихъ армій, силою около 194.000 чел., находилось около 49.600 чел., а считая венгерскій партизанскій отрядъ въ 2.000 чел., около 51.600 чел., или болѣе $\frac{1}{3}$ всего итога силъ пруссаковъ, находившихся на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій¹⁾.

Все это возбуждаетъ сомнѣніе въ осуществимости выраженной Молотке надежды держаться съ успѣхомъ оборонительно на двухъ театрахъ войны.

Бисмаркъ началъ, съ одной стороны, затягивать переговоры съ Бенедетти, съ другой — приступилъ къ исканію помощи у Императора Александра II.

Изъ донесеній Бенедетти видно, что Бисмаркъ указалъ ему лишь на необходимость нѣкотораго измѣненія въ редакціи французскихъ предложеній. Этимъ онъ какъ бы выказывалъ по существу согласіе на условія и только представилъ родъ контръ-предложенія, отвѣтомъ на которое скоро былъ присланъ изъ Парижа подробный проектъ союза между Франціей и Пруссіей. Въ Парижѣ, значитъ, вѣрили въ возможность его осуществленія.

Между тѣмъ отправленъ былъ къ петербургскому двору посоль съ письмами отъ прусскаго короля. Этимъ довѣреннымъ лицомъ оказался генераль Мантейфель, пользовавшійся одинаковымъ расположеніемъ какъ Вильгельма II, такъ и петербургскихъ высшихъ сферъ²⁾.

Неизвѣстно, какого рода увѣренія давалъ въ Петербургѣ прусскій посоль, но по нѣкоторымъ указаніямъ, имѣющимся въ сочиненіи Зибеля³⁾, дѣло произошло такимъ образомъ.

Заключеніе мира съ Австріей не приходило къ концу. Для того, чтобы произвести давленіе на нее, Пруссія стягивала войска изъ южной Германіи на богемскій театръ войны, причемъ Бисмаркъ надѣялся ублаготворить Францію дальнѣйшими неопредѣленными обѣщаніями, а между тѣмъ поручилъ Мантейфелю — позондировать въ Петербургѣ, не согласится ли Россія, въ случаѣ войны между Пруссією и Францією, подѣйство-

1) Полковникъ Гейсманъ. „Параллель между вторженіемъ пруссаковъ въ Богемію въ 1757 и 1867 годахъ“.

2) Rothan „Origines de la guerre de 1870“.

3) „Begründung des Deutschen Reiches“.

вать на Австрію дипломатически, такъ чтобы удержать ее отъ вмѣшательства въ эту войну — противъ Пруссіи. Мантейфель отвѣчалъ: „Горчаковъ формально ничего не обѣщаетъ, но во всякомъ случаѣ вы можете выступить противъ Франціи энергически“. Такимъ образомъ, было сдѣлано все для того, чтобы въ случаѣ войны устранить возможность коалиціи противъ Пруссіи.

Зибель увѣряетъ, что на рѣшеніе Россіи повліяли виды ея на уничтоженіе статьи Парижскаго трактата, лишившей ее права имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ. Но нужна была бы немалая доля наивности, чтобы повѣрить этому. Въ мемуарахъ ¹⁾, относящихся къ тому времени, дѣло представляется иначе.

Въ Царскомъ Селѣ находился присланный отъ короля ганноверскаго генераль Кнезебекъ съ порученіемъ склонить Россію къ вмѣшательству; онъ питалъ надежду на успѣхъ до того момента, когда пріѣхалъ Мантейфель съ заявленіемъ, что если Россія воспрепятствуетъ исполненію миссіи Пруссіи относительно объединенія Германіи, то Пруссія вполнѣдствіи чрезъ присоединеніе къ врагамъ Россіи будетъ также въ состояніи парализовать ея силы на сѣверо-западѣ. Такъ какъ, *вслѣдствіе миссіи Мантейфеля, произошло полное согласіе съ Пруссіею*, то Кнезебекъ уѣхалъ безъ всякаго результата.

Лишь вполнѣдствіи, когда откроются всѣ архивы, — выяснятся всѣ относящіяся къ этому времени обстоятельства, но, принимая даже буквально версію Зибеля, во всякомъ случаѣ, надо согласиться, что Пруссія воспользовалась громадною услугой со стороны Россіи. Можно себѣ представить радость Бисмарка, когда Бенедетти пришлось послать донесеніе своему государю о томъ, что Пруссія заключила союзъ съ другой великою державой. Въ виду этого, Наполеонъ III не рѣшился поддерживать свои притязанія силой и сталъ искать союза съ Австріей, которая въ то время должна была заключить миръ.

Послѣ войны 1866 года, Австрія и Франція не переставали помышлять о присканіи комбинацій, могущихъ уменьшить силу Пруссіи.

Австрійскій канцлеръ графъ Бейсть подалъ проектъ заключенія австро-италіано-французскаго союза.

Особенно изобилень интригами, если вѣрить опубликованнымъ въ послѣднее время свѣдѣніямъ, былъ 1867-й годъ.

По одному извѣстію ²⁾, Австрія въ январѣ 1867 года, т. е.

1) Oskar Meding. „Memoiren zur Zeitgeschichte“.

2) «Das Ende des Fürsten Bismarck in der ausw. Politik».

черезъ полгода по заключеніи мира съ Пруссіею, заявляла Россіи готовность разрѣшить въ согласіи съ ней восточный вопросъ, если бы только Россія захотѣла помочь ей противъ Пруссіи. Но когда Россія на это не пошла, потому что уже не опасалась противодѣйствія Австріи, ослабленной выходомъ изъ германскаго союза, и предпочитала рѣшать восточный вопросъ одна,—Пруссія, въ свою очередь, будто бы сдѣлала вѣнскому двору 14 апрѣля 1867 г. предложеніе—поддерживать Австрію въ восточныхъ дѣлахъ противъ Россіи. Наученный горькимъ опытомъ, графъ Бейсть отвѣчалъ на это 15 мая отказомъ, ссылаясь на то, что Пруссія, заключеніемъ военныхъ конвенцій съ южно-германскими государствами, нарушила пражскій трактатъ. Указаніе на сущность непринятыхъ въ то время Австріею предложеній Бисмарка мы находимъ въ другомъ сочиненіи ¹⁾, авторъ котораго утверждаетъ, что они состояли въ заключеніи австрійско-французско-германскаго союза противъ Россіи по восточнымъ дѣламъ.

Все это раскрываетъ цѣлую сѣть постоянныхъ интригъ, которую Бисмаркъ ткалъ то въ одну сторону, то въ другую, нисколько не стѣняясь ни провозглашавшеюся имъ дружбою, ни только-что данными обѣщаніями. Невольно при этомъ припоминается отзывъ французскаго лѣтописца Фруассара, который еще въ XIV в. писалъ: „нѣмцы по натурѣ грубы и неповоротливы, кромѣ въ алчности своей за добычей, въ чемъ они весьма обстоятельны и искусны; отиѣнно коварны и больше прочихъ всякихъ людей, а что обѣщали, изъ того ничего не исполняютъ; подобные люди хуже сарацинъ да и язычниковъ“ ²⁾.

Въ такихъ отношеніяхъ находились державы къ концу 60-хъ годовъ. Несомнѣнно, что условія эти были въ высшей степени благопріятны для новой инициативы со стороны Пруссіи. И дѣйствительно, она проявилась сперва въ возбужденіи Бисмаркомъ вопроса о Люксембургѣ, а затѣмъ въ поставленіи кандидатуры Гогенцоллерна на испанскій престолъ.

Война 1870 года вспыхнула раньше, чѣмъ окончены были переговоры между Франціею и Австріею о формальномъ союзѣ. Между ними существовало однако соглашеніе, въ видѣ писемъ, которыми обмѣнялись оба императора, и въ Парижѣ рассчитывали на помощь какъ Австріи, такъ и Италіи; но уже 20-го

¹⁾ „Berlin-Wien-Rom. Zwölf Jahre: 1870—1891“.

²⁾ I. Klaczko. „Études de diplomatie“.

іюля графъ Меттернихъ, бывшій австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, вручилъ правительству Наполеона III ноту, въ которой Бейстъ, несмотря на объявленный 11-го того же іюля нейтралитетъ Австріи, заявлялъ объ *искреннемъ желаніи дружественно вмѣшаться въ распрю, однако указывалъ на препятствія къ этому со стороны Россіи*. Бейстъ говорилъ, что, по его мнѣнію, война могла бы при этомъ развиваться по всей Европѣ ¹⁾).

Послѣднее утвержденіе графа Бейста было вполнѣ основательно. Россія готова была вполнѣ обезпечить Пруссію съ восточной стороны.

До какихъ предѣловъ доходила солидарность Россіи съ Пруссіей, можно было заключить изъ того, что уже сдѣланы были распоряженія со стороны военнаго министра и министра путей сообщенія относительно плана передвиженія войскъ къ австрійской границѣ. Но извѣстія о рѣшительныхъ побѣдахъ германскихъ войскъ получились такъ скоро, что не было уже времени для перевезенія войскъ, и оно было отмѣнено.

Но спрашивается, каковы были бы результаты войны для Пруссіи, еслибы Россія слѣдовала иной политикѣ? Министръ-резидентъ Ротанъ рассказываетъ, а найденныя въ Сенъ-Клубаги Наполеона III подтверждаютъ это, что въ февралѣ 1870 г. пріѣзжалъ въ Парижъ эрцгерцогъ Альбрехтъ, чтобы условиться на счетъ плана кампаніи противъ Пруссіи, а затѣмъ, въ маѣ, генераль Лебрёнъ ѣздилъ съ той же цѣлью въ Вѣну, причемъ было рѣшено, что Франція мобилизуетъ въ 14 дней 400.000 человекъ, что французы перейдутъ Рейнь, а въ Франконіи съ ними соединятся 100.000 австрійцевъ.

Далѣе мы видимъ, изъ депеши Бейста къ кн. Меттерниху, австрійскому послу въ Парижѣ, отъ 20-го іюля, что и въ положеніи Австріи произошла перемѣна всего черезъ нѣсколько дней послѣ начала военныхъ дѣйствій между Германією и Францією. Мы приведемъ дословно то мѣсто этой депеши, которымъ удостовѣряется фактъ предшествовавшихъ соглашеній о совмѣстномъ дѣйствіи: „Повторите императору Наполеону и его министрамъ—пишетъ Бейстъ послу—что, будучи вѣрными обязательствамъ, установленнымъ въ тѣхъ письмахъ, какими обмѣнялись оба государя въ концѣ прошедшаго года, мы смотримъ на дѣло Франціи, какъ на собственное наше дѣло, и

¹⁾ Нота гр. Бейста.

будемъ содѣйствовать, въ предѣлахъ возможнаго, успѣхамъ ея оружія. Эти предѣлы обусловливаются какъ внѣшними, такъ и внутренними соображеніями. Мы имѣемъ основанія къ увѣренности, что Россія будетъ держаться своего союза съ Пруссіею и что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, вмѣшательство русскихъ войскъ не только вѣроятно, но несомнѣнно. *Намъ извѣстно, что, какъ только мы начали бы дѣйствія, то же самое сдѣлаетъ и Россія, которая будетъ угрожать намъ не только въ Галиціи, но и на Прутѣ, и на низовьяхъ Дуная.* Вслѣдствіе того, въ настоящій моментъ видимой цѣлью нашей политики должно быть только удержаніе Россіи въ положеніи нейтральномъ, до тѣхъ поръ, когда позднее время года не позволитъ ей стягивать войска; теперь же мы должны избѣгать всего, что могло бы дать Россіи поводъ къ вмѣшательству...“ Далѣе, объясняя, что онъ, съ сожалѣніемъ, принужденъ примѣнить къ положенію, какое временно должна занимать Австрія, — слово „нейтралитетъ“, министръ объяснялъ, что эта нейтральность представляетъ лишь средство для Австріи докончить ея вооруженія, а вмѣстѣ сообщалъ, что онъ уже вошелъ въ сношенія съ итальянскимъ правительствомъ въ цѣляхъ желаемаго, императоромъ Наполеономъ, посредничества Австріи и Италіи. Онъ прибавлялъ еще слѣдующее: „Я уже телеграфировалъ вамъ о необходимости выхода французскихъ войскъ изъ Рима. Какъ только Римъ будетъ очищенъ отъ французовъ, итальянцамъ можно будетъ занять его съ согласія Франціи и Австріи. Итальянцы не будутъ искренно на нашей сторонѣ, пока мы не вырвемъ у Италіи этой занозы въ Римѣ“.

Но, какъ извѣстно, Наполеонъ III не рѣшился во-время на этотъ шагъ, а стало быть не безъ основанія принцъ Наполеонъ-Жеромъ писалъ ¹⁾, что „клерикальная партія господствовала надъ Наполеономъ III и что желаніе сохранить свѣтскую власть папы стоило Франціи Эльзаса и Лотарингіи“. Правда, французскія войска вскорѣ все-таки были отозваны изъ Рима, но это послѣдовало уже послѣ германскихъ побѣдъ, при Спихеренѣ и Вёртѣ. Тогда итальянцы тотчасъ заняли Римъ, но уже не считали себя связанными услугой со стороны Франціи и обѣщаннымъ ими за нее содѣйствіемъ.

Итакъ, въ 1870 году, какъ и въ 1866 г., быстрота военныхъ успѣховъ Пруссіи помѣшала приведенію въ дѣйствіе созданныхъ дипломатіею соглашеній за и противъ нея. Побѣда слѣдо-

¹⁾ „Revue des Deux Mondes“, 1878.

вала за побѣдой, а потому и не состоялась австрійская мобилизація, а стало быть, не оказалось нужды и въ мобилизаціи русскихъ войскъ противъ Австріи. Но окончательное рѣшеніе о невмѣшательствѣ Австріи въ войну состоялось не ранѣе, чѣмъ въ ноябрѣ, на особомъ военномъ совѣтѣ, подъ предѣдательствомъ императора. Это обстоятельство, какъ прусскій король писалъ о томъ въ свое время фонъ-Грунеру, заставило Вильгельма, несмотря на состоявшійся уже разгромъ французской арміи, „серьезно задуматься“¹⁾.

Итакъ, существованіе въ то время обязательствъ между Россією и Пруссією вполнѣ доказывается дипломатическою перепиской. И это представлялось естественнымъ, такъ какъ для Россіи было выгодно ослабленіе Австріи, какъ всегдашней ея противницы на востокѣ; если, конечно, при этомъ могла существовать увѣренность, что та новая, могущественная держава, единая Германія, которая создавалась въ то время, непремѣнно станетъ преслѣдовать на востокѣ инья, чѣмъ Австрія, цѣли. Между тѣмъ, общественное мнѣніе въ Россіи инстинктивно, но вѣрно угадало, что захватъ Германіи Пруссією не будетъ имѣть выгодныхъ послѣдствій для Россіи: къ неожиданнымъ и удивительнымъ побѣдамъ нѣмцевъ надъ французами русское общество относилось съ несочувствіемъ и сожалѣніемъ.

Наоборотъ, вліятельныя сфѣры были крайне довольны такимъ оборотомъ дѣлъ и, надо полагать, имѣли къ тому какіе-либо, неизвѣстные публикѣ, поводы. Иначе нельзя объяснить такого отношенія къ триумфамъ Пруссіи, которое являлось совершенно несогласнымъ со взглядами, заявленными русской дипломатіей въ 1864 г., по поводу стремленія Пруссіи къ гегемоніи въ Германіи.

Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что Россія оказала содѣйствіе къ объединенію Германіи. Какъ сильно было, на первыхъ порахъ, чувство признательности за такую услугу, удостовѣрялось телеграммой короля Вильгельма къ Императору Александру II 7 февраля 1871 года: „Пруссія никогда не забудетъ, что она Вамъ обязана тѣмъ, что война не приняла болѣе широкихъ размѣровъ. Благословеніе Божіе на Васъ! Навсегда Вамъ благодарный Вильгельмъ“.

И дѣйствительно, война Пруссіи съ Австрією въ 1866 году и франко-прусская война 1870 года могли доставить Пруссіи столь блестящіе результаты лишь вслѣдствіе перемѣны во взглядахъ на объединеніе Германіи русскаго правительства.

¹⁾ „Das Ende des Fürsten Bismarck in der auswärtigen Politik“.

VI.

Послѣдствія противодѣйствія Россіи новому разгрому Франціи.

Послѣдствіемъ событій, которымъ во всякомъ случаѣ не препятствовала политика русскаго кабинета, былиобъ единеніе Германіи подъ прусскимъ жезломъ и перемѣщеніе центра тяжести политической силы изъ Парижа въ Берлинъ. Такіе результаты имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ громадное вліяніе на взаимныя настроенія народовъ и, въ связи съ нимъ, на духъ армій. Въ арміи прусско-германской сталъ господствовать духъ самоувѣренности побѣдителя—въ начальникахъ, начиная съ унтеръ-офицеровъ, въ то время, какъ среди массы рядовыхъ ослабѣли сепаратическія наклонности и недовольство тягостью повинности и налоговъ. Въ арміи же французской, напротивъ, хотя идея реванша нѣсколько и оживляла военный духъ, но ей, вслѣдствіе вынесеннато горькаго опыта, противорѣчили и весь ходъ жизни, и то обстоятельство, что народъ, съ провозглашеніемъ республики, сталъ менѣе податливымъ, чѣмъ прежде, къ увлеченіямъ военной славой.

Что же касается Россіи, то она вскорѣ должна бы испытать, насколько вѣрно правило восточной мудрости, что въ союзники не слѣдуетъ брать сосѣдей, могущихъ имѣть противоположные интересы. Объединеніе Германіи— фактъ, превосходившій, вѣроятно, ожиданія какъ Фридриха Великаго, такъ и самого Бисмарка — состоялось; присоединивъ къ себѣ Эльзась-Лотарингію, Германія подвинула свою границу на самый хребетъ Вогезовъ, на разстояніе всего 12-ти-дневнаго похода къ самому Парижу, лишивъ при этомъ Францію и рѣкъ, и горъ для защиты.

Не одно военное могущество, но и торговля и промышленность возросли, что отразилось и на увеличеніи благосостоянія населенія.

Мы уже неоднократно приводили мнѣнія военныхъ авторитетовъ, что въ настоящее время, для вѣроятной оцѣнки результатовъ военныхъ предпріятій, недостаточно принимать въ расчетъ одну численность армій, а необходимо имѣть въ виду и всю сумму экономическихъ и общественныхъ силъ государства. Поэтому мы находимъ умѣстнымъ привести здѣсь съ самаго начала нѣкоторыя изъ убѣдительныхъ цифръ, заимствуя ихъ изъ нашего труда „Сравненіе матеріальнаго быта и нравственнаго состоянія населенія западныхъ, великороссійскихъ и привислянскихъ губерній“ ¹⁾. Эти цифры далѣе еще понадобятся

¹⁾ Трудъ этотъ печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

намъ, чтобы показать, какими замѣшательствами грозитъ каждая продолжительная война.

Извѣстный статистикъ Soetbeer вычисляетъ, что съ 1874 по 1888 годъ общая сложность доходовъ въ Германіи, превышавшихъ 3 тысячи марокъ, возросла на 44 проц., между тѣмъ какъ число населенія увеличилось всего на 14 проц.

Что же касается специально Пруссіи, то тотъ же писатель указываетъ на благопріятный ходъ распредѣленія въ ней народныхъ доходовъ въ 1884—85 гг., сравнительно съ 1872 г.

Разряды доходовъ..		Процентная доля каждаго разряда въ общемъ итогѣ.	
		1872 г.	1884—85 гг.
До	525 марокъ.		
Отъ	525 до 2.000 марокъ . .	39,10 проц.	43,18 проц.
"	2.000 " 6.000 " . .	56,20 "	51,44 "
"	6.000 " 20.000 " . .	4,15 "	4,43 "
"	20.000 " 100.000 " . .	0,50 "	0,79 "
Свыше	100.000 " . .	0,08 "	9,11 "
		100	100

Но въ послѣднее время экономическая жизнь подверглась могущественнымъ вліяніямъ во всѣхъ странахъ, такъ что является вопросъ: не обозначаютъ ли эти цифры, относящіяся къ Германіи и Пруссіи, результатовъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ какіе оказываются въ иныхъ странахъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, лучше всего сдѣлать сравненіе съ Англіею.

Приростъ населенія, этотъ важнѣйшій изъ признаковъ народнаго благосостоянія, при нормальныхъ условіяхъ, представлялъ съ 1875 по 1885 г. въ Пруссіи 10 проц., а въ Англіи 10,6 проц., т. е. былъ почти одинаковъ. Но если принять при этомъ въ расчетъ болѣе значительную эмиграцію изъ Германіи, чѣмъ изъ Англіи, обусловленную причинами скорѣе политическими, чѣмъ экономическими, то перевѣсъ прироста останется на сторонѣ Германіи¹⁾.

1) Эмиграція изъ Германіи по официальнымъ даннымъ составляла:
 въ періодъ 1851—60 гг. 1.130.000 душъ.
 " " 1861—70 " 970.000 "

Общій приростъ дохода съ 1875 по 1886 г. составлялъ въ Пруссіи 13,7%, въ Англіи же всего 8,7⁰/₀. Средній доходъ на 1 жителя въ Пруссіи за то же время возросъ на 3⁰/₀, между тѣмъ какъ въ Англіи онъ уменьшился на 1,9⁰/₀. И такъ, въ Германіи оказался приростъ дохода, а въ Англіи уменьшеніе.

Взглянемъ на другія данныя, по которымъ можно судить объ уровнѣ благосостоянія.

Вклады въ сберегательныхъ кассахъ Пруссіи въ десятилѣтіе 1876—1885 гг. почти удвоились, а именно съ 1.221 милліона марокъ возросли до 2.260 милл., причемъ число вкладчиковъ возросло съ 2.371 до 4.209. Приростъ въ этомъ отношеніи, замѣчаемый въ Англіи, гораздо менѣ значителенъ, а именно: въ 1876 году тамъ было въ почтовыхъ и другихъ сберегательныхъ кассахъ вкладовъ на 73 милліона фунтовъ ст., а въ 1886 г.— 97 милл. фунтовъ.

Сверхъ того, можно указать на огромное возрастаніе въ Пруссіи суммы страхованій отъ смертныхъ случаевъ. Въ 1867 году было всего 188 тысячъ лицъ, застраховавшихъ жизнь, въ совокупности на капиталъ въ 520 милліоновъ марокъ; въ 1888 же году оказывается уже 406 тыс. страхующихся, на капиталъ въ 1.225 милліоновъ марокъ. Такимъ образомъ, число страхующихся болѣе чѣмъ удвоилось, а цифра застрахованнаго капитала возрасла въ три раза.

Размѣры операций по страхованію пожизненныхъ доходовъ возросли еще въ большей степени. Въ 1867 г. было 267 тысячъ лицъ, а въ 1886 г. уже 755 тысячъ, то-есть цифра втрое болѣе. Сумма застрахованныхъ капиталовъ составляла въ 1867 г. всего 765 милл. марокъ, а въ 1886 г. уже 2.973 милл., т. е. почти учетверилась. Изъ этого ясно, что хотя пожертвованія для обезпеченія семействъ и остаются нѣсколько ниже взносовъ для обезпеченія самого себя въ старости или болѣзни, но тѣмъ не менѣе они показываютъ несправедливость нареканій на ослабленіе семейныхъ основъ. Эти цифры, напротивъ, до-

въ періодъ 1871—80 гг.	595.000 душъ.
„ „ 1881—83 „	570.000 „

Итого . . . 3.265.000 душъ.

Но эта цифра должна быть еще значительно ниже дѣйствительной, такъ какъ множество эмигрантовъ избѣгаютъ провѣрки, отправляясь изъ портовъ негерманскихъ.

казываютъ, что заботы объ участи остающихся семей все болѣе и болѣе увеличиваются.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что болѣшая часть капиталовъ, вложенныхъ въ эти страхованія, принадлежитъ лицамъ такъ называемаго средняго сословія.

Конечно, надо и то сказать, что экономическій прогрессъ этого времени представляется еще болѣшимъ во Франціи.

Народное богатство во Франціи по отношенію къ числу населенія возросло почти въ шесть разъ. Сто лѣтъ тому назадъ народное богатство, при 20 милліонахъ населенія, исчислялось въ 38 милліардовъ франковъ, а въ настоящее время, при населеніи, неполнѣе еще удвоившемся, составляетъ 235 милліардовъ франковъ, и движеніе въ этомъ направленіи постоянно и быстро усиливается.

Въ періодъ съ 1869 по 1889 г., не взирая на бѣдствія войны съ Германіею и послѣдствія ихъ, народное богатство возросло во Франціи на 90 милліардовъ франковъ. При этомъ, распредѣленіе доходовъ приняло совсѣмъ иной видъ, чѣмъ въ прежнія времена. Въ 1789 году, буржуазія и крестьяне, вмѣстѣ, владѣли всего $\frac{1}{4}$ недвижимостей, а уплачивали $\frac{3}{4}$ общей суммы земельныхъ сборовъ. Теперь же, по опредѣленію Lecoq-Beaulieu, около $\frac{1}{2}$ суммы чистаго дохода съ земли принадлежитъ мелкимъ собственникамъ, т. е. не превышаетъ 1.000 фр. на собственника; $\frac{1}{2}$ поступаетъ въ руки собственниковъ среднихъ, составляя отъ 1.000 до 3.000 франковъ на владѣльца; затѣмъ никакъ не болѣе $\frac{1}{4}$ приходится на долю того, что называется громкимъ именемъ „крупнаго“ землевладѣнія, включая въ него весь классъ собственниковъ, получающихъ не менѣе 3.000 франковъ чистаго дохода въ годъ. Но для сравненія необходимо принять въ расчетъ, что во Франціи цифра населенія возрастаетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Великобританіи и Германіи, а въ послѣднее время приращеніе населенія во Франціи ничтожно. Понятно, что, раздѣляя народное богатство Франціи на число душъ населенія, получаютъ результаты болѣе благопріятныя, чѣмъ въ Германіи; но зато сравнивать этихъ относительныхъ цифръ нельзя, такъ какъ на разность ихъ имѣетъ вліяніе особая причина.

Въ Пруссіи, конечно, зорко слѣдили за указанными нами признаками восстановленія силъ во Франціи послѣ претерпѣнныхъ ею бѣдствій. Особенно были удивлены тѣмъ фактомъ, что для нея уплата пятимилліардной контрибуціи не представила

особенныхъ затрудненій. Тѣмъ не менѣе, третья республика, въ самомъ началѣ своего учрежденія вынужденная къ подавленію междоусобицы, съумѣла водворить порядокъ и организовать импонирующую армію.

Бисмаркъ очень хорошо зналъ, что Франція— страна неожиданностей, что это страна, въ которой великіе люди рождаются чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и что чрезвычайныя дѣла въ извѣстныя эпохи принадлежатъ къ числу обыденныхъ. Поэтому возникъ планъ новаго нападенія, болѣе рѣшительнаго, чѣмъ прежнее. Въ августѣ 1874 г. собралась въ Брюсселѣ международная конференція, имѣвшая цѣлью кодифицированіе международного права. Извѣстный публицистъ Блунчли пишетъ въ своемъ дневникѣ: „сегодня мы обѣдали вмѣстѣ,—я вынесъ такое впечатлѣніе, что генераль ф. Фохтсъ-Рецъ, какъ, навѣрное, вся прусская военная партія, желаетъ войны и надѣется, что она будетъ. Генераль сказалъ мнѣ: „мы видимъ, что Франція напрягаетъ всѣ усилія, чтобы приготовиться къ отместкѣ войною. Неужели намъ ждать, пока французы будутъ совершенно готовы?“

Вскорѣ послѣ того германскій посоль въ Парижѣ заявилъ, что „огромное увеличеніе французской арміи свидѣтельствуетъ о непосредственно-воинственныхъ намѣреніяхъ Франціи, что можетъ побудить Германію предупредить противника и нанести первый ударъ, въ случаѣ, если не будутъ произведены значительныя сокращенія“ ¹⁾.

Но планъ этотъ оказался невыполнимымъ потому только, что Россія не пожелала повторенія событій 1870—71 гг. Война была уже рѣшена ²⁾, когда Императоръ Александръ II, въ бытность свою въ Берлинѣ (въ маѣ 1875), рѣшительно отговорилъ отъ нея императора Вильгельма. Канцлера Горчакова упрекаютъ въ томъ, что онъ счелъ нужнымъ огласить это событіе особымъ циркуляромъ. Въ циркулярѣ указывалось на то, что если миръ въ Европѣ не былъ нарушенъ, то благодаря русскому Императору. Бальдеръ ³⁾ говоритъ, что Бисмарка это привело въ бѣшенство, а кн. Горчакову, какъ опытному дипломату, должно было быть пзвѣстнымъ, что злопамятность состав-

¹⁾ „Das Ende des Fürsten Bismarck in der auswärtigen Politik“, стр. 39.

²⁾ Генераль Лефло, бывший посланникъ въ С.-Петербургѣ. «Императоръ Александръ II и Франція въ 1875 г.»

³⁾ «Die Wahrheit über Bismarck». 1892.

ляетъ одну изъ главныхъ чертъ характера Бисмарка. Такъ, въ теченіе одного года—съ 1876 по 1877—прокураторою возбуждено было 1.140 дѣлъ, по обвиненію въ оскорбленіи канцлера. Въ одной газетѣ было приведено сложеніе всѣхъ сроковъ заключенія, которые были результатомъ такихъ процессовъ, и оказалось, что сумма составляла дѣльныхъ тысячи лѣтъ. И все-таки Бисмаркъ еще жаловался въ сеймѣ на снисходительность судовъ въ дѣлахъ этого рода. Легко себѣ представить, какую все это вызывало массу ненависти и стремленія къ мести ¹⁾).

Постоянно характеристической чертой Бисмарка было—вносить элементъ личнаго раздраженія въ отношенія политическія. Г-ну Жюдэ, сотруднику „Petit Journal“, онъ сообщилъ: „я въ то время говорилъ князу Горчакову, что пусть онъ побѣдетъ въ Парижѣ и постарается соорудить себѣ статую съ крыльями на спинѣ и съ непрерывнымъ освѣщеніемъ бенгальскими огнями; съ той минуты можно считать мой разрывъ—не съ Россіею, но съ кн. Горчаковымъ“. Бушъ, который издалъ извѣстную книгу о Бисмаркѣ ²⁾), пишетъ, что канцлеръ сдѣлалъ во время осады Парижа слѣдующее признаніе: „Горчаковъ въ то время хотѣлъ вознестись, какъ спаситель Франціи; я ему сказалъ: „когда вы лишили себя нашей дружбы изъ пустаго желанія выказать свою свободу дѣйствія ³⁾, вы сдѣлали нѣчто, съ чѣмъ нельзя васъ поздравить; я вамъ скажу прямо, что я другу—надежный другъ, а врагу—надежный врагъ“. Съ того момента возгорѣлась ненависть между обоими канцлерами. Съ этого же времени начались старанія Бисмарка создать затрудненія русской политикѣ на Востокѣ. Его мечтой было втянуть Россію въ большую войну противъ Турціи, въ которой со стороны Франціи, еще не возвратившей себѣ прежняго военнаго могущества, можно было ожидать поддержки лишь нравственной. Затѣмъ, когда Россія истощится въ денежныхъ средствахъ, подстрекнуть противъ нея Англию и Австрію и въ это время явиться арбитральнымъ распорядителемъ въ дѣлахъ Европы ⁴⁾).

Но въ этихъ видахъ перехватили черезъ край. Бисмаркъ по-

¹⁾ «Die Wahrheit über Bismarck», Balder, 1892.

²⁾ „Bismarck und seine Leute, während des Krieges“, 1890.

³⁾ Объявленіемъ объ отмініи дѣйствительности трактата 1856 г., относительно Чернаго моря.

⁴⁾ Debidour. «Histoire dip'omatique de l'Europe», 1891.

старался внушить германскому народу, дотолѣ весьма скромному, безграничное самоувѣніе. Народный эгоизмъ былъ возведенъ въ неопровержимый догматъ. Между тѣмъ ясно, что германскій, какъ и каждый, занимающій выдающуюся роль въ политикѣ, народъ не можетъ не возбуждать зависти и недружелюбія сосѣдей. Впрочемъ, въ Россіи чувства неудовольствія по отношенію къ Германіи были вызваны поводами, болѣе существенными — неисполненными обѣщаніями. Обстоятельство это имѣетъ для насъ вдвойнѣ важное значеніе.

Не мѣшаетъ напомнить, что нѣмецкое общество введено было систематически въ заблужденіе относительно услугъ, оказанныхъ Россіей Германіи, и какого рода вознагражденіе затѣмъ послѣдовало со стороны этой искони дружественной державы. Впрочемъ, удивляться этому не слѣдовало бы. Иоганнъ Шэрръ въ своей „Исторіи 1870—71 гг.“ говоритъ¹): „Политики „честной“, въ обычномъ смыслѣ этого слова, не бывало никогда, да и не могло быть. Творческое искусство политика создаетъ свое произведеніе, не заботясь о томъ, будетъ ли оно вредно его противникамъ или покажется имъ „нечестнымъ“. Искусство политика обусловливается не миражами такъ называемаго нравственнаго міроваго порядка, но жесткой реальностью и совокупностью какъ самыхъ прозаическихъ интересовъ, такъ и страстей, благородныхъ и низменныхъ. Вотъ почему эгоизмъ всегда былъ и будетъ душою этого искусства“.

Соблюденіе нѣкоторой мѣры не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, а въ данномъ случаѣ на эту истину не было вовсе обращено вниманія.

Кромѣ того были и иные поводы для войны 1877 года, слишкомъ извѣстные, чтобы о нихъ здѣсь говорить. Мы хотѣли только указать на ту роль, которую разыграла нѣмецкая дипломатія въ восточныхъ замѣшательствахъ относительно Россіи. Охлажденіе, происшедшее съ этого времени между Россіей и Германіей,—дѣло руководителя нѣмецкой политики. Русскій народъ въ правѣ былъ видѣть въ этомъ вызовъ, особенно съ тѣхъ поръ, когда сдѣлалось для всякаго, даже поверхностнаго, наблюдателя яснымъ, что въ Германіи начали сѣять сѣмена вражды къ Россіи, долженствующія заглушить воспоминаніе о тѣхъ услугахъ, которыя Россія оказала Германіи.

¹ Томъ I, стр. 5.

Дѣйствія Бисмарка въ этомъ отношеніи должны были быть тѣмъ рѣшительнѣе, что при этомъ представлялся удобный случай выдвинуть на первый планъ свои личныя заслуги.

Несомнѣнно, что значительная доля заслугъ въ дѣлѣ современнаго устройства Германіи принадлежала Бисмарку, который, поэтому, изъ личныхъ видовъ, и употреблялъ все средства, чтобы постоянно напоминать о той благодарности, какою обязанъ ему нѣмецкій народъ. Съ этой цѣлью онъ позволялъ себѣ прибѣгать къ средствамъ довольно предосудительнымъ и весьма равнодушно смотрѣлъ на тѣ случаи, когда политика его нарушала добрыя отношенія къ сосѣднимъ государствамъ. Онъ то и дѣло откапывалъ изъ архивовъ документы, въ доказательство враждебности Россіи къ Германіи. Каждая новая брошюра или журнальная статья, написанная въ этомъ направленіи, тотчасъ эксплуатировались цѣлымъ сонмомъ журналовъ, бывшихъ на иждивеніи извѣстнаго „рептильенъ-фонда“.

Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о размѣрахъ этого рода пропаганды и какой характеръ придавалъ ей самъ канцлеръ, достаточно вспомнить, что при присоединеніи Ганновера къ Пруссіи секвестрованъ былъ капиталъ, принадлежавшій ганноверскому королевскому дому, такъ называемый „фондъ Вельфовъ“, составлявшій 48 милліоновъ марокъ, и ежегодные проценты съ этого капитала поступали въ распоряженіе Бисмарка, будто бы на противодѣйствіе „вельфскимъ проискамъ“.

Для вѣщаго удобства капиталъ этотъ былъ цѣликомъ помѣщенъ у банкира Блейхредера, и канцлеру представилось такимъ образомъ безъ всякаго сравненія удобнѣе распорядиться этими средствами, чѣмъ если бы ихъ приходилось требовать изъ правительственныхъ казначействъ, привыкшихъ къ прусской аккуратности и „отчетливости“. Разсчитываютъ, что доходъ съ упомянутаго фонда поступило съ 1870 г. до увольненія Бисмарка—до 29 милліоновъ марокъ, которые и были имъ употреблены, конечно, не для противодѣйствія проискамъ Вельфовъ, которое вовсе не требовало денегъ, но на разные секретныя расходы и—главнымъ образомъ—на субсидированіе печати, какъ въ Германіи, такъ и за границей. Въ послѣднемъ отношеніи любопытенъ былъ фактъ, раскрытый швейцарскимъ правительствомъ, а именно, что выходившая въ Цюрихѣ анархистская газета содержалась на средства прусскаго „фонда Вельфовъ“.

Отчета въ употребленіи этихъ огромныхъ суммъ не имѣется, такъ какъ въ то время, когда такой отчетъ былъ потребованъ, что случилось передъ увольненіемъ Бисмарка, онъ заявилъ, какъ обнаружилось изъ преній въ рейхстагѣ, что счета представлялись имъ покойному императору Вильгельму I и затѣмъ, съ его согласія, сжигались.

Такая непрерывная оффиціозная пропаганда должна была вызвать въ народѣ высокоуміе непогрѣшимости. Неудивительно, что германскій народъ пріучился видѣть идеаль въ своемъ „желѣзномъ канцлерѣ“, неразборчивостью средствъ перещеголявшемъ, однако, всѣхъ политиковъ нашего столѣтія.

VII.

Восточная война 1877 года и бисмарковская „политика магарычей“.

Ничуть не разсчитывая на то, чтобы нашъ голосъ могъ повліять на перемѣну образа мыслей въ Германіи, мы тѣмъ не менѣе, въ виду высказаннаго нами выше убѣжденія, что общественное настроеніе всегда вліяетъ на вопросъ объ объявленіи войны, попробуемъ изложить фактическую сторону политики того времени въ томъ освѣщеніи, какое получилось благодаря позднѣйшимъ документальнымъ свѣдѣніямъ.

Еще Гишарденъ сказалъ, что повелители всегда склонны считать мудрыми лишь тѣхъ изъ своихъ совѣтниковъ, которые упрямы въ своихъ мнѣніяхъ.

Князь Бисмаркъ всячески раздувалъ значеніе услугъ, будто бы оказанныхъ имъ Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ, услугъ, за которыя, по его словамъ, „слѣдовало бы обсыпать брильянтами всѣ имѣющіеся у него русскіе ордена, еслибы этого уже не было сдѣлано раньше“.

Сомнительно, чтобы нѣмецкая политика согласилась раскрыть свои архивы для уясненія полной истины переговоровъ эпохи, о которой мы говоримъ. Съ другой стороны, можетъ быть, еслибы это сдѣлала русская дипломатія, то возбудила бы неудовольствіе сосѣдей. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время остается неяснымъ вопросъ о томъ, въ какой степени къ войнѣ, предпринятой Россією въ 1877 году, побуждали ее отношенія, установившіяся съ Германіей со времени оказанныхъ друже-

ственныхъ услугъ въ 1866 и 1870 годахъ. Нѣкоторый свѣтъ на этотъ нерѣшенный вопросъ можетъ пролить статья „Revue Nouvelle“ „La guerre Russo-Turque d'après des documents inédits ¹⁾“. Авторомъ этой статьи считался бывший профессоръ Цюнь, будто получившій матеріалы для нея изъ штаба русскаго главнокомандующаго.

Авторъ утверждаетъ, что рѣшеніе покончить съ затрудненіями въ Турціи при помощи оружія было принято еще до возстанія въ Герцеговинѣ и что „Россія приступила къ военнымъ приготовленіямъ со времени 1866 года“. „Въ 1871 году, по словамъ статьи, генералу Обручеву было поручено объѣздить Болгарію и изучить балканскіе проходы, и порученіе это было исполнено вмѣстѣ съ г. Хитрово. Въ 1875 году, полковники генеральнаго штаба, Бобриковъ и Артамоновъ, едѣлали новыя изысканія относительно различныхъ проходовъ черезъ Балканы, которыми могли бы воспользоваться наступающія войска“.

Далѣе авторъ статьи говоритъ, что, „послѣ рѣшенія вести войну, оставалось лишь заручиться нейтралитетомъ Австріи и Англіи, и что, несмотря на рейхштатское свиданіе и союзъ трехъ императоровъ, Австрія возбуждала живыя опасенія. Но хотя этотъ союзъ не гарантировалъ Россіи свободу дѣйствій на Востокѣ, однако, германское правительство не дожидалось войны, чтобы признать ея неизбежность. Таковъ былъ взглядъ канцлера задолго до событій. Мы не осмѣлимся утверждать, что князь Бисмаркъ подстрекнулъ Россію къ войнѣ, желая обезсилить могущественное сосѣднее государство, но мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, что, начиная съ первыхъ стычекъ между Турціей и Сербіей, онъ находился въ курсѣ положенія“.

Авторъ указываетъ, какъ на фактъ, удостовѣряющій близость отношеній, если не между правительствами, то между обоими дворами, что великій князь Николай Николаевичъ получилъ первое извѣстіе о своемъ будущемъ назначеніи главнокомандующимъ изъ устъ императора Вильгельма. Это было на сентябрьскихъ маневрахъ 1876 г.; на нихъ присутствовалъ великій князь, къ которому императора Вильгельма обратился съ словами: „Вы скоро будете призваны командовать великою арміею

¹⁾ 1 и 15 Juin 1880.

и показать ваши военныя дарованія“; произошло это въ присутствіи принца Фридриха-Карла и другихъ лицъ императорской свиты. Оффиціальное же извѣщеніе великій князь получилъ отъ Императора Александра II лишь 29-го октября въ Ливадіи, приче́мъ будто бы великій князь обратился съ вопросомъ къ Государю относительно цѣли кампаніи и получилъ въ отвѣтъ одно лишь слово: „Константинополь“. Отвѣтъ этотъ служилъ бы поясненіемъ телеграммѣ, посланной главнокомандующимъ Императору изъ Санъ-Стефано: „Приказаніе Вашего Величества исполнено: наша армія подъ стѣнами Константинополя“.

Авторъ статьи въ „Revue Nouvelle“ изъ всѣхъ этихъ данныхъ приходитъ къ выводу, что „война противъ Турціи была рѣшена положительно съ осени 1876 года и что окончательною цѣлью ея былъ Константинополь“.

Статья эта обратила на себя общее вниманіе, слѣдствіемъ чего въ октябрьской книжкѣ того же журнала появилась новая статья на ту же тему — „La guerre Russo-Turque“, приписываемая извѣстному русскому дипломату Жюмини.

Признавая за предшествующей статьёй достоинства „замѣчательнаго политическаго и военнаго изслѣдованія“¹⁾, авторъ второй статьи, тоже въ качествѣ очевидца, оппонируетъ противъ главныхъ ея положеній, а именно: „1) что война съ Турціей было задумана, рѣшена и подготовлена съ 1876 года, и 2) что объектомъ этой войны было обладаніе Константинополемъ“.

По мнѣнію автора, еслибы доказать, что Россія была вовлечена въ войну противъ желанія, что она къ войнѣ не готовилась и увлеклась въ нее какъ бы по наклонной плоскости, между тѣмъ какъ сама охотно бы отъ нея отказалась, — то и заключенія автора статьи, противъ которой оппонируетъ вторая статья, оказались бы опровергнутыми.

Обратимся къ любопытнымъ доводамъ втораго автора.

„Россія, — говоритъ онъ, — послѣ Крымской войны, по либеральной инициативѣ Императора Александра II, вступила на путь внутреннихъ преобразованій, требовавшихъ для своего осуществленія времени. Жатва постоянныхъ реформъ еще далеко не созрѣла. Прежняя организація арміи была замѣнена новою, основанною на общей воинской повинности. Армія находилась въ переходномъ положеніи, которое требовало много

¹⁾ Стр. 764.

лѣтъ для своего окончанія. Такое же положеніе было и относительно перевооруженія ея. Финансы Россіи едва лишь начали поправляться. Равновѣсія въ бюджетѣ уже достигли, но денежное обращеніе еще далеко не было исправлено.

„Въ такомъ положеніи,—спрашивается—возможно ли, чтобы правительство, котораго развитость и политическая мудрость всѣми признава, могло съ легкимъ сердцемъ желать, искать, вызывать въ подобный моментъ войну, которой трудности и тяжесть оно не могло не предусмотрѣть? Возможно ли, чтобы оно желало войны въ виду Европы, вооруженной съ головы до ногъ и свободной въ своихъ дѣйствіяхъ, которая, слѣдовательно, въ состояніи была вызвать непредвидѣнныя политическія осложненія, способныя ниспровергнуть плоды цѣлаго ряда лѣтъ, посвященныхъ мирному труду?“

Все, что рассказываетъ авторъ первой изъ указанныхъ нами статей въ „Revue Nouvelle“ относительно разговора Вильгельма I съ великимъ княземъ и лаконическаго указанія объекта войны, выразившагося однимъ словомъ „Константинополь“ — по словамъ второй статьи — „не болѣе какъ предположенія, не заключающія въ себѣ даже внѣшняго правдоподобія“.

„Людемъ, близко стоящимъ къ подобнаго рода дѣламъ и событіямъ, хорошо извѣстно, что они происходятъ совершенно въ иномъ видѣ“.

Причину войны съ Турціей авторъ видитъ въ томъ, что „стремленія русскаго правительства побудить Европу къ содѣйствію въ смыслѣ мирнаго разрѣшенія кризиса остались безъ послѣдствій. Еслибъ предложенія Россіи были приняты Европой, миръ не былъ бы нарушенъ. Бездѣйствіе великихъ державъ, не умѣвшихъ внушить къ себѣ въ туркахъ уваженія, а поддерживавшихъ въ нихъ одно лишь раздраженіе, возбуждавшихъ христіанъ и въ то же время оставлявшихъ ихъ безъ защиты, довело восточный кризисъ до неизбѣжности войны“.

Далѣе, касаясь кульминаціоннаго пункта вопроса, сербскаго и черногорскаго движенія, авторъ говоритъ: „мнѣ извѣстно, что русское правительство подозрѣваютъ въ томъ, что оно къ этому поощряло тѣхъ и другихъ. Между тѣмъ я былъ личнымъ свидѣтелемъ усилій, какія принимались для того, чтобы удержать ихъ. Но иногда обстоятельства бываютъ сильнѣе, чѣмъ воля людей. Европа была увѣрена въ побѣдѣ Порты и гарантировала ей безнаказанность. Христіанскимъ населеніемъ не оставалось ничего болѣе, какъ или подставлять подъ

ножь горло или соединиться для побѣды или смерти, въ надеждѣ, что Европа не останется равнодушной къ ихъ мужеству и страданіямъ“.

„Что сербы болѣе всего разсчитывали на традиціонныя симпатіи Россіи и что они надѣялись побудить ее къ оказанію имъ помощи, этого мы не опровергаемъ. Событія оправдали ихъ въ этомъ. Намъ важно установить, что дѣйствія русскаго правительства находились въ зависимости отъ совокупности политическаго положенія, пользы имперіи и народнаго одушевленія, которое не разсуждаетъ и не разсчитываетъ. Конституціонныя правительства охотно прикрываются общественнымъ мнѣніемъ и приписываютъ то же свойство правительствамъ самодержавнымъ. Это большая ошибка. Движеніе народнаго чувства, проявившееся въ Россіи, не представляло собою „общественнаго мнѣнія“ въ смыслѣ европейскомъ. Это было народное чувство, тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ оно въ основѣ было глубже и чѣмъ неопредѣленнѣе были его границы. Самодержавное правительство менѣе всякаго другаго можетъ противиться подобному порыву. Въ такой странѣ монархъ связанъ неразрывными узами съ народомъ. Между ними нѣтъ посредниковъ. Это единеніе составляетъ силу страны, оно — основаніе власти, но оно налагаетъ на нее и обязанности. Тамъ, гдѣ конституціонный монархъ имѣетъ возможность встать позади отвѣтственныхъ министровъ и слагаетъ съ себя отвѣтственность, смѣняя ихъ, абсолютный монархъ — единственное отвѣтственное лицо въ государствѣ передъ народомъ, отделиться отъ котораго онъ не можетъ. Всякое народное потрясеніе отдается въ его собственномъ сердцѣ, особенно, если дѣло касается чувствъ, укоренившихся преданіями“.

„Исторія должна будетъ искать объясненія могущественнаго движенія, вызвавшаго войну 1877 года, гораздо больше въ причинахъ психологическихъ, чѣмъ въ политическихъ разсчетахъ. Несмотря на усилія сдержать воодушевленіе, въ сербскую армію отправилось такое число добровольцевъ, которое, во всякомъ случаѣ, нельзя было оставить на вѣрную гибель“.

Авторъ излагаетъ причины, вызвавшія войну, которой Россія не могла желать, съ такою ясностью и убѣдительностью, что невольно приходитъ мысль, почему не было употреблено никакихъ стараній, чтобы отрезвить и ослабить тогдашнее движеніе умовъ въ Россіи и чтобы не поддаться ему, не увлечься имъ къ войнѣ? Правда, движеніе это было сильно, но, при тогдаш-

нихъ обстоятельствахъ, и не могло быть иначе, такъ какъ общество думало, что оно идетъ за дѣйствительными намѣреніями правительства, и заявленіями своими, жертвами, высылкою добровольцевъ — помогаетъ достиженію цѣлей. Изъ предшествующаго видно, что сперва общество просто ошибалось. Но какъ же ему было не ошибаться, когда офицеры получали отпуска изъ полковъ и отправлялись въ качествѣ добровольцевъ, а дамы высшаго свѣта въ Петербургѣ открыто собирали пожертвованія?

Съ другой стороны, въ высшемъ русскомъ обществѣ могли не предвидѣть самой возможности занятія Австріею враждебнаго положенія во время войны или по ея окончаніи. Извѣстно было, что покойный Императоръ Александръ II, принимая австрійскаго посла 1-го декабря 1871 г. сказалъ ему: „Неблагопріятныя отношенія между обѣими имперіями, начиная отъ Крымской войны, продолжались слишкомъ долго, и такъ какъ взаимное настроеніе нынѣ улучшилось, то имъ слѣдовало бы придти къ непосредственному соглашенію въ восточныхъ дѣлахъ“.

Сюзъ трехъ императоровъ, заключенный въ 1872 г. и соотвѣтствовавшій видамъ Германіи, которая хотѣла закрѣпить имъ свои новыя приобрѣтенія, давалъ основаніе предполагать, что изъ-за восточнаго вопроса не могло уже произойти столкновенія между Россіею и Австріею. И, дѣйствительно, въ маѣ 1876 г. состоялось соглашеніе относительно занятія восточныхъ областей Европейской Турціи русскими войсками съ тѣмъ, чтобы Австрія заняла провинціи западныя. Это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ только послѣ заключенія берлинскаго трактата. Когда русскія газеты стали сильно нападать на роль, какую игралъ при этомъ Бисмаркъ, то „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ сообщила, что въ маѣ 1876 г. состоялось въ Берлинѣ соглашеніе между кн. Бисмаркомъ, кн. Горчаковымъ и графомъ Андраши, на основаніи котораго русскій Императоръ при рейхштадтскомъ свиданіи, въ іюлѣ того же года, изъявилъ согласіе на занятіе австрійцами Босніи и Герцеговины.

Намъ кажется, что дипломатія дѣйствительно не желала войны, но проявленіе народнаго возбужденія пришлось ей кстати, какъ средство для того, чтобы, указавъ на него своему союзнику, убѣдить его къ содѣйствію въ достиженіи мирнымъ путемъ цѣли.

Какъ далеки были планы Россіи, трудно сказать. Во всякомъ

случаѣ, увѣренія автора статьи (первой) „Revue Nouvelle“, что объектомъ ихъ былъ Константинополь, ошибочны.

3-го ноября 1876 года прибывшій въ Ливадію англійскій посолъ имѣлъ аудіенцію у русскаго Императора. Изъ бесѣды этой два отрывка могутъ быть приведены въ точности, ибо они увѣковѣчены въ отчетѣ лорда Лофтуса. „Упомянувъ о переговорахъ и поясняя свой образъ дѣйствій, Государь сказалъ, что онъ желалъ не отдѣляться отъ европейскаго согласія (concert); но что настоящее положеніе ему представляется невыносимымъ. Оно не можетъ продолжаться, и если Европа не расположена проявить твердость и энергію, то онъ вынужденъ будетъ дѣйствовать одинъ“.

Далѣе въ отчетѣ включены слѣдующія слова покойнаго Государя: „Россіи приписываютъ стремленіе завоевать Индію и взять Константинополь. Чтò можетъ быть нелѣпѣ этого? Первое вполне невозможно, а что касается втораго предположенія, я снова торжественно повторяю, что на это у меня нѣтъ ни желанія, ни намѣренія“¹⁾.

И дѣйствительно, возможно ли было мечтать о столь широкихъ планахъ, когда германскій союзникъ, который задумывалъ еще въ 1875 году раздѣлить Францію и долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія по настоянію Россіи, хотя и не имѣлъ ничего противъ предпринятія ею войны, но могъ потомъ, какъ это и случилось впослѣдствіи, лишить ее возможности воспользоваться плодами своихъ побѣдъ.

Нѣтъ нужды вѣрять тому, будто, какъ говорилъ Кюшеваль-Кларинъ въ „Revue des deux mondes“, инсургенты въ Герцеговинѣ платили за покупаемыя ими ружья—германскими монетами въ 20 марокъ. Но со стороны Германіи достаточно было обратить вниманіе Россіи, что если она пропуститъ удобный моментъ для разрѣшенія восточнаго вопроса при помощи Германіи, то едва-ли онъ въ будущемъ можетъ скоро повториться.

Осенью 1876 года, во время пребыванія въ Варшавѣ Императора Александра II, туда же прибылъ генераль Мантейфель, тотъ самый, который былъ уже посредникомъ въ 1866 году. Въ собственноручномъ письмѣ императора Вильгельма къ Государю, какъ тогда утверждали, заключались увѣренія, что со стороны Германіи Россія встрѣтитъ такую же помощь относительно ея свободы дѣйствій, каковую Россія оказала Пруссіи въ 1866 и 1870 годахъ. Въ біографіи генерала Мантейфеля, къ со-

¹⁾ D'Avril. „Négociations relatives au traité de Berlin“.

жалѣнію, не приведено подробностей относительно его миссіи, а имѣется лишь указаніе, что въ 1876 году онъ былъ посланъ въ Варшаву „съ важнымъ порученіемъ“. Обратимъ особое вниманіе на это выраженіе ¹⁾).

Миссія Мантейфеля отразилась предсказаніемъ близкой войны на биржахъ. На берлинской биржѣ русскій заемъ, котировавшійся въ сентябрѣ по 93, упалъ до 83, а билеты выигрышнаго займа съ 163 понизились до 143.

Послѣдовавшія событія подтвердили общія ожиданія: 30-го октября (вслѣдствіе пораженія сербской арміи) Турціи былъ предъявленъ ультиматумъ русскаго правительства, результатомъ котораго было заключеніе перемирія до 1-го января слѣдующаго года.

Миролюбіе покойнаго Государя заставляло его колебаться. Министръ финансовъ Рейтернъ категорически заявлялъ, что денежныхъ средствъ на веденіе войны не имѣется, причемъ имъ представлена была докладная записка о вредныхъ послѣдствіяхъ, которыя неминуемо произойдутъ вслѣдствіе войны для экономическаго состоянія государства. Въ этомъ замѣчательномъ меморіалѣ предсказывались общее обѣднѣніе и застои въ дѣлахъ, какіе должны будутъ возникнуть вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, и расширеніе поля для революціонной пропаганды, которая въ то время уже обнаруживалась. Докладъ Рейтерна выражалъ опасеніе, что такимъ образомъ славное царствованіе, сіявшее міру постояннымъ блескомъ, можетъ омрачиться тѣнью неожиданныхъ волненій ²⁾).

Нуженъ былъ сильный толчекъ для того, чтобы вызвать окончательную рѣшимость Россіи воевать.

Въ открытомъ засѣданіи рейхстага 5 декабря 1876 г. Бисмаркъ сказалъ, что „союзъ, заключенный на продолжительное время тремя императорами, остается въ полной силѣ“; что онъ, германскій канцлеръ, не будетъ совѣтовать активнаго участія Германіи въ восточномъ спорѣ, пока этотъ споръ не затрогиваетъ какого-либо интереса, „который стоилъ бы здоровыхъ костей хотя бы одного померанскаго мушкетера“. И такъ, канцлеръ заявлялъ, что союзъ съ Россією продолжается, несмотря на приближавшуюся войну, а стало-быть никакое дѣйствіе Германіи противъ Россіи не мыслимо. Мало того, Бисмаркъ прибавилъ:

¹⁾ „General Feldmarschal Edwin von Manteuffel“. Von Keek.

²⁾ См. нашъ трудъ „Финансы Россіи въ XIX столѣтіи.“

„Никто, кромѣ самого императорско-русскаго правительства, не въ состояніи разорвать столѣтнюю дружбу, соединяющую прусское и русское правительства“.

Геффкенъ ¹⁾, который могъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія, представляетъ дѣло такъ, какъ будто Бисмаркъ непосредственно толкнулъ Россію къ войнѣ. Онъ говоритъ: „Когда румынское правительство, предвидя затрудненія для себя отъ войны, просило совѣта въ Берлинѣ, то канцлеръ далъ такой возбудительный отвѣтъ, что Братіано, получивъ его, воскликнулъ: „Bismarck veut la guerre“! Когда въ Петербургѣ до послѣдней минуты еще колебались и искали инаго исхода, то Бисмаркъ, будто бы, сказалъ г. Убри: „я слышу, что Императоръ колеблется; но я знаю Россію и скажу вамъ, что у васъ будетъ плохо, если вы не начнете войны“. Геффкенъ увѣряетъ, что бельгійскій министръ двора Девѣ видѣлъ у русскаго посла въ Парижѣ, кн. Орлова, копію депеши г. Убри, въ которой тотъ разговоръ былъ сообщенъ.

Само собою разумѣется, что если это и правда, то это одна фраза не могла имѣть значенія. Скорѣе могло повліять другое обстоятельство, упоминаемое Геффкеномъ, а именно, что, когда лордъ Сольсбэри ѣхалъ черезъ Берлинъ въ Константинополь на конференцію передъ самой войною, то Бисмаркъ такъ настроилъ Сольсбэри, что германскому уполномоченному на конференціи оставалось только помалчивать и уклоняться, а Россіи предстояло затѣмъ только выбрать одно изъ двухъ: или полное дипломатическое пораженіе вслѣдствіе неудачи конференціи, или войну.

Много было исписано бумаги съ цѣлью объяснить загадку: почему отъ момента приступа къ мобилизаціи русской арміи до начала военныхъ дѣйствій противъ Турціи въ 1877 г. пропущено было пять мѣсяцевъ и почему не воспользовались моментомъ, когда турки, разбитые во всѣхъ стычкахъ съ черногорцами, съ трудомъ защищали свои границы противъ Сербіи. Набранная большею частью изъ пастуховъ или крестьянъ, только-что оторванныхъ отъ плуга, сербская армія подъ командой Черняева, казалось, должна бы была разбѣжаться при первой встрѣчѣ съ турецкими регулярными войсками. Между тѣмъ послѣднимъ пришлось сперва лишь защищать свои границы. Всѣ очевидцы-свидѣтели Турецко-Сербской войны согласно утверждаютъ, что достаточно было

¹⁾ K. Heinrich Geffcken. „Frankreich-Russland und der Dreibund“. Berlin. 1893
P. B. 1893. XI.

въ то время двухъ дивизій европейскихъ войскъ, чтобы разсѣять армію Абдуль-Керима, — такъ плохо она была организована и такъ плохо управлялась.

По этому поводу было высказано много соображеній. Брали въ расчетъ обстоятельства климатическія, топографическія, стратегическія. Болѣе всего имѣеть за себя основаній предположеніе, что сосредоточеніе русскихъ войскъ въ Бессарабіи было слѣдствіемъ рѣшенія дѣйствовать путемъ демонстраціи.

До послѣдняго момента рассчитывали на то, что, быть можетъ, дѣло обойдется безъ войны и что готовность къ войнѣ послужитъ достаточнымъ стимуломъ для того, чтобы побудить Турцію на уступки русскимъ требованіямъ. Вѣроятность такого предположенія оправдывается притомъ относительной малочисленностью первоначальной операціонной арміи.

Едва-ли въ то время не преувеличивали расчетовъ на то, что дипломатическія старанія двухъ такихъ могущественныхъ державъ, какъ Россія и Германія, положить конецъ возникшей бурѣ. Къ такого рода расчетамъ поощряли дѣятельность и усердіе берлинскаго кабинета, который выказывалъ услужливость и, какъ мы видѣли, бралъ на себя во многихъ случаяхъ роль режиссера.

Трудно допустить, чтобы въ такое время, когда голосъ Франціи былъ слишкомъ слабъ вслѣдствіе недавней войны и происходившей въ ней внутренней борьбы между республикой и монархистами, а Австрія въ значительной степени уже подчинилась внушеніямъ берлинскаго гипнотизера, чтобы, повторяемъ, въ такое время энергическое и вполне согласное воздѣйствіе на Турцію Россіи и Германіи не могло заставить Порту пойти на всевозможныя уступки.

Передъ началомъ войны кн. Бисмаркъ всячески старался заявлять дружбу къ Россіи, желалъ выказать передъ всѣмъ міромъ, что еслибы составилась европейская коалиція съ цѣлью воспрепятствовать побѣдоносному движенію русской арміи за Балканы, то Германія ни въ какомъ случаѣ къ коалиціи этой не пристанетъ. Такъ, на одну статью въ „Times“, которая превозносила заслуги и авторитетъ германскаго канцлера, приглашая его взять въ свои руки общее направленіе дѣлъ на континентѣ и выступить въ роли могущественнаго посредника въ восточномъ вопросѣ, въ союзѣ съ Англіею, органъ канцлера, „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, въ рѣзкой отвѣди, заявилъ, что ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ не представляется

основанія къ такому союзу и что Англіи хотѣлось бы только чужими руками выгребать каштаны изъ восточной печи.

Въ тотъ моментъ преобладающая роль, которая шесть лѣтъ ранѣе принадлежала Россіи, перешла къ Германіи, и могло казаться, что Германія думала только о томъ, чтобы отплатить Россіи дружбою за ту услугу, которая ей была оказана Россіею въ 1866 и 1870—71 годахъ.

Дипломатическое воздѣйствіе на Турцію не отвратило войны, которая, какъ всѣмъ памятно, привела русскія войска почти подъ стѣны Царьграда и закончилась санъ-стефанскимъ трактатомъ 3 марта 1878 г., по которому въ непосредственномъ владѣніи падишаха остался лишь небольшой лоскутокъ Балканскаго полуострова, а вновь созданное княжество Болгарское должно было простираться отъ Адриатики до Чернаго моря и едва не до окрестностей Константинополя; Сербія, Румынія и Черногорія приобрѣли территоріальное рѣшеніе, а Россіи была возвращена утерянная въ 1856 г. часть Бессарабіи, въ Азіи же уступлены были Ардаганъ, Карсъ и Батумъ.

Санъ-стефанскій трактатъ имѣлъ значеніе не прелиминарнаго, но окончательнаго, и 17 марта былъ ратификованъ въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе, ему не суждено было осуществиться. Первою высказалась противъ него Австрія. Гр. Андраши потребовалъ отъ делегацій кредита въ 60 милл. гульд. на военныя цѣли, англійская эскадра вышла изъ Ламанша къ Мальтѣ, въ Англіи начаты были созовы резервовъ и приготовленія къ доставкѣ войскъ изъ Индіи въ Средиземное море. Графъ Дэрби, бывшій противъ энергическаго дѣйствія, уступилъ портфель иностранныхъ дѣлъ маркизу Сольсбэри, и новый министръ заявилъ въ циркулярѣ, что Англія не можетъ признать санъ-стефанскаго трактата и въ европейскомъ конгрессѣ для его разсмотрѣнія не можетъ принять участія иначе, какъ подъ условіемъ, что конгрессу этому будетъ предоставлена полная свобода пересмотра всѣхъ постановленій трактата.

Ясно, что сентъ-жемскій кабинетъ рѣшился на столь энергическую инициативу лишь потому, что могъ рассчитывать на дѣятельную поддержку со стороны одной изъ великихъ континентальныхъ державъ, а именно Австріи, которая первая и возвысила голосъ противъ санъ-стефанскаго трактата. Но при этомъ-то и невозможно было не поставить вопросъ: куда же дѣвались прежнія обѣщанія Германіи, что она устранитъ какія-либо осложненія со стороны Австріи?

Россія имѣла основаніе вѣрить, что Германія сдержитъ свое слово, какъ Россія исполнила свое обѣщаніе въ 1870 году. Положеніе было сходное: не заручившись обѣщаніемъ Россіи сдерживать Австрію, Германія въ 1870 году не могла бы рѣшиться на войну, въ которой имѣла бы противъ себя двѣ, а можетъ быть и три державы. Безъ обѣщанія Бисмарка сдерживать Австрію, Россія, быть можетъ, не рѣшилась бы на войну 1877 года. Между тѣмъ, успокоивъ на этотъ счетъ Россію, а впослѣдствіи не сдержавъ обѣщанія, Германія, съ намѣреніемъ или нѣтъ, но какъ бы вовлекла Россію въ войну, изъ которой потомъ помѣшала ей извлечь результаты, которые бы сколько-нибудь соотвѣтствовали огромнымъ жертвамъ людьми и деньгами.

Посылка генерала Мантейфеля въ Варшаву вѣдь имѣла же прямой цѣлью—убѣдить Россію, передъ началомъ войны, что моментъ для нея благоприятный и что подобный моментъ не скоро можетъ повториться. А между тѣмъ, впослѣдствіи соглашенія кн. Бисмарка съ Австріею и рѣчи его въ рейхстагѣ не оставляли сомнѣнія, что въ затрудненіяхъ къ исполненію санъ-стефанскаго трактата онъ принималъ участіе. Правда, онъ заявилъ въ то время, что хочетъ быть „честнымъ маклеромъ“. Но въ томъ-то и дѣло, что самой нужды въ маклерствѣ не могло бы быть, еслибы въ Вѣнѣ знали, что Германія столь же искренно и рѣшительно намѣрена была сдержать Австрію въ 1878 г., какъ Россія въ 1870 г. Но этого не было, и Россія, послѣ побѣды надъ Турціею, оказалась стоящею лицомъ къ лицу съ двумя великими державами, открыто готовившимися къ войнѣ съ нею.

Здѣсь можно спросить: не была ли перемѣна въ намѣреніяхъ канцлера вынуждена измѣненіемъ въ самомъ положеніи Европы, не случилось ли такъ, что его планы разстроились, и онъ принужденъ былъ поступать вопреки своимъ видамъ и желаніямъ? Тогда Бисмарка можно было бы упрекать только въ легкомысленности при составленіи плановъ. Но въ такомъ случаѣ ему не слѣдовало выступать съ такими заявленіями, какъ тѣ, которыя находимъ въ его рѣчи въ рейхстагѣ 19 февраля 1878 г., т. е. въ тотъ моментъ, когда Россія, послѣ непредвидѣнныхъ ею напряженій, какихъ ей стоила война съ Турціею, очутилась съ перспективою войны съ Англіею, а можетъ быть и съ Австріею, и положительно нуждалась въ содѣйствіи друзей искреннихъ.

Въ той рѣчи тройственный союзъ императоровъ названъ былъ уже не союзомъ, но „отношеніями“ (Verhältniss). „Отношенія, въ какихъ находятся императоры, — говорилъ Бисмаркъ, — не основываются на какихъ-либо письменныхъ обязательствахъ и не понуждаютъ кого-либо изъ трехъ императоровъ къ подчиненію голосамъ двухъ другихъ“... Далѣе онъ высказывалъ, что тѣ правительства, которыя были бы недовольны дѣйствіями Россіи, имѣли бы, несмотря на „отношенія“, полное право воспротивиться ея требованіямъ, хотя бы при помощи оружія. За Германію онъ, въ той же рѣчи, рѣшительно отказывался отъ роли „европейскаго полицмена“... „Только въ защиту нашей независимости я рѣшился бы совѣтовать его величеству войну“. Такое заявленіе должно было сильнѣе всего подѣйствовать въ Англіи, гдѣ въ данную минуту проявлялось наибольшее возбужденіе ¹⁾.

Такимъ образомъ, Бисмаркъ открывалъ для Англіи и Австріи свободу дѣйствій и тѣмъ несомнѣнно вліялъ на положеніе дѣлъ, хотя, при нѣкоторой энергіи, Россія, конечно, могла игнорировать произвольное толкованіе Бисмаркомъ тогдашняготройственного союза, такъ какъ реальныя отношенія между державами во всякомъ случаѣ должны были опредѣляться реальною силой, какою каждая изъ нихъ могла располагать, а не тѣмъ или другимъ „крылатымъ словомъ“ талантливаго германскаго импровизатора.

Есть писатели, которые высказываютъ даже такое предположеніе, что Бисмаркъ охотно увидѣлъ бы войну между Россіею, Австро-Венгріею и Англіею, и при этомъ случаѣ захватилъ бы для Германіи Нидерланды ²⁾. Но для Англіи такая перспектива представлялась нежелательною, и вскорѣ отношенія между ней и Россіею улучшились настолько, что сдѣлался возможнымъ конгрессъ для пересмотра санъ-стефанскаго трактата. Князь Бисмаркъ не желалъ этого конгресса и, въ то же время, предлагалъ, на всякій случай, чтобы онъ собрался въ Берлинѣ. Британскій посоль доносилъ своему правительству изъ Берлина 13-го марта 1878 года: „Князь Бисмаркъ просилъ меня сообщить вамъ, что Германія безъ Англіи не приметъ участія въ конференціи ³⁾ и что она не понимаетъ возможности конгресса

¹⁾ Geffcken. „Frankreich—Russland und der Dreibund“.

²⁾ Debidour. „Histoire diplomatique de l'Europe“, p. 518.

³⁾ Предварительной.

по европейскимъ дѣламъ безъ участія Англии, одной изъ главныхъ сторонъ (one of the chief contractors)⁴.

Въ концѣ концовъ берлинскій конгрессъ состоялся, но рѣшенія его не удовлетворили ни главныхъ державъ, ни второстепенныхъ, которыя были въ немъ заинтересованы, и, вмѣсто того, чтобы примирить ихъ между собою, создалъ между ними раздоръ. Только въ Австріи торжествовали по поводу представленія ей конгрессомъ занятія Босніи и Герцеговины, безъ всякой жертвы со стороны монархіи Габсбурговъ. Но Россія не могла не принять во вниманіе, что занятіе австрійцами Босніи и Герцеговины совершалось при нарушеніи того, чѣмъ оно было обусловлено, а именно при передѣлкѣ границъ Болгаріи, въговоренныхъ Россіею въ санъ-стефанскомъ трактатѣ. Берлинскій конгрессъ, очевидно, нарушилъ равновѣсіе, осуществляя для одной стороны то, что должно было служить вознагражденіемъ для другой за осуществленіе ея видовъ, которое, съ силу поставленныхъ трудностей, не состоялось.

Что австрійское правительство было довольно предоставленіемъ ему временнаго занятія Босніи и Герцеговины, которое затѣмъ обратилось въ постоянное и нынѣ фактически считается окончательнымъ—это доказываетъ тѣмъ, что, какъ видно изъ депеши прежняго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Тувенеля къ герцогу Граммону, послу въ Вѣнѣ ¹⁾, въ 1861 году, „Австрія желала присоединенія Босніи и Герцеговины въ вознагражденіе за утрату Ломбардіи“, стало быть даже еще раньше, чѣмъ она лишилась и Венеціанской области.

Но главное обстоятельство при этомъ, которое заслуживаетъ вниманія, это то, что предоставленіе Босніи и Герцеговины временному будто-бы занятію австрійцами вполнѣ согласовалось съ видами Бисмарка, представляя собой не что иное, какъ вознагражденіе, данное Австріи Германіею на чужой счетъ, для восстановленія добрыхъ отношеній между двумя великими „нѣмецкими“ державами. „Fremdenblatt“, извѣстный органъ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, отозвался такъ, что „Россія оказалась неспособной разрѣшить восточный вопросъ, а потому на долю Австріи—въ согласіи съ Германіею и съ остальной Европою—выпадаетъ задача осуществить освобожденіе балканскихъ областей отъ турецкаго деспотизма“.

¹⁾ „Le secret de l'empereur“, стр. 211.

„При этомъ—продолжала газета—политика Австріи должна быть противоположна русской политикѣ. Въмѣсто того, чтобы возбуждать національныя и релігіозныя страсти, Австрія должна стараться соглашать интересы и изглаживать контрасты. Въмѣсто того, чтобы, возбуждая возстанія и ведя войну, разрушать благосостояніе придунайскихъ и балканскихъ областей, Австрія должна поставить себѣ цѣлью содѣйствовать экономическому возрожденію Турціи и княжествъ; даже въ интересахъ самой своей торговли, Австрія должна, по заключеніи мира, слѣдовать такой именно политикѣ“...

Со стороны Германіи готова была всякая помощь Австріи для исполненія такой ея „культурной миссіи“ на востокѣ. Послѣ берлинскаго трактата Порто стала обращаться въ Берлинъ за чиновниками, которымъ поручалось обновленіе Турціи. А какъ это обновленіе Турціи понималось въ Берлинѣ, видно изъ слѣдующаго отзыва одной берлинской газеты¹⁾: „одни наши чиновники обновить Турцію, разумѣется, не могутъ; но они укажутъ ту роль, какая можетъ принадлежать нѣмцамъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи. Давно уже мы твердимъ нашимъ колонистамъ, отправляющимся въ Америку, что почти подъ бокомъ есть чудныя страны, которыя слѣдовало бы завоевать для цивилизаціи“. Великолѣпная перспектива для тѣхъ странъ; но прошедшее показываетъ, что вслѣдъ за пионерами цивилизаціи изъ Германіи—идетъ солдатъ.

Уже какъ было приведено нами, принимаясь изгонять Австрію изъ германскаго союза, Бисмаркъ совѣтовалъ ей перенести „центръ тяжести“ ея политики на востокъ. Занятіе Босніи и Герцеговины было важнымъ шагомъ къ этой цѣли, вдвойнѣ выгоднымъ для Германіи. Съ одной стороны, оно обозначаетъ путь, на которомъ со временемъ Германія могла бы вознаградить Австрію за отнятіе у нея нѣмецкихъ провинцій для окончательнаго завершенія германскаго единства, а съ другой—цѣль болѣе близкая—занятіе Босніи и Герцеговины дѣлало изъ Австріи естественную соперницу и противницу Россіи въ восточномъ вопросѣ, а тѣмъ самымъ обѣ эти державы становились менѣе опасными для Германіи. Для Австріи устанавливалась, вслѣдствіе того, потребность до нѣкоторой степени постоянно подчиняться Германіи; а въ случаѣ, еслибы Австрія стала искать новыхъ союзовъ,

¹⁾ „National Zeitung“, въ августѣ 1880 г.

то для Германіи открылась бы возможность опереться противъ нея на Россію.

Берлинскій трактатъ потому и не создалъ положенія, которое бы прочно обезпечивало миръ, что принятія на немъ рѣшенія не соотвѣтствовали результатамъ, какіе были достигнуты войною. Приведемъ здѣсь отзывъ сэра Чарльса Дилька ¹⁾, который, какъ бывшій министръ имѣлъ возможность составить себѣ мнѣніе, основанное на надежныхъ данныхъ. „Берлинскій трактатъ, который долженъ былъ создать мирное урегулированіе европейскихъ дѣлъ, если не навсегда, то на долгое время,—говоритъ онъ,—вмѣсто того, открылъ воинственную эру, такъ какъ сопровождался тайными соглашеніями, отчасти получившими огласку. Хотя подобные приемы и не были новы въ исторіи дипломатіи, но никогда еще они не были столь безцеремонны“.

„Еще въ 1866 году была изобрѣтена эта „политика магарычей“, когда Италія спрашивала совѣта въ Парижѣ, на чью сторону ей стать—Пруссіи или Австріи, такъ какъ и та и другая изъ этихъ державъ предлагали Италіи, въ вознагражденіе за союзъ съ ними, Венеціанскую область. Любопытенъ былъ отвѣтъ императора Наполеона, который заявилъ, что подождетъ истощенія обоихъ противниковъ, чтобы завладѣть Рейномъ, и потому желаетъ, чтобы война оставалась возможно дольше безъ результата; а такъ какъ Пруссія представлялась ему слабѣе, чѣмъ Австрія, то онъ совѣтовалъ Италіи соединиться съ Пруссіею, для того, чтобы уравновѣсить силы. Въ 1870 году Италія снова колебалась и опять продала свое участіе за высокую цѣну. Бездѣйствіе же Австріи въ то время было явнымъ нарушеніемъ принятыхъ ею на себя обязательствъ. А между тѣмъ, ни въ 1866, ни въ 1870 годахъ Европа не бросалась такъ на раздѣлъ добычи, какъ въ 1878 году, когда представители ея собрались съ цѣлью установить миръ“.

Вполнѣ естественно было впечатлѣніе, которое такой оборотъ дѣлъ произвелъ въ Россіи, гдѣ въ немъ увидѣли результатъ неискренняго по отношенію къ ней образа дѣйствій князя Бисмарка. Войну Россія вела одна, такъ какъ Румынію можно не считать, одна перенесла всю тягость войны и пожертвованія, которыхъ она потребовала. Россія побѣдила, а между тѣмъ за Россіею не было признано даже права на свободный про-

¹⁾ „L'Europe en 1887“, стр. 3—4.

ходъ ея военныхъ судовъ черезъ проливы. Великая Болгарія, Болгарія, какъ она была признана на предварительной конференціи въ Константинополь, берлинскимъ трактатомъ была раздроблена на три куска, а Боснія съ Герцеговиной фактически были присуждены Австро-Венгрии. Наконецъ, Россія сама сочла необходимымъ, при данныхъ обстоятельствахъ, выговорить независимость Румыніи и Сербіи, хотя первоначально это, быть можетъ, и не входило въ ея планы. Въ послѣднемъ отношеніи представляетъ нѣкоторый интересъ показаніе лорда Лофтуса, бывшаго посла въ Петербургѣ, будто на одной, данной ему аудіенціи, упомянувъ, что „независимость Сербіи и Румыніи, къ которой стремятся оба эти княжества, представляла бы первый шагъ къ разложенію Турецкой имперіи“, онъ получилъ въ отвѣтъ, что „нѣтъ и рѣчи о возведеніи ихъ въ королевства; что это было бы ошибкой (une maladresse)“¹⁾.

При измѣнившихся обстоятельствахъ оказалось необходимымъ выговорить независимость для Румыніи и Сербіи, уже хотя бы потому, что этому благопріятствовала Австрія. Но то обстоятельство, что Австрія, а тѣмъ болѣе Германія играли при урегулированіи результатовъ войны роль, равную съ ролью Россіи, между тѣмъ какъ Россія для того только и способствовала объединенію Германіи, чтобы сдѣлать Австрію безвредною для себя въ восточномъ вопросѣ—не могло не вызывать раздраженія въ Россіи.

Въ виду всего этого, представляются маловѣроятными слухи, будто тотчасъ по заключеніи трактата, Россіею были сдѣланы въ Берлинѣ предложенія относительно какого-то военнаго союза. Но какъ бы то ни было, есть поводъ предположить, что и Бисмаркъ не былъ расположенъ послѣ войны къ болѣе тѣсному союзу съ Россіею. По крайней мѣрѣ, вотъ какъ передавалъ сотрудникъ „Новаго Времени“ г. Львовъ отвѣтъ, данный ему Бисмаркомъ въ маѣ 1890 года относительно желательности союза съ Россіею: „отдѣлить себя отъ всей Европы союзомъ съ Россіею я тѣмъ менѣе могъ рѣшиться, что Россія стала отзываться о насъ съ недовѣріемъ и злобой (grimmig). При такомъ настроеніи, союзъ этотъ не представлялъ гарантій прочности“. Нѣмецкій авторъ, по которому мы цитируемъ этотъ отвѣтъ²⁾,

1) D'Avril. „Négociations relatives au traité de Berlin“.

2) „Das Ende des Fürsten Bismarck in der ausw. Politik“.

замѣчаетъ, что Бисмаркъ, пожалуй, былъ и правъ, если только не онъ же самъ „посѣялъ тотъ вѣтеръ, который произвелъ бурю“.

Любопытно то, что никто лучше самого Бисмарка не выразилъ того впечатлѣнія, какое было вызвано въ Россіи его „честнымъ маклерствомъ“. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ рейхстагѣ въ 1878 году онъ такъ выражалъ взгляды „противныхъ Германіи партій“ въ Россіи, взгляды, которымъ онъ затѣмъ, конечно, отказывалъ въ какой-либо справедливости: „Онѣ могутъ сказать: какъ были велики тѣ жертвы въ людяхъ и сокровищахъ, которыя мы принесли для того, чтобы достигнуть вѣковой цѣли русскаго честолюбія! Плоды этихъ нашихъ пожертвованій мы счумѣли бы оборонить отъ тѣхъ противниковъ, которые имѣли въ самомъ дѣлѣ интересъ въ томъ, чтобы результаты эти у насъ оспаривать. Но не Австрія, съ которой мы давно живемъ въ умѣренно-примиренныхъ отношеніяхъ (!), и не Англія, которая имѣетъ интересы открыто противоположные нашимъ, нѣтъ—ближайшій нашъ другъ, тотъ, кому мы прежде оказали услуги, за которыя считали себя вправѣ ожидать равныхъ услугъ—Германія, которая здѣсь даже не имѣетъ противнаго намъ интереса, она, за нашей спиной, обнажила на насъ не мечъ, но—кинжалъ“.

Прекрасно сказано, и странно, что такіе „взгляды противныхъ Германіи партій“ въ Россіи не были ораторомъ-канцлеромъ предвидѣны заранее.

Посмотримъ теперь, какія послѣдствія повлекла за собой эта „политика магарычей“.

VIII.

Возстановленіе нарушеннаго равновѣсія посредствомъ союзовъ.

Былъ въ свое время распространенъ и такой слухъ, будто Россія въ 1879 г. предлагала союзъ Франціи, но Гамбетта будто бы на него не рѣшался. Это уже слѣдуетъ отнести къ категоріи фантазій. Едва-ли не въ ту же категорію слѣдуетъ зачислить рассказъ Буша, бывшаго секретаря Бисмарка ¹⁾, будто послѣ подписанія берлинскаго трактата германскій канцлеръ крайне безпокоился предположеніемъ о соглашеніи между Россією и Австрією, соглашеніемъ на такомъ основаніи, что Австрія признала бы за Россією полную свободу дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ—въ извѣстныхъ географическихъ границахъ, и за то Россія помогла бы Австріи возстановить ея значеніе и вліяніе въ

¹⁾ Busch, „Unsere Reichs-Kanzler“, I, стр. 448.

германскомъ союзѣ. Бушь говоритъ, что опасеніе это, вызванное, между прочимъ, поѣздкою графа Андраши въ Петербургъ, разсѣялось само-собою, когда тотъ же министръ явился затѣмъ въ Гаштейнъ, гдѣ встрѣтились императоры австрійскій и германскій.

Нельзя иначе, какъ съ особой осторожностью, относиться къ разнымъ газетнымъ извѣстіямъ и слухамъ о томъ, какъ развились въ ближайшее время тѣ недоразумѣнія между Россією и Германією, которыя были вызваны берлинскимъ трактатомъ. Остановимся лишь на томъ фактѣ, что въ августѣ 1879 года, во время пребыванія Императора Александра Николаевича въ Варшавѣ, туда былъ снова присланъ императоромъ Вильгельмомъ I, какъ говорили — безъ спроса Бисмарка — генералъ Мантейфель. Но о результатѣ тѣхъ аудіенцій, какія онъ имѣлъ, неизвѣстно ничего положительнаго, кромѣ того, что, по всей вѣроятности, онѣ подготавливали свиданіе между обоими монархами въ Александровѣ.

И по отношенію къ этому свиданію отзывы были взаимно противоположны. Нѣкоторые, на основаніи позднѣйшихъ заявленій Бисмарка, утверждаютъ, что Россія относилась къ Германіи съ угрозами, другіе увѣряютъ, что свиданіе произвело успокоительное дѣйствіе, такъ какъ монархи будто бы согласились въ томъ, что воевать другъ съ другомъ они никогда ни будутъ. Дѣйствительное содержаніе тогдашнихъ переговоровъ можетъ раскрыться только въ будущее время. Одно только удостовѣряется фактически: черезъ десятокъ слишкомъ дней послѣ свиданія монарховъ Россіи и Пруссіи въ Александровѣ, было подписано соглашеніе между Германією и — Австрією.

Въ этомъ соглашеніи, говорятъ, упоминалось и объ отношеніи къ Франціи, но сущность касалась именно Россіи. До какой степени неотложнымъ признавалъ Бисмаркъ обезпеченіе Германіи такимъ соглашеніемъ, доказывается тѣмъ, что 15-го октября оно уже было подписано представителями Германской имперіи и Австрією, и затѣмъ тотъ же часъ созванъ былъ германскій союзный совѣтъ (Bundesrath) для утвержденія этого соглашенія всѣми германскими правительствами.

Роль императора Вильгельма во всемъ этомъ дѣлѣ весьма загадочна, ибо нельзя же допустить, чтобы отъ него скрывали заключеніе и ратификацію трактата.

Впрочемъ, встанемъ на точку зрѣнія Австріи. Еслибы

князю Бисмарку не было извѣстно заранѣе о предполагавшемся съѣздѣ въ Александровѣ и онъ не могъ бы предупредить будущихъ союзниковъ о неожиданномъ инцидентѣ, то вѣсть объ этомъ какъ громомъ поразила бы вѣнскую дипломатію. Это дало бы поводъ къ подозрѣніямъ и опасеніямъ. Потребовались бы новыя увѣренія, поясненія, справки, чего, даже при величайшей поспѣшности, нельзя бы было совершить менѣе, чѣмъ дней въ двѣнадцать, съ 3-е по 15 октября. Австрія не стала бы торопиться, ибо она хорошо знала, на что способны прусская дипломатія и ея тогдашній руководитель.

Вся заключающаяся въ этомъ невѣроятность однако тотчасъ исчезаетъ, лишь только предположить, что князь Бисмаркъ въ данномъ случаѣ не отступалъ отъ традиціонной системы вести двойную дипломатическую игру, сценарій которой онъ самъ устроилъ и направлялъ къ одной и той же цѣли. Кто же, какъ не онъ, былъ мастеромъ, подъ прикрытіемъ показной дружбы, усыплять бдительность другихъ дипломатовъ? Такимъ образомъ новый союзъ безпрепятственно осуществился и достаточно окрѣпъ.

Г-нъ Татищевъ сообщаетъ, что, узнавъ въ Вѣнѣ о намѣреніи Бисмарка относительно трактата, онъ тотчасъ отправился въ Баденъ-Баденъ, чтобы предупредить о нихъ князя Горчакова. Но русскій канцлеръ не хотѣлъ этому повѣрить, ссылаясь на съѣздъ въ Александровѣ. Вся игра, слѣдовательно, удалась, и цѣль была достигнута.

До какой степени въ Берлинѣ считали важнымъ держать въ тайнѣ дѣло заключенія новаго трактата, видно изъ слѣдующаго. Черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія договора, когда уже текстъ его былъ напечатанъ въ газетахъ, прусскій министръ исповѣданій Путткамеръ, на торжествѣ въ Эссенѣ, провозгласилъ тостъ въ честь императора въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Вы, конечно, читали въ „Kölnische Zeitung“ и уже знаете, какъ нашъ монархъ превозмогъ себя и принесъ стремленія своего сердца въ жертву народному благу. Подчиняясь долгу, онъ заключилъ трактатъ, который обезпечитъ Европу по всей вѣроятности продолжительнымъ миромъ. Да здравствуетъ императоръ!“

Князь Бисмаркъ за этотъ тостъ такъ разсердился на безтактнаго министра (который не могъ не знать о секретномъ вѣнскомъ соглашеніи), что послѣдній вынужденъ былъ подать въ отставку.

Отставка эта была тогда не принята императоромъ Вильгельмомъ потому только, что вскорѣ должны были начаться засѣданія палаты, но она тѣмъ не менѣе нѣсколько позже состоялась, а оффиціозная печать разразилась рѣзкими статьями противъ Путткамера, въ которыхъ онъ обвинялся въ незнаніи и довѣрчивости къ лживымъ газетнымъ слухамъ. „Между тѣмъ Путткамеръ, какъ утверждаетъ нѣмецкій публицистъ ¹⁾, ровно ничего такого не сказалъ, что бы не оправдалось впоследствии фактически“.

А вѣдь Путткамеръ принадлежалъ къ числу усерднѣйшихъ поборниковъ бисмарковской системы и пользовался полнымъ довѣріемъ канцлера. Отсюда видно, какое значеніе придавали въ Берлинѣ политической тайнѣ, и съ другой стороны этотъ случай показываетъ, до какой степени тамъ въ ходу насиліе истины и какъ мало гарантируютъ ее оффиціальныя утвержденія и опроверженія.

Читатель, конечно, замѣтилъ, что мы вовсе не касаемся политической цѣнности Австро-Германскаго союза, его неизбежности для отечества князя канцлера и не беремся рѣшать, ему ли дѣйствительно Европа обязана прочнымъ миромъ послѣднихъ лѣтъ (хотя и вооруженнымъ). Мы обращаемъ вниманіе лишь на систему, которой слѣдовалъ руководитель нѣмецкой политики.

Трактатъ заключенъ, правда, *оборонительный*. Но на гибкомъ языкѣ дипломатовъ это слово зачастую означаетъ наступательный образъ дѣйствій. Мы остановились на этомъ обстоятельстве съ тѣмъ только, чтобы показать, какъ мало довѣрія заслуживаютъ самыя торжественныя обѣщанія, исходящія изъ Берлина.

Князь Бисмаркъ пытался заманить во вновь заключенный союзъ и Францію. Съ этой цѣлью онъ имѣлъ свиданіе съ французскимъ дипломатомъ Тессеранъ-де-Боръ, котораго увѣрялъ въ своемъ расположеніи къ республиканскому союзу. „Je ne me sers jamais de ma parole pour déguiser ma pensée“ ²⁾, сказалъ онъ ему. „Г-нъ Ваддингтонъ, — продолжалъ онъ далѣе, — имѣлъ на это доказательства въ Берлинѣ, и мое желаніе поддержать сердечность отношеній къ Франціи искренно“.

Намѣренія Бисмарка, насколько можно судить вообще о

¹⁾ Rabolsky. «Die Mitteleuropaisch. Friedensliege», стр. 86.

²⁾ «Я никогда не прибѣгаю къ словамъ, чтобы скрыть мои мысли».

намѣреніяхъ его, въ то время заключались въ томъ, чтобы, устроивъ среднеевропейскій союзъ, направить его противъ Россіи и Англіи. Онъ доказывалъ, что изъ борьбы Франціи съ Германіей извлекли пользу лишь Англія и Россія, чрезмѣрно распространившія свои владѣнія. Если соперничество и несогласія между государствами центральной Европы продолжатся, то Босфоръ и прочее наслѣдство Турціи неминуемо перейдетъ къ этимъ державамъ. Но планъ этотъ не осуществился, благодаря, между прочимъ, вліянію Гамбетты. Популярность эксъ-диктатора въ то время была такъ велика, что ему не трудно было провести на практикѣ свой политическій догматъ относительно необходимости полнаго согласія съ Англіей. Какъ бы въ отвѣтъ на предположенія Бисмарка, Гамбетта произнесъ свою извѣстную рѣчь въ Шербургѣ, въ которой завѣщалъ Франціи возстановленіе прежняго политическаго блеска посредствомъ арміи.

Надо полагать, что и самъ Бисмаркъ не питалъ большихъ надеждъ на осуществленіе своихъ филофранцузскихъ затѣй. Но нельзя не согласиться, что союзъ съ Франціей могъ бы ему развязать руки для полной свободы дѣйствій на востокѣ и былъ бы точнымъ повтореніемъ комбинацій 1870 — 1871 гг. Неудача предварительныхъ заигрываній съ Франціей заставила канцлера усиленно искать новыхъ подкрѣпленій своему союзу. Можно было имѣть виды на Италію и Испанію. Первая представляла, разумѣется, болѣе данныхъ для этой цѣли, какъ по сравнительному военному могуществу, такъ и по суммѣ политическихъ вожделѣній, которыми можно было заманить это государство, стремящееся поддержать свое значеніе первоклассной державы. Ей было указано на Триполи, Тунисъ, Албанію, преобладающее вліяніе на Средиземномъ морѣ.

Въ Европѣ преобладаетъ на этотъ счетъ мнѣніе, что Италія поступила крайне неосмотрительно, связавшись съ Германіей договоромъ. Союзъ, заключенный съ Германіей и Австріей, не можетъ быть популярнымъ въ странѣ, обязанной благодарностью Франціи за свое освобожденіе. Такія же чувства отталкиваютъ ее отъ Австріи, въ которой еще осталось 700.000 итальянцевъ, мечтающихъ объ отдѣленіи отъ нея. Кромѣ того, не вѣрно и не ясно опредѣленные выгоды въ будущемъ, представляемыя тройственнымъ союзомъ для Италіи, оплачиваются слишкомъ дорогою цѣною, и едва-ли она будетъ въ состояніи выдержать долго настоящее положеніе, требующее непосильныхъ для нея средствъ на вооруженія

Приобрѣтеніе третьяго союзника, тѣмъ не менѣе, поддержало жизненность австро-германскаго соглашенія; оно, какъ извѣстно, существуетъ до настоящаго времени.

Дальнѣйшій ходъ взаимныхъ отношеній между Россіей и Германіей постоянно видоизмѣнялся. Въ 1882 году повторилась газетная война съ обѣихъ сторонъ, совершенно такая же, какая происходила въ 1875 и 1879 годахъ. Шумъ, поднятый нѣмецкою прессою, взбудораживалъ общественное мнѣніе. Газеты были полны извѣстіями, въ родѣ того, что „Аннибалъ у воротъ государства!“ Полу-оффиціальныя прусскія газеты указывали на скопленіе русскихъ войскъ у границы и обращались къ правительству съ вопросомъ: „готово ли оно къ войнѣ съ Россіей?“ Замѣчательно, что въ это же время въ Вѣнѣ и Пештѣ, несмотря на существованіе обоюднаго оборонительнаго договора, берлинскія альяристскія извѣстія не отразились ни малѣйшимъ эхомъ. Тамошнія газеты ограничились перепечаткой этихъ извѣстій, не добавляя отъ себя ничего такого, что могло бы усилить тревогу и возбудить общественное мнѣніе. Для читателей было ясно, что угрожающія вѣсти принимались условно, оставляя ихъ точность на отвѣтственности германской прессы. Эта разница участія въ газетномъ шумѣ прямо доказывала, что надобность въ немъ признавалась лишь Берлиномъ, т. е. княземъ Бисмаркомъ, который этимъ путемъ хотѣлъ заставить парламентъ согласиться на новые кредиты, для увеличенія и безъ того громаднхъ вооруженій.

Въ 1883 и 1884 годахъ казалось, что отношенія между Россіей и Германіей окончательно измѣнились. Русскаго министра иностранныхъ дѣлъ ожидали въ Парижѣ—и передъ глазами нѣмецкой прессы выросъ призракъ другаго союза. Союзъ этотъ можно было и слѣдовало бы предвидѣть, но берлинскіе дипломаты полагали, что они съумѣютъ его отстранить. Усилившееся дипломатическое движеніе разрѣшилось союзомъ императоровъ, заключеннымъ на три года, начиная съ 1-го апрѣля 1884 года.

Начался рядъ дружественныхъ манифестацій: русская эскадра сопровождала германскаго наслѣднаго принца изъ Генуи въ Испанію. Германскій императоръ лично выразилъ удовольствіе по поводу сохраненія добрыхъ отношеній къ Россіи. Въ февралѣ 1884 года, по случаю празднованія семидесятилѣтія со дня возведенія императора Вильгельма въ число георгиевскихъ кавалеровъ, въ Берлинъ прибылъ великій князь Михаилъ Ни-

колаевичъ, въ сопровожденіи другихъ высшихъ представителей русской арміи. Князь Долгорукій посѣтилъ Фридрихсруэ; графъ Вальдерзее, съ чрезвычайной миссіей, пріѣзжалъ въ Петербургъ. Князь Орловъ назначенъ былъ посланцемъ въ Берлинъ. Графъ Гербертъ-Бисмаркъ снова провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ. Ко дню празднованія совершеннолѣтія Государя Наслѣдника прибылъ въ Петербургъ принцъ Вильгельмъ прусскій, нынѣшній императоръ германскій, и провелъ въ немъ недѣлю. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Европа еще разъ убѣдилась въ обоюдной симпатіи двухъ государствъ—на реальномъ проявленіи ея, когда Германія оказала Россіи помощь при заключеніи займа. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что миръ на сѣверо-востокѣ Европы вполне обезпеченъ.

Третій союзникъ—Австро-Венгрія, въ началѣ, казалось, былъ немало пораженъ неожиданнымъ оборотомъ дѣлъ. По крайней мѣрѣ, вѣнская и пештская печать указывали не безъ горечи и не безъ отѣнка нескрываемаго неудовольствія и нѣкоторой прони на усиливающуюся русско-нѣмецкую дружбу. Отношенія обоихъ сосѣднихъ государствъ къ Россіи не одинаковы. Германія не имѣетъ поводовъ, подобно Австріи, страшиться восточнаго сосѣда, ибо между ними не существуетъ такихъ вопросовъ, которые могли бы въ каждый моментъ выступить впередъ и привести къ неизбѣжному столкновенію. Между тѣмъ у Россіи съ Австріей не только не окончены, но съ каждымъ днемъ обостряются недоразумѣнія по восточному вопросу, со всѣми возникающими изъ него осложненіями и противоположными интересами. Пока все это не разрѣшится—не можетъ быть рѣчи о прочномъ соглашеніи.

Поэтому, основаніемъ для союза трехъ императоровъ могло бы служить намѣреніе или, по крайней мѣрѣ, желаніе ликвидировать мирнымъ путемъ турецкое наслѣдство въ Европѣ, принимая во вниманіе права и выгоды всѣхъ сторонъ. Увѣряютъ, будто вопросъ этотъ трактовался во время сѣзда монарховъ въ Скерневицахъ и въ слѣдующемъ году, при свиданіи Государя Императора съ императоромъ австрійскимъ.

Казалось бы, что союзъ монарховъ, освященный личными свиданіями, совершенно отстранялъ необходимость сепаратнаго союза между Германіей и Австро-Венгріей, цѣлью котораго могли быть лишь взаимныя условія на случай войны съ Россіей. Въ данную же минуту опасности такой со стороны союзника не предстояло, и притомъ прежній союзъ еще не

былъ расторгнутъ. Текстъ отдѣльнаго соглашенія не былъ обще-извѣстенъ; стороны ограничивались заявленіемъ, что новое соглашеніе имѣло въ виду интересы и задачи, независимые отъ общаго договора. Ясно было, однако, что ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ не довѣряли продолжительности послѣдняго.

И дѣйствительно союзъ этотъ не повліялъ на характеръ дальнѣйшаго хода событій на востокѣ Европы.

Возникла сербо-болгарская война, и Австрія, ради спасенія отъ разгрома Сербіи или, точнѣе говоря, короля Милана, подала ему руку помощи въ видѣ требованія пріостановки военныхъ дѣйствій и примиренія между воюющими сторонами.

Затѣмъ, въ сентябрѣ 1885 года, вспыхнула революція въ Румелии, завершившаяся присоединеніемъ этого вассальнаго княжества Турціи къ Болгаріи. Совершилось это вопреки желаніямъ и совѣтамъ Россіи. Князь Болгаріи (Баттенбергъ), принявъ власть въ Румелии, вызвалъ этимъ неудовольствіе Россіи, и безъ того уже имѣвшей къ тому поводу.

11-го августа 1886 года произошла въ Софіи революція, свергнувшая князя Александра съ престола. Контръ-революція черезъ нѣсколько дней вновь призвала его изъ-за границы на тронъ, а затѣмъ, вслѣдствіе депеши русскаго Государя, онъ окончательно уѣхалъ изъ Болгаріи. Въ Софію былъ отправленъ уполномоченный въ лицѣ генерала Каульбарса. Въ это время антагонизмъ Австріи съ Россіей усилился, а черезъ годъ послѣ этого наступили новые выборы на вакантный княжескій престолъ, на который былъ выбранъ принцъ Кобургскій, доселѣ не признанный ни одной державой и прежде всего Россіей.

По невозможности привести къ общему соглашенію рѣшеніе этого вопроса, онъ отложенъ на неопредѣленное время, и дипломатія какъ бы отрицаетъ самое его существованіе. Очевидно, такое положеніе сильно компрометируетъ прочность мира, ибо забытый вопросъ можетъ при всякомъ случаѣ возникнуть вновь и вынудить заинтересованныя стороны приступить къ мѣрамъ для окончательнаго его рѣшенія.

Съ окончаніемъ срока союза трехъ императоровъ, печать и общественное мнѣніе не только не сокрушались о минованіи его, но выражали желаніе, чтобы онъ не возобновлялся. Россія вступила на путь политики, ничѣмъ не связанной, а союзъ трехъ императоровъ смѣнился новымъ соглашеніемъ между Германією и Австрією, къ которому присоединилась Италія. Такъ возникъ тройственный союзъ между Германіей, Австріей и Италіей.

Въ слѣдующемъ году Бисмаркомъ высказано въ многочисленныхъ рѣчахъ много словъ, касавшихся исторіи заграничной политики. Въ одной изъ нихъ отношеніе Германіи къ со-сѣднему государству онъ обрисовывалъ тѣмъ обстоятельствомъ, что участь Болгаріи ни въ какой мѣрѣ не интересуесть Германію („что мнѣ до Гекубы и что Гекубѣ до меня!“). Онъ утверждалъ, что отношенія между Германіей и Австріей такъ хороши, что исторія представляетъ мало подобныхъ примѣровъ. Дружба между Германією и Россією вполне испытанная.

Дипломатія союза, по словамъ канцлера, не только всячески старается поддержать эти добрыя отношенія, но и присоединиться къ нимъ. Усердіе князя-канцлера простиралось до того, что подвергало его въ Вѣнѣ упрекамъ въ преданности Россіи, а въ Петербургѣ — обвиненіямъ въ пристрастіи къ Австріи. Словомъ, этому миротворцу уже перестали вѣрить.

Тройственный союзъ способствовалъ болѣе точному противъ прежняго опредѣленію международныхъ отношеній. Онъ сдѣлался или стремился сдѣлаться центромъ притяженія для прочихъ государствъ, и такимъ образомъ на европейскомъ горизонтѣ обрисовались два лагеря.

Есть основаніе предполагать, что по этому поводу уже велись переговоры съ большею частью европейскихъ государствъ, какъ малыхъ, такъ и большихъ. Рядомъ съ усиліями въ видахъ привлеченія ихъ къ тройственному союзу, съ другой стороны, вѣроятно, происходили и обратныя старанія: отвлечь свободныя въ своей политикѣ державы отъ вступленія въ союзъ. Прежде всего, конечно, хлопотали о включеніи въ союзъ большихъ державъ, какъ Англія, Турція, затѣмъ дѣло шло о Румыніи, Сербіи, Болгаріи и Греціи.

Что касается Турціи, то уже одно ея согласіе на открытіе Дарданельскаго пролива для русскаго флота можетъ служить указаніемъ того, что среднеевропейскій союзъ не пользуется въ эту минуту особеннымъ вліяніемъ въ Стамбулѣ.

Болѣе правдоподобнымъ казалось присоединеніе къ этому союзу Англіи, особенно послѣ того, какъ съ устраненіемъ Бисмарка англо-германскія отношенія несомнѣнно измѣнились къ лучшему. (Извѣстно, что тотъ союзъ среднеевропейскихъ государствъ, который предполагалъ основать въ 1879 году Бисмаркъ, имѣлъ между прочимъ цѣлью противодѣйствовать англійскому вліянію). Но и до настоящаго момента нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько

присоединеніе къ тройственному союзу Англіи приблизилось къ осуществленію.

Особенныя старанія были пущены въ ходъ для привлеченія къ союзу Румыніи, королевскій дворъ которой связанъ узами родства съ берлинскимъ. Извѣстно, что въ 1880 году князь Карлъ ѣздилъ въ Берлинъ и Вѣну хлопотать о замѣнѣ княжескаго титула на королевскій. Такъ какъ въ политикѣ никакихъ услугъ даромъ не оказываютъ, то судя по той помощи, какую оказали Румыніи, при переименованіи ея въ королевство, Австрія и Пруссія, надо думать, что послѣднія двѣ державы заручились какимъ-нибудь договоромъ со стороны Румыніи, на случай войны. Но въ сущности это только догадка, которая находитъ себѣ опроверженіе въ извѣстномъ заявленіи одного изъ румынскихъ депутатовъ въ палатѣ 1890 года: „правительство, которое бы пожелало заключить союзъ съ Австро-Венгріей на случай войны, было бы проклято цѣлой страной“. Заявленіе это было встрѣчено шумными одобреніями собранія.

Въ Европѣ занимаетъ всѣхъ вопросъ: существуетъ ли уже писанный договоръ между Франціей и Россіей?

Но еслибы такого договора и не было, то развѣ все то, чему мы были свидѣтелями въ послѣдніе годы, не равносильно писанному договору. Развѣ можно сомнѣваться, что въ случаѣ военнаго столкновенія эти два государства будутъ дѣйствовать по заранѣе обдуманному плану?

Мы остановились долго на тѣхъ событіяхъ, которыя служатъ основаніями для нынѣшнихъ международныхъ отношеній и возможныхъ комбинацій къ достиженію тѣмъ или другимъ государствомъ главной цѣли его внѣшней политики. Но вопросы, которыхъ мы коснулись, находятся въ тѣсной связи съ предметомъ настоящаго труда. Несомнѣнно, что существующія международныя отношенія, причины, которыми они были вызваны, и разные пути, какіе принскивались дипломатіею за послѣднія 25 лѣтъ для достиженія ея цѣлей, будутъ имѣть на степень вѣроятности и близости войны и на самыя способы ея веденія не меньшее вліяніе, чѣмъ тѣ или другія новыя средства военной техники.

Съ 1864 года, то-есть въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, всѣ войны и произведенныя ими измѣненія въ положеніи Европы произошли по инициативѣ берлинскаго кабинета, за исключеніемъ только войны 1877—1878 гг., да и въ этой войнѣ, германская дипломатія, какъ мы видѣли, не оставалась безу-

частною; на берлинскомъ же конгрессѣ она играла весьма вліятельную роль.

Логично будетъ поэтому и при обсужденіи вѣроятности войны будущей обращать главное вниманіе на то, насколько она можетъ входить въ расчеты германской политики. Но въ этомъ отношеніи возможны пока однѣ догадки, основываемыя на томъ или другомъ отдѣльномъ дѣйствіи Германіи.

Созданы громадныя средства для войны и тяжесть пожертвованій на вооруженія повсемѣстно велика. Уже это одно, казалось бы, предвѣщаетъ войну въ недалекомъ будущемъ. Но можетъ быть и то, что война уже какъ бы ведется и въ настоящее время — посредствомъ самыхъ вооруженій и безъ пролитія крови. Германія, которая и доселѣ въ дѣлѣ усиленія вооруженій идетъ впереди другихъ державъ, быть можетъ, думаетъ импонировать самымъ видомъ своего военного могущества и этимъ вооруженно - мирнымъ способомъ окончательно упрочить свое положеніе, да еще завоевать себѣ у сосѣдей ту или другую желательную ей уступку.

Въ Парижѣ однажды учредилось новое телеграфное агентство. Собранъ былъ капиталъ, устроены были связи, наняты помѣщенія и служащіе, изъ которыхъ инымъ выданы были даже небольшіе авансы изъ жалованья. Многія семьи были обрадованы новыми заработками, устроились въ виду новаго занятія и со дня на день ожидали его начала. Вдругъ оказалось, что цѣль предпріятія была совсѣмъ иная, что учредители вовсе и не думали снабжать публику извѣстіями о томъ, что происходитъ на свѣтѣ, а просто хотѣли испугать агентство „Navas“ конкуренціею и сорвать съ него отступное. Но это агентство не поддалось угрозѣ, и фиктивное предпріятіе тотчасъ разстроилось, съ нѣкоторыми убытками для учредителей, но съ весьма чувствительными потерями — и въ надеждахъ и въ затратахъ — для многихъ бѣдныхъ людей.

Нѣчто похожее возможно примѣнить и къ тому непрерывному нагроможденію средствъ для войны, въ которомъ Германія подаетъ примѣръ другимъ странамъ. Кажется, напряженіе силъ уже столь велико, что неизбѣжна близкая катастрофа. А между тѣмъ, представлялись, и даже совсѣмъ недавно, моменты благоприятные для начатія войны, но ими не воспользовались или если воспользовались, то лишь для того, чтобы отвратить какую - нибудь нежелательную комбинацію или получить ту или другую уступку. Посреди всеобщихъ

вооруженій политика идетъ по пути неожиданностей. Возобновленіе прусско-русской дружбы на краткое время въ 1883—1884 гг. представляло такую же неожиданность, какъ послѣдовавшее затѣмъ заключеніе нынѣшняго „тройственного союза“.

Правда, прусскою политикою уже не управляетъ Бисмаркъ. Но онъ былъ только образцовымъ, успѣшнѣйшимъ ея представителемъ, а не творцомъ ея. Отъ вассальнаго Бранденбургскаго курфиршества до велико-державной Пруссіи было, пожалуй, дальше, чѣмъ отъ сильнаго военнаго королевства—до имперіи. А та энергія, то умѣнье и та неразборчивость въ средствахъ, какими прусская политика обладала и до Бисмарка, навѣрное остались за ней и послѣ него.

Можно однако предположить, что для отношеній между Пруссіею и Россіею увольненіе Бисмарка было благопріятно, въ томъ собственно смыслѣ, что оно устранило отъ нихъ элементъ личнаго раздраженія прежняго германскаго канцлера и свойственной ему лично мстительности. Онъ никогда не забывалъ циркуляра въ 1875 году кн. Горчакова. Не разъ кн. Бисмаркъ изъяснялъ также и глубокое свое раздраженіе по тому поводу, что роль его во время послѣдней восточной войны и на берлинскомъ конгрессѣ была вѣрно понята и сильно осуждена русскою печатью. Никто, конечно, не рѣшится утверждать, что дѣйствія германской политики соотвѣтствовали тому обѣщанію, какое давалъ король Вильгельмъ I, когда просилъ русскаго Императора о поддержкѣ въ 1866 году. Въ письмѣ его, привезенномъ генераломъ Мантейфелемъ, находились слѣдующія строки: „ничто такъ не близко моему сердцу, какъ укрѣпленіе узъ, насъ соединяющихъ; ни въ одной изъ моихъ политическихъ комбинацій не будетъ причиною ущерба интересамъ Россіи; наоборотъ, я сочту за счастье найдти въ будущемъ случай, чтобы доказать Вамъ, что постоянно вижу въ нихъ интересы давнѣйшаго и самаго близкаго союзника Пруссіи“¹⁾.

Послѣ того, а именно въ 1870—71 годахъ, Россія оказала Пруссіи еще бѣльшую услугу, чѣмъ въ 1866 году. А между тѣмъ, Бисмаркъ не удержалъ Австріи въ 1878 г. отъ приготовленій къ войнѣ съ Россіею, а берлинскій конгрессъ, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ, доставилъ больше выгодъ въ Европѣ—Австро-Венгрии, которая не участвовала въ войнѣ, чѣмъ Россіи, которой войска стояли въ двухчасовомъ переходѣ отъ

¹⁾ Sybel. „Begründung des Deutschen Reiches“.

Константинополя. Невозможно серьёзно утверждать, что такая комбинація прусской политики не причинили ущерба русскимъ интересамъ.

А между тѣмъ, справедливое недовольство Россіи настроило бывшаго канцлера еще болѣе противъ нея. На дѣлѣ онъ поставилъ Германію въ открытый антагонизмъ съ Россіею, заключивъ оборонительный союзъ съ Австріею, къ которому затѣмъ привлекъ и Италію. На словахъ же, Бисмаркъ послѣ восточной войны никогда не упоминалъ о Россіи иначе, какъ съ тономъ раздраженія. „Прошло то время—заявляетъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ рейхстагѣ—мы уже не стараемся снискать любовь ни Франціи, ни Россіи; русская печать, русское общественное мнѣніе указали дверь давнишнему, надежному и могущественному другу; мы не навязываемся. Мы пытались возстановить давнія, близкія отношенія, но бѣгать мы ни за кѣмъ не станемъ“.

Элементъ этого личнаго раздраженія Бисмарка теперь устраненъ. Но то, что было устроено прусскою политикою къ невыгодѣ Россіи, остается. Въмѣсто взаимной нейтрализаціи Австріи и Пруссіи въ германскомъ союзѣ, мы видимъ Австрію, твердою ногой ставшую на Балканскомъ полуостровѣ, и потому соперничающую съ Россіею и отчасти подчиненную Пруссіи; мы видимъ единство Германіи подъ прусскимъ военнымъ жезломъ и тройственный союзъ подъ предводительствомъ Берлина. Мы видимъ рядомъ дѣйствительно безпримѣрныя народныя ликованія во Франціи по поводу дружбы съ Россіею. Удостоверено съ высоты престола, что со стороны Россіи дружественныя отношенія съ Франціею имѣютъ цѣлью обезпеченіе мира. Дѣйствительно, дружба между Франціею и Россіею возстановляетъ въ положеніи Европы равновѣсіе, которое было нарушено заключеніемъ тройственнаго союза. Но при всемъ искреннемъ желаніи могущественной Россіи охранить миръ, полная устойчивость достигнутаго равновѣсія могла бы сдѣлаться несомнѣнною лишь тогда, когда удалось бы осуществить всеобщее сокращеніе вооруженій. Пока же вооруженія съ обѣихъ сторонъ возрастаютъ, Европа будетъ представлять два громадныхъ лагеря, поддерживающіе миръ только болѣе или менѣе равною готовностью обѣихъ сторонъ къ будущей войнѣ.

И. БЛЮХЪ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 7 Ноября 1893 г.

Типогр. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

А 241
581

(10)

БУДУЩАЯ ВОЙНА,

ея экономическія причины и послѣдствія ¹⁾.

Народныя настроенія въ Германіи и возможное ихъ вліяніе на войну.

Бросивъ въ предшествующей главѣ взглядъ на условія, въ которыхъ совершалось объединеніе Германіи, а также на возникшіе изъ него опасности и союзы, рассмотримъ теперь, какія настроенія въ германскомъ народѣ могли бы способствовать войнѣ и какія, соотвѣтственно тому, могли бы проявиться при войнѣ въ германской арміи.

I.

Союзы, какъ тормазы противъ внезапныхъ столкновеній.

Чрезвычайное нагроможденіе вооруженій составляетъ уже само по себѣ опасность. Какъ всякая искра можетъ зажечь груды легко воспламеняющихся матеріаловъ, такъ и неважный, непредвидѣнный случай въ политикѣ можетъ подать поводъ къ употребленію въ дѣло огромныхъ средствъ, накапливаемыхъ народами для войны, съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Въ Пруссіи корпусъ офицеровъ составляется преимущественно изъ наслѣдственно-военнаго сословія; военныя сферы тамъ всегда расположены къ проявленію той дѣятельности, которая продолжаетъ традицію сословія, открывая блестящую карьеру бѣднымъ молодымъ дворянамъ и ждущимъ долгіе годы дальнѣйшаго производства штабъ-офицерамъ.

Несомнѣнно, что самый духъ корпуса офицеровъ въ прус-

¹⁾ См. „Русск. Вѣстн.“ кн. 11-я 1893 г.

ской арміи и большое вліяніе военныхъ сферъ представляютъ нѣкоторую опасность въ смыслѣ войны. Офицерское сословіе тамъ весьма многочисленно, а всѣ новѣйшія военныя распоряженія имѣютъ цѣлью еще возможное увеличеніе численности офицеровъ.

Еслибы даже не Германія первая начала войну, то и тогда все-таки слѣдовало бы признать, что главнѣйшимъ образомъ Германіи обязана Европа тѣмъ положеніемъ, изъ котораго въ каждый моментъ можетъ возникнуть война. Еще Монтескье сказалъ, что „войну производитъ не тотъ, кто ее объявляетъ, а тотъ, кто дѣлаетъ ее неизбежною“. А въ этомъ смыслѣ несомнѣнно, что возникновенію новой войны содѣйствовало бы объединеніе Германіи, во-первыхъ, потому, что всѣ ея силы поступили въ распоряженіе традиціонно-завоевательнаго прусскаго военнаго сословія, а во-вторыхъ, что самый захватъ Эльзаса и Лотарингіи былъ какъ бы рассчитанъ на то, чтобы зажечь въ Европѣ неугасаемый очагъ раздраженій. Не даромъ извѣстный историкъ и философъ Іоганнъ Шерръ, горячій приверженецъ Бисмарка, восхваляющій его за объединеніе Германіи, безцеремонно называетъ, однако, своего героя, чтобы дать понятіе о его характерѣ, — „Раскап“ или „Хватай“, т. е. прилагаетъ къ его характеру кличку, которая употребляется для гончихъ. И дѣйствительно, сперва Бисмаркъ неистово бросался на всѣхъ, кто мѣшалъ объединенію Германіи, потомъ на всякаго „врага имперіи“, какъ онъ называлъ каждаго дѣятеля, который не хотѣлъ подчиниться хотя бы даже его капризу, а наконецъ, онъ внесъ этотъ элементъ личнаго раздраженія и въ отношенія къ иностраннымъ кабинетамъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ удалился отъ дѣлъ, раскрылись архивы и появилось множество брошюръ и статей, раскрывшихъ цѣлую массу коварствъ, лжи и насилій, совершенныхъ Бисмаркомъ и значительно уменьшившихъ прежнее представленіе о геройскомъ самоотверженіи, съ какимъ онъ будто бы жертвовалъ и своими личными чувствами, и своими силами для великаго дѣла единства Германіи. И вотъ, нынѣ уже въ самой Германіи одними изъ главныхъ упрековъ Бисмарку являются тѣ, которые осуждаютъ его образъ дѣйствій по отношенію къ Россіи, а Бисмаркъ, сознавая, какъ ему вредятъ упреки такого рода, старается опровергнуть ихъ въ разговорахъ съ разными лицами и при помощи немногихъ, оставшихся ему вѣрными газетъ. Въ настоящее время все чаще слышатся въ

Германіи воспоминанія вродѣ слѣдующихъ: „что самое ополченіе Германіи противъ Франціи въ 1813 году въ значительной степени должно быть отнесено къ помощи Россіи, что побѣда Германіи въ 1870 году была возможна только потому, что за спиной ея была нейтральная Россія“. „Какъ дружественны были въ то время наши отношенія,—продолжаетъ авторъ, котораго мы цитируемъ,—свидѣтельствуетъ фактъ, что въ тотъ 1870 годъ допускалось въ нѣмецкихъ церквахъ въ Россіи открытое моленіе за побѣду германскаго оружія“¹⁾.

Впрочемъ, обстоятельство, что слышатся такіе голоса, имѣетъ значеніе собственно по отношенію къ Бисмарку, а не въ смыслѣ какихъ-либо международныхъ чувствъ. Вся исторія Пруссіи свидѣтельствуетъ, что прусская политика, въ своемъ отношеніи къ каждому народу, какъ и къ каждому обстоятельству, была неизмѣнно готова жертвовать всѣмъ для возвышенія себя, во что бы то ни стало.

Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ пессимистично на настроеніе самого германскаго народа. Хотя и не должно разсчитывать на благодарность, а Ренанъ²⁾ сказалъ даже, что „исторія вовсе не есть повѣствованіе о вознагражденіи добродѣтели, но, наоборотъ, она повѣствуетъ о карахъ за добро и наградахъ за зло“, но все-таки не слѣдуетъ думать, что въ Германіи укоренилась слѣпая ненависть къ Россіи и что такая ненависть могла бы сдѣлаться причиною войны. Въ виду уже указаннаго нами нерасположенія германскаго народа къ войнѣ и вообще высокой степени его культуры, только какія-нибудь слишкомъ крупныя ошибки со стороны другихъ государствъ могли бы вызвать войну изъ ненависти. Самые союзы, созданные объединеніемъ Германіи, хотя и могутъ внушать мысль, что слѣдуетъ, если война неизбѣжна, воспользоваться ими, пока они существуютъ, но на дѣлѣ затрудняютъ починъ въ войнѣ тѣмъ, что починъ этотъ зависитъ уже не отъ воли одного кабинета, но и отъ согласія союзниковъ, которые были бы вовлечены въ ту же войну.

Канцлеръ графъ Каприви сказалъ въ рейхстагѣ, что „для готовности народа къ войнѣ необходимъ элементъ народнаго энтузіазма, но трудно найти общее основаніе для энтузіазма трехъ разныхъ народовъ, какъ не легко и обезпечить ихъ со-

¹⁾ Grenzboten. „Der Deutschenhass bei unsern Nachbarn“. 1893.

²⁾ „Histoire du peuple d'Israël“.

гласнымъ высшимъ командованіемъ и подчинить общему плану дѣйствій. Еще труднѣе согласить желанія. У Италіи и Австріи небольшія желанія, за то онѣ и не рискуютъ много потерять; у Германіи уже нѣтъ никакихъ желаній, а рискуетъ она всею, а именно—имперію“.

II.

Что могла бы Германія выиграть въ войнѣ съ Россіей?

У Германіи нѣтъ желаній, а въ войнѣ она рискуетъ всею—имперію. Если это—такъ, то при несомнѣнно развитомъ въ германскомъ народѣ политическомъ смыслѣ, можно было бы имѣть увѣренность, что Германія не хочетъ войны.

Напрасно было бы полагать, что расположеніе народа не имѣетъ значенія для прусскаго правительства. Правда, примѣръ 1866 года доказываетъ, что народное настроеніе не имѣетъ для берлинскихъ сферъ значенія рѣшающаго. Но что же могъ бы обѣщать себѣ и самъ берлинскій кабинетъ?

Той увѣренности въ превосходствѣ военныхъ силъ Пруссіи, съ какой она начала и провела войну 1870 года—какъ это уже указано—нынѣ она имѣть не можетъ даже по отношенію къ Франціи, а тѣмъ болѣе по отношенію къ соединеннымъ силамъ Франціи и Россіи. Уже одни географическія условія при войнѣ съ Россією внушаютъ въ Германіи сомнѣнія и опасенія, которыя и высказываются въ посвященныхъ „русской войнѣ“ брошюрахъ и статьяхъ.

Расчитывать на полученіе отъ Россіи, въ случаѣ успѣшной противъ нея войны, колоссальнаго денежнаго вознагражденія, какое было вынуждено у Франціи, Германія не можетъ. Будущая война потребуетъ отъ всѣхъ государствъ столь значительныхъ жертвъ, что народныя сбереженія истощатся, а кредитъ поколеблется даже — тѣхъ государствъ, въ которыхъ онъ имѣетъ наиболѣе устойчивости; пошатнется кредитъ и тѣхъ странъ, которыя бы побѣдили, и тѣмъ болѣе тѣхъ, которыя были бы побѣждены.

Что касается завоеваній, то несмотря на такія гаданія, которыя высказывались въ этомъ отношеніи Сарматикусомъ и другими авторами брошюрь, сомнительно, чтобы государственные люди въ Германіи когда-либо расчитывали на отвоеваніе у Россіи какихъ-либо областей съ пользою для Германіи.

Даже и тѣ рьяные прожектеры, которые мечтали объ отвоеваніи у Россіи цѣлой пограничной полосы, разсуждали однако такъ, что еслибы подобный результатъ могъ представить выгоду, то лишь для Пруссіи, а не для Германіи, да и для Пруссіи только въ такомъ случаѣ, еслибы она могла быстро онѣмечить всю вновь приобрѣтенную на востокѣ окраину, направивъ туда волны германской эмиграціи, такъ чтобы въ скоромъ времени осуществить полную ассимиляцію тѣхъ областей.

Но имѣютъ ли германскіе государственные люди основанія, чтобы признавать это возможнымъ? Оправдывалось ли бы такое предположеніе той степенью успѣха германизациі, какая была достигнута доселѣ въ предѣлахъ нынѣшнихъ восточныхъ областей Пруссіи, и возможно ли было бы колонизированіе нѣмцами въ большихъ размѣрахъ сколько-нибудь значительной вновь приобрѣтенной территоріи?

Мы считаемъ необходимымъ задаться и такимъ вопросомъ, для всесторонней оцѣнки степени вѣроятности войны по почину Германіи. Каждая война, понятно, представляетъ альтернативу побѣды или пораженія. Можетъ побѣдить Германія, можетъ побѣдить Россія. Но когда самъ германскій канцлеръ говоритъ, что въ войнѣ Германія рисковала бы всею—самой имперіею, то при такой ставкѣ, она, очевидно, могла бы рѣшиться на завоевательную войну только при безусловной несомнѣнности, если не самой побѣды германскаго оружія, то хотя бы огромныхъ выгодъ, какія бы ей доставило завоеваніе—въ томъ случаѣ, еслибы война дѣйствительно была успѣшна.

И вотъ, этого-то безусловнаго убѣжденія германскіе государственные люди имѣть не могутъ, и мы постараемся указать на тѣ обстоятельства, которыя не допускаютъ возможности такого безусловнаго у нихъ убѣжденія.

Въ русской печати довольно распространено мнѣніе, что онѣмеченіе польскихъ областей въ Пруссіи подвигается весьма быстро, и что недалекъ тотъ моментъ, когда волны германизма покроютъ и тѣ славянскіе островки, которые пока еще въ Пруссіи уцѣлѣли. Изъ такого представленія часто извлекаются немаловажные выводы. А между тѣмъ, оно въ весьма значительной степени ошибочно. Въ процессѣ германской ассимиляціи тѣхъ областей представляются двѣ стороны, которыя необходимо отличать. Одна изъ нихъ состоитъ въ отчужденіи земель, находившихся во владѣніи коренныхъ жителей, а другая—собственно въ онѣмеченіи населенія.

Въ первомъ отношеніи оказываются дѣйствительные успѣхи, хотя и не столь огромные, какъ то иногда принимается писателями, не наблюдавшими непосредственно положенія дѣлъ. Въ особенности, отношеніе польской крестьянской земельной собственности къ землевладѣнію нѣмецкому измѣнилось лишь едва примѣтно. Что же касается собственно онѣмеченія въ Пруссіи польскаго населенія, то въ этомъ дѣлѣ не только не достигнуто успѣховъ, но, наоборотъ, отношеніе численности польскаго населенія къ нѣмецкому въ прусской Польшѣ значительно возросло. Такъ, по свѣдѣніямъ, которыя обнародованы императорскимъ статистическимъ бюро, въ Познани считалось:

въ 1867 г. нѣмецкаго населенія . .	684.790	душъ
польскаго " . .	844.020	"
а въ 1890 г. нѣмецкаго населенія . .	700.000	"
польскаго " . .	1.050.000	"

Итакъ, численность кореннаго населенія возрасла въ теченіе 23-хъ лѣтъ на 24,5 процента, а численность пришлаго населенія—всего на два процента.

Въ другихъ областяхъ Пруссіи со смѣшаннымъ населеніемъ, а именно въ Силезіи, восточной и западной прусскихъ провинціяхъ, даже въ тѣхъ округахъ, которые считались окончательнo онѣмеченными, произошло нынѣ, за послѣднія 25 лѣтъ, совершенно неожиданное и непріятное для нѣмцевъ явленіе, а именно движеніе къ возстановленію славянской народности. И движеніе это произвело такіе результаты, что не только въ тѣхъ мѣстностяхъ основались польскія народныя газеты и разныя польскія ассоціаціи, но даже депутатами въ сеймъ стали тамъ избирать поляковъ, а не нѣмцевъ, какъ было прежде. Наиболѣе досаднымъ для нѣмецкаго самолюбія представляется успѣхъ этого движенія въ Силезіи, которая перешла подъ господство нѣмцевъ уже 500 лѣтъ тому назадъ, не имѣетъ доселѣ ни крупнаго польскаго землевладѣнія, ни богатаго польскаго интеллигентнаго класса, а между тѣмъ значеніе польскаго элемента въ ней несомнѣнно усиливается.

Фактъ этотъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что германизация происходила въ варварскія времена крѣпостнаго и феодальнаго безправія, когда люди были довольны и тѣмъ, что сохраняли свое жалкое существованіе.

Когда такіе результаты оказываются въ областяхъ, перешедшихъ къ Пруссіи отъ Польши 100 и даже 500 лѣтъ назадъ,

то возможно ли было бы надѣяться на успѣшную германизацию сколько-нибудь обширныхъ областей, которыя были бы вновь завоеваны? Въ этомъ отношеніи никто изъ вліятельныхъ людей въ Германіи не имѣетъ иллюзій, въ особенности послѣ недавняго опыта съ Бисмарковой политикой ограниченій, которая только усилила въ восточныхъ провинціяхъ стремленія къ оборонѣ національности и языка.

Но если представлялось бы невозможнымъ быстрое онемеченіе кореннаго населенія новыхъ областей, то не могла ли бы Пруссія рассчитывать на германизацию ихъ въ смыслѣ направленія туда сильной колонизации изъ Германіи? Надъ этимъ вопросомъ стоить нѣсколько остановиться. Такъ какъ въ Германіи несомнѣннымъ фактомъ является избытокъ народонаселенія, то было бы естественно ожидать эмиграціи изъ болѣе заселенныхъ западныхъ частей Германіи въ восточныя области Пруссіи. Между тѣмъ, мы видимъ, что эмиграція изъ Германіи направляется преимущественно за океанъ. Это обусловлено многими причинами.

Нами были уже въ другомъ мѣстѣ приведены тѣ выгоды и преимущества матеріальныя, которыя получаютъ переселенцы въ Сѣверной Америкѣ. Имѣющіе намѣреніе заниматься хлѣбопашествомъ находятъ тамъ изобиліе дешевыхъ плодородныхъ земель, высокія заработныя платы, при дешевизнѣ жизненныхъ продуктовъ. Всѣмъ живется тамъ просторнѣе и легче, чѣмъ въ любомъ европейскомъ государствѣ.

Мы обращали также вниманіе и доказывали цифровыми данными, что въ Соединенныхъ Штатахъ нѣмецкимъ эмигрантамъ живется даже лучше, чѣмъ самимъ янки, такъ какъ, въ среднемъ, нѣмцы зарабатываютъ тамъ больше, чѣмъ люди какой-либо другой народности. Но и въ отношеніи нравственныхъ условій быта, нѣмцамъ тамъ живется лучше, чѣмъ въ самой Германіи, а тѣмъ болѣе въ какихъ-либо вновь завоеванныхъ ею областяхъ, такъ какъ отсутствіе въ Америкѣ милитаризма позволяетъ рабочему сберечь то, что на европейскомъ континентѣ у него ушло бы на высокія подати.

Затѣмъ, самое положеніе рабочаго почетнѣе въ Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ, гдѣ вслѣдствіе предразсудка, оставшагося отъ старыхъ временъ, на трудъ для заработка, а особенно на трудъ ручной, смотрятъ еще какъ на условіе нѣкотораго неравенства. Въ Америкѣ же совсѣмъ наоборотъ: тамъ нѣтъ понятія о сословномъ или чиновномъ неравенствѣ, и тотъ, кто отличился тру-

долюбіемъ и знаніемъ дѣла въ какой бы то ни было сферѣ дѣятельности, хотя бы онъ сначала былъ дровосѣкомъ, можетъ сдѣлаться губернаторомъ, сенаторомъ и даже президентомъ союза; при чемъ прошлое его не только не будетъ ему въ упрекъ, но, наоборотъ, ему будутъ вѣнчать въ заслугу то, что онъ собственными силами выдвинулся изъ ничтожества ¹⁾.

Наконецъ, нѣмцы, прибывая въ большомъ числѣ въ какую-нибудь, еще не обработанную мѣстность, которыхъ еще не мало въ Америкѣ, имѣютъ возможность создать тамъ условія общественнаго быта и даже управленія, какія имъ покажутся желательными. Въ этихъ новыхъ территорияхъ союзныя власти создаютъ сперва такіе органы, которые призваны заботиться только о безопасности, а впоследствии, когда поселенія на новой территоріи достаточно сплотятся и численность жителей дойдетъ до цифры значительной, территорія признается штатомъ, вполне равноправнымъ съ другими штатами.

Всѣ эти условія таковы, что переселенецъ не найдетъ ничего подобнаго имъ ни въ Германіи, ни въ какихъ-либо земляхъ, вновь присоединенныхъ къ Германіи. Вотъ чѣмъ объясняется, главнымъ образомъ, и незначительность тѣхъ результатовъ, какихъ достигла колонизаціонная коммисія въ Познани, несмотря на свои 100 милліоновъ марокъ. Невзирая на приманки и разныя выгоды, предоставляемая ею переселенцамъ изъ Германіи, послѣднихъ съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе прибываетъ въ Познань, менѣе даже, чѣмъ приходится польскихъ рабочихъ въ рейнскія провинціи. А если насажденіе нѣмецкаго элемента идетъ такъ малоуспѣшно въ герцогствѣ Познанскомъ, то какое же основаніе могла бы Пруссія имѣть, чтобы разчитывать на успѣхъ этого дѣла—въ болѣе отдаленныхъ, вновь завоеванныхъ германскимъ оружіемъ, областяхъ?

Прежде всего, губерніи Царства Польскаго и нѣкоторыя другія, ближайшія къ западнымъ границамъ, заселены уже до того густо, что даже явилось и тамъ движеніе къ переселенію въ Бразилію и Сѣверную Америку, ослабѣвшее лишь въ послѣднее время, вслѣдствіе особыхъ, принятыхъ правительствомъ, мѣръ. Если наплывъ нѣмецкихъ колонистовъ былъ возможенъ въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ губерніяхъ Имперіи, то, во-первыхъ, тамъ населеніе менѣе густо, чѣмъ въ Царствѣ, а во-вторыхъ, тому способствовали законы, ограничивающіе право владѣнія

¹⁾ Frantz. „Die Weltpolitik“. I Theil, S. 82.

землями для лицъ польскаго происхожденія. Впрочемъ, этотъ наплывъ былъ слишкомъ незначителенъ въ сравненіи съ тѣмъ, настоящимъ напоромъ германскихъ переселенцевъ, какой бы потребовался для того, чтобы въ нѣсколько десятковъ лѣтъ—до новой, неизбежной войны, а вѣроятно даже цѣлаго ряда войнъ, чувствительно измѣнить племенной составъ нѣсколькихъ губерній, ближайшихъ къ Пруссіи. За недостаткомъ свободныхъ земель въ мѣстностяхъ пограничныхъ, волны германской колонизаціи должны были бы направиться въ глубь страны, но тамъ онѣ тотчасъ бы встрѣтились съ неблагоприятными условіями, какъ-то: худшими качествами почвы, дешевизною труда, слабостью сбыта для продуктовъ. Между тѣмъ, земли и теперь въ этой полосѣ гораздо дороже, чѣмъ въ Америкѣ, а при массовой колонизаціи, еще крайне поднялись бы въ цѣнѣ.

Если таковы условія экономическо-общественныя, то что же сказать объ условіяхъ свойства политическаго? Присоединеніе къ Пруссіи значительныхъ областей съ населеніемъ славянскимъ, въ умахъ государственныхъ людей объединенной Германіи должно представляться прямо вреднымъ для ея интересовъ. Преобразование нѣмецкой Пруссіи въ государство нѣмецко-славянское, въ видахъ ихъ, не можетъ быть желательнымъ. При существующемъ въ Пруссіи представительномъ правленіи, это могло бы если не отдать большинство въ парламентъ въ руки славянъ, то все-таки такъ усилить въ немъ инородческую оппозицію, что правительству приходилось бы, прежде всего, считаться съ этою именно партією. Въ нынѣшнемъ имперскомъ сеймѣ, во всякомъ случаѣ, нельзя себѣ представить большинства, которое бы предоставило средства на то, отъ чего могла бы выиграть матеріально одна Пруссія, и притомъ выиграть настолько, насколько она сама сдѣлалась бы государствомъ смѣшаннымъ, нѣмецко-славянскимъ, а не германскимъ. Тогда ужь, само собою разумѣется, не могло бы быть рѣчи не только объ утвержденіи новыхъ, исключительныхъ законовъ, съ цѣлью Германизаціи славянскихъ областей, но и прежде изданные въ этомъ смыслѣ законы едва-ли могли бы удержаться.

Итакъ, рискуя въ войнѣ самымъ своимъ существованіемъ, Германская имперія, даже въ случаѣ полного успѣха, встрѣтилась бы съ положеніемъ затруднительнымъ для Пруссіи, а для остальной Германіи положительно нежелательнымъ.

Въ цѣли нашего изслѣдованія не входитъ разборъ фантастическихъ проектовъ германскихъ шовинистовъ объ устрой

ствѣ, изъ могущихъ быть отвоеванными земель, отдѣльнаго политическаго организма, такъ какъ таковыя высказываются лишь авторами брошюръ въ родѣ Сарматикуса.

Для общественнаго же мнѣнія въ Германіи, если вѣрить заявленіямъ государственныхъ людей, парламентовъ и періодической печати, подобныя мечты признаются не только не соблазнительными, но, напротивъ того, вредными, а тѣмъ самымъ таковыя не могутъ въ настоящее время оказать вліянія на народныя настроенія въ смыслѣ расположенія къ войнѣ.

III.

Предположенія о новыхъ приобрѣтеніяхъ Германіи на западѣ.

Но если, такимъ образомъ, едва-ли можно было бы рассчитывать на народное увлеченіе въ Германіи при завоевательной войнѣ противъ Россіи, то можно возразить, что, быть можетъ, германскій народъ увлекся бы мыслью о новыхъ приобрѣтеніяхъ на западѣ, а стало быть — при существующихъ нынѣ международныхъ отношеніяхъ — могъ бы отнестись съ энтузіазмомъ и къ такой наступательной войнѣ съ Россіею, которая имѣла бы цѣлью новый погромъ Франціи, словомъ — къ „войнѣ на два фронта“.

Нельзя, конечно, имѣть полной увѣренности, что политика какой-либо страны, а тѣмъ болѣе прусская политика не ищетъ завоевательныхъ замысловъ въ ту или другую сторону. Можно только отмѣтить, что доселѣ рѣшительно ни въ чемъ въ Берлинѣ не проглядывало желаніе новыхъ приобрѣтеній отъ Франціи, всѣ же заявленія прусской политики отвергали такую мысль. Въ государствахъ средней Европы, какъ мы уже замѣчали не разъ, невозможно рѣшиться на починъ въ войнѣ, не заручившись для этого общественнымъ мнѣніемъ, и вотъ упомянутыя мирныя заявленія важны какъ признакъ, что прусское правительство не старается подготовить общественнаго мнѣнія въ Германіи къ „необходимости“ новой войны съ Франціей.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на признанія бывшаго итальянскаго президента совѣта Криспи ¹⁾ относительно бесѣды съ нимъ Бисмарка въ виду заключенія союза Италіи съ Германіею (въ октябрѣ 1887 г.). Разговоръ коснулся труд-

¹⁾ Pierron. „Les méthodes de guerre“. Paris. 1893.

ностей, какія, въ случаѣ новой побѣды Германіи надъ Франціею, возникли бы для опредѣленія того вознагражденія, которое досталось бы побѣдителямъ.—„Какъ и въ войнѣ 1870 г.—сказалъ мнѣ г. фонъ-Бисмаркъ,—многое въ такихъ вопросахъ было бы рѣшено даннымъ моментомъ..... Нѣтъ мѣста для большаго територіальнаго вознагражденія въ нашу пользу; легко найдутся такія реальныя вознагражденія только для нашихъ союзниковъ“.—А Голландія и Бельгія? спросилъ я.—„Что касается Бельгіи, былъ отвѣтъ, то въ Германіи есть партія, которая питаетъ мысль о раздѣлѣ Бельгіи и доходитъ до такой абераціи, что готова бы уступить часть Бельгіи—Франціи.... Въ дѣйствительности же, Бельгія можетъ оказать намъ одну только услугу, и эту услугу она намъ окажетъ, все равно, добровольно или нѣтъ, а именно: чрезъ ея территорію пройдетъ германская армія. Но сохраненіе существованія независимой Бельгіи, мнѣ кажется, представляетъ наилучшую политику, которой мы съ вами должны держаться“.

Далѣе Криспи спросилъ Бисмарка, не допускаетъ ли онъ возможности такой комбинаціи, чтобы расширить Бельгію на счетъ Франціи, и получилъ въ отвѣтъ, что это комбинація завлекательная (*souriante*); что послѣ отдѣленія отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи — въ самостоятельную область, еслибы еще дать Бельгіи французскую часть Фландріи, а пожалуй и нѣсколько больше этого, „не говоря уже о томъ, что возможно было бы сдѣлать на югѣ“ (разумѣется, замѣтимъ мы—для Италіи)—значило бы возстановить положеніе нѣкогда существовавшее. Но онъ прибавилъ, что обо всемъ этомъ можно бы судить только послѣ войны, которая могла бы также „дать Германіи возможность дополниться географически нидерландскими портами“. Онъ оговаривался впрочемъ, что это входитъ въ область неизвѣстнаго. Что касается вознагражденія для Германіи отъ Франціи, то возможна была бы новая контрибуція въ 5 миллиардовъ, вознагражденія на счетъ французскаго флота и колоній, но не отторженіе новой части французской территоріи. „Самое большое, что можно бы сдѣлать въ этомъ смыслѣ, закончилъ онъ,—это округлить Эльзасъ-Лотарингію, чтобы усилить ее для обороны и для наступленія“.

Эта бесѣда поучительна въ томъ смыслѣ, что раскрываетъ многообразіе тѣхъ комбинацій, какія могли бы быть вызваны войной. Но тѣ изъ нихъ, о которыхъ упоминалось въ этой бесѣдѣ, не соблазнительны для германскаго народа, въ особенно-

сти — присоединеніе Бельгіи, страны католической, съ сильнымъ вліяніемъ духовенства и съ промышленностью, которая стоитъ выше германской, а сверхъ того — съ распространенными въ рабочихъ классахъ социалистическими стремленіями. Что же касалось бы упомянутыхъ тамъ же колониальныхъ пріобрѣтеній, то надо имѣть въ виду, что колониальная политика кн. Бисмарка ознаменовалась полнымъ *fiasco*, и едва-ли Германія пожелала бы пріобрѣсть новыя колоніи.

Итакъ, съ которой стороны ни взглянуть на вопросъ, нельзя не прійти къ заключенію, что стремленіе Германіи къ завоевательной войнѣ вообще представляется маловѣроятнымъ.

IV.

Опасенія войны въ связи съ загадочнымъ характеромъ императора Вильгельма II.

Высказывалось еще и такое мнѣніе, что при той, во всякомъ случаѣ весьма большой власти, какая принадлежитъ германскому императору, война могла бы быть вызвана имъ для отращенія какого-нибудь внутренняго конфликта, или вслѣдствіе такого личнаго его впечатлѣнія, будто бы достоинство Германіи оскорблено какимъ-либо неожиданнымъ случаемъ. Такъ, говорятъ, что когда императрица-мать, посѣтивъ Парижъ, принуждена была сократить свое пребываніе тамъ вслѣдствіе признаковъ непріязненнаго настроенія въ населеніи, то императоръ Вильгельмъ II отозвался, что еслибы демонстраціи тѣ имѣли характеръ болѣе яркій, онъ почелъ бы своимъ долгомъ получить удовлетвореніе вооруженною рукою.

Случай этотъ заслуживаетъ тѣмъ болѣшого вниманія, что онъ можетъ служить и указаніемъ нѣкоторыхъ предположеній Вильгельма II.

Въ апрѣлѣ 1891 года, когда распространялся слухъ, что императрица-мать отправляется въ Парижъ, извѣстіе это принято было съ недоверіемъ. Но за симъ, когда 10 февраля въ „Vossische Zeitung“ появилась статья, указывавшая, что на поѣздку эту слѣдуетъ смотрѣть какъ на первый шагъ примиренія, и сдѣлалось извѣстно, что статья эта оффиціознаго происхожденія, на нее обращено было вниманіе всего общества.

Въ статьѣ этой указывалось на важность такихъ фактовъ, что Лессепсъ и Жюль Симонъ и другіе представители Франціи

на международной конференціи по рабочему вопросу, а также французскіе врачи на медицинскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, были приняты въ прусской столицѣ съ почетомъ; что императоръ на обѣдѣ у французскаго посла Эрбетта высказалъ надежду, что французскіе художники примутъ значительное участіе въ выставкѣ по случаю юбилея берлинскаго общества художниковъ, а секретарь французскаго посольства посѣтилъ первое затѣмъ собраніе этого общества; что императоръ Вильгельмъ высказалъ въ письмѣ къ президенту Карно свое соболѣзнованіе о кончинѣ Мейсонье, а французское правительство пожаловало знаменитаго ученаго—Гельмгольца въ великіе офицеры почетнаго легіона. Видя въ всемъ этотъ признакъ, что „натянутасть отношеній между обѣими націями хоть нѣсколько ослабѣла“, газета поставляла на видъ особую важность такого признака въ этомъ смыслѣ, что императрица-мать предприняла поѣздку въ Парижъ, конечно, съ согласія императора и по обсужденіи этого шага „руководителемъ политики“. Объ императрицѣ газета выразилась такъ: „она, подобно ея почившему супругу, любитъ миръ, любитъ и цѣнитъ искусство; она является самымъ подходящимъ лицомъ для опыта, не стоятъ ли культура и цивилизація выше расовой ненависти, и довѣріе ея къ лучшимъ сторонамъ человѣческой природы, надо надѣяться, не окажется ошибочнымъ“.

Но поѣздка эта была внезапно рѣшена императоромъ безъ предварительнаго спроса совѣта у французскаго правительства, что противорѣчило всѣмъ правиламъ. Графа Мюнстера, германскаго посла въ Парижѣ, она поставила въ затруднительное положеніе; онъ не зналъ, какъ заявить о пріѣздѣ императрицы французскому правительству. Онъ сдѣлалъ это такъ: отправился къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ г. Рибо, поговорилъ съ нимъ о разныхъ постороннихъ предметахъ и въ заключеніе, безъ всякаго объясненія, попросилъ о безпошлинномъ пропускѣ вещей императрицы, которая черезъ нѣсколько часовъ переѣдетъ французскую границу. Рибо высказалъ удивленіе, что онъ не былъ предъувѣдомленъ заранѣе, и проявилъ нѣкоторую сдержанность, такъ какъ не могъ сказать, что поручиться за безопасность императрицы онъ не въ состояніи.

Императрица прибыла въ Парижъ и осталась тамъ дольше, чѣмъ тѣ два-три дня, о которыхъ говорилъ Мюнстеръ. Но французская печать неистово напала на Эрбетта за то, что онъ

не зналъ о поѣздкѣ, и рѣшительно требовала его увольненія. Онъ вѣроятно и былъ бы уволенъ, еслибы не слѣдующее обстоятельство: г. Маршалль, секретарь по иностраннымъ дѣламъ въ имперскомъ министерствѣ, заявилъ г. Эрбетту, что въ отозваніи его изъ Берлина императоръ усмотрѣлъ бы личное для себя оскорбленіе и пришелъ бы къ самымъ серьезнымъ отсюда выводамъ. Маршалль оффиціально просилъ посла сообщить объ этомъ въ Парижъ, а отъ себя просилъ его настоять, чтобы были устранены недоразумѣнія, которыя могли бы имѣть несчастныя послѣдствія для обоихъ народовъ. Вѣнскій и римскій кабинеты вступились въ это дѣло, умоляя французское правительство уступить. Между тѣмъ, императрица уѣхала въ Англію и оттуда написала своему сыну, „чтобы успокоить его и сообщить ему доподлинно о приѣмѣ, встрѣченномъ ею во Франціи“¹⁾.

Для того, чтобы взвѣсить долю вѣроятности чего-либо похожаго на это въ будущемъ, необходимо припомнить себѣ отличительныя черты характера нынѣшняго германскаго императора. Еще Шекспиръ сказалъ, что природа человѣка и его характеръ познаются уже изъ повседневной его жизни. Образованіе Вильгельма II велось, какъ сообщилъ воспитатель его г. с. Гинцпетеръ, такъ, чтобы сдѣлать его человѣкомъ современнымъ; вмѣсто того, чтобы, согласно съ Гогенцоллернской традиціей, воспитать въ принцѣ прежде всего—солдата, въ принцѣ старались развить интересъ къ гражданской жизни, предпочтительно передъ военнымъ дѣломъ. Пройдя курсъ гимназіи въ Касселѣ и университета въ Боннѣ, въ который онъ вступилъ въ 1877 году, онъ прослужилъ нѣкоторое время при каждомъ изъ министерствъ, для ознакомленія съ ходомъ дѣлъ, при чемъ, какъ выражается его воспитатель, принцъ посѣщалъ фабрики, мастерскія, рудники, дабы видѣть германскаго работника при самомъ его трудѣ и имѣть понятіе о тяжкомъ, почти безнадежномъ бытѣ рабочаго населенія; а затѣмъ только принцъ получилъ командованіе постепенно разными военными частями. Онъ командовалъ бригадой, когда кончина отца призвала его на престолъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ Германіи, въ виду ясно высказаннаго императоромъ намѣренія, въ случаѣ войны, главное командованіе взять въ свои руки, тому обстоятельству, что изученію наукъ

1) „Aus der Berliner Gesellschaft unter Kaiser Wilhelm II“.

и административнаго механизма онъ посвятилъ болѣе времени, чѣмъ сколько успѣлъ отдать военному дѣлу, придають большое значеніе и хотя съ большею осторожностью, но тѣмъ не менѣе часто проявляются голоса, высказывающіе по этой причинѣ опасенія.

Императоръ любитъ воспоминанія о своей университетской жизни. Онъ и впослѣдствіи не разъ бывалъ на ежегодныхъ „коммершахъ“ бывшихъ боннскихъ студентовъ корпораціи Borussia въ берлинскомъ отелѣ „Kaiserhof“, былъ также на юбилейномъ коммершѣ той же корпораціи въ самомъ Боннѣ, а уже будучи на престолѣ, принялъ участіе въ коммершѣ той же Borussia въ маѣ 1891 г. въ отелѣ „Kölner Hof“. Приѣхавъ въ сопровожденіи своего зятя, принца Шаумбургскаго, въ 9 час. вечера, императоръ объявилъ чрезъ „старшаго“, что будетъ самъ предсѣдательствовать. Въ курткѣ своей корпораціи и при эспадронѣ, онъ, согласно обычаю, выпилъ за веселость собранія. Въ положенный моментъ и при обычной пѣснѣ, императоръ, какъ и каждый изъ присутствовавшихъ, прокололъ на эспадронѣ свою шапку и „клялся (слова пѣсни) держаться всегда чести, быть всегда хорошимъ буршемъ“. Уже по полуночи, императоръ громко воскликнулъ: „silentium! церемонія—*ex*, оффиціальная часть коммерша—*ex*, начинается веселье (Fidelität)!“ Затѣмъ, передавъ предсѣдательство, уѣхалъ.

Но наряду съ той простотой въ обращеніи и даже нѣкоторой эксцентричностью въ поступкахъ, какими онъ отличается, въ Вильгельмѣ II иногда вдругъ отзывается Гогенцоллернъ самаго настоящаго закала. Такъ, послѣ того, какъ дѣдъ и отецъ его, въ письмахъ своихъ къ частнымъ лицамъ, употребляли возможно простыя и скромныя формы (напр. „вашъ искренній Вильгельмъ“—такъ подписано письмо перваго императора въ 1874 г. къ лорду Росселлю), нынѣшній императоръ въ одномъ письмѣ къ Мольтке, истинному основателю Германской имперіи, подписался такъ: „вашъ благожелательный король Вильгельмъ“¹⁾).

Вообще Вильгельмъ II, умѣя управлять преніями и имѣя даръ легко и красиво говорить, любитъ случаи, дающіе ему возможность употребить его талантъ, если даже иногда таковые не совсѣмъ соотвѣтственны съ его высокимъ положеніемъ. Такъ,

¹⁾ „Wilhelm II. Romantiker und Socialist“. 1892.

напримѣръ, онъ умѣло предсѣдательствовалъ въ междуна-
родной конференціи по рабочему вопросу, происходившей въ
Берлинѣ. Сѣверо-американскій посланникъ Фельпо, рассказы-
вая о ней, въ рѣчи, произнесенной при празднованіи объявлен-
ія американской независимости, сказалъ: „я видѣлъ, какъ им-
ператоръ-Гогенцоллернъ призвалъ міръ для улучшенія быта
бѣдныхъ“, а самаго Вильгельма Фельпо назвалъ при этомъ
случаѣ „государемъ бѣдныхъ людей“. Онъ не только уп-
равлялъ дебатами, но во время перерывовъ въ засѣданіяхъ,
для завтрака, самъ вызывалъ пренія между представителями
крупной промышленности и делегатами рабочихъ, принималъ
въ этихъ преніяхъ живое участіе и затѣмъ резюмировалъ ихъ.

Приведемъ, что писалъ объ этихъ засѣданіяхъ французъ Ла-
виссъ, котораго слѣдуетъ считать безпристрастнымъ. „Молодой
императоръ возбуждаетъ общее вниманіе въ высшей степени...
Обращаясь къ Жюлю Симону, онъ употребилъ выраженіе „дѣ-
лать людямъ добро, а не внушать имъ страхъ“... Но въ моментъ
опасности, онъ не отступитъ—въ глазахъ его сверкаетъ увѣ-
ренность... Это идеологъ-воинъ, идущій впередъ, въ неизвѣ-
стное“. Въ послѣднихъ словахъ этого отзыва заключается не-
вполнѣ заслуженная критика. Конечно, воинъ не долженъ быть
„идеологомъ“, но Вильгельмъ не только воинъ, а подъ назва-
ніе „идеологіи“ можно подвести и серьезныя мысли о будущемъ.

Въ Германіи не успѣли еще вполнѣ понять молодаго мо-
нарха. Воспитатель его, тайный совѣтникъ Гинцпетеръ, въ не-
большомъ этюдѣ, старался разяснить его характеръ, но, при
неизбѣжныхъ въ такомъ случаѣ недомолвкахъ и оговоркахъ,
мало успѣлъ въ томъ. Гинцпетеръ указываетъ главнымъ обра-
зомъ на сильно развитую въ своемъ бывшемъ ученикѣ „субъек-
тивность, которая не поддавалась никакимъ внѣшнимъ влія-
ніямъ и, при всѣхъ фазахъ постепеннаго развитія личности,
оставила неизмѣннымъ присущій ей характеръ“.

Но слова эти нисколько намъ не объясняютъ тѣхъ неожиданностей, которыя на каждомъ почти шагѣ проявляетъ Вильгельмъ II.

Главной изъ нихъ, конечно, является то, что когда онъ
былъ принцомъ, то превозносилъ до небесъ Бисмарка, а ставъ
императоромъ, такъ безцеремонно его устранилъ. Дѣло на-
чалось съ того, что Бисмаркъ лишилъ министровъ личнаго
доклада у императора, а императоръ потребовалъ, чтобы они
опять являлись къ нему сами. Затѣмъ, въ рабочемъ вопросѣ

виды императора простирались гораздо далѣе, чѣмъ то, съ чѣмъ могъ согласиться Бисмаркъ. Намѣренія императора, направленные къ улучшенію быта рабочихъ въ Германіи, были выражены въ извѣстныхъ рескриптахъ 5 февраля. Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что облегченія въ положеніи рабочихъ въ Германіи не могутъ быть осуществлены отдѣльно, такъ какъ это могло бы возвысить цѣну и уменьшить сбытъ германскихъ произведеній, а тѣмъ самымъ и вновь ухудшить бытъ рабочихъ въ Германіи. Поэтому, въ рескриптѣ поручалось канцлеру пригласить иностранныя правительства къ участию въ международной конференціи въ Берлинѣ по рабочему вопросу.

Но лишь впоследствии узнали, что рескрипты тѣ, самой мысли которыхъ противился Бисмаркъ, были написаны имъ же, именно съ цѣлью умѣрить высказываемыя намѣренія и предположенія и что, съ той же цѣлью, онъ самъ предложилъ созвать международную конференцію. „Я прибавилъ еще международную конференцію—разсказывалъ онъ самъ впоследствии—полагая, что она послужитъ ситомъ, нѣкимъ стѣсненіемъ для гуманнаго порыва нашего императора въ пользу рабочихъ... Я полагалъ, что эта конференція какъ бы подольетъ въ вино воды... Но она не сдѣлала совсѣмъ ничего, результатъ ея ничтоженъ. Никто не рѣшился противорѣчить, указать на опасности. Вся эта конференція представляла чистую фразеологию... Да и вообще предположеніе о международной опеке надъ рабочими—чистая иллюзія“¹⁾.

А между тѣмъ, канцлеръ самъ предложилъ императору эту „иллюзію“. Правда, онъ предлагалъ ее не потому, что въ нее вѣрилъ, но потому, что видѣлъ въ ней совсѣмъ иное, а именно—конференцію въ видѣ „сита“ и „воды въ вино“ противъ увлеченій юнаго монарха. Но Бисмарку многіе вмѣнили въ вину о, что онъ подавалъ своему государю совѣтъ, будучи самъ увѣренъ въ неосуществимости послѣдняго, а въ этомъ могъ видѣть его вину и самъ императоръ.

Вильгельмъ II самъ руководилъ обсужденіемъ проекта по рабочему вопросу въ отдѣленіяхъ государственнаго совѣта, самъ велъ очередной списокъ ораторовъ и проч. Последнее засѣданіе происходило 28 февраля, и императоръ, благодаря членовъ, сказалъ, что дѣло это касалось вопроса объ удовлетвореніи законныхъ нуждъ рабочихъ, а вовсе не борьбы съ со-

¹⁾ „Wie Bismarck entlassen wurde“.

ціальної демократіей. „Что касается соціальной демократіи—прибавилъ онъ—то это уже иная забота, съ которою, при нуждѣ, я справлюсь одинъ, не спрашивая вашего совѣта и содѣйствія“.

Раздраженіе императора, вслѣдствіе неуспѣха международной конференціи, а затѣмъ неудовольствіе его на канцлера за то, что тотъ вступилъ въ переговоры съ покойнымъ Виндгорстомъ, вождемъ католическаго центра, и были причинами увольненія Бисмарка. Онъ самъ указывалъ эту причину въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: „его величество очень дѣятеленъ, чувствуетъ излишекъ силъ и потому хочетъ самъ быть своимъ канцлеромъ“¹⁾.

Въ сферахъ, знающихъ о ходѣ дѣлъ, высказывались, при увольненіи Бисмарка, догадки, что новая программа правленія представитъ собой смѣсь личной инициативы посредствомъ „кабинетскихъ рескриптовъ“, въ духѣ Фридриха Великаго, съ условіями парламентаризма, такъ что правительственное дѣйствіе будетъ исходить лично отъ императора, а министры явятся лишь исполнителями его воли.

По поводу назначенія, вмѣсто него, генерала Каприви, Бисмаркъ въ послѣдствіи замѣтилъ: „императоръ сдѣлалъ замѣчательное *chassé croisé*: своего лучшаго генерала назначилъ въ канцлеры, а своего канцлера сдѣлалъ генераломъ“. Если вѣрить рассказамъ приверженцевъ Бисмарка, то Вильгельмъ II, будто бы еще 1 февраля, т. е. дня за два передъ изданіемъ рескриптовъ (составленныхъ, какъ оказывается, Бисмаркомъ), призвалъ къ себѣ Каприви²⁾ и сказалъ ему, что когда—рано или поздно—должность канцлера сдѣлается вакантною, то на нее будетъ назначенъ онъ, Каприви, такъ какъ еще дѣдъ императора (Вильгельмъ I) указалъ ему на Каприви, на случай смерти Бисмарка. „Но, кажется, я разстанусь съ нимъ раньше—прибавилъ онъ.—Онъ относится такъ несочувственно къ моему почину въ рабочемъ вопросѣ и такъ неподатливъ въ этомъ отношеніи, что мы долѣе не можемъ идти однимъ путемъ“.

А когда Каприви отвѣтилъ, что только монаршее повелѣніе можетъ заставить его принять должность, къ которой онъ сознаетъ себя неподготовленнымъ, то императоръ прервалъ

¹⁾ „Bismarck im Ruhestand“, стр. 37 (разговоръ съ корреспондентомъ „Нового Времени“).

²⁾ „Wie Bismarck entlassen wurde“.

его словами: „вы въ этомъ и не будете нуждаться, вы будете получать указанія“. Впрочемъ, Бисмаркъ выражался съ уваженіемъ о своемъ преемникѣ: „я убѣжденъ, что для самого Каприви назначеніе его канцлеромъ было полной неожиданностью, что назначеніе это онъ принялъ по чувству долга и что отъ него далеко сколько-нибудь nepозволительное личное честолюбіе. Это — свѣтлая голова, доброе сердце, великодушная натура, значительная рабочая сила, словомъ, челоуѣкъ перво-степенный (ersten Ranges) 1).

Относительно взглядовъ императора Вильгельма II на роль министровъ, рассказываютъ, что однажды, на парламентскомъ обѣдѣ у Каприви въ ноябрѣ 1890 г., императоръ замѣтилъ: „прежнее поколѣніе говорило всегда: да, но; а нынѣшнее говоритъ: да, стало быть; министръ финансовъ Микель принадлежитъ къ нашему поколѣнію“.

Новый канцлеръ, однако, оказался гораздо болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ полагали. По крайней мѣрѣ, нельзя не признать, что дѣйствія его находятся въ малой зависимости отъ публичныхъ рѣчей и заявленій императора, и это неудивительно при тѣхъ самопротиворѣчіяхъ, въ какія Вильгельмъ II впадаетъ.

При одномъ изъ своихъ посѣщеній Эссена, онъ говорилъ рабочимъ Круппа: „вамъ извѣстно, что нашъ царственный домъ издавна являлъ попеченіе о рабочихъ классахъ. Я заявилъ предъ міромъ, какимъ путемъ я намѣренъ идти, и теперь подтверждаю, что на этомъ пути пойду впередъ. Меня обрадовало проявленное вами доброе настроеніе, изъ котораго вижу, что мы находимся на пути вѣрномъ и что вы пойдете на немъ за нами“. Но дѣло въ томъ, что Вильгельмъ говоритъ слишкомъ легко, не соразмѣряя выраженій, а потому и впадаетъ въ самопротиворѣчія.

Менѣе, впрочемъ, въ дѣйствіяхъ, чѣмъ именно въ рѣчахъ. Дѣйствія — скорѣе колеблющіяся, чѣмъ рѣзкія, и ихъ возможно еще связать общей мыслью о необходимости оставить Бисмаркову систему борьбы то съ одной стороною, то съ другой, и произвестъ нѣкоторое умиротвореніе. Въ вопросѣ о школьной реформѣ, предложенной въ духѣ клерикализма, онъ выказалъ даже больше готовности принимать къ свѣдѣнію мнѣніе парламентскаго большинства, чѣмъ оба его дѣды. Въ вопросѣ воен-

1) „Bismarck im Ruhestand“.

номъ—другое дѣло; въ немъ онъ—такой же прусскій король, какъ и всѣ его предшественники.

Но въ заявленіяхъ его легко указать множество противорѣчій не только одной рѣчи — другой, но и рѣчей вообще—фактическому образу его дѣйствій. Такъ, въ Баваріи, онъ пишетъ въ альбомѣ латинское изреченіе: „высшее право есть королевская воля“. Между тѣмъ, какъ король прусскій, онъ можетъ проводить свою волю, въ силу конституціи, только при согласіи прусскаго ландтага, а какъ императоръ—только съ согласіемъ имперскаго представительства, т. е. рейхстага. Такимъ образомъ, „высшее право“ представляется лишь согласной волей монарха и народа. Когда въ другой разъ, а именно 24 мая 1891 г., Вильгельмъ II сказалъ членамъ рейнскаго областного сейма: „одинъ только повелитель въ странѣ, это—я; никакого другого рядомъ съ собой я не потерплю“, то и эти слова, хотя они относились собственно къ Бисмарку, но, въ безусловномъ своемъ значеніи, были въ противорѣчій съ правами союзнаго совѣта и рейхстага, и подобныя заявленія могутъ внушать опасеніе даже по вопросамъ иностранной политики, тѣмъ болѣе, что не было недостатка и въ другихъ выходкахъ въ томъ же родѣ. Такъ, подъ фотографическимъ портретомъ, даннымъ министру просвѣщенія Госслеру, выписывается, неизвѣстно съ какой стати (по-латини же): „такъ хочу, такъ повелѣваю“. На областномъ сеймѣ Бранденбургскаго маркграфства (провинціи) король говорилъ: „согласно съ моимъ дѣдомъ, въ перешедшихъ ко мнѣ народѣ и странѣ я вижу наслѣдіе, вѣренное мнѣ Богомъ, которое—какъ и въ Библии сказано—я призванъ умножить и за которое я современемъ отвѣчу. Я намѣренъ распоряжаться этимъ наслѣдіемъ такъ, чтобы его еще приумножить. Тѣхъ, кто захочетъ помочь мнѣ въ томъ, привѣтствую сердечно, но тѣхъ, которые мнѣ въ этомъ трудѣ станутъ помѣхою—я сокрушу“.

Въ той же, памятной бранденбургской рѣчи Вильгельмъ II приглашалъ недовольныхъ критиковъ (Nörgler) „отряхнуть германскую пыль съ своихъ туфель и уходить отъ плачевныхъ условій нашего быта“. На другой день, депутаты, встрѣчаясь другъ съ другомъ, шутили надъ количествомъ пыли, какое оказывалось у нихъ на сапогахъ, а на биржѣ увѣряли, что акціи перевозочныхъ компаній сильно пойдутъ на повышеніе.

Конечно, нельзя было бы отрицать возможности, что подъ вліяніемъ одного изъ страстныхъ и одностороннихъ порывовъ, къ которымъ онъ склоненъ, императоръ Вильгельмъ II не сдѣ-

лаетъ какого-либо шага, могущаго вызвать войну,—если бы не было того многозначительнаго факта, что какъ ни самовольны разныя его заявленія, однако онъ въ дѣлахъ внутреннихъ не нарушаетъ конституціонныхъ формъ и обычаевъ.

Изъ предшествующаго очерка слѣдуетъ выводъ о весьма малой вѣроятности, чтобы Вильгельмъ II рѣшился на такой личный шагъ, который нарушалъ бы трактаты, и чтобы онъ взялъ на себя отвѣтственность въ дѣлѣ несомнѣнно болѣе опасномъ, чѣмъ нарушение какой-либо конституціонной формы, а именно въ вызовѣ войны, которая могла бы имѣть непредвидѣнныя и неисчислимыя послѣдствія.

Должно однакоже прибавить, что въ нынѣшнюю осень, благодаря личнымъ настояніямъ императора, прошелъ законъ о двухлѣтнемъ срокѣ службы подъ знаменами, который, по отзыву военныхъ авторовъ, предоставилъ германскому императору юридическую возможность начать войну безъ предложенія парламенту чрезвычайныхъ мѣръ для приведенія арміи въ составъ по военному положенію. Но этотъ предметъ самъ по себѣ столь важенъ, что мы должны вслѣдъ за симъ рассмотреть его особо.

У.

Опасности, возникающія изъ новаго германскаго военнаго закона.

Представлялось ли для Германіи въ самомъ дѣлѣ необходимымъ то усиленіе ея арміи, какое произведено недавно утвержденнымъ военнымъ закономъ? Для того, чтобы судить объ этомъ, мы должны бросить взглядъ на численность и распределеніе военныхъ силъ тройственнаго союза и воспользуемся для этого самыми новейшими данными, которыя были приводимы при обсужденіи новаго закона въ рейхстагѣ. Мы ихъ находимъ въ брошюрѣ, написанной анонимнымъ, но очевидно военнымъ человѣкомъ, въ опроверженіе брошюры, изданной маіоромъ Кеймомъ съ цѣлью доказать необходимость принятія упомянутаго закона. Такъ какъ авторъ цитируемаго сочиненія писалъ съ цѣлью полемическою, то весьма вѣроятно, что на тенденціозно-пессимистическое представленіе дѣла Кеймомъ онъ отвѣтилъ, вдаваясь въ нѣкоторый оптимизмъ. Во всякомъ случаѣ, онъ хотѣлъ показать могущество тройственнаго союза.

Авторъ принимаетъ, что возможно комбинированное вступленіе германскихъ и австрійскихъ войскъ на русскую терри-

торію раньше, чѣмъ Россія въ состояніи будетъ сосредоточить силы, достаточныя для отпора. По его словамъ, противъ 14-ти русскихъ армейскихъ корпусовъ, находящихся въ округахъ варшавскомъ, виленскомъ, кievскомъ и одесскомъ, могутъ быть выставлены 11 корпусовъ германскихъ и 10 австрійскихъ, такъ что часть германскихъ силъ удобно можетъ быть отвлечена на западную границу Германіи, для совмѣстнаго дѣйствія съ итальянцами. Авторъ убѣжденъ въ наступательной инициативѣ германско-австрійскихъ войскъ противъ Россіи, уже на одномъ томъ основаніи, что Пруссія и Австрія имѣютъ значительно болѣе развитую стратегическую желѣзнодорожную сѣть, чѣмъ Россія. Въ этомъ предположеніи, русскимъ войскамъ, которыя гораздо медленнѣе, чѣмъ наступающія союзныя, могутъ подкрѣпляться силами изнутри страны, придется держаться крѣпостей, т. е. системы оборонительной. Въ свою очередь, и Германія въ началѣ войны можетъ держаться этой системы — на западѣ, при чемъ авторъ рассчитываетъ на привлеченіе въ составъ главныхъ наступательныхъ силъ въ Лотарингіи — значительной массы войскъ итальянскихъ, такъ какъ оборона Италіи, по его мнѣнію, можетъ быть обезпечена небольшими силами, благодаря альпійскимъ укрѣпленіямъ и превсходному итальянскому флоту, который не только является третьимъ по численности судовъ, но и располагаетъ судами самыхъ совершенныхъ, наиболѣе быстроходныхъ типовъ; а сверхъ того, для обороны своего побережья Италія можетъ рассчитывать и на помощь Англіи.

Такое распредѣленіе подходитъ подъ мнѣніе Мольтке о необходимости первыхъ рѣшительныхъ ударовъ — на востокъ, чтобы надлежащимъ образомъ утилизовать помощь Австріи и сильную линію естественныхъ и искусственныхъ укрѣпленій, которую Италія и Германія имѣютъ на западѣ. По словамъ автора, силы державъ въ совокупности представляются такъ: готовыхъ войскъ Россія имѣетъ 20 корпусовъ, Франція 19, всего стало-быть 39, съ итогомъ 88 пѣхотныхъ дивизій. Между тѣмъ, Германія располагаетъ 20-ю, Австро-Венгрія 15-ю, Италія 12-ю корпусами, словомъ, тройственный союзъ можетъ выставить 47 армейскихъ корпусовъ, представляющихъ собой 100 пѣхотныхъ дивизій постоянной арміи. Изъ этого сопоставленія авторъ выводитъ, что усиленіе германской арміи (нынѣ состоявшееся) было не нужно.

По указанію автора, установленіе двухлѣтней службы про-

творѣчить тому, что считалось несомнѣннымъ доселѣ. Еще недавно, въ виду смертоносности нынѣшняго огнестрѣльнаго оружія и, вслѣдствіе того, необходимости должной выучки обращенію пѣхотинца съ ружьемъ, считали всякій опытъ сокращенія срока дѣйствительной службы въ войскахъ слишкомъ рискованнымъ, чтобы возможно было правительству принять за него отвѣтственность.

Да и откуда же могла произойти перемѣна взглядовъ? Разсматривая этотъ вопросъ, авторъ говоритъ: „Франція, съ ея 38 милліонами въ Европѣ, пятью милліонами въ Африкѣ и 19-ю милліонами въ Азій, несмотря на кажущуюся дошедшею до послѣднихъ предѣловъ напряженность вооруженій, быть можетъ, и удастся удивить міръ дальнѣйшимъ усиленіемъ защиты страны противъ нѣмецкаго вторженія; что же касается Россіи, то ея 98 мил. жителей однихъ европейскихъ владѣній съ Кавказомъ заставляютъ думать, что увеличеніе ея вооруженныхъ силъ составляетъ лишь вопросъ времени и средствъ“. Въ дѣйствительности, съ перваго взгляда причины новаго увеличенія численности германской арміи совершенно непонятны.

Вспомнимъ, что канцлеръ Каприви въ своей парламентской рѣчи 27 ноября 1891 г. оспаривалъ правильность сужденія о силѣ армій по одной ихъ численности: „Говорятъ, у французовъ 5.400.000 солдатъ, а у насъ только 4.500.000, стало быть, мы должны беспокоиться. Но нѣтъ такого полководца, который былъ бы въ состояніи продовольствовать, двигать такія массы и вводить ихъ въ бой; на мой взглядъ, въ будущихъ войнахъ все большее и большее значеніе получитъ единица, личность, добровольно держащаяся массы. Въ рѣшительные моменты, когда въ передовой линіи едва уцѣлѣютъ нѣсколько офицеровъ, да и тѣ не будутъ въ состояніи повсюду провести свою волю, люди, даже единичный человекъ, будутъ предоставлены самимъ себѣ, и вотъ тогда всего важнѣе—окажутся ли они способными добровольно дѣйствовать по общему импульсу и дѣйствовать правильно“. Стало быть, увеличеніе мирнаго состава арміи потребовалось не для того, чтобы имѣть большую численность запаса, но по какимъ-либо инымъ причинамъ.

Не зная ихъ, трудно понять необходимость новаго усиленія, хотя, впрочемъ, то же самое можно было сказать и о нѣкоторыхъ прежнихъ увеличеніяхъ состава, когда они являлись неожиданнымъ и слишкомъ часто одинъ послѣ другаго. Такъ, въ концѣ 1889 г., при обсужденіи военной смѣты на семилѣтіе, въ новыхъ

штатахъ показаны были уже 20 армейскихъ корпусовъ, вмѣсто прежнихъ 18-ти. Въ комисіи Беннигсенъ спросилъ тогдашняго военнаго министра фонъ-Верди, удовлетворитъ ли это усиленіе окончательно требованія военнаго вѣдомства, и вслѣдствіе утвердительнаго отвѣта, докладчикъ комисіи въ январѣ заявилъ рейхстагу, что прибавка двухъ новыхъ корпусовъ завершитъ собой давно выработанное военнымъ министерствомъ преобразование арміи. А между тѣмъ, въ теченіе еще того же смѣтнаго года было потребовано нѣкоторое добавочное увеличеніе состава. И вотъ, недавно уже выступилъ на сцену проектъ двухлѣтней службы, который даже въ военныхъ сферахъ, съ точки зрѣнія технической, встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Мюнхенская оффиціозная „Allgemeine Zeitung“ указывала, какъ на отличительную черту военнаго проекта канцлера Каприви, въ сравненіи съ прежними проектами усиленія, что въ самомъ корпусѣ офицеровъ пять шестыхъ—противъ этого проекта, что даже нѣкоторые выдающіеся командующіе генералы не одобряютъ существенныхъ въ немъ пунктовъ.

Правда, графъ Каприви говорилъ въ рейхстагѣ совсѣмъ иное, а именно, что „на 31 сдѣланный запросъ получены были 10 такихъ отзывовъ, въ которыхъ требовалось и усиленіе мирнаго состава, и сохраненіе трехлѣтней службы—что и было бы въ военномъ отношеніи лучше всего, но невозможно по соображеніямъ финансовымъ—а 21 отзывъ въ существенномъ оказались согласны съ предложеннымъ вамъ проектомъ“. А между тѣмъ, въ „Schlesische Zeitung“, „Hamburger Korrespondent“, „Nationalliberale Korrespondenz“ и въ другихъ газетахъ сообщалось, что, при приемѣ на новый годъ, императоръ высказалъ генераламъ, что онъ не потерпитъ той оппозиціи противъ составленнаго проекта закона, какую позволили себѣ выказать нѣкоторые военно-служащіе. Вообще, удерживается такое убѣжденіе, что многіе изъ наиболѣе авторитетныхъ военныхъ людей были противъ проекта въ данномъ его видѣ, что за него стояли только карьеристы (Streber) и затѣмъ—ближайшія къ императору лица.

Разъясненія можно искать только въ цифрахъ. По новому закону, мирный составъ германской арміи усиливается на 83.894 чел. (нижнихъ чиновъ вообще, не считая одногодичныхъ вольноопредѣляющихся). И такъ, на періодъ съ 1 октября 1893 г. по 31 марта 1899 года, мирный составъ опредѣленъ въ

570.877 чел. Въ этомъ числѣ, вмѣсто прежнихъ 66.952 унтеръ-офицеровъ, положено 78.809, т. е. на 11.857 чел. больше.

Новаго ежегоднаго расхода на такое усиленіе предстоитъ 64 милліона марокъ; единовременный расходъ на осуществленіе этого усиленія въ 1893—94 гг. составитъ 62 милл. марокъ, а затѣмъ потребуются еще добавочные 6 милл. марокъ.

Отчасти изъ сказаннаго выше, частью же по свѣдѣніямъ, вышедшимъ изъ парламентской комисіи, можно догадываться, что главнѣйшая цѣль увеличенія мирнаго состава заключается не въ томъ, чтобы, въ случаѣ необходимости мобилизаціи всѣхъ силъ страны, получить возможность выставить лишнія тысячь двѣсти солдатъ, но въ томъ, чтобы такимъ образомъ при началѣ войны въ строю уже были 840.000 человекъ, а при удержаніи подъ знаменами, сверхъ срока, контингента одного года, слѣдовательно младшаго возраста, — что разрѣшается властямъ безъ особаго постановленія парламента, — численность возрастетъ почти до 850 т. чел.

Мы уже выше говорили, что современные военные авторитеты согласны въ томъ, что при нынѣшнихъ способахъ веденія войны вѣрнѣе рассчитывать на молодыхъ солдатъ, не привыкшихъ дорожить жизнью. Изъ призванныхъ подъ знамена контингентовъ, вышедшихъ изъ рядовъ за десятки лѣтъ (во Франціи, въ случаѣ войны, призыву подлежатъ 25 контингентовъ, въ Германіи 24), часть солдатъ будетъ состоять изъ сорокапятилѣтнихъ людей. Польза отъ этого окажется весьма сомнительной. Канцлеръ Каприви высказалъ свое мнѣніе по этому поводу, указывая на то, что увеличеніе численности арміи должно будетъ произойти большею частью изъ такихъ контингентовъ, въ которыхъ многіе солдаты окажутся не только отцами, но и дѣдами.

Поэтому-то имѣтъ при началѣ войны въ своемъ распоряженіи 850.000 людей молодыхъ, хорошо обученныхъ, равнодушныхъ къ жизни, при 80.000 хорошихъ унтеръ-офицеровъ, весьма существенно для дѣйствительно могущественной военной силы. Здѣсь не лишне напомнить и слова Бисмарка, которыя мы уже разъ приводили и которыми во всякомъ случаѣ нельзя пренебрегать, если принять во вниманіе, что бывшему канцлеру въ продолженіе 25 лѣтъ извѣстны были всѣ тайны и предположенія прусскаго главнаго штаба: „Въ началѣ войны произойдутъ, быть можетъ, одновременно 3—4 битвы въ разныхъ пунктахъ. Исходъ ихъ можетъ рѣшить судьбу всей войны. Каждая

изъ нихъ можетъ произойти при участіи съ той и другой стороны по 200 и не болѣе 250 тысячъ челоувѣкъ. И такъ, для начала дѣйствій, самаго опаснаго, если не рѣшающаго всю войну, потребуется всего милліонъ солдатъ; больше силъ нельзя будетъ пустить въ дѣло и таковыя потребуются развѣ для резервовъ или въ предвидѣніи дальнѣйшихъ битвъ, которыя могутъ уже и не состояться“.

Мы уже нѣсколько разъ цитировали отзывъ военнаго писателя фонъ-деръ-Гольца, что для будущихъ войнъ потребуются еще большіе призывы, чѣмъ какіе были доселѣ. При обсужденіи еще въ 1884 г. сочиненія полковника Блюме „Strategie“, тотъ же Гольцъ указывалъ на преобразованія, подобныя тѣмъ, которыя осуществляются новымъ германскимъ военнымъ закономъ. При этомъ случаѣ, сказать мимоходомъ, онъ же высказывалъ пожеланіе, чтобы изложеніе предметовъ, относящихся къ войнѣ — за исключеніемъ чисто-техническихъ подробностей — было болѣе популярно, велось на болѣе общепонятномъ, чѣмъ доселѣ, языкѣ. У насъ мысль о популяризаціи стратегики многимъ можемъ показаться странною, а между тѣмъ нѣмецкій писатель не могъ не имѣть своихъ основаній, чтобы выразить такое пожеланіе.

Очевидно, что если сильныя потери въ людяхъ произойдутъ въ первыхъ встрѣчахъ войскъ, состоящихъ изъ молодыхъ солдатъ, то хотя онѣ и вызовутъ слезы и стоны отцовъ, матерей, сестеръ и братьевъ, но не будутъ имѣть тѣхъ страшныхъ экономическихъ послѣдствій, какія явились бы при гибели отцовъ семействъ, и, быть можетъ, не повліяютъ на старшіе возрасты, которые поймутъ, что наиболѣе кровопролитныя столкновенія уже завершились.

И вотъ, новый германскій военный законъ имѣетъ въ виду именно и ту цѣль, чтобы усилить въ арміи численность людей младшихъ возрастовъ (*Verjüngung der Armees*), такъ чтобы въ будущей войнѣ достаточно было призвать 8—10 младшихъ контингентовъ запаса и уже имѣть армію совершенно достаточную по численности для рѣшающихъ дѣйствій. Поводомъ къ этому служить вовсе не мнѣніе о непригодности или ненадежности для войны людей изъ запаса, имѣющихъ 32 года и больше, но именно то соображеніе, чтобы беречь людей семейныхъ, людей, которыхъ дѣятельность въ общей экономіи страны представляется наиболѣе цѣнною.

Итакъ, усиленіе мирнаго состава имѣетъ слѣдующія четыре

цѣли: увеличеніе силы первоначальнаго натиска, облегченіе мобилизаціи первыхъ дѣйствующихъ силъ, увеличеніе численности арміи и еще увеличеніе въ ея составѣ численности элемента наиболѣе молодаго ¹⁾).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ непропорціональность увеличенія числа офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Какими чрезвычайными причинами объясняется это обстоятельство, показываютъ слова Бисмарка, высказанныя имъ въ 1881 году: „по цифрамъ, наши сосѣди стоятъ наравнѣ съ нами, но въ качественномъ отношеніи имъ съ нами не сравняться. Русскій, французъ одинаково храбры, какъ и нѣмецъ. Но наши 700 т. солдатъ—дѣйствительно хорошо обученные и еще не успѣвшіе ничего забыть люди. А сверхъ того, никто не сравнится съ нами и въ томъ отношеніи, что у насъ есть налицо тотъ матеріалъ въ офицерахъ и унтеръ-офицерахъ, который нуженъ и пригоденъ къ веденію этихъ войскъ въ бою“.

Весьма естественно, что во Франціи зорко слѣдятъ за движеніемъ, происходящимъ въ Германіи. Новый германскій законъ объ увеличеніи постояннаго контингента числа унтеръ-офицеровъ и офицеровъ французы именно тѣмъ и объясняютъ ²⁾), что императоръ Вильгельмъ пожелалъ имѣть въ своемъ распоряженіи большую численную силу, и отсюда пришли къ выводу, быть можетъ, черезъ-чуръ пессимистическому. Они полагаютъ, что германскій государь можетъ когда-нибудь вздумать объявить войну, безъ соблюденія законныхъ формъ, и въ такомъ случаѣ ему необходимо имѣть возможность въ теченіе болѣе продолжительнаго времени вести войну, не прибѣгая къ призыву въ ряды арміи отцовъ семействъ и вообще самостоятельно зарабатывающихъ средства къ жизни, что всегда сопровождается въ странѣ чувствительными замѣшательствами.

Не входя въ оцѣнку вѣрности такихъ объясненій, ни равнымъ образомъ въ оцѣнку самаго новопроведеннаго нѣмецкаго военнаго закона, противъ котораго была оппозиція даже въ германскихъ военныхъ сферахъ, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе на одно обстоятельство, въ которомъ выражается разность національнаго характера. Молодость и темпераментъ германскаго императора дѣйствительно возбуждаютъ подчасъ опа-

¹⁾ „Die Militärvorlage und der Antrag Bönningens“.

²⁾ „Revue Militaire de l'Étranger“ и „Revue militaire du Journal des Débats“.

сенія, но въ концѣ концовъ, рѣшимость на рискованный шагъ все-таки болѣе свойственна характеру галловъ, чѣмъ тевтоновъ.

Какъ бы ни было, мы считали необходимымъ привести тѣ взгляды, отъ которыхъ зависятъ не только послѣдствія техническія и экономическія въ случаѣ войны, но и самая возможность ея возникновенія.

Германская армія.

I.

Необходимость самодѣятельности и мѣръ предосторожности.

Послѣ побѣдъ 1866 и 1870 гг. въ германской арміи утвердилось убѣжденіе, что военное искусство преобразовалось въ науку, которою нѣмцы обладаютъ въ большей степени, чѣмъ прочіе народы, и что это обстоятельство даетъ ихъ арміи преимущество надъ прочими. Затѣмъ въ германской арміи весьма сильно убѣжденіе въ превосходствѣ ея вооруженія, въ особенности относительно нынѣшнихъ нѣмецкихъ ружей передъ русскими, а относительно артиллеріи и вспомогательныхъ средствъ—передъ всѣми прочими государствами.

Что касается этого обстоятельства, по расчету нѣмцевъ, долженствующаго имъ обезпечить побѣду, то прежде всего мы должны повторить уже высказанное нами убѣжденіе, что только самой войнѣ предстоитъ рѣшить, не поведетъ ли черезъ-чуръ осложненная техника къ тому, что на первый планъ снова выйдутъ выносливость и примитивная мускульная сила, которымъ, въ силу неизбѣжности, придется играть важнѣйшую роль во всѣхъ перипетіяхъ войны, въ родѣ сидѣнія за шанцами въ голодѣ и холодѣ или частыхъ ночныхъ стычекъ. Правда, довѣріе къ полководцамъ въ германской арміи такъ велико, что полагаютъ возможнымъ справиться даже и съ этимъ обстоятельствомъ, способнымъ парализовать превосходство всякаго вооруженія.

Въ самомъ дѣлѣ, германская армія до извѣстной степени можетъ гордиться своими офицерами. По словамъ профессора Ридигера ¹⁾, комплектованіе корпуса офицеровъ повскду производится двумя способами: выпускомъ изъ военно-учебныхъ заведеній и производствомъ изъ нижнихъ чиновъ, добровольно или обязательно служащихъ въ арміи. Только въ одной Гер-

¹⁾ „О комплектованіи арміи“.

маніи всѣ безъ исключенія офицеры той и другой категоріи обладаютъ одинаковымъ общимъ и военнымъ образованіемъ; во всѣхъ же прочихъ арміяхъ офицеры, вышедшіе изъ строя, обладаютъ значительно слабѣйшею подготовкою, чѣмъ выпущенные изъ военно-учебныхъ заведеній.

Но превосходство германской арміи не въ одномъ образцовомъ личномъ составѣ офицеровъ. Оно еще въ большей степени зависитъ отъ сравнительно высокаго развитія рядовыхъ и особенно унтеръ-офицеровъ арміи, составленной почти исключительно изъ людей, прошедшихъ школу. Генераль Авненковъ, въ своемъ отчетѣ о впечатлѣніяхъ войны 1870 года, имѣлъ полное основаніе сказать, что „при подобномъ составѣ арміи всѣ части войскъ являются уже не бездушными машинами, не автоматами, дѣйствующими только по командѣ, идущими за командиромъ и нравственно теряющимися при утратѣ офицеровъ, но сознательными исполнителями“.

Если сравнить прусскую армію, почти поголовно грамотную, хотя бы съ французскою, въ которой почти 40% неграмотныхъ, окажется несомнѣннымъ, что нѣмецкій школьный учитель дѣйствительно былъ главнѣйшимъ изъ элементовъ въ ряду тѣхъ причинъ, которыя способствовали успѣхамъ германскаго оружія, столь поразившимъ Европу.

Само собою разумѣется, что выраженіе „школьный учитель“ слѣдуетъ понимать въ широкомъ значеніи.

Генераль Каульбарсъ по этому поводу ¹⁾ говоритъ, что строго-логическія и раціональныя требованія, въ соединеніи съ разумной и вполне сообразной индивидуальной инициативой, составляютъ характеристическую черту германскаго военнаго устройства. Быть можетъ, нигдѣ не придерживаются въ такой степени наружной формы, и при этомъ нигдѣ она не играетъ столь значительной роли, какъ въ прусской арміи. Генераль Каульбарсъ утверждаетъ, что не только съ нею всѣ хорошо ознакомлены, но она, вслѣдствіе долговременнаго примѣненія, буквально вошла въ плоть и кровь каждаго исполнителя. Разсматривая дѣло по существу, генераль приходитъ къ заключенію, что внутренней основой даннаго учрежденія въ нѣмецкой арміи главнымъ образомъ является непоколебимая логика, исключаяющая всякіе личные взгляды и имѣющая въ виду почти исключительно общіе интересы арміи и государства. Окрѣпши

¹⁾ „Германская армія и принципы ея быта и обученія“. 1899 г. стр. 587—588.

въ военныхъ нѣмецкихъ сферахъ, такая точка зрѣнія, по словамъ автора, почти вовсе освободила армію отъ колебаній въ предѣлахъ внутренняго служебнаго быта, колебаній, такъ часто сопровождающихъ каждую личную перемѣну начальствующихъ лицъ. Такая перемѣна въ германской арміи обыкновенно происходитъ какъ-то спокойно, незамѣтно для подчиненныхъ; все идетъ и остается по-старому; новый начальникъ не заводитъ новыхъ порядковъ и новыхъ взглядовъ на службу. Вся разница въ большей или меньшей строгости соблюденія общаго принципа, состоящаго въ томъ, чтобы каждый, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей содѣйствовалъ достиженію общей цѣли—полной готовности къ войнѣ во всѣхъ отношеніяхъ и на всѣхъ фронтахъ.

Здѣсь мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе, съ цѣлью представить доказательство, въ какой мѣрѣ неустанная работа, направленная къ усовершенствованію образованія офицеровъ въ европейскихъ арміяхъ, составляетъ общее стремленіе всѣхъ правительствъ.

Въ поискахъ за матеріалами для настоящаго труда намъ неразъ случалось входить въ сношенія съ книгопродавцами и издателями Германіи и Франціи. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ нѣмецкими книгопродавцами, съ наступленіемъ зимаго времени обыкновенно каждый разъ имъ приходится запасаться большимъ числомъ сочиненій по военной наукѣ, статистикѣ и географіи, въ виду наступающихъ требованій со стороны офицеровъ, нуждающихся въ матеріалахъ для исполненія работъ на темы, задаваемые имъ штабомъ. Намъ случалось просматривать замѣтки книжныхъ магазиновъ, относящіяся къ предметамъ задачъ. Оказывалось всегда, что эти задачи имѣютъ близкое отношеніе ко всевозможнымъ комбинаціямъ, въ предвидѣніи восточнаго или западнаго театровъ войнъ или же къ вопросамъ, касающимся военной администраціи. При этомъ намъ передавали, что всѣ эти работы старательно разсматриваются и, лишь только находятъ въ нихъ какую-либо дѣльную мысль или основательное замѣчаніе, тотчасъ принимаютъ ихъ къ свѣдѣнію, распространяя таковыя между офицерами или же прямо пользуясь указаніями для соответственныхъ распоряженій.

Темы, задаваемые во Франціи, въ сравненіи съ нѣмецкими, вообще менѣе серьезны и, что еще хуже, онѣ обрабатываются съ несравненно меньшимъ усердіемъ. Это происходитъ не столь-

ко вслѣдствіе меньшей, сравнительно съ нѣмцами, способности къ усидчивости (Sitzleiss), сколько по причинѣ вкравшагося въ среду офицеровъ убѣжденія, что какія бы достоинства ни заключались въ ихъ трудахъ, они остаются незамѣченными и что признаніе этихъ достоинствъ возможно лишь при условіи особенной рекомендаціи или протекціи. Безъ этого условія канцеляризмъ если случайно и воспользуется представленной работой, то, передѣлавъ ее, выдастъ ее за свой счетъ, и вся заслуга ея будетъ приписана не дѣйствительному труженику. Генераль Лееръ по этому поводу говоритъ: „въ Пруссіи, какъ мнѣ приходилось слышать, существуетъ обычай, что каждый изъ офицеровъ, уѣзжающій куда бы то ни было за границу, обязанъ представить, по возвращеніи, описаніе всего того, что ему удавалось встрѣтить замѣчательнаго въ военномъ отношеніи. Въ какой мѣрѣ вообще въ Пруссіи склонны серьезно относиться къ такому важному вопросу, какъ изученіе военнаго устройства сосѣднихъ государствъ, видно, помимо крайне строгаго выбора лицъ, назначаемыхъ военными агентами, еще и изъ того, что, при крайней простотѣ устройства военнаго управленія (нѣтъ ни одного лишняго учрежденія, ни одной лишней инстанціи, ни одного лишняго чиновника,—все и вездѣ доведено до возможнаго minimum), въ главномъ штабѣ, раздѣленномъ на 6 отдѣленій (въ нихъ занимаются около 40 офицеровъ генеральнаго штаба), три первыхъ отдѣленія имѣютъ исключительнымъ назначеніемъ тщательное изученіе тѣхъ странъ, которыя когда-либо могутъ сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій для прусской арміи. Эти три отдѣленія ближе всего могли бы быть названы „Развѣдочными отдѣленіями“ (Explorations Section). Каждое изъ нихъ располагаетъ, въ каждую минуту, самыми полными свѣдѣніями для составленія требуемаго плана кампаніи. Работѣ этой, какъ видно, какъ оно и должно въ сущности быть, придается такое важное значеніе, что она одна поглощаетъ дѣятельность половины офицеровъ генеральнаго штаба, состоящихъ собственно при главномъ штабѣ (остальныя три отдѣленія главнаго штаба суть: историческое, географически-статистическое и топографическое)¹⁾).

Кромѣ того замѣчательна осторожность, съ какою относятся въ Германіи къ будущей войнѣ, и весьма любопытенъ эволюціонный ходъ этого рода убѣжденій въ Германіи.

¹⁾ Лееръ. „Публичныя лекціи о войнѣ 1870 года“.

Въ 1806 году Пруссія тяжело поплатилась за избытокъ увѣренности въ превосходствѣ своей арміи, которая при Фридрихѣ II производила чудеса. Опытъ не прошелъ безплодно, и король призвалъ весь народъ къ содѣйствію его намѣреніямъ возстановить это достоинство. Уже 1 декабря 1806 года изданъ былъ законъ, по которому открылось производство въ офицеры для всѣхъ достойныхъ нижнихъ чиновъ. Одного этого примѣра достаточно, особенно если вспомнить характеръ даннаго времени, чтобы убѣдиться, какъ радикально умѣютъ проводить реформы въ Пруссіи, когда этого требуютъ обстоятельства.

Затѣмъ, реакція первыхъ десятилѣтій нынѣшняго столѣтія, о которой мы выше говорили, ввела въ армію сословность, которая не замедлила особенно рѣзко обнаружить свои слабыя стороны, каждый разъ, когда возникалъ вопросъ о томъ, чтобы увеличить подвижность арміи. 6-го ноября 1850 года будущій императоръ Вильгельмъ I (въ то время принцъ прусскій) представилъ проектъ реорганизаціи арміи, который былъ осуществленъ тотчасъ по вступленіи его на престолъ ¹⁾. Послѣ опытовъ войны 1866 года, организація войска подверглась немедленнымъ преобразованіямъ. Различныя части военныхъ учрежденій получаютъ совершенно новую организацію, и въ связи съ этимъ вновь учреждается госпитальная часть и уходъ за больными въ полѣ. Железнодорожная, телеграфная и продовольственная службы совершенствуются. Тщательно заново разрабатывается все, входящее въ область тактики.

Работы генеральнаго штаба по послѣднему предмету были розданы войскамъ въ 1869 году, и война была объявлена лишь послѣ того, какъ убѣдились, что выводы этихъ работъ усвоены корпусомъ офицеровъ. Памятуя завѣщаніе великаго полководца, нѣмцы не перестаютъ „искать свою силу въ слабости врага“. Еще въ 1867 году полковникъ Стоффель обращалъ вниманіе французскаго правительства на дѣйствія въ этомъ смыслѣ прусскаго правительства. „За нѣсколько мѣсяцевъ до кампаніи въ Австріи, оно издало брошюру, очевидною цѣлью которой было ознакомить офицеровъ и солдатъ своей арміи съ недостатками арміи, которую предстояло имъ разгромить, пользуясь знаніемъ этихъ недостатковъ“. Подобнымъ же образомъ была описана въ послѣдствіи и французская армія.

О совершенно противоположномъ образѣ дѣйствія француз-

¹⁾ Oberst Knorr. „Von 1807 bis 1893“. Berlin. 1893.

скаго главнаго штаба мы уже имѣли случай упоминать. Излишне было бы говорить, что, въ случаѣ войны, и теперь бы появились въ Пруссіи подобныя описанія. Впрочемъ, о нѣкоторыхъ изъ числа ихъ мы уже говорили. Увѣжденіе въ томъ, что весь военный аппаратъ дѣйствуетъ согласно и правильно, начиная съ высшихъ лицъ управленія до послѣдняго служащаго, рождаетъ увѣренность въ себѣ, необходимую на войнѣ (Selbstbewusstsein), соединенную съ предусмотрительностью, которая такъ блестяще проявилась въ войнахъ съ Австріею и Франціею.

II.

Нравственныя вліянія.

Въ 1866 году пруссакамъ, вооруженнымъ игольчатыми ружьями, довелось воевать противъ государства, которое, вслѣдствіе внутренняго разстройства и по недостатку средствъ, не могло держать свою армію на высотѣ требованій современнаго военного искусства. Возвышать еще болѣе налоги въ тогдашней Австріи казалось невозможнымъ. Войска не только содержались худо, но въ нихъ господствовалъ духъ недовольства на произволъ, на производства и назначенія главнымъ образомъ въ силу протекціи. Провинціальныи духъ былъ также сильно развитъ въ австрійской арміи. Но, главное, Австрія должна была выставить двѣ арміи: одну противъ Пруссіи, а другую — противъ Италіи. Наконецъ, вдобавокъ бѣды, австрійскіе генералы относились съ пренебреженіемъ къ противнику, который былъ превосходно подготовленъ.

Еще болѣе благоприятныхъ условій было на сторонѣ Германіи въ 1870 году. Въ германской арміи царило полное увѣжденіе въ томъ, что, предполагая съ обѣихъ сторонъ одинаковаго достоинства полководцевъ, она въ состояніи справиться противъ тройнаго по численности непріятели. Наоборотъ, во французской арміи утвердилось безпокойство въ виду того, что каждому французу придется драться противъ трехъ нѣмцевъ. Недостатокъ воодушевленія старались заглушить криками „на Берлинъ!“, но въ сущности въ побѣду никто не вѣрилъ, а это одно уже дѣлало побѣду невозможной.

Все какъ нарочно способствовало успѣху германской арміи. Беспорядки въ организаціи французской арміи, о которыхъ мы

уже говорили, доходили до того, что, по словамъ Кляреси ¹⁾, французскіе солдаты терпѣли голодъ и холодъ, между тѣмъ какъ германскія войска были снабжены всѣмъ необходимымъ въ изобиліи. Въ то время какъ замѣшательствамъ и беспорядкамъ во французской арміи не было предѣловъ, въ нѣмецкихъ войскахъ все было предусмотрено, всякій зналъ твердо свою обязанность, никакая случайность не сбивала съ толку исполнителя, который заранѣе былъ ознакомленъ съ временемъ, мѣстомъ, способами нападенія, численностью непріятели и всѣми прочими свѣдѣніями, необходимыми для побѣды. Между прочимъ, Кляреси говоритъ о громадныхъ услугахъ, оказанныхъ нѣмцамъ военною статистикой. Когда прусскій уланъ наѣзжалъ на какую-нибудь деревню и предъявлялъ мѣру требованіе квартиръ для дислокаціи войска и реквизиціи, соразмѣренной съ средствами данной мѣстности, то простой народъ часто объяснялъ эту соразмѣрность требованій доведеніемъ шпионовъ. Между тѣмъ, это было дѣломъ того „школьнаго учителя“, который объяснилъ въ школѣ значеніе статистическихъ свѣдѣній. Нѣмецкія войска умѣли пользоваться цифрами населенности и официальными списками по обложенію его податями. Несомнѣнно, что въ отношеніи образованности нѣмецкая армія останется и въ будущемъ не ниже, чѣмъ она была въ 1870 году.

Тѣмъ не менѣе является вопросъ: сохранится ли въ ней тотъ же духъ, который такъ сильно способствовалъ ея успѣхамъ? Настроенія въ народѣ измѣняются очень часто быстрѣе, чѣмъ развиваются знанія. Въ исторіи едва-ли извѣстна большая степень разстройства арміи, чѣмъ то, какому подверглась прусская армія въ 1806 году, а между тѣмъ уже въ 1813 году она явила доказательства величайшаго мужества. Есть симптомы, указывающіе на перемѣну, происшедшую во многихъ изъ условій 1870 года.

Мы уже выше поставили вопросъ, существуетъ ли въ настоящее время возможность вести продолжительную кампанію съ войскомъ, до извѣстной степени зараженнымъ социалистическими теоріями, и можно ли рассчитывать на воодушевленіе такой арміи однимъ сознаніемъ долга, безъ особыхъ стимуловъ, какимъ, напри- мѣръ въ 1870 году, была идея единства, въ которой нѣмцы видѣли предвѣстницу будущихъ великихъ дѣлъ на пользу народа. Въ иной войнѣ такого ореола для нѣмцевъ можетъ и не быть, тѣмъ

¹⁾ Clarétie. „Histoire de la révolution de 1870—1871“.

болѣе, что воспоминанія о времени, послѣдовавшемъ за побѣдами 1870 года, остались въ народѣ не особенно пріятныя. Правда, въ нынѣшнемъ составѣ германской арміи социализмъ ничѣмъ не проявляется, но это еще не доказываетъ его безопасности. Соціалистическими ученіями заражены преимущественно старшіе возрасты, которые придутъ на войну въ ландверѣ. Кромѣ того, въ мирное время проявленію социалистическихъ взглядовъ средимолодыхъ солдатъ препятствуетъ страшная военная дисциплина.

Обратимся еще къ цифрамъ, бросающимъ довольно густую тѣнь на нѣкоторыя изъ сторонъ внутренняго состоянія современной германской арміи.

Во время обсужденія военнаго закона 11-го декабря, „маіоръ Габерлингъ представилъ комисіи сравнительную таблицу численности германской, французской и русской армій. Таблица эта отнесена къ числу секретныхъ документовъ, и изъ нея военная печать сообщила только одну интересную цифру именно, что въ Германіи ежегодно уклоняются отъ вынутаго жребія, въ среднемъ, до 40.000 человекъ, между тѣмъ какъ во Франціи только 6.000 человекъ. По этому поводу оппозиція возбудила вопросъ: не кроется ли причина столь значительныхъ уклоненій отъ исполненія воинской повинности въ строгой дисциплинѣ, поддерживаемой въ арміи, въ дурномъ обращеніи начальниковъ съ солдатами? Генералъ Бронзаръ категорически заявилъ однако, что причина уклоненій лежитъ исключительно въ склонности германцевъ къ эмиграціи“.

Однако, громадное число самоубійствъ въ арміи уже никакъ не можетъ быть отнесено къ склонности эмигрировать. Число же лицъ, зараженныхъ социалистическими ученіями, постоянно возрастаетъ въ странѣ, что доказывается цифрами послѣдовательныхъ выборовъ въ городахъ. Для примѣра, приводимъ свѣдѣнія, касающіяся пяти городовъ.

	1887	1890	Увеличеніе въ 3 года.
Въ Кельнѣ . . .	4.952	10.688	на 100 ⁰ / ₀
„ Лейпцигѣ . . .	10.087	12.921	„ 30 ⁰ / ₀
„ Дрезденѣ . . .	16.117	25.097	„ 50 ⁰ / ₀
„ Штутгартѣ . . .	4.496	10.446	„ 100 ⁰ / ₀
„ Дюссельдорфѣ . . .	2.933	7.573	„ 160 ⁰ / ₀
	38.585	66.725	

Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ социалисты пріобрѣли на выборахъ двойное противъ прежняго число голо-

совъ, между тѣмъ какъ въ то же время число голосовъ буржуазіи упало съ 142.000 до 118.000, т. е., другими словами, въ 1887 году социалисты обладали цифрой голосовъ, равной четвертой части голосовъ прочихъ партій, а въ 1890 году она составила уже половину ихъ.

Еще болѣе опасный симптомъ этого роста вліянія социалистовъ обнаруживается тѣмъ, что изъ городовъ оно уже стало переходить и въ деревни. Изъ 1.427.000 голосовъ, упавшихъ въ 1890 году въ сторону социальной демократіи, на долю большихъ и среднихъ городовъ приходится 800.000 — 900.000. Остальные около полумилліона голосовъ поданы въ смѣшанныхъ и чисто сельскихъ округахъ.

Впрочемъ, нѣсколько примѣровъ наглядно покажутъ, насколько успѣла проникнуть социальная демократія и въ тѣ мѣстности, въ которыхъ отсталое состояніе промышленности, низкій уровень умственного развитія и разбросанность населенія являлись до сихъ поръ преградой для социалистической агитаціи. Наболѣе характерными изъ этой категоріи провинцій въ Германіи считаются: Восточная и Западная Пруссія, Померанія, Шлезвигъ-Гольштейнъ и Мекленбургъ.

Провинціи.	Съ главными городами.			Безъ главн. городовъ.			Увеличеніе за 6 лѣтъ.
	I.	II.		II.		Sub. I	
	84 г.	87 г.	90 г.	84 г.	87 г.		90 г.
1) Восточная Пруссія .	4.700	8.223	18.058	119	236	5.688	Sub. I
2) Западная Пруссія	683	4.554	9.825	106	2.326	6.300	на 300%
3) Померанія	1.909	8.178	20.631	770	3.900	12.892	Sub.
4) Шлезвигъ-Гольшт. .	24.701	39.876	61.746	5.090	12.446	23.880	II почти
5) Мекленбургъ . . .	2.466	5.921	28.235	582	1.357	13.624	90% /о.
Итого	32.229	58.752	138.495	6.617	20.265	62.384	

Приведенныя цифры рельефно показываютъ, съ какой скоростью подвигается процессъ завоеванія социальной демократіей мелкихъ городовъ и селъ. Поразительно быстрые успѣхи дѣлаетъ этотъ процессъ въ отдѣльныхъ округахъ и деревняхъ поименованныхъ герцогствъ и прусскихъ провинцій. Въ одномъ изъ округовъ Мекленбургъ-Шверина цифра социалистическихъ избирателей поднялась съ 77-ми въ 1884 г. до 319 въ 1887 и до 4.877 въ 1890; въ другомъ округѣ за тотъ же періодъ она поднялась съ 50 до 2.389. Въ Ганноверѣ встрѣчаются мѣстечки и цѣлыя избирательные районы (сельскіе), въ которыхъ социалистскіе голоса за послѣдніе только три года увеличились въ четыре, десять и даже двадцать разъ.

Безпрерывное увеличеніе расходовъ на вооруженія въ этомъ отношеніи можетъ повести лишь къ ухудшенію положенія. Въ настоящее время ежегодно возрастаютъ эти расходы, почти на 70 мил. марокъ и сверхъ смѣты предъявляются еще требованія на сооруженіе новыхъ военныхъ судовъ, крѣпостей, казармъ и проч.

Экономическія замѣшательства, вызываемыя чрезмѣрнымъ военнымъ бюджетомъ, не могутъ не отразиться на духѣ самой арміи, особенно въ мѣстностяхъ съ развитою промышленностью, въ которыхъ заработки могутъ прекратиться одновременно, и это—во время непомѣрной дороговизны жизненныхъ припасовъ.

Въ Германіи, какъ извѣстно, въ среднемъ выводѣ, не хватаетъ хлѣба для пропитанія населенія на 54 дня; въ нѣкоторыхъ же областяхъ болѣе чѣмъ на половину. При доступномъ со всѣхъ сторонъ ввозѣ, недостатокъ русскаго хлѣбнаго импорта не можетъ сильно ощущаться, но вопросъ этотъ представлялся бы совершенно иначе, если бы цѣна хлѣба зависѣла не отъ болѣе или менѣе возвышенной пошлины, а отъ дѣйствительной невозможности его доставки.

Весьма уважаемый военный писатель Генингъ утверждаетъ, что германскій солдатъ не въ состояніи обнять своимъ умомъ идеи, за которую ему нынѣ пришлось бы воевать. Настроеніе народовъ, а слѣдовательно и арміи будетъ зависѣть въ значительной степени отъ болѣе или менѣе искусныхъ способовъ подготовки общественнаго мнѣнія къ оправданію будущей войны. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ нѣмецкой арміи болѣе, чѣмъ во всякой иной, нравственные мотивы войны и сочувствіе имъ могутъ воздѣйствовать на воинскую доблесть солдатъ. Искусная и продолжительная агитація противъ постоянныхъ армій и обычая разрѣшать международные вопросы посредствомъ кровавыхъ столкновеній, которую одновременно ведутъ ученые, гуманисты и социалисты, не могла въ Германіи не поколебать духа безусловной пассивности въ арміи. Уже Генингъ приводитъ случаи, когда для того, чтобы вывести солдата изъ шанца, требовалось насиліе. Въ виду всплывшихъ наружу фактовъ жестокаго обращенія съ нижними чинами въ германской арміи офицеровъ и особенно унтеръ-офицеровъ, значеніе послѣднихъ, какъ оказывается, слишкомъ часто основывается на одномъ страхѣ, что не могло бы не отразиться вредно въ военное время, особенно въ случаѣ, если война будетъ непо-

пулярна. Непопулярность же угрожаетъ каждой войнѣ, которая будетъ предпринята Германіей съ иной цѣлью, кромѣ защиты ея единства.

Хотя увѣреніямъ о миролюбивыхъ намѣреніяхъ, съ ихъ государственные люди выступаютъ при требованіи новыхъ средствъ на приготовленія къ войнѣ, и нельзя отказать въ значеніи, какъ повтореніямъ, что народы желаютъ сохраненія мира, но несомнѣнно, что подобныя заявленія не исключаютъ возможности войны даже въ близкомъ будущемъ. Такъ, въ январѣ 1887 года Бисмаркъ заявлялъ, что „Германія и впредь, точно такъ, какъ при столкновеніи въ 1867 г. изъ-за Люксембурга, не намѣрена ускорять войну единственно съ цѣлью—воспользоваться неравной къ ней подготовленностью вѣроятнаго противника“, что „не слѣдуетъ заглядывать въ карты промыслу судьбы“ и что „отложить войну иногда значитъ вовсе устранить ее“. Такъ и въ февралѣ 1888 года онъ высказывался противъ всякой мысли о войнѣ „предупредительной“ и приглашалъ рейхстагъ—„не давать ему миллиарда на войну наступательную, еслибъ онъ самъ просилъ о немъ“. Онъ прибавлялъ, что „элементъ шансовъ невѣсомыхъ (*imponderabilia*)—еще важнѣе, чѣмъ матеріальная сила противника, а этого-то элемента мы и не будемъ имѣть за собой, если начнемъ войну наступательную, но онъ будетъ на нашей сторонѣ въ войнѣ оборонительной“. И новый германскій канцлеръ графъ Каприви заявлялъ, что державы тройственнаго союза „никогда не предпримутъ внезапнаго политическаго наступленія съ цѣлью вызвать войну“.

Конечно, усиленіе германской арміи, на основаніи новаго военнаго закона, можетъ внушать мысли о мѣрахъ предосторожности, но все-таки оно нисколько не доказываетъ, что Германія намѣрена начать войну. Нельзя не имѣть въ виду того обстоятельства, на которое указывалъ покойный Мольтке въ своей рѣчи 1 марта 1880 года. „У всѣхъ нашихъ сосѣдей—говорилъ этотъ великій практикъ военнаго искусства—прикрыта спина. У кого Пиренеи, у кого Альпы или сосѣдство низкокультурныхъ народовъ обезпечиваютъ тылъ. А мы стоимъ открыто между великими державами. Къ западу или къ востоку, сосѣдямъ нашимъ достаточно выставить силы на одинъ фронтъ, а мы должны быть готовы къ оборонѣ на всѣ стороны“.

Нельзя не признать, что естественное возрастаніе вооруженныхъ силъ Россіи и Франціи можетъ до нѣкоторой степени

оправдывать выраженную канцлеромъ Каприви необходимость обезпечить Германіи „армію въ самомъ дѣлѣ могущественную“. Но въ виду приведенныхъ мирныхъ завѣреній, въ виду особенно легкаго добыванія отъ парламента новыхъ средствъ на вооруженія,—что удостовѣряется хотя бы тѣмъ фактомъ, что канцлеръ Каприви за одно проведеніе предшествующаго проекта усиленія военныхъ средствъ получилъ графское достоинство,—въ виду, наконецъ, социалистической агитации, можно признать, что какимъ-либо честолюбивымъ замысламъ въ Германіи не совсѣмъ легко было бы вызвать войну и даже, что результаты войны, самовольно вызванной, могли бы оказаться сомнительными.

Въ южной Германіи, а отчасти и въ Пруссіи, народъ держится того мнѣнія, что передъ войной, навязанной со стороны, отступать не слѣдуетъ, но что „честный миръ“ не только лучше „доброй“ и даже славной „брани“, но положительно долженъ быть главнымъ предметомъ заботъ правительства ¹⁾).

III.

Будущіе предводители германской арміи.

А впрочемъ, какъ сказалъ Бэконъ: „среди мірской суеты для глупости всегда открыто большее поле дѣйствія, чѣмъ для ума, и легкомысліе всегда болѣе вліятельно, чѣмъ разсудительность“. Война въ близкомъ будущемъ,—все равно, случайная или намѣренно вызванная,—все-таки возможна; стало быть, для насъ нелишне разсмотрѣть составъ командующихъ лицъ въ германской арміи.

Мы уже приводили отзывъ сэра Ч. Дилька, что генералы въ германской арміи вообще моложе, чѣмъ генералы арміи французской. Дѣйствительно, со вступленіемъ на престолъ императора Вильгельма II началось въ германской арміи усиленное освѣженіе состава высшаго командованія. За одинъ 1888 годъ смѣнились 65 генераловъ и 156 штабъ-офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, считая вмѣстѣ уволенныхъ и умершихъ. Интересна особенно перемѣна генераловъ. По оффиціозному извѣстію 1889 года, въ предшествовавшемъ году изъ 14 армейскихъ корпусовъ только 6 сохранили своихъ прежнихъ ко-

¹⁾ „Aus der militärischen Gesellschaft Berlins“.

мандировъ, а 8 получили новыхъ; изъ 30 пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій—новые командиры были назначены въ 22-хъ; изъ 14 полевой артиллеріи—7, наконецъ изъ 4 военно-инженерныхъ инспекцій—2 получили также новыхъ начальниковъ.

Въ какой мѣрѣ эти перемѣны ввели въ высшее командованіе элементъ, относительно, болѣе молодой—можно показать по годамъ производства старшихъ по спискамъ генераловъ каждаго чина. Въ концѣ 1887 г. старѣйшимъ изъ корпусныхъ командировъ состоялъ графъ Блументаль, произведенный въ генералы-отъ-инфантеріи въ 1873 г.; слѣдовавшіе два, по старшинству командованія, корпусные командиры были произведены въ полные генералы (въ ихъ числѣ принцъ Альбрехтъ) въ 1875 году. Въ 1889 же году старѣйшими въ командованіи состояли графъ Шлотгеймъ, произведенный въ полные генералы въ 1880 г., а слѣдовавшіе за нимъ трое въ 1886 г. Старѣйшимъ генералъ-лейтенантомъ былъ въ концѣ 1887 г. получившій этотъ чинъ въ 1880 г., а слѣдовавшіе двое—въ 1881 г. Въ 1889 году старшимъ генералъ-лейтенантомъ состоялъ произведенный въ этотъ чинъ въ 1884 г., четверо слѣдовавшихъ за нимъ (въ ихъ числѣ нынѣшній военный министръ ген. Бронзаръ фонъ Шеллендорфъ, въ то время командовавшій корпусомъ) произведены въ 1884 и 1885 г.г. Четыре старшихъ генералъ-майора въ концѣ 1887 г. были произведены въ 1883 г., а четыре старшихъ въ 1889 г.—въ 1886 г. Соотвѣтственное обновленіе произошло также и въ составѣ строевыхъ штабъ-офицеровъ¹⁾.

Въ случаѣ войны, главное начальство надъ арміею, вѣроятно, принялъ бы на себя самъ императоръ.

Выше мы уже упоминали, что главнокомандующій, хотя бы въ смыслѣ непосредственнаго авторитета для разрѣшенія возникающихъ въ военное время спорныхъ мѣнй, долженъ представлять своею личностью счастливое совмѣщеніе характера съ выдающимися способностями. Безъ долговременнаго жизненнаго опыта, безъ установившагося, глубокаго взгляда на свои обязанности и безъ такого, рѣдко встрѣчающагося хладнокровнаго темперамента, какимъ отличался Вильгельмъ I, такого совмѣщенія ожидать трудно.

Въ этомъ смыслѣ, въ Германіи питаются нѣкоторыя опасенія относительно императора Вильгельма II. Нами уже приве-

¹⁾ «Drei Jahre auf dem Throne», а также, «Aus der Militärischen Gesellschaft Berlins».

дено было немалое число отзывать военныхъ специалистовъ, что при усовершенствованномъ оружіи всего пагубнѣе могли бы оказаться слишкомъ отважныя предпріятія, такія, которыя диктуются увлеченіемъ. Понятно, что никто не рѣшается прямо остерегать императора Вильгельма II въ этомъ отношеніи. Авторъ только-что приведеннаго сочиненія замѣчаетъ, что „нашъ императоръ Вильгельмъ II, передъ вступленіемъ на престоль, прошелъ только ту часть военной карьеры, въ которой генераль, командуетъ лишь войсками одного рода оружія. Всѣ мы знаемъ, что карьера эта прервалась вступленіемъ на престоль—на командованіи одною пѣхотною бригадой“.

Опасенія за будущее поддерживаются въ Германіи предположеніемъ, что главный штабъ, который при Мольтке прямо предводительствовалъ арміею, впредь уже не будетъ играть равной роли. Въ моментъ предпріятого „освѣженія“ въ командующей сферѣ, Мольтке исходатайствовалъ себѣ увольненіе и преемникомъ себѣ указалъ графа Вальдерзэ, который служилъ при немъ 7 лѣтъ въ званіи генераль-квартирмейстера. И дѣйствительно, гр. Вальдерзэ занималъ должность начальника главнаго штаба съ августа 1888 года по февраль 1891 года.

Несомнѣнно, что, въ случаѣ недалекой по времени войны, ему будетъ принадлежать выдающаяся роль, а стало быть на его личности стоить остановиться. Мольтке такъ цѣнилъ его способности, что когда, при императорѣ Фридрихѣ III, была рѣчь объ упраздненіи должности генераль-квартирмейстера, то самъ великій статистикъ силъ въ каждой мѣстности, въ каждомъ бою—Мольтке хотѣлъ подать въ отставку. Генераль гр. Вальдерзэ по службѣ—конный артиллеристъ, дошедшій до чина маіора, перечислившійся затѣмъ въ генеральный штабъ. Въ войнѣ 1866 г. онъ служилъ уже въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, потомъ былъ военнымъ агентомъ въ Парижѣ. Война съ Франціею 1870 г. застала его уже въ званіи флигель-адъютанта, состоявшаго при императорской военной квартирѣ. Далѣе, онъ состоялъ начальникомъ штаба въ арміи великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, дѣйствовавшей на Луарѣ; наконецъ, по заключеніи мира, онъ былъ германскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Парижѣ. Въ 1873 году онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 10 корпуса, какъ преемникъ нынѣшняго канцлера, генерала Каприви, а въ 1881 г.—генераль-

квартирмейстеромъ и помощникомъ начальника главнаго штаба, фельдмаршала графа Мольтке.

Графу Вальдерзе приписываютъ большія дипломатическія способности, честолюбіе и энергію, которыя заставляли думать, что онъ когда-нибудь будетъ играть первостепенную политическую роль, и всѣ были убѣждены, что, въ случаѣ, если Бисмаркъ сойдетъ со сцены, Вальдерза будетъ его преемникомъ. Между тѣмъ, случилось, что онъ неожиданно былъ уволенъ отъ должности начальника главнаго штаба, которую занялъ послѣ Мольтке. Причина доселѣ не выяснена. Одни предполагаютъ ее въ томъ, что Вальдерза, хотя и по обязанности, но слишкомъ рѣзко указалъ на ошибки, сдѣланныя на маневрахъ, въ присутствіи Франца-Иосифа и короля саксонскаго—тѣмъ отрядомъ, которымъ предводительствовалъ императоръ Вильгельмъ. Другіе приводятъ причину болѣе мелкую—выраженное графомъ неудовольствіе по поводу причисленія къ главному штабу подполковника фонъ-Гюне, котораго императоръ отличалъ особенною милостію, вызывая его напр. на придворные праздники изъ Парижа, гдѣ онъ состоялъ германскимъ военнымъ агентомъ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ въ Берлинъ, г. фонъ-Гюне прочелъ въ военной академіи лекцію по вопросу, относившемуся къ тактикѣ, и высказалъ, въ присутствіи императора, который удостоилъ лектора прибытіемъ, мысли, рѣшительно несогласныя со взглядами начальника главнаго штаба. Всѣ замѣтили, что императоръ благодарилъ подполковника фонъ-Гюне за его изложеніе, а вскорѣ этотъ офицеръ былъ прикомандированъ къ главному штабу, не взирая на техническое его разногласіе съ начальникомъ этого вышшаго военнаго органа.

Есть еще и такое толкованіе, что, несмотря на опалу Бисмарка, графъ Вальдерзе сохранилъ дружественныя съ нимъ отношенія и даже интриговалъ противъ новаго канцлера, графа Каприви. Въ засѣданіи рейхстага 22 ноября 1889 г. произошелъ пикантный инцидентъ, а именно вождь прогрессистовъ Рихтеръ, при обсужденіи смѣты министерства иностранныхъ дѣлъ, спросилъ, правда ли, будто начальникъ главнаго штаба, въ отзывахъ или въ дѣйствіяхъ, выказываетъ свое несогласіе съ внѣшней политикой канцлера? Вопросъ этотъ былъ предъявленъ графу Бисмарку (Герберту), но отвѣтилъ на него военный министръ, рѣшительно опровергая справедливость факта. И общественное мнѣніе объяснило себѣ этотъ инцидентъ тѣмъ,

что прогрессисты хотѣли сдѣлать неприятность Вальдерзэ, который у нихъ слыветь завзятымъ реакціонеромъ.

Наконецъ, графа Вальдерзэ обвиняютъ въ внушеніи тѣхъ памятныхъ статей въ „Новой прусской газетѣ“ („Kreuz-Zeitung“), „которыя возбуждали къ войнѣ съ Россією. По этому поводу можно однако напомнить, что при interview съ нимъ—корреспондента „Times“, Вальдерзэ отрицалъ какіе-либо происки съ своей стороны, а посѣщеніе свое Бисмарка объяснилъ тѣмъ, что русскому Государю угодно было поручить ему передать привѣтъ бывшему канцлеру, что онъ и исполнилъ, вовсе не думая мирить Бисмарка съ кѣмъ бы то ни было.

Увольненіе Вальдерзэ сопровождалось характерными чертами. При пріемѣ въ день своего рожденія, Вильгельмъ II собственноручно надѣлъ графу на шею цѣпь „домашняго“ ордена Гогенцоллерновъ, сказавъ, что, цѣня его способности командованія, онъ даетъ ему IX армейскій корпусъ. Для начальника главнаго штаба это было очевидное пониженіе, и онъ тотчасъ подалъ въ отставку. Но императоръ ея не далъ, а подписалъ рескриптъ по поводу новаго назначенія, въ которомъ было сказано: „такъ какъ на случай войны я намѣренъ ввѣрить вамъ командованіе одной изъ армій“; прощаясь съ своими подчиненными въ главномъ штабѣ, Вальдерзэ выразился коротко: „государю императору и королю угодно было перемѣстить меня; солдату не пристало спрашивать о причинахъ“. Затѣмъ, онъ провозгласилъ троекратный „Hoch!“.

Мольтке былъ еще живъ въ то время, и внезапное увольненіе его преемника должно было показать ему упадокъ созданнаго имъ великаго значенія должности начальника главнаго штаба, фактически „предназначеннаго къ предводительствованію всѣми силами имперіи при войнѣ“, какъ то было открыто высказано барономъ Фирксомъ, въ его сочиненіи о Мольтке и главномъ штабѣ.

Въ томъ же смыслѣ высказался и нынѣшній военный министръ, ген. Бронзаръ фонъ-Шеллендорфъ, въ своемъ сочиненіи „Der Dienst des Generalstabes“: „нельзя отрицать, что веденіе военныхъ операцій всего лучше поручать тому же лицу, которое въ мирное время имѣло въ своемъ распоряженіи важнѣйшія подготовительныя работы“.

Вотъ почему, когда графъ Вальдерзэ былъ устраненъ отъ начальствованія главнымъ штабомъ и замѣненъ однимъ изъ трехъ состоявшихъ при главномъ штабѣ оберъ-квартирмейстеровъ—

генераломъ графомъ Шлиффеномъ, а притомъ отдѣленіе инспекторское (личнаго состава) было изъято изъ военнаго министерства и подчинено непосредственно императору, то изъ этого въ военныхъ сферахъ вывели заключеніе, что императоръ въ случаѣ войны будетъ самъ главнокомандующимъ, начальнику же штаба предназначается только роль помощника, но не руководителя.

Въ книгѣ „Aus der militärischen Gesellschaft Berlins“ мы находимъ свѣдѣнія о графѣ Шлиффенѣ и другихъ главныхъ дѣятеляхъ главнаго штаба, которые могутъ получить важныя назначенія въ случаѣ войны, а потому считаемъ нелишнимъ привести справки о ихъ службѣ. Гр. Шлиффену за 60 лѣтъ; онъ хорошо знакомъ со всѣми отраслями службы генеральнаго штаба и слылъ всегда добросовѣстнымъ и трудолюбивымъ работникомъ, но ему не приписываютъ высшихъ взглядовъ. Императоръ, какъ говорятъ, назначилъ его исключительно по собственному убѣжденію, не посовѣтовавшись ни съ Мольтке, ни съ Вальдерзэ.

Въ арміи есть свое „общественное мнѣніе“, и вотъ оно ставитъ выше графа Шлиффена нѣсколькихъ другихъ генераловъ. Какъ на вѣроятныхъ преемниковъ графа Вальдерзэ указывали на генераловъ графа Гезелера и фонъ-Виттиха, особенно на перваго, который состоялъ также въ числѣ оберъ-квартирмейстеровъ и въ случаяхъ отсутствія заступалъ начальника главнаго штаба.

Графъ Гезелеръ вышелъ изъ корпуса въ 1853 г. въ гусарскій полкъ, но всѣ три кампаніи: 1864, 1866 и 1870—71 гг. онъ дѣлалъ, находясь въ штабѣ принца Карла. Въ чинѣ генераль-лейтенанта онъ состоитъ съ 1886 г. Фонъ-Виттихъ также генераль-лейтенантъ, а въ 1888 г. получилъ званіе генераль-адъютанта и должность командующаго императорской главной квартирой. Недавно онъ получилъ однако корпусъ. При этомъ случаѣ ожидали, что его преемникомъ будетъ полковникъ фонъ-Ратцмеръ, также человѣкъ выдающійся, но Ратцмера императоръ назначилъ берлинскимъ комендантомъ, хотя въ новѣйшія времена не бывало примѣра, чтобы эту должность занималъ полковникъ. Говорили, что имѣлась въ виду отличающая Ратцмера энергія, на случай какихъ-либо социалистскихъ безпорядковъ.

Въ числѣ наиболѣе способныхъ генераловъ, на которыхъ указываетъ мнѣніе, находятся бывший военный министръ Вердидю-Вернуа и нынѣшній военный министръ Бронзаръ фонъ-Шеллендорфъ. Генералъ Верди считается однимъ изъ самыхъ талантливыхъ стратегиковъ настоящаго времени. Имъ написаны

нѣскольکو образцовыхъ сочиненій, изъ числа которыхъ особенно высоко ставятъ его „Studium über Truppenführung“. Онъ уже давно занималъ видныя должности, состоялъ начальникомъ штаба 1-го корпуса, потомъ командовалъ дивизіей въ Кёнигсбергѣ, былъ губернаторомъ въ Страсбургѣ.

Недавно Бисмаркъ счелъ умѣстнымъ заявить въ „Hamb. Korrespondent“, что на постъ военнаго министра генералъ Верди-дю-Вернуа былъ назначенъ вопреки настойчивымъ возраженіямъ (dringendes Abrathen) его, кн. Бисмарка. Но въ свое время всѣмъ было извѣстно, что генералъ Верди былъ рекомендованъ для занятія этой должности—не Бисмаркомъ, а графомъ Вальдерзэ. Въ 1890 г. ген. Верди оставилъ постъ военнаго министра, такъ какъ не сочувствовалъ началу 2-хъ-лѣтней дѣйствительной службы.

Нынѣшній военный министръ, генералъ Бронзаръ фонъ-Шеллендорфъ, извѣстенъ также какъ военный писатель. Онъ сдѣланъ теперь военнымъ министромъ во второй разъ. Сперва онъ былъ преемникомъ генерала фонъ-Камеке, ровно 10 лѣтъ тому назадъ, въ 1883 году. При покойномъ Вильгельмѣ I, большое значеніе имѣлъ генералъ Альбедилль, бывший въ теченіе 18 лѣтъ начальникомъ военнаго кабинета императора. Теперь онъ состоитъ командиромъ корпуса, а его прежнее мѣсто занимаетъ генералъ Ханке. Первый офицерскій чинъ онъ получилъ въ 1851 году, участвовалъ во всѣхъ войнахъ, состоя постоянно въ штабѣ тогдашняго кронпринца, т. е. императора Фридриха III. Произведенный въ 1881 г. въ генералъ-майоры, онъ командовалъ 1-ю бригадою гвардейской пѣхоты, затѣмъ 2-ю гвардейскою дивизіей. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Вильгельмъ II назначилъ генерала Ханке начальникомъ своего военнаго кабинета; въ 1890 г. фонъ-Ханке произведенъ въ полные генералы. Генералъ Ханке игралъ роль и при увольненіи Бисмарка. Послѣ того, какъ начальникъ гражданскаго кабинета (канцеляріи) императора вручилъ Бисмарку приказъ объ отставкѣ, къ бывшему канцлеру явился начальникъ военнаго кабинета—съ благодарностью императора отъ имени арміи и съ приказомъ о производствѣ Бисмарка въ „генералъ-полковники“ съ титуломъ генералъ-фельдмаршала. Но важнѣе то, что генералу Ханке прежде всего было дано порученіе—объявить Бисмарку, что императоръ ждетъ отъ него прошенія объ отставкѣ. Это было 30 марта 1890 г. Затѣмъ уже

произошли упомянутыя обрядности со стороны какъ гражданскаго, такъ и военнаго кабинетовъ.

Въ числѣ военныхъ авторитетовъ въ Пруссіи, мы должны упомянуть и о нынѣшнемъ канцлерѣ имперіи, графѣ Каприви. Основываясь все на той же книгѣ—„Aus der militärischen Gesellschaft Berlins“, мы можемъ привести, что въ военной средѣ генералъ Каприви признается многостороннимъ знатокомъ военнаго дѣла и пользуется уваженіемъ, какъ высшихъ командировъ, такъ и старослуживыхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ. Въ войнѣ 1870—1871 гг. онъ былъ начальникомъ штаба X корпуса и оказалъ несомнѣнныя услуги. Въ дѣлѣ при Бомъ-Ла-Роландѣ (28 ноября 1870 года), которое положило конецъ успѣшному наступленію Орелль-де-Паладина, большая заслуга принадлежала именно—Каприви, и не подлежитъ сомнѣнію, что въ случаѣ большой войны, командованіе одной изъ главныхъ армій слѣдовало бы поручить нынѣшнему имперскому канцлеру—скромному, но заслуженному военному человѣку, который занялъ мѣсто такъ громко брэнчавшаго своимъ ландверскимъ палашомъ, штатскаго канцлера Бисмарка. Особымъ довѣріемъ императора генералъ Каприви пользуется давно. Вильгельмъ часто призывалъ его въ Берлинъ для исполненія особыхъ порученій, когда нынѣшній канцлеръ командовалъ X армейскимъ корпусомъ, что не мѣшало тому корпусу представляться императору на смотрахъ въ блестящемъ видѣ. Нельзя также не признать, что и въ высшей политической должности канцлера графъ Каприви, представляя совершенный контрастъ Бисмарку, не бросается въ разныя стороны и не забавляетъ публику талантливыми, остроумными выходками, съ безпрестанными самопротиворѣчіями, но за то проявляетъ выдержку, которая внушаетъ гораздо больше довѣрія.

IV.

Дилемма, представляемая вооруженіями и опасностью войны.

Выше мы останавливались надъ фактомъ, что въ Германіи убѣждены въ превосходствѣ ея арміи надъ арміями всѣхъ другихъ странъ, что уровень культуры и благосостоянія въ Германіи весьма высокъ и финансы ея, несмотря на меньшее, чѣмъ во Франціи, богатство, хорошо организованы. Изъ всего этого можно было бы извлечь такое заключеніе, что Германія скорѣе,

чѣмъ всякая другая держава, можетъ приступить къ войнѣ. Между тѣмъ, есть достаточные поводы судить объ этомъ иначе.

Несомнѣнно, что каждое правительство имѣетъ установившіеся взгляды, если не о томъ, чего данная страна могла бы лишиться въ случаѣ неудачи, то хотя бы о тѣхъ приобрѣтеніяхъ, которыя она могла бы сдѣлать при полномъ успѣхѣ, и оцѣниваетъ, насколько возможныя приобрѣтенія стоили бы тѣхъ громадныхъ жертвъ, какихъ потребуетъ война, при нынѣшнихъ средствахъ дѣйствія. Само собою разумѣется, что могутъ возникнуть обстоятельства непредвидѣнныя, можетъ проявиться такое всеобщее увлеченіе, что даже правительство, не расположенное къ войнѣ, будетъ принуждено на нее рѣшиться. Но все-таки, если, такъ сказать, нормальный взглядъ на ту перспективу, которая откроется войною, въ томъ или другомъ направленіи, у правительства выработана правильно, то, сообразно съ нимъ, правительство будетъ легче или труднѣе поддаваться вліянію случайностей, ведущихъ къ войнѣ, обыкновенно въ началѣ слабыхъ, а лишь въ послѣдствіи поддерживаемыхъ народными страстями.

Такъ, невозможно допустить, что государственные люди Франціи не обсудили и не выяснили себѣ того вопроса, насколько рѣшительная побѣда надъ Германіею, такая, которая дала бы возможность воссоединить съ Франціею утраченныя провинціи, а хотя бы и округлить ихъ — полоскою по самый Рейнъ, можетъ вознаградить за тѣ пожертвованія, которыхъ потребуетъ такая война, и есть ли вѣроятность допустить такой окончательный разгромъ Германіи Франціею, который сдѣлалъ бы надолго невозможною новую войну?

Точно такъ, и руководители германской политики, навѣрное, выработали себѣ взглядъ на возможныя послѣдствія войны какъ на томъ, такъ и на другомъ „фронтѣ“ и пришли къ опредѣленному сознанію того, могутъ ли быть желательными для Германіи даже такія послѣдствія удачи на западѣ или востокѣ, которыя бы сдѣлали возможнымъ приобрѣтеніе новыхъ значительныхъ территорій? Весьма можетъ быть, что нынѣшніе германскіе политики, вслѣдствіе послѣднихъ, сравнительно легкихъ побѣдъ, не касаются обратной стороны вопроса, не спрашиваютъ себя, что можетъ быть съ Германскою имперіею въ случаѣ ея пораженія Россіею или Франціею, и не вводятъ этой комбинаціи въ свои предположенія. Но не подлежитъ сомнѣнію, что они должны были задавать себѣ вопросъ: что въ дѣйстви-

тельности Германія могла бы выиграть при полной удачѣ и какъ ей придется поступить въ этомъ случаѣ? Для насъ, при разсмотрѣннн условій и послѣдствій войны, наиболѣе важна была именно эта часть вопроса, и мы, кажется намъ, ясно показали, что Германію должны удерживать отъ войны съ Россіею не только возможность неудачи, но и безвыгодность, даже затруднительность для самой Германіи того положенія, какое могли бы представить себѣ, подъ вліяніемъ крайняго оптимизма, германскіе политики, допустивъ даже самыя невѣроятныя размѣры временныхъ успѣховъ германскаго оружія.

Той увѣренности въ превосходствѣ своихъ военныхъ силъ, съ какою берлинскій кабинетъ, какъ это указано уже было нами, началъ и провелъ войну съ неприготовленною Франціей въ 1870 г., германское правительство нынѣ имѣть не можетъ, а между тѣмъ, затрудненія, какія бы предстали передъ Германіею, даже въ случаѣ удачной войны на „восточномъ фронтѣ“, столь велики, что это не можетъ не служить однимъ изъ тормазовъ противъ какихъ-либо наступательныхъ предпріятій. Могутъ приготовляться всевозможныя средства, но невѣроятна рѣшимость начать войну. Рискъ, какой представляетъ самая война, страшныя напряженія и жертвованія, которыхъ она потребуетъ, и, въ результатѣ, положеніе весьма сомнительное— все это, конечно, старательно обдумывается. И до сихъ поръ, несмотря на лежащее въ глубинѣ сознанія германскаго общества нѣкоторое нерасположеніе къ Россіи, объясненное нами выше, мнѣніе въ Германіи не склонялось къ войнѣ съ Россіей, не считало такую „предупредительную“ войну выгодною сохраненія мира и нынѣшняго положенія дѣлъ. Еслибы не существовало такого мирнаго настроенія, то германская политика пошла бы уже въ 1879 году за мнѣніемъ Мольтке, что слѣдовало немедленно обратить всѣ силы противъ Россіи.

Конечно, слѣдуетъ обращать вниманіе и на несовѣмъ согласныя съ общимъ настроеніемъ мнѣнія—толкающія къ войнѣ по тому соображенію, что все лучше, чѣмъ безконечныя жертвы на вооруженія. Но подобныя мнѣнія не остаются безъ возвращеній.

Развѣ и въ случаѣ удачной для Германіи войны эти опасенія и необходимость дальнѣйшихъ вооруженій исчезли бы? Россія, даже лишившись извѣстнаго числа губерній, все-таки осталась бы великаномъ, перевѣсь ея надъ Германіею, по численности населенія, возстановился бы въ какіе-нибудь де-

сятки лѣтъ путемъ естественнаго излишка въ приростѣ населенія и отсутствія эмиграціи, сравнительно съ Германією. Стало быть, эпоха усиленнаго милитаризма и тогда не минула бы для Германіи:

Поднятія же своего прироста населенія до одинаковаго уровня съ Россією Германія положительно не въ состояніи достигнуть. Для этого просто нѣтъ мѣста ни въ ея нынѣшнихъ границахъ, ни даже еслибы ей удалось подвинуть нѣсколько свою границу на востокъ: вѣдь и здѣсь земли — не пустыня, онѣ заняты населеніемъ, которое будетъ упорно защищать свой земледѣльческій бытъ. Государственные люди Германіи должны сознать, что приростъ ея населенія по-прежнему будетъ направляться въ Америку, гдѣ земля дешевле, гдѣ милитаризмъ не тяготѣетъ надъ экономическимъ бытомъ, гдѣ, однимъ словомъ, условія „борьбы за существованіе“ благопріятнѣе.

Война нынѣ никого не застанетъ неприготовленнымъ, а потому, никто и не можетъ быть впередъ увѣренъ въ своей побѣдѣ. При существованіи же такой неувѣренности, изложенныя выше соображенія о тѣхъ новыхъ трудностяхъ, какія были бы вызваны для Германіи даже какимъ-либо успѣхомъ при первой войнѣ съ Россіей, должны сильно дѣйствовать на истинныя виды германскихъ государственныхъ людей и народныхъ массъ, и въ самомъ дѣлѣ дѣйствуютъ, какъ это ясно отражается въ политической литературѣ. При этомъ еще, какъ сравнительныя силы обоихъ государствъ, такъ и климатическія и топографическія условія не позволяютъ прусскимъ политикамъ льстить себя иллюзією быстраго окончанія войны съ Россією. Россія, въ случаѣ ея успѣха, несравненно скорѣе можетъ принудить Германію къ миру, чѣмъ, въ обратномъ случаѣ, Германія—Россію.

А если въ Берлинѣ допускаютъ, что война можетъ продолжиться во всякомъ случаѣ болѣе года, то, конечно, отдають себѣ отчетъ и въ томъ, что Германіи было бы крайне трудно выдержать въ теченіе такого времени не только тѣ расходы и пожертвованія въ людяхъ, которыхъ потребовала бы война, но и тѣ экономическія явленія, какими она бы сопровождалась: прекращеніе привоза изъ Россіи и изъ Америки, недостатокъ въ хлѣбѣ, мясѣ и вообще предметахъ продовольствія для населенія, парализацію торговли, упадокъ промышленности, прекращеніе фабричныхъ работковъ.

Нужно ли лучшее доказательство всего выше сказаннаго,

чѣмъ слѣдующія слова адмирала Вернера ¹⁾: „въ случаѣ войны съ Россією, мы чрезъ нѣсколько недѣль (если по времени года запасы продовольствія уже будутъ близки къ истощенію) или черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, если непріятельскимъ судамъ удастся прекратить привозъ къ намъ хлѣба морскимъ путемъ, должны будемъ просить о мирѣ“. Онъ же замѣчаетъ далѣе, что въ будущей войнѣ будетъ рѣшаться судьба не нѣсколькихъ областей, но цѣлыхъ народовъ, что въ войну тройственного союза съ Францією и Россією по-неволѣ будетъ вовлечена вся Европа, за исключеніемъ развѣ Испаніи и Норвегіи, такъ какъ колоссальныя массы войскъ при своихъ передвиженіяхъ не будутъ имѣть возможности не нарушать нейтральныхъ территорій. „Блокированіе французскимъ флотомъ всего нашего побережья — отъ Эльбы до французской границы поставитъ насъ на краю пропасти, если только быстрое, побѣдоносное движеніе впередъ нашихъ войскъ не рѣшитъ дѣла раньше“.

Но, какъ нами было упомянуто, прежде, чѣмъ явилось бы уже настоящее бѣдствіе отъ голода, могутъ произойти на Западѣ опасныя революціонныя движенія. Дѣло въ томъ, что привозъ въ Европу заокеанскаго хлѣба можетъ уменьшиться и независимо отъ блокированія портовъ, а просто — вслѣдствіе высылки военныхъ крейсеровъ, которые будутъ захватывать морскіе грузы. Одна эта опасность такъ возвыситъ страховыя преміи, что хлѣбъ сильно вздорожаетъ, а затѣмъ, когда страховыя общества откажутся отъ страхованія грузовъ отъ захвата, то подвозъ хлѣба моремъ долженъ будетъ прекратиться.

Правда, и въ настоящее время, хотя нѣтъ войны оружіемъ, но уже ведется весьма серьезная борьба между народами — въ видѣ напряженія податныхъ силъ для постояннаго увеличенія вооруженій. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что война была бы желательнѣе, чѣмъ продленіе такого положенія дѣлъ, которое угрожаетъ экономическимъ истощеніемъ. Но и оно можетъ, наконецъ, привести къ осложненіямъ, еслибы въ разныхъ странахъ стали накапливаться значительныя недоимки въ прямыхъ налогахъ.

Что сказали бы, напр., рабочіе въ Пруссіи, еслибы послѣ высокаго обложенія русскаго хлѣба, въ угоду такъ называемымъ „аграріямъ“, правительство прибѣгло къ экзекуціонному взысканію недоимокъ въ податяхъ? Отвергая всякія соціалистическія фанта-

¹⁾ «Der Seekrieg». 1893, стр. 89.

зія, можно однако допустить, что съ тѣхъ поръ, какъ среди строя, основаннаго на экономической борьбѣ единицъ за существованіе, конкуренціи машинъ съ ручнымъ трудомъ, а крупныхъ капиталовъ съ мелкими, возникла еще непродуцительная борьба за существованіе между государствами, въ видѣ неопредѣленнаго возрастанія расходовъ на вооруженія—создалась новая и немалая опасность не только для внѣшняго, но и для внутренняго мира.

Время налоговъ все увеличивается; а между тѣмъ, достаточные классы не отказываются отъ навязыванія государству разныхъ монополій въ свою пользу и на счетъ народа. Прусскіе аграріи заставили государство обложить привозный хлѣбъ, а фабриканты въ разныхъ странахъ постоянно требуютъ все большаго обложенія другихъ привозныхъ продуктовъ и издѣлій. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что если государству угрожаютъ социальныя демократы, то съ другой стороны ему наносятъ вредъ и социальныя реакціонеры. Такъ, Р. Гнейстъ ¹⁾, высказавъ полное осужденіе стремленіямъ социалистовъ къ ниспроверженію существующаго порядка, прибавляетъ слѣдующее замѣчаніе: „и въ то время, какъ эта пропаганда сдерживается только силою государства, классы имущіе сами стремятся къ сходной съ нею цѣли, потому что ставятъ возвышеніе ихъ доходовъ, въ ущербъ общей пользѣ, въ задачу государства, указывая въ томъ „патріотическій“ интересъ и „реальную“ экономическую политику“.

Есть и другіе поводы сомнѣваться, чтобы Германія оказалась въ состояніи настойчиво переносить продолжительную войну. Образованные люди не могутъ не сознавать, что въ Германіи массы, такъ сказать, имѣютъ иные нервы, чѣмъ въ Россіи, что первыя уже болѣе впечатлительны, менѣе выносливы, менѣе способны къ беззавѣтному и продолжительному самоотреченію, такъ что, въ случаѣ великихъ бѣдствій, вслѣдствіе недостатка въ привозѣ продовольственныхъ продуктовъ и приостановки всякой промышленности, могъ бы произойти настоящій катаклизмъ.

Не могутъ также не дѣлаться сравненія выносливости государствъ относительно потери въ людяхъ; ясно, что для Россіи двойная, даже тройная потеря въ людяхъ имѣла бы меньшее нравственное и экономическое значеніе, чѣмъ единичная

¹⁾ „Der Rechtsstaat und die Verwaltungsgerichte in Deutschland“. Berlin, 1879. P. В. 1893. XII.

для Германіи. Гораздо болѣе значительная потеря въ людяхъ не остановитъ войны въ Россіи и не устранистъ мысль о новой войнѣ. Примѣры прошлаго поучаютъ, что Россію, при ея патриархальныхъ условіяхъ, при земледѣльческой общинѣ, при сравнительно меньшей экономической цѣнности работника, при безконечной готовности народа къ самопожертвованію, не заставитъ прекратить войну—сама по себѣ—потеря хотя бы милліона людей. Но на сосѣдей Россіи потеря втрое меньшаго числа солдатъ произведетъ такое впечатлѣніе, которое можетъ вызвать серьезныя послѣдствія. Съ другой стороны, въ Германіи имѣютъ въ виду и то, что Россія, столь могущественная въ оборонѣ, долгое еще время останется менѣе сильною для наступленія, пока не возрастетъ еще больше населеніе, не разовьется сѣтъ желѣзныхъ дорогъ до размѣровъ, существующихъ въ Германіи, наконецъ, пока не возрастетъ и наличность людей съ высшимъ образованіемъ какъ въ арміи, такъ и въ администраціи; стало быль, опасность для Запада отъ Россіи относится еще къ комбинаціямъ столь неблизкаго будущаго, что спрашивается, не найдетъ ли человѣчество до тѣхъ поръ иныхъ средствъ для разрѣшенія международныхъ споровъ, чѣмъ война, не ослабѣютъ ли и самыя причины, которыя возбуждаютъ ненависть между народами?

Но, говорятъ иные, до какой бы степени война ни представлялась нежелательною для германскаго народа, какъ бы германское общество ни было расположено противъ войны наступательной, однако въ характерѣ нынѣшняго германскаго монарха есть такія черты, которыя оправдываютъ опасенія, что война можетъ возникнуть совершенно неожиданно. Въ этомъ есть доля правды, но мы уже замѣтили, что между заявленіями Вильгельма II, иногда въ самомъ дѣлѣ неожиданными, и его дѣйствіями есть существенное различіе. Тѣмъ труднѣе на основаніи частой смѣны министровъ и генераловъ приписывать императору способность къ произвольному вызову войны, при тѣхъ безпримѣрныхъ доселѣ опасностяхъ, какія ее сопровождали бы нынѣ.

Съ другой стороны, вѣдь говорятъ же объ императорѣ Вильгельмѣ и то—такой слухъ передавался въ англійской и французской печати—что онъ питаетъ мысль о предложеніи всеобщаго разоруженія или сокращенія вооруженій. Мы уже указывали, что мысль эта пріобрѣтаетъ все больше сторонниковъ. Нѣмцы, въ свою очередь, считаютъ болѣе вѣроятнымъ неожиданный починъ къ войнѣ—со стороны Россіи, на томъ собственно осно-

ваніи, что у насъ расходы по вооруженію и содержанію войскъ не подлежатъ одинаковой гласности, какъ въ Германіи. Но это уже—соображеніе чисто-теоретическаго свойства, между тѣмъ какъ миролюбіе Россія достаточно доказано на дѣлѣ.

Не подлежитъ однако сомнѣнію, что система непрерывнаго возрастанія расходовъ на вооруженія представляетъ собой нѣчто безвыходное и должна внушать мысль о необходимости какого-либо международнаго соглашенія. Если же система эта продолжалась бы еще долгое время, то тогда могло бы въ самомъ дѣлѣ оправдаться изреченіе Аристотеля, что „каждое государство гибнетъ тогда, когда оно доводитъ до крайности тотъ принципъ, которымъ оно создано.“ Приведа эти слова, написанныя за 20 вѣковъ до нашего времени, одинъ нѣмецкій авторъ продолжаетъ такъ: „основнымъ принципомъ Германской имперіи является милитаризмъ, и если онъ не будетъ сдерживаемъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, то онъ можетъ привести Германію на край гибели, тѣмъ или другимъ путемъ, но въ особенности такимъ образомъ, что постоянное возрастаніе военныхъ тягостей неизбѣжно будетъ усиливать ряды социалистической партіи“¹⁾. И дѣйствительно, для полученія отъ рейхстага новыхъ средствъ на вооруженія, правительство нуждается въ помощи аграріевъ, а уступки, дѣлаемыя аграріямъ, непосредственно нарушаютъ интересы того именно класса, изъ котораго выходятъ съ году на годъ все болѣе многочисленныя новобранцы социализма.

Итакъ, въ отношеніи къ Германіи, мы, въ общемъ, пришли къ такому выводу, что война по ея инициативѣ, въ виду ея собственныхъ интересовъ, не представляется вѣроятною. Но мы должны однако обратить вниманіе еще и на то обстоятельство, что Германія, при извѣстныхъ условіяхъ, могла бы быть вовлечена въ войну не прямыми своими интересами, но интересами Австріи.

Ослабленная уже утратою своего предводительства въ германскомъ союзѣ и исключеніемъ изъ него, Австрія не можетъ не сознавать, что она еще съ каждымъ годомъ слабѣетъ по отношенію къ Россіи. Велѣдствіе быстрого прироста населенія въ великой славянской имперіи, постепеннаго развитія ея желѣзнодорожной сѣти и вообще подъема культуры, постоянно увеличиваетъ для Россіи возможность перейти къ политикѣ активной, въ случаѣ какихъ-либо серьезныхъ осложненій въ одномъ изъ

¹⁾ Tallichet «Zweibund und Dreibund».

балканскихъ государствъ, а тѣмъ болѣе въ случаѣ такого переворота въ Турціи, который вызвалъ бы необходимость рѣшить такъ или иначе грозный восточный вопросъ. Австрія уже съ давнихъ поръ, въ теченіе всего настоящаго столѣтія, завидовала всякому успѣху русской политики на Балканахъ и на устьѣ Дуная и постоянно противодействовала Россіи.

Но съ тѣхъ поръ, когда, благодаря именно Германіи, Австрія встала твердою ногой въ Босніи и Герцеговинѣ, она сама сдѣлалась, такъ сказать, прибалканской державой и потому, болѣе чѣмъ когда-либо, столкновеніе ея видовъ съ интересами русской политики можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, принять острый характеръ. Еслибы Австрія не могла азсчитывать на помощь Германіи, то, сознавая свою слабость въ сравненіи съ Россією, она въ будущемъ, несмотря даже на свою оккупацию Босніи и Герцеговины, можетъ быть, выказывала бы менѣе рѣшительную оппозицію видамъ Россіи, чѣмъ въ былыя времена. Но Австрія находится въ союзѣ съ Германскою имперіей, а потому весьма вѣроятно, что, въ случаѣ дипломатическаго столкновенія по восточнымъ дѣламъ, тонъ австрийской политики былъ бы никакъ не менѣе рѣшительнымъ, чѣмъ прежде. И вотъ тогда явится вопросъ: могла ли бы Германія предоставить Австрію собственнымъ ея силамъ въ войнѣ съ Россією, то-есть—неизбѣжной въ такомъ случаѣ гибели?

Правда, сколько-нибудь значительныхъ замѣшательствъ въ христіанскихъ государствахъ Балканскаго полуострова можетъ и не произойти въ ближайшее время, а тѣмъ болѣе открытіе наслѣдства послѣ Оттоманской имперіи можетъ отсрочиться до поры отдаленной, когда, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ уже будутъ найдены какія-либо средства для разрѣшенія международныхъ споровъ безъ войны, такъ что и новое разграниченіе на Балканскомъ полуостровѣ могло бы состояться путемъ мирнаго соглашенія между заинтересованными націями, при посредничествѣ и подъ давленіемъ всей Европы. Необходимость пріостановиться въ международной „скачкѣ“ на полѣ вооруженій и расходовъ уже нынѣ сильно даетъ себя чувствовать, а потому въ такомъ предположеніи нельзя уже видѣть одну химеру.

Но ближайшая опасность представляется въ томъ, что, въ предвидѣніи возможности необыкновенныхъ происшествій на Балканскомъ полуостровѣ, сама Австрія ведетъ политику своеобразную, которая можетъ сообщить раздражающій характеръ случайностямъ вовсе не важнымъ, но непредвидѣннымъ,

три возникновеніи которыхъ все можетъ зависѣть прямо отъ того „тона“, какой будетъ приданъ первымъ заявленіямъ. Но для того, чтобы взвѣснить соотношеніе и сравнительное значеніе cadaго изъ указанныхъ нами вліяній, пришлось бы справиться съ свидѣтельствомъ исторіи и коснуться вопроса о соревнованіи германской расы съ славянскою на востокѣ Европы. Только послѣ того можно было бы высказать сколько-нибудь обоснованныя предположенія о настроеніяхъ, какія могли бы, въ случаѣ войны на Востокѣ, проявиться въ самой австрійской арміи, состоящей изъ элементовъ разноязычныхъ и разновѣрныхъ.

Быть можетъ, въ дополненіе къ изученію условій „будущей войны“, мы и рассмотримъ отдѣльно этотъ, уже болѣе политическій, чѣмъ военный, вопросъ. И вотъ, только тогда, когда, такимъ образомъ, вслѣдъ за изложеніемъ новыхъ средствъ и возможныхъ причинъ войны, былъ бы уже дополненъ матерьялъ для сужденія о тѣхъ настроеніяхъ, какія могутъ проявиться въ арміяхъ главныхъ странъ Европы, возможно было бы обнять взоромъ весь отличительный ея характеръ.

И. БЛЮХЪ.

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 10 Декабря 1893 г.

Типогр. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

JHC 111

JHC 111